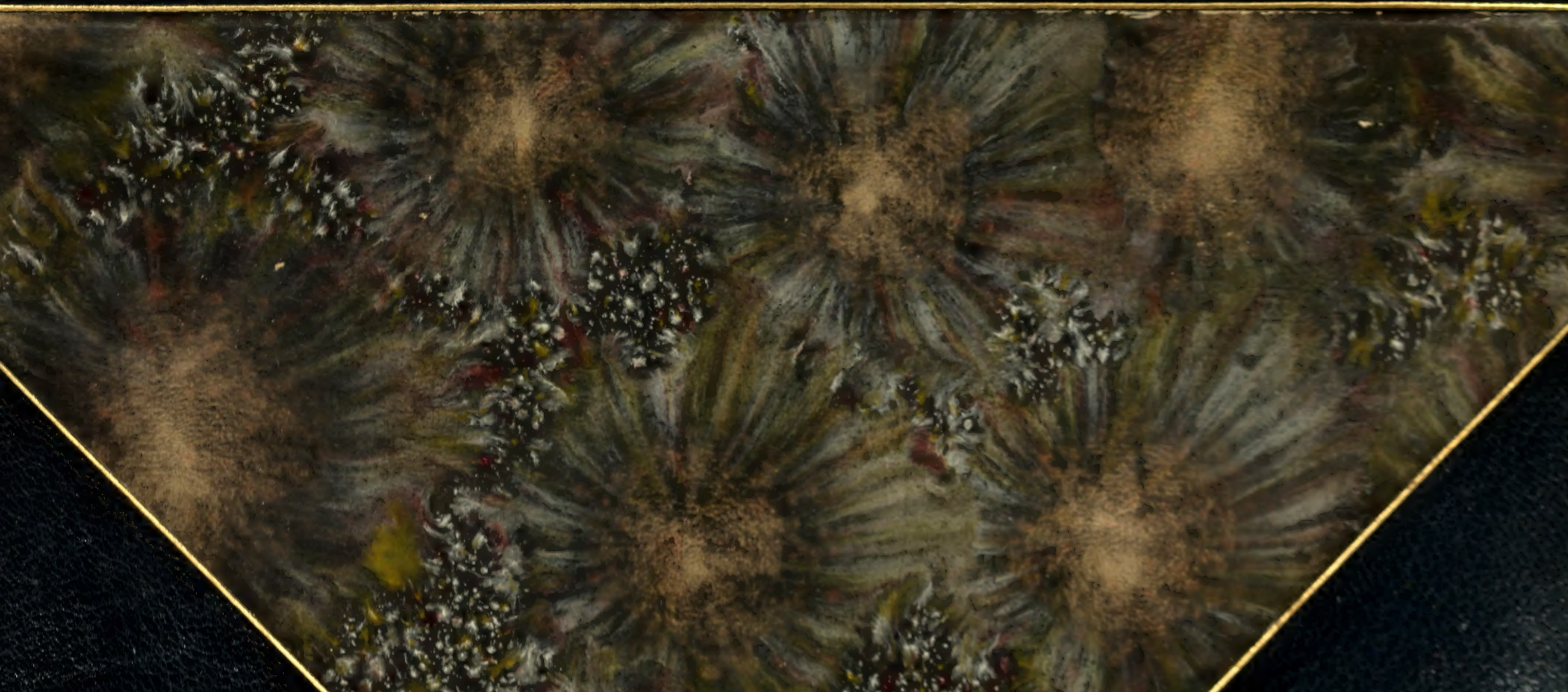
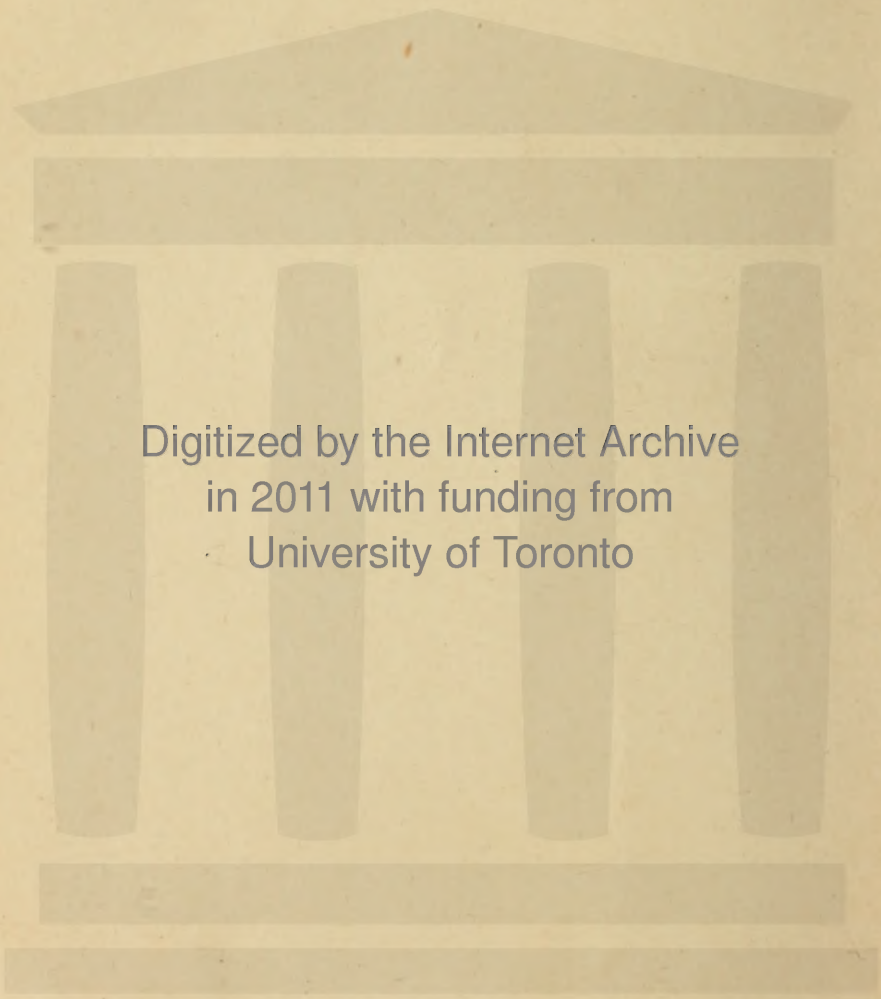
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01744444 9



INTED IN RUSSIA


Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranies09lesk

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

LR
L6266
Leskov, Nikolai Semenovich
Polnoe sobranie sochineny

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

2.12d.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго, съ приложеніемъ пяти портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

v.9-10

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

На ножахъ. IV, V, VI части и Эпилогъ.

541989
29.5.52

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, № 1.

НА НОЖАХЪ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

IV, V и VI ЧАСТИ.

Часть четвертая.

МЕРТВЫЙ УЗЕЛЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тикъ и такъ.

Рана, нанесенная Подозерову предательскимъ выстрѣломъ Горданова, была изъ ранъ тяжкихъ и опасныхъ, но не безусловно смертельныхъ, и Подозеровъ не умеръ. Излѣченіе такихъ сквозныхъ ранъ на вылетъ въ грудь подъ пятое ребро слѣва относятъ къ разряду чудесныхъ; на самомъ же дѣлѣ здѣсь гораздо менѣе принадлежитъ чуду врачевства, чѣмъ случаю. Все зависитъ отъ момента пролета пули по области, занимаемой сердцемъ. Отправленія сердца, какъ извѣстно, производятся постояннымъ его сокращеніемъ и расширеніемъ; эти попеременно одинъ за другимъ слѣдующіе моменты, называемые въ медицинѣ systole и diastole, даютъ два звука: *тикъ* и *такъ*.

Въ первомъ изъ нихъ органъ сокращается въ продольномъ своемъ діаметрѣ и оставляетъ около себя мѣсто, по которому стороннее тѣло можетъ пройти насквозь черезъ грудь человѣка, не коснувшись сердца и не повредивъ его. Назадъ тому очень немного лѣтъ, въ Москвѣ одинъ извѣстный злодѣй, въ минуту большой опасности быть пойман-

нымъ, выстрѣлилъ себѣ въ сердце и остался живъ, потому что сердце его въ моментъ прохожденія пули было въ состояніи сокращенія: сердце Подозерова тоже сказало «тикъ» въ то время, когда Гордановъ рѣшалъ «такъ». Подозеровъ остался жить, но тѣмъ не менѣе онъ остановился на самомъ краю гроба: легкія его были поранены, и за этимъ послѣдовали и кровоизліяніе въ полость груди, и удушающая легочная опухоль, и травматическая лихорадка. Прошло около мѣсяца послѣ бойни, устроенной Гордановымъ, а Подозеровъ все еще былъ ближе къ смерти, чѣмъ къ выздоровленію. Опасная лихорадка не уступала самому внимательному и искусному лѣченію.

На дворѣ въ это время стояли человѣконенавистные дни октября: ночью мокрая вьюга и изморозь, днемъ ливень, и въ промежуткахъ тяжелая сѣрая мгла; грязь и мощеныхъ, и немощеныхъ улицъ растворилась и топила и пѣшаго, и коннаго. Мокрые заборы, мокрыя крыши и запотѣлыя окна словно плакали, а осклизшія деревья садовъ, доставлявшихъ лѣтомъ столько пріятной тѣни своею зеленью, теперь безпокойно качались и, скрипя на корняхъ, хлестали черными вѣтвями по стекламъ не закрытыхъ ставнями оконъ и наводили унынie.

Спальня Подозерова, гдѣ онъ лежалъ, была комната средней величины; она выходила въ садъ двумя окнами, въ которыя такимъ образомъ жутко стучали голыя вѣтви. Во все это время Андрей Ивановичъ не возвращался къ сознательной жизни человѣка: онъ былъ чуждъ всякихъ заботъ и желаній и жилъ лишь спеціальною жизнію больного. Онъ постоянно или находился въ полузабытьѣ, или, приходя въ себя, сознавалъ лишь только то, на что обращали его вниманіе; отвѣчалъ на то, о чемъ его спрашивали; думалъ о томъ, что было предполагаемо ему для отвѣта, и никакъ не далѣе. Собственной инициативы у него не было ни въ чемъ. Все прошедшее для него не существовало; никакое будущее ему не мерещилось; все настоящее сосредоточивалось въ данной краткой терціи, потребной для сознанія

предложеннаго вопроса. Онъ называлъ по именамъ Катерину Астафьевну Форову, генеральшу и Ларису, которыхъ во все это время постоянно видѣлъ предъ собою, но ни разу не остановился на томъ, почему здѣсь, возлѣ него, находятся именно эти, а не какія-нибудь другія лица; онъ ни разу не спросилъ ни одну изъ нихъ, отчего всѣ онѣ такъ измѣнились; отчего Катерина Астафьевна осунулась, и всѣ ея волосы сплошь побѣлѣли; отчего также похудѣла и пожелтѣла генеральша Александра Ивановна и нѣтъ въ ней того спокойствія и самообладанія, которыя однихъ такъ успокоивали, а другимъ давали столько матеріала для разсужденій о ея безчувственности. Его не интересовало, отчего онъ, открывая глаза, такъ часто видитъ ее въ какомъ-то окаменѣломъ состояніи, со взглядомъ, неподвижно вперенным въ пустой уголъ полутемной комнаты; отчего бѣлые пальцы ея упертой въ високъ руки нетерпѣливо движутся и хрустятъ въ своихъ суставахъ. Ему было все равно. Лара, пожалуй, еще больше могла остановить на себѣ его вниманіе, но онъ не замѣчалъ и того, что сталось съ нею. Лариса не похудѣла, но ея лицо... погрубѣло. Она подурнѣла. На ней лежалъ слѣдъ страданія тяжелаго и долгаго, но страданія не очищающаго и возвышающаго душу, а гнетущаго страхомъ и досадой. Подозеровъ ничего этого не наблюдалъ и ни надъ чѣмъ не останавливался. Объ отсутствующихъ же нечего было и говорить: онъ во всю свою болѣзнь ни разу не вспомнилъ ни про Горданова, ни про Виленева, не спросилъ про Филетера Ивановича и не полюбопытствовалъ, почему онъ не видалъ возлѣ себя корнастаго майора, а между тѣмъ въ положеніи всѣхъ этихъ лицъ произошли значительныя перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ ними въ концѣ третьей части нашего романа.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гдѣ обрѣтается Форовъ.

Вспомянутый нами майоръ Форовъ еще до сего времени не возвращался домой съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его

ѣдущимъ на дрожкахъ съ избитымъ имъ квартальнымъ надзирателемъ. На майора Форова обрушились всѣ напасти: его воинственнымъ поступкомъ было какъ бы затушовано на время преступленіе Горданова. Уличная сцена майора, составлявшая относительно нѣсколько позднѣйшую новость дня, была возведена въ степень важнаго событія, за которымъ дуэль Подозерова сходила на степень событія гораздо низшаго. Тотъ самый вице-губернаторъ, котораго такъ безцеремонно и нагло осмѣивалъ Гордановъ, увидѣлъ въ поступкѣ Форова вѣрное средство подслужиться общественному мнѣнію, заинтересованному бравурствами Павла Николаевича, и ринулся со всею страстію и суровостью на безпомощнаго майора. Молодые, прилизанные и защитые въ вицъ-мундиры канцелярскія шавки, изъ породы еще не сознающихъ себя гордановцевъ, держали ту же ноту. Въ кабинетѣ начальника было изречено слово о немедленномъ же и строжайшемъ арестѣ майора Форова, оказавшаго примѣръ такого явнаго буйства и оскорбленія должностного лица въ канцеляріяхъ слово это облеклось плотію; тамъ строчились бумаги, открывавшія Филетеру Ивановичу тяжелыя двери тюрьмы, и этими дверями честный майоръ былъ отъ дѣленъ отъ міра, въ которомъ онъ оказался вреднымъ и опаснымъ членомъ. О другихъ герояхъ этого дня пока было словно позабыто; нѣкоторымъ занимавшимся ихъ судьбой мнилось, что Горданова и Подозерова ждетъ тягчайшая участь впереди; но справедливость требуетъ сказать, что двумя этими субъектами занимались лишь очень немногіе изъ губернскаго бомонда; наибольшее же вниманіе массъ принадлежало майору. По исконному обычаю массъ радоваться всякимъ напастямъ полиціи, у майора вдругъ нашлось въ городѣ очень много друзей, которые одобряли его поступокъ и передавали его изъ устъ въ уста съ самыми невѣроятными преувеличеніями, доходившими до того, что майоръ вдругъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатыря, одареннаго такою силой, что̀ возьметъ онъ за руку—летитъ рука прочь, схватитъ за ногу—нога прочь. Говорили, будто

бы Филетеръ Ивановичъ совсѣмъ убилъ квартальнаго, и утверждали, что онъ даже хотѣлъ перебить все начальство во всемъ его составѣ, и непремѣнно исполнилъ бы это, но не выполнилъ такой программы лишь только по неполученію своевременно надлежащаго подкрѣпленія со стороны общества, и былъ заключенъ въ тюрьму съ помощію цѣлаго батальона солдатъ. Въ городѣ оказалось очень много людей, которые искренно сожалѣли, что майору не была оказана надлежащая помощь; въ тюрьму, куда посадили Филетера Ивановича, начали притекать обильныя приношенія булками, пирогами съ горохомъ и вареною рыбой, а одна купчиха-вдова, ведшая тридцатилѣтнюю войну съ полиціей, даже послала Форову красный мѣдный чайникъ, фунтъ чаю, пуховикъ, двѣ подушки въ темныхъ ситцевыхъ наволочкахъ, частый роговой гребень, банку персидскаго порошку, соломенныя бирюльки и пучокъ сухой травы. Майоръ принялъ все, не исключая травы и бирюлекъ, которыя онъ выровнялъ и устроилъ изъ этого приношенія очень удобныя стельки въ свои протекшіе сапоги. Затѣмъ онъ преспокойно усѣлся жить въ острогѣ, согрѣвая себя купчихинымъ чаемъ изъ ея же мѣднаго чайника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Каково поживаютъ другіе.

Что касается до Горданова, Подозерова и Висленева, то о нихъ вспомнили только на другой день и, въ виду болѣзненнаго состоянія Горданова и Подозерова, подчинили ихъ домашнему аресту въ ихъ собственныхъ квартирахъ; когда же пришли къ Висленеву съ тѣмъ, чтобы пригласить его переѣхать на гауптвахту, то нашли въ его комнатѣ только обрывки газетныхъ листовъ, которыми Іосафъ Платоновичъ обвертывалъ вещи; самъ же онъ еще вчера вечеромъ уѣхалъ Богъ вѣсть куда. Спрошенная о его исчезновеніи, сестра его Лариса не могла дать никакого опредѣлительнаго отвѣта, и это вовсе не было съ ея стороны лу-

кавствомъ: она въ самомъ дѣлѣ не знала, куда скрылся Іосафъ. Она разсталась съ братомъ еще утромъ, когда онъ, возвратясь съ поединка, сразилъ ее вѣстью о смерти Подозерова. Не отходя съ той поры отъ постели умирающаго, Лариса ничего не знала о своемъ братѣ, людямъ же было извѣстно лишь только то, что Іосафъ Платоновичъ вышелъ куда-то вскорѣ за бросившеюся изъ дому барышней и не возвращался домой до вечера, а потомъ пришелъ, уложилъ самъ свои саквояжи, и какъ уѣхалъ, такъ уже и не возвращался. Къ розысканію его велѣно было принять самыя тщательныя мѣры, заключающіяся у насъ, какъ извѣстно, въ перепискѣ изъ части въ часть, изъ квартала въ кварталъ,—мѣры, приносящія какую-нибудь пользу тогда лишь, когда тотъ, о комъ идетъ дѣло, самъ желаетъ быть пойманнымъ.

Прошелъ мѣсяцъ, а о Висленевѣ не было ни слуху, ни духу. Исчезновеніе его было загадкой и для сестры его, и для тетки, которыя писали ему въ Петербургъ на имя его жены, но письма ихъ оставались безъ отвѣта,—на что, впрочемъ, и Катерина Астафьевна, и Лариса, занятыя положеніемъ ближайшихъ къ нимъ лицъ, не слишкомъ и сѣтовали. Но наконецъ пришелъ отвѣтъ изъ Петербурга путемъ офиціальнымъ. Мѣстная предержащая власть сносилась съ подлежащею властью столицы о разысканіи Висленева и получила извѣстіе, что Іосафъ Платоновичъ въ Питерѣ не появлялся. Да и зачѣмъ ему было туда ѣхать? Чтобы попасть въ лапы своей жены, отъ которой онъ во-время своей кочевки уже немножко эмансипировался? Онъ даже льстилъ себя надеждой вовсе отъ нея освободиться и начать свое «независимое существованіе», на что приближающееся его сорокалѣтіе давало ему въ собственныхъ глазахъ нѣкоторое право. Но куда онъ исчезъ и пропалъ? Это оставалось тайной для всѣхъ... для всѣхъ, кромѣ одного Горданова, который недѣли чрезъ двѣ послѣ исчезновенія Висленева получилъ изъ-за границы письмо, писанное рукой Іосафа Платоновича, но за подписью Espérance. Въ этомъ письмѣ

злополучная Espérance, въ которой Гордановъ отгадалъ брата Ларисы, жаловалась безжалостному Павлу Николаевичу на преслѣдующую ее роковую судьбу и просила его «во имя ихъ прежнихъ отношеній» прислать ей денегъ на имя общаго ихъ знакомаго Joseph W. Гордановъ прочелъ это письмо и бросилъ его безъ всякаго вниманія. Онъ, во-первыхъ, не видѣлъ къ эту минуту никакой надобности дѣлиться чѣмъ бы то ни было съ Висленевымъ, а во-вторыхъ, ему было и недосужно. Павелъ Николаевичъ самъ собирался въ путь и преодолѣвалъ затрудненія, возникавшія предъ нимъ по случаю собственной его подсудимости. Препятствія эти казались неодолимыми, но Гордановъ поборолъ ихъ и, съ помощію ходатайствовавшаго за него предъ властями Бодростина, уѣхалъ въ Петербургъ къ Михаилу Андреевичу, оставивъ по себѣ поручительство, что онъ явится къ слѣдствію, когда возвращеніе къ Подозерову сознанія и силъ сдѣлаетъ возможными нужныя съ его стороны показанія. Гордановъ представилъ цѣлый рядъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, что весьма важныя предпріятія потерпятъ и разрушатся отъ стѣсненія его свободы, и стѣсненіе это было расширено. Въ нашъ вѣкъ предпріятій нельзя отказывать въ такихъ мелочахъ крупному предпринимателю, какимъ несомнѣнно представлялся Гордановъ всѣмъ или почти всѣмъ, кромѣ развѣ Подозерова, Форова, Катерины Астафьевны и генеральши, которые считали его не болѣе какъ большимъ мошенникомъ. Но имъ было теперь не до него; одинъ изъ этихъ людей лежалъ на краю гроба, другой философствовалъ въ острогѣ, а женщины переходили отъ одного страдальца къ другому и не останавливались на томъ, что дѣлается съ негодяями.

Было и еще одно лицо, которое и эту оцѣнку для Горданова признавало слишкомъ преувеличенною: это лицо, находившее, что для Павла Николаевича слишкомъ много, чтобъ его признавали «большимъ мошенникомъ», была Глафира Васильевна Бодростина, непостижимо тихо и ловко спрятавшаяся отъ молвы и очей во время всей послѣдней

передряги по поводу поединка. Она уѣхала въ деревню и во все это время, употребляя ея же французскую фразеологію, она была sous le banc. При всемъ провинціальномъ досужествѣ, про нее никто не вспомнилъ ни при одной смѣтѣ. Но она не забыла своихъ слугъ и друзей. Ея ловкая напрактикованная горничная пріѣзжала въ городъ и была два раза у Горданова. Глафира Васильевна, очевидно, была сильно заинтересована тѣмъ, чтобъ Павелъ Николаевичъ получилъ возможность выѣхать въ Петербургъ, но во всѣхъ хлопотахъ объ этомъ она не приняла ни малѣйшаго, по крайней мѣрѣ видимаго, участія. Ея словно не было въ живыхъ и о ней только невзначай вспомнили два или три человѣка, которые, возвращаясь однажды ночью изъ клуба, неожиданно увидѣли слабый свѣтъ въ окнахъ ея комнаты; но и тутъ, по всѣмъ наведеннымъ на другой день справкамъ, оказалось, что Глафира Васильевна пріѣзжала въ городъ на короткое время и затѣмъ выѣхала. Куда? Объ этомъ узнали не скоро. Она уѣхала не назадъ въ свою деревню, а куда-то далеко: одни предполагали, что она отправилась въ Петербургъ, чтобы, пользуясь болѣзнью Горданова, отговорить мужа отъ рискованнаго предпріятія устроить фабрику мясныхъ консервовъ, въ которое вовлекъ его этотъ Гордановъ, давній врагъ Глафиры, котораго она ненавидѣла; другіе же думали, что она, разсорясь съ мужемъ, поѣхала кутнуть за границу. Сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о направленіи, принятомъ Глафирой, имѣлъ одинъ лишь торопливо отъѣзжавшій изъ города Павелъ Николаевичъ Гордановъ, но онъ, разумѣется, никому объ этомъ ничего не говорилъ. Откровенность въ этомъ случаѣ не была въ его планахъ, да ему было некогда: онъ самъ только что получилъ разрѣшеніе съѣздить подъ поручительствомъ въ Петербургъ и торопился несказанно. Эта торопливость его въ значительной мѣрѣ поддерживала то мнѣніе, что Бодростина поѣхала къ мужу разрушать пагубное вліяніе на него Горданова, и что сей послѣдній гонится за нею, открывая такимъ образомъ игру въ кошку и мышку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кошка и мышка

Въ догадкѣ этой было нѣчто намекающее на что-то существовавшее на самомъ дѣлѣ. Гордановъ и Глафира должны были встрѣтиться, но какъ и гдѣ?.. На это у нихъ было расписаніе.

Подъѣзжая къ московскому дебаркадеру желѣзной дороги, по которой Гордановъ утекалъ изъ провинціи, онъ тревожно смотрѣлъ изъ окна своего вагона и вдругъ покраснѣлъ, увидѣвъ прохаживающуюся по террасѣ высокую даму въ длинной бархатной тальмѣ и такой же круглой шляпѣ, съ густымъ вуалемъ. Дама тоже замѣтила его въ окнѣ, и они оба кивнули другъ другу и встрѣтились на платформѣ безъ удивленія неожиданности, какъ встрѣчаются два агента одного и того же дѣла, съѣхавшіеся по своимъ обязанностямъ. Дама эта была Глафира Васильевна Бодростина.

— Vous êtes bien aimable, сказалъ ей Гордановъ, сходя и протягивая ей свою руку.—Я никакъ не ожидалъ, чтобы вы меня даже встрѣтили.

Бодростина вмѣсто отвѣта спокойно подала ему свою правую руку, а лѣвою откинула вуаль. Она тоже нѣсколько перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы ее видѣли отъѣзжавшею изъ хуторка генеральши съ потерпѣвшимъ тогда неожиданное пораженіе Гордановымъ. Глафира Васильевна немного поблѣднѣла, и прекрасные говорящіе глаза ея утратили свою безпокойную тревожность: они теперь смотрѣли сосредоточеннѣе и спокойнѣе, и на всемъ лицѣ ея выражалась сознательная рѣшимость.

— Я васъ ждала съ нетерпѣніемъ,—сказала она Гордановy, сходя съ нимъ подъ руку съ крыльца дебаркадера вслѣдъ за носильщиками, укладывавшими на козлы наемной кареты щегольскіе чемоданы Павла Николаевича.—Мы должны видѣться здѣсь въ Москвѣ самое короткое время и потомъ разстаться, и можетъ быть очень надолго.

— Ты развѣ не ѣдешь въ Петербургъ?

— Я въ Петербургъ не ѣду; вы поѣдете туда одни и непремѣнно завтра же; я тоже уѣду завтра, но намъ не одна дорога.

— Ты куда?

— Я ѣду заграницу, ну садись, пожалуйста, въ карету; теперь мы еще ѣдемъ вмѣстѣ.

— Я не рѣшилъ, гдѣ мнѣ остановиться, проговорилъ Гордановъ, усаживаясь въ экипажъ.—Ты гдѣ стоишь? Я могу пристать гдѣ-нибудь поближе или возьму нумеръ въ той же гостинницѣ.

— Вы остановитесь у меня,—отвѣтила ему скороговоркой Бодростина и, высунувшись изъ окна экипажа, велѣла кучеру ѣхать въ одну изъ извѣстнѣйшихъ московскихъ гостинницъ.

— Я тамъ живу уже недѣлю въ ожиданіи моего мужа, добавила она, обращаясь къ Горданову.—У меня большой семейный нумеръ, и вамъ вовсе нѣтъ нужды искать для себя другого помѣщенія и понапрасно прописываться въ Москвѣ.

— Ты, значитъ, дѣлаешь меня на это время своимъ мужемъ? Это очень обязательно съ твоей стороны.

Бодростина равнодушно посмотрѣла на него.

— Что ты на меня глядишь такимъ уничтожающимъ взглядомъ?

— Ничего, я такъ только немножко вамъ удивляюсь.

— Чему и въ чемъ?

— Намъ не къ лицу эти лица. Я везу васъ къ себѣ просто для того, чтобы вы не прописывали въ Москвѣ своего имени, потому что вамъ его, можетъ быть, не совсѣмъ удобно выставлять на коридорной дощечкѣ, мимо которой ходятъ и читаютъ всѣ и каждый.

— Да, понимаю, понимаю. Довольно.

— Кажется понятно.

И затѣмъ Глафира Васильевна, не касаясь никакихъ воспоминаній о томъ, что было въ покинутомъ захолустьѣ,

не особенно сухимъ, но серьезнымъ и дѣловымъ тономъ заговорила съ Гордановымъ о томъ, что онъ долженъ совершить въ Петербургѣ въ качествѣ ея агента при ея мужѣ. Все это заключалось въ нѣсколькихъ словахъ, что Павелъ Николаевичъ долженъ способствовать старческимъ слабостямъ Михаила Андреевича Бодростина къ графинѣ Казимирѣ и спутать его съ нею какъ можно скандальнѣе и крѣпче. Гордановъ все это слушалъ и наконецъ возразилъ, что онъ только не понимаетъ, зачѣмъ это нужно, но не получилъ никакого отвѣта, потому что экипажъ въ это время остановился у подъѣзда гостиницы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Nota bene на всякій случай.

Нумеръ, который занимала Бодростина, состоялъ изъ четырехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ и устланныхъ сплошь пушистыми, нѣкогда весьма дорогими коврами. Комнаты отдѣлялись одна отъ другой массивными перегородками изъ орѣховаго дерева, съ тяжелою рѣзьбой и точеными украшеніями въ полуготическомъ, полурусскомъ стилѣ. Длинная комната направо изъ передней была занята подъ спальню и дорожный будуаръ Глафиры, а квадратная комнатка безъ окна, влѣво изъ передней, вмѣщала въ себѣ застланную свѣжимъ бѣльемъ кровать, комодъ и нѣсколько стульевъ.

Эту комнату Глафира Васильевна и отвела Гордонову и велѣла въ ней положить прибывшіе съ нимъ пожитки.

— Гдѣ же ваша собственная прислуга?—полюбопытствовалъ Гордановъ, позируя и оправляясь предъ зеркаломъ въ ожиданіи умыванья.

— Со мною нѣтъ здѣсь собственной прислуги, отвѣчала Бодростина.

— Такъ вы путешествуете однѣ?

Глафира Васильевна слегка прижала нижнюю губу и склонила голову, что̀ Гордановъ могъ принять и за утвер-

дительный отвѣтъ на его предположеніе, но что точно также удобно можно было отнести и просто къ усиліямъ, съ которыми Бодростина въ это время открывала свой дорожный письменный бюваръ.

Пока Павелъ Николаевичъ умывался и прихорашивался, Бодростина писала, и когда Гордановъ взошелъ къ ней съ сигарой въ зубахъ, одѣтый въ тепленькую плюшевую курточку цвѣта шерсти молодого бобра, Глафира подняла на него глаза и, улыбнувшись, спросила:

— Что это за костюмъ?

— А что такое?—отвѣчалъ, оглядываясь, Гордановъ.— Что за вопросъ? а? что тебѣ кажется въ моемъ платьѣ?

— Ничего... платье очень хорошее и удобное, чтобъ отъ долговъ бѣгать. Но какъ вы стали тревожны!

— Чему же вы это приписываете?

Бодростина пожала съ чуть замѣтною улыбкой плечами и отвѣчала:

— Вѣроятно, продолжительному сношенію съ глупыми людьми: это злитъ и портитъ характеръ.

— Да; вы правы—это портитъ характеръ.

— Особенно у тѣхъ, у кого онъ и безъ того былъ всегда гадокъ.

Гордановъ хотѣлъ отшутиться, но, взглянувъ на Бодростину и видя ее снова всю погруженною въ писаніе, походилъ, посвисталъ и скрылся назадъ въ свою комнату. Тутъ онъ пошуршалъ въ своихъ саквояжахъ и, появясь черезъ нѣсколько минутъ въ пальто и въ шляпѣ, сказалъ:

— Я пойду пройдусь.

— Да; это прекрасно, отвѣчала Бодростина,—только закутывайся хорошенько повыше кашне и надвигай пониже шляпу.

Гордановъ слегка покраснѣлъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Ну ужъ это даже не совсѣмъ и остроумно.

— Я вовсе и не хочу быть съ вами остроумною, а говорю просто. Вы въ самомъ дѣлѣ поди походите, а я здѣсь кончу нужныя письма и въ пять часовъ мы будемъ обѣдать.

Здѣсь прекрасный поваръ. А кстати, можете вы мнѣ оказать услугу?

Сдѣлайте одолженіе, приказывайте, отвѣчалъ сухо Гордановъ, поправляя рукой загибъ своего мѣхового воротника.

— J'ai bon appétit aujourd'hui. Скажите, пожалуйста, чтобы для меня, между прочимъ, велѣли приготовить fricandeau sauce piquante. C'est délicieux, et j'espère que vous le trouverez à votre goût.

— Извольте, отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ и, поворотясь, вышелъ въ коридоръ.

Это его обидѣло.

Онъ позвалъ слугу тотчасъ, какъ только переступилъ порогъ двери, и передалъ ему приказаніе Бодростиной. Онъ исполнилъ все это громко, нарочно съ тѣмъ, чтобы Глафира слышала, какъ онъ обошелся съ ея порученіемъ, въ которомъ Павелъ Николаевичъ видѣлъ явную цѣль его унизить.

Гордановъ былъ жестоко золъ на себя и, быстро шагая по косымъ тротуарамъ Москвы, проводилъ самыя нелестныя для себя параллели между самимъ собою и своимъ bête noire, Іосафомъ Висленевымъ.

— Недалеко, недалеко я отбѣжалъ отъ моего бѣднаго пріятеля, говорилъ онъ, вспоминая свои собственныя продѣлки съ наивнымъ Жозефомъ и приводя въ сопоставленіе съ ними то, что можетъ дѣлать съ нимъ Бодростина. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что и его положеніе въ сущности немного прочнѣе положенія Висленева.

— Не все ли равно, разсуждалъ онъ:—я верховодилъ этимъ глупымъ Ясафкой по поводу сотни рублей; мною точно также верховодятъ за нѣсколько большія суммы. Мы оба одного разбора, только разныхъ сортовъ, оба лѣнтяи, оба хотѣли подняться на фу-фу, и одна намъ и честь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Итогъ для новой смѣты.

Гордановъ припомнилъ, какія онъ роли отыгрывалъ въ провинціи и какой страхъ нагонялъ онъ тамъ на добрыхъ людей, и ему даже стало страшно.

— Что, соображалъ онъ,—еслибъ изъ нихъ кто-нибудь зналъ, на какомъ тонкомъ-претонкомъ волоскѣ я мотаюсь? Еслибы только кто-нибудь изъ нихъ пронюхалъ, что у меня подъ ногами нѣтъ никакой почвы, что я зависимѣе каждаго изъ нихъ, и что пропустить меня и сквозь сито, и сквозь рѣшето зависитъ вполнѣ отъ одного каприза этой женщины?.. Какъ бы презиралъ меня самый презрѣнный изъ нихъ! И онъ былъ бы правъ и тысячу разъ правъ.

Но полно, такъ ли? Отъ каприза ли ея я, однако, завишу? разсуждалъ онъ далѣе, приподымая слегка голову.— Нѣтъ: я ей нуженъ: я ея сообщникъ, я ея bravo, ея наемный убійца; она не можетъ безъ меня обойтись... Не можетъ?... А почему не можетъ?.. Во мнѣ есть рѣшительность, есть воля, есть характеръ,—однимъ словомъ, во мнѣ есть свойства, на которыя она разсчитываетъ и которыхъ нѣтъ у каждаго встрѣчнаго-поперечнаго... Но развѣ только одинъ путь, одно средство, которымъ она можетъ... развѣнчаться... избавиться отъ своего супруга... сбыть его и извести. И наконецъ, что у нея за думы, что у нея за запутанные планы? Просто не разберешь подчасъ, дѣлаетъ она что или не дѣлаетъ? Одно только мое большое и основательное знаніе этой женщины ручается мнѣ, что она что-то заводитъ,—заводитъ далекое, прочное; что она облагаетъ насъ цѣлымъ лагеремъ и именно *насъ*, т. е. всѣхъ насъ,—не одного Михаила Андреевича, а всѣхъ какъ есть, и меня въ томъ числѣ, и даже меня, можетъ-быть, перваго. Какой демонъ, какая страшная женщина! Я ничего не видалъ, я не успѣлъ опомниться, какъ она опутала! Страшно представить себѣ, какая глубокая и въ то же время какая сквер-

ная для меня разница между тѣмъ положеніемъ, въ какомъ я видѣлся съ нею тамъ, въ губернской гостиницѣ, въ первую ночь моего пріѣзда, и теперь... когда она сама меня встрѣчаетъ, сама меня снаряжаетъ наемнымъ Мефистофелемъ къ своему мужу, и между тѣмъ обращается со мною какъ со школьникомъ, какъ съ влюбленнымъ гимназистомъ! Это чортъ знаетъ что такое! Она не удостоиваетъ отвѣта моихъ попытокъ узнать, что такое всѣ мы выплясываемъ по ея дудкѣ! И... посылаетъ меня заказывать фрикандо къ обѣду. Ея нынѣшнее обращеніе съ мною ничѣмъ не цвѣтнѣе никогда столь смѣшной для меня встрѣчи Висленева съ его генеральшей, а между тѣмъ Висленевъ отпѣтый, патентованный гороховый шутъ и притча во языцѣхъ, а я... во всякомъ случаѣ человѣкъ, надъ которымъ никто никогда не смѣялся...

Гордановъ, все краснѣвшій по мѣрѣ развитія этихъ думъ, вдругъ остановился, усмѣхнулся и плюнулъ. Вокругъ него трещали экипажи, сновали пѣшеходы, въ воздухѣ летали хлопья мягкаго снѣгу, а на мокрыхъ ступеняхъ Иверской часовни стояли черныя, перемокшія монахини и кланялся народъ.

— Какъ никто? Какъ никто не смѣялся? мысленно вопрошалъ себя Гордановъ и отвѣчалъ съ ироніей:—А Кишенскій, а Алинка? развѣ не по ихъ милости я разоренъ и отброшенъ чортъ знаетъ на какое разстояніе отъ исполненія моего вѣрнѣйшаго и блестящаго плана? Нѣтъ; я только честнымъ людямъ умѣю не позволять наступать себѣ на ногу... я молодецъ на овецъ, а на молодца я самъ овца... Да, да; меня спутало и погубило это якшанье со всею этой принципною сволочью, которая обворовала меня кругомъ... Но ничего, друзья, ничего. Палача, прежде чѣмъ сдѣлать палачомъ, тоже пороли,—выпороли и вы меня, и еще до сихъ поръ все порете; но уже зато какъ я оттерплюсь, да васъ вздую, такъ вамъ небо покажется съ баранью овчинку!

Павелъ Николаевичъ крякнулъ, повернувшись спиной

къ Иверской часовнѣ, и, перейдя площадь, зашелъ въ Гуринскій трактиръ, усѣлся къ столику и спросилъ себѣ чаю.

— Да: къ чорту это все! думалъ онъ, — нечего себя обольщать, но нечего и робѣть. Глафира, чортъ ее знаетъ,— она, кажется, несомнѣнно умнѣе меня, да и потомъ у нея въ рукахъ вся сила. Я уже сдѣлалъ промахъ, страшный промахъ, когда я по одному ея слову рѣшился рвать всѣмъ носы въ этомъ пошломъ городишкѣ! Глупецъ, я взялся за роль страшнаго и непобѣдимаго силача съ пустыми пятью-шестью тысячами рублей, которыя она мнѣ сунула, какъ будто я не могъ и не долженъ былъ предвидѣть, что этимъ широкимъ разгономъ моей бравурной репутаціи на малыя средства она беретъ меня въ свои лапы; что, издержавъ эти деньги,—какъ это и случилось теперь,—я долженъ шлепнуться со всей высоты моего аршиннаго величія? А вотъ же я этого не видѣлъ; вотъ же я... я... умникъ Гордановъ, этого не предусмотрѣлъ! Правду говорятъ: кто поучаетъ женщину, тотъ готовитъ на себя палку... И еще я имѣлъ глупость часъ тому назадъ лютовать! И еще я готовъ былъ изыскивать средство дать ей отпоръ... возмутиться... Противъ кого? Противъ нея, противъ единственнаго лица, держась за которое я долженъ выплыть на берегъ! И изъ-за чего я хотѣлъ возмутиться? Изъ-за самолюбія, оскорбленій котораго никто не видитъ, между тѣмъ какъ я могу быть вынужденъ переносить не такія оскорбленія на виду у цѣлаго свѣта? Развѣ же не чистѣйшая это гиль теперь, мое достоинство? А ну его къ дьяволу! Смирюсь, смирю себя предъ нею до чего она хочетъ; снесу отъ нея все! Пусть это будетъ мой самый трудный экзаменъ въ борьбѣ за существованіе, и я долженъ его выдержать, если не хочу погибнуть,—и я не погибну. Она увидитъ, велика ли была ея проницательность, когда она располагала на мою «каторжную честность». Нѣтъ, дружокъ: à la guerre comme à la guerre. Хитра ты, да вѣдь и я не промахъ: любуйся же теперь моей несмѣлостію и смиреніемъ: богатство и власть надъ Ларисой стоятъ того, чтобы мнѣ еще потерпѣть горя;

но разъ, что кончимъ мы съ Бодростинымъ я ты будешь моя жена, а Лариса будетъ моя невольница... моя рыдающая Агарь... а я тебя... въ бараній рогъ согну!.

И съ этимъ Гордановъ опять всталъ, бросилъ на столъ деньги за чай и ушелъ.

«Вотъ только одно бы мнѣ еще узнать», думалъ онъ, ѣдучи на извозчикѣ: — «любитъ она меня хоть капельку, или не любитъ? Ну, да и прекрасно; нынче мы съ нею все время будемъ одни... Не все же она будетъ топировать да писать, авось и иное что будетъ?.. Да что же вправду, вѣдь женщина же она и человѣкъ!.. Вѣдь я же знаю, что кровь, а не вода течетъ въ ней... Ну, ну, постой-ка, что ты заговоришь предъ нашимъ смиреніемъ... Эхъ, гдѣ ты мать черная немочь съ лихорадушкой?»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Черная немочь.

На дворѣ уже по осеннему стемнѣло и былъ часъ обѣда, къ которому Глафира Васильевна ждала Горданова, полулежа съ книгой на небольшомъ диванчикѣ предъ сервированнымъ и освѣщеннымъ двумя жирандолями столомъ.

Гордановъ вошелъ и тихо снялъ свое верхнее платье. Глафира взглянула на его прояснившееся лицо и въ ту же минуту поняла, что Павелъ Николаевичъ обдумалъ свое положеніе, взвѣсилъ всѣ pro и contra и рѣшился не замѣчать ея первенства и господства, и она его за это похвалила.

«Умный человѣкъ!» мелькнуло въ ея головѣ.—«Что хотите, а съ такимъ человѣкомъ все легче дѣлается, чѣмъ съ межеумкомъ», и она ласково позвала Горданова къ столу, усердно его угощала и даже обмолвилась съ нимъ на «ты».

— Кушай хорошенько, сказала она,—на хлѣбъ, на соль умные люди не дуются. Знаешь пословицу: губа толще, брюхо тоньше,—а ты и такъ не жиренъ. Ѣшь вотъ эту

штучку, угощала она, подвигая Гордanову фрикасе изъ маленькихъ цичужекъ: — я это нарочно для тебя заказала, зная, что это твое любимое.

Гордановъ тоже уразумѣлъ, что Глафира поняла его и одобрила, и ласкаетъ какъ покорившагося ребенка. Онъ уразумѣлъ и то, что этой покорностью онъ еще разъ капитулировалъ, но онъ уже рѣшился довершить въ смиреніи свою «борьбу за существованіе» и не стоялъ ни за что.

— Вотъ видишь ли, Павелъ, какъ только ты вырвался отъ дураковъ и побылъ часъ одинъ самъ съ собою, у тебя даже видъ сдѣлался умнѣй, заговорила Бодростина, оставшись одна съ Гордановымъ за дессертомъ.—Теперь я опять на тебя надѣюсь и полагаюсь.

— А то ты уже было перестала и надѣяться?

— Я даже отчаялась.

— Я не понималъ твоихъ требованій и только, но я буду радъ, если ты мнѣ теперь разскажешь, чѣмъ ты мною недовольна? Вѣдь ты мною недовольна?

— Да.

— За что?

— Спроси свою совѣсть? отвѣчала, глядя на носокъ своей туфли, Глафира.

Гордановъ просіялъ; онъ услышалъ въ этихъ словахъ укоризну ревности и, тихо вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ Глафирѣ и, наконецъ, поцѣловалъ ея лежавшую на колѣняхъ руку.

Она этому не мѣшала.

— Глафира! позвалъ Гордановъ.

Отвѣта не было.

— Глафира! Радость моя! Мое счастье, откликнись же!.. дай мнѣ услышать твое слово!

— Радость твоя не Глафира.

— Нѣтъ? Что ты сказала? Развѣ не ты моя радость?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Такъ скажи же мнѣ прямо, Глафира; ты можешь что-нибудь сказать *прямо*?

— Что за вопросъ! Разумѣется, я вамъ могу и смѣю все говорить *прямо*.

— Безъ шутокъ?

— Спрашивай и увидишь.

— Ты хочешь быть моей женой?

— П... и... ну, а какъ тебѣ это кажется?

— Мнѣ кажется, что нѣтъ. Что ты на это скажешь?

— Ничего.

— Это развѣ отвѣтъ?

— Разумѣется, и самый искренній... Я не знаю, что ты для меня сдѣлаешь.

Гордановъ сѣлъ у ея ногъ и, взявъ въ свои руки руку Глафиры, прошепталъ, глядя ей въ глаза:

— А если я сдѣлаю *все*... тогда?

— Тогда?.. Я тоже сдѣлаю *все*.

— То есть что же именно ты сдѣлаешь?

— Все, что будетъ въ моихъ силахъ.

— Ты будешь тогда моею женой?

Глафира наклонила молча голову.

— Что же это значитъ: да или нѣтъ?

— Да, и это можетъ случиться, уронила она улыбаясь

— Можетъ случиться!.. Здѣсь случай не долженъ имѣть мѣста!

— Онъ имѣетъ мѣсто повсюду.

— Гдѣ нѣтъ воли.

— И гдѣ она есть.

— Это вздоръ.

— Это высшая правда.

— Высшая?.. Въ какомъ это смыслѣ: въ чрезвычайномъ можетъ быть, въ сверхъестественномъ?

— Можетъ быть.

— Скажи, пожалуйста, яснѣй? Мы не ребята, чтобы сверхъестественностями заниматься. Кто можетъ тебѣ помѣшать быть моею женой, когда мы покончимъ съ Бодростинымъ?

— Тсъ!.. Тише!

— Ничего: мы здѣсь одни. Ну говори: кто, кто?

— Почемъ я знаю, что и кто? Да и къ чему ты хочешь слова?

Она положила ему на лобъ свою руку и, поправляя пальцемъ набѣжавшій впередъ локонъ волосъ, прошептала:

— Да... вотъ мы и одни... «какое счастье: ночь и мы одни». Чьи это стихи?

— Фета: но не въ этомъ дѣло, а говори мнѣ прямо, кто и что можетъ мѣшать тебѣ выйти за меня замужъ, когда не будетъ твоего мужа?

— Тссъ!

Глафира быстро откинулась назадъ къ спинкѣ дивана и сказала:

— Ты глупъ, если позволяешь себѣ такъ часто повторять это слово.

— Но мы одни.

— Одни!.. Во снѣ не бредь о томъ, чѣмъ занять,—кикимора услышитъ.

— Я не боюсь кикиморы; я не суевѣръ.

— Ну, такъ я суевѣрка и прошу не говорить со мной иначе какъ съ суевѣркой

— Ага, ты меня отводишь отъ прямого отвѣта; но это тебѣ не удастся.

— Отчего же? И Глафира тихо улыбнулась.

— Оттого, что я не такой вздорный человѣкъ, чтобы меня можно было втравить въ споръ о вѣрѣ или безвѣріи, о Богѣ или о демонѣ: вѣрь или не вѣрь въ нихъ, — мнѣ это все равно, но отвѣчай мнѣ ясно и положительно: кто и что тебѣ можетъ помѣшать быть моею женой, когда... когда Бодростина не будетъ въ живыхъ.

— Совѣсть: я никогда не захочу разстраивать чужого счастья.

— Чьего счастья? — Что за вздоръ.

— Счастья бѣдной Лары.

— Ты лжешь; ты знаешь, что я не думаю на ней жениться и не женюсь.

— А, жаль, она глупа и будетъ скверною женой.

— Мнѣ это все равно, ты не заговоришь меня ни Лизой и ничѣмъ на свѣтѣ; дай мнѣ отвѣтъ, что можетъ помѣшать тебѣ быть моею женой, и тогда я отстану!.. А, а! ты молчишь, ты не знаешь, куда еще увильнуть! Такъ знай же, что я знаю, кто и что тебѣ можетъ помѣшать! Ты любишь! Ты поймана! Ты любишь не меня, а Подозе...

Но Глафира быстрымъ движеніемъ руки захватила ему ротъ и воскликнула:

— Вы забываетесь, Гордановъ!

— Да, да, ты можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, но это тебѣ не поможетъ; я далъ себѣ слово добиться отвѣта, кто и что можетъ тебѣ помѣшать быть моею женой, и я этого добьюсь. Болѣе: я это проникъ и почти уже все добился; твое смущеніе мнѣ сказало, кто...

— Кто?.. Кто?.. Кто?.. перебила его рѣчь, проникшаяся вдругъ внезапнымъ безпокойствомъ, Глафира. Ты проникъ... ты добился...

И съ этими словами, она вдругъ сдѣлала порывистое движеніе впередъ и, стукнувъ три раза кряду похолодѣвшими бѣлыми пальцами въ жаркій лобъ Горданова, прошептала:

— А кто помѣшалъ тебѣ убить того, кого ты сейчасъ назвалъ?

Гордановъ молчалъ.

— Что же ты молчишь?

— Что же говорить? Его спасъ «тикъ и такъ»; это рѣдкостнѣйшій елучай.

— Рѣдкостный случай? Случай!.. Случай сталъ между твоею рукой и его беззащитною грудью?..

— Да, «тикъ и такъ».

— Да, «тикъ и такъ»; это случай? — шептала Бодростина. — Много вы знаете съ своимъ «тикъ и такъ».

— А что же по твоему его спасло?

— Я это знаю.

— Такъ скажи.

— Изволь: уйди-ка вонъ туда, за ту перегородку, и посмотри въ уголъ.

— Что же я тамъ увижу?

— Не знаю; посмотри, что-нибудь увидишь.

Гордановъ всталъ и, заглянувъ за дверь въ полутемную комнату, въ которую слабый свѣтъ чуть падалъ черезъ рѣзную кайму орѣховой перегородки, сказалъ:

— Что же тамъ смотрѣть? платье, да тѣнь.

— Что такое: какъ платье, да тѣнь?

— Тамъ платье.

— Какое платье? Тамъ вовсе нѣтъ никакого платья. Тамъ образъ, и я хотѣла указать на образъ.

— А я тамъ вижу платье, зеленое женское платье.

Бодростина поблѣднѣла.

— Ты его видишь и теперь — спросила она падающимъ и прерывающимся голосомъ.

Гордановъ опять посмотрѣлъ и, отвѣтивъ наскоро: «нѣтъ, теперь не вижу», схватилъ одну жирандоль и вышелъ съ нею въ темную комнату.

Уголъ былъ пустъ, и сверху его на Горданова глядѣлъ благой, успокаивающій ликъ Спасителя. Гордановъ постоялъ и затѣмъ, возвратясь, сказалъ, что дѣйствительно уголъ пустъ и платья никакого нѣтъ.

— Я знаю, знаю, знаю, прошептала въ отвѣтъ ему Бодростина, которая сидѣла, снова прислонясь къ спинкѣ дивана и, глядя вдаль прищуренными глазами, тихо обирала вѣтку винограда.

Но вдругъ, сорвавъ устами послѣднюю ягоду съ виноградной кисти, она сверкнула на Павла Николаевича гнѣвнымъ взглядомъ и, замѣтивъ его покушеніе о чемъ-то ее спросить, простонала:

— Молчи, пожалуйста, молчи! И съ этимъ нервно кинула ему въ лицо оборванную кисть и, упавъ лицомъ и грудью на подушку дивана, тихо, но неудержимо зарыдала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нѣмая исповѣдь.

Гордановъ стоялъ надъ плачущей Глафирой и, кусая слегка губу, думалъ: «Ого-го! Куда это, однако, зашло. И корчитъ, и ломаетъ. О, лукавая! Я дошупался до твоего злого лиха. Но дѣло, однако, зашло слишкомъ далеко, она его любитъ не только со всею страстью, къ которой она способна, но и со всею сентиментальностью, безъ которой не обходится любовь подобныхъ ей погулявшихъ барынь. Это надо покончить!» И съ этимъ онъ сдѣлалъ шагъ къ Глафирѣ и коснулся слегка ея локтя, но тотчасъ же отскочилъ, потому что Глафира рванулась какъ раненая львица, и съ судорожно подергивающимися щеками, вперивъ острые, блуждающіе глаза въ Гордапова, заговорила:

— Да, да, да, есть... есть... его нѣтъ, но онъ есть, есть оно...

— О чемъ ты говоришь?

Глафира не обращала на него вниманія и продолжала какъ бы сама съ собой.

— Нѣтъ, это нестерпимо! Это несносно! восклицала она слово отъ слова все громче и болѣзненнѣе, и при этомъ то ломала свои руки, то, хрустя ими, ударяла себя въ грудь, и вдругъ, какъ бы окаменѣвъ, заговорила быстрымъ истерическимъ шопотомъ: — Это зеленое платье... ты видѣлъ его, и я его видѣла... Его нѣтъ и оно есть... Это *она*... я ее знаю и ты, ты тоже узнаешь, и...

— Кто же это?

— Совѣсть.

— Успокойся, что съ тобою сдѣлалось! Какъ ты ужасно взволнована!

— Нѣтъ, я ничего...

И Бодростина тихо подала Гордапову обѣ свои руки и задумалась и поникла головой, словно забылась. Павелъ

Николаевичъ подалъ ей стаканъ воды, она его спокойно выпила.

— Лучше тебѣ теперь? — спросилъ онъ.

— Да, мнѣ лучше.

Она возвратила Гордanову стаканъ, который тотъ принялъ изъ ея рукъ, и, поставивъ его на столъ, проговорилъ:

— Ну и прекрасно, что лучше; но этого, однако, нельзя такъ оставить; ты больна. И съ этимъ онъ направился къ двери, чтобы позвонить *слугу* и послать за докторомъ, но Глафира, замѣтивъ его намѣреніе, остановила его.

— Павелъ! Павелъ! позвала она. — Что это? Ты хочешь посылать за докторомъ? Какъ это можно! Нѣтъ, это все пройдетъ само собой... Это со мной бываетъ... Я стала очень нервна и только... Я не знаю, что со мной дѣлается.

— Да, вотъ и не знаешь, что это дѣлается! Вотъ вы и всѣ такъ, подобныя барыни: жизни въ васъ въ каждой въ одной за десятерыхъ, жизнь борется, бьется, а вы ее въ тискахъ жмете... заговорилъ было Гордановъ, желая прервать потокъ болѣзненныхъ мечтаній Бодростиной, но она его сама перебила.

— Тссъ! Перестань... Какая жизнь и куда ей рваться... Глупость. Совсѣмъ не то!

И она опять хрустнула сложенными въ воздухѣ руками, потомъ ударила ими себя въ грудь и снова, задыхаясь, прошептала:

— Дай мнѣ воды... скорѣй, скорѣй воды! И жадно глотая глотокъ за глоткомъ, она продолжала шопотомъ: — Бога ради не бойся меня и ничего не пугайся... Не зови никого... не надо чужихъ... Это пройдетъ... Мнѣ хуже, если меня боятся... Зачѣмъ чужихъ? Когда мы двое... мы... При этихъ словахъ она сдѣлала усиліе улыбнуться и пошутила:—«Какое счастье: ночь и мы одни!» Но ее сейчасъ же снова передернуло, и она зашипѣла:—Не мѣшай мнѣ: я въ памяти... я стараюсь... я помню... Ты сказалъ... это

стихотвореніе Фета... «Ночь и мы одни!» Я помню, тамъ на хуторѣ у Синтяниной... есть портретъ... его замученной жены... Портретъ безъ глазъ... Покойница въ такомъ зеленомъ платьѣ... какое ты видѣлъ... Молчи! молчи! не спорь... покойной мученицы Флоры... Это такъ нужно... Природа возмущается тѣмъ, что я дѣлаю... Горацio! Горацio!.. есть вещи... тѣ, которыхъ нѣтъ... Ему, ему онъ хотѣлъ слѣдовать — Горацio! Горацio! И повторяя это имя по поводу извѣстнаго намъ письма Подозерова, Глафира вдругъ покрылась вся пламенемъ, и холодныя руки ея, тихо лежавшія до сихъ поръ въ рукахъ Гордanова, задрожали, закорчились и, выскользнувъ на волю, стиснули его руки и быстро побѣжали вверхъ, какъ пальцы артиста, играющаго на флейтѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Безъ покаянія.

Въ комнатѣ царилъ нѣмой ужасъ. Руки больной Глафиры дрожа скользили отъ кистей рукъ Гордanова къ его плечамъ, и то щипля, то скручивая рукава гордановскаго бархатнаго пиджака, взбѣжали вверхъ до его шеи, а оттуда обѣ разомъ упали внизъ на лацканы, схватились за нихъ и за петли, а на шипящихъ и ничего не выговаривающихъ устахъ Глафиры появилась тонкая свинцовая полоска мутной пѣны. Противный и ужасный видъ этотъ невольно отбросилъ Гордanова въ сторону. Онъ отступилъ шагъ назадъ, но наткнулся сзади на табуретъ и еще ближе столкнулся лицомъ съ искаженнымъ лицомъ Глафиры, въ рукахъ которой трещали и отрывались все крѣпче и крѣпче забираемые ею лацканы его платья. Бодростина вся мѣнялась въ лицѣ и, дѣлая неимовѣрныя усилія возобладать надъ собою, напрасно старалась промолвить какое-то слово. Отъ этихъ усилій глаза ея, подъ вліяніемъ ужаса поразившей ее нѣмоты, и вертѣлись, и словно оборачивались внутрь. Гордановъ каждое мгновеніе ждалъ, что она упа-

деть; но она одолѣла себя и, сдѣлавъ надъ собою послѣднее отчаянное усиліе, однимъ прыжкомъ перелетѣла на средину комнаты, но здѣсь упала на полъ съ замершими въ ея рукахъ лацканами его щегольской бобровой курточки. Свинецъ съ устъ ея исчезъ, и она лежала теперь съ закрытыми глазами, стиснувъ зубы, и тяжело дышала всею грудью.

Гордановъ бросился въ свою комнату, смѣнилъ пиджакъ и позвалъ дѣвушку и лакея.

Глафиру Васильевну подняли и положили на диванъ, расшнуровали и прохладили ей голову компрессомъ. Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя и, поводя вокругъ глазами, остановила ихъ на Гордановѣ.

Дѣвушка въ это мгновеніе тихо вытянула изъ ослабѣвшихъ рукъ больной лацканы гордановской куртки и осторожно бросила ихъ подъ стулъ, откуда лакей также осторожно убралъ ихъ далѣе.

— Воздуху!—прошептала Глафира, остановивъ на Гордановѣ глаза, наполненные страха и страданія.

Тотъ понялъ и сейчасъ же распорядился, чтобы была подана коляска. Глафиру Васильевну вывели, усадили среди подушекъ, укутали ей ноги пледомъ и повезли, куда попало, по освѣщенной луной Москвѣ. Рядомъ съ нею сидѣла горничная изъ гостиницы, а на передней лавочкѣ—Гордановъ. Они ѣздили долго, пока больная почувствовала усталость и позывъ ко сну; тогда они вернулись, и Глафира тотчасъ же легла въ постель. Дѣвушка легла у нея въ ногахъ на диванчикѣ.

Гордановъ спалъ мертвымъ сномъ и очень удивился, когда, проснувшись, услышалъ спокойный и веселый голосъ Глафиры, занимавшейся съ дѣвушкой своимъ туалетомъ.

«Неужто же», подумалъ онъ, «все это вчера было притворство? Одно изъ двухъ: или она теперешнимъ весельемъ маскируетъ обнаружившуюся вчера свою ужасную болѣзнь, или она мастерски сыграла со мною новую плутовскую

комедію, чтобы заставить меня оттолкнуть Ларису. Самъ дьяволъ ее не разгадаетъ. Она хочетъ, чтобъ я бросилъ Ларису; будь по ея, я брошу мою Ларку, но брошу для того, чтобы крѣпче ее взять. Глафира не знаетъ, что мнѣ самому все это какъ нельзя болѣе на руку».

Съ этимъ онъ одѣлся, вышелъ въ залъ и, написавъ пять строкъ къ Ларѣ, положилъ въ незапечатанномъ конвертѣ въ карманъ и ждалъ Глафиры.

Предстоящія минуты очень интересовали его: онъ ждалъ отъ Глафиры «презрѣннаго металла» и... удостовѣренія, въ какой мѣрѣ сердце ея занято привязанностью къ другому человѣку: до того ли это дошло, что онъ, Гордановъ, ей уже совсѣмъ противенъ до судорогъ, или... она его еще можетъ переносить, и онъ можетъ надѣяться быть ея мужемъ и обладателемъ какъ бодростинскаго состоянія, такъ и красоты Ларисы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ толку сбила.

Вчерашней сцены не осталось и слѣда. Глафира была весела и простосердечна, что чрезвычайно шло ко всему ея живому существу. Когда она хотѣла быть ласковой, это ей до того удавалось, что обаянію ея подчинялись люди самые къ ней нерасположенные, и она это, разумѣется, знала. Гордановъ, расхаживая по залѣ, слушалъ, какъ она разспрашивала дѣвушку о ея семьѣ, о томъ, гдѣ она училась и пр., и пр. Эти разспросы предлагались такимъ участливымъ тономъ и въ такой мастерской послѣдовательности, что изъ нихъ составлялась самая нѣжнѣйшая музыка, постепенно все сильнѣе и сильнѣе захватывавшая сердце слушательницы. Съ каждою шпилькой, которую дѣвушка, убирая голову Бодростиной, затыкала въ ея непокорные волнистые волосы, Глафира пускала ей самый тонкій и болѣзненно-острый уколъ въ сердце, и, слушавшій всю эту игру, Гордановъ не успѣлъ и углѣдить, какъ

дѣло дошло до того, что голосъ дѣвушки началъ дрожать на низкихъ нотахъ: она разсказывала, какъ она любила и что изъ той любви вышло... Какъ *онъ*,—этотъ вѣковѣчный *онъ* всѣхъ милыхъ дѣвъ, — бросилъ ее; какъ *она* по немъ плакала и убивалась, и какъ потомъ явилось *оно* — также вѣковѣчное и неизбѣжное третье, возникшее отъ любви двухъ существъ; какъ это *оно* было завернуто въ пеленку и одѣяльце... все чистенькое-пречистенькое... и отнесено въ Воспитательный домъ съ ноготочками, намѣченными ляписомъ, и какъ этотъ ляписъ былъ съѣденъ свѣтомъ, и какъ потомъ и само *оно* тоже будетъ съѣдено свѣтомъ и пр., и пр. Однимъ словомъ, старая пѣсня, которая, однако, вѣчно нова и не теряетъ интереса для своего пѣвца.

Глафира Васильевна очаровывала дѣвушку вниманіемъ къ этому разсказу и имъ же не допускала ее ни до какихъ рѣчей о своемъ вчерашнемъ припадкѣ.

Съ Гордановымъ она держалась той же тактики. Войдя къ нему въ залъ, она его встрѣтила во всеоружіи своей сверкающей красоты: подала ему руку и освѣдомилась, хорошо ли онъ спалъ? Онъ похвалился спокойнымъ и хорошимъ сномъ, а она пожаловалась:

— Je n'ai pas fermé l'oeil toute la nuit,—сказала она, наливая чай.

— Будто! Это досадно, а мы, кажется, вчера предъ сномъ вѣдь сдѣлали хорошую прогулку.

Бодростина пожала съ недоумѣніемъ плечами и, улыбаясь, отвѣчала:

— Ну вотъ подите же: не спала да и только! Вѣрно оттого, что вы были моимъ такимъ близкимъ сосѣдомъ.

— Не вѣрю!

Глафира сдѣлала кокетливую гримасу.

— Очень жалко, отвѣчала она:—всѣмъ дастся по вѣрѣ ихъ.

— Но я невѣрующій.

— Да я не знаю, чему вы тутъ не вѣрите, что вблизи васъ не спится? Вы борецъ за существованіе.

— А, вотъ ты куда мѣтишь?

— Да; но вы, впрочемъ, правы. Не вѣрьте этому больше, чѣмъ всему остальному, а то вы въ самомъ дѣлѣ вообразите, что вы очень большой хищный звѣрь, тогда какъ вы даже не мышь. Я спала крѣпко и пресладко и видѣла во снѣ прекраснаго человѣка, который совсѣмъ не походилъ на васъ.

— Не оттого ли вы такъ добры и прекрасны?

— Вѣроятно.

Гордановъ, похлебывая чай, шутя подивился только: что за сравненіе къ нему примѣнено, что онъ не звѣрь и даже не мышь?

— А конечно, отвѣчала, зажигая пахитоску, Бодростина:—вы ни сѣтей не рвете и даже не умѣете проникнуть по-мышиному въ щелочку, и только бредомъ о своей Ларисѣ мѣшаете спящей въ двухъ шагахъ отъ васъ женщинѣ забыть о своемъ сосѣдствѣ.

— Вотъ вамъ письмо къ этой Ларисѣ, отвѣтилъ ей на это Гордановъ и подалъ конвертъ.

— На что же мнѣ оно?

— Прочтите,

— Я не желаю быть повѣренною чужого чувства.

— Нѣтъ ты прочти, и ты тогда увидишь, что здѣсь и слова нѣтъ о чувствахъ. Да; я прошу тебя, пожалуйста, прочти.

И онъ почти насильно всунулъ ей въ руку развернутый листокъ, на который Глафира бросила нехотя взглядъ и прочитала:

«Прошу васъ, Лариса Платоновна, не думать, что я бѣжалъ изъ вашихъ палестинъ оскорбленный вашимъ обращеніемъ къ Подозерову. Спѣшу успокоить васъ, что я васъ никогда не любилъ, и послѣ того, что было, вы ужъ ни на что болѣе мнѣ ненужны и не интересны для моей любознательности».

Гордановъ зорко слѣдилъ во все это время и за глазами Глафиры, и за всѣмъ ея существомъ, и не проморгнулъ движенія ея бровей и бѣлаго мизинца ея руки, который, по

мѣрѣ чтенія, все разгибался и, наконецъ выпрямясь, сталъ въ уровень съ устами Павла Николаевича. Гордановъ схватилъ этотъ шаловливый пальчикъ и, цѣлуя его, спросилъ:

— Довольна ли ты мною теперь, Глафира?

— Я немножко нездорова, чтобы быть чѣмъ-нибудь очень довольною, отвѣчала она спокойно, возвращая ему листокъ, и при этомъ какъ бы вдругъ вспомнила:—Нѣтъ ли у васъ большой фотографіи или карточки, снятой съ васъ вдвоемъ съ женщиной.

— На что бы это вамъ?

— Мнѣ нужно.

— Не могу этимъ служить.

— Такъ послужите. Возьмите Ципри-Кипри... Впрочемъ эти одѣваться не умѣютъ.

— Да ну ихъ къ чорту, развѣ безъ нихъ мало!

— Именно; возьмите хорошую, но благопристойную...

— Даму изъ Амстердама, подсказалъ Гордановъ.

Бодростина кинула ему въ отвѣтъ утвердительный взглядъ и въ то же время, вынувъ изъ бумажника карточку Александры Ивановны Синтяниной, проговорила:

— Во вкусѣ можете не стѣсняться—blonde или brune—это все равно; *оттуда* поза и фигура, а головка *отсюда*.

Гордановъ принялъ карточку и вздохнулъ.

— Конечно нужно, чтобъ станъ какъ можно болѣе отвѣчалъ тѣлу, которое носитъ эту голову.

— Ужъ разумѣется.

— И поза скромная, а не какая-нибудь, à la чортъ меня побери.

— Перестань, пожалуйста, меня учить.

— И платье черное, самое простое черное шелковое платье, какое есть непремѣнно у каждой женщины.

— Да знаю же все это знаю.

— Лишній разъ повторить не мѣшаетъ. И потомъ, когда дойдетъ дѣло до того, чтобы приставить эту головку къ корпусу дамы, которая будетъ въ вашихъ объятіяхъ, надо..

Гордановъ перебилъ ее и скороговоркой прочелъ:

— Надо поручить это дѣло кому-нибудь темному фотографщику. Найду такого или полячка, или жидка.

— И чтобы на оборотѣ карточки не было никакого адреса.

— Ахъ, какая ты безпокойная, ужъ отъ нея они сами побезпокоятся.

— Да, я безпокойна, но это и не мудрено; все это ужъ слишкомъ долго тянется, проговорила она съ истерическою гримасой.

— Вѣдь за тобою же дѣло. Скажи, и давно бы все прикончили, отвѣтилъ Гордановъ.

— Нѣтъ; дѣло не за мной, а за обстоятельствами. Я иду такъ, какъ мнѣ слѣдуетъ идти. Поспѣшить въ этомъ случаѣ, значитъ людей насмѣшить, а мнѣ нужно, чтобъ свѣтъ, и онъ долженъ быть на моей сторонѣ.

— Ну чортъ ли въ немъ тебѣ, и врядъ ли это можно.

— Нѣтъ, извините мнѣ это нужно, и это можно! Свѣтъ не караетъ преступленій, но требуетъ отъ нихъ тайны. А впрочемъ, это ужъ мое дѣло.

— Позволь, однако, и мнѣ дать тебѣ одинъ совѣтъ, заговорилъ Гордановъ, потряхивая въ рукѣ карточкой Синтянниной. — Ты, разумѣется, разсчитываешь что-нибудь поставить на этой фотографіи, которую мнѣ заказываешь.

— Еще бы, конечно, мнѣ это нужно не для того, чтобы раздражать мою ревность.

— Да перестань играть словами. А дѣло вотъ въ чемъ: это ни къ чему не поведетъ: на этотъ хрусталь ничто не воздѣйствуетъ.

— Ты бросаешься въ игру словъ: *свѣтъ* на него не воздѣйствуетъ?

— Не повѣрятъ, отвѣчалъ, замотавъ головой, Гордановъ.

— Кому? Солнцу не повѣрятъ. Оставь со мною споры: ты мелко плаваешь, да и намъ остается ровно столько времени, чтобы позавтракать и проститься, условясь кое-о-чемъ предъ разлукой. Итакъ, еще разъ: понимаешь ли ты, что ты долженъ дѣлать? Бодростинъ долженъ быть весь

въ рукахъ Казимиры, какъ Іовъ въ рукахъ сатаны, понимаешь? весь, совершенно весь. Я получила прекрасныя вѣсти. Казимира, какъ настоящая полька, влюбилась наконецъ въ своего санкюлота... скрипача... Она готовилась быть матерью... Этимъ безцѣннымъ слухомъ мы должны воспользоваться, и это будущее дитя должно быть поставлено на счетъ Михаилу Андреевичу.

— Но тутъ... позволь!.. Гордановъ разсмѣялся и добавилъ:—въ этомъ твоего мужа не увѣришь.

— Почему?

— Почему? потому что il a au moins soixante dix ans.

— Tant mieux, mon cher, tant mieux? C'est un si grand âge, что какъ не увлечься такимъ лестнымъ подкленомъ! Онъ назовется авторомъ, не бойтесь. Впрочемъ, и это тоже не ваше дѣло.

— Да ужъ... «мои дѣла», это я вижу, что-то чернорабочее: дѣлай что велятъ и не смѣй спрашивать, сказалъ, съ худо скрываемымъ неудовольствіемъ, Гордановъ.

— Это такъ и слѣдуетъ! мужчины трутни, грубая сила. Въ ульѣ господствуютъ безполые! какъ я! Твое дѣло будетъ только уронить невзначай Казимирѣ сказанную мною мысль о ребенкѣ, а ужъ она сама ее разыграетъ, и затѣмъ ты мнѣ опять тамъ нуженъ, потому что когда яичница въ шляпѣ будетъ приготовлена, тогда вы должны извѣстить меня въ Парижъ,—и вотъ все, что отъ васъ требуется. Невелика, услуга?

— Очень невелика. Но что же требуется? Чтобъ онъ взялъ къ себѣ этого ребенка, что ли?

— Нимало. Дитя непремѣнно должно быть отдано въ Воспитательный домъ, и *непремѣнно* при посредствѣ моего мужа.

— Ничего не понимаю, проговорилъ Гордановъ.

— Право не понимаешь?

— Ровно ничего не понимаю.

— Ну, ты золотой человѣкъ. Лети же мой нѣмой посолъ и неси мою неписанную грамоту.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Брилліантъ и янтарь.

Бодростина достала изъ портфеля пачку ассигнацій и, положивъ ихъ предъ Гордановымъ, сказала:

— Это тебѣ на первую жизнь въ Петербургѣ и на первыя уплаты по твоимъ долгамъ. Когда пришлешь мнѣ фотографію, исполненную какъ я велѣла, тогда получишь вдвое больше.

Гордановъ взялъ деньги и поцѣловалъ ея руку. Онъ былъ смятъ и даже покраснѣлъ отъ сознанія своего настоящаго положенія на мелкія дѣлишки, въ значеніи которыхъ ему даже не даютъ никакого отчета.

Онъ даже былъ жалокъ, и въ его глазахъ блеснула предательская слеза униженія. Бодростина смотрѣла на него еще минуту, пока онъ нарочно долго копался, наклоняясь надъ своимъ портфелемъ и, наконецъ встав, подошла къ нему и взяла его голову. Гордановъ наклонился еще ниже. Глафира повернула къ себѣ его лицо и поцѣловала его поцѣлуемъ долгимъ и страстнымъ. Онъ ожилъ... Но Глафира быстрымъ движеніемъ отбросила отъ себя обвившія ее руки Горданова и, погрозивъ ему съ улыбкой пальцемъ, подавила пуговку электрическаго звонка и сама отошла и стала противъ зеркала.

Приказавъ вошедшему на этотъ зовъ слугѣ подать себѣ счетъ, Глафира добавила:

— Возьмите кстати у барина письмо и опустите его тотчасъ въ ящикъ.

Слуга отвѣтилъ:

— Слушаю-съ.

И, взявъ изъ рукъ Горданова письмо къ Ларѣ, безмолвно удалился.

Глафира спокойно начала укладывать собственноручно различныя мелочи своего дорожнаго багажа, посовѣтовавъ заняться тѣмъ же и Горданову.

Затѣмъ Бодростина посмотрѣла поданный ей счетъ, заплатила деньги и, велѣвъ выносить вещи, стала надѣвать предъ зеркаломъ черную касторовую шляпу съ длиннымъ вуалемъ.

Гордановъ снарядился и, ставъ сзади нея, съ дорожной сумкой черезъ плечо, онъ смотрѣлъ на нее сухо и сурово.

Глафиръ все это было видно въ зеркалѣ и она спросила его:

О чемъ ты задумался?

— Я думаю о томъ, гдѣ у иныхъ женщинъ та женская чувствительность, о которой болтаютъ поэты?

— А нѣкоторыя женщины ее берегутъ.

— Берегутъ? гмъ! Для кого же онѣ ее берегутъ?

— Для избранныхъ.

— Для нѣсколькихъ?

— Да, понемножку. Вѣдь ты и многіе учили женщинъ, что всякая исключительная привязанность порабощаетъ свободу, а кто же больній другъ свободы, какъ не мы, несчастныя порабощенныя вами созданія? Идемъ, однако: наши вещи уже взяты.

И съ этимъ она пошла къ двери, а Гордановъ за нею.

Сбѣжавъ на первую террасу лѣстницы, она полуоборотилась къ нему и проговорила съ улыбкой:

— Какой мѣрой человѣкъ мѣритъ другому, такой возмѣрится и ему! и снова побѣжала.

— Смотрите, чтобъ это не приложилось и къ вамъ, отвѣчалъ въ догонку ей Гордановъ.

— О-о-о! не безпокойся! Для меня пора исключительныхъ привязанностей прошла.

— Ты лжешь сама себѣ: въ тебѣ еще цѣлый вулканъ жизни.

— А, это другое дѣло; но про такія серьезныя дѣла, какъ скрытый во мнѣ «вулканъ жизни», мы можемъ договорить и въ каретѣ.

Съ этимъ она вступила въ экипажъ, а за ней и Гордановъ.

Черезъ полчаса Павелъ Николаевичъ, занявъ мѣсто въ

первомъ вагонѣ Петербургской желѣзной дороги, вышелъ къ перилламъ, у которыхъ, въ ожиданіи отхода поѣзда, стояла по другой сторонѣ Глафира.

Онъ опять совладалъ съ собой и смирился.

— Ну, еще разъ прощай «вулканъ», сказалъ онъ, смѣясь и протягивая ей свою руку.

— Только, пожалуйста, не «вулканъ», отвѣтила еще шутливѣе Глафира. — Вулканъ остался тамъ, гдѣ ты потерялъ свой умъ... Ничего: авось тебѣ вырастутъ. А ты убѣдишься скучать не стоитъ долго по Ларисѣ, да она и сама скучать не будетъ долго.

— Ты это почему знаешь?

— Да развѣ дуры могутъ долго скучать!

— Она не такъ глупа, какъ ты думаешь.

— Нѣтъ, она именно такъ глупа, какъ я думаю.

— Есть роли въ жизни, для выполненія которыхъ умъ не требуется.

— Да; только она ни къ одной изъ нихъ негодна.

— Отчего же: очень много нелалекихъ женщинъ, которыя прекрасно составляютъ счастье мужей.

— Ты правъ: великодушныя дурочки. Да: это прекрасный сортъ женщинъ, но онѣ рѣдки и она не изъ нихъ.

— Ну, такъ изъ нея можетъ выйти кому-нибудь путная любовница.

— Никогда на свѣтѣ! Успѣшное исполненіе такой роли требуетъ характера.

— Ну, такъ въ дорогія камеліи пригодится.

— О, всего менѣе! Тамъ нуженъ... талантъ! А впрочемъ, уже недолго ждать: le grand ressort est cassé, какъ говорятъ французы: теперь скоро увидимъ, что она съ собой подѣлаетъ?

Раздался второй звонокъ.

Гордановъ протянулъ на прощанье руку и сказалъ:

— Ты умна, Глафира, но ты забыла еще одинъ способъ любить подобныхъ женщинъ: съ ними надо дѣйствовать по романсу: «Тебя томить, тебя терзать, твоимъ мученьемъ наслаждаться».

— А ты-таки достоялся здѣсь предо мной до того, чтобы проговориться, какъ ты думаешь съ ней обойтись? Понимаю, и пусть это послужитъ тебѣ объясненіемъ, почему я тебѣ не довѣряюсь; пусть это послужитъ тебѣ и урокомъ, какъ глупо стараться заявлять свой умъ. Но иди, тебя зовутъ.

Кондукторъ дѣйствительно стоялъ возлѣ Горданова и приглашалъ его въ вагонъ.

Павелъ Николаевичъ стиснулъ руку Глафиры и шепнулъ ей:

— Ты брилліантъ самыхъ совершеннѣйшихъ граней!

Бодростина, смѣясь, покачала отрицательно головой.

— Что? Развѣ не брилліантъ?

— Я-н-т-а-р-ь! шепнула она, оглядываясь и слегка надвигая брови надъ улыбающимся лицомъ.

— Почему же не брилліантъ, почему янтарь? шепталъ, выглядывая изъ вагона, развеселившійся Гордановъ.

— Потому что въ янтарѣ есть свое постоянное электричество, межъ тѣмъ какъ брилліантъ, чтобы блеснуть, нуждается въ свѣтѣ... Я полагаю, что это, впрочемъ, совсѣмъ не интересно для того, кого заперли на защелку. Adieu!

Поѣздъ тронулся и поползъ.

— Sans adieu! Sans adieu! Je ne vous dis pas adieu! крикнулъ, высовываясь назадъ, Гордановъ.

Бодростина только махнула ему, смѣясь, рукой и въ томъ же самомъ экипажѣ, въ которомъ привезла сюда изъ гостиницы Горданова, отъѣхала на дебаркадеръ другой желѣзной дороги. Не тяготясь большимъ крюкомъ, она избрала окольный путь на западъ и покатила къ небольшому пограничному городку, на станціи котораго давно уже обращалъ на себя всеобщее вниманіе таинственный господинъ потерянаго вида, встрѣчавшій каждый поѣздъ, пріѣзжающій изъ Россіи.

Господинъ этотъ есть не кто иной, какъ злополучный Іосифъ Платоновичъ Висленевъ, писавшій отсюда Горданову подъ псевдонимомъ покинутой Эсперансы и уготован-

ный теперь въ жертву новымъ судьбамъ, вѣдомымъ лишь Богу на небѣ, да на землѣ грѣшной рабѣ Его Глафирѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Указъ объ отставкѣ.

Мы не погонимся за нашими путешественниками: пусть они теперь ѣдутъ каждый своимъ путемъ-дорогой, пока не достигнутъ пунктовъ, на которыхъ должны продолжать свои «предпріятія», а сами мы вернемся назадъ въ губернское захолустье, гдѣ остались слѣды сокольяго перелета Горданова.

Въ то самое время, какъ Павелъ Николаевичъ катилъ на сѣверъ, соображая: насколько онъ прочитанъ Глафирой и насколько онъ самъ могъ прочитать ее; въ то время, какъ Глафира несется на западъ, лежа въ углу спокойнаго купе,—въ положеніи нашихъ провинціальныхъ друзей нарушилась тягостная неподвижность, и первые признаки этого движенія были встрѣчены и приняты Ларисой.

Тотъ короткій осенній день, когда главные наши предприниматели разъѣхались изъ Москвы въ разныя стороны, въ покинутой ими провинціи рано заключился темными ненастными сумерками. Въ пять часовъ послѣ обѣда мрачные отъ сырости дома утопали въ сѣрой проницающей мглѣ. Вѣтеръ не дулъ, не рвалъ и не свистѣлъ, а вертѣлся и дергался кое-гдѣ на одномъ мѣстѣ, будто сновалъ частую основу. Поснуетъ, похлопаетъ ставней словно бедромъ и перелетитъ дальше, и тамъ постучитъ, помаячитъ и опять пошелъ далѣе. Крупный мокрый снѣгъ то сыпнетъ какъ изъ рукава, то вдругъ порѣдѣетъ и движется какъ скатывающаяся кисея, — точно не то летитъ сова, не то лунь плыветъ.

Въ полутемной комнатѣ, гдѣ лежалъ больной Подозеровъ, сумерки пали еще ранѣе: за густыми суконными занавѣсками, которыми были завѣшаны окна, свѣтъ померкъ еще ранѣе. Благодаря защитѣ этихъ же занавѣсъ, здѣсь

не такъ была слышна и разгулявшаяся на дворѣ непогода. Напротивъ, шумъ непогоды, доходившій сюда смягченнымъ черезъ двойныя рамы и закрывающія ихъ волны сукна, навѣвалъ нѣчто успокоивающее и сотворное. Поскрипитъ, поскрипитъ тихонько за угломъ на своихъ петляхъ старая рѣшетчатая калитка, крякнетъ подъ окномъ на корнѣ старая яблоня, словно старуха, отбивающаяся отъ шаловливаго внука,—и все затихнетъ; мокрый вѣтеръ уже покинулъ яблоню и треплетъ безлиственные прутья березы. Но вотъ и эта отдѣлалась: ея мокрые голые прутья стегнули по закрытой ставнѣ окна и, опустясь, зашумѣли; береза точно ворчитъ во снѣ, что ей мѣшаютъ спокойно погрузиться въ свою полугодовую спячку, пока затрещитъ надъ нею въ высокомъ небѣ звонкій жаворонокъ и возвѣститъ, что пора ей проснуться, обливаться молокомъ съ макушки до низу и брызгать сокомъ чрезъ ароматную почку.

Стоитъ человѣку задремать подъ этотъ прибой и отбой стихійныхъ порывовъ, и его готовъ осѣсть цѣлый рой грезъ, уносящихъ воображеніе и память въ чудную область мечтаній.

Подозеровъ почти впервые послѣ разразившейся надъ нимъ катастрофы спалъ пріятно и крѣпко. Въ убаюканной головѣ его расчищался понемногу долго густѣвшій туманъ, и тихое вліяніе мысли выяснило знакомые облики и проводило ихъ въ стройномъ порядкѣ. Предъ нимъ двигалось дѣтство, переходя, какъ въ туманномъ стеклѣ панорамы, изъ картины въ картину, и вотъ она, юность, и вотъ они, болѣе зрѣлые годы. Вотъ наконецъ и *она*. Въ знойномъ пространствѣ, на зыбкихъ качеляхъ колеблется Лара... Что хочетъ сказать ея неразгаданный взглядъ? чѣмъ дышетъ эта чудная красота, и что въ ней не дышетъ? Призракъ чудесный! и зачѣмъ она вправду не призракъ? Зачѣмъ этотъ толчокъ и жгучая боль возлѣ больного сердца? Зачѣмъ тонкія, слегка поснѣвшія вѣки больного зашевелились, какъ оживающая весной оса, и медленно ползутъ кверху? Ему, очевидно, больно. Пробужденные глаза его

видитъ въ полумракѣ закрытой шелкомъ лампады всю затѣнённую сукномъ комнату... Ея здѣсь нѣтъ, нѣтъ и тревогъ, которыя родилъ этотъ призракъ. Все тихо, какъ сонъ въ царствѣ тѣней... Вѣетъ тихимъ, теплымъ покоемъ... Не въ этомъ ли родѣ нѣчто будетъ въ тотъ таинственный миръ, когда разрѣшенный духъ, воспрянувъ въ смятеніи, взлетитъ надъ собственнымъ покинутымъ футляромъ, и посмѣетъ горѣ, остановится надъ тѣмъ, что лежало это на землѣ? Все это какъ будто знакомо, все это было тогда, но только не вспомнишь когда. Не вспомнишь причины, почему это такъ, а не иначе, отчего, напримѣръ, шатается шевелится эта стѣна, которою больному представляется сукно, закрывающее дверь. А движеніе все идетъ своимъ порядкомъ. Вотъ занавѣса распахнулась, и изъ-за нея выступили двѣ тѣни. У одной изъ нихъ въ рукахъ лампада, закрытая прозрачною ладонью. Что это за видѣнье? Вотъ эти тѣни взошли, остановились, вытянули впередъ свои головы и, напрягая зрѣніе, долго и пристально посмотрѣли на него, и потомъ неслышною стопой попятились назадъ и скрылись. Складки сукна снова упали, и опять вокругъ густой полумракъ. Блуждающій взоръ больного теперь не различаетъ ничего въ темномъ покоѣ, хотя больной не одинъ здѣсь, а у него есть очень интересный товарищъ: въ темномъ углубленіи, въ головахъ у него, между окномъ и высокимъ массивнымъ комодомъ, дремлетъ въ мягкомъ креслѣ Лариса.

Какая чудная поза! Какъ хороши эти сочетанія Греза, въ очертаніи рисунка, и Рембрандта, въ туманномъ колоритѣ! Но больной Подозеровъ не видитъ ни черныхъ рѣсницъ, павшихъ на матовыя щеки, ни этой дремлющей руки, въ которой замерло знакомое намъ письмо Горданова, — предательское письмо, писанное въ утѣху Бодростиной, а также и въ другихъ видахъ, извѣстныхъ лишь самому Горданову. Какъ могла спать Лариса, только что прочитавъ такія унизительныя для ея самолюбія строки? да и спала ли она? Нѣтъ, состояніе, въ которомъ она на-

ходилась, было не сонъ. Получивъ около часу тому назадъ это письмо, она рѣшилась вскрыть его только здѣсь, въ комнатѣ больного, который теперь казался ей геніемъ-хранителемъ. Прочитавъ присланный ей Гордановымъ короткій и наглый указъ объ отставкѣ, она уронила голову, уронила руку и потеряла сознаніе. Было-ль жаль его?.. Нѣтъ. Любила-ль его?.. Богъ вѣсть. Но она была сражена тѣмъ, что она, — красавица, которая не умѣла придумать себѣ достойной цѣны, — можетъ быть пренебрежена и кинута какъ негодная и ничего не стоящая вещь! Она чувствовала въ случившемся не только обиду, но и живую несообразность, которая требуетъ разъясненія и выхода. Она ждала и жаждала ихъ, и они не замедлили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Собака и ея тѣнь.

За стѣной, куда скрылися тѣни, началась шопотомъ бесѣда.

— И ты съ тѣмъ это и пришла сюда, Катя? внезапно послышалось изъ-за успокоившихся полосъ сукна.

Лариса тотчасъ же узнала голосъ генеральши Синтянниной.

— Да; я именно съ этимъ пришла, отвѣчалъ ей немножко грубоватый, но искренній голосъ Форовой; я давно жду и не дождусь этой благословенной минутки, когда онъ придетъ въ такой разумъ, чтобъ я могла сказать ему: «прости меня, голубчикъ Андрюша, я была виновата предъ тобою, сама хотѣла, чтобы ты женился на моей племянницѣ, ну а теперь каюсь тебѣ въ этомъ и сама тебя прошу: брось ее, потому что Лариса не стоитъ путнаго человѣка».

— Горячо сказано, Катя.

— Горячо и праведно, моя милая.

— Ну, въ такомъ случаѣ мнѣ остается только порадоваться, что мы съ тобой сошлись на его крыльцѣ, что онъ спитъ и что ты не можешь исполнить своего намѣренія.

— Я его непремѣнно исполню, отвѣчала Форова.

— Нѣтъ не исполнишь: я увѣрена, что ты черезъ минуту согласишься, что ты не имѣешь никакого права вмѣшиваться такимъ образомъ въ ихъ дѣло.

— Ну, это старая пѣсня: я много слыхала про эти невмѣшательства и не очень ихъ почитаю. Нѣтъ, вмѣшивайся; если кому желаешь добра, такъ вмѣшивайся. А онъ мнѣ просто жалости достоинъ.

Слышно было, какъ Форова сорвала съ себя шляпу и бросила ее на столъ.

— Въ этомъ ты права, отвѣтила ей тихо Синтянина.

— Да какъ же не права? Я тебѣ говорю, сколько я больная лежала, да разсуждала про нашу Ларису Платоновну, сколько теперь къ мужу въ тюрьму по грязи шлепаю, или когда здѣсь надъ больнымъ сижу,—все она у меня изъ головы нейдетъ: что она такое? Нѣтъ, ты разскажи мнѣ, пожалуйста, что она такое?

Синтянина промолчала.

— Молчишь, нетерпѣливо молвила Катерина Астафьевна,—это, мать моя, я и сама умѣю.

— Она.... красавица, сказала Синтянина.

— То есть писанка, которою цацкаются, да поцацкавшись, другому отдаютъ, какъ писанное яичко на Великъ День.

— Что же это позволяетъ тебѣ дѣлать на ея счетъ такія заключенія?

— Изъ чего я такъ заключаю?.. А вотъ изъ этого письмеца, которое мнѣ какой-то благодѣтель прислалъ изъ Москвы. Возьми-ка его, да поди къ окну, прочитай.

Синтянина встала и черезъ минуту воскликнула:

— Какая низость.

— Да; вотъ и разсуждай. Вотъ тебѣ и красавица.— Гордашка, и тотъ шлетъ отказъ какъ шестъ.

— Анонимное письмо... копія... это все не стоитъ никакой вѣры.

— Нѣтъ, это вѣрно, да что въ самомъ дѣлѣ намъ себѣ

врать: это такъ должно быть. Я помню, что встарь говорили: красота безъ нравовъ — это приманка безъ удочки; такъ оно и есть: подплываетъ карась, повертится, да и уйдетъ, а тамъ голецъ толкнется, пискарь губами почмокаетъ, пока развѣ какой шарпавый ёршъ хапнетъ, да ужъ совсѣмъ слопаетъ. Ларка... нѣтъ, эта Ларка роковая: твой мужъ правду говоритъ, что ее, какъ калмыцкую лошадь, одинъ калмыкъ переупрямитъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе послышался только тихій вздохъ.

— Да, вотъ видишь ли, и вздохнула? А хочешь ли я тебѣ скажу, почему ты вздыхаешь? Потому, что ты сама согласна, что въ ней, въ нашей прекрасной Ларочкѣ, нѣтъ ничего достойнаго любви и уваженія.

Синтянина на это не отвѣтила ни слова, а голова Ларисы судорожно оторвалась отъ спинки кресла и выдвинулась впередъ съ гнѣвнымъ взоромъ и расширяющимися ноздрями.

Форова не прерывала нити занимающихъ ее мыслей и продолжала свой разговоръ.

— Нѣтъ, ты не отмалчивайся, говорила она:—мы здѣсь одни, насъ двухъ никто третій здѣсь не слышитъ, и я у тебя настоятельно спрашиваю: что же, уважаешь развѣ ты Ларису?

— Уважаю, рѣшительно отвѣтила Синтянина.

— Лжешь! Ты честная женщина, ты никого не погубила и потому не можешь уважать такую метелицу.

— Она метелица, это правда, но это все оттого только, что она капризна, отвѣчала генеральша.

— Да вотъ изволишь видѣть: она только капризна да пустоголова, а то всѣмъ бы взяла.

— Ну извини: у нея есть умъ.

— Необыкновенно какъ умна! Цѣны себѣ даже не сложитъ, колечка не выберетъ, на какой бы себя повѣсить! И то бы ей хорошо, а это еще лучше того; ступитъ шагъ, да оглянется, пойдетъ впередъ и опять воротится.

— Все это значитъ только то, что у нея безпокойное воображеніе.

— Ну, вотъ выдумай еще теперь безпокойное воображеніе! Все что-нибудь виновато, только не она сама! А я вамъ доложу-съ одно, дорогая моя Александра Ивановна, что какъ вы этого ни называйте,—капризъ ли это или по новому — безпокойное воображеніе, — а съ этимъ жить нельзя!

Генеральша пожала плечами и отвѣчала:

— Однако же люди живутъ съ женщинами капризными.

— Живутъ-съ? Да съ ними живутъ и маются и вѣкъ свой губятъ. Изъ человѣка сила-богатырь вышелъ бы, а кисейный рукавъ его на вѣтеръ пуститъ, и ученые люди къ родѣ васъ это оправдываютъ: «Женщина, женщина!» говорятъ, «Женщины несчастныя, ихъ надо во всемъ оправдывать».

— Я не оправдываю ни женщинъ, ни Ларисы, и, пожалуйста, прошу тебя, не считай меня женскимъ адвокатомъ; бываютъ виноватыя женщины, есть виноватые мужчины.

— Какъ же вы не оправдываете Ларису, когда вы ее даже уважаете? настаивала майорша.

— Я въ Ларисѣ уважаю то, что заслуживаетъ уваженія.

— Что же-съ это, что̀, позвольте узнать? Что же вы въ ней уважаете?

— Она строгая, честная дѣвушка.

— Что-съ?

— Она строгая къ себѣ дѣвушка; дѣвушка честная, не болтушка, не сплетница; любитъ домъ, любитъ чтеніе и бесѣду умныхъ людей. А все остальное... отъ этого ей одной худо.

— Она строгая дѣвушка? Она честная? Поздравляю!

— Развѣ ты о ней какимъ-нибудь образомъ узнала что-нибудь нехорошее?

— Нѣтъ, образомъ я ничего не узнала, а меня это какъ полѣномъ въ лобъ свистнуло... но только нечего про это, нечего... А я сказала, что не хочу, чтобъ Андрей Ивано-

вичъ принималъ какъ святыню ее, обцѣлованную мерзкими губами; я этого не хочу и не хочу, и такъ сдѣлаю.

И разгорячившаяся Форова забылась и громко хлопнула по столу ладонью.

— Да! подтвердила она: я такъ сдѣлаю: дрянь ее бросила, а хорошему я не дамъ съ ней обрушиться.

— Дрянь бросила, а хорошій подниметъ, проговорила Синтянина.—Это такъ нерѣдко бываетъ, моя Катя.

— Ну бываетъ, или не бываетъ, а на этотъ разъ такъ не будетъ! Клянусь Богомъ, мужемъ моимъ, всѣмъ на свѣтѣ клянусь: этого не будетъ! Подыми только его Господь, а ужъ тогда я сама, я все ему открою, и онъ ее броситъ.

— Какъ же ты можешь за это ручаться? Ну, ты скажешь ему, что она капризница, но большею частью всѣ хорошенькія женщины капризны.

— Нѣтъ, я и другое еще скажу.

— Ну... ты, положимъ, скажешь, что она кого-то когда-то поцѣловала что ли... произнесла, нѣсколько затрудняясь, генеральша;—но что же изъ этого?

— Такъ это ничего! Такъ это по-твоему ничего? Ну, не ожидала, чтобы ты, ты, строгая, чистая женщина, дѣвушкамъ ночные поцѣлуи съ мерзавцами совѣтовала.

— Я и никогда этого не совѣтовала, но скажу, что это бываетъ.

— И что это *ничего*?

— Почти. Спроси, пожалуйста, по совѣсти всѣхъ дамъ, не случалось ли имъ поцѣловать мужчину до замужества, и ручаюсь, что рѣдкой этого не случалось; а между тѣмъ это не помѣшало многимъ изъ нихъ быть потомъ и очень хорошими женами и матерями.

— Ну, а я говорю, что она не будетъ ни хорошей женой, ни хорошей матерью; мнѣ это сердце мое сказало, да и я знаю, что Подозеровъ самъ не станетъ по-твоему разсуждать. Я видѣла, какъ онъ смотрѣлъ на нее, когда былъ у тебя въ послѣдній разъ предъ дуэлью.

— Какъ онъ на нее смотрѣлъ? Я ничего особеннаго не видала.

— Именно особенно: совсѣмъ не такъ, какъ глядѣлъ на нее прежде. Бровки-то съ губками видно уже напритерѣли, а живая душа за душу потянула.

— Что это?.. другая любовь, что ли?

— Да-съ.

— Это любопытно,—уронила съ легкимъ смущеніемъ въ голосѣ генеральша.

— А ты не любопытствуй, а то я вѣдь, пожалуй, и скажу.

— Пожалуйста, пожалуйста, скажи.

— Да ты же сама эта живая душа, вотъ кто!

— Ну ты, Катерина, въ самомъ дѣлѣ съ ума сходишь.

— Нимало не схожу: ты его любишь, и онъ къ тебѣ тоже всей душой потянулся, и придетъ время дотянется.

Генеральша еще болѣе смущеннымъ голосомъ спросила:

— Что за вздоръ такой, какъ это онъ—*дотянется?*

— Да отчего жъ нѣтъ? Ты молода, ему тридцать пять лѣтъ, а мужу твоему дважды тридцать пять, да еще не съ хвостикомъ ли? Иванъ Демьяновичъ умретъ, а ты за Андрюшу замужъ выйдешь. Вотъ и весь сказъ.—Не желаешь, чтобъ такъ было?

Послышался шорохъ, и двѣ женскія фигуры въ обѣихъ смежныхъ комнатахъ встали и двинулись: Лариса скользнула къ кровати Подозерова и положила свою трепещущую руку на изголовье больного, а Александра Ивановна сдѣлѣла шагъ на средину комнаты и, сжавъ на груди руки, произнесла:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты лжешь! Видитъ Богъ мое сердце, я не желаю смерти моему мужу! Я желаю ему выздоровленія, жизни, покоя и примиренія со всѣмъ, предъ чѣмъ онъ не правъ. И это такъ и будетъ: докторъ сегодня сказалъ, что Иванъ Демьяновичъ уже положительно внѣ всякой опасности, и мы поѣдемъ въ Петербургъ; тамъ вынутъ его пулю, и онъ будетъ здоровъ.

— Ха, ха, все это вы сдѣлаете, а все-таки будетъ такъ, какъ я сказала: старому гнить, а молодымъ жить. Ты этого не хочешь, но тебѣ это желается: оно такъ и выйдетъ.

При этихъ новыхъ словахъ Форовой фигура генеральши, обрисовавшаяся темнымъ силуэтомъ на сѣромъ фонѣ густыхъ сумерекъ, поднялась съ дивана и медленно повернулась.

— Катя! это уже наконецъ жестоко! — проговорила она и, закрывъ рукой лицо, отошла къ стѣнѣ. Она какъ бы чего оробѣла, и на вѣкахъ ея глазъ повисли слезы:

Въ это же самое мгновенье, въ другой комнатѣ, Лара, упершись одною рукой въ блѣдный лобъ Подозерова и поднимая тоненькимъ пальцемъ его зеницы, другою крѣпко сжала его руку и, глядя перепуганнымъ взглядомъ въ расширенные зрачки больного, шептала:

— Встаньте, встаньте же, встаньте! Проснитесь... я люблю васъ!

Лариса должна была нѣсколько разъ кряду повторить свое признаніе, прежде чѣмъ обнаружилось хотя слабое дѣйствіе того волшебства, на которое она разсчитывала. Но она такъ настойчиво теребила больного, что въ его глазахъ наконецъ блеснула слабая искра сознанія, и онъ вышелъ изъ окаменѣлаго безчувствія.

— Слышите ли вы, слышите ли, что я говорю вамъ?— добивалась шопотомъ Лара, во всю свою силу сжимая руку больного и удерживая пальцами другой руки вѣки его глазъ.

— Слы...ш...ш...ш...у!—тихо протянулъ Подозеровъ.

— Узнаете ли вы меня?

— Уз...на...ю.

— Назовите же меня, назовите: кто я?

— Вы?..

Больной вдругъ вперилъ глаза въ лицо Лары и послѣ долгаго соображенія отвѣтилъ:

— Вы не она.

Лариса выбросила изъ своихъ рукъ сто рублей, выпрямилась и, закусивъ нижнюю губку, мысленно послала по ему, а многимъ другимъ одно общее проклятіе, большая доля котораго безъ раздѣла досталась генеральшѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Раненаго берутъ въ плѣнъ.

Описанная неожиданная сцена между Ларисой и Подозеровымъ произошла очень быстро и тихо, но тѣмъ не менѣе, нарушивъ безмолвіе, царившее во все это время въ покоѣ больного, она не могла утаиться отъ двухъ женщинъ, присутствовавшихъ въ другой комнатѣ, если бы вниманіе ихъ въ эти минуты не было въ сильнѣйшей степени отвлечено другою неожиданностью, которая, въ свою очередь, не обратила на себя вниманія Ларисы и Подозерова только потому, что первая была слишкомъ занята своими мыслями, а второй былъ еще слишкомъ слабъ для того, чтобы соображать разомъ, что дѣлается здѣсь и тамъ въ одно и то же время.

Дѣло въ томъ, что прежде чѣмъ Лара приступила къ Подозерову съ рѣшительнымъ словомъ, на крыльцѣ деревяннаго домика, занимаемаго Андреемъ Ивановичемъ, послышались тяжелые шаги, и въ тотъ моментъ, когда взволнованная генеральша отошла къ стѣнѣ, въ темной передней показалась еще новая фигура, которой нельзя было ясно разглядѣть, но которую сердце майорши назвало ей по имени.

Катерина Астафьевна, воззрясь въ темноту, вдругъ позабыла всякую осторожность, требуемую близостью больного и, отчаянно взвизгнувъ, кинулась впередъ, обхватила вошедшую темную массу руками и замерла на ней.

Генеральша торопливо оправилась и зажгла спичкой свѣчу. Огонь освѣтилъ предъ нею обросшую косматую фигуру майора Флетера Форова, къ которому въ изступленіи самыхъ смѣшанныхъ чувствъ ужаса, радости и восторга

припала полновѣсная Катерина Астафьевна. Увидѣвъ при огнѣ лицо мужа, майорша только откинула назадъ голову и, не выпуская майора изъ рукъ, закричала: «Форъ! Форъ! ты ли это, мой Форъ!» и начала покрывать поцѣлуями его сильно посѣдѣвшую голову и мокрое отъ дождя и снѣга лицо.

— Ты это? ты? Говори же мнѣ, ты или нѣтъ? — добивалась она, раздѣляя каждое слово поцѣлуемъ, улыбкой и слезами.

— Ну, вотъ тебѣ на! Я или нѣтъ? Разумѣется я,—отвѣчалъ майоръ.

— Господи! я глазамъ своимъ не вѣрю, что это ты!

— Ну, такъ повѣрь.

Майорша не отвѣчала: она, дѣйствительно, какъ бы не довѣряя ни зрѣнію своему, ни слуху, ни осязанію, жалась къ мужу, давила его плечи своими локтями и судорожно сронила и сжимала въ дрожащихъ рукахъ его сѣдые волосы и обросшую въ острогѣ бороду!

— Откуда же ты? да говори же скорѣе: убѣжалъ?.. Я тебя скрою...

— Ничуть я не убѣжалъ, и нечего тебѣ меня скрывать. Здравствуйте, Александра Ивановна!

Генеральша отвѣчала пожатіемъ руки на его привѣтствіе, и съ своей стороны спросила:

— Какъ это вы, Филетеръ Ивановичъ?

— А очень просто: сначала на цѣпь посадили, а нынче спустили съ цѣпи,—только и всего. Слѣдствіе затянулось; Гордановъ съ поручительствомъ уѣхалъ, и меня, въ сравненіе съ сверстниками, на поруки выпустили. Спасибо господину Горданову!

— Да, спасибо ему, разбойнику, спасибо! Но что же мы стоимъ? Иди же, дружочекъ, садись, и разскажи, какъ ты пришелъ... Только тихо говори, бѣдный Андрюша чуть живъ.

— Пришелъ я очень просто: своими ногами, а Андрей Ивановичъ гдѣ же лежитъ?

— Тутъ за стѣной. Тише, онъ теперь спитъ, а мы съ Саплутой тутъ и сидѣли... Ея Ивану Демьянычу, знаешь, тоже легче... да; Саша повезетъ его весной въ Петербургъ, чтобъ у него вынули пулю. Не хочешь ли чаю?

— Ничего, можно и чаю; я тамъ привыкъ эту дрянь пить.

— Садись же, а я скажу человѣку, чтобы поставилъ самоваръ. Ты вѣдь не заходилъ домой... ты прямо?..

— Прямо, прямо изъ острога.—отвѣчалъ майоръ, усаживаясь рядомъ съ Синтянинной на диванѣ и принимаясь за сооруженіе себѣ своей обычной толстой папиросы.

— Я боялся идти домой.—заговорилъ онъ, обратясь къ генеральшѣ, когда жена его вышла.—Думалъ: войду въ сумеркахъ, застану одну Торочку: она, бѣдное твореньс, перепугается, — и пошелъ къ вамъ; а у васъ говорятъ, что вы здѣсь, да вотъ какъ разъ на нее и напалъ. Хотѣлъ было ей башмаки, да лавки заперты. А что, гдѣ теперь Лариса Платоновна?

— Она вѣрно дома.

— Нѣтъ, я былъ у нея; ея дома нѣтъ. Я заходилъ къ ней, чтобы занять пять цѣлковыхъ для своего поручителя, да не нашелъ ее и отдалъ ему съ шеи золотой крестъ, который мнѣ Торочка въ острогѣ повѣсила. Вы ей не говорите, а то обидится.

— А кто же за васъ поручился? Впрочемъ, что я спрашиваю: конечно, другъ вашъ, отецъ Евангелъ.

— А вотъ же и не отецъ Евангелъ: зачѣмъ бы я Евангелу крестъ отдалъ?

— И правда: я вздоръ сказала.

— Да, кажется, что такъ. Нѣтъ, за меня не Евангелъ поручился, а цѣловальникъ Берко. Другъ мой, отецъ Евангелъ, агитаторъ и самъ подъ судомъ, а слѣдовательно довѣрія не заслуживаетъ. Другое дѣло жидъ Берко: онъ «честный еврей». Но все дѣло не въ томъ, а что я такое вижу... тс!.. тс!.. тише.

Синтянина взглянула по направленію, по которому глядѣлъ въ окно майоръ, и глазамъ ея представилась огненная звѣздочка. Еще мгновеніе, и эта звѣздочка вдругъ краснымъ зайцемъ перебѣжала по сосѣдской крышѣ и закурилась дымомъ.

— Пожаръ! по сосѣдству пожаръ, у сосѣдей!—задыхаясь, прошептала, вбѣгая, Форова.

Майоръ, жена его и генеральша выбѣжали на крыльцо и убѣдились, что дѣйствительно въ двухъ шагахъ начинался пожаръ и что огонь черезъ нѣсколько минутъ угрожалъ неминуемою опасностью квартирѣ Подозерова. Больного надо было спасать: надо было его взять и перенести, но куда?—вотъ вопросъ. Неужто въ гостиницу? Но въ гостиницахъ такъ безпокойно и безпріютно. Къ Форовымъ? но это далеко, и потомъ у нихъ тоже не Богъ вѣсть какіе помѣстительные чертоги... Къ Синтянинымъ?.. У тѣхъ, разумѣется, есть помѣщеніе, но генералъ Иванъ Демьянычъ самъ очень слабъ, и хотя онъ давно привыкъ вѣрить женѣ и нечего за нее опасаться, однако же онъ подозрителенъ, ревнивъ; старыя страсти могутъ зашевелиться. Это промелькнуло въ головѣ генеральши одновременно съ мыслью взять къ себѣ больного, и промелькнуло особенно ясно потому, что недавніе намеки насчетъ ея чувства къ Подозерову были такъ живы и, къ крайнему ея стыду, къ крайней досадѣ ея, не совсѣмъ безосновательны.

«Вотъ и казнь!—подумала она,—вотъ и начинается казнь! Надъ чѣмъ бы я прежде не остановилась ни одного мгновенія, надъ тѣмъ я теперь размышляю даже тогда, когда дѣло идетъ о спасеніи человѣка»...

Но пока генеральша предавалась этимъ размышленіямъ, на дворѣ и на улицѣ закипѣла уже пожарная суматоха и черезъ минуту она должна была неизбѣжно достичь до ушей больного и перепугать, а можетъ-быть и убить его своею внезапностью. Настояла крайняя необходимость сейчасъ же рѣшиться, что предпринять къ его спасенію, — а между тѣмъ всѣ только ахали и охали. Катерина Астафь-

свиа бросалась то на огородъ, то за ворота, крича: «Ахъ, Господи, ахъ, Николай угодникъ, что дѣлать?» Синтянина же, рѣшивъ взять ни на что не смотря больного къ себѣ, побѣжала въ кухню искать слугу Подозерова, а когда обѣ эти женщины снова столкнулись другъ съ другомъ, вбѣгая на крыльцо, вопросъ уже былъ рѣшенъ безъ всякаго ихъ участія. Онѣ въ сѣняхъ встрѣтили Форова, который осторожно несъ на рукахъ человѣка, укутаннаго въ долгорунную баранью шубу майора, а Лариса поддерживала ноги больного и прикрывала отъ вѣтра его истощенное тѣло. О томъ, *кто* эта ноша — нечего было спрашивать. Катерина Астафьевна и Синтянина только воскликнули въ одинъ голосъ: «куда вы это?» на что Лара, не оборачиваясь къ нимъ, отвѣтила: «ко мнѣ», — и эффектное перенесеніе шло далѣе, по ярко освѣщенному двору, по озареннымъ заревомъ улицамъ, мимо людей толпящихся, осуждающихъ, разсуждающихъ и не разсуждающихъ.

Синтянина и Форова послѣдовали за Ларой и майоромъ. Когда больного положили въ кабинетѣ отсутствующаго Жозефа Висленева, Филетеръ Ивановичъ поспѣшилъ опять на пожаръ и, найдя помощниковъ, энергически принялся спасать Подозеровскіе пожитки, перетаскивая ихъ на Висленевскій дворъ. Къ утру все это было окончено, и хотя квартира Подозерова не сгорѣла, а только нѣсколько потерпѣла отъ пожарнаго переполоха, но возвратиться въ нее было ему неудобно, пока ее снова приведутъ въ порядокъ; а тѣмъ временемъ обнаружились и другія препятствія, состоявшія главнымъ образомъ въ томъ, что Лара не хотѣла этого возвращенія. Она дала это понять всѣмъ къ ней близкимъ въ тотъ же самый вечеръ, какъ Подозеровъ былъ положенъ въ кабинетѣ ея брата.

Лара вдругъ обнаружила быстрѣйшую распорядительность: она, съ помощью двухъ слугъ и Катерины Астафьевны съ генеральшей, въ нѣсколько минутъ обратила комнату брата въ удобное помѣщеніе для больного и, позвавъ врача, пользовавшаго Подозерова, объявила Форовой и Синтяниной,

что больной требуетъ покоя и долженъ остаться исключительно на однихъ ея попеченіяхъ.

Генеральша и майорша переглянулись.

— Мы, значитъ, теперь здѣсь лишнія?—спросила Катерина Астафьевна.

— Да, вамъ, тетя, хорошо бы посмотрѣть, что тамъ... дѣлается съ его вещами, а здѣсь я сама со всѣмъ управлюсь,—спокойно отвѣчала Лара и ушла доканчивать свои распоряженія.

Форова и Синтянина остались вдвоемъ въ пустой залѣ.

— Что же, это значитъ раненый теперь въ плѣнъ взятъ, что ли?—молвила майорша.

Синтянина въ отвѣтъ на это только пожала плечами и обѣ эти женщины молча пошли по домамъ, оставивъ Ларису полною госпожой ея плѣнника и властительницей его живота и смерти.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Роза изъ сугроба.

Больной оставался тамъ, гдѣ его положили; время шло, и Лариса дѣлала свое дѣло.

Чуть только Подозеровъ, получившій облегченіе, началъ снова ясно понимать свое положеніе, Лара, строго удалявшая отъ больного всѣхъ и особенно Синтянину, открыла ему тайну униженія, претерпѣннаго ею отъ Горданова.

Это было вечеромъ, одинъ-на-одинъ: Лариса открыла Испанскому Дворянину все предшествовавшее полученію отъ Павла Николаевича оскорбительнаго письма. При этомъ разсказѣ, Ларису, конечно, нельзя было бы упрекнуть въ особенной откровенности;—нѣтъ, она многое утаивала и совсѣмъ скрыла подробности поцѣлуя, даннаго ею Павлу Николаевичу на окнѣ своей спальни; но чѣмъ неоткровеннѣе она была по отношенію къ себѣ, тѣмъ рѣзче и безповоднѣе выходила наглость Горданова, а Подозеровъ былъ склоненъ вѣрить на этотъ счетъ очень многому, и онъ,

дѣйствительно, вѣрилъ всему, что ему говорила Лариса. Когда послѣдняя подала ему извѣстное намъ письмо Гордановa, Подозеровъ, пробѣжавъ его, содрогнулся, откинулъ далеко отъ себя листокъ и проговорилъ:

— Я только одного не постигаю, какъ такой поступокъ до сихъ поръ не наказанъ!

И Подозеровъ началъ тихо вытирать платкомъ свои блѣдныя руки, въ которыхъ за минуту держалъ Гордановское письмо.

— Кто же можетъ его наказать? — молвила потерянно Лариса.

— Тотъ, кто имѣетъ законное право за васъ вступаться,— вашъ братъ Жозефъ. Это его обязанность... по крайней мѣрѣ до сихъ поръ у васъ нѣтъ другого защитника.

— Мой братъ... гдѣ онъ? Мы не знаемъ, гдѣ онъ, и къ тому... эта исторія съ портфелемъ...

Подозеровъ поглядѣлъ на Ларису и, поправясь на изголовьи, отвѣтилъ:

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Онъ не смѣетъ?

— Да; я совершенно безпомощна, беззащитна и... у меня даже не можетъ быть другого защитника,—хотѣла досказать Лара, но Подозеровъ понялъ ее и избавилъ отъ труда досказать это.

— Говорите, пожалуйста: чего вы еще боитесь, что еще вамъ угрожаетъ?

— Я вся кругомъ обобрана... я нищая.

— Ахъ, это!.. да развѣ уже срокъ закладной дома минулъ?

— Да, и этотъ домъ уже больше не мой; онъ будетъ проданъ, а я, какъ видите,—оболгана, поругана и обезчещена.

Лариса заплакала, склоня свою фарфоровую голову на бѣлую ручку, по которой сбѣгалъ, извиваясь какъ змѣя, черный локонъ.

Подозеровъ молча глядѣлъ нѣсколько времени и наконецъ сказалъ даже:

— Что же теперь дѣлать?

— Не знаю; я все потеряла, все... все... состояніе, друзей и доброе имя.

— И отчего я здѣсь у васъ не вижу... ни Катерины Астафьевны, ни майора, ни Синтяниной?

— Тетушкѣ изъ Москвы прислали копію съ этого письма; она всему вѣритъ и презираетъ меня.

— Боже! какой страшный мерзавецъ этотъ Гордановъ! Но будто уже это письмо могло вліять на Катерину Астафьевну и на другихъ?

Лариса вмѣсто отвѣта только хрустнула руками и прошептала:

— Я пойду въ монастырь.

— Что такое?—переспросилъ ее изумленный Подозеровъ, и, получивъ отъ нея подтвержденіе, что она непремѣнно пойдетъ въ монастырь, не возразилъ ей ни одного слова.

Наступила долгая пауза: Лариса плакала, Подозеровъ думалъ. Мысль Лары о монастырѣ подѣйствовала на него чрезвычайно странно. Предъ нимъ точно вдругъ разогнулась страница одного изъ тѣхъ старинныхъ романовъ, къ которымъ Висленевъ намѣревался обратиться за усвоеніемъ себѣ манеръ и пріемовъ, сколько-нибудь пригодныхъ для житья въ обществѣ благопристойныхъ женщинъ. Въ памяти Подозерова промелькнули «*Чернецъ*» и «*Таинственная монахиня*», и «*Тайны Донаретскаго аббатства*», и вслѣдъ затѣмъ вечеръ на Синтянинскомъ хуторѣ, когда отецъ Евангелъ читалъ наизусть на непередаваемомъ французскомъ языкѣ стихи давно забытаго французскаго поэта Клименга Маро, оканчивающіеся строфой:

«Ainsi retournement humain se fait».

И Подозерову стало дико. Неужели въ самомъ дѣлѣ колесо совсѣмъ перевернулось, и начинается сначала?.. Но когда же все это случилось и какъ? Неужели это произошло во время его тяжкой борьбы между жизнію и смертію? Нѣтъ; это стряслось не вдругъ: это шло чередомъ и полосой: мы сами только этого не замѣчали, и нынѣ дивимся, что общаго между прошлымъ тѣхъ героинь, которыя замыкались

въ монастыри, и прошлымъ сверстницъ Лары, получившихъ болѣе или менѣе невнятные уроки въ словахъ пророковъ новизны и въ примѣрахъ, ненадолго опередившихъ ихъ мечтательницъ, кинутыхъ на распутьи жизни съ ихъ обманутыми надеждами и упованіями? Да; есть однакоже между ними нѣчто общее, есть даже много общаго: какъ преподаваемые встарь уроки «бабушекъ» проходили безъ проникновенія въ жизнь, такъ прошли по верхамъ и позднѣйшіе уроки новыхъ внушителей. По заслугамъ опороченное, недавнее юродство отрицательницъ было выставлено пугаломъ для начинающихъ жить юношей и юницъ послѣдняго пятилѣтія, но въ противовѣсъ ему не дано никакого живого идеала, способнаго возвысить молодую душу надъ уровнемъ вседневныхъ столкновеній, теорій и житейской практики. Какъ панацея отъ всѣхъ бѣдъ и неурядицъ ставилась «бабушкина мораль», и къ ней оборотили свои насупленные и недовольные лики юныя внучки, съ трепетомъ отрекшіяся отъ ужаснувшаго ихъ движенія «безповоротныхъ» жрицъ недавно отошедшаго или только отходящаго культа: но этотъ поворотъ былъ не поворотъ по убѣжденію въ превосходствѣ иной морали, а робкое пяченье назадъ съ протестомъ къ тому, что покинуто, и тайнымъ презрѣніемъ къ тому, куда направилось отступленіе. Изъ отреченія отъ недавнихъ, нынѣ самихъ себя отрицающихъ отрицателей, при полномъ отсутствіи всякаго иного свѣжаго и положительнаго идеала, вышло только новое, полнѣйшее отрицаніе: отрицаніе идеаловъ и отрицаніе отрицанія. Въ жизни явились люди безъ прошлаго и безъ всякихъ, хотя смутно опредѣленныхъ стремленій въ будущемъ. Мужчины изъ числа этихъ перевертней, выбираясь изъ новаго хаоса, ударились по пути іезуитскаго предательства. Коварство они возвели въ добродѣтель, которою кичились и кичатся до сего дня, не краснѣя и не совѣстясь. Религія, школа, самое чувство любви къ родинѣ,—все это вдругъ сдѣлалось предметомъ самой безсовѣстной эксплоатаціи. Женщины пошли по ихъ стопамъ и даже обогнали ихъ: вчерашнія отрицательницы

брака не пренебрегали никакими средствами обезпечить себя работникомъ въ лицѣ мужа и влекли съ собою неосторожныхъ юношей къ алтарю отрицаемой ими церкви. Этому изыскивались оправданія. Браки заключались для болѣе удобнаго вступленія въ безконечные новые браки. Затѣмъ посыпались, какъ изъ рога изобилія, просьбы о разводахъ и самые алчные иски на мужей... Все это шло быстро, съ наглостію почти изумительною, и послѣдняя вещь становилась дѣйствительно горше первой.

Въ этой суматохѣ отъ толпы новыхъ лицемѣровъ отдѣлялся еще новѣйшій ассортиментъ, который не знаемъ какъ и назвать. Эти гнушались ренегатствомъ, признали за собою превосходство какъ предъ погибающими или уже погибшими откровенными отрицательницами, такъ и предъ коварницами новѣйшаго пошиба; но сами не могли избрать себѣ никакого неосуднмаго призванія. Въ своемъ шатаніи онѣ обрѣли себя чуждыми всѣмъ и даже самимъ себѣ, и наибольшее ихъ несчастіе въ томъ, что онѣ чаще всего не сознаютъ этой отчужденности до самыхъ роковыхъ минутъ въ своей жизни. Онѣ не знаютъ, къ чему онѣ способны, куда бы хотѣли и чего бы хотѣли.

Красавица Лариса была изъ числа этихъ обреченныхъ на несносное страданіе существъ послѣдней культуры. Выросши на глазахъ заботливой, но слабой и недальновидной матери, Лариса выслушала отъ брата и его друзей самыя суровыя осужденія старой «бабушкиной морали», которой такъ или иначе держалось общество до проповѣданія ученій, осмѣявшихъ эту старую мораль, и она охотно осудила эту мораль, но потомъ еще охотнѣе осудила и ученія, склонявшія ее къ первымъ осужденіямъ. Отбросивъ одно за другимъ и то и другое, она осталась сама не причемъ, и такъ и жила, много читая, много слушая, но не симпатизируя ничему.

«У нея нѣтъ ничего,—рѣшилъ, глядя на нее, Подозеровъ.—Она не обрѣжетъ волосъ, не забредитъ коммуной, не откроетъ швейной: все это для нея пустяки и утопія; но

она и не склонитъ колѣна у алтаря и не помирится со скромною ролью простой, доброй семьянинки. Къ чему ей прилѣпиться и чѣмъ ей стать? Ей нечѣмъ жить, ей не къ чему стремиться, а между тѣмъ дѣвичья пора уходитъ, и особенно теперь, послѣ огласки этой гнусной исторіи, не сладко ей, бѣдняжкѣ!»

И онъ еще посмотрѣлъ на Ларису, и она показалась ему такою бѣдною и безпомощною, что онъ протянулъ ей руку и не успѣлъ одуматься и сообразить, какъ къ рукѣ этой, обхваченной жаркими руками Лары, прильнули ея влажныя, трепещущія губы и канула горячая слеза.

Что могло привести Ларису къ такому поступку? Къ нему побудило ее страшное сознаніе круглаго одиночества, неодолимый натискъ потребности казнить себя униженіемъ и малодушная надежда, что за этимъ ударомъ ея самолюбію для нея настанетъ возможность стать подъ крыло вполнѣ добраго человѣка, какимъ она признавала Подозерова.

Въ послѣднемъ разсчетѣ было кое-что вѣрно.

Больной вскочилъ и дернулъ свою руку изъ рукъ Ларисы, но этимъ самымъ привлекъ ее къ себѣ и почувствовалъ грудь ея у своей груди и заплаканное лицо ея у своего лица.

— О, умоляю васъ,—шептала ему Лара.—Бога ради, не киньте меня вы... Выведите меня изъ моего ужаснаго, страшнаго положенія, или иначе... я погибла!

— Чѣмъ, чѣмъ и какъ я могу помочь вамъ? Приказывайте! говорите!

— Какъ хотите.

— Я сдѣлаю все, что могу... но что, что я могу сдѣлать! Прàва заступиться за васъ... я не имѣю... Вы не хотѣли этого сами...

— Это ничего не значитъ,—горячо перебила его Лара.

Подозеровъ взглянулъ на нее острымъ взглядомъ и прошептавъ: «какъ ничего не значитъ?» повернулъ лицо къ стѣнѣ.

— Ничего не значитъ! Возьмите всѣ права надо мною: я ихъ даю вамъ.

Подозеровъ молчалъ, но сердце его сильно забилось.

Лариса стояла на прежнемъ мѣстѣ возлѣ его постели. Въ комнатѣ продолжалось мертвое безмолвіе.

«Чего она отъ меня хочетъ?»—думалъ больной, чувствуя, что сердце продолжаетъ учащенно биться, и что на него отъ Лары опять пышетъ тонкимъ ароматомъ, болѣзненно усиливающимъ его безпокойство.

Онъ рѣшился еще разъ просить Ларису сказать ему, приказать ему, что онъ долженъ для нея сдѣлать, и, обратясь къ ней съ этою цѣлію, остолбенѣлъ. Лариса стояла на колѣняхъ, положивъ голову на край его кровати, и плакала.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы такъ страдаете?—проговорилъ онъ.

— Мнѣ тяжко... за себя... за васъ... мнѣ жаль... прошедшаго,—отвѣчала, не поднимая головы, Лариса.

У Подозерова захватило дыханіе, и сердце его упало и заныло: онъ, молча, слабою рукой коснулся волосъ на головѣ красавицы и прошепталъ:

— Боже! Да я вѣдь тотъ же, какъ и прежде. Научите меня только, что же нужно для того, чтобы вамъ было легче? Вы помните, я вамъ сказалъ: я вѣчно, вѣчно другъ вашъ!

Лариса подняла личико и, взглянувъ заплаканными глазками въ пристально на нее глядѣвшіе глаза Подозерова, молча сжала его руку.

— Говорите же, говорите, не мучьте меня: что надо дѣлать?

— Вы за меня стрѣлялись?

— Нѣтъ.

— Вы не хотите мнѣ сказать правды?

Ларисѣ стало досадно.

— Я говорю вамъ правду: я тогда былъ приведенъ къ этому многимъ, — многимъ, и вами въ томъ числѣ, и Александрой Ивановной, и моею личною обидой. Я не знаю самъ хорошо, за что я шелъ.

— За Синтянину, — прошептала, блѣднѣя и потупляя глаза Лариса.

— Нѣтъ... не знаю... мнѣ просто... не занимательно жить.

— Почему? — прошептала Лара и, еще крѣпче сжавъ ея руку, добавила: — Пусть этого впередъ не будетъ.

— Ну, хорошо; но теперь дѣло не о мнѣ, а о васъ.

— Мнѣ тогда будетъ хорошо,—трепеща, продолжала Лариса, — тогда, когда...

Лариса встала на ноги; глаза ея загорѣлись, занавѣсились длинными вѣками и снова распахнулись.

Она теребила и мяла въ рукахъ руку Подозерова и наконецъ нетерпѣливо сказала, морща лобъ и брови:

— О, зачѣмъ вы не хотите понять меня?

— Нѣтъ; я не умѣю понять васъ въ эту минуту.

— Да, да! Непремѣнно въ эту минуту, или никогда! Андрей, я васъ люблю! Не отвергайте меня! Бога ради, не отвергайте!—настойчиво и твердо выговорила Лара и быстро выбѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

На курьерскихъ.

Наступившій за симъ день былъ рѣшителемъ судьбы плѣнника Ларисы. Несмотря на разницу въ нравѣ и образѣ мыслей этого человѣка съ нравомъ и образомъ мыслей Висленева, съ Подозеровымъ случилось то же самое, что нѣкогда стряслось надъ братомъ Лары. Подозеровъ женился совсѣмъ нехотя, не думая и не гадая. Разница была только въ побужденіяхъ, ради которыхъ эти два лица нашего романа посягнули на бракъ, да въ томъ, что Лариса не искала ничьей посторонней помощи для обвѣнчанія съ собою Подозерова, а напротивъ даже, она устраняла всякое вмѣшательство самыхъ близкихъ людей въ это дѣло.

Послѣ того случая, который разсказанъ въ концѣ предшествовавшей главы, дѣло уже не могло остановиться и

не могло кончиться иначе какъ бракомъ. По крайней мѣрѣ такъ рѣшилъ послѣ безсонной ночи честный Подозеровъ: такъ же казалось и не спавшей всю эту ночь своенравной Ларисѣ.

Подозеровъ, поворачивая, съ насупленными бровями, свои подушки подъ головой, разсуждалъ: «Эта бѣдная дѣвушка, если въ нее всмотрѣться поближе... самое несчастное существо въ мірѣ. Она просто *никто*... человѣкъ безъ прошлаго! Какъ она все это мнѣ сказала? Именно какъ дитя, въ душѣ котораго рождается невѣдомо что, совсѣмъ новое и необъяснимое никакимъ прошлымъ... Съ ней нельзя обходиться какъ со взрослымъ человѣкомъ: ее нужно жалѣть и беречь... особенно... теперь, когда этотъ мерзавецъ ее такъ уронилъ... Но кто же станетъ теперь жалѣть и беречь? Я долженъ на ней жениться, хотя и не чувствую къ тому теперь любовнаго влеченія. Да и не все ли мнѣ равно: люблю ли я ее страстной любовью, или не люблю? Я, правда, не Печоринъ, но я равнодушенъ къ жизни. Я вникалъ въ нее, изучалъ ее и убѣдился, что вся она пустяки, вся не стоитъ хлопотъ и заботъ... Все, что я встрѣчалъ и видѣлъ, все это тлѣнъ, суета и злоба; мнѣ надоѣло далѣе все это разсматривать. Я слишкомъ поздно узналъ женщину, которая не есть злоба и суета, и тлѣнъ, и эта женщина взяла надо мной какое-то старшинство... и мнѣ пріятна эта власть ея надо мной; но кто сама эта женщина?—Жертва. Въ ея жертвѣ ея прелесть, ея обаяніе, и ея совершенство въ громадности любви ея... любви безъ критики, безъ анализа...»

И въ памяти Подозерова пронеслась вся его бесѣда въ хуторной рощицѣ съ Синтяниной, и съ каждымъ вспомянутымъ словомъ этой бесѣды все ближе и ближе, яснѣй и яснѣй являлась предъ нимъ генеральша, съ ея логикой простой, нехитростной любви.

«Великій Господи! Насколько вся эта христіанская простота и покорность выше, прекраснѣе и сильнѣе всего, что я видѣлъ прекраснаго и сильнаго въ наилучшихъ мужчинахъ? Какъ гадко мнѣ теперешнее мое раздумье, когда бѣд-

ная дѣвушка, которую я любилъ, оклеветана, опозорена въ этомъ мелкомъ мірѣ, и когда я, будучи властенъ поставить ее на ноги, раздумываю: сдѣлать это, или не дѣлать? Почему же не дѣлать? Потому что она не выдерживаетъ моей критики и сравненій съ другою. А развѣ я самъ выдерживаю съ *тою* какое-нибудь сравненіе? О чемъ тутъ думать, когда бѣдная Лара уже прямо сказала, что она меня любитъ и что ей не къ кому, бѣдняжкѣ, примкнуть. Что мнѣ мѣшаетъ назвать ее своею женой? Я разубѣдился немножко въ Ларисѣ; предо мною мелькнуло невыгодное для нея сравненіе, и только... И моя любовь рухнула отъ критики, ее одолѣла критика. Что же еслибъ *она*, эта страдалица, взглянула теперь въ мое сердце? Какъ бы она должна была презирать меня съ моею минутною любовью! Нѣтъ: это значитъ, что я не любилъ Ларису прежде, что она лишь *нравилась* мнѣ, какъ могла нравиться и Горданову... что я любилъ въ ней тогда мою утѣху, мою мечту о счастіи, а счастье... счастье въ томъ, чтобы чувствовать себя слугой чужого счастья. Это одно, *это одно* только вѣрно и кто хочетъ дожить жизнь въ мирѣ съ самимъ собою, тотъ долженъ руководиться одною этою истиной... Все другое къ этому само приложится. Какъ?.. Но, Господи, будто можно знать, что къ чему и какъ приложится? Надо просто дѣлать то, что можно дѣлать, что требуетъ счастіе ближняго въ эту данную минуту».

Съ такими мыслями Подозеровъ слегка забылся предъ утромъ и съ ними же, открывъ глаза, увидѣлъ предъ собою Ларису и протянулъ ей руку.

Лара опустила глаза.

— Вы не отчаивайтесь,—сказалъ ей тихо Подозеровъ.— Все поправимо.

Она пожала едва замѣтнымъ движеніемъ его руку.

— Ошибки людямъ свойственны; не вы однѣ имѣли несчастіе полюбить недостойнаго человѣка,—продолжалъ Андрей Ивановичъ.

— Я его не любила,—прошептала въ отвѣтъ Лариса.

— Ну, увлеклись, довѣрились... Все это вздоръ! Повѣрьте, все вздоръ, кромѣ одного добра, которое человѣкъ можетъ сдѣлать другому человѣку.

— Вы ангелъ, Андрей Иванычъ!

— О, нѣтъ! Не преувеличивайте, пожалуйста! Я человѣкъ, и очень дурной человѣкъ. Посмотрите, куда я гожусь въ сравненіи со многими другими, которые вамъ сочувствуютъ?

Лара молча вскинула на него глазами и какъ бы спрашивала этимъ взглядомъ: кого онъ разумѣетъ?

— Я говорю объ Александрѣ Ивановнѣ и о майоршѣ.

— Ахъ, онѣ!—воскликнула, спохватясь, Лариса и, насупивъ бровки, добавила шопотомъ: — Я вамъ вѣрю больше всѣхъ.

— Зачѣмъ же больше?.. Нѣтъ, васъ любятъ нѣжно... преданно и Форовы, и генеральша...

— А вы?—спросила вдругъ съ тревогой Лара.

— И я.

— Вы меня прощаете?

— Прощаю ли я васъ?

— Да?

— Въ чемъ же прощать?

— Ахъ, не говорите со мною такимъ образомъ!

— Но вы ни въ чемъ предо мною не виноваты.

— Нѣтъ, это не такъ, не такъ!

— Совершенно такъ: я васъ любилъ, но... но не нравился вамъ... И что же тутъ такого?

— Это не такъ, не такъ!

— Не такъ?

— Да, не такъ.

Лара закрыла ладонью глаза и прошептала:

— Не мучьте же меня; я уже сказала вамъ, что я люблю васъ.

— Вы ошибаетесь,—отвѣтилъ, покачавъ головой, Подозеровъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не ошибаюсь: я васъ люблю.

— Нѣтъ, вы очень ошибаетесь. Въ васъ говоритъ теперь жалость и сострадание ко мнѣ, но все равно. Если бъ я не надѣялся найти въ себѣ силы устранить отъ васъ всякій поводъ придти современемъ къ сожалѣнію объ этой ошибкѣ, я бы не сказалъ вамъ того, что скажу сію секунду. Отвѣчайте мнѣ прямо: хотите ли вы быть моею женой?

— Да!

— Дайте же вашу руку.

Лариса задрожала, схватила трепещущими руками его руку и второй разъ припала къ ней горячими устами.

Подозеровъ отдернулъ руку и, покраснѣвъ, вскричалъ:

— Никогда этого не дѣлайте!

— Я такъ хочу!.. Оставьте! простонала Лариса и, обвивъ руками шею Подозерова, робко нашла устами его уста. Подозеровъ сдѣлалъ невольное, хотя и слабое, усиліе отвернуться: онъ понялъ, что за человѣкъ Лариса, и въ душѣ его мелькнуло... презрѣніе къ невѣстѣ.

Боже, какая это разница въ сравненіи съ тою, другою женщиной, образъ которой нарисовался въ это мгновеніе въ его памяти! Какую противоположность представляетъ это судорожное метанье съ тѣмъ твердымъ, самообладающимъ спокойствіемъ той другой женщины!..

Лариса въ это время тоже думала о той самой женщинѣ и проговорила:

— Въ эту важную минуту я васъ прошу только объ одномъ, исполните ли вы мою просьбу?

— Конечно.

Лариса крѣпко сжала обѣ руки своего жениха и, краснѣя и потупляясь, проговорила:

— Пощадите мое чувство!

Подозеровъ посмотрѣлъ на нее молча.

Лариса выбросила его руки и, закрывъ ладонями свое пылающее лицо, прошептала:

— Не вспоминайте мнѣ...

Она опять остановилась.

— О чемъ? Ну, договаривайте смѣло, о чемъ?

— О Синтяниной.

Подозеровъ промолчалъ. Лариса становилась ему почти противна; а она, уладивъ свою судьбу съ Подозеровымъ, впала въ новую суету и вовсе не замѣчала чувства, какое внушила своему будущему мужу...

Подозеровъ обрадовался, когда Лариса тотчасъ послѣ этого разговора вышла, не дождавшись отъ него отвѣта. Онъ всталъ, заперъ за нею дверь и задумался... О чемъ? О томъ сѣдомъ кавказскомъ капитанѣ, который въ извѣстномъ разсказѣ графа Льва Толстого, готовясь къ смертному бою, ломалъ голову надъ рѣшеніемъ вопроса, возможна ли ревность безъ любви? Подозеровъ имѣлъ предъ глазами живое доказательство, что такая ревность возможна и ревнивая выходка Лары была для него противнѣе извѣстной ему ревности ея брата въ Павловскомъ паркѣ и сто разъ недостойнѣе ревности генерала Синтянина.

«Однако съ нею и не такъ легко, должно-быть, будетъ, подумалъ онъ.—Да, не легко; но вѣдь только на картинахъ рисуютъ разбойниковъ въ плащахъ и съ перьями на шляпахъ, а нищету съ душистою геранью на окнѣ; на самомъ дѣлѣ все это гораздо хуже. И на словахъ тоже говорятъ, что можно жить не любя... да, можно, но каково это?»

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Еще шибче.

Событія эти, совершившіяся въ глубокой тайнѣ, разумѣется, не были никому ни однимъ словомъ выданы ни Подозеровымъ, ни Ларисой; но тонкій и необъяснимо наблюдательный во всѣхъ подобныхъ вещахъ женскій взглядъ прозрѣлъ ихъ.

Катерина Астафьевна, навѣстивъ вечеромъ того же дня племянницу, зашла прямо отъ нея къ генеральшѣ и сказала, за чашкой чаю, послѣдней:

— А наша Лариса Платоновна что-то устроила!

— Что же такое она могла устроить?—спросила генеральша.

— Не знаю; сейчасъ я была у нихъ, и они что-то оба очень вѣжливо другъ съ другомъ говорятъ и глазки потупляютъ.

— Ну, ты, Катя, кажется опять сплетничаешь.

— Сходи, матушка, сама и посмотри; навѣсти больного-то послѣ того, какъ онъ поправился.

Форова подчеркнула послѣднее слово и, протягивая на прощанье руку, добавила:

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ, что очень желалъ бы тебя видѣть.

Съ этимъ майорша ушла домой; но, посѣтивъ на другой день Синтянину, тотчасъ же, какъ только усѣлась, запытала.

— А что же, видѣла?

— Видѣла,—отвѣчала, не безъ усилія улыбнувшись, Александра Ивановна.

— Ну и поздравляю: а ничего бы не потеряла, если бъ и не глядя повѣрила мнѣ.

Синтянина объявила, что Лариса сказала ей, что она выходитъ замужъ за Подозерова.

— Это смѣхъ!—отвѣтила майорша.—Отъ досады замужъ идетъ! Или она затѣмъ выходитъ, чтобы показать, что на ней еще и послѣ амуровъ съ Гордашкой честные люди могутъ жениться! Что же, дуракамъ законъ не писанъ: пусть хватитъ шиломъ нашей патоки!.. Когда же будетъ эта ихъ «маланьина свадьба?»

— Онъ мнѣ сказалъ, что скоро... На этихъ дняхъ, черезъ недѣлю или черезъ двѣ.

— Пропалъ, братъ, ты, бѣдный Андрей Иванычъ!

— Полно тебѣ, Катя, пророчить.

— А не могу я не пророчить, милая, когда даръ такой имѣю.

— Даръ!—Генеральша улыбнулась и спросила:—Что же ты, святая что ли, что тебѣ данъ даръ пророчества?

— Ну, вотъ, святая! Святая ли или клятая, а пророчествую. Валаамова ослица тоже вѣдь не свята была, а пророкала.

Въ эту минуту въ комнату взошелъ майоръ Форовъ и разсказалъ, что онъ сейчасъ встрѣтилъ Ларису, которая неожиданно сообщила ему, что выходитъ замужъ за Подозерова и проситъ майора быть ея посаженымъ отцомъ.

— Чудесно!—воскликнула нетерпѣливая Катерина Астафьевна, — одна я пока еще осталась въ непосвященныхъ! Что же, ты ее похвалилъ и поздравилъ?—обратилась она къ мужу.

— А разумѣется поздравилъ и похвалилъ,—отвѣчалъ майоръ.

— И даже похвалилъ?

— Да вѣдь сказано же тебѣ, что похвалилъ.

— Мнѣ кажется, что ты все это врешь.

— Нимало не вру; его бы я не похвалилъ, а ее отчего же не хвалить?

— Потому что это подлость.

— Какая подлость? Никакой я тутъ подлости не вижу. Вольно же мужчинѣ дѣлать глупость—жениться,—къ бабѣ въ батраки идти; а женщины дуры были бы, если бъ отъ этого счастья отказывались. Въ чемъ же тутъ подлость? Это принятіе подданства, и ничего больше.

— За что же ты Іосафову свадьбу осуждалъ?

— А-а! тамъ дѣло другое; тамъ принужденіе!

— А здѣсь умаливанье, просьбы.

— Почему ты это знаешь?

— Такъ: я пророчица.

— Ну и что же такое, если и просьбы? Она, значитъ, умная барышня и политичная; устраивается какъ можетъ.

— Передовая!

— А конечно; впередъ всѣхъ идетъ и честно проситъ: мнѣ-де штатный дуракъ нуженъ, — не согласитесь ли вы быть моимъ штатнымъ дуракомъ? И что же, если есть такой согласный? И прекрасно! Хвалю ее, поздравляю и даже образомъ благословлю.

— Да ты еще знаешь ли, какъ благословляютъ-то образомъ?

— Нѣтъ, не знаю, но я сейчасъ прямо отсюда къ Евангелу пойду и спрошу.

— Нѣтъ, по мнѣ эта свадьба сто разъ хуже нигилистической Ясафкиной свадьбы въ Петербургѣ, потому что эта просто чортъ знаетъ зачѣмъ идетъ замужъ.

— Имѣетъ выгоды, — отвѣчалъ майоръ.

— Да; она репутацію свою поправляетъ; но его-то, его-то, шута, что волочитъ въ эту гибель?

— Его?.. А что же, это и ему хорошо: это тѣшитъ его испанское дворянство. И благо имъ обоимъ: пусть себѣ совершенствуются.

— Ну, пропадать же имъ! Въ этомъ бракѣ несчастіе и погибель.

— Отчего же погибель? — отозвался майоръ. — Мало ли людей бываютъ несчастливы въ бракѣ, но находятъ свое счастіе за бракомъ.

— Да, вотъ это что!—вспылила Катерина Астафьевна.— такъ по-твоему, что такое бракъ? Вздоръ, форма, фить — и ничего болѣе.

— Бракъ?.. нынче это для многихъ женщинъ средство перемѣнять мужей и не слыть нигилисткой.

— Вы дуракъ, господинъ майоръ! проговорила, побагровѣвъ, майорша.

— Это какъ угодно,—я говорю, какъ понимаю.

— А ты зачѣмъ сюда пришелъ?

— Да я къ Евангелу въ гости иду и за новымъ журналомъ зашелъ, а больше ни за чѣмъ: я ругаться съ тобою не хочу.

— Ну, такъ бери книгу и отправляйся вонъ, гадостный нигилистъ. Сѣдыхъ волосъ-то своихъ постыдился бы!

— Я ихъ и стыжусь, но не помогаетъ,—все больше сѣдѣютъ.

Послѣ этихъ словъ Форовъ незлобиво простился и ушелъ, а черезъ десять дней отецъ Евангелъ, въ небольшой деревенской церкви, сочеталъ нерушимыми узами Подозерова и Ларису. Свадьба эта, которую майорша называла «маланьи-

ной свадьбой», совершалась тихо, при однихъ свидѣтеляхъ, послѣ чего у молодыхъ былъ скромный ужинъ для близкихъ людей. Веселья не было никакого, напротивъ, все вышло, по мнѣнію Форовой, «не по-людски».

Невѣста пріѣхала въ церковь озабоченная, сердитая, уѣхала съ мужемъ надутая, встрѣтила гостей у себя дома разсѣянно и сидѣла за столомъ недовольная.

Лариса понимала, что она выходитъ замужъ какъ-то очень не серьезно и чувствовала, что это понимаетъ не одна она, и вслѣдствіе того она ощущала досаду на всѣхъ, особенно на тѣхъ, кто былъ опредѣленнѣе ея, а таковы были всѣ. Особенно же ей были непріятны всякія превосходства въ сравненіяхъ: она какъ бы боялась ихъ, и въ этомъ-то родѣ опредѣлялись ея отношенія къ Синтяниной. Лара не ревновала къ ней мужа, но она боялась не совладѣть съ нею, а къ тому же послѣ вѣнчанія Лариса начала думать: не напрасно ли она поторопилась, что, можетъ-быть, лучше было бы... уѣхать куда-нибудь, вмѣсто того, чтобы выходить замужъ.

«Маланьина свадьба» выходила прескучная!

Никакія попытки друзей придать оживленіе этому бѣдному торжеству не удавались, а напротивъ, какъ будто еще болѣе портили вечеръ.

Поэтическій отецъ Евангелъ явился съ цѣлымъ запасомъ теплоты и свѣтлоты: поздравилъ молодыхъ, весь сіяя радостію и доброжеланіями, подалъ Подозерову отъ своего усердія небольшую икону, а Ларисѣ преподнесъ большой вѣнокъ, добытый имъ къ этому случаю изъ бодростинскихъ оранжерей. Поднося цвѣты, «поэтическій попъ» привѣтствовалъ красавицу-невѣсту восторженными стихами, въ которыхъ величалъ женщину «жемчужиной въ вѣнкѣ твореній». «Ты вся любовь! Ты вся любовь!» восклицалъ онъ своимъ звонкимъ теноромъ, держа предъ Ларисой вѣнокъ:

Всѣ дни твои—кругомъ извитыя ступени
Широкой лѣстницы любви.

Онъ декламировалъ, указывая на Подозерова, что ей

«дано его покоить; судьбу и жизнь его пѣснь его всѣ радости удвоить, его печали развоить», и заключилъ свое поэтическое поздравленіе словами:

И я, возникшій для волненья
За жизнь собратій и мою,
Тебѣ вѣнецъ благословенья
Отъ всѣхъ рожденныхъ подаю.

И съ этимъ онъ, отмахнувъ полу своей голубой кашемировой рясы на коричневомъ подбоѣ и держа въ рукахъ вѣнокъ предъ своими глазами, подалъ его воспѣтой имъ невѣстѣ.

Евангелу зааплодировали и Снитянина, и Форовъ, и Катерина Астафьевна, и даже его собственная попадья. Да и невозможно было оставаться равнодушнымъ при видѣ этого до умиленія восторженнаго священника.

Поэтъ Евангелъ и въ самомъ дѣлѣ былъ столько прекрасенъ, что вызывалъ восторги и хваленія. Этому могла не поддаться только одна виновница торжества, то-есть сама Лариса. Лариса нашла эту восторженность не идущею къ дѣлу, и усилившимся недовольнымъ выраженіемъ лица дала почувствовать, что и величаніе ее «жемчужиной въ вѣнкѣ твореній», и воспѣваніе любви, и указаніе обязанности «его печали раздвоить», и наконецъ самый вѣнокъ,—все это напрасно, все это ей не нужно, и она отнюдь не хочетъ вписовывать себя въ пасторально-буколическую картину, начертанную Евангеломъ. Лариса постаралась выразить все это такъ внушительно, что не было никого, кто бы ея не понялъ, и майоръ Форовъ, чтобы перебить непріятную натянутость и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка наказать свою капризную племянницу, вмѣшался съ своимъ тостомъ и сказалъ:

— А я вамъ, уважаемая Лариса Платоновна, попросту, какъ хохлы, скажу: «будь здорова якъ корова, щедрувата якъ земля и плодовита якъ свинья!» Желаю вамъ сто лѣтъ здравствовать и двадцать на четверенькахъ ползать!

При этой шуткѣ стараго цинника Лариса совсѣмъ вспылила и хотя промолчала, но покраснѣла отъ досады до са-

мыхъ ушей. Не удавалось ничто, и гости рано стали прощаться. Лариса никого не удерживала и не провожала далѣе залы. Подозеровъ одинъ благодарилъ гостей и жалъ имъ въ передней руки.

Съ Ларисой оставалась одна Синтянина, но и та ее черезъ минуту оставила.

Лара отвергнула услуги генеральши, желавшей быть при ея туалетѣ, и Александра Ивановна, принимая въ передней изъ рукъ Подозерова свою шаль, сказала ему:

— Ну, идите теперь къ вашей женѣ. Желаю вамъ съ нею безконечнаго счастія. Любите ее и... и... больше ничего, любите ее, по англійскимъ обѣтамъ брака, здоровую и больную, счастливую и несчастную, утѣшающую васъ или... да, однимъ словомъ, *любите* ее всегда, вѣчно, при всѣхъ случайностяхъ. Въ твердой рѣшимости любить такая великая сила. Затѣмъ еще разъ: будьте счастливы и прощайте!

Она крѣпко сжала его руку и твердою поступью вышла за дверь, ключъ которой поворотился за генеральшей одновременно съ ключомъ, щелкнувшимъ въ замкѣ спальни Ларисы, искавшей въ тишинѣ и уединеніи исхода душившей ее досады на то, что она вышла замужъ, на то, что на свѣтѣ есть люди, которые поступаютъ такъ или иначе, зная, почему они такъ поступаютъ, на то, что она лишена такого вѣдѣнія и не знаетъ, гдѣ его найти, на то, наконецъ, что она не видитъ, на что бы ей разсердиться.

И благой рокъ помогъ ей въ этомъ: прекрасные глаза ея загорѣлись гнѣвомъ и ноздри расширились: она увидѣла прощаніе генеральши съ ея мужемъ и нашла въ этомъ непримиримую обиду.

Она заперлась въ спальнѣ и предоставила своему мужу полную свободу размышлять о своей выходкѣ наединѣ въ его кабинетѣ.

Что могло обѣщать такое начало и какъ его принялъ молодой мужъ красавицы Ларисы?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Майоръ и Катерина Астафьевна.

У Катерины Астафьевны, несмотря на ея чувствительные нервы, отъ природы было желѣзное здоровье, а жизнь еще крѣпче закалила ее. Происходя отъ бѣдныхъ родителей и никогда не бывъ красивою, хотя, впрочемъ, она была очень миловидною, Катерина Астафьевна не находила себѣ жениха между губернскими франтами и до тридцати лѣтъ жила при своей сестрѣ, Висленевой, бѣгая по хозяйству, да купая и няньчая ея дѣтей. Изъ этой роли ее вывела Крымская война, когда Катерина Астафьевна, по неодолимымъ побужденіямъ своего кипучаго сердца, поступила въ общину сестеръ милосердія и отбыла всю тяжкую оборону Севастополя, служила выздоравливавшимъ и умирающимъ его защитникамъ, великія заслуги которыхъ отечеству оцѣнены лишь нынѣ. Тамъ же, въ Крыму, Катерина Астафьевна выхолила и выняньчила привезеннаго къ ней съ перевязочнаго пункта майора Форова и, ухаживая за нимъ, полюбила его какъ прямого, отважнаго и безкорыстнѣйшаго человѣка. Полюбить извѣстныя достоинства въ человѣкѣ для Катерины Астафьевны значило полюбить самого этого человѣка; она не успѣла пережить самыхъ первыхъ восторговъ по поводу разсказовъ, которыми оживавшій Форовъ очаровалъ ее, какъ Отелло очаровалъ свою Дездемону,— какъ уже дѣло было сдѣлано: искренняя простолюдинка, Катерина Астафьевна всѣмъ существомъ своимъ привязалась къ дружившему съ солдатами и огрызавшемуся на старшихъ Филетеру Ивановичу. Майоръ отвѣчалъ ей тѣмъ же, и хотя они другъ съ другомъ ни о чемъ не условливались и въ любви другъ другу не объяснялись, но когда майоръ сталъ, къ концу компаніи, на ноги, они съ Катериной Астафьевной очутились вмѣстѣ, сначала подъ обозною фурой, потомъ въ татарской мазанкѣ, потомъ на постояломъ дворѣ, а тамъ уже такъ и закочевали вдвоемъ по городамъ

и городишкамъ, куда гоняла майора служба, до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, вылетѣлъ изъ этой службы по поводу той же Катерины Астафьевны. Дѣло это заключалось въ томъ, что невѣрующій майоръ Филетеръ Ивановичъ, соединясь неразлучнымъ союзомъ съ глубоко вѣрующею и убѣжденною, но крайне оригинальной Катериной Астафьевной, лѣтъ восемь кряду забывалъ перевѣнчаться съ нею. Пока они кочевали съ полкомъ, имъ ничто и не напоминало объ этомъ упущеніи. Катерина Астафьевна, при ея вѣчномъ и неуклонномъ стремленіи вмѣшиваться во всякое чужое горе и помогать ему по своимъ силамъ и разумѣнію, къ своимъ собственнымъ дѣламъ обнаруживала полное равнодушіе, а майоръ еще превосходилъ ее въ этомъ. Катерина Астафьевна была любимицей всѣхъ, начиная съ полкового командира и кончая послѣднимъ фуштатомъ. Солдаты же того баталіона, которымъ командовалъ майоръ, просто боготворили ее: всѣ они знали Катерину Астафьевну, и Катерина Астафьевна тоже всѣхъ ихъ знала по именамъ и по достоинствамъ. Она была ихъ утѣшительницей, душеприказчицей, казначеемъ, лѣкаремъ, духовною матерью: ей первой бѣжалъ солдатикъ открыть свое горе, заключавшееся въ потерѣ штыка, или въ иной подобной бѣдѣ, значенія которой не понять тому, кто не носилъ ранца за плечами,—и Катерина Астафьевна не читала никакихъ моралей и наставленій, а прямо помогала какъ находила возможнымъ. Ей мастеровой солдатъ отдавалъ на сбереженіе свой тяжкимъ трудомъ собранный грошъ; ее звали къ себѣ умирающіе и изустно завѣщали ей, какъ распорядиться оставшимися у нея на сохраненіи пятью или шестью рублями, къ ней же приходили на духъ тѣ, кого «бѣсъ смущалъ» сбѣжать или сдѣлать другую гадость, давали ей слово воздержаться и просили прочитать за нихъ «тайный акаѳистъ», чему многіе смущаемые солдатики приписываютъ неодолимое значеніе. Катерина Астафьевна со всѣмъ этимъ умѣла управляться въ совершенствѣ, и такая жизнь, и такіе труды не только нимало не тяготили ее, но она даже почитала себя необыкновенно счастливою и

какъ въ пѣснѣ поется, «не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить».

Враговъ или такихъ недруговъ, которымъ бы она добра не желала, у нея не было. Если она замѣчала между товарищами майора людей не совсѣмъ хорошихъ, то старалась извинять ихъ воспитаніемъ и т. п., и все-таки не выдавала ихъ и не уклонялась отъ ихъ общества. Исключеніе составляли люди надменные и хитрые; этихъ Катерина Астафьевна, по прямотѣ своей натуры, ненавидѣла; но, во-первыхъ, такихъ людей, слава Богу, было немного въ армейскомъ полку, куда Форовъ попалъ по своему капризу, несмотря на полученное имъ высшее военное образованіе; во-вторыхъ, майоръ, весьма равнодушный къ себѣ самому и, повидимому, никогда не заботившійся ни о какихъ выгодахъ и для Катерины Астафьевны, не стерпѣлъ бы ни малѣйшаго оскорбленія, ей сдѣланнаго, и наконецъ, въ-третьихъ, «майорша» и сама умѣла постоять за себя и дать сдачи заносчивому чванству. Поэтому ее никто не трогалъ, и она жила прекрасно.

Но при всемъ своемъ прямодушіи, незлобіи и добротѣ, не находившей униженія ни въ какой услугѣ ближнему, Катерина Астафьевна была, однако, очень горда. Не любя жеманства и всякой сентиментальности, она не переносила невѣжества, нахальства, заносчивости и фанфаронства, и Боже сохрани, чтобы кто-нибудь попытался третировать ее ниже того, какъ она сама себя ставила: она *отпылывала* за такія вещи такъ, что человѣкъ этого потомъ во всю жизнь не забывалъ.

Солдаты, со свойственною имъ отличною мѣткостью опредѣленій, говорили про Катерину Астафьевну, что она не живетъ по пословицѣ: «хоть горшкомъ меня зови, да не ставь только къ жару», а что она наблюдаетъ другую пословицу: «хоть полы мною мой, но не называй меня тряпкой».

Это было совершенно вѣрное и мастерское опредѣленіе характера Катерины Астафьевны, и въ силу этого-то самаго характера столь терпѣливая во всѣхъ нуждахъ и лише-

піяхъ подруга майора не стерпѣла, когда, при перемѣнѣ полкового командира, вновь вступившій въ командованіе полковникъ, изъ старыхъ товарищей Форова по военной академіи, не пригласилъ ее на полковой балъ, куда были позваны жены всѣхъ семейныхъ офицеровъ.

Катерина Астафьевна горячо приняла къ сердцу эту обиду и, не укоряя Форова, поставившаго ее въ такое положеніе, велѣла деньщику стащить съ чердака свой старый чемоданъ и начала укладывать свои немудрые пожитки.

Хотѣла ли она разстаться съ майоромъ и куда-нибудь уѣхать?—это осталось ей тайной; но майоръ, увидѣвъ эти сборы, тотчасъ же надѣлъ мундиръ и отправился къ полковому командиру съ просьбой объ отставкѣ.

На вопросъ удивленнаго полковника: зачѣмъ Форовъ такъ неожиданно покидаетъ службу, Филетеръ Ивановичъ рѣзко отвѣчалъ, что онъ «съ подлецами служить не можетъ».

— Что это значитъ?—громко и сердито вскрикнулъ на него полковой командиръ.

— Ничего больше какъ то, что я не хочу служить съ тѣмъ, кто способенъ обижать женщину, и прошу васъ сдѣлать распоряженіе объ увольненіи меня въ отставку. А если вамъ угодно со мною стрѣляться, такъ я готовъ съ моимъ удовольствіемъ.

Полковой командиръ не захотѣлъ затѣвать «исторіи» съ Филетеромъ Ивановичемъ на первыхъ порахъ своего командирства, и майоръ Форовъ благополучно вылетѣлъ въ отставку.

Съ Катериной Астафьевной у Форова не было никакихъ объясненій: они совершенно освоились съ манерой жить, ничего другъ другу не ставя на видъ и не внушая, но въ совершенствѣ понимая одинъ другого безъ всякихъ разговоровъ.

Вскорѣ за симъ Катерина Астафьевна сдала плачущимъ солдатамъ всѣ хранившіяся у нея на рукахъ ихъ собственныя деньги, а затѣмъ майоръ распростился съ своимъ ба-

таліономъ, сѣлъ съ своею подругой въ рогожную кибитку и поѣхалъ.

За заставой ждалъ ихъ сюрпризъ: въ темной луговинѣ, у моста, стояла куча солдатъ, которые, при приближеніи майорской кибитки, сняли шапки и зарыдали.

Майоръ, натолкнувшись на эту засаду, задергался и засуетился.

— Чего? чего, дурачье, высыпали? а? Пошли назадъ! Васъ вотъ палками за это взлупять!—закричалъ онъ, стараясь въ зычномъ окрикѣ скрыть дрожанье голоса, измѣнявшаго ему отъ слезъ, поднимавшихся къ горлу.

Солдаты плакали; Катерина Астафьевна тоже плакала и, развязавъ за спиной майора кошелочку съ яблоками, печеными яйцами и пирогами, заготовленными на дорогу, стала бросать эту провизію солдатамъ, которые сію же минуту обсыпали кибитку, нахлынули къ ней и начали ловить и цѣловать ея руки.

— Фу, пусто вамъ будь!—воскликнулъ майоръ, — вы, канальи, этакъ просто задавите!—И онъ, выскочивъ изъ кибитки, скомандовалъ къ кабаку, купилъ ведро водки, роспилъ ее со старыми товарищами и наказалъ имъ служить вѣрой и правдой и слушаться начальства, далъ старшему изъ своего скуднаго кошелька десять рублей и сѣлъ въ повозку; но, садясь, онъ почувствовалъ въ ногахъ у себя что-то теплое и мягкое, живое и слегка визжащее.

— Стой! Что это такое тутъ возится?—запыталъ удивленный майоръ.

— Драдедамъ, ваше высокоблагородіе,—конфузливо отвѣчалъ ему шопотомъ ближе другихъ стоявшій къ нему солдатикъ.

Майоръ выразилъ изумленіе. «Драдедамъ» было не что иное, какъ превосходная лягавая собака чистѣйшей, столь рѣдкой нынѣ маркловской породы. Собака эта, составлявшая предметъ всеобщей зависти, принадлежала полиціймейстеру города, изъ котораго уѣзжалъ майоръ. Эту собаку, имѣвшую кличку Трафадань и переименованную солдатами

въ «Драдедама», полиціймейстеръ цѣнилъ и берегъ какъ зѣницу ока. Родовитаго пса этого сторожила вся полиція гораздо бдительнѣе, чѣмъ всю остальную собственность цѣлаго города, и вдругъ этотъ рѣдкій песъ, этотъ Драдедамъ, со стиснутою ремнемъ мордой и завязанный въ рѣдинный мѣшокъ, является въ ногахъ, въ кибиткѣ отъѣзжающаго майора!

— Ребята! Что же вы это, съ ума что ли сошли, чтобы меня съ краденой собакой изъ полка выпроваживать? Кто васъ этому научилъ?—заговорилъ майоръ.

— Никто, ваше высокоблагородіе; мы по своему усердію васъ награждаемъ.

— Чудовый кобель, ваше высокоблагородіе!—подхватывали другіе.

— Берите, берите, ваше высокоблагородіе! мы вамъ жертвуемъ Драдедашку! — вскрикивали третьи. — Пошелъ, братецъ ямщикъ, пошелъ, пошелъ!

И солдатики загагайкали на лошадей и замахали руками.

— Стойте, дураки: развѣ благородно намъ воровскую собаку увезть?

— Эхъ, ваше высокоблагородіе! Отецъ вы нашъ, командирша-матушка: да что вамъ на это глядѣть? Да развѣ вы похожи на благородныхъ? Ну, ну! Эхъ вы, голубчики! Пошелъ, ямщикъ, пошелъ, пошелъ!

И по тройкѣ со всѣхъ сторонъ захлестали сломанныя съ придорожныхъ ракитъ прутья; лошади рванулись и понеслись, не чуя сдерживавшихъ ихъ возжей.

А вслѣдъ еще долго слышались подгонные крики: «Ну ну! Валяй, валяй, ребята! Прощайте, нашъ отецъ съ матерью!.. Прощай, Драдедашка!»

Подъ эти крики едва державшійся на облучкѣ ямщикъ и отчаявшіеся въ своемъ благополучіи майоръ и Катерина Астафьевна и визжавшій въ мѣшкѣ Драдедамъ во мгновеніе ока долетѣли на перепуганной тройкѣ до крыльца

слѣдующей почтовой станціи, гдѣ привычные кони сразу стали.

Здѣсь майоръ хотѣлъ сейчасъ же высвободить изъ мѣшка и отпустить назадъ полученную имъ «въ награду» краденую полиціймейстерскую собаку, какъ ямщикъ подступилъ къ нему съ совѣтомъ этого не дѣлать.

— Все единственно это,—заговорилъ онъ,—пусть ужъ она лучше пропадетъ, ваше высокоблагородіе, а только тутъ не вытаскивайте: смотритель увидитъ, все разбрешетъ, и кавалерамъ за это достанется.

— И то правда!—смекнулъ майоръ и добавилъ:—а ты же, каналья, развѣ не разскажешь?

— Да мнѣ что жъ казать? У меня у самого братья въ солдатахъ есть.

— Ну, такъ что жъ, что братья твои въ солдатахъ служатъ?

— А должны же мы хорошихъ начальниковъ почитать. Вишь, вонъ, что сказали, что вы, баятъ, на благороднаго-то не похожи.

Майоръ далъ ямщику полтину и покатилъ далѣе съ Катериной Астафьевной и съ Дрядедамомъ, котораго оба они стали съ той поры любить и холить какъ за достоинство этой доброй и умной собаки, такъ и за то, что она была для нихъ воспоминаніемъ такого оригинальнаго и теплаго прощанія съ простосердечными друзьями.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О тѣхъ же самыхъ.

Прибывъ въ городъ, гдѣ у Катерины Астафьевны былъ извѣстный намъ маленькій домикъ съ наглухо забитыми воротами, изгнанный майоръ и его подруга водворились здѣсь вмѣстѣ съ Дрядедамомъ. Прошелъ годъ, два и три, а они попрежнему жили все въ тѣхъ же неоформленныхъ отношеніяхъ, и очень возможно, что дожили бы въ нихъ и до смерти, если бы нѣкоторая невинная хитрость и нѣко-

торая благоразумная глупость не поставила эту оригинальную чету въ законное соотношеніе.

Филетеръ Форовъ, выйдя въ отставку и водворясь среди родства Катерины Астафьевны, сначала былъ предметомъ нѣкотораго недоброжелательства и косыхъ взглядовъ со стороны Ларисиной матери; да и сама Лара, подростая, стала смущаться по поводу отношеній тетки къ Форову; но Филетеръ Ивановичъ не обращалъ на это вниманія. Майоръ Филитеръ Ивановичъ не искалъ ни друзей, ни пріятелей; онъ повторялъ на все свое любимое «наплевать», лежебочествовалъ, слегка попивалъ, читалъ съ утра до поздней ночи и порой ругалъ всѣ силы, господствія, начальствія и власти.

Но Катерину Астафьевну это сокрушало, и сокрушало въ одномъ отношеніи. Она боялась за *душу* Форова и всегда лелѣяла завѣтную мечту «привести его къ Богу».

Эта мысль въ первый разъ сверкнула въ ея головѣ, когда принесенный въ госпиталь раненый майоръ пришелъ въ себя и, поведя глазами, остановилъ ихъ на чепцѣ Катерины Астафьевны и зашевелилъ губами.

— Что вамъ: вѣрно желаете батюшку позвать?—участливо спросила она раненаго.

— Совсѣмъ нѣтъ; а я хочу выплюнуть,—отвѣчалъ Форовъ, отдѣляя опухшимъ языкомъ отъ поднебесья сгустокъ запекшейся крови.

— Вы не вѣруете въ Бога?—грустно вопросила религіозная Катерина Астафьевна.

Майоръ качнулъ утвердительно головой.

— Ахъ, это ужасное несчастіе!

И съ тѣхъ поръ она начала нѣжно за нимъ ухаживать и положила въ сердцѣ своемъ надежду «привести его къ Богу»; но это ей никогда не удавалось и не удалось до сихъ поръ.

Во все время службы майора въ полку она не безъ труда достигла только одного, чтобы майоръ не гасилъ на ночь лампады, которую она, на свои трудовыя деньги, те-

плила предъ образомъ, а днемъ не закуривалъ отъ этой лампады своихъ растрепанныхъ толстыхъ папиросъ; но удержать отъ богохульныхъ выходокъ въ разговорахъ она не могла и радовалась лишь тому, что онъ подобныхъ выходокъ не дозволялъ себѣ при солдатахъ, при которыхъ даже и крестился, и цѣловалъ крестъ. По удаленіи же въ свой городокъ, подруга майора, возобновивъ дружескія связи съ Синтяниной, открыла ей свои заботы насчетъ обращенія Форова и была несказанно рада, замѣчая, что Филетеръ Ивановичъ, что называется, полюбилъ генеральшу.

— Нравится она тебѣ, моя Сашурочка-то: говорила Катерина Астафьевна, заглядывая въ глаза майору.

— Прекрасная женщина, отвѣчалъ Форовъ.

— А вѣдь что ее дѣлаетъ такою прекрасною женщиной?

— Что? Я не знаю что: такъ, хорошая зародилась.

— Нѣтъ, она христіанка.

— Ну да разсказывай! Будто нѣтъ богомольныхъ подлецовъ, точно также, какъ и подлецовъ не молящихся?

И майоръ отходилъ отъ жены съ явнымъ нежеланіемъ продолжать подобные разговоры.

Затѣмъ онъ сошелся у той же Синтяниной съ отцомъ Евангеломъ и заспорилъ-было на свои любимыя темы о несообразности вещественнаго, поста о словесной молитвѣ, о священствѣ, которое онъ назвалъ «сословіемъ духовныхъ адвокатовъ», но начитанный и либеральный Евангелъ шутя оконфузилъ майора и шутя успокоилъ его словами, что «не ядый о Господѣ не ѣстъ, ибо лишаетъ себя для Бога, и ядый о Господѣ ѣсть, ибо вкушая хвалитъ Бога».

Форовъ сказалъ:

— Если такъ, то не о чемъ спорить. Впрочемъ, я въ этомъ и не знатокъ.

— А въ чемъ же вы по этой части великій знатокъ?

— Въ чемъ? Въ томъ, что ясно разумомъ постигаю моимъ.

— Напримѣръ-съ?

— Напримѣръ, я постигаю, что никакой всемогущій опекунъ въ дѣла здѣшняго міра не мѣшается.

— Такъ-съ. Это вы разумомъ постигли?

— Да, разумѣется, потому что иначе развѣ могли бы быть такія несправедливости, видя которыя у всякаго маломальски честнаго человѣка всѣ кишки въ брюхѣ отъ негодованія вертятся.

— А мы можемъ ли постигать, что справедливо и что несправедливо?

— Вотъ тебѣ на еще! Конечно, можемъ, потому что мы фактъ видимъ.

— А фактъ-то иногда совсѣмъ не то выражаетъ, что онъ значитъ.

— Темно.

— А вотъ я васъ сейчасъ въ этомъ просвѣщу, если угодно.

— Сдѣлайте милость.

— Извольте-съ. Положимъ, что есть на свѣтѣ мать, добрая, предобрая женщина, которая мухи не обидитъ. Допускаете вы, что можетъ-быть на свѣтѣ такая женщина?

— Ну-съ; допускаю: вотъ моя Торочка такая.

— Ну-съ, прекрасно! Теперь допустимъ, что у Катерины Астафьевны есть дитя.

— Не могу этого допустить, потому что она уже не въ такихъ лѣтахъ, чтобы дѣтей имѣть.

— Ну, все равно: допустимъ это какъ предположеніе.

— Зачѣмъ же допускать нелѣпыя предположенія.

Евангелъ улыбнулся и сказалъ:

— Вы мелочной человѣкъ: васъ занимаетъ процессъ спора, а не искомое; но все равно-съ. Извольте, ну нѣтъ у нея ребенка, такъ у нея есть вотъ собака Дрядедамъ, а этотъ Дрядедамъ пользуется ея вниманіемъ, котораго онъ почему-нибудь заслуживаетъ.

— Допускаю

— Теперь-съ, еслибъ этотъ Дрядедамъ былъ боленъ и ему нужно было дать мяса, а купить его негдѣ.

— Ну-съ?

— Вотъ Катерина Астафьевна беретъ ножикъ и рѣжетъ

голову курицѣ и варить изъ нея Драдедаму похлёбку: справедливо это или нѣтъ?

— Справедливо, потому что Драдедамъ благороднѣйшее созданіе.

— Такъ-съ: а курица, которой отрѣзали голову, непремѣнно думала, что съ нею поступали ужасно несправедливо.

— Что же вы этимъ доказали?

— То, что фактъ жестокости тутъ есть: курица убита,— это для нея жестоко и съ ея куриной точки зрѣнія несправедливо, а между тѣмъ вы сами существо гораздо высшее и умнѣйшее курицы, нашли все это справедливымъ.

— Г-мъ!

— Да такъ-съ. Есть будто фактъ жестокосердія, но и его нѣтъ.

— Ну ужъ этого совсѣмъ не понимаю и оно есть, и его нѣтъ.

— Да нѣтъ-съ ея, жестокости, нѣтъ, ибо Катерина Астафьевна остается столь же доброю послѣ накормленія курицей Драдедама, какъ была до сего случая и во время сего случая. Вотъ вамъ—есть фактъ жестокости и несправедливости, а онъ вовсе не значитъ того, чѣмъ кажется. Теперь возражайте!

— Я не хочу вамъ возражать, отвѣчалъ, подумавъ, Форовъ.

— А почему, спрошу?

— Почему?.. потому что я въ этомъ не силенъ, а вы много надъ этимъ думали и имѣете начитанность и можете меня сбить, чего я отнюдь не желаю.

— Почему же вы не желаете придти къ какой-нибудь истинѣ и разубѣдиться въ заблужденіи?

— Такъ, не желаю, потому что не хочу забивать себѣ и безъ того темные намороки этою путаницей.

— Намороки не хотите забивать? Гмъ! Нѣтъ-съ, это не потому.

— А почему же?

Евангелъ снова улыбнулся и, сжавъ легонько руку майора немножко пониже локтя, ласково проговорилъ:

— Вы потому не хотите объ этомъ говорить и думать какъ слѣдуетъ, что души вашей коснулось святое сомнѣніе въ справедливости рутины безвѣрія! И посмотрите за то сюда!

Съ этимъ отецъ Евангелъ, подвинувъ слегка майора къ себѣ и показавъ ему черезъ дверь другой комнаты, какъ Катерина Астафьевна, слышавшая весь ихъ разговоръ, вдругъ упала на колѣни и, протянувъ руки къ освященному лампадой образнику, плакала радостными и благодарными слезами.

— Эти слезы съ неба, шепнулъ Евангелъ.

— Бабье, ото всего плачутъ, сухо отвѣчалъ, отворачиваясь, майоръ.

Но веселый Евангелъ вдругъ смутился и, взявъ майора за руку, тѣмъ же добродушнымъ тономъ проговорилъ:

— Бабье-съ? Вы сказали бабье?.. Это недостойно вашей образованности... Женщины—это прелесть! Онѣ наши мироносицы: безъ ихъ слезъ, этотъ злой міръ заскорузъ бы-съ!

— Вы діалектикъ.

— Да-съ: я діалектикъ; а вы баба, ибо боитесь свободомыслія и бѣжите чистаго чувства, женской слезой пробужденнаго. Что-съ? Ха-ха-ха... Да вы ничего, не робѣйте: это вѣдь проходитъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Еще о нихъ же.

На другой день послѣ этой бесѣды, происходившей задолго предъ тѣми событіями, съ которыхъ мы начали свое повѣствованіе, майоръ Форовъ, часу въ десятомъ утра, пришелъ пѣшкомъ къ отцу Евангелу и сказалъ, что онъ ему очень понравился.

— Неужели? отвѣчалъ веселый священникъ.—Что жъ,

это прекрасно: это значитъ, мы честные люди, да!.. а жены у насъ съ вами еще лучше насъ самихъ. Я вамъ вотъ сейчасъ и покажу мою жену: она гораздо лучше меня. Паинька! Паинька! Паинька! закричалъ отецъ Евангелъ, удерживая за руку майора и засматривая въ дверь сосѣдняго покоя.

— Чего тебѣ нужно, Паинька? послышался оттуда звонкій, симпатическій, молодой голосъ.

— «Паинька», это она меня такъ зоветъ, объяснилъ майору Евангелъ.—Мы привыкли другъ на друга все «ты паинька» да «ты паинька», да такъ ужъ свои имена совсѣмъ и позабыли... Да иди же сюда, Паинька! возвысилъ онъ нѣсколько нетерпѣливо свой голосъ.

Въ дверяхъ показалась небольшая и довольно худенькая, нѣсколько нестройно сложенная молодая женщина, съ очень добрыми большими коричневыми глазами и тоненькими колечками темныхъ волосъ на вискахъ.

Она была одѣта въ свѣтлое ситцевое платье и держала въ одной рукѣ полоскательную фарфоровую чашку съ обваренными миндалемъ, который обчищала другою, свободною рукой.

— Ну что ты здѣсь, Паинька? Какой ты безпокойный, что отрываешь меня бозъ толку? заговорила она, ласково глядя на мужа и на майора.

— Какъ безъ толку, когда гость пришелъ.

— Ну такъ что же гость пришелъ? Они къ намъ часто будутъ ходить.

— Превосходно сказано, воскликнулъ Форовъ.—Буду-съ.

— Да; она у меня преумная эта Пайка, молвилъ, слегка обнимая жену, Евангелъ.

— Ну вотъ ужъ и умная! Вы ему не вѣрьте: я въ лѣсу выросла, вереѣ молилась и ниѣ поклонялася,—такъ откуда я умная буду?

— Нѣтъ; вы ей не вѣрьте: она преумная, увѣрялъ, смѣясь и тряся майора за руку, Евангелъ. — Она вдругъ иногда, знаете, такое скажетъ, что только ротъ разинешь.

А они, Паинька, въ Бога изволятъ не вѣровать, обратился онъ, указывая женѣ на майора.

— Ну такъ что же такое; они послѣ повѣрятъ.

— Видите, какъ разсуждаетъ!

— Да что-жъ ты надо мной смѣешься? Разумѣется, что не всѣмъ въ одно время вѣрить. Вѣдь они добрые?

— Ну такъ что же что добрый? А какъ онъ въ царствѣ небесномъ будетъ? Его не пустятъ.

— Нѣтъ, пустятъ.

— Извольте вы съ ней спорить! — разсмѣялся Евангелъ.—Я тебѣ, Пайка, говорю: его къ вѣрующимъ не пустятъ; тебѣ, попадьѣ, нельзя этого не знать.

— Ну, его къ невѣрующимъ пустятъ.

— Видите, видите, какая бѣдовая моя Пайка! У-у-у-хъ, съ ядовитостью женщина! — продолжалъ онъ, тихонько съ нѣжностью и восторгомъ трогая жену за ея свѣжій раздвоившійся подбородокъ, и въ то же время, оборотясь къ майору, добавилъ:—Ужасно хитрая-съ! Ужасно! Одинъ я ее только постигаю, а вы о ней если сдѣлаете заключеніе по этому первому свиданію, такъ непремѣнно ошибетесь.

— Да я ихъ совсѣмъ и не въ первый разъ вижу,—перебила его попадья, перемывая въ той же полоскательной чашкѣ свой миндаль. — Я ихъ уже видѣла на Висленевскомъ дворѣ, и мы кланялись.

— Не помню-съ,—отвѣчалъ майоръ, съ любовію артиста разглядывая это прекрасное твореніе, какъ разъ подходящее, по его мнѣнію, къ типу наипочтеннѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ.

— Какъ же не помните,—толковала попадья:—вы еще шли съ супругой... или кто она вамъ доводится, Катерина-то Астафьевна?.. Да! вы шли по двору, а мы съ генеральшей Александрой Ивановной сидѣли подъ окномъ, вишни чистили и вамъ кланялись.

— Не помню-съ.

— Какъ же-съ, а я помню: вы вотъ теперь въ штанахъ, а тогда были въ подштанахъ.

— Какъ въ подштанахъ-съ?—изумился майоръ.

— Такъ, въ этакихъ въ бѣлыхъ, со штрифами.

Майоръ засмѣялся, а отецъ Евангелъ, хохоча и ударяя себя ладонями по колѣнамъ, восклицалъ:

— Ахъ, Паинька! Паинька! проговорились вы, прелесть моя, проговорились!

Попадья слегка вспыхнула и хотѣла возражать мужу, но какъ тотъ махалъ на нее руками и кричалъ: «т-съ, т-съ, т-съ! молчи, Пайка, молчи, а то хуже скажешь», то она быстро выбѣжала вонъ и начала хлопотать о закускѣ.

— Какая чудесная женщина! — сказалъ, глядя вслѣдъ ей, майоръ.

— То есть превосходнѣйшая-съ, а не только чудесная,— согласился съ нимъ Евангелъ. — Видите, всѣхъ хочетъ въ царство небесное помѣстить: мы будемъ въ своемъ царствѣ небесномъ, а вы въ своемъ.

Евангелъ расхохотался.

— Вы давно женаты?—спросилъ майоръ.

— Семь лѣтъ женатъ, да-съ, семь лѣтъ, но въ томъ числѣ она три года была въ гусара влюблена, а однако еще я всякій день въ ней открываю новыя достоинства.

— Гмъ!.. а въ гусара-таки была влюблена?

— Ужасно-съ! Какихъ это ей, бѣдненькой, мукъ стоило, если бы вы знали? Я ей студентомъ нравился, а въ рясѣ разнравился, потому что онѣ очень танцы любили, да! А тутъ гусары пришли, ну, шнурочки, усики, глазки... Она, бѣдняжка, однимъ и плѣнилась... Изсохла вся, до горловой чахотки чуть не дошла, и все у меня на груди плакала. «Зачѣмъ, бывало, говоритъ, Паинька, я не могу тебя любить, какъ я его люблю?»

— Ну, а вы же что?

— Стыдно сказать, право.

— Однако же?

— Да что-съ? сижу, бывало, глажу ее по головкѣ, да и реву вмѣстѣ съ нею. И даже, что-съ? — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и отводя майора къ окну: — Я уже разъ

совѣмъ порѣшилъ: уйди, говорю, коли со мной такъ жить тяжело; но она, услыхавъ отъ меня объ этомъ, разрыдалась и вдругъ улыбается: «Нѣтъ, говоритъ, — Паинька, я никуда не хочу: я послѣ этого теперь опять тебя больше люблю». Она влюбчива, да-съ. Это одинъ, одинъ ея порокъ: восторженна и въ восторгѣ сейчасъ влюбляется.

— Однако же, чортъ возьми, позвольте мнѣ васъ уважать!—закричалъ зычно майоръ.

— Нѣтъ-съ; это ее надо за это уважать: скудельный сосудъ, а совладала съ собою, и все для меня!.. А вотъ и она, Паинька, а что же, душка, водочки-то? — вопросилъ онъ входящую жену, увидѣвъ, что на подносѣ, который она несла, не было ни графина, ни рюмки.

— А кто же станетъ водку пить?

— А вотъ они, Филетеръ Ивановичъ.

— Вы пьете развѣ? — отнеслась попадья къ майору, и получивъ отъ него короткій, но утвердительный отвѣтъ, принесла графинъ и рюмку и, поставивъ ихъ на столъ, сказала:—Не хорошо кто пьетъ вино.

— Отчего-съ?—спросилъ, принимаясь за рюмку, майоръ.

— Такъ... мысли дурныя отъ вина приходятъ.

— Ну, мнѣ не приходятъ.

— Какъ не приходятъ; а вонъ вы почему же до сихъ поръ не женитесь?

Майоръ пересталъ закусывать и съ удивленіемъ смотрѣлъ на сидѣвшую у стола съ подпертымъ на руку подбородочкомъ попадью; но ту это ни мало не смутило, и она спокойно продолжала:

— Что вы на меня такъ смотрите-то? Развѣ же это хорошо такъ женщину конфузить?

— Послушайте, моя милая!—ласково заговорилъ съ ней майоръ, но она его тотчасъ же перебила.

— Ничего, ничего, «моя милая!»—передразнила его попадья, — не знаю я что-ль? А мнѣ вашей Катерины Астафьевны жалко,—вотъ вамъ и сказъ, и я насчетъ васъ

своему Панькѣ давно сказала, что вы недобрый и жестокій человѣкъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! Да позвольте же-съ: я вѣдь Катерину Астафьевну все равно люблю-съ.

— Да-а! Нѣтъ, это не все равно: если вы такъ, не обвѣнчавшись, прежде ея умрете, она не будетъ за васъ пенсіона получать.

Попадья говорила все это съ самымъ серьезнымъ и сосредоточеннымъ видомъ и съ глубочайшею заботливостью о Катеринѣ Астафьевнѣ. Ея не развлекалъ ни веселый смѣхъ мужа, наблюдавшаго траги-комическое положеніе Форова, ни удивленіе самого майора, который былъ пораженъ простотой и оригинальностью приведеннаго ею довода въ пользу брака, и наконецъ, обтеревъ салфеткой усы и подойдя къ попадьѣ, попросилъ у нея ручку.

— Зачѣмъ же это?—спросила она.

— Я женюсь и васъ матерью посаженою прошу.

— Непремѣнно?

— Всенепремѣнно и какъ можно скорѣе; а то, дѣйствительно, пенсіонъ можетъ пропасть.

— Ну, за это вы умникъ, и я не жалѣю, что мы познакомились, — отвѣчала ему весело попадья, съ радостью подавая свою руку.

— А я такъ буду сожалѣть объ этомъ, — отвѣчалъ, громко чмокнувъ ея ручонку, Форовъ. — Теперь мнѣ въ первый разъ завидно, что у другого человѣка будетъ жена лучше моей.

— О, не завидуйте, не завидуйте, ваша добрѣе.

— Почему же вы это знаете?

— Да, вѣдь, она васъ цѣлуетъ? Ужъ навѣрно цѣлуетъ?

— Случается; рѣдко, но случается.

— Ну, вотъ видите! А ужъ я бы не поцѣловала.

— Это почему?

— Потому что отъ васъ водкой пахнетъ.

— Покорно васъ благодарю-съ, — отвѣчалъ, комически

поклонясь и шаркнувъ ногой, майоръ, и затѣмъ еще разъ поцѣловалъ на прощанье руку у попадьи и откланялся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Свадьба Форовыхъ.

У калитки, до которой Евангелъ провожалъ Форова, майоръ на минутку остановился и сказалъ:

— Такъ какъ же-съ это... того...

— Вы насчетъ свадьбы?

— Да.

— Что-жъ, приходите, я перевѣнчаю и денегъ за вѣнецъ не возьму. Приходите вечеркомъ въ воскресенье чай пить: я на сихъ дняхъ огласку сдѣлаю, а въ воскресенье и перевѣнчаемся.

— А не очень это скоро?

— Нѣтъ; чѣмъ же скоро? чѣмъ скорѣе, тѣмъ оно вѣрнѣе, а то вѣдь Паинька правду говоритъ: знаете, вдругъ кранкенъ, а женщина останется не причемъ.

— Хорошо-съ; я приду въ воскресенье вѣнчаться. А жена у васъ, чортъ возьми, все-таки удивительная!

— Да вѣдь я и говорилъ, что вы на нее будете удивляться и не поймете ее. Я все время за вами наблюдалъ, какъ вы съ нею говорили, и думалъ: «ахъ, какъ бы этотъ ея не понялъ!» Но нѣтъ, вижу и вы не поняли.

— Почему-же вы это такъ думаете? А можетъ быть я ее и понялъ?

— Нѣтъ; гдѣ вамъ ее понять! Ее одинъ я понимаю. Ну, говорите: кто такая она по вашему, если вы ее поняли?

— Она?.. она... положительная и самая реальная натура.

Евангелъ, что называется, закисъ со смѣху.

— Чего же вы помираете?—вопросилъ майоръ.

— А того, что она совсѣмъ не положительная и не реальная натура. А она... позвольте-ка мнѣ взять васъ за ухо.

И Евангелъ, пригнувъ къ себѣ слегка голову майора, прошепталъ ему на ухо:

— Моя жена дурочка.

— То-есть вы думаете, что она не умна?

— Она совершенная дурочка.

— А чѣмъ же она разсуждаетъ?

— А вотъ этимъ вотъ!—воскликнулъ Евангелъ, тронувъ майора за ту часть груди, гдѣ сердце.—Какъ же вы этого не замѣтили, что она, гдѣ хочетъ быть умною дамой, сейчасъ глупость скажетъ,—какъ о вашихъ бѣлыхъ панталонахъ вышло; а гдѣ по естественному своему чувству говоритъ, такъ что твой министръ юстиціи. Вы ее, пожалуйста, не ослушайтесь, потому что я вамъ это по опыту говорю, что ужъ она какъ разсудитъ, такъ это непремѣнно такъ надо сдѣлать.

Майоръ посмотрѣлъ на священника, и видя, что тотъ говоритъ съ нимъ совершенно серьезно, провелъ себя руками по груди и громко плюнулъ въ сторону.

— Ага! вотъ значитъ видите, что промахнулись! Ну ничего, ничего: въ самомъ дѣлѣ не все сразу. Приходите-ка прежде вѣнчаться.

Майоръ еще разъ повторилъ обѣщаніе придти, и дѣйствительно пришелъ въ назначенный вечеръ къ Евангелу вмѣстѣ съ Катериной Астафьевной, которой майоръ ничего не разсказалъ о своихъ намѣреніяхъ, и потому она была только удивлена, увидя, что невѣрующій Филетеръ Иванычъ, при звонѣ къ вечернѣ, прошелъ вмѣстѣ съ Евангеломъ въ церковь и сталъ въ алтарѣ. Но когда окончилась вечерня и среди церкви поставили аналой, зажгли предъ нимъ свѣчи и вынесли вѣнцы, сердце бѣдной женщины сжалось отъ невѣдомаго страха, и она, оборотясь къ Евангеловой попадьѣ и къ стоявшимъ съ нею Синтянихой и Ларисѣ, залепетала:

— Дружочки мои, а кто же здѣсь невѣста?

— Вѣрно ты,—отвѣчала ей Синтянина.

Катерина Астафьевна потерянно защипала свою верхнюю губу, что у нея было знакомъ высшаго волненія, и страшно испугалась, когда майоръ взялъ ее молча за руку

и повелъ къ аналою, у котораго уже стоялъ облаченный въ ризу Евангелъ и возглашалъ:

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно.

Во все время вѣнчальнаго обряда Катерина Астафьевна жарко молилась и плакала, обтирая слезы рукавомъ своего поношеннаго, кущаго коричневаго шерстяного платья, межъ тѣмъ какъ гривенниковая свѣча въ другой ея рукѣ выбивала дробь и поджигала скрещенную на ея груди темную шелковую косыночку.

Обрядъ былъ конченъ и Евангелъ первый поздравилъ майора и Катерину Астафьевну мужемъ и женой.

Затѣмъ ихъ поздравили и остальные друзья, а потомъ всѣ пили у Евангела чай, ходили съ нимъ на его просо и наконецъ вернулись къ скромному ужину и тутъ только хватились: гдѣ же майорша?

Исчезновеніе ея удивило всѣхъ, и всѣ бросились отыскивать ее, кто куда вздумалъ. Искали ее и на кухнѣ, и въ сѣняхъ, и въ саду, и на рубежахъ на полѣ, и даже въ темной церкви, гдѣ, думалось нѣкоторымъ, не осталась ли она незамѣтно для всѣхъ помолиться и не заперъ ли ее тамъ сторожъ? Но всѣ эти поиски были тщетны, и гости, и хозяева впали въ немалую тревогу.

А Катерина Астафьевна межъ тѣмъ сидѣла въ небольшой темной пасѣкѣ отца Евангела и, прислонясь спиной и затылкомъ къ пчелиному улью, въ которомъ изрѣдка раздавалось тихое жужжаніе пчелъ, глядѣла неподвижнымъ взглядомъ въ усѣянное звѣздами небо.

Въ такомъ положеніи отыскалъ ее здѣсь майоръ и, назвавъ ее по имени, укорялъ за безпокойство, которое она надѣлала всѣмъ своею отлучкой.

Катерина Астафьевна, не перемѣняя положенія, только перевела на мужа глаза.

— Пойдемъ ужинать! звалъ ее майоръ.

— Форовъ! — проговорила она тихо въ отвѣтъ ему,— скажи мнѣ правду: самъ ли ты это сдѣлалъ?

— Нѣтъ, не самъ.

— Я такъ и думала.

— Да; это попадья меня принудила.

— Не самъ... попадья принудила;—повторила за нимъ съ разстановкой жена, и съ этимъ вдругъ громко всхлипнула, нагнула лицо въ колѣни и заплакала.

— Что же, тебѣ это обидно, что ли? — освѣдомился майоръ.

— Конечно, обидно... очень обидно, Форовъ!—отвѣчала, качая головой, майорша. — Ты самъ въ семь лѣтъ нашей жизни никогда, никогда про меня не вспомнилъ.

— Да я никогда и не позабывалъ про тебя, Тора.

— Нѣтъ, забывалъ; всегда забывалъ! Вѣрно я скверная женщина: не умѣла я заслужить у тебя вниманія.

— Полно тебѣ, Торочка! Какого же еще больше вниманія, когда ты теперь моя жена?

— Нѣтъ, это все не то: это не ты сдѣлалъ, а Богъ такъ черезъ добрыхъ людей учинилъ, чтобы сократить число грѣховъ моихъ, а ты самъ... до сихъ поръ башмаковъ мнѣ не купилъ.

— Что за вздоръ такой? Какіе тебѣ нужны башмаки? Развѣ не у тебя всѣ мои деньги? Я вѣдь въ нихъ отчета не спрашиваю: покупай на нихъ себѣ что хочешь.

— Нѣтъ, это все не то—«покупай», а ты долженъ помнить, когда у тебя въ Крыму въ госпиталѣ на ногѣ рожа была, я тебѣ изъ моего саквояжа большіе башмаки спила.

— Ну помню; что-жъ далѣе?

— Ты сказалъ мнѣ тогда, что первый разъ какъ выйдешь, купишь мнѣ башмаки.

— Ну?

— Ну, и я вотъ семь лѣтъ этихъ башмаковъ прождала! когда ты ихъ принесешь, и ты ихъ мнѣ не принесъ.

— Э! полно, мать моя, глупости-то такія припоминать. Вставай-ка, да пойдемъ ужинать.

И майоръ взялъ жену за руку и потянулъ ее, но она не поднималась: она продолжала сѣтовать, что ей до сихъ поръ не куплены и не принесены тѣ башмаки, обѣщаніе

которыхъ напоминало пожилой Катеринѣ Астафьевнѣ тоже не совсѣмъ молодое и уже давно минувшее время, предшествовавшее безповоротному шагу въ любви ея къ майору.

Филетеръ Ивановичъ, чтобъ утѣшить жену, поцѣловалъ ее въ ея полусѣдую голову и сказалъ:

— Куплю, Тора! честное слово, куплю и принесу!

— Нѣтъ, я знаю, что не принесешь; ты обо мнѣ не можешь думать, какъ другіе о женщинѣ думаютъ... Да, ты не можешь; у тебя не такая натура, и это мнѣ больно за тебя... потому что ты объ этомъ будешь горько и горько тужить.

— Ну, такъ что жъ, развестись что ли хочешь, если я такой подлый?

— Какъ развестись?

— Какъ? Развѣ ты забыла, что вѣдь мы обвѣнчались?

Катерина Астафьевна въ послѣднія минуты своего меланхолическаго настроенія дѣйствительно позабыла объ этомъ, и при теперешнемъ шуточномъ напоминаніи мужа о разводѣ сердце ея внезапно вскипѣло, и она, обхвативъ обѣими руками лохматую голову Форова, воскликнула, глядя на небо:

— Боже мой! Боже мой! за что же Ты послалъ мнѣ, грѣшной, такъ много такого хорошаго счастія?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Языкъ сердца.

Майорша плакала и тужила совсѣмъ не о тѣхъ башмакахъ, о которыхъ она говорила: и башмаки, и бракъ, и все прочее было съ ея стороны только придиркой, предлогомъ къ сѣтованію: душа же ея рвалась къ иному утѣшенію, о которомъ она до сегодняшняго вечера не думала и не заботилась. Зато эта беззаботность теперь показалась ей ужасною и страшною: она охватила все ея существо въ эти минуты ея уединенія и выражалась въ ней тѣми прихотливыми переходами и переливами разнообразныхъ

чувствъ и ощущеній, какія она проявляла въ своей бесѣдѣ съ мужемъ.

— Одного,—говорила она,—одного только теперь я бы желала, и радость моя была бы безмѣрна.... и на этомъ словѣ она остановилась.

— Чего же это?

— Нѣтъ, Форъ, ты этого не поймешь.

— Да попробуй, пожалуйста.

— Нѣтъ, мой Форъ, незачѣмъ, незачѣмъ: этого говорить нельзя, если ты самъ не чувствуешь.

— Рѣшительно не чувствую и не знаю, что надо чувствовать,—отвѣчалъ майоръ.

— Ну и прекрастно: ничего не надо. Встань съ травы, росно,—и вонъ всѣ сюда идутъ.

Съ этимъ майорша приподнялась и пошла навстрѣчу шедшимъ къ ней Евангелу, его попадьѣ, Синтяниной и Ларисѣ.

Въ походкѣ, которою майорша приближалась къ пришедшимъ, легко можно было замѣтить наплывъ новыхъ, овладѣвшихъ ею волненій. Она тронулась тихо и шагомъ неспѣшнымъ, но потомъ пошла шибче и наконецъ побѣжала и, схвативъ за руку попадью, остановилась, не зная, что дѣлать далѣе.

Попадья поняла ее своимъ сердцемъ и заговорила:

— Это не я, душка, не я!

— Ну, такъ ты!—кинулась майорша къ Синтяниной.

— И не я, Катя,—отвѣчала генеральша.

— Ангелы небесные!—воскликнула майорша и, прижавъ къ своимъ губамъ руки попадьи и Синтяниной, впилася въ нихъ нервнымъ, прерывистымъ и страстнымъ поцѣлуемъ, который, вѣроятно, длился бы до новаго истерическаго припадка, если бъ отецъ Евангелъ не подсунулъ шутя своей бороды къ лицамъ этихъ трехъ скученныхъ женщинъ.

Увидавъ предъ собою эту мягкую свѣтлорусую бороду и пару знакомыхъ веселыхъ голубыхъ глазъ, Катерина

Астафьевна выпустила руки обѣихъ женщинъ и, кинувшись къ Евангелу, прошептала:

— Ахъ, батюшка... мнѣ такъ досадно: я хотѣла бы предъ этимъ... исповѣдаться... но...

— Но отпущаются тебѣ всѣ грѣхи твои, чадо,—отвѣчалъ добродушный Евангелъ, кладя ей на оба плеча свои руки, которые Катерина Астафьевна схватила такъ же внезапно, какъ за минуту предъ симъ руки дамъ, и такъ же горячо ихъ поцѣловала.

Потомъ они съ Евангеломъ поцѣловали другъ друга и при этомъ перешепнулись: Форова сказала: «Батюшка, простится ли мнѣ?» а Евангелъ отвѣтилъ: «И не помянется-съ».

И съ этимъ онъ перехватилъ ея руку себѣ подъ руку, а подъ другую взялъ генеральшу и, скомандовавъ: разъ, два и три! пустился рѣзвымъ бѣгомъ къ дому, гдѣ на чистомъ столѣ готовъ былъ скромный, даже почти бѣдный ужинъ. Но было за этимъ ужиномъ шумно и весело и раздавались еще послѣ него оживленныя рѣчи, которыя не всѣ переговорились подъ кровлей Евангела до поздней ночи, и опять возобновились въ саду, гдѣ гости и провожавшій ихъ хозяинъ остановились на минуту полюбоваться тихимъ покоемъ деревьевъ, травъ и цвѣтовъ, облитыхъ блѣдно-желтымъ свѣтомъ луны.

Тутъ, по знаку, данному Евангеломъ, всѣ въ молчаніи стали прислушиваться къ таинственнымъ звукамъ полуночи: то что-то хрустнетъ, то вздохнетъ, шепчетъ и таетъ, и таетъ долго и чуть слышимо уху...

— Люблю эти звуки,—тихо молвилъ Евангелъ,—и ухожу часто сюда послушать ихъ; а на поляхъ и у лѣсовъ, на опушкахъ, они еще чище. Гдѣ дальше человѣческая злоба, тамъ этотъ языкъ сейчасъ и звучнѣе.

Форову это дало случай возразить, что онъ этой сентиментальности не понимаетъ.

— А вотъ Гете понималъ,—замѣтилъ Евангелъ;—а Іоаннъ Дамаскинъ еще больше понималъ. Припомните-ка

поэму Алексѣя Толстого; Іоаннъ говоритъ: «Неодолимый ихъ призывъ меня влечетъ къ себѣ все болѣе... о, отпусти меня, калифъ, дозволь дышать и пѣть на волѣ». Вотъ что говорятъ эти звуки: они выманиваютъ насъ на волю пѣть изъ-подъ сарая.

— Наплевать на этакую волю, чтобы пѣть да дышать только: мнѣ больше нравятся звуки Марсельезы въ рабочихъ улицахъ Парижа,—отвѣчалъ Форовъ.

— Парижъ! городъ! — воскликнулъ съ кроткимъ предостереженіемъ Евангелъ. — Нѣтъ, нѣтъ, не ими освятится вода, не они раскуютъ мечи на орала! Первый городъ на землѣ сгородилъ Каинъ; онъ первый и брата убилъ. Замѣтьте, — создатель города есть и творецъ смерти: а Авель стадо пасъ, и кроткіе наслѣдятъ землю. Нѣтъ, сестры и братья, множитесь, населяйте землю и садите въ нее сѣмена, а не башенье стройте, ибо съ башенъ смѣшенье идетъ.

— А въ саду дьяволъ убѣдилъ человѣка не слушаться Бога,—перебилъ майоръ.

— Да; это въ Эдемскомъ саду; но зато въ Геѳсиманскомъ саду случилось другое: тамъ Богъ самъ себя предалъ страданьямъ. Впрочемъ, вы стопте на той степени развитія, на которой говорится «нѣсть Богъ», и жертвы этой понять лишены. Спросимъ лучше дамъ. Кто съ майоромъ и кто за меня?

— Всѣ съ вами, — откликнулись попадья, генеральша и майорша.

Лариса вертѣла въ рукѣ одуванчикъ и молчала.

— Ну, а вы, барышня?—отнесся къ ней Евангелъ.

— Не знаю,—отвѣчала она, покачавъ головой и обдувъ пушокъ стебелька, бросила его въ траву, и сказала: — Не пора ли намъ въ городъ?

Это напоминанье было не особенно пріятно для гостей, но всѣ стали прощаться съ сожалѣніемъ, что поздно, и что надо прощаться съ поэтическимъ попомъ.

Пылкая Катерина Астафьевна даже прямо сказала, что

она съ радостью просидѣла бы тутъ до утра и всю жизнь прослушала бы Евангеля, но попадья отвѣтила ей:

— А я его никогда не слушаю.

— Господи, какъ всѣ пары курьезно подтасовываются! воскликнула, смѣясь и усаживаясь въ экипажъ генеральша.

— Превосходно подтасовываются-съ, превосходно-съ отвѣчалъ ей Евангелъ. — Единомысліе недаромъ не даровано, да-съ! Тогда бы *стопъ* вся машина; тоска, скука и сонъ согласія, и заслуги миролюбія нѣтъ. Все кончено! Нѣтъ-съ, а вы тяготы другъ друга носите, такъ и исполните законъ Христовъ.

— А какъ же «возлюбимъ другъ друга?» — замѣтилъ майоръ.

— А такъ: прежде «возлюбимъ другъ друга» и тогда «единомысліемъ исповѣмы», отвѣчалъ ему Евангелъ, пожимая руку майора и подставляя ему свою русую бороду.

— Да я уже тебя и люблю, отвѣчалъ, обнимая его, майоръ.

И они поцѣловались, и съ тѣхъ поръ, обмолвясь на «ты», сдѣлались тѣми неразрывнѣйшими друзьями, какими мы ихъ видѣли въ продолженіе всей нашей исторіи.

Эта дружба противомышленниковъ, соединившихся въ единомысліи любви, была величайшею радостью Катерины Астафьевны, видѣвшей въ этомъ новую прекрасную черту въ характерѣ своего мужа и залогъ того, что онъ когда-нибудь измѣнитъ свои сужденія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Горшокъ сталкивается съ горшкомъ.

Супружеская жизнь Форовыхъ могла служить явнымъ опроверженіемъ пословицы, выписанной надъ этою главой: у нихъ никогда не было разлада; они не только никогда другъ съ другомъ не ссорились, но даже не умѣли и дуться другъ на друга.

«Стоитъ ли это того, чтобы не ладить?»—говорила себѣ

майорша при какихъ-нибудь несогласіяхъ съ мужемъ, и несогласія ихъ ладу не мѣшали.

«Наплевать!» думалъ себѣ майоръ, если не удавалось ему въ чемъ-нибудь убѣдить жену, и тоже не находилъ въ этомъ никакихъ поводовъ къ разладу.

Катерина Астафьевна помнила слова Евангела, что такъ даже и необходимо; да и въ самомъ дѣлѣ, не всѣ ли близкіе и милые ей люди несли тяготы другъ друга? Много начитанный, поэтическій и глубоко проникавшій въ самую суть вещей, Евангелъ проводилъ свою жизнь съ доброю дурочкой и сдѣлалъ изъ нея Паиньку, отъ которой его, однако, потягивало въ поля, помечтать среди ночныхъ звуковъ; Форовъ смирился предъ лампадами Катерины Астафьевны и ѣлъ ради нея цѣлые посты огурцы и картофель, а она... она любила Форова больше всего на свѣтѣ, отнюдь не считая его лучшимъ человѣкомъ и даже скорбя объ его заблужденіяхъ и слабостяхъ. Синтянина... но эта уже несла тяготу, съ которой не могла сравниться тягота всѣхъ прочихъ; всѣ онѣ жили съ добрыми людьми, которыхъ, вдобавокъ къ тому, любили, а та отдала себя человѣку, который былъ мстителенъ, коваренъ, холоденъ...

Глядя на Евангела, Катерина Астафьевна благословляла жизнь въ ея благѣ; сливаясь душой съ душой Синтяниной, она благоговѣла предъ могуществомъ воли, торжествующимъ въ святой силѣ терпѣнія, и чувствовала себя исполненной удивленія и радости о ихъ совершенствѣ, до котораго сама не мечтала достигнуть, не замѣчая, что иногда ихъ даже превосходитъ.

Жизнь ея была такъ полна, что она никуда не хотѣла заглядывать изъ этого мірка, гдѣ предъ нею стояли драгоцѣнные сосуды ея вѣры, надежды и любви.

Но ей былъ нуженъ и еще одинъ сосудъ, сосудъ, въ который бы лился фіалъ ея горести: этотъ сосудъ была безсодержательная Лариса.

Мы видѣли, какъ майорша хлопотала то устроить, то разстроить племянницыну свадьбу съ Подозеровымъ и какъ

ни то, ни другое ей не удавалось и шло какъ разъ противъ ея желаній. Когда свадьба эта была уже рѣшена, Катерина Астафьевна подчинилась судьбѣ, и даже мало-помалу опять начала радоваться, что племянница устраивается и выходитъ замужъ за честнаго человѣка. Она даже рвалась помогать Ларисѣ въ ея свадебныхъ сборахъ и, смиряя свое кипучее сердце, переносила холодное устраненіе ея отъ этихъ хлопотъ; но того, что она увидѣла на свадебномъ пиру Ларисы, Катерина Астафьевна уже не могла перенесть. Никѣмъ не замѣченная, она ушла домой ни съ кѣмъ не простясь; сняла, разорвавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, свое новое шерстяное платье и, легши въ постель, послала кухарку за гофманскими каплями.

Такое поведеніе майорши удивило возвратившагося, черезъ часъ послѣ ея прихода, мужа.

— Ночью посылать женщину за пустыми каплями!.. какая глупость!—заговорилъ онъ, начиная разоблачаться.

Майорша какъ-будто этого только и ждала. Она вскочила и начала майору рацею о томъ, что для него жена не значитъ ничего, и онъ, можетъ быть, даже былъ бы радъ ея смерти.

— Нѣтъ; я только былъ бы радъ, еслибы ты немножечко замолчала, отвѣчалъ спокойно майоръ.

— Никогда я теперь не замолчу.

— Ну, и очень глупо: ты будешь мѣшать мнѣ спать.

— А ты можешь спать?

— Отчего же мнѣ не спать?

— Ты можешь... ты можешь спать?

— Да, конечно могу! А ты почему не можешь?

— Потому, что я не могу спать отъ мысли, какое несчастіе несходная пара.

— Ну, вотъ еще!.. Наплевать.

И майоръ поставилъ на стулъ свѣчу, взялъ книгу и повалился на диванчикъ.

Майорша дергалась, вздыхала; майоръ читалъ и потомъ

вдругъ дунулъ на свѣчу, повернулся къ стѣнѣ и заснулъ но ненадолго.

Услышавъ, что мужъ спитъ, Катерина Астафьевна сначала заплакала, и потомъ мало-по-малу разошлась и зарыдала истерически.

— Что, что, что такое съ тобой?—спрашивалъ спросонья майоръ.

Она все рыдала.

— Ну, на вотъ капли,—проговорилъ онъ, вставъ и подавая женѣ принесенный изъ аптеки флакончикъ.

Катерина Астафьевна нетерпѣливо отодвинула его руку.

— И изъ-за чего? Изъ-за чего?—ворчалъ онъ.—Люди женились, да что намъ до этого? Не хорошо они будутъ жить, опять-таки это не наше же дѣло. Но чтобъ изъ-за этого не спать ночи...

Но майорша вдругъ снова вскочила и, передразнивая мужа, заговорила:

— «Не спать ночи! Не спать ночи!» Эка невидаль какая, не спать ночь! Вамъ это ничто: подѣломъ вамъ, что вы не спите, а за что вы людямъ-то добрымъ дни и ночи испортили?

— Кто это мы?

— Всѣ вы, вотъ этакіе говоруны!.. Это все ты, сѣдой нигилистъ, да братецъ ея Іосафушка-дурачокъ, да его пріятели такъ Ларочку просвѣтили.

— Попъ Евангелъ же вѣдь ей другое благовѣствовалъ. Отчего же ты съ него за нее не взыскиваешь?

— Попъ Евангелъ! Нечего вамъ про попа Евангела. Вамъ до него далеко; а тутъ ни попъ, ни архіерей ничего не подѣлаютъ, когда на одного попа стало семь жидовинъ. Что отецъ добрый въ душу посадитъ, то лихой гость за одинъ разъ выдернетъ.

— Ну, ты кончила?—вопросилъ, поворачиваясь въ своей постели, майоръ.

— Нѣтъ, не кончила. Вы десятки лѣтъ изъ двора въ дворъ ходите да всюдѣ свое мерзкое сомнѣніе во всемъ раз-

носите, а вамъ начнешь говорить, — такъ сейчасъ въ минуту и кончи! Вѣрно, правда глазъ колетъ.

— Я спать хочу.

— А я тебѣ, сѣдой нигилистъ, говорю, что ты не долженъ спать, что ты долженъ стать на колѣни да плакать, да молиться, да говорить: отпусти, Боже, безуміе мое и положи храненіе моимъ устамъ!

— Ну, ужъ этого не будетъ.

— Нѣтъ будетъ, будетъ, если ты не загрубѣлая тварь, которой не касается человѣческое горе, будетъ, когда ты увидишь, что у этой пары за жизнь пойдетъ и вспомнишь, что во всемъ этомъ твой вкладъ есть. Да, твой, твой,— нечего головой мотать, потому что если бы не ты, она либо братцевымъ ходомъ пошла, и тогда намъ не было бы до нея дѣла; либо она была бы простая добрая мать и жена, и создала бы и себѣ, и людямъ счастіе, а теперь она что такое?

— Чортъ ее знаетъ что?

— Именно чортъ ее знаетъ что: всякаго сметья по лопатѣ и отъ всѣхъ воротъ поворотъ; а отцы этому дѣлу вы. Да, да, нечего глаза-то на меня лупить; вы не сорванцы, не мерзавцы, а добрые болтуны, неряхи словесные! Вы хуже негодяевъ, вреднѣе, потому что тѣхъ какъ познаютъ, такъ въ три-шеи выпроводятъ, а васъ еще жалѣть будутъ.

— Кончила?

— Нѣтъ, да ты и не надѣйся, чтобъ я кончила.

— А это другое дѣло! сказалъ майоръ и, присѣвши на свой диванъ, началъ обуваться.

— Что это: ты хочешь уйти? вопросила его майорша.

— Да, больше ничего не остается.

— И уходи батюшка, — не испугаешь; а что сказано, то свято.

— Ты сумасшедшая баба.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, а я знаю о чемъ я сокрушаюсь. Я сокрушаюсь о томъ, что васъ много, что во всякомъ поганомъ городишкѣ дома одного не осталось, куда

бы такой короткобрюхій сверчокъ, въ родѣ тебя, съ рапсями не бѣгалъ, да не чирикалъ бы изъ-за печки съ малыми дѣтями! напирала майорша на Филетера Ивановича, вставъ съ своего ложа. Ну, куда ты собрался! и майорша сама подала мужу его фуражку, которую майоръ нетерпѣливо вырвалъ изъ ея рукъ и ушелъ, громко хлопнувъ дверью.

— А на дворѣ дождь, сказала,—возвратясь назадъ, кухарка, запиравшая за майоромъ калитку.

— Дождь? зимой дождь? Да, правда, весь день была оттепель и моросило.

Катерина Астафьевна присѣла и стала слушать, какъ капли дождя тихо стучали по ставнямъ, точно гдѣ-то невдалекѣ просо просѣвали.

Въ такомъ положеніи засталъ ее и возвратившійся черезъ часъ, весь измокшій, майоръ.

Онъ вошелъ нѣсколько запыхавшись и, снявъ съ себя мокрое пальто и фуражку, прямо присѣлъ на край женниной постели и проговорилъ:

— Знаешь, Торочка, какія дѣла?

— Нѣтъ, Фоша, не знаю; но только говори скорѣй, Бога ради, а то сердце не на мѣстѣ. Ты *тамъ* былъ?

— Да, почти...

— Сними, дружокъ, скорѣй сапоги, а то они, небось, мокры.

— Нѣтъ, ты слушай, что было. Я вышелъ злой и хотѣлъ пройти вокругъ квартала, какъ вдругъ мнѣ на встрѣчу синтянинскій кучеръ: пожалуйте, говоритъ, къ генералу,— очень просятъ.

— Ну! что у нихъ?

— Ничего.

— Да что ты врешь: какъ ничего?

— Нѣтъ, ты слушай. Я былъ у Синтянина, и выхожу, а дождь какъ изъ ведра, и вѣтеръ, и темь, и снѣгъ мокрый вмѣстѣ съ дождемъ—словомъ халепа, а не погода.

— Бѣдный!

— Нѣтъ, ты слушай: не я самый бѣдный. Выхожу я на улицу, а впереди меня идетъ человѣкъ... мужчина...

— Ну, мужчина?

— Да; въ шинели, высокій... идетъ тихо и вдругъ подошелъ къ углу и этакъ «фю-фю-фю», посвисталъ. Я смотрю, что это такое?.. А онъ еще прошелъ, да и на другомъ углѣ опять: «фю-фю-фю», да и на третьемъ такъ же, и на четвертомъ. Кой, думаю себѣ, чортъ: кто это такой и чего ему нужно? да за нимъ.

— Ахъ, Форовъ, зачѣмъ ты это?

— А что?

— Онъ могъ тебя убить.

— Ну, вотъ же не убилъ, а только удивилъ и потѣшилъ. Вижу я, что онъ вошелъ на висленевскій дворъ, и я за нимъ, и хапъ его за полу: Что, молъ, вамъ здѣсь угодно? А онъ... однимъ словомъ, узнаешь кто это былъ?

— Боюсь, что узнаю.

— И я боюсь, что ты узнала: это былъ Андрей Подозеровъ.

Катерина Астафьевна только рукой хлопнула по постели.

— Поняли? спросилъ ее мужъ.

— Да, да, я все поняла, на своемъ пиру да безъ послѣдняго блюда.

— Я ему сказалъ, что если онъ не возьметъ ее отсюда и не уѣдетъ съ нею въ такое мѣсто, гдѣ бы она была съ нимъ одна и гдѣ бы онъ могъ ее перевоспитать...

Но майорша на этомъ словѣ зажала мужу ротъ и сказала:

— Замолчи, сдѣлай свое одолженіе: я не могу этого слушать. Какое перевоспитаніе? Когда мужу перевоспитывать? Это вздоръ, вздоръ, вздоръ! Хорошо перевоспитывать женъ князьямъ да графамъ, а на бѣднымъ людямъ, которымъ надо хребтомъ хлѣба кусокъ доставать.

— Да и уѣхать-то еще на горе нельзя!

— И слава Богу.

— Нѣтъ; бѣда!

— Да говори, пожалуйста, сразу!

— Синтянинъ получилъ изъ Питера важныя вѣсти. Очень важныя, очень важныя. Я всего не знаю, и того, что онъ мнѣ сообщилъ, сказать не могу, но вотъ тебѣ общее очертаніе дѣлъ: Синтянинъ не простилъ своего увольненія.

— Я такъ и думала.

— Нѣтъ, не простилъ! Онъ какъ кротъ копался и, лежа долго на постели, прокопалъ удивительные ходы. Ты знаешь, кто ему ногу подставилъ, что онъ полетѣлъ? Это сдѣлалъ Гордановъ! Теперь понимаешь, какой гусь сей мерзавецъ Гордановъ? Но они ужъ очень заручились и зазнались: Бодростина изъ Парижа въ Петербургъ святою пріѣхала: Даніила пророка вызываетъ къ себѣ, мужъ ея чуть въ Сибирь не угодилъ, и въ этой святой да въ Гордановѣ своихъ спасителей видитъ, а Гордановъ... Да онъ тоже слишкомъ уже полагается на свое, такъ сказать, сверхъестественное положеніе... Синтянина не надуешь; онъ все пронюхалъ и онъ правъ: они не могли все это даромъ дѣлать, по любви къ искусству, нѣтъ; ихъ манитъ преступленіе, большое, страшное и выгодное...

— Да говори, Форочка, говори: вѣдь я не болтунья.

— Синтянинъ думаетъ... что они хотятъ извести Бодростина и...

— И что еще?

— И не своими руками, а...

— Шепни, дружокъ, шепни.

— Тутъ Іосафъ и Лариса должны быть на смѣтѣ.

— Іосафъ и Лариса!.. и Лара!

— Ну, такъ онъ говоритъ.

— О! онъ старый воробей: его не обманешь, но если Гордановъ то, что ты сказалъ, такъ они все совершатъ, и его не уловишь.

— Гордановъ то самое, что я сказалъ. Но ждать недолго. Бодростина, Бодростинъ, Гордановъ и дурачокъ Іосафъ всѣ завтра будутъ сюда и мы посмотримъ, кто кого: мы ихъ, или они насъ?

— Да ты что же, Форовъ?.. Неужто ты съ Синтянинымъ вмѣстѣ?

— Фуй!.. Богъ меня оборони! И майоръ перекрестился и добавилъ: — Нѣтъ, теперь нѣтъ союзовъ, а всѣ на ножахъ!

Но Катерина Астафьевна не слыхала этихъ послѣднихъ словъ. Она только видѣла, что ея мужъ перекрестился и, погруженная въ свои мысли, не спала всю ночь, ожидая утра, когда можно будетъ идти въ церковь и потомъ на смертный бой съ Ларисой.

Часть пятая.

ТЕМНЫЯ СИЛЫ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Два Вавилона.

Пока въ маленькомъ городкѣ люди оживали изъ мертвыхъ, женились и ссорились, то улаживая, то разстраивая свои маленькія дѣлишки, другіе герои нашего разсказа заняты были дѣлами если не болѣе достойными, то болѣе крупными. Парижъ дѣятельнѣйшимъ образомъ сносился съ Петербургомъ объ окончаніи плана, въ силу котораго Бодростина должна была овдовѣть, получить всю благопріобрѣтерную часть мужнина состоянія и наградить Горданова своею рукой и богатствомъ.

Бель-этажъ большого дома на Литейной, гдѣ жили Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ и Павелъ Николаевичъ Гордановъ, почти ежедневно корреспондировалъ съ небольшимъ, но удобнымъ и хорошо меблированнымъ етдѣленіемъ маленькаго Hôtel de Maroc въ rue de Seine, гдѣ обитала Глафира Васильевна, и наверху, двумя этажами выше надъ нею, мѣстился въ крошечной мансардѣ Іосафъ Платоновичъ Висленевъ.

Формы постоянныхъ сношеній этихъ двухъ ложементовъ разнообразны и многоразличны, но по характеру ихъ было

ясно, что Парижъ играетъ, а Петербургъ пляшетъ подъ звуки волшебной флейты. Писалъ ли изъ Петербурга въ Парижъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ или Гордановъ, или, вѣроятно многими позабытый, счастливый чухонецъ Генрихъ Ропшинъ, все выходило одно и то же: рѣзкія и шутливыя, даже полунасмѣшливыя письма Бодростина, короткіе и загадочные рапорты Горданова и точныя донесенія Ропшина,—все это были матеріалы, при помощи которыхъ Глафира Васильевна подготовляла постановку послѣдней драмы, которую она сочинила для своего бенефиса, сама росписавъ въ ней роли. Все шло къ тому, что надо было три раза хлопнуть въ ладоши и занавѣсъ взовьется, и предъ зрителемъ совершится актъ хитраго и далеко разсчитаннаго злодѣйства безъ наказанія порока и безъ торжества правды.

Всеобщее нетерпѣніе по ту и по другую сторону завѣсы давно тихо шепчетъ слово «пора» и, наконецъ, это слово громко произносится самимъ геніемъ все исторіи, Глафирой.

Въ самомъ дѣлѣ, ей пора восторжествовать и успокоиться: ей, можетъ-быть, болѣе чѣмъ всѣмъ надоѣли всѣ эти осторожные подходы, личины и маскарадъ.

Кто не видалъ Глафиру Васильевну съ той поры, какъ она разсталась съ Гордановымъ въ Москвѣ, тотъ непремѣнно долженъ былъ бы крайне удивиться перемѣнѣ, происшедшей въ ней въ теченіе ея полугодоваго отсутствія изъ Россіи. Житье въ Парижѣ до такой степени ее измѣнило, что человѣку, не очень пристально въ нее вглядывающемуся, даже вовсе не легко было бы ее узнать. Сверкающая красота ея померкла; глаза, вмѣсто прежняго пламеннаго, обдающаго жаромъ взгляда, смотрятъ только тревожно, остро и подозрительно; у угловъ губъ пролегла тонкая морщинка; подъ глазами замѣтны темноватые круги, и вся кожа, такъ недавно вызывавшая у стараго Бодростина комплименты ея свѣжести и аромату, подцвѣтилась желтоватымъ янтарнымъ отливомъ.

Глафира была теперь янтарь, но янтарь забытый, залежавшійся и какъ-будто утративший всю свою электрическую силу отъ долгаго бездѣйствія. Однако, это, можетъ-быть, такъ только казалось. Взглянемъ на нее поближе.

Парижское утро начинается очень рано въ томъ, далеко не аристократическомъ кварталѣ, гдѣ среди rue de Seine мѣстился незамѣчательный Hôtel de Maroc, избранный по особымъ соображеніямъ Бодростиной для ея жительства. На зарѣ звонкія плиты узкихъ тротуаровъ оглашаются громкимъ хлопаньемъ тяжелой обуви работниковъ, рано покидающихъ свои постели и поспѣшающихъ къ дѣлу. Вслѣдъ затѣмъ раздаются звонки и слышится стукъ желѣзныхъ скобъ у дверей лавченокъ, гдѣ эти же рабочіе добиваются получить свою утреннюю порцію мутнаго абсенту; затѣмъ гремятъ фуры перевозчиковъ мебели, бѣгутъ комиссіонеры съ своими носилками, кухарки со своими саками, гризетки со своими корзинками и кошками, и... день насталъ со всею его суетой: спать невозможно.

Лучшее помѣщеніе, которое занимала въ скромномъ отелѣ Глафира Васильевна Бодростина, въ этомъ отношеніи было самое худшее, потому что оно выходило на улицу, и огромныя окна ея невысокаго бель-этажа ни мало не защищали ее отъ ранняго уличнаго шума и треска. Поэтому Бодростина просыпалась очень рано, почти одновременно съ небогатымъ населеніемъ небогатаго квартала; Висленевъ, комната котораго была гораздо выше надъ землей, имѣлъ больше покоя и могъ спать дольше. Но о немъ рѣчь впереди.

Кварталъ уже болѣе получаса тому назадъ простучалъ и прогремѣлъ свою утреннюю тревогу, и подъ окнами Hôtel de Maroc уже закурилась жаровня жарильщицы каштановъ, когда въ одномъ изъ оконъ бель-этажа зашевелилась густая занавѣса, и Глафира Васильевна, стуча деревянными каблучками изящныхъ туфель, потянула шкуры оконной шторы и, взявъ съ камина небольшой, старинной работы, ящичекъ изъ сердолика съ янтаремъ и бирюзой, снова легла въ свою постель.

Часъ былъ еще ранній, и Бодростина, не желая звать прислугу, открыла свой античный ящикъ и стала перебирать аккуратно сложенныя въ немъ письма.

Солнце, не смотря на ранній часъ утра, уже тепло освѣщало комнату, меблированную высокою старинною мебелью, и въ нишѣ, гдѣ помѣщалась кровать Глафиры, было столько свѣта, что наша героиня могла свободно пробѣгать открытый ею архивъ. Она этимъ и занималась, она его пробѣгала, безпрестанно останавливаясь и задумываясь то надъ тѣмъ, то надъ другимъ листкомъ, и затѣмъ опять брала новые.

По сосредоточенному выраженію ея лица нельзя было усомниться, что предъ ней лежали не бальныя записочки и не родственныя письма о бабушкиномъ здоровьѣ, а переписка дѣловая и строгая, требующая провѣрки прошлому, обозрѣнія настоящему и рѣшенія въ будущемъ.

Вотъ въ ея рукахъ бѣлый листокъ толстой бумаги съ переплетеннымъ вензелемъ «М. Б». Это первое письмо, полученное Глафирой за границей отъ ея мужа. Письмо не длинно, — оно начинается на одной страницѣ и кончается на другой. Въ немъ Михаилъ Андреевичъ отвѣчаетъ женѣ на ея, полное негодованія, письмо, по поводу дошедшихъ до нея слуховъ о его романѣ съ княгиней Казимирой Антоновной Вахтерминской. Михаилъ Андреевичъ извиняется предъ женой, что онъ отвѣчаетъ ей не скоро, потому что долго былъ очень занятъ однимъ весьма выгоднымъ предпріятіемъ и потомъ, не опровергая слуха о княгинѣ Казимирѣ, отшучивается довольно наглою шуткой, добавляя:

— А что касается до вашихъ предостереженій меня насчетъ ея предательскаго нрава, то будьте, chère amie, спокойны и на мой, и на свой счетъ, потому что je la tiens hors de vue.

Вотъ другіе листки иной, совсѣмъ ординарной бумаги, иногда короткіе и не дописанные, иногда же исписанные вдоль и поперегъ твердымъ, ровнымъ почеркомъ: это письма Горданова. Ихъ много, даже можно бы сказать

ихъ слишкомъ много, если бы число ихъ пришлось сравнивать съ короткими письмами Бодростина, но довольно многочисленныя письма Горданова исчезали среди цѣлаго вороха высыпанныхъ Глафирой на колѣни скромныхъ листковъ синеватой клѣтчатой бумаги, исписанныхъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ Рошпина. Чухонецъ былъ вѣрнѣе всѣхъ и писалъ Глафирѣ аккуратно почти всякій день въ теченіе всего ея отсутствія.

Два остальныхъ письма Бодростина, изъ которыхъ одно послѣдовало чрезъ три мѣсяца послѣ перваго, а другое—совсѣмъ надняхъ, были очень коротки и лаконичны. Въ первомъ изъ нихъ Бодростинъ опять извинялся предъ женой, что онъ ей за недосугомъ не пишетъ; говорилъ о своихъ обширныхъ и выгодныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, которыя должны его обогатить и, наконецъ, удивлялся женѣ, чего она сидитъ въ Парижѣ и еще, вдобавокъ, въ этомъ отвратительномъ кварталѣ гризетъ и студентовъ. «Я этого не могу понять, добавлялъ онъ: еслибы ты была старѣе пятнадцатью или двадцатью годами, я бы готовъ былъ повѣрить, что ты *заинтересовалась* юношескою любовью какого-нибудь студіозуса; но ты еще молода для такой глупости. Спиритизму же твоему, я признаюсь тебѣ, что ты хочешь дѣлай, не вѣрю, и когда Гордановъ недавно сказалъ мнѣ съ чьихъ-то словъ, что ты живешь въ Hôtel de Магос, потому что тамъ близко обитаетъ какой-то генералъ вашего ордена, котораго посѣщаетъ *самъ* Алланъ Кардекъ, мнѣ это даже сдѣлалось смѣшно. Hôtel de Магос и Алланъ Кардекъ—конечно, даже одно соединеніе этихъ звуковъ имѣетъ нѣчто внушающее, но что касается до генерала, то у тебя не можетъ быть такого дурного вкуса... Кстати здѣсь, гдѣ теперь такъ много, очень много даже, можетъ-быть слишкомъ много молодыхъ генераловъ, мною замѣчено, что какъ бы ни былъ молодъ генералъ, отъ него непремѣнно начинаетъ пахнуть старыми фортепіано. Особый и необъяснимый въ естествознаніи законъ... Да неужто же, ma chère, ты въ самомъ дѣлѣ еще склонна во

что-нибудь вѣрить и особенно вѣрить въ такую чепуху, какъ спиритизмъ? А впрочемъ, ma foi, всѣ вѣры одинаково нелѣпы, и потому дѣлай что хочешь», заканчивалъ Михаилъ Андреевичъ, и въ post-scriptum освѣдомлялся о Висленевѣ, называя его «рыцаремъ печальнаго образа и эсклавомъ, текущимъ за колесницей своей побѣдительницы».

Третье, самое недавнее письмо говорило, что Михаилъ Андреевичъ на сихъ лишь дняхъ едва свалилъ съ шеи большія и совершенно непредвидѣнныя хлопоты, и очень радъ будетъ вырваться домой въ деревню, гдѣ, по его распоряженію, быстро идутъ постройки фабрики и заводовъ, на коихъ будутъ выдѣлываться въ обширномъ размѣрѣ разные животные продукты.

Глафира Васильевна знала всѣ эти «большія и совершенно непредвидѣнныя обстоятельства», о которыхъ такъ коротко извѣщалъ ее мужъ, и знала даже и то, что онъ еще вовсе не свалилъ ихъ съ шеи и что ему не уѣхать изъ Петербурга безъ ея помощи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нимфа и Сатиръ.

Изъ обстоятельныхъ донесеній Горданова, заплетавшаго узлы вокругъ престарѣлаго Бодростина, и изъ подробнѣйшихъ отчетовъ Ропшина, шпіонившаго за Гордановымъ съ усердіемъ ревниваго влюбленнаго, всячески старающагося опорочить и унизить своего соперника (каковымъ Ропшинъ считалъ Горданова), Глафира знала все и могла повѣрить всякую математическую выкладку дѣйствіемъ обратнымъ. Ропшинъ зорко слѣдилъ и за Гордановымъ, и за Кишенскимъ, который входилъ въ компанію съ Бодростинымъ въ качествѣ капиталиста и предалъ его, при посредствѣ жены Висленева, въ руки ловкой княгини Казимиры. Неблазный чухонецъ доносилъ Глафирѣ на всю эту компанію, обвиняя ее въ такихъ козняхъ и каверзахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ

заключали въ себѣ много возмутительнаго, но тѣмъ не менѣе не возмущали Глафиры. Для нея ничто не было ново: ни подлость Горданова, ни дряблая, старческая вѣтреность мужа, ни характеръ продѣлокъ Казимиры, и отчеты Ропшина ей были нужны только затѣмъ, чтобы повѣрять образъ дѣйствій Павла Николаевича, которымъ Глафира теперь имѣла основаніе быть совершенно довольною. Гордановъ велъ дѣло именно такъ, какъ было нужно Глафирѣ. Пользуясь слабостью Бодростина къ его уму и талантамъ, онъ тотчасъ же, по прибытіи въ Петербургъ, возобладалъ и двумя другими его слабостями. Онъ раздражилъ и раздулъ въ немъ духъ промышленной предпріимчивости, игравшій въ Михаилѣ Андреевичѣ всегда, и особенно возбужденный въ послѣдніе годы при безобразномъ разгарѣ всеобщей страсти къ быстрой наживѣ. Но особенно посчастливилось Павлу Николаевичу сблизиться съ мужемъ Глафиры, благодаря княгинѣ Казимирѣ, которая очаровала Бодростина съ первой же встрѣчи у Кишенскаго, залучившаго къ себѣ Михаила Андреевича для ознакомленія съ одною изъ тѣхъ аферъ, которыми ловкіе столичные люди какъ сѣтями улавливаютъ заѣзжихъ въ столицу предпріимчивыхъ людей провинціальныхъ. Волокитство старика за Казимирой началось съ первыхъ же дней ихъ встрѣчи, и Ципри-Кипри очень мало преувеличивала положеніе дѣлъ, описанныхъ ею въ извѣстномъ намъ письмѣ ея къ Подозерову. Но ухаживанье Бодростина за великолѣпною княгиней до пріѣзда Горданова ограничивалось стороной чисто художественной. Михаилъ Андреевичъ, изживній весь свой вѣкъ то въ доморощенномъ помѣщичьемъ развратѣ, то въ легкихъ побѣдахъ надъ легкими же дамами губернскаго бомонда, гдѣ вниманіе Бодростина всегда высоко цѣнилось, сохранилъ очень много охоты къ дѣламъ этого сорта и, встрѣтивъ красивую и шикарную княгиню, почувствовалъ неодолимое влеченье поклоняться ея красотѣ. Кишенскій замѣтилъ это и не далъ этой искрѣ погаснуть. Онъ немедленно же появился въ небогатомъ нумерѣ, куда Казиміра пріѣхала съ желѣзной дороги вмѣ-

стѣ съ польскимъ скрипачемъ и съ золотою рыбкой, которую привезла въ маленькомъ изящномъ акваріѣ. Кишенскій, окинувъ взоромъ занимаемое Казимирой помѣщеніе и ея необременительный багажъ и выждавъ минуту, когда скрипачъ оставилъ ихъ вдвоемъ tête-à-tête, прямо и безцеремонно спросилъ:

— Вы вся тутъ, ваше сіятельство?

— Вся,—отвѣчала княгиня.

— Такъ надо, значитъ, у кого-нибудь перехватить.

— Ну, у кого же?—полюбопытствовала княгиня.—У васъ вѣдь не перехватишь, не дадите.

— У меня!... про меня и говорить нечего: я и не дамъ, да у меня и нѣтъ суммъ, которыя были бы достойны такой дамы, какъ вы, а вотъ вчерашняго барина у меня вы не запримѣтили-лп?

— Да это, кажется, Бодростинъ?

— Кажется,—повторилъ, улыбаясь, Кишенскій.—Ахъ, матушка, ваше сіятельство: развѣ можно такъ говорить про такой кусочекъ?

— А что такое?

— Да какъ же-съ: это *именно* Бодростинъ; то есть *онъ самъ*, настоящій.—Бодростинъ, старой подруги вашей Глафиры Акатовой законный супругъ и обладатель ея прелестей, которыя, между нами говоря, всѣ одного вашего мизинчика не стоятъ и... кромѣ того обладатель цѣлыхъ двутьму динаріевъ, пенязей, злотницъ и вороховъ зерна бурмитскаго.

— Что же ему здѣсь нужно?

— Да вотъ подите же: еще богаче быть хочетъ. Это ужъ такова человѣческая алчность вообще, а у него въ особенности. Онъ на все жаденъ, и его за это Богъ накажетъ.

— А что такое?

— Да какъ же, развѣ вы вчера ничего не замѣтили?

— Рѣшительно ничего. А что же такое, скажите пожалуйста?

— Какъ вы вчера не замѣтили, какъ онъ въ васъ стрѣлялъ взорами?

— Ну ужъ это сочиненіе! молвила закраснѣвшись, Казимира. Она живо сознавала и чувствовала, что Кишенскій говоритъ правду и что онъ замѣтилъ именно то самое, что она и сама замѣтила, и идетъ именно прямо къ тому, что ее занимало въ ея затруднительнѣйшемъ положеніи, безъ гроша денегъ и со скрипачомъ, и золотою рыбкой.

Кишенскому не было ни малѣйшаго труда прочесть и истолковать себѣ смущеніе Казимиры, и онъ, нимало немедля, тронулъ ее слегка за руку и сказалъ самымъ короткимъ тономъ:

— Ну такъ, матушка-княгиня, и прекрасно. Этой первой мысли, теперь васъ посѣтившей, и не перемѣняйте. Такъ и будетъ сдѣлано. Понимаете: сдѣлано честно, безкорыстно, безъ всякаго куртажа.

Казимира еще болѣе покраснѣла и пролепетала:

— Что вы это такое?.. почему вы знаете мои теперешнія мысли?

— Знаю-съ, отвѣчалъ смѣло жидъ.

— Я вовсе и не думаю о Бодростинѣ, и что онъ мнѣ такое?

— Онъ?.. онъ ничего, дрянь, старый мѣшокъ съ деньгами, а... ваше сіятельство—женщина съ сердцемъ, и тотъ, кого вы любите, бѣденъ и сиръ... Правду я говорю? Надо *чѣмъ-нибудь* пожертвовать,—это лучше, чѣмъ все потерять, матушка-княгиня.

Матушка-княгиня не возражала, но благодарно пожала мошенническую руку Кишенскаго, а тотъ позже внушалъ Михаилу Андреевичу, что для пріобрѣтенія настоящаго апломба въ средѣ крупныхъ дѣльцовъ Петербурга надо не пренебрегать ничѣмъ, на чемъ можно основать свою силу и значеніе. Перечисляя многоразличные аттрибуты такой обстановки, Кишенскій дошелъ и до совѣта Бодростину блеснуть блестящею женщиной.

— Эта статья нынче много вѣситъ и заставляетъ гово-

рить о человѣкѣ, рѣшилъ онъ, и затѣмъ смѣло посовѣтовалъ Бодростину не пренебрегать этою статьей, тѣмъ болѣе, что она можетъ доставлять пріятное развлеченіе.

— Согласенъ, батюшка, съ вами,—отвѣчалъ ему Бодростинъ,—но, во-первыхъ, я старъ...

— Ну это не резонъ,— перебилъ его Кишенскій,— старому утѣха нужнѣе, чѣмъ молодому.

— Пожалуй, что вы и правы, но вѣдь я, какъ знаете, женатъ.

— Ну, помилуйте, кто же въ наше время изъ порядочныхъ людей съ женами живетъ? У насъ въ Петербургѣ ужъ и приказные нынче это за моветонъ считаютъ.

— Канальи!

— Да; что каналы, не они въ томъ виноваты, а это ужъ таковъ вѣкъ. А къ тому же вѣдь я это совѣтую вамъ не въ серьезъ, а только для блезиру и при томъ имѣя въ виду одно случайное обстоятельство.

— Случайное обстоятельство!

— Да.

— Въ этомъ родѣ?

— Да, въ этомъ родѣ.

— Что же это такое: ужъ не ту ли вы француженочку хотите отбить у графа, что была съ нимъ вчера на пуантѣ?

— Ну вотъ: нашли что отбивать,— француженку! Что она такое значитъ?

— Ну нѣтъ, вы этого не говорите: она хороша.

— Хороша-съ, чортъ ее знаетъ что она такое; безъ рода, безъ племени. Нѣтъ, надо изловить знаменитость.

— Пѣвицу или танцовщицу что-ль?

— Ну что за танцовщицы! Нѣтъ, надо блеснуть дамочкой изъ свѣта, съ именемъ и, пожалуй, съ титуломъ, и я въ томъ смыслѣ веду съ вами и рѣчь. Вы видѣли у меня вчера княгиню Вахтерминскую?

— Прелесть!

— Надѣюсь, что прелесть, а у нея, кажется, дорожный баулъ пустенекъ и...

— Да будто вы это считаете возможнымъ? вопросилъ въ недоумѣніи Бодростинъ.

— То есть я ничего особеннаго не считаю возможнымъ, но вполнѣ увѣренъ въ одной возможности крайне обязать и разодолжить ее при ея нынѣшнихъ обстоятельствахъ и сдѣлать ее своею attachée, бывать съ нею, гдѣ съ такими дамами принято быть; принимать въ ея домѣ...

— Но, позвольте,—возразилъ Бодростинъ,—я замѣтилъ, что при ней этотъ польскій скрипачъ.

— Ага, вы это замѣтили! Я тоже замѣтилъ, что вы это взяли на примѣчаніе. О, да вы ходокъ по этой части!

— Да какъ же не замѣтить: вѣдь это сейчасъ видно.

— Ну и пускай себѣ будетъ видно: этими господами стѣсняться нечего, да и это, наконецъ, ужъ ея дѣло или ихъ общее дѣло, а не наше. Мы же свое начнемъ по порядку, оно у насъ порядкомъ тогда и пойдетъ. Вотъ она теперь третью недѣлю живетъ въ нумеркѣ, и вѣдь она же, не видя этому никакого исхода, конечно о чемъ-нибудь думаетъ.

— Конечно.

— То-то-съ что «конечно». А о чемъ въ такомъ положеніи думаютъ дамы, у которыхъ нить благодатнаго притока оборвалась—это вамъ тоже должно быть извѣстно.

— По крайней мѣрѣ догадываться можно.

— Да-съ, можно даже и неошибаться. Такъ вотъ у нея теперь первое и даже самое страстное, пожалуй, желаніе имѣть свой ложаментъ, то-есть хорошенькую уютную квартирку и пару сѣренькихъ лошадокъ съ колясочкой, хоть не очень сердитой цѣны. И все это она, разумѣется, приметъ съ нѣжнѣйшею благодарностью.

— Вы думаете?

— Да непремѣнно такъ-съ, приметъ и еще съ нѣжнѣйшею благодарностью и обязательствомъ, чтобъ этотъ ея скрипачъ поселился отдѣльно, и она вошла бы въ приготовленный нами для нея уголокъ съ одною золотою рыбкой. И мы будемъ навѣщать ее въ одиночествѣ и любоваться, какъ ея золотая рыбка плещется, потомъ иногда

прокатимся съ ней на ея конькахъ попросту: вы рядкомъ съ ней, а я на передней лавочкѣ.

— Что же, это все ничего... то есть это очень пріятно.

— Да и воистину-съ, чтобы вы знали, пріятно и вамъ и мнѣ, потому что я по всѣмъ этимъ мѣстамъ рыщу по своей обязанности фельетониста. Знаете, вѣдь «эпиграмма-хохотунья трется, вьется средь народа, и тутъ, увидѣвши урода, ему и вцѣпится въ глаза». Таковъ нашъ хлѣбъ, и вотъ какъ собакѣ снится хлѣбъ, а рыбка—рыбаку, я и проектирую наши будущія parties de plaisir: мнѣ хлѣбъ, а вамъ рыбка. Идетъ что ли? Надо пользоваться обстоятельствами и временемъ, иначе, извините меня, я знатокъ въ такихъ дѣлахъ: этакая женщина какъ Казимира съ ея наружностью, именемъ и ласками, долго въ запамяти въ Петербургѣ не останется и далеко пойдетъ.

Бодростинъ, которому Казимира нравилась безмѣрно и который млѣлъ отъ одной мысли завладѣть ею на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, разрѣшилъ Кишенскому пользоваться и временемъ, и обстоятельствами, и не прошло недѣли, какъ прекрасная Казимира пріѣхала къ Михаилу Андреевичу на своихъ лошадяхъ и въ своей коляскѣ просить его о какомъ-то ничтожномъ совѣтѣ и тутъ же пригласила его въ свой салонъ и при этомъ нѣжно, нѣжно и крѣпко пожала его руку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Собакѣ снится хлѣбъ, а рыба—рыбаку.

Съ сихъ поръ Михаилъ Андреевичъ сдѣлался хозяиномъ Казимириныхъ апартаментовъ и опекуномъ жизни «маленькой княгини»; но все это ограничивалось для него лишь правомъ бесѣдовать съ нею вдвоемъ, цѣловать ея ручки, щекотать перышкомъ ея шейку и платить ея большіе, большіе расходы по счетамъ, шедшимъ чрезъ руки Кишенскаго и непомѣрно возраставшимъ отъ его прикосновенія.

Механика, устроенная Кишенскимъ, шла прекрасно.

Бодростинъ не успѣлъ оглянуться, какъ Казимира сдѣлалась его потребностью: онъ у нея отдыхалъ отъ хлопотъ, она его смѣшила и тѣшила своею граціозною игривостью и остроуміемъ, взятыми на память изъ Парижа; у нея собирались нужные Бодростину люди, при посредствѣ которыхъ старикъ одновременно раскидывалъ свои широкіе коммерческіе планы и въ то же время молодѣлъ душой и тѣломъ.

Скрипачъ не мѣшалъ ничему. Кишенскій, бывшій душой всего этого дѣла, все обставилъ безукоризненно, и самъ пилъ, ѣлъ, золотилъ руки и наслаждался, лелѣя дальновидный планъ обобрать Бодростина въ конецъ. Плана этого Кишенскій, разумѣется, не открывалъ никому, а тѣмъ менѣе Казимирѣ, которая съ перваго же шага смѣтила, что верткій фельетонистъ, шпіонъ, соціалистъ и закладчикъ, хлопочетъ не даромъ и не изъ-за того, чтобы только попить и поѣсть у нея на Бодростинскій счетъ. Но она не шла далѣе предположенія, что Кишенскій устроилъ ея карьеру съ тѣмъ, чтобы поживиться отъ счетовъ и расходовъ. Она легко смекнула, что если это дѣло пойдетъ такимъ теченіемъ на годъ, на два, то Кишенскій можетъ нажить съ этой сдѣлки шесть-семь тысячъ рублей. Казимирѣ было жаль этихъ денегъ, но съ другой стороны она не могла разсчитывать, чтобъ исторія эта потянулась на годъ, на два. Она понимала, что какъ ни очаровался ею Бодростинъ и какъ заботливо ни станетъ она охранять это очарованіе, старикъ все-таки не поставитъ ради ея на карту все свое положеніе, и недалеко время, когда сѣрымъ лошадямъ станетъ нечего ѣсть и нечѣмъ будетъ платить за роскошный ложементъ, и не на что станетъ жить бѣдному скрипачу, изгнанному изъ квартиры княгини и удостоивавшемуся отъ нея ласки и утѣшенія въ уютныхъ двухъ комнаткахъ, нанятыхъ имъ отдѣльно vis-à-vis съ квартирой Казимиры.

Скрипачъ, взирая по вечерамъ на освѣщенныя окна княгининыхъ апартаментовъ, тоже смекалъ, что все это непрочно, что все это можетъ кончиться прежде, чѣмъ успѣешь спохватиться.

При такомъ согласіи во взглядѣ влюбленныхъ они нашли случай другъ съ другомъ объясниться и результатомъ ихъ переговоровъ у Казимиры явилось рѣшеніе попросить у Бодростина тысячу рублей взаймы безъ посредства Кишенскаго. Рѣшеніе это удалось безъ малѣйшаго затрудненія и притомъ съ соблюденіемъ полнѣйшаго достоинства. Черезъ мѣсяцъ заемъ повторился еще на одну тысячу, а немного спустя встрѣтился еще экстренный случай, по которому потребовалось три тысячи... Бодростинъ все давалъ, но наконецъ и ему наскучило давать, да и Казимирѣ стало неловко просить. Тогда въ одинъ прелестный день Кишенскій, посѣтивъ свои редакціи, гдѣ въ одной онъ гремѣлъ противъ распущенности современныхъ нравовъ, а въ другой — настрочилъ сквозной намекъ о нѣкоей очаровательной княгинѣ В., возвратился домой и, сидя за ширмой въ закладной комнатѣ, слышалъ, какъ кто-то толкнулся съ просьбой ссуды подъ вексель г. Бодростина.

Кишенскаго это изумило. Никакъ не думая, чтобы Бодростинъ могъ нуждаться въ наличныхъ деньгахъ, Кишенскій принялъ изъ рукъ дамы-посредницы вексель, списалъ его въ памятную книжечку и возвратилъ съ отказомъ въ дисконтѣ.

Ему, можетъ быть, слѣдовало бы извѣстить объ этомъ Бодростина, но долговременная жизнь на ножахъ отуманила его прозорливость и отучила его отъ всякой искренности.

— Чего добраго, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Бодростинъ совсѣмъ не такъ благонадеженъ, какъ говорятъ, думалъ Кишенскій и продолжалъ помалчивать.

Время шло. Михаилъ Андреевичъ расходовался самъ на свои предпріятія и платилъ расходы Казимиры, платилъ и расходы Кишенскаго по отыскиванію путей къ осуществленію великаго дѣла освѣщенія городовъ удивительно дешевымъ способомъ, а Кишенскій грѣлъ руки со счетовъ Казимиры и рвалъ куртажи съ тѣхъ ловкихъ людей, которымъ предавалъ Бодростина, расхваливая въ газетахъ и ихъ самихъ, и ихъ геніальные планы, а между тѣмъ земля, пол-

пящаяся слухами, стала этимъ временемъ доносить Кишенскому вѣсти, что то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, еще и еще проскальзываютъ то собственные векселя Бодростина, то бланкированные имъ векселя Казимиры.

Кишенскій заподозрилъ, что дѣло что-то нечисто и сообщилъ о томъ женѣ Висленева, которая позаменовала Казимиру и, замѣтивъ въ ней нѣкоторое смущеніе, пришла къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ, что и Кишенскій. Тутъ непремѣнно должна была крыться какая-нибудь темная штука. Тихонъ Ларіоновичъ понялъ, что княгиня хотѣла его одурачить, и рѣшился наказать ее. Онъ могъ бы наказать ее и больно, открывъ всю эту исторію Бодростину, но этимъ бы все разстроилось, и самъ Кишенскій лишился бы хорошихъ доходовъ. Онъ предпочелъ только *проучить* «маленькую княгиню» и, удалясь подъ различными предлогами отъ участія въ ея дѣлахъ съ Бодростинымъ, поговорилъ о своихъ подозрѣніяхъ при Ципри-Кипри, результатомъ чего явялось извѣстное письмо послѣдней къ Подозерову. Кишенскій думалъ пугнуть ихъ Глафирой и промахнулся, — той это было только на-руку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Другой рыбакъ съ иною отвагой.

Командированный въ силу этихъ извѣстій Гордановъ засталъ дѣло въ тяжкомъ кризисѣ. Кишенскій прятался и писалъ въ своихъ фельетонахъ намеки на то самое мошенничество, которое самъ устроилъ; Михаилъ Бодростинъ былъ смущенъ полученными имъ по городской почтѣ анонимными письмами, извѣщавшими его, что указываемое въ такой-то газетѣ дѣло о фальшивыхъ векселяхъ непосредственно касается его. Съ одной стороны угрожающій по этому случаю скандалъ, а съ другой—подрывъ кредита раздражалъ его безмѣрно, и смущенный старикъ довѣрялъ свою досаду одной Казимирѣ, но та на эту пору тоже не находила у себя для него запаса утѣшеній.

Внезапное прибытіе Горданова въ Петербургъ въ эти смятенные дни было для Михаила Андреевича величайшею радостію. Онъ все разсказалъ Горданову и попросилъ его розыскать, въ чемъ можетъ заключаться дѣло, и вывесть все на чистую воду, если можно, однако, безъ всякой огласки.

Гордановъ взялся все обдѣлать и поскакалъ. Онъ побывалъ, гдѣ зналъ, въ разныхъ мѣстахъ и потомъ у Кишенскаго, который, при видѣ его, улыбнулся, сгасъ и напомнилъ ему о долгѣ.

— Мой долгъ будетъ красенъ платежемъ,—отвѣчалъ ему съ презрѣніемъ Гордановъ, — а вы вотъ скажите мнѣ: что за слухи ходятъ о Бодростинскихъ бланкахъ и векселяхъ?

Кишенскій отозвался болѣзнью и полнымъ объ этомъ невѣдѣніемъ, но присовѣтывалъ, однако же, Горданову толкнуться къ начальнику сыскной полиціи, или къ оберъ-полицеймейстеру, а также поговорить съ Казимирой и кстати подумать о долгѣ. Гордановъ на первый совѣтъ, куда ему толкнуться ничего не отвѣтилъ, а о долгѣ обѣщалъ поговорить послѣзавтра, и прямо отправился къ княгинѣ Казимирѣ.

Конфиденціи, которыя имѣлъ Павелъ Николаевичъ съ очаровательною, безпаспортною княгиней, повели къ тому, что Михаилъ Андреевичъ видѣлъ ея милыя слезы, пріялъ ея раскаяніе въ увлеченіи недостойнымъ человѣкомъ и, разжалобясь, остался самъ ея единственнымъ утѣшителемъ, тогда какъ Гордановъ отправился немедленно перемѣстить скрипача, такъ чтобы не было и слѣда. Съ этихъ поръ отношенія Бодростина къ красавицѣ-княгинѣ вступили въ совершенно новую фазу, причемъ не мало значенія имѣли усердіе и талантъ Горданова.

Княгиня ни за что не хотѣла разстаться съ своимъ скрипачемъ. Даже сознавшись, подъ страшными угрозами Горданова, въ томъ, что фальшивые векселя отъ имени Бодростина фабриковалъ скрипачъ и что онъ же дѣлалъ отъ его имени ручательные подписи на обязательствахъ, которыя она сама писала по его просьбамъ, княгиня ни за что не хотѣла оставить своего возлюбленнаго.

— Мы лучше бѣжимъ оба изъ Россіи,—сказала она Гордanову, ломая свои руки.

— Постойте, постойте!—отвѣчалъ ей спокойно, соображая и обдумывая, Гордановъ.—Бѣжать хорошо, но именно, какъ вы сказали, надо «лучше бѣжать», а не кое-какъ.

И онъ предложилъ ей короткій и ясный планъ выпроводить артиста одного.

Княгиня отвѣчала отрицательно.

— Отчего же-съ?—допрашивалъ Гордановъ.—Если любите его, такъ и будете любить: пусть онъ подождетъ васъ гдѣ-нибудь за границей, а вы пока здѣсь... хорошенько подкуетесь на золотыя подковки.

— Нѣтъ, это невозможно.

— Ревнуете что ли вы его?

— Да, и ревную, и...

— Вы, пожалуйста, договаривайте, а то вѣдь время дорого, и каждую минуту на слѣдъ этой продѣлки можетъ накинуться полиція. Почему вы не можете съ нимъ разлучиться?

Княгиня молчала.

— Залогъ его любви что ли вы, можетъ быть, храните?—отбилъ безцеремонно Гордановъ.

Княгиня вспыхнула и взглянула на дѣльца умоляющимъ взглядомъ.

— Понимаю васъ, понимаю,—успокоилъ ее Гордановъ.—Но, вѣроятно, еще не скоро?.. Ну, такъ мы вотъ что... Что у васъ есть залогъ его любви, это даже прекрасно, но самъ онъ здѣсь теперь не у мѣста и дѣлу мѣшаетъ: онъ васъ тоже вѣрно ревнуетъ?

— Ну, конечно... развѣ ему пріятно?—отвѣчала сквозь слезы княгиня.

— Да, да; разумѣется, я такъ и думалъ. но, впрочемъ, это ужъ всегда такъ бываетъ. Оттого все у васъ до сихъ поръ такъ вяло и шло, что вы связаны его мученіями.

Княгиня вдругъ вздрогнула и зарыдала.

— Ну-съ, не убивайтесь,—утѣшалъ ее Гордановъ,—по-

ложитесь на меня. Я такъ устрою, что вамъ никакого труда не будетъ стоить приласкать старичка. Что въ самомъ дѣлѣ: онъ вѣдь то же что дитя... чѣмъ тутъ терзаться-то?

Княгиня молчала.

— Да, приласкайте его; родственно, но хорошенько,— повторилъ Гордановъ, — такъ, чтобъ у него ушки на макушкѣ запрыгали, и всю эту бѣду съ векселями мы сбудемъ и новую добудемъ... а того молодца мы пока припрячемъ отъ глазъ подалѣе. Хорошо?.. ну и прекрасно! А вы тѣмъ временемъ позакрѣпитесь, позаручитесь капитальцемъ на свою и на младенцеву долю...

Княгиня не выдержала и произнесла съ омерзеніемъ:

— Фуй, Гордановъ, что вы говорите!

— Дѣло говорю-съ, дѣло. И главное, все это будетъ сдѣлано безъ посредства этого подлаго жида Тишки.

— Ахъ да! ужъ Бога ради только безъ него!

— Да ужъ объ этомъ вы не хлопочите: я его самъ ненавижу, повѣрьте не менѣе вашего.

— Онъ такой негодяй!.. мнѣ даже одинъ видъ его вселяетъ отвращеніе.

— Конечно, видъ его прегнусный.

— Ну ужъ я не знаю, но я его всегда терпѣть не могла, а въ теперешнемъ моемъ положеніи...

— Да, въ теперешнемъ вашемъ положеніи это совсѣмъ не годится. Ну, вы его за то болѣе и не увидите. А во всемъ остальномъ прошу васъ не того... не возмущаться. Что дѣлать, судьба! помните какъ это говоритъ прекрасная Елена: «Судьба!»

Княгиня покачала головой и хрустнула энергически пальцами, оглянулась по сторонамъ покоя и тяжело вздохнула, какъ бы отъ нестерпимой боли.

— Что-съ?—шепнулъ ей въ это время Гордановъ.

— Да ничего... «судьба... судьба!»

Гордановъ всталъ и проговорилъ:

— А судьбѣ благоразуміе велитъ покориться. Онъ протянулъ княгинѣ руку.

— Я покоряюсь,—молвила въ отвѣтъ княгиня.

Затѣмъ, когда былъ доставленъ Бодростинъ и когда онъ былъ оставленъ при требующей прощенія и утѣшенія княгинѣ. Павелъ Николаевичъ въ самые часы ихъ нѣжныхъ изліяній другъ предъ другомъ предался неожиданному коварству.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Рыбакъ рыбака видитъ.

Гордановъ обѣщалъ княгинѣ, что спрячетъ ея скрипача гдѣ-нибудь неподалеку за чертой Петербурга, но спрячетъ такъ удобно, что для влюбленныхъ останется еще возможность хотя рѣдкихъ свиданій, но устроилъ все иначе.

Вмѣсто того, чтобы хлопотать о перевозѣ счастливаго артиста за городскую черту, Гордановъ, явясь къ нему на другое утро, предъявилъ ему бумагу, по силѣ которой всякая полицейская власть обязана была оказывать Павлу Николаевичу содѣйствіе въ поимкѣ названнаго въ ней артиста.

Тотъ оторопѣлъ и, растерявшись, только осматривалъ Гордонова съ ногъ до головы. Онъ, очевидно, никогда не видалъ птицъ такого полета.

— Вы не выдумайте, однако, защищаться, заговорилъ тихо Гордановъ, замѣтивъ, что артистъ, собравшись съ мыслями, озирается по сторонамъ: — это будетъ безполезно, потому что, во-первыхъ, я не позволю вамъ сойти съ мѣста и у меня въ карманѣ револьверъ, а во-вторыхъ, я совсѣмъ не то, за что вы меня принимаете. Вамъ этого не понять; я Ѳедотъ, да не тотъ: я пришелъ васъ спасти. Поняли теперь?

— Н...н...ѣ...т...ъ, беззвучно уронилъ потерявшійся артистъ.

— Нѣтъ? очень жаль, а мнѣ разъяснять вамъ это некогда, но, впрочемъ, странно, что вы, будучи полякомъ, этого не понимаете: я иду дорогой, проложенною вашими же соотчичами, служу и вашимъ, и нашимъ. Бѣгите пока мо-

жете: я васъ отпускаю, но бѣгите ловко, не попадайтесь подъ мой слѣдъ, за вами могутъ пуститься другіе охотники, не изъ нашихъ... Тѣ ужъ не будутъ такъ милостивы, какъ я.

— Но за что же вы ко мнѣ такъ милостивы?

— Ну ужъ это мое дѣло. Я знаю, что вамъ меня вознаграждать нечѣмъ.

— Совершенно нечѣмъ.

— Но, однако, вы мнѣ отдадите что у васъ есть готоваго?

— То есть, что же такое вы желаете получить?

— То есть я желаю получить векселя княгини съ Бодростинскими надписями.

Артистъ началъ было увѣрять, что у него ничего подобнаго нѣтъ, но когда Гордановъ пугнулъ его обыскомъ, то онъ струсилъ и смятенно подалъ два векселя, которые Павелъ Николаевичъ прочелъ, посмотрѣлъ и объявилъ, что работа въ своемъ родѣ совершеннѣйшая, и затѣмъ спряталъ векселя въ карманъ, а артисту велѣлъ какъ можно скорѣе убираться, о чемъ тотъ и не заставлялъ себя болѣе повторять.

Онъ одѣвался, лепеча Горданову, что, ѣдучи въ Россію, онъ никакъ не думалъ заниматься здѣсь подобными дѣлами, но что его неудачи шли за неудачей, музыки его никто не хотѣлъ слушать и вотъ...

Гордановъ этому даже пособолѣзновалъ и сказалъ, что наша петербургская публика въ музыкальномъ отношеніи очень разборчива, и что у насъ не мало европейскихъ знаменитостей проваливалось, а затѣмъ далъ артисту нотацію не бросаться ни на одну желѣзную дорогу, ибо тамъ ему угрожалъ бы телеграфъ, а посовѣтовалъ ему сѣсть на финляндскій пароходъ и благополучно удирать въ Стокгольмъ, а оттуда въ любое мѣсто, гдѣ могутъ найтись охотники слушать его музыку.

Артистъ такъ и сдѣлалъ. О княгинѣ онъ было заикнулся, но Гордановъ такъ вѣско и внушительно помахалъ пальцемъ, что тотъ и языкъ потерялъ.

— Вы объ этомъ и думать не смѣйте! И писать ей не смѣйте, иначе вы погибли, наказывалъ Гордановъ.

— А она?

— О ней не безпокойтесь. Развѣ вы не понимаете, въ чемъ дѣло и почему васъ только высылаютъ?

Артистъ при всемъ горестномъ своемъ положеніи осклабился.

— Она остается здѣсь, потому что ея присутствіе тутъ доставляетъ удовольствіе... Тутъ Гордановъ пригнулся и шепнулъ что-то на ухо артисту. Тотъ даже присѣлъ. Черезъ часъ онъ уже плылъ подъ густымъ дымомъ финляндскаго парохода.

Выпроводивъ артиста съ такими напутствіями, Павелъ Николаевичъ стройно установлялъ отношенія Бодростина съ княгиней Казимирой, которая хватилась скрипача на другой день, но, пометавшись всюду, убѣдилась, что его нѣтъ и искать его негдѣ. Кризисъ разрѣшился у ней обиліемъ нервныхъ слезъ и припадкомъ отчаянной раздражительности, которую Бодростинъ не зналъ какъ успокоить и искалъ въ этомъ случаѣ помощи и содѣйствія Горданова, но тоже искалъ напрасно, потому что и Ропшинъ, и слуги, разосланные за Павломъ Николаевичемъ, нигдѣ его не могли отыскать.

Его лишь случайно нашелъ Кишенскій на станціи Варшавской желѣзной дороги. Они оба столкнулись, отвернулись другъ отъ друга и разошлись, но потомъ снова столкнулись и заговорили, когда поѣздъ отъѣхалъ и они остались на платформѣ.

— Вы вѣрно кого-нибудь хотѣли проводить? спросилъ Кишенскій, здравствуясь съ Гордановымъ.

— Да-съ, я-съ хотѣлъ-съ кого-то проводить; а вы тоже проводить желали? отвѣчалъ не безъ насмѣшки въ голосѣ Гордановъ.

— Да, и я.

— Только не удалось?

— Не удалось.

— Представьте, и мнѣ тоже! Какъ вы думаете, гдѣ онъ теперь, каналья?

— Вы о комъ же говорите?

— Да все о немъ же, о немъ.

— То есть...

— То есть о томъ, кого вы хотѣли встрѣтить, или проводить, да не проводили и не встрѣтили. Скажите, дорого вамъ платятъ за вашу службу по этой части.

— Я думаю столько же, сколько и вамъ.

— Столько же!.. ну, этого быть не можетъ.

— А отчего вы такъ думаете?

— Да вы не стоите столько, сколько я.

— Вотъ какъ!

— Конечно! Я о васъ полюбопытствовалъ: вы вѣдь употребляетесь для дѣлъ грязненькихъ, грубыхъ этакихъ... да?

— Да-съ; я языковъ не знаю, отвѣчалъ спокойно Кишенскій.

— Ну, не одно это только, что вы языковъ не знаете, а у васъ... вообще, я думаю, очень многаго недостаетъ для тонкихъ сношеній.

— Напримѣръ-съ, чего же бы это еще мнѣ недостаетъ?

— Напримѣръ? нечего тутъ напримѣръ! Напримѣръ, вы вотъ совсѣмъ для хорошаго общества не годитесь.

— Да я и не гонюсь-съ за этимъ обществомъ-съ, и не гонюсь-съ; но вы напрасно тоже думаете, что васъ озолотятъ. Надуютъ-съ! Ужъ много такихъ же, какъ вы, франтовъ разлетались: думали тоже, что имъ за ихъ бонъ-тонъ нивѣсть сколько отсыпятъ. Вздоръ-съ! и здѣсь есть кому деньги-то забирать...

— Да вы много понимаете! отвѣтилъ съ презрѣніемъ Гордановъ.

— Я-то понимаю. Я знаю изъ-за чего вы сюда ударились. При этихъ словахъ Кишенскій побагровѣлъ отъ досады и молвилъ:—но вы не безпокойтесь, кто бы васъ ни защищалъ за ваши обѣщанія открыть что-то важное, вы мнѣ все-таки отдадите деньги, потому что вы ихъ должны.

— Да, долженъ, не скоро, но отдамъ не скоро, отвѣчалъ, насмѣхаясь надъ нимъ, Гордановъ.

— Да-съ, отдадите.

— Только не скоро.

— И это же подло. Чѣмъ же вы хвастаетесь? Тѣмъ, что вамъ удалось представиться важнымъ дѣятелемъ, способнымъ обнаружить невѣдомо какія махинаціи, и что я принужденъ долгъ вамъ отсрочить, какъ нужному человѣку, я отсрочу-съ, отсрочу; но... но мы съ вами, господинъ Гордановъ, все-таки сочтемся.

— Какъ же, какъ же: непремѣнно сочтемся: я вотъ удостовѣрюсь, правду ли вы мнѣ все это сказали, и тогда сочтемся.

— Да, сочтемся-съ, потому знаете ли, что я вамъ скажу:—я видѣлъ много всякихъ мошенниковъ и плутовъ, но со всѣми съ ними можно вести дѣло, а съ такими людьми, какіе теперь пошли...

— И плутовать нельзя?

— Именно.

— Это значитъ, близка кончина міра.

— И я то же думаю.

— Ну, такъ совѣтую же вамъ прочее время живота вашего скончать въ мирѣ и покаяніи, сказалъ ему насмѣшливо Гордановъ и, крикнувъ кучера, уѣхалъ, взметая пыль въ глаза оставшемуся на тротуарѣ ростовщику.

— Ослушаться и представить на него ко взысканію? думалъ, идучи въ одну изъ своихъ редакцій, Кишенскій; но... во-первыхъ, у него ничего нѣтъ и онъ отсидится въ долговомъ, да и только, и кромѣ того... бѣды наживешь: разорвать всѣ эти связи, станутъ на каждомъ шагу придираться по кассѣ... Вотъ, чортъ возьми, что страшно-то и скверно, а впрочемъ, дьяволъ меня дернулъ разоблачать предъ нимъ тайны учрежденія! Все это несдержанное зло закипѣло, а онъ этимъ можетъ воспользоваться и перессорить меня съ начальствомъ... Да! Какъ бы не такъ: сейчасъ и перессоритъ? Да кто же ему повѣритъ?... Кто же у

насъ кому-нибудь вѣрить? и мнѣ не вѣрятъ, и ему не повѣрятъ, какъ я самъ никому не вѣрю... Кругомъ пошло!

Но мы оставимъ на время и Кишенскаго, какъ оставили артиста, и поспѣшимъ къ позабытой нами Глафирѣ Васильевнѣ, которая во все это время, какъ мы окидывали бѣглымъ взоромъ операціи нашихъ достойныхъ дѣятелей, продолжаетъ оставаться сидя въ своей постели предъ ларцомъ, изъ котораго на ея колѣни высыпана куча пестрыхъ листковъ почтовой бумаги.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отбой.

Глафира Васильевна имѣла предъ собою обстоятельную лѣтопись всѣхъ петербургскихъ событій и притомъ съ различныхъ сторонъ. Помимо вѣсти отъ Горданова, Рошшина и самого Бодростина, были еще письма Ципри-Кипри (она получала по десяти рублей за каждое письмо съ доносомъ на Горданова), и наконецъ вчера Глафира получила два письма, изъ которыхъ одно было написано почеркомъ, заставившимъ Висленева затрепетать.

Бодростина это замѣтила и спросила Жозефа о причинѣ его замѣшательства, но онъ могъ только молча указать рукой на пакетъ.

Глафира разорвала конвертъ и, прочтя внизу исписаннаго листка имя «Кишенскій», махнула Висленеву рукой, чтобъ онъ вышелъ.

Это было часъ за полночь по возвращеніи Бодростиной и состоявшаго при ней Висленева со спиритской бесѣды у Аллана Кардека, куда Бодростина учащала съ неизмѣннымъ постоянствомъ и гдѣ давно освоилась со всѣми прибывающими медіумами, видящими, слышащими, пишущими, рисующими или говорящими, и со всѣми «философами», убѣжденными въ истинѣ спиритской системы, но ничего необыкновеннымъ путемъ не видящихъ, не слышащихъ и не говорящихъ. Глафира Васильевна принадлежала къ по-

слѣднимъ, то есть къ спиритамъ, не отличнымъ необыкновенными способностями, а только «убѣжденнымъ въ ученіи спиритизма и въ способности медіумовъ». Висленевъ же былъ медіумъ видящій, слышащій, пишущій и говорящій. Способности эти обнаружились въ немъ быстро и внезапно, сначала предчувствіями, которыя онъ имѣлъ, поджидая Бодростину въ пограничномъ городишкѣ, откуда послѣ своего побѣга прислалъ Горданову письмо, подписанное псевдонимомъ Espérance, а потомъ... потомъ духи начали писать его рукой увѣщанія Бодростиной полюбить Іосафа Платоновича. Глафира Васильевна читала эти «общенія» духа, и, повидимому, внимала имъ и вѣрила, но... но для Висленева все еще не наступало счастливаго времени, когда подобныя увѣщанія духа были бы излишними.

Такъ было во все время состоянія Висленева заграницей при особѣ Бодростиной и такъ стояло дѣло и въ минуту, когда Глафира, прочтя подпись Кишенскаго подъ полученнымъ ею письмомъ, дала Висленеву рукой знакъ удалиться.

Кто (какъ мы), долго не видя Висленева, увидалъ бы его въ эту минуту, или вообще увидалъ бы его съ тѣхъ поръ, какъ онъ выскочилъ изъ фіакра, подавъ руку траурной Бодростиной и сопровождалъ ее, неся за нею шаль, тотъ нашелъ бы въ немъ ужасную перемѣну: темя его еще болѣе прорѣдѣло, носъ вытянулся, и на блѣдныхъ щекахъ обозначались красноватыя, какъ будто напрыскиванныя карминомъ жилки; глаза его точно сейчасъ только проснулись, и въ нихъ было какое-то смущеніе, смѣшанное съ робостью и рискомъ на «авось вынесетъ», на «была не была». Вся его фигура носила отпечатокъ снѣдавшихъ его безпокойства, страсти и нерѣшимости.

Увидѣвъ противный для него почеркъ Кишенскаго и вслѣдъ затѣмъ мановеніе руки, которымъ Бодростина удаляла его изъ своей комнаты, онъ не осмѣлился возражать ей, но и не тронулся къ двери, не вышелъ, а помялся на одномъ мѣстѣ, робко присѣлъ на стулъ и поникъ головой долу.

Бодростина внимательно читала письмо Кишенскаго и, дочитавъ его до конца, оборотила листокъ и начала читать наново. Затѣмъ она положила письмо на колѣни и, разорвавъ другой конвертъ, принялась читать посланіе Горданова.

Въ это время Висленевъ всталъ и тихо заходилъ по устланной толстымъ зеленымъ сукномъ комнатѣ. Онъ шагалъ изъ угла въ уголъ, то закидывая голову назадъ и глядя въ потолокъ, то быстро опуская ее на грудь и какъ бы о чемъ-то задумываясь. Во все это время уста его что-то шептали, иногда довольно слышно, а руки дѣлали вздрагивающія движенія, межъ тѣмъ какъ самъ онъ приближался по діагонали къ Бодростиной и вдругъ, внезапно остановясь возлѣ ея кресла, тихо и какъ будто небрежно взялъ съ ея колѣнъ письмо Кишенскаго и хотѣлъ его пробѣжать; но Глафира, не прекращая чтенія другого письма, молча взяла изъ рукъ Висленева похищенный имъ листокъ и положила его къ себѣ въ карманъ.

Висленевъ, не смущаясь, отошелъ; еще нѣсколько разъ прошелся изъ конца въ конецъ комнаты и потомъ, тихо приблизясь къ двери, осторожно вышелъ и побрелъ по темной лѣстницѣ въ свою мансарду.

«Черный царь» изъ поэмы Фрейлиграта, уходя въ палатку съ своимъ барабаномъ, въ который онъ билъ, находясь въ позорномъ плѣну, не былъ такъ жалокъ и несчастливъ, какъ Висленевъ—этотъ вождь разбѣжавшагося воинства, состоящій нынѣ на хлѣбахъ изъ милости.

Бодростина не обратила на него никакого вниманія и продолжала читать и перечитывать полученныя ею письма, морщила лобъ и болѣзненно оживлялась. Да и было отъ чего.

Кишенскій, котораго она презирала и съ которымъ давно не хотѣла имѣть никакихъ сношеній, зная всю непріязнь къ нему Глафиры, рѣшился писать ей объ обстоятельствахъ важныхъ и притомъ такихъ, которыя онъ, при всей своей зоркости, почиталъ совершенно неизвѣстными Бодростиной,

межъ тѣмъ какъ они были ей извѣстны, но только чистями, и становились тѣмъ интереснѣе при разъясненіи ихъ съ новой точки зрѣнія. Кишенскій имѣлъ тѣ же взгляды, что и Рощинъ, служившій шпіономъ Глафиры за одинъ поцѣлуй, купленный цѣной предательства и подлога. Онъ видѣлъ, что Гордановъ путаетъ и запутываетъ старика Бодростина съ самыми темными предпринимателями, отбивая тѣмъ практику у самого Кишенскаго, который имѣлъ въ виду сдѣлать все это самъ съ непосредственною выгодой для себя. Не сознаваясь, разумѣется, въ этой послѣдней мысли, Кишенскій становился предъ Глафирой на нѣкоторую нравственную высоту, и чувствуя, что ему не совсѣмъ ловко стоять предъ этою умною женщиной въ такой неестественней для него позиціи, оправдывался, что «хотя ему и не къ лицу проповѣдывать мораль, но что есть на свѣтѣ вещи, которыя все извиняютъ». Такимъ образомъ извинившись предъ Глафирой въ томъ, что онъ позволяетъ себѣ стать за какую-то честность и обличать какое-то зло, онъ перешелъ къ изложенію болѣе или менѣе извѣстной намъ исторіи сближенія Михаила Андреевича Бодростина съ княгиней Казимирой, указывалъ несомнѣнно участіе во всемъ этомъ Павла Горданова, который опутывалъ Бодростина съ помощію разной сволочи, собиравшейся на рауты и ужины Казимиры, и... Тутъ г. Кишенскій опять встрѣтилъ необходимость извиняться и подкрѣплять себя различными наведеніями и сопоставленіями. Онъ писалъ Бодростиной, чтобъ она пріѣзжала «спасать мужа или его состояніе, потому что сношенія съ гнуснѣйшими негодяями, вовлекающими его въ отчаянныя предпріятія, угрожаютъ ему несомнѣнною бѣдой, то-есть разореніемъ». Но, выдавая Горданова, Кишенскій хорошо понималъ, что Глафира, зная его, конечно станетъ допскиваться: какія выгоды имѣетъ онъ предостерегать ее и вредить Горданову? А Кишенскій не могъ указать никакихъ такихъ выгодъ, чтобъ онѣ показались Глафирѣ вѣроятными, и потому прямо писалъ: «Не удивляйтесь моему поступку, почему я все это

вамъ довожу: не хочу вамъ лгать, я дѣйствую въ этомъ случаѣ по мстительности, потому что Гордановъ мнѣ сдѣлалъ страшныя непріятности и защитился такими путями, которыхъ нѣтъ на свѣтѣ презрѣннѣе и хуже, а я на это даже не могу намекнуть въ печати, потому что, какъ вы знаете, Гордановъ всегда умѣлъ держаться такъ, что онъ ничѣмъ не извѣстенъ и о немъ нѣтъ повода говорить; во-вторыхъ, это не безопасно, потому что его протекторы могутъ меня преслѣдовать, а въ-третьихъ, что самое главное, наша петербургская печать въ этомъ случаѣ уподобилась тому пастуху въ баснѣ, который, шутя, кричалъ: «волки, волки!» когда никакихъ волковъ не было, и къ которому никто не вышелъ на помощь, когда дѣйствительно напалъ на него волкъ. Такъ и съ нами: помните, бывало, мы отъ скуки, шутя себѣ, выкрикиваемъ: «шпіонъ, шпіонъ!» и всѣ думали, что это ничего, а между тѣмъ вышло, что мы этою легкомысленностію надѣлали себѣ ужасный вредъ, и нынче, когда таковые вправду изъ нашего лагеря размножились, мы уже настоящаго шпіона обличить не можемъ, ибо всякій подумаетъ, что это не болѣе какъ по старому: со злости и понапрасно. Не только печатать, а даже и дружески предупреждать стало безполезно, и я прекрасно это чувствую въ сію минуту, дописывая вамъ настоящія строки; но вѣрьте мнѣ, что я вамъ говорю правду, вѣрьте... вѣрьте хоть ради того, чортъ возьми, что стоя этакъ на ножахъ другъ съ другомъ, какъ стали у насъ другъ съ другомъ всѣ въ Россіи, приходится вѣрить, что безъ довѣрія жить нельзя, что... однимъ словомъ, *надо вѣрить*».

«И это пишетъ Кишенскій», подумала Глафира и, отбросивъ его листокъ, съ несравненно большимъ вниманіемъ обратилась ко второму письму. Это было коротенькое письмо, въ которомъ Павелъ Николаевичъ выписалъ шутя извѣстныя слова Диккенса въ одной изъ блестящихъ главъ его романа «Домби и Сынъ», именно въ главѣ, гдѣ описывается рожденіе этого сына. «Священнѣйшее таинство природы совершилось: за всколыхнувшимися завѣсами кровати

послышался плачъ новаго пришельца въ этотъ міръ скорби». Далѣе онъ прибавлялъ, что непосредственно затѣмъ исполнено таинство велѣній Глафиры, то-есть, что «новый пришлецъ въ міръ скорби» изнесенъ изъ комнаты, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ, на рукахъ Михаила Андреевича и *имъ же* переданъ женщинѣ, которая благополучно сдала его въ Воспитательный Домъ. «Теперь, кончалъ Гордановъ, не имѣя чести знать далѣе вашихъ и. аловъ, заключаю мое сказаніе тѣмъ, что «cela vous concerne, madame».

Прочитавъ эти письма по возвращеніи съ Висленевымъ изъ спиритической бесѣды, Глафира Васильевна уже не спала, и шумъ рано просыпающагося квартала не обезпокоилъ ее, а напротивъ, былъ ей даже пріятенъ: живая натура этой женщины требовала не сна, а дѣятельности, и притомъ, можетъ быть, такой кипучей, какой Глафира Бодростина до сихъ поръ не оказывала ни разу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Monsieur Borné.

Переглядѣвъ наскоро всѣ письма, за которыми мы ее оставили, Глафира торопливо свалила весь этотъ архивъ назадъ въ античный ларецъ и, накинувъ на себя темный пеплумъ на мягкой индійской подкладкѣ, позвонила служанку и велѣла ей позвать monsieur Borné.

Дѣвушка отвѣтила «oui, madame» и, возвратясь черезъ минуту назадъ, объявила, что требуемая особа сейчасъ явится.

Особа эта была не кто иной какъ нашъ пріятель Іосафъ Платоновичъ Висленевъ.

Несмотря на то, что Жозефъ, чуждый тревогъ своей принципальши, спалъ крѣпкимъ сномъ, когда его разбудили, онъ успѣлъ встать и одѣться такъ проворно, что Глафира Васильевна, дѣлавшая въ это время свой туалетъ, испугалась и воскликнула:

— Боже мой! ma chère, сюда идетъ мужчина!

Но служанка, выглянувъ изъ-за двери, которую хотѣла запереть, тотчасъ же отмѣнила это намѣреніе и отвѣчала:

— Mais non, madame. C'est monsieur Borné.

Но Глафиру Васильевну это все-таки не успокоило, и она, приказавъ служанкѣ опустить портьеру, сказала Висленеву по-русски, чтобъ онъ подождалъ ее въ коридорѣ.

— Хорошо-съ; я пробѣгу газеты *здѣсь*, отозвался Жозефъ.

— Нѣтъ, пробѣгите ихъ гораздо лучше *тамъ*, отвѣчала изъ-за драпировки Глафира.

— То-есть гдѣ это тамъ?.. Опять идти къ себѣ наверхъ?

— Нѣтъ, присядьте просто на лѣстницѣ или походите по коридору.

— Да, присядьте на лѣстницѣ, недовольно пробурчалъ себѣ подъ носъ Висленевъ, и, выйдя за дверь, въ самомъ дѣлѣ присѣлъ на окнѣ и задумался, глядя на бродившую по двору пеструю цесарскую насѣдку привратницы. Онъ думалъ и имѣлъ, повидимому, не сладкую думу, потому что опущенныя книзу вѣки его глазъ, несмотря на недавнее утреннее омовеніе ихъ при утреннемъ туалетѣ, начинали видимо тяжелѣть и, наконецъ, на одной рѣсницѣ его проступила и повисла слеза, которую онъ тщательно заслонилъ газетнымъ листомъ отъ пробѣгавшей мимо него въ ту минуту горничной, и такъ въ этомъ положеніи и остался.

«Боже, Боже!» думалъ онъ, припоминая цесарку и ея цыплятъ: «когда мы пріѣхали сюда съ Сѣверной желѣзной дороги и я вошелъ къ привратницѣ спросить: нѣтъ ли здѣсь помѣщенія, меня встрѣтила вотъ эта самая пестрая курочка и она тогда сама мнѣ казалась небольшимъ цыпленочкомъ, и вотъ она уже нанесла яицъ и выводитъ своихъ дѣтей, а... меня тоже все еще водятъ и водятъ, и не вѣдаю я, зачѣмъ я хожу»...

Онъ припомнилъ все, что онъ вынесъ,—конечно не во всю свою жизнь,—нѣтъ; это было бы слишкомъ много, да и напрасно, потому что все претерпѣнное имъ въ Петер-

бургѣ, до бѣгства по оброку въ провинцію, онъ уже давно позабылъ и, вѣроятно, даже считалъ не существовавшимъ, какъ позабылъ и считалъ никогда не существовавшимъ происшествіе съ гордановскимъ портфелемъ, до сихъ поръ ничѣмъ не оконченное и какъ будто позабытое самимъ Гордановымъ; и зеленое платье... странное зеленое платье, которое бросило въ окно выпавшій изъ рукъ его ножъ... Какъ человѣкъ, ведущій постоянную большую игру, онъ давно пустилъ все это на смарку; но неудачъ, которыя преслѣдовали его съ той поры, какъ онъ встрѣтилъ въ чужихъ краяхъ Глафиру, онъ не могъ забыть ни на минуту. Въ его страданіяхъ была уже та старческая особенность, что онъ не чувствовалъ крупнѣйшихъ ударовъ, нанесенныхъ ему нѣсколько времени назадъ, но нервно трепеталъ и замиралъ отъ всякаго булавочнаго укола въ недавнемъ; а они, эти уколы, были часты и жгли его какъ мокесы гальванической щетки. Они всѣ у него на счету и всѣ составляютъ рядъ ступеней, по которымъ онъ дошелъ до нынѣшняго своего положенія съ кличкой monsieur Borné.

Вотъ краткій, но грустный перечень этихъ несчастій: бѣды начались съ самаго начала, или, лучше сказать, онѣ и не прерывались. Самая встрѣча Жозефа съ Глафирой была совсѣмъ не такою, какой онъ ожидалъ: Бодростина даже не остановилась въ томъ городкѣ, гдѣ онъ ее ждалъ, и не очутилась въ нанятой Жозефомъ садовой бесѣдкѣ, которую Висленовъ на послѣднія деньги убралъ цвѣтами и пр. Нѣтъ, эта холодная женщина едва кое-какъ наскоро повидалась съ нимъ чрезъ окно вагона и, велѣвъ ему догонять ее съ слѣдующимъ же поѣздомъ въ Прагу, понеслась далѣе. Это, разумѣется, было очень непріятно и само по себѣ, потому что добрый и любящій Жозефъ ожидалъ совсѣмъ не такого свиданія; но сюда примѣшивалась еще другая гадость: Глафира пригласила его *налету* ѣхать за нею въ Прагу, что Жозефъ, конечно, охотно бы и исполнилъ, еслибъ у него были деньги, или была, по крайней мѣрѣ, наглость попросить ихъ тутъ же у Глафиры; но какъ у Іосафа Платоно-

вича не было ни того, ни другого, то онъ не могъ выѣхать, и вмѣсто того, чтобы летѣть въ Прагу съ слѣдующимъ поѣздомъ, какъ желало его влюбленное сердце, онъ долженъ былъ еще завести съ Глафирой Васильевной переписку о займѣ трехсотъ гульденовъ. Наконецъ онъ получилъ отъ нея эти деньги, но не прямо изъ ея рукъ, а чрезъ контору, и съ наказомъ для вящшаго маскированія этихъ отношеній, расписаться въ полученіи этихъ денегъ, какъ мажордомъ Бодростиной, что Виленевъ въ точности и исполнилъ, хотя и улыбался женскому капризу Глафиры, наименовавшей его въ переводномъ векселѣ своимъ мажордомомъ... Помнитъ онъ далѣе, какъ онъ летѣлъ въ Прагу, какъ онъ, задыхаясь, вбѣжалъ въ номеръ отеля, гдѣ пребывала Глафира и... и потерялъ съ этой минуты свое положеніе равноправнаго съ нею человѣка. Онъ помнитъ Глафиру, окруженную какимъ-то чехомъ, двумя южными славянами съ греческимъ типомъ и двумя пожилыми русскими дамами съ сѣдыми буклями; онъ помнитъ всѣ эти лица и помнитъ, что прежде чѣмъ онъ рѣшилъ себѣ, чему приписать ихъ присутствіе въ помѣщеніи Бодростиной, она, не давъ ему вымолвить слова и не допустивъ его поставить на полъ его бѣдный саквояжъ, сказала:

— А вотъ, наконецъ, и мой мажордомъ; теперь, chère princesse, мы можемъ ѣхать. Вы не развязывайте вашихъ вещей, monsieur Joseph: мы сегодня же выѣзжаемъ. Вотъ вамъ деньги, отправьтесь на желѣзною дорогу и заготовьте семейное купе для меня съ баронессой и съ княгиней, и возьмите мѣсто второго класса себѣ.

— Возьмите, любезный, тамъ также мѣсто и моему стряпчему, добавила сѣдая баронесса, вынимая изъ портмоне двумя пальцами австрійскую ассигнацію.

— Да, возьмите мѣсто стряпчему баронессы, приказала ему Глафира, и обратила свой слухъ и все свое вниманіе къ рѣчамъ чеха, говорившаго объ утратѣ славянами надежды на Россію.

— Глафира, казалось, была вся поглощена рѣчами этого

единоплеменника, но человѣкъ, болѣе Висленева наблюдательный, не могъ бы не замѣтить, что она искоса зорко и даже нѣсколько тревожно слѣдила за всѣми дѣйствіями и движеніями Жозефа, и когда онъ вышелъ, даже подавила въ себѣ вздохъ отраднаго успокоенія.

Висленевъ могъ гордиться, что онъ въ точности понялъ камертонъ Глафиры и въ совершенствѣ запѣлъ подъ него; Глафира могла быть покойна, что съ этой поры Висленевъ уже не выйдетъ изъ своей лакейской роли.

Такъ и сталось: въ Прагѣ Іосафъ Платоновичъ не имѣлъ минуты, чтобы переговорить съ Глафирой наединѣ; путешествуя до Парижа въ сообществѣ стряпчаго баронессы, онъ совсѣмъ почти не видалъ Глафиры, кромѣ двухъ исключительныхъ случаевъ, когда она звала его и давала ему порученія при таможенномъ досмотрѣ вещей. Съ баронессинымъ стряпчимъ, своимъ компаньономъ по второклассному вагону, новый мажордомъ говорилъ мало и неохотно: его унижало въ его собственныхъ глазахъ это сообщество съ человѣкомъ, возведеннымъ въ званіе стряпчаго, очевидно, единственно ради важности, а въ самомъ дѣлѣ бывшаго просто громаднымъ дворецкимъ, которому было поручено веденіе дорожныхъ расходовъ и счетовъ и переписки по требованію денегъ отъ управителей домовъ и земель баронессы. Принужденное сообщество съ такимъ человѣкомъ, разумѣется, и не могло приносить Висленеву особаго удовольствія, тѣмъ болѣе, что Іосафъ Платоновичъ съ первыхъ же словъ своего попутчика убѣдился, что тотъ стоялъ на самой невысокой степени умственнаго развитія и, по несомнѣнному преобладанію въ немъ реализма, добивался только сравнительныхъ выводовъ своего положенія при баронессѣ и положенія Висленева при его госпожѣ Бодростиной. Онъ жаловался ему на безпокойство характера и причудливость баронессы и описывалъ трудность своего положенія, весьма часто низводимаго безпокойною принципалкой до роли чисто лакейской. Висленевъ, не желая продолжать этого разговора, отвѣчалъ, что въ его положеніи ничего по-

добнаго нѣтъ, да и быть не можетъ, какъ по характеру госпожи Бодростиной, такъ особенно по его личному характеру, о которомъ онъ отозвался съ большимъ почтеніемъ, какъ о характерѣ, недопускающемъ ни малѣйшей приниженности. Баронессинъ стряпчій ему позавидовалъ, и эта зависть еще увеличилась въ немъ, когда онъ, сообщивъ Висленеву цифру своего жалованія, узналъ отъ Іосафа Платоновича, что Бодростина платитъ ему гораздо дороже,— именно сто рублей въ мѣсяцъ. Висленевъ никакъ не могъ оцѣнить себя дешевле этой круглой цифры и столь раздражилъ этимъ хвастовствомъ баронессинаго стряпчаго, что тотъ рѣшилъ во что бы то ни стало немедленно же требовать себѣ прибавки «въ сравненіи съ сверстниками», и, перенося въ Кельнѣ сакъ своей баронессы, уже достаточно сгрубилъ ей и далъ ей почувствовать свое неудовольствіе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Парижскія бѣды monsieur Borné.

Въ Парижѣ съ Жозефомъ сдѣлалось нѣчто еще болѣе мудренное. Снося свою унизительную роль дорогой, Висленевъ надѣялся, что онъ въ первый и въ послѣдній разъ разыгрываетъ роль мажордома, и твердо ступилъ на землю Парижа. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь онъ у самаго амбаркадера былъ приглашенъ Глафирой въ экипажъ, сѣлъ съ нею рядомъ, надулся и промолчалъ во все время переѣзда, пока карета остановилась предъ темнымъ подъѣздомъ Hôtel de Marok въ rue Seine.

Это притворное, капризное дутье на Глафиру было новымъ неблагоразуміемъ со стороны Жозефа. Отмалчиваясь и дуясь, онъ нисколько не затруднялъ положенія Глафиры, которая равнодушно смотрѣла на дома улицъ и не думала о Висленевѣ. Это дутье даже дало Глафирѣ поводъ поставить его въ Парижѣ на еще болѣе обидную ногу, чѣмъ прежде. Глафира заняла въ Hôtel de Maroc лучшее отдѣленіе и потребовала une petite chambre отдѣльно для своего

секретаря. Висленевъ, слыша эти распоряженія, усугублялъ свое молчаливое неудовольствіе, не захотѣлъ окинуть глазомъ открытую предъ нимъ мансарду верхняго этажа и за то былъ помѣщенъ въ такой гадостной лачугѣ, что и Бодростина, при всей своей пренебрежительности къ нему, не оставила бы его тамъ ни на одну минуту, еслибъ она видѣла эту жалкую клѣтку въ одно низенькое длинное окошечко подъ самымъ склономъ косого потолка. Но Глафира никогда здѣсь не была, никогда не видала помѣщенія своего несчастнаго секретаря и мажордома, и онъ такъ и завалялся тутъ, въ этомъ никому не потребномъ чуланишкѣ.

Помнитъ онъ первые свои дни въ Парижѣ, тѣ дни, когда онъ еще устанавливался и дулся, какъ бы имѣя право на что-то претендовать. Онъ упорно оставался въ своей конурѣ и ничего въ ней не приводилъ въ порядокъ, и не шелъ къ Глафирѣ. Онъ хотѣлъ показать ко всему полное презрѣніе и заставить Бодростину это замѣтить, но это положительно не удавалось. Глафира Васильевна не только не рогала на него за его отсутствіе, но въ пять часовъ вечера прислала ему пакетикъ, въ которомъ былъ стофранковый билетъ и лаконическая записка карандашемъ, извѣщавшая его, что онъ здѣсь можетъ располагать своимъ временемъ какъ ему угодно и кушать гдѣ найдетъ удобнѣе, въ любую пору, такъ какъ стола дома не будетъ. О назначеніи приложенныхъ ста франковъ не было сказано: это было дано на хлѣбъ насущный. Висленевъ, впрочемъ, думалъ было возвратить эти деньги, или намѣревался хоть поговорить, что принимаетъ ихъ на благородныхъ кондиціяхъ взаймы, но дверь Бодростиной была заперта, а затѣмъ, когда голодъ заставилъ его почать ассигнацію, онъ уже не думалъ о ней разговаривать. Теперь онъ только соображалъ о положеніи, въ которомъ очутился, и о томъ, какое взято самою Глафирой, конечно, по собственной своей волѣ. По его мнѣнію, ей, разумѣется, совсѣмъ не такъ слѣдовало бы жить, и Висленевъ объ этомъ резонно разсуждалъ.

— Я бѣжалъ, я ушелъ отъ долговъ и отъ суда по этой

скверной исторіи Горданова съ Подозеровымъ, мнѣ уже такъ и быть.... мнѣ простительно скитаться и жить какъ попало въ такомъ мурьѣ, потому что я и бѣденъ, и боюсь обвиненія въ убійствѣ, да и не хочу попасть въ тюрьму за долги; но ей... Я этого рѣшительно не понимаю: я рѣшительно не понимаю и не могу понять, зачѣмъ она такъ странно ведетъ себя? Что за выходки такія, и для чего она нырнула прямо сюда, въ этотъ гадостный кварталъ и... и возится съ какими-то старухами и стариками... тогда какъ мы могли жить... могли жить... совсѣмъ иначе и безъ всякихъ стариковъ... Да что это, наконецъ, за глупость въ самомъ дѣлѣ!

Висленеву стало такъ грустно, такъ досадно, даже такъ страшно, что онъ не выдержалъ и въ сумерки второго дня своего пребыванія въ Парижѣ сбѣжалъ съ своей мансарды и толкнулся въ двери Бодростиной. Къ великому его счастію, двери эти на сей разъ были не заперты, и Іосафъ Платоновичъ, получивъ разрѣшеніе взойти, очутился въ пріятномъ полумракѣ предъ самой Глафирой, которая лежала на мягкомъ оттоманѣ предъ тлѣющимъ каминомъ и граціозно куталась въ волнистомъ пледѣ.

Здѣсь было такъ хорошо, тепло, уютно; темно-пунцовый свѣтъ раскаленныхъ угольевъ нерѣшительно и томно сливался на срединѣ комнаты съ сѣрымъ свѣтомъ сумерекъ, и въ этомъ сліяніи какъ бы на самой чертѣ его колебалась тонущая въ мягкихъ подушкахъ дивана Глафира.

Она была очень хороша и въ эти минуты особенно напоминала одну изъ фей Шехеразады: вокругъ нея были даже клубы какого-то куренія, или это, можетъ быть, только казалось.

Увидавъ въ такой обстановкѣ свою очаровательницу, Висленевъ позабылъ всѣ неудовольствія и пени, и, швырнувъ куда попало фуражку, бросился къ оттоману, сталъ на колѣни и, схвативъ руку Глафиры, прильнулъ къ ней страстнымъ и долгимъ поцѣлуемъ. Разумъ его замутился.

Мягкій шелковый пеплумъ Глафиры издавалъ тончайшій

запахъ свѣжаго сѣна,—запахъ, сообщенный ему, въ свою очередь, очень причудливыми духами. Все болѣе и болѣе сгущающійся сумракъ, наступая сзади ея темною стѣной, точно придвигалъ ее къ огню камина, свѣтъ котораго ограничивался все болѣе и болѣе тѣснымъ кругомъ. Остальной міръ весь былъ тьмень, и въ маленькомъ пятнѣ свѣта были только *онъ* и *она*.

Висленевъ вскинулъ голову и взглянулъ въ ярко-освѣщенное лицо Глафиры. Она глядѣла на него спокойными, задумчивыми глазами и, медленно поднявъ руку, стала тихо перебирать его волосы.

Это произвело на Іосафа Платоновича особенное, какъ бы магнетическое, дѣйствіе, подъ вліяніемъ котораго онъ, припавъ устами къ другой рукѣ Глафиры, присѣлъ на полъ и положилъ голову на край дивана. Прошло нѣсколько минутъ, и темнота еще гуще скутала эту пару, и магнетизмъ шевелившейся на головѣ Висленева нѣжной руки, вмѣстѣ съ усыпляющимъ тепломъ камина, помутилъ ясность представленій въ его умѣ до того, что онъ изумился, увидя надъ своимъ лицомъ лицо Глафиры. Бодростина, облокотясь на руку и склонясь, смотрѣла на него черезъ лобъ.

— Вы, кажется, спите—спросила она его бодрымъ и свѣжимъ голосомъ, внезапно разогнавшимъ всю таинственность и всѣ чары полумрака.

— Да, я было задремалъ, отвѣчалъ Висленевъ, разсчитывая огорчить этими словами женское самолюбіе Глафиры; но Бодростина повернула эту сонливость въ укоръ ему и добавила съ усмѣшкой:

— Хорошо, очень хорошо! Два дня дулся, а на третій пришелъ да и спитъ... Нѣтъ, если вы такой, то я не хочу идти за васъ замужъ!

Висленевъ, боясь попасть въ рѣшительный тонъ, отвѣчалъ лишь съ легкимъ неудовольствіемъ, что онъ не понимаетъ даже, къ чему тутъ рѣчь о бракѣ, когда она замужемъ и онъ женатъ, но положеніе его таково, что и безъ брака заставляетъ желать не малаго.

— Ничего меньше, отвѣчала Глафира,—или все, или ничего.

— Да я имѣю одно «ничего»,—обиженно молвилъ Висленевъ. -Я вѣдь вамъ по правдѣ скажу, я ровно ничего не понимаю, что такое вы изъ меня строите. Это какое-то вышучиванье: что же я шутъ что ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы слыть мажордомомъ?

— А вамъ развѣ не все равно, чѣмъ вы слывете и какъ называетесь?

— Извините меня; но мнѣ это совсѣмъ не все равно.

— Въ такомъ случаѣ, конечно... я очень сожалѣю, что я прибѣгла къ этимъ небольшимъ хитростямъ... Но я вѣдь въ простотѣ моей судила по себѣ, что дѣло не въ названіи вещи, а въ ея сути.

— Да вѣдь у меня же нѣтъ никакой и сути?

— А-а! если такъ, если для васъ суть заключается не въ томъ, чтобы видѣть меня и быть вмѣстѣ со мною, то, разумѣется, это не годится, и вы свободны меня оставить.

При этихъ словахъ она быстро отняла свою руку отъ его головы и начала зажигать спичку, держа ее въ такомъ отдаленіи между собою и Висленевымъ, что послѣдній долженъ былъ посторониться и сѣлъ поодаль, ближе къ камину.

— Быть при васъ, повторилъ онъ, вздыхая.—Да, суть въ томъ, чтобы быть при васъ, но *чѣмъ быть*? Вотъ въ чемъ дѣло! Гм... вы говорите о своей простотѣ, а между тѣмъ вы сдѣлали меня вашимъ слугой.

— А вы хотите, чтобъ я себя компрометировала, чтобы вы слыли моимъ любовникомъ. Васъ унижаетъ быть моимъ слугой?

—Да-съ, унижаетъ, потому что дѣло въ томъ, *какимъ* слугой быть! *Слугой*, да не дворецкимъ.

— Да, ну это, можетъ быть, мой промахъ: но что дѣлать, надо поступать такъ, какъ позволяютъ обстоятельства.

— Такихъ обстоятельствъ нѣтъ, которыя бы заставляли человѣка унижать другого равнаго до подобной низкой

роли, до какой низведенъ я, потому что это остается на всю жизнь.

Бодростина расхохоталась и возразила:

— Какой вздоръ вы говорите! Почему же это останется на всю жизнь? Развѣ всѣ рыцари не бывали, въ свою очередь, прежде оруженосцами?

— То рыцари и тогда былъ вѣкъ, а теперь другой, и кто видѣлъ меня при васъ въ этомъ шутовскомъ положеніи лакея, для того уже я вѣчно останусь шутомъ.

— А я вамъ говорю, что это неправда.

— Нѣтъ-съ, это правда, и мнѣ очень невесело, что я въ этомъ водевилѣ изъ господъ попалъ въ лакеи.

— А вы были господиномъ? Это для меня новость.

Глафира тихо засмѣялась и снова добродушно коснулась рукой его головы.

— Если я и не былъ особеннымъ господиномъ, то... все-таки до сихъ поръ я никогда не былъ и лакеемъ,—проговорилъ смущенный Висленевъ.

— Ну, такъ успокойтесь же, вы и теперь никакъ не лакей, а если уже вамъ непремѣнно хочется приравнивать свое положеніе къ водевильнымъ ролямъ, то вы «Стряпчій подъ столомъ».

Глафира опять разсмѣялась и затѣмъ серьезнѣйшимъ и спокойнымъ тономъ прочитала своему собесѣднику нотацію за его недовѣріе къ ней и недальновидность. Она разъяснила ему всѣ самомалѣйшія его сомнѣнія съ такою ясностію, что Іосафъ Платоновичъ навсегда и прочно убѣдился не только въ цѣлесообразности, но даже и въ необходимости всѣхъ ея плановъ и предначертаній. Висленевъ безъ большого труда увѣровалъ, что Бодростина не могла и не можетъ выдавать его иначе, какъ выдаетъ, то-есть за ея мажордома, потому что баронесса и графиня, доводясь родственницами Михаила Андреевича, не преминули бы сдѣлать своихъ заключеній насчетъ пребыванія Іосафа при ея особѣ и не только повредили бы ей въ Россіи, но и здѣсь, на мѣстѣ, въ Парижѣ, не дали бы ступить шага въ тотъ

кругъ, гдѣ она намѣрена встрѣтить людей, способныхъ разъяснить томящіе ее отвлеченные вопросы. Однимъ словомъ, она прямо объявила, что главнѣйшая цѣль ея прибытія въ Парижъ есть сближеніе съ Алланомъ Кардекомъ и другими вліятельнѣйшими лицами спиритическихъ кружковъ.

— Ваша роль,—добавила она, поднимаясь съ дивана и становясь предъ Висленевымъ,—ваша роль, пока мы здѣсь и пока наши отношенія не могутъ быть иными, какъ они есть, вполнѣ зависитъ отъ васъ. Назвать васъ тѣмъ, чѣмъ вы названы, я была вынуждена условіями моего и вашего положенія, и отъ васъ зависитъ все это даже и здѣсь сдѣлать или очень для васъ тяжелымъ, какъ это было до сей минуты, или же... эта фиктивная разница можетъ вовсе исчезнуть. Какъ вы хотите?

— Разумѣется, я бы хотѣлъ, чтобъ она исчезла.

— Въ такомъ случаѣ... я не помню, право... мнѣ кажется, когда мы были тамъ... на хуторѣ, у Синтяниной...

— Да-съ.

— Когда мы были тамъ послѣ послѣдняго раза, какъ былъ у меня Сумасшедшій Бедуинъ и разсказывалъ про своего Испанскаго Дворянина...

— Предъ самою дуэлью Горданова?

— Да, предъ самымъ убійствомъ Подозерова.

— Вы говорите убійствомъ?

— Да, я говорю «убійствомъ». Предъ самымъ этимъ событіемъ вы говорили, что вы порой нѣчто такое чувствуете... что на васъ какъ будто что-то такое находило или находитъ?

— Ахъ, да... вы про это! Да, я иногда нѣчто этакое какъ будто ощущалъ.

— Что же именно такое?

— То-есть, какъ вамъ сказать: что такое именно, этого я вамъ разсказать не могу, но ощущалъ и именно что-то странное.

— На что же это, напримѣръ, хоть похоже?

— Рѣшительно, это ни на что не похоже, а совѣмъ что-то такое... понять нельзя!

— Эту способность въ васъ слѣдовало бы опредѣлить. Я подозрѣваю въ васъ способность сдѣлаться медіумомъ, а если вы медіумъ, то поздравляю: вы можете доставить безконечную пользу и себѣ, и обществу.

— Что же, я готовъ,—отвѣчалъ Висленевъ.

— Но только я говорю: васъ надо испытать.

— Съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ.

— И тогда, если окажется, что вы медіумъ и, какъ я полагаю, сильный медіумъ...

— Непремѣнно сильный, я это чувствую.

— Тогда, каково бы ни было ваше положеніе, оно не только не помѣшаетъ намъ быть всегда вмѣстѣ въ полномъ равенствѣ, но общество само станетъ у васъ заискивать и вы ему станете предписывать.

Бодростина замолчала; Висленевъ тоже безмолвствовалъ. Онъ что-то прозрѣвалъ въ напущенномъ Глафирой туманѣ, и вдали для него уже гдѣ-то мелодически рокотали привѣтные колокольчики, на звуки которыхъ онъ готовъ былъ спѣшить, какъ новый Вадимъ. Въ ушахъ у него тихо звонило, опущенныя руки тяжелѣли, подъ языкомъ становилось солоно,—онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ теперь право сказать, что ощущаетъ нѣчто неестественное, и естественнымъ путемъ едва могъ прошипѣть:

— А что же такое, напримѣръ, я буду послѣ обществу предписывать?

— Взгляды, мнѣнія, мало ли что!

— Да, да, да, понимаю.

— Какъ посредникъ высшихъ силъ, вы можете сдѣлать очень много, можете реформировать нравственность, разъяснять неразрѣшимыя до сихъ поръ дилеммы... ну, вообще обновлять, освѣжать, очищать человѣческое мышленіе.

— Да, да, понимаю: обновлять мышленіе, и только.

— Какъ и только! удивилась Глафира.

— Да; то-есть можно только предписывать, обновлять

мышленіе... реформировать мораль и тому подобное, а ничего практическаго, реальнаго предписывать нельзя?

— Ничего реальнаго?.. Гм!—Глафира разсмѣялась и добавила:—а вамъ, вѣрно, думалось, что вы можете дать предписаніе перевезти къ вамъ кассы Ротшильда или Томсона Бонара?

— Нѣтъ, я знаю, что этого нельзя.

— Напрасно вы это знаете такимъ образомъ, потому что это, весьма напротивъ, не нельзя, а возможно.

У Висленева даже горло внутрь въ грудь потянуло.

— Какъ же возможно велѣть привезти къ себѣ кассы?

— Отчего же, если это будетъ внушено хорошимъ умомъ...

— Позвольте! позвольте!—перебилъ, вскочивъ съ мѣста, Висленевъ.—Теперь я понимаю.

— Едва ли?

— Нѣтъ-съ, понимаю, совершенно понимаю.

При этомъ онъ раскатился веселымъ смѣхомъ и заходилъ по комнатѣ.

Глафира молча зажгла свѣчи и пересѣла на другой диванъ.

— Теперь я понимаю все,—заговорилъ, остановясь съ таинственнымъ видомъ, Висленевъ.—Я понимаю васъ, понимаю ваше отступничество отъ прежнихъ идей, и я васъ оправдываю.

— Благодарю,—уронила Бодростина, начиная разрѣзывать новый томъ «Revue Spirite».

— Да; я не только васъ оправдываю, но я даже пойду по вашимъ стопамъ смѣлѣе и далѣе. Извольте-съ, извольте! увѣренный отнынѣ, что разрушеніе традицій и морали путемъ ласковаго спиритизма гораздо удобнѣе въ нашъ вѣкъ, чѣмъ путемъ грубаго матеріализма, я... я не только съ свободною совѣстью перехожу на вашу сторону, но... но я съ этой минуты дѣлаюсь ревностнѣйшимъ гонителемъ всякаго грубаго матеріализма, кромѣ...

— Конечно, кромѣ матеріализма въ любви,—перебила съ улыбкой Бодростина.

— И то нѣтъ; я вовсе не то хотѣлъ сказать, а я хотѣлъ бы, кромѣ всего этого, еще гдѣ-нибудь разразиться противъ матеріализма жестокою статьей и поставить свое имя въ числѣ его ярыхъ враговъ.

— Мѣсто готово.

— Гдѣ же?

— Идите переодѣньтесь и ѣдемъ.

Висленевъ всталъ, переодѣлся и поѣхалъ, и отъ этого ему сдѣлалось хуже.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Онъ теряетъ свое имя и получаетъ имя Устина.

Итакъ, они вышли, сѣли въ фіакръ и поѣхали. Ѣхали много ли, мало ли, долго ли, коротко ли, и остановились: сердце у Жозефа упало какъ предъ экзаменомъ и онъ перекрестился въ потемкахъ.

Теперь они уже не ѣхали, а шли.

Припоминаетъ Висленевъ, что онъ былъ введенъ Глафирой въ почтенное собраніе, гдѣ встрѣтилъ очень много самыхъ разнообразныхъ и странныхъ лицъ, съ именами и безъ именъ, съ слѣдами искры Божіей и безъ этого божественнаго знака, но всѣ были равны, безъ чиновъ и безъ различій положенія. Однако, при всей своей ненаблюдательности, Висленевъ усмотрѣлъ, что и здѣсь есть свои дѣленія, свой «естественный подборъ», своя аристократія и свой плебсъ,—первыхъ меньше, послѣднихъ цѣлая масса; физіономіи первыхъ спокойны и свидѣтельствуютъ о savoir faire; лица плебса дышатъ поэтическимъ смущеніемъ и тревогой простодушныхъ пастушковъ, пришедшихъ къ волшебницѣ отыскивать слѣды отогнанныхъ ночью коней и воловъ своего стада.

По своей ненаходчивости и запуганности Висленевъ всего легче склоненъ былъ примкнуть къ искателямъ стадъ, но Глафира, вошедшая при содѣйствіи своей графини и баронессы въ аристократію спиритизма, выдвинула своего

печальнаго рыцаря впередъ и дала ему помазаніе savoir faire. Висленевъ началъ пророчествовать, въ чемъ ему не мало помогли давнія упражненія въ этомъ родѣ въ нигилистическихъ кружкахъ Петербурга. Кромѣ того, священнодѣйствіе это здѣсь ему было облегчено необыкновенно ловкимъ пріемомъ Глафиры, которая у подъѣзда сказала ему, что онъ не долженъ говорить по-французски, чтобы не стѣсняться своимъ тяжелымъ выговоромъ, и, введя, тотчасъ отрекомендовала русскимъ человѣкомъ, совсѣмъ не понимающимъ французскаго языка, но одареннымъ замѣчательными медіумическими способностями, и, въ доказательство его несвѣдущности въ языкѣ, громко сказала по-французски:

— Cet homme est *borné*, mais il donne souvent des reponses aux questions les plus profondes.

Всѣ блажные и блаженные окинули Висленева внимательнымъ взглядомъ и въ дальнихъ рядахъ, гдѣ разслышана была только часть этой рекомендаціи, прокатило имя *monsieur Borné*, новаго медіума, новаго адепта великаго новаго ученія.

Такимъ образомъ съ Висленевымъ здѣсь на первомъ же шагу повторилось то же самое, чѣмъ онъ такъ обижался въ Петербургѣ, гдѣ люди легкомысленно затеряли его собственное имя и усвоили ему названіе «Алинкина мужа». Теперь здѣсь, въ спиритскомъ кружкѣ Парижа, онъ дѣлался monsieur Borné, что ему тоже, конечно, не было особенно пріятно, но на что онъ вначалѣ не могъ возразить по обязанности притворяться непонимающимъ французскаго языка, а потомъ... потомъ ему некогда было съ этимъ возиться: его заставили молиться «невѣдомому богу»; онъ удивлялся тому, что чертили медіумы, слушалъ, вдохновлялся, уразумѣвалъ, что все это и самъ онъ можетъ дѣлать не хуже добрыхъ людей, и наконецъ, получивъ порученіе, для пробы своихъ способностей, вопросить духовъ: кто его геній-хранитель? начерталъ безтрепетною рукой: «Благочестивый Устинъ».

Это было первое несчастіе, котораго никто не можетъ понять и оцѣнить, если мы не скажемъ въ чемъ дѣло! А дѣло было въ томъ, что Іосафъ Платоновичъ дѣйствительно не хотѣлъ записать себѣ въ покровители никакого Устина. Изо всѣхъ именъ христіанскихъ писателей Жозефъ съ великою натугой могъ припомнить одно имя Блаженнаго Августина и хотѣлъ его объявить и записать своимъ покровителемъ, но... но написалъ, вмѣсто Блаженный Августинъ, «Благочестивый Устинъ», то-есть вмѣсто почтеннаго авторитетнаго духа записалъ какого-то незнакомца, который Богъ вѣсть кто и нивѣсть отъ кого названъ «благочестивымъ».

Это до такой степени разсердило и смутило Жозефа, что онъ сейчасъ же хотѣлъ зачеркнуть Благочестиваго Устина и написать себѣ иного генія; но Глафира остановила его рѣшительнымъ движеніемъ и объявила, что это невозможно, что духи не ошибаются.

Потомъ она взглянула на бумагу, одобрительно кивнула Висленеву и перевела собранію имя генія-покровителя новаго медіума, при чемъ поставила на видъ и его смущеніе, и то, что онъ написалъ имя, вовсе о немъ не думая.

— О, это прекрасно! Вдохновенно! Божественно! — послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Это такъ и должно быть, — произнесъ, возведя къ небу рѣзко очерченные темною каемочкой глаза, тихій отецъ парижскихъ спиритовъ и, заложивъ по своей привычкѣ лѣвую руку за бортъ доверху застегнутаго длинополаго коричневаго сюртука, положилъ два пальца правой руки на руку тощаго молодого человѣка съ зеленовато-желтымъ лицомъ и нѣкоторымъ намекомъ на бакенбарды.

Тотъ сію же секунду взялъ со стола перо съ длинною ручкою изъ розоваго коралла, развернулъ золотообрѣзную книгу въ темномъ сафьянѣ и начерталъ на надлежащемъ мѣстѣ, противъ имени Monsieur Borné, наименованіе его патрона: «Pieux Iustin».

Имя и значеніе Жозефа было составлено, и ему оставалось теперь только работать на этомъ амплуа сообщителя откровеній Благочестиваго Устина. Онъ въ этомъ и подвизался, подвизался много, упорно и съ постоянствомъ, пріобрѣлъ навыкъ вѣщать поученіями и отвѣчать на вопросы открытые и закрытые, и дѣлалъ это ловко, и слылъ медіумомъ отличнымъ, но собственныя дѣла его по снисканію фавора у Бодростиной не подвигались. Она была вѣчно окружена сторонними людьми, у ея скромнаго отеля всегда можно было видѣть чей-нибудь экипажъ изъ именитыхъ иностранцевъ и не менѣе именитыхъ заѣзжихъ соотечественницъ: она была, по всеобщему мнѣнію, образцовая спиритка и добродѣтельнѣйшая женщина, а онъ... онъ былъ медіумъ и monsieur Borné.

Въ такомъ положеніи были дѣла ихъ до самой той минуты, когда Глафира Васильевна попросила Жозефа подождать ее за ея дверью, и онъ, сидя на лѣстничномъ окнѣ, перепустилъ предъ своими мысленными очами ленту своихъ невеселыхъ воспоминаній. Но вотъ сердце Жозефа встрепенулось; онъ услыхалъ сзади себя бодрый голосъ Глафиры, которой онъ приготовилъ сегодня эффектнѣйшій, по его соображеніямъ, сюрпризъ, вовсе не ожидая, что и она тоже, въ свою очередь, не безъ готовности удивитъ его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Устинъ не помогъ.

Дверь, за которою сидѣлъ на окошечкѣ Висленевъ, тихо отворилась и на площадку лѣстницы вышла Глафира Васильевна, по обыкновенію, вся въ черномъ, съ чернымъ антука въ рукахъ и съ лицомъ, завѣшеннымъ до подбородка черною вуалеткой съ вышитыми мушками.

Стройная и сильная фигура ея была прекрасна: все на ней было свѣжо, чисто и необыкновенно ловко, и, вдобавокъ,

все, что было на ней, точно съ нею сливалось: ея скрипящій башмачокъ, ея шелестящее платье, этотъ прыгающій въ ея рукѣ тонкій антука и эта пестрая вуалетка, изъ-подъ которой еще ярче сверкаютъ ея страстные глаза и которая прибавляетъ столько нѣжности открытой нижней части лица,—все это было прекрасно, все увеличивало ея обаяніе и давало ей еще новый шикъ. Гордановъ, разжигая Висленева, сравнивалъ генеральшу Синтянину съ Гибралтаромъ. Это шло къ Александрѣ Ивановнѣ, если сравнивать ее съ Гибралтаромъ въ настоящемъ его положеніи, въ рукахъ англійской націи, сынамъ которой, къ чести ихъ, такъ мало свойственна измѣна. Глафиру тоже можно было сравнить съ Гибралтаромъ, но только съ измѣнникомъ-комендантомъ въ цитадели. Этотъ неуловимый запахъ, эта неопредѣленная атмосфера измѣнничества, растлѣвающіе и деморализующіе гарнизонъ и сбивающіе съ толку силы осаждающей арміи, носились и вѣяли вокругъ ея, и пахнули изъ ея глазъ на оторопѣвшаго Жозефа, проходя мимо котораго, она сказала:

— Пойдемте!

Тонкій, долгій, бѣлый и волокнистый Висленевъ соскочилъ съ окна и засеменилъ за нею.

Сойдя внизъ на улицу, они взяли фіакръ. Въ первомъ же домѣ, гдѣ они очутились, Висленевъ былъ удивленъ, услыхавъ, что Глафира прощается и говоритъ о какихъ-то своихъ внезапныхъ, но тягостныхъ предчувствіяхъ и о немедленномъ выѣздѣ въ Россію. Іосафъ Платоновичъ рѣшительно не могъ вѣрить ни словамъ спутницы, ни своимъ собственнымъ ушамъ, но тѣмъ не менѣе обтекалъ съ нею огромный кругъ ея спиритскаго знакомства, посѣтилъ съ ней всѣхъ ея бѣдныхъ, видѣлъ своими собственными глазами, какъ она отсчитала и отдала въ спиритскую кассу круглую сумму на благотворительныя дѣла, и наконецъ, очутясь послѣ всей этой гоньбы, усталый и изнеможенный, въ квартирѣ Глафиры, спросилъ ее: неужто они въ самомъ дѣлѣ уѣзжаютъ назадъ? и получилъ отвѣтъ: «да, я уѣзжаю».

— Когда же мы ѣдемъ? освѣдомился Висленевъ и получилъ въ отвѣтъ: «сегодня».

— Фу, чортъ возьми!—Но это невозможно сегодня!—возразилъ онъ, и на это уже вовсе не удостоился отвѣта, между тѣмъ какъ приготовленія къ отъѣзду видимо довершались, и monsieur Borné былъ даже вытѣсненъ ради этихъ сборовъ изъ удобнаго помѣщенія Глафиры къ себѣ на душную вышку, гдѣ онъ едва могъ стоять выпрямясь.

Нежданная вѣсть о столь внезапномъ и быстромъ отъѣздѣ срѣзала Висленева, и быстрыя ноги его зашатались: возвратясь въ свою конурку, онъ забѣгалъ по ней, изогнувшись, изъ угла въ уголъ и, наконецъ, всталъ посреди нѣ, уперъ перстъ въ лобъ и стоялъ, держа на плечахъ своихъ потолокъ, какъ Атласъ держитъ землю. Monsieur Borné пришла счастливая мысль удержать Бодростину отъ немедленнаго выѣзда, доказавъ ей неосновательность ея предчувствій, и онъ тотчасъ же подсѣлъ, согнувши ноги, къ окошечку и написалъ къ себѣ письмо отъ Благочестиваго Устина. На этотъ разъ Благочестивый Устинъ предостерегалъ «желающую выѣхать», чтобъ она не выѣзжала, пока пройдетъ опасность, о которой Благочестивый Устинъ обѣщался заблаговременно извѣстить, а въ другомъ... въ другомъ онъ философствовалъ о бракѣ и отвѣчалъ на выставленный Висленевымъ вопросъ о томъ, какъ смотрятъ на бракъ въ высшихъ мірахъ. Благочестивый Устинъ говорилъ о бракѣ, какъ объ учрежденіи божественномъ въ смыслѣ союза любви, и отрицалъ его значеніе гражданское,—выводомъ изъ всего этого выходило отрицаніе брака съ достовѣрнымъ ручательствомъ, что въ высшихъ областяхъ нѣтъ никакихъ положеній ни о какомъ бракѣ, въ полномъ смыслѣ этого понятія, и что потому понятія эти суетны, вздорны и не стоятъ вниманія. Благочестивый Устинъ ручался, что всѣ нарушенія условной морали въ сношеніи половъ есть только земная выдумка и притомъ самая несостоятельная, ибо въ существѣ всякая нарушительница этой морали, даже въ самой крайней мѣрѣ, менѣе преступна, чѣмъ дитя, се-

рвавшее стручокъ гороха изъ чужого огорода, «ибо снабдить чѣмъ бы то ни было своимъ собственнымъ гораздо добродѣтельнѣе, чѣмъ взять что-нибудь чужое».

Послѣднее сравненіе и силлогизмъ, которымъ Іосафъ Висленевъ придавалъ особенное значеніе, онъ почерпнулъ изъ «*Корана*» Стерна, нѣсколько томиковъ котораго, будучи пріобрѣтены Жозефомъ, составили его избранную библіотеку, вмѣстѣ съ «*Парижскимъ Цирюльникомъ*» Поль де-Кока, «*Хромымъ Бѣсомъ*» Лесажа и «*Книгой Духовъ*», собранною изъ сверхъестественныхъ сочиненій Аланомъ Кардекомъ. Жозефъ почерпнулъ изъ Стерна оригинальность для своихъ сужденій, изъ Поль де-Кока—веселость и игривость, изъ Лесажа—способную предпріимчивость, изъ Алана Кардека—смѣлость говорить вѣщимъ языкомъ ветхій вздоръ спиритской философіи. Всѣмъ этимъ онъ заряжался какъ темная фокусная бутылка съ различными напитками и разливалъ по рюмочкамъ, что кому требовалось, но... но хмель его не туманитъ той, для которой вызывались всѣ эти туманныя картины: спиритка Глафира была къ одной части откровеній равнодушна, а къ другой—даже относилась съ обиднымъ и схизматическимъ недовѣріемъ. Къ послѣдней области относились всѣ либеральныя сообщенія Благочестиваго Устина о бракѣ. Глафира крѣпко стояла за бракъ по формѣ, какъ онъ принятъ, и не убѣждалась никакими, ни естественными, ни сверхъестественными доводами въ пользу признанія его только по сущности. Не признавая революціи, проповѣдуемой Висленевымъ при содѣйствіи Благочестиваго Устина и другихъ духовъ, она оказалась непреклонною рабой законовъ европейскаго общества и приводила Іосафа въ отчаяніе. Дожившъ до такого возраста, въ которомъ любовь уже начинаетъ повиноваться разуму, и притомъ преслѣдуя цѣли совсѣмъ не любовныя и имѣя предъ глазами столь жалкаго соблазнителя, какъ Висленевъ, Глафира небрегла словами любви и стала въ извѣстномъ смыслѣ plus royaliste que le roi. Она сказала Висленеву разъ и навсегда, что она уже не ребенокъ и зна-

етъ, что такое значитъ любовь человѣка къ чужой женѣ, и потому повѣритъ только въ любовь *своего мужа*.

— Того, который васъ не любитъ и обманываетъ?—поставилъ ей на видъ Висленевъ.

— А развѣ женщину менѣе обманываетъ тотъ, кто говоритъ ей, что любитъ ее, и между тѣмъ ничего не дѣлаетъ, чтобы дать законное значеніе этой любви,—отвѣчала Глафира.

— Что же для этого надо сдѣлать?

— Надо быть моимъ мужемъ.

— Но вы замужемъ.

— По русскимъ законамъ допускается не одинъ бракъ.

— Да, я знаю, что можно выдти замужъ и во второй разъ.

— И даже въ третій.

— Прекрасно-съ; но вѣдь все это, конечно, не вдругъ?

— О, разумѣется, не вдругъ.

— Такъ вѣдь, стало-быть, нужно, чтобы прежде мужъ вашъ умеръ.

— Можетъ-быть.

— А какъ это сдѣлать? Это не отъ насъ зависитъ, и онъ можетъ прожить очень долго.

— Ну ужъ я вамъ не могу отвѣчать, какъ это сдѣлать, и отъ кого это зависитъ, и сколько онъ еще можетъ прожить,—небрежно молвила Глафира, и съ тѣхъ поръ не сказала Висленеву болѣе ни одного положительнаго слова, а только, по его выраженію, все «упорно стояла на бракѣ».

Нимало не измѣнили ея настроенія и послѣднія откровенія, полученныя Іосафомъ въ его каморкѣ отъ Благочестиваго Устина и другихъ дѹховъ, переселенныхъ за свои совершенства въ высшія обители. Просмотрѣвъ предъявленныя Висленевымъ предостереженія насчетъ выѣзда, Глафира, которую Іосафъ засталъ за уборкой своихъ дорожныхъ вещей, спокойно взяла этотъ листокъ и, сунувъ его въ объемистый портфель, набитый такою же литературой monsieur Borné, продолжала свое дѣло.

Іосафа это обидѣло и онъ, дождавшись конца Глафириной работы, спросилъ ее:

— Неужто она и послѣ этого ѣдетъ?

— Непремѣнно ѣду,—отвѣчала Глафира. — А что такое можетъ помѣшать?

— А это общеніе!

— О, что могутъ значить эти пустяки!

— Какъ пустяки? Такъ вы, значитъ, этому не вѣрите?

— Не вѣрю.

— На какомъ же это основаніи?

— Я имѣю основаніе.

— Да вы что же... вы можетъ-быть отвергаете весь спиритизмъ?

— Нѣтъ, я его не отвергаю.

— Такъ... вы отвергаете его опытную часть: отвергаете вѣроятность общеній? Это значитъ отвергаете все.

— Нисколько; напротивъ, я не только не отвергаю общеній, но я ими-то теперь и руководствуюсь.

— А если руководствуетесь, то вамъ въ такомъ случаѣ нельзя ѣхать.

— Нѣтъ, именно потому-то мнѣ и должно ѣхать,—отвѣчала Глафира и, выдвинувъ мизинцемъ изъ кучи неубранныхъ еще со стола бумагъ листокъ, проговорила:

— Вотъ, не хотите ли это прослушать?

На листкѣ собственнымъ почеркомъ Глафиры было написано всего только два слова «revenez bientôt».

— Что жъ это такое!—воскликнулъ Висленевъ, который смекнулъ, что тутъ нѣчто скрывается и въ рукахъ котораго эта страшная бумажка затрепетала.—Что это?—повторилъ онъ,

— Это? Развѣ вы не видите? Это общеніе.

— Но вѣдь это вы сами написали?

— Да, я сама. А что такое?

— Да ничего-съ... Но вы вѣдь не имѣете медіумическихъ способностей.

— То-есть я ихъ не имѣла до сегодняшняго дня, но

когда вы прислали мнѣ ваше запрещеніе ѣхать, я была этимъ смущена и, начавъ томиться, вдругъ почувствовала въ рукѣ какое-то млѣніе.

— А-а! Я это знаю: это обманъ, это просто судороги

— Нѣтъ, извините, совсѣмъ не судороги, а этакое совершенно особенное тяготѣніе... потребность писать, и только что взяла карандашъ, какъ вдругъ на бумагѣ, безъ всякаго моего желанія, получились вотъ эти самыя слова.

Висленевъ очутился въ положеніи самомъ затруднительномъ: онъ понялъ, что Глафира наконецъ посягнула и на послѣднее его достояніе, на его даръ пророчества. Онъ рѣшилъ биться за это до послѣднихъ силъ.

— Позвольте,—проленеталъ онъ,—я не отвергаю, что это, пожалуй, могло быть, и могло быть именно точно такъ, какъ вы разсказываете, но вѣдь вы позабываете самое главное, что въ этихъ вещахъ нужны опытность и осторожность. Вы должны знать, что вѣдь между духами есть очень много вчерашнихъ людей.

— Я это знаю.

— Да-съ; есть духи шаловливые, легкіе, вѣтреные, которымъ не только ничего не значитъ врать и паясничать, которые даже находятъ въ томъ удовольствіе и нарочно, для своей потѣхи, готовы Богъ вѣсть что внушать человѣку. Бывали вѣдь случаи ужасныхъ ошибокъ, что слушались долго какого-нибудь великаго духа, а потомъ вдругъ выходило, что это гаерничалъ какой-нибудь самозванецъ, бродяжка, дрянь.

— Ахъ, знаю, знаю! Я, къ сожалѣнію, это очень хорошо знаю и должна сказать вамъ очень не отрадную вѣсть.

— Именно-съ?—вопросилъ Висленевъ, предчувствуя, что ему готовится ударъ еще болѣе тяжкій.

— Извѣстно вотъ что, что вашъ Благочестивый Устинъ...

— Ну, ужъ что касается Благочестиваго Устина, то его не надо безпокоить,—перебилъ Висленевъ.

— Нѣтъ; да что тутъ о безпокойствѣ! А дѣло вотъ въ чёмъ, что никакого Благочестиваго Устина не было и нѣтъ.

— Какъ нѣтъ-съ! Какъ не было и нѣтъ-съ никакого Устина! Покорно васъ благодарю за такое сообщеніе! А кто же это, по-вашему, мой геній-хранитель?

— Не знаю, совершенно не знаю.

— Значитъ, по-вашему, у меня нѣтъ что ли совсѣмъ генія?

— Не знаю.

— Но кто же тогда столько времени писалъ моею рукой?

— Ахъ! это ужасная мошенница, которую, когда она была на землѣ, звали Ребекка Шарпъ.

— Вздоръ-съ! не вѣрю, это вздоръ: я никакой Ребекки Шарпъ не знаю вовсе.

— Да вамъ и не нужно ее знать, а она вами дѣйствовала... гадкая бездѣльница: вы были ея игрушкой.

— Но кто же она такая-съ?

— Она?.. она лицо довольно извѣстное: она героиня романа Теккерея «*Ярмарка Тщеславія*». О, она извѣстная, извѣстная плутовка!

— Кто вамъ это открылъ?

— Самъ Теккерей.

— Это можетъ-быть не вѣрно: это можетъ-быть легкій и шаловливый духъ надъ вами потѣшается.

— Ну, нѣтъ.

— Нѣтъ-съ; это надо повѣрить. Мы сейчасъ это повѣримъ,—и Висленевъ засуетился, отыскивая по столу карандашъ, но Глафира взяла его за руку и сказала, что никакой повѣрки не нужно: съ этимъ она обернула предъ глазами Висленева бумажку, на которой онъ за нѣсколько минутъ прочелъ «revenez bientôt», и указала на другія строки, въ которыхъ рѣзко отрицался Благочестивый Устинъ и всѣ сообщенія, сдѣланныя отъ его имени презрѣнною Ребеккой Шарпъ, а всего горестнѣе то, что открытіе это было подписано авторитетнымъ духомъ, именемъ котораго, по спиритскому катихизису, не смѣютъ злоупотреблять духи мелкіе и шаловливые.

— Ну, да,—произнесъ Висленевъ сквозь зубы, кладя на

столъ бумажку, — да. все это прекрасно, и на это нельзя возражать, но только скажите: до чего мы дойдемъ, наконецъ, такимъ образомъ?

Онъ не замѣчалъ, что въ своей потерянности онъ велъ разговоръ о томъ, о чемъ думалъ, и вовсе не о томъ, о чемъ хотѣлъ говорить.

Мало обращавшая на него вниманіе, Глафира замѣтила это и, улыбнувшись, спросила:

— А какъ вы думаете: до чего мы дойдемъ?

— Да что же, продолжалъ разсуждать Висленевъ, — мы прежде все отвергали, и тогда насъ звали нигилистами, теперь за все хватаемся и надо всѣмъ сами смѣемся... и... чортъ знаетъ, какъ насъ назвать?

Бодростина глядѣла на него молча и по лицу ея бѣгала улыбка.

— Право,—продолжалъ Висленевъ,—вѣдь это все выходитъ какое-то поголовное шарлатанство всѣмъ: и безвѣріемъ, и вѣрой, и матеріей, и духомъ. Да что же такое мы сами? Нѣтъ. Я васъ спрашиваю: что же мы? Всякая сволочь имѣетъ себѣ названіе, а мы... мы какія-то темныя силы, изъ которыхъ невѣдомо что выйдетъ.

— Вы дѣлаете открытіе,—уронила Глафира.

— Да что же-съ? я говорю истину.

— И я съ вами не спорю.

— Всѣ этакъ другъ съ другомъ... на ножахъ, и во всемъ безъ удержа... разойдемся, и въ концѣ другъ друга перерѣжемъ, что ли?

— На ножахъ и безъ удержа,—повторила за нимъ Глафира,— и другъ друга перерѣжемъ. А что же далѣе? Я васъ съ любопытствомъ слушаю: оказывается, что вы тоже и говорящій медіумъ.

— Да-съ, «говорящій», я говорящій... Благодарю васъ покорно! Заговоришь, заговоришь разными велѣніями и разными языками, какъ...

Но съ этимъ Висленевъ всталъ и, отойдя отъ Бодростиной, прислонился къ косяку окна.

Межъ тѣмъ Глафира позвала хозяина маленькаго отеля и, не обращая никакого вниманія на Висленева, сдѣлала разсчетъ за свое помѣщеніе и за каморку Жозефа. Затѣмъ она отдала приказаніе приготовить ей къ вечеру фіакръ и отвезти на желѣзную дорогу ея багажъ. Когда все это было сказано, она отрадно вздохнула изъ полной груди, взяла книгу и стала читать, какъ будто ничего ея не ожидало.

Ей наконецъ надоѣло это скитанье, надоѣли эти долгіе сборы къ устройству себя на незыблемомъ основаніи, съ полновластіемъ богатства, и она теперь чувствовала себя прекрасно, какъ дитя, въ окнѣ котораго уже занялась заря его именинnаго дня.

Она не замѣтила, какъ Висленевъ, тотчасъ по выходѣ хозяина отеля, обернулся къ ней и лепеталъ: «какъ же я? что же теперь будетъ со мной?» и когда онъ въ десятый разъ повторилъ ей этотъ вопросъ и несмѣло коснулся ея руки, она еще разъ вздохнула и, какъ бы что-то припоминая, проговорила:

— Да, въ самомъ дѣлѣ: какъ же вы и что будетъ теперь съ вами?

— Я рѣшительно не знаю этого: вы совсѣмъ сбили меня съ толку; я совсѣмъ потерялся.

— Постойте!.. Какъ же это я въ самомъ дѣлѣ... такъ разсѣянно?.. Спросите скорѣе Устина!

Висленевъ взглянулъ на нее, потомъ покачалъ укоризненно головой и, наконецъ не выдержавъ, отвернулся и разсмѣялся.

Когда онъ оборотился полуоборотомъ къ Глафирѣ, желая взглянуть на нее искоса и съ тѣмъ вмѣстѣ скрыть отъ нея такъ некстати прорвавшійся смѣхъ, онъ увидалъ, что Бодростина тоже смѣется и... оба вдругъ сняли свои маски и оба искренно расхохотались въ глаза другъ другу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Въ шутовскомъ колпакѣ.

Никто въ такой мѣрѣ, какъ Висленевъ, не представлялъ собою наглядиаго примѣра, какъ искренно и неудержимо способенъ иногда человѣкъ хохотать надъ самимъ собою и надъ своимъ горемъ. Іосафъ Платоновичъ просто покатывался со смѣху: повиснувъ на одномъ мѣстѣ, онъ чуть только начиналъ успокоиваться, какъ, взглянувъ на Бодростину, быстро перескакивалъ на другой стулъ и заливался снова.

— Бога ради!.. умолялъ онъ, — не смѣшите меня болѣе, а то я... умру.

— Упаси Богъ отъ такого несчастія,—отвѣчала серьезно Глафира.—Съ кѣмъ же я тогда останусь?

Висленевъ опять покатился, закашлялся и, отбѣжавъ въ уголъ, застоналъ и заохалъ. Въ состояніи его было что-то истерическое, и Глафира, сжалясь надъ нимъ, встала и подала ему стаканъ воды.

Жозефъ пилъ эту воду съ такою же жадностію, съ какою нѣкогда отпивался этимъ напиткомъ у Горданова отъ истерики, возбужденной въ немъ притѣсненіями его жены и немилосердаго Кишенскаго. Разница заключалась только въ томъ, что та давняя истерика вела его къ потерѣ чувствъ и къ совершенному разслабленію и упадку жизненности, межъ тѣмъ какъ теперь съ каждымъ глоткомъ воды, поданной ему бѣлыми, античными руками Глафиры, въ него лилась сила безотчетной радости, упованія и надеждъ. Онъ схватилъ руки Бодростиной и припалъ къ нимъ своими устами.

— Не покидайте меня!—шепталъ онъ между поцѣлуями.

— Я и не думала васъ покидать, отвѣчала, не отнимая у него своихъ рукъ, Глафира.

— Но вѣдь вы знаете, что мнѣ нельзя возвращаться въ Россію.

— Отчего нельзя?.. Нѣтъ, я этого не знала.

— Да какъ же не знали! Меня тамъ схватятъ.

— За долги?

— Ну, разумѣется. Чуть я только появлюсь въ Петербургѣ, сейчасъ и пожалуйте въ Tarasen Garten, это порядокъ извѣстный.

— Пустяки, у васъ есть дѣти: васъ нельзя сажать въ долговую тюрьму.

Висленевъ замоталъ головой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — вы это говорите на общихъ основаніяхъ, а мое положеніе особенное, ножевое, меня не защититъ и то, что у меня есть дѣти, то-есть я хотѣлъ сказать, что... ко мнѣ приписаны дѣти.

Бодростина выразила недоумѣніе, но Висленевъ, сверхъ всякаго чаянія, очень обстоятельно разъяснилъ особенныя преимущества своего положенія. Оказывалось, что они состояли въ томъ, что вообще претензіи бываютъ предъявляемы отъ стороннихъ лицъ, а его можетъ посадить собственная, по его выраженію, «родная жена» и мать тѣхъ самыхъ дѣтей, которыми онъ могъ бы нѣсколько защищаться отъ иска лица посторонняго. Онъ здраво выводилъ, что, при представленной имъ роковой комбинаціи, всякое правительственное попеченіе о дѣтской судьбѣ естественно сдѣлается излишнимъ, и вотъ въ этомъ-то и заключалась привилегія его положенія.

Глафира Васильевна не ожидала отъ Іосафа такой далекой и тонкой казуистической предусмотрительности. Такая комбинація, какую вывелъ Висленевъ, ей не приходила въ голову и, по своей крайней курьезности и новости, поставила ее въ невозможность обнять и разъяснить ее себѣ сразу.

«Что же въ самомъ дѣлѣ», подумала Глафира, «вѣдь оно совершенно логично, что если сама мать дѣтей скажетъ: я не требую содѣйствія моего мужа въ содержаніи ребятъ, а прошу посадить его за долгъ мнѣ въ тюрьму, то, кажется,

и взаправду едва ли найдутся логическія причины отказать ей въ такой справедливости».

Глафира едва сдержала на своемъ лицѣ улыбку, вызванную этими соображеніями о логикѣ юридической справедливости вексельнаго права, и, желая успокоить злополучнаго Висленева, сказала, что предполагаемая имъ комбинація такъ нова, что едва ли предусмотрѣна закономъ и, вѣроятно, еще составитъ вопросъ, который можетъ разрѣшиться въ благопріятномъ для Іосафа смыслѣ. Но Жозефъ едва далъ окончить Бодростиной ея утѣшительныя слова и заговорилъ:

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ; я слуга вашъ покорный, чтобъ я сталъ на это полагаться! Знаю я-съ, какъ тамъ въ Петербургѣ на это смотрятъ. Гм!.. Покорно васъ благодарю!.. Нѣтъ; тамъ нашему брату мужчинѣ пощады не ждать: тамъ этотъ женскій вопросъ и всѣ эти разныя служебные якобинцы и разные пунцовые филантропы... Куда тамъ съ ними мужчинѣ!.. Они сейчасъ все повернутъ въ интересахъ женскаго вопроса и... мое почтеніе, мужа поминай какъ звали.

— Бѣдныя женщины! все на нихъ; даже и друзьямъ женскаго вопроса—и тѣмъ достается.

— Да-съ, друзья... Знаемъ мы этихъ друзей. Нужно равноправіе, а я во всѣ газеты посылалъ статьи объ открытіи мужского вопроса и нигдѣ не печатаютъ. Будто мы тѣмъ и виноваты, что мы родимся мужчинами, и за то женщины имѣютъ привилегію на всеобщее послабленіе къ нашимъ обидамъ, межъ тѣмъ какъ мы даже вопроса о себѣ поднять не можемъ нигдѣ, кромѣ духовныхъ журналовъ, которыхъ никто не читаетъ... Это тоже прекрасно! Нѣтъ-съ; ужъ я лучше сгину, пропаду здѣсь на чужбинѣ, заграницей, но въ Россію, гдѣ женскій вопросъ, — не поѣду. Ни за что, ни за что на свѣтѣ не поѣду!

— Какой вы, однако, злой!

— Нѣтъ-съ, извините меня. Это не я золъ, а скорѣе другіе злы, отвѣчалъ онъ запальчиво, и развилъ, что если

въ Россіи все такимъ образомъ пойдетъ, то это непремѣнно кончится ни больше, ни меньше какъ тѣмъ, что оттуда всѣ мужчины убѣгутъ въ Англію или въ Германію, и надъ Невой и Волгой разовьется царство амазонокъ.

— Ну, а если бы тамъ наконецъ рѣшились въ уровень съ женскимъ вопросомъ поднять мужской вопросъ? спросила Глафира.

— Ни за что этого не будетъ, отвѣчалъ со вздохомъ Висленевъ.

— Ну, а еслибы?

— Нечего невозможнаго и предполагать, когда у нашихъ монгольскихъ выродковъ все такіе инстинкты, что они все на свѣтѣ готовы для женщинъ сдѣлать. И оно и понятно: въ женщинъ влюбляются и поддѣлываются къ ихъ волѣ и желаніямъ, а мы мужчины что такое?... Мы постоянно нуждаемся въ женской ласкѣ, въ привѣтѣ; чувствуемъ любовь, привыкаемъ къ женщинамъ, наконецъ.... противъ насъ все, противъ насъ наконецъ сама природа! Мы такъ несовершенно и мерзко созданы, что одни жить не можемъ. Ну что ужъ тутъ еще остается толковать? Гибель, гибель, гибель нашему полу въ Россіи, и болѣе ничего!

Бодростина весело разсмѣялась и замѣтила своему собесѣднику, что онъ неосторожно богохульствуетъ, порицая совершенство творенія, чего ему, какъ спириту, дѣлать не надлежитъ; но онъ категорически опровергъ это обвиненіе и доказалъ, что именно какъ спиритъ-то онъ и правъ, потому что признаетъ планету и обитающіе на ней организмы еще въ періодѣ самаго ранняго развитія и вѣритъ, что въ далекомъ или въ недалекомъ будущемъ воспослѣдуютъ усовершенствованія, при которыхъ нынѣшняя и все болѣе и болѣе усиливающаяся власть женщинъ надъ мужчинами упразднится.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы мнѣ говорите столько времени, что вы меня любите? промолвила Бодростина.

— Говорю, потому что люблю васъ, отвѣчалъ, всплеснувъ руками, Висленевъ.

— Нѣтъ, а вы гораздо лучше отъ этого эманципируйтесь.

— А что дѣлать, когда не могу.

— Значитъ, кто же надъ вами деспотствуетъ: женщина или вы сами?

— Самъ, я самъ, я знаю, что я самъ.

— Ну такъ эманципируйтесь отъ себя.

— Не могу-съ, въ томъ-то все и дѣло, что не могу, такъ скверно созданъ.

Собесѣдники снова вмѣстѣ засмѣялись, и Бодростина, не отрицая настоящій Жозефа, что онъ «скверно созданъ», отвѣчала, что женщины гораздо покорнѣе мужчинъ волѣ Промысла, устроившаго все такъ, какъ оно устроено, и затѣмъ прямо поворотила рѣчи къ насущному вопросу дня, то-есть къ тому, какъ быть съ собою злополучному Іосафу?

По ея мнѣнію, ему не оставалось ничего иного, какъ ѣхать съ нею назадъ въ Россію, а по его соображеніямъ это было крайне рискованно, и хотя Глафира обнадеживала его, что ея братъ Грегуаръ Акатовъ (котораго зналъ встарину и Висленевъ) теперь предсѣдатель чуть ли не полусотни самыхъ невѣроятныхъ комиссій и комитетовъ, и ему не будетъ стоить особаго труда поднять въ одномъ изъ этихъ серьезныхъ учрежденій интересующій Іосафа мужской вопросъ, а можетъ быть даже нарядить для этого вопроса особую комиссію, съ выдѣленіемъ изъ нея особаго комитета, но бѣдный Жозефъ все моталъ головой и твердилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Но шутить довольно: какъ бы то ни было, я въ Россію ѣхать не могу.

— Но гдѣ же вы будете жить за границей?

— И за границей мнѣ жить негдѣ.

— Такъ какъ же быть?

— Я опять-таки и этого не знаю.

— Но кто же это долженъ знать?

— И того не знаю.

Глафира улыбнулась и пожала плечами.—Висленевъ тоже

улыбался: дѣла его, какъ мы видимъ, были не хороши; но онъ былъ увѣренъ, что въ его положеніи начинаетъ дѣйствовать какое-то облегчающее обстоятельство, — его въ этомъ убѣждало его предчувствіе, и онъ не ошибался: Глафира Васильевна не хотѣла его покинуть, ибо приближались уже лукавые дни, когда волокнистый Borné спиритскихъ собраній Парижа долженъ былъ совершить на родинѣ разбойничьи дѣла, къ которымъ онъ давно предназначался....

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ дыму и въ искрахъ.

Глафирѣ немного стоило, однако, труда показать Висленеву всю безцѣльность его дальнѣйшаго пребыванія заграницей послѣ ея отъѣзда. Висленевъ самъ зналъ, что онъ остается не при чемъ, и хотя страхъ долговой тюрьмы въ Россіи былъ такъ великъ, что испепелялъ въ немъ даже самый недугъ любви къ Глафирѣ, когда Глафира, принявъ серьезную мину, сказала ему, что всѣ эти страхи въ существѣ не очень страшны, и что она даетъ ему слово не только провезти его благополучно чрезъ Петербургъ, но даже и увезти къ себѣ въ деревню, то Іосафъ выразилъ полное желаніе ее слушать и сказалъ:

— Конечно, я понимаю, что возможно и спастись, потому что въ Петербургѣ я могу никуда не выходить и сидѣть, запершись, въ какой-нибудь комнатѣ, а въ вашей деревнѣ—тамъ всѣ эти становые и все прочее въ вашей волѣ, да и къ тому же я могу переѣзжать изъ уѣзда въ уѣздъ, и меня моя драгоцѣнная супруга не изловитъ.

Онъ даже предался мечтамъ по этому случаю, какъ онъ будетъ перебѣгать изъ бодростинскаго имѣнія въ одномъ уѣздѣ въ другое, его же имѣніе, находящееся въ другомъ уѣздѣ, и сдѣлается такимъ образомъ неуловимымъ для безпощадной жены своей и ея друга Кишенскаго: и Іосафъ Платоновичъ, унося такими мечтами, сдѣлался даже ве-

селъ и началъ трунить надъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которое онъ поставитъ этимъ коварствомъ несчастныхъ становыхъ; но Глафира неожиданно разбила весь этотъ хитрый планъ и разрушила его счастливую иллюзію. Она назвала все это ребяческою полумѣрой и на мѣсто невинной затѣи Висленева докончить дни свои въ укрывательствѣ отъ тюрьмы, сказала, что ужъ пора его совсѣмъ освободить отъ всѣхъ этихъ утѣсненій и эманципировать его такимъ благонадежнымъ способомъ, чтобы онъ вездѣ свободно ходилъ и всѣмъ показывался, но былъ бы неузвимъ для своихъ недруговъ.

Мысль эта, разумѣется, представилась Висленеву очаровательною; но онъ, считая ее слишкомъ невѣроятною, опять требовалъ объясненія, а Глафира ему этого объясненія не давала.

— Я вамъ не могу этого разсказать, какъ я думаю это сдѣлать, но я это сдѣлаю, отвѣчала она на него вопросъ.

— Вы это такъ думаете только, или вы въ этомъ увѣрены?

— Это иначе не можетъ быть, какъ я вамъ говорю.

— Но въ такомъ случаѣ почему же вы не хотите ничего сказать мнѣ: какъ вы это сдѣлаете?

— Потому что вамъ этого не нужно знать, пока это сдѣлается.

— Вотъ тебѣ и разъ: но вѣдь я же долженъ быть въ чемъ-нибудь увѣренъ!

— Ну, и будьте увѣрены *во мнѣ*.

— Гм!... въ васъ... Я это слышалъ.

— Что?... развѣ вы мнѣ не вѣрите?

— Нѣтъ; нѣтъ; не то... не то... я вамъ вѣрю, но вѣдь... позвольте-съ... вѣдь это все меня довольно близко касается и ужъ по тому одному я долженъ.... поймите, я *долженъ* знать, что вы со мной намѣрены дѣлать?

— Нѣтъ, вы именно этого *не должны*.

— Почему-съ? скажите мнѣ разумную причину: почему?

— Потому что вы.... «скверно сотворены».

— Гмъ! шутка не отвѣтъ.

— Я и не шучу и мнѣ даже никогда съ вами шутить, потому что я сейчасъ уѣзжаю, и вотъ, я вижу, идутъ комиссіонеры за моими вещами и приведенъ фіакръ. Хотите положиться на меня и ѣхать со мною назадъ въ Россію съ твердою вѣрой, что я васъ спасу, такъ идите, забирайте свой багажъ и поѣдемъ, а не надѣетесь на меня, такъ надѣйтесь на себя съ Благочестивымъ Устиномъ и оставайтесь.

Въ это время въ комнату вошли комиссіонеры и Глафира имъ указала на свои упакованныя вещи, которыя тѣ должны были взять и доставить на желѣзную дорогу.

— Подождите же, я сейчасъ притащу свой сакъ-вояжъ,— пусть они и его захватятъ, произнесъ скороговоркой Висленевъ.

— Только, пожалуйста, поскорѣй, а то мы можемъ опоздать на поѣздъ, торопила его Глафира.

— О, не бойтесь, не бойтесь: я въ одну минуту! воскликнулъ на быстромъ бѣгу Висленевъ и дѣйствительно не болѣе какъ черезъ пять минутъ явился съ пустымъ сакъ-вояжемъ въ одной рукѣ, съ тросточкой, зонтикомъ и пледомъ—въ другой, и съ бархатною фуражкой на головѣ.

Сдавъ вещи комиссіонерамъ, онъ самъ сѣлъ съ Глафирой въ фіакръ и черезъ часъ уже ѣхалъ съ нею въ первоклассномъ вагонѣ по Сѣверной желѣзной дорогѣ.

До Берлина они нигдѣ не останавливались, и Жозефъ повеселѣлъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что ѣдетъ съ Глафирой рядомъ въ одномъ и томъ же классѣ, и предавался размышленіямъ насчетъ того, что съ нимъ должно произойти въ ближайшемъ будущемъ.

Онъ уже давно потерялъ всякую надежду овладѣть любовью Глафиры, «поддавшейся, по его словамъ, новому тяготѣнію на бракъ», и даже не вѣрилъ, чтобъ она когда-нибудь вступила съ нимъ и въ бракъ, «потому что какая ей въ этомъ выгода?» Но, размышлялъ онъ далѣе: кто знаетъ, чѣмъ чортъ не шутитъ... по крайней мѣрѣ въ романахъ, надъ которыми я послѣднее время поработалъ, всѣ

говорятъ о женскихъ капризахъ, а ея поведеніе по отношенію ко мнѣ странно... Ужъ тамъ какъ это ни разбирай, а оно странно! Она все-таки принимаетъ во мнѣ участіе... Зачѣмъ же, почему и для чего это ей, еслибъ она мною не интересовалась?.. Гмъ! Нѣтъ, во всемъ этомъ я вижу... я вижу ясные шансы, позволяющіе мнѣ надѣяться; но только одно скверно, что я женатъ, а она замужемъ и намъ невозможно жениться. Развѣ тайно... въ Молдавіи, чтобы попъ обвѣнчалъ и въ книжку нигдѣ не записывалъ?

Эта блестящая мысль его посѣтила ночью, и онъ тотчасъ же поспѣшилъ сообщить ее Глафирѣ, съ предложеніемъ повернуть изъ Берлина въ Молдавію и обвѣнчаться, но Глафира не соблазнилась этимъ и отвѣчала:

— Что же это будетъ за бракъ такой?

— Да отчего же: вѣдь если это для совѣсти, такъ тамъ тоже православный священникъ насъ будетъ вѣнчать.

— Прекрасный планъ, замѣтила ему, отворачиваясь, Глафира.

— Ну, а если для положенія, бурчалъ Висленевъ, такъ тогда уже разумѣется...

— Что? уронила, глядя въ окно Бодростина.

— Тогда ничего сдѣлать нельзя, пока Михаилъ Андреевичъ живъ, отвѣтилъ, вздохнувъ, Висленевъ.

— Ну, вотъ то-то и есть, а есть вещи и еще важнѣйшія, чѣмъ положеніе: это деньги.

— Да, деньги, деньги очень важны и дѣлаютъ большой эффектъ въ жизни, повторилъ Жозефъ слова, нѣкогда сказанныя въ губернской гостинницѣ Гордановымъ.

— А всѣ эти деньги могли бы и должны... быть ваши... то-есть ваши, если только...

При этихъ словахъ Глафира еще больше подалась въ окно и тотчасъ же увидала возлѣ своего лица любопытный ликъ Жозефа, неотступно желавшаго знать: въ чемъ дѣло? какое «если» можетъ разрушить замрѣявшій передъ очами души его «большой эффектъ въ жизни?»

Онъ такъ неотступно приставалъ съ этимъ вопросомъ

къ Глафирѣ, что она наконецъ сказала ему, какъ бы нехотя, что «если» заключается въ томъ, что значительнѣйшая доля состоянія ея мужа можетъ достаться его племяннику Кюлевейну.

— Этому кавалерійскому дураку-то? воскликнулъ съ сознаніемъ огромныхъ своихъ преимуществъ Висленевъ.

— Да; этому дураку.

— Ну, ужъ это глупость.

— Глупость, да весьма вѣроятная и возможная, и притомъ такая, которой нельзя отвратить.

— Нельзя?

— Я думаю.

Они замолчали и продолжали попрежнему сидѣть другъ противъ друга, глядя въ открытое окно, мимо котораго свистѣлъ вѣтеръ и неслись красныя искры изъ трубы быстро мчавшагося локомотива.

Поѣздъ летѣлъ, грохоталъ и подскакивалъ на смычкахъ рельсовъ: Висленевъ все смотрѣлъ на дымъ, на искры и началъ думать: почему не предотвратятъ этихъ искръ? Почему на трубѣ локомотива не устроятъ какого-нибудь искрогасителя? И вдругъ встрепенулся, что ему до этого совсѣмъ нѣтъ никакого дѣла, а что гораздо важнѣе найти средство, какъ бы не доставалось все Кюлевейну, и чуть только онъ пораздумалъ надъ этимъ, какъ сейчасъ же ему показалось, что искомое средство есть и что онъ его даже нашелъ.

Жозефъ откашлянулся, крякнулъ разъ, крякнулъ еще и, взглядывая на Глафиру, произнесъ:

— А что... если...

Она молча устремила на него свои глаза и, казалось, желала помочь ему высказываться; но Жозефъ ощущалъ въ этомъ нѣкоторое затрудненіе: ему казалось, что его голосъ упалъ и не слышенъ среди шума движенія, да и притомъ вагонъ, покачивая ихъ на своихъ рессорахъ, постоянно мѣняетъ положеніе ихъ лицъ: они трясутся, вздрагиваютъ и точно куда-то уносятся, какъ Каинъ и его тѣнь.

— Что же, все это вздоръ, почему не сказать, думалъ Висленевъ и, набравъ храбрости, молвилъ:

— А что если этого Кюлевейна не станетъ? Онъ единственный прямой наслѣдникъ Михаила Андреевича, или есть еще и другіе?

— Я никого другого не знаю, отвѣчала грубымъ контральтомъ Глафира: но я не понимаю васъ, почему это его вдругъ не станетъ?

— А если его... того?

И Висленевъ, сложивъ кисть лѣвой руки чайничкомъ, сдѣлалъ видъ, какъ будто что-то наливаетъ: но въ это время колесо вагона подпрыгнуло и запищало на переводной стрѣлкѣ, и собесѣдники, попятясь назадъ, подались вглубь своихъ мягкихъ креселъ.

Въ вагонѣ, кромѣ ихъ двухъ, всѣ спали. Когда поѣздъ остановился у платформы станціи, Глафира встала съ мѣста. Она оправила юбку своего суконнаго платья и, насупя брови, сказала Висленеву: «вы начинаете говорить странныя глупости».

Съ этимъ она вышла, и не смѣвшій слѣдовать за нею Жозефъ видѣлъ изъ окна, какъ она быстро, какъ темный духъ, носилась, ходя назадъ и впередъ по платформѣ. Несмотря на то, что на дворѣ еще стояли первыя числа марта и что ночной воздухъ подъ Берлиномъ былъ очень влаженъ и прохладенъ, Бодростина обмахивалась платкомъ и жадно впивала въ себя холодныя струи свѣжей атмосферы.

Висленевъ это видѣлъ и понималъ, что путешественница чѣмъ-то сильно взволнована, но онъ этого не приписывалъ своимъ словамъ, —до того онъ самъ привыкъ къ ихъ ничтожеству,—не соединялъ онъ этого и съ рѣзкимъ отвѣтомъ, съ которымъ Глафира вышла изъ вагона,—это тоже для него была не новость и даже не рѣдкость; но онъ очень испугался, когда послышался послѣдній звонокъ и вслѣдъ затѣмъ поѣздъ тронулся одновременно съ кондукторскимъ свисткомъ, а Глафира не входила.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

На краю погибели.

Это обстоятельство чуть не стоило жизни бѣдному Висленеву. Почувствовавъ, что поѣздъ тронулся и покатился, Іосафъ Платоновичъ заметался, затрясся, кинулся внутрь вагона, наступивъ на ноги двумъ спавшимъ пассажирамъ, потомъ метнулся назадъ, высунулся въ окно, звалъ, кричалъ и наконецъ, быстро оторвавшись отъ окна, кинулся опрометью къ двери и едва былъ удержанъ на вагонной ступени кондукторомъ: иначе онъ непремѣнно слетѣлъ бы внизъ и былъ бы или разрѣзанъ на рельсахъ, или сдавленъ между буферами. Но, къ счастію для него и для насъ, этого несчастія не случилось, благодаря бдительности и нѣмецкой аккуратности кондуктора, который не ограничился тѣмъ, что изловилъ Висленева на краю пропасти, но неотступно усадилъ его на мѣсто и, въ виду его необъяснимаго волненія, присѣлъ возлѣ него самъ, чтобы не допустить его возобновить свою попытку броситься подъ вагонъ. А что Висленевъ имѣлъ намѣреніе найти смерть на рельсахъ, въ этомъ не сомнѣвался ни самъ кондукторъ, ни тѣ изъ пассажировъ, которыхъ Жозефъ разбудилъ, наступивъ на ихъ мозоли. Къ тому же, на несчастье путешественника, онъ, будучи рьянымъ врагомъ классицизма, не зналъ тоже никакихъ и новыхъ языковъ и могъ говорить только на своемъ родномъ. Мѣшая русскія слова съ нѣмецкими, онъ высказывалъ свои опасенія за судьбу оставшейся на станціи своей сопутницы, но его никто не понималъ и въ отвѣтъ на всѣ его моленія, жалобы и порывы вскочить, нѣмецкій кондукторъ, съ длиннымъ лицомъ, похожимъ на гороховую колбасу, присаживалъ его мощною рукой на мѣсто и приговаривалъ: «Seien Sie ruhig» и затѣмъ продолжалъ вести въ полголоса бесѣду съ тѣми изъ пассажировъ, которые проснулись и любопытно наблюдали эту сцену.

Плохо понимавшій по-нѣмецки, Висленевъ не обращалъ вниманія на ихъ разговоръ, въ которомъ до ушей его еще чаще другихъ словъ долетало слово verrückt, и къ отягченію своего положенія оставался въ безвѣстности о томъ, что его считаютъ сумасшедшимъ. Въ его разстроенномъ воображеніи мелькнула мысль, что Глафира на него донесла и выдала его, а сама скрылась, а ему уже нѣтъ спасенія. Это было ужасное состояніе, и Висленевъ, потерявъ надежду вырваться изъ-подъ присмотра или объясниться съ суровымъ кондукторомъ, ѣхалъ въ полномъ отчаяніи. Онъ считалъ себя погибшимъ, видѣлъ себя уже разстрѣляннымъ, повѣшеннымъ, затерянным, пропавшимъ безъ вѣсти и... упавъ духомъ, проклиналъ Глафиру. Иногда только ему входило въ голову, что она, можетъ быть, и въ мысли не имѣла доносить на то, что онъ сдѣлалъ чайникомъ руку, а просто упустила поѣздъ. Но онъ не хотѣлъ ее жалѣть, онъ и тутъ хотѣлъ клясть и клялъ, если не за предательство и коварство, то за «проклятыя женскія фантазіи», ради которыхъ она вышла изъ вагона и пошла расхаживать.

«Чего? чего она вышла?» вопрошалъ онъ самого себя и, сжимая кулакъ свободной отъ кондукторскаго ареста руки, цѣдилъ сквозь зубы: — «ухъ, какъ бы я, съ какимъ то-есть я удовольствіемъ всѣхъ этихъ женщинъ выпоролъ! Чудесно бы это было, и мужья бы меня даже навѣрно похвалили».

Но въ то самое время, когда онъ, изнывая въ своемъ безсиліи, въ сотый разъ повторялъ это невинное желаніе, подъ колесомъ вагона раздался опять визгъ переводной стрѣлки, ходъ поѣзда сталъ умѣреннѣе и очамъ страдающаго Жозефа представилась живая, цвѣтущая красотою и здоровьемъ Глафира.

Такъ какъ въ этомъ романѣ читателямъ уже не разъ приходилось встрѣчать сцены, относительно которыхъ, при поверхностномъ на нихъ взглядѣ, необходимо должно возникнуть предположеніе, что въ разыгрываніи ихъ участвуютъ

невѣдомыя силы незримаго міра, — тогда какъ ученымъ реалистамъ нашего времени достовѣрно извѣстно, что нѣтъ никакого иного живого міра, кромѣ того, вѣнцомъ котораго мы имѣемъ честь числить насъ самихъ, — то необходимо сказать, что внезапное появленіе Бодростиной въ вагонѣ не должно быть относимо къ ряду необъяснимыхъ явленій въ родѣ зеленаго платья, кирасирскаго мундира съ разрѣзанною спинкой, гордановскаго секрета разбогатѣть, сивтянинскаго кольца съ соскобленною надписью, болѣзненнаго припадка Глафиры и другихъ темныхъ явленій, разъясненіе которыхъ остается за авторомъ въ недоимкѣ. Теперь мы уже не такъ далеки отъ всѣхъ этихъ разгадокъ: но разъясненіе появленія Бодростиной на всемъ ходу вагона не станемъ даже откладывать ни на минуту и займемся имъ тотчасъ же,—дадимъ его какъ задатокъ къ тѣмъ расплатамъ, какія за нами числятся и которыя мы въ свое время надѣемся произвести самою натуральною и ходячею монетой.

Дѣло было весьма просто и могло показаться страннымъ и невѣроятнымъ не по существу своему, а по взгляду, который имѣлъ на него смотрящій.

Глафира Бодростина, издавна начертавъ себѣ планъ завладѣть огромнымъ состояніемъ своего мужа, ускользавшимъ отъ нея по ея же собственной винѣ, по ея неспособности совладать съ собою въ первые годы своего замужества и лицемѣрно или искренно составить себѣ прочную репутацію, взялась за это дѣло нѣсколько поздно; но она, какъ мы видѣли, не теряла надежды привести все къ такому концу, какой для нея былъ нуженъ. Все это она вела исподволь, медленно и разсчетливо соединяя множество лицъ и ихъ страстей и влеченій къ одному фокусу стекла, чрезъ которое желала показать міру актъ своего торжества. Простой планъ известь мужа и овладѣть его состояніемъ былъ извѣстенъ, кромѣ ея самой, одному Горданову, но Гордановъ недаромъ додумывался въ Москвѣ до того, что это не весь планъ, а не болѣе какъ только намекъ на то,

чего желаетъ и къ чему стремится Глафира. Гордановъ не ошибался, что если бы дѣло шло только о томъ, чтобы убить Бодростина, то это можно было бы давно сдѣлать и ядомъ, и кинжаломъ, но Глафира чего-то, повидимому, выжидала. Это путало соображенія Горданова. Онъ не ошибался: она путала многихъ и не безъ умысла, и въ числѣ этихъ многихъ его болѣе, чѣмъ кого-нибудь другого. Глафира сама опасалась, что Гордановъ это прозрѣлъ и насторожилъ вниманіе, но она была твердо увѣрена, что онъ не можетъ разгадать ея плана въ его цѣломъ. Цѣлое это было извѣстно только ей одной и притомъ часто измѣнялось то въ той, то въ другой детали, отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ.

По непонятному влеченію контрастовъ, Глафира страстно любила Подозерова: это продолжалось уже цѣлые два года, и къ концу того періода, съ котораго началась наша исторія, чувства Глафиры дошли до неодолимой страсти. Она нѣкогда ухаживала за Подозеровымъ и искала сближенія съ нимъ по тому стереотипному способу, которымъ не брезгаютъ многія; но Подозеровъ, вѣчно занятый дѣлами крестьянъ, недаромъ слылъ чудакомъ. Чувствуя омерзеніе къ разносторонней «направленской» лжи, съ такимъ избыткомъ переполняющей въ наше время жизнь такъ называемыхъ «мыслящихъ дѣятелей» того или другого закала, онъ съ чувствомъ глубокой и нервной гадливости удалялся отъ битыхъ ходовъ и искалъ своей доли въ безыскусственномъ и простомъ выполненіи своихъ обязанностей, изъ которыхъ первѣйшею считалъ заботу о своемъ собственномъ усовершенствованіи. Умная и начитанная Глафира часто съ нимъ бесѣдовала и полюбила его умъ, взгляды и правила, а потомъ, увидавъ, что и самая жизнь его строго гармонируетъ съ этими правилами, полюбила и его самого... по контрасту; но онъ не могъ, или не хотѣлъ быть ея любовникомъ. Это она видѣла и остановилась охотиться за нимъ на этомъ полѣ. Даже болѣе: поразмыславъ, она поняла, что онъ и не хорошъ былъ бы любовникомъ, что, измѣнивъ въ этомъ случаѣ сво-

имъ правиламъ, онъ потерялъ бы весь свой букетъ и пересталъ бы походить на самого себя. Тогда онъ пересталъ бы быть интереснымъ, и всякій гусаръ, всякій безпардонный враль, даже всякій нигилистъ въ этой роли были бы интереснѣе его. Но другое дѣло, если бъ онъ былъ ея мужъ... На этомъ она останавливалась съ сладостнѣйшими мечтами; она впадала въ самую пасторальную сентиментальность, доходя даже до того, что воображала его какимъ-то ребенкомъ, а себя—его пѣстуньей, строила планы, какъ бы она лелѣяла его покой, окружа его довольствомъ, любовію, вниманіемъ. Она уносилась такъ далеко, что, подобно тому какъ сказочная невѣста ссорилась съ своимъ женихомъ по поводу выбора мужа для ихъ будущей дочери, — она негодовала на себя, когда ей приходила въ голову мысль, что воображаемый мужъ ея Подозеровъ наскучитъ ей, и она ему измѣнитъ... и какъ онъ это снесетъ? Испанскимъ Дворяниномъ, Горацiемъ, благословляющимъ за то и за другое, или... холодно пренебрежетъ ею и броситъ ее безъ вниманія? Броситъ ее... красавицу... богачку? А что же: она, вѣдь, не Лариса, она знаетъ, что это возможно. Она это предвидѣла, негодовала на это и даже готова была плакать. Пусть психологи объяснятъ, почему любовь порочныхъ людей бываетъ такою сентиментальною и противорѣчащею всѣмъ другимъ чертамъ ихъ характера; но это бываетъ такъ и это такъ было съ Глафирой и съ ея любовью къ Подозерову. Вызвавъ изъ блужданья въ пространствѣ Горданова, она хотѣла его рукой освободиться отъ мужа и тогда... обмануть Горданова и выйти за Подозерова, если онъ женится... Если?.. Но почему же нѣтъ? И наконецъ самая забота объ этомъ приносила уже ей удовольствіе; но все это рушилось, сначала благодаря смазливому личику и какой-то таинственной прелести Лары. Потомъ эта дуэль, въ которой Гордановъ настолько превзошелъ самого себя въ предательствѣ и слѣпой наглости, что Глафира этого даже не ожидала, а потомъ... потомъ все покончило извѣстіе о свадьбѣ Лары, сообщенное Гордано-

вымъ въ томъ же самомъ письмѣ, при которомъ была прислана въ Парижъ прекрасная фотографическая карточка, изображающая генеральшу Синтянину въ нѣжнѣйшей позѣ съ Павломъ Николаевичемъ. Сентиментальная любовь Глафиры была съ корнемъ вырвана этимъ извѣстіемъ, и съ нею откинуты всѣ затѣи по сердечной части, но... нѣчто, впрочемъ, осталось. Главное дѣло теперь было исправить репутацію. При помощи спиритизма и денегъ это было устроено такъ легко, что Глафира черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда въ Парижъ была принята самыми суровыми ревнительницами добродѣтели, получила отъ нихъ выраженія вниманія и дружбы и даже свободно могла бы дѣлать втайнѣ какія угодно тайныя дѣла, и въ свѣтѣ ей нашлась бы поддержка, и всякій намекъ на ея прошедшее почитался бы не иначе, какъ злонамѣренною клеветой. Но Глафира не спѣшила пользоваться этою легкою побѣдой, она выждала извѣстій о появленіи и о сдачѣ новорожденнаго младенца княгини Казимиры. Между тѣмъ, бѣдный кварталъ, въ которомъ она жила, заговорилъ о ея святости, добротѣ и христіанскомъ милосердіи. Какъ актрисы собираютъ нумера газетъ, въ которыхъ съ похвалой отзываются объ ихъ дебютахъ, такъ Бодростина собирала нумера, гдѣ парижскіе фельетонисты мелкихъ газетъ писали напыщенный вздоръ о ея благодѣяніяхъ. Все это, разумѣется, стоило денегъ, но Глафира на это не скупилась. По мѣрѣ выхода этихъ газетныхъ мадригаловъ, Глафира посылала ихъ въ Петербургъ, гдѣ Гордановъ долженъ былъ хлопотать, чтобъ ее въ газетахъ бранили за благодѣянія, расточаемыя иностранцамъ. Другія газеты спѣшили услужливо оспаривать эти нападки, и имя Глафиры дѣлалось предметомъ разговоровъ и толковъ. Она пріобрѣла нѣсколько безсильныхъ враговъ и множество друзей, имѣющихъ вѣсъ и значеніе въ сферахъ, гдѣ космополитизмъ Глафиры давалъ ей наилучшую рекомендацію.

Такимъ образомъ она возвращалась на родину съ цѣлою батареей презервативовъ, долженствовавшихъ охранять ее

отъ заболѣваній недугами, которые должна была породить ея собственная злая воля. Но приближеніе къ развязкѣ запутанныхъ ею узловъ все-таки дѣйствовало на нее непріятно... Натура въ ней, противъ воли ея, возмущалась и въ сердцѣ ея шевелилося нѣчто въ родѣ молитвы: да идетъ сія чаша мимо. Ея душевное состояніе было подобно состоянію деспота, который стремится къ абсолютному тиранству, опираясь на содѣйствіе низкихъ клевретовъ и предателей: она противъ воли своей презирала тѣхъ, на кого опиралась, и съ неудовольствіемъ уважала тѣхъ, кого ненавидѣла. Отсюда получило свое начало, можетъ-быть не всегда умѣстное, ея полупрезрительное отношеніе ко всѣмъ ея темнымъ ангеламъ, не исключая самаго старшаго изъ нихъ, Павла Николаевича Горданова. Когда эти люди слѣпо исполняли ея волю, она еще сносила свое положеніе, но когда тотъ или другой изъ ея пособниковъ неосторожно давалъ чувствовать, что онъ проникаетъ въ ея планъ и даже самъ можетъ ей его подсказывать, то ею овладѣвало чувство нестерпимой гадливости. Поэтому, когда Висленевъ, коснувшись въ разговорѣ съ нею опасности, какую имѣетъ для нея пребываніе въ живыхъ племянника ея мужа, ничего незначащаго кавалериста Кюлевейна, выговорилъ: «а если его... того?» и при этомъ сдѣлалъ выразительный знакъ кистью руки, согнутой въ видѣ чайничка, Глафирѣ сдѣлалось невыносимо противно, что ее проникъ и понялъ этотъ глубоко презираемый ею monsieur Borné, сохраняемый и приготовляемый ею хотя и на самую рѣшительную, но въ то же время на самую низкую послугу.

Эта гадливость была поводомъ къ тому, что Глафира, во-первыхъ, далеко откинулась отъ Висленева въ глубину своего дивана; во-вторыхъ, что она назвала слова его глупостью, несмотря на то, что они выражали ея собственное мнѣніе, и, въ-третьихъ, что она выбѣжала, ища воздуху, вѣтру, чтобъ онъ обдулъ и освѣжилъ ее отъ тлетворной близости жалкаго Жозефа. Глафира оставалась на платформѣ станціи до послѣдней минуты, и потомъ, давъ кон-

дуктору въ руку талеръ, ѣхала стоя на площадкѣ у двери вагона. Висленеву этого не пришло въ голову и онъ жестоко страдалъ, то порываясь бѣжать, то пытаясь сообщить попутчикамъ свое затруднительное положеніе. Онъ лепеталъ, подбирая черезъ пятое на десятое нѣмецкія слова о своей спутницѣ, объ ихъ разговорѣ на счетъ одного больного, который будто бы не хотѣлъ принимать лѣкарствъ и которому онъ совѣтывалъ дать это лѣкарство обманомъ. При этомъ Висленевъ опять изображалъ изъ свободной руки чайничекъ и прихлебывалъ воздухъ, но всѣмъ этимъ только потѣшалъ не понимавшихъ его нѣмцевъ и наконецъ распотѣшилъ и Глафиру, которая съ прибытіемъ въ Берлинъ взошла въ вагонъ.

Ея появленіе чрезвычайно сконфузило Жозефа, онъ залепеталъ было какія-то объясненія, но та, не слушая его, поблагодарила кондуктора, что онъ поберегъ ея спутника, и велѣла ему отпустить руку Жозефа, а тому дала знакъ помогать ей собирать находившіяся при ней дорожныя мелочи ея багажа.

Пассажиры толпились у выхода, и въ толпѣ можно было замѣтить спокойное и даже веселое лицо Бодростиной и робкій, тревожный зракъ Висленева. Приближеніе къ Россіи наполняло безпокойное воображеніе Жозефа неописанными страхами, и Іосафъ Платоновичъ уже млѣлъ и терялся въ Берлинѣ, а завтра ждалъ его еще большій страхъ и ужасъ: завтра онъ будетъ въ отечествѣ, «котораго и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ», и увидитъ наконецъ свою жену и ея малютокъ, которыя, безъ сомнѣнія, выросли и похорошѣли въ это время, какъ онъ находился въ бѣгахъ изъ Петербурга.

«Да и сколько ихъ тоже теперь у меня? это интересно»,— думалъ онъ, поспѣшая за Бодростиной и закрывая себѣ лицо коробкой съ ея шляпой. «Ухъ, отцы мои родные, жутко мнѣ, жутко! Ухъ, матушка святая Русь, если бы ты была умница, да провалилась бы въ таръ-тарары и вмѣстѣ съ моею женой, и съ дѣтьми, и со всѣми твоими женскими

и не женскими вопросами! То-то бы я благословилъ за это Господа!»

И Висленевъ началъ часто креститься рукой по груди подъ бортомъ своего пальтишка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ черномъ цвѣтѣ.

Несмотря на то, что Берлинъ — городъ не только не русскій, но даже не особенно расположенный къ Россіи, всѣ русскіе свободомышленники, къ числу которыхъ по привычкѣ причислялъ себя и Жозефъ Висленевъ, останавливаясь въ Берлинѣ на обратномъ пути изъ Лондона или Парижа, обыкновенно предвкушали и предвкушаютъ здѣсь нѣчто отечественное, или лучше сказать, петербургское. Этому, можетъ быть, много содѣйствуетъ и внѣшнее сходство обѣихъ столицъ. Тѣ же прямыя, широкія улицы, тѣ же зданія казенно-казарменнаго характера, тѣ же стоячіе воротники, тѣ же нѣмецкія вывѣски и та же нѣмецкая рѣчь и паспортная строгость, однимъ словомъ, многое и многое напоминающее, что человѣкъ уже находится въ преддверіи русской столицы.

Висленевъ ощущалъ все это съ чуткостью самаго тонкокожаго инсекта, и чуть только они съ Глафирой пристали въ гостиницѣ, онъ тотчасъ выразилъ чрезвычайную дѣятельность. Нимало не заботясь о томъ, гдѣ его помѣстятъ и какъ будутъ трактовать въ краткое время пребыванія въ Берлинѣ, онъ бросилъ свой сакъ-вояжъ въ передней нумера, гдѣ расположилась отдохнуть Глафира, и попросилъ у нея взаймы десять талеровъ. (Онъ давно забылъ, какъ имѣютъ свои собственныя деньги, и постоянно бралъ у всѣхъ, у кого могъ, взаймы, и всегда маленькими суммами, и притомъ, къ чести его, всегда выпрашивалъ ихъ съ большимъ смущеніемъ и на самый кратчайшій срокъ).

Бодростина никогда ему не отказывала въ ссудѣ, но и никогда не давала ему болѣе, чѣмъ онъ просилъ, да и по-

ступи она иначе, онъ бы этимъ ужасно обидѣлся. Такъ и на этотъ разъ она дала ему требуемые десять талеровъ и, отпуская его изъ дому, наказала, чтобъ онъ не забалтывался и помнилъ, что они сегодня же вечеромъ выѣзжаютъ.

— О, не безпокойтесь, не безпокойтесь, ужъ я не опоздаю,—отвѣчалъ Жозефъ:—я иду по дѣлу, и вы увидите, что я эти нѣсколько часовъ пребыванія въ Берлинѣ употреблю для себя съ большою пользой.

Съ этими словами онъ бросился за двери и убѣжалъ.

Глафира осталась одна и, улегшись, одѣтая, въ довольно жесткое кресло, думала и дремала, дремала и думала. Съ тѣхъ поръ какъ она получила, оказавшееся потомъ ложнымъ, извѣстіе о смерти Подозерова, будто бы убитаго Гордановымъ на дуэли, къ ней рѣдкими, но смѣлыми приступами начало подкрадываться одно странное чувство, нѣсколько общее съ тѣмъ, что ощущала во всѣ знаменательныя минуты своей жизни Лариса. При первомъ извѣстіи, что Подозеровъ убитъ, Глафира не столько сожалѣла о немъ, сколько затруднялась опредѣлить: зачѣмъ же теперь ей все то, что она затѣяла и что совершаетъ? Она находила, что все это напрасный трудъ и рискъ, что для нея почти все равно, пусть все идетъ своимъ порядкомъ, что она теперь ни къ кому уже не чувствуетъ особенной нѣжности. Это былъ тотъ же разломъ, съ тѣмъ же ощущеніемъ своей духовной нищеты, то же самое «нечѣмъ жить», которое томило и обращало Богъ вѣсть во что красавицу Лару. Бодростина выѣхала изъ деревни на окончаніе дѣла неохотно: она даже чувствовала лѣнь все это додѣлывать и даже охотно бы все это бросила, если бы не исторія съ завѣщаніемъ, которую нельзя было оставить, потому что не ровенъ часъ: Бодростинъ самъ могъ пожелать взять это завѣщаніе для какой-нибудь перемѣны, чухонецъ Рошпинъ могъ взревновать и измѣнить ей... Всего этого можно было опасаться. Это и подвигло Глафиру ѣхать поправлять свою репутацію съ цѣлью освободиться отъ мужа и стать полно-

властною госпожей. Извѣстіе о выздоровленіи и женитьбѣ Подозерова не измѣнило ея настроенія. Впрочемъ, въ Парижѣ разломъ и лѣнь еще щадили ее: но дорогой, когда она скрылась отъ Висленева изъ вагона и ѣхала на площадкѣ, обдуваемая вѣтромъ и осыпаемая искрами, она опять ощутила подступъ этого внутренняго татя. Внутренній голосъ зашепталъ ей подъ свистъ вѣтра: «Брось! На что тебѣ все это? Твоему мужу и безъ того недолго остается жить... Онъ старъ; онъ самъ скоро умретъ своею естественною смертью... На что тебѣ этотъ грѣхъ его насильственной кончины?»

«Ни на что», рѣшительно отвѣчала она сама себѣ, и чувствовала, что разломъ овладѣваетъ ею все сильнѣе, и даже испугалась. «Какъ же теперь оставить: чѣмъ удовлетворить и куда дѣть всю эту несытую сволочь? Всѣ они, стоя на ножахъ другъ съ другомъ, переревнуются, перессорятся, и кто сдуру, кто изъ мстительности, всѣ выдадутъ другъ друга и ее въ томъ числѣ». Тяжелыя эти мысли ея и соображенія не разогналъ, а только разсѣялъ на минуту своими представленіями въ вагонѣ Висленевъ, и зато, какъ только онъ ушелъ, оставивъ ее одну въ нумерѣ берлинской гостиницы, всѣ онѣ снова повисли предъ нею въ воздухѣ и качались скучно и безотвязно.

«Надо додѣлывать», опять шептало ей ея соображеніе. «Ну, пусть такъ; ну, пусть надо, допустимъ даже, что все это удастся и благополучно сойдетъ съ рукъ: ну, что же тогда далѣе? *Чѣмъ жить?*... Умомъ? Господи, но вѣдь не въ акушерки же мнѣ поступать! Умомъ можно жить, живучи полною жизнью и сердцемъ... Стало быть надо жить сердцемъ?»

Глафира положила руку на грудь и покачала головой.

«Нѣтъ», проговорила она себѣ, «нѣтъ, довольно этого, довольно: я уже не могу любить... Довольно, довольно: мнѣ нравился чистый, нравственный контрастъ самой меня, но... но я не могу быть любима своимъ чистымъ, нравственнымъ контрастомъ, да и... я чувствую, что и я его мало,

очень мало любила...» А все остальное ей было безразлично противно. Ей даже стало мерзко играть въ ту игру, которую она ведетъ съ Висленевымъ, Рошшинымъ и Гордановымъ, изъ которыхъ каждый втайнѣ одинъ отъ другого разсчитываетъ быть ея мужемъ... Какой позоръ! Эта мизерія Висленевъ, или, еще гаже, этотъ чухонецъ Рошшинъ... О, спаси Боже, какая гадость!.. А Гордановъ?.. этотъ холодный злодѣй и мерзавецъ, наглый, самонадѣянный, злой, коварный предатель и ея погубникъ...

Глафира при этомъ воспоминаніи даже вся покраснѣла, сжала кулаки и, скрипнувъ зубами, почувствовала неодолимое и страстное желаніе впиться своими пальцами въ его шею и задушить его, какъ она едва этого не сдѣлала полгода тому назадъ въ Москвѣ, при воспоминаніи, что онъ не только убилъ душевно ее самое, но и старался физически убить Подозерова, единственнаго человѣка, чья нравственная чистота влекла ее порой къ примиренію съ оскорбленнымъ ею и отворачивающимся отъ нея человѣческимъ міромъ. Она глубоко ненавидѣла одного Горданова и ему одному... одному ему на свѣтѣ она хотѣла отомстить за себя тяжело и больно, и это было въ ея рукахъ. На этомъ она вела игру, которая вся теперь была роздана и которую уже насталъ часъ разыгрывать.

«Въ ничью», опять подсказалъ ей смущающій голосъ. «Въ ничью, потому что... что же ты сдѣлаешь послѣ всего этого съ самою собою?»

— Я буду богата, утѣшала себя Глафира.

— Ну, а далѣе? переговаривался голосъ.

— А далѣе?.. А далѣе?.. Я не знаю, что далѣе...

И она лежала, кусая себѣ губы, и досадливо вглядывалась въ ту страшную духовную нищету свою, которая грозила ей послѣ осуществленія ея плана обладать громаднымъ вещественнымъ богатствомъ, и въ эти минуты Глафира была *человѣкъ*, болѣе чѣмъ всѣ ея партнеры. Она видѣла и мысленно измѣряла глубину своего паденія и слала горькія пени и проклятія тому, кто оторвалъ ее отъ даю-

щихъ опору преданій и опрокинулъ предъ ней всѣ идеалы простого добра и простого счастія...

Съ ней и надъ ней загодя совершалась казнь отрицанія, неотразимая для всякаго отрицателя, посягнувшаго на все святое души, но не лишеннаго того, что называется *натурой*. Она вкушала муки духовнаго нищенства, и въ этомъ было ея преимущество предъ Гордановымъ и братіей, и въ этомъ же заключалось и сугубое несчастіе, ибо естественная природа зла, порождающая одно зло изъ другого, не пускала ее назадъ.

Всѣ тяжкіе выводы духовнаго прозрѣнія вдаль не помогали ей нимало: выходило, что она должна довершить то, что затѣяла, хотя бы только для того, чтобъ отдѣлаться отъ стаи вороновъ, которыхъ она вызвала сама и которыхъ видъ ей столько теперь досадливъ и непріятенъ.

Она вздохнула, оглянулась вокругъ по пустому покою и, хрустнувъ пальцами схваченныхъ рукъ, бросила ихъ съ досадой на колѣни и, закрывъ глаза, опустила голову и задремала.

Сѣрый сумракъ густѣлъ, по коридорамъ гостиницы, вдали, раздавались шаги и смолкали, въ комнатѣ же была ненарушимая тишь, среди которой слышалось глубокое сонное дыханіе Глафиры. Она спала неспокойно, — нѣтъ, спокойный сонъ тоже давно ее оставилъ, но дремота ея была тяжелая и крѣпкая, соотвѣтствующая большой потребности отдыха и большому желанію хоть на время уйти отъ себя и позабыться.

Потребность въ отдыхѣ удовлетворялась вполнѣ, желаніе позабыться — лишь въ самой малой степени: могучій, прочный и выносливый организмъ Глафиры довольствовался самымъ незначительнымъ физическимъ отдыхомъ, и ея силы возрождались и нервы становились спокойны и крѣпки; но забытье, котораго она жаждала, ее позабыло. Оно носилось гдѣ-то выше, лишь нижнимъ краемъ своей туманной одежды сокрывая отъ Глафиры головы и лица фигуръ, наполнившихъ ея дорожный пріютъ; но она узнавала ихъ темные

контуры. Они шевелились и все ближе и ближе выдвигались изъ глубины покоя къ ея креслу, и тутъ вдругъ все затряслось, спуталось, упало на полъ тяжелою длинною куклою и застонало.

Глафира вздрогнула, обвела комнату полудремотнымъ взглядомъ и замѣтила, что по полу комнаты прокатились одинъ за другимъ два мягкіе клубка сѣрой пряжи. Бодростина догадалась, что это были двѣ нѣмецкія мыши, но она не могла понять, что за коричневый черепъ киваетъ ей, вылѣзая изъ полу въ темномъ углу? Она всматривается, и видитъ, что это въ самомъ дѣлѣ черепъ, и вотъ, когда движенія его стали тише, вотъ видны ясно два бѣлые глаза.

Бодростина встала, направилась къ этому таинственному предмету и, толкнувъ его ногой, равнодушно отошла и стала предъ окномъ, въ которое были видны берлинскія кровли и вспыхнувшіе вдали рожки газа.

Предметъ, казавшійся кивающею адамовой головой, былъ полукруглый кожаный баулъ, который мыши столкнули съ дорожнаго сундука, а что такое были два бѣлые глаза, это даже и не занимало Глафиру: она знала, что это двѣ замаскировывавшія замки перламутровыя пуговицы. Она чувствовала себя теперь свѣжею и бодрою, и относилась къ недавному своему разлому какъ къ слабости, которую надо откинуть, и только торопила время.

«Скорѣй бы, скорѣй!» думала она, «скорѣе ѣхать и все бы скорѣе... Но уже пора ѣхать! гдѣ же запропастился Висленевъ?»

Она вынула изъ-за корсажа часы, поднесла ихъ къ самымъ глазамъ и, отличивъ черную стрѣлку на бѣломъ циферблатѣ, нетерпѣливо молвила про себя:

«Гдѣ можетъ до сихъ поръ оставаться этотъ дуракъ?»

Но прежде чѣмъ она успѣла составить себѣ какую-нибудь догадку въ отвѣтъ на это пытанье, ее поразилъ странный шорохъ за досчатою перегородкой, отдѣляющею переднюю.

«Что это?» подумала Глафира и громко крикнула:

— Эй! кто тамъ?

Отвѣта не было.

— Aber sagen Sie doch: wer ist da?—спросила она еще настойчивѣе и громче, но отвѣта снова не было, а только шорохъ послышался еще яснѣе и торопливѣе.

— Какъ это, однако, глупо, что я оставила незапертою дверь за этимъ болваномъ!—подумала Бодростина, и хотя не струсивъ, однако немного покраснѣвъ отъ мысли, что во время дремоты къ ней очень легко могъ забраться воръ или даже дерзкій грабитель, который, будучи теперь захваченъ ею на мѣстѣ преступленія, можетъ ни за что ни про что нырнуть ее ножемъ и дать всей судьбѣ ея такое заключеніе, какого она сама никакъ не выводила ни изъ своего прошлаго, ни изъ настоящаго.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Удивилъ!

Опасенія Глафиры, однако же, были напрасны: шорохъ за перегородкой не заключалъ въ себѣ ничего страшнаго и угрожающаго, а, напротивъ, обѣщалъ нѣчто смѣшное. Въ этомъ Бодростина удостовѣрилась въ ту же минуту, когда, пожелавъ разрѣшить свое недоумѣніе, черкнула зажигательною спичкой о стоявшую на столѣ плитку опиленнаго песчаника.

— Не зажигайте, не зажигайте, Бога ради, огня!—прокричалъ ей изъ-за перегородки знакомый голосъ Висленева, и шорохъ оберточною бумагой сталъ слышенъ еще рѣзче и торопливѣе.

— Что это за вздоръ еще?—спросила Глафира, опустивъ незажженную спичку.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, это не вздоръ: пожалуйста, не зажигайте.

— Да что вы, съ ума что ли сошли?

— Нѣтъ: только одну минуточку; еще одну только минуточку не зажигайте, а потомъ можно.

Глафира вмѣсто отвѣта черкнула новою спичкой; но та, вѣроятно, отсырѣла и не загорѣлась; другая тоже, у третьей отскочила головка; зажигая четвертую, Бодростина уронила на полъ весь зажигательный снарядъ и стала подбирать его.

Во все это время Висленевъ усиленно ворочался, крякхтѣлъ и пыжился.

Но вотъ Глафира зажгла огонь, и въ ту же самую секунду Жозефъ сдѣлалъ самодовольное «у-у-ф-ъ», и добавилъ: «фу ты, Господи, какъ я вспотѣлъ!»

— Что даже находите нужнымъ объявить объ этомъ,— отозвалась Бодростина, зажигая отъ одной свѣчи другую на подзеркальной доскѣ.— Но пожалуйте-ка сюда.

— Сейчасъ-съ.

И затѣмъ прошла еще минута, а Висленевъ не появлялся, между тѣмъ какъ въ узкій просвѣтъ подъ дверью Глафирѣ были видны висленевскіе сапоги.

— Да идите же скорѣе, а то мы изъ-за васъ еще опоздаемъ,—крикнула Глафира.

— Иду-съ, иду.

И сапоги засуетились около двери, но опять ни съ мѣста.

Глафира подошла скорыми шагами къ двери, быстро отмахнула ее однимъ движеніемъ, но отмахнула не безъ труда и не безъ усилія, потому что за дверью цѣпко держался за ручку и наконецъ вылетѣлъ на средину комнаты... кто?.. Какъ назвать это лицо? Глафира отступила два шага назадъ. Вмѣсто Жозефа предъ ней стоялъ... чужой человѣкъ, брюнетъ, съ лицомъ, тщательно закрытымъ ладонями.

— Да что же это, наконецъ, такое?—воскликнула Глафира и, однимъ движеніемъ отведя руки незнакомца отъ его таинственнаго лица, расхохоталась.

Предъ нею стоялъ Висленевъ, но не Висленевъ бѣлый и волокнистый, а жгучій, пламенный брюнетъ, съ темною

родинкой на лбу у правой брови и съ другою такою же наперекось посерединѣ лѣвой щеки.

Лишь фигура да взоръ напоминали прежняго Висленева: онъ также мялся на мѣстѣ, и то тушилъ глаза внизъ, то хотѣлъ ихъ поднять и разсмѣяться, что ему, наконецъ, и удалось. Видя недоумѣніе Глафиры, онъ вдругъ принялъ изъ несмѣлой и потерянной позы самую развязную, и шаркнувъ и размашисто поклонясь предъ Бодростиной, отнесъ въ сторону руку и произнесъ:

— Какъ вы находите?

— Довольно отвратительно. Объяснитесь, пожалуйста, что это за маскарадъ? Для чего это вы изволили окраситься въ эту вороную масть и расписали себѣ родимыми бородавками фронтонъ?

— Такъ... совершенно такъ, потому что это такъ нужно.— отвѣчалъ Висленевъ.

— Трусъ!—произнесла, презрительно покачавъ на него головой, Глафира.—Ахъ, какой трусъ, и жалкій, презрѣнный трусъ, теряющій сознаніе и невѣдающій, что онъ дѣлаетъ.

— Можете говорить что вамъ угодно, а всякій борется за существованіе какъ онъ умѣетъ, — отвѣчалъ, обижаясь, Жозефъ. — Я за границей, при иностранныхъ законахъ о правѣ женщины не трусилъ, и никогда бы не струсилъ и не побоялся моей жены, будь я ей хоть даже вдесятеро болѣе долженъ; но когда мы въѣзжаемъ въ Россію, гдѣ на сторонѣ женщинъ законы, тутъ... я, какъ мужчина, обязанъ сберечь свою свободу отъ женской власти; да-съ, я это обязанъ!

Глафира не возражала ни слова и, глядя молча на перекрашеннаго Висленева, размышляла: какъ ей съ нимъ быть? Удобно ли ей везти его съ собою далѣе, послѣ его предусмотрительной, но неожиданной выходки? Ее вдругъ посѣтила мысль: не сдѣлалъ ли онъ это еще въ какихъ-нибудь иныхъ цѣляхъ?.. Кто его знаетъ: онъ что-то долго ходилъ, могъ зайти куда-нибудь въ богатый магазинъ и... пожалуй,

чего добраго, что-нибудь стянулъ? Что же удивительнаго для человѣка, который рѣшился уже однажды подрѣзать пріятельскій портфель, довѣренный ему на сохраненіе? Но она еще посмотрѣла и рѣшила, что это подозрѣніе не можетъ имѣть мѣста, потому что гдѣ ему рѣшиться и что-нибудь сдѣлать самому! Но про всякій случай... про всякій случай она сказала, что она съ нимъ рядомъ въ одномъ вагонѣ не поѣдетъ.

— Это почему?—полюбопытствовалъ Жозефъ.

— А потому, что тотъ же цирюльникъ, который васъ раскрашивалъ, конечно могъ заподозрить ваше поведеніе и вѣроятно уже до сихъ поръ указалъ на васъ полиціи.

Іосафъ Платоновичъ затрясся и лепеталъ, что онъ красился у самаго простого мастера, въ глухой улицѣ, и что нынче красятся многіе очень порядочные люди, а что родинки онъ самъ сдѣлалъ себѣ ляписомъ. Впрочемъ, онъ не сопротивлялся Глафириному рѣшенію и, схвативъ свой сакъ-вояжъ, побѣжалъ на желѣзную дорогу, чтобы взять себѣ мѣсто во второклассномъ вагонѣ. Тутъ онъ забился ранѣе всѣхъ въ темный уголъ и, замирая со страха, дожидалъ отхода поѣзда, межъ тѣмъ какъ, выѣхавшая позже него изъ нумера, Бодростина спокойно помѣстилась въ купе перваго класса.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Висленевъ въѣзжаетъ въ Петербургъ.

Во всю послѣднюю путину Жозефъ не покидалъ своего угла и показался Глафирѣ лишь въ Эйдкуненѣ, у таможеннаго прилавка; но затѣмъ, переѣхавъ русскую границу, онъ началъ ей досаждать на каждой станціи, подбѣгая къ окну ея вагона и прося ее «серьезно» сказать ему: имѣетъ ли она средство спасти его? Глафира нѣсколько разъ отвѣчала ему на это утвердительно, но потомъ ей надоѣло повторять ему одно и то же, и Висленевъ, не получая новыхъ подтвержденій на свои докучанья, сталъ

варьировать вопросы. Теперь онъ добивался, скоро ли, по прибытіи въ Петербургъ, надѣется Глафира улучить минуту, чтобы заняться его дѣломъ.

— Скажите мнѣ это, Бога ради, потому что это мнѣ очень важно... это меня безпокоитъ,—говорилъ онъ. Успокойте же меня, скажите: когда вы начнете?

— Въ первую же минуту, какъ только сниму въ Петербургѣ мою дорожную шляпку.—отвѣчала Глафира.

— Ахъ, не шутите, пожалуйста: мнѣ не до шутокъ.

— Я не шучу и даю вамъ слово, что я прежде всего займусь вашимъ дѣломъ. Вы будете первою моею заботой въ Россіи.

— Честное слово?

— Честнѣйшее, какое только я могу дать.

— Я вамъ вѣрю!

И онъ крѣпко пожималъ и встряхивалъ руку, которую ему нехотя подавала Бодростина, и убѣгалъ въ свой вагонъ, но на слѣдующей остановкѣ опять появлялся возлѣ окна и вопрошалъ:

— Такъ честное слово?

— Да,— отвѣчала коротко Бодростина, и при дальнѣйшихъ остановкахъ не стала открывать своего окна и притворялась спящею.

Жозефъ не осмѣливался ее безпокоить и довольствовался тѣмъ, что бродилъ возлѣ ея вагона, жалостно засматривая и вздыхая, и затѣмъ исчезалъ до новой остановки.

Чѣмъ ближе они подъѣзжали къ Петербургу, тѣмъ злополучный Жозефъ становился все смущеннѣе и жалче, и когда за три послѣднія станціи на стеклѣ окна показался двигающійся серебряный пятачокъ, что выходило отъ прижатаго Висленевымъ къ стеклу кончика своего носа, то Глафира даже сжалилась надъ нимъ и, открывъ окно, сказала ему самымъ искреннимъ и задушевнымъ тономъ, что она бдитъ надъ нимъ, проситъ его успокоиться и увѣряетъ его, что ему ровно нечего бояться.

— Ваше смущеніе и тревога могутъ гораздо болѣе вамъ

вредить, чѣмъ все на свѣтѣ, потому что оно выдастъ васъ на первомъ же шагу. Оставьте это и будьте веселы,— посовѣтовала Бодростина; но Висленевъ отвѣчалъ, что онъ перваго шага отнюдь не боится, ибо первый шагъ для него уже достаточно обезопасенъ, но зато слѣдующіе шаги, слѣдующіе дни и минуты... вотъ что его сокрушало!

Но въ этомъ онъ уже не получилъ утѣшенія: Глафира не слушала его словъ. По мѣрѣ окончательнаго приближенія къ Петербургу, гдѣ она готовилась дать большое генеральное сраженіе мужу, Казимирѣ и всѣмъ ихъ окружающимъ, Бодростина и сама была неспокойна и, сосредоточенно углубляясь въ свои соображенія, кусала свои алыя губы и не слушала дребезжанья своего партнера.

Висленевъ едва добился отъ нея на послѣдней остановкѣ отвѣта на вопросъ: не будетъ-ли ихъ кто-нибудь встрѣчать?

Глафира успокоила его, что о ея пріѣздѣ никто не можетъ знать; что для нея самой необходимо, чтобы пріѣздъ ея въ Петербургъ былъ для всѣхъ неожиданностію и что потому ихъ никто не встрѣтитъ.

— Ну, а если это случайно случится, что кто-нибудь будетъ на станціи, напримѣръ моя жена?—продолжалъ онъ въ тревогѣ.

— Ну, случайность чѣмъ же можно предотвратить? Впрочемъ, вѣдь теперь уже вечеръ и вы перекрашены.

— Да; но по васъ могутъ догадаться, вѣдь вы въ своемъ видѣ выѣзжаете.

— Ну, ужъ я, разумѣется, перекрашиваться не буду; но вы, какъ остановится поѣздъ, берите свой сакъ, садитесь въ первую карету и подъѣзжайте къ подъѣзду: я сяду и васъ никто не увидитъ.

Это была послѣдняя ихъ умолвка на дорогѣ, и черезъ нѣсколько минутъ ѣзды предъ ними завидѣлись вдали блудящія звѣздочки петербургскихъ огней, а наконецъ вотъ онъ и самъ «полнощныхъ странъ краса и диво».

Суматоха, обыкновенно происходящая при выходѣ изъ

вагоновъ, поглотила вниманіе Глафиры настолько, что она, не ожидая помощи Висленева, почти и позабыла о немъ, но онъ самъ напоминалъ ей о себѣ и удивилъ ее еще болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Въ то время, какъ носильщики несли за нею къ выходу ея багажъ, къ ней подскочилъ высокій человѣкъ, съ огромною, длинною и окладистою черною бородою и усами, и прошепталъ:

— Скорѣй, скорѣй... все готово, карета у подъѣзда и вотъ ея нумеръ, а я бѣгу, потому что... видите сколько женщинъ. И съ этимъ незнакомецъ сунулъ ей жестянку нанятой имъ кареты, а самъ юркнулъ въ толпу и исчезъ.

Излишне было-бы говорить, что этотъ чернобородый усачъ былъ опять никто иной, какъ тотъ же Висленевъ. Но когда же успѣла вырасти у него борода? Гдѣ онъ нашелъ мѣсто поддѣть ее: неужто тамъ же въ вагонѣ, или гдѣ-нибудь за угломъ, отыскивая карету? Глафира, однако, не имѣла времени останавливаться надъ разрѣшеніемъ этого курьезнаго вопроса и, сѣвъ въ карету, была поражена новымъ страннымъ явленіемъ: бородачъ очутился у ея дверецъ, захлопнулъ ихъ и, взвившись змѣемъ, уже красовался на козлахъ рядомъ съ кучеромъ и притомъ въ вязаномъ, полосатомъ британскомъ колпачкѣ на головѣ.

— Фу, Боже мой, что дѣлаетъ этотъ дуракъ, является въ городъ такимъ полосатымъ шутомъ? — воскликнула съ негодованіемъ Глафира и, опустивъ переднее стекло экипажа, дернула Жозефа за руку и спросила его по-французски: на что это онъ дѣлаетъ?

— Ахъ, оставьте, Бога ради, оставьте меня, отвѣтилъ ей, робко озираясь по сторонамъ, Висленевъ.

— Зачѣмъ же вы, какъ шутъ, сидите на козлахъ? Велите остановиться и идите, спрячьтесь въ карету.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Мнѣ здѣсь лучше: пусть меня считаютъ лакеемъ: такъ безопаснѣй.

— Но гдѣ вы это все взяли?

— Въ Берлинѣ купилъ, въ табачной лавкѣ.

— Какъ глупо!

— Ничего-съ, ничего не глупо: меня никто не видалъ, какъ я покупалъ, какъ везъ и какъ надѣлъ въ темномъ углѣ, за дровами, когда бѣгалъ нанимать карету.

— Ну оставайтесь гдѣ хотите, рѣшила Глафира, опуская стекло.

— Карета ѣхала, ѣхала и наконецъ, заворачивая изъ улицы въ улицу, остановилась у подъѣзда большого дома на Литейной: здѣсь жили Бодростинъ, Гордановъ и Ропшинъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Потопъ.

Какъ только экипажъ остановился, Висленевъ соскочилъ съ козелъ. Бодростина думала, что онъ хочетъ открыть ей дверцы, но она ошиблась: его не было. Она вышла сама, и полагая, что Жозефъ снова удралъ куда-нибудь за уголъ, чтобы снять съ себя бороду и усы, стала всходить по освѣщенной лѣстницѣ, приготовляясь, въ какомъ тонѣ встрѣтить мужа, Павла Николаевича и Ропшина, если они дома. Но приготовленія эти были напрасны, потому что тѣхъ, кого она ожидала увидѣть, не было дома, и квартира представляла нѣчто странное: парадная дверь была распахнута настежъ и открывала большую, свѣтлую переднюю, гдѣ, въ различныхъ позахъ недоумѣнія, находились три лакея на ногахъ и четвертый, самый младшій, лежалъ у самой двери на полу, съ разинутымъ въ нѣмомъ удивленіи ртомъ.

Все это представляло живую картину, которую, однако же, Глафира не остановилась разсматривать, а, вступивъ въ комнату, спросила:

— Гдѣ баринъ?

Отвѣта не было; картина продолжалась.

Когда она повторила вопросъ, одинъ изъ лакеевъ кое-какъ процѣдилъ ей:

— Ихъ дома нѣтъ-съ, и съ этимъ схватилъ лампу и побѣжалъ вглубь помѣщенія.

— Дома ли г. Гордановъ?

— Нѣтъ-съ; ихъ тоже нѣтъ, отвѣчалъ другой лакей, схватилъ изъ-за шкафа половую щетку и побѣжалъ за первымъ.

Глафира спросила о Рошшинѣ и получила опять такой же отвѣтъ, послѣ котораго третій лакей убѣжалъ, схвативъ желѣзную кочережку отъ пылающаго камина.

Все это имѣло видъ такого-то погрома или партизанскаго сбора на рекогносцировку, и Бодростина потребовала объясненія этимъ странностямъ у послѣдняго, четвертаго лакея, все еще остававшагося на полу, но и этотъ, опомнясь, быстро вскочилъ, заперъ на задвижку дверь, и взявъ въ обѣ руки стоячую, тяжелую ясеневую вѣшалку, устремился съ нею по тому же направленію, куда поскакали его товарищи.

Глафира не могла понять, что такое происходитъ, и пошла въ полутьмѣ амфиладой незнакомыхъ комнатъ въ ту сторону, куда помчались ополченные лакеи. Ее руководилъ долетавшій до нея шумъ, вдругъ обратившійся въ гвалтъ настоящей осады.

Глафира удвоила шаги, путаясь о мебель, и завидѣла наконецъ отраженную полосу свѣта. Она оглядѣлась. Покой, гдѣ она находилась, былъ застланъ пушистымъ ковромъ и уставленъ мягкою, бархатною мебелью. Это былъ кабинетъ старика; влѣво за драпированными дверями виднѣлась его спальня, а правѣе, продолговатая комната или широкій коридоръ, совсѣмъ безъ мебели, и въ концѣ-то этой комнаты запертая дверь, у которой теперь толпились всѣ четыре лакея, суетясь, споря, не соглашаясь и въ то же время штурмуя эту дверь и кочергой, и щеткой, между тѣмъ какъ четвертый, позже всѣхъ прибывшій съ ясеневою вѣшалкой, дѣйствовалъ ею, какъ стѣнобойною машиной.

Бодростина взяла одного изъ осаждавшихъ за плечо и отвела въ сторону.

— Что это вы дѣлаете?—Что здѣсь за шумъ и за гвалтъ у васъ?

Лакей былъ нѣкоторое время въ замѣшательствѣ, но потомъ отвѣчалъ:

— Господъ нѣту дома; мы всѣ сидимъ и въ шашки занимаемся, а Петръ правительственную газету чилалъ, а онъ позвонилъ вотъ точно такъ, какъ изволите слышать кто-то теперь звонитъ. Я Петру Афанасьеву говорю: отопри, говорю, Петръ Афанасьевъ, а Петръ Афанасьевъ какъ отодвинулъ задвижку, да только хотѣлъ спросить — кого ему нужно? А онъ какъ сиганетъ впередъ, да прямо черезъ Петра Афанасьева. Петръ Афанасьевъ, неносдержавшись, упалъ да и съ ногъ... Ахъ, какъ кто-то звонитъ!.. А онъ прямо черезъ Петра Афанасьева, да вотъ какъ изволите видѣть... черезъ всѣ комнаты проскочилъ, въ баринову ванну попалъ, сѣлъ и заперся.

— Да кто же, кто же такой?—добивалась Глафира, начиная опасаться не набредаетъ ли она на разгадку необъяснимаго событія.

— Неизвѣстно-съ,—отвѣчалъ лакей:—больше нельзя полагать какъ или турокъ, или въ родѣ славянскихъ братій, что въ каретахъ возили... Ахъ, какъ звонитъ, проклятый!

И съ этимъ лакей, позвавъ съ собою двухъ другихъ своихъ сотоварищей, бросились отпирать двери, не покидая своихъ орудій, на случай, еслибы звонокъ возвѣщалъ новое вторженіе. У двери ванной комнаты остался одинъ дѣйствовавшій вѣшалкой, который при новой суматохѣ остановился и, будучи отстраненъ Глафирой отъ двери, обтиралъ потъ, выступавшій крупными каплями на его лицѣ.

Глафира межъ тѣмъ припала глазами къ замочной скважинѣ и видя, что въ комнатѣ темно, позвала Висленева.

— Это вы здѣсь? — крикнула она сердито.

— Я, робко и едва слышно отозвался у самой двери Висленевъ.

— Отпирайте скорѣй!

— Ни за что на свѣтѣ!

Зная трусливое упрямство Жозефа, Глафира и не настаивала. Она обратилась къ снова предстоявшимъ ей въ

сборѣ слугамъ и сказала, кто она такая и кто незнакомецъ, запершій себя въ ванной комнатѣ Михаила Андреевича.

— Это одинъ нашъ знакомый, съумасшедшій. Не трогайте его, пусть онъ сидитъ, гдѣ ему хочется, онъ пріѣхалъ со мною и я сейчасъ напишу его роднымъ, чтобы его взяли.

Съ этимъ она, обойдя съ огнемъ всю квартиру, распорядилась внести свои вещи въ кабинетъ мужа, а сама наскоро умылась, сдѣлала безъ всякой сторонней помощи довольно скромный туалетъ и,ославъ человѣка за новою каретой, присѣла у мужниnаго письменнаго стола и написала: «Я ѣду къ брату Григорію и черезъ часъ возвращусь. Если вы ранѣе меня возвратитесь отъ княгини Казимиры, то распорядитесь избрать мнѣ въ вашей квартирѣ уголокъ для моего пріюта».

Глафира хотѣла оставить этотъ листокъ на письменномъ столѣ, но вдругъ передумала; разорвала бумажку въ клочки и написала на другой слѣдующее: «Осмотрѣвъ вашу квартиру, я избираю себѣ для помѣщенія вашъ кабинетъ и прошу возлѣ помѣстить мою горничную, о выборѣ которой для меня прикажите позаботиться monsieur Ропшину. Глафира».

Написавъ эту записочку, она вложила ее въ конвертъ и велѣла другому лакею немедленно отнести ее къ Михаилу Андреевичу въ квартиру Казимиры.

Потомъ Бодростина еще написала короткую, но обстоятельную и вѣжливую записку къ женѣ Висленева, давно потерянной нами изъ виду, рыжей и статной Алинѣ. Глафира извѣщала ее, что ея мужъ Жозефъ, давно страдая какими-то непонятными душевными недугами, наконецъ совсѣмъ сошелъ въ Парижѣ съ ума, и что она, Глафира, не желая оставить его въ такомъ положеніи на чужбинѣ, привезла его съ собою въ Россію. Но такъ какъ онъ иногда бываетъ довольно безпокоенъ и требуетъ постояннаго за собою надзора, то она просила Алину ни мало не медля пріѣхать за Жозефомъ и получить его въ свое распоряженіе.

Этого письма уже не съ кѣмъ было отправить сію же минуту, потому что всѣ люди были въ разгонѣ, и Глафира, поручивъ его отнести оставшемуся единственному слугѣ, уѣхала въ приведенной ей извозчичьей каретѣ, межъ тѣмъ какъ вслѣдъ за ея отъѣздомъ пошли звонокъ за звонкомъ, и одинъ за другимъ появились: Бодростинъ, Гордановъ, Ропшинъ и наконецъ даже Кишенскій. Всѣ они были довольно разнообразно смущены неожиданнымъ и внезапнымъ прибытіемъ Глафиры и суетились и метались по квартирѣ.

Одинъ, кто могъ бы сообщить имъ какія-нибудь свѣдѣнія, былъ Висленевъ, но о немъ не было и помину, онъ сидѣлъ крѣпко-накрѣпко запершись въ ванной и хранилъ глубочайшее молчаніе. Наконецъ слуги, замѣчая смятеніе господъ, сказали, что съ барыней еще пріѣхалъ съумасшедшій высокій, черный баринъ, съ огромною бородой и въ полосатой шапкѣ.

— Это вѣрно онъ!—воскликнулъ Ропшинъ.

— Кто *онъ*? кто *онъ*?—суетливо и съ неудовольствіемъ спрашивалъ старикъ Бодростинъ.

— Кто же, какъ не Висленевъ? Мы отъ него сейчасъ можемъ узнать, куда поѣхала Глафира Васильевна.

— Да, какъ не онъ,—отрицалъ старикъ:—вы изъ ума выжили: Висленевъ бѣлобрысый, а этотъ, слышите вы, говорятъ, огромный, черный и бородастый, и потомъ еще съумасшедшій... Это никто иной, какъ Водопьяновъ... то есть я хотѣлъ сказать «Сумасшедшій Бедуинъ».

— Но гдѣ же они могли встрѣтиться?

— А вотъ мы это сейчасъ узнаемъ. Люди! всѣ сколько васъ есть, скорѣе сюда слесаря и отмычками отпереть дверь въ ванную.

Разгонъ слугъ послѣдовалъ еще сильнѣйшій, а въ то время какъ Бодростинъ, Ропшинъ, Гордановъ и Кишенскій остались одни, послѣдній вспомнилъ, что съ нимъ въ пальто есть связка ключей, и кинулся за ними, чтобы попробовать отпереть загадочную дверь. Черезъ минуту желѣзо ключа застучало около замочной скважины, и въ то же мгновеніе

въ ванной послышался странный гулъ: тамъ хлынула изъ крана вода, что-то застучало загремѣло внизъ по открытой спускной мѣдной трубѣ.

— Великій Боже! что же это тамъ за чортъ такой сумасшедшій? воскликналъ Бодростинъ, сообщавшій свое смятеніе прочимъ, а чортъ, распоряжавшійся въ ванной, тоже былъ не въ лучшемъ положеніи. Заслышавъ у двери злѣйшаго своего врага Кишенскаго, Жозефъ съ силой отчаянія хватался за все, что нащупывалъ подъ руками и наконецъ, осязавъ кранъ, дернулъ его такъ усердно, что тотъ совсѣмъ выскочилъ вонъ и вода засвистала черезъ край ванны на средину комнаты и черезъ минуту уже стремилось отсюда быстрыми потоками подъ дверь въ другіе покои, угрожая наводненіемъ всей квартирѣ.

— Запирайте кранъ! запирайте кранъ! кричали ему всѣ, стуча кулаками въ крѣпкія двери ванной, но увы,—заключенный не могъ исполнить этого требованія, потому что выдернутый кранъ упалъ въ сточную трубу. Совершенно потерянный Жозефъ стоялъ какъ мраморный дельфинъ, окатываемый брызгами фонтана, межъ тѣмъ какъ Бодростинъ, Гордановъ, Ропшинъ и Кишенскій, запруживая притокъ воды изъ-подъ дверей скомканымъ ковромъ, насѣли на этотъ коверъ и старались сколько возможно препятствовать распространенію потопа.

— Боже мой! Боже! ну, день, ну... что же это такое: сто тысячъ требовать за дитя, которое сама же она просила меня передать акушеркѣ? Гдѣ я возьму ей сто тысячъ и притомъ къ завтрашнему дню? А между тѣмъ она завтра подастъ просьбу... уголовный судъ, скамья подсудимыхъ, улики прислуги и... Сибирь, Сибирь, и... въ эту-то пору жена!

Такъ сидя вмѣсто пресса на коврѣ, разсуждалъ Бодростинъ и уныло водилъ глазами по лицамъ своихъ сотоварищей, которые казались ему еще унылѣе и хранили молчаніе.

Въ этомъ положеніи и застали ихъ набѣжавшіе слуги и

слесари, подоспѣвшіе сюда какъ разъ въ то время, когда карета Глафиры остановилась у большого роскошнаго дома на одной изъ петербургскихъ набережныхъ.

Оставивъ видѣнную нами глупую и шутовскую суматоху въ домѣ мужа, Глафира спокойно всходила по широкой лѣстницѣ темнаго камня въ аппартаменты, откуда она хотѣла пустить туманъ и смятеніе по направленіямъ, хватающимъ далѣе предѣловъ ея семейнаго круга.

Замѣчательная красота ея и умъ скрывали волненіе, которое она ощущала, идучи съ непреклонною волей и съ хорошо обдуманнымъ намѣреніемъ, но и съ полнымъ сознаніемъ, что она начинаетъ играть огнемъ.

Подойдя къ двери, она на минуту остановилась и, прежде чѣмъ взяться за ручку, насупила брови и еще разъ продумала: хорошо ли она дѣлаетъ? Но, вѣроятно, по ея разсчетамъ выходило хорошо, потому что она сказала въ успокоеніе себѣ:

— Вздоръ! всѣ они здѣсь на ножахъ, и въ ложкѣ воды готовы потопить другъ друга. Куражъ, Глафира, куражъ, и хотя вы, Павелъ Николаевичъ, загарантировались, но на всякаго мудреца бываетъ довольно простоты! и съ этимъ она смѣлою рукой пожала бѣлую пуговку звонка.

Воодушевившейся, разсчетливой Бодростиной и въ умъ не приходило въ эту минуту, что поученіе ея о простотѣ, нападающей на мудрецовъ, можетъ-быть ни для кого не имѣетъ столько подходящаго значенія, какъ для нея самой, съ которой не спускаетъ очей своего мщенія униженный и оскорбленный и въ жизни никогда не прощавшій ни одной своей обиды генералъ Синтянинъ. Бѣлоусый, сухой старикъ, снявъ съ себя съ обидой мундиръ, затаилъ на сердцѣ всю злобу своего униженія и, сидя, по отставному положенію, въ мерлушечьемъ архалучкѣ, зорко прозиралъ вдаль и вглубь своими безцвѣтными глазами и кое въ чемъ жестоко ошибался... Синтянинъ считалъ Глафиру женщиной черною и коварною и предчувствовалъ давно задуманный ею преступный замыселъ, но онъ былъ увѣренъ, что Гла-

фира безъ памяти любитъ Горданова и ведетъ все къ тому, чтобы быть его женой. Эта ошибка была причиной того, что Спитянинъ, преслѣдуя одну мысль — отмстить Горданову, безъ прямого намѣренія разставилъ погибельныя сѣти Глафирѣ. Въ эти-то сѣти она и заносила теперь ногу...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Проба пера и чернилъ.

За порогомъ двери, у которой мы оставили Глафиру Васильевну Бодростину, не жилъ ни чародѣй, ни волхвъ, ни заклинатель, и была квартира брата ея, Григорія Васильевича или Грегуара. Это достойное небольшого вниманія лицо до сихъ поръ еще почти не появлялось въ нашей повѣсти, хотя имя его упоминали и Глафира, и Гордановъ, и Подозеровъ; послѣдній даже обращался однажды къ Григорію Васильевичу съ просьбой «принять его на какую-нибудь службу, хоть, напримѣръ, въ писаря, въ его департаментъ». Глафира Васильевна еще ранѣе вспоминала о старшемъ братѣ со вздохомъ, а Гордановъ на вопросы, предложенные о немъ когда-то Глафирой, отвѣчалъ съ смущеніемъ.

Грегуаръ управлялъ департаментомъ и слылъ человѣкомъ отмѣнныхъ дарованій, разсчитывалъ или, по крайней мѣрѣ, мечталъ на директорствѣ не остановиться.

Съ сестрой они были въ открытомъ разладѣ съ тѣхъ поръ, какъ она, воспламененная идеями до-дарвинской эпохи петербургской культуры, принесла Горданову свою молодую и беззавѣтную любовь. Грегуаръ не особенно строго осудилъ поведеніе сестры и, оставаясь хорошимъ сыномъ для покинутыхъ родителей и примѣрнымъ чиновникомъ для начальства, онъ даже навѣщалъ инкогнито Глафиру въ ея маленькой коммунѣ; но, когда сестра покинула Горданова и сдѣлалась Бодростиной, Грегуара это возмутило и въ немъ заиграли служебно-якобинскія симпатіи петербургскаго соціальнаго чиновника. Ему болѣе нравилось видѣть

сестру коммунисткой, чѣмъ предводительшей, ибо онъ «свято вѣрилъ», что самое спасительное дѣло для Россіи «пустить ей кровь и повыдергать зубы». Затѣмъ во все то время, какъ сестра его портила, поправляла, и опять портила, и снова поправляла свое общественное положеніе, онъ поднимался по службѣ, схоронилъ мать и отца, благословившихъ его у своего гроба; женился на состоятельной дѣвушкѣ изъ хорошей семьи и, мѣтя въ сладкихъ мечтахъ современемъ въ министры, шелъ вѣрною дорогою новѣйшихъ карьеристовъ, то есть засѣдалъ въ двадцати комитетахъ, отличался искусствомъ слагать фразы и блисталъ проповѣдью прогресса и гуманности, доводящею до сонной одури.

Отъ природы онъ былъ гораздо глупѣе своей сестры и сознавилъ это безъ всякой зависти и желчи: напротивъ, онъ любилъ Глафиру, гордился ею и порой даже находилъ удовольствіе ею хвастаться. Онъ былъ убѣжденъ и готовъ былъ другихъ убѣждать, что его сестра — весьма рѣдкая и замѣчательная женщина, что у нея ума палата и столько смѣлости, силы, сообразительности и энергіи, что она могла бы и должна бы блистать своими талантами, еслибы не недостатокъ выдержанности, который свелъ ее на битую тропинку.

Съ Михаиломъ Андреевичемъ Бодростинымъ Грегуаръ былъ знакомъ и считалъ его дуракомъ, котораго его сестра непремѣнно должна была водить за носъ. Михаилъ Андреевичъ, въ свою очередь, не высоко ставилъ Грегуара. Они изрѣдка дѣлали другъ другу визитъ, и тѣмъ оканчивались всѣ ихъ сношенія. Впрочемъ, въ нынѣшній свой пріѣздъ въ Петербургъ, Бодростинъ, затѣявъ торговыя предпріятія, въ которыя втравливали его Кишенскій и Гордановъ, имѣлъ дѣла по департаменту Грегуара, и они видались другъ съ другомъ нѣсколько чаще.

Въ глубинѣ чиновничьей души, Грегуаръ, впрочемъ, даже чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе числиться родственникомъ такого родовитаго барина, какъ Бодростинъ,

и это обстоятельство было извѣстно его женѣ, умной и нѣсколько ядовитой женщинѣ, сохранившей себя безъ пятна и порока и почитавшей себя въ правѣ казнить всякую язю въ людяхъ, начиная съ извѣстной ей суетной мелочности ея мужа.

Въ семьѣ Грегуара отчасти было то же самое, что и въ семьѣ Бодростиныхъ: жена его была умнѣе его самого, обладала несравненно большею противъ него проницательностію, опиралась на свое хорошее родство и привыкла довольно безцеремонно не скрывать предъ мужемъ своего превосходства. Отсюда миръ семьи ихъ не былъ миръ вожделѣнный, а, напротивъ, довольно натянутый, и съ возрастомъ единственнаго сына ихъ, котораго мать любила безъ памяти, а отецъ, занятый своими комитетами, довольно безстрастно, супруги незамѣтно раздвинулись на большую дистанцію. Признавъ волей-неволей несомнѣнныя преимущества своей жены, Грегуаръ не входилъ съ ней ни въ какую борьбу и даже былъ очень радъ, что она вся предалась воспитанію сына, съ которымъ ему не было ни времени, ни охоты заниматься. Грегуаръ отецъ и Грегуаръ сынъ едва были знакомы другъ съ другомъ, и войти въ ближайшія отношенія имъ даже не предвидѣлось повода: Грегуаръ младшій привыкъ считать себя вполнѣ зависимымъ отъ одной матери, а отца считалъ не болѣе какъ за милаго гостя и даже слегка надъ нимъ подтрунивалъ, отчего, впрочемъ, мать его обыкновенно воздерживала, не замѣчая, что сама первая его всему обучила своимъ живымъ примѣромъ.

Родители столкнулись на вопросѣ о судьбѣ сына только при выборѣ заведенія, гдѣ младшій Грегуаръ долженъ былъ получить образованіе. Отецъ, разумѣется, желалъ видѣть въ сынѣ современнаго реалиста, руководясь теоріями, къ которымъ мать питала отвращеніе. Но мать возстала рѣшительно и побѣдила.

— Я хочу вести моего сына тѣмъ путемъ, который дастъ вѣдомые результаты и, какъ мать, не позволю дѣ-

лять надъ нимъ опытовъ, рѣшила она твердо и неуклонно.

Грегуаръ на это было возразилъ, что и онъ, «какъ отецъ», тоже имѣетъ свои права и можетъ пробовать, но, получивъ отвѣтъ, что онъ «не отецъ, а только родитель», отступилъ и, махнувъ рукой, оставилъ женѣ дѣлать съ сыномъ что ей угодно. Съ этихъ поръ онъ еще болѣе предался комитетамъ, укрѣплялъ связи, завязывалъ связишки и утвердилъ за собою въ обществѣ репутацію добрѣйшаго человѣка, а дома, въ глазахъ жены и одиннадцатилѣтняго сына, былъ существомъ, къ которому жена относилась съ обидною снисходительностью, а иногда даже и съ легкою тѣнью презрѣнія.

Въ эту-то семью постучалась Глафира съ цѣлію помириться съ давно невиданнымъ братомъ; познакомиться съ его женой, о которой она имѣла довольно смутное понятіе, и заставить Грегуара старшаго тряхнуть его связями въ пользу предпринятаго ею плана положить къ своимъ ногамъ Михаила Андреевича Бодростина и стать надъ нимъ во всеоружіи силы, какую она теперь должна получить надъ нимъ, какъ женщина достойнаго почтенія образа жизни, надъ мужемъ безнравственнымъ, мотомъ и аферистомъ, запутаннымъ въ скандальную исторію съ проходимкой, угрожающею ему уголовнымъ судомъ за похищеніе ребенка. Въ мѣстѣ съ тѣмъ Глафира надѣялась прослѣдить съ помощію брата: не предалъ ли ее гдѣ-нибудь Гордановъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Свой своему поневолѣ другъ.

Когда Глафира вступила въ квартиру брата, Грегуара старшаго не было дома.

Бодростину это не остановило: она прошла въ залъ и велѣла доложить о себѣ невѣсткѣ, которая сидѣла въ это время въ смежной гостиной и проходила съ сыномъ его завтрашній урокъ.

Глафира видѣла тѣни обѣихъ фигуръ матери и сына, слышала какъ человѣкъ произнесъ ея имя, слышала какъ хозяйка потребовала отъ человѣка повторенія этого имени, и вслѣдъ затѣмъ молча встала и вышла куда-то далѣе, а слегка сконфуженный лакей, выйдя на цыпочкахъ, прошепталъ, что Григорія Васильевича нѣтъ дома.

— Хорошо, я подожду, отвѣтила ему Бодростина, — а вы зажгите свѣчи въ его кабинетѣ и подайте мнѣ туда чаю.

Ея смѣлость и твердость подѣйствовали воодушевляющимъ образомъ на лакея, который тотчасъ же пошелъ исполнять ея приказанія, межъ тѣмъ какъ сама Глафира, бросивъ на диванъ шаль, плавною походкой вошла въ освѣщенную комнату, гдѣ сидѣлъ надъ книгой ея племянникъ.

Подойдя къ мальчику, она обняла его и, поцѣловавъ въ голову, назвала себя его теткой и спросила о его отцѣ и о матери; но прежде чѣмъ ребенокъ собрался ей отвѣтить, изъ дверей внутренней комнаты вышла сама его мать

Невѣстка Бодростиной была небольшая и не особенно красивая женщина, лѣтъ тридцати, блондинка, съ тонкими губами, прямымъ носомъ и сѣрыми острыми глазами.

Увидѣвъ сына близъ Глафиры, которая, сидя въ креслѣ, держала его у своего плеча, дама эта слегка передернулась и, измѣнясь въ лицѣ, сказала:

— Если не ошибаюсь, вы сестра моего мужа?

— Да; хоть поздно, но позвольте намъ родными счесться, отвѣчала Глафира.

Онѣ пожали другъ другу руки, причемъ жена Грегуара тотчасъ же сказала сыну,—чтобъ онъ убиралъ свои книги и шелъ къ себѣ, а сама попросила гостью въ кабинетъ мужа.

Глафира видѣла и понимала, что ее здѣсь глубоко презираютъ и какъ отъ чумы прибираютъ отъ нея дитя, чтобъ она не испортила его своимъ прикосновеніемъ, и она удвоила осторожность и любезность.

Зная, что ничѣмъ нельзя такъ расположить въ свою

пользу любящую мать, какъ мѣткимъ словомъ о ея ребенкѣ, Глафира прямо заговорила о замѣтной съ перваго взгляда скромности и выдержанности младшаго Грегуара.

— Да, отвѣтила мать,—онъ не худой мальчикъ; но онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы дѣлать о немъ заключенія.

— Вы какъ хотите его воспитывать?

— Какъ Богъ приведетъ: онъ теперь учится въ хорошей школѣ.

Глафира почувствовала, что ей неудается разговориться съ невѣсткой, потому что та, не продолжая рѣчей о воспитаніи, быстро поднялась съ мѣста и сказала:

— Мужъ мой долженъ тотчасъ вернуться.

— Ахъ, вы за нимъ вѣрно послали? догадалась Глафира.

— Да, онъ сейчасъ будетъ.

И дѣйствительно, въ эту минуту послышался звонокъ: это былъ Грегуаръ.

— Вотъ и онъ! проговорила Грегуарова жена и тотчасъ же вышла.

Братъ Глафиры сильно измѣнился въ теченіе многихъ лѣтъ, въ которыя они не видались съ сестрой. Теперь ему было за-сорокъ; высокая, нѣкогда стройная его фигура сдѣлалась сухощавою, угловатою; голубые глаза обезцвѣтились, сѣдыя бакенбарды и назадъ закинутые порѣдѣвшіе волосы на головѣ придавали ему стереотипный видъ петербургскаго чиновника.

Глафирѣ было не трудно замѣтить, что Грегуаръ съ неудовольствіемъ взглянулъ вслѣдъ своей удалявшейся женѣ.

Братъ и сестра встрѣтились довольно спокойно, но привѣтливо.

Грегуаръ, давно пріучившій себя, ради прогресса и гуманности, равнодушно и безразлично относиться къ добру и злу, подалъ сестрѣ руку и началъ со стереотипной фразы о томъ, что они давно не видались.

— Да, давно, — отвѣчала ему Глафира, — но тѣмъ не менѣе я всегда была увѣрена, что мы съ тобой не разошлись.

— Изъ-за чего же? Полно, сдѣлай милость: я очень радъ тебя видѣть.

— Да, и потому теперь, когда мнѣ нужна была твоя помощь, я рѣшила къ тебѣ прямо обратиться.

— И прекрасно сдѣлала. Чѣмъ могу служить?

Глафира сообщила брату о доходившихъ до нея въ Парижѣ странныхъ слухахъ насчетъ ея мужа, о его безумныхъ, рискованныхъ предпріятіяхъ и еще болѣе о его странной связи съ княгиней Казимирой, связи, которая стоила старику чудовищныхъ денегъ и, наконецъ, угрожала теперь скандаломъ по случаю пропажи ребенка.

— Слышалъ, слышалъ,—отвѣтилъ Грегуаръ,—это значитъ: послѣ старости пришедшей былъ припадокъ сумасшедшій.

— Да ужъ какъ знаешь, но это надо остановить; я тебя прошу помочь мнѣ какъ-нибудь въ этомъ случаѣ.

— Очень радъ, очень радъ, но какъ же помочь?

Глафира пожала плечами и проговорила:

— Что жъ дѣлать? Мнѣ бы не хотѣлось, но обстоятельства такого рода, что я вынуждена поступить противъ моихъ желаній; я рѣшила обратиться къ властямъ.

— Это очень просто.

Глафира не ожидала такого согласія и продолжала:

— Очень просто, если ты мнѣ поможешь: одинъ изъ наиболѣе вредныхъ людей, стоящихъ около моего мужа, конечно, Гордановъ.

— Очень умный человѣкъ,—перебилъ Грегуаръ.

Этотъ отзывъ еще болѣе удивилъ Глафиру.

— Да; онъ умный, но вредный. Это темный человѣкъ,— проговорила она и прибавила, что хотѣла бы прежде всего знать о немъ Грегуарово мнѣніе; такъ какъ говорятъ, что Гордановъ пользуется какимъ-то особеннымъ положеніемъ.

— Я не знаю; нынче такъ много говорятъ про особенныя положенія, что не разберешь, кто чѣмъ пользуется,— отвѣчалъ Грегуаръ.—Во всякомъ случаѣ ты можешь отнестись...

Грегуаръ назвалъ одного изъ должностныхъ лицъ, къ которому и совѣтовалъ обратиться Глафирѣ.

— Но какъ же это сдѣлать?

— Если хочешь, я завтра повидаюсь и предупрежу, а ты поѣзжай.

— Да согласится ли онъ принять во мнѣ участіе, если въ самомъ дѣлѣ Гордановъ имѣетъ покровителя? Не связаны ли они чѣмъ?

— Связаны, какъ всѣ у насъ въ Петербургѣ связаны—враждой другъ къ другу. Здѣсь, душа моя, всѣ на ножахъ. Да ты давно въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, только что пріѣхала, и первый шагъ мой былъ къ тебѣ, а потому и спѣшу домой.

Глафира приподнялась съ мѣста.

— Надѣюсь, мы будемъ видѣться?

— Да, да, конечно, мы будемъ видѣться, — отвѣтилъ Грегуаръ.—Но куда же ты такъ спѣшишь?

— Мнѣ пора; я еще не успѣла оправиться; притомъ твоя жена, кажется, меня не долюбливаетъ.

Грегуаръ махнулъ рукой.

— Что?—переспросила его, улыбнувшись, Глафира.

— Да Богъ съ ней,—отвѣтилъ Грегуаръ.

— У васъ, кажется, дѣйствительно всѣ другъ съ другомъ на ножахъ.

— По крайней мѣрѣ на ножичкахъ,—отшутился, пожавъ руку сестры, Грегуаръ, и тихо пошелъ вслѣдъ за нею къ двери.

— Такъ я не буду ее безпокоить и прощаться съ ней: ты передай ей мой поклонъ. А завтра мы съ тобой въ которомъ часу увидимся?

— Мы съ тобой увидимся, если хочешь, часа въ четыре.

— Прекрасно; ты ко мнѣ пріѣзжай обѣдать.

— Пожалуй; а туда я съѣзжу утромъ и дамъ тебѣ знать.

На этомъ они разстались. Глафира сѣла въ свой экипажъ

и возвратилась въ квартиру мужа, гдѣ застала описанный нами въ послѣдней главѣ безпорядокъ: потопъ, произведенный Висленевымъ.

Появленіе Глафиры еще болѣе увеличило этотъ безпорядокъ, но къ прекращенію его послужило письмо, которое вручилъ Глафирѣ Васильевнѣ человѣкъ, посланный ею часъ тому назадъ съ запиской къ Алинѣ.

Алина, извѣстясь о привозѣ ея сумасшедшаго мужа, не замедлила отвѣтить Бодростиной, что она сама нездорова и пріѣхать не можетъ, что помѣщеніе ея въ настоящее время очень тѣсно и неудобно для пріема больного, находящагося въ такомъ положеніи, въ какомъ находится Жозефъ, и что потому она проситъ охранить его до завтрашняго дня, пока она распорядится: или помѣстить Жозефа въ домѣ умалишенныхъ, или устроить его какъ-нибудь иначе.

Прочитавъ это письмо тотчасъ послѣ короткаго и быстраго свиданія съ мужемъ, Гордановымъ, Ропшинымъ и Кишенскимъ, Глафирѣ не было особеннаго труда убѣдить ихъ, что вытащенный изъ ванной комнаты и безмолвствовавшій мокрый Жозефъ возвратился въ умопомѣшательствѣ, во имя котораго ему должны быть оставлены безнаказанно всѣ его чудачества и прощены всѣ безпокойства, причиненныя имъ въ домѣ.

Съ мужемъ Глафира держалась довольно холодно. Она отговорилась усталостью, головною болью и прежде всего пожелала успокоиться.

Доставленная, по ея распоряженію, Ропшинымъ горничная, устроила ей спальню въ кабинетѣ Бодростина, и Глафира уснула.

Кишенскій ушелъ къ себѣ; Михаилъ Андреевичъ помѣстился въ спальнѣ, а Висленевъ былъ взятъ Гордановымъ.

Іосафъ Платоновичъ нисколько не протестовалъ противъ данной ему клички человѣка сумасшедшаго, даже болѣе: онъ содѣйствовалъ укрѣпленію установившагося мнѣнія,

ибо, не желая притворяться сумасшедшимъ, былъ какъ нельзя болѣе похожъ на помѣшаннаго, и Гордановъ, поговоривъ съ нимъ немного, убѣдился, что Жозефъ въ самомъ дѣлѣ не въ здравомъ разсудкѣ: онъ ничего не сообщалъ, и только хлопоталъ объ одномъ: чтобы находиться въ комнатѣ, постоянно запертой на замокъ, ключъ отъ котораго былъ бы у него въ карманѣ. Когда это было для него сдѣлано, онъ вздохнулъ и освѣдомился:

— Правда ли, что скопцы даютъ деньги?

— Кому?—спросилъ его Гордановъ.

— Ну тѣмъ, кто идетъ въ ихъ вѣру.

— Да, говорятъ, что даютъ. А что такое? Не хочешь ли ты въ скопцы идти? Прекрасно бы, братецъ мой, сдѣлалъ, и мнѣ бы деньжонокъ далъ. Скопцы богатые.

— Нѣтъ; я это такъ, — уронилъ Жозефъ и, спрятавъ ключъ, укутался въ одѣяло и вздыхалъ всю ночь, а къ утру забредилъ скопцами.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Ошибка.

Глафира еще спала, когда ей былъ доставленъ чрезъ курьера конвертъ; Грегуаръ извѣщалъ сестру, что онъ уже видѣлся съ генераломъ, который можетъ оказать ей защиту противъ хищниковъ, опутавшихъ ея мужа, и совѣтовалъ ей, не теряя времени, тотчасъ ѣхать къ его превосходительству.

Одѣться и собраться для Глафиры было дѣломъ одной минуты и черезъ полчаса ея наемный экипажъ остановился у небольшого каменнаго дома, гдѣ жилъ генералъ. Едва Глафира вступила въ переднюю главнаго помѣщенія этого дома, человѣкъ въ полуформенномъ платьѣ, спросивъ ея фамилію, тотчасъ же пригласилъ ее наверхъ и сказалъ, что генералъ ее ждетъ.

На верхней террасѣ лѣстницы фамилія ея другимъ такимъ же человѣкомъ была передана третьему, и Глафиру

Васильевну провели черезъ небольшую гостиную въ комнату, раздѣленную надвое драпировкою.

Здѣсь, спиной къ драпировкѣ, а лицомъ къ двери, за небольшимъ письменнымъ столомъ, покрытымъ въ порядкѣ разложенными кипами бумагъ, сидѣлъ генералъ: онъ былъ немного лысъ, съ очень добрыми, не привыкшими гнѣваться сѣрыми глазками. При входѣ Бодростиной, генералъ читалъ и подписывалъ бумаги, не приподнялся и не тронулся съ мѣста, а только окинулъ гостью проницательнымъ взглядомъ и, протянувъ ей лѣвую руку, проговорилъ:

— Добро пожаловать. Чѣмъ могу вамъ служить?

И съ этимъ онъ указалъ ей на кресло, стоявшее противъ него по другую сторону стола.

— Генералъ, моя просьба страннаго свойства, начала Глафира,— я иду противъ мужа съ тѣмъ, чтобы защитить его и выпутать изъ очень странной исторіи.

— Это я знаю-съ, отвѣтилъ генералъ, не прерывая ни на минуту чтенія и подписыванія бумагъ.—Что же далѣе?

— Мой мужъ—богатый человѣкъ: онъ всегда имѣлъ слабость вѣрить въ свои коммерческія соображенія и имъ овладѣлъ духъ крайней предпріимчивости, несвойственной ни его лѣтамъ ни его положенію: онъ разстраиваетъ свое состояніе.

— Это теперь сплошь и рядомъ со многими, но я ничего не могу тутъ сдѣлать, отвѣчалъ генералъ съ привычною ясностью и скоростью настоящаго дѣлового человѣка.

— Но онъ находится въ рукахъ такихъ людей, которые просто спекулируютъ на его довѣрчивость и увлеченіе.

—Мошенниками полонъ свѣтъ, перебилъ генералъ,— но пока эти мошенники не попадаются, на нихъ при нынѣшнихъ порядкахъ нѣтъ управы. Я вижу, что я знаю все, что вы мнѣ хотите сказать; я давно знаю эту клику, которая доитъ вашего мужа, но все это безполезно; другое дѣло, если бы вы могли мнѣ дать какія-нибудь доказательства.

Глафирѣ прежде всего, разумѣется, хотѣлось знать, дѣй-

ствительно ли Гордановъ успѣлъ заручиться какимъ-либо покровительствомъ. Постоянно вращаясь въ мірѣ интригъ и не имѣя права разсчитывать ни на какую преданность со стороны Горданова, она опасалась, что и онъ, не довѣряя ей, точно также, можетъ статься предпочелъ устроиться инымъ способомъ и, можетъ быть, выдалъ ея намѣренія. Поэтому Глафира прямо спросили своего собѣсѣдника: что ему извѣстно о Павлѣ Николаевичѣ?

Генералъ, не выпуская пера, только взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

Бодростина поняла, что она сдѣлала неловкость. Къ тому же она ясно видѣла, что генералъ принимаетъ ее не съ аттенціей, на какую она имѣла бы, кажется, право по своего положенія. Это нехорошо дѣйствовало на Глафиру, и она, оставивъ свое намѣреніе выспросить о Гордановѣ, прямо перешла къ другому.

— Мнѣ кажется, генералъ, сказала она, — что здѣсь есть еще одна особа, противъ которой я тоже не могу вамъ представить никакихъ уликъ юридическихъ, но которой поведеніе настолько явно, что мнѣ кажется, необходимо остановить ее отъ азартныхъ покушеній на моего мужа.

— Про кого вы говорите?

— Я говорю про княгиню Казимиру Вахтерминскую.

— Въ чемъ же дѣло?

— Она требуетъ съ моего мужа пятьдесятъ или даже сто тысячъ рублей за то, что онъ имѣлъ неосторожность отослать въ Воспитательный домъ рожденнаго ею назадъ тому два мѣсяца ребенка, котораго она ставитъ на счетъ моему мужу.

— Да, но его ея сіятельство можетъ ставить на счетъ кому ей угодно.

— Но она ставитъ именно мужу моему а не кому-нибудь другому.

— Ну-съ, продолжалъ генералъ,—такъ чѣмъ же я тутъ могу вамъ помочь?

— Сдѣлайте что вы хотите, генералъ, но я обращаюсь къ вашей милости и на васъ однихъ надѣюсь.

Генералъ ни слова не отвѣтилъ и продолжалъ молча читать и подписывать одну за другою бумаги.

Глафира находила свое положеніе затруднительнымъ и помолчавъ, начала излагать свои подозрѣнія насчетъ самаго способа выдачи векселей ея мужа, причемъ упомянула и объ исчезнувшемъ артистѣ.

— Да вѣдь то-то и есть, что онъ исчезъ, проворчалъ генералъ не прерывая своего писанія и чтенія.

— Но какъ же могъ онъ исчезнуть?

— А вотъ отгадайте! отвѣчалъ генералъ, опять занимаясь своимъ дѣломъ.

Дальше не могло быть никакого разговора.

Глафира поднялась и спросила:

— Что же, могу ли я на что-нибудь надѣяться, генералъ?

— Я могу ее пугнуть, если она пуглива, и больше ничего.

Бодростина раскланялась, генералъ опять подалъ ей лѣвую руку и сказалъ ей на дорогу доброе пожеланіе, но на сей разъ не удостоилъ уже взгляда.

Глафира вышла и уѣхала весьма недовольная своимъ сегодняшнимъ утромъ и рѣшила забыть объ этой незадачѣ и дѣйствовать самой, тѣмъ болѣе, что это ее и не пугало.

Но въ чемъ же здѣсь ошибка?

Большую ошибку въ чемъ-то здѣсь видѣлъ генералъ: онъ, оставшись, по выходѣ Глафиры, одинъ въ своей комнатѣ, подписалъ еще нѣсколько бумагъ и затѣмъ, вскочивъ вдругъ съ мѣста, отперъ несгораемый шкафъ, помѣщавшійся за драпировкой. Здѣсь онъ безъ затрудненія нашелъ среди множества бумагъ письмо, писанное въ довольно короткомъ тонѣ генераломъ Синтянинымъ, съ просьбой обратить вниманіе на Горданова, который, по догадкамъ Ивана Демьяновича, имѣлъ замыслы на жизнь Бодростина съ тѣмъ, чтобы жениться на его вдовѣ.

«Чортъ возьми, не можетъ же быть, чтобы старикъ Син-

тянинъ такъ ошибался! А между тѣмъ, если она его любитъ и за него невѣстится, то съ какой стати ей его выдавать и даже путать? Нѣтъ; тутъ что-то не чисто, и я *ихъ* на этомъ баринѣ накрою», рѣшилъ генералъ и подавилъ электрическую пуговку на своемъ столѣ.

— Перушкина! сказалъ онъ вошедшему дежурному чиновнику.

Почти въ это же самое мгновеніе передъ нимъ появился неслышными шагами пожилой человѣкъ, остриженный по-купечески, въ скобку, и одѣтый въ простой, длиннополый, купеческій сюртукъ.

— Андрей Парфенычъ! сказалъ ему генералъ,— поглядѣло ли твое степенство на эту барыню, которая сейчасъ вышла?

— Какъ же-съ, ваше превосходительство, поглядѣлъ, отвѣчалъ вошедшій.

— Эта она?

— Такъ-съ.

— Григорья Васильевича Акатова сестрица?

— Слышалъ-съ.

— Ее надо изловить: съумѣешь-ли?

Андрей Парфеновичъ тряхнулъ головой, вздохнулъ и произнесъ:

— Службу свою должно исполнять, ваше превосходительство.

— То-то! Я на тебя надѣюсь. Ты одинъ эту механику прослѣдить можешь; тутъ дѣло темное: воръ на вора въ доносъ идетъ.

Андрей Парфеновичъ покачалъ головой.

— Что?

— Ученые-съ, говорю: — бѣда съ ними.

— Да, но смотри не суди объ этой барынѣ по Григорію Васильевичу, у этой подъ каблукомъ больше ума, чѣмъ у ея брата во лбу. Горданова ты тоже знаешь? И генералъ вскинулъ острый взглядъ на Андрея Парфеновича.

— Довольно о нихъ извѣстны.

— Понимаешь чѣмъ онъ держится?

— Помилуйте, какъ не понимать-съ.

— Такъ ты долженъ понимать и то, сколько я тебѣ вѣрю въ этомъ дѣлѣ. Поймай мнѣ этого Гордонова!

Андрей Парфеновичъ молчалъ.

— Можешь?

— Постараюсь.

Генералъ хлопнулъ его по плечу и проговорилъ съ разстановкой на ухо:

— Поймай его, и я этого не забуду.

— Изловлю-съ.

— Тутъ есть еще княгинька Вахтерминская.

— Знаю-съ.

— Дѣйствительно ли ты ее знаешь?

Андрей Парфеновичъ развелъ руками и отвѣтилъ:

— Какъ бы не знать! Да вѣдь онѣ тоже при тѣхъ самыхъ дѣлахъ, что и господинъ Гордановъ.

— Излови ихъ, и я тебя озолочу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Старые пріятели.

Возвратясь домой, Глафира Васильевна не застала мужа.

Встревоженный угрозой судомъ, которую сдѣлала ему вчерашній день княгиня Казимира, Михаилъ Андреевичъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ положеніи своихъ дѣлъ: онъ даже не думалъ о женѣ и хлопоталъ только объ одномъ: какъ бы разойтись съ Казимирой. Подъ неотступнымъ давленіемъ этой заботы, онъ, какъ только всталъ, бросился рыскать по городу, чтобъ искать денегъ, нужныхъ для сдѣлки съ Казимирой. Онъ даже завернулъ въ департаментъ къ Грегуару и просилъ его, не можетъ ли тотъ помочь ему въ этомъ случаѣ.

Грегуаръ, разумѣется, ничемъ ему помочь не могъ и отдѣлался только общими сожалѣніями, которыя потерявшійся Бодростинъ склоненъ былъ теперь принимать какъ

нѣкоторую, хотя малоцѣнную, но все-таки пріятную монету.

— Нѣтъ, за что же-съ? За что же? жалостно вопіялъ онъ къ Гругаару: — ну, скажите, Бога ради, ну кто же въ свою жизнь былъ Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ? Ну, она очень хорошенькая женщинка, даже милая женщинка, съ талантами, съ лоскомъ, ну, я бывалъ, но помилуйте, чтобы подвести меня подъ такую глупую штуку, какъ покража ребенка... Ну, зачѣмъ мнѣ было его сбывать?

— Совершенно вѣрю.

— Да какъ же-съ! Спроси она у меня на его обезпеченіе три, пять тысячъ, я бы далъ-съ, охотно бы далъ. Я даже все это предлагалъ, но она стояла за свое genommée... Ну, я поддался: въ самомъ дѣлѣ она молода, княгиня; она говорила, что боится, чтобы какъ-нибудь не прозналъ объ этомъ князь и не затѣялъ развода. Какъ я ни предлагалъ ей секретно устроить ребенка, какъ это дѣлается и какъ и мнѣ доводилось встарину дѣлывать съ женщинами стараго закала, но она ни за что не хотѣла. Стояла на томъ, что ребенка этого не должно быть слѣда. И тутъ совершенная случайность... Она говоритъ: «вынесите», я только вынесъ, и остальное все было сдѣлано мимо моей воли. Куда его дѣвали? Чортъ все это знаетъ! И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, угрожать уголовнымъ судомъ за покражу ребенка... Ну, скажите, вѣдь это ума помраченіе! А между тѣмъ меня, въ мои года, женатаго человѣка, сведутъ на скамью подсудимыхъ!..

Бодростинъ ужасался и ерошилъ свои беранжеровскія сѣдыя кудри.

Грегуаръ пробовалъ заговорить о выгодахъ современнаго суда: защитѣ адвокатовъ и т. п., но Бодростинъ этимъ не могъ успокоиться. Всѣ выгоды современнаго судопроизводства мало его обольщали, и онъ говорилъ:

— Прекрасно-съ, я не отчаиваюсь, что при даровитомъ адвокатѣ можетъ-быть меня и оправдаютъ, все это

очень можетъ быть, но все-таки я буду на скамьѣ подсудимыхъ.

— Быть подъ судомъ это еще не стыдно.

— Какъ, скажите пожалуйста, не стыдно! Какъ не стыдно-съ? мнѣ шестьдесятъ семь лѣтъ...

— Будто вамъ уже столько?

— Да-съ, какъ разъ столько, и въ эти-то годы попасть въ такое дѣло и слушать, какъ при всѣхъ будутъ вылетать такія слова, къ какимъ прибѣгаютъ эти ваши хваленые адвокаты: «связь», «волокитство въ такіе годы», и всякія сему подобныя дрязги, и все это наружу, обо всемъ этомъ при тысячѣ ушей станутъ разсказывать, и потомъ я долженъ приводить всякія мелочи, а газеты ихъ распечатаютъ... Нѣтъ, Бога ради, вѣдь этого перенести нельзя! А потомъ, потомъ, кромѣ того, я вамъ скажу, что я и не ручаюсь, что меня и не обвинятъ; во-первыхъ, вы говорите современный судъ и улики, но для меня этотъ современный судъ и система внутренняго убѣжденія, а не формальныхъ уликъ даже гораздо хуже. Да тутъ, покорно васъ благодарю, съ внутренними убѣжденіями и съ этою слабостью общества къ женскому вопросу, тутъ-съ она, каналья, будетъ всегда права: она заплачетъ, и ради ея прекрасныхъ глазъ...

— Вы заплачьте, пошутилъ безстрастно Григорій Васильевичъ.

— Вы очень остроумно шутите, но я буду очень некрасивъ-съ, когда я буду плакать. Нынче Любимы Торцовы не въ модѣ, а въ ходу «самопомощь» Смайльса.

— Въ такомъ случаѣ надо стараться уладить это дѣло миромъ.

— Да я уже просилъ ее и умолялъ, но ничего не успѣлъ.

— Представьте ей, что и для нея этотъ скандалъ также невыгоденъ.

— Все представлялъ-съ, все представлялъ, но она на всѣ доводы одно отвѣчаетъ: что для нея пятьдесятъ ты-

сячъ болѣе принесутъ выгоды, чѣмъ сколько невыгоды принесетъ скандалъ. Мнѣ наконецъ начинаетъ сдаваться, что она даже совсѣмъ и не на судъ надѣется, а на нѣсколько особенныя власти.

— Очень можетъ быть.

— Да-съ; она... она что-то такое особенное, и потому я васъ прошу, — это, разумѣется, съ моей стороны маленькая неловкость, такъ какъ я мужъ вашей сестры, но въ нашъ вѣкъ кто же безгрѣшенъ?

— Да это что и говорить!

— Да; я знаю, что вы человѣкъ толерантный и къ тому же вы обладаете счастливымъ даромъ слова: я слыхалъ какъ вы говорите въ ученыхъ обществахъ (Грегуаръ немного сконфузился).

— Нѣтъ, право, право, я это безъ лести говорю, вы удивительно умѣете владѣть словомъ: ряди Бога, съѣздите вы къ ней, пусть это будетъ еще одна послѣдняя проба; поговорите, упросите ее какъ-нибудь кончить, и потомъ гдѣбы нибудь мы съ вами увидались.

— Я буду у васъ сегодня обѣдать, я далъ слово сестрѣ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Такъ Бога ради!

— Я съ своей стороны съ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ когда же? вопросилъ, приподнимаясь, Бодростинъ, — вамъ вѣдь некогда; все эта служба проклятая.

— Да, «все оды пишемъ, и ни себѣ, ни имъ похвалъ не слышимъ», но я поѣду, я поѣду.

— А между тѣмъ вѣдь это нужно бы скоро, очень скоро! нетерпѣливая она, чортъ ее возьми.

— Кипитъ?

— Какъ Гейзеръ.

— Ну, въ такомъ случаѣ служба не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, а я поѣду къ ней, когда вы хотите.

— Пожалуйста! поѣзжайте и предложите ей... десять, ну наконецъ пятнадцать тысячъ: болѣе не могу. Ей-Богу не могу.

— Да когда она встаетъ?

— Теперь самое время, вотъ теперь.

Дѣловой Грегуаръ обѣщалъ тотчасъ же ѣхать, и они разстались.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Объясненіе.

Въ это самое время Глафира Васильевна, затворившись въ кабинетѣ Бодростина, бесѣдовала съ Гордановымъ. Она выслушала его отчетъ о ихъ петербургскомъ житьѣ-бытьѣ во время ея отсутствія, о предпріятіяхъ ея мужа, о его сношеніяхъ съ княгиней Казимирой, о векселяхъ, о Кишенскомъ и проч. Глафира была не въ духѣ послѣ свиданія съ генераломъ, но докладъ Горданова ее развлекъ и даже началъ забавлять, когда Павелъ Николаевичъ представлялъ ей въ комическомъ видѣ любовь ея мужа и особенно его предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, чего тутъ только не было: и аэростаты, и газодвигатели, и ступоходы по землѣ, и время-счислители, и музыкальныя ноты-самоучки, и уборные кабинеты для дамъ на улицахъ и наконецъ пружинныя подошвы къ обуви, съ помощью которыхъ человѣку будетъ стоитъ только желать идти, а уже пружины будутъ переставлять его ноги.

Глафира надо всѣмъ этимъ посмѣялась и потомъ сразу спросила Павла Николаевича о его особенномъ служеніи.

— Ты, кажется, ужъ очень бравируешь своимъ положеніемъ, замѣтила она.—Это не безопасно!

— Нимало. Да обо мнѣ рѣчь впереди, скажи-ка лучше, что ты за птица. Мнѣ это становится очень неяснымъ. То мы съ тобой нигилистничали...

— То есть это вы нигилистничали, перебила его Глафира.

— Ну ты, вы, мы, они, ты даже всѣ мѣстоименія въ своемъ разговорѣ перемѣшала, но кто бы ни нигилистничалъ, все-таки я думаю, что можно было отдать голову

свою на отсѣченіе, что никто не увидитъ тебя въ этой черной рясѣ, въ усменномъ поясѣ, вѣрующею въ Господа Бога, пророчествующею, вызывающею духовъ, чертей и дьяволовъ. И попался я, скажу тебѣ откровенно, Глафира. Когда ты меня выписала, ты мнѣ сказала, что у меня есть своя каторжная совѣсть. Да, у меня именно есть моя каторжная совѣсть: я своихъ не выдаю, а ты... во-первыхъ, ты меня больше не любишь, это ясно.

— А во-вторыхъ? спросила Глафира.

— А во-вторыхъ, ты имѣешь какое-то влеченіе, родъ недуга, къ этому Подозерову.

— Ну-съ, въ третьихъ?

— Въ-третьихъ, ты все путаешь и напутала чего-то такого, въ чемъ нѣтъ ни плана, ни смысла.

— Вы, мой другъ, очень наблюдательны.

— А что, развѣ это не правда?

— Нѣтъ: именно это все правда: я перехитрила и спуталась.

— Ну да, лукавь какъ знаешь, а дѣло въ томъ, что, видя все это, я готовъ сказать тебѣ: «Прости, прощай, пріютъ родимый», и позаботиться о себѣ самъ.

— То есть уѣхать къ Ларѣ?

— Нѣтъ: не уѣхать къ Ларѣ. Это могло годиться прежде, но я былъ такой дуракъ, что позволилъ тебѣ и въ этомъ помѣшать мнѣ.

— Повѣрь, не стоитъ сожалѣнія.

— Ну, это мнѣ лучше знать, стоитъ это или не стоитъ сожалѣнія, но только я вѣдь не Висленевъ; я до конца такимъ путемъ не пойду; ты должна мнѣ дать вѣрное ручательство: хочешь или не хочешь ты быть моей женой?

— Для этого, Павелъ Николаевичъ, прежде всего нужно, чтобъ я могла быть чьею-нибудь женой. Вы забываете, что я въ нѣкоторомъ родѣ замужемъ, проговорила Бодростина, пародируя извѣстныя слова изъ реплики Анны Андреевны въ пьесѣ «*Ревизоръ*».

Но Гордановъ отвѣчалъ ей, что это разумѣется само

собою, что онъ очень хорошо понимаетъ необходимость прежде покончить съ ея мужемъ, но не понимаетъ только того, для чего предпринята была эта продолжительная спиритская комедія: поѣздка въ Парижъ, скитаніе по Европѣ и наконецъ выдуманная Глафирой путаница въ отношеніяхъ ея мужа съ Казимирой.

Глафира насупила брови.

— Я ничего не перемудрила, я иду такъ, какъ мнѣ должно идти, отвѣчала она, и повѣрьте, Павелъ Николаевичъ, что у меня совѣсти во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у васъ, — я говорю, конечно, о той совѣсти, о которой намъ съ вами прилично говорить.

— Вѣрю; но скажи мнѣ, когда же ты желаешь сдѣлаться вдовой?

— Какой нескладный вопросъ: развѣ мое дѣло выражать эти желанія.

— Но во всякомъ случаѣ теперь уже можно?

— Разумѣется; и какъ можно скорѣй.

— Здѣсь?

— Ни въ какомъ случаѣ; мы уѣдемъ туда, къ себѣ, и тамъ...

— Да, тамъ.

— А ты можешь ли ѣхать?

— Мои дѣла именно туда-то меня и зовутъ.

— Что же это такое, можно узнать?

— Отчасти можно.

— Я слушаю.

— Я только боюсь, что ты разчувствуешься.

— Пожалуйста, не бойся.

— Я имѣю планъ кое-что сварганить изъ этого неудовольствія крестьянъ, изъ ихъ тяжбы со мною. Понимаешь, тутъ участіе въ этомъ Форова, попа Евангела, покровительство всему этому Подозерова и разныя, разныя такія вещи... Все это въ ансамблѣ имѣетъ демократическій оттѣнокъ и легко можетъ быть представлено подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Притомъ же и дѣло наше о дуэли еще не

окончено: я докажу, что меня хотѣли убить, здѣсь знаютъ объ этомъ,—наконецъ, что не успѣлъ я повернуться, какъ меня ранили, и потомъ Висленевъ, онъ будетъ свидѣтельствовать.

— Да, ну на Висленева не надѣйся; сумасшедшій свидѣтель небольшая помощь.

— Но вѣдь онъ не настоящій сумасшедшій.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать, я психіатріей не занималась; но это дѣло второстепенной важности. Достаточно того, что мы можемъ ѣхать и кончить; а между тѣмъ я думаю, что ты по своей каторжной совѣсти все-таки услужилъ же мнѣ какою-нибудь службой?

— Надѣюсь.

— Я вамъ позволила ограбить и запутать моего мужа, но вы ужъ очень поусердствовали. Скажи же пожалуйста, неужто въ самомъ дѣлѣ должно этой госпожѣ Казимирѣ отдать пятьдесятъ тысячъ, или видѣть Михаила Андреевича на скамьѣ подсудимыхъ?

— Нѣтъ, я этого не думаю.

— Ты, конечно, помнишь, что я не хотѣла доводить дѣла до такой крайности, да это и разстроило бы всѣ наши планы.

— У меня есть на нее узда, проговорилъ Гордановъ, и вынувъ изъ кармана бумажникъ, досталъ оттудо тотъ вексель, который онъ отобралъ у польскаго скрипача, отправляя его за границу.

Глафира пробѣжала эту бумажку, покраснѣвъ, положила ее въ карманъ своего платья и протянула Павлу Николаевичу руку.

— Поль! прошептала она, — привлекая слегка къ себѣ Горданова:—я буду твоя, твоя, если ты...

— Условіе, произнесъ съ улыбкой, наклоняясь къ ней, Гордановъ.

— Да; условіе: если ты вѣренъ мнѣ, Поль.

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ Горданова.

Глафира это замѣтила, а ея лѣвый глазъ сдѣлался круглымъ и забѣгалъ:

— Ты измѣнилъ мнѣ?! вскричала она, быстро сорвавшись съ мѣста.

Гордановъ спокойно покачалъ, въ знакъ отрицанія, головой. Глафира прочла по его лицу, что онъ ее не выдалъ, и обнявъ его голову, проворковала ему радостныя надежды.

— Теперь, сказала она,—мы можемъ дѣйствовать смѣло, никакія отсрочки намъ больше не нужны и никто намъ не страшенъ: Синтянинъ безвластенъ; его жена замарана интригой съ тобою: фотографія, которую ты прислалъ мнѣ, сослужитъ намъ свою службу: Форовъ и Евангелъ причастны къ дѣлу о волненіи крестьянъ; Висленевъ сумасшедшій; Подозеровъ зачеркнутъ вовсе. Остается одно: чтобы намъ не мѣшалъ Кюлевейнъ. Съ него надо начать.

— Это пустяки, отвѣчалъ Гордановъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Висленевъ вмѣсто хожденія по оброку отпускается на волю, безъ выкупа.

Въ тотъ моментъ, когда окончился вышеупомянутый разговоръ Павла Горданова съ Глафирой, къ дому подъѣхала карета и изъ нея вышелъ Бодростинъ, пасмурный и убитый, а вслѣдъ за нимъ Грегуаръ. Они долго и медленно входили по лѣстницѣ, останавливались, перешептывались, и наконецъ вступили въ апартаменты.

Былъ часъ обѣда. Въ столовой уже была подана закуска.

Злополучный старикъ Михаилъ Андреевичъ былъ такъ растерянъ, что ничего не замѣчалъ. Онъ едва поздоровался съ женой, мимоходомъ пожалъ руку Горданову и началъ ходить по комнатѣ, останавливаясь то у одного, то у другого стола, передвигая и переставляя на нихъ безцѣльно разныя мелкія вещи. Глафира видѣла это, но бесѣдовала съ братомъ.

Братъ и сестра, не смотря на долговременную ихъ разлуку другъ съ другомъ, ничего не находили особенно живаго сообщить одинъ другому: чиновникъ говорилъ въ насмѣшливомъ тонѣ о Петербургѣ, о Россіи, о русскомъ направленіи, о нѣмцахъ, о политикѣ, о банкахъ, о женщинахъ, о женскомъ трудѣ, то сочувственно, то иронически, но съ постояннымъ соблюденіемъ особаго извѣстнаго ему секрета—какъ все это передѣлать по новому.

Среди этихъ его разговоровъ, которыхъ никто съ особеннымъ вниманіемъ не слушалъ, глазамъ присутствовавшихъ предсталъ Кишенскій.

Онъ былъ нѣсколько взволнованъ и, расшаркавшись впопыхахъ исключительно предъ одною Глафирой Васильевной, вручилъ ей маленькій конвертикъ, въ которомъ былъ листокъ, исписанный рукой Алины.

Глафира пробѣжала этотъ листокъ и потомъ лукаво улыбнулась и сказала:

— Вотъ, господа, преинтересное дѣло и прекрасный образчикъ современныхъ петербургскихъ нравовъ! Вы, господинъ Кишенскій, позволите мнѣ не дѣлать секрета изъ этого письма?

Кишенскій покраснѣлъ и, немного замявшись, отвѣтилъ:

— Я не смѣю вамъ запретить поступать какъ вамъ угодно съ письмомъ, которое къ вамъ адресовано.

— Да, вы правы,—и Глафира, возвысивъ голосъ, обратилась къ присутствовавшимъ:—Здѣсь рѣчь идетъ, господа, о несчастномъ Іосафѣ Висленевѣ, котораго я кстати нынче съ утра не видала: гдѣ онъ? Живъ ли онъ, бѣдняжка?

— Онъ сидитъ запершись въ моей комнатѣ, отвѣтилъ на ея вопросъ вошедшій въ это время бѣлобрысый секретарь Ропшинъ.

— Мегсі, молвила ему съ ласковымъ наклоненіемъ головы Глафира.—Не потяготитесь имъ ради Бога: онъ такъ жалокъ и несчастенъ.

Ропшинъ поклонился, Глафира продолжала:

— Этотъ злосчастный Жозефъ, какъ вамъ всѣмъ вѣро-

ятно извѣстно, много долженъ своей женѣ или господину Кишенскому, я, признаюсь, не знаю, кому и какъ приходится этотъ долгъ.

— Онъ долженъ своей женѣ, а совѣмъ не мнѣ, отвѣчалъ Кишенскій.

— Ну да. Въ такомъ положеніи этотъ бѣдный человѣкъ года полтора тому назадъ прибѣжалъ, скрываясь отъ долговъ, къ своей сестрѣ Ларисѣ, та заложила для него свой домъ. Онъ повертѣлся съ этими деньгами, хотѣлъ заплатить, но съ нимъ что-то случилось. Богъ его знаетъ: не ручаюсь, можетъ-быть его заграницей обыграли, или просто обокрали, что было вовсе и не трудно, такъ какъ онъ вообще давно очень плохо за себя отвѣчаетъ: но какъ бы тамъ ни было, а въ концѣ концовъ я его встрѣтила заграницей почти полупомѣшаннаго: это было въ маленькомъ городишкѣ, въ Саксоніи.

— А ему, кажется, не съ чего было и съ ума сходить, вставилъ Грегуаръ.

— Какъ бы тамъ ни было, но онъ былъ въ такомъ состояніи, въ какомъ нельзя бросить человѣка, котораго мы когда-нибудь знали, и я взяла его съ собою, потому что отправить его назадъ не было возможности. Живучи въ Парижѣ, я старалась, сколько могла, его разсѣять, и признаюсь, много разсчитывала на это разсѣяніе, но ему ничто не помогло, и только, мнѣ кажется, онъ сталъ еще хуже.

— Какое у него помѣшательство? спросилъ Грегуаръ: — мрачное или розовое?

— Пестрое, отвѣтила Глафира, — и потому самое опасное, за него нельзя отвѣчать ни одну минуту: дорогой онъ чуть не бросился подъ вагонъ; въ Берлинѣ ему вздумалось выкраситься, и вотъ вы увидите, на что онъ похожъ: вчера онъ ѣхалъ въ Петербургѣ на козлахъ, въ шутовскомъ колпакѣ; потомъ чуть не залился въ ванной: теперь сидитъ запертый въ комнатѣ Генриха. Между тѣмъ я со вчерашняго дня веду переписку съ его супругой. Я про-

сила Алину Дмитріевну исполнить прямой ея долгъ: взять ея сумасшедшаго мужа; но она вчера отказала мнѣ въ этомъ подъ предлогомъ своей болѣзни и тѣсноты своего помѣщенія, а сегодня письмо, въ которомъ она вовсе отказывается принять его.

Бодростина засмѣялась и добавила:

— Алина Дмитріевна Висленева великодушно предоставляетъ намъ позаботиться о ея сумасшедшемъ мужѣ; эта добрая женщина намъ довѣряетъ: или посадить его въ сумасшедшій домъ, для чего г. Кишенскій уполномоченъ вручить намъ отъ нея и просьбу объ освидѣтельствованіи; или же взять его къ себѣ въ деревню, гдѣ, по ея соображеніямъ, природа, свѣжій воздухъ и простые нравы могутъ благодѣтельно подѣйствовать на разстройство его душевныхъ способностей.

Глафира пожала плечами, взвела глаза къ небу и, улыбнувшись, произнесла:

— Это прелестно!

— Это чортъ знаетъ что, возмутился незлобивый Грегуаръ:—я его могу отдать на счетъ какого-нибудь общества въ частную лѣчебницу сумасшедшихъ.

— Да, это все совсѣмъ не потому-съ, вмѣшался Кишенскій:—Алина Дмитріевна дѣйствительно больна, Алину Дмитріевну дѣйствительно лѣчатъ лучшіе доктора въ городѣ, и потомъ Алина Дмитріевна и безъ того много теряетъ.

— Въ мужѣ? пошутилъ Грегуаръ.

— Да-съ; съ его помѣшательствомъ Алина Дмитріевна теряетъ на немъ до тридцати тысячъ рублей.

— Великій Боже, да когда же у него были такія деньги?

— Я не знаю-съ, но онъ долженъ по законнымъ документамъ. Вѣдь вотъ онъ и за сестрины домъ деньги взялъ, и ихъ тоже, говорятъ, нѣтъ.

Глафира встала и, окинувъ презрительнымъ взглядомъ Кишенскаго, проговорила:

— Но вы, можетъ быть, еще напрасно тужите, можетъ быть онъ еще излѣчимъ, и наконецъ можетъ быть онъ даже совсѣмъ не сумасшедшій.

Съ этимъ она вышла и, пройдя чрезъ нѣсколько комнатъ къ двери Рощина, тронулась за замочную ручку, но замокъ былъ запертъ.

— Отопритесь, Жозефъ,—позвала она.

— Извините, я этого не могу—отвѣчалъ Висленевъ.

— Но я вамъ принесла радость.

— Ни за что на свѣтѣ не могу.

— Вы свободны, поймите вы: я говорю вамъ—вы свободны.

— Нѣтъ-съ и не говорите лучше, ни за что на свѣтѣ!

— Отопрись, болванъ, прошипѣлъ внушительно подошедшій къ нимъ въ эту минуту Гордановъ.

— Ты самъ болванъ и скотина, азартно отозвался Жозефъ.

— На-те же читайте, несчастный,—молвила Глафира и подсунула въ щель подъ дверь полученное ею письмо Алины.

И не прошло минуты, какъ за запертою дверью послышался неистовый визгъ; ключъ повернулся въ замкѣ, дверь съ шумомъ распахнулась; Іосафъ Висленевъ вылетѣлъ изъ нея кубаремъ, смѣясь и кривляясь, черезъ всѣ комнаты предъ изумленными глазами Бодростина, Грегуара, Рощина и Кишенскаго.

Ни при какихъ уговорахъ онъ не могъ бы поступить съ такимъ разсчитаннымъ тактомъ: лучшаго доказательства его сумасшествія ужъ было не нужно.

Кишенскій посмотрѣлъ на него и, когда растрепанный Висленевъ остановился, подумалъ, какъ бы онъ его съ сумасшедшихъ глазъ чѣмъ не хватилъ.

— Ну такъ владѣйте же имъ сами,—сказалъ онъ, юркнулъ и исчезъ за дверью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Зато дѣлается очень худо Бодростину.

Увидѣвъ бѣгство Кишенскаго, Іосафъ Платоновичъ не зналъ уже мѣры своимъ восторгамъ: онъ кидался на шею Бодростину и другимъ мужчинамъ, лобызалъ ихъ, и наконецъ, остановившись предъ Глафирой, поклонился ей чуть не до земли и воскликнулъ:

— Глафира Васильевна, вы такое сдѣлали, что послѣ этого вы великій магъ и волшебникъ.

— А ты, братецъ, совершенно гороховый шутъ, отвѣтилъ ему смущенный его курбетами Бодростинъ, едва оторвавшись отъ своихъ тяжелыхъ мыслей на минуту.—Помилуй скажи, только Богъ знаетъ что надѣлалъ намъ здѣсь вчера и уже опять продолжаешь дѣлать сегодня такое же самое, что я въ жизнь не видалъ.

— Я свободенъ,—отвѣчалъ ему немного спокойнѣе Висленевъ.

— Ну такъ что же, неужели и съ ума сходить отъ того, что ты свободенъ?

— Да-съ, я свободенъ, вы этого не можете понимать, а я понимаю.

— Ты, вѣрно, понимаешь такъ, что ты теперь свободенъ дѣлать глупости.

— Я свободенъ-съ, свободенъ-съ, и нечего вамъ больше мнѣ объ этомъ говорить, опять отвѣтилъ Висленевъ, и снова продолжалъ вертѣться, разсказывая Грегуару, въ какихъ онъ былъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ его заѣлъ въ Россіи женскій вопросъ, который онъ самъ поддерживалъ, и какъ онъ отъ этого ужаснаго вопроса гибъ и страдалъ, и совершенно погибъ бы, если бъ его не спасла Графира Васильевна, самому ему невѣдомо какими путями.

Этотъ оживленный и оригинальный разговоръ занималъ все общество во время закуски и продолжался за обѣдомъ,

и его, вѣроятно, еще стало бы надолго, если бы во время обѣда не произошло одного новаго, весьма страннаго обстоятельства.

Когда было подано четвертое кушанье, въ передней послышался звонокъ. Никто на это не обратилъ вниманія, кромѣ Михаила Андреевича, но и тотъ, смѣшавшись на минуту, тотчасъ же поправился и сказалъ:

— Это вѣрно Кюлевейнъ, онъ всегда опаздываетъ.

Но это совсѣмъ не былъ Кюлевейнъ—Михаилъ Андреевичъ ошибся.

Прошло двѣ-три минуты послѣ звонка, а въ комнату никто не являлся.

— Что же это? газеты, письма? что это такое можетъ быть?—спросилъ, обращаясь къ одному изъ слугъ, снова начинавшій терять спокойствіе, Бодростинъ. Ему было не по себѣ, потому что Грегуаръ, ѣздившій по его порученію къ Казимирѣ, привезъ дурныя вѣсти. Княгиня ничего не уступала изъ своихъ требованій, и шесть часовъ сегодняшняго вечера были послѣднимъ срокомъ, до котораго она давала льготу престарѣлому обожателю. Казимирѣ было некогда ждать и она хотѣла во что бы то ни стало кончить дѣло безъ суда, потому что она спѣшила выѣхать заграницу, гдѣ ждалъ ее давно отторгнутый отъ ея сердца скрипачъ.

Смущеніе, выразившееся на лицѣ Михаила Андреевича, становилось всеобщимъ. Въ передней слышался какой-то шумъ: кто-то о чемъ-то спорилъ, кто-то приказывалъ и наконецъ требовалъ.

Михаилъ Андреевичъ взглянулъ на висѣвшіе на стѣнѣ часы: стрѣлка какъ разъ стояла на роковомъ мѣстѣ: было шесть часовъ и нѣсколько минутъ.

— Это она! Она, проклятая! Ее даже не удержало то, что здѣсь моя жена.

Глафира тоже понимала, что значитъ этотъ звонокъ.

— Да ободритесь, сказала она, не безъ ироніи, мужу.

Михаилъ Андреевичъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ

потребность ободриться и, возвысивъ голосъ, сказалъ оставшемуся слугѣ:

— Выйди, братецъ, узнай, что тамъ такое?

— Слуга пріотворилъ дверь и въ эту минуту до слуха присутствовавшихъ долетѣли слѣдующія слова, произнесенныя молодымъ и сильнымъ, звучнымъ контральто:

Скажи твоему барину, что я здѣсь и не выйду отсюда безъ его отвѣта.

Не оставалось никакого сомнѣнія, что это былъ голосъ княгини Казимиры: ея польскій акцентъ былъ слишкомъ знакомъ присутствующимъ для того, чтобъ еще осталось какое-нибудь сомнѣніе, что это была она. Въ этомъ хотѣлъ бы усумниться, но тщетно, одинъ Михаилъ Андреевичъ, которому вошедшій человѣкъ подалъ на подносѣ большой незапечатанный конвертъ.

Михаилъ Андреевичъ тревожно глядѣлъ на человѣка, на присутствующихъ, взялъ трепетною рукой этотъ конвертъ, и, раскрывъ его, вынулъ оттуда листокъ и, растерявшись, началъ читать вслухъ. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ этимъ показать, что онъ не боится этого письма и нѣсколько затушевать свое неловкое положеніе: но первыя слова, которыя онъ прочелъ громко, были: «Милостивый государь, вы подлецъ!»

— Это, вѣрно, къ вамъ или къ тебѣ,—обратился онъ къ Рошпину и къ Горданову, суя имъ это письмо и надѣясь такимъ образомъ еще на какую-то хитрость: онъ думалъ, что Гордановъ или Рошпинъ его поддержатъ. Но Гордановъ взялъ изъ рукъ Михаила Андреевича роковое письмо и прочиталъ дальше: «Вы подлецъ! Куда вы дѣли моего ребенка? Если вы сейчасъ не дадите мнѣ извѣстное удовлетвореніе, то я сію же минуту ѣду отсюда къ прокурору».

— Нѣтъ, это должно быть не ко мнѣ, а къ кому-нибудь другому, — сказалъ Гордановъ, передавая съ хладнокровнымъ видомъ этотъ листокъ Рошпину, но тотъ смѣшался, покраснѣлъ и отвѣчалъ, что къ нему не можетъ быть такого письма.

— Такъ къ кому же это?

Во всякомъ случаѣ не ко мнѣ. — проговорилъ Грегуаръ.

И тоже не ко мнѣ-съ, не ко мнѣ. — отчурался Висленевъ.

— Ну, такъ отдайте назадъ и скажите, что это не сюда слѣдуетъ,—молвилъ Гордановъ, протягивая письмо къ лакею, но Михаилъ Андреевичъ перехватилъ листокъ, всталъ съ нимъ и заколебался.

Остальные сотрапезники сидѣли за столомъ въ недоумѣніи. Бодро встала одна Глафира. Она показала мужу рукой на дверь кабинета и, взявъ письмо изъ его рукъ, сказала по-французски:

— Идите туда.

Затѣмъ, бросивъ на приборъ свою салфетку, спокойнымъ шагомъ вышла въ переднюю и пригласила за собою въ залъ ожидавшую въ передней Казимиру.

— Вотъ положеніе.—протянулъ, по выходѣ сестры, Грегуаръ.

Рошшинъ молчалъ, Гордановъ тоже, но Висленевъ весело расхохотался и, вскочивъ, началъ бѣгать по комнатѣ и, махая руками, восклицалъ:

— Нѣтъ-съ, это женскій вопросъ! вотъ вамъ что такое женскій вопросъ!

— Перестаньте срамиться. — остановилъ его Грегуаръ, но Жозефъ бойко его отпарировалъ и отвѣчалъ:

— Никогда не перестану-съ, никогда, потому что я много отъ этого пострадалъ и своему полу не измѣню!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Двѣ кометы.

Аудіенція Глафиры съ княгиней Казимирой не была полною неожиданностію ни для той, ни для другой изъ этихъ почтенныхъ дамъ. Павелъ Николаевичъ Гордановъ, по указанію Глафиры, еще утромъ научилъ Казимиру

произвести скандалъ, пользуясь кратковременнымъ пребываніемъ здѣсь Бодростиной. Ему не трудно было убѣдить княгиню, что такимъ образомъ она поставитъ старика въ крайнее положеніе, и что, находясь подъ сугубымъ давленіемъ страха и скандала, онъ вѣрно употребитъ послѣднія усилія удовлетворить ея требованія.

Казимира находила это практичнымъ и потому ни на минуту не поддалась убѣжденіямъ Грегуара, а напротивъ была непреклонна и явилась въ домъ къ Бодростину именно въ обѣденный часъ, когда вся семья и гости должны были быть въ сборѣ. Разумѣется, не было это неожиданностью и для Глафиры, которая ждала княгиню во всеоружіи своей силы и ловкости. И вотъ наконецъ двѣ кометы встрѣтились.

Закрывъ дверь въ столовую и внутреннія комнаты, Глафира Васильевна, явясь черезъ залъ, открыла дверь въ переднюю, гдѣ княгиня Казимира ожидала отвѣта на свое письмо. Одѣтая въ пышное черное платье и въ бархатную кофту, опушенную чернобурой лисицей, она стояла въ передней, оборотясь лицомъ къ окнамъ и спиной къ залыной двери, откуда появилась Глафира Васильевна.

— Княгиня, я васъ прошу не отказать мнѣ въ минутѣ свиданія,— пригласила ее Глафира Васильевна.

Казимира, не ожидавшая такого оборота дѣла, на мгновеніе смѣшалась, но тотчасъ же смѣло вскинула голову и бойко пошла за Глафирой. Та сѣла у фортепіано и показала гостьѣ на кресло противъ себя.

— Вы пришли не ко мнѣ, а къ моему мужу?

— Да,—отвѣчала Казимира.

— И по дѣлу, въ которое мнѣ, какъ женѣ его, можетъ быть неудобно было бы вмѣшиваться, но (Глафира едва замѣтно улыбнулась) съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, свѣтъ пошелъ наизнанку, и я нахожу себя вынужденной просить васъ объясниться со мною.

— Для меня все равно,—отвѣчала Казимира.

— Я такъ и думала, тѣмъ болѣе, что я все это дѣло

знаю и вамъ не будетъ стоить никакого труда повторить мнѣ вашу претензію: вы хотите отъ моего мужа денегъ.

— Да.

— За вашего пропавшаго ребенка?

— Да.

— Мой мужъ такъ неловко поставилъ себя въ этомъ дѣлѣ, что онъ долженъ удовлетворить васъ; — это безспорно, но дѣло можетъ казаться нѣсколько спорнымъ въ отношеніи цѣны: вы сколько просите?

— Пятьдесятъ тысячъ.

— Вы хотите пятьдесятъ тысячъ: это дорого.

Казимира бросила гнѣвный взглядъ и сказала:

— Я не знаю, во сколько вы хотите цѣнить честь женщины моего положенія, но я меньше не возьму: притомъ это уголовное дѣло.

— Да, да, я очень хорошо понимаю, это, дѣйствительно, уголовное дѣло; но, княгиня, тутъ вѣдь куда ни глянь, вокругъ все уголовныя дѣла. Это модный цвѣтъ, который нынче носятъ, но я все-таки хочу это кончить. Я вамъ рѣшилась предложить кончить все это нѣсколько меньшею суммой.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, я вамъ могу дать пятьсотъ рублей.

Казимира вспыхнула и грозно встала съ мѣста.

— Позвольте, княгиня, я вѣдь еще не кончила; я согласна, что пятьсотъ рублей это огромная разница противъ того, что вы желаете получить съ моего мужа, но зато я вамъ дамъ въ прибавокъ вотъ этотъ векселъ.

Глафира, стоя въ эту минуту по другую сторону фортепіано, развернула и показала княгинѣ фальшивый векселъ отъ имени Бодростина, писанный ея рукой.

Казимира смѣшалась, и чтобы не выдать своего замѣшательства, зажмурив глаза, старалась какъ бы убѣдиться въ достоинствахъ предъявленной ей бумаги.

— Вы, ваше сіятельство, не безпокойтесь, — проговорила, опуская въ карманъ бумажку, Глафира: векселъ этотъ

не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. онъ такое же уголовное дѣло, какъ то, которымъ вы угрожаете моему мужу, но съ тою разницей, что онъ составляетъ дѣло болѣе доказательное, и чтобы убѣдить васъ въ томъ, что я прочно стою на моей почвѣ, я попрошу васъ не выходить отсюда прежде, чѣмъ вы получите удостовѣреніе. Вы сію минуту убѣдитесь, что для насъ съ вами обоюдно гораздо выгоднѣе сойтись на миролюбивыхъ соглашеніяхъ.

Откуда это могло взяться?—прошептала потерявшаяся Казимира.

Но въ это время Глафира Васильевна, пріотворивъ дверь въ столовую, громко крикнула:

— Гордановъ, ayez la bonté, на одну минутку.

Павелъ Николаевичъ, обтирая салфеткой усы, вошелъ твердой и спокойной поступью и слегка кивнулъ Казимирѣ, которая стояла теперь въ концѣ фортепіано, опершись рукой о деку.

— Помогите мнѣ кончить съ княгиней, — начала Глафира.

— Съ удовольствіемъ-съ.

— Княгиня Казимира Антоновна, угодно вамъ получить тысячу рублей и этотъ вексель? Съ тысячью рублей вы можете спокойно уѣхать за границу.

— По мое будущее,—сказала Казимира.

— О, княгиня, оно достаточно обезпечено вашимъ новымъ положеніемъ и во всякомъ случаѣ о немъ не мѣсто здѣсь говорить. Угодно вамъ или не угодно?

Казимира взглянула на Горданова и, укусивъ свою алую губку, отвѣчала:

— Хорошо-съ.

— Павелъ Николаевичъ, — молвила ласково Глафира, потрудитесь написать въ кабинетѣ маленькую записочку отъ княгини...

Княгиня было запротестовала противъ писанія какихъ бы то ни было записокъ, но дѣло было уже такъ на мази, что Глафирѣ Васильевнѣ не стоило большого труда угово-

рить ее согласиться и на это. Шансы такъ перемѣнились, что теперь Глафира угрожала, и княгинѣ не осталось ничего больше, какъ согласиться.

Гордановъ въ одну минуту составилъ маленькую мировую записочку, въ которой княгиня въ самыхъ ясныхъ и не совсѣмъ удобныхъ для нея выраженіяхъ отрекалась отъ начатія когда бы то ни было своей претензіи противъ Бодростина. И записочка эта была подписана трепетною рукою Казимиры, причемъ Глафира вручила ей честнымъ образомъ и обѣщанную тысячу рублей, и вексель. Схвативъ въ свои руки этотъ листокъ, Казимира быстро разорвала его на мелкіе кусочки и, всплакнувъ до ушей, скомкала эти клочки въ рукѣ и со словомъ «подлецъ» бросила ихъ въ глаза Горданову и, никому не поклонясь, пошла назадъ въ двери.

Гордановъ было сдѣлалъ вслѣдъ за нею нетерпѣливое движеніе, но Глафира удержала его за руку и сказала:

— Останьтесь, она имѣетъ достаточную причину волноваться.

Такимъ образомъ въ этотъ великій день было совершено два освобожденія: получили право новой жизни Висленевъ и Бодростинъ, и оба они были обязаны этимъ Глафирѣ, акціи которой, давно возвышенныя на свѣтской биржѣ, стали теперь далеко выше пари и на базарѣ домашней суеты. Оба они были до умиленія тронуты: у старика на глазахъ даже сверкали слезы, а Висленевъ почти плакалъ, а черезъ часъ, взойдя въ кабинетъ Бодростина, фамильярно хлопнулъ его по плечу и шепнулъ:

— А что, дядя: вѣдь мы свободны!

Михаилъ Андреевичъ вспомнилъ, что онъ сумасшедшій, и не разсердился, а Жозефъ, еще похлопавъ ободрительно Бодростина, пошелъ къ Глафирѣ и спросилъ:

— Можно ли мнѣ пойти погулять?

— Куда?—довольно строго спросила его Глафира.

— Ну... такъ немножко... провѣтриться.

— Можете, только прошу васъ никуда не заходить.

— Нѣтъ; куда же заходить?

— Богъ васъ знаетъ: можетъ быть вы вздумаете показаться брюнетомъ женѣ.

— Нѣтъ; что вы это! Я скорѣй бы съ удовольствіемъ зашелъ на минутку къ Ванскокъ, потому что я эту высокую женщину вполнѣ уважаю...

— Нѣтъ, нѣтъ: этого нельзя.

— Отчего же? Она вѣдь очень, очень честная.

— Ну, просто нельзя.

Висленевъ стоялъ: ему страсть хотѣлось побывать у Ванскокъ! и онъ ждалъ разрѣшенія: почему же ему этого не позволяютъ?

Глафира это поняла и отвѣчала ему на его безмолвный вопросъ:

— Да неужто вы даже этого не понимаете, почему женщина можетъ не желать, чтобы человѣкъ не былъ у другой женщины, которую онъ еще, къ тому же, хвалитъ?

— Нѣтъ, понимаю, понимаю! — воскликнулъ въ восторгѣ Висленевъ, и убѣжалъ, отпроспвшись въ театръ, но съ намѣреніемъ забѣжать по дорогѣ къ Ванскокъ.

Владѣя натурой быстрой, поднимавшейся до великаго разгара страстей и вслѣдъ затѣмъ падавшей до совершеннаго безстрастія, Глафира никогда не предполагала такого измельчанія характеровъ, какое увидѣла при первыхъ же своихъ столкновеніяхъ и побѣдахъ. Все это дѣлало въ ея глазахъ еще болѣе мелкими тѣхъ людей, съ которыми она сталкивалась, и она теперь еще больше не жалѣла о своемъ утреннемъ визитѣ къ генералу. Въ ней мелькнула увѣренность, что если Гордановъ ее еще до сихъ поръ и не выдалъ, то непремѣнно выдастъ въ минуту опасности, если дѣло убійства пойдетъ не ладно.

Въ Петербургѣ теперь ничто болѣе ее не задерживало, а Михаилъ Андреевичъ, послѣ тѣхъ передрягъ, какія онъ перенесъ здѣсь, самъ радъ былъ разстаться съ Сѣверною Пальмирой. Бодростина рѣшила, что имъ нужно уѣхать въ деревню.

Рѣшеніе это не встрѣтило ни малѣйшаго противорѣчія, и день отъѣзда былъ назначенъ вскорѣ.

Въ три-четыре дня, которые Глафира провела въ Петербургѣ, она видѣлась только съ братомъ и остальное время все почти была дома безвыходно. Одинъ разъ лишь, предъ самымъ отъѣздомъ, она была опять у генерала, благодарила его за участіе, разсказала ему, что все дѣло кончено миролюбиво, и ни о чемъ его больше не просила.

Казимира уѣхала изъ Петербурга въ тотъ же день, что и было совершенно умѣстно, потому что Глафира Васильевна, сообщая генералу о своемъ успѣхѣ въ этой сдѣлкѣ, улыбаясь, передала ему клочки разорваннаго Казимирой векселя.

«Это большая шельма, это тонкая барыня», подумалъ генералъ, и оставилъ эти клочки у себя, причемъ Глафирѣ показалось, и совершенно не безосновательно, что его превосходительство не безъ цѣли завладѣлъ этими клочками, потому что онъ обмолвился при ней, сказавъ про себя:

— Таковы-то и всѣ у нихъ слуги вѣрные.

Висленевъ, прослушавъ оперу «*Руслань*», забѣжалъ-таки къ честнѣйшей Ванскокъ и сообщилъ ей, что онъ спиритъ и ведетъ подкопъ противъ новѣйшихъ перевертней, но та выгнала его вонъ. Въ день отъѣзда онъ раньше всѣхъ впрыгнулъ въ карету, которая должна была отвезть ихъ на желѣзную дорогу, и раньше всѣхъ вскочилъ въ отдѣльное первоклассное купé.

Михаилъ Андреевичъ сидѣлъ посреди дивана, обитаго бѣлымъ сукномъ: онъ былъ въ легкомъ, свѣтломъ пиджакѣ, въ соломенной шляпѣ, а вокругъ него, не сводя съ него глазъ, какъ черные вороны, усѣлись: Глафира, Гордановъ и Висленевъ. Съ ними же до Москвы выѣхалъ и наслѣдникъ Бодростина Кюлевейнъ.

Въ Москвѣ они остановились на три дня: но въ эти три дня случилось небольшое происшествіе.

Желая вознаградить себя за сидѣніе въ Петербургѣ, Жозефъ, призанявъ у Глафиры Васильевны двадцать пять

рублей, носился по Москвѣ: сдѣлалъ визиты нѣсколькимъ здѣшнимъ гражданамъ, обѣдалъ въ «Эрмитажѣ», былъ въ театрѣ и наконецъ въ одинъ вечеръ посѣтилъ вмѣстѣ съ Гордановымъ и Кюлевейномъ «Грузины»; слушалъ тамъ цыганъ, пилъ шампанское, напился до-пьяна и на возвратномъ пути былъ свидѣтелемъ одного непріятнаго событія. Кюлевейнъ, котораго вмѣстѣ съ Висленевымъ едва посадили въ карету, вдругъ началъ икать, какъ-то особенно корчиться и извиваться червемъ и на полдорогѣ къ гостиницѣ умеръ.

Событіе было самое непріятное, страшно поразившее Бодростина, тронувшее, впрочемъ, и Глафиру; однако тронувшее не особенно сильно, потому что Глафира, узнавъ о томъ, гдѣ были молодые господа прежде трагическаго конца своей гулянки, отнеслась къ этому съ крайнимъ осужденіемъ. Висленевъ же былъ болѣе смущенъ, чѣмъ пораженъ: онъ не могъ никакъ понять, какъ это все случилось, и, проснувшись на другое утро, прежде всего обратился за разъясненіями къ Горданову, но тотъ ему отвѣчалъ только:

— Ты ужъ молчи по крайней мѣрѣ, а не разспрашивай.

— Нѣтъ, да я-то что же такое тутъ, Паша; я-то что же? отчего же мнѣ не разспрашивать?

— Отчего тебѣ не разспрашивать? будто ты не знаешь, что ты сдѣлалъ?

— Я сдѣлалъ, что такое?

Ты сдѣлалъ, что такое? Не ты развѣ давалъ ему содовые порошки?

— Ну я, ну такъ что жъ такое! Но я вообще самъ былъ немножко, знаешь, того.

— Да, немножко того, но, однако, дѣло свое сдѣлалъ. Нѣтъ, я, чортъ тебя возьми, съ тобой больше пьянымъ быть не хочу. Съ тобой не дай Богъ на одной дорогѣ встрѣчаться, вишь ты, каналья, какой сталъ рѣшительный...

Висленевъ испугался; однако не безъ нѣкотораго удовольствія повѣрилъ, что онъ рѣшительный.

Между тѣмъ Кюлевейна схоронили: погребеніе еще пробыли въ Москвѣ по этому поводу лишнихъ три дня, употребленные частью на хлопоты о томъ, чтобы тѣло умершаго кавалериста не было вскрыто, такъ какъ смерть его казалась всѣмъ очевидною. Врачъ далъ свидѣтельство, что онъ умеръ отъ удара, и концы были брошены, если не въ воду, то въ могилу Ваганькова кладбища.

Михаилъ Андреевичъ оставался безъ наслѣдника и заговорилъ съ Рошпинымъ о необходимости взять изъ Опекунскаго Совѣта духовное завѣщаніе.

Крылатыя слова, сказанныя объ этомъ старикомъ, исполнили глубочайшаго страха Глафиру. Она давно не казалась такою смятенною и испуганною, какъ при этой вѣсти. И въ самомъ дѣлѣ было чего бояться: если только Бодростинъ возьметъ завѣщаніе и увидитъ, что тамъ написано, то опять всѣ труды и заботы, всѣ хлопоты и злодѣянія, все это могло пойти на вѣтеръ.

Гордановъ по этому поводу заявилъ мысль, что надо тутъ же кончить и съ Бодростинымъ, но двѣ смерти разомъ имѣли большое неудобство: Глафира признала это невозможнымъ и направила дѣло иначе: она умолила мужа подождать и не возмущать теперь души ея заботами о состояніи.

— На что оно мнѣ? на что? говорила она, вздыхая:— мнѣ ничего не нужно, я все отжила и ко всему равнодушна, и въ этихъ ея словахъ была своя доля правды, а такъ какъ они высказывались еще съ усиленною задушевностью, то имѣли свое вѣское впечатлѣніе.

— Не узнаю, не узнаю моей жены, говорилъ Бодростинъ. — А впрочемъ, сообщилъ онъ по секрету Рошпину: — я ей готовлю сюрпризъ, и ты смотри не проговорись; восьмого ноября, въ день моего ангела, я передамъ ей все, понимаешь, все какъ есть. Она этого стоитъ.

— О, еще бы! воскликнулъ Рошпинъ и, разумѣется, все это сообщилъ Глафирѣ Васильевнѣ.

Положеніе секретаря было ужасное: два завѣщанія могли

встрѣтиться, и третій документъ, о которомъ замышлялъ Бодростинъ, долженъ былъ писаться въ отмѣну того завѣщанія, которое сожжено, но которое подписывалъ въ качествѣ свидѣтеля Подозеровъ... Все это составляло такую кашу, въ которой очень не мудрено было затонуть съ какою хочешь изворотливостью.

— Но вы, Генрихъ, развѣ непремѣнно будете свидѣтельствовать, что вы подписывали не то завѣщаніе, которое лежитъ въ конвертѣ?

— Я не знаю: я падаю духомъ при одной мысли, что все откроется.

— Мы поддержимъ вашъ духъ,—прошептала, сжавъ его руку, Глафира.—За вашу преданность мнѣ, Генрихъ, я заплачу всею моею жизнью. Только подождите,—дайте мнѣ освободиться отъ всѣхъ этихъ узъ.

— Да; пора,—отвѣчалъ смѣлѣе, чѣмъ всегда, Ропшинъ.

Глафирѣ это показалось очень непріятно и она прекратила разговоръ, сказавъ, что противъ свидѣтельства Подозерова она приметъ вѣрныя мѣры, и долго совѣщалась объ этомъ съ Гордановымъ.

Висленевъ же, чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ роднымъ мѣстамъ, тѣмъ становился бойче и живѣе: пестрое помѣшательство у него переходило въ розовое: онъ обѣщалъ Гордапову устроить рандевушку съ сестрой, пробравъ ее предварительно за то, что она вышла за тряпку, а самъ постоянно пѣлъ схваченную со слуха въ «Руланѣ» пѣсню Фарлафа:

Близокъ ужъ часъ торжества моего,
Могучій соперникъ теперь мнѣ не страшенъ.

— Да; только гляди, Фарлафъ, не сфарлафь въ рѣшительную минуту,—говорилъ ему Гордановъ, понимая его пѣсню.

— О, не сфарлафлю, не сфарлафлю, братъ,—мнѣ ужъ надоѣло. Пора, пора: мнѣ Глафира и ея состояніе, а тебѣ моя сестра, и я дамъ вамъ десять тысячъ. Помогай только ты мнѣ, а ужъ я тебѣ помогу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Маланьина свадьба.

Одинъ извѣстный французскій рецензентъ, дѣлая обзоръ русскаго романа, далъ самый восторженный отзывъ о дарованіяхъ русскихъ беллетристовъ, но при томъ ужаснулся «бѣдности содержанія» русскаго романа. Онъ полагалъ, что усмотрѣнная имъ «бѣдность содержанія» зависитъ отъ сухости фантазіи русскихъ романистовъ, а не отъ бѣдности самой жизни, которую долженъ воспроизводить въ своемъ трудѣ художникъ. Между тѣмъ, справедливо замѣченная «бѣдность содержанія» русскихъ повѣстей и романовъ находится въ прямомъ соотношеніи къ характеру русской жизни. Романы, сюжеты которыхъ заимствованы изъ временъ Петра Великаго, Бирона, Анны Ивановны, Елизаветы и даже императора Александра Перваго, далеко не безупречные въ отношеніи мастерства разсказа, отнюдь не страдаютъ «бѣдностью содержанія», которая становится удѣломъ русскаго повѣствованія въ то время, когда, по чьему-то характерному выраженію, въ романѣ и повѣсти у насъ варьировались только два положенія: «влюбился да женился, или влюбился да застрѣлился». Эта пора сугубо-бѣдныхъ содержаніемъ беллетристическихъ произведеній въ то же самое время была порой замѣчательнаго процвѣтанія русскаго искусства и передала намъ нѣсколько именъ, славныхъ въ лѣтописяхъ литературы по искусству живописанія. Воспроизводя жизнь общества, отстраненнаго порядкомъ вещей отъ всякаго участія въ вопросахъ, выходящихъ изъ рамъ домашняго строя и совершенія карьеръ, романисты указанной поры, дѣйствуя подъ тяжкимъ цензурнымъ давленіемъ, вынуждены были избрать одно изъ оставшихся для нихъ направленій: или достиженіе занимательности произведеній посредствомъ фальшивыхъ эфектовъ въ сочиненіи, или же замѣну эфектовъ фабулы высокими достоинствами выполненія, экспрессіей лицъ, тончайшею разработкой самыхъ

мелкихъ душевныхъ движеній и микроскопическою наблюдательностью въ области физіологіи чувства. Къ счастію, для русскаго искусства и къ чести для нашихъ писателей, художественное чутье ихъ не позволило имъ увлечься на вредный путь фальшиваго эфектничанья, а обратило ихъ на второй изъ указанныхъ путей, и при «бѣдности содержанія» у насъ появились произведенія, достойныя глубокаго вниманія по высокой прелести своей жизненной правды, поэтичности выведенныхъ типовъ, колориту внутренняго освѣщенія и выразительности обликовъ. У насъ между художниками-повѣствователями явились такіе мастера по отдѣлкѣ, какъ въ живописи Клодъ Лорренъ—по солнечному освѣщенію, Яковъ Рюисдаль—по безотчетной грусти тихихъ сценъ, Поль-Поттеръ—по умѣнію соединять въ поэтическія группы самыхъ непоэтическихъ домашнихъ животныхъ, и т. п. Если исторія живописи указываетъ на безпримѣрную законченность произведеній Жерардъ-Дова, который выдѣлывалъ чешуйки на селедкѣ и, написавъ лицо человѣка, изобразилъ въ зрачкахъ его отраженіе окна, а въ немъ прохожаго, то и русская словесность имѣла представителей въ работахъ, которыхъ законченность подробностей поразительна не менѣе, чѣмъ въ картинахъ Жерарда-Дова. Большая законченность рисунка стала у насъ необходимымъ условіемъ его достоинствъ. Картины съ композиціей болѣе обширною, при которой уже невозможна такая отдѣлка подробностей, къ какой мы привыкли, многимъ стали казаться оскорбленіемъ искусства, а между тѣмъ развивающаяся общественная жизнь новѣйшей поры, со всею ея правдой и ложью, мимо воли романиста, начала ставить его въ необходимость отказаться отъ выдѣлки чешуекъ селедки и отраженія окна въ глазу человѣка. Въ обществѣ проявилось желаніе имѣть новыя картины, захватывающія большіе кругозоры и представляющія на нихъ разомъ многообразныя сцены современной дѣйствительности съ ея разнообразными элементами, взбаломученными недавнимъ цѣлебнымъ возмущеніемъ воды и нынѣ осѣдающими и кри-

сталлизующимися въ ту или другую сторону. Новѣйшая литература сдѣлала нѣсколько опытовъ представить такія картины, и онѣ приняты обществомъ съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ недоумѣніемъ. Публика всматривалась въ нихъ и видѣла на полотнѣ общій знакомый видъ, но ей не нравилась неровность отдѣлки. Ей хотѣлось соединенія широкихъ комбинацій съ мелочами выполненія на всѣхъ планахъ. Явились и въ этомъ родѣ опыты, которые и были встрѣчены неравнодушно, но мелкость отдѣлки наводила скуку: и вмѣсто жизни и колорита являлась одна пестрота, уничтожавшая картину.

Когда въ русской печати, послѣ прекрасныхъ произведеній, «бѣдныхъ содержаніемъ», появилась повѣсть съ общественными вопросами (*«Наканунѣ»*), читатели находили, что это интересная повѣсть, но только «нѣтъ такихъ людей, какіе описаны». Съ тѣхъ поръ почти каждое беллетристическое произведеніе, намекающее на новыя кристаллизаціи элементовъ, встрѣчалось съ бо́льшимъ или меньшимъ вниманіемъ, но съ постояннымъ недовѣріемъ къ изображенію новаго кристалла. Въ немъ узнавали только нѣчто похожее на дѣйствительность, но гнѣвались на недостатки, неполноту и недоконченность изображенія и потомъ черезъ нѣсколько времени начинали узнавать въ немъ родовыя и видовыя черты.

Это же самое происходитъ отчасти съ изображаемыми въ этомъ романѣ двумя лицами: Подозеровымъ и его женой Ларисой, и особенно съ послѣдней. По отношенію къ первому, снисходительнѣйшіе читатели еще милостиво извиняютъ автора приведеніемъ въ его оправданіе словъ Гоголя, что «хорошаго русскаго человѣка будто бы рельефно нельзя изображать»; но зато по отношенію къ Ларѣ судъ этотъ гораздо строже: авторъ слышитъ укоризны за неясность нравственнаго образа этой женщины, напоминающей, по словамъ нѣкоторыхъ судей, такихъ извѣстныхъ имъ лицъ, которыя, «не называясь умопомѣшанными, поступаютъ какъ сумасшедшія».

Въ этомъ сходствѣ, которое находятъ между Ларой и знакомыми читателямъ съ извѣстной стороны лицами, авторъ видитъ для себя достаточное успокоеніе.

Дѣйствуя подъ неотступнымъ давленіемъ сомнѣній, безъ сильныхъ влеченій и антипатій, при безмѣрности довольно мелкаго самолюбія и крайнемъ безпокойствѣ воображенія. Лариса въ теченіе года своего замужества съ Подозеровымъ успѣла пройти большую драму безъ дѣйствія, съ однимъ лишь глухимъ, безмолвнымъ протестомъ противъ всего и съ оскорбляющимъ жизнь безстрастіемъ. Между тѣмъ утромъ, предъ наступленіемъ котораго Катерина Астафьевна Форова, отпировавъ «Маланьину свадьбу», уснула съ намѣреніемъ идти на другой день на смертный бой съ Ларой, и между нынѣшнимъ днемъ, когда мы готовы снова встрѣтить Ларису, лежитъ цѣлая бездна, въ которой нѣтъ ничего ужасающаго, а только одна тягость и томленіе, уничтожающія всякую цѣну жизни.

Пробѣжимъ вскользь это грустное существованіе, пріостанавливаясь лишь на минуты на главныхъ его эпизодахъ.

Первое утро медоваго мѣсяца Лары было началомъ новыхъ несогласій между ею и людьми, принимавшими въ ней живое участіе. Катерина Астафьевна, проспавъ въ это утро нѣсколько долѣе обыкновеннаго, очень удивилась, когда, придя къ новобрачнымъ, застала все въ полномъ порядкѣ, но въ такомъ порядкѣ, который былъ бы умѣстенъ въ обыкновенной порѣ жизни, а не на второй день супружества. Подозеровъ занимался въ кабинетѣ, а Лара, совсѣмъ одѣтая, сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, въ гостиной, и читала книгу. Катеринѣ Астафьевнѣ не съ чего было начать войны, въ цѣляхъ которой она сюда прибыла. Это еще болѣе разсердило майоршу и, походивъ изъ угла въ уголъ предъ сидящею Ларисой, она, наконецъ, остановилась и спросила:

— Ну, что же, ты счастлива?

— Очень,—отвѣчала съ тихимъ наклоненіемъ головы Лара.

— Что же ты такъ отвѣчаешь?

— Какъ же вамъ отвѣчать, ma tante?

— Какъ?.. Тетка ее спрашиваетъ: счастлива ли она?.. а она жантильничаетъ. — Катерина Астафьевна вздохнула, встала и добавила:—пойду къ твоему мужу: такъ ли онъ счастливъ, какъ ты?

Придя къ Подозерову, она, къ удивленію своему, увидала, что и онъ ничѣмъ не смущенъ, а, напротивъ, какъ будто только еще болѣе сосредоточенъ и занятъ дѣломъ, за которымъ она его застала.

— Что это такое, что и въ такой день васъ занимаетъ? — спросила она.

— А это женины дѣла по залогу ея дома.—отвѣчалъ Подозеровъ, подавая стулъ теткѣ.

— Что же въ нихъ, въ этихъ дѣлахъ?

— Гм!.. ну, я надѣюсь, что можно будетъ кое-какъ вывернуться.

— Можно?

— Да: по крайней мѣрѣ, я такъ думаю.

— Что же, это хорошо.—отвѣтила, не думая, что говоритъ, Форова, и, худо скрывая свое неудовольствіе, очень скоро ушла къ Синтянинной, къ которой явилась оживленная искусственною веселостью и, комически шаркая и присѣдая, принесла генеральшѣ поздравленія.

— Съ чѣмъ?—спросила та.

— Ни съ чѣмъ.—отвѣчала ей майорша, и разсказала, что она застала у новобрачныхъ, скрывъ, впрочемъ, то, что мужъ ея видѣлъ ночную прогулку Подозерова подъ дождемъ и снѣгомъ. Это было такъ непріятно Катеринѣ Астафьевнѣ, что она даже, злясь, не хотѣла упоминать объ этомъ событіи и, возвратясь домой, просила майора точно такъ же ничего никогда не говорить объ этомъ, на что Филетеръ Ивановичъ, разумѣется, и изъявилъ полное согласіе, добавивъ, что ему «это наплевать».

Но чѣмъ кротче это всѣми принималось, тѣмъ болѣе Форова обнаруживала безпокойства и желанія проникнуть

въ тайну семейнаго быта новобрачной племянницы и изобрѣтала въ своей головѣ планы, какъ бы за это взяться, и сердилась, когда Синтянина, кротко выслушивая эти планы, или разбивала ихъ, или шутила и говорила, что майоршѣ просто нечего дѣлать.

— Люди поженились и живутъ, и пусть ихъ живутъ,— говорила Синтянина; но Форова думала не такъ: «Маланьина свадьба» казалась ей не бракомъ, а какою-то глупостью, которая непремѣнно должна имѣть быстрый, внезапный и грустный конецъ; но самимъ новобрачнымъ майорша этого, разумѣется, не высказывала, да вскорѣ перестала говорить объ этомъ и Синтяниной, и своему мужу, такъ какъ первая въ отвѣтъ на ея пророчества называла ее «сорокой», а второй, не дослушивая рѣчей жены, отвѣчалъ:

Оставь, пожалуйста, матушка: мнѣ это наплевать.

— Это вы на бракъ-то, господинъ Форовъ, плюете?

Да.

— Ну, такъ вы дуракъ?

— Ну, такъ что же такое, что дуракъ?

— То, что бракъ—это наша святыня жизни.

— Ну, такъ что же такое, и наплевать.

Форова нетерпѣливо сердилась на эти отзывы, но потомъ перестала обращать на нихъ вниманіе, и зато еще болѣе усердно занималась шпіонствомъ за племянницей и заботой, дабы вмѣсто форменнаго союза ея съ мужемъ между ними возникъ крѣпкій союзъ сердечный.

Къ осуществленію такихъ хлопотъ Катеринѣ Астафьевнѣ не замедлилъ представиться случай: финансовыя дѣла Ларисы, да и собственная хлопотливость Подозерова не давали ему пребывать въ покоѣ. Оставивъ службу по неудовольствію съ Бодростинымъ, онъ теперь, женившись, не могъ ѣхать и въ Петербургъ, тѣмъ паче, что братъ Глафиры Грегуаръ, значительно перемѣнившійся съ тѣхъ поръ, какъ зналъ его Подозеровъ, не отозвался на его письмо, да Подозерову, въ его новомъ положеніи, уже невозможно было ограничиваться тѣми безсеребренническими желаніями, какія

онъ высказывалъ въ своемъ письмѣ къ Грегуару, когда просилъ взять его хоть въ писаря. Надо было думать о хлѣбѣ болѣе питательномъ, и въ этомъ случаѣ Подозерову оказалъ непрошенную, но очень важную услугу генералъ Синтянинъ.

Мужъ Александры Ивановны въ эту пору сдѣлался особенно пріязненъ съ Катериной Астафьевной, охотнѣе всѣхъ выслушивалъ ея неудовольствія на «глупый характеръ» Ларисы и, дѣйствительно, сочувствовалъ положенію Подозерова.

— Да-съ, говорилъ онъ,—мнѣ Андрей Ивановича жаль-съ: я всегда говорилъ, что Лариса Платоновна — особа очень поэтическая-съ, а всѣ эти поэтическія особы очень прозаичны-съ. Да-съ, имъ надо угождать, да угождать.

— Да вѣдь неизвѣстно, Иванъ Демьянычъ, въ чемъ имъ и угождать-то-съ.

— Все знаю-съ: такимъ поэтическимъ барышнямъ надо за старичковъ выходить, тѣ угодливѣе: она будетъ капризничать, а онъ предъ ней на колѣночкахъ стоять.

— Или, еще лучше, за казачьихъ офицеровъ,—вмѣшался майоръ Форовъ,—потому что казакъ какъ разъ за нагайку возьмется, и поэтическое недовольство получитъ исходъ.

Оригинальное мнѣніе майора заставило генерала разсмѣяться, а Катерина Астафьевна вспыхнула и, сказавъ мужу, что нагайка была бы умѣстнѣе на тѣхъ, кто разсуждаетъ такъ, какъ онъ, выжила его изъ комнаты, гдѣ шла эта бесѣда.

Предпочтеніе, которое Катерина Астафьевна оказывала въ эту пору разговорамъ съ генераломъ, подвигнуло и его принять участіе въ заботахъ о судьбѣ новобрачныхъ, и Иванъ Демьяновичъ, вытребовавъ къ себѣ въ одно прекрасное утро майоршу, сообщилъ ей, что одинъ петербургскій генералъ, именно тотъ самый, у котораго Глафира искала защиты отъ Горданова, Кишенскаго и компаніи, купилъ въ ихъ губерніи прекрасное имѣніе и по знакомству съ Иваномъ Демьяновичемъ просилъ его рекомендовать изъ мѣстныхъ людей основательнаго и честнаго человѣка и поставить его немедленно въ томъ имѣніи управителемъ.

— Такъ что же, батюшка Иванъ Демьянычъ, Андрюшу туда поставьте!—воскликнула Форова.

— Да я такъ-съ было и думалъ ему предложить.

— Ему, ему, непремѣнно ему, потому что, во-первыхъ, честнѣй его человѣка нѣтъ, а потомъ онъ и основательный, да ему это теперь и нужно.

— Что жъ: я очень радъ служить, если это ему будетъ по вкусу.

— Помилуйте, отчего же не по вкусу: онъ любитъ уединеніе и пусть живетъ въ деревнѣ, да и она тамъ скорѣе одумается.

Катерина Астафьевна побѣжала посломъ къ Подозерову и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ его согласіемъ и благодарностію, а черезъ два дня Андрей Ивановичъ уже уѣхалъ на свой новый постъ принимать имѣніе и устраивать себѣ тамъ жилье.

Этимъ временемъ Катерина Астафьевна, безъ всякаго приглашенія со стороны Ларисы, явилась къ ней погостить и слегка бунтовала, нарушая учрежденный Ларисой порядокъ жизни. Майорша, подъ предлогомъ разсѣянности, безпрестанно перетаскивала изъ кабинета Подозерова въ комнату Лары разныя мелкія вещи, но Лара тихо, но тщательно возвращала ихъ опять въ кабинетъ; Катерина Астафьевна постоянно заговаривала съ Ларой о ея мужѣ и о ея дѣлахъ, но та уклонялась отъ этихъ разговоровъ и старалась читать. Кончалось это тѣмъ, что тетка съ племянницей ссорились, выражая, впрочемъ, свой гнѣвъ разными способами: майорша—язвительными словами, а Лариса—упорнымъ молчаніемъ и кажущеюся нечувствительностью.

Наконецъ Катерина Астафьевна не выдержала и спросила:

— Ты, кажется мнѣ, вовсе не любишь своего мужа?

Лара промолчала.

— Слышишь, о чемъ я съ тобой говорю?—загорячилась, толкая свой чепецъ, Форова.

— Слышу, но не знаю, почему это вамъ такъ кажется.

— А отчего же ты про него ничего не говоришь?

— Какая странная претензія!

— Нисколько не странная: я сама женщина и сама любила и знаю, что про любимаго человѣка говорить хочется. А тебѣ вѣрно нѣтъ?

— Нѣтъ; я не люблю словъ.

— Не любишь словъ, да и живешь скверно.

— Какъ же я живу?

— «Какъ живу!» Скверно, сударыня, живешь! У васъ скука, у васъ тоска, у васъ дутье да молчанка: эта игра не ведетъ къ добру. Лариса! Ларочка! я тебѣ, отъ сердца добра желая, это говорю!

И Форова закрыла ладонями рукъ страницы книги, которую читала Лариса.

— Ахъ, какъ это несносно!—воскликнула Лара и встала съ мѣста.

Майорша вспыхнула.

— Лариса!—сказала она строго, отбросивъ книжку.—ты мнѣ не чужая, а своя, я сестра твоей матери.

Но Лара перебила ее нетерпѣливымъ вопросомъ:

— Чего вы отъ меня, тетушка, хотите? Мужъ мой что ли прислалъ васъ ко мнѣ съ этими переговорами?

— Нѣтъ; твой мужъ ничего не говорилъ мнѣ, а я сама... ты знаешь, какая исторія предшествовала твоей свадьбѣ...

Лара покраснѣла и отвѣчала:

— Никакой я не знаю исторіи и никакой исторіи не было.

— Лара, ты должна постараться, чтобы твоего мужа ничто не смущало, чтобъ онъ, закрывъ вѣнцомъ твой неосторожный шагъ, былъ увѣренъ, что ты этого стоишь.

— Надѣюсь, что стою.

— Да что же ему-то изъ этого проку, что ты стоишь, да только молчишь, сушишься, да губы дуешь: велика ли въ этомъ радость, особенно въ самомъ началѣ.

— Ну, что же дѣлать, когда я такая: пусть любятъ такую, какая я есть.

— Капризовъ нельзя любить.

— Отчего же: кто любитъ, тотъ все любитъ.

— Ну, извини меня, а ужъ скажу тебѣ, что если бы такія комедіи на первыхъ порахъ, да на другой нравъ...

— Ничего бы не было точно такъ же.

— Ни до чего нельзя договориться!—вскричала, схватясь съ мѣста, Катерина Астафьевна и начала собираться домой, что было привычнымъ ея пріемомъ при всякомъ гнѣвѣ.

Лариса молчала и не останавливала тетку, что ту еще болѣе бѣсило.

— Тупица, капризница и безчувственная!—произнесла на прощанье Форова и, хлопнувъ дверью, вышла, слегла дома и занемогла отъ крайней досады, что не только не можетъ ничего уладить, но даже не въ состояніи сама себѣ уяснить, почему это такъ скверно началось житье у племянницы съ мужемъ.

Безтолковая «Маланьина свадьба» сокрушала Катерину Астафьевну, да и недаромъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Куда кривая выноситъ.

Подозеровъ былъ весь поглощенъ занятіями по своимъ новымъ обязанностямъ. Вступивъ въ управленіе и упорядочивъ кое-какъ на скорую руку давно заброшенный флигелекъ, онъ пріѣхалъ въ городъ на короткое время и тутъ же, уладивъ отсрочку по закладу Ларисинаго дома, успокоилъ жену, что домъ ея будетъ цѣлъ и что она можетъ жить, не измѣняя никакимъ своимъ привычкамъ, и самъ снова уѣхалъ въ деревню. Дѣло поглощало все его время, такъ что онъ, возвращаясь къ ночи домой, падалъ и засыпалъ какъ убитый и, пріѣхавъ къ женѣ послѣ двухъ недѣль такой жизни, былъ неузнаваемъ: лицо его обвѣтрило, поступь стала тверже, голосъ рѣшительнѣе и спокойнѣе, что, очевидно, было въ прямомъ соотношеніи съ состояніемъ нервовъ.

Онъ опять пробылъ въ городѣ сутки, справился о состоя-

ніи и нуждахъ жены, все, что нужно, устроилъ и уѣхалъ.

Ларису эту смутило.

«Что же это: неужто онъ хочетъ постоянно вести такую жизнь? Неужто онъ мною пренебрегаетъ?.. О, нѣтъ! Развѣ это возможно!»

Лариса вскочила, схватила зеркало и, разглядывая себя, повторяла:

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

«Да и за что же? — раздумывала она, ходя по своей одинокой залѣ.—За то, что я немножко капризна, но это мое воспитаніе виновато, но я не зла, я ничего дурного не сдѣлала.. и Господи, какая скука!»

Она провела ночь безъ сна и нѣсколько разъ принималась плакать, а утромъ написала Форовой, прося ее прійти, съ тѣмъ, чтобы взять лошадей и прокатиться къ Подозерову, навѣстить его сюрпризомъ.

Вмѣсто отвѣта на это приглашеніе, къ Ларисѣ явились майоръ и Евангелъ, и первый изъ нихъ сейчасъ же, полушутя, полусерьезно, сдѣлалъ ей выговоръ, зачѣмъ она писала.

— Во-первыхъ, — говорилъ онъ, — развѣ вы не знаете что моя жена нездорова, а во-вторыхъ, у насъ нѣтъ людей для разноски корреспонденцій.

— Тетя больна! — воскликнула Лариса.

— А вы этого и не знали?

— Нѣтъ, не знала.

— Удивительно! А вы развѣ у генеральши не бываете?

— Да; я... какъ-то давно... сижу дома.

— Ага! Впрочемъ, это до меня не касается, а по предмету вашего посольства скажу вамъ свой совѣтъ, что никакіе провожатые вамъ не нужны, а возьмите-ка хорошую троечку, да и катните къ мужу.

— Да, конечно, но... одной скучно, дядя.

— Одной... къ мужу... скучно!..

Майоръ шаркнулъ ногой, поклонился и проговорилъ:

— Благодарю-съ, не ожидалъ.

Онъ приставилъ ко лбу палецъ и началъ вырубать:

— Молоденькой, хорошенькой дамочкѣ одной къ мужу ѣхать скучно... Прекрасно-съ! А при третьемъ лицѣ, при провожатомъ въ родѣ старухи-тетки, вамъ будетъ веселѣй... Нѣтъ, нѣтъ, именно: благодарю, не ожидалъ. Мнѣ это напоминаетъ поль-де-коковскую няньку, — охранительницу невинности, или мадемуазель Жиро...

— Дядя! — воскликнула Лара, съ желаніемъ остановить майора отъ дальнѣйшихъ сравненій.

— Чего-съ?

— Какъ вы говорите?

— А какъ еще съ вами надо говорить? Вы чудиха, и больше ничего; васъ надо бы, какъ непосѣдливую курицу, взбрызнуть водой, да жгучею крапивкой пострекать.

— Вы циникъ.

— И что же такое? — я этимъ горжусь. Зато у меня нѣтъ никакихъ потаенныхъ безнравственныхъ мыслей и поступковъ: я не растлѣваю ничѣмъ моей головы, и знаете, что я вамъ скажу, мое милое дитя: я противъ васъ гораздо цѣломудренніе, даже я предъ вами сама скромность и добродѣтель.

— Дядя! Вы, кажется, не думаете, что вы говорите.

— Нѣтъ, я думаю-съ, и по самому зрѣлому размышленію не вѣрю въ вашу добродѣтель. Тсс... тсс... тсс!.. позвольте мнѣ договорить. Я всегда имѣлъ большое довѣріе къ женщинамъ простого, естественнаго взгляда на жизнь и никогда въ этомъ не каялся. Брехливая собачка чаще всего только полаетъ, а молчаливая тяпнетъ тамъ, гдѣ и сама не думаетъ; а вы вѣдь весь свой вѣкъ все отмалчиваетесь и до сихъ поръ туните глазки, точно находитесь въ томъ возрастѣ, когда вѣрятъ, что дѣтей нянька въ фартучкѣ приноситъ.

Лара молчала.

— Это пресквѣрно-съ,— продолжалъ майоръ,— и если бы вы, выходя замужъ, спросили старика-дядю, какъ вамъ счастливѣе жить съ мужемъ, то я, по моей циническій

философіи, научилъ бы васъ этому вѣрить всякой мадамъ Жанлисъ. Я бы вамъ сказалъ: не надѣйтесь, дитя мое, на свой умъ, потому что хоть это для васъ, можетъ-быть, покажется и обиднымъ, но я, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, имѣю очень невысокое мнѣніе о женскомъ умѣ вообще и о вашемъ въ особенности.

— Дядя! Да что же это наконецъ такое?

— Не сердитесь-съ, не сердитесь.

— Но вы уже говорите мнѣ невыносимыя дерзости.

— Я говорю вамъ только правду, сущую правду, которую подлецъ не скажетъ. Подлецъ будетъ вамъ нашёптывать, что вы красавица и умница, что у васъ во лбу звѣзда, а подъ косой мѣсяцъ, а я вамъ говорю: вы не умны, да-съ; и вы сдѣлали одну ошибку, ставъ не изъ-за чего въ холодныя и натянутыя отношенія къ вашему мужу, котораго я признаю большимъ чудакомъ, но прекраснымъ человѣкомъ, а теперь дѣлаете другую, когда продолжаете эту безкровную войну не тѣмъ оружіемъ, которымъ способны наилучше владѣть ваши войска. Извините меня, что я вамъ скажу: вы не должны ни о чемъ думать. Да-съ, положительно такъ! Умъ... умъ не всѣмъ дается-съ, и это штука, сударыня моя, довольно серьезная; это орудіе, которымъ нужно владѣть съ тонкимъ разсчетомъ, тутъ нужны хорошо обученные артиллеристы; но вамъ это и не нужно, и именно потому, что у васъ пейзажъ очень хорошъ: вы рисункомъ берите. Да-съ; пусть умъ остается на долю дурнушекъ, которымъ, чтобы владѣть человѣкомъ, нужны чортъ знаетъ какія пособія высшей школы: и умъ, и добродѣтели, и характеръ; а вы и женщины, вамъ подобной живописи, имѣете привилегію побѣждать злополучный мужской полъ, играя на низшемъ регистрѣ. То-есть я это все говорю въ разсужденіи того, что вы вѣдь очень хороши собою...

— Да; но я клянусь, что едва ли какая-нибудь красивая женщина слыхала такіе странные комплименты своей красотѣ.

— Ну, вотъ видите ли: я веду серьезный разговоръ, а вы называете мои слова то дерзостями, то комплиментами, тогда какъ я не говорю ни того, ни другого, а просто проповѣдую вамъ великую вселенскую правду, которая заключается въ томъ, что когда красивая женщина не хочетъ сдѣлать своей красоты источникомъ привязанности избраннаго человѣка, а расплывается въ невѣдомо какихъ соображеніяхъ, то она не любитъ ни этого человѣка, ни самое себя, то-есть она, по-просту говоря, дура.

— Тсс... полно ты, полно грубіянить, — остановилъ его Евангелъ.

— А что жъ; развѣ я не правъ? Красота — сила, и такая здоровенная, что съ нею силы, гораздо ея совершеннѣйшія, часто не справятся.

Евангелъ молчалъ и созерцалъ тоже молчавшую и морщившую свой бѣлый лобъ Ларису, а Форовъ, скрутивъ и раскуривъ новую папиросу, продолжалъ:

— Повѣрьте мнѣ, прекрасная племянница, что тысячи и тысячи самыхъ достойнѣйшихъ женщинъ не разъ втайнѣ завидуютъ легкости, съ которою красавицамъ дается овладѣвать привязанностями самыхъ серьезныхъ и честныхъ людей. Что тамъ ни говорите, женщинъ добродѣтельныхъ люди уважаютъ, а красивыхъ — любятъ. Это очень несправедливо, но что дѣлать, когда это всегда ужъ такъ было, есть и будетъ! Вонъ еще въ библейской древности Іаковъ Лію не любилъ, а Рахиль любилъ, а я Рахиль не уважаю.

— Ты этого не смѣешь,—прошепталъ Евангелъ.

— Нѣтъ, очень смѣю: она, какъ всѣ красавицы, была и своенравна, и не умна.

Ты этого не знаешь.

— Напротивъ, знаю, а это вы, батюшка, по своему іезуитству, изволите это отрицать.

— Ты врешь.

— Прекрасно! Значитъ, вы одобряете, какъ она мужа въ наемъ отдавала?

Евангелъ махнулъ молча рукой.

— Ага! — продолжалъ Форовъ,— и всѣ красавицы таковы, и потому-то справедливая природа такъ и раздѣляетъ, что однимъ даетъ красоту, а другимъ—умъ и добродѣтель.

— Дядя, но вѣдь это уже въ самомъ дѣлѣ... по крайней мѣрѣ рѣзкость: вы второй разъ называете меня дурой.

— Да, ты постоянно рѣзокъ, даже ужъ очень рѣзокъ,— вмѣшался Евангелъ и пояснилъ мягко, что хотя замѣченный Форовымъ раздѣлъ дѣйствительно какъ будто существуетъ, но въ этомъ виновата не природа, для которой пѣтъ основаній обдѣлять прекрасное тѣло добрыми свойствами, а виноваты въ томъ люди, потому что они красавицамъ больше прощаютъ, больше льстятся и тѣмъ кружатъ имъ головы и портятъ сердца, дѣлаютъ ихъ своенравными, заносчивыми, и тогда ужъ плохо тѣмъ, кому придется съ такою женщиной жить.

— Все это ложь, все расточаемая ложь виновата,—твердилъ онъ,—и таковыхъ испорченныхъ красавицъ надо обильно жалѣть, потому что какъ бы онѣ могли быть прекрасны, сколько бы онѣ счастья могли принести и себѣ, и семьѣ, а между тѣмъ какъ онѣ часто живутъ только на горе себѣ и на горе другимъ. Вѣдь это предосадно-съ, преобидно и преоскорбительно! И вы, Лариса Платоновна, когда вамъ Богъ даруетъ дочку, подобную вамъ своей красой, блюдите, Бога ради, сей прелестный цвѣтокъ отъ дыханія лести и, сдѣлайте милость, воспрепятствуйте этому грубому мнѣнію, которое имѣетъ насчетъ красоты вашъ цинникъ-дядя: онъ вретъ, что красотой успѣшнѣе играть на низшихъ регистрахъ; нѣтъ-съ, красота, какъ совершенство природы, должна брать могучіе и гармоничные аккорды на самыхъ высшихъ регистрахъ. Развѣ не Агнесса Сорель воскресила чувство чести въ Карлѣ Седьмомъ? Развѣ не Ментенонъ поселила въ Людовикѣ Четырнадцатомъ любовь къ ученымъ? Развѣ красота не совершала Даніиловыхъ чудесъ укрощенія звѣрей; развѣ не показала этого, напримѣръ, прелестная Дивке надъ датскимъ Христіаномъ; Настасья Романовна—надъ нашимъ Грознымъ?..

— Ну, пошелъ причитать!—сказалъ, смѣясь, Форовъ.

— Именно причитаю, именно причитаю, потому что я долго слушалъ твою грубость, а въ моихъ устахъ дрожитъ хвала Творцу въ Его прелестнѣйшихъ твореніяхъ, и я... я на себѣ испыталъ возвышающее дѣйствіе красоты на высшіе регистры моихъ способностей. Да-съ; область красы— это самый высокій регистръ, она всегда на меня дѣйствуетъ. Не могу я видѣть вашихъ затрудненій: пусть Филетеръ остается при женѣ, а я васъ сопровожду къ супругу, сейчасъ сопровожду.

И Евангелъ сбѣгалъ, нанялъ бодрую тройку ямскихъ коней и черезъ часъ катилъ въ сумеречной мглѣ, населяя мрѣющую даль образами своей фантазіи, въ которой роились истина, добро и красота, и красота во всемъ: въ правдѣ, въ добрѣ, въ гармоніи. Онъ всячески старался развлекать молчаливую Лару и все вдохновлялся, все говорилъ и все старался оправдать, всему найти извиненіе. Время пролетѣло незамѣтно.

— А вотъ что-то сѣрѣетъ,—замѣтилъ Евангелъ, — и я слышу собачій лай: неужто мы это уже пріѣхали?

— Пріѣхали,—отвѣчалъ ямщикъ.

— Фу, какъ скоро!

— Лошадокъ не пожалѣлъ, да и ты, батюшка, больно ужъ складно говоришь и время крадешь.

Евангелъ на это ничего не отвѣчалъ: онъ съ предупредительною угодливостью высаживалъ Лару, и они, пройдя чрезъ небольшія темныя сѣни, вошли въ обиталище Подозерова, но не застали его. Андрей Ивановичъ уѣхалъ въ городъ.

Это непріятно поразило Лару: она не хотѣла и взглянуть на помѣщеніе мужа и пожелала тотчасъ же возвратиться назадъ.

Обратный путь уже не былъ такъ оживленъ, потому что Евангелъ точно что-то почуялъ и молчалъ подъ-стать Ларѣ, а ямщикъ пробовалъ было завести раза два пѣсню, но обрывалъ ее ударами кнута по шеѣ лошади и тоже умол-

калъ. Такъ они и пріѣхали, но не вмѣстѣ, потому что Евангелъ всталъ на поворотѣ къ своему жилью, а Лариса вбѣжала во дворъ и еще болѣе удивилась: окна ея флигеля были темны.

— Гдѣ же это онъ? У Синтянинныхъ свѣтится на мезонинѣ и въ кабинетѣ... неужели онъ тамъ?

Ревность защемила Ларису.

Она выбѣжала на крыльцо и, встрѣтивъ горничную дѣвушку, узнала отъ нея, что въ кабинетѣ сидитъ генералъ и Форовъ, а на мезонинѣ—глухонѣмая Вѣра, а генеральши совсѣмъ нѣтъ дома.

— Нѣтъ дома!.. гдѣ же она?

— У Катерины Астафьевны.

У Ларисы словно холодная змѣя обвилась вокругъ сердца.

— Это свиданіе,—сказала она себѣ:—они всѣ противъ меня, они возстановляютъ противъ меня моего мужа и можетъ-быть теперь, въ эти самыя минуты, тамъ строятся козни... Но я жена, я имѣю право... пока еще это не пустило корней.

И Лара торопливыми шагами вышла за ворота, взяла извозчика и велѣла ѣхать къ Форовымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Тѣ же раны.

Переступивъ порогъ коротко знакомой ей калитки Форовскаго домика, Лара остановилась: сквозь отворы неплотныхъ ставень ей была видна комната, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣли Катерина Астафьевна, а возлѣ нея, другъ противъ другъ, Подозеровъ и Синтянина.

Объятому ревностью сердцу Лары показалось, что эти два лица помѣщаются слишкомъ близко другъ къ другу, что лица ихъ черезчуръ оживлены и что особенно ея мужъ находится въ возбужденномъ состояніи. На каждое слово Синтяниной онъ отвѣчаетъ цѣлыми длинными репликами и то краснѣетъ, то блѣднѣетъ.

Лара употребила всѣ усилія, чтобы подслушать эту бесѣду: разговоръ шелъ о ней.

— Нѣтъ, ни вы, тетушка, ни вы, Александра Ивановна, не правы, — говорилъ ея мужъ.

— Ахъ, батюшка: я уже молчу, молчу, отвѣчала Форова.—Я говорила-говорила, да и устала, умъ помутился и языкъ притупился, а все одно и то же: тебя спросишь,— выходитъ, что ты доволенъ женой и что вы будто живете прекрасно, и жена твоя тоже своею жизнью не нахвалится, а на нашъ взглядъ жизнь ваша самая отвратительная.

— Чѣмъ-съ? вы скажите же, чѣмъ?

— Тѣмъ, что она самая скучная, что же тутъ похвалить?

— Мы не ссорились и, вѣроятно, никогда не поссоримся.

— Ахъ, милый племянникъ, извини, пожалуйста: я стара, меня этимъ не обманешь: лучше бы вы ссорились, да, поссорившись, сладко мирились, а то... нечему, нечему радоваться.

— Маленькая ссора часто то же самое, что гроза: послѣ нея воздухъ чище и солнце свѣтитъ ярче,—молвила генеральша.

Подозеровъ вспыхнулъ.

— Вѣдь вы меня просто пытаете,—сказалъ онъ.—Я цѣлый часъ пробылъ здѣсь въ цензурѣ, какой не ожидалъ. Вы уясняли меня себѣ при мнѣ самомъ. Это очень оригинальное положеніе. По-вашему, я виноватъ въ томъ, что моя жена не весела, не счастлива и... и, можетъ-быть, не знаетъ, чего ей надо. Вы дѣлаете мнѣ намеки, прямой смыслъ которыхъ, если позволите прямо выразиться, заключается въ томъ, что продолженіе жизни въ такомъ порядкѣ, какимъ она началась, можетъ повести къ бѣдамъ. То-есть къ какимъ же это бѣдамъ? Я помогу вамъ объяснить это: вы пугаете меня охлажденіемъ ко мнѣ моей жены и... и всѣмъ, что за этимъ можетъ слѣдовать при ея красотѣ и молодости. Долженъ признать, что вы правы; но такъ какъ мы здѣсь всѣ друзья и ведемъ разговоръ не для того, чтобы спорить

и пререкаться, а для того, чтобы до чего-нибудь договориться, то я вамъ, если угодно, выскажу, что у меня на душѣ. Лара не въ правѣ требовать отъ меня горячей и пылкой любви.

— Тогда для чего же вы на ней женились?

— Потому что она этого хотѣла.

Обѣ женщины невольно переглянулись.

— Позвольте,— молвила генеральша,—но вѣдь вы Лару любили?

— У меня была къ ней привязанность, доходившая до обожанія.

— И отчего же она вдругъ исчезла? — подхватила Форова.

— Нѣтъ, не вдругъ, Катерина Астафьевна, но, впрочемъ, довольно быстро.

— По какой же это причинѣ?

— Причина?— повторилъ Подозеровъ.— А причина та, что Александра Ивановна дала мнѣ очень хорошій урокъ.

Генеральша покраснѣла и, нагнувшись къ работѣ, проговорила:

— Что? что? Я вамъ давала урокъ противъ Лары?

— Нѣтъ, за Лару.

— Гдѣ и когда?

— Вечеромъ, наканунѣ дуэли, въ вашемъ осиновомъ лѣсочкѣ.

Подозеровъ припомнилъ Синтяниной, что въ томъ разговорѣ она убѣждала его, что штудировать жизнь есть вещь ненормальная, что молодой дѣвушкѣ нѣтъ дѣла до такого штудированья, а что ей надо жить, и человѣку, который ее любитъ, нужно «добиваться» ея любви.

— Я въ самомъ дѣлѣ нашелъ, что это справедливо и что у такой женщины, какъ Лара, любви надо добиваться. Но чтобы добиваться ея, значитъ жертвовать своими убѣжденіями, свободой мысли, свободой отношеній къ честнымъ людямъ, а я этимъ жертвовать не могу, потому что тогда во мнѣ не осталось бы ничего.

— Но вы, однако, отъ ея руки не отказывались?

— Зачѣмъ же, когда она мнѣ сама прежде отказала?

— Но ты, батюшка мой, за нее свой лобъ подставлялъ.

— Что же такое? И кромѣ того, я не за нее одну стрѣлялся.

Произошла маленькая пауза, послѣ которой Форова, вздохнувъ, произнесла:

— Худо же тебѣ будетъ жить, моя бѣдная Лара!

— Напрасно вы ее оплакиваете. Повѣрьте, что если она ввѣрила мнѣ свою свободу, то я ничѣмъ не злоупотреблю. Какъ она поставила свою жизнь, такъ она и будетъ стоять, и я не ворохну ее и буду ей всегда преданнѣйшимъ другомъ.

— Только другомъ?

— Да; только тѣмъ, чѣмъ она хочетъ меня видѣть.

— А полна отъ этого ея жизнь?

— Я не знаю; впрочемъ, не думаю.

— Ну, а вы же допускаете, что не теперь, такъ современемъ она можетъ пожелать ее восполнить?

— Очень можетъ быть.

— Кто же будетъ виноватъ въ томъ, что можетъ произойти?

— Произойти?.. Я не знаю, о чемъ вы говорите? Если она полюбитъ кого-нибудь, въ этомъ никто не будетъ виноватъ, а если она меня обманетъ, то въ этомъ, разумѣется, она будетъ виновата.

— А не вы?

— Я!.. съ какой же стати? Она мнѣ ввѣрила свою свободу, я вѣрю ей. Кто обманетъ, тотъ будетъ жалокъ.

— Это значитъ, что ты ее не любишь,—молвила Форова.

— Думайте какъ вамъ угодно, я запретить не властенъ; но я властенъ жить для жены и для того, что я считаю достойнымъ заботъ честнаго человѣка.

— Съ обоими съ вами, господа, пива не сваришь,—проговорила генеральша, и, начавъ собираться домой, добавила:—Оставимъ все это своему теченію.

Вслѣдъ за нею поднялся и Подозеровъ.

Катерина Астафьевна молчала; но когда Подозеровъ подалъ ей руку, она покачала головой и проговорила:

— Нѣтъ; кончено все: не она тебя не любитъ, а ты, Андрюша, къ ней равнодушенъ. Иначе бы такъ не разсуждалъ. Жалко мнѣ васъ, жалко; очень ужъ вы оба себя уважаете, лучше бы этого немножко поменьше.

— И главное, что все это не такъ, — неосторожно молвила, совсѣмъ прощаясь, генеральша.

— И именно не такъ: охъ, я вижу, вижу, что тебя что-то другое дѣлаетъ такимъ неуязвимымъ и спокойнымъ.

— Вы отчасти правы; но знаете ли что это такое?

— То-то не знаю, а хотѣла бы знать.

— Я васъ удовлетворю. Въ жизни моей я пламенно добивался одного: господства надъ собою, и нынѣшняя жизнь моя даетъ обильную пищу этому труду; другого же я ничего не ищу, потому что мнѣ ничего искать не хочется.

Катерина Астафьевна еще разъ качнула головой, и гости вышли.

Лариса видѣла, какъ они сошли со двора и пошли рядомъ, и слышала какъ Синтянина сказала Подозерову:

— Вы, Андрей Ивановичъ, совершеннѣйшій чудакъ, и Катя вѣрно отгадываетъ, что вы ужъ черезъ мѣру себя уважаете.

— Да, это быть-можетъ; но это единственное средство быть достойнымъ того, что дороже обрывковъ ничтожнаго счастія.

Лара вернулась домой почти одновременно съ мужемъ, который ее встрѣтилъ, испугался немножко ея блѣдности и никакъ не могъ добиться, гдѣ она была.

Она сидѣла блѣдная и, держа въ своихъ рукахъ руки мужа, глядѣла на него острымъ лихорадочнымъ взглядомъ.

— Что съ тобой, Лариса?—молвилъ мужъ.—Ты, можетъ-быть, больна?

— Нѣтъ; но... я видѣла тебя...

— Ахъ, да, я былъ у Форовыхъ и проводилъ оттуда генеральшу.

Лариса изо всѣхъ силъ сжала руки мужа и прошептала:

— Бога ради... оставь ее.

— Что за просьба, Лара?

— Я умоляю тебя!—и Лара заплакала.

— Мой милый другъ,—отвѣчалъ Подозеровъ,—я тебя не понимаю, ты видишь, я постоянно занятъ и живу, никого не видя, одинъ въ деревнѣ... За что же ты хочешь лишить меня старыхъ друзей?

— Я буду жить съ тобою въ деревнѣ.

— Ты соскучишься.

— О, нѣтъ, нѣтъ, я не соскучусь.

— Ну, прекрасно; это можно будетъ только лѣтомъ, когда я устрою что-нибудь болѣе чѣмъ двѣ комнаты, въ которыхъ мѣщуся; но и тогда, Лариса, я не могу оставить моихъ друзей.

— Не можешь?

— Нѣтъ, не могу, да и для чего тебѣ это?

Былъ моментъ, удобный для самыхъ задушевныхъ объясненій, но Лариса имъ не воспользовалась: она встала, ушла къ себѣ и заперлась.

Такъ и продолжалась жизнь нашихъ супруговъ въ теченіе цѣлаго года: со стороны мужа шла ровная предупредительность, а со стороны Лары—натянутое молчаніе, прерывавшееся для разнообразія лишь вспышками въ родѣ описанной и заключавшееся тоже внезапнымъ обрывомъ на недоговоренномъ словѣ. Одинъ мотивъ неудовольствія оставался неизмѣннымъ: это ревность къ генеральшѣ, и какъ скоро это разъ прорвалось наружу и изъ тайны Лары и ея мужа сдѣлалось извѣстно всему дому, съ нею уже не было мирной справы. Александра Ивановна смутилась этимъ извѣстіемъ, стала тщательно удаляться отъ встрѣчъ съ Ларой и еще болѣе съ ея мужемъ; генералъ, отъ вниманія

котораго не могло укрыться это охлажденіе, только улыбнулся и назвалъ Лару «дурой», сказавъ:

— Она судитъ, вѣрно, по себѣ-съ.

Форовъ сказалъ «наплевать», а Катерина Астафьевна, которая была первою изъ набредшихъ на мысль о существованіи такой ревности и послѣднею изъ отрицавшихъ ее на словахъ, наконецъ разошлась съ племянницей далѣе всѣхъ. Это послѣдовало послѣ отчаянной схватки, на которую майорша наскочила съ азартомъ своей кипучей души, когда убѣдилась, что племянница считаетъ своею соперницей въ сердцѣ мужа нѣжно любимую Катериной Астафьевной Спитянину, да и самое ее, Форову, въ чемъ-то обвиняетъ.

— Матушка!—воскликнула, внезапно появясь къ Ларисѣ, едва поправившаяся майорша,—ты что это еще за чудеса откидываешь? Сама съ мужемъ жить не умѣешь, а чище себя людей мараешь!

И, начавъ на эту тему, она отчитала ей все, что принесла на сердцѣ и заключила:

— Стало-быть, вотъ ты какая новѣйшая женщина; добрая жена радовалась бы, что ея мужъ не съ какими-нибудь вертопрашными женщинами знакомъ, а дружитъ съ женщиной честнѣйшею и прекрасною, съ такою женщиной, у которой не было, да и нѣтъ и не можетъ быть суппрантовъ, а тебѣ это-то и скверно. Дура ты, сударыня!

— Да,—уронила Лариса,—мнѣ надоѣли ужъ всѣ эти причитыванья. Я можетъ-быть и гадкая, и скверная, но не могу же я поддѣлываться подъ образецъ Александры Ивановны. Это для меня недостижимо. Я простая женщина и хочу простого съ собою обращенія.

— Ахъ, оставь, пожалуйста: какая ты простая и какое съ тобою простое обращеніе возможно, когда къ тебѣ на козѣ не подъѣдешь: утромъ спитъ, въ полдень не въ духѣ, вечеромъ нервы разстроены. Не хотѣла тебя бранить, но выбранила, тьфу! пусто тебѣ будь совсѣмъ! Прощай и не зови меня теткой.

Этимъ окончилось объясненіе съ Ларой, продолжавшей

выжидать благого поворота въ своей скучной жизни отъ капризовъ случая, и случай поспѣлъ ей на помощь: случай этотъ былъ возвращеніе Бодростиной со свитой въ мирныя палестины отчаго края.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Неожиданныя событія.

Жозефъ не возвратился къ сестрѣ, а прямо поселился у Бодростиныхъ и долго не показывался въ городѣ. Ему было совѣстно ѣхать туда по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ не зналъ, что отвѣтить сестрѣ о деньгахъ, которыя взялъ подъ залогъ ея дома съ обѣщаніемъ возвратить ихъ; а во-вторыхъ, выкрашенные въ Берлинѣ волосы его отросли и у него была теперь двуцвѣтная голова: у корня волосъ бѣлокурая, а ниже—черная. Послѣднему горю онъ, впрочемъ, надѣялся помочь при помощи публикуемыхъ «Вальдегановскихъ щетокъ для отрожденія волосъ въ натуральный ихъ цвѣтъ»; но какъ сказать сестрѣ, что всѣ деньги, взятыя за ея домъ, онъ проигралъ въ рулетку еще въ ожиданіи Бодростиной за границу?

Онъ долго думалъ, и наконецъ рѣшилъ, что скажетъ, будто его обокрали. Нехорошо это немножко, что его все постоянно обворовываютъ, ну да что же дѣлать?

Прибыли изъ Петербурга и растворъ, и щеточка, которою Жозефъ хотѣлъ «отродить» свои волосы; но тутъ онъ спохватился, что отъ этой смази волосы его почернѣютъ, тогда какъ ему, чтобы «отродиться», надо быть блондиномъ.

Приходилось долго жданныя Вальдегановскія щетки бросить и ждать всего отъ времени; но тѣмъ часомъ начиналось дѣло о дуэли, затянувшееся за отсутствіемъ прикосновенныхъ лицъ, и произошло маленькое qui pro quo, вслѣдствіе котораго Глафира настойчиво требовала, чтобы Жозефъ повидался съ сестрой, и какъ это ни тяжело, а постарался привести, при ея посредствѣ, Подозерова къ соглашенію не раздувать дуэльной исторіи возведеніемъ боль-

ихъ обвиненій на Гордонова, потому что иначе и тотъ съ своей стороны поведетъ кляузу.

— Я согласенъ, совершенно съ вами согласенъ, — отвѣчалъ Висленевъ,—я не люблю его, но разъ что уже Подозеровъ мужъ моей сестры, я долженъ его оберегать. Только, вотъ видите, мнѣ нельзя ѣхать: я весь пестрый.

— Пустяки, мы выпишемъ Лару сюда.

— Но знаете, я все-таки.., не хотѣлъ бы... и здѣсь ей въ этомъ видѣ предъявляться. Они, провинціалы, еще чортъ знаетъ какъ на все на это смотрятъ.

— Вы скажитесь больнымъ; сляжете въ постель и обвяжете голову.

— Да; вотъ развѣ въ самомъ дѣлѣ такъ, обвязать голову, это отлично.

— А то можете и обриться.

— Какая мысль! Это еще лучше! Я именно лучше обрѣюсь и слягу, а вы напишите сестрѣ, что я боленъ. Только какую бы мнѣ изобрѣсть болѣзнь?

— Да не все ли равно: ну, хоть геморрой.

— Геморрой?

Висленевъ сдѣлалъ гримасу.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, — мнѣ гораздо болѣе нравятся нервы.

— Геморрой, геморрой, вы потому и обрѣетесь отъ головной боли.

— Ну, пожалуй.

Все это такъ и исполнилось: одинъ обрилъ голову, другая написала письмо къ Ларѣ. Та получила это письмо безъ мужа и стала втупикъ: ѣхать ей, или не ѣхать въ тотъ домъ, гдѣ бываетъ Гордановъ?

Малое благоразуміе Лары сказало ей, что этого не слѣдовало бы дѣлать, и голосъ этотъ былъ до того внушителенъ, что Лариса, не видаясь съ Синтяниной и съ теткой, позвала на совѣтъ майора.

Филетеръ Ивановичъ подумалъ минуту и отвѣчалъ, что и по его мнѣнію лучше не ѣздить.

— Ну, а если мой братъ очень боленъ?

— Не можетъ этого быть.

— Почему же, развѣ онъ не человѣкъ?

— Не человѣкъ-то онъ это уже положительно не человѣкъ, а кромѣ того, я вижу явную несообразность въ письмѣ: не можетъ быть никакихъ поврежденій въ томъ, чего нѣтъ.

— Я васъ не понимаю.

— Тутъ госпожа Бодростина пишетъ, что у вашего брата страшно болитъ голова, а развѣ у него была голова?

— Ахъ, вы, дядя, всегда только злословите.

— А вамъ, вѣрно, хочется ѣхать? такъ вы въ такомъ случаѣ дѣлайте, что вамъ нравится. О чемъ же спорить?

— Нѣтъ, я вовсе не хочу.

— Ну, да это потому, что я сказалъ сейчасъ, что вамъ «хочется», такъ вамъ и расхотѣлось, а если я скажу «вамъ не хочется», такъ вы опять захотите. Я не понимаю, зачѣмъ вы спрашиваете у кого-нибудь совѣта.

— И дѣйствительно, лучше не спрашивать.

— Да, конечно-съ: вамъ вѣдь, чтобы давать благой совѣтъ, надо все говорить въ противную сторону. Чтобы вы не утопились, вамъ надо говорить: «утопитесь, Лариса Платоновна», а сказать вамъ: «не топитесь», такъ вы непремѣнно утопитесь. Это, положимъ, штука не мудреная, говорить и такимъ образомъ ума хватитъ, но вѣдь для этого надо быть немножко вашимъ шутомъ или подлецомъ, въ родѣ тѣхъ, кто вамъ льститъ за вашъ рисунокъ, а мнѣ ничто это не по плечу.

— Извините, что я васъ побезпокоила: я не знала, что и вы также требовательны, и хотите, чтобы всѣ съ вами только соглашались.

— Нѣтъ-съ, я вовсе, вовсе этого не хочу: я люблю и уважаю въ человѣкѣ его независимое мнѣніе; но когда споритъ не для того, чтобъ уяснить себѣ что-нибудь и стать ближе къ истинѣ, а только для того, чтобы противорѣчить,—этого я терпѣть не могу, этимъ я тягощусь и даже обижаюсь.

— Но я вамъ, впрочемъ, и не противорѣчила.

— И прекрасно, и я не буду вамъ противорѣчить, потому что все равно вы никого не слушаетесь.

Лара промолчала: ей было очень тяжело, она чувствовала, что расходится съ послѣднимъ изъ всѣхъ нѣкогда близкихъ ей людей, и все это ни за что, ни про что, за одно желаніе быть самой по себѣ.

— Что же дѣлать?—«Покориться, смириться», говорилъ ей ея внутренній голосъ. Она чувствовала, что дядя Форовъ говоритъ ей правду, она и сама понимала, что она легко могла всѣмъ надоѣсть своимъ тяжелымъ, непріятнымъ характеромъ, и она даже оплакала это несчастіе и почувствовала неодолимое влеченіе поѣхать къ Бодростиной, видѣть брата и Глафиру, которая никогда не говорила съ нею сурово и всегда ею любовалась.

Въ тотъ же вечеръ Лариса сидѣла въ комнатѣ, гдѣ предъ открытымъ окномъ въ садъ помѣщался въ глубокомъ креслѣ Жозефъ, покрытый легкимъ шелковымъ шлафрокомъ, изъ отставного гардероба Бодростина, и въ бѣломъ ночномъ колпакѣ, позаимствованномъ оттуда же.

Жозефъ не говорилъ сестрѣ о деньгахъ, а она его о нихъ не спрашивала. Къ тому же, братъ и сестра почти не оставались наединѣ, потому что Глафира Васильевна считала своею обязанностію ласкать «бѣдную Лару». Лариса провела ночь въ смежной съ Глафирой комнатѣ и долго говорила о своемъ житьѣ, о мужѣ, о теткѣ, о Синтяниной, о своемъ неодолимомъ отъ послѣдней отвращеніи.

— Я не понимаю, что это такое,—передавала она,—я знаю, что она очень честная и добрая женщина, но въ ней есть что-то такое... что я не могу переносить.

— Въ ней слишкомъ много самоувѣренности и гордости собою.

— Нѣтъ; она ко мнѣ всегда была добра; но... я все это приписываю тому, что о ней такъ много, много мнѣ говорятъ: ну, я хуже ея, ну, я не могу быть такимъ совершенствомъ, но... не убить же мнѣ себя за это.

— Полно. Лара, ты не знаешь себѣ цѣны!—перебила Бодростина.—Ты вездѣ и всегда будешь отличена и замѣчена.

На Ларису повѣяло пріятнымъ ароматомъ этой нехитрой лести, и она начала снисходительно великодушничать, настаивая, что во всякомъ случаѣ признаетъ за Синтянинoй достоинства, но... что ей съ нею тяжело, и гораздо легче съ людьми простыми, грѣшными и отпускающими чужія прегрѣшенія.

Бодростина одобрила ея чувства, и Лара, проснувшись утромъ, почувствовала себя прекрасно; день провела весело, хотя и волновалась слегка, что не пріѣхалъ бы мужъ и не было бы ему очень непріятно, что она остается въ бодростинскомъ обществѣ. Но Глафира, замѣтивъ это, выразила готовность не удерживать Ларису, чтобъ избавить ее отъ непріятностей и перетолковъ. Лара сейчасъ же это отвергла и провела день и вечеръ съ братомъ и съ Глафирой, а ночь—исключительно съ одною послѣднею, и на второе утро почувствовала себя еще бодрѣе и веселѣе. Добраго настроенія ея духа нимало не испортила даже откровенность Жозефа, который, наконецъ, рѣшился признаться сестрѣ, что онъ прогусарилъ ея деньгами, но только уже не оправдывался тѣмъ, что его обокрали, какъ онъ думалъ сказать прежде, а прямо открылся, что, переѣхавъ границу, куда долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованія за дуэль, онъ въ первомъ же городѣ попалъ на большую игру и, желая поправить трудныя обстоятельства, рискнулъ, и сначала очень много выигралъ, но увлекся, не умѣлъ вовремя забастовать и проигрался въ пухъ.

Лара не разспрашивала его, какъ и чѣмъ онъ намѣренъ жить далѣе и въ какомъ положеніи его дѣла; но Жозефъ былъ любопытнѣе и искренно подивился, что сестринъ домъ до сихъ поръ не проданъ.

— Какъ это ты извернулась?—спросилъ онъ, и получивъ въ отвѣтъ, что Подозеровъ какъ-то сдѣлался съ кредиторами, похвалилъ зятя и сказалъ, что онъ человѣкъ акку-

ратный и дѣловой и въ буржуазной честности ему отказать невозможно.

Но часъ спустя послѣ этого мнѣніе Жозефа о Подозеровѣ жестоко измѣнилось. Поводомъ къ этому послужило маленькое обстоятельство, котораго Висленевъ никакъ не ожидалъ. Дѣло заключалось въ томъ, что Глафира Васильевна, получивъ согласіе Ларисы погостить у нея еще нѣсколько дней, посылала въ городъ нарочнаго съ порученіемъ извѣстить, что Лара остается у Бодростиныхъ и что если мужъ ея пріѣдетъ въ городъ, то она проситъ его дать ей знать. Посланный засталъ Подозерова въ городѣ и возвратился къ вечеру съ двумя письмами: однимъ къ Ларѣ, другимъ—къ ея брату. Въ первомъ Андрей Ивановичъ просилъ жену не безпокоиться и гостить сколько ей прогостится, а во второмъ онъ сообщалъ Жозефу, что онъ пріискалъ человѣка, который согласенъ ссудить ему на неособенно тяжкихъ условіяхъ сумму денегъ, необходимую для выкупа Ларисинаго дома, но что этотъ заимодавецъ, довѣряя деньги Подозерову подъ его личное обязательство, желаетъ только, чтобы вексель подписали два лица съ взаимною другъ за друга порукой. Подозеровъ говорилъ, что онъ находитъ неловкимъ вовлекать въ это семейное дѣло чужихъ людей, и потому обращается къ Іосафу Платоновичу съ просьбой, не угодно ли ему будетъ соблюсти требуемую заимодавцемъ формальность? «Она васъ не привлечетъ ни къ какой отвѣтственности, потому что я вѣрно расчелъ мои средства,—писалъ Подозеровъ;—но если бъ и встрѣтилась какая-нибудь неточность въ моемъ расчетѣ, то кому же ближе васъ пособить поправить это дѣло вашей сестры?»

Висленевъ, прочитавъ это письмо, вспылилъ и, разорвавъ листокъ въ мелкіе кусочки, воскликнулъ:

— Каковъ-съ господинъ Подозеровъ! что онъ мнѣ предлагаетъ: ручаться за него; подписывать съ нимъ вексель? Да что у насъ съ нимъ общаго, кромѣ того, что моя сестра съ нимъ вокругъ налоя походила? Нѣтъ, это ужъ очень ловко!

Слушатели пожелали знать въ чемъ дѣло, и Жозефъ разсказалъ содержаніе письма, кое-что утаивъ и кое-что прибавивъ, но все-таки не могъ измѣнить дѣло настолько, чтобъ и въ его изложеніи весь поступокъ Подозерова переставъ быть свидѣтельствомъ заботливости о Ларисѣ, и потому въ утѣшеніе Жозефу никто не сказалъ ни одного слова, и онъ одинъ безъ поддержки разъяснялъ, что это требованіе не что иное, какъ большое нахальство, удобное лишь съ очень молодыми и неопытными людьми; но что онъ не таковъ, что у него, къ несчастію, въ подобныхъ дѣлахъ уже есть опытность, и онъ, зная что такое вексель, впередъ ни за что никакого обязательства не подпишетъ, да и признаетъ всякое обязательство на себя глупостью, потому что, во-первыхъ, онъ имѣетъ болѣзненные припадки, съ которыми его нельзя посадить въ долговую тюрьму, а во-вторыхъ, это, по его выводу, было бы то же самое, что убить курицу, которая несетъ золотыя яйца.

— Положительно такъ, это положительно такъ, говорилъ онъ,—потому что я въ этомъ случаѣ до болѣзненности щекотливъ, и чуть я знаю, что кто-нибудь имѣетъ на меня юридическія права, я сейчасъ теряюсь, падаю духомъ и не могу ничего сочинять, и слѣдовательно и теряю шансы вознаградить сестру. Это я и называю убить курицу, которая можетъ несть золотыя яйца.

Его оставили въ его гнѣвѣ и-въ его самообожаніи. Бодростина все свое вниманіе перенесла исключительно на одну Ларису, которая видимо была смущена и равнодушіемъ мужа къ ея отсутствію, и его благородными хлопотами о ея дѣлахъ.

Глафира Васильевна все это повыспросила и, открывъ, что Ларѣ хочется быть любимою мужемъ, или, по крайней мѣрѣ, что ее мучитъ недостатокъ восторженнаго обожанія съ его стороны, пустила въ чашу ея бѣдъ каплю новаго остраго яда.

— Ma chère,—сказала она,—такова всегдашняя судьба хорошей и честной женщины. Что бы кто ни говорилъ,

мужчины по преимуществу — порода очень завистливая: все, что имъ принадлежитъ по праву, ихъ уже не занимаетъ. Пословица очень вѣрно говоритъ, что «хороша та дѣвушка, которая другимъ засватана», и дѣйствительно, плохой женихъ всегда торитъ дорогу лучшему. Тутъ у господъ мужчинъ нѣтъ гордости и лучшій не обижается, что ему предшествовалъ худшій.

— Это не у всѣхъ одинаково,—отвѣчала Лариса, насупивъ брови, подъ непріятными воспоминаніями, что мужъ ея былъ нечувствителенъ ни къ какимъ ея пріемамъ; но Бодростина ее опровергла.

Глафира Васильевна обстоятельно доказывала мелочность мужской натуры; говорила о преимуществахъ, которыя имѣютъ надъ ними легкія женщины, потому лишь, что онѣ, маня ихъ наслажденіемъ, не даютъ имъ надъ собою никакихъ правъ и завѣдомо не принимаютъ на себя никакихъ обязанностей, и вдругъ неожиданно произнесла имя Горданова.

Лара вздрогнула при этой внезапности и, взявъ Глафиру за руку, прошептала:

— Бога ради, ни слова объ этомъ человѣкѣ.

— О, будь покойна: то, что я скажу, не составляетъ ничего важнаго: я просто припомнила въ примѣръ, что этотъ человѣкъ, повидимому, столь холодный и самообладающій, при извѣстіи о твоей свадьбѣ, сталъ такая кислая дрянь, какъ и всѣ, — точно такъ же одурѣлъ, точно такъ же злился, корчился, не ѣлъ и не находилъ смысла въ своемъ существованіи. Онъ даже былъ глупѣе, чѣмъ другіе, и точно гусаръ старинныхъ временъ проводилъ цѣлые дни въ размышленіи, какъ бы тебя похитить. Я ужъ не знаю, что можетъ быть этого пошлѣе.

Но Ларѣ эта пошлость не показалась такою пошлою, и она только прошептала:

— Зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь?

— Затѣмъ, что я увѣрена, что въ тебѣ этотъ разсказъ только можетъ усилить твое справедливое негодованіе про-

тивъ этого злого человѣка и укрѣпить уваженіе, какое ты питаешь къ твоему достойному мужу.

Лариса промолчала и всю ночь пугалась во снѣ похищенія. Гордановъ ей былъ страшенъ какъ демонъ, и она даже должна была проснуться съ отчаяннымъ крикомъ, потому что видѣла себя лежащею на рукѣ Павла Николаевича и надъ собою его черные глаза и смуглый обликъ, который все разгарался и дѣлался сначала мѣднымъ, потомъ красноогненнымъ и жегъ ее, не говоря ей ни слова.

Пробужденная отъ этого тяжелаго сновидѣнія Глафирой, Лара разсказала ей свой страшный сонъ, а та ее обласкала, успокоила и сказала, что она еще ребенокъ, и ей снятся дѣтскіе сны.

Но сама Бодростина про себя помышляла, что если Лару такъ смущаетъ сновидѣнье, то какъ же должна подѣйствовать на нее приготовленная ей дѣйствительность?

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Убѣжденія храбраго майора колеблются.

Пребываніе Ларисы у Бодростиной не оставалось тайной ни для Катерины Астафьевны, ни для Синтяниной, которыя, разумѣется, и разойдясь съ Ларой, не переставали ею интересоваться. Обѣихъ этихъ женщинъ новое сближеніе Ларисы съ Глафирой поразило чрезвычайно непріятно. Съ тѣхъ поръ, какъ Бодростина укатила за границу, ни та, ни другая изъ названныхъ нами двухъ дамъ не имѣли о ней никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній; но съ возвращеніемъ Глафиры Васильевны въ свои палестины, молва быстро протрубила и про ея новую славу, и про ея полную власть надъ мужемъ, и про ея высокія добродѣтели и спиритизмъ.

Катерина Астафьевна и генеральша приняли эти вѣсти съ большимъ сомнѣніемъ: первая, толкнувъ на себѣ чепецъ и почесавъ въ сѣдыхъ волосахъ вязальнымъ прутком, ска-

зала, что «это ничего болѣе, какъ котъ поскимился», а вторая только качнула головой и улыбнулась.

Съ тѣмъ же недовѣріемъ встрѣтили эту вѣсть и генералъ, и Форовъ, явившійся на этотъ случай въ чрезвычайномъ раздраженіи.

— Тому-съ, что она забрала въ руки-съ Михаила Андреевича, я готовъ-съ вѣрить,—сказалъ генералъ,—да это и не мудрено-съ, если правда, что онъ въ Петербургѣ такъ попался съ какою-то барынькой...

— А она этимъ, конечно, воспользовалась.

— А зачѣмъ бы ей не воспользоваться?—вставилъ нетерпящій сплетень майоръ, и сейчасъ развилъ, что Глафира Васильевна «баба ловкая и лѣвою рукой не крестится».

— Ни лѣвою, ни правою она не крестится, а это пребываніе Горданова въ милости у Бодростина, да еще и вступленіе его въ компаньонство и въ должность главноуправителя дѣлами... все это... ея штуки-съ, штуки, штуки!

— Ну, Гордановъ старику и самому нравится

— А старушкѣ еще болѣе? Вотъ это-то и скверно-съ, что ей-то онъ нравится еще болѣе.

— Что же тутъ скверно? Я ничего не вижу сквернаго. Вещь самая естественная. Благородный англійскій лордъ и поэтъ Байронъ, котораго такъ терпѣть не можетъ ваша супруга, удостовѣряетъ насъ, что даже:

— при темпераментѣ
Весьма холодномъ, дамы нѣтъ,
Которая бъ не промѣняла
На ротмистра здоровыхъ лѣтъ
Едва живого генерала.

Генералъ обидѣлся: ему не понравились приведенные Форовымъ стихи, и онъ, сверкнувъ своими бѣлесоватыми глазами, прошипѣлъ:

— Чего моя супруга терпѣть не можетъ, то всегда и скверно, и мерзко,—и съ этимъ онъ поцѣловалъ два раза

кряду руку помѣщавшейся за рабочимъ столикомъ жены и, надувшись, вышелъ въ другую комнату.

Форовъ остался на жертву двумъ женщинамъ: своей женѣ и генеральшѣ, изъ которыхъ первая яростно накинулась на него за его безтактность въ только что оконченномъ разговорѣ, между тѣмъ какъ другая молчала, давая своимъ молчаніемъ согласіе на слова Катерины Астафьевны.

Майоръ храбро отбивался отъ нападокъ жены и внушалъ ей, что въ его словахъ не было никакой безтактности.

— Другое дѣло,—барабанилъ онъ,—если бъ я на слова его превосходительства, что все не терпимое Александрой Ивановной скверно или мерзко, отвѣтилъ ему, что и терпимое ею не всегда вполнѣ превосходно, чему онъ самъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, но я вѣдь этого не сказалъ.

Катерина Астафьевна поблѣднѣла, зашикала и бросилась запирать двери, за которыя удалился генералъ, а Александра Ивановна, поднявъ лицо отъ работы, тихо разсмѣялась.

— Вы, Филетеръ Иванычъ, въ своемъ родѣ совершенство,— проговорила она.

— Скажи, золъ ты что ли на что-нибудь: чего ты это ко всѣмъ придираешься?—спросила Катерина Астафьевна.

— Ни на что я не золъ, а ужъ очень долго бесѣдовалъ съ благороднымъ человѣкомъ.

Обѣ дамы посмотрѣли на него молча.

— Что-съ,—продолжалъ майоръ, — васъ удивляетъ, что мнѣ хорошіе люди опротивѣли? Истинно, истинно говорю такъ-съ, и потому я чувствую желаніе заступаться и за добрую барыню Глафиру Васильевну, и за господина Горданова. Да что, въ самомъ дѣлѣ, эти, по крайней мѣрѣ, не дремлютъ, а мы сидимъ.

— Кто жъ тебѣ не велитъ идти на службу: ты еще здоровъ и можешь служить, чтобъ у жены были крѣпкіе башмаки,—вмѣшалась Форова.

— Не въ томъ дѣло-съ, моя почтенная, не въ томъ.

— А въ чемъ же?

— А хоть бы въ томъ, напримѣръ, что нѣкоторыя убѣжденія мои начинаютъ летѣть «кувыркомъ», какъ въ нѣкоторомъ родѣ честь изображаемой нынѣ на театрахъ Прекрасной Алены.

— Ну да: твои убѣжденія! какія тамъ у тебя убѣжденія?

Майоръ не обидѣлся, но попросилъ такъ не говорить и старался внушить, что у него есть или, по крайней мѣрѣ, были убѣжденія и даже очень послѣдовательныя, во главѣ которыхъ, напримѣръ, стояло убѣжденіе, что родъ людской хоть понемножечку все умнѣетъ, тогда какъ онъ глупѣетъ. Майоръ разсказалъ, что ихъ зовутъ на судъ за дуэль, и что Андрей Ивановичъ Подозеровъ ни болѣе, ни менѣе какъ желаетъ, чтобы, при слѣдствіи о дуэли его съ Гордановымъ, не выдавать этого негодяя съ его предательствомъ и оставить все это втунѣ.

— Такъ, дескать, была дуэль, да и только.

— Что же это за фантазія еще?

— А вотъ извольте спросить, а я это понимаю: достопочтенная племянница моей жены, Лариса Платоновна, пребывая у господъ Бодростиныхъ, имѣла свиданіе съ господиномъ Гордановымъ...

— Ты врешь!—прибавила майорша.

— Ничего я не вру-съ, она имѣла съ господиномъ Гордановымъ свиданіе и объясненіе; она убѣдилась во всей его предъ всѣми правотѣ и невинности; была тронута его великодушіемъ...

— Ты врешь, Форовъ!

— Да, фу, чортъ возьми совсѣмъ: не вру я, а правду говорю! Она была всѣмъ, всѣмъ тронута, потому что я иначе не могу себѣ объяснить письма, которое она прислала своему мужу съ радостною вѣстью, что Гордановъ оказался вовсе ни въ чемъ предъ ней невиноватымъ, а у Подозерова проситъ извиненія и не хочетъ поддерживать того обвиненія, что будто мы въ него стрѣляли предательски.

— Она съ ума сошла!

— Нѣтъ-съ, не сошла, а это совсѣмъ другое: эта дама желаетъ имѣть своего Адама, который плясалъ бы по ея дудкѣ, и вотъ второе мое убѣжденіе полетѣло кувыркомъ: я былъ убѣжденъ, что у женщинъ взаправду идетъ дѣло о серьезности ихъ положенія, а имъ нужна только лесть, чему-нибудь, это все равно: ихъ уму, или красотѣ, или добродѣтели, умѣнью солить огурцы, или «работать надъ Боклемъ». Лишь бы лесть, и отнынѣ я убѣжденъ, что, ловко льстя добродѣтели женщины, легко можно овладѣть добродѣтелью самой добродѣтельнѣйшей. Я даже имѣю одинъ такой примѣръ.

— Далѣе?

— А далѣе то, что я былъ убѣжденъ въ расширеніи чувства строгой справедливости въ человѣчествѣ и разубѣдился и въ этомъ: я вижу, что теперь просто какое-то царство негодяевъ, ибо ихъ считаютъ своею обязанностью щадить тѣ самые черные люди, которыхъ тѣ топятъ. Господинъ Подозеровъ не моего романа, но я его всегда считалъ отличнымъ буржуа, и вдругъ этотъ буржуа становится на рыцарскія ходули и вѣщаетъ мнѣ, что онъ ни одного слова не скажетъ противъ Горданова, что онъ *не можетъ* позволить ему превзойти себя въ великодушіи; что онъ не можетъ заставить себя стоять на одной доскѣ съ этимъ... прощалыгой; что онъ мститъ ему тѣмъ, что его презираетъ-съ.

— Однимъ словомъ, цѣлая комедія: одинъ великодушнѣе другого, а другой великодушнѣе одного.

— Если презрѣніе есть великодушіе, то будь по-твоему; но тутъ нѣтъ мѣста никакому великодушію, тутъ именно одно презрѣніе и гордость, сатанински воспрянувшая при одномъ сближеніи, которое его жена сдѣлала между нимъ и Гордановымъ. Я васъ, милостивыя государыни, предупреждаю, что дѣло кончено! Понимаете-съ; я говорю не о дѣлѣ съ дуэлью, которое теперь кончится, разумѣется, вздоромъ, а о дѣлѣ брака Ларисы Платоновны. Онъ конченъ, попрабашенъ и крестъ на немъ водруженъ.

Обѣ дамы остро смотрѣли на майора, подъ грубыми словами котораго давно слышали огорчавшую его тяжелую драму.

Филетеръ Ивановичъ постоялъ, отворотясь, у окна и, съ большими хитростями стянувъ на усы слезу, быстрымъ движеніемъ обтеръ рукавомъ щеку и, оборотясь къ женѣ, проговорилъ мягкимъ, сострадательнымъ голосомъ:

— Да, мой другъ Лара,—это кончено.

— Развѣ онъ тебѣ это сказалъ?

— Нѣтъ, не сказалъ. Это-то и скверно. Я не вѣрю тѣмъ, кто говоритъ, что онъ разстанется: эти разводятся и сводятся, какъ петербургскіе мосты; но кто молча это задумалъ, какъ Подозеровъ, тотъ это сдѣлаетъ крѣпко.

— Ты, Форъ, вѣдь можешь ошибаться?

— Нѣ-ѣтъ; нѣтъ, я не ошибаюсь! Онъ это рѣшилъ.

— Этому надо помочь; это надо уладить.

— Этому невозможно помочь.

— Онъ долженъ же пожалѣть самого себя, если не ее.

— Нѣтъ, онъ себя не пожалѣетъ.

— Разбитая жизнь...

— Что ему разбитая жизнь? Пусть возьметъ меня господинъ чортъ, если я не видѣлъ, какъ въ его глазахъ сверкнулъ Испанскій Дворянинъ, когда пришлось сблизить имя Горданова съ именемъ его жены! Нѣтъ, ей нѣтъ теперь спасенья. Этотъ бракъ расторгнутъ—и четвертое мое убѣжденіе «кувыркомъ»! Я видѣлъ, какъ этотъ кроткій пейзажъ прорѣзало тихою молоньей, и убѣдился, что испанскіе дворяне — народъ страшный и прекрасный, а вслѣдъ затѣмъ «кувыркомъ» пошло пятое убѣжденіе, что свободу женщинъ состроятъ не ораторы этого слова, а такія благодатныя натуры, какъ мой попъ Евангелъ, который плакалъ съ своею женой, что она влюблена, да совѣтовалъ ей отъ него убѣжать. А за этимъ шестое: я разубѣдился, чтобы могли заставить серьезно относиться къ себѣ женщинъ моралисты и эмансипаторы; нѣтъ, это опять-таки тѣ же испанскіе дворяне сдѣлаютъ. Наконецъ, если вамъ угодно, я получилъ

новое убѣжденіе. Я убѣдился, что и эту силу испанскаго дворянства создала тоже женщина, то-есть высокій, высокій идеалъ женщины, при которомъ всѣ низшія комбинаціи безсильны ни восторгать, ни огорчать. Глядя на этого Подозерова, съ какимъ онъ достоинствомъ встрѣтилъ нанесенное ему оскорбленіе, и какъ гордо, спокойно и высоко сталъ надъ нимъ, я понялъ, что идеалъ есть величайшая сила, что искренній идеалистъ непобѣдимъ и что я всю жизнь мою заблуждался и говорилъ вздоръ, ибо я самъ есмь пламеннѣйшій идеалистъ, скрывшійся подъ чужою кличкой. Да-съ; этакія пертурбаціи надъ собою, милостивыя государыни, перенести не легко, а я ихъ только что перенесъ, и вотъ я почему золъ.

И майоръ замолчалъ. Ему никто не отвѣчалъ: жена его сидѣла глядя на генеральшу, а та скоро и скоро метала иголкой, стараясь опахнуть рукой свое зардѣвшееся лицо. Внутреннее волненіе, которое ощущали обѣ эти женщины, отняло у нихъ охоту къ слову; но зато онѣ въ это время обѣ безъ рѣчей понимали, *въ комъ* эта сила, обезсиливающая всѣ низшія комбинаціи въ человѣкѣ, для котораго любовь не одно лишь обладанье, а неодолимая тяга къ постиженію высшаго счастія въ соревнованіи существу, насъ превышающему въ своей силѣ правды, добра и самоотверженія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Чего достигъ Ропшинъ.

Лариса, пробывъ четыре дня у Бодростиной и притомъ оскорбясь на то, что она здѣсь гостила въ то самое время, когда мужъ ея былъ въ городѣ, не могла придумать, какъ ей возвратиться съ наибольшимъ сохраненіемъ своего достоинства, сильно страдавшаго, по ея мнѣнію, отъ той невозмутимости, съ которою мужъ отнесся къ ея отсутствію. Наблюдательное око Глафиры это видѣло и предусматривало все, чѣмъ можно воспользоваться изъ этого недовольства.

Глафирѣ, стоявшей уже на самомъ рубежѣ исполненія ея давняго замысла — убить мужа и овладѣть его состояніемъ, была очень невыгодна молва, что между нею и Гордановымъ есть какой-либо остатокъ привязанности. Гордановъ же былъ ей, конечно, необходимъ, потому что, кромѣ него, она ни на кого не могла положиться въ этомъ трудномъ дѣлѣ, за которое, не желая ничѣмъ рисковать, сама взяться не хотѣла, точно такъ же, какъ не намѣренъ былъ подвергать себя непосредственному риску и Гордановъ, предоставившій къ завершенію всего плана омраченнаго Жозефа. Но Жозефъ безъ Горданова то же, что тѣло безъ души, а Гордановъ, подозрѣваемый въ сердечной интимности съ Глафирой, опять неудобенъ и опасенъ. Всякая неловкость съ его стороны ее компрометировала бы, а его неудача прямо выдала бы ее. Глафира никогда не упускала этого изъ вида и потому ревностно заботилась о такъ-называемыхъ «ширмахъ». Замѣтивъ, что Лара въ дѣвушкахъ начала серьезно нравиться Горданову, Бодростина испугалась, чтобы Павелъ Николаевичъ какъ-нибудь не женился и тогда, съ утратой выгодъ отъ вдовства Глафиры, не охладѣлъ бы къ «общему дѣлу»; но теперь замужняя Лариса была такими прелестными ширмами, разставить которыя между собою и своимъ браво Глафира желала и даже считала необходимымъ, особенно теперь, когда она впала въ новое безпокойство отъ изъявленнаго Михаиломъ Андреевичемъ намѣренія передать ей все состояніе по новому духовному завѣщанію, въ отмѣну того, которое нѣкогда сожгла Глафира передъ глазами Ропшина, подмѣнивъ фальшивымъ. Теперь было ровно не за что убивать Михаила Андреевича, и между тѣмъ теперь-то и настала необходимость его убить, и эта необходимость росла и увеличивалась ежесекундно. Чѣмъ старикъ рѣшительнѣе говорилъ съ Ропшинымъ о своемъ намѣреніи немедленно взять прежде отданное завѣщаніе, тѣмъ гибель его становилась ближе и неотвратимѣе. Это призналъ даже самъ Ропшинъ, изнемогавшій отъ страха при мысли о томъ, что произойдетъ,

когда пакетъ будетъ взятъ и Бодростинъ увидитъ, какъ онъ былъ предательски и коварно обманутъ.

— Тогда всѣ мы погибнемъ,— говорилъ онъ Глафирѣ, только что сообщивъ предъ этимъ, что уже написано новое завѣщаніе и что Михаилъ Андреевичъ хочетъ немедленно замѣнить имъ то, которое хранится въ Москвѣ.

Бодростиной настала новая забота успокоивать Рошпина, что въ эту пору уже было далеко не такъ легко, какъ во время оно, потому что теперь Рошпинъ страшился не того, что его прогонятъ съ мѣста, а ему грозила серьезная опасность повозить тачку въ Перчинскихъ рудникахъ. Правда, Глафира въ тайной аудіенціи клялась ему, что, въ случаѣ несчастія, она все возьметъ на себя, но онъ видимо мало вѣрилъ ея клятвамъ и плохо ими успокоивался. Неприступной Глафирѣ Васильевнѣ оставалось одно: опоить его, какъ дурманомъ, страстію и усыпить его тревоги; но... Глафира не могла принудить себя идти съ этимъ человѣкомъ далѣе кокетства, а этого уже было мало. Рошпинъ сталъ для нея самымъ опаснымъ изъ преданныхъ ей людей: она замирала отъ страха, что онъ въ одну прелестную минуту кинется въ ноги ея мужу и во всемъ повинится, такъ какъ въ этомъ Рошпинъ имѣлъ слабую надежду на пренебрежительное прощеніе со стороны Бодростина. Зная барскія замашки Михаила Андреевича, лойяльный юноша уповалъ, что Бодростинъ плюнетъ ему въ лицо, выгонитъ его вонъ, можетъ-быть дастъ сгоряча пинка ногой, и все это будетъ одинъ на одинъ и тѣмъ и кончится, хотя, разумѣется, кончится далеко не такъ, какъ нѣкогда мечталъ этотъ чухонецъ, тоже возлелѣявшій въ себѣ надежду обладать и роскошною вдовой, и ея милліонами.

Рошпинъ предавался этимъ мечтамъ не такъ, какъ Гордановъ или Висленевъ: онъ думалъ свою думу безъ шуму и, однако, тѣмъ, не менѣе не только надѣялся, но даже имѣлъ нѣкоторыя основанія думать, что его разсчетъ повѣрнѣе и пообстоятельнѣе, чѣмъ у обоихъ другихъ претендентовъ, цѣну которыхъ во мнѣніи Бодростиной онъ пони-

малъ прекрасно. Внезапная смерть въ Москвѣ Кюлевейна тоже не прошла у Рошшина безъ примѣчанія: онъ заподозрилъ, что это неспроста сталось, и получилъ еще новое понятіе о Гордановѣ и о Висленевѣ, да усмотрѣлъ кое-что и въ Глафирѣ, наружная строгость и спиритизмъ которой было поставили его на нѣкоторое время въ сильное затрудненіе, но онъ вскорѣ же замѣтилъ, что все это вздоръ и что Глафира только рядится въ благочестіе. Страсть его разгоралась. Глядя на Глафиру съ робкимъ замираніемъ сердца днемъ, онъ не освобождался отъ своего томленія ночью и думалъ о томъ блаженномъ часѣ, когда онъ, ничтожная «ревельская килька», какъ называлъ его Бодростинъ, считавшій для него высокою даже любовь женинои горничной, завладѣетъ самою его женой и ея состояніемъ.

Рошшинъ зналъ, что онъ можетъ посягать на такое завладѣніе и, укрѣпляясь въ этой мысли, сталъ наконецъ въ ней такъ твердъ, что Глафира начала ощущать сильное безпокойство по поводу его притязаній, пренебречь которыми обстоятельства ей рѣшительно не позволяли.

Насталъ наконецъ день новаго и неожиданнаго для нея униженія, которое сначала носилось въ видѣ предчувствія необходимости ухаживать за Рошшинымъ и наконецъ явилось въ формѣ явнаго сознанія необходимости угождать ему. Приходилось идти нѣсколько далѣе, чѣмъ думалось...

Безстрашную Глафиру объялъ нѣкоторый страхъ и въ ней заговорило чувство гордости, которое надо было какъ-нибудь успокоить, а успокоенія этого не въ чемъ было искать.

Генрихъ Ивановичъ, въ одну изъ уединенныхъ прогулокъ Глафиры по парку, предсталъ ей неожиданно и, поговоривъ съ ней о своихъ постоянныхъ теперешнихъ опасеніяхъ, прямо сказалъ, что онъ поставленъ ею въ затруднительнѣйшее положеніе ни за что и ни про что: между тѣмъ какъ и Висленевъ, и Гордановъ гораздо болѣе его пользуются и ея сообществомъ, и ея вниманіемъ.

— Бѣдное дитя, вы ревнуете?—молвила никакъ не ожидавшая такой откровенности Глафира.

— Признаюсь вамъ, Глафира Васильевна, что какъ я ни ничтоженъ, но и у меня есть сердце, и я... я васъ люблю.—рѣшился отвѣтить Ропшинъ.

У Глафиры слегка сжало сердце, какъ будто при внезапномъ колебаніи палубы на суднѣ, которое до сихъ поръ шло не качаясь, хотя по разгуливающемуся вѣтру и давно уже можно было ожидать качки. Она поняла, что теперь ей, чтобы не сплошать и не сдаться ничтожному секретарю, котораго она должна была бояться, остается только одно: проводить его какъ-нибудь до тѣхъ поръ, пока смерть Кюлевейна немножко позабудется, и тогда Гордановъ научитъ и натравитъ Висленева покончить съ ея мужемъ. А до тѣхъ поръ .. до тѣхъ поръ надо лавировать и дѣлать посильныя уступки Ропшину, ограждаясь лишь отъ уступокъ самыхъ крайнихъ, которыя возмущали ее какъ женщину. Она вѣрила въ свой умъ и надѣялась спустить съ рукъ это затрудненіе, пройдя его на компромиссахъ, которые, по ея соображеніямъ, должны были ей удаваться, а тамъ наступитъ и желанная развязка съ Бодростинымъ, и тогда можно будетъ выпроводить Ропшина за двери вмѣстѣ и съ Гордановымъ, и съ невиннѣйшимъ Висленевымъ.

Послѣдній и его сестра и понадобились Глафирѣ въ минуту соображеній, промелькнувшихъ у нея по случаю выраженной Ропшинымъ ревности. Глафира нашла удобнымъ построить на нихъ комбинацію, которая должна спутать Ропшина и провести его.

Выслушавъ его пени, она сказала:

— Вотъ вы какой ревнивецъ! Въ нашъ вѣкъ у насъ въ Россіи это рѣдкость.

— Я не русскій,—отвѣчалъ со смиреніемъ Ропшинъ.

— Это очень оригинально! мнѣ это нравится, что вы меня ревнуете, и хотя женщины, какъ я, привыкшія къ полной свободѣ своихъ дѣйствій, считаютъ это неудобнымъ стѣсненіемъ, но chacun a son caprice, и я вамъ позволяю меня немножко ревновать.

— Я бы смѣлъ просить у васъ позволить мнѣ имѣть немножко права на нѣчто другое.

Глафира остановилась.

— То-есть что же это за просьба?— произнесла она своимъ густымъ контральто, съ отзвукомъ легкаго смѣха.

— Я просилъ бы позволить мнѣ быть немножко болѣе увѣреннымъ...

— Вѣра никогда не мѣшаетъ.

— Но трудно вѣрить, когда... нѣтъ спокойствія... нѣтъ ничего, что бы въ моемъ теперешнемъ положеніи хоть немножко ясно обозначалось. Повѣрьте, Глафира Васильевна, что я иногда переживаю такія минуты, что... готовъ не знаю что съ собой сдѣлать.

— Vous me troublez!

И Глафира закинула голову, при чемъ по прекрасному лицу ея легъ красноватый оттѣнокъ заходящаго солнца.

— Я не знаю, насколько это васъ безпокоитъ,—отвѣчалъ Рощинъ,—но... зачѣмъ вы меня такъ мучаете?

— Я! Васъ? Чѣмъ?

Глафира покраснѣла и независимо отъ солнца, но тотчасъ взяла другой тонъ и, возвысивъ голосъ, сказала:

— O-o! mon cher ami, c'est une chose insupportable, вы мнѣ все твердите я да я, какъ будто все дѣло только въ однихъ васъ!

И съ этимъ она, кивнувъ головой, описала на землѣ кругъ хвостомъ своего шумящаго платья, и быстрымъ шагомъ тронулась впередъ.

Рощинъ сробѣлъ, и ему она сугубо нравилась въ этой дерзости, и онъ, оставшись одинъ посреди дорожки, думалъ:

«Терпѣніе, а потомъ справимся».

И онъ въ этотъ вечеръ все мечталъ о русской женщинѣ, и находилъ въ ней особенныя достоинства, особый шикъ, что-то еще полудикое и въ то же время мягкое, что-то такое, отъ чего припоминается и степь съ ковылемъ-травой, и златогривый конь русской сказки, и змѣя на солнцѣ.

Рощинъ былъ въ поэтическомъ восторгѣ и, неожиданно посѣтивъ Висленева, отобралъ у него взятыя тѣмъ изъ библіотеки сочиненія Пушкина и долго ходилъ по своей комнатѣ, тихо скандуя переложеніе сербской пѣсни: «Не косись пугливымъ окомъ: ногъ на воздухъ не мечи; въ полѣ гладкомъ и широкомъ своенравно не скачи».

Поздно онъ уже погасилъ свѣчу, подошелъ къ открытому окну въ садъ, надъ которымъ сверху стояла луна, и еще повторилъ особенно ему понравившуюся строфу: «Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю укороченной уздой».

Съ этимъ онъ юркнулъ въ постель, подъ свою шертинговую простыню, и рѣшилъ, что онъ велъ себя хорошо, что за симъ онъ пойдетъ еще смѣлѣе и въ концѣ концовъ все будетъ прекрасно.

Въ то время, какъ Рощинъ уже былъ въ полуснѣ, и притомъ въ пріятнѣйшемъ полуснѣ, потому что оживши его надежды дали ослабу томившей его страсти, онъ почувствовалъ, что его запертая дверь слегка колышется, и кто-то зоветъ его по имени.

Онъ вскочилъ, повернулъ ключъ и увидѣлъ предъ собою гордо относившуюся къ нему горничную Глафиры, которая прошептала ему:

— Сойдите тихо... барыня ждетъ васъ на балконѣ.

И съ этимъ скрылась, негодуя на его дезабилье, которое Рощинъ привелъ въ порядокъ живою рукой, и какъ легкій мячъ неслышно скатился со второго этажа внизъ, прошелъ рядъ комнатъ и ступилъ на балконъ, на которомъ сидѣла закутанная въ большой черный кашмировый платокъ Глафира.

Она была замѣчательно неспокойна и при появленіи Рощина окинула его тревожнымъ взглядомъ. Глафира уже чувствовала полный страхъ предъ этимъ человѣкомъ, а по развившейся въ ней крайней подозрительности не могла успокоить себя, что онъ не пойдетъ съ отчаянья и не начнетъ какъ-нибудь поправлять свое положеніе полною откровенностью предъ ея мужемъ.

— Послушайте,—сказала она, упоенная веселымъ и счастливымъ выраженіемъ лица, которое имѣлъ представшій ей Ропшинъ,— вотъ въ чемъ дѣло: я гораздо скрытнѣе, чѣмъ вы думаете; но вы сегодня коснулись одной очень больной, очень больной моей струны... Мой мужъ, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ слабость все прощать Горданову и вѣрить въ него.

— Да; это большая слабость.

— Но я, терпя это, никогда не думала, чтобы люди, и тѣмъ болѣе вы, вѣрили, что для меня что-нибудь значитъ этотъ негодяй, которому, можетъ-быть, даже хочется показать, что онъ что-нибудь для меня значитъ.

— Это очень можетъ быть.

— Такъ помогите же мнѣ нарядить его въ дурацкій колпакъ.

— Съ удовольствіемъ, все, что могу...

— Я вышлю сюда сестру Висленева, Ларису..

— Это прекрасно.

— Да; тогда всѣ увидятъ, за кѣмъ онъ гнался здѣсь и за кѣмъ гонится. Избави меня Богъ отъ такой чести!

— Это превосходная мысль,—одобрилъ Ропшинъ,—но не помѣшалъ бы господинъ Висленевъ...

— Ахъ, полноте, пожалуйста: развѣ этотъ шутъ можетъ чему-нибудь мѣшать! Онъ можетъ только быть полезенъ... Но помогайте и вы,—прибавила Глафира, протягивая руку.

Ропшинъ съ жаромъ коснулся ея губами.

Глафира отвѣчала тихимъ пожатіемъ и, удаляясь, таинственно проговорила:

— Тогда будетъ гораздо свободнѣе.

— О-о, вы!—началъ было Ропшинъ, но, не находя болѣе словъ, только еще разъ чмокнулъ Глафирину руку и уснулъ на зарѣ, при воспоминаніи о шелестѣ ея платья, щелканьѣ каблучковъ ея туфель и при мечтѣ о томъ, что принесетъ съ собою то время, когда, по словамъ Глафиры, «будетъ свободнѣе».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

За ширмами.

Бодростиной не стоило особаго труда вызвать Ларису на новыя бесѣды о Гордановѣ. Подъ живымъ впечатлѣніемъ своихъ сновъ и мечтаній о старомодномъ намѣреніи Гордановa увезть ее, Лара часто склонялась къ тайнымъ думамъ о томъ, какъ же это онъ могъ бы ее увезть?

«Гдѣ же это онъ меня думалъ сокрыть—въ степи, на башнѣ или въ подземельѣ?.. И это послѣ тѣхъ наглостей и того нахальства?.. Неужто онъ еще смѣетъ думать, что я стала бы съ нимъ говорить и могла бы его простить и даже забыть для него мой долгъ моему честному мужу?..»

Лара даже покраснѣла, сколько отъ негодованія и гнѣва, столько же и отъ досады, что никакъ не могла представить себя похищаемою, и сама искала случая молвить Бодростиной, что ее безмѣрно удивляетъ гордановская наглость.

Наконецъ это ей удалось: представился случай, и Лара весьма кстати высказала, насколько она изумлена переданнымъ ей слухомъ о Гордановѣ,—вообще весьма нелѣпымъ во всякое время, но уже превосходящимъ все на свѣтѣ, если принять во вниманіе наглое письмо, какое онъ прислалъ ей изъ Москвы.

Глафира по поводу этого письма выразила изумленіе, а когда Лара разсказала ей въ чемъ дѣло, она позволила себѣ считать это невѣроятнымъ, страннымъ и даже просто невозможнымъ.

— Я, къ сожалѣнію, очень хорошо знаю Горданова,— сказала она.—и знаю все, что онъ способенъ сдѣлать: онъ можетъ убить, отравить, но писать такія письма... нѣтъ; я не могу этому вѣрить.

— Но это такъ было!

— Здѣсь должна быть какая-нибудь ошибка.

Лариса въ самомъ дѣлѣ стала находить, что здѣсь было

бы очень умѣстно предполагать ошибку, потому что можно ли, чтобъ ей, такой красавицѣ, было оказано такое пренебреженіе?..

Соглашаться съ Глафирой Ларисѣ было тѣмъ пріятнѣе, что согласіе это было въ противорѣчіи съ мнѣніемъ, сложившимся о Гордановѣ въ обществѣ людей, родныхъ ей по крови или преданныхъ по чувству, а это и было то, что требовалось ея натурой. Сутки Лара укрѣплялась въ этомъ убѣжденіи, а къ концу этихъ сутокъ и всякій слѣдъ сомнѣнія въ виновности Горданова исчезъ въ душѣ ея. Поводомъ къ этому было письмо Павла Николаевича, принесенное Ларѣ въ конвертикѣ, надписанномъ рукой ея брата. Письмо было утонченно-вѣжливое и грустное. Гордановъ начиналъ съ того, что онъ находится въ совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ для его чести и потому проситъ, какъ милосердія, прочесть его строки. Потомъ онъ передавалъ, что до его свѣдѣнія дошелъ ужасный слухъ о письмѣ, полученномъ Ларой. Этой случайности онъ придавалъ ужасающее значеніе и едва въ силахъ былъ ее изъяснить однимъ намекомъ, такъ какъ распространяться объ этомъ ему не позволяетъ скромность. По намекамъ же дѣло въ томъ, что то письмо, которое попало въ руки Лары, назначено было для другой женщины, межъ тѣмъ какъ письмо, писанное къ Ларѣ, получено тою.

Кто эта женщина, очевидно страшно докучавшая собой Горданову? — это такъ заняло Лару, что она не положила никакого заключенія о томъ, насколько вѣроятно объясненіе Горданова. Предъявивъ вечеромъ письмо, какъ удивительную вещь, Глафирѣ, Лариса прямо потребовала ея мнѣнія: кого бы могъ касаться гордановскій намекъ. У Лары достало духа выразить свое подозрѣніе, не касается ли это Синтяниной.

Глафира сначала подумала, потомъ пожала плечами и улыбнулась.

Лариса продолжала провѣрять эти подозрѣнія; приводила недавно слышанныя ею слова Форова о женщинахъ крѣп-

кихъ и молчаливыхъ, но кусающихся, и, причисляя Синтянину къ этой категоріи, нашла много подозрѣній, что это непремѣнно она была втихомолку ея соперницей въ любви Горданова.

Подозрѣнія Лары перешли въ увѣренность, когда ей, подъ большою, конечно, клятвой, была показана Глафирой фотографія, изображающая генеральшу вмѣстѣ съ Гордановымъ. Ей было страшно и гадко, глядя на это изображеніе; она видѣла его и ему не довѣряла, но это не мѣшало ей чаще и чаще размышлять о Гордановѣ. А между тѣмъ Гордановъ, получавшій обо всемъ этомъ добрыя свѣдѣнія отъ Глафиры, просилъ Жозефа пособить ему оправдаться предъ его сестрой и сказалъ, что онъ ждетъ отъ нея отвѣта на его письмо.

Жозефъ передалъ это Ларѣ и, узнавъ отъ нея, что она не намѣрена отвѣчать Горданову, сообщилъ объ этомъ сему послѣднему, съ добавленіемъ, что, по его мнѣнію, Горданову было бы необходимо лично видѣться и объясниться съ Ларисой.

— О, я бы дорого за это далъ, — отвѣчалъ Гордановъ.

— А сколько именно? весело—вопросилъ Висленевъ.

— Очень дорого.

— Да говори, говори сколько? я можетъ-быть что-нибудь бы придумалъ. Дашь пятьсотъ рублей?

— Больше дамъ.

— Тысячу?

— Больше.

Висленевъ смутился, покраснѣлъ и отвѣчалъ:

— Ты врешь.

— Нимало: я говорю истинную правду. Я не пожалѣю цѣлой крупной статьи на то, чтобъ имѣть случай лично оправдаться предъ твоею сестрой.

— О какой ты говоришь статьѣ?

— О твоемъ мнѣ долгѣ въ тысячу восемьсотъ рублей.

Висленевъ покраснѣлъ еще болѣе и, смѣшавшись, произнесъ, что ему показалось, будто Гордановъ написалъ какую-нибудь статью.

— Ну вотъ еще вздоръ, стану я статью писать, — отвѣтилъ Гордановъ: — я цѣню только дѣйствительныя цѣнности.

— А у тебя моя росписка развѣ цѣла?

— Да какъ же иначе.

— А я, право, про нее было совсѣмъ и позабылъ, потому что уже это давно...

— Да, я жду долго.

Висленевъ хотѣлъ было сказать, что и самый долгъ-то этотъ чортъ знаетъ какого происхожденія, да и росписка писана вдвое, но, подумавъ, нашелъ это и неблагороднымъ, и безполезнымъ, и потому, вздохнувъ, молвилъ:

— Хорошо, пріѣзжай ко мнѣ послѣзавтра, я тебѣ устрою свиданіе съ сестрой.

— Спасибо.

— Только ужъ прихвати съ собой и росписку.

— Ладно.

— Да, пожалуйста... потому что я про нее позабылъ, а я хочу все покончить, чтобъ у меня ни съ кѣмъ никакихъ счетовъ не было.

— Гутъ, гутъ, шутилъ, прощаясь, Гордановъ.

— То-то; пожалуйста привези ее, а то я теперь, вспомнивши про нее, буду неспокоенъ.

— Будь увѣренъ.

— Да ты ужъ лучше того... если хочешь, пріѣзжай завтра.

— Пожалуй.

— Да, гораздо лучше завтра, а то... у меня такой проклятый характеръ, что я терпѣть не могу знать, что я долженъ, а между тѣмъ я всякій день убѣждаюсь, что мнѣ просто нѣтъ средствъ знать, кому я не долженъ.

— Да, ты-таки позапутался,—сказалъ Гордановъ,—вотъ и по конторскимъ бодростинскимъ счетамъ я встрѣтилъ— за тобою значатся частенькія записи.

— Значатся?

— Да.

— Это чортъ знаетъ что! И какія тамъ могутъ быть записи? все мелочь какая-нибудь: на квартиру въ Парижѣ, или на карманный расходъ,—на обувь, да на пару платья, а то ужъ я себѣ вѣдь ровно ничего лишняго не позволяю. Развѣ вотъ недавно вальдегановскія щеточки и жидкость выписалъ, такъ вѣдь это же такіе пустяки: всего на десять съ чѣмъ-то рублей. Или тамъ что на дорогѣ для меня Глафира Васильевна издержала и то записано?

— Нѣтъ, этого не записано.

— То-то, потому что... Висленевъ чуть не проговорился, что онъ путешествовалъ въ качествѣ метрдотеля, но спохватился и добавилъ:—потому что это тогда было бы ужасно.

— А главное гадко, что ты все это какъ-то берешь часто, по мелочамъ и все черезъ женщинъ. Это тебѣ ужасно вредитъ.

— Охъ, да не говори же этого, Бога ради!—воскликнулъ Жозефъ:—все это я самъ отлично знаю, но не могу я занимать крупными кушами... Я и самъ бы очень радъ брать тысячами, но у меня таланта на это нѣтъ, а что касается того, что я все беру черезъ женщинъ, то вѣдь это случайность. Больше ничего какъ случайность: мужчины не даютъ,—женщины въ этомъ случаѣ гораздо добрѣе, и потомъ, я признаюсь тебѣ, что я никогда не думалъ, чтобы Глафира Васильевна передала мои записочки въ контору. Ты ей это не говори, но по-моему съ ея стороны не совсѣмъ хороша такая мелочность... Пустые десятки или сотни рублей и ихъ записывать!.. Нехорошо.

— Другъ любезный, изъ мелочей составляются неоплатные долги.

— Ну, вотъ ужъ и неоплатные!

— А какъ ты думаешь, сколько ты долженъ Бодростинымъ?

— Рублей тысячу.

— Нѣтъ, болѣе четырехъ.

— Тьфу, чортъ возьми! Это она на меня приписала, ей-Богу приписала.

— А ты для чего же не считаешь, а потомъ удивляешься? Тамъ твои росписки есть.

— Что же, мой дорогой Паша, считать, когда все равно... Нѣтъ притоковъ, да и полно.

Висленевъ, вскочивъ съ мѣста и швырнувъ перышко, которымъ ковырялъ въ зубахъ, воскликнулъ съ досадой:

— Собой бы, кажется, пожертвовалъ, чтобы со всѣми расплатиться. Придетъ время, увидишь, что я честно раздѣлаюсь и съ тобой, и съ Бодростиными, и со всѣми, со всѣми.

Онъ даже пообѣщалъ, что и Кишенскому, и женѣ своей онъ со временемъ заплатитъ.

— Вотъ съ тобою, высчитывалъ онъ,—я уже сдѣлываюсь, съ Бодростинымъ тоже сдѣлаюсь.

— Надо сдѣлываться съ Бодростиною, а не съ Бодростинымъ,—перебилъ его Гордановъ.

Висленевъ не понялъ и переспросилъ.

— Надо просто прикончить старика, да и квитъ, а потомъ женись на его вдовѣ и владѣй и ею самою, и состояніемъ.

Висленевъ поморщился.

— Что? она тебя любитъ.

— Страшно, прошепталъ онъ.

— Чего же?

— Такъ, знаешь... убивать-то... нѣтъ привычки.

— Хвастаешься, что свободенъ отъ предразсудковъ, а мѣшокъ съ костями развязать боишься.

— Да, братъ, говори-ка ты... «мѣшокъ съ костями». Нѣтъ, оно, ей-Богу страшно.

Висленевъ задумался.

— Волка бояться и въ лѣсъ не ходить, проповѣдывалъ ему Гордановъ.

— Да, вѣдь хорошо не бояться, Поль, но чортъ его знаетъ почему, а всѣ преступленія имѣютъ почему-то свойство обнаруживаться.

— Кровь что ли завопіетъ? — засмѣялся Гордановъ, и сталъ язвительно разбирать ходячее мнѣніе о голосѣ крови

и о томъ, что будто бы всѣ преступленія рано или поздно открываются. Онъ говорилъ доказательно и съ успѣхомъ убѣдилъ Жозефа, что цѣлыя массы преступленій остаются неоткрытыми, и что они и должны такъ оставаться, если дѣлаются съ умомъ и съ разсчетомъ, а главное, безъ сентиментальничанья, чему и привелъ въ доказательство недавнюю смерть Кюлевейна.

Это Жозефа ободрило и онъ заспорилъ только противъ одного, что Кюлевейна отравилъ не онъ, а Гордановъ.

— Ну, и что же такое,—отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ:— говоря между четырехъ глазъ, я тебѣ, пожалуй, и скажу, что дѣйствительно его я отравилъ, а не ты, но вѣдь я же никакого угрызенія по этому случаю не чувствую.

— Будто не чувствуешь?

— Рѣшительно не чувствую.

— Таки ни малѣйшаго?

— Ни крошечнаго.

— Это бы хорошо! воскликнулъ Жозефъ и самъ весь сладострастно пожался, зажмурился и, протянувъ пальцы, проговорилъ:—я чувствую, что надо только начать.

— Все дѣло за началомъ.

— Такъ постой же! вскричалъ, вскакивая съ мѣста, Жозефъ,—спрячься вотъ здѣсь за ширмы, я сейчасъ приведу сюда сестру.

— Зачѣмъ же сейчасъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ, сію минуту: я хочу непремѣнно сейчасъ это начать, чтобъ еще какъ-нибудь не передумать. Вѣдь ты меня не обманешь: ты отдашь мнѣ мою росписку?

— То-есть тебѣ я ее не отдамъ, а я вручу ее твоей сестрѣ, когда ее увижу.

— Ну такъ, тогда тѣмъ болѣе вамъ надо сейчасъ видѣться; сію минуту!

И Висленевъ бросился какъ угорѣлый изъ комнаты, оставивъ одного Горданова, а черезъ пять минутъ невдалекѣ

послышались быстрые, торопливые шаги Жозефа и легкіе шаги Лары и шорохъ ея платья.

Гордановъ схватилъ свой хлыстъ съ тонкимъ трехгранымъ стилетомъ въ рукояткѣ и фуражку и сталъ за ширмами у висленевской кровати.

Сестра и братъ подошли къ двери: Лара какъ бы что-то предчувствовала и, остановясь, спросила:

— Что это за таинственность: зачѣмъ ты меня зовешь къ себѣ?

— Нужно, Ларочка, другъ мой, нужно.—и Висленевъ, распахнувъ предъ сестрой дверь, добавилъ:—видишь, здѣсь нѣтъ никого, входи же, Бога ради.

Лариса переступила порогъ и оглядѣлась. Потомъ она сдѣлала шагъ впередъ и, робко заглянувъ за ширму, остолбенѣла: предъ нею стоялъ Гордановъ, а ея братъ въ то же мгновеніе заперъ дверь на замокъ и положилъ ключъ въ карманъ.

Лара въ изумленіи отступила шагъ назадъ и прошептала:—«что это?»—Гордановъ выступилъ съ скромнѣйшимъ поклономъ и заговорилъ, что онъ не виноватъ, что онъ не смѣлъ бы просить у нея свиданія, но когда это такъ случилось, то онъ проситъ не отказать ему въ милости выслушать его объясненіе.

— Я не хочу ничего, ничего, проговорила Лариса и, порываясь къ двери, крикнула брату:—ключъ? гдѣ ключъ?

Но Жозефъ вмѣсто отвѣта сжалъ на груди руки и умолялъ Лару ради его выслушать, что ей хочетъ сказать Гордановъ.

— Ради меня! ради меня!—просилъ онъ, ловя и цѣлуя сестрины руки. Ты не знаешь: отъ этого зависитъ мое спасеніе.

Лариса не знала, что ей дѣлать, но братъ ея былъ въ такомъ отчаяніи, а Гордановъ такъ кротокъ,—онъ такъ заботился облегчить ея смущеніе, и самъ, отстраняя Жозефа, сказалъ ему, что онъ ему дѣлаетъ большую непріятность, подвергая этому насилію Ларису. Онъ говорилъ, что, видя ея нынѣшнее къ нему отвращеніе, онъ не хочетъ и безпо-

конть ее никакимъ словомъ. Съ этимъ онъ вырвалъ у Жозефа ключъ, отперъ дверь, вышелъ изъ комнаты и уѣхалъ.

Лара была страшно смущена и страшно недовольна на брата, а тотъ находилъ основательныя причины къ неудовольствію на нее. Онъ сообщилъ ей свои затруднительныя дѣла, открылся, что онъ претерпѣлъ въ Парижѣ, проговорился, въ какихъ онъ отличался роляхъ и какъ въ Петербургѣ былъ на волосъ отъ погибели, но спасенъ Глафирой отъ рукъ жены, а теперь вдругъ видитъ, что все это напрасно, что онъ опять въ томъ же положеніи, изъ какого считалъ себя освобожденнымъ, и даже еще хуже, такъ какъ будетъ имѣть врагомъ Горданова, который всегда можетъ его погубить.

— Неужто же ты, Лара, будешь смотрѣть спокойно, какъ меня, твоего брата, повезутъ въ острогъ? Пожалѣй же меня наконецъ, приставалъ онъ:—не губи меня вдосталь: вѣдь я и такъ всю мою жизнь провелъ Богъ знаетъ какъ, то въ тюрьмѣ, то въ ссылкѣ за политику, а потомъ очутился въ такихъ жестокихъ комбинаціяхъ, что отъ женскаго вопроса у меня весь мозгъ высохъ и уже сердце перестаетъ биться. Еще одна какая-нибудь напасть, и я лишусь разсудка и, можетъ-быть, стану такое что-нибудь дѣлать, что тебѣ будетъ совѣстно и страшно.

Лара нетерпѣливо пожелала знать, чего онъ отъ нея хочетъ?

— Ангелъ, душка, лапочка моя, Лара: возьми у него мою росписку. Онъ сказалъ, что онъ тебѣ ее отдастъ. Мнѣ больше ничего не нужно: мнѣ онъ ее не отдастъ, а тебѣ онъ все отдастъ, потому что онъ въ тебя страстно влюбленъ.

— Ты говоришь нестерпимый вздоръ, Жозефъ: съ какой стати онъ мнѣ подаритъ твой долгъ?

— Онъ мнѣ это самъ сказалъ, Ларочка, самъ вотъ на томъ самомъ мѣстѣ! Онъ влюбленъ въ тебя.

— Онъ наглецъ, о которомъ я не хочу ничего слышать.

— Не хочешь слышать! Лара, и это ты говоришь брату!

А тебѣ будетъ пріятно, когда твоего братишку поведутъ въ тюрьму? Лара! я, конечно, несчастливъ, но вспомни, что я тебѣ вѣдь все, все уступалъ. Правда, что я потомъ все это взялъ назадъ, но человѣка надо судить не по поступкамъ, а по намѣреніямъ, а вѣдь намѣренія мои все-таки всегда были хорошія, а ты теперь...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь, схватилъ руки сестры и, обливая ихъ слезами, молилъ:

— Спаси, спаси меня, Лара!

— Чѣмъ?... своимъ безславіемъ?

— Нѣтъ, просто, просто... Никакого безславія не надо: онъ пріѣдетъ и привезетъ мой документъ, а ты возьми его. Ларочка, возьми! Ради Господа Бога, ради покойнаго отца и мамы возьми! А я вотъ тебѣ крестъ, если я послѣ этого хоть когда-нибудь подпишу на бумагѣ свое имя!

Лара просила день подумать объ этомъ.

Въ этотъ день Жозефъ слеталъ къ Горданову съ вѣстями, что капризъ его, вѣроятно, непремѣнно будетъ удовлетворенъ.

— Я стараюсь, Паша, говорилъ онъ:—всячески для тебя стараюсь.

— Да, ты старайся.

— Не знаю, что выйдетъ, но надѣюсь, и ты будь покоенъ. Жди, я тебя извѣщу.

Гордановъ обѣщалъ ждать, а Жозефъ все убивался предъ сестрой, и добился, что она наконецъ рѣшилась посовѣтоваться съ Бодростиной.

— Я не вижу въ этомъ ничего особеннаго, отвѣчала Глафира.

— Во всякомъ случаѣ это очень непріятно.

— Немножко, да; но чтобы очень... Почему же? Онъ въ тебя влюбленъ...

— Тѣмъ хуже.

Но Глафира сдѣлала благочестивую мину и разсказала, какъ много иногда приходится благотворительнымъ дамамъ точно такихъ столкновеній и какъ часто ихъ красота и

баяніе служатъ великую службу самымъ святымъ дѣламъ.

— Разумѣется, заключила она,—въ сношеніяхъ такого рода нужны тактъ и умѣнье себя держать, но, кажется, тебѣ этого не занимать стать. А если ты боишься и не надѣешься на себя, тогда, конечно, другое дѣло.

Бояться! не надѣяться на себя!.. Развѣ Лариса могла что-нибудь подобное чувствовать, а тѣмъ болѣе сознаваться въ этомъ?

Она отвергла это категорически, а засимъ уже не оставалось поводовъ отказываться выручить брата изъ его петли, и Лара наконецъ рѣшилась сказать Жозефу:

— Ну, отстань только, пожалуйста, хорошо: я выйду!

Висленевъ сейчасъ же покатилъ къ Горданову и пригласилъ его къ себѣ завтра предъ вечеромъ, заключивъ это свиданіе небольшимъ торгомъ, чтобы къ векселю въ тысячу восемьсотъ рублей Гордановъ накинулъ ему сто рублей наличностью.

Павелъ Николаевичъ не постоялъ за эту надбавку, а на другой день, вечеромъ, онъ имѣлъ вполнѣ благопріятный случай опровергнуть предъ Ларой всѣ подозрѣнія и коснуться той темной власти, которая руководила всѣми его поступками.

Не дѣлая формальнаго признанія, онъ ей открылся въ самой жгучей страсти, и она его выслушала. Затѣмъ они стали появляться вмѣстѣ и въ гостиной, и въ столовой. Висленевъ всячески содѣйствовалъ ихъ сближенію, которое, впрочемъ, не переходило предѣловъ простого дружества, о чемъ Жозефъ, можетъ-быть, и сожалѣлъ, въ чемъ, можетъ-быть, и сомнѣвался, такъ какъ тотчасъ же послѣ устроеннаго имъ свиданія Лары съ Гордановымъ въ своей комнатѣ, началъ писать Павлу Николаевичу записочки о ссудѣ его деньгами, по одной стереотипной формѣ, постоянно въ такихъ выраженіяхъ: «Поль, если ты любишь мою бѣдную сестренку Лару, пришли мнѣ, пожалуйста, столько-то рублей».

Гордановъ смѣялся надъ этими записками, называлъ Жозефа въ глаза Калхасомъ, но деньги все-таки давалъ,

въ размѣрѣ десяти процентовъ съ выпрашиваемой суммы, въ виду чего Жозефъ долженъ былъ сильно возвышать цифру своихъ требованій, такъ какъ, чтобы получить сто рублей, надо было просить тысячу. По росписокъ опытный и хитрый Жозефъ уже не давалъ и не употреблялъ словъ ни «заемъ», ни «отдача», а просто держался формулы: «если любишь, то пришли».

Лара ничего про это не знала, хотя учредившійся порядокъ не былъ тайной не только для бодростинскаго дома, но также и для Подозерова, до котораго, мимо его воли, дошли слухи о запискахъ, какія шлетъ Горданову Жозефъ. Андрей Ивановичъ написалъ женѣ коротенькое приглашеніе повидаться. Лара показала его Глафирѣ, и та удивилась.

— Я полагала, что по крайней мѣрѣ хоть этого Горація страсть не дѣлаетъ рабомъ, но вѣрно и его, если не любовь, то ревность сводитъ съ рельсовъ.

— Ты думаешь, что это онъ меня ревнуетъ?

— О Боже, да что же иное? Ты, Лара, можешь прекрасно употребить это въ свою пользу: онъ теперь подогрѣтъ настолько, насколько нужно; ты знаешь его слабую струну и, стало быть, понимаешь, что нужно дѣлать. Ступай же, ma chère. Успокой мужа и Синтянину.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Во всей красотѣ.

Глафира не напрасно, отпуская Лару, не давала ей никакихъ подробныхъ совѣтовъ: одной зароненной мысли о необходимости играть ревностью мужа было довольно, и варіаціи, какія Лариса сама могла придумать на этотъ мотивъ, конечно, должны были выйти оригинальнѣе, чѣмъ если бы она дѣйствовала по наученію.

Прибывъ домой послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, Лара встрѣтила ожидавшаго ее въ городѣ мужа съ надутостью и даже какъ будто съ гнѣвомъ, что онъ ее потревожилъ.

Оправясь въ своей комнатѣ, она вошла къ нему и прямо спросила, зачѣмъ онъ ее звалъ?

— Я хотѣлъ поговорить съ тобою, Лара, отвѣчалъ Подозеровъ.

— О чемъ?

Онъ пододвинулъ ей кресло и сказалъ:

— А вотъ присядь.

Лариса сѣла и опять спросила:

— Ну, что такое будете говорить?

— Я считалъ своимъ долгомъ предупредить тебя, про всякій случай, насчетъ твоего брата...

— Что вамъ помѣшалъ мой бѣдный братъ?

— Мнѣ ничего, но тебѣ онъ вредитъ.

— Я этому не вѣрю.

— Онъ занимаетъ у Горданова деньги и пишетъ ему записки, чтобы тотъ далъ ему, «если любитъ тебя».

— Этого не можетъ быть.

— И мнѣ такъ казалось, но про это вдругъ заговорили, и мнѣ это стало очень непріятно.

— Вамъ непріятно?!

Лариса сдѣлала гримасу.

— Что же тебя удивляетъ, что мнѣ это непріятно? Ты мнѣ не чужая, и мнѣ твое счастіе близко.

— Счастіе! — воскликнула Лара и, разсмѣявшись, добавила: — да кто это все доноситъ: тетушка Форова, или ваша божественная Александра Ивановна? О, я ее знаю, я ее знаю!

— То-то и есть, что ни та, ни другая.

— Нѣтъ; вѣрно ужъ если не та, такъ другая: Александрѣ Ивановнѣ можетъ-быть больно, что не всѣ предъ нею благоговѣютъ и не ея именемъ относятся къ Горданову.

— Лара, къ чему же тутъ, мой другъ, имя Александры Ивановны?

— Къ тому, что я ее ненавижу.

Подозеровъ всталъ съ мѣста и минуту молчалъ. Лариса не сводила съ него глазъ и тихо повторила:

— Да, да; ненавижу.

— Вы безсовѣстно обмануты, Лара.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, что она хитрая, предательница и водитъ васъ за носъ.

— Вы безумная женщина, — произнесъ Подозеровъ и, отбросивъ ногой стулъ, началъ ходить по комнатѣ.

Лара, просидѣвъ минуту, встала и хотѣла выйти.

— Куда же вы?—остановилъ ее мужъ.

— А о чемъ намъ еще говорить? — Вы шпіоните за мною,—продолжайте же, я вамъ желаю успѣха.

— Говорите все, я васъ не стану останавливать и не оскорблю.

— Еще бы! вы жалуетесь, что вы на мнѣ женились нехотя, безъ любви; что я васъ упросила на мнѣ жениться; вы полагаете, что ужъ вы мнѣ сдѣлали такое благодѣяніе, котораго никто бы, кромѣ васъ, не оказалъ.

— Представьте же себѣ, что я ничего этого не думаю, и хотя немножко успокойте свое тревожное воображеніе.

— Нѣтъ, вы это говорили! Вы хотите показать, что я даже не стою вашего вниманія, что вы предоставляете мнѣ полную свободу чувствъ и поступковъ, а между тѣмъ требуете меня чуть не черезъ полицію, когда люди оказываютъ мнѣ малѣйшее уваженіе и ласку. Вы фразеръ, и больше ничего какъ фразеръ.

Подозеровъ старался успокоить жену, представляя ей ея неправоту предъ нимъ и особенно предъ Синтяниной. Онъ доказалъ ей, что дѣйствительно не желалъ и не станетъ стѣснять ея свободы, но какъ близкій ей человѣкъ считаетъ своею обязанностью сказать ей свой дружескій совѣтъ.

— А я въ немъ не нуждаюсь,—отвѣчала Лара.—Если вы уважаете мою свободу, то вы должны не принуждать меня слушать ваши совѣты.

— А если это поведетъ къ несчастіямъ?

— Пусть: но я хочу быть свободна.

— Къ большимъ несчастіямъ, Лара.

— Пусть.

— Вы говорите какъ дитя. Мнѣ жаль васъ: я не желаю, чтобы это случилось съ вами. Лара! ты когда-то хотѣла ѣхать ко мнѣ въ деревню: я живу очень тѣсно и, зная твою привычку къ этому удобному домику, я не хотѣлъ лишать тебя необходимаго комфорта; я не принялъ тогда твоей жертвы, но нынче я тебя прошу: поѣдемъ въ деревню! Теперь лѣто; я себя устрою кое-какъ въ чуланчикѣ, а ты займешь комнату, а тѣмъ временемъ кончится постройка, и къ зимѣ ты будешь помѣщена совсѣмъ удобно.

Лариса покачала отрицательно головой.

— Ты не хочешь?

— Да, не хочу.

— Почему же, Лара?

— Потому что вы меня станете стѣснять сообществомъ лицъ, которыхъ я не хочу видѣть, потому что вы мнѣ будете давать совѣты, потому что... я ненавижу все, что вы любите.

— Лара, Лара! Какъ вы несчастливы: вы принимаете своихъ друзей за враговъ, а враговъ за друзей.

Лариса отвѣчала, что, во-первыхъ, это не ея вина въ томъ, что друзья бываютъ хуже враговъ, а во-вторыхъ, это и неправда, и затѣмъ, добавила она и съ нетерпѣніемъ:

— Оставьте, потому что я все равно сдѣлаю все наперекоръ тому, какъ вы мнѣ скажете!

Мужъ не настаивалъ болѣе и уѣхалъ, а Лариса осталась въ городѣ и упорно затворницей просидѣла дома цѣлый мѣсяцъ, едва лишь по вечерамъ выходя въ цвѣтникъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Ни Синтянина, ни Форовы ее не безпокоили; отъ Бодростиныхъ тоже не было никакихъ засыловъ, а мужъ хотя и пріѣзжалъ раза три, но они уже не находили предмета для разговора, что, однакоже, вовсе не мѣшало Ларисѣ находить тему для противо-

рѣчій по поводу всякаго слова, произносимаго Подозеровымъ. Если мужъ говорилъ, что сегодня жарко, Лариса отвѣчала, что вовсе не жарко; если онъ говорилъ, что прохладно, у нея, наоборотъ, выходило жарко. О близкихъ лицахъ Подозеровъ уже вовсе не заговаривалъ.

Такъ кончалось лѣто. Въ послѣдней половинѣ августа Глафира Васильевна тихо праздновала день своего рожденія и прислала за Ларисой экипажъ. Лара подумала и поѣхала, а пріѣхавъ, осталась и загостилась долго.

Въ бодростинскомъ домѣ пользовались послѣдними погожими днями. Устраивались безпрерывныя прогулки на лошадяхъ и катанья по водѣ. Гордановъ былъ въ качествѣ главноуправителя безотлучно здѣсь, потому что теперь они съ Михаломъ Андреевичемъ усиленно хлопотали о скорѣйшей отстройкѣ и открытіи завода мясныхъ консервовъ, который строился въ пяти верстахъ, въ томъ селѣ, къ которому примыкалъ собственный хуторъ Горданова. Дѣло о дуэли было кончено ничтожнымъ взысканіемъ въ видѣ короткаго ареста, и въ бодростинскомъ домѣ всѣ этому очень радовались и занимались по утрамъ своими дѣлами, а вечерами катались, играли и пѣли. Однимъ словомъ, здѣсь шла жизнь, безъ всякаго сравненія болѣе заманчивая, чѣмъ та, какую Лариса создала себѣ въ своемъ домѣ, и Ларѣ не мудрено было загоститься долѣе, чѣмъ хотѣла. Обитатели дома сходились только къ обѣду, а утромъ всѣ работали, даже не исключая Висленева, который, не имѣя занятій, купилъ себѣ трехъ орлятъ, заперъ ихъ въ холодный подвалъ и хотѣлъ пріучить садиться къ его ногамъ или летать надъ его головой.

Такую задачу Жозефъ постановилъ себѣ съ особенною цѣлью, къ которой подвелъ его Гордановъ, вперивъ ему мысль, что онъ можетъ «устранить» Бодростина очень хитро, не самъ, а чужими руками: попросту сказать, Гордановъ училъ его возбудить безпорядки между крестьянами и, доведя дѣло до сумятицы, черкнуть Михаила Андреевича подъ бокъ.

— Это превосходная мысль, — отвѣчалъ Висленевъ, — но только какъ же... на чемъ это замутить?

— Надо ждать случая и пользоваться всякимъ пустякомъ, самое главное — суевѣріемъ. Вотъ ты теперь извѣстный спиритъ; съ тобою сносятся духи, у тебя были необыкновенные пестрые волосы, ты себѣ и укрѣпляй пока этакую необычайную репутацію.

Висленевъ рѣшился ее укрѣплять, но не зналъ, что бы такое придумать, а тутъ ему попался мальчишка, продававшій орлиный выводокъ. Жозефъ купилъ за полтинникъ орлятъ и началъ ихъ школить: это ему доставляло большое удовольствіе. Посадивъ птицъ въ темный прохладный подвалъ, онъ аккуратно всякое утро спускался туда съ мальчикомъ, который несъ на доскѣ кусочки сырого мяса. Жозефъ, вооруженный двумя палками, сначала задавалъ на орлятъ сердитый окрикъ, а потомъ одною палкой дразнилъ ихъ, а другою—билъ, и такимъ образомъ не безъ удовольствія проводилъ въ прохладѣ цѣлые часы, то дразня бѣдныхъ своихъ заключенныхъ, то валяясь на холодномъ каменномъ выступѣ стѣны и распѣвая арію Фарлафа: «Близокъ ужъ часъ торжества моего».

Онъ здѣсь такъ обжился, что сюда приходили звать его къ столу, здѣсь навѣщали его и Бодростинъ, и Глафира, и Гордановъ, и Жозефъ задавалъ предъ ними свои представленія съ орлами, изъ которыхъ одинъ, потерявъ въ сраженіяхъ глазъ, все косился и, дѣйствуя на отчаянность, рисковалъ иногда налетать на Висленева, несмотря на жестокіе удары палкой.

— Чортъ знаетъ, чѣмъ ты, любезный другъ, занимаешься!—говорилъ ему Бодростинъ.

Но Висленевъ только кивалъ головой: дескать «ничего, ничего, посмотримъ» и опять, накидываясь на орла, повторялъ: «Близокъ ужъ часъ торжества моего».

— Да, я не сомнѣваюсь болѣе, что онъ, бѣдный, навсегда останется сумасшедшимъ,—рѣшилъ Бодростинъ, и это рѣшеніе стало всеобщимъ.

А между тѣмъ ушли и послѣдніе лѣтніе дни, на деревьяхъ замелькали желтые листья; подулъ вѣтерокъ, и Лариса вдругъ явилась назадъ въ городъ.

Подозерова не было; Жозефъ посѣщалъ сестру немножко воровски и не часто. Съ Подозеровымъ они встрѣтились только однажды, и Жозефъ было вначалѣ сконфузился, но потомъ, видя, что зять съ нимъ вѣжливъ, пріободрился и потомъ говорилъ сестрѣ:

— Благовѣрный-то твой грибъ съѣлъ!

— А что такое?

— Такъ, ничего, очень ужъ вѣжливъ со мною.

Прошло еще двѣ недѣли: вѣтеръ сталъ еще рѣзче, листьевъ половина опала и въ огородахъ застучалъ заступъ.

Александра Ивановна давно рѣшила оставить свою городскую квартиру въ домѣ Висленева, какъ потому, что натянутыя отношенія съ Ларисой дѣлали жизнь на одномъ съ нею дворѣ крайне непріятною, такъ и потому, что, за полученіемъ генераломъ отставки, квартира въ городѣ, при ихъ ограниченномъ состояніи, дѣлалась совершеннымъ излишествомъ. Они рѣшили совсѣмъ поселиться у себя на хуторѣ, гдѣ къ двумъ небольшимъ знакомымъ намъ комнаткамъ была пригорожена третья, имѣвшая назначеніе быть кабинетомъ генерала.

Мебель и вещи Синтяниныхъ почти уже всѣ были перевезены, и генералъ съ женой оставались на бивакахъ. Въ домъ уже готовились перебраться новые жильцы, которымъ Подозеровъ сдалъ синтянинскую квартиру на условіи—заплатить за шесть лѣтъ впередъ, чтобы такимъ оборотомъ сдѣлаться съ залогодателемъ.

Былъ шестой часъ сѣраго сентябрьскаго дня: генеральша и майоръ Форовъ стояли въ огородѣ, гдѣ глухонѣмая Вѣра и двѣ женщины срѣзали ножницами головки сѣменныхъ овощей и цвѣтовъ. И Синтянина, и майоръ оба были не въ духѣ: Александрѣ Ивановнѣ не легко было покидать этотъ домъ, гдѣ прошла вся ея жизнь, а Форову было досадно,

что они теперь будутъ далѣе другъ отъ друга и, стало быть, станутъ рѣже видѣться.

— Спасибо вамъ за это, говорила ему генеральша.

— Совершенно не за что: я не о васъ хлопочу, а о себѣ. Я тоже хочу продать домишко и поѣду куда-нибудь, куплю себѣ хуторишко надъ Днѣпромъ.

— Зачѣмъ же такъ далеко?

— Тамъ небо синѣе и водка дешевле.

— Не водка манитъ васъ, Филетеръ Ивановичъ. Что вамъ за охота всегда представлять себя такимъ циникомъ?

— А чѣмъ же мнѣ себя представлять? Не начать же мнѣ на шестомъ десяткѣ лѣтъ врать или сплетничать? Вы развѣ не видите, что мою старуху это извело совсѣмъ?

— Какой ангелъ эта Катя!

— Заказная, готовыхъ такихъ не получите; одно слово: мать Софья обо всѣхъ сохнетъ.

— А вы нѣтъ?

— Я?.. А мнѣ что такое? По мнѣ наплевать, но я не хочу, чтобъ она все это видѣла и мучилась, и потому мы съ нею махнемъ туда къ Кіеву: она тамъ будетъ по монастырямъ ходить, а я... къ студентамъ имѣю слабость... заведу знакомства.

— И мы къ вамъ пріѣдемъ.

— Пожалуй, пріѣзжайте, только я вамъ не обѣщаю, что вы меня не возненавидите.

— Это отчего?

— Такъ; я связи со всѣмъ прошедшимъ разрываю. Надоѣло мнѣ здѣсь все и всѣ; я хочу новаго мѣста и новыхъ людей, которые не смѣялись бы надо мной, когда я стану перемѣняться. А здѣсь я жить не могу, потому что безпрестанно впадаю въ противорѣчія. И это на каждомъ шагу; вотъ даже и сейчасъ: иду къ вамъ, а по улицѣ Гордановъ ѣдетъ, да Ларисѣ Платоновнѣ кланяется. Какое мнѣ до этого дѣло? А я сержусь. Іосафъ Платонычъ въ бодростинскомъ домѣ дурака представляетъ: что мнѣ до этого? Наплевать бы, хоть бы онъ и на головѣ ходилъ, а

я сержусь. Увидалъ его сейчасъ на дворѣ — оретъ, что не позволитъ зятю такъ распоряжаться сестринымъ домомъ, потому что самъ нашелъ жильца, который предлагаетъ на двѣсти рублей въ годъ болѣе. Онъ дѣло говоритъ, а я сержусь, зачѣмъ онъ говоритъ противъ Подозерова. Вислоневъ хочетъ сдать домъ подъ контору для бодростинскихъ фабрикъ, и это очень умно, потому что и береть дорого, и сдаетъ исправнымъ плательщикамъ, а, главное, мнѣ ни до чего этого дѣла нѣтъ, а я сержусь. И спросите меня изъ-за чего? Изъ за того, что здѣсь Гордановъ будетъ вертѣться. А что мнѣ до всего этого за дѣло! Да хоть онъ внѣдрись тутъ...

— Т-съ!—остановила его, потянувъ его за руку Александра Ивановна и, указавъ глазами на дорожку, по которой шибко шла къ бесѣдкѣ Лариса, сама начала стричь головки сѣменниковъ.

Лара не шла, а почти бѣжала прямо къ уединенной старой бесѣдкѣ съ перебитыми окнами.

— Что это съ нею?—пробурчалъ Форовъ, но сейчасъ же добавилъ:—матушки мои, какой срамъ!

За Ларисой смѣло выступалъ Гордановъ, котораго сопровождалъ Жозефъ, остановившійся на половинѣ дороги и быстро повернувшій назадъ.

— Послушайте, что же это такое?—прошепталъ Форовъ и проворно запрыгалъ черезъ гряды къ бесѣдкѣ, сокрывшей Горданова и Ларису, но вдругъ повернулъ и пошелъ, смущенно улыбаясь, назадъ.

— Ничего, — сказалъ онъ, — не безпокойтесь: надо же намъ быть умнѣе всего этого.

Но въ эту же минуту послышался шелестъ платья, и Лара, съ расширенными зрачками глазъ, прямо неслась по направленію къ майору и генеральшѣ и бросилась послѣдней на шею.

— Бога ради! — процѣдила она. — Я этого не хотѣла, я отказалась принять этого человѣка, и когда братъ при-

велъ его, я бросилась чернымъ ходомъ, но Жозефъ... Ахъ! ахъ!

Она закрыла руками глаза и спрятала лицо на плечѣ Синтяниной: на порогѣ садовой калитки стоялъ въ дорожномъ тулупчикѣ Подозеровъ, а возлѣ него, размахивая руками, горячился Жозефъ и юля все хотѣлъ заслонять собою мало потерявшагося Горданова.

— Я не позволю,—кричалъ Жозефъ,—сестра женщина. она не понимаетъ, но я понимаю, какая разница между семью стами рублей въ годъ, за которые отдаете вы, или девятью стами, какъ я отдалъ.

Подозеровъ не отвѣчалъ ему ни слова. Онъ глядѣлъ то на жену, то на Горданова, какъ будто не вѣрилъ своимъ глазамъ и, наконецъ, оборотясь къ Форову, спросилъ:

— Какъ это могло случиться?

— Они, кажется, осматриваютъ домъ.

— Да, именно домъ, — подхватилъ Висленевъ и хотѣлъ опять сказать что-то обстоятельное о цѣнѣ найма, но Форовъ такъ стиснулъ его за руки, что онъ только взвизгнулъ и, отлетѣвъ назадъ, проговорилъ:

— А я все-таки сестры обижать не позволю...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Начало конца.

Форовъ могъ сдѣлать Висленеву что-нибудь худшее, но Подозеровъ отвлекъ его за руку и, шепнувъ: «не марайте руки, Филетеръ Иванычъ», добавилъ, что онъ ѣдетъ сію же минуту назадъ въ деревню и проситъ съ собой Форова. Майоръ согласился. Онъ цѣлые два дня и двѣ ночи провелъ съ Подозеровымъ, приводя въ порядокъ хозяйственныя бумаги по имѣнію и не спросилъ, зачѣмъ это дѣлается? На третій день они оба вмѣстѣ поѣхали на хуторъ къ Синтянинымъ, которые только что окончательно туда переѣхали. Подозеровъ казался совершенно спокойнымъ и самообладающимъ: онъ, извиняясь предъ Синтянинымъ, объ-

явилъ ему, что по своимъ обстоятельствамъ долженъ непремѣнно немедленно же оставить мѣсто и ѣхать въ Петербургъ, и потому представляетъ всѣ счеты и проситъ его уволить, а вмѣсто себя рекомендовалъ Форова, но Филетеръ Иванычъ поблагодарилъ за честь и объявилъ, что онъ ни за что на себя никакого управительства не приметъ, потому что онъ слабъ и непремѣнно всѣхъ перебалуетъ.

Синтянинъ не возражалъ ни слова: онъ деликатно предложилъ только Подозерову рекомендовать его тому генералу, къ которому недавно притекали Глафира и княгиня Казимира и еще прежде ихъ и, можетъ быть, прямѣе ихъ ничтожный камень, которымъ небрегутъ зиждущіе описываемыя событія, но который тихо, тихо поднимается, чтобы стать во главу угла.

Подозеровъ поблагодарилъ и принялъ отъ Синтянина карточку, а вслѣдъ затѣмъ Иванъ Демьяновичъ обѣщалъ написать и особое письмо и пожелалъ знать, о чемъ собственно ему просить? въ чемъ болѣе всего Подозеровъ можетъ нуждаться?

— Я считалъ бы излишнимъ указывать это въ письмѣ, отвѣчалъ Подозеровъ, —но если ужъ это надо, то онъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ можетъ оказать огромное одолженіе: я хочу, чтобы моя жена получила право на разводъ со мною, и вину готовъ принять на себя.

— Но васъ тогда обрекутъ на безбрачіе.

— Что-жъ такое? тѣмъ лучше: я убѣдился, что я вовсе неспособенъ къ семейной жизни.

— Вы благороднѣйшій человѣкъ, отвѣтилъ ему, пожимая руку, Синтянинъ, и освѣдомясь, что Подозеровъ намѣренъ ѣхать завтра же, обѣщалъ пріѣхать съ женой проводить его.

— Пожалуйста, попросилъ его Подозеровъ.

— Непремѣнно-съ, достойнѣйшій Андрей Ивановичъ, непремѣнно пріѣдемъ-съ, говорилъ генералъ, провожая и желая тѣмъ ему заявить свою особенную аттенцію.

На другой день, часа за полтора до отхода поѣзда желѣзной дороги, домъ Ларисы наполнился старыми, давно

не бывавшими здѣсь друзьями: сюда пришли и Синтянины, и Катерина Астафьевна, и отецъ Евангелъ, и Филетеръ Ивановичъ не разлучался съ Подозеровымъ со вчерашняго вечера и ночевалъ съ нимъ въ его кабинетѣ, гдѣ Андрей Ивановичъ передалъ ему всѣ домашнія бумаги Ларисы и сообщилъ планы, какъ онъ что думалъ повесть и какъ, по его мнѣнію, надо бы вести для спасенія заложеннаго дома.

— Впрочемъ, добавилъ онъ, — все это я говорю вамъ, Филетеръ Иванычъ, только про всякій случай, а я думаю, что ничего такъ не будетъ, какъ я предполагалъ.

Майоръ отвѣтилъ, что онъ въ этомъ даже увѣренъ, но продолжалъ все выслушивать и замѣчать у себя въ книжечкѣ, находившейся при просаленномъ и пустомъ бумажникѣ.

О Ларѣ они другъ съ другомъ не проронили ни одного слова; Подозеровъ и самъ съ женой не видѣлся съ той самой поры, когда онъ ее будто не замѣтилъ на огородѣ.

Лара сидѣла одна въ своей комнатѣ; она провела ночь безъ сна и утромъ не выходила. Мужъ постучалъ къ ней предъ обѣдомъ: она отперла дверь и снова сѣла на мѣсто.

— Лара, я уѣзжаю, началъ Подозеровъ.

— Куда и зачѣмъ? уронила она едва слышно, и въ голосѣ у нея зазвучали слезы.

— Я не совсѣмъ точно выразился, Лариса: я долженъ вамъ сказать, что мы разстаемся.

— Какая къ этому причина? и она докончила едва слышно: — вы меня можете обвинять во всемъ, но я ничего дурного до сихъ поръ противъ васъ не сдѣлала. У меня, можетъ-быть, дурной характеръ, но неужели этого нельзя простить?

Подозеровъ заколебался: слезы жены и слово «простить» ослабляли его рѣшимость.

— Лара, дѣло не въ прощеніи: я вамъ простилъ и отпустилъ все, но дѣло и не въ характерѣ вашемъ, а въ томъ, что у насъ съ вами нѣтъ того, что можетъ сдѣлать жизнь

пріятною и плодотворною: мы можемъ только портить ее одинъ другому и дѣйствовать другъ на друга огрубляющимъ образомъ, а не совершенствующимъ.

— Ахъ, ужъ мнѣ это совершенствованіе! Бросьте, Андрей Иванычъ, жизнь проще, не ищите идеаловъ.

— Извините, Лара, я такъ жить не могу.

— Ну, такъ вы никогда не будете счастливы.

— Это всего вѣроятнѣе, но дѣло рѣшенное, и вы, я думаю, съ тѣмъ согласитесь, что у насъ единства вкусовъ нѣтъ.

— Нѣтъ.

— Единомыслія и единства убѣжденій тоже нѣтъ.

— Да, ихъ нѣтъ.

— Взгляды на жизнь и правила у насъ разныя.

— Да, и мои вѣрно хуже?

— Я этого не говорю.

— Но друзья ваши, конечно, такъ вамъ это разъясняли.

— Оставимте моихъ друзей, но ваши и мои правила не сходятся, — значитъ вамъ единомыслить не о чемъ, укрѣплять другъ друга не въ чемъ, стремиться къ одному и тому же по одной дорогѣ некуда; словомъ, жить вмѣстѣ, уважая другъ друга, нельзя, а жить, не уважая одинъ другого это... это ни къ чему хорошему не ведетъ, и мы разстаемся.

— Только ужъ, пожалуйста, совсѣмъ.

— О, непремѣнно! Къ сожалѣнію, разводы у насъ трудны и стоятъ денегъ, но тѣмъ не менѣе я употреблю всѣ усилія дать вамъ средства вести противъ меня процессъ.

— Хорошо.

И супруги разошлись и болѣе не видѣлись до самой той поры, когда друзья пріѣхали проводить отъѣзжающаго.

При этомъ случаѣ опять не было никакихъ ни разговоровъ, ни урезониваній: всѣ знали, въ чемъ дѣло и скорбѣли, но хранили молчаніе.

Вещи отъѣзжающаго были уложены и до отъѣзда оставалось уже нѣсколько минутъ, а Лара не выходила.

Отецъ Евангелъ бродилъ по комнатѣ и, заходя въ углы, кусалъ свою бороду и чмокалъ сожалительно губами; Катерина Астафьевна ломала руки; генеральша была блѣдна какъ платъ; а майоръ, по общему замѣчанію, вдругъ похудѣлъ.

Настало время отъѣзда. Подозеровъ подошелъ къ двери женниной спальни и сказалъ, что онъ желаетъ проститься. Дверь отворилась и онъ вошелъ къ Ларисѣ.

— Ахъ, змѣя! прошептала Катерина Астафьевна, — да неужто же она даже не выйдетъ его проводить?

— И не должна, отвѣчалъ стоявшій возлѣ жены лицомъ къ окну Форовъ.

— Это почему?

— Потому что онъ этого не стоитъ. Если бъ у нея мужъ былъ какой ей нуженъ, такъ она бы его встрѣчала и провожала.

— То есть это въ родѣ тебя бы что-нибудь.

— Нѣтъ, что-нибудь въ родѣ меня ее давно бы бросилъ...

— И вамъ ихъ не жаль? проронила Синтянина.

— Ни маленько.

— А отчего же это вы похудѣли?

— Овса мало получаю, отвѣтилъ майоръ, но слыша, что Подозеревъ одинъ выходитъ въ залу изъ комнаты жены, нетерпѣливо дернулъ носомъ и заплакалъ.

Всѣ встали и начали прощаться, а Синтянина этимъ временемъ обтерла молча своимъ платкомъ лицо майора, чему тотъ нимало не препятствовалъ, но когда генеральша прошептала: «Вы, Филетеръ Ивановичъ, святой», онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Чего же вы ко мнѣ не прикладываетесь? и съ этимъ юркнулъ и убѣжалъ изъ дома и уже объявился у вагона, гдѣ поджидалъ свою компанію съ сильно напъаканными глазами.

Лары такъ и не было: въ то время, какъ мужа ея уносилъ быстрый поѣздъ, она въ сильнѣйшемъ разстройствѣ

скакала въ деревню къ Бодростиной, которой стремилась излить свою душу и получить отъ нея укрѣпленіе.

Но тутъ произошла вещь самая неожиданная, поразившая Лару жестоко и разразившаяся цѣлою цѣпью самыхъ непредвидѣнныхъ событій: столь милостивая къ Ларисѣ Глафира встрѣтила ее сухо, выслушала съ изумленіемъ и, сильно соболѣзнуя объ исходѣ, какой приняло дѣло, совѣтовала Ларѣ немедленно же послать въ догонку за мужемъ депешу или даже ѣхать вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ и стараться все поправить.

— Судите сами, chère Lara, говорила она,—какое же будетъ ваше положеніе: вы такъ молоды, такъ хороши и... припомните стихъ Пушкина: «свѣтъ не караетъ преступленій, но тайны требуетъ для нихъ», межъ тѣмъ какъ вы все начали оглаской и... я боюсь, какъ бы вы себѣ не заперли повсюду двери.

Гордость Лары страшно возмутилась этимъ наставленіемъ, и она, посидѣвъ очень короткое время у Бодростиной, уѣхала, захвативъ съ собой въ качествѣ утѣшителя Жозефа, а на другой день прибылъ къ нимъ и другой утѣшитель—самъ Павелъ Николаевичъ Гордановъ, котораго потерявшаяся Лариса приняла и выслушивала его сужденія съ братомъ о лицемѣріи провинціальномъ и о толерантности столицъ.

— А всего лучше, говорилъ ей Жозефъ.—валяй-ка, сестренка, заграницу.

— Да, проѣхаться въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣло великое, поддержалъ Гордановъ, и описалъ прелести заграничнаго вояжа, пока Подозеровъ настроитъ въ Петербургѣ дѣло о разводѣ.

— Прекрасно, Лара: ей-Богу, ступай ты отъ этихъ дураковъ за границу; уговаривалъ Лару братъ по отъѣздѣ Горданова,—а тамъ освободишься отъ своего Фалелея Трифоновича и выходи замужъ за Горданова, а я тоже женюсь и заживемъ.

Лариса возразила брату только противъ того, что онъ

уже женатъ и что ему жениться не совсѣмъ удобно; но когда объ этомъ зашелъ разговоръ другой разъ, то Гордановъ поддержалъ Жозефа, сказавъ, что развестись у насъ трудно, но жениться два раза гораздо легче, какъ и два раза замужъ выйти—тоже.

Лару это заняло и она съ любопытствомъ слушала, какъ Гордановъ доказывалъ ей, что если никто изъ родныхъ не вмѣшается въ бракъ, то кому же какое дѣло протестовать. Онъ привелъ ей въ примѣръ нѣсколько дамъ, благополучно вышедшихъ замужъ отъ живыхъ мужей, и Лара согласилась, что это хорошее средство для поправленія фальшивыхъ положеній въ глазахъ свѣта, «не карающаго преступленій, но требующаго для нихъ тайны». А черезъ недѣлю Лара взяла деньги, назначавшіяся на выкупъ ея дома и въ одинъ день собралась заграницу.

Объ этомъ случайно узналъ Форовъ, а жена его даже не хотѣла этому и вѣрить, но, гуляя вечеромъ и придя на станцію желѣзной дороги, она, къ крайнему своему удивленію, увидѣла Ларисину дѣвочку съ багажемъ.

— Послушай, матушка Зинка, или, какъ тебя... Малаша: куда ѣдетъ твоя барыня?

— Неизвѣстно-съ, Катерина Астафьевна.

— Полно врать!

— Ей-Богу неизвѣстно.

— Къ барону небось спѣшитъ?

— Ничего не знаю-съ.

— Врешь; знаешь, да не хочешь сказать, кинула ей Форова, отходя въ сторону и тщетно отыскивая въ толпѣ Ларису. Ее, однако, нигдѣ не было видно, и чѣмъ майорша больше суетилась и толклась, тѣмъ только чаще попадались ей въ глаза одни и тѣ же лица, съ неудовольствіемъ отворачивавшіяся отъ ея засмотровъ и отвѣчавшія ей энергическими толчками на ея плавательныя движенія, съ помощію которыхъ она подвигалась наугадъ въ этой сутолокѣ.

Но вотъ прозвонилъ звонокъ, все хлынуло къ дверямъ, ринулось за рѣшетку, а ее не пускаютъ.

— Нельзя, нельзя, не велѣно безъ билета! внушаетъ ей, отводя ее рукой, жандармъ.

— Позволь, любезнѣйшій, хоть на минутку, упрашиваетъ Катерина Астафьевна, распаляемая самой ей непонятнымъ жаромъ томительнаго предчувствія. —Позволь, голубчикъ, позволь, батюшка.

Но жандармъ былъ непреклоненъ.

— Возьмите билетъ, тогда говорить, пущу.

Вотъ прозвучалъ и второй звонокъ: всѣ усѣлись по мѣстамъ; платформа пустѣетъ, только изрѣдка пробѣгаютъ поѣздные, поправляя сигнальный шнуръ; вотъ и всѣ двери вагоновъ заперты, и Катерина Астафьевна бѣжитъ вдоль рѣшетки, проницая взоромъ каждое окно, какъ вдругъ ее кто-то толкнулъ и, перескочивъ за рѣшетку, стремглавъ вскочилъ въ вагонъ.

— Великій Боже, это Гордановъ!

Катерина Астафьевна не взвидѣла свѣта и, окомъ прозрѣнія замѣтивъ за опущенною шторой одного вагоннаго окна черный глазъ Ларисы, бросилась къ кассѣ.

— Билетъ мнѣ, билетъ! шипѣла она, колотя рукой въ закрытую форточку кассирской будки, но форточка не отпиралась, а между тѣмъ на платформѣ прозвенѣлъ третій звонокъ.

Отчаянная Форова съ воплемъ бросилась назадъ къ поѣзду, но предъ нею уже только мелькнулъ красный флагъ задняго вагона, и въ воздухѣ звучало бафъ-тумъ, бафъ-тумъ...

Но наконецъ затихло и это.

Катерина Астафьевна швырнула на полъ чепецъ и зарыдала, вопя:

— Лара! дитя мое! моя дѣвочка! что ты надѣлала? Куда тебя повезъ этотъ злодѣй?

Но прошли первые истерическіе порывы и Катерина Астафьевна, встав на ноги, подошла, шатаясь, къ кассѣ, съ вопросомъ: когда она можетъ ѣхать? Ей отвѣчали, что слѣдующій поѣздъ пойдетъ завтра.

— Завтра!.. Это ужасно. А какъ же я видѣла тамъ сейчасъ собираютъ опять какіе-то вагоны... Я видѣла.

— Да; это черезъ часъ пойдетъ товарный поѣздъ, отвѣчалъ ей кассиръ, но, добавилъ онъ,—на этихъ поѣздахъ пассажировъ не возятъ.

— Батюшка, какъ нибудь! умоляла майорша, но требованіе ея не могло быть удовлетворено: ей разсказали, что при товарныхъ поѣздахъ люди только принимаются со скотомъ.

— Какъ со скотомъ? Разскажите же мнѣ толкомъ: какъ это со скотомъ? Я поѣду со скотомъ.

— Если у васъ будетъ лошадь, или корова, или другая скотина, вы можете ее провожать.

Катерина Астафьевна подхватила чепецъ, исчезла, и менѣе чѣмъ черезъ часъ снова явилась на станцію съ узелочкомъ въ сопровожденіи майора, который держалъ подъ рукой визжавшаго поросенка.

— Стой здѣсь, сказавъ Форовъ женѣ,—а я пойду сдамъ этого путешественника и запишу при немъ тебя.

И черезъ десять минутъ Катерина Астафьевна уже мчалась по тому самому направленію, по которому часъ тому назадъ унеслась Лариса. На дворѣ уже была ночь, звѣзды сіяли во все небо, вѣтеръ несся быстрою струей вокругъ открытой платформы и прохлаждалъ горячечный жаръ майорши, которая сидѣла на полу между ящиками и бочками, въ колѣняхъ у нея помѣщался поросенокъ и она кормила его булочкой, доставая ее изъ своего узелочка одною рукой, межъ тѣмъ какъ другою ударяла себя въ грудь, и то порицала себя за гордыню, что сердилась на Лару и не видалась съ нею послѣднее время и тѣмъ дала усилиться Іозефу и проклятому Гордашкѣ, то, поднявъ глаза къ звѣздному небу, шептала вслухъ восторженныя молитвы. Она не замѣчала, какъ мимо мелькали полустанціи и станціи и какъ лучъ восходящаго солнца освѣтилъ ее на бѣгущей платформѣ колѣнопреклоненную съ развѣвающимися по вѣтру добѣла посѣдѣвшими косами и устами, шепчущими крылатыя мольбы Богу милосердія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Близокъ ужъ часъ торжества.

Ненавистный соперникъ Рощина умчался далеко. Все это сдѣлалось чрезвычайно быстро и неожиданно и совершенно противъ всякаго желанія и всѣхъ разсчетовъ Глафиры. Она никакъ не ожидала отъ Горданова такой глупой безразсчетливости въ такое кипучее время. Кромѣ того, она была оскорблена этимъ побѣгомъ не только какъ заговорщица, но и какъ женщина. Она поняла, что чары ея уже уходятъ и даже совсѣмъ отошли: что она только дѣйствуетъ на юность, да на глупость, — на Рощина, да на Висленева, а разборчивый Гордановъ уже нагло и дерзко манкируетъ ея тридцатилѣтнею красой, открыто предпочитая ей юную прелесть молодой Лары, за которою онъ бросился, покинувъ всѣ дѣла и всѣ замыслы, и умчался очертя голову.

Рощинъ довольно близко отгадывалъ то, что должна была чувствовать Бодростина, получивъ доставленное имъ извѣстіе о побѣгѣ Горданова съ Ларисой.

Сообщивъ это Глафирѣ, секретарь доложилъ ей почтительно, что Гордановъ пропасть не можетъ, что онъ далъ слово вернуться изъ отлучки черезъ мѣсяцъ, чему Рощинъ и совѣтовалъ вѣрить.

— Но,—прибавилъ онъ со вздохомъ:—намъ это все мало поможетъ.

Глафира поглядѣла ему въ глаза и спросила: что онъ хочетъ этимъ сказать?

— Въ теченіе мѣсяца, Глафира Васильевна, много можетъ случиться: я не отвѣчаю, что въ это время все не откроется Михаилу Андреичу про завѣщаніе.

— Но кто же ему можетъ это открыть?

Рощинъ поднялъ голову такъ, какъ онъ ее никогда еще не поднималъ предъ Глафирой, и смѣло произнесъ:

— Я самъ.

— Ага! вотъ въ чемъ дѣло! — подумала та и, покачавъ головой, добавила, что она этому не вѣритъ.

— Нѣтъ-съ, я увѣряю васъ, что долѣе ждать нельзя.

Глафира закусила губу и послѣ минутной паузы отвѣтила, что онъ и не будетъ ожидать долѣе, и съ этимъ она сдѣлала шагъ въ глубину комнаты и спросила съ легкой улыбкой:

— Говорите прямо: чего вы хотите? Что вамъ нужно за ваше молчаніе?

Рошпинъ оробѣлъ и пролепеталъ, что его смущаетъ страхъ, что онъ не можетъ быть покоенъ и даже не спитъ, потому что ему по цѣлымъ ночамъ чудится, что его запираютъ въ его комнатѣ и хотятъ взять.

— Приходите сюда, ко мнѣ, когда вамъ сдѣлается очень страшно.

— Я не шучу-съ: мнѣ страшно... и я не силю; какъ ночь, я въ страхѣ.

— Ну, приходите сюда: у меня здѣсь горитъ лампада.

Рошпинъ кинулся предъ ней на колѣна и, схвативъ ея руку, прильнулъ къ ней устами.

— Черезъ часъ, когда разойдемся, моя дверь будетъ отперта, — проговорила, отстраняя его отъ себя, Бодростина и, возвратясь въ свою половину, послѣ того какъ семейство разошлось по своимъ спальнямъ, она отпустила свою горничную, стала противъ окна и, глядя на тѣ самыя звѣзды, которыя свѣтили теперь ѣдущей майоршѣ Форовой, задумалась и потомъ разсмѣялась и сказала себѣ:

— Я все, все предвидѣла, но никогда не думала, чтобы мнѣ пришлось играть такую роль. Но неужто же на этомъ остановиться и потерять все, все, что уже сдѣлано? Нѣтъ, нѣтъ, впередъ!

Въ это время дверь тихо отворилась и на порогѣ появился Рошпинъ.

— Вы аккуратны какъ часовая стрѣлка, встрѣтила его улыбкой Глафира.

— Какъ нѣмецъ-съ, — отвѣчалъ ей Рошпинъ, пожирая

ее глазами и, осторожно положивъ на стулъ ключъ отъ своей комнаты, подошелъ къ столу и завернулъ кранъ лампы.

— Такъ,—сказалъ онъ,—будетъ гораздо безопаснѣе, потому что хотя къ вамъ и никто не смѣетъ взойти, но все-таки свѣтъ.

Впрочемъ, опасенія Рощина были не совсѣмъ излишни, потому что Жозефъ, обрадованный отъѣздомъ Горданова, не спалъ и, видя изъ своего окна свѣтъ въ окнѣ Глафиры, сошелъ заглянуть подъ штору, но трудъ его былъ напрасенъ, и тяжелыя шторы не позволили ему ничего видѣть, да и огонь стухъ при самомъ его приближеніи.

Слегка подвыпившій за ужиномъ Жозефъ долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что посидѣлъ подъ окномъ своего кумира и, распѣвая: «Близокъ ужъ часъ торжества моего»,—напугалъ суевѣрныхъ сторожей, которые разсказывали потомъ, что слышали какъ завываетъ коровья смерть, о которой тогда толковали, будто она ходитъ по селамъ.

Висленевъ, узнавъ объ этомъ чрезъ слугъ, былъ чрезвычайно радъ, что его принимаютъ за коровью смерть: это, съ одной стороны, возвышало въ его глазахъ его мистическое значеніе, а съ другой—онъ набрелъ на мысль: нельзя ли взбудоражить мужиковъ, что скотскій падежъ пошелъ по селамъ отъ скота, нагнаннаго Бодростинымъ на его невиданную и неслыханную консервную фабрику? Жозефъ положилъ агитировать въ этомъ смыслѣ и, припомнивъ поученіе Горданова, не пренебрегать ничѣмъ, началъ свою агитацію, внушая встрѣчному и поперечному изъ крестьянъ злые намеки, съ надеждой, что авось что-нибудь изъ этого да разыграется.

Александра Ивановна Синягина едва только черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія узнала объ исчезновеніи Ларисы и Форовой, и то вѣсть объ этомъ пришла на хуторъ чрезъ отца Евангела, который, долго не видя майора, ходилъ освѣдомляться о немъ, но его не видалъ,

а только узналъ о томъ, что всѣ разъѣхались, и что самъ майоръ какъ ушелъ провожать жену, съ той поры еще не бывалъ назадъ.

Гдѣ онъ могъ быть? Куда онъ дѣлся въ то время, когда онъ одинъ могъ сообщить интереснѣйшія свѣдѣнія?

Это чрезвычайно занимало и священника, и генеральшу, но отвѣта на это ни откуда не слышалось.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день майоръ явился, какъ съ неба, къ Синтяниной и прямо началъ со словъ:

— Жена вамъ кланяется!

— Боже, что это такое: гдѣ Катя? Что съ нею?

— Я получилъ отъ нея письмо,—отвѣчалъ майоръ, вручая ей листочекъ, на которомъ Катерина Астафьевна извѣщала, что она, доѣхавъ до Москвы, искала здѣсь Ларису совершенно понапрасну и потомъ отправилась въ Петербургъ, гдѣ надѣялась отыскать племянницу, но тоже опять ошиблась. Ни ея, ни Горданова нѣтъ и слѣда.—Я же, добавляла майорша, вчера вспомнила, что я уже недѣлю не обѣдала, и присѣла въ гостиномъ дворѣ у саечника поѣсть теплаго супцу и горько заплакала, вспомнивъ, что всѣ деньги протратила даромъ и мнѣ не на что вернуться, а между тѣмъ ты, мой бѣдный Форушка, сидишь безъ гроша и безъ хлѣба.

— Какъ же это Филетеръ Ивановичъ, почему не обратились вы къ намъ?—остановилась генеральша.

— Читайте, читайте далѣе.

Синтянина далѣе вычитала, что здѣсь подъ навѣсами гостинаго двора плачущая Катерина Астафьевна неожиданно увидала Подозерова и была имъ утѣшена, какъ будто ангеломъ, и поселилась у него вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ, открыла ему все и старается его утѣшить и разыскать Ларису.

— Аминь,—рѣшилъ Форовъ, и на вопросъ генеральши: что будетъ дальше? отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ.

Генералъ слегка осудилъ майоршу за привязанность къ Ларѣ, но Форовъ заступился за жену и сказалъ:

— Что жъ васъ тутъ удивлять? она ее любитъ, а коли любитъ, и толковать нечего.

— Это вы-съ виноваты, — шутилъ генералъ, — вы должны были внушать, что недостойное уваженія любить не слѣдуетъ?

— Ну, да, какъ разъ! тогда я прежде всего долженъ бы внушать ей, чтобъ она перваго меня не любила.

— Развѣ вы себя не уважаете?

— А вы себя уважаете?

— Конечно, уважаю.

— Ну, а я себя нисколько.

— Вотъ какъ!

— Да разумѣется-съ! Да и за что же мнѣ себя уважать, когда я дожилъ до старости и не сдѣлалъ ничего достойнаго моихъ знаній, побужденій и способностей, а только слонялся, да разговоры разговаривалъ? Прощайте-съ.

— Куда же вы? оставайтесь, поговоримъ, упрашивали его Синтянины, но Филетеръ Ивановичъ наотрѣзъ отказался и отвѣчалъ, что онъ столько въ свою жизнь наговорилъ, что какъ вспомнитъ все наговоренное и что изъ этого всего могло лечь на юныя души, то ему противно всякое мѣсто, гдѣ нужно говорить.

— Прощайте, — добавилъ онъ: — я люблю осенніе дни и мнѣ теперь пріятно и хочется поговѣть и поисповѣдываться государынѣ широкой пустынѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Гдѣ Лара.

Неподалеку отъ Ясс, въ Молдавіи, на невысокомъ, но крутомъ глинистомъ берегу стоитъ безобразный, но довольно большой домъ, частію сложенный изъ мѣстнаго широкаго кирпича, частію сбитый изъ глины и покрытый мѣстами черепицей, мѣстами соломой. Въ немъ два этажа и еще небольшая, совершенно раскрытая вышка. Общій характеръ постройки самый странный: домъ смахиваетъ не-

множко на корчму, немножко на развалившійся замокъ, его точно застраивалъ рыцарь и докончилъ жидъ, тѣмъ не менѣе онъ ни замокъ и ни корчма, а боярскій домъ, принадлежащій довольно богатой усадьбѣ. Онъ почти пустъ и не меблированъ, и въ его окнахъ много выбитыхъ стеколъ, особенно на второмъ этажѣ. Внизу нѣсколько крѣпче, но и то не совсѣмъ крѣпко, вѣтеръ ходитъ по всѣмъ покоямъ, гудитъ въ трубахъ и хлопаетъ дверями.

Былъ шестой часъ вечера; на дворѣ совсѣмъ смерклось, когда у развалившихся воротъ этого дворца остановилась пара лошадей, и изъ забрызганной грязью каруцы выскочилъ человѣкъ въ шубѣ и мѣховой шапочкѣ и, пролѣзши подъ своды низкой калитки, постучался въ крошечное окошечко, гдѣ едва мерцалъ свѣтъ плошки.

Ему отперла дверь старая, черная молдаванка, съ заросшею сѣдыми волосами бородавкой, и снова юркнула въ свою яму.

Путникъ, ощупью держась стѣны, а потомъ веревки, протянутой вдоль высокой покрывшейся лѣстницы, сталъ подниматься наверхъ.

Въ это самое время въ большой, круглой, темной и сырой казармѣ второго этажа, изъ угла, встала легкая фигура и, сдѣлавъ шагъ впередъ, остановилась и начала прислушиваться.

Все, казалось, было тихо.

Робкая фигура, дрожа, нащупала стѣну, пошла вдоль нея и, ощупавъ подъ ногами какую-то упругую, колючую мягкоть, забрала ее дрожащими отъ холода руками и сунула въ большое черное отверстіе.

Черезъ минуту она нашла спичку и, черкнувъ ею по стѣнѣ, начала зажигать вереск.

Блѣдная искра спички коснулась смолистыхъ иголъ и красный огонь прыгнулъ по кучѣ вереска, но тотчасъ же захлебнулся густымъ, желтымъ дымомъ, который было поползъ сначала въ трубу, но потомъ внезапно метнулся назадъ и заслонилъ всю комнату: послышался раздирающій

писк, множество мелкихъ существъ зарѣяли, описывая въ воздухѣ косыя линіи.

Это были летучія мыши, расположившіяся зимовать въ трубѣ нежилого дома и обезпокоенныя такъ неожиданно несноснымъ имъ куревомъ. Цѣлое гнѣздо ихъ, снявшись съ своихъ крючьевъ, упали внизъ и, вырываясь изъ огня, носились, цѣпляясь за что попало.

Особа, которая зажигала каминъ, бросилась въ уголъ и, облѣпленная потерявшими сознаніе животными, вскрикнула и закрыла руками глаза.

Въ эту самую минуту нижній гость отворилъ дверь и, недоумѣвая крикнулъ:

Лара!

— Боже! Кто здѣсь? Спасите меня!—отвѣчала, бросаясь къ нему въ совершенномъ отчаяніи, Лариса.

— Ты видишь: я тебя нашелъ,—проговорилъ знакомый голосъ Горданова.

Лариса дрожала и молча искала рукой, не держится ли гдѣ-нибудь за ея волосы мышь.

Гордановъ вынулъ изъ кармана свѣчу и зажегъ ее.

— Ѣдемъ,—сказалъ онъ.—Я совсѣмъ на пути; ты мнѣ надѣлала хлопотъ: я потерялъ ноги, искавши тебя цѣлые двое сутокъ, но, наконецъ, ѣдемъ.

— Въ Россію?

— Да; но на самое короткое время.

— Ни за что, ни на одинъ часъ!

— Лариса, оставь этотъ тонъ! развѣ ты не знаешь, что я этого не люблю? Или ты забыла, что я могу съ тобою сдѣлать?

Лара молчала.

— Ѣдемъ, ѣдемъ сейчасъ, безъ всякихъ разговоровъ, или я не пожалѣю себя и накажу твое упрямство!

— О, дѣлайте что хотите! Я знаю все, на что вы способны; я знаю, кто вы и что вы хотите дѣлать. Я отъ васъ не скрою: я васъ любила, и васъ однихъ, однихъ на цѣ-

ломъ свѣтѣ: вамъ я была бы преданною, покорною женой, и я преступница, я вышла за васъ здѣсь замужъ отъ живого мужа; я надѣялась, что вы сдержите ваши обѣщанія, что вы будете здѣсь работать и... я перенесла бы отъ васъ все. Но когда вы снова поворачиваете меня туда, гдѣ совершился мой позоръ, гдѣ я не могу ни въ чьихъ глазахъ имѣть другого имени, какъ вашей любовницы, и должна буду оставаться въ этомъ званіи, когда вы вздумаете жениться...

— Это возможно; но вы знаете, что этого никогда не будетъ.

— О, теперь я понимаю, зачѣмъ вы были страстны и не хотѣли дожидаться моего развода съ мужемъ, а обвѣнчали меня съ собою.

— Я всегда тебѣ говорилъ, что у насъ развестись нельзя, а жениться на двухъ можно: я такъ сдѣлалъ, и если мнѣ еще разъ вздумается жениться, то мы будемъ только квиты: у тебя два мужа, а у меня будетъ двѣ жены, и ты должна знать и молчать объ этомъ или идти въ Сибирь. Вотъ тебѣ все начистоту: ѣдешь ты теперь или не ѣдешь?

— Я лучше умру здѣсь.

— Пожалуй, я упрашивать не люблю, да мнѣ и некогда: ты и сама пріѣдешь.

И онъ спокойно поворотился, кивнулъ ей и уѣхалъ.

Ему, дѣйствительно, было некогда: одна часть его программы была исполнена удачно: онъ владѣлъ прелестнѣйшею женщиной и увѣренъ былъ въ нерасторжимости своего права надъ нею. Оставалась другая часть, самая важная: сочинить бунтъ среди невозмутимой тишины святого своимъ терпѣніемъ края; сбыть въ этотъ бунтъ Бодростина, завладѣть его состояніемъ и потомъ однимъ смѣлымъ секретомъ взять такой кушъ, предъ которымъ должны разинуть отъ удивленія рты великіе прожектеры.

Селадонничать было некогда, и чуть только восторги насыщенной страсти немножко охладѣли, въ Гордановѣ за-

кипѣла жажда довершить свои предпріятія, распустивъ всѣ препятствія какъ плетенку, вытягиваемую въ одну нитку. Овладѣвъ Ларой, онъ не могъ упустить изъ виду и Глафиру, такъ какъ она была альфа и омега, начало и конецъ всего дѣла.

Гордановъ несся въ Россію, какъ дерзкій коршунъ на недоѣденную падаль, и немножко боялся только одного: не подсѣлъ ли тамъ кто-нибудь еще похищѣе.

Часть шестая.

ЧЕРЕЗЪ КРАЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вѣсти о Гордановѣ.

Была вторая половина октября. Поля, запорошенныя пушистымъ снѣжкомъ, скрипѣли послѣ долгой растопки и глядѣли весело. Изъ оконъ маленькаго домика Синтянинскаго хутора было видно все пространство, отдѣляющее хуторъ отъ бодростинской усадьбы. Вечеромъ, въ одинъ изъ сухихъ и погожихъ дней, обитатели хуторка были осчастливлены посѣщеніемъ, которое ихъ очень удивило: къ нимъ пріѣхалъ старикъ Бодростинъ.

Михаилъ Андреевичъ вздумалъ навѣстить стараго генерала въ его несчастіи, каковымъ имѣлъ основаніе считать его внезапную и непрошенную отставку, но Бодростинъ самъ показался и хозяевамъ, и бывшему у нихъ на этотъ разъ Форову, гораздо несчастнѣе генерала. Бѣднымъ, запоздавшимъ на свѣтѣ русскимъ вольтерьянцемъ, очевидно, совсѣмъ овладѣла шарлатанская клика его жены, и Бодростинъ плясалъ подъ ея дудку: онъ болѣе получаса читалъ предъ Синтяниной похвальное слово Глафирѣ Васильевнѣ,

расточалъ всякія похвалы ея уму и сердцу; укорялъ себя за несправедливости къ ней въ прошедшемъ и благоговѣйно изумлялся могучимъ силамъ спиритскаго ученія, сдѣлавшаго Глафиру столь образцово-нравственною, что равной ей теперь какъ бы и не было на свѣтѣ. Правда, онъ, по старой привычкѣ, позволялъ себѣ слегка подтруниватъ надъ ея «общеніями» съ духами, которые послѣ ея знакомства съ Алланомъ Кардекомъ избрали ее своимъ органомъ для передачи смертнымъ ихъ безсмертныхъ откровеній, но, при всемъ томъ, видѣлъ несомнѣнное чудо въ происшедшемъ въ Глафирѣ нравственномъ переворотѣ и слегка кичился ея новыми знакомствами въ свѣтскомъ кругѣ, котораго онъ прежде убѣгалъ, но который все-таки былъ ему болѣе по кости и по нраву, чѣмъ тотъ, откуда онъ восхитилъ себѣ жену, плѣнясь ея красотой и особеннымъ, въ то время довольно любопытнымъ, жанромъ.

Киченье Бодростина слегка задѣло плебейскія черты характера Синтянина, и онъ ядовито замѣтилъ, что ни въ чемъ произошедшемъ съ Глафирой чуда не видитъ и ничему не удивляется, ибо Глафирѣ Васильевнѣ прошли годы искать въ жизни только однихъ удовольствій, а названнымъ Бодростинымъ почтеннымъ дамамъ-аристократкамъ вообще нечего дѣлать и онѣ отъ скуки рады пристать ко всему, что съ виду нравственно и даетъ какую-нибудь возможность докукой морали заглушать голосъ совѣсти, тревожимой старыми грѣхами.

Старики поспорили, и генералъ, задѣтый за живое значеніемъ, какое Бодростинъ придавалъ дамамъ свѣтскаго круга, а можетъ быть и еще чѣмъ-нибудь инымъ, такъ расходился, что удивилъ свою жену, объявясь вдругъ такимъ яростнымъ врагомъ завезеннаго Бодростиной спиритизма, какимъ онъ не былъ даже по отношенію къ нигилизму, привезенному нѣкогда Висленевымъ. Синтянинъ удивилъ жену еще и тѣмъ, что онъ въ спорѣ съ Бодростинымъ обнаружилъ начитанность, которую пріобрѣлъ, проведя годъ своей болѣзни за чтеніемъ духовныхъ книгъ, и помощію

которой забилъ волтерьянца въ уголъ, откуда тотъ освободился лишь, представивъ самое вѣское, по его мнѣнію, доказательство благого вліянія своей жены на «растлѣнныя души погибающихъ людей».

— Вы вѣдь напримѣръ, конечно, знаете Горданова,— сказалъ Бодростинъ,—и знаете его умъ и находчивость?

— Да-съ, имѣю-съ это-съ удовольствіе-съ,—отвѣчалъ генералъ со своими—*съ*, что выражало уже высокую степень раздраженія.

— Да, я знаю, что вы его знаете и даже знаю, что вы его не любите, — продолжалъ Бодростинъ, — и я его самъ немножко не люблю, но и немножко люблю. Я не люблю его нравственности, но люблю его за неутомимую энергію и за смѣлость и реальность; такіе люди намъ нужны; но я, конечно, не одобряю всѣхъ его нравственныхъ качествъ и поступковъ, особенно противъ Подозерова... Его жена... ну да... что дѣлать: кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ; но пусть ужъ, что стряслось, то пусть бы и было. Поволочился и довольно. Имѣлъ успѣхъ, ну и оставь ее; но сбить молоденькую бабочку совсѣмъ съ толку, разссорить ее и заставить разстаться съ мужемъ, подвергнуть ее всѣмъ тягостямъ фальшиваго положенія въ обществѣ, гдѣ она имѣла свое мѣсто,—я этого не одобряю...

— Гордановъ-съ закоренѣлый-съ негодяй-съ,—отвѣчалъ, засверкавъ своими бѣлыми глазами, генералъ Синтянинъ.

— И противъ этого я, пожалуй, не возражаю: онъ немножко ужъ слишкомъ реальная натура.

— Я бы его разстрѣлялъ, а потомъ бы-съ повѣсилъ-съ, а потомъ бы...

— Что же бы потомъ еще сдѣлали? Разстрѣляли или повѣсили, ужъ и конецъ, болѣе уже ничего не сдѣлаете, а вотъ моя Глафира его гораздо злѣе расказнила: она совершила надъ нимъ нравственную казнь, вывернула предъ нимъ его совѣсть и заставила отречься отъ самого себя и со скрежетомъ зубовнымъ оторвать отъ себя то, что было мило. Короче, она однимъ своимъ письмомъ обратила его

на путь истинный. Да-съ, полагаю, что и всякій долженъ признать здѣсь силу.

Эффектъ, произведенный этою новостью, былъ чрезвычайный: генералъ, жена его, майоръ и отецъ Евангелъ безмолвствовали и ждали поясненія съ очевиднымъ страхомъ. Бодростинъ имъ разсказывалъ, что обращенный на правую стезю Гордановъ возгнушался своего безнравственнаго поведенія и въ порывѣ покаянія оставилъ бѣдную Лару, самъ упрашивая ее вернуться къ ея законнымъ обязанностямъ.

Повѣствователь остановился, слушатели безмолвствовали.

Бодростинъ продолжалъ. Онъ разсказалъ, что Лара versa des larmes amères, однакоже, оказалась упорною, и Гордановъ былъ вынужденъ оставить ее за границей, а самъ возвратился надняхъ одинъ въ свою деревушку, гдѣ и живетъ затворникомъ, оплакивая свои заблужденія и ошибки.

Когда Бодростинъ кончилъ, присутствовавшіе продолжали хранить молчаніе.

Это показалось Михаилу Андреевичу такъ неловко, что, ни къ кому исключительно не относясь, спросилъ:

— Что же вы, господа, на все это скажете?

Но онъ не скоро дождался отвѣта, и то, какъ слушатели отозвались на его вопросъ, не могло показаться ему удовлетворительнымъ. Майоръ Форовъ первый изъ выслушавшихъ эту повѣсть Гордановскаго обращенія, всталъ съ мѣста и, презрительно плюнувъ, отошелъ къ окну. Бодростинъ повторилъ ему свой вопросъ, но получилъ въ отвѣтъ одно коротенькое: «наплевать». Потомъ, сожалительно закачавъ головой, поднялся и молча направился въ сторону Евангелъ. Бодростинъ и его спросилъ, но священникъ лишь развелъ руками и сказалъ:

— Это по-нашему называется: укравши Часовникъ, «услыши Господи правду мою» воспѣвать. Этакъ не идетъ-съ.

Бодростинъ перевелъ вопрошающій взглядъ на генерала, но тотъ сейчасъ же всталъ и, закуривъ трубку, проговорилъ:

— Тутъ всего интереснѣе только то: зачѣмъ все это дѣлается съ такой помпой?

— Какая же помпа, mon cher Иванъ Демьянычъ? Въ чемъ тутъ помпа? Я не его партизанъ, но... il faut avoir un peu d'indulgence pour lui.

Но на это слово изъ-за стола быстро встала Синтянина и, вся негодующая, твердо произнесла:

— Нѣтъ никакого снисхожденія человѣку, который имѣлъ духъ такъ поступить съ женщиной.

— Сжечь его?—пошутилъ Бодростинъ.—А? сжечь? Аутодафе, съ раздуваньемъ дамскими опахалами?

Но шутка вышла не у мѣста: блуждавшая по лицу Синтяниной тѣнь смущенія исчезла, и Александра Ивановна, уставивъ свой прямой взглядъ въ лицо Бодростина, проговорила:

— Я удивляюсь вамъ, Михаилъ Андреевичъ, какъ вы, несомнѣнно образованный человѣкъ, находите удобнымъ говорить въ такомъ тонѣ при женщинѣ о другой женщинѣ и еще, вдобавокъ, о моей знакомой, болѣе... о моемъ другѣ... да прошу васъ знать, что я считаю бѣдную Лару моимъ другомъ, и если вы будете имѣть случай, то прошу васъ не отказать мнѣ въ одолженіи, гдѣ только будетъ удобно говорить, что Лара мой самый близкій, самый искренній другъ, что я ее люблю нѣжнѣйшимъ образомъ и сострадаю всею душой ея положенію. Я какъ нельзя болѣе сочувствую ея упрямству и... употреблю всѣ мои усилія быть ей полезною.

Несмотря на большой свѣтскій навыкъ, Бодростинъ плохо отшутился и уѣхалъ крайне недовольный тѣмъ, что онъ въ этомъ визитѣ вышелъ какъ бы неловкимъ подсыльнымъ вѣстовщикомъ, въ каковой должности его признала Синтянина своимъ порученіемъ трубить о ея дружбѣ и сочувствіи ко всѣмъ покинутой Ларѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Синтянина беретъ на себя трудную заботу.

Такъ почти и вышло, какъ предполагалъ Бодростинъ: простясь съ нимъ, ему не слали вслѣдъ благожеланій, а кляли его новость и были полны нехорошихъ чувствъ къ нему самому.

Старый генералъ былъ въ духѣ и заговорилъ первый: его утѣшало, что его жена такъ отбрила и поставила въ такое незавидное положеніе «этого аристократишку», а объ остальномъ онъ мало думалъ. По отъѣздѣ Бодростина, онъ подошелъ къ женѣ и, поцѣловавъ ея руку, сказалъ:

— Благодарю-съ васъ, Сашенька-съ; благодарю. Ничего-съ, ничего, что вы назвались ея другомъ: поганое къ чистому не пристаетъ.

Александру Ивановну отъ этого одобренія слегка передернуло и она, покусавъ губы, сухо сказала:

— Никто не можетъ гордиться своею чистотой: весь бѣлый свѣтъ довольно черенъ.

— Э, нѣтъ-съ, извините-съ, кромѣ васъ-съ, кромѣ васъ-съ!

И съ этимъ генералъ отправился въ свой кабинетикъ писать одну изъ тѣхъ своихъ таинственныхъ корреспонденцій, къ которымъ онъ издавна пріобрѣлъ привычку и въ которыхъ и теперь упражнялся по любви къ искусству, а можетъ-быть и по чему-нибудь другому, но какъ на это въ домѣ не обращали никогда вниманія, то еще менѣе было повода остановиться на этомъ теперь, когда самымъ жгучимъ вопросомъ для генеральши сдѣлалась судьба Ларисы. Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ она, бѣдняжка? На чьихъ рукахъ осталось это бѣдное, слабое, самонадѣянное и безсильное существо?.. Отъ одного размышленія объ этомъ Синтяниной становилось страшно, тѣмъ болѣе, что Бодростинъ, сообщивъ новость о Гордановскомъ покаяніи, ничѣмъ не умѣлъ пояснить и дополнить своихъ сказаній насчетъ Лары. Александра Ивановна, такъ же, какъ ея мужъ, нимало не вѣ-

рила сказкѣ, сложенной на сей случай о Гордановѣ. Они допускали, что задавленный Висленевъ могъ подчиниться Глафирѣ и вѣрить, что съ нимъ сообщается «Благочестивый Устинъ», но раскаявшійся Гордановъ, Гордановъ спиритъ... Это превосходило всякое вѣроятіе. Генералъ, со свойственною ему подозрительностью, клялся женѣ, что это не что иное какъ новая ловушка, и та чувствовала, что въ этомъ подозрѣніи много правды. Генеральшѣ было, впрочемъ, не до Горданова.

Пораженная участью бѣдной Лары, она прежде всего хотѣла разузнать о ней и съ этою цѣлью упросила Филетера Ивановича съѣздить къ Бодростинымъ и выспросить что-нибудь отъ Висленева. Форовъ въ точности исполнилъ эту просьбу: онъ былъ въ бодростинскомъ имѣніи, видѣлъ Глафиру, видѣлъ Висленева и не принесъ ровно никакихъ извѣстій о Ларѣ. И благочестивая Глафира, и жалкій медіумъ равнодушно отвѣчали, что они не разспрашивали Горданова о Ларисѣ, и что это до нихъ не касается, причемъ Висленевъ послѣ разговора съ майоромъ надумался обидѣться, что Форовъ такъ безцеремонно обратился къ нему послѣ того, что между ними было при Гордановской дуэли, но Форовъ не счелъ нужнымъ давать ему объясненій.

Тѣмъ не менѣе первая попытка Синтяниной разыскать Лару осталась безъ всякихъ результатовъ, и генеральша рѣшилась прямо обратиться къ Глафирѣ. Александра Ивановна написала Бодростиной письмо, въ которомъ прямо попросила ее, въ величайшее для нея одолженіе, узнать отъ Горданова, гдѣ и въ какомъ положеніи онъ оставилъ Лару. Бодростина на это не отвѣтила, но Синтянина не сконфузилась и послала ей другое письмо, что было потребностью и для самой генеральши, такъ какъ ея тревога за Ларису усилилась до такой степени, что она не могла спать и не умѣла ни одной строки написать объ этомъ Форовой въ Петербургъ. Глафира наконецъ отвѣтила, но отвѣтила вздоръ, что ей неловко допрашивать Горданова, и она «объ извѣстной особѣ» ничего навѣрное не знаетъ,

а полагаетъ, что *они* разстались навсегда, такъ какъ *та* осталась глуха къ убѣжденіямъ совѣсти, которыя ей представилъ Гордановъ. Эта безцеремонная наглость и лицемѣріе до того возмутили Синтянину, что она въ негодованіи разорвала письмо Бодростиной въ мелкіе клочки и упросила мужа, чтобъ онъ, пользуясь послѣдними погожими днями и тѣмъ, что ему теперь нѣсколько полегче, съѣздилъ отдать визитъ Бодростину и добился, что они знаютъ о Ларисѣ.

Иванъ Демьяновичъ исполнилъ эту просьбу: онъ ѣздилъ въ Рыбацкое, съ непремѣннымъ намѣреніемъ разузнать о Ларисѣ какъ можно болѣе. Его самого тоже очень интересовала ея судьба, хотя совсѣмъ по другимъ побужденіямъ, чѣмъ жену, но и онъ, однако, вернулся тоже ни съ чѣмъ, если не считать усилившагося кашля и крайняго раздраженія, въ какомъ онъ давно не бывалъ. Все, что онъ могъ сообщить, заключалось въ томъ, что Бодростина не спиритка, а Тартюфъ въ женской юбкѣ и должна имѣть какіенибудь гнуснѣйшіе планы; но какъ Александра Ивановна была и сама того мнѣнія, то она могла только подивиться вмѣстѣ съ мужемъ, что этого никто, кромѣ ихъ, какъ будто не видитъ. Тѣмъ не менѣе дѣло все-таки не подвигалось, и Синтянина задумалась. — Гдѣ же, наконецъ, эта бѣдная Лара съ ея молодостью, красотой, испорченною репутаціей, капризнымъ характеромъ, малымъ умомъ и большою самонадѣянностью? Отъ однѣхъ мыслей, которыя приходили по этому поводу въ голову молодой, но искушенной въ жизни женщины, ее бросало въ жаръ и въ ознобъ.

Послѣ двухъ сутокъ мучительнаго раздумья, Александра Ивановна наконецъ пришла къ невѣроятному рѣшенію: она положила подавить въ себѣ всѣ непріязненныя чувства и сама ѣхать къ Бодростиной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Превыше міра и страстей.

Свиданіе свое съ Бодростиной генеральша не откладывала и поѣхала къ ней на другой же день. Для этого визита ею было выбрано предобѣденное время, съ тою цѣлью, чтобы въ эти часы застать Глафиру одну, безъ гостей, и узнать какъ можно болѣе въ возможно короткое время. Но Александра Ивановна ошиблась: у Глафиры еще съ утра были ея графиня и баронесса, и Синтянина волей и неволей должна была оставаться въ ихъ обществѣ, чѣмъ она, впрочемъ, и не очень тяготилась, ибо нашла въ этомъ для себя очень много занимательнаго. Во-первыхъ, она не узнала самой Глафиры и была поражена ею. Хотя Синтянина всегда многаго ожидала отъ разностороннихъ способностей этой женщины, но тѣмъ не менѣе она была поражена отчетливостью произведенной Глафирой надъ собою работы по выполненію роли и должна была сознаться, что при всѣхъ своихъ волненіяхъ залюбовалась ею. Ничего прошлаго и слѣда не было въ нынѣшней Глафирѣ. Синтянина увидала предъ собою женщину, чуждую всего земного, недоступную земнымъ скорбямъ и радостямъ,—однимъ словомъ, существо превыше міра и страстей. Какую она себѣ усвоила безстрастную, мягкую рѣчь, какія тихія, спокойныя движенія, какой у нея установился на все оригинальный взглядъ, мистическій и въ то же время институтски-мечтательный!.. И все это у нея выходило такъ натурально, что хотѣлось любоваться этою артистическою игрой, на что генеральша и истратила гораздо больше времени, чѣмъ слѣдовало. Она со вниманіемъ слушала очень долгій разговоръ, который шелъ у этихъ дамъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ, объ абсолютномъ состояніи духа, о средствахъ примиренія неладовъ между нравственной и физической природой человѣка, о тайныхъ стремленіяхъ души и т. п.

Графиня и баронесса обѣдали у Бодростиной, и потому

у Синтяниной была отнята всякая надежда пересидѣть ихъ, и она должна была прямо просить Глафиру Васильевну о минутѣ разговора наединѣ, въ чемъ та ей, разумѣется, и не отказала. Онѣ взошли въ маленькій, полутемный будуаръ и Синтянина прямо сказала, что она находится въ величайшей тревогѣ по случаю дошедшихъ до нея извѣстій о Ларисѣ и во что бы то ни стало хочетъ добиться, гдѣ эта бѣдняжка и въ какомъ положеніи?

Глафира была такъ умна, что, очутясь наединѣ съ Синтянинной, сейчасъ же сбавила съ себя значительную долю духовной строгости и заговорила о Ларисѣ съ величайшимъ участіемъ, не упустивъ, однако, сказать, что Лара «очень милое, но, по ея мнѣнію, совершенно погибшее созданіе, которое, сдѣлавши ложный шагъ, не находитъ въ себѣ силъ остановиться и выйти на другую дорогу». Укорять или порицать людей за нежеланіе перемѣниться и исправиться стало любимою темой Глафиры съ тѣхъ поръ, какъ она сама рѣшилась считать себя и измѣнившеюся, и исправившеюся, благо ей это было такъ доступно.

Но приговоръ о неисправимости Лары показался Синтянинной обиднымъ и она отвѣтила своей собесѣдницѣ, что нравственные переломы требуютъ времени, и къ тому же, на свѣтѣ есть такіе ложные шаги, отъ которыхъ поворотъ назадъ иногда только увеличиваетъ фальшь положенія. Бодростина увидѣла здѣсь шпильку, и между двумя дамами началась легкая перепалка. Глафира сказала, что она не узнаетъ Синтянину въ этихъ словахъ и никогда бы не ожидала отъ нея такихъ сужденій.

— А я между тѣмъ была всегда точно такая и всегда думала такъ, какъ говорю въ эту минуту, спокойно отвѣчала Синтянина.

Бодростина, желая запутать свою собесѣдницу, замѣтила, что она думаетъ такимъ образомъ, конечно, потому, что не знаетъ, какъ тяжело женщинѣ переносить фальшивое положеніе.

— Это правда, отвѣчала Синтянина,—я, слава Богу, не

имѣла въ моей жизни такого опыта, но... я кое-что видѣла и знаю, что обо всемъ этомъ всякой женщинѣ надо думать прежде чѣмъ съ нею что-нибудь случится.

— А если бы съ вами что-нибудь такое случилось прежде, чѣмъ вы получили опытъ и стали такъ разсуждать? Неужто вы не спѣшили бы, по крайней мѣрѣ, хоть поправить вашу ошибку?

— Если бы... Я вамъ скажу откровенно: я не могу думать, чтобъ это сталось, потому что я... стара и трусиха: но если бы со мною случилось такое несчастіе, то, смѣю васъ увѣрить, я не захотѣла бы искать спасенія въ поворотѣ назадъ. Это проводится въ иныхъ романахъ, но и тамъ это въ честныхъ людяхъ производитъ отвращеніе и отъ героинь, и отъ автора, а въ жизни... не дай Богъ мнѣ видѣть женщины, которую, какъ Катя Форова говорила: «повозятъ, повозятъ, назадъ привезутъ».

— Другими словами: вы оправдываете упорство Ларисы оставаться въ связи съ Гордановымъ?

— Я одобряю, что она предпочитаетъ муки страданія малодушному возвращенію. Пусть мужъ Лары проститъ ее и позоветъ къ себѣ, — это ихъ дѣло; но самой ей возвращаться послѣ того, что было... это невозможно безъ потери послѣдняго къ себѣ и къ нему уваженія. Притомъ же она еще, можетъ-быть, любитъ Горданова.

Бодростина покачала головой и томно проговорила:

— Къ чему можетъ вести такая любовь? Только къ вѣчной гибели, къ аду, гдѣ нѣтъ ни раскаянія, ни исправленія.

Александра Ивановна прервала потокъ краснорѣчія Глафиры, замѣтивъ, что она высказалась не противъ раскаянія, а противъ перевертничества и отступничества и, такъ сказать, исканія небесныхъ благъ земными путями; изъ чего выходило, что Синтянина, вовсе не желая бросить камней въ огородъ Бодростиной, безпрестанно въ него попадала. Лѣвый глазъ Глафиры потерялъ спокойствіе и забѣгалъ какъ у кошки: она не выдержала и назвала правила

Синтяниной противными требованію общественной нравственности, на что та въ свою очередь сказала, что требованіе переходовъ и возвратовъ противно женской натурѣ и невыполнимо въ союзѣ такого свойства, какъ супружество. Короче, эти двѣ дамы посчитались до того, что Бодростина наконецъ сказала, что теорія Синтяниной, конечно, выгоднѣе и пріятнѣе, ибо жить безнаказанно съ кѣмъ *хочешь* вмѣсто того, чтобы жить съ кѣмъ *должно*, это все, чего можетъ пожелать современная разнузданность.

Генеральшѣ кровь слегка стукнула въ виски, она удержала себя и отвѣтила только, что безнаказанно жить съ кѣмъ должно для честной женщины невозможно, потому что такая жизнь всегда болѣе или менѣе сама въ себѣ заключаетъ казнь, и свѣтъ, исполняющій въ такихъ случаяхъ роль палача, при всѣхъ своихъ лицемѣріяхъ, отчасти справедливъ.

— И вы бы его спокойно несли, этотъ судъ? воскликнула Бодростина.

— Конечно, несла бы, если была бы его достойна.

— И несли бы безропотно!

— На кого же и за что могла бы роптать?

— И вы не пожелали бы сбросить съ себя этой фальши?

— Сбросить? Но зачѣмъ же я могла бы пожелать сбросить то, чего мнѣ гораздо проще было не брать?

— А если бъ это было нужно для блага того... ну того, кого вы любите, что ли?

Этотъ неловкій вопросъ бросилъ нѣкоторый свѣтъ на то, что сдѣлано съ бѣдной Ларой. Александра Ивановна поспѣшила отвѣтить, что она объ этомъ не думала, но что, вѣроятно, если бъ оказалось, что ее Богъ наказалъ человѣкомъ, который, принявши отъ нея любовь, еще готовъ принять и даже потребовать ея отреченія отъ любви къ нему для его счастія, то она бы... пропала.

— Такъ пусть она... начала было Бодростина и чуть не договорила: «пусть она пропадетъ», но тотчасъ спохвати-

лась и молвила: пусть она скрывается пока... пока это все уляжется...

— Это никогда не уляжется въ сердцѣ ея мужа, которое она разбила, какъ дѣвчонка бьетъ глиняную куклу.

— Время, начала было Бодростина банальную фразу о всесглаживающемъ времени, но Синтянина нетерпѣливо перебила ее замѣчаніемъ, что есть раны, для которыхъ нѣтъ исцѣленія ни во времени, ни въ возвратѣ къ прежнему образу жизни.

Болѣе ничего не могла обездоленная своею неудачей Александра Ивановна выпытать о томъ, гдѣ находится Лариса. На прощаньи она сдѣлала послѣднюю попытку: скрѣпя сердце, она, во имя Бога, просила Глафиру серьезно допросить объ этомъ Горданова; но та отвѣтила, что она его уже наводила на этотъ разговоръ, но что онъ уклоняется отъ отвѣта.

— Я васъ прошу не «наводить» его, а просто спросить, чтобы онъ отвѣтилъ прямо, добивалась генеральша, но Бодростина только изумилась: развѣ это возможно!?..

— Вѣдь au fond мы все-таки не имѣемъ права говорить объ ихъ отношеніяхъ, замѣтила она, и когда Синтянина возразила ей на то, что онѣ не дѣти, чтобы не знать этого, то она очень игриво назвала ее циникомъ.

Но тѣмъ не менѣе Александра Ивановна все-таки отъ нея не отстала и, чтобы не смущать строгаго цѣломудрія Глафиры, умоляла ее спросить Горданова письмомъ, такъ какъ бумага и перо не краснѣютъ.

— O, ma plume ne vaut rien, отвѣтила ей рѣшительно Бодростина.

Послѣ этого добиваться было нечего, и дамы простились, но Синтянина, выѣхавъ отъ Бодростиной, не поѣхала домой, а повернула въ городъ, съ намѣреніемъ послать немедленно депешу Форовой. Но тутъ ее освѣтила еще одна мысль: не скрывается ли Лара у самаго Горданова, и нѣтъ ли во всемъ этомъ просто-на-просто игры въ жмурки...

Изъ-за чего же тогда она встревожитъ Петербургъ и растревелитъ больныя раны Форовой и Подозерова?

— Но какъ быть: черезъ кого въ этомъ удостовѣриться? Ни мужъ, ни Форовъ не могутъ ѣхать къ этому герою... Евангелъ... но его даже грѣхъ просить объ этомъ. И за что подвергать кого-нибудь изъ нихъ такому униженію? Да они и не пойдутъ: мужчины мелочны, чтобы смирить себя до этого... Нечего раздумывать: я *сама поѣду* къ Горданову, сама все узнаю! Рѣшено: я должна къ нему ѣхать.

И Синтянина круто поворотила лошадь и, хлыстнувъ коня, понеслась по трясскому, мерзлому проселку къ деревушкѣ Горданова.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слѣдъ.

Синтянина не давала отдыха своей лошади, она спѣшила, да и старалась шибкою ѣздой заглушить заговорившій въ ней непріятный голосъ сомнѣнія: хорошо ли она дѣлаетъ, что ѣдетъ въ усадьбу Горданова? Она сама сознавала, что тутъ что-то неладно, что ей ни въ какомъ случаѣ не должно было отваживаться на это посѣщеніе. Но Синтянина старалась не слыхать этого голоса и успокоивала себя тѣмъ, что въ поступкѣ ея нѣтъ никакого особаго риска; она надѣялась встрѣтить кого-нибудь изъ людей, дать денегъ и вывѣдать, нѣтъ ли тамъ Лары. Съ небольшимъ въ полчаса она доѣхала до гордановской усадьбы и встрѣтила... самого Павла Николаевича.

Гордановъ въ мѣховомъ архалучкѣ прогуливался съ золотистою борзою собакою. Онъ увидѣлъ Синтянину ранѣе, чѣмъ она его замѣтила, и встрѣтилъ Александру Ивановну въ упоръ, на поворотѣ узкой дорожки.

При приближеніи ея, онъ приподнялъ фуражку. Синтянина нѣсколько смѣшалась, но остановила лошадь и сдѣлала знакъ, что хочетъ съ нимъ говорить.

Гордановъ перепрыгнулъ черезъ канаву и подошелъ къ ея тюльбюри.

— Васъ можетъ нѣсколько удивить, если я вамъ скажу, что я пріѣхала къ вамъ,— начала генеральша.

— Нимало, — отвѣчалъ Гордановъ: — очень радъ, чѣмъ могу вамъ служить?

— Я хочу знать, гдѣ Лара?

— Пожалуйста, войдемте ко мнѣ.

«Ага! Такъ вотъ гдѣ она! Мои догадки меня не обманули!» подумала Синтянина.

Они тронулись рядомъ къ дому: генеральша ѣхала по дорогѣ, а Гордановъ шелъ по окраинѣ. Онъ казался очень грустнымъ и задумчивымъ: они другъ съ другомъ ничего не говорили.

У крыльца онъ велѣлъ человѣку принять лошадь Синтянниной и, введя ее въ маленькую гостиную, попросилъ подождать. Генеральша осталась одна. Прошло нѣсколько минутъ. Это ей было непріятно, и у нея мелькнула мысль велѣть подать свою лошадь и уѣхать, но въ эту самую минуту въ комнату вошелъ переодѣтый Гордановъ. Онъ извинился, что заставилъ себя ждать, и спросилъ, чѣмъ можетъ служить.

— Гдѣ же Лара?—обратилась къ нему нетерпѣливо Синтянина.

— Присядьте на одну минуту.

Генеральша опустилась на диванъ и снова повторила свой вопросъ.

— Мнѣ не легко отвѣчать вамъ на это, — началъ тихо Гордановъ.

— Какъ! развѣ ея здѣсь нѣтъ?

— Здѣсь?.. Съ какой же стати?

— Съ какой стати? — воскликнула, вскочивъ съ мѣста, Синтянина и, вся покраснѣвъ отъ гнѣва и досады, строго спросила:—Что жъ это значитъ, господинъ Гордановъ?

— А что такое-съ?

— Зачѣмъ же вы пригласили меня взойти въ этотъ домъ?

— Извините, я не имѣю обычая говорить у порога съ

тѣми, кто ко мнѣ пріѣзжаетъ. Вы пріѣхали, я васъ вѣжливо принялъ, и только.

— И только,—повторила, отворотясь отъ него, генеральша и пошла къ двери, но здѣсь на минуту остановилась и сказала:—будьте по крайней мѣрѣ великодушны: скажите, гдѣ вы ее оставили?

— Не имѣю причинъ скрываться. Я оставилъ ее въ Яссахъ.

— Въ Яссахъ?

— Да.

— Вы... это серьезно говорите?

— Къ чему мнѣ лгать? — отвѣчалъ, пожавъ плечами, Гордановъ.

Синтянина ничего болѣе не добивалась, вышла, спросила себѣ свою лошадь и уѣхала.

На дворѣ уже было около пяти часовъ, и осеннее небо начало темнѣть, но Синтянина разсчитывала, что она еще успѣетъ до темноты доѣхать до города и послать телеграмму Форовой въ Петербургъ, а затѣмъ возьметъ съ собою Филетера Ивановича и возвратится съ нимъ къ себѣ на хуторъ.

Выѣхавъ съ этимъ разсчетомъ изъ гордановской усадьбы, она повернула къ городу и опять не жалѣла лошади, но сумерки летѣли быстрѣе коня и окутали ее темнымъ туманомъ прежде, чѣмъ она достигла того брода, у котораго читатель нѣкогда видѣлъ ее въ началѣ романа бесѣдовавшею съ Катериной Астафьевной.

Молодая женщина ѣхала въ большомъ смущеніи и отъ пріема Горданова, и отъ раскаянія, что она сдѣлала этотъ неосторожный визитъ, и отъ извѣстія объ Яссахъ. Какая цѣль оставаться Ларисѣ?

— Это невѣроятно, это невозможно! Тутъ непремѣнно должна скрываться какая-то темная тайна; но какая?

Подъ вліяніемъ своихъ мыслей, Александра Ивановна и не замѣтила какъ совсѣмъ смерклось, и была очень испугана, когда ея опытный конь, достигнувъ брода и продавивъ

передними ногами покрывавшій рѣку тонкій ледокъ, вдругъ испугался, взвился на дыбы и чуть не выронилъ ее, а въ ту же минуту предъ нею точно выплылъ изъ морознаго тумана Свѣтозаръ Водопьяновъ.

Синтянина раздѣляла со многими нѣкоторое безпокойство при видѣ этого чудака ли, шута, или ясновидящаго, но вообще страннаго и тяжело, словно магнетически дѣйствующаго человѣка. Тѣмъ болѣе не принесъ онъ ей особаго удовольствія теперь, когда такъ внезапно выдѣлился изъ тумана, крикнулъ на ея лошадь, крикнулъ самой ей «берегись» и опять сникъ, точно слился съ тѣмъ же туманомъ.

— Онъ ли это, то-есть самъ ли это Сумасшедшій Бедуинъ, или это мнѣ показалось? Фу! а нервы между тѣмъ такъ и заговорили и по всей потянуло холодомъ.

Синтянина хлыстнула возжей и, переѣхавъ рѣку, остановилась у знакомаго намъ форовскаго домика: она хотѣла посовѣтоваться съ майоромъ, напиться у него теплаго чаю, составить депешу и, отправивъ ее съ помощію Филетера Ивановича, уѣхать съ нимъ вмѣстѣ домой. Но, къ сожалѣнію, она не застала майора дома: служанка майора сказала ей, что за нимъ часъ тому назадъ приходилъ слуга изъ Борисоглѣбской гостиницы. Эта самая обыкновенная вѣсть подѣйствовала на Синтянину чрезвычайно странно, и она тотчасъ же, какъ только ей подали самоваръ, послала въ эту гостиницу просить Форова немедленно придти домой, но посланная женщина возвратилась одна съ клочкомъ грязной бумажки, на которой рукой Филетера Ивановича было написано: «Не могу идти домой,—спѣшите сами сюда, здѣсь слово и дѣло».

Записка эта еще больше увеличила безпокойство генеральши: лаконизмъ, хотя и свойственный манерѣ Филетера Ивановича, показался ей въ этотъ разъ какъ-то необычаенъ и многозначителенъ: не могъ же Форовъ вызвать ее въ гостиницу для пустяковъ!

— Это непремѣнно должно касаться Ларисы, — рѣшила

Синтянина и, закутавшись вуалемъ, пошла въ сопровожденіи служанки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Лара отыскана и устроена.

Дойдя подъ порывами осенняго вѣтра до темнаго подъѣзда гостиницы, Синтянина остановилась внизу, за дверью, и послала пришедшую съ нею женщину наверхъ за майоромъ, который сію же минуту показался наверху тускло-освѣщенной лѣстницы и сказалъ:

— Скорѣе, скорѣе идите: здѣсь Лара!

Генеральша вбѣжала на лѣстницу и бросилась въ указанную ей Форовымъ слабо-освѣщенную узкую комнатку.

Лариса сидѣла на кровати, предъ печкой, которая топилась, освѣщая ея лицо неровными пятнами; руки ея потерянно лежали на колѣняхъ, глаза смотрѣли устало, но спокойно. Она перемѣнилась страшно: это были какіе-то останки прежней Лары. Увидя Синтянину, она черезъ силу улыбнулась и затѣмъ осталась безчувственною къ волненію, обнаруженному генеральшей: она давала ласкать и цѣловать себя, и сама не говорила ни слова.

— Боже! какъ ты здѣсь и зачѣмъ ты здѣсь?—наконецъ спросила ее Синтянина.

— Гдѣ же мнѣ теперь быть? — отвѣчала, затрудняясь, Лара.

Синтянина поняла, что она сказала нѣкоторую неловкость, и очень обрадовалась, когда Форовъ заговорилъ противъ намѣренія Ларисы оставаться въ этой гадкой гостиницѣ и нежеланія ея перейти къ нему, въ спальню Катерины Астафьевны; но Лариса въ отвѣтъ на все это только махала рукой и наконецъ сказала:

— Нѣтъ, дядя, нѣтъ, оставьте объ этомъ... Мнѣ вездѣ хорошо: я уже ко всему привыла. И ты, Alexandrine, тоже не безпокойся, добавила она и, нѣжно пожавъ ея руку, заключила: комната сейчасъ согрѣется и я усну: мнѣ очень

нуженъ покой, а завтра меня навѣстятъ, и вы, дядя, тоже зайдите ко мнѣ... Я вамъ дамъ знать, когда вы можете ко мнѣ придти.

Синтянину она не пригласила къ себѣ и даже не спросила у нея ни о комъ и ни о чемъ... Глядя на Лару, по ея лицу нельзя было прочесть ничего, кромѣ утомленія и нѣкоторой тревоги. Она даже видимо выживала отъ себя Синтянину, и когда та съ Форовымъ встали, она торопливо пожала имъ на порогѣ руки и тотчасъ же повернула въ двери ключъ.

Хотѣла или не хотѣла она меня видѣть? спросила Синтянина у Филетера Ивановича, очутясь съ нимъ на улицѣ.

— Да, когда я сказалъ ей, что вы меня зовете и что не лучше ли позвать васъ къ ней, она отвѣчала: «пожалуй», и вслѣдъ затѣмъ Форовъ разсказалъ, что Лариса пріѣхала вечеромъ, выбрала себѣ эту гадкую гостиницу сама, прислала за нимъ полового и просила его немедленно же, сегодня вечеромъ, извѣстить о ея пріѣздѣ брата или Горданова.

— Къ кому же вы поѣдете?

— А ужъ, конечно, возьму сейчасъ извозчика и поѣду въ Рыбацкое къ Висленеву, пусть онъ самъ извѣщаетъ своего друга.

— Да, не ѣздите къ Горданову.

— Еще бы, онъ, подлецъ, меня собаками затравитъ, да скажетъ, что это случай. Висленевъ, по крайней мѣрѣ, гадина беззубая, а впрочемъ, я бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобъ одинъ изъ нихъ былъ повѣшенъ на кишкахъ другого.

Майоръ и генеральша рѣшили не посылать депеши, чтобы не смущать Подозерова, а написали простое извѣщеніе Форовой, предоставляя ея усмотрѣнію сказать или не сказать мужу Лары о ея возвращеніи, и затѣмъ уѣхали. Филетеръ Ивановичъ ночевалъ въ кабинетѣ у генерала и рано утромъ отправился къ Бодростинымъ для

переговоровъ съ Висленевымъ, а къ вечеру возвратился съ извѣстіемъ, что онъ ѣздилъ не по что и привезъ ничего.

По его разсказу выходило, что внезапное прибытіе Ларисы никого не удивило и не тронуло.

— Даже посылать, говорилъ онъ, — не хотѣли, и я ничего бы не добился, если бы не секретарь Рошпинъ, который, провожая меня, далъ слово немедленно послать Горданову извѣщеніе о пріѣхавшей. Форовъ утверждалъ, что бѣдный чухонецъ чрезвычайно радъ этому случаю и видитъ въ Ларисѣ громоотводъ отъ Павла Николаевича.

Прошла недѣля, въ теченіе которой Синтянина волновалась за Лару, но уже не рѣшалась пытаться ни на какое съ нею сближеніе, и на хуторѣ появился Форовъ съ новыми и странными новостями: у Горданова оказалась въ городѣ очень хорошая квартира, въ которой онъ, однако же, не жилъ. Въ ней-то, ко всеобщему удивленію, и помѣстилась Лариса.

Синтянину не поразило, что разойтись съ Ларой было противно планамъ Горданова, но она не могла постичь, какъ онъ и Лара признали удобнымъ поселиться marita-lement здѣсь, въ губернскомъ городѣ, гдѣ подобное положеніе для женщины должно быть гораздо несноснѣе, чѣмъ въ столицѣ. Но тѣмъ не менѣе Филетеръ Ивановичъ не шутилъ: Гордановъ дѣйствительно устроился вмѣстѣ съ Ларой.

Это произвело на Синтянину самое непріятное впечатлѣніе, и она изъ-за этого поспорила съ майоромъ, который находилъ, что это все равно, какъ они теперь будутъ жить...

— Совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Зачѣмъ они вернулись сюда, въ этотъ городишко? Зачѣмъ они не остались заграницей или въ Петербургѣ, гдѣ ей было бы гораздо легче?.. Зачѣмъ онъ ее притащилъ сюда напоказъ... Да, да, именно напоказъ! горячилась Александра Ивановна.

Черезъ нѣсколько дней она узнала отъ майора, что *Гор-*

дановы (то-есть Гордановъ и Лара) живутъ прекрасно, что дѣлали вечерокъ, на которомъ были кой-кто изъ служебной знати, и Лариса держалась открыто хозяйкой.

— И что васъ это такъ удивляетъ? — сказалъ Филетеръ Ивановичъ, замѣтивъ смущеніе на лицѣ Синтяниной, — развѣ же она на самомъ дѣлѣ не хозяйка? Не все ли равно, «и съ трубами свадьба, и безъ трубъ свадьба». Но эта «безтрубная свадьба» не успокоила его собесѣдницу, и та только пытала себя: зачѣмъ они бравируютъ? Гордановъ, повидимому, просто *щеголяетъ Ларой*, но она...

Синтяниной хотѣлось знать: неужто Лара спокойно принимаетъ обидное снисхожденіе своихъ мужскихъ гостей? Майоръ этого не умѣлъ разсказать, но зато онъ сообщилъ, что Висленевъ тоже былъ на пиру «безтрубной свадьбы» сестры и, говорятъ, очень всѣхъ забавлялъ и дѣлалъ различныя спиритскія прорицанія.

— Бѣдный Жозефъ! подумала Александра Ивановна, — скоро его, должно быть, ужъ заставятъ для общей потѣхи подъ бильярдомъ лазить... И какъ все это быстро идетъ съ нимъ, и невозможно, чтобъ это скоро не пришло къ какой-нибудь рѣшительной развязкѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Битый небитаго везетъ.

Александра Ивановна каждый день ждала новостей, и онѣ не замедлили. Черезъ недѣлю она услыхала, что Лариса покинула свою городскую квартиру и спѣшно уѣхала къ Бодростинымъ, гдѣ съ Гордановымъ случилось несчастіе: онъ ходилъ на охоту и, перелѣзая гдѣ-то черезъ плетень, зацѣпилъ курковъ ружья за хворостину и выстрѣлилъ себѣ въ руку. Еще три дня спустя рано утромъ, крестьянскій мальчикъ изъ Рыбацкаго доставилъ генеральшѣ записку, писанную карандашемъ незнакомою рукой, но подписанную именемъ Ларисы. Въ запискѣ этой Лара умо-

ляла немедленно посѣтить ее, потому что умираетъ и хочетъ что-то сказать. Подписано имя Лары, но рука не ея. Это поставило Синтянину въ затрудненіе. Но наводить справки было некогда. Александра Ивановна сейчасъ же послала лошадь за Форовымъ, и какъ только майоръ пріѣхалъ, вмѣстѣ отправились въ Рыбацкое. Одна она не могла рѣшиться туда ѣхать. Ее вводилъ въ сомнѣніе незнакомый почеркъ, очевидно торопливо и едва ли не подъ страхомъ тайны писаннаго письма, и ей про всякій случай необходимою казалась помощь мужчины.

Когда они доѣхали до Рыбацкаго, короткій осенній день уже началъ меркнуть. Въ окнахъ бодростинскаго дома свѣтились огни. На крыльцѣ пріѣзжіе встрѣтились со слугами, которые бѣжали съ пустою суповою вазой: господа кушали. Въ передней, гдѣ они спросили о здоровьѣ Ларисы, изъ столовой залы былъ слышенъ говоръ многихъ голосовъ, между которыми можно было отличить голосъ Висленева. О пріѣзжихъ, вѣроятно, тотчасъ доложили, потому что въ залѣ мгновенно стихло и послышался голосъ Глафиры: «проводить ихъ во флигель».

Этотъ странный пріемъ не обѣщалъ ничего добраго. Да и чего добраго можно было ожидать для Лары въ этомъ домѣ, куда привелъ ее злой случай?

— Гдѣ она? въ какомъ флигелѣ? настойчиво спрашивала у слугъ Синтянина, и, получивъ отвѣтъ, что Лара въ тепличномъ флигелѣ, вышла назадъ на крыльцо; обошла полукругъ, образуемый небольшою домовою теплицей, составлявшею зимній садъ при домѣ, и вступила въ совершенно темный подъѣздъ двухъэтажной пристройки, въ концѣ теплицы. Генеральша знала, что эта пристройка и называется тепличнымъ флигелемъ. Ей было извѣстно расположеніе этого высокаго, островерхаго домика, построеннаго павильономъ, въ смѣшанномъ и прихотливомъ вкусѣ. Здѣсь внизу были сѣни, передняя и зала съ широкими окнами. Въ этомъ залѣ была когда-то устроена водолѣчебная для сумасшедшаго брата Бодростина, котораго тутъ лѣчили обли-

ваньями и который здѣсь же и умеръ въ припадкахъ бѣшенства. Синтянина знала эту залу, когда она уже была обращена въ кегельную. Но въ потолкѣ ея еще оставался круглый прорѣзъ, черезъ который во время оно изъ соотвѣтствующей комнаты верхняго этажа лили на больного съ высоты воду. Въ верхнемъ этажѣ было пять комнатъ, и всѣ онѣ были теперь заняты библіотекой, съ которою Синтянина была хорошо знакома, потому что, пользуясь позволеніемъ Михаила Андреевича, она даже въ его отсутствіе часто сама брала себѣ отсюда разныя книги. Въ этихъ пяти комнатахъ, расположенныхъ вокругъ залы, той самой, гдѣ оставался незадѣланный прорѣзъ, никогда никто не жилъ, и, кромѣ книжныхъ шкафовъ, нѣсколькихъ столовъ и старинныхъ, вышедшихъ изъ моды креселъ, табуретокъ, здѣсь не было никакой мебели. Зная все это, Синтянина сообразила, что Ларѣ, да еще больной, здѣсь рѣшительно негдѣ было помѣщаться, и усомнилась, не ослышалась ли она. Но человѣкъ велъ ее и Форова именно въ этотъ флигель. Онъ велъ ихъ чрезъ темную нижнюю переднюю и такую же темную лѣстницу въ первую библіотечную комнату, гдѣ на старинномъ мраморномъ столѣ горѣла одинокая свѣча въ огромномъ бронзовомъ подсвѣчникѣ съ широкимъ поддонникомъ. Въ комнатѣ налѣво дверь была полуотворена и тамъ виднѣлся огонь и слышался стукъ ложки о тарелку. Синтянина было направилась къ этой двери, но слуга остановилъ ее и шепнулъ, что «здѣсь баринъ».

— Какой баринъ?

— А Павелъ Николаевичъ Гордановъ-съ, отвѣчалъ слуга.

— А гдѣ же Лариса Платоновна?

— Онѣ вотъ тутъ-съ,—и съ этимъ онъ показалъ на темную залу, по полу которой изъ дальней комнаты тянулась слабая полоса закрытой зонтикомъ свѣчи.

Синтянина начала быстро снимать верхнюю одежду, чтобы не входить къ больной въ холодномъ платьѣ. Когда она отдавала на руки слугѣ свои вещи, изъ комнаты Павла Николаевича вышелъ другой слуга съ серебрянымъ подно-

сомъ, на которомъ стояла посуда, и въ отворенную дверь предъ нею мелькнулъ самъ Гордановъ; онъ былъ одѣтъ въ томъ мѣховомъ архалучкѣ, въ которомъ она его встрѣтила у его усадьбы и, стоя посреди устилавшаго всю комнату пушистаго ковра, чистилъ лѣвою рукой перышкомъ зубы, между тѣмъ какъ правая его рука очень интересно покоилась на бѣлой перевязи черезъ грудь и лѣвое плечо.

Синтянина прошла чрезъ комнату, гдѣ горничная дѣвушка, нагнувшись надъ тазомъ, набивала рубленымъ льдомъ гуттаперчевый пузырь,—дальше была комната, въ которой лежала Лариса... Боже, но Лариса ли это? Даже противъ того, какою Синтянина видѣла ее нѣсколько дней тому назадъ, ее нельзя узнать: только глаза до очертанія, но ни свѣжести, ни молодости нѣтъ и тѣни... Она лежала навзничь съ неподвижно уложенною среди подушки головой, съ лицомъ и глазами, устремленными въ ту сторону, откуда должна была войти гостья, и хотѣла привѣтствовать ее улыбкой, но улыбки не вышло, и она поспѣшила только попросить у Александры Ивановны извиненія, что ее безпокоила.

— Что ты, Богъ съ тобою, Лара, есть ли о чемъ говорить! отвѣчала Синтянина, подавая ей обѣ руки, изъ которыхъ она только до одной коснулась слабою, дрожащею рукой, вытянувъ ее съ усиліемъ изъ-подъ одѣяла.

— Нѣтъ, я виновата, потому что я Богъ знаетъ изъ-за чего испугалась и все преувеличила.

— Но что же такое съ тобою: чѣмъ ты больна?

— Пустяки; я хотѣла сбѣжать съ лѣстницы, спотыкнулась, упала и немножко зашибла себѣ плечо... а потомъ... Она вдругъ потянула къ себѣ Синтянину за руку и прошептала:—Бога ради не говори, что я за тобой посылала, но ночуй здѣсь со мной, Бога ради, Бога ради!

Синтянина въ отвѣтъ сжала ея руку.

Здороваясь съ Форовымъ, Лариса повторила, что она упала съ лѣстницы.

— И вывихнули плечо? договорилъ майоръ.—Гм!.. обык-

новенно при этихъ случаяхъ ломаютъ руки или ноги, иногда ребра, но плечо... это довольно удивительно.

Лара слегка смѣшалась, а Форовъ, вертя себѣ толстую папиросу, продолжалъ развивать, гдѣ, въ какихъ мѣстахъ обыкновенно всего чаще и всего естественнѣе бываютъ вывихи и переломы при паденіяхъ съ лѣстницъ, и затѣмъ добавилъ, что о вывихѣ плеча при подобномъ казусѣ онъ слышитъ первый разъ въ жизни.

Въ моментъ заключенія этихъ разсужденій въ комнату вошла горничная съ пузыремъ льда, который надо было положить Ларисѣ на больное мѣсто, и Форовъ съ своею толстою папиросой долженъ былъ удалиться въ другую комнату, а Синтянина, ставъ у изголовья, помогла горничной приподнять голову и плечи больной, которая рѣшительно не могла ворохнуться, и при всей осторожности горничной глухо застонала, закусивъ губу.

Было ясно, что съ нею случилось нѣчто необычайное, что она скрывала, сваливая на паденіе съ лѣстницы.

Не успѣли уложить Лару, какъ въ комнату ея вошла Бодростина: она очень ласково повидалась съ Синтяниной, поинтересовалась здоровьемъ Ларисы и, выходя, дала понять Александрѣ Ивановнѣ, что желала бы съ нею говорить. Та встала, и онѣ вышли въ сосѣднюю комнату.

— Она, славу Богу, безопасна, начала Бодростина.

— Да, но я и Филетеръ Ивановичъ рѣшились не оставлять Ларису, пока ей будетъ лучше; надѣюсь, вы позволите.

Бодростина благодарила въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, и разсказала, что она не знаетъ, какъ упала Лара, потому что это какъ-то случилось ночью: она хотѣла что-то принесть или кого-то позвать снизу къ больному и оступилась; но, добавила она,—гораздо опаснѣе самъ Гордановъ, и что всего хуже, онъ раненъ и не хочетъ лѣчиться.

— Отчего же?

— Богъ ихъ знаетъ: они оба стали какіе-то чудаки. Я имѣю нѣкоторыя подозрѣнія... мнѣ кажется, что этотъ вы-

стрѣлъ не случайность. Тутъ не безъ причины со стороны этой Ларисы. Она не ужилась со своимъ первымъ мужемъ и, кажется, не уживется и со вторымъ.

Генеральша хотѣла остановить Бодростину: почему она называетъ Горданова *вторымъ* мужемъ Лары, но оставила это и спросила: что же такое было?

— Я ничего навѣрное не знаю; но у нихъ въ городѣ былъ вечеръ, на которомъ были очень многіе и, между прочимъ, какой-то пріѣзжій художникъ или что-то въ этомъ родѣ, и я думаю, что они поссорились за Лару.

— Другими словами, вы думаете, что это была дуэль?

— Быть можетъ. Признаюсь, Лариса удивительно не ловка въ своихъ дѣлахъ.

И Бодростина съ этимъ вышла.

На прощаньи она добавила, что ей все это очень непріятно видѣть въ своемъ домѣ, но что, конечно, пока Синтянина здѣсь, разстоянія между домомъ и флигелемъ не существуетъ.

Изъ этого генеральша легко могла заключить, что безъ нея между домомъ, гдѣ обитаетъ чистая Глафира, и флигелемъ, гдѣ мѣстится порочная Лара, ископана цѣлая пропасть... Бѣдная Лара!

Александра Ивановна съ нетерпѣніемъ ожидала ночной тишины, надѣясь, что Лариса ей что-нибудь разскажетъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бесѣды Сумасшедшаго Бедуина.

Синтянина не ошиблась: Лара сама искала объясненія, и чуть только Синтянина появилась въ ея комнатѣ, она закивала ей головой и зашептала:

— Слушай, слушай, Саша! это все ложь, все неправда, что они хотятъ сочинять.

Лара была въ волненіи, и Синтянина просила ее успокоиться, но та продолжала:

— Нѣтъ, нѣтъ, я должна это сказать: я упала не съ

лѣстницы... Это было другое, совсѣмъ другое; я не скажу этого, но ты сама... я слышала... тсъ-тсъ... Тутъ какія-то говорящія стѣны... Здѣсь сегодня-завтра будутъ... убивать.

— Убивать! что ты? Богъ съ тобою.

— Да!

— Кого же? кого?

Лара схватила ее рукой и, привлекши къ себѣ, прошептала: «Придвинься ближе. Онъ говоритъ, стрѣлялся за меня, все вздоръ... Его рука здорова, какъ моя, я это видѣла, и вотъ...»

Лара просунула дрожащую руку подъ изголовье, достала оттуда отрѣзанный рукавъ мужской сорочки и, подавая его своей собесѣдницѣ, молвила: «вотъ она, кровь, за меня пролитая».

Эта «кровь» была обыкновенное красное чернило: въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Лара отвернулась въ сторону и не смотрѣла.

Синтянина держала рукавъ и недоумѣвала: для чего нужна Горданову эта фальшивая рана?.. Прежде чѣмъ она успѣла придти къ какому-нибудь заключенію, ее пришли звать къ чаю. Такъ какъ она отказалась идти въ домъ, то Глафира приказала сказать, что, желая быть вмѣстѣ съ Александрой Ивановной, она велѣла подать чай въ одной изъ залъ павильона.

Какъ это ни было непріятно для генеральши, но уклониться уже было невозможно и черезъ полчаса она должна была выдти въ ярко освѣщенную библіотечную комнату, окна которой были завѣшаны темными коленкоровыми шторами.

Тутъ былъ сервированъ чай и собралось общество, состоящее изъ самого Михаила Андреевича, Горданова съ подвязанною рукой, Висленева и Сумасшедшаго Бедуина, котораго Синтянина никакъ не ожидала встрѣтить и который, раскланиваясь съ нею, объявилъ, что очень радъ увидѣть ее предъ своимъ воскресеніемъ.

Несмотря на близкое присутствіе больной, гости и хо-

зяева были довольно спокойны; а Висленевъ казался даже нѣсколько искусственно оживленъ и, не глядя въ глаза Синтяниной, все заводилъ рѣчь о какомъ-то извѣстномъ ему помѣщикѣ, который благословилъ дочь-дѣвушку за женатаго и самъ ихъ выпроводилъ.

Жозефъ этимъ хотѣлъ, повидимому, оправдать свои отношенія къ сестрѣ и Горданову, но его трудъ былъ вотще: ни Синтянина и никто другой его не слушали. Разговоръ держался то около дѣлъ завода, устраиваемаго Бодростинымъ и Гордановымъ, то около водопьяновскаго «воскресенія изъ мертвыхъ», о которомъ тотъ говорилъ нынче съ особенною пріятностью.

Синтянина менѣе слушала, чѣмъ наблюдала, и ее особенно занимало, какъ Гордановъ, будучи утонченно холоденъ къ ней, въ то же время интересничалъ съ своею подвязанною рукой.

Межъ тѣмъ общій шуточный разговоръ свернулъ на нешуточный предметъ, на который чаще всего сбивались всѣ рѣчи при Водопьяновѣ: заговорили о смерти.

Синтянина находила этотъ разговоръ нѣсколько неудобнымъ для слуха больной и, вставъ, опустила тихонько дверныя портьеры. Глафира поняла это и, чтобы дать иной тонъ рѣчи, шутливо просила Водопьянова, подчуя его чаемъ, «попробовать передъ смертью положить себѣ въ этотъ чай рому», а онъ отвѣчалъ ей, что онъ «попробуетъ предъ смертью чаю безъ рому».

Глафира относилась къ Водопьянову нѣсколько свысока и вызывала его на споры о его спиритскихъ вѣрованіяхъ съ ироніей. Она какъ будто давала ему чувствовать, что *она* здѣсь настоящая спиритка, а онъ не спиритъ, а просто какой-то блажной дурачокъ. Сумасшедшій Бедуинъ нимало на это не гнѣвался, но отвѣчалъ на слова Бодростиной неохотно и болѣе говорилъ съ Филетеромъ Ивановичемъ, который, находясь здѣсь почти поневолѣ и постоянно отворачиваясь отъ Жозефа и отъ Горданова, былъ очень радъ спорить о вещахъ отвлеченныхъ и, въ качествѣ «грубаго матеріалиста

и нигилиста», не обинуясь, называлъ спиритизмъ вздоромъ и химерой. Они спорили жарко, касаясь самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Водопьяновъ ловко подбиралъ доводы къ своимъ положеніямъ; исторія гражданская и библейская давали ему бездну примѣровъ участія неизвѣстныхъ намъ силъ въ дѣлахъ смертныхъ, при чемъ онъ съ удивительною памятливостью перечислялъ эти явленія; въ философіи разныхъ эпохъ онъ черпалъ доказательства вѣчности духа и неземного его происхожденія; въ религіяхъ находилъ сходство со спиритскими вѣрованіями. Говоря о естествовѣдѣніи, намѣчалъ усовершенствованія и открытія, которыя, по его мнѣнію, уже становились на очередь: утверждалъ, что скоро должны произойти великія открытія въ аэронавтикѣ, что разъяснится сущность электрической и магнитной силъ, послѣ чего человѣческое слово сдѣлается лишнимъ, и всѣ позднѣйшіе люди будутъ понимать другъ друга безъ словъ, какъ теперь понимаютъ только влюбленные, находящіеся подъ особенно сильнымъ тяготѣніемъ противоположныхъ токовъ. Окончивъ съ землей, онъ пустился путешествовать по мірамъ и носилъ за собою слушателей; соображалъ, гдѣ какая организація должна быть пригодною для воплощеннаго тамъ духа; хвалилъ жизнь на Юпитерѣ; мечталъ, какъ онъ будетъ переселяться на планеты, и представлялъ это для человѣка такимъ высокимъ блаженствомъ, что Синтянина невольно воскликнула:

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо бы, если бъ это было такъ!

— Это непремѣнно такъ, утвердилъ Водопьяновъ:—мы воскреснемъ и улетимъ-съ!

— И если бъ умирать было легко, вставилъ Бодростинъ.

— Умирать совершенно легко, отвѣчалъ ему Свѣтозаръ.

— А зачѣмъ же болѣзнь?

— Болѣзнь это хорошо: это узелъ развязывается,—худо, если онъ рвется.

И съ этимъ онъ заговорилъ туманными фразами о томъ, что душа оставляетъ тѣло ранѣе видимой смерти; что ея

уже нѣтъ съ тѣломъ во время агоніи, и что потому-то умирать очень не трудно.

— А потомъ... потомъ, заговорилъ онъ,—если связь духа, разорвана мгновенно, какъ при насильственной смерти, то онъ не знаетъ, куда ему дѣться, и стоитъ надъ своимъ тѣломъ, слушаетъ молитвы, смотритъ на свой гробъ и сопровождаетъ свою погребальную процессію и всѣхъ безпокоитъ и самъ себя не можетъ понять.

— Онъ этакъ можетъ кого-нибудь испугать, пошутилъ Гордановъ.

— А можетъ, отвѣчалъ, вздыхая и закативъ глаза, Водопьяновъ:—очень можетъ, ужасно можетъ. Ему даже есть до этого дѣло.

Въ эту минуту на фронтонѣ дома пробило 8 часовъ. Висленевъ при первомъ звукѣ этого боя поблѣднѣлъ и хотѣлъ вынуть свои часы, но, взглянулъ на Бодростину, остановился, удержавъ руку у сердца. Въ это же мгновеніе и въ комнатѣ Лары послышался тревожный дребезжащій звонъ колокольчика.

Синтянина бросилась къ больной, и застала ее разбросавшею ледъ и одѣяло.

— Что... било восемъ часовъ? заговорила, порываясь съ постели, Лариса и, получивъ подтвержденіе, спросила Синтянину:—гдѣ братъ? гдѣ Іосафъ?

— Тамъ сидитъ, гдѣ и всѣ... за чаемъ.

— Бога ради иди же туда... иди, иди скорѣе туда, и пусть онъ будетъ тамъ, гдѣ и всѣ.

Синтянина хотѣла что-то возразить, хотѣла помочь Ларисѣ снова улечься, но та нетерпѣливо замахала рукой, и, задыхаясь, показала ей на двери.

Генеральша повиновалась и вышла, но когда она воротилась къ оставленному ею на минуту обществу, Іосафа Висленева тамъ уже не было.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Свѣтозарово воскресенье.

Исчезновеніе Жозефа смутило Александру Ивановну, но она ничего не могла сдѣлать. Не идти же ей въ самомъ дѣлѣ тревожить больную Лару. Разговоръ и безъ него продолжался не прерываясь. Бодростинъ съ Гордановымъ толковали о ихъ фабрикѣ бульона и мясныхъ консервовъ, которая служила пугаломъ для крестьянъ, приписывавшихъ нагнанному скоту начавшійся коровій падежъ.

Бодростинъ кряхтѣлъ отъ этого скотскаго падежа и съ неудовольствіемъ слушалъ разсказъ, что мужики колдуютъ, и самъ говорилъ, что когда онъ возвращался прошедшею ночью съ фабрики, его страшно перепугали бабы, которыя, несмотря на теперешніе холода, были обнажены и, распустивъ волосы, со стономъ и крикомъ опахивали деревню.

— Вотъ и нынче та же комедія: староста просилъ меня не выѣзжать въ это время.

— Отчего же?

— Чортъ ихъ знаетъ: онъ говоритъ: «не ровенъ часъ». Случай, говоритъ, гдѣ-то было, что бабы убили приказчика, который имъ попался навстрѣчу: эти дуры думаютъ, что «коровья смерть» прикидывается мужчиной. Вотъ вы, любезный Свѣтозаръ Владеновичъ, какъ спеціалистъ по этой части... Ага! да онъ спитъ.

Водопьяновъ молчалъ и сидѣлъ, закрывъ глаза и опустивъ на грудь голову.

Бодростинъ громко назвалъ Водопьянова по имени.

Сумасшедшій Бедуинъ поднялъ съ сонныхъ глазъ вѣки и, взглянувъ на всѣхъ точно онъ проспалъ столѣтіе, какъ славный Потокъ-богатырь, всталъ и пошелъ въ смежную круглую залу.

— Онъ непремѣнно исчезнетъ, пошутила Глафира и, поднявшись, пошла за нимъ слѣдомъ, но, подойдя съ улыбкой къ порогу круглой залы, внезапно отступила съ смущеніемъ назадъ и воскликнула:

— Что это такое?

Вся зала была освѣщена черезъ свой стеклянный куполъ ярко пунцовымъ свѣтомъ. Водопьянова не было, но зато старинныя кресла отъ стѣнъ пошли на средину вмѣстѣ съ ковромъ, покрывавшимъ комнату и, ударяясь другъ о друга, быстро летѣли съ шумомъ одно за другимъ внизъ.

— Великій Боже! онъ провалился въ люкъ! воскликнула Бодростина и, въ сопровожденіи подбѣжавшихъ къ ней мужа и гостей, кинулась къ прорѣзу, черезъ который увидала внизу освѣщенную тѣмъ же краснымъ освѣщеніемъ какую-то фантастическую кучу, изъ которой выбивался Сумасшедшій Бедуинъ, и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на зовъ его сверху, вышелъ въ двери смежной комнаты нижняго этажа. Онъ все это сдѣлалъ очень быстро и съ какою-то борьбой, межъ тѣмъ какъ на ярко освѣщенномъ лицѣ его сверкали рѣзкія огненныя линіи.

— Я вамъ ручаюсь, что онъ ушелъ, воскликнула, оборотясь къ мужу, Глафира, но тотъ, вмѣсто отвѣта, обратилъ вниманіе на страшное освѣщеніе комнаты.

— Это непремѣнно пожаръ! воскликнулъ онъ, бросясь къ завѣшаннымъ окнамъ, и отдернулъ занавѣсу: въ открытое окно ярко свѣтило красное зарево пожара.—И сейчасъ за рощей: это горитъ наша фабрика! Лошадь, скорѣе мнѣ лошадь!

Глафира его удерживала, но онъ ее не послушалъ, и чрезъ минуту всѣ мужчины, за исключеніемъ Горданова, бросились внизъ, а Синтянина пошла въ комнату, сосѣднюю съ той, гдѣ лежала Лариса, и, ставъ у окна за занавѣсу, начала наблюдать разгоравшійся пожаръ. Зарево становилось все ярче; и дворъ, и лѣсъ, и паркъ, — все было освѣщено какъ при самой блестящей иллюминаціи. Синтянина видѣла, какъ Михаилу Андреевичу подали бѣговыя дрожки и какъ онъ пустилъ въ карьеръ лошадь съ самаго мѣста, и въ то же самое мгновеніе она услыхала шорохъ въ круглой залѣ. Это была Бодростина и Гордановъ. Глафира пріотворила дверь и, увидавъ, что въ комнатѣ никого

нѣтъ, такъ какъ Синтянина стояла за шторой, сказала Горданову:

— Я трепещу, что этотъ дуракъ все испортитъ.

— Нѣтъ, онъ на все рѣшился и хорошо наученъ. Ужъ если удался поджогъ, то что за мудрость выскочить и стать на мосту: онъ увѣренъ, что это безопасно.

Глафира не отвѣчала.

Синтянина стояла ни жива, ни мертва за шторой: она не хотѣла ихъ подслушивать, но и не хотѣла теперь себя обнаружить, да къ этому не было уже времени, потому что въ эту минуту въ воздухѣ раздался страшный трескъ и вслѣдъ за тѣмъ такой ужасающій ревъ, что и Глафира, и Гордановъ бросились въ разныя стороны: первая—въ большой домъ, второй—въ свою комнату.

Александра Ивановна выскользнула изъ-за занавѣсы и, тщательно притворивъ дверь въ комнату больной, открыла настежь окно и въ нѣмомъ ужасѣ прислушивалась къ неописанному реву и треску, который несся по лѣсу. Ей смутно представлялись слышанныя полуслова и полунамеки; она не могла дать себѣ отчета, долго ли пробыла здѣсь, какъ вдругъ увидала бѣгущую изо всѣхъ силъ по дому человѣческую фигуру съ крикомъ: «Убился, упалъ съ моста... наповалъ убитъ!»

Въ этомъ вѣстникѣ Синтянина узнала Висленева. Его окружили нѣсколько человѣкъ и стали разспрашивать: онъ вертѣлся, вырывался и говорилъ торопливымъ голосомъ: «Да, да; я видѣлъ: всѣ кости какъ въ мѣшкѣ».

И съ этимъ онъ вырвался и побѣжалъ въ домъ, а изъ лѣса показалась толпа людей, которые несли что-то тяжелое и объемистое.

У Синтяниной замерло дыханіе.

«Кончено, думала она, кончено! Вотъ эти намеки: Бодростина нѣтъ болѣе на свѣтѣ!»

Но она ошиблась: изъ толпы, несшей тяжелую ношу, выдѣлился Форовъ и кричалъ навстрѣчу бѣжавшимъ изъ дома людямъ и встревоженной Глафирѣ:

— Успокойтесь, успокойтесь! Есть бѣда, но не та: здѣсь вышла ошибка.

— Какъ, что? Какая ошибка! Это вздоръ: не можетъ быть ошибки! отвѣчалъ ему Висленевъ, увлекая впередъ подъ руку дрожащую Глафиру.

— Господа, это ошибка! повторилъ Форовъ: — Михаилъ Андреевичъ живъ, а это упалъ съ моста и до смерти расшибся Водопьяновъ. Его лошадь чего-то испугалась и слетѣла съ нимъ вмѣстѣ подъ мостъ на камни съ восьмисаженной высоты. И вотъ онъ: смотрите его: да, онъ и лошадь мертвы, но его мальчишка даетъ еще признаки жизни.

Межъ тѣмъ это «темное и объемистое», что несли за Форовымъ, пронесли за самымъ окномъ, и это былъ трупъ Свѣтозара Владеновича.

Вслѣдъ за этимъ ѣхалъ сзади самъ живой Бодростинъ и, громко крича на людей, приказывалъ «нести *это* въ контору».

— Болванъ! послышалось съ зубнымъ скрежетомъ съ боку Синтяниной.

Она оглянулась и увидѣла въ смежномъ окнѣ голову Горданова, который тотчасъ же хлопнулъ рамой и спрятался.

Какъ и что такое случилось?

Говорили, что покойникъ, выйдя изъ дому, позвалъ своего мальчика, сѣлъ на дрожки и поѣхалъ по направленію къ горящей фабрикѣ, гдѣ ему лежала дорога домой, и благополучно достигъ узкаго моста черезъ крутой, глубочайшій оврагъ, усѣянный острыми камнями. Но здѣсь лошадь его чего-то испугалась, взвилась на дыбы, кинулась въ сторону; перила ея не удержали, и она слетѣла внизъ и убилась, и убила и сѣдоковъ.

— Да и какъ не убиться, разсуждали объ этомъ люди— когда оттуда камень кинешь, такъ чуть не сто перечтешь, пока онъ долетитъ до низу.

— Но чего же могла испугаться лошадь?

Бабы, которыя, колдуя, опахивали коровью смерть на полѣ, откуда мостъ былъ какъ на ладони, видѣли, что на

мостъ выбѣжало что-то бѣлое и затѣмъ все уже оставалось покрыто мракомъ.

Въ домѣ повторяли: «какой ужасный случай!»

И это, дѣйствительно, былъ случай, но не совсѣмъ случайный, какъ думала Синтянина и какъ еще тверже знала Лариса: это была только *ошибка*.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дѣло темной ночи.

Внезапная смерть Водопьянова произвела самое тягостное впечатлѣніе не только на весь бодростинскій домъ, но и на все село. Это была словно прелюдія къ драмѣ, которая ждалась издавна и представлялась неминучею. Въ селѣ опять были вспомянуты всѣ злыя предзнаменованія: и раки, выползавшіе на берегъ, и куцый мундиръ Бодростина съ разрѣзанною спиной.

Всѣ становились суевѣрными, не исключая даже невѣрующихъ. Заразительный ужасъ, какъ волны, заходилъ по дому и по деревнѣ, на которую недавно налегла бѣда отъ коровьей смерти, — великаго несчастія, приписываемаго крестьянами нагону сборнаго скота на консервную фабрику и необычному за нимъ уходу. Ко всему этому теперь являлось подозрѣніе, что пожаръ—не случайность, что крестьяне, вѣроятно, подожгли заводъ со злости и можетъ быть нарочно разобрали перила моста, чтобы погубить такимъ образомъ Михаила Андреевича.

Висленевъ высчитывалъ все это какъ по писанному, и Бодростинъ находилъ эти разсчеты вѣроятными.

Азартъ пророчества, овладѣвшій Висленевымъ, былъ такъ великъ, что Глафира даже сочла нужнымъ замѣтить, что вѣдь онъ сумасшедшій, но мужъ остановилъ ее, сказавъ, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего сумасшедшаго.

Въ городъ было послано немедленно извѣстіе о необычайномъ происшествіи. Тѣло Сумасшедшаго Бедуина положено въ конторѣ и къ нему приставленъ караулъ; въ домѣ

и въ деревнѣ никто не спалъ. Михаилъ Андреевичъ сидѣлъ съ женой и разсказывалъ, какъ, по его соображенію, могло случиться это ужасное несчастіе съ Водопьяновымъ. Онъ былъ увѣренъ, что лошадь покойнаго испугалась бабьяго обхода и, поднявшись на дыбы, бросилась въ сторону и опрокинулась за перила, которыя не были особенно крѣпки и которыя, какъ ему донесли, найдены тамъ же подъ мостомъ совершенно изломанными. Впрочемъ, Михаилъ Андреевичъ былъ гораздо болѣе занятъ своимъ сгорѣвшимъ заводомъ и пропажей разбѣжавшихся по лѣсамъ быковъ. Они сорвались во время пожара и въ перепугѣ и бѣшенствѣ ударились по лѣсамъ, что и было причиной того адскаго рева и треска, который несся, какъ ураганъ, предъ вѣстью о смерти бѣднаго Водопьянова.

Шумъ разбудилъ и уснувшую было Лару. Она проснулась и, будучи не въ силахъ понять причины слышанныхъ звуковъ, спросила о нихъ горничную. Та проговорилась ей о происшедшемъ. Лариса схватила свою голову и, вся трепеща, увѣряла, что ее покидаетъ разсудокъ и что она хочетъ приготовить себя къ смерти: она требовала къ себѣ священника, но желала, чтобъ о призывѣ его не знали ни Бодростины, ни братъ ея, ни Гордановъ. Форовъ взялся это устроить: онъ ушелъ очень рано и въ десятомъ часу утра уже вернулся съ Евангеломъ.

«Поэтическій попъ», не подавая виду, что онъ пришелъ по вызову, пронесъ дароносицу подъ рясой; но какъ онъ ни былъ остороженъ, Гордановъ почуялъ своимъ тонкимъ чувствомъ, что отъ него что-то скрываютъ, и не успѣла Синтянина оставить больную со священникомъ въ комнатѣ, какъ Павелъ Николаевичъ вдругъ вышелъ въ перепугѣ изъ своей комнаты и торопливо направился прямо къ Ларисиной двери. Это было очень неожиданно, странно и не ловко. Синтянина, только что присѣвшая было около работавшей здѣсь горничной, тотчасъ же встала и сказала ему по-французски: «вамъ туда нельзя взойти»

— Отчего это? отозвался Гордановъ на томъ же языкѣ.

— Отъ того, что вы тамъ теперь лишній, и съ этимъ генеральша заперла дверь на замокъ и, опустивъ ключъ въ карманъ своего платья, сѣла на прежнее мѣсто и стала говорить съ дѣвушкой о ея шитьѣ.

Гордановъ тихо отошелъ, но черезъ минуту снова появился изъ своей комнаты и сказалъ:

— Строго говоря, милостивая государыня, вы едва ли имѣете право дѣлать то, что вы дѣлаете.

Синтянина не отвѣтила.

Онъ прошелся по комнатѣ и снова повторилъ то же самое, но гораздо болѣе рѣзкимъ тономъ и добавилъ:

— Вы вѣрно позабыли, что вашъ мужъ теперь уже не имѣетъ болѣе средствъ ни ссылать, ни высылать.

Синтянина посмотрѣла на него долгимъ, пристальнымъ взглядомъ и сказала, подчеркивая свои слова, что она всегда дѣлаетъ только то, на что имѣетъ право, и находитъ себя и теперь въ правѣ замѣтить ему, что онъ поступаетъ очень неосторожно, вынувъ изъ-за перевязи свою раненую руку и дѣйствуя ею, какъ здоровою.

Гордановъ смѣшался и быстро сунулъ руку за перевязь. Онъ былъ очень смѣшонъ: спѣсь и наглый видъ соскочили съ него, какъ позолота.

— Вы не знаете моихъ правъ на нее, прошипѣлъ онъ.

— Я и не хочу ихъ знать, отвѣтила сухо генеральша.

— Нѣтъ, еслибы вы узнали *все*, вы бы со мною такъ не говорили, потому что я имѣю права...

Въ эту минуту отецъ Евангелъ постучался изъ Ларисиной комнаты. Синтянина повернула ключъ и, выпустивъ блѣднаго и разстроеннаго Евангела, сама ушла къ больной на его мѣсто.

Лариса казалась значительно успокоившеюся: она пожала руку Синтяниной, поблагодарила ее за хлопоты и еще разъ прошептала:

— Не оставляй меня, Бога ради, пока я умру или въ силахъ буду отсюда уѣхать.

Генеральша успокоила, какъ умѣла, больную и весь день

не выходила изъ ея комнаты. Наступилъ вечеръ. Утомленная Александра Ивановна легла въ постель и уснула. Вдругъ ее кто-то толкнулъ. Она пробудилась и, къ удивленію, увидѣла Ларису, которая стояла предъ нею блѣдная, слабая, едва держась на ногахъ.

Вокругъ царствовала глубочайшая тишина, посреди которой Синтянина, казалось, слышала робкое и скорое біеніе сердца Лары. По комнатѣ слабо разливался свѣтъ ночной лампады, который едва позволялъ различать предметы. Молодая женщина всматривалась въ лицо Ларисы, прислушивалась и, ничего не слыша, рѣшительно не понимала, для чего та ее разбудила и заставляетъ ее знаками молчать.

Но вотъ гдѣ-то вдали глухо прозвучали часы. По едва слышному, но крѣпкому металлическому тону старой пружины, Синтянина сообразила, что это пробили часы внизу, въ той большой комнатѣ, куда въ приснопамятный вечеръ провалился Водопьяновъ, и только что раздался послѣдній ударъ, какъ послышался какой-то глухой шумъ. Лара крѣпко сжала руку Синтяниной и, приложивъ палецъ къ своимъ губамъ, шепнула: «слушай!» Синтянина привстала, приблизила ухо къ открытому отверстію печного отдушника, на который указала Лариса, и, напрягая слухъ, стала вслушиваться. Сначала ничего нельзя было разобрать, кромѣ гулу, отдававшагося отъ двухъ голосовъ, которые говорили между собою въ круглой залѣ; но мало-по-малу стали долетать членораздѣльные звуки и наконецъ явственно раздалось слово «ошибка».

Это былъ голосъ Висленева.

— Ну, такъ теперь терпи, если ошибся, отвѣчалъ ему Гордановъ.

— Нѣтъ, я уже два года кряду терпѣлъ и болѣе мнѣ надоѣло терпѣть приходить въ роли сумасшедшаго.

— Надоѣло! ты еще не пивши говоришь уже что кисло.

— Да, да, не пивши... именно, не пивши: мнѣ надоѣло стоять по уста въ водѣ и не смѣть напиться. Я одурѣлъ и отупѣлъ въ этой вѣчной истомѣ и вижу, что я служу

только игрушкой, которую заводятъ то на спиритизмъ, то на сумасшествіе... Я, по ея милости, сумасшедшій... Понимаешь: кровь, голова... все это горитъ, сердце... у меня уже сдѣлалось хроническое трепетаніе сердца, пульсъ постоянно дрожитъ какъ струна, и все вокругъ мутится, все путается, и я какъ сумасшедшій; между тѣмъ какъ она загадываетъ мнѣ загадку за загадкой, какъ сказочная царевна Ивану-дурачку.

— Но нельзя же, милый другъ, чтобы такая женщина, какъ Глафира, была безъ своихъ капризовъ. Вѣдь всѣ онѣ такія, красавицы-то.

— Ну, лжешь, моя сестра не такая.

— А почему ты знаешь?

— Я знаю, я вижу: ты изъ нея что хочешь дѣлаешь, и я тебѣ помогалъ, а ты мнѣ не хочешь помочь.

— Какой чортъ вамъ можетъ помочь, когда вы другъ друга упрямѣе: она своею вѣрой прониклась, и любитъ человѣка, а не хочетъ его осчастливить безъ брака, а ты не умѣешь ничего устроить.

— Я устроилъ-съ, устроилъ: я жизнью рисковалъ: еслибъ это такъ не удалось, и лошадь не опрокинулась, то Водопьяновъ могъ бы меня смять и самого въ пропасть кинуть.

— Разумѣется могъ.

— Да и теперь еще его мальчикъ живъ и можетъ выздоровѣть и доказать.

— Ну, зачѣмъ же это допустить?

— Да; я и не хочу этого допустить. Дай мнѣ, Паша, яду.

— Зачѣмъ? чтобы ты опять ошибся?

— Нѣтъ я не ошибусь.

— Ну, то-то: Михаилу Андреевичу и безъ того недолго жить.

— Недолго! нѣтъ-съ, онъ такъ привыкъ жить, что, пожалуй, еще десять лѣтъ протянетъ.

— Да, десять-то, пожалуй, протянетъ, но ужъ не больше.

— Не больше! не больше, ты говоришь? Но развѣ можно ждать десять лѣтъ?

— Это смотря по тому, какова твоя страсть?

— Какова страсть! воскликнулъ Висленевъ.—А вотъ-съ какова моя страсть, что я его этимъ на сихъ же дняхъ покончу.

— Ты дѣйствуешь очертя голову.

— Все равно, мнѣ все равно: я ужъ самъ себѣ надоѣлъ: я не хочу болѣе слыть сумасшедшимъ.

— Межъ тѣмъ какъ въ этомъ твое спасеніе: этакъ ты хоть и попадешься, такъ тебя присяжные оправдаютъ, но я тебѣ не совѣтую, и ядъ тебѣ далъ для мальчишки.

— Ладно, ладно,—твое дѣло было дать, а я распоряжусь, какъ захочу.

— Ну, чортъ тебя возьми,—ты въ самомъ дѣлѣ какая-то отчаянная голова.

— Да, я на все рѣшился.

Щелкнулъ дверной замокъ, и руки Ларисы вторили ему, щелкнувъ въ своихъ суставахъ.

— Ты поняла? спросила она, сдѣлавъ надъ ухомъ Синтяниной трубку изъ своихъ холодныхъ ладоней.

Та сжала ей въ отвѣтъ руки.

— Такъ слушай же, залепетала ей на ухо Лара.—Точно такъ они говорили за четыре дня назадъ: братъ хотѣлъ взбунтовать мужиковъ, зажечь заводъ и выманить Бодростина, а мужики убили бы его. Потомъ третьяго дня онъ опять приходилъ въ два часа къ Горданову и говорилъ, что на мужиковъ не надѣется и хочетъ самъ привести планъ въ исполненіе: онъ хотѣлъ выскочить изъ куста навстрѣчу лошади на мосту и разсчитывалъ, что это сойдетъ ему, потому что его считаютъ помѣшаннымъ. Вчера жертвой этого сталъ Водопьяновъ, завтра будетъ мальчикъ, послѣзавтра Бодростинъ... Это ужасно! ужасно!

— Лара! скажи же мнѣ, зачѣмъ ты здѣсь: зачѣмъ ты съ ними?

Больная заломала руки и прошипѣла:

— Я не могу иначе.

— Почему?

— Это тайна: этотъ дьяволъ связалъ меня съ собою.

— Разорви эту тайну.

— Не могу: я низкая, гадкая женщина, у меня нѣтъ силы снести наказаніе и срамъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, отчего ты больна?

— Отъ страха, отъ ужасныхъ открытій, что я была женой честнаго человѣка и теперь жена разбойника.

— Жена!.. Ты сказала «жена?»

— Н....да, нѣтъ, но это все равно.

— Совсѣмъ не все равно.

— Ахъ, нѣтъ, оставь объ этомъ... Я испугалась, узнавъ, что онъ раненъ,—залепетала Лара, стараясь замять вопросы Александры Ивановны, и разсказала, что она попала сюда по требованію Горданова. Здѣсь она убѣдилась, что онъ не имѣетъ никакой раны, потомъ услыхала переговоры Горданова съ братомъ, съ которымъ они были притворно враги и не говорили другъ съ другомъ, а ночью сходились въ нижней залѣ и совѣщались. Взволнованная Лариса кинулась, чтобы помѣшать имъ, и упала въ тотъ самый люкъ, куда тихо сползъ съ ковромъ Водопьяновъ, но она не была такъ счастлива, какъ покойный Свѣтозаръ, и сильно повредила себѣ плечо.

— И потомъ, добавляла она,—они съ братомъ... угрожали мнѣ страшными угрозами... и я вызвала тебя и дядю... Они боятся тебя, твоего мужа, дядю и Евангела... Они васъ всѣхъ оклевещутъ.

— Пустяки,—отвѣчала генеральша,—пустяки: намъ они ничего не могутъ сдѣлать; но этого такъ оставить нельзя, когда людей убиваютъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Предъ послѣднимъ ударомъ.

Атмосфера бодростинскаго дома была Синтянинной невыносима и она всячески желала разстаться съ этимъ гнѣз-

домъ. Утромъ горничная Глафиры Васильевны доставила Александрѣ Ивановнѣ записку, въ которой хозяйка, жалуясь на свое разстроенное состояніе, усердно просила гостью навѣстить ее. Отказать въ этомъ не было никакого основанія, и генеральша, приведя въ порядокъ свой туалетъ, отправилась къ Бодростиной. Лара тѣмъ временемъ также хотѣла привести себя въ порядокъ. Больной, казалось, было лучше, то-есть она была крѣпче на ногахъ и менѣе нервна, но зато болѣе пасмурна, несообщительна и тѣмъ сильнѣе напоминала собою прежнюю Лару.

Такъ отозвалась о ея здоровьѣ Бодростиной Синтянина, когда онѣ сѣли вдвоемъ за утренній кофе въ Глафириномъ кабинетѣ.

Бодростина казалась нѣсколько утомленною, что было и не диво для такого положенія, въ которомъ находились дѣла; однако же она дѣлала надъ собою усилія и въ своей любезности дошла до того, что, усаживая Синтянину, сама подвинула ей подъ ноги скамейку. Но предательскій лѣвый глазъ Глафиры не хотѣлъ гармонировать съ мягкостью выраженія другого своего товарища и вертѣлся, и юлилъ, и шпилилъ собесѣдницу, стараясь проникать сокровеннѣйшіе углы ея души.

Глафира говорила о Ларѣ въ тонѣ мягкомъ и снисходительномъ, хотя и не безобидномъ; о Гордановѣ—съ презрѣніемъ, близкимъ къ ненависти, о Висленевѣ—съ жалостью и съ ироніей, о своемъ мужѣ—съ величайшимъ почтеніемъ.

— Одна его безконечная терпимость можетъ обернуть къ нему всякое сердце, говорила она, давая сквозь эти слова чувствовать, что ея собственное сердце давно оборотилось къ мужу.

Безцѣльный и безсодержательный разговоръ этотъ докончилъ тягостное впечатлѣніе бодростинскаго дома на генеральшу, и она, возвратясь къ Ларисѣ, объявила ей, что желаетъ непремѣнно съѣздить домой.

Къ удивленію Синтяниной, Лара ей ни мало не противорѣчила: напротивъ, она даже какъ будто сама выживала

ее. Такія быстрыя и непостижимыя перемѣны были въ характерѣ Ларисы, и генеральшѣ оставалось воспользоваться новымъ настроеніемъ больной. Она сказала Ларѣ, что будетъ навѣщать ее, и уѣхала безъ всякихъ уговоровъ и удержекъ со стороны Ларисы. Съ той что-то подѣлалось въ тѣ полтора-два часа, которые Синтянина просидѣла съ Бодростиной. Въ этомъ и не было ошибки: тотчасъ по уходѣ Синтянниной, Лара, едва держась на ногахъ, вышла изъ комнаты и черезъ часъ возвратилась вся блѣдная, разстроенная и упала въ кресло, сжимая рукой въ карманѣ блузы небольшой бумажный сверточекъ. Это, по ея соображеніямъ, былъ тотъ самый ядъ, о которомъ братъ ея разговаривалъ ночью съ Гордановымъ. Лара похитила этотъ ядъ съ тѣмъ, чтобъ устранить преступленіе; но, рѣшаясь на этотъ шагъ, она не имѣла силы владѣть собою, и потому, когда къ ней заглянулъ въ двери Гордановъ, она сразу почувствовала себя до того дурно, что тотъ бросился, чтобы поддержать ее и безъ умысла взялъ ее за руку, въ которой была роковая бумажка.

Лара вскрикнула и, борясь между страхомъ и слабостью, пыталась взять ее назадъ.

— Отдай, —говорила она,—отдай мнѣ это... я уничтожу...

— А ты это взяла сама?

Лара молчала.

— Ты это сама взяла?.. Какъ ты узнала, что это такое?

— Это ядъ.

— Какъ ты узнала это, несчастная?

— Здѣсь все слышно.

Гордановъ торопливо высыпалъ за форточку порошокъ и, разорвавъ на мелкіе кусочки бумажку, пристально посмотрѣлъ на стѣны Ларисиной комнаты, и, поровнявшись съ мѣднымъ печнымъ отдушникомъ, остолбенѣлъ: черезъ этотъ отдушникъ слышно было тихое движеніе мягкой щетки, которою слуга мелъ круглую залу въ нижнемъ этажѣ павильона.

«Вотъ такъ штука»,—подумалъ Гордановъ и спросилъ Ларису, гдѣ эту ночь спала Синтянина. Узнавъ, что она

спала именно здѣсь, вблизи этого акустическаго отверстія, Гордановъ прошипѣлъ:

— Такъ и она слышала?

Лариса молчала.

— И кто же, она или ты рѣшили взять это?

Гордановъ указалъ на окно, за которое выбросилъ порошокъ.

Лара молчала.

— Она или ты?—повторилъ Гордановъ.—Что же, скажете вы или нѣтъ? Слышите, Лара?

— Она,—прошептала Лариса.

— Ага!

И Гордановъ вышелъ, вскорѣ смѣненный Александрой Ивановной, на которую Ларисѣ теперь было неловко и совѣстно смотрѣть и за которую она даже боялась.

Вотъ въ чемъ заключалась причина непонятной перемѣны въ Ларисѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Воръ у вора дубинку укралъ.

Александра Ивановна, рѣшивъ, что всего случившагося нельзя оставлять безъ вниманія, напрасно ломала голову, какъ открыть мужу то, что она слышала и чего боялась. Генералъ встрѣтилъ ее тѣмъ, что просилъ успокоиться и сказалъ, что ему все извѣстно. И съ этихъ поръ она убѣдилась, что мужъ ея, дѣйствительно, все знаетъ. Прошелъ мѣсяцъ, Александра Ивановна наслаждалась тишиной своего домашняго житья-бытья, которое, ей казалось, стало тихимъ и пріятнымъ послѣ пребыванія въ бодростинскомъ домѣ, откуда порой лишь доходили до нея нѣкоторыя новости.

Но одно, повидимому, весьма простое обстоятельство смутило и стало тревожить Александру Ивановну. Вскорѣ по возвращеніи ея отъ Бодростиныхъ, Иванъ Демьяновичъ получилъ изъ Петербурга письмо, котораго, разумѣется, никому не показалъ, но сказалъ, что это пишетъ ему какой-то

его старый другъ Семенъ Семеновичъ Ворошиловъ, который будто-бы ѣдетъ сюда въ ихъ губернію, чтобы купить здѣсь себѣ на старость лѣтъ небольшое имѣньице на деньги, собранныя отъ тяжкихъ и честныхъ трудовъ своей жизни.

Въ извѣстіи этомъ, какъ видимъ, не было ничего необыкновеннаго, но оно смутило Александру Ивановну, частію по безотчетному предчувствію, а еще болѣе по тому особенному впечатлѣнію, какое письмо этого «нѣкоего Ворошилова» произвело на генерала, ожививъ и наэлектризовавъ его до того, что онъ, несмотря на свои немощи, во что бы то ни стало, непремѣнно хотѣлъ ѣхать встрѣчать своего друга въ городъ. Александрѣ Ивановнѣ стоило бы большого труда удержать мужа отъ этой поѣздки, да можетъ-быть она въ этомъ и вовсе не успѣла бы, если бы, къ счастію ея, подъ тотъ день, когда генералъ ожидалъ пріѣзда Ворошилова, у воротъ ихъ усадьбы позднимъ вечеромъ не остановился извозчичій экипажъ, изъ котораго вышелъ совершенно незнакомый человѣкъ. Гость былъ мужчина лѣтъ подъ пятьдесятъ, плотный, высокаго роста, гладко выбритый, въ старомодномъ картузѣ съ коричневымъ бархатнымъ околышемъ и въ старомодной шинели съ капишономъ.

Онъ обратился съ вопросомъ къ встрѣтившему его на дворѣ работнику и затѣмъ прямо направился къ крыльцу.

— Кто бы это такой? вопросила Александра Ивановна, глядя на дверь, въ которую долженъ былъ войти незнакомецъ.

Сидѣвшій тутъ же генералъ не могъ отвѣтить женѣ на этотъ вопросъ и только пожалъ плечами и всталъ съ мѣста.

Александрѣ Ивановнѣ показалось, что мужъ ея находится въ нѣкоторомъ смущеніи, и она не ошиблась. Когда гость появился въ передней и спросилъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ генерала, тотъ, стоя на порогѣ зальной двери, въ недоумѣніи отвѣтилъ:

— Я самъ-съ, къ вашимъ услугамъ. Съ кѣмъ имѣю честь видѣться?

— Карташовъ, тихо произнесъ гость, глядя черезъ свои золотые очки.

Звукъ этой фамиліи толкнулъ генерала, какъ электрическая искра. Онъ живо протянулъ пріѣзжему руку и произнесъ:

— Я васъ ждалъ завтра.

— Я поторопился и пріѣхалъ ранѣе.

— Прошу васъ въ мой кабинетъ.

И гость, и хозяинъ скрылись въ маленькую комнату, куда генералъ потребовалъ свѣчи, и сюда же ему и гостю подавали чай.

Бесѣда ихъ продолжалась очень долго, и генеральша, посылая туда стаканы чая, никакъ не могла себѣ уяснить, что это за господинъ Карташовъ, про котораго она никогда ничего не слыхала.

Ближе видѣть этого гостя ей не удалось: онъ уѣхалъ поздно, прямо изъ кабинета, и въ залъ не входилъ.

На другое утро Александра Ивановна полюбопытствовала спросить о немъ и получила отъ мужа отвѣтъ, что это и есть тотъ самый его пріятель, котораго онъ ожидалъ.

«Старый пріятель, и между тѣмъ они встрѣтились такъ, какъ будто въ глаза одинъ другого никогда не видали... Нѣтъ, это что-нибудь не такъ», подумала генеральша и, поглядѣвъ въ глаза мужу, спросила его:—какъ же это онъ называлъ своего пріятеля Ворошиловымъ, когда этотъ носитъ фамилію Карташовъ?

— Ну ужъ такъ-съ, отвѣчалъ генералъ.—А впрочемъ, я не помню, чтобъ онъ называлъ себя Карташовымъ?

— Но я это слышала.

— Могла ослышаться.

— Такъ какая жъ его настоящая фамилія: Карташовъ или Ворошиловъ?

— Ворошиловъ-съ, Ворошиловъ, Семенъ Семенычъ Ворошиловъ, прекраснѣйшій человѣкъ; онъ завтра у насъ бу-

детъ обѣдать, и съ нимъ пріѣдетъ еще его землемѣръ, простой очень человѣкъ.

— И у того двѣ фамиліи?

— Нѣтъ-съ, одна; его зовутъ Андрей Парфенычъ Перушкинъ.

Генеральша улыбнулась.

— Что же тутъ смѣшного?

— Такъ, я думаю объ этой фамиліи.

— Фамилія самая обыкновенная.

— Даже очень мягкая и пріятная. Я читала, что Крыловъ одинъ разъ нарочно напялъ себѣ квартиру въ домѣ, хозяинъ котораго назывался Блиновъ. Ивану Андреевичу очень понравился звукъ этой фамиліи, и онъ рѣшилъ, что это непремѣнно очень добрый человѣкъ.

— А вышло что?

— А вышло, что это былъ большой сутяга и плутъ.

— Вотъ какъ! Ну, разумѣется, фамиліи Бодростинъ, или Гордановъ, или Висленевъ гораздо лучше звучатъ, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ генералъ, не отвыкшій ядовито досадовать на свою кантонистскую фамилію.

Этимъ разговоръ о новопріѣзжихъ гостяхъ и окончился, а на другой день они приножаловали сами, и большой Ворошиловъ въ своихъ золотыхъ очкахъ и въ шинели, и Андрей Парфеновичъ Перушкинъ, маленькій кубарикъ, съ крошечными, острыми коричневыми глазками, съ толстыми, выпуклыми пунцовыми щечками, какъ у рисованнаго амура. Они пріѣхали вмѣстѣ и привезли съ собой что-то длинное, завернутое въ рогожу, и прямо съ этою кладью проникли опять въ кабинетъ Ивана Демьяновича, гдѣ и оставались до самаго обѣда. Александра Ивановна увидала ихъ только за столомъ и не могла перестать удивляться, что ни Ворошиловъ вовсе не похожъ на помѣщика, а весь типичный петербургскій чиновникъ стариннаго закала, ни Перушкинъ не отвѣчаетъ приданной ему землемѣрской профессіи, а имѣетъ всѣ пріемы и замашки столичнаго мѣщанина изъ разряда занимающихся хожденіемъ по дѣламъ.

Впрочемъ, оба они были несомнѣнно люди умные, ловкіе и, что называется, «бывалые» и немножко оригиналы. Особенно такимъ можно назвать было Перушкина, который казался человѣкомъ беззаботнѣйшимъ и невиннѣйшимъ: зналъ бездну анекдотовъ, умѣлъ ихъ разсказывать; ядовито острилъ простонароднымъ языкомъ и овладѣлъ вниманіемъ глухонѣмой Вѣры, показывая ей разные фокусы съ кольцомъ, которое то исчезало изъ его сжатой руки, то висѣло у него на лбу, то моталось на спаленной ниткѣ.

Генералъ послѣ бесѣды съ этими гостями былъ необыкновенно веселъ: румянецъ полосами выступалъ у него вверху щекъ, онъ точно скинулъ съ костей десять лѣтъ и даже бравировалъ, шаркая ногами и становясь предъ открытою форткой.

Ворошиловъ оказался тоже человѣкомъ крайне любезнымъ: онъ говорилъ съ генеральшей такъ, какъ будто давно зналъ ее, и просилъ у нея фотографическую карточку, чтобъ отослать своей женѣ, но Синтянина ему въ этомъ должна была отказать, потому что она съ прошлаго года не дѣлала своихъ портретовъ, и послѣдній отдала Ларѣ, которая желала его имѣть.

Послѣ обѣда гости снова заперлись въ кабинетѣ съ генераломъ, а вечеромъ Перушкинъ, для забавы Вѣры, магнетизировалъ пѣтуха, бралъ голою рукой раскаленную самоварную канфорку, показывалъ, какъ можно лить фальшивыя монеты съ помощью одной распиленной колодочки и, измявъ между ладонями мякишъ неклеваннаго хлѣба, изумительно отчетливо оттиснулъ на клочкѣ почтовой бумажки водянистую сѣть ассигнаціи.

Наблюдая этого занимательнаго человѣка, Александра Ивановна совсѣмъ перестала вѣрить, что онъ землемѣръ, и имѣла къ тому основанія, хотя и Ворошиловъ, и Перушкинъ говорили при ней немножко объ имѣніяхъ и собирались съѣздить къ Бодростину, чтобы посовѣтоваться съ нимъ объ этомъ предметѣ: но явилось новое странное обстоятельство, еще болѣе убѣдившее Синтянину, что всѣ эти разговоры о по-

купкѣ имѣнія не болѣе какъ выдумка, и что цѣль пріѣзда этихъ господъ совсѣмъ иная.

Обстоятельство это заключалось въ томъ, что къ генеральшѣ на другой день пришелъ Форовъ и, увидя Ворошилова и Перушкина, началъ ее увѣрять, что онъ видѣлъ, какъ эти люди въѣзжали съ разносчиками въ бодростинскую деревню.

— Что вы за вздоръ говорите, майоръ?

— Истина, истина: я самъ ихъ видѣлъ и не могу ихъ не узнать, несмотря на то, что они гримированы мастерски и костюмировались такъ, какъ будто цѣлый вѣкъ проходили въ тулупахъ: эти лица были ваши гости Ворошиловъ и Перушкинъ. Я поздравлю васъ: мы въ средѣ самыхъ достопочтенныхъ людей. И майоръ захохоталъ и добавилъ:— воръ у вора дубинку-съ крадетъ! Генеральша хотѣла спросить мужа, что значитъ этотъ непонятный маскарадъ, цѣль и значеніе котораго Иванъ Демьяновичъ непремѣнно зналъ, но рѣшила лучше не спрашивать, потому что все равно ничего бы не узнала.

Между тѣмъ всякій день приносилъ ей новыя подозрѣнія. Такъ, прислуга, отодвигая отъ стѣны на средину комодъ въ кабинетѣ генерала, набрела на тѣ палки, которыя привезли Ворошиловъ и Перушкинъ, и генеральша, раскрывъ машинально рогожу, въ которую онѣ были увернуты, открыла, что эти палки не что иное, какъ перила моста, съ котораго упалъ Водопьяновъ. Одни концы этихъ палокъ изломаны, другіе же—гладко отрѣзаны пилой и припечатаны тремя печатями, изъ которыхъ въ одной Александрѣ Ивановнѣ не трудно было узнать печать ея мужа. Далѣе въ этомъ же свертокѣ нашлась и маленькая ручная пила съ щегольскою точеною ручкой... Что все это за таинственности? Генеральша ждала со дня на день Форову, но та не пріѣзжала сама и ничего не писала изъ Петербурга.

Ворошиловъ и Перушкинъ два дня не являлись, но зато изъ бодростинскихъ палестинъ пришли вѣсти, что у крестьянъ совсѣмъ погибаетъ весь скотъ, и что они прихо-

дили гурьбой къ Бодростину просить, чтобъ онъ выгналъ изъ села остатки своего фабричнаго скота. Бодростинъ ихъ прогналъ; былъ большой шумъ, и въ дѣло вмѣшался чиновникъ, разслѣдовавшій причины смерти Водопьянова, и грозилъ послать въ городъ за военною командой. По селу, говорятъ, бродятъ какіе-то знахари и заговорщики и между ними будто бы видѣли Висленева, который тоже совсѣмъ присталъ къ чародѣямъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Огненный змѣй.

Вблизи бодростинской усадьбы есть Аленинъ Верхъ. Это большая котловина среди дремучаго лѣса. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ не отборный, а мѣшанный, и оттого, что ни дерево, то и своя особая физіономія и фигура: тутъ коренастые серьезные дубы, пахучія липы, въ цвѣтахъ которыхъ лѣтомъ гудятъ рои пчелъ, косматая ива, осины, клены, березы, дикая яблонь, черемуха и рябина,—все это живетъ здѣсь рядомъ, и оттого здѣшняя зелень пестра, разнообразна и дробится на множество оттѣнковъ. Теперь, осенью, разумѣется, не то: суровые вѣтры оборвали и разнесли по полямъ и оврагамъ убранство деревьевъ, но и бѣлое рубище, въ которое облекла ихъ приближающаяся зима, на каждаго пала по своему: снѣговая пыль, едва кое-гдѣ мелкими точками сѣвшая по гладкимъ вѣтвямъ липъ и строгамъ дубовъ, сверкаетъ серебряною пронизью по сплетенію ивы; кучами лежитъ она на грушахъ и яблоняхъ, и длинною возжей повисла вдоль густыхъ, тонкихъ прутьевъ плакучей березы. Совсѣмъ иначе разсеребрила эта бѣлая пороша поднизи елей и сосенъ, и еще иначе запорошила она мохнатые, зеленые кусты низкаго дрока и рослой орѣшины, изъ-за которыхъ то здѣсь, то тамъ выглядывали красныя кисти рябины.

Таковъ былъ этотъ лѣсъ тою порой, когда бодростинскіе крестьяне собрались добывать въ немъ *живой огонь*, который, по народному повѣрью, долженъ былъ *попалить коровью смерть*.

Добываніе огня какъ послѣднее, крайнее и притомъ несомнѣнно дѣйствительное средство было нѣсколько дней тому назадъ: мѣсто для этого было избрано на большой луговинѣ, гдѣ стояла лѣсничья избушка. Это было широкое, ровное мѣсто, окруженное съ трехъ сторонъ рослыми деревьями и кустами, тогда какъ съ четвертой его стороны шла проѣзжая дорога. За этимъ проселкомъ начинался пологій скатъ, за которымъ ниже разстилалась обширная ровная площадь, покрытая лѣтомъ густою шелковистою травой, а теперь заледенѣвшая и скрытая сплошь снѣжнымъ налетомъ: это бездонное болото, изъ котораго вытекаетъ рѣка.

Временемъ для добыванія огня назначался вечеръ Михайлова дня. Сельскіе знахари и звѣздочеты утверждаютъ, что огонь, добытый въ этотъ день чествованія перваго архангела небесныхъ воинствъ, непобѣдимъ и всемогущъ, какъ часть огненной силы покорныхъ великому стратигу ополченныхъ духовъ.

Пять дней тому назадъ, стариковскою радой, собравшеюся на задокъ за половнями, было рѣшено на Михайловъ день уничтожить весь старый огонь и добыть новый, живой, изъ «непорочнаго дерева».

Тайнодѣйствіе это всѣмъ селомъ ждалось не безъ нетерпѣнія и не безъ священнаго страха: о немъ шли тихія рѣчи вечерами въ избахъ, освѣщенныхъ лучиной, и такая же тихая, но плывучая молва объ этомъ обтекла окрестныя села. Вездѣ, куда ее доносило, она была утѣшительницей упавшихъ духомъ отъ страха коровьей смерти бабъ; она осѣняла особенною серьезностію пасмурныя лица унывшихъ мужиковъ и одушевляла нетерпѣливою радостью обоего пола подростковъ, которыхъ молодая кровь скучала въ дымныхъ хатахъ и чуяла раздольный вечеръ огничанья въ лѣсу, гдѣ должно собираться премного всякаго народа, и гдѣ при всѣхъ изъявится чудо: изъ холоднаго дерева закурится и полохнетъ пламенемъ сокрытый живой огонь.

Еще день спустя, старики вновь сошлись на маслобойнѣ у богатаго мужика, у котораго пали всѣ его восемь коровъ.

Тутъ дѣды рядили: кому быть главаремъ, чтобъ огневымъ дѣломъ править? Не полагаясь на самихъ себя, они постановили привезть на то изъ далекой деревни стараго мужика, по прозванію Сухого Мартына, да дать ему въ подмогу кузнеца Ковзу, да еще Памфилку-дурачка, на томъ основаніи, что кузнецъ по своему ремеслу въ огнѣ толкъ знаетъ, а Памфилка дуракъ «Божій человѣкъ». Міруже этихъ возлюбленныхъ и призванныхъ къ дѣлу людей безпречь во всемъ слушаться.

Сталося по сказанному, какъ по писанному: привезенъ былъ изъ далекаго села высокій, какъ свая, бѣлый, съ бородой въ прозелень, столѣтній мужикъ Сухой Мартынъ, и повели его старики по дорогамъ мѣсто выбирать, гдѣ живой огонь тереть.

Сухой Мартынъ выбралъ для этого барскую березовую рощу за волокомъ, но Михаилъ Андреевичъ не позволилъ здѣсь добывать огня, боясь что лѣсъ сожгутъ. Принасупилось крестьянство и повело Мартына по другимъ путямъ, и сталъ Мартынъ на взлобочкѣ за гуменникомъ и молвилъ:

— Вотъ тутотка тоже намъ будетъ, православные, Господу помолиться и на бродячую смерть живой огонь пустить.

Но Михаилъ Андреевичъ и здѣсь не дозволилъ этой радости: неладно ему казалось сосѣдство огня съ скирдами сухой ржи и пшеницы.

Вдвое противъ прежняго огорчились мужики, и прошло сквозь нихъ лукавое слово, что не хочетъ баринъ конца бѣдѣ ихъ и горести, и что, напротивъ того, видно любо ему гореванье ихъ, такъ какъ и допрежъ сего не хотѣлъ онъ ни мудренаго завода своего не ставить, ни выгнать накупной скотъ, отъ котораго вокругъ моръ пошелъ.

И ворча про себя, повелъ народъ Сухого Мартына на третій путь: на сосѣднюю казенную землю. И вотъ сталъ Мартынъ на прогалинѣ, оборотясь согнутою спиной къ лѣсничей хатѣ, а лицомъ—къ бездонному болоту, изъ котораго течетъ лѣсная рѣка; сорвалъ онъ съ куста три

кисти алой рябины, проглотилъ изъ нихъ три зерна, а остальное заткнулъ себѣ за ремешокъ старой рыжей шляпы и, обведя костылемъ по воздуху вокругъ всего лѣса, топнулъ трижды лаптемъ по мерзлой груди и, воткнувъ тутъ костыль, молвилъ:

— Здѣсь, ребята, сведемъ живъ огонь на землю!

Снялъ Мартынъ съ своей сѣдой головы порыжѣлый шлыкъ, положилъ на себя широкій крестъ и сталъ творить краткую молитву, а вокругъ него, крестясь, вздыхая и охая, зашевелились мужики, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ билъ въ груду Мартыновъ лапоть, высился уже длинный шестъ и на немъ наверху торчалъ голый коровій черепъ.

Мѣсто было облюбовано и занято, и было то мѣсто не барское, а на государевой землѣ, въ Божьемъ лѣсу, гдѣ, мнилося мужикамъ, никто имъ не можетъ положить зарока известь изъ древа и воздуха живой огонь на землю.

И повелѣлъ потомъ мужикамъ Сухой Мартынъ, чтобы въ каждой избѣ была жарко вытоплена подовая печь, и чтобъ и старъ и младъ, и парень и дѣвка, и старики и малые ребята, всѣ въ тѣхъ печахъ перепарились, а женатый народъ съ того вечера, чтобы про женъ позабылъ до самой до той поры, пока сойдетъ на землю и будетъ принесенъ во дворъ новый живой огонь.

О сумеркахъ Ковза кузнецъ и дурачокъ Памфилка изъ двора во дворъ пошли по деревнѣ повѣщать народу мыться и чиститься, отрещися женъ и готовиться видѣть «Божье чудесо». Подойдутъ къ волоковому окну, стукнутъ палочкой, крикнутъ:

Печи топите, мойтеся, правьтеся, женъ берегитеся: завтра огонь на коровью смерть! И пойдутъ далѣе.

Не успѣли они такимъ образомъ обойти деревню изъ двора во дворъ, какъ ужъ на томъ концѣ, съ котораго они начали, закурилася не въ урочный часъ лохматая, низкая кровля, а черезъ часъ все большое село, какъ китъ на морѣ, дохнуло: сизый дымъ взмылъ кверху какъ покаянный вздохъ о грѣховномъ роптѣ, которымъ въ горѣ

своемъ согрѣшилъ народъ, и, разостлавшись облакомъ, пошелъ по поднебесью; изъ щелей и изъ оконъ поползъ на просторъ густой потный паръ, и изъ темныхъ дверей то одной, то другой избы стали выскакивать до-красна взогрѣтые мужики. Тутъ на морозцѣ терлись они горстями молодымъ, чуть покрывавшимъ землю снѣжкомъ и снова ныряли, какъ куклы, въ ящикъ.

Еще малый часъ, и все это стихло: село погрузилось въ сонъ. Въ воздухѣ только лишь пахло стынущимъ паромъ, да, глухо крехтя, канали жизнь въ темныхъ хлѣвушкахъ издыхающія коровы. Да еще снилося многимъ сквозь крѣпкій сонъ, будто вдоль по селу прозвенѣла колокольцемъ тройка, а молодымъ бабамъ, что̀ спали теперь, исполняя завѣтъ Сухого Мартына, на горячихъ печахъ, съ непривычки всю ночь до утра мерещился огненный змѣй: обвивалъ онъ ихъ своими жаркими кольцами; жегъ и путалъ цѣпкимъ хвостомъ ноги рѣзвыя; туманилъ глаза, вѣя на нихъ крыльями; не давалъ убѣгать, прилащивалъ крѣпкою чарой, медомъ, расписнымъ пряникомъ, и, ударяясь о сыру-землю, скидывался отъ разу стройнымъ молодцомъ. въ картузѣ съ козырькомъ на лихихъ кудряхъ, и ласкался опять и трясъ въ карманахъ серебромъ и орѣхами, и гдѣ силой, гдѣ ухваткой, улещалъ и обманывалъ.

И пронесся онъ, этотъ огненный змѣй, изъ двора во дворъ, вдоль всего села въ архангельскую ночь, и смутилъ онъ тамъ все, что было живо и молодо, и прошла о томъ вѣсть по всему селу: со стыда рдѣли, говоря о томъ одна другой говорливыя, и никли робкими глазами скромницы, никогда не чаявшія на себя такой напасти, какъ слетъ огненнаго змѣя.

Сухой Мартынъ самъ только головой трясъ, да послалъ ребятъ, чтобъ около коровьей головы въ Алениномъ Верху повѣсили сухую змѣиную сорочку, да двухъ сорокъ внизъ головами, что и было исполнено.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Событія ближатся.

Михаилъ Андреевичъ узналъ случайно объ этомъ казусѣ отъ Висленева, спозаранку шатавшагося между крестьянами и къ утреннему чаю явившагося поздравить Бодростина съ наступившимъ днемъ его именинъ. Михаилъ Андреевичъ позабылъ даже о своей досадѣ по случаю сгорѣвшаго завода и о другихъ непріятностяхъ, въ число которыхъ входилъ и крестьянскій ропотъ на заносъ падежа покупнымъ скотомъ. Огненный змѣй, облетѣвшій вдругъ все село и смутившій разомъ всѣхъ женщинъ, до того разсмѣшилъ его, что онъ, расхохотавшись, не безъ удовольствія поострилъ насчетъ сельскаго цѣломудрія и неразборчивости демона. Висленевъ же объявилъ, что напишетъ объ этомъ корреспонденцію въ «*Revue Spirite*», какъ о случаѣ «эпидемическаго навожденія». Бодростинъ его отговаривалъ.

— Пригрѣло ихъ на печахъ-то, вотъ имъ Адонисы съ орѣхами и съ двугривенными и пошли сниться, убѣждалъ онъ Жозефа; но тотъ, въ свою очередь, стоялъ на томъ, что это необъяснимо.

— Да и объяснять не стоитъ: однѣ и тѣ же у нихъ фантазіи и одни и тѣ же и сны.

— Нѣтъ-съ, извините, я только не помню теперь, гдѣ это я читалъ, но я непремѣнно гдѣ-то читалъ объ этакихъ эпидемическихъ случаяхъ... Ей-Богу читалъ, ей-Богу читалъ!

— Что жъ, очень можетъ быть, что и читалъ: вздору всякаго много написано.

— Нѣтъ, ей-Богу, я читалъ, и вотъ, позвольте вспомнить, или въ книжкѣ «*О явленіи духовъ*», или въ сборникѣ Кроу, о которомъ когда-то здѣсь же говорилъ Водопьяновъ.

При этомъ имени сидѣвшая въ кабинетѣ мужа Глафира слегка наморщила лобъ.

— Да, да, именно или тамъ, или у Кроу, а впрочемъ, привидѣніе съ пёсьею головой, которое показывалось въ Фонтенеблоскомъ лѣсу, вѣдь видѣли всѣ, спорилъ Висленевъ.

— Полно тебѣ, Бога ради, вѣрить такимъ вздорамъ! замѣтилъ Бодростинъ.

— Да-съ; чего же тутъ не вѣрить, когда и протоколы объ этомъ составлены, и «слѣдствіе было», какъ говаривалъ покойный Водопьяновъ, снова брякнулъ Жозефъ.

Глафира строго сверкнула на него лѣвымъ глазомъ.

— А вотъ, позвольте-съ, я еще лучше вспомнилъ, продолжалъ Висленевъ: — дѣло въ томъ, что однажды цѣлый французскій полкъ заснулъ на привалѣ въ развалинахъ, и чтобъ это было достовѣрно, то я знаю и имя полка; это именно былъ полкъ латуръ-д'овернскій, да-съ! Только вдругъ всѣ солдаты, которыхъ въ полку, конечно, бываетъ довольно много, увидали, что по стѣнамъ ходило одно окровавленное привидѣніе, да-съ, да-съ, всѣ! И этого мало, но всѣ солдаты, которыхъ, опять упоминаю, въ полку бываетъ довольно много, и офицеры почувствовали, что это окровавленное привидѣніе пожало имъ руки. Да-съ: въ одно и то же время всѣмъ, и все это записано въ лѣтописяхъ латуръ-д'овернскаго полка. По крайней мѣрѣ я такъ читалъ въ извѣстной книгѣ бенедиктинца аббата Августина Калмета.

— Но извини меня, милый другъ, а я не знаю ничего на свѣтѣ глупѣе того, о чемъ ты ведешь разговоры, воскликнулъ Бодростинъ.

— Почему же, другъ мой? ласково молвила Глафира.

— Потому что я рѣшительно не думаю, чтобы кто-нибудь путный человѣкъ могъ не въ шутку разсуждать о такихъ вещахъ, какъ видѣнія.

— Покойный Водопьяновъ... перебилъ Висленевъ.

Глафира вспыхнула: ей было ужасно непріятно трепанье этого имени человѣкомъ, совершившимъ съ нимъ то, что совершилъ Жозефъ.

— Ахъ, пощадите отъ этого разговора. Онъ вовсе не кстати, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно о дѣлѣ переговорить съ мужемъ, замѣтила Глафира, выразительно смотря на Михаила Андреевича.

— Поди, любезнѣйшій, погуляй по воздуху, обратился Бодростинъ къ Жозефу.

Висленевъ хлопалъ молча глазами.

— Поди же, поди, побѣгай.

— Помилуйте, зачѣмъ же мнѣ гулять, когда я этого совсѣмъ не хочу? Я не дитя и не комнатная собака, чтобы меня насильно гулять водить.

— Да мнѣ это нужно, братецъ, чтобы ты ушелъ! Какъ же ты этого не понимаешь, что я хочу поговорить съ своею женой.

— Вы бы прямо такъ и сказали, отвѣчалъ Жозефъ и съ неудовольствіемъ началъ искать своей шапки.

— Да вотъ я теперь прямо тебѣ и говорю: ступай вонъ.

Висленевъ только нѣсколько громче чѣмъ слѣдовало затворилъ за собою дверь и молвилъ себѣ:

— Каково положеніе! И, небось, найдутся господа, которые стали бы увѣрять, что и это можно поправить?

Выйдя на крыльцо, Висленевъ остановился и вдругъ потерялъ нить своихъ мыслей при видѣ происходившей предъ нимъ странной сцены. Два молодые лакея, поднимая комки мерзлой земли, отгоняли ими Памфилку-дурака, который плакалъ и, несмотря ни на что, лѣзъ къ дому.

— Чего это онъ? полюбопытствовалъ Жозефъ, и, къ крайнему своему удивленію, получилъ отвѣтъ, что дурачокъ добивается именно его видѣть.

— Что тебѣ нужно, Памфилъ?

Слюнявый заика Памфилъ, подскочилъ къ Висленеву и заговорилъ картавя:

— Ись цейти бьются со мной: я ньисей тебя звать въ свайку игьять, а они бьются. Пойдемъ, дядя, пойдемъ съ тобой въ свайку игьять! И онъ ухватилъ Висленева подъ

локоть и не отпускалъ его, настаивая, чтобы тотъ шелъ съ нимъ играть въ свайку.

Сколько Жозефъ ни отбивался отъ дурака, какъ его ни урезонивалъ, что онъ не умѣетъ играть въ свайку, тотъ все-таки не отставалъ и, махая у него предъ глазами острымъ гвоздемъ, твердилъ:

— Ничего: пойдемъ, пойдемъ...

— На счастье Жозефа показался конюхъ съ метлой и испуганный дурачокъ убѣжалъ; но не успѣлъ Висленевъ пройти полуверсты по дорожкѣ за садъ, гдѣ онъ хотѣлъ погулять и хоть немножко размыкать терзавшія его мысли, какъ Памфилъ предъ нимъ снова какъ изъ земли выросъ и опять пошелъ приставать къ нему со своею свайкой.

Висленевъ рѣшительно не могъ отвязаться отъ этого дурака, который его тормошилъ, совалъ ему въ руки свайку и наконецъ затѣялъ открытую борьбу, которая ни вѣсть чѣмъ бы кончилась, еслибы на помощь Жозефу не подоспѣли мужики, шедшіе дѣлать послѣднія приготовленія для добыванія живого огня. Они отвели дурака и за то узнали отъ Жозефа, что врядъ ли имъ удастся ихъ дѣло и тамъ, гдѣ они теперь расположились, потому что Михаилъ Андреевичъ послалъ ночью въ городъ просить начальство, чтобъ ихъ прогнали изъ Аленина Верха.

Мужики со злости бросили въ землю топоры, которые несли на плечахъ, и заговорили:

— Да что онъ... попугало его, что ли?

— Музыки его за это вой какъ откостятъ! вмѣшался дуракъ.

— Нѣтъ; этотъ баринъ грѣха надъ собой ждетъ, прокатило въ народѣ.

Такъ послѣ ночи огненнаго змѣя въ селѣ Бодростиной начался архангельскій день.

Каково-то онъ кончится?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Послѣднія вспышки стараго огня.

Въ эти же часы генералъ Синтянинъ и жена его ѣхали парой въ крытыхъ дрожкахъ въ бодростинскую усадьбу, на именины Михаила Андреевича.

Осень опоздала, и день восьмого ноября былъ еще безъ саннаго пути, хотя земля вся сплошь была засѣяна рѣдкимъ снѣжкомъ. Утро было погожее, но безсолнечное. Экипажъ синтянинскій подвигался тихо,—больной генералъ не могъ выносить скорой ѣзды по мерзлымъ кочкамъ. Было уже около полудня, когда они подъѣхали къ старому лѣсу, въ двухъ верстахъ за бодростинскимъ барскимъ гумномъ, и тутъ замѣтили, что ихъ старый кучеръ вдругъ снялъ шапку и началъ набожно креститься. Генеральша выглянула изъ-подъ верха экипажа и увидѣла, что на широкой полянѣ, насупротивъ лѣсниковой избушки, три человѣка съ топорами въ рукахъ ладили что-то въ родѣ обыкновенныхъ пильщичьихъ козелъ. Надъ этими козлами невдалекѣ торчалъ высокій колъ съ насаженнымъ на него рогатымъ коровьимъ черепомъ и отбитымъ горломъ глинянаго кувшина; на другомъ шестѣ моталась змѣиная кожа, а по вѣтвямъ деревъ висѣли пряди пакли. Синтянина никакъ не могла понять, для чего собрались здѣсь эти люди, и что такое они здѣсь устраиваютъ; но кучеръ разъяснилъ ея недоразумѣніе, отвѣтивъ, что это готовится огничанье. Разговаривая о «непорочномъ огнѣ», генералъ съ женой не замѣтили, какъ они доѣхали до гуменника, и здѣсь ихъ дрожки покренились набокъ. Кучеръ соскочилъ подвертывать гайку, а до слуха генерала и его жены достигли изъ группы заиндевѣвшихъ деревьевъ очень странныя слова: кто-то настойчиво повторялъ: «вы должны, вы должны ему этого не позволять и требовать! Что тутъ такое, что онъ баринъ? Чортъ съ нимъ, что онъ баринъ—и въ немъ одно дыханіе, а не два, а государь и начальство всегда за васъ, а не за господъ».

Голосъ этотъ показался знакомымъ и мужу, и женѣ, и когда послѣдняя выглянула изъ экипажа, она совершенно неожиданно увидала Висленева, стоявшаго за большимъ скирдомъ въ сообществѣ четырехъ мужиковъ, которымъ Жозефъ впушалъ, а тѣ его слушали. Замѣтивъ Синтяниныхъ, Іосафъ Платоновичъ смутился и сначала вильнулъ за скирдъ, но потомъ тотчасъ же вышелъ и показался на дорогѣ, между тѣмъ какъ разговаривавшіе съ нимъ мужики быстро скрылись. Генеральша взглянула потихоньку на мужа и замѣтила острый, проницательный взглядъ, который онъ бросилъ въ сторону Висленева. Иванъ Демьяновичъ сталъ громко звать Жозефа.

Тотъ еще болѣе смутился и видимо затруднялся, идти ли ему на этотъ зовъ, или притвориться, что онъ не слышитъ, хотя не было никакой возможности не слыхать, ибо дорога, по которой ѣхали Синтянины, и тропинка, по которой шелъ Висленевъ, здѣсь почти совсѣмъ сходились. Синтяниной непріятно было, зачѣмъ Иванъ Демьяновичъ такъ назойливо его кличетъ, и она спросила: какая въ томъ надобность и что за охота?

— А что-съ? ничего-съ, я хочу его подвезти-съ; онъ далеко отошелъ, отвѣчалъ генералъ, не глядя въ глаза женѣ.

Висленевъ, наконецъ, долженъ былъ оглянуться и, повернувъ, подошелъ къ проѣзжавшимъ: онъ былъ непозволительно сконфуженъ и перепуганъ и озирался какъ заяцъ.

— Ничего-съ, ничего-съ, звалъ генералъ, не конфузьтесь! пожалуйте-ка сюда: прокатитесь съ нами.

И съ этимъ онъ снялъ свою запасную шинель съ передней лавочки дрожекъ и усадилъ тутъ Висленева прямо противъ себя и тотчасъ же началъ допрашивать, не сводя своихъ пристальныхъ, холодныхъ глазъ съ потупленнаго висленевскаго взора.

— Съ мужиками говорили-съ, а? Уменъ русскій мужичокъ, ухъ уменъ! О чемъ, позвольте знать, вы съ ними бесѣдовали-съ?

Генеральшѣ это было ужасно противно, а Висленеву даже жутко, но Иванъ Демьяновичъ былъ немилосердъ и продолжалъ допрашивать... Висленевъ болталъ какой-то вздоръ, къ которому генеральша не прислушивалась, потому что она думала въ это время совсѣмъ о другихъ вещахъ,—именно о немъ же самомъ, жалкомъ, замыканномъ Богъ вѣсть до чего. Онъ ей въ эти минуты былъ близокъ и жалокъ, почти милъ, какъ мило матери ея погибшее дитя, которому уже никто ничего не даритъ, кромѣ заслуженной имъ насмѣшки да укоризны.

Такъ они втроемъ доѣхали до самаго крыльца. Предъ крыльцомъ стояла куча мужиковъ, которые, при ихъ приближеніи, сняли шапки и низко поклонились. На ихъ поклонъ отвѣтили и генералъ и его жена, но Висленевъ даже не притронулся къ своей фуражкѣ.

— Они вамъ кланяются-съ, а вы не кланяетесь-съ,—сказалъ генералъ.—Это не по-демократически-съ и не хорошо-съ не отвѣчать простому человѣку-съ на его вѣжливость.

Висленевъ покраснѣлъ, быстро оборотился лицомъ къ мужикамъ, поклонился имъ чрезвычайно скорымъ поклономъ и, ни съ того, ни съ сего, шаркнулъ ножкой.

Генералъ разсмѣялся.

Въ домѣ собралось много гостей, пріѣхавшихъ и изъ деревень, и изъ города поздравить Михаила Андреевича, который былъ очень любезенъ и веселъ, вертѣлся попрыгунчикомъ предъ дамами, отпускалъ bons mots направо и налѣво и трясъ своими бѣлыми беранжеровскими кудерьками.

Генералъ и его жена застали Бодростина, сообщавшаго кучкѣ гостей что-то необыкновенно курьезное: онъ то смѣялся, то ставилъ знаки восклицанія и при приближеніи генерала заговорилъ:

— А вотъ и кстати нашъ почтенный генералъ: отвѣтите ли, ваше превосходительство, на вопросъ: въ какое время люди должны обѣдать?

— Говорятъ, что какой-то классическій мудрецъ сказалъ, что «богатый когда хочетъ-съ, а бѣдный когда можетъ-съ».

— А вотъ и выходитъ, что вашъ мудрецъ классически совралъ!—зачастилъ Бодростинъ:—у насъ бѣдный обѣдаетъ когда можетъ, а богатый—когда ему мужикъ позволитъ.

Генералъ этого не понялъ, а Бодростинъ, полюбовавшись его недоумѣніемъ, объяснилъ ему, что мужики еще вчера затѣяли добывать «живой огонь» и присылали депутацію просить, чтобы сегодня съ сумерекъ во всемъ господскомъ домѣ были потушены всѣ огни и залиты дрова въ печкахъ, такъ чтобы нигдѣ не было ни искорки, потому что иначе добытый новый огонь не будетъ имѣть своей чудесной силы и не попалитъ коровьей смерти.

— Я имъ, разумѣется, отказалъ, — продолжалъ Бодростинъ.—Помилуйте, сколько дней имъ есть въ году, когда могутъ себѣ дѣлать всякія глупости, какія имъ придутъ въ голову, такъ нѣтъ, — вотъ подай имъ непремѣнно сегодня, когда у меня гости. «Нонѣ, говорятъ, Михаилъ Архангелъ живетъ, онъ Божью огненную силу правитъ: намъ въ этотъ самый въ его день надыть».

— Ну, ужъ я слуга покорный, — по ихъ дудкѣ плясать не буду. Велѣлъ ихъ вчера прогнать, а они сегодня утромъ еще гдѣ тебѣ до зари опять собрались чуть не всею гурьбой, а теперь опять... Скажите пожалуйста, какая наглость и вѣдь какова настойчивость. Видѣли вы ихъ?

— Да-съ, видѣлъ-съ,—отвѣчалъ генералъ.

— Не отходятъ прочь да и баста. Три раза посылалъ отгонять — нѣтъ, опять сызнова тутъ. Вѣдь это... воля ваша, нельзя же позволять этимъ лордамъ продѣлывать всякія штуки надъ разжалованнымъ дворянствомъ!..

Въ эту минуту человѣкъ попросилъ Бодростина въ разрядную къ конторщику, Михаилъ Андреевичъ вышелъ и скоро возвратился веселый и, развязно смѣясь, похвалилъ практическій умъ своего конторщика, который присовѣтовалъ ему просто-на-просто немножко припадуть мужиковъ,

давъ имъ обѣщаніе, что огней въ домѣ не будетъ, а между тѣмъ праздновать себѣ праздникъ, опустивъ шторы, какъ будто бы ничего и не было.

О планѣ этомъ никто не высказывалъ никакого мнѣнія, да едва ли о немъ не всѣ тотчасъ же и позабыли. Что же касается до генеральши, то она даже совсѣмъ не обращала вниманія на эту перемолвку. Ее занималъ другой вопросъ: гдѣ же Лариса? Она глядѣла на всѣ стороны и видѣла всѣхъ: даже, къ немалому своему удивленію, открыла въ одномъ углу Ворошилова, который сидѣлъ, утунивъ свои золотыя очки въ какой-то кипсекъ, но Лары между гостями не было. Это смутило Синтянину, и она подумала:

— Такъ вотъ до чего дошло: ее считаютъ недостойною порядочнаго общества! ее не принимаютъ! И кто же изгоняетъ ее? Глафира Бодростина! Бѣдная Лара!

Синтянина пошла къ Ларисѣ.

Она застала Лару одну въ ея комнатѣ во флигелѣ, насупленную и надутую, но одѣтую чрезвычайно къ лицу и по-гостиному... Она ждала, что ее позовутъ, и ждала напрасно. Она поняла, что гостья это видитъ, и спросила ее:

— Ты была уже тамъ?

Синтянина молча кивнула ей утвердительно головой и тотчасъ же заговорила о сторонникъ пустякахъ, но, увидавъ, что у Лары краснѣютъ вѣки и на рѣсницахъ накипаютъ слезы, не выдержала и, бросясь къ ней, обняла ее. Обѣ заплакали, склонясь на плечо другъ другу.

— Не жалѣй меня,—прошептала Лариса:—я этого стою, и они правы...

— Никто не правъ, обижая другого человѣка съ намѣреніемъ, — отвѣчала Синтянина, но Лара прервала ея слова и воскликнула съ жаромъ:

— О! еслибы ты знала, какъ я страдаю!

Въ это время генеральшу попросили къ столу.

— Иди, ради Бога иди,—шепнула ей Лариса.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Красное пятно.

Обѣдъ шелъ очень оживленно и даже весело. Цѣлое море огня съ зажженныхъ во множествѣ бра, люстръ и канделябръ, освѣщало большое общество, усѣвшееся за длинный столъ въ высокой бѣлой съ позолотой залѣ въ два свѣта. На хорахъ гремѣлъ хоръ музыки, звуки которой должны были долетать и до одинокой Лары, и до крестьянъ, оплакивавшихъ своихъ коровушекъ и собиравшихся на огничанье.

Этою стороной именинный обѣдъ Бодростина немножко напоминалъ «*Пиръ во время чумы*»: здѣсь шумъ и оживленное веселье, а тамъ за стѣнами одинокія слезы и мірское горе. Но ни хозяинъ, ни гости, никто не думалъ объ этомъ. Именинникъ сіялъ и разсыпался въ любезностяхъ съ дамами, жена его, снявшая для сегодняшняго торжества свой обычный черный костюмъ и одѣтая въ бѣлое платье съ вѣткой мирты на головѣ, была очаровательна и, вдобавокъ, необыкновенно ласкова и внимательна къ мужу. Зоилы говорили, что этому и должно приписывать перемѣну въ характерѣ Бодростина. Онъ долго ухаживалъ за своею женой послѣ петербургской пертурбаціи съ Казимирой, и цѣломудренная Глафира наконецъ простила ему вѣтренную Казимиру. Она не скрывала этого и постоянно обращалась къ нему съ какимъ-нибудь ласковымъ словомъ при каждомъ антрактѣ музыки, и надо ей отдать справедливость, — каждое ея слово было умно, тонко, сказано у мѣста и въ самомъ дѣлѣ обязывало самыя нельстивыя уста къ комплиментамъ этой умной и ловкой женщинѣ. Старикъ Бодростинъ таялъ; Гордановъ, который сидѣлъ рядомъ съ Висленевымъ, обратилъ на это вниманіе Жозефа, въ которомъ и безъ того кипѣла ревность и опасеніе, что Глафира его совсѣмъ выгонитъ.

— Вижу, прошепталъ Висленевъ и позеленѣлъ. Ревность душила его.

Обѣдъ уже приходилъ къ концу, какъ внезапно случилось не особенно значительное, но довольно непріятное обстоятельство: подавали шампанское двухъ сортовъ: бѣлое и розовое.—Глафира выбрала себѣ послѣднее.

Заиграли тушъ; всѣ начали поздравлять именинника, а хозяйка въ неизмѣнномъ настроеніи своей любезности встала съ своего мѣста и, обойдя столъ, подошла къ мужу съ намѣреніемъ чокнуться съ нимъ своимъ бокаломъ.

Увидавъ, что жена идетъ къ нему, Михаилъ Андреевичъ быстро схватилъ свой бакалъ и, порывшись въ боковомъ карманѣ своего фрака, поспѣшилъ къ ней на встрѣчу. Они сошлись какъ разъ за спиной Рошшина. Руки ихъ были протянуты другъ къ другу. Въ рукѣ Глафиры былъ бокалъ съ розовымъ шампанскимъ, а въ рукѣ ея мужа—сложенный листъ бумаги, подавая который, Бодростинъ улыбался. Но въ то самое мгновеніе, когда Глафира Васильевна съ ласковою улыбкой сказала: «живи много лѣтъ, Michel», она поскользнулась, и ея вино цѣликомъ выплеснулось на грудь Михаила Андреевича и, пѣнясь, потекло по гофрировкѣ его рубашки, точно жидкая, старческая, пѣнящаяся кровь. Михаилъ Андреевичъ выронилъ бумагу, которую держалъ въ рукахъ. Сконфузившаяся на минуту Глафира взглянула на полъ и сказала:

— Это я поскользнулась о яблочное зерно. И съ этимъ она быстро взяла полный бокалъ Рошшина, чокнулась имъ съ мужемъ, выпила его залпомъ и, пожавъ крѣпко руку Михаила Андреевича, поцѣловала его въ лобъ и пошла, весело шутя, на свое мѣсто, межъ тѣмъ какъ Бодростинъ кидалъ недовольные взгляды на сконфуженнаго метръ-д-отеля, поднявшаго и уносившаго зернышко, межъ тѣмъ какъ Рошшинъ поднялъ и подалъ ему бумагу.

— Спрячь и отдай ей, отвѣтилъ, не принимая бумаги, Михаилъ Андреевичъ, сидѣвшій съ заправленною за галстухъ салфеткой, чтобы не было видно его виномъ облитой рубашки.

— Что это за бумага, полюбопытствовалъ послѣ обѣда у Рошшина Висленевъ.

— Отгадайте.

— Почему я могу отгадать?

— Спросите духовъ.

— Нѣтъ, я васъ прошу сказать мнѣ!

— А, если просите, это другое дѣло: это царственная запись, которою Михаилъ Андреевичъ дарить Глафирѣ Васильевнѣ все свое состояніе.

Висленевъ разинулъ ротъ.

Межъ тѣмъ Михаилъ Андреевичъ появился переодѣтый въ чистое бѣлье, но гнѣвный и страшно недовольный. Ему доложили, что мужики опять собираются и просятъ велѣть погасить огни. Глафира разсѣяла его гнѣвъ: она предложила прогулку въ Аленинъ Верхъ, гдѣ мужики добываютъ изъ дерева живой огонь, а на это время въ парадныхъ комнатахъ, окна которыхъ видны изъ деревни, погасятъ огни.

— Тѣхъ же господъ, кто не хочетъ идти смотрѣть на проказы нашей русской Титаніи надъ Обероном, добавила она.—я приглашаю ко мнѣ на мою половину.

Но это было напрасно: всѣ хотѣли видѣть проказы русской Титаніи, и вереница экипажей понесла гостей къ Аленину Верху.

Огни въ большинствѣ комнатъ сгасли и въ домѣ остались только сама госпожа, прислуга, да генеральша, ускользнувшая къ Ларѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Живой огонь.

Тайнодѣйствіе съ огнемъ началось гораздо ранѣе, чѣмъ гости въ господскомъ домѣ сѣли за праздничную трапезу. Убогій обѣдъ на селѣ у крестьянъ отошелъ на раняхъ, и къ полдню во всѣхъ избахъ былъ уже вездѣ залитъ огонь, и люди начинали снаряжаться на огничаніе. При дѣлѣ нужны были немалые распорядки, и потому Сухой Мартынъ, видя, что Ковза кузнецъ уже съ ногъ сбился, а въ Памфилкѣ-дурачкѣ нѣтъ ему никакой помощи, взялъ себѣ еще двухъ по-

ложайниковъ, десятскаго Дербака, да захожаго ружейнаго слесаря, который называлъ себя безъ имени Ермолаичемъ, — человѣка, всѣхъ удивлявшаго своимъ досужествомъ. Онъ всего съ недѣлю зашелъ откуда-то сюда и всѣмъ понравился. Кому завязанное ремнемъ ружьишко поправилъ, кому другою какою угодой угодилъ, а нашаче бабъ обласкалъ своимъ досужествомъ: той замокъ въ скрынѣ справилъ, той фольгой всю божницу расцвѣтилъ, той старую прялку такъ наладилъ, что она такъ и гремитъ его славу по всему селу.

Всѣ эти четыре человѣка: Ковза кузнецъ, дуракъ Памфилъ, Дербакъ десятскій и захожій слесарь Ермолаичъ, тотчасъ послѣ обѣда, раздѣлясь по парно, обошли все село и заглянули въ каждую печь и залили сами во всякомъ домѣ всякую искорку; повторили строго-на-строго всѣмъ и каждому, чтобы, Боже упаси, никто не смѣлъ ни сѣрники вздуть, ни огнивомъ въ кремень ударить, а нашаче трубки не курить. Затѣмъ насталъ часъ запирать избы и задворки и всего осторожнѣе крѣпко-на-крѣпко защитить коровьи закуты, положивъ у каждой изъ нихъ предъ дверью крестомъ кочергу, помело и лопату. Это необходимая предосторожность, чтобы, когда сойдетъ живой огонь и мертвая мара взмечется, такъ нельзя было ей въ какой-нибудь захлѣвушинѣ спрятаться.

Наказовъ этихъ никому не надо было повторять: всѣ они исполнялись въ точности, и еще на дворѣ было довольно свѣтло, какъ все, что нужно было, въ точности выполнено: лопаты, кочерги были разложены, и крестьяне, и старъ и младъ, снаряжались въ путь.

Многіе мужики даже уже тронулись: нахлобучивъ шапки, они потянулись кучками черезъ зады къ Аленину Верху, а за ними, толкаясь и подпрыгивая, плелися подростки обоего пола. Изъ послѣднихъ у каждаго были въ рукахъ у кого черенокъ, у кого старая черная корчажка, — у двухъ или у трехъ изъ наболѣе зажиточныхъ дворовъ висѣли на кушакахъ фонари съ сальными огарками, а, кромѣ того, они волокли въ охапкахъ лучину и сухой хворостъ.

Короткій осенній день рано сумеречилъ, и только что

чуть начало сѣрѣть, на порогѣ старостиной избы показался сѣдой главарь всей колдовской справы, Сухой Мартынъ, а съ нимъ его два положайника: прохожій Ермолаичъ съ балалайкой и съ дудкой, и Памфилка-дуракъ съ своею свайкой. Кузнеца Ковзы и десятскаго Дербака уже не было: они ранѣе ушли въ Аленинъ Верхъ съ топорами и веревками излаживать послѣднія приготовленія къ добычѣ живого огня. Съ ними ушло много и другихъ рукодѣльныхъ людей, а остальные сплошною вереницей выходили теперь вслѣдъ за главаремъ, который тихо шагалъ, неся предъ собой на груди образъ Архангела и читая ему шопотомъ молитву не каноническаго сложенія.

Въ послѣдней толпѣ было много и старухъ, и небольшихъ дѣвочекъ, взрослыя же дѣвки и всѣ молодыя женщины оставались еще на селѣ, но не для того, чтобы бездѣйствовать,— нѣтъ, совсѣмъ напротивъ: имъ тоже была важная работа, и для наблюденія строя надъ ними, Сухимъ Мартыномъ была поставлена своя особая главариха, старая вдова Мавра, съ красными змѣиными глазами безъ вѣкъ и безъ рѣсницъ, а въ подмогу ей даны двѣ положницы: здоровенная русая дѣвка Евдоха, съ косой до самыхъ ногъ, да бойкая гулевая солдатка Веретеница.

Чуть мужики съ своимъ главаремъ скрылись за селомъ, бабы поскидывали съ себя въ избахъ понявы, распустили по плечамъ косы, подмазали лица—кто тертымъ кирпичемъ, кто мѣломъ, кто сажей, взяли въ руки что кому вздумалось изъ печной утвари и стали таковы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Черезъ полчаса вслѣдъ за мужиками выступали отрядомъ женщины, всѣ босыя, въ однѣхъ длинныхъ сорочкахъ, съ растрепанными волосами, съ испачканными кирпичомъ и сажей лицами и вооруженныя цѣпами, косами, граблями и вилами. Вышли онѣ на улицу по-семейно; здѣсь по одной изъ крайнихъ десяти дворовъ впряглись въ опрокинутую кверху сошниками соху, а одинадцатая сѣла верхомъ на сошныя обжи и захлестала громко длиннымъ пастушьимъ

кнутомъ. На этотъ звукъ сейчасъ же изъ-за недалекаго угла выскакала верхомъ на маленькомъ бодромъ конькѣ гулевая солдатка Веретеница и протяжно заунывно аукнула.

— Ау! отозвались ей въ стыломъ воздухѣ съ другого конца села, и на улицѣ, точно также верхомъ на лохматой чалой лошади, показалась здоровенная русая дѣвка Евдоха.

Обѣ положайницы съѣхались, повернули коней головами къ воротамъ широкаго Кириллина задворка и обѣ разомъ завыли волчихами, да такъ зычно и жалостно, что даже кони ихъ со страху шарахнулись и ушами запряли, а пѣшія раздѣтыя бабы стали креститься и между собою шептаться:

— Точно ли это Евдоха съ солдаткой: не вѣдьмы ли?

Шабашъ начинался: только что завывалы провыли свой первый сигналъ, ворота задворка скрипнули и изъ-подъ его темныхъ навѣсовъ, мотая головой и хлопая длинными ушами, выѣхалъ бѣлый конь, покрытый широкимъ бѣлымъ веретьемъ, а на этомъ старомъ смирномъ конѣ сидѣла, какъ смерть худая, вдова Мавра съ красными глазами безъ вѣкъ, въ длинномъ мертвецкомъ саванѣ и лыкомъ подпоясанная. Не успѣлъ показаться крупъ ея бѣлаго коня, какъ изъ-за него, словно воробьи изъ гнѣзда, выпорхнули на разношерстныхъ пахотныхъ лошадкахъ цѣлымъ конным отрядомъ до полтора десятка бабъ, кто въ полушубкѣ навыворотъ, кто въ зипунѣ наопашь, иныя зашароварившись ногами въ рукава, другія сидя на одномъ конѣ по-двое, и у всякой въ рукѣ или звонкій цѣпъ съ дубиной, или тяжелыя, трезубыя навозныя вилы.

Непривычныя къ такому наѣзду лошаденки, не смотря на свое врожденное смиренство, храпнули и, замотавшись, разнеслись было въ разныя стороны, но повода были крѣпки, и наѣздницы, владѣя ими своими сильными руками, скоро справились и собрались вокругъ Мавры въ длинномъ саванѣ.

Настала торжественная минута: вдова размахнула свой савань, подняла надъ головой широкую печную заслонку изъ листового желѣза и, ударивъ по ней жестянымъ ковшомъ, затряслась и крикнула:

— Сторонись, смерть, предъ бабьею погой!

И заляскали вслѣдъ за нею о древки сухіе цѣпы, заколотили емки и ухваты, зазвенѣли серпы и косы, задребезжали спицами трезубыя вилы; сотни звонкихъ, громкихъ голосовъ, кто во что горазда, взвизгнули, гаркнули, крикнули: «згинь, пропади отсюда, коровья смерть!», и, переливаясь, понеслись, то заглушаемые шумомъ, то всплывающіе поверхъ его вновь.

Село опустѣло, но еще не совсѣмъ: оставались старушки съ малыми внучками, но вотъ и онѣ показались. Одна за другою, онѣ тянули на поводкахъ остающихся въ живыхъ коровушекъ, а дѣвченки сзади подхлестывали животинъ хворостинками. Все это потянуло къ тому же самому центру, на Аленинъ Верхъ, гдѣ надлежало добыть живой огонь, сжечь на немъ соломенную чучелу коровьей смерти или мары, перегнать черезъ ея пламя весь живой скотъ и потомъ опахать село, съ дѣвственнымъ пламенемъ, на раздѣтыхъ бабахъ.

Въ опустѣлыхъ избахъ остались только тѣ, кто ходить не могъ. Здѣсь темень; только изрѣдка можно было слышать дряхлый кашель недвижимой старухи да безнадежный плачъ понапрасно надрывавшихъ себя грудныхъ дѣтей, покинутыхъ безъ присмотра въ лубочныхъ зыбкахъ.

Все остальное какъ вымерло, и на пустую деревню съ нагорья свѣтили лишь праздничные огни двухъ-этажныхъ господскихъ палатъ и оттуда же сквозь открытыя форточки оконъ неслись съ высокихъ хоръ звуки пиршественной музыки, исполнявшей на эту пору извѣстный хоръ изъ «*Роберта*»:

«Въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ
«Для радости, для радости лишь жить».

Теперь это еще болѣе напоминало «*Пиръ во время чумы*» и придавало общей картинѣ зловѣщій характеръ, значеніе котораго вполнѣ можно было опредѣлить, лишь заглянувъ подъ нахлобученныя шапки мужиковъ, когда до ихъ слуха вѣтеръ доносилъ порой вздымающіе сердце звуки мейербе-

ровскихъ хоровъ. Яркое, праздничное освѣщеніе дома мутило ихъ глаза и гнело разумъ досадой на невнятую просьбу ихъ, а настрадавшіяся сердца переполняло страхомъ, что ради этого непотушеннаго огня «живой огонь» или совсѣмъ не сойдетъ на землю, или же если и сойдетъ, то будетъ недѣйствителенъ.

Тьмы-темъ злыхъ пожеланій и проклятій летѣли сюда на эти звуки и на этотъ огонь изъ холоднаго Аленина Верха, гдѣ теперь одни впотьмахъ валяли изъ привезеннаго воза соломы огромнѣйшую чучелу мары, межъ тѣмъ какъ другіе путали и цѣпляли множество вожжей къ концамъ большой сухостойной красной сосны, спиленной и переложенной на козлахъ крестъ-накрестъ съ сухостойною же черною липой.

Барское пиршество и опасенія занесенной Виленевымъ тревоги, что и здѣсь того гляди барскимъ раченіемъ послѣдуетъ помѣха, измѣняли характеръ тихой торжественности, какую имѣло дѣло во время сборовъ, и въ души людей начало красться раздраженіе, росшее быстро. Мужики работали, супясь, озираясь, толкая другъ дружку и ворча какъ медвѣди.

Но вотъ наконецъ все налажено: высокая соломенная кукла мары поднята на большой камень, на которомъ надлежитъ ее сжечь живымъ огнемъ, и стоитъ она почти вровень съ деревьями; по древянымъ вѣтвямъ навѣшана длинная пряжа; въ копелкѣ подъ разбитымъ громомъ дубомъ копошится бѣлый шѣтухъ-получникъ. Сухой Мартынъ положилъ образъ Архангела на бѣломъ ручникѣ на высокій пень спиленнаго дерева, снялъ шляпу и, перекрестясь, началъ молиться.

Мужики дѣлали то же самое, и сердца ихъ укрощались духомъ молитвы.

— Теперь все ли, робя?

— Все.

Сухой Мартынъ накрылся шляпой, за нимъ то же сдѣлали другіе.

— Бабы въ своемъ ли уповодѣ?

— За мостомъ стоять огня ждуть, отвѣчали положайники.

— Сторожухи чтобы на всѣхъ дорогахъ глядѣли.

— Глядятъ.

— Никого чтобы ни пускали, ни коннаго, ни пѣшаго, а напаче съ огнемъ!

— По двѣ вездѣ стоятъ, не пустятъ.

— Кто силомъ попретъ, живому не быть!

— Не быть!

— Ну и съ Господомъ!

Главарь и мужики опять перекрестились. Сухой Мартынъ сѣлъ верхомъ на стволъ сосны, положенной накрестъ утвержденной на козлахъ лины, а народъ расхваталъ концы привязанныхъ къ дереву вожжей.

Сухой Мартынъ поблагословилъ воздухъ на всѣ стороны и, выхвативъ изъ-за пояса топоръ, воткнулъ его предъ собой въ дерево.

Народъ тихимъ, гнусливымъ унисономъ затянулъ:

Помоги, архангелы,
Помоги, святители:
Добыть огня чистаго
Съ древа непорочнаго.

По мѣрѣ того, какъ допѣвалось это заклинательное моленье, концы веревокъ натягивались какъ струны, и съ послѣднимъ звукомъ слился звукъ визжащаго тренія: длинное бревно челнокомъ заныряло взадъ и впередъ по другому бревну, а съ нимъ замелькалъ то туда, то сюда старый Сухой Мартынъ. Едва держась на своемъ полетѣ за воткнутый топоръ, онъ быстро началъ впадать отъ качанія въ шаманскій азартъ: ему чудились вокругъ него разныя руки: черныя, бѣлыя, мѣднокованныя и серебряныя, и всѣ онѣ тянули его и качали, и сбрасывали, а онъ имъ противился и выкликалъ:

— Вортодубъ! Вертогоръ! Трескунъ! Полоскунъ! Боднякъ! Регла! Авсень! Таусень! Ухъ, бухъ, бухъ, бухъ! Слышу соломенный духъ! Стой, стой! Два супостата! Смерть и Животъ, борятся и огнемъ мигаютъ!

И Сухой Мартынъ соскочилъ съ бревна и, воззрясь изъ-подъ рваной руковицы въ далекую темь, закричалъ:

— Чуръ, всѣ ни съ мѣста! Смерть или Животъ!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Ларисина тайна.

Въ то самое время, какъ въ Алениномъ Верхѣ происходили описанныя событія, Александра Ивановна Синтянина, пройдя темными переходами, отворила дверь въ комнату Лары и изумилась, что здѣсь была совершенная темнота.

Молодой женщинѣ вдругъ пришло въ мысль: не сдѣлала ли чего-нибудь съ собою Лариса, по меньшей мѣрѣ не покинула ли она внезапно этого непривѣтливаго и страшнаго дома и не ушла ли куда глаза глядятъ?

Пораженная этою мыслью, Александра Ивановна остановилась на порогѣ. Въ комнатѣ не было замѣтно ни малѣйшаго признака жизни.

Александра Ивановна, безуспѣшно вематриваясь въ эту темь, рѣшилась позвать Ларису и, сдерживая въ груди дыханіе, окликнула ее тихо и нерѣшительно.

— Я здѣсь, отозвалась ей такъ же тихо Лариса и сейчасъ же спросила:—что тебѣ отъ меня нужно, Alexandrine?

— Ничего не нужно, другъ мой Лара, но я устала и пришла къ тебѣ посидѣть, отвѣчала генеральша, идя на голосъ къ окну, въ сѣромъ фонѣ котораго на морозномъ небѣ мерцали рѣдкія звѣзды, а внизу на подоконникѣ былъ чуть замѣтенъ силуэтъ Ларисы.

Александра Ивановна подошла къ ней и, заглянувъ ей въ лицо, замѣтила, что она плачетъ.

— Ты сидишь впотьмахъ?

— Да: мнѣ такъ лучше, отвѣчала Лара.

— Тебѣ, можетъ-быть, непріятно, что я пришла?

— Нѣтъ; отчего же? мнѣ все равно.

— Можетъ-быть мнѣ уйти?

— Какъ хочешь.

— Такъ прощай, молвила генеральша, протягивая ей руку.

Прощай.

— Дай же мнѣ твою руку!

Лариса молча положила пальцы своей руки на руку Синтянинои и прошептала:

— Прощай и... не сердись, что я такая непривѣтливая...

И съ этимъ она не выдержала и неожиданно громко зарыдала.

— О, Боже мой, какое горе, произнесла Синтянина и, поискавъ ногой стула и не найдя его, опустилась предъ Ларисой на колѣни, сжала ея руки и поцѣловала ихъ.

— Ахъ, Саша, что ты дѣлаешь! отозвалась Лариса и поспѣшно сама поцѣловала ея руки.

— Лара, сказала ей Синтянина, позволь мнѣ быть съ тобою откровенною: я много старше тебя; я знаю тебя съ твоего дѣтства, я люблю тебя и мнѣ ясно, что ты несчастлива.

— Очень, очень несчастлива.

— Поговоримъ же, подумаемъ объ этомъ; совсѣмъ непоправимыхъ положеній нѣтъ.

— Мое непоправимо.

— Это ты все надумала въ своемъ одиночествѣ, а я хочу напомнить тебѣ о людяхъ, способныхъ христіански отнестись ко всякому несчастію...

Лариса быстро ее перебила:

— Ты хочешь мнѣ говорить о моемъ мужѣ? Я и такъ думала о немъ весь вечеръ подъ звуки этой музыки.

— И плакала?

— Да, плакала.

— О чемъ?

Лариса промолчала.

— Говори же: одолѣй себя, смирись, сознайся!

И Синтянина снова сжала ея руки.

— Что-жъ пользы будетъ въ этомъ, отвѣчала Лариса.— Неужели же ты хотѣла бы, чтобъ я разыграла въ жизни одинъ изъ Авдѣевскихъ романовъ?

— Ахъ, Боже мой, да что тебѣ эти романы,—послушай своего сердца. Вѣдь ты еще его любишь?

— Да.

— Я вижу, тебя мучитъ совѣсть.

— О, да! Страшно, страшно мучитъ, и мнѣ мало всѣхъ моихъ мученій, чтобъ отстрадать мою вину: но я *должна* идти все далѣе и далѣе.

— Это вздоръ.

Лара покачала головой и, усмѣхнувшись, прошептала:

— Нѣтъ, не вздоръ.

— Ты должна положить конецъ своимъ униженіямъ.

— Я этого не могу, понимаешь — я *не могу*, я хочу и не могу.

— Я понимаю, что ты не можешь и не должна сдѣлать туръ, какой дѣлали героини тѣхъ романовъ, но если твой мужъ позоветъ тебя какъ добрый, любящій человѣкъ, какъ христіанинъ проститъ тебя и приметъ не какъ жену, а какъ несчастнаго друга...

— Для меня безсильно все, даже и религія.

— Дай мнѣ договорить: ты не права; христіанская религія не кладетъ никакихъ границъ великодушію. Конечно, есть чувства... есть вещи... которыми возмущается натура и... я понимаю твои затрудненія! Но пойми же меня: развѣ бы ты не рвалась къ Подозерову, еслибъ онъ былъ въ несчастіи, въ горѣ, въ болѣзни?

— О, всюду, всюду, но... ты не понимаешь что говоришь: *я не могу... Я не могу* ничего этого сдѣлать; я связана.

Синтянина возразила ей, что Подозеровъ ея законный мужъ, что его права такъ велики и сильны предъ закономъ, что ихъ никто не смѣетъ оспорить, и заключила она:

— Если ты позволишь, я напишу твоему мужу, и ручаюсь тебѣ за него...

Ларису передернуло.

— *Ты за него* ручаешься!

— Да, я *за него* ручаюсь, что онъ будетъ счастливъ,

доставивъ тебѣ, разбитой, покой и отдыхъ отъ твоихъ несчастій,—тѣмъ болѣе, что онъ умѣетъ быть самымъ нетребовательнымъ другомъ, и ты еще можешь въ тишинѣ дожить вѣкъ съ нимъ.

Лариса сдѣлала еще болѣе рѣзкое, нетерпѣливое движеніе.

— Ты сердишься?

— Нѣтъ, отвѣчала Лара,—нѣтъ; я не сержусь, но вотъ что, Alexandrine, я не могу сносить этого тона, какимъ *ты* говоришь о моемъ бывшемъ мужѣ. Мнѣ все это дорого стоитъ. Я уважаю тебя, ты хорошая, добрая, честная женщина; я нерѣдко сама хочу тебя видѣть, но когда мы свидимся... въ меня просто вселяется дьяволъ, и... прости меня, сдѣлай милость, я не хотѣла бы сказать тебѣ то, что сейчасъ должно-быть скажу: я ненавижу тебя за все и особенно за твою заботу обо мнѣ. Тетя Катерина Астафьевна права: во мнѣ бушуетъ Саулъ при приближеніи кротости Давида.

— Ты просто больна; тебя надо лѣчить.

— Нѣтъ, я не больна, а твои превосходства взяли у меня душу моего мужа.

— О, если тебя только это смущаетъ, то...

— Нѣтъ, молчи,—перебила ее Лара:—ты знаешь ли, что я сдѣлала? Я двумужница! Я вѣнчалась съ Гордановымъ!

Синтянина стояла какъ ошеломленная.

— Да, да,—повторила Лара:—съ тобой говоритъ двумужница, о которой ему стоитъ сказать слово, чтобы свести на каторгу, и онъ скажетъ это слово, если я окажу ему малѣйшее неповиновеніе.

— Ты шутишь, Лара?

— О, да, да; это шутка: они надо мною шутятъ, они безчеловѣчно шутятъ, но мнѣ это уже надоѣло, и я не шучу.

При этихъ словахъ она вскочила съ мѣста и, скрежеща зубами, вскричала:

— Онъ хочетъ убить Бодростина и, женясь тайно на мнѣ, жениться на Глафирѣ, но этого не будетъ, не будетъ! Я имъ отомщу, отомщу...

Она зашаталась на ногахъ и, произнеся: «я ихъ всѣхъ погублю!» упала на прежнее мѣсто.

— Оставь ихъ, оставь этотъ домъ...

— Нѣтъ, никогда! — простонала Лара. — И теперь это поздно: я ихъ предала, а они уже все совершили.

— Бѣжимъ, Бога ради бѣжимъ!

— Бѣжать!.. Стой!.. Что это такое?

По лѣстницѣ слышались чьи-то шаги, кто-то спѣшилъ, падалъ, вскакивалъ и бѣжалъ снова, и наконецъ съ шумомъ растворилась дверь, и кто-то, ворвавшись, закричалъ:

— Лариса! Лара! Alexandrine! Гдѣ вы! откликнитесь Бога ради!

Это былъ голосъ Бодростиной.

Лариса и Синтянина остались какъ окаменѣвшія: на нихъ напалъ ужасъ, а вбѣжавшая Глафира металась впотьмахъ, наконецъ нащупала ихъ платья и, схватясь за нихъ дрожащими руками, трепеща, глядѣла въ непроглядную темень, откуда опять было слышались шумъ, шаги и паденья.

— Закройте меня!—простонала Глафира.

На Синтянину напалъ ужасъ. Ближе и ближе несся шумъ, и въ шумѣ въ этомъ было что-то страшное и зловѣщее. Межъ тѣмъ кто-то прежде ворвавшійся путался въ переходахъ, тяжко дышалъ, бился о двери и, спотыкаясь, шепталъ:

— Гдѣ ты! гдѣ же ты наконецъ... я наконецъ сдѣлалъ все, что ты хотѣла... ты свободна... вдова... наконецъ я тебя заслужилъ.

Холодныя мурашки, бѣгавшія по тѣлу генеральши, скипулись горячимъ пескомъ; ея горло схватила судорога и она сама была готова упасть вмѣстѣ съ Ларисой и Бодростиной. Умъ ея былъ точно парализованъ, а слухъ пораженъ всеобщимъ и громкимъ хлопаньемъ дверей, такою бѣготней, такимъ содомомъ, отъ котораго тряслся весь домъ. И весь этотъ потокъ лавиной стремился все ближе и ближе, и вотъ еще хлопъ, свистъ и шорохъ, въ узкихъ назахъ

двери сверкнули огненныя линіи... и изъ устъ Лары вырвался раздирающій вопль.

Предъ ними на полу вертѣлся Жозефъ Висленевъ, съ окровавленными руками и лицомъ, на которомъ была размазанная и смѣшанная съ потомъ кровь.

— Убійца!—вскрикнула страшнымъ голосомъ Лара.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Соломенный духъ.

Когда господа выѣхали смотрѣть огничанье, на дворѣ уже стояла свѣжая и морозная ночь. Ртуть въ термометрахъ на окнахъ Бодростинскаго дома быстро опускалась, и изъ-за угловъ надворныхъ строеній порывало сухою студеною пылью. Можно было предвидѣть, что погода разыграется; но въ лѣсу, гдѣ крестьяне надрывались надъ добываніемъ огня, было тихо. Рѣдкія звѣзды чуть мерцали и замирали; ни одна снѣжинка не искрилась и было очень темно. Стороннему человѣку теперь не легко попасть сюда, потому что не только сама поляна, но и всѣ ведущія къ ней дороги тщательно оберегались отъ захожаго и заѣзжаго. Съ той минуты, какъ Сухому Мартыну что-то привидѣлось, досмотръ былъ еще строже. Въ морозной мглѣ, то тихо выплывали и исчезали, то быстро скакали взадъ и впередъ и чѣмъ-то размахивали какіе-то темные гномы — это были знакомыя намъ сторожевыя бабелины, вооруженныя тяжелыми цѣпами. Чѣмъ ближе къ Аленину Верху, тѣмъ патрули этихъ амазонокъ становились чаще и духомъ воинственнѣе и нетерпѣливѣе. Дѣло съ огнемъ не ладилось. Съ тѣхъ поръ, какъ Сухой Мартынъ зря перервалъ работу, терли они дерево часъ, трутъ другой, а огня нѣтъ. Засинѣетъ, будто, что-то на самой стычкѣ деревьевъ и даже сильно горячимъ пахнетъ, а огня нѣтъ. Мужики приналягутъ, силъ и рукъ не щадятъ, но все попусту... все сейчасъ же, какъ словно по злому наговору, и захолонѣетъ: ни дымка, ни теплой струйки, точно все водой залито.

— Дѣло нечисто, тутъ что-то сдѣлано,—загудѣлъ народъ и, поскидавъ послѣднее платье съ плечъ, мужики такъ отчаянно заработали, что на плечахъ у нихъ задымились рубахи; въ воздухѣ сталъ потный паръ, лица раскраснѣлись какъ рѣпы; набожныя восклицанія и дикая ругань перемѣшивались въ одинъ нестройный гулъ, но проку все нѣтъ; дерево не даетъ огня.

Кто-то крикнулъ, что не хорошо мѣсто.

Слово это пришлось по-сердцу: мужики рѣшили перенести весь снарядъ на другое мѣсто. Закипѣла новая работа: вся справа перетянулась на другую половину поляны: здѣсь опять пропѣли «помоги святители» и стали снова тереть, но опять безъ успѣха.

— Двѣ тому причины есть: либо промежъ насъ есть кто нечистый, либо всему дѣлу вина, что въ барскомъ домѣ старый огонь горитъ.

Нечистымъ себя никто не призналъ, стало быть барскій домъ виноватъ, а на него власти нѣтъ.

— Это баре вредятъ,—проревѣло въ народѣ.

Сухой Мартынъ изшатался и полуодурѣлый сошелъ съ дерева, а вмѣсто его мотался на бревнѣ злой Дербакъ. Онъ сидѣлъ неловко; бревно его безпрестанно щемило то за икры, то за голени, и съ досады онъ становился еще злѣе, надрывался, и не зная, что дѣлать, кричалъ, подражая перепелу: «быть-убить, драть-драть, быть-убить, драть-драть». Высокія ели и сосны, замыкавшія кольцомъ поляну, гудѣли и точно заказывали, чтобы звучное эхо не разносило лихихъ словъ.

Неподалеку въ сторонѣ, у корней старой ели, сидѣлъ на промерзлой кочкѣ Сухой Мартынъ. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и, опершись подбородкомъ на длинный костыль, молчалъ; вокругъ него, привалясь кто какъ попало на землю, отдыхали безуспѣшно оттершіе свою очередь мужики и раздраженно толковали о своей незадачѣ.

Мужики, ища виноватаго, метались то на того, то на другого; теперь они роптали на Сухого Мартына, что не

тоже мѣсто взялъ. Они утверждали, что надо бы тереть на задворкахъ, но обезкураженный главарь все молчалъ и наконецъ, собравшись съ духомъ, едва молвилъ: что они баютъ не дѣло, что огничать надо на чистомъ мѣстѣ.

— Ну, такъ надо было стать на полѣ.—возразилъ ему какой-то щетинистый спорщикъ.

— На полѣ, разумѣется на полѣ: поле отъ лѣшаго дальше и Богу милѣе: оно христіанскимъ потомъ полито.— поддержалъ спорщика козелковатый голосъ.

— Лѣсъ Богу ближе, лѣсъ въ небо дыра, — едва дыша отвѣчалъ Сухой Мартынъ,—а противъ лѣшаго у насъ на сучьяхъ пряжа развѣшана.

— Лѣшій на пряжу никакъ не пойдетъ. — проговорилъ кто-то въ пользу Мартына.

— Ему нельзя, онъ если сюда ступитъ, сейчасъ въ пряжу запутается,—прошѣлъ второй голосъ.

— Ну такъ надо было стать посреди лѣсу, чтобы къ Божьему слуху ближе.—возразилъ опять спорщикъ.

— Божье ухо во весь міръ,—отвѣчалъ, оправляясь, Мартынъ и зачиталъ искаженный текстъ псалма: «Живый въ помощи Вышняго».

Это всѣмъ очень понравилось.

Мужики внимали сказанію о необъятности Божіей силы и власти, а Сухой Мартынъ, окончивъ псаломъ, пустился своими красками изображать величіе Творца. Онъ описывалъ, какъ Господь облачается небесами, препоясуется зорями, а вокругъ него ангеловъ больше, чѣмъ просяныхъ зеренъ въ самомъ большомъ закромѣ.

Мужики, всегда любящіе бесѣду о грандіозныхъ вещахъ, поглотились вниманіемъ и пріумолкли: вышла даже пауза, въ концѣ которой молодой голосъ робко запыталъ:

— А правда ли, что Богъ старый мѣсяцъ на звѣзды крошитъ?

— Неправда,—отвѣчалъ Мартынъ.

— Чего Онъ ихъ станетъ изъ стараго крошить, когда отъ Него намъ всей новины не пересмотрѣть, а звѣзды

окна: изъ нихъ ангелы вылетаютъ,—возразилъ начинавшій передаваться на Мартынову сторону спорщикъ.

— Ну, это врешь,—опровергъ его козелковатый голосъ. На что ангелъ станетъ въ окно сигать? Ангелу во всемъ небеси вездѣ дверь, а звѣзда пламень, она на то поставлена, чтобъ горѣть, когда мѣсяцъ спать идетъ.

— Неправда; а зачѣмъ она порой и тогда свѣтитъ, когда мѣсяцъ яснитъ?

Астрономъ сбился этимъ возраженіемъ и, затрудняясь отвѣчать, замолчалъ, но вмѣсто его въ тишинѣ отозвался новый ораторъ.

— Звѣзда стражница,—сказалъ онъ,—звѣзда все видитъ, она видѣла, какъ Кавель Кавеля убилъ. Мѣсяцъ увидалъ, да испугался, какъ христіянская кровь брызнула, и сейчасъ спрятался, а звѣзда все надъ Кавелемъ плыла, Богу злодѣя показывала.

— Кавеля?

— Нѣтъ, Кавеля.

— Да вѣдь кто кого убилъ-то: Кавель Кавеля?

— Нѣтъ, Кавель Кавеля.

— Врешь, Кавель Кавеля.

Споръ становился очень затруднительнымъ, только было слышно: «Кавель Кавеля», «нѣтъ, Кавель Кавеля». На чьей сторонѣ была правда вѣтхозавѣтнаго факта — различить было невозможно, и дѣло грозило дойти до брани, если бы въ ту минуту неразрѣшаемыхъ сомнѣній изъ темной мглы на счастье не выплылъ маленькій неложайникъ Ермолаичъ и, упадая отъ усталости къ печушку, не заговорилъ сладкимъ, немного искусственнымъ голосомъ.

— Ухъ, усталъ я, рабъ Господень, усталъ, ребятушки: дайте присѣсть посидѣть, вашихъ умныхъ словъ послушать.

И онъ, перекатясь котомъ, помѣстился между мужиковъ, прислонясь спиной къ кочкѣ, на которой сидѣлъ Сухой Мартынъ.

— О чемъ, пареньки-братцы, — спорили: о страшномъ

или о божественномъ; о древней о бабушкѣ или о красной о дѣвушкѣ?—заговорилъ онъ тѣмъ же сладкимъ голосомъ.

Ему разсказали о лунѣ, о звѣздахъ и о Кавелѣ съ Кавелемъ.

— Ухъ, Кавели, Кавели, давніе люди, что намъ до нихъ, братцы, Божіи работнички: ихъ Богъ разсудилъ, а насчетъ неба загадка есть: что стоитъ, молъ, поле полеванское и много на немъ скота гореванскаго, а стережетъ его одинъ пастухъ, какъ ягодка. И идетъ онъ, Божьи людцы, тотъ пастушокъ, лѣсомъ не хрустнетъ, и идетъ онъ плесомъ не всплеснетъ и въ сухой травѣ не зацѣпится, и въ рыхломъ снѣжку не увязнетъ, а кто мудренъ да досужъ разумомъ, тотъ мнѣ сейчасъ этого пастушка отгадаетъ.

— Это красное солнышко,—отозвались хоромъ.

— Оно и есть, оно и есть, молодцы государевы мужички, Божьи молитвенники. Ухъ да ребятки! я зову: кто отгадаетъ? а они въ одно, что и говорить: умудряетъ Господь, умудряетъ. Да и славно же вамъ тутъ; ишь полегли въ снѣжку какъ зайчики подъ сосенкой и потягиваются, да дѣдушку Мартына слушаютъ.

Сухой Мартынъ затрясъ бородой и, покачавъ головой, съ неудовольствіемъ отозвался, что мало его здѣсь слушаютъ, что каждый тутъ про себя хочетъ большимъ главаремъ быть.

— А-а, ну это худо, худо... такъ нельзя, государевы мужички, невозможно; нельзя всѣмъ главарями быть. И загадочный Ермолаичъ началъ разсказывать, что на Божіемъ свѣтѣ ровни нѣтъ; на что-де лѣсъ дерево, а и тотъ въ себѣ разный порядокъ держитъ.—Гляньте-ка, вонъ гляньте: видите небось: всѣ капралы поскидали кафтаны, а вонъ Божія сосеночка промежду всѣхъ другой законъ бережетъ: стоитъ вся въ листвѣ, какъ егарь въ мундирчикѣ, да командуетъ: кому когда просыпаться и изъ теплыхъ вѣтровъ одежду брать. Надо, надо, людцы, главаря слушаться.

— А что же его слушать, когда по его командѣ огня нѣтъ,—запротестовали мужики.

— Будетъ еще, Божьи дѣтки, будетъ. Сейчасъ нѣтути, а потомъ и будетъ: видите грѣетъ, куритъ, а станутъ дуть, огня нѣтъ. Поры значитъ нѣтъ, а придетъ пора, будетъ.

— Говорятъ, что съ того, что въ барскихъ хоромахъ старый огонь сидитъ?

— Ну, какъ знать, какъ знать голуби, которы молоды.

Ермоланчъ все старался шутить въ рѣзкомъ и вообще велъ рѣчь, отзывавшуюся искусственною выдѣланностію простонароднаго говора.

— Нѣтъ, это ужъ мы вѣрно знаемъ, — отвѣчалъ Ермоланчу спорливый мужикъ.

— Да: намъ баилъ самъ нѣгій баринъ, что помѣщикъ, баитъ, огонь нарочно не хочетъ гасить.

— Когда онъ это баилъ нѣгій баринъ? — переспросилъ Ермоланчъ и, въ десятый разъ съ величайшимъ вниманіемъ прослушавъ краткое изложеніе утренней бесѣды Висленева съ мужиками за гуменникомъ, заговорилъ:

— Ну его, ну его, этого нѣгаго барчука, что его слушать!

— А отчего и не послушать-то? Нѣтъ, онъ все за мужиковъ всегда разсуждаетъ.

— Онъ дѣло баитъ: побить,—говоритъ, ихъ всѣхъ, да и на что того лучше?

— Ну дѣло! легка ли стать! Не слушайте его: пшь онъ какъ шелудовый торопится, когда еще и баня не топится. Глядите-ка лучше вонъ какъ мужички-то приналегли, ажно древо визжитъ! Ухъ! верти, верти круче! Ухъ! вотъ сейчасъ возлетитъ орелъ во рту огонь, а по конецъ его хвоста и будетъ коровья смерть.

Народъ налегалъ; возжи ходили какъ струны и бревно летало стрѣлой; но спорливый мужикъ у кочки и здѣсь ворчалъ подъ руку, что все это ничего не значитъ, хоть и добылъ огонь: не поможетъ дегтярный крестъ, когда животворящій не помогъ.

Ермоланчъ и ему сталъ поддакивать.

— Ну да,—засластилъ онъ своимъ мягкимъ голоскомъ:—

кто споритъ, животворный крестъ дехтярнаго завсегда старше, а знаешь присловье: «почитай молитву, не ворочь ворежбы».

Это встрѣтило общее одобреніе и кто-то сейчасъ же завелъ, какъ гдѣ-то вдалекѣ съ коровьей смертью хотѣли одни попы крестомъ да молитвой справиться и не позволяли колдовать; бились они колотились, и ничего не вышло. И шелъ вотъ по лѣсу мужикъ, такъ плохенькій бѣднячокъ, и коровъ у него отъ роду ни одной не было, а звали его Аѳанасій и былъ онъ травкой подпоясанъ, а въ той-то травѣ была трава змѣино видище. Вотъ онъ идетъ разъ, видитъ сидитъ въ лѣсу при чищобѣ на пенечкѣ бурый медвѣдь и говоритъ: «Мужикъ Аѳанасій травкой подпоясанъ, это я самъ и есть коровья смерть, только мнѣ Божьихъ мужичковъ очень жаль стало: ступай, скажи, пусть они мнѣ выведутъ въ лѣсъ одну бѣлую корову, а черныхъ и пестрыхъ весь день за рога держутъ, я такъ и быть съѣмъ бѣлую корову и отъ васъ и уйду. Сдѣлали такъ по его, какъ онъ требовалъ, сейчасъ и моръ пересталъ.

— Да ужъ медвѣдь степенный звѣрь, онъ ни въ жизнь не обманетъ.

— А степененъ да глупъ: если онъ въ колоду лапу завязитъ, такъ не вытащитъ, все когти рветъ, а какъ вынуть, про то снаровки нѣтъ.

— Гдѣ же ему снаровки, медвѣдю, взять, вмѣшался другой мужикъ:—вонъ я въ городѣ слона приводили,—видѣлъ: на что больше медвѣдя, а тоже булку ему дадутъ, такъ онъ ее въ себя не жевамши, какъ купецъ въ комодъ, положитъ.

— Медвѣдь думецъ, поправилъ третій мужикъ, онъ не глупъ, у него думъ въ головѣ страсть какъ много сидятъ, а только наружу ничего не выходитъ, а то бы онъ всѣхъ научилъ.

Но спорщикъ на все это отвѣтилъ сомнѣньемъ и даже не видалъ причины, для коей бы коровья смерть медвѣдемъ сидѣла. Съ этимъ согласились и другіе.

— Да: вѣдь смерть нежить, у нея лица нѣтъ, на что же ей скидываться, поддержалъ козелковатый.

— Какъ же лица нѣтъ, когда она безъ глазъ видитъ и въ церкви такъ пишется?

— Да, у смерти лица нѣтъ, у нея обликъ, вставилъ чужой мужикъ, одинъ обликъ, вотъ все равно какъ у кикиморы. У той тоже вѣдь лица нѣтъ... такъ на мордочкѣ-то ничего не видать, даже никакой облики, вся въ кастрику обвалена, а все прядетъ и напрядетъ себѣ въ зиму семьдесятъ семь одежекъ, а все безъ застежекъ, потому ужъ ей застежекъ пришить нечѣмъ.

— А кащей, вонъ хоть съ ноготь, обличье имѣетъ, у насъ дѣдъ одинъ его видѣлъ, такъ, говоритъ, личико махонькое-махонькое, какъ затертый пятналтынникъ.

— Про это и попы не знаютъ, какое у нежити обличіе, отозвался на эти слова звонкоголосый мужичокъ и сейчасъ же самъ заговорилъ, что у нихъ въ селѣ есть образъ пророка Сисанія и при немъ списаны двѣнадцать сестеръ лихорадокъ, всѣ какъ есть просто голыми бабами наружу выставлены, а рожи имъ всѣ повышечены, потому что какъ кто ставитъ пророку свѣчу, сейчасъ самымъ огнемъ бабу въ морду ткнетъ, чтобъ ея лица не значилось.

— Да и архангелъ ихъ, этихъ двѣнадцать сестеръ, тоже огненными прутьями страсть какъ поретъ, чтобъ онѣ народъ не трясли, пояснилъ другой мужикъ изъ того же села и добавилъ, какъ онъ разъ замерзалъ въ пургу и самого архангела видѣлъ.

— Замерзалъ, говоритъ,—я замерзалъ и все Егорью молился и сталъ вдругъ видѣть, что въ полугорьѣ недалече самъ Егорій середь бѣлаго снѣгу на бѣломъ конѣ стоитъ, позади его яснитъ широкъ бѣлъ шатеръ, а онъ самъ на ледяное копье опирается, а вокругъ его волки, которые на него бросились, всѣ ледянками стали.

— А я одинъ разъ холеру видѣлъ, произнесъ еще одинъ голосъ, и вмѣшавшійся въ разговоръ крестьянинъ разсказалъ, какъ предъ тѣмъ года четыре назадъ у нихъ холерѣ

быть, и онъ разъ пошелъ весной на дворъ, вилой навозъ ковырять, а на навозѣ, откуда не возьмись, пѣтухъ, самъ пестъ, а перья на немъ всѣ болтаются: это и была холера, которая въ ту пору, значитъ, еще только прилетѣла да сѣла.

Разговоръ сталъ сбиваться и путаться: кто-то заговорилъ, что на Волховѣ на рѣкѣ всякую ночь гробъ плыветъ, а мертвецъ реветъ, вокругъ свѣчи горятъ и ладанъ пышетъ, а покойникъ въ вѣчный колоколъ бьетъ и на Ивана царя грозится. Не умолкъ этотъ разсказчикъ, какъ другой сталъ сказывать; куда кони пропадаютъ, сваливая все это на вину живущей гдѣ-то на турецкой землѣ бѣлой кобылицы съ золотою гривой, которую если только конь заслышитъ какъ она по ночамъ ржетъ, то ужъ непремѣнно уйдетъ къ ней, хоть его за семью замками на цѣпяхъ держи. За этимъ пошла рѣчь о замкахъ, о разрывъ-травѣ и какъ ее узнавать, когда сѣно косятъ и косы ломятся, и о томъ, что разрывъ-трава одну кошку не разрываетъ, но что за то кошкѣ дана другая напасть: она если варенаго гороху съѣстъ, сейчасъ оглохнетъ. Оказывалось, впрочемъ, что и ей еще не хуже всѣхъ, потому что мышь, если въ церкви подъ царскія врата шмыгнетъ, такъ за то летучей должна скинуться.

Бесѣда эта на всѣхъ, кто ее слушалъ, производила тихое, снотворное впечатлѣніе, такое, что и строптивный мужикъ не возражалъ, а Ермолаичъ, зѣвая и крестя ротъ, прошѣлъ: да, да, все всему гласъ подаетъ, и слушаетъ дуброва, какъ вода говоритъ: «побѣжимъ, побѣжимъ», а бережки шопотятъ: «постоимъ, постоимъ», а травка зоветъ: «пошатаемся». Но съ этимъ разсказчикъ быстро всталъ, и за нимъ торопливо вскочили другіе. Великое таинодѣйствіе на полянѣ совершалось: красная сосна, врѣзаясь въ черную липу, пилила пилой, въ воздухѣ сильно пахло горячимъ деревомъ и смолой и прозрачная синеватая свѣтящаяся нитка мигала на одномъ мѣстѣ въ воздухѣ.

— Ну, ну, сынки-хватки, дочки-полизушки: налягъ! крикнулъ, бросаясь къ добычникамъ, Ермолаичъ.

Еще секунда, и огонь добытъ; сынки-хватки, дымяся по-

томъ, еще сильнѣй налегли; дочки-полизушки сунулись къ дымящимся бревнамъ съ пригоршнями сухихъ стружекъ и съ оттопыренными губами, готовыми раздуть затлѣвшуюся искру въ полымя, какъ вдругъ натянутые безмѣрнымъ усердіемъ концы веревокъ лопнули; съ этимъ вмѣстѣ обѣ стѣны трущихъ огонь крестьянъ, оторвавшись, разомъ упали: расшатанное бревно взвизгнуло, размахнулось и многихъ больно зашибло.

Послышались тяжкіе стоны, затѣмъ хохотъ, затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ адскій шумъ, воскликъ, зовъ на помощь и снова стонъ ужасный, отчаянный; и все снова затихло, точно ничего не случилось, межъ тѣмъ какъ произошло нѣчто замѣчательное: Михаила Андреевича Бодростина не стало въ числѣ живыхъ, и разрѣшить, кто положилъ его на мѣстѣ, было не легче, чѣмъ разрѣшить споръ о Кавелѣ и Кавелѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Коровья смерть.

Рядъ экипажей, выѣхавшихъ съ Бодростинскими гостями посмотрѣть на проказы русскихъ Титаніи и Оберона, подвергшись неоднократнымъ остановкамъ отъ бабьихъ объѣздовъ, благополучно достигъ Аленина Верха. Патрули напрасно останавливали и старались удержать господъ,—ихъ не слушали, и рослые господскіе кони, взмахнувъ хвостами, оставляли далеко позади себя заморенныхъ крестьянскихъ клячъ и ихъ татуированныхъ всадницъ. Сторожевымъ бабамъ не оставалось ничего иного, какъ только гнаться за господами, и онѣ, нахлестывая своихъ кляченокъ, скакали, отчаянно крича и вопія о помощи.

Первыми на мѣсто огничанья примчались троечныя дрожки, на которыхъ ѣхали Бодростинъ, Гордановъ и Висленевъ. Михаилъ Андреевичъ чувствовалъ, что дѣло становится неладно и велѣлъ кучеру остановиться на углу поляны, за густою купой деревьевъ. Здѣсь онъ хотѣлъ подо-

ждать отставшихъ отъ него гостей, чтобы сказать имъ, что затѣю смотрѣть огничанье надо оставить и повернуть скорѣе другою дорогой назадъ. Но сзади по-пятамъ гнались бабы: стукъ некованныхъ копытъ ихъ коней уже былъ слышенъ близехонько. Онѣ настигали, и какъ настигнутъ, можетъ произойти не вѣсть что. Гдѣ гости: впереди погони, или уже опережены, и погоня мчится только за Бодростинымъ? Въ этомъ, казалось, необходимо удостовѣриться. Опасность еще не представлялась особенно большою, но про всякій случай Бодростинъ, оставивъ дрожки на дорогѣ, самъ быстро спрыгнулъ и отошелъ съ тростью въ рукѣ подъ нависшія вѣтви ели. За нимъ послѣдовалъ Гордановъ. Висленевъ же остался на дрожкахъ и, спустясь на подножье крыла, притаился, какъ будто его и не было.

— Гдѣ онъ?.. гдѣ же этотъ нашъ бэбэ? безпокоился о немъ Бодростинъ.—Возьмите его, пожалуйста, Гордановъ, а то его какая-нибудь Авдоха толкнетъ по макушкѣ, и онъ будетъ готовъ.

Гордановъ пригнулъ къ дрожкамъ, которыя кучеръ изъ предосторожности отодвинулъ къ опушкѣ подъ вѣтви, но Жозефа на дрожкахъ не было. Гордановъ позвалъ его. Жозефъ не отзывался: онъ сидѣлъ на подножьѣ крыла, спустя ноги на землю и, весь дрожа, держался за бронзу козелъ и за спицы колесъ. Въ этомъ положеніи открылъ его Гордановъ и, схвативъ за руку, повлекъ за собою.

— Не могу, говорилъ Жозефъ, но Гордановъ его тащилъ, и когда они были возлѣ Бодростина, Жозефъ вдругъ кинулся къ нему и залепеталъ:

— Михаилъ Андреевичъ, я боюсь!.. мнѣ страшно!..

— Чего же, любезный, страшно?

— Не знаю, но право... такъ страшно.

— Чего? чего? повторилъ Гордановъ.—Гдѣ твоя сигара?

— Сигара?.. да, у меня горитъ сигара. Бога ради возьмите, Михаилъ Андреичъ, мою сигару!

И Жозефъ внезапно ткнулъ въ руку Бодростина огнемъ

сигары, которую за секунду предъ этимъ всунулъ ему Гордановъ.

Бодростинъ громко вскрикнулъ отъ обжога: сигара полетѣла на землю, искры ея разсыпались въ воздухѣ по низу, а въ то же время по-верху надъ всею группой замелькали цѣпы, точно длинныя черныя змѣи. Раздался вой, бухнулъ во что-то тяжелый толкачъ и рѣзко вырвался одинъ раздирающій вскрикъ. Мимо пронеслась вереница экипажей и троечныя дрожки, на которыхъ ѣхалъ сюда Бодростинъ, неслись Богъ вѣсть куда, по ямамъ и рытвинамъ, но на нихъ теперь было не три, а два сѣдока; назадъ скакали, стоя и держась за кучера, только Гордановъ и Висленевъ. Бодростина уже не было.

Кучеръ, не могшій во всю дорогу справиться съ лошадьми, даже у подъѣзда барскаго дома не замѣтилъ, что барина нѣтъ между тѣми, кого онъ привезъ, и отсутствіе Бодростина могло бы долго оставаться необъяснимымъ, еслибы Жозефъ, ворвавшись въ домъ, не впалъ въ странный ражъ. Онъ метался по комнатамъ, то стоналъ, то шепталъ, то выкрикивалъ:

— Глафира! Глафира! Гдѣ вы? Я васъ освободилъ!

Неудержимо несясь съ этими кликами безумнаго изъ комнаты въ комнату, онъ стремительно обѣжалъ всѣ пункты, гдѣ надѣялся найти Графиру Васильевну, и унять его не было никакой возможности. Гордановъ самъ былъ смущенъ и потерянъ. Онъ не ожидалъ такой выходки, пытался было поймать Жозефа и схватить его за руку, но тотъ отчаянно вырвался и, бросаясь впередъ съ удвоенною быстротой, кричалъ:

— Нѣтъ-съ; нѣтъ-съ; извините, это я, а не вы-съ... а не вы!

Гордановъ сообразилъ, что ему надо бросить попытку остановить это сумасшествіе, и Жозефъ, переполошивъ весь домъ, ворвался, какъ мы видѣли, въ комнату Лары.

Глафира слышала этотъ переполохъ и искала отъ него спасенія. Она была встревожена еще и другою случайностью.

Когда, отпустивъ гостей, она ушла къ себѣ въ будуаръ, гдѣ, подъ предлогомъ перемѣны туалета, хотѣла наединѣ переждать тревожныя минуты, въ двери къ ней кто-то слегка стукнулъ, и когда Глафира откликнулась и оглянулась, предъ нею стоялъ монахъ.

У Глафиры морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Откуда могъ взяться этотъ странный пришлецъ? Кто могъ впустить и проводить его черезъ цѣлые ряды комнатъ?

— Что вамъ нужно? спросила его, быстро двинувшись съ мѣста, Бодростина.

Монахъ улыбался и шатался какъ пьяный.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? повторила Глафира.

— Помолить о душѣ, проговорилъ, запикаясь и при этомъ ужасно кривляя лицомъ, монахъ.

— О какой душѣ? прошу васъ выдти! Идите въ контору.

— Проводите.

Глафира бросилась къ звонку: ей показалось, что это не монахъ, а убійца... но когда она, дернувъ звонокъ, оглянулась, монаха уже не было, и ее поразила новая мысль, что это было видѣніе.

Глафира кинулась узнать, какимъ образомъ могъ появиться этотъ монахъ и куда онъ вышелъ, какъ вдругъ ей противъ воли вспомнился Водопьяновъ и ей показалось, что это былъ именно онъ. Она бѣжала не помня себя и очувствовалась, когда метавшійся впотьмахъ Жозефъ былъ освѣщенъ вбѣжавшими вслѣдъ за нимъ людьми съ лампами и свѣчами.

При видѣ растрепанной фигуры, взволнованнаго и перепачканнаго кровью лица и обезумѣвшихъ глазъ Жозефа, который глядѣлъ, ничего не видя, и стремился къ самому лицу Глафиры, хватая ее окровавленными руками и отпихивая ногой Горданова, Глафира затрепетала и, сторонясь, крикнула: «прочь!»

— Это *не онъ, не онъ*, а я. Я все кончилъ, лепеталъ Висленевъ.

Глафира, теряя силы, едва могла съ ужасомъ и омерзѣ-

ніемъ отпихнуть его и бросилась за Синтянину, межъ тѣмъ какъ Гордановъ, отбросивъ Жозефа, закричалъ:

— Ты съ ума сошелъ, бѣшеная тварь!

Но въ это же самое мгновеніе за плечами Горданова грянулъ выстрѣлъ, и пуля влипла въ стѣну надъ головой Павла Николаевича, а Жозефъ, колеблясь на ногахъ, держалъ въ другой рукѣ дымящійся пистолетъ и шепталъ:

— Нѣтъ: полно меня отбрасывать! Обѣщанное ждется-съ!

Все это было дѣломъ одного мгновенія, и ни Гордановъ, ни дамы, ни слуги не могли понять причины выстрѣла и въ болѣе безмолвномъ удивленіи, чѣмъ въ страхѣ, смотрѣли на Жозефа, который, водя вокругъ глазами, тянулся къ Глафирѣ.

— Боже мой, чего ему отъ меня нужно? произнесла она, стараясь укрыться за Гордановымъ.

Но это ей неудалось, и серьезно помѣшавшійся Висленевъ тянулся къ ней и лепеталъ:

— Обѣщанное ждется-съ, обѣщанное ждется! Я сдѣлалъ все... все честно сдѣлалъ и требую расплаты!

Гордановъ пришелъ, наконецъ, въ себя, бросился на Висленева, обезоружилъ его однимъ ударомъ по рукѣ, а другимъ сшибъ съ ногъ и, придавивъ къ полу, велѣлъ людямъ держать его. Лакеи схватили Висленева, который и не сопротивлялся: онъ только тяжело дышалъ и, водя вокругъ глазами, попросилъ пить. Ему подали воды, онъ жадно началъ глотать ее, и вдругъ, бросивъ на полъ стаканъ, отвернулся, поманилъ къ себѣ рукой Синтянину и, закрывъ лицо полосой ея платья, зарыдалъ отчаянно и громко.

— Боже мой, Боже мой, что я надѣлалъ!—Люди! всѣ, кто здѣсь есть, бѣгите!.. туда... въ Аленинъ Верхъ... тамъ Михаилъ Андреичъ... можетъ быть онъ еще живъ!

При этихъ словахъ все поднялось, взмѣшалось, и кто бѣжалъ къ двери, кто бросался къ окнамъ; а въ окна чрезъ двойныя рамы врывался сплошной гулъ, и во тьмѣ, окружающей домъ, плыло большое огненное пятно, отъ котораго то въ ту, то въ другую сторону отдѣлялись свѣтлыя точки.

Невозможно было понять, что это такое. Но вотъ все это приближается и становится кучей народа съ фонарями и пылающими головнями и сучьями въ рукахъ.

Это двигались огничане Аленина Верха: они, наконецъ, добыли огня, сожгли на немъ чучелу мары; набрали въ чугунки и корчажки зажженныхъ лучинъ и тронулись было опахивать землю, но не успѣли завести борозды, какъ подъ ноги бабъ попалось мертвое и уже окоченѣвшее тѣло Михаила Андреевича. Эта находка поразила крестьянъ неописаннымъ ужасомъ; опахиванье было забыто и перепуганные мужики съ полунагими бабами въ неудомѣніи и страхѣ потащили на господскій дворъ убитаго барина.

Кортежъ былъ необычайный!

Полуобнаженныя женщины въ длинныхъ рубахахъ, съ растегнутыми воротниками и лицами, размазанными мѣломъ, кирпичомъ и сажей; густой желтосизый дымъ пылающихъ головней и красныхъ угольевъ, свѣтящихъ изъ чугунковъ и корчажекъ, съ которыми огромная толпа мужиковъ ворвалась въ домъ, и среди этого дыма коровій черепъ на шестѣ, неизвѣстно для чего сюда попавшій, и тощая вдова въ саванѣ и съ глазами безъ вѣкъ; а на землѣ трупъ съ распростертыми окоченѣвшими руками, и тутъ же суетящіеся и незнающіе, что дѣлать, гости. Все это составляло фантастическую картину нѣмого и холоднаго ужаса. Здѣсь не было ни слезъ, ни воплей, ни укоризнъ и вздоховъ, а одинъ столбнякъ надъ трупомъ... И надъ *какимъ* трупомъ! Надъ трупомъ человѣка, который часъ тому назадъ былъ здоровъ и теперь лежалъ обезображенный, испачканный, окоченѣвшій, съ растопыренными, впередъ вытянутыми руками. Руки мертвеца окостенѣли объ въ напряженномъ положеніи; точно онъ на кого-то указывалъ или къ кому-то взывалъ о защитѣ и отмщеніи, или отъ кого-то отпихивался. Къ довершенію картины, трупъ имѣлъ правый глазъ остолбенѣлый, съ открытыми вѣками, а лѣвый—прищуренный, точно подсматривающій и подкарауливающій; языкъ былъ прикушенъ, темя головы совершенно плоско: оно раздро-

блено, и съ него, изъ-подъ сѣдыхъ, сукровицей, мозгомъ и грязью смоченныхъ волосъ, на самые глаза надулся багровый кровяной подтекъ. Ко всему этому, для полноты впечатлѣнія, надлежитъ еще прибавить бѣднаго Висленева, который, присѣдая, повисалъ на рукахъ схватившихъ его лакеевъ; такъ появился онъ на порогѣ и, водя вокругъ безумными глазами, беззвучно шепталъ: «обѣщанное ждется-съ; да, обѣщанное ждется».

Первая пришла въ себя Глафира: она сдѣлала надъ собою усиліе и со строгимъ лицомъ не плаксивой, но глубокой скорби прошла чрезъ толпу, остановилась надъ самымъ трупомъ мужа и, закрывъ на минуту глаза рукой, бросилась на грудь мертвеца и... въ ту же минуту въ замѣшательствѣ отскочила и попятилась, не сводя взора съ раскачавшихся рукъ мертвеца.

— Вы неосторожно его тронули,—проговорилъ ей на ухо малознакомый голосъ человѣка, къ которому она въ испугѣ прислонилась.

Она взглянула и увидала золотыя очки Ворошилова.

— Вы испугались?—продолжалъ онъ шопотомъ.

— Нимало,—отвѣчала она громко, и сейчасъ же, оборотясь къ Горданову, сказала повелительнымъ тономъ:—Займитесь, пожалуйста, всѣмъ... сдѣлайте все, что надо... мнѣ не до того.

И съ этимъ она повернулась и ушла во внутреннiе покои.

Сцена оживилась: столпившихся крестьянъ погнали вонъ; гости, кто какъ могъ, отыскали своихъ лошадей и уѣхали; трупъ Бодростина пока прикрыли скатертью, Гордановъ между тѣмъ не дремалъ: въ городъ уже было послано извѣстiе о крестьянскомъ возмущенiи, жертвой котораго палъ безчеловѣчно убитый Бодростинъ. Чтобы подавить возмущенiе, требовалось войско.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Нéжить мечется.

Къ смерти, какъ и ко всему на свѣтѣ, можно относиться различно: такъ созданъ свѣтъ, что гдѣ хоть два есть человѣка, есть и два взгляда на предметъ. Въ тѣ самыя минуты, когда приговоренный Нероном къ смерти эпикуреецъ Люцій шутитъ, раздѣляющій судьбу его стоикъ Сенека говоритъ: «въ часъ смерти шутки неприличны, смерть—шагъ великій, и есть смыслъ въ платоновскомъ ученьѣ, что смерть есть мигъ перерожденья», но оба они умираютъ со своими взглядами на смерть, и нѣтъ свидѣтельствъ, кто изъ нихъ болѣе правъ былъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе, «небытіе ль насъ ждетъ» иль «мигъ перерожденья», смерть—шагъ слишкомъ серьезный, и мертвецъ, лежащій предъ нашими глазами, всегда производитъ впечатлѣніе тяжелаго свойства. Но и въ этомъ случаѣ человѣкъ видимо платитъ дань внѣшнимъ условіямъ и относится къ значенію лежащаго предъ нимъ «вещественнаго доказательства» его земной временности, подъ вліяніемъ обстановки и обстоятельствъ. Нагой трупъ, препарированный на столѣ анатомическаго театра, или трупъ, ожидающій судебно-медицинскаго вскрытія въ сараѣ съѣзжаго полицейскаго дома, и трупъ, положенный во гробѣ, покрытый парчой, окажденный ладаномъ и освѣщенный мерцаніемъ погребальныхъ свѣчъ,—это все трупы, все останки существа, бывшаго человѣкомъ, тѣ же «кожаныя ризы», покинутыя на тлѣнъ и разрушеніе; но чувства, ощущаемыя людьми при видѣ этихъ совершенно однокачественныхъ и однозначащихъ предметовъ, и впечатлѣнія, ими производимыя, далеко не одинаковы. *Трупъ* безгласенъ, *покойникъ* многовнушителенъ. Не только ученый анатомъ, проводящій всю жизнь въ работѣ надъ трупами въ интересахъ науки, но даже огрубѣлый палачъ не сохраняетъ полнаго равнодушія при видѣ трупа, положеннаго во гробъ и обставленнаго всѣмъ, чѣмъ

крѣпка христіанская могила. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается, когда снаряженный къ погребенію трупъ вчера еще былъ человѣкъ, нами близко знаемый, вчера живой, нынче безгласный, съ измѣнившимся, обезображеннымъ ликомъ, каковъ былъ теперь Бодростинъ.

Суета, смѣнившаяся мертвою тишиной, какъ только Михаила Андреевича положили на столъ въ большой залѣ, теперь замѣнялась страхомъ, смѣшаннымъ съ недовѣріемъ къ совершившемуся факту. Люди ощущали тягость присутствія мертвеца и въ то же время не довѣряли, что онъ умеръ. Онъ еще такъ недавно жилъ и дѣйствовалъ, что въ умахъ никакъ не укладывалась мысль, что его уже нѣтъ. Притомъ же необыкновенная смерть его вела за собой и необычные порядки: мертвеца положили на столъ, покрыли его взятымъ изъ церкви покровомъ и словно позабыли о немъ. Не было заботы, чтобъ окружить его тою обстановкой, на какую онъ имѣлъ право по своему положенію и богатству. Гости разбѣжались во-свояси; вдова заключилась въ свои аппартаменты; управитель Гордановъ, позабывъ о своемъ нездоровьѣ, распоряжался окружить домъ и усадьбу утроеннымъ карауломъ и слалъ гонца за гонцомъ въ городъ, настаивая на скорѣйшей присылкѣ войскъ для подавленія крестьянскаго бунта; Ларису почти безъ чувствъ увезла къ себѣ Синтянина; слуги, смятенные, бродили, наступая другъ другу на ноги, и толкались, пока, наконецъ, устали и, не чуя подъ собою ногъ, начали зѣвать и сѣли... А о покойникѣ все-таки опять никто не позаботился: мѣстный церковный причтъ было толкнулся, но сейчасъ же отчалилъ и Богъ не былъ еще благословенъ надъ умершимъ. Впрочемъ, три церковныхъ подсвѣчника безъ свѣчъ, поставленные дьячкомъ въ углу зала, показывали, что церковь помнитъ свое дѣло, но не смѣетъ приступить къ нему безъ разрѣшенія начальства и власти. Одно, на что посягнули вокругъ трупа,—было чтеніе псалтиря. Къ этому тоже никто никого не приглашалъ, но за это безъ зова взялся старый дворовый, восьмидесятилѣтній Сидъ, знавшій покой-

наго еще молодымъ человѣкомъ. Старый рабъ, услыхавъ о событіи, проникъ сюда съ книгой, которая была старше его самого, и, прилѣпивъ къ мѣдной пряжкѣ чернаго переплета грошовую желтую свѣчку, сталъ у мраморнаго подоконника и зашамшалъ беззубымъ ртомъ: «Блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ».

Поздній совѣтъ этотъ раздался въ храминѣ упокоенія Бодростина уже о самой полуночи. Зала была почти совсѣмъ темна: ее едва освѣщала грошовая свѣчка чтеца, да одна позабытая и едва мерцавшая вдалекѣ лампа. При такой обстановкѣ одна изъ дверей большого покоя пріотворилась и въ нее тихо вошелъ Ворошиловъ.

Чтецъ оглянулъ исподлобья вошедшаго и продолжалъ шуршить своими беззубыми челюстями.

Ворошиловъ, приблизясь къ столу, на которомъ лежалъ покойникъ, остановился въ ногахъ, потомъ обошелъ вокругъ и опять всталъ. Чтецъ все продолжалъ свое чтеніе.

Прошло около четверти часа: Ворошиловъ стоялъ и внимательно глядѣлъ на мертвеца, словно изучалъ его или что-то надъ нимъ раздумывалъ и соображалъ, и наконецъ, оглянувшись на чтеца, увидалъ, что и тотъ на него смотритъ и читаетъ наизусть, по памяти. Глаза ихъ встрѣтились. Ворошиловъ тотчасъ же опустилъ на лицо убитаго покровъ и, подойдя къ чтецу, открылъ табакерку. Сидъ, не прерывая чтенія, поклонился и помоталъ отрицательно головой.

— Не нюхаете?—спросилъ его Ворошиловъ.

— Нѣтъ, не нюхаю,—ввелъ чтецъ въ текстъ своего чтенія и продолжалъ далѣе.

Ворошиловъ постоялъ, понюхалъ табаку и со вздохомъ проговорилъ:

— А? Каковъ грѣхъ-то? Кто это могъ ожидать?

Чтецъ остановился и, поглядѣвъ чрезъ очки, отвѣчалъ:

— Отчего же не ожидать? Это ему давно за меня приназначено.

— За васъ? что такое: развѣ покойникъ...

Но Сидъ перебилъ его.

— Ничего больше, — сказалъ онъ, — какъ это онъ свое получилъ: какъ жилъ, такъ и умеръ, собакѣ — собачья и смерть.

Ворошиловъ внимательно воззрился на своего собесѣдника и спросилъ его, давно-ли онъ зналъ покойника.

— Давно-ли я зналъ его? А кто же его давнѣе меня зналъ? На моихъ рукахъ выросъ. Я его въ купѣли цѣловалъ и въ гробу завтра поцѣлую: я дядькой его былъ, и его, и брата его Тимоѳея Андреевича пѣстовалъ: такой же неблагодарный былъ, какъ и этотъ.

— Это вы про сумасшедшаго?

— Нѣтъ, тотъ былъ Иванъ Андреевичъ, и тотъ былъ аспидъ, да они, такъ сказать, и всѣ были злымъ духомъ обуяны.

— Вы не любили ихъ?

Чтецъ, помолчавъ, поплевалъ на пальцы и, сощипнувъ нагаръ со своей свѣчки, нехотя отвѣтилъ:

— Не любилъ, что такое значитъ не любить? Когда мое время было любить или не любить, я тогда, милостивый государь, крѣпостной рабъ былъ, а что крови моей они всѣ вволю попили, такъ это вѣрно. Я много обидъ снесъ.

— Который же васъ обижалъ, тотъ или этотъ?

— И тотъ, и этотъ. Этотъ еще злѣе того былъ.

— Ну, вотъ потому, значитъ, вы его и не долюбливаете?

Чтецъ опять подумалъ и, кивнувъ головой на мертвеца, проговорилъ:

— Что его теперь не долюбливать, когда онъ какъ колода валяется; а я ему всегда говорилъ: «Я тебя переживу», вотъ и пережилъ. Онъ еще на той недѣлѣ со мной встрѣтился, ажъ зубами заскрипѣлъ: «Чтобъ тебѣ, говоритъ, старому чорту, провалиться», а я ему говорю: «то-то, молъ, и есть, что земля-то твоя, да тебя, изверга, не слушается и меня не принимаетъ».

— Вы такъ ему и говорили?

— Какъ?—переспросилъ съ недоумѣніемъ чтецъ. А то какъ бы я еще съ нимъ говорилъ?

— То-есть этими самыми словами?

— Да, этими самыми словами.

— Такъ извергомъ его и называли?

— Такъ извергомъ и называлъ. А то какъ еще его было называть? Онъ говоритъ: «когда ты, старый шакалъ, издохнешь?» а я отвѣчаю: «тебя переживу и издохну». А то что же ему спущать что ли стану? Ни въ жизнь никогда не спускалъ,—и старикъ погрозилъ мертвецу пальцемъ и добавилъ:—и теперь не надѣйся, я вѣрный рабъ и вѣренъ пребуду и теперь тебѣ не спущу: говорилъ я тебѣ, что «переживу» и пережилъ, и теперь предстанемъ предъ Судію и посудимся.

И беззубый ротъ старика широко раскрылся и потухшіе глаза его оживились.

— Да!—взывалъ онъ,—да! Пережилъ я тебя и теперь скоро позову тебя на судъ.

Ворошиловъ съ удивленіемъ глядѣлъ на этого «вѣрнаго раба» и тихо ему замѣтилъ, что такъ не идетъ говорить о покойникѣ, да еще надъ его тѣломъ.

— А что мнѣ его тѣло!—рѣзко отвѣтилъ старикъ, и съ этимъ отбросилъ отъ себя на подоконникъ книгу, оторвалъ отъ нея прилѣпленную свѣчонку и, выступивъ съ нею ближе къ трупу, заговорилъ:—А извѣстно ли кому, что это не его тѣло, а мое? Да, да! Кто мнѣ смѣетъ сказать, что это его тѣло? Когда онъ двѣнадцати лѣтъ тонулъ, кто его вытащилъ? Я! Кто его устыжалъ, когда онъ въ Бога не вѣрилъ? Я! Кто ему говорилъ, что онъ собачьей смертью издохнетъ? Я! Кто его въ войнѣ изъ чужихъ мертвыхъ тѣлъ на спинѣ унесъ? Я! Я, все я, вѣрный рабъ Сидоръ Тимоѳеевъ, я его изъ могилы унесъ, моимъ дыханьемъ отдышалъ!—закричалъ старикъ, начавъ колотить себя въ грудь, и вдругъ подскочилъ къ самому столу, на которомъ лежалъ обезображенный мертвецъ, присѣлъ на корточки и зашамкалъ:—Я ради тебя имя крестное потерялъ, а ты какъ Сидора Тимо-

осева злымъ псомъ называлъ? какъ ты по сусаламъ билъ? какъ ты его за дерзость на цѣпь сажалъ? За что, за правду! За то, что я вѣрный рабъ, я крѣпостной слуга, не наемщикъ скаредный, не за деньги тебѣ служилъ, а за побои, потому что я правду говорилъ, и говорилъ я тебѣ, что я тебя переживу, и я тебя пережилъ, пережилъ, и я на судъ съ тобой стану, и ты мнѣ поклонишься и скажешь: «прости меня, Сидъ», и я тебя тогда прощу, потому что я вѣрный рабъ, а не наемщикъ, а теперь ты лежи, когда тебя Богъ убилъ, лежи и слушай.

И съ этимъ оригинальный обличитель бросился къ своей книгѣ, перекрестился и быстро забормоталъ: «Услыши, Господи, правду мою и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ».

Ворошиловъ съ недоумѣніемъ оглянулся вокругъ и вздрогнулъ: сзади, за самыми его плечами, стоялъ и, безобразно раскрывъ широкій ротъ, улыбался молодой лакей съ масляннымъ глупымъ лицомъ и безпечно веселымъ взглядомъ. Замѣтивъ, что Ворошиловъ на него смотритъ, лакей щелкнулъ во рту языкомъ, облизнулся и, проведя рукой по губамъ, молвилъ:

— Сидъ Тимоѳеичъ всѣхъ удивляетъ-съ,—съ этимъ онъ кивнулъ головой на чтеца и опять застылъ съ своею глупою улыбкой.

Ворошилова вдругъ ни съ того, ни съ сего стало подирать по кожѣ: предъ нимъ былъ мертвецъ и безуміе; все это давало поводъ заглядывать въ обыкновенно сокрытую глубину человѣческой натуры; ему показалось, что онъ въ какомъ-то страшномъ мірѣ, и человѣческое слово стоявшаго за нимъ лакея необыкновенно его обрадовало.

— Что вы сказали?—переспросилъ онъ, чтобы затѣять разговоръ.

— Я докладывалъ насчетъ Сида Тимоѳеича,—повторилъ лакей.

— Кто такой этотъ Сидъ? — прошепталъ Ворошиловъ, отведя въ сторону лакея.

— Старый дворовый, дядькой ихъ былъ, потомъ камер-

диперомъ; только впослѣдствіи онъ, Сидъ Тимоѳеичъ, ужъ очень старъ сталъ и оставленъ непричемъ.

— Онъ сумасшедшій, что ли?—прошепталъ Ворошиловъ.

— Кто его знаетъ: онъ со всѣми добродѣтельный старичокъ, а съ бариномъ завсегда воинствовалъ,—отвѣчалъ вмѣсто глупаго лакея другой, старшій этого лѣтами, вышедшій сюда нетвердыми шагами и съ сильнымъ запахомъ водки.—У насъ всѣ такъ полагаютъ, что Сидъ Тимоѳеичъ на барина слово зналъ, потому всегда онъ могъ произвесть покойника въ большой гнѣвъ, а сколь онъ ему, бывало, одначе ни грубитъ, но тотъ его совсѣмъ удалить не могъ. Билъ его встарину и наказывалъ да на цѣпь въ кабинетѣ сажалъ, а удалить не могъ. Даже когда Сидъ Тимоѳеичъ барыню обругалъ и служить ей не захотѣлъ, покойникъ его только изъ комнатъ выслалъ, а совсѣмъ отправить не могли. Сидъ Тимоѳеичъ и тутъ сталъ на порогѣ: «Не пойду, говоритъ, я тебя, Ирода, переживу и твоей Иродіады казнь увижу». Это все на барыню,—добавилъ пьяный лакей, кивнувъ головой на внутренніе покои.

Ворошиловъ любопытно вопросилъ, любилъ или не любилъ Сидъ Глафиру Васильевну, и, получивъ въ отвѣтъ, что онъ ее ненавидѣлъ, отвлекъ разсказчика за руку въ сосѣднюю темную гостиную и заставилъ разсказать, что это за лицо Сидъ и за что онъ пользовался такимъ особеннымъ положеніемъ. Подвыпившій лакей словоохотливо разсказалъ, что Сидъ дѣйствительно былъ раннимъ пѣстуномъ Михаила Андреевича и его братьевъ. Смотрѣлъ онъ за ними еще въ ту пору, когда они хорошо говорить не могли и вмѣсто Сидоръ выговаривали Сидъ: вотъ отчего его такъ всѣ звать стали, и онъ попрекалъ покойника, что ради его потерялъ даже свое крестное имя. Далѣе повѣствовалъ разсказчикъ, какъ однажды барчуки ѣхали домой изъ пансіона и было утонули вмѣстѣ съ паромомъ, но Сидъ вынесъ вплавь на себѣ обоихъ барчуковъ, изъ которыхъ одинъ сошелъ отъ испуга съ ума, а Михаилъ Андреевичъ выросъ, и Сидъ былъ при немъ. Тогда онъ былъ въ университетѣ, а по-

томъ пошелъ съ нимъ на какую-то войну, и тутъ-то Сидъ оказалъ барину великую заслугу, послѣ которой они разссорились и не помирились до сихъ поръ. Изъ словъ разсказчика можно было понять, что дѣло было гдѣ-то на Литвѣ. Войска стояли лагеремъ въ открытомъ полѣ; въ близлежащій городишко, полный предательской шляхты, строго-настрого запрещено было ходить и офицерамъ, и солдатамъ. А тамъ, въ городѣ, были красивыя панны съ ласковыми глазами и соболиною бровью, и былъ тамъ жидъ Ицекъ, который говорилъ, что «пани ажъ ай какъ страшно въ офицеровъ влюблены». А офицерамъ скучно, неодолимо скучно подъ тѣсными палатками; дождь моситъ, вѣтеръ трясетъ веревки, поколыхиваетъ полотно, а тамъ-то... куда Ицко зоветъ, тепло, свѣтло, шампанское льется и сарматская бровь зажигаетъ кровь. Манится, нестерпимо манится, и вотъ два офицера навертѣли чучелъ изъ платья, уложили ихъ вмѣсто себя на кровати, а сами, пользуясь темнотой ночи, крадутся къ цѣли. Все благополучно: ночь — зги не видно, а вонъ мелькнулъ и огонекъ, это въ Ицкиной хатѣ на краю города. Ицко-чаровникъ умѣетъ и одну дичь подманить, и другую выманить, и молодые люди отъ нетерпѣнія стали приподниматься отъ земли, вровень съ которою ползли. Вотъ и окопъ, и знакомая кочка, но вдругъ грянуло: «кто идетъ?» Сейчасъ потребуется пароль, у нихъ его нѣтъ, часовой выстрѣлитъ и пойдетъ потѣха, хуже которой ничего невозможно выдумать. Бѣда неминучая, ждать некогда: молодые люди бросились на часового и сбили его съ ногъ, но тотъ, падая, выстрѣлилъ; поднялась тревога и ночные путешественники были пойманы, суждены и лишь по особому милосердію только разжалованы въ солдаты. Изъ числа этихъ молодыхъ людей одинъ былъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ. Сидъ грызъ и точилъ молодого барина въ эти тяжелыя минуты и вывелъ его изъ терпѣнія такъ, что тотъ его ударилъ. «Бей, сказалъ Сидъ,—бей, если твоя рука поднялась на того, кто твою жизнь спасъ. За это тебя самого Богъ, какъ собаку, убьетъ». И злилъ онъ

снова барина такъ, что тотъ впалъ въ ожесточеніе и билъ, и билъ его, пока ихъ розняли. А тутъ вдругъ тревога, наступилъ непріятель, и Бодростинъ въ отчаяніи кинулся въ схватку и не было о немъ слуха. Непріятель побѣжалъ, наши ударились въ погоню, Бодростина нѣтъ нигдѣ. Сидъ пошелъ по всему полю и каждое солдатское тѣло къ свѣтлому мѣсяцу лицомъ началъ переворачивать. Иные еще мягки, другіе закоченѣли, у иныхъ даже какъ будто сердце бьется, но все это не тотъ, кто Сиду надобенъ... Но вотъ схватилъ онъ за складки еще одну сѣрую шинель, повернулъ ее лицомъ къ мѣсяцу, припалъ ухомъ къ груди и, вскинувъ мертвеца на спину, побѣжалъ съ нимъ, куда считалъ безопаснѣе; но откуда ни возьмись повернулъ на оставленное поле новый вражій отрядъ, и наскочили на Сида уланы и замахнулись на его ношу, но онъ вдругъ ужомъ вывернулся и принялъ на себя ударъ; упалъ съ ногъ, а придя въ себя, истекая кровью, опять понесъ барина. И оба они выздоровѣли и началась съ тѣхъ поръ между ними новая распря: Бодростинъ, котораго опять произвели за храбрость въ офицеры, давалъ Сиду и отпускную, и деньги, и землю, но Сидъ Тимоѳеичъ все это съ гордостію отвергъ.

— Ишь ты, подлое твое дворянское отродье, откупиться лучше хочешь, чтобы благодарнымъ не быть,—отвѣчалъ онъ, разрывая отпускную и дарственную.

— Чего же ты хочешь?—добивался Бодростинъ.

— А того хочу, чего у тебя на самомъ дорогомъ мѣстѣ въ душѣ нѣтъ: дай мнѣ, чтобъ я тебя не самымъ негоднымъ человѣкомъ считалъ.

И такъ шли годы, а у этого барина съ этимъ слугой все шли одинакія отношенія: Сидъ Тимоѳеичъ господствовалъ надъ господиномъ и съ сладострастіемъ поносилъ и ругалъ его при всякой встрѣчѣ и красовался язвами и ранами, если успѣвалъ ихъ добиться изъ рукъ преслѣдуемаго имъ Бодростина. Тотъ его боялся и избѣгалъ, а этотъ его

выслѣживалъ и преслѣдовалъ, и раздражалъ съ особеннымъ талантомъ.

— Слушай,—говорилъ онъ вдругъ, выскакивая къ Бодростину изъ-за стога сѣна на лугу, предъ всѣмъ народомъ,—слушай, добрая душа: сошли стараго дядьку на поселеніе! Право, сошли, а то тебѣ здѣсь при мнѣ неспокойно.

— И сошлю,—отвѣчалъ Бодростинъ.

— Врешь, не сошлешь, а жаль: я бы тамъ твоей матери брату поклонился. Живъ чай онъ — земля не скоро приметъ. А хорошъ человѣкъ былъ—живыхъ въ землю закапывалъ.

Бодростинъ то переносилъ эту докуку, то вдругъ она становилась ему несносна, и онъ, смявъ свою смущающуюся совѣсть, бралъ Сида въ домъ, сажалъ его на цѣпь, укрѣпленную въ стѣнѣ его кабинета, и они ругались до того, что Михаилъ Андреевичъ въ бѣшенствѣ швырялъ въ старика чѣмъ попало, и нерѣдко, къ крайнему для того удовольствію, зашибалъ его больно, и разъ чуть вовсе не убилъ тяжелою бронзовою статуэткой, но сослать Сида въ Сибирь у него не хватало духа. Выгнать же Сида изъ села было невозможно, потому что, выгнанный съ одной стороны, онъ сейчасъ же заходилъ съ другой.

Дождавшись событія девятнадцатаго февраля, Сидъ Тимоѳеичъ перекрестился и, явясь съ другими людьми благодарить барина, сказалъ:

— Ну, хоть задомъ-то тебя благодарю, что не всѣ зубы повыбивалъ. Конечно, ваше царство: пережилъ я его и тебя переживу!

Для чего такъ необходимо нужно было Сиду пережить барина,—это оставалось всегдашнею его тайной; но слово это постоянно вертѣлось на его устахъ и было употребляемо другими людьми вмѣсто привѣтствія Сиду.

— Переживешь, Сидъ Тимоѳеичъ!—кричалъ ему встрѣчный знакомецъ.

— Переживу,—отвѣчалъ, раскланиваясь, Сидъ, и знакомцы расходились.

Съ тѣхъ поръ какъ Бодростинъ, послѣ одной поѣздки въ Петербургъ, привезъ оттуда жену, Глафиру Васильевну, Сидъ сталъ прибавлять: «Переживу; со Іезавелью-Иродіадой переживу, и увижу, какъ псы ея кровь полижутъ».

Глафира сдѣлалась новымъ предметомъ для злобы Сида, но древніе года его уже не дозволяли ему ее ревностно преслѣдовать, и онъ рѣдко ее могъ видѣть и крикнуть ей свое «переживу». Онъ доживалъ вѣкъ полупомѣшаннымъ и въ этомъ состояніи сегодня посѣтила его, въ его темномъ углу, вѣсть объ убіеніи Бодростина.

Сидъ перекрестился, сталъ съ трудомъ на ноги и пришелъ въ домъ помолиться по псалтирю за душу покойника: входъ Сиду былъ не возбраненъ,—никому и въ голову не приходило, чтобы можно было отлучить его отъ барина.

Ворошиловъ всталъ и, остановясь за притолкой въ той же темной гостиной, началъ наблюдать этого оригинала: Сидъ читалъ, и въ лицѣ его не было ни малѣйшей свирѣпости, ни злости. Напротивъ, это именно былъ «вѣрный рабъ», котораго можно бы надъ большимъ поставить и позвать его войти во всякую радость господина своего. Онъ теперь читалъ громче, чѣмъ прежде, молился усердно и казалось, что ничего не слыхалъ и не видалъ.

Свѣча чуть мерцала и залъ былъ почти теменъ; лакеи ушли, но у дверей показалась маленькая фигура Ермолаича. Онъ сталъ, подперся и стоялъ, словно чего-то ждалъ или что-то соображалъ.

Ворошиловъ выдвинулся изъ-за притолки и кивнулъ рукой; Ермолаичъ замѣтилъ это и тотчасъ же, какъ желѣзо къ магниту, подскочилъ къ Ворошилову, и они зашептались, и вдругъ Ермолаичъ дернулъ Ворошилова за рукавъ, и оба глубже спрятались за портьеру: въ залъ вошелъ Гордановъ.

— Замѣть, перевязи нѣтъ,—шепнулъ Ворошиловъ, но Ермолаичъ только отвѣчалъ пожатіемъ руки.

Гордановъ былъ, дѣйствительно, безъ перевязи и съ потаеннымъ фонарикомъ въ рукѣ.

Войдя въ залъ, онъ прежде всего выслалъ вонъ Сида, и когда строптивый старикъ ему, къ удивленію, безпрекословно подчинился, онъ, оставшись одинъ, подошелъ къ трупу, приподнялъ покрывавшую его скатерть и, освѣтивъ яркимъ лучомъ фонарнаго рефлектора мертвое, обезображенное лицо, сталъ проворно искать чего-то подъ лѣвымъ бокомъ. Онъ нѣсколько разъ съ усиліемъ тянулъ за окоченѣвшую руку мертвеца, но рука была тверда и не поддавалась усиліямъ одной руки Гордановa. Тогда онъ поставилъ фонарикъ на грудь трупа и принялся работать обѣими руками, но фонарикъ его вдругъ полетѣлъ, дребезжа, на полъ, а самъ онъ вскрикнулъ и, отскочивъ назадъ, повалилъ незажженные церковные подсвѣчники, которые покатились съ шумомъ и грохотомъ.

На эту сумятицу изъ передней выбѣжала толпа пребывавшихъ въ праздности лакеевъ и робко остановилась вдали трупа, по другой бокъ котораго наклонялся, чтобы поднять подсвѣчники, сильно смущенный Гордановъ, зажимая въ рукѣ скомканный бѣлый носовой платокъ, сквозь который сильно проступала алая кровь.

Что бъ это могло значить?

— Взметался нéжить... чего мечешься? — заговорилъ вдругъ, входя, Сидъ Тимоѳеичъ и, подойдя къ покойнику съ правой стороны, онъ покрылъ его лицо, потомъ хотѣлъ было поправить руку, но, замѣтивъ замерзшій въ ней пучокъ сухой травы, началъ ее выдергивать, говоря: — «Подай! тебѣ говорю, подай, а то ругать стану». — Съ этимъ онъ началъ выколупывать пальцемъ траву, и вдругъ громко разсмѣялся.

Всѣ присутствовавшіе попятились назадъ, а Сидъ Тимоѳеичъ манилъ къ себѣ и звалъ:

— Подите-ка, идите, поглядите, какъ онъ уцѣпился за мой палецъ! Видите, видите, какъ держитъ! — повторялъ Сидъ, поднимая вверхъ палецъ, за который держалась око-

ченѣлая мертвая рука.—Ага! что! —шамшалъ Сидъ. Каковъ онъ, каковъ? Онъ вамъ покажетъ! Онъ вамъ еще покажетъ!

— Вывести вонъ этого сумасшедшаго! сказалъ Гордановъ, и двое слугъ схватили и потащили старика, который все оборачивался и кричалъ:

— Ничего, ничего! Онъ недаромъ взметался: онъ вамъ покажетъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Ночь послѣ бала.

Межъ тѣмъ какъ все это происходило, въ залу вошелъ Ропшинъ. Онъ остановился въ дверяхъ и, пропустивъ мимо себя людей, выводившихъ Сида, окинулъ всѣхъ однимъ взглядомъ и сказалъ твердымъ голосомъ Горданову:

— Господа! я прошу всѣхъ васъ отсюда удалиться.

— Это что такое?—спросилъ Гордановъ.

— Это такой порядокъ; необыкновенная смерть требуетъ особеннаго вниманія къ трупу, и пока пріѣдутъ власти, я никого сюда не пущу.

— Вы?

— Да, я. Я остаюсь одинъ изъ тѣхъ, кому вѣрилъ покойникъ и кому вѣритъ его вдова. Господа, я повторяю мою просьбу удалиться изъ залы.

— Что это за тонъ?

— Теперь, господинъ Гордановъ, не до тоновъ. Всѣ вышли, уходите и вы, или...

— Или что?—спросилъ, сверкнувъ глазомъ, Гордановъ.

— Тише; здѣсь вѣдь не лѣсъ, и я—не онъ.

Гордановъ поблѣднѣлъ.

— Что это, глупость или намекъ?—спросилъ онъ запальчиво.

— Намекъ, а впрочемъ, какъ вамъ угодно, но я сейчасъ запираю залъ, и если вы хотите здѣсь остаться, то я, пожалуй, запру васъ.

— Тьфу, чортъ возьми! Да чьею волей и какимъ правомъ вы такъ распоряжаетесь?

— Волей вдовы, господинъ Гордановъ, ея же правомъ. Но дѣло кончено: я васъ сейчасъ запираю. Вы, можетъ-быть, что-нибудь здѣсь позабыли? Это вамъ завтра возвратятъ.

И Рошшинъ пошелъ къ двери.

— Подождите!—крикнулъ, торопливо выскакивая за нимъ, Гордановъ, и когда Рошшинъ замкнулъ дверь, онъ добавилъ:—Я сейчасъ пройду къ Глафирѣ Васильевнѣ!

— Къ Глафирѣ Васильевнѣ? Нѣтъ, вы не трудитесь: это будетъ напрасно.

— Что-о?!

— Я вамъ сказалъ что.

— Посмотримъ!

Гордановъ тронулся впередъ, но Рошшинъ его остановилъ.

— Вернитесь, господинъ Гордановъ, вы будете напрасно трудиться: ея дверь заперта для васъ.

— Вы лжете!

— Смотрите. Она поручила мнѣ беречь ея покой.

Съ этимъ Рошшинъ показалъ знакомый Горданову ключъ и снова быстро спряталъ его въ карманъ.

Павелъ Николаевичъ поблѣднѣлъ.

— Почему Глафира Васильевна не хочетъ меня видѣть?— спросилъ онъ.

Рошшинъ улыбнулся и, пожавъ плечами, прошепталъ:

— Ей кажется... что на васъ кровь, и я думаю то же самое,—и съ этимъ Рошшинъ юркнулъ за дверь и ушелъ по лѣстницѣ на женскую половину.

Гордановъ ушелъ къ себѣ и сейчасъ же велѣлъ подать себѣ лошадей, чтобъ ѣхать въ городъ съ цѣлью послать корреспонденцію въ Петербургъ и переговорить съ властями о бунтѣ.

Въ ожиданіи лошадей, онъ хотѣлъ приготовить письма; но, взглянувъ на ладонь своей лѣвой руки, покраснѣлъ и, досадуя, топнулъ ногой. У него на ладони былъ очень незначительный маленькій уколъ, но платокъ, которымъ онъ старался зажать этотъ уколъ, былъ окровавленъ, и это-то дало Рошшину право сказать, что на немъ кровь.

— Чортъ знаетъ что такое! Преступленіе сдѣлано, и сейчасъ уже идутъ и глупости, и ошибки. И какія еще ошибки! Тамъ я позабылъ ножъ, которымъ оцарапалъ руку... И этотъ уколъ можетъ-быть трупный. Тьфу, сто дьяволовъ!.. И ляписа нѣтъ, и прижечь нечѣмъ... Скорѣй въ городъ!

И онъ уѣхалъ.

Межъ тѣмъ Ворошиловъ и Ермолаичъ, выйдя заднимъ ходомъ, обошли домъ и стали въ сѣняхъ конторы, куда посаженъ былъ Висленевъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, понуривъ голову, въ какомъ-то полуснѣ, и все что-то бормоталъ и вздрагивалъ.

Ворошиловъ и Ермолаичъ вошли въ контору и стали возлѣ него.

Висленевъ поднялъ голову, повелъ вокругъ глазами и простоналъ:

— Подлецъ, подлецъ, Гордановъ!..

— Это онъ его убилъ?

— Онъ меня погубилъ, погубилъ; но я буду все говорить, я буду все, все говорить; я всю правду открою... Я... ничего не скрою.

— Да, да, будьте честны: говорите правду.

— Я все, все скажу, если меня помилуютъ.

— Васъ помилуютъ.

— Хорошо. Я все скажу; но только одно... пожалуйста, пусть меня скорѣй отвезутъ въ острогъ, а то онъ меня отравитъ, какъ отравилъ Кюлевейна.

Ворошиловъ дернулъ за руку товарища, и они вышли.

Ропшинъ, взойдя на женскую половину верха, вынулъ ключъ и тихо повернулъ его въ двери коридора, ведшаго къ спальнѣ Глафиры. Вдова лежала на диванѣ и щипала какую-то бумажку.

При входѣ Ропшина она проворно встала и сказала:

— Послушайте... вы что же?..

Но Ропшинъ тихо остановилъ ее на первомъ же словѣ.

— Тсс!.. сказалъ онъ, поднявъ таинственно руку, — теперь вамъ надо меня слушать. Вы, конечно, хотите знать.

по какому праву я поступилъ съ вами такъ грубо и насильно удержалъ васъ въ вашей комнатѣ? Это было необходимо: я имѣлъ на это право, и я одинъ могу васъ спасти. Прошу васъ помнить, что у меня въ карманѣ есть вчера только что подписанное духовное завѣщаніе вашего мужа, которымъ онъ все свое состояніе отказалъ вамъ. Долгъ честнаго человѣка повелѣваетъ мнѣ не скрыть этого документа, ввѣреннаго моему усмотрѣнію, а между тѣмъ этотъ документъ не только скомпрометируетъ васъ, но... вы понимаете?

— Да, я васъ понимаю.

— Это совсѣмъ не трудно. Новое завѣщаніе прямо говоритъ, что имъ отмѣняется распоряженіе, предоставлявшее имѣніе другимъ родственникамъ, между тѣмъ какъ вы сами знаете, что въ хранимомъ завѣщаніи совсѣмъ не то...

— Да скорѣе, скорѣе: какая ваша цѣна за вашъ долгъ честнаго человѣка?

— Боже меня спаси! Никакой цѣны; но что не можетъ быть цѣнимо на деньги, то подчиняется инымъ условіямъ...

— Послушайте, Рошшинъ: моихъ силъ нѣтъ выносить васъ, и вы можете довести меня до того, что я предпочту Сибирь убичиженію!

— Я согласенъ скрыть это завѣщеніе и всѣми мѣрами хлопотать объ утвержденіи за вами того, которое хранится въ Москвѣ...

— Ну-съ, и что же, что же вамъ надо за это?

— Я вамъ ручаюсь, что все будетъ сдѣлано скоро и благополучно, и...

— Ну и что же, что вамъ за это? вскричала, топая ногой и совсѣмъ выходя изъ себя, Глафира.

— Ничего новаго отвѣчалъ тихо Рошшинъ, и дѣвственно поникая головой, еще тише добавилъ: — ровно ничего новаго... но только... я бы хотѣлъ, чтобъ это далѣе было согласно съ закономъ и совѣстью.

Глафира сначала не сразу поняла эти слова, а потомъ, несмотря на свою несмутимость, покраснѣла. Она прези-

рала въ эти минуты Ропшина, какъ никого другого въ жизни. Онъ былъ противенъ ей по воспоминаніямъ въ прошедшемъ, по ощущеніямъ въ настоящемъ и по предчувствіямъ въ будущемъ. Несмотря на то, что теперь не было времени для размышленій философскаго свойства, Глафирѣ вдругъ припомнились всѣ люди, на которыхъ она въ помыслахъ своихъ глядѣла, какъ на мужчинъ, и она не могла представить себѣ ничего презрѣннѣе этого бѣлобрысаго Ропшина... Висленевъ и тотъ являлся въ сравненіи съ нимъ чуть не геніемъ совершенства; въ бѣдномъ Жозефѣ все-таки была непосредственная доброта, незлобіе, дѣтство и забавность. И между тѣмъ Глафира поздно замѣтила, что онъ, этотъ Ропшинъ, именно неодолимъ: это сознаніе низошло къ ней, когда надо смириться подъ рукой этого ничтожества.

— Ропшинъ! воскликнула она, — смыслъ вашей гнусной рѣчи тотъ, что вы хотѣли бы на мнѣ жениться?

— Да.

— Вы безумный!

— Не знаю почему.

— Почему? вы презрѣнное, гадкое насѣкомое.

— Но я одинъ,—отвѣчалъ, пожавъ плечами, Ропшинъ,— одно это насѣкомое можетъ васъ спасти. Оглянитесь вокругъ себя, заговорилъ онъ, дѣлая шагъ ближе, — что повсюду надѣлано: Висленевъ во всемъ признается; онъ скажетъ, что вы и Гордановъ научили его убить вашего мужа.

— Этому нѣтъ доказательствъ!

— Какъ знать? завѣщаніе подписано вчера, и сегодня убійство... Низость всеобщая вокругъ, недовѣріе и шпіонство; забѣгательство впередъ одного предъ другимъ во очищеніе себя. Гордановъ доноситъ, вы доносите, Висленевъ доноситъ, Лариса доноситъ... наконецъ, я тоже писалъ, потому что я долженъ былъ писать, зная затѣвающееся преступленіе, и... все это въ разныя руки, и теперь все это вдругъ сбылось.

— Что же, что сбылось: всѣ говорятъ, что бунтовъ должно ждать. Его убили крестьяне.

— Да-съ: это прекрасно, что бунтовъ должно ждать, но тогда надо ихъ поискуснѣе дѣлать: надо было такъ дѣлать, чтобы, дѣйствительно, крестьяне убили.

— Да это такъ и сдѣлано.

— Нѣтъ-съ, не такъ.

Глафира оправилась и добавила:

— Полно вамъ меня пугать, господинъ Ропшинъ, дѣло идетъ о крестьянскомъ бунтѣ, и я здѣсь сторона.

— А если нѣтъ? А если на тѣлѣ есть...

— Что можетъ-быть на тѣлѣ?

— Трехгранная рана испанскаго стилета.

Глафира пошатнулась.

— Вашъ хлыстъ? спросилъ шопотомъ Ропшинъ.

— Его нѣтъ у меня

— Онъ у Горданова. Благодарите Бога, что я не далъ вамъ видѣться съ нимъ: вы будете свободны отъ одного подозрѣнія, но на этомъ не конецъ; чтобъ опровергнуть общее мнѣніе, что вы хотите выйти замужъ за Горданова. я хочу на васъ жениться.

Глафира окинула его удивленнымъ взглядомъ и сдѣлала шагъ назадъ.

— Да, повторилъ Ропшинъ:—я хочу на васъ жениться, и это единственное условіе, подъ которымъ я могу скрыть завѣщаніе, довѣренное мнѣ убитымъ, тогда я сдѣлаю это съ свободною совѣстью. О преступленіи жены я могу не свидѣтельствовать. И такъ... я жду. что вы мнѣ скажете?

— Сибирь или Ропшинъ? выговорила, пристально глядя на него, Глафира.

— Я васъ не притѣсняю.

— Благодарю. Ропшинъ или Сибирь?

— Да, да; Сибирь или Ропшинъ, Ропшинъ или Сибирь? выборъ не сложный — рѣшайте.

— Я рѣшила.

— Что выбрано?

— Рошпинъ.

— Прекрасно, теперь прошу васъ не дѣлать ни малѣйшаго шага къ какимъ-нибудь сближеніямъ съ Гордановымъ—это васъ погубитъ. Повѣрьте, что я не ревную и это во мнѣ говоритъ не ревность, а желаніе вамъ добра. На васъ падаетъ подозрѣніе, что вы хотѣли извести Бодростина для того, чтобы выйти замужъ за Гордапова... Благоразуміе заставляетъ прежде всего опрокинуть это подозрѣніе. Далѣе, я останусь здѣсь, на вашей половинѣ...

— Здѣсь, теперь? спросила Глафира въ удивленіи, открывая глаза: Рошпинъ, снявъ съ себя сюртукъ, покрылся лежавшею на креслѣ шалью Глафиры и укладывался на ея диванѣ.— Это еще что значитъ?

— Это значитъ, что я продолжаю мое дѣло вашего спасенія.

— Но вы съ ума сошли. Это всѣ будутъ знать!

— Я этого-то и хочу.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? затѣмъ, чтобы знали, что Гордановъ былъ ширма, а что вы меня всегда любили; затѣмъ, чтобы немедленно же пустить на вашъ счетъ другіе разговоры и опрокинуть существующее подозрѣніе, что вы хотѣли выдти замужъ за Горданова. Что, вы меня поняли? Ого-го! постойте-ка, вы увидите, какъ мы ихъ собьемъ съ толку. Только я васъ предупреждаю: наблюдайте за собою при Ворошиловѣ.

— При комъ?

— При Ворошиловѣ.

— При этомъ пріѣзжемъ?

— Да, при пріѣзжемъ.

— Кто же онъ такой?

— А чортъ его знаетъ, кто онъ такой, но во всякомъ случаѣ онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ.

Глафира ничего не отвѣчала и задумалась: она молча припоминала все говоренное ею когда-нибудь при Ворошиловѣ, который такъ недавно появился здѣсь и котораго она совсѣмъ почти не замѣчала.

«И что же это такое наконецъ», думала она, — «точно опрокинулся предо мною ящикъ Пандоры и ниѣсть откуда берутся на меня и новыя враждебныя лица, и новыя бѣды».

На нее напалъ невыразимый страхъ нечистой совѣсти, и успувшій Рошпинъ уже пересталъ ей казаться такимъ отвратительнымъ и тяжелымъ. Напротивъ, она была рада, что хотя онъ здѣсь при ней, и когда въ ея дверь кто-то тихо стукнулъ, она поблѣднѣла и дружески молвила: Генрихъ!

Онъ быстро проснулся, узналъ въ чемъ дѣло и, взявъ вдову за ея дрожащую руку, сказалъ:—О, будь покойна, и затѣмъ твердымъ голосомъ крикнулъ: входите! Кто тамъ? входите!

На этотъ зовъ въ комнату со смѣшаннымъ видомъ вступила горничная и объявила, что недавно уѣхавшая Синтянина возвратилась опять и сейчасъ же хочетъ видѣть Глафиру.

— Я не могу никого видѣть... Что ей нужно?

— Лариса Платоновна поѣхала съ ними...

— Ну?

— И теперь ихъ нѣтъ.

— Кого?... Ларисы?

— Да-съ; онѣ куда-то убѣжали; ихъ искали вездѣ: на хуторѣ, по лѣсу, въ паркѣ, и теперь сама генеральша здѣсь... и спрашиваютъ Ларису Платоновну.

— Но ея здѣсь нѣтъ; ея здѣсь нѣтъ: пусть ѣдутъ къ Горданову въ городъ... Я теперь никого не могу принять.

— Напротивъ, вмѣшался Рошпинъ и, давъ дѣвушкѣ знакъ выйти, сказалъ Глафирѣ, что дѣло это не шуточное и что она непремѣнно должна принять Синтянину и въ точности узнать, что такое случилось.

Съ этимъ онъ усадилъ Глафиру въ кресло и самъ вышелъ, а черезъ нѣсколько минутъ возвратился, сопровождая закутанную платкомъ Александру Ивановну.

— Что тамъ еще, Alexandrine? спросила, не поднимаясь съ мѣста, Глафира.

— Ужасное несчастіе, отвѣчала, сбрасывая съ себя платокъ, генеральша,—я привезла домой Лару, и пока занялась тѣмъ, чтобы приготовить ей теплое питье и постель, она исчезла, оставивъ на фортепіано конвертъ и при немъ записочку. Я боюсь, что она съ собой что-нибудь сдѣлала.

— Но что же за записка?

— Вотъ она, читайте... и генеральша подала клочекъ нотной бумаги, на которомъ рукой Ларисы было написано карандашомъ: «Я все перепортила, не могу больше жить. Прощайте. Въ конвертѣ найдете все, что довело меня до самоубійства».

— Что же было въ конвертѣ?

— Не знаю; его взялъ мой мужъ. Я бросилась ее искать: мы обыскали весь хуторъ, звали ее по полямъ, по дорогѣ, по лѣсу, и тутъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ... нынче добывали огонь, встрѣтились съ Ворошиловымъ и этимъ... какимъ-то человѣкомъ... Они тоже искали что-то съ фонаремъ и сказали намъ, чтобы мы ѣхали сюда. Бога ради посылайте поскорѣе людей во всѣ мѣста искать ее.

Но вмѣсто живого участія къ этимъ словамъ, блѣдная Глафира, глядя на Ропшина, произнесла только:

— Ворошиловъ... тамъ... съ фонаремъ... Ропшинъ, ступайте туда!.. Я васъ умоляю... Что же такое все это можетъ значить?

Ропшинъ скорыми шагами вышелъ за двери, и черезъ минуту послышался топотъ отъѣзжавшихъ лошадей, а дѣвушка подала Синтяниной записочку, набросанную карандашомъ, въ которой распорядительный Генрихъ извѣщалъ ее, что сейчасъ же посылаетъ десять верховыхъ съ фонарями искать Ларису Платоновну по всѣмъ направленіямъ, и потому проситъ генеральшу не безпокоиться и подождать утра.

Глафира попросила рукой эту записку и, пробѣжавъ ее глазами, осталась неподвижною.

— Лягьте, Глафира, попробуйте успокоиться, а я поспѣшу.

— Хорошо, отвѣчала Бодростина и, поддерживаемая

Синтяниной и горничной, перешла изъ будуара въ свою спальню.

Прошелъ часъ: все было тихо, но только домъ какъ будто вздрагивалъ: генеральша не спала и ей казалось, что это, вѣроятно, кто-то сильно хлопаетъ внизу дверью. Но наконецъ это хлопанье стало все сильнѣе и чаще, и на лѣстницѣ послышался шумъ.

Синтянина вскочила, взяла свѣчу и вышла на террасу, на которой, перевѣсясь головой черезъ перила, стояла горничная Глафиры: снизу поднималось нѣсколько человѣкъ, которые несли глухонѣмую Вѣру.

Она вся дрожала отъ холода, и посинѣвшее лицо ея корчилось, а руки были крѣпко стиснуты у груди, какъ будто она ими что-то держала и боялась съ чѣмъ-то разстаться.

Увидѣвъ мачиху, дѣвочка сдѣлала усиліе улыбнуться и, соскользнувъ съ рукъ несшихъ ее людей, кинулась къ ней и стала быстро говорить своею глухонѣмою азбукой.

Она объясняла, что, боясь за мачиху, бросилась вслѣдъ за нею, не могла ее догнать и, сбившись съ дороги, чуть не замерзла, но встрѣтила людей, которые ее взяли и принесли.

— Что же это были за люди?

Глухонѣмая показала, что это Ворошиловъ и Андрей Парфенычъ.

— Кто это былъ? кого она называетъ? спросила нетерпѣливо вышедшая на этотъ разсказъ Глафира, и какъ только Синтянина назвала Ворошилова, она прошептала: «опять онъ! Боже! чего же это они повсюду ходятъ?»

Дѣвочкѣ подали теплый чай и сухое платье; она чай съ жадностью выпила, но ни за что не хотѣла перемѣнить бѣлья и платья, какъ на этомъ ни настаивали; она топала ногой, сердилась и, наконецъ, вырвавъ изъ рукъ горничной бѣлье, бросила его въ каминъ и, сѣвъ предъ огнемъ, начала сушиться.

— Ее нельзя болѣе безпокоить и принуждать, сказала Синтянина, и когда горничная ушла, между падчерицей и

мачихой началась ихъ нѣмая бесѣда: дѣвочка, косясь на безмолвно сидящую въ креслѣ Глафиру, быстро метала руками предъ мачихой свои знаки, и наконецъ замѣтила, что Синтянина дремлетъ, а Глафира даже спитъ.

Такъ подѣйствовали на нихъ усталость, теплота камина и манипуляціи нѣмой, съ которыхъ онѣ долго не сводили глазъ. Глухонѣмая какъ будто ждала этого и, повидимому, очень обрадовалась; не нарушая покоя спящихъ, она безъ малѣйшаго шума приподнялась на ноги, распустила свое платье; тщательно уложила за нимъ вдоль своего слабаго тѣльца то, что скрывала, и, приведя себя снова въ порядокъ, свернулась и уснула на коврѣ у ногъ генеральши.

Столь тщательно скрываемая этимъ ребенкомъ вещь былъ щегольской хлыстъ Глафиры съ потайнымъ трехграннымъ стилетомъ въ рукояткѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Бунтъ.

Ночь уходила; пропѣли послѣдніе пѣтухи; Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ лежалъ бездыханный въ большой залѣ, а Іосафъ Платоновичъ Висленевъ сидѣлъ на изорванномъ креслѣ въ конторѣ; предъ нимъ, какъ разъ насупротивъ, упираясь своими ногами въ ножки его кресла, помѣщался огромный рыжій мужикъ, съ длинною палкой въ рукахъ, и дремалъ; у дверей стояли два другіе мужика, тоже съ большими палками, и оба тоже дремали, между тѣмъ какъ подъ окнами безпрестанно шмыгали дворовыя женщины и ребятишки, старавшіеся приподняться на карнизъ и заглянуть чрезъ окно на убійцу, освѣщеннаго сильно нагорѣвшимъ сальнымъ огаркомъ. Земскій сотскій и десятскіе въ теченіе всей ночи постоянно отгоняли любопытныхъ отъ конторы; въ залу же большого дома, гдѣ лежалъ убитый, всѣмъ и заглянуть казалось опасно. Страшенъ былъ имъ этотъ покойникъ: общее предчувствіе неминучей бѣды подавило всякое любопытство: крестьяне съ

села не приходили; они, казалось, сами себя чувствовали какъ бы зачумленными, и спали они, или не спали — не разберешь, но вездѣ было темно. Такъ ушелъ и еще часъ, и вдругъ, вдалекѣ, за перелогомъ, послышался колокольчикъ и затихъ. Нѣсколько молодыхъ ребятъ, собравшихся на задворкѣ и ведшихъ между собою таинственную бесѣду о дьявольской силѣ, которая непремѣнно участвовала въ нынѣшней бѣдѣ, услыхавъ этотъ звонъ, всполошились было, но подумали, что это послышалось, успокоились и начали снова бесѣду.

— Онъ хитеръ, ухъ какъ хитеръ, — говорилъ рѣчистый разсказчикъ, имѣвшій самое высокое мнѣніе о чортѣ.—Онъ возвелъ Господа на крышу и говоритъ: «видишь всю землю, я ее всю Тебѣ и отдамъ, опричь оставлю себѣ одну Орловскую да Курскую губерніи». А Господь говоритъ: «а зачѣмъ ты мнѣ Курской да Орловской губерніи жалѣешь?» А чортъ говоритъ: «это моего тятеньки любимые мужички и моей маменьки приданая вотчина, я ихъ отдать никому не смѣю...»

Но въ это время колокольчикъ раздался еще слышнѣе, и народъ зашевелился даже въ избахъ: по печамъ, припечкамъ, на лавкахъ, на полатяхъ и на пыльныхъ загнеткахъ послышался шорохъ и движеніе, и люди однимъ многоустнымъ шопотомъ произнесли ужасное слово: «слѣдство».

Но вотъ колокольчикъ и опять затихъ, какъ бы сорвался, и за то черезъ пять минутъ послышался ближе и громче, со всѣми отливами и переливами охотничьяго малиноваго звона.

— Два, — зашептали на печкахъ, — два звонка-то, а не одинъ.

— Чего два? Можетъ ихъ и не вѣсть сколько: ишь какъ ремжитъ на разныя стороны. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

И точно, послѣднее мнѣніе было справедливѣе: когда звонъ колокольчиковъ раздался у самой околицы и тысячи

мужичьихъ и бабьихъ глазъ прилегли къ темнымъ окнамъ всѣхъ избъ, они увидѣли, какъ по селу пронеслась тройкой телѣга, за нею тарантасъ, другой, и опять телѣга, и все это покатило прямо къ господскому дому и скрылось.

Началось невеселое утро: избы не затапливались, лаптевая свайка не играла въ рукѣ мужика, и только веретена кое-какъ жужжали въ рукахъ бабъ, да и то скучно и какъ бы нехотя.

Но вотъ начинается и вылазка: изъ дверей одной избы выглянулъ на улицу зипунъ и сталъ-стоитъ на вѣтрѣ; черезъ минуту изъ другой двери высунулась нахлобученная шапка и тоже застыла на мѣстѣ; еще минута и они увидали другъ друга и поплыли, сошлись, вздохнули и, не сказавъ между собою ни слова, потянулись, кряхтя и почесываясь, къ господскому дому, на темномъ фасѣ котораго, то тамъ, то здѣсь, освѣщенныя окна сіяли какъ огненныя раны.

— Не спятъ,—шепнулъ шапкѣ зипунъ.

— Гдѣ спать!—отвѣчала, шагая за нимъ шапка.

— Грѣхъ...

И оба пѣшехода вдругъ вздрогнули и бросились въ сторону: по дорогѣ на рысяхъ проѣхали два десятка казаковъ съ пиками и ногайками, съ головы до ногъ покрытые снѣгомъ. Мужики сняли шапки и поплелись по тому же направленію, но на полувсходѣ горы, гдѣ стояли хоромы, ихъ опять потревожилъ конскій топотъ и непривычный мирному сельскому слуху брязгъ оружія. Это ѣхали тяжелою рысью высланные изъ города шесть жандармовъ и впереди ихъ старый усатый вахмистръ.

Завидѣвъ этихъ грозныхъ, хотя не воюющихъ воиновъ, мужики залегли въ межу и, пропустивъ жандармовъ, встали, отряхнулись и пошли въ обходъ къ господскимъ конюшнямъ, чтобы поразвѣдать чего-нибудь отъ знакомыхъ конюховъ; но кончили тѣмъ, что только повздыхали за угломъ на скотномъ дворѣ и повернули домой, но тутъ были поражены новымъ сюрпризомъ: по огородамъ, вокругъ села,

словно журавли надъ болотомъ, стояли шагахъ въ двадцати другъ отъ друга пѣхотные солдаты съ ружьями, а посреди деревни, предъ запаснымъ магазиномъ, шелъ гулъ: здѣсь расположился батальонъ, и прозябшіе солдатики поталкивали другъ друга, желая согрѣться.

Всѣ ждали бѣды и всякъ, въ свою очередь, былъ готовъ на нее, и бѣда шла какъ слѣдуетъ дружнымъ натискомъ, такъ что навстрѣчу ей едва успѣвали отворять ворота. Пріѣхавшіе въ тарантасахъ и телѣгахъ должностныя лица чуть только оправились въ отведенныхъ имъ покояхъ дома, какъ тотчасъ же освѣдомились о здоровьѣ вдовы. Дворецкій отвѣчалъ, что Глафира Васильевна, сильно разстроенная, сейчасъ только заснула.

— И не безпокоить ее, — отвѣчалъ молодой чиновникъ, которому всѣ пріѣхавшіе съ нимъ оказывали почтительную уступчивость.

— Qu'est ce qu'elle a?—обратился съ вопросомъ къ этому господину оправлявшійся предъ зеркаломъ молодой жандармскій офицеръ.

— Elle est indisposée,—коротко отвѣчалъ чиновникъ и, оборотясь опять къ дворецкому, освѣдомился, кто въ домѣ есть изъ постороннихъ?

Получивъ въ отвѣтъ, что здѣсь изъ гостей остался одинъ петербургскій господинъ Ворошиловъ, чиновникъ послалъ сказать этому гостю, что онъ желалъ бы сію минуту его видѣть.

— Вы хотите начать съ разговора съ нимъ? — освѣдомился, додѣлывая колечки изъ усовъ, молодой штабъ-офицеръ.

— Да; съ чего же нибудь надо начинать.

— C'est vrai, c'est justement vrai, mais si j'étais à votre place... Mille pardons, но мнѣ... кажется, что надо начинать не съ разспросовъ: во всякомъ случаѣ первое дѣло фрапировать и il me vient une idée...

— Пожалуйста, пожалуйста, говорите!

— Сдѣлаемъ по старинной практикѣ.

— Я васъ слушаю: я самъ врагъ нововведеній.

— Не правда ли? Ne vaudrait-il pas mieux, чтобы не давать никому опомниться, арестовать какъ можно больше людей и правыхъ, и виноватыхъ... Это во всякомъ дѣлѣ первое, особенно въ такомъ ужасномъ случаѣ, каковъ настоящій.

Чиновникъ слушалъ это, соображалъ, и наконецъ согласился.

— Право, повѣрьте мнѣ, что этотъ пріемъ всегда приводитъ къ добрымъ результатамъ, утверждалъ офицеръ.

Чиновникъ былъ совсѣмъ убѣжденъ, но онъ видѣлъ теперь только одно затрудненіе: онъ опасался, какъ бы многочисленные аресты не произвели въ многолюдномъ селѣ открытаго бунта; но офицеръ, напротивъ, былъ убѣжденъ, что этимъ только и можетъ быть предотвращенъ бунтъ, и къ тому же его осѣняла идея за идеей.

— Il m'est venu encore une idée,—сказалъ онъ.—можно, конечно, арестовать зачинщиковъ по одиночкѣ въ ихъ домахъ, но тутъ возможны всякія случайности. Сдѣлаемъ иначе, намъ бояться нечего, у нашихъ солдатъ ружья заряжены и у казаковъ есть пики. Вѣдь это же сила! Чего же бояться? Мы прикажемъ собрать сходку и... въ кучѣ виднѣе, въ кучѣ сейчасъ будутъ видны говоруны и зачинщики...

— Да; вотъ что, говоруны будутъ видны, въ этомъ, мнѣ кажется, вы правы, рѣшилъ чиновникъ.

— О, ужъ вы положитесь на меня.

Чиновникъ полунехотя пробурчалъ, что онъ, однако, былъ всегда противъ безсмысленныхъ арестовъ и дѣйствія силой, но что въ настоящемъ случаѣ, гдѣ не видно никакихъ нитей, онъ соглашается, что это единственный способъ.

Послѣдствіемъ такихъ переговоровъ и соображеній было то, что по дверямъ крестьянскихъ хатъ застучали костыльки сельскихъ десятниковъ, и въ сѣромъ туманѣ предразсвѣтной поры изъ всѣхъ избъ всѣ взрослые люди, одѣ-

тые въ полушубки и свиты, поползли на широкій выгонъ къ магазину, куда созывало ихъ новоприбывшее начальство.

Сходка собиралась въ совершенной тишинѣ. Утро было свѣжее и холодное; на востокѣ только чуть обозначалась алая полоска зимней зари. Народъ стоялъ и стылъ; вокругъ толпы клубился паръ отъ дыханія. Начальство медлило; но вотъ пріѣхалъ жандармскій офицеръ, пошептался съ пѣшимъ майоромъ и въ собранныхъ рядахъ пѣшаго батальона происходили непонятныя мужикамъ эволюціи: одна рота отдѣлилась, отошла, развернулась надвое и исчезла за задворками, образовавъ на огородахъ рѣдкую, но длинную растянутую цѣпь. Деревня очутилась въ замкнутомъ кругѣ. Мужики, увидавъ замелькавшіе за плетнями рыжіе солдатскіе башлыки, смѣтили, что они окружены и, тихо крестясь, робко пожались другъ къ другу. Довольно широкая кучка вдругъ собралась и ссѣлась, а въ эту же пору изъ-за магазина выступила другая рота и сжала сходку какъ обручемъ.

Мужики, напирая другъ на друга, старались не глядѣть въ лицо солдатамъ, которые, дрожа отъ мороза, подпрыгивали, выколачивая стынущими ногами самыя залихватскія дроби. Солдаты были ни скучны, ни веселы: они исполняли свою службу покойно и равнодушно; но мужикамъ казалось, что они злы, и смущенные глаза крестьянъ, блуждая, невольно устремлялись за эту первую цѣпь, туда, къ защитамъ избъ, къ простору разстилающихся за ними бѣлыхъ полей.

Вторая цѣпь, скрытая на задворкахъ, была уже позабыта, но суровыя лица ближайшихъ солдатъ наводили панику. Въ толпѣ шептали, что «вотъ скомандуетъ-де имъ сейчасъ ихъ набольшій: потроши ихъ, ребята, за вѣру и отечество, и сейчасъ насъ не будетъ». Какой-то весельчакъ пошутилъ, что тогда и подушнаго платить не нужно, но другой молодой парень, вслушиваясь въ эти слова, зашатался на мѣстѣ, и вдругъ, ни съ того, ни сего, сталъ

насѣдать на колѣни. Его отпихнули два раза солдаты, къ которымъ онъ порывался, весь трясясь и прося отпустить его посмотрѣть коровушку. Родная толпа мужиковъ потянула его назадъ и спрятала. Солдатики острили своими обычными остротами и шутками. Говоруны и зачинщики не обозначались, но за то въ эту минуту въ дальнемъ концѣ широкой улицы деревни показались двѣ фигуры, появленіе которыхъ прежде всѣхъ было замѣчено крестьянами, а потомъ ихъ усмотрѣло и начальство, обратившее вниманіе на происшедшее по этому случаю обращеніе крестьянскихъ взоровъ въ одну сторону. Это было очень дурнымъ знакомъ: находчивый жандармскій офицеръ шепнулъ слово казачьему уряднику, и четыре казака, взявъ пики на перевѣсъ, бросились вскачь и понеслись на двухъ прохожихъ. Въ толпѣ крестьянъ пробудилось сильное любопытство: что, молъ, изъ сего воспослѣдуетъ?

Два внезапно появившіяся лица крестьянами узнаны: это не были совсѣмъ неизвѣстные люди, это наши старые знакомые — священникъ Евангелъ и отставной майоръ Филетеръ Ивановичъ Форовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Вѣсть о Ларисѣ.

Когда всѣ изъ дому Синтяниной удалились искать бѣжавшую Лару, майоръ Форовъ избралъ себѣ путь къ Евангелу, въ томъ предположеніи, что не пошла ли Лариса сюда. Это предположеніе было столько же невѣроятно, какъ и всѣ другія, и Форовъ шелъ единственно для очищенія совѣсти, а на самомъ же дѣлѣ онъ былъ глубоко убѣжденъ, что Ларису искать напрасно, что она порѣшила кончить съ собою, и теперь ее если и можно сыскать, то развѣ только мертвую.

Этого же мнѣнія былъ и Евангелъ, у котораго Ларисы, разумѣется, не оказалось.

Пріятели вмѣстѣ переночевали, поговорили и утромъ рѣшились пойти узнать, нѣтъ ли чего новаго.

Идучи привычною скорою походкой, они уже подходили къ бодростинскому парку, какъ вдругъ ихъ оживило одно странное обстоятельство: они увидали, что изъ рва, окружающаго паркъ, въ одномъ мѣстѣ все выпрыгивалъ и прятался назадъ бѣлый заяцъ и выдѣлывалъ онъ это престранно: вскочитъ на край и забьется и юркнетъ въ ровъ, а черезъ минуту опять снова за то же.

Форовъ, имѣвшій прекрасное зрѣніе, поставилъ надъ глазами ладонь и, всматриваясь, сказалъ:

— Нѣтъ, это не заяцъ, а это... это что-нибудь въ родѣ полотна развѣвается... Да: но вонъ надъ нимъ что-то птицы вьются... это галки и вороны. Что же это можетъ быть?

Евангелъ молчалъ.

— Ну, гайда! пойдемъ: птицы надъ живымъ не летаютъ.

И путники торопливо пошли къ загадочному предмету и вскорѣ убѣдились, что никакого зайца здѣсь, дѣйствительно, не было, а надъ краемъ канавы, то взлеталъ, то падалъ бѣлый кусокъ какой-то легкой матеріи. Не успѣли Форовъ и Евангелъ сдѣлать впередъ еще десять шаговъ, какъ предъ ними, въ глубинѣ окопа, вырисовалась небольшая человѣческая фигура, покрытая большимъ бѣлымъ платкомъ, одинъ уголъ котораго былъ обвязанъ вокругъ головы и закрывалъ все лицо, между тѣмъ какъ остальная часть его закрывала грудь и колѣна; вся эта часть была залита коричневымъ потокомъ застывшей крови. Форовъ недолго думалъ, спрыгнулъ въ канаву и тотчасъ же оттуда выпрыгнулъ, держа въ дрожащей рукѣ окровавленную бритву съ серебряною буквою Б на черномъ костяномъ черенкѣ.

— Вотъ гдѣ она! воскликнулъ майоръ, показавъ товарищу орудіе Ларисиной смерти и, бросивъ бритву назадъ въ ровъ, отвернулся.

Евангелъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Да, она; и посмотри, что значитъ женщина: она,

убивая себя, заботилась, чтобы трупъ ея никого не пугалъ: сошла внизъ, присѣла на корень березы, закрыла личико и сидитъ какъ спящая.

Они еще посмотрѣли на самоубійцу и пошли на усадьбу, чтобы дать знать о своей находкѣ.

Довольно странно было, что эта неожиданная находка, однако, очень мало ихъ поразила: и Евангелъ, и Форовъ какъ-будто находили, что этого надо было ждать, и майоръ наконецъ даже высказалъ такую мысль, которая со стороны его собесѣдника вызвала только простой вопросъ:

— А почему ты такъ думаешь?

— Да ей незачѣмъ жить стало.

— Такъ и умирать, и руки на себя поднимать?

— А отчего же не поднять, когда поднимаются.

Евангелъ посмотрѣлъ на Форова и произнесъ:

— Однако, извини за откровенность, какая ты превредная скотинка.

— Черезъ какое это неблагополучіе,—не черезъ то ли, что допускаю возможность сойти съ земли безъ твоего посредства? Дѣло, братъ: стой за своихъ горою!

— А вотъ я посмотрю, перебилъ Евангелъ.

— Что это?

— Какъ ты самъ...

— Умирать что ли какъ буду?

— Да.

— Будь увѣренъ, что по всѣмъ правиламъ искусства окончу,—исповѣдаюсь и причащусь. Я вѣдь тебѣ это давно говорилъ и еще разъ скажу: я, братъ, здоровый реалистъ и вздора не люблю: я не захочу, чтобы кому-нибудь со мною, съ мертвымъ, хлопоты были,—все соблюду и приму «какъ сказано».

— Нѣтъ; ты взаправду пустой человѣкъ.

— Да почему же? что ты все только ругаешься!

— Да вотъ такъ... хочу тебя такъ назвать и называю, а хочешь добиться, такъ вотъ почему: не увѣряй, какъ поведешь себя, когда смерть пристигнетъ. Это дѣло строгое.

— Что говорить, я и не спорю—моментъ острый, это не то что гранпасьянсъ раскладывать. Однако, вотъ мы пришли,—будетъ тебѣ надо мной въ проповѣдничествѣ упражняться: я и Босюэта и Бурдалу когда-то читалъ и все безъ покаянія остался. Теперь давай думать, куда намъ идти: въ домъ или въ контору?

Но, придя на деревню, они были поражены собранною на улицѣ огромною толпой, окруженною пѣшимъ и конымъ конвоемъ: имъ въ голову не приходило, что это усмиряютъ бунтъ; они не предвидѣли никакого повода для бунта, и потому, когда наскакавшіе на нихъ казаки остановились, не зная, что имъ далѣе дѣлать, то Форовъ съ удивленіемъ, но безъ всякаго испуга, спросилъ ихъ:

— Что это такое? что вамъ надо, ребята?

Казаки, видя предъ собой священника и человѣка въ военной фуражкѣ съ кокардой, начали озираться на начальство, но оттуда тотчасъ же отдѣлился офицеръ и, давъ лошади шпоры, понесся сюда съ крикомъ:

— Бери ихъ!

Казаки спрыгнули съ коней и бросились на Евангела; тотъ не трогался, но Форовъ отскочилъ назадъ и прыгнулъ къ ближайшему строенію, чтобъ имѣть у себя за стѣной защиту; но не успѣлъ онъ пробѣжать нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ предъ собою трехъ солдатъ, державшихъ его за руки, межъ тѣмъ какъ третій приставилъ ему къ груди сверкающій штыкъ. Маленькій пѣхотный поручикъ съ потнымъ лбомъ юлилъ вокругъ него и, закуривъ тоненькую папироску у одного изъ двухъ стоявшихъ къ Форову спиной господъ, крикнулъ:

— Заряжай его... то бишь: веди его! веди!

— Пошелъ! крикнулъ сзади майора козлиный голосъ, и здоровый унтеръ-офицеръ усердно толкнулъ Форова въ спину.

Маленькій поручикъ остался на мѣстѣ ареста Форова и опять закуривалъ свою тонкую папироску у двухъ особъ, которыхъ Форовъ не разсмотрѣлъ въ первую минуту; но,

огибая теперь уголъ у выхода на улицу, онъ взглянулъ мимоходомъ на этихъ людей и узналъ въ нихъ Гордanова, въ дорожной енотовой шубѣ, и Ворошилова, въ касторовомъ пальто съ камчатскимъ бобромъ. Безстрастное, гладко выбритое чиновничье лицо Ворошилова и въ эту минуту было невозмутимо, но его сѣро-голубые глаза не безъ участія слѣдили за конвоируемымъ майоромъ. По крайней мѣрѣ такъ показалось Форову, и онъ вдругъ почувствовалъ къ этому человѣку довѣріе, и закричалъ ему:

— Милостивый государь! скажите кому-нибудь, пожалуйста, что тамъ на рубежѣ за паркомъ валяется въ канавѣ мертвая сестра господина Висленева, Лариса Платоновна Подозерова: она зарѣзалась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

На ворахъ загораются шапки.

Домъ и усадьба Бодростиныхъ представляли нѣчто ужасное. Въ большомъ залѣ, гдѣ происходилъ вчерашній пиръ, попрежнему лежалъ на столѣ трупъ Бодростина, а въ боковой маленькой залѣ нижняго этажа пристройки, гдѣ жила послѣднее время Лара, было сложено на диванѣ ея бездыханное, покрытое бѣлою простыней, тѣло.

Люди, которые принесли ее, не рѣшались положить ее на столъ, считая такую честь неудобною для самоубійцы.

Въ каменномъ амбарѣ безъ потолка были посажены связанные крестьяне, арестованные для порядку, хотя начальство и увѣрилось, наконецъ, что бунта нѣтъ и усмирять оказалось нечего.

Въ отдѣльныхъ трехъ комнатахъ конторы помѣщалась арестованная аристократія: посягатель на убійство Гордanова—Жозефъ Висленевъ, сильно подозрѣваемый въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту—священникъ Евангелъ, и очевидный бунтовщикъ, силой захваченный, майоръ Форовъ. Въ каменномъ же амбарѣ безъ потолка сидѣли человѣкъ двадцать арестованныхъ крестьянъ.

Войско оцѣпляло усадьбу и держало караулы; свободные солдатики хозяйничали въ крестьянскихъ избахъ, исполненныхъ всякой тоски и унылости. Начальство, состоящее изъ разныхъ пріѣхавшихъ сюда гражданскихъ и военныхъ лицъ, собралось на мужской половинѣ второго этажа. Здѣсь былъ и Ворошиловъ, и его землемѣръ Андрей Парфенычъ, и старый генералъ Синтянинъ, пріѣхавшій сюда узнать о женѣ. Эти три послѣднія лица сами предложили себя въ понятые къ предстоящему осмотру тѣла.

Всѣ эти господа и вмѣстѣ съ ними Гордановъ пили чай и приступали къ приготовленному для нихъ легкому завтраку, послѣ котораго надлежало быть вскрытію тѣла. Павелъ Николаевичъ самъ не ѣлъ. Несмотря на то, что и онъ, какъ и прочіе, не спалъ ночь и сдѣлалъ утромъ много движенія, у него не было аппетита и къ тому же онъ чувствовалъ непріятный ознобъ, къ крайнему его неудовольствію навѣвавшій на него чрезвычайно неумѣстную лѣность. Онъ не зналъ, чему бы приписать эту странность, и, похаживая вокругъ стола, за которымъ закусывали, едва одолѣвалъ свою лѣнь, чтобы возстановить въ сознаніи настоящее значеніе событій; но едва лишь онъ одолѣвалъ это, какъ его тотчасъ отягощало недоумѣніе: почему все слѣдующее за убійствомъ Бодростина не только совсѣмъ не отвѣчаетъ его плану, но даже рѣзко ему противорѣчитъ? Что это за лѣность мышцъ и тяжесть ума, которыя точно вступили въ союзъ съ его врагомъ Рошпинымъ, и удаляютъ его ото всего, къ чему бы онъ долженъ былъ находиться вблизи и не выпускать изъ рукъ всѣхъ нитей дѣла, которыя носились гдѣ-то въ воздухѣ и могли быть каждую минуту схвачены рукой, самою неблагорасположенною къ Горданову. Павелъ Николаевичъ, возвратясь изъ города, еще не видалъ Глафиры, а теперь даже не зналъ, какъ этого и достичь; онъ еще былъ управитель имѣнія и уполномоченный, и имѣлъ всѣ основанія видѣть вдову и говорить съ нею, но онъ чувствовалъ, что Рошпинъ его отрѣзалъ, что онъ просто-на-просто не пуститъ, и конечно онъ поступаетъ такъ съ согласія самой

Глафиры, потому что иначе она сама давно бы за нимъ прислала. Теперь бы самое время повидаться съ нею, пока власти подкрѣпляются и идутъ приготовленія, при которыхъ Гордановъ ни мало не нуженъ. Онъ оглянулся и, увидавъ въ углу комнаты Ропшина, который тихо разговаривалъ съ глотавшимъ тартинки лѣкаремъ, подумалъ:

«Вотъ и еще побужденіе дорожить этою минутой, потому что этотъ чухонецъ теперь занятъ тутъ и не замѣтитъ моего отсутствія».

Гордановъ всталъ и вышелъ, какъ будто не обращая ни на кого вниманія, хотя на самомъ дѣлѣ онъ обозрѣлъ всѣхъ, мимо кого проходилъ, не исключая даже фельдшера и молодого священника, стоявшихъ въ передней надъ разложенными на окнѣ анатомическими инструментами. Спустясь по лѣстницѣ внизъ, онъ, проходя мимо залы, гдѣ лежалъ трупъ Бодростина, замѣтилъ, что двери этой залы заперты, припечатаны двумя печатями и у нихъ стоитъ караулъ. Гордановъ спросилъ, кто этимъ распорядился, и получилъ въ отвѣтъ, что все это сдѣлалъ Ропшинъ.

— Чья же это другая печать?

— А этого пріѣзжаго барина, отвѣчалъ слуга.

— Пріѣзжаго барина? Что это за вздоръ: какого пріѣзжа́го барина?

— А господина Ворошилова; они вмѣстѣ съ Генрихомъ Ивановичемъ вокругъ — и эти, и тѣ двери изъ гостиной ночью запечатали.

— И изъ гостиной тоже?

— Да-съ, и изъ гостиной, и тамъ караулъ стоитъ.

Гордановъ, не довѣряя, подошелъ поближе къ дверямъ, чтобы разсмотрѣть печати и, удостовѣрясь, что другая печать есть оттискъ аквамариноваго брелока, который носитъ Ворошиловъ, хотѣлъ еще что-то спросить у лакея, но, обернувшись, увидалъ за собою не лакея, а Ропшина, который, очевидно, слѣдилъ за нимъ и безъ церемоніи строго спросилъ его: что ему здѣсь угодно?

— Я смотрю печати.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ: я управитель всѣхъ имѣній покойнаго и...

— И ваши уполномочія кончились съ его смертью.

— А ваши начались, что ли?

— Да, мои начались.

И Рошнинъ пренагло взглянулъ на Горданова, но тотъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого и что онъ вообще равнодушенъ ко всему происходящему и спрашиваетъ болѣе изъ одного любопытства.

— Начались, повторилъ онъ съ улыбкой,—а что же такое при васъ господинъ Ворошиловъ, дуумвиратъ что ли вы съ нимъ составляете?

— Нѣтъ, мы съ нимъ дуумвирата не составляемъ.

— Зачѣмъ же здѣсь его печать?

— Просто печать посторонняго человѣка, который случился и котораго я пригласилъ, чтобы не быть одному.

— Просто?

— Да, просто.

Гордановъ повернулся и пошелъ по коридору, выводящему ко входу въ верхнюю половину Глафиры. Онъ шелъ нарочно тихо, ожидая, что Рошнинъ его нагонитъ и остановитъ, но достойный противникъ его стоялъ не шевелясь и только смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Гордановъ какъ бы чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ и, дойдя до поворота, пошелъ скорѣе и наконецъ на лѣстницу взбѣжалъ бѣгомъ, но здѣсь на террасѣ его остановила горничная Глафиры и тихо сказала:

— Нельзя, Павелъ Николаичъ,—барыня никого принимать не желаетъ.

— Что?

— Никого не велѣно пускать.

— Какой вздоръ; мнѣ нужно.

— Не велѣно-съ; не могу, не велѣно.

— И меня не велѣно?

— Никого, никого, и васъ тоже.

Гордановъ взглянулъ пристально на дѣвушку и сказалъ

— Я васъ прошу, подите скажите Глафирѣ Васильевнѣ, что я пришелъ по дѣлу, что мнѣ необходимо ее видѣть.

Дѣвушка была въ затрудненіи и молчала.

— Слышите, что я вамъ говорю: мнѣ необходимо видѣть Глафиру Васильевну, и она будетъ недовольна, что вы ей этого не скажете.

Дѣвушка продолжала стоять, держась рукой за ручку замка.

— Что же вы, не слышите, что ли?

Дѣвушка замялась, а внизу на лѣстницѣ слегка треснула ступенька. «Это непремѣнно Рошшинъ: онъ или подслушиваетъ, или идетъ сюда не пускать меня силой», сообразилъ Гордановъ и, крѣпко сжавъ руку горничной, прошепталъ:

— Если вы сейчасъ не пойдете, то я сброшу васъ къ чорту и войду насильно.

Съ этимъ онъ дернулъ дѣвушку за руку такъ, что дверь, замка которой та не покидала, полуотворилась и на порогѣ показалась Глафира. Она быстро, но тихо захлопнула за собою дверь и перебѣжала въ комнату своей горничной.

— Что? что такое? спросила она, снова затворяясь здѣсь съ неотставшимъ отъ нея Гордановымъ.

— Что ты въ такомъ разстройствѣ? заговорилъ Гордановъ, стараясь казаться невозмутимо спокойнымъ.

— Интересный вопросъ: мало еще причинъ мнѣ быть въ разстройствѣ? Пожалуйста скорѣе: что вамъ отъ меня нужно? Говорите вдругъ, сразу все... намъ теперь нельзя быть вмѣстѣ. C'est la dernière fois que je m'y hasarderai, и если вы будете разспрашивать, я уйду.

— Почему здѣсь начинаетъ распоряжаться Рошшинъ?

— Я не знаю, я ничего не вижу, я ничего не знаю, а надо же кому-нибудь распоряжаться.

— А я?

— Вы?.. вы сумасшедшій, Поль! Какъ я могу поручить теперь что-нибудь вамъ, когда на насъ съ вами смотрятъ тысячи глазъ... Зачѣмъ вы теперь пришли сюда, когда вы знаете, что меня всѣ подозрѣваютъ въ связи съ вами и въ

желаніи выйти за васъ замужъ? Это глупо, это отвратительно.

— Это въ васъ говоритъ Ропшинъ.

— Что тутъ Ропшинъ, что тутъ кто бы то ни было... пусть всѣ дѣлаютъ, что хотятъ: нужно жертвовать всѣмъ!

— Всѣмъ?

— Всѣмъ, всѣмъ: дѣло идетъ о нашемъ спасеніи.

— Спасеніи?.. отъ кого? отъ чего? Vous craignez où il n'y a rien à craindre.

Но неспокойная вдова въ отвѣтъ на это сдѣлала нетерпѣливое движеніе и сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, вамъ все сказано, и я ухожу.

И съ этимъ она исчезла за дверями своей половины у порога которыхъ опять сидѣла въ креслѣ за столикомъ ея горничная, не обращавшая, повидимому, никакого вниманія на Горданова, который, прежде чѣмъ уйти, долго еще стоялъ въ ея комнатѣ предъ растворенною дверью и думалъ:

«Что же это такое? Она бѣжитъ меня... въ такія минуты... Не продала ли она меня?.. Это возможно... Да, я недаромъ чувствовалъ, что она меня надуетъ!»

По тѣлу Горданова опять пробѣжалъ холодъ, и что-то острое, въ родѣ комариная жала, болѣзненно шевельнулось въ незначительной ранкѣ на кисти лѣвой руки.

Онъ не могъ разобрать, боленъ ли онъ отъ разстройства, или же разстроенъ отъ болѣзни, да притомъ уже и нѣкогда было соображать: у запечатанныхъ дверей залы собирались люди; ближе всѣхъ къ коридору, изъ котораго выходилъ Гордановъ, стояли фельдшеръ, съ уложеннымъ анатомическими инструментами большимъ подносомъ въ рукахъ, и молодой священникъ, который осторожно дотрагивался то до того, то до другого инструмента, и, приподнимая каждый изъ нихъ, вопрошалъ фельдшера:

— Это бистурій?

На что фельдшеръ ему отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не бистурій.

Гордановъ все это слышалъ и боялся выступить изъ коридора: для него начался страхъ опасности.

Подошли новые: самъ лѣкарь, нѣмецкаго происхожденія, поспѣвая за толстымъ чиновникомъ, съ достоинствомъ толковалъ что-то объ аптекѣ.

«Нѣтъ; говорятъ о пустякахъ, и обо мнѣ нѣтъ и помину», подумалъ Гордановъ и рѣшилъ выступить и вмѣшаться въ собиравшуюся у дверей залы толпу одновременно съ Сидомъ Тимоѳеевичемъ, который появился съ другой стороны и суетился съ какимъ-то конвертомъ.

— Что ты это несешь? спросили Сида.

— А документы-съ, господа, расписки на него представляю. Какъ же: не разъ за него въ полку свои хоть малыя деньги платилъ... Теперь ему это въ головы положу.

— Чудакъ, разъясняли другіе, — лѣтъ пятьдесятъ бережетъ чью-то расписку, что за покойника гдѣ-то рубль долгу заплатилъ. Можетъ триста разъ ему этотъ рубль возвращенъ, но онъ все свое: «что мнѣ дано, то я, говоритъ, за принадлежащее мнѣ пріемлю какъ рабъ, а долгу принять не могу». Такъ всю жизнь надъ нимъ и смѣялись.

— Ага! вы смѣялись... на то вы наемники, чтобы смѣяться; я не смѣюсь, я рабъ, и его вѣрно пережилъ и я ему эти его расписки въ гробъ положу!

И Сидъ жестоко раскуражился своими привилегіями рабства; но его уже никто не слушалъ, потому что въ это время двери залы были открыты и оттуда тянуло непріятнымъ холодомъ, и казалось, что есть уже тяжелый трупный запахъ.

Гордановъ тщательно наблюдалъ, какъ на него смотрятъ: но на него никто не смотрѣлъ, потому что всѣ глаза были устремлены на входящихъ подъ карауломъ въ залу мужиковъ и Висленева, которые требовались сюда для произведенія на нихъ впечатлѣнія.

Это дало Горданову секунду оправиться и онъ счелъ нужнымъ напомнить всѣмъ, что Висленевъ сумасшедшій, и хотя официально таковымъ не признанъ, но тѣмъ не менѣе это извѣстно всѣмъ.

Жандармскій штабъ-офицеръ подтвердилъ, что это такъ.

— Да такъ ли-съ?—вопрошалъ Синтянинъ.

— Да ужъ будьте увѣрены, мы эти вещи лучше знаемъ,— отвѣчалъ молодой штабъ-офицеръ.

Съ этимъ двери снова заперлись, и фельдшеръ, держа въ рукѣ скальпель, ждалъ приказанія приступить ко вскрытію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Одинакія книги въ разныхъ переплетахъ.

Осмотръ тѣла убитаго Бодростина давалъ поводъ къ весьма страннымъ заключеніямъ: на трупѣ не было никакихъ синяковъ и другихъ знаковъ насилія, но голова вся была расколона. Стало быть, само собою слѣдовалъ выводъ, что причиной смерти былъ тяжелый ударъ по головѣ; но, кромѣ него, на лѣвомъ боку трупа была узкая и глубокая трехгранная рана, проникавшая прямо въ сердце. Эта рана была столь же безусловно смертельною, какъ и оглушительный тяжелый ударъ, раздробившій черепъ, и одного изъ этихъ пораненій было достаточно, чтобы покончить съ человѣкомъ, а другое уже представлялось напраснымъ излишествомъ. Надлежало дать заключеніе: который изъ этихъ ударовъ былъ первымъ по порядку и который, будучи вторымъ, уже нанесенъ былъ не человѣку, но трупу? Если же они оба послѣдовали одновременно, то чѣмъ, какимъ страшнымъ орудіемъ была нанесена эта глубокая и мѣткая трехгранная рана? Кто-то напомнилъ о свайкѣ, съ которою утромъ вчерашняго дня видѣли дурачка,—но свайка имѣла стержень круглый; думали, что рана нанесена большимъ гвоздемъ,—но большой гвоздь имѣетъ четырехсторонній стержень и онъ нанесъ бы рану разорванную и неправильную, межъ тѣмъ какъ эта ранка была точно выкроена правильнымъ трехугольничкомъ.

Когда эту рану осмотрѣли и изслѣдовали медикъ, чиновники и понятые, ее показали скованнымъ мужикамъ и

Висленеву. Первые посмотрѣли на нее съ равнодушіемъ, а послѣдній прошепталъ.

— Я... я этимъ не былъ.

— Чѣмъ же вы его били, вашъ ударъ, можетъ-быть, этотъ—по головѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ;—отвѣчалъ, отстраняясь отъ трупа Висленевъ. — Я, господа, все разскажу: я участвовалъ въ преступленіи, но я человѣкъ честный, и вы это увидите... Я ничего не скрою, я не отступаюсь, что я хотѣлъ его убить, но по побужденіямъ особаго свойства, потому что я хотѣлъ жениться на его женѣ... на Глафирѣ Васильевнѣ... Она мнѣ нравилась... къ тому же, я имѣлъ еще и иныя побужденія: я... и хотѣлъ дать направленіе его состоянію, чтобъ употребить его на благія цѣли... потому что, я не скрываюсь, я недоволенъ настоящими порядками... Я говорю объ этомъ во всеуслышаніе и не боюсь этого. Теперь многіе стали хитрить, но по-моему это надо честно исповѣдывать... Насъ много... такихъ какъ я... и мы всѣ убѣждены въ неправдѣ существующаго порядка и не позволимъ... Если законъ будетъ стоять за право наслѣдства, то ничего не остается какъ убивать, и мы будемъ убивать. То-есть не наслѣдниковъ, а тѣхъ, которые оставляютъ, потому что ихъ меньше и ихъ легче искоренить.

Въ средѣ людей, окружавшихъ трупъ и слушавшихъ этотъ висленевскій бредъ, пронесся шопотъ, что «онъ сумасшедшій»; но кто-то замѣтилъ, что это не мѣшаетъ выслушать его разсказъ, и какъ разсказъ этотъ всѣмъ казался очень любопытнымъ, то Жозефа вывели въ смежную комнату, и, пока медикъ, оставаясь въ залѣ, зашивалъ трупъ Бодростина, чиновники слушали Жозефовы признанія о томъ, какъ было дѣло.

Висленевъ въ одно и то же время и усердно раскрывалъ исторію, и немилосердно ее путалъ. Просидѣвъ въ уединеніи эту тяжелую ночь, онъ надумался облагородить свое поведеніе, притянувъ къ нему соціалистскія теоріи: онъ,

какъ мы видѣли, не только не отрицалъ того, что хотѣлъ смерти Бодростина, но даже со всею откровенностію объяснялъ, что онъ очень радъ, что его убили!

— Еще бы!—говорилъ онъ,—Бодростинъ самъ по себѣ былъ человѣкъ, можетъ-быть, и не злой, я этого не отрицаю; онъ даже дѣлалъ и мнѣ, и другимъ кое-какія одолженія, но мы на это не смотримъ, тутъ нельзя руководиться личными чувствами. Онъ былъ заѣденъ средой: то дворянинъ, то этакій поганый реалистикъ съ презрѣніемъ къ народнымъ стремленіямъ... Я не могъ переносить этого его отвратительнаго отношенія къ народнымъ интересамъ... До того дошелъ, что мужикамъ живого огня не позволялъ добыть и... и... и издѣвался надъ ихъ просьбами! Это самый этакій гадостный, мелкій реалистикъ... а я, конечно, стоялъ на сторонѣ народа... Я пожертвовалъ всѣмъ... я человѣкъ искренній... я даже пожертвовалъ моею сестрой, когда это было нужно... Чего же мнѣ было на немъ останавливаться? и потому, когда народъ былъ имъ недоволенъ, я сказалъ мужикамъ: «ну, убейте его», они его и убили, какъ они скоро перебьютъ и всѣхъ, кто старается отстаивать современные порядки.

Возсѣвъ на своего политическаго коня, Висленевъ не могъ его ни сдержать, ни направить, куда ему хотѣлось: исторіи самаго убійства онъ не разъяснялъ, а говорилъ только, что Бодростина *надо было убить*, но что онъ самъ его не билъ, а только вырвалъ у него сигару съ огнемъ, за что его и убилъ «народъ», къ интересамъ котораго покойникъ не имѣлъ-де должнаго уваженія. Крикъ же свой въ комнатахъ, что «это я сдѣлалъ», онъ относилъ къ тому, что онъ обличилъ Бодростина и подвелъ его подъ народный гнѣвъ, въ чемъ-де и можетъ удостовѣрить Гордановъ, съ которымъ они ѣхали вмѣстѣ и при которомъ онъ предупреждалъ Бодростина, что нехорошо курить сигару, когда мужики требовали, чтобъ огня нигдѣ не было, но Бодростинъ этимъ легкомысленно пренебрегъ. А что касается его выстрѣла въ Горданова, то онъ стрѣлялъ потому, что

Гордановъ, извѣстный мерзавецъ и въ жизни, и въ теоріи, дѣлалъ ему разныя страшныя подлости: клеветалъ на него, соблазнилъ его сестру, выставлялъ его не разъ дуракомъ и глупцомъ и наконецъ даже давалъ ему подлый совѣтъ идти къ скопцамъ, а самъ хотѣлъ жениться на Бодростиной, съ которой онъ, вѣроятно, все время состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ она давно дала Висленеву обѣщаніе, что, овдовѣвъ, пойдетъ замужъ не за Гордановa, а за него, и онъ этимъ дорожилъ, потому что хотѣлъ ее освободить отъ среды и имѣлъ въ виду, получивъ вмѣстѣ съ нею состояніе, построить школы и завести хорошія библіотеки и вообще завести много добраго, чего не дѣлалъ Бодростинъ.

На указанное же Висленеву препятствіе для его женитьбы въ томъ, что у него въ Петербургѣ есть живая жена, онъ отвѣчалъ, что «это ничего не значитъ: у насъ нельзя развестись, а на двухъ жениться можно-съ; я знаю, этому даже примѣры есть».

Такимъ образомъ общаго вывода изъ его показаній нельзя было сдѣлать никакого, кромѣ того, что онъ дѣйствительно помѣшанъ, и все, что онъ говоритъ, въ самомъ дѣлѣ «ничего не значитъ».

Его отвели и опять посадили въ контору, а показаніе его, получивъ огласку, сдѣлалось предметомъ шутокъ и предположеній, все болѣе и болѣе удалявшихся отъ истины. Показанія же мужиковъ открывали иное: крестьяне стояли на томъ, что они ничего знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ, какъ все это сталося. Добывали-де огонь; кто-то загалдѣлъ; всѣ кинулись въ одно мѣсто; можетъ кого невзначай и толкнули, а на барина хотя и были сердиты, но его не убивали, и слово «нестраго барина», то-есть Висленева, объ убійствѣ брали не иначе какъ въ шутку, такъ какъ онъ-де блаженненькій и всегда невѣдомо что говорилъ. А на тѣло же они напали случайно: начали опахивать на бабахъ; заднія бабы нахлестали хорошенько переднихъ кнутьями, а тѣ разогнались да ткнулись на что-то и попа-

дали, а потомъ глядятъ, а подъ сохой тѣло! Стали разсматривать и ужаснулися: видятъ баринъ! А убивать его они не убивали, и полагаютъ, что если у него голова изломана, то это не иначе какъ его невзначай уже мертваго сохой долбанули. Указаніе было весьма важное, а послѣдствія его—еще важнѣе: острые сошники указанной сохи оказались покрытыми кровью съ прилипшими по мѣстамъ бѣлыми волосами, признанными за волосы покойнаго Бодростина.

Дѣло выяснилось въ томъ отношеніи, что причина смерти была трехгранная рана, и слѣдователю теперь предлежала трудная задача отыскать виновника этого удара. Межъ тѣмъ въ домѣ волненіе стало уже успокоиваться и водворялся порядокъ: вскрытыя и описанныя тѣла Бодростина и Ларисы были одѣты и покрыты церковными покровами; къ вечеру для нихъ изъ города ожидались гробы; комната, въ которой лежалъ трупъ самоубійцы, была заперта, а въ открытой залѣ надъ тѣломъ убитаго уже отслужили панихиду, и старый заштатный дьяконъ, въ старомъ же и также заштатномъ стихарѣ, читалъ псалтирь. Такъ какъ мертвецъ начиналъ портиться, то погребеніе было назначено на другой же день послѣ вскрытія.

Между всѣми наличными людьми были распредѣлены разныя обязанности по приготовленію похоронъ: кто хлопоталъ въ городѣ, кто распоряжался дома. Гордановъ оставался непричемъ. Къ величайшему своему неудовольствію, онъ чувствовалъ себя нездоровымъ: у него была лихорадка, выражавшаяся безпрестанною дрожью, и какое-то необъяснимое, но крайне непріятное безпокойство вокругъ ничтожнаго укола на ладони. На послѣднее обстоятельство онъ не обращалъ вниманія, но то жаръ, то знобъ лихорадки досаждали ему и мѣшали соображать. Что это за дивные распорядки ведетъ Ропшинъ: онъ самъ уѣхалъ въ городъ, а старика Синтянина и его пріятеля, этого господина Ворошилова, упросилъ тутъ распоряжаться дома, и они за это взялись; генералъ ходитъ козыремъ и указываетъ, что гдѣ поставить, что какъ приготовить для предстоящихъ похо-

ронъ покойнаго: межъ тѣмъ какъ жена его и падчерица одѣваютъ и убираютъ Ларису, для которой Рощинъ обѣщалъ исходатайствовать у мѣстнаго архіерея право на погребеніе. Одного Ворошилова какъ-то не видно, но онъ за то чувствуется; онъ сдѣлался душой смятенныхъ властей, которыя не знаютъ, за какую нить имъ взяться, чтобы разъяснить трехгранную рану?

И когда Гордановъ въ большомъ затрудненіи расхаживалъ по своей комнатѣ, его еще болѣе изумило то странное обстоятельство, что предъ самыми сумерками господинъ Ворошиловъ, незванный, непрошенный, явился его навѣстить.

У Павла Николаевича даже уши запламенѣли, а Ворошиловъ, съ своею кошачьею мягкостью, начинаетъ его внимательнѣйше разспрашивать о его здоровьѣ.

— Больны? началъ онъ.—Чѣмъ? что съ вами такое сдѣлалось? Вѣрно простудились?

— Очень можетъ быть.

— Это ничего нѣтъ легче, особенно въ эту пору, а тутъ еще и покоя нѣтъ.

— Какой покой!

— Да; а тутъ еще этотъ сумасшедшій... какъ его: Висленевъ, что ли?

— Да, Висленевъ.

— Помилуйте, скажите, какого вздора онъ на васъ наговорилъ: будто вы все знали.

— Это меня ни мало не безпокоитъ, а вотъ досадно, что я нездоровъ.

— Ну, однако же... все одно къ одному...

Ворошиловъ замолчалъ и началъ врастяжку нюхать табакъ изъ своей золотой табакерки.

Горданову не терпѣлось и онъ съ нарочитымъ спокойствіемъ проговорилъ:

— Что же одно къ одному? Что вы этимъ хотите сказать? Развѣ меня въ чемъ-нибудь подозрѣваютъ?

— Нѣтъ, не подозрѣваютъ, отвѣчалъ, ощелкивая пальцы,

Воронцовъ,—а недоумѣваютъ, съ чего и съ кого начать, да и гдѣ начало-то—не видятъ.

— А ваше какое же мнѣніе: гдѣ начало?

— Да, по моему мнѣнію, оно должно крыться еще въ московской кончинѣ племянника Бодростина: это событіе престранное. Я о немъ разбесѣдовался съ Висленевымъ... Разумѣется, мое дѣло сторона, а такъ отъ нечего дѣлать разболтался: онъ говоритъ: «я знаю: его Гордановъ у цыганъ отравилъ».

— Экой болванъ!

— И я говорю. Я не имѣю чести васъ много знать, но...

— А что же далѣе-съ?

— Ну, потомъ смерть этого княжескаго управителя, какъ его?.. Ну, какъ бишь его звали-то?

— Свѣтозаръ Водопьяновъ,—былъ точно такой же идіотъ, какъ и Висленевъ.

— Вотъ именно! Вы прекрасно сказали, Свѣтозаръ Водопьяновъ. Но это эпизодъ самый простѣйшій: его убили по ошибкѣ...

— Вы такъ думаете?

— Ну конечно; а теперь Бодростинъ легъ,—ужъ это поправка.

— Но кому же была нужна эта поправка?

— А вотъ въ этомъ и весь вопросъ. Крайне сомнительно, чтобъ это были мужики...

— Но вы развѣ не полагаете, что въ народѣ противъ Бодростина было дѣйствительно враждебное возбужденіе?

— О, нѣтъ! Я совершенно вашего мнѣнія: въ народѣ возбужденіе было, но кому оно было нужно?

— Кому? вотъ прекрасный вопросъ! Соціализмъ въ воздухѣ носится: имъ каждый дуракъ бредитъ.

— Пожалуй, что вы и правы; но кто же здѣсь изъ соціалистовъ?

— А Висленевъ.

— Но вѣдь онъ сумасшедшій.

— Такъ что-жъ такое?

— Ну, ужъ гдѣ сумасшедшему вести такое дѣло? Нѣтъ, должно быть совсѣмъ иное лицо, которое всѣмъ руководило и которому нужна была эта послѣдняя поправка, и на это есть указаніе, кому она была нужна.

— Ну, если есть указаніе, тогда это другое дѣло; но что же это за указаніе?

— Да, совсѣмъ ясное указаніе, при которомъ не нужно уже много ума, чтобы добраться до истины. Чиновникамъ бы я этого не сказалъ, но вамъ, такъ какъ мы ведемъ простой разговоръ, я скажу.

— Сдѣлайте милость: это очень любопытно.

— Довольно простой маленькій фокусъ, и я его вамъ фокусомъ и объясню: позвольте мнѣ ваши руки?

Гордановъ нехотя подалъ Ворошилову свою правую руку.

— Нѣтъ, вы обѣ позвольте.

— На что же это?

— А что? развѣ у васъ болитъ еще рука?

— Вы отгадали: у меня болитъ рука.

— То-то вы ее носили на подвязкѣ, ну, да ничего: видите вы эту вещь? спросилъ онъ, показывая Горданову хорошо знакомый ему складной ножикъ, найденный на столѣ возлѣ Бодростинскаго трупа.

Гордановъ нервно отдернулъ руку.

— Что, вы думали, что я васъ уколю?

— Какая глупость!

— Ну, разумѣется, — отвѣчалъ, не обижаясь, Ворошиловъ, — я вамъ только хотѣлъ показать, какъ иногда ничтожною внезапностью можно смутить самаго праваго человѣка.

— А развѣ вашъ фокусъ-покусъ долженъ служить къ тому, чтобы смущать правыхъ?

— Нѣтъ, Боже сохрани! А вы знаете ли, откуда могъ взяться этотъ ножъ возлѣ трупа? Нѣтъ; я вижу по вашимъ глазамъ, что вы этого не знаете. Этотъ ножъ былъ нуженъ тому, кому нужно измѣнить форму трехгранной ранки на

трупѣ. Однако, я злоупотребляю... вы вѣрно слабы... вы блѣднѣете.

Гордановъ вскочилъ и гордо вскрикнулъ:

— Милостивый государь! Что вы меня штудируете, что ли, или испытываете на мнѣ свою тонкость?

Но Ворошиловъ ему не отвѣтилъ ни слова, а, отвернувшись къ окну, проговорилъ:

— Ага! вотъ я вижу уже и гробы привезли, — и съ этимъ отправился къ двери и, остановившись на минуту на порогѣ, добавилъ:

— Ахъ, знаете-съ, я было совсѣмъ и позабылъ вамъ разсказать пресмѣшной случай.

— Извините, пожалуйста, а я не могу болѣе слышать никакихъ случаевъ, я боленъ.

Гордановъ позвалъ слугу, но Ворошиловъ все-таки не вышелъ, а продолжалъ:

— Нѣтъ, вѣдь это, о чемъ я вспомнилъ, прямо васъ касается.

Гордановъ началъ совсѣмъ терять терпѣніе и съ нервическимъ подергиваніемъ лица спросилъ:

— Что, что такое «меня касается?»

— Да ихъ неумѣлость.

— Чортъ знаетъ что такое! О чемъ, о чемъ вы говорите?

— Я говорю о нынѣшнихъ чиновникахъ, которые...

— Которые?—передразнилъ Гордановъ: — да вы представьте себѣ, пожалуйста, что я не признаю никакихъ чиновниковъ на свѣтѣ.

— Ну, извините меня, а ихъ нельзя отрицать, потому что они суть, ибо они могутъ отрицать ваше право свободы.

— Право свободы... Усердно васъ прошу, скажите ясно, что вы столь любезно пришли мнѣ сообщить!

— Ахъ, вы также, пожалуйста, не безпокойтесь, я уже пока все уладилъ.

— То-есть какъ... что такое вы уладили?

— Ничего, ничего, вы не безпокойтесь, они со мною захотѣли посовѣтоваться и они васъ не тронутъ, изъ вашей комнаты... и о Глафирѣ Васильевнѣ я настоялъ на томъ же. До свиданья!

Когда Ворошиловъ отворилъ дверь и вышелъ, провожавшій его глазами Гордановъ совсѣмъ потерялся и остановилъ изумленные глаза на входившемъ слугѣ. Дѣло было въ томъ, что Гордановъ увидалъ насупротивъ своей двери часового казака.

— Изволите видѣть? — спросилъ его, затворяя двери, взошедшій лакей.

— Скорѣй мнѣ арники на тряночку и одѣться.

Человѣкъ подалъ то и другое. Гордановъ одѣлся, но вмѣсто того, чтобы выдти, вдругъ раздумалъ и перемѣнилъ планъ, сѣлъ къ столу и написалъ: «Не знаю, кто намъ измѣнилъ, но мы выданы и я арестованъ. Разсчеты на бунтъ положительно не удались. Остается держаться однихъ подозрѣній на Висленева. Мою записку прошу возвратить».

Запечатавъ эту записку, Гордановъ велѣлъ лакею отнести пакетъ Глафирѣ Васильевнѣ и дождаться отвѣта, и человѣкъ, выйдя съ этимъ его посланіемъ съ лѣстницы, повернулъ въ маленькую, такъ называемую «разрядную» залицу, гдѣ прежде Михаилъ Андреевичъ занимался хозяйственными распоряженіями съ управляющимъ и бурмистромъ, а теперь помѣщались Синтянинъ и Ворошиловъ, предъ которыми лакей и положилъ съ улыбкой конвертъ.

— Прытокъ же онъ!—проговорилъ Ворошиловъ, принимая одною рукой со стола этотъ конвертъ, а другою—подавая лакею двадцати-пяти рублевый билетъ.

Черезъ минуту письмо Горданова было скопировано, вложено въ новый конвертъ и тотъ же лакей понесъ его къ Глафирѣ. Передавая посылку горничной, лакей шепнулъ ей, что письмо это онъ представлялъ на просмотръ и похвалился ассигнаціей. Дѣвушка передала это Глафирѣ и,

получивъ сама сто рублей, вынесла лакею запечатанный отвѣтъ и распечатанные пятьдесятъ рублей.

Меркурій полетѣлъ опять черезъ ту же таможню и изумилъ Ворошилова и Синтянина не только быстротой отвѣта, но и его содержаніемъ. Глафира писала на томъ же самомъ листкѣ, на которомъ были строки Горданова: «Что это за гнусная выходка. Свободны вы или арестованы, правы или виноваты, какое мнѣ до этого дѣло? Если вы думаете, что со смертью моего мужа наглость ваша можетъ дѣйствовать свободнѣе, то вы ошибаетесь: я сама сумѣю себя защитить, и есть другіе люди, настолько мнѣ преданные, что сумѣютъ обуздать ваши происки. Вмѣсто отвѣта совѣтую вамъ, при первой возможности, оставить навсегда мой домъ, и знайте, что я не имѣю желанія числить васъ въ счету людей, съ которыми хотѣла бы встрѣчаться».

— Подите-ка сюда, любезный другъ! — поманилъ Ворошиловъ лакея, и, когда тотъ приблизился, онъ прямо спросилъ его, сколько ему за это дали.

Человѣкъ отвѣчалъ откровенно.

— Прекрасно, — сказалъ Ворошиловъ: — войдите же теперь сюда, въ эту комнату; вы отдадите отвѣтъ господину Горданову послѣ, а теперь пока посидите здѣсь.

И съ этимъ Ворошиловъ заперъ на ключъ отслужившаго ему свою службу шпіона.

Что это могло значить? Павелъ Николаевичъ вызвалъ звонкомъ другихъ слугъ, но ни отъ одного изъ нихъ не могъ добиться отвѣта о своемъ пропавшемъ безъ вѣсти лакеѣ.

Человѣкъ безъ вѣсти пропалъ въ домѣ! Гордановъ рѣшительно не зналъ, что ему думать и считалъ себя выданнымъ всѣми... Онъ потребовалъ къ себѣ слѣдователя, но тотъ не являлся; хотѣлъ позвать къ себѣ врача, такъ какъ врачъ не можетъ отказаться посѣтить больного, а Гордановъ былъ въ самомъ дѣлѣ нездоровъ. Но онъ вспомнилъ о своемъ нездоровьѣ только развязавъ свою руку и

ужаснулся: вкругъ маленькаго укола, на ладони, зіяла темненькая каемочка, точно бережокъ изъ оксидированнаго серебра.

— Этого только недоставало! — прошепталъ, холодѣя, Гордановъ, и, хватая себя за голову, онъ упалъ, совсѣмъ одѣтый, въ постель и уткнулъ голову въ подушки, зарыдавъ впервые съ тѣхъ поръ, какъ сталъ себя помнить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Сидъ пережилъ.

Залъ, гдѣ лежалъ мертвецъ, былъ накуренъ ладаномъ и въ немъ царила тяжелая, полная таинственности полутьма. Красноватый огонь восковыхъ свѣчъ освѣщалъ только ликъ Нерукотвореннаго Спаса, да мертвое тѣло, имѣвшее какое-то неспокойное положеніе. Это происходило, вѣроятно, оттого, что одно колѣно мертвеца окостенѣло въ согнутомъ положеніи и руки его застыли въ самомъ широкомъ размахѣ. Колѣна невозможно было выправить, руки же хотя кое-какъ и стянули, однако связанныя въ кистяхъ онѣ оттого еще болѣе топорщились въ локтевыхъ суставахъ и лѣзли врозь. Отъ этого трупъ имѣлъ тотъ безпокойный видъ, какъ будто онъ ежеминутно приготовлялся вскочить и схватить кого-то.

Длинный черный гробъ, сдѣланный непомѣрной глубины и ширины, въ виду сказанной нескладности трупа, стоялъ на полу. Въ ногахъ его горѣла свѣча. Остальная комната была темна, и темнота эта ощущалась по мѣрѣ удаленія отъ гроба, такъ что у дверей изъ гостиной, чрезъ которыя ожидали вдову, было совсѣмъ черно.

Панихида была отпѣта; священникъ стоялъ въ траурной ризѣ и не зналъ, что ему дѣлать; дьяконъ подувалъ въ кадило и, размахивая имъ, немилосердно пускалъ и безъ того наполняющій залу ладанный дымъ. Чиновники покашливали, почетные дворовые люди, явившіеся на положеніе во гробъ, шептались: вдова не являлась.

Съ нею происходило нѣчто странное: она боялась ви-

дѣть мертваго мужа, боялась не суевѣрнымъ страхомъ, какимъ мертвецъ отпугиваетъ отъ себя простодушнаго человѣка, а страхомъ почти сознательной и неотразимой естественной опасности. Корень этого страха крылся, однако, въ чемъ-то близкомъ къ суевѣрію. Глафира-нигилистка и Глафира-спиритка не вѣрила ни въ Бога, ни въ духовное начало человѣка; но игра въ спиритизмъ, заставлявшая для вида разсуждать о независимой природѣ духа, развила въ ней нѣчто такое, что она могла принимать какъ казнь за свое шарлатанство. Къ ней противъ ея воли пристало нѣчто такое, отъ чего она никакъ не могла отвязаться. Это ее сначала смѣшило и занимало, потомъ стало досаждать и пугать, наконецъ даже минутами пугать. На ней оправдывались слова Альберта Великаго, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка, совсѣмъ недоступнаго страху сверхъестественнаго.

Она вѣрила, что злодѣйство, къ которому она стремилась, не пройдетъ ей безнаказанно, по какому-то такому же неотразимому закону, по какому, напримѣръ, она неудержимо довершила это злодѣйство, утративъ охоту къ его довершенію.

Съ той самой поры, когда простучали колеса экипажа, на которомъ ея мужъ отъѣзжалъ въ лѣсъ съ Жозефомъ и съ Гордановымъ, Глафира Васильевна еще ни на минуту не отдохнула отъ овладѣвшаго ею тревожнаго чувства. Ей поминутно казалось, что ее кто-то куда-то зоветъ, кто-то о чемъ-то спрашиваетъ, кто-то перешептывается на ея счетъ, и то вблизи тихо смѣется, то гдѣ-то далеко заливается громкимъ зловѣщимъ хохотомъ. Глафира, разумѣется, не допускала тутъ ничего сверхъестественнаго и *знала*, что это нервы шалятъ, но тѣмъ не менѣе ей надоѣдало, что чуть только она хоть на минуту остается одна, какъ сейчасъ же начинаетъ чувствовать у себя за спиной какое-то беззвучное шмыганье, какое-то сильное и плавное движеніе какихъ-то тѣней. Она слышала различныя измѣненія въ этихъ движеніяхъ: тѣни то медленно плыли, то вдругъ неслись быстро, быстро летѣли одна за другою и

исчезали, какъ будто таяли въ темныхъ углахъ или уходили сквозь стѣны.

Она искала облегченія въ сообществѣ Синтянинои и Вѣры, остававшихся здѣсь ради похоронъ Ларисы, такъ какъ, по ходатайству услужливаго Рошпина, самоубійцѣ разрѣшено было похоронить по христіанскому обряду. Глафира не обращала вниманія, что обѣ эти женщины не могли питать къ ней ни уваженія, ни дружбы: она съ ними не разставалась; но въ то время, когда ей надлежало сойти въ залъ, гдѣ ее ждали къ панихидѣ, обѣ Синтянины занимались тѣломъ Лары, и потому Глафира Васильевна потребовала, чтобъ ее проводилъ Рошпинъ.

Предшествуемые лакеемъ со свѣчой въ рукахъ, они сошли внизъ и, пройдя рядъ темныхъ комнатъ, приблизились къ двери, которая соединяла залъ съ гостиной. Лакей взялся за дверную ручку и повернулъ ее, но дверь не подавалась. Онъ употребилъ усиліе, но тщетно; ему взялся помогать Рошпинъ, но дверь все-таки оставалась неподвижною. Шевелящаяся ручка обратила на себя вниманіе людей, собравшихся въ залѣ, и нѣкоторые изъ нихъ поспѣшили на помощь и взялись за это съ усердіемъ, въ пылу котораго ни по ту, ни по другую сторону никому въ голову не приходило справиться, вполнѣ ли отпертъ дверной замокъ: двери тянули, дергали и наконецъ съ одной стороны успѣли отломить ручку, а съ другой — сопровождавшій Глафиру лакей успѣлъ уронить на полъ и погасить свою свѣчу. Тогда Рошпинъ отодвинулъ снизу и сверху шпингалеты и, собравъ силы, налегъ ровно на оба края отвора: двери съ шумомъ распахнулись, и твердый парчевой покровъ тихо поѣхалъ съ согнутыхъ колѣнъ мертвеца на землю, открывая предъ глазами Глафиры ракурсъ трупа.

Это пустое обстоятельство такъ непріятно повліяло на разстроенные нервы вдовы, что она насилу удержалась на ногахъ, схватясь за руку Рошпина, и закрыла ладонью глаза, но чуть лишь отняла ладонь, какъ была еще болѣе поражена: предъ нею несли со стола ко гробу тѣло мужа,

и на немъ былъ куцый кирасирскій мундиръ съ распоротою и широко разошедшеюся спинкой... Мало этого, точно изъ воздуха появилось и третье явленіе: впереди толпы людей стоялъ краснолицый монахъ...

— Что же это такое, откуда здѣсь этотъ монахъ? нетерпѣливо спросила шопотомъ Глафира.

— Я не знаю, отвѣчалъ Рошпинъ.

— Узнайте.

И, оставшись одна, она старалась успокоиться и заставляла себя равнодушно смотрѣть, какъ мужа уложили въ гробъ и поставили на катафалкъ.

Рошпинъ принесъ ей извѣстіе, что монахъ этотъ захожій сборщикъ на бѣдный монастырь и живетъ на селѣ третій день.

Глафира послала ему десять рублей и внимательно въ него всматривалась, когда онъ подошелъ ее благодарить; монахъ былъ человѣкъ какъ человѣкъ, съ добрымъ краснымъ лицомъ, веселыми голубыми глазами и запахомъ вина и елея. Это несомнѣнно былъ тотъ самый монахъ, котораго она испугалась въ часъ убійства.

— Это вы приходили ко мнѣ вчера?

Монахъ, извиняясь, отвѣчалъ, что это точно былъ онъ, и что онъ зашелъ въ комнаты по ошибкѣ, потому что не зналъ дороги въ контору.

Глафира еще дала ему ассигнацію и потомъ, придя къ себѣ, спросила Рошпина о мундирѣ:

— Зачѣмъ на него не надѣли его новый дворянскій мундиръ?

— Зачѣмъ же новый закапывать въ землю, когда этотъ былъ испорченъ и никуда болѣе не годился? отвѣчалъ Рошпинъ.

— Испорченъ? Неправда, я его осматривала, и онъ былъ цѣлъ.

— Да; одинъ есть и цѣлый, а этотъ распоротъ.

— Какимъ же образомъ, кто его могъ распороть.

Рошпинъ махнулъ рукой и сказалъ, что до этого не добереньсся, а по подозрѣніямъ выходитъ, что толстый кондитеръ Иванъ Савельевъ, желая дразнить Сида Тимоѳее-

вича, бралъ этотъ мундиръ у гардеробщика, и чтобы влѣзть въ него, распоролъ его спинку.

— И вы потому его и надѣли на покойника?

— А разумѣется: зачѣмъ терять хорошее платье?

— Да; вы совсѣмъ нѣмецъ, произнесла Глафира, удаляясь.

Ночь она провела лучше прежнихъ, но на разсвѣтѣ пробудилась отъ страннаго сна: она чувствовала опять какія-то беззвучныя движенія и видѣла какія-то бѣловатыя легкія нити, которыя все усложнялись, вѣялись, собирались въ какія-то группы и очертанія, и затѣмъ предъ ней вдругъ опять явился монахъ, окруженный какимъ-то неописаннымъ, темновато-матовымъ сіяніемъ; онъ стоялъ, склонивъ голову, а вокругъ него копошились и на самыхъ плечахъ у него вили гнѣзда большія бѣлыя птицы. И онъ былъ такъ тихъ и такъ грустно смотрѣлъ ей въ глаза и шепталъ:

«Ну, вотъ я сдержалъ мое слово; ну, вотъ я явился».

«А я знаю кто ты: ты Свѣтозаръ Водопьяновъ», подумала въ отвѣтъ ему Глафира и съ этимъ проснулась.

Непродолжительный, но крѣпкій сонъ и это тихое сновидѣніе ее успокоили: она не захотѣла долѣе оставаться въ постели и сошла внизъ навѣстить гробъ.

Утро еще чуть намѣчивалось на небѣ, въ комнатахъ было темно, но люди уже встали и шла уборка. Въ залѣ при покойникѣ былъ одинъ дьячокъ; онъ зѣвалъ предразсвѣтной зѣвотой и едва бормоталъ. Глафира Васильевна постояла, поклонилась гробу и ушла бодрая, крѣпкая и успокоенная. Нервы ея окрѣпли и страхи смело какъ рукой. Черезъ два часа былъ выносъ въ церковь. Утро ободняло и перешло въ красный и морозный день; готовился выносъ; собрался народъ—все собралось въ порядкѣ; вдова снова сошла въ залъ. Священники облачились; у чтецкаго аналоя стоялъ Сидъ и молился, читая безъ книги: «Расторгнемъ узы ихъ и отвержемъ отъ насъ иго ихъ. Живый на небеси посмѣется имъ и Господь поругается имъ». Сидъ былъ тихъ самъ и точно утѣшалъ покойнаго въ послѣднія минуты его пребыванія въ домѣ. Гробъ подняли и понесли: шествіе тро-

нулось и въ немъ оказался участвующимъ и Гордановъ. Онъ шелъ издали и не искалъ случая подойти къ Глафирѣ.

Вотъ и храмъ: небольшая сельская церковь переполнилась людьми и воздухъ въ ней, несмотря на довольно высокій куполъ, сталъ нестерпимо густъ; солнце било во всѣ окна и играло на хрусталяхъ горящаго паникадила: становилось не только тепло, но даже жарко и душно; головы начинали болѣть отъ смѣшаннаго запаха трупа, ладана, лаптя, суконной онучи и квашеной овчины. Чѣмъ долѣе, тѣмъ это становилось несноснѣе, и когда при отпѣваніи всѣ наполнявшіе церковь взяли въ руки зажженныя свѣчи, Глафирѣ стало казаться, что въ насыщающемся дымомъ воздухѣ какъ будто опять что-то носилось и вѣяло. Привычныя головы и спокойная совѣсть еще кое-какъ переносили эту удушающую атмосферу, но Глафира совсѣмъ была готова упасть. Она не разъ хотѣла выйти, но боялась выдать себя этимъ кому-то и въ чемъ-то, а чрезъ нѣсколько времени она была уже до такой степени вновь подавлена и разстроена, что не понимала самыхъ простыхъ явленій: сторожъ полѣзъ было по лѣсенкѣ, чтобъ открыть окно; но лѣсенка была плоха и онъ, не долѣзши, упалъ. Глафирѣ казалось, что это такъ и слѣдуетъ. Въ народѣ заговорили, что «онъ не пущаетъ»: ее интересовало, кто это «онъ». Въ отпѣваніи она только слышала возгласы: «Боже духовъ и всякія плоти». «Паки и паки» и опять слова: «Боже духовъ и всякія плоти» и опять «паки и паки», и еще и еще «Боже духовъ!» и «увы мнѣ, увы земля я и пепелъ; поношенье и прахъ»... Ужасно, тяжко, невыносимо до крайности: лобъ ломитъ, силы оставляютъ, а тутъ вдругъ куда-то всеобщая тяга; въ тѣснотѣ предъ Глафирой расчистилось мѣсто: между ею и гробомъ уже нѣтъ никого, ее шлютъ, ей шепчутъ: подходите, идите проститься!

Вокругъ гроба пустое, свободное мѣсто: Глафира оглядывалась и увидала по ту сторону гроба Горданова. Онъ какъ будто хотѣлъ ей что-то сказать глазами, какъ будто звалъ ее скорѣе подходить или, напротивъ, предостерегалъ

не подходить вовсе—не разберешь. Межъ тѣмъ мертвецъ ждалъ ее, лежа съ закрытымъ лицомъ и съ отпущеннымъ въ связанныхъ платкомъ рукахъ. Надо было идти, и Глафира сдѣлала уже шагъ, какъ вдругъ ее обогналъ пьяный Сидъ: онъ подскочилъ къ покойнику со своими «расписками» и началъ торопливо совать ему въ руки, приговаривая:

— На, тебѣ, на; я добрый рабъ, я тебя прощаю!

Сида потянули назадъ, но онъ не подавался и, крѣпко держась одною рукой за край гроба, держалъ и тормошилъ окостенѣвшія руки, пока всунулъ дѣтскія записочки покойнаго, которыя считалъ его «расписками».

Гордановъ воспользовался этимъ моментомъ; онъ вскочилъ на ступень катафалка съ тѣмъ, чтобы вынуть изъ рукъ мертвеца кощунственное отпущеніе Сида и тѣмъ облегчить прощаніе Глафирѣ, которая въ эту же минуту поднялась на ступень съ другой стороны гроба. Но лишь только они выровнялись другъ противъ друга, какъ платокъ, которымъ были связаны окоченѣвшія руки покойника, будучи раздерганъ Сидомъ, совсѣмъ развязался и мертвецъ предъ глазами всѣхъ собравшихся въ церкви людей раскинулъ наотмашь руки.

— Это не я! Это онъ! воскликнула Глафира, падая безъ чувствъ на полъ.

Ее подняли и понесли къ дверямъ. Вынеся на воздухъ, ее посадили на цоколѣ и стали заботиться привести въ чувство, а между тѣмъ погребеніе было окончено и могила зарывалась.

Гордановъ въ это время ни на минуту не отступалъ отъ Глафиры: онъ зорко за нею слѣдилъ и боялся ея перваго слова, когда она придетъ въ чувство, и имѣлъ основаніе этого бояться. Новая опасность угрожала ему въ лицѣ маленькой глухонѣмой дочери Синтянина, которая, стоя здѣсь же, между отцомъ и Ворошиловымъ, держала въ рукахъ хлыстъ Глафиры съ аквамариновой ручкой. Откуда могъ взяться въ ея рукахъ этотъ хлыстъ, бывшій съ Гордановымъ въ лѣсу во время убійства и тамъ же невозвратно потерянный и занесенный снѣгомъ?

Гордановъ терялъ самообладаніе, замѣтивъ, что глухонѣмая смотритъ на него какъ-то не только особенно, но даже неумѣстно пристально, и вдругъ начинаетъ къ нему приступать.

— Чего ей нужно? что такое она хочетъ сдѣлать?

Онъ невольно попятился назадъ, а глухонѣмая, дѣлая знаки отцу и показывая на Гордановa, подавила пуговку въ ручкѣ хлыстика и, выдернувъ оттуда потайной трехгранный стилетъ, бросила хлыстъ и стилетъ къ ногамъ Гордановa.

— Господа, трехгранная рана открыта! воскликнулъ Ворошиловъ, поднимая и показывая трехгранный стилетъ, на которомъ кровь засохла вдоль всѣхъ граней.—Это, если я не ошибаюсь, вещь вдовы покойника.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не моя вещь, простонала, приходя въ чувство, Глафира.—Это.. это... продолжала она, отодвигаясь отъ Гордановa,—я это давно отдала.

— Кому-съ?

— Ему. Она указала на Гордановa.

Ворошиловъ вынулъ изъ кармана сложенный листъ бумаги и, подавая его одному изъ главныхъ слѣдователей, проговорилъ:

— Вы здѣсь изволите увидать полномочія, по которымъ я прошу васъ сейчасъ же арестовать и отослать въ острогъ вдову Бодростину и господина Гордановa.

Гордановъ и Глафира только переглянулись.

— Вы Карташовъ? прошепталъ слѣдователь.

— Да, тотъ, о комъ здѣсь пишется.

— Ваше требованіе будетъ исполнено. Взять ихъ!

Глафира и Гордановъ были арестованы, а Ворошиловъ, или Карташовъ, обратясь къ унылымъ мужикамъ, проговорилъ:

— Молитесь Богу, ребята, правда будетъ открыта!

— Подай Господи, дохнула толпа, и начала благодарно креститься и окружать со всѣхъ сторонъ глухонѣмую дѣвочку, которая дрожала и искала глазами мачиху.

ЭПИЛОГЪ.

Происшествіе на похоронахъ получило быстрѣйшую огласку. За эфектомъ этого событія были позабыты и схороненная Лариса, и заключенники Форовъ и Евангелъ, а цѣлая масса мелочей остались вовсе незамѣченными. Такъ, между прочимъ, прошла незамѣченною смерть старика Сида, который, пережившя своего Ирода и увидавъ поношеніе Иродіады, упился на кухнѣ виномъ и, идучи домой, сбился съ дороги и попалъ въ конопляную копань, гдѣ и захлебнулся. Незамѣтнымъ остался даже и самъ Гордановъ, который былъ арестованъ уже не домашнимъ арестомъ, а взятъ въ заключеніе. Вездѣ только ходила басня о мертвецѣ и въ ней полагалась вся суть. Эту вѣсть едва одолѣвалъ новый слухъ, что Картановъ, или Воронцовъ, оказавшійся контръ-фискаломъ генерала, къ которому являлась въ Петербургѣ Глафира, былъ немедленно отозванъ, и съ нимъ уѣхалъ и его землемѣръ, въ которомъ крестьяне признали слесаря Ермолаича, бывшаго въ положайникахъ у Сухого Мартына, когда добывали живой огонь.

Вслѣдъ за этою вѣстью быстро слѣдовала другая: Гордановъ былъ отчаянно боленъ въ тюрьмѣ; говорили, что у него антоновъ огонь въ рукѣ и что ему непремѣнно будутъ ампутировать руку.

Это тоже была истинная правда: Гордановъ, дѣйствительно, былъ сильно боленъ и въ первый же день ареста требовалъ ампутаціи пораженной руки. Въ виду его крайне

болѣзненнаго состоянія допросомъ его не обременяли, но ампутацію сдѣлали. Онъ былъ твердъ и, пробудясь отъ хлороформа послѣ операціи, спокойно взглянулъ на свою коротенькую руку. Ввечеру осторожный смотритель сказалъ Горданову, что его непремѣнно хочетъ видѣть Рошпинъ. Гордановъ подумалъ и сказалъ:

— Пусть придетъ.

Явился Рошпинъ и съ первыхъ же словъ сообщилъ, что онъ съ величайшимъ трудомъ нашелъ къ нему доступъ чрезъ подкупъ.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ Гордановъ.—Сообщите скорѣе: мнѣ много нельзя говорить.

Рошпинъ сталъ совѣтовать не выдавать Глафиру Васильевну.

— Вамъ отъ этого не будетъ легче, говорилъ онъ,— между тѣмъ какъ вы погубите Глафиру Васильевну... вамъ некому будетъ помочь ни однимъ грошемъ.

— Вы правы... что же далѣе?

— Вы знаете, что Глафирѣ Васильевнѣ теперь одно средство: чтобъ опровергнуть всѣ подозрѣнія въ соучастіи съ вами...

— Она дастъ доказательства, что находится въ соучастіи съ вами, перебилъ Гордановъ.

— Да; она выйдетъ за меня замужъ

— Желаю вамъ съ нею счастія.

— Покорно васъ благодарю; но дѣло въ томъ, что мнѣ нужно знать, могу ли я разсчитывать на вашу скромность, если предложу вамъ за это...

— Сколько?

— Пять тысячъ.

— Мало.

— Извольте десять

— Хорошо; а деньги съ вами?

— Нѣтъ; да вамъ и нельзя беречь. Я ихъ вамъ дамъ, когда... все будетъ кончено.

— Надуете.

— Я могу думать то же самое относительно васъ.

— Меня? Нѣтъ, я не вы и не ваша невѣста: у меня есть моя каторжная совѣсть, и вы можете сказать вашей будущей женѣ, что я ее не погублю —она повѣритъ. Но я хочу ручательства, что я не буду забытъ.

— Вы будете имѣть доказательства, что о васъ помнятъ. И Рощинъ сдержалъ свое слово: черезъ день онъ снова купилъ свиданіе съ Гордановымъ, и сообщилъ ему, что Ворошилова немедленно отзовутъ, арестованныхъ крестьянъ выпустятъ и все обвиненіе ляжетъ на одного Висленева, который, какъ сумасшедшій, невмѣняемъ.

— Это хорошо, сказалъ Гордановъ.

И въ тотъ же день, сдѣлавъ надъ собою усиліе, больной далъ показаніе, которымъ отъ всего выгораживалъ себя и Глафиру, и требовалъ къ себѣ прокурора, чтобы представить доказательства, что онъ, Гордановъ, самъ былъ такая же полномочная особа, какъ и Карташовъ, или Ворошиловъ, и вмѣшанъ въ дѣло единственно по интригѣ, потому что наблюдалъ за ними.

Столь неожиданное показаніе это опять все наново переплетало и путало, но гордіевъ узелъ внезапно разсѣкся смертью: ночью того же дня, когда Гордановъ открылся въ качествѣ наблюдателя за наблюдателями, ему внезапно сдѣлалось хуже и къ утру другого дня онъ былъ бездыханенъ. Врачъ заключилъ, что Павелъ Николаевичъ умеръ отъ антонова огня, а въ городѣ утверждали, что онъ былъ отравленъ для того, чтобы не открылъ ничего болѣе. Истину же знали два человѣка: Рощинъ, да острожный смотритель, которому лойяльный Генрихъ честно сообщилъ деньги, обѣщанныя Гордонову.

Со смертью Горданова дѣло приняло еще новый оборотъ: теперь во всемъ выходилъ виновнымъ одинъ сумасшедшій Висленевъ, который нимало и не оправдывался и оставался совершенно равнодушнымъ къ своей судьбѣ. Онъ, впрочемъ, повидимому, не ясно сознавалъ, что съ нимъ дѣлали, и ничѣмъ не интересовался. Являясь на допросы, онъ

то несъ свой вздоръ и выставлялъ себя предтечей другихъ сильнѣйшихъ и грозныхъ новаторовъ, которые, воспитываясь на ножахъ, скоро придутъ съ ножами же водворять свою новую вселенскую правду, то вдругъ впадалъ въ какой-то родъ покаянія и съ азартомъ раскрывалъ всѣ тайники своей души, и съ неумѣстною откровенностію разсказывалъ истинную правду обо всемъ, что онъ перенесъ въ своей жизни отъ разныхъ коварныхъ людей и въ особенности отъ Глафиры и отъ Горданова. Онъ со слезами на глазахъ увѣрялъ, что эти люди были въ зломъ между собою заговорѣ на жизнь Бодростина и его, Висленева, обращали въ свое орудіе; но всѣ эти послѣдующія сознанія Жозефа уже не имѣли значенія послѣ первыхъ его заносчивыхъ показаній, которыя, въ связи со страннымъ его поведеніемъ, только укрѣпили за нимъ репутацію умопомѣшаннаго: и онъ, наконецъ, былъ официально подвергнутъ освидѣтельствованію. При этомъ актѣ Жозефъ снова проговорилъ все, что зналъ, утверждая, что онъ хотѣлъ жениться на Бодростиной и что этому нимало не мѣшало то, что онъ уже женатъ, но что Глафира его предала, ибо имѣла намѣреніе выйти за Горданова, и непремѣнно за него выйдетъ. Но когда ему сказали, что онъ ошибается и что вдовы Бодростиной болѣе уже не существуетъ, потому что она на десятый день послѣ смерти Михаила Андреевича вышла замужъ за Ропшина, а Гордановъ умеръ, то Висленевъ, нимало этимъ не смутясь, отвѣчалъ:

— Вотъ, видите, какая, однако, Гордановъ каналья: онъ умеръ, а между тѣмъ онъ меня научалъ идти къ скопцамъ денегъ просить.

За всѣ эти заслуги Жозефъ былъ официально признанъ сумасшедшимъ, и какъ опасный сумасшедшій, совершившій въ припадкѣ безумія убійство Бодростина, посаженъ въ сумасшедшій домъ, гдѣ онъ и будетъ доживать свой доблестный вѣкъ. Онъ здоровъ, и хотя имѣетъ видъ утопленника, обладаетъ, однако, хорошимъ аппетитомъ. Что касается до его умственной стороны, то хотя сумасшествіе

Висленева засвидѣтельствовано самымъ неопровержимымъ образомъ формальными актами,—но всѣ люди, близко знавшіе этого героя, находятъ, что онъ теперь точно таковъ же, каковъ былъ во всю свою жизнь, изъ чего многимъ и приходитъ на мысль дѣлать выводъ, что главнѣйшее несчастіе Жозефа заключается въ несвоевременности освидѣтельствованія его разсудка.

Такъ завершилось дѣло, на сборы къ которому потрачено столько времени и столько подходовъ, вызывавшихся взаимнымъ другъ къ другу недовѣріемъ всѣхъ и каждаго. Актеры этой драмы въ концѣ ея сами увидали себя дѣтьми, которыя, изготовляя бумажныхъ солдатиковъ, все *собираются* произвесть имъ генеральное сраженіе и не замѣчаютъ, какъ время уходитъ и зоветъ ихъ прочь отъ этихъ игрушекъ, безвѣстно гдѣ-то погибающихъ въ черной ямѣ.

Остается сказать, что̀ подѣлалось съ другими дѣйствующими лицами этого разсказа.

Мѣсяцевъ пять спустя послѣ убійства и ряда смертей, заключившихъ исторію большихъ, но неудавшихся замысловъ Горданова и Глафиры, часовъ въ одиннадцать утра ранняго великопостнаго дня, по одной изъ большихъ улицъ Петербурга шла довольно скорыми шагами молодая женщина въ черной атласной шубѣ и черной шляпѣ. Она часто останавливалась противъ надписей объ отдающихся внаймы квартирахъ, читала ихъ и опять, опустивъ на лицо вуаль, шла далѣе. Очевидно, она искала наемной квартиры и не находила такой, какая ей была нужна.

Сзади нея, невдалекѣ, шелъ человѣкъ, по походкѣ и бодрости котораго тоже надо было полагать, что онъ еще не началъ старѣться, хотя голова его была почти на половину сѣда, и вдоль каждой щеки лежали по двѣ глубокія морщины.

Когда оба эти лица поровнялись и мужчина равнодушно опередилъ даму, послѣдняя слегка вздрогнула и, сдѣлавъ нѣсколько ускоренныхъ шаговъ, произнесла немного взволнованнымъ голосомъ:

— Андрей Ивановичъ!

— Александра Ивановна! вы ли это? воскликнулъ на этотъ зовъ Подозеровъ.

— Какъ видите, я сама, отвѣчала Синтянина.

— Откуда вы?

— Теперь изъ Москвы, а въ Москву прямо изъ своего хутора.

— Зачѣмъ же васъ Богъ принесъ сюда?

— Зачѣмъ? мой мужъ очень боленъ,—и она при этомъ разсказала, что пуля старика Синтянина, все болѣе и болѣе опускаясь, стала такъ невыносимо его безпокоить, что онъ непремѣнно хочетъ, чтобъ ему ее вынули.

— И мы, добавила она,—третьяго дня пріѣхали сюда.

— Только третьяго дня?

— Да; мы еще живемъ въ гостиницѣ и я ищу квартиру.

— Квартиру ищете! Позвольте мнѣ вамъ помочь.

— Съ удовольствіемъ позволяю: я въ этомъ городѣ какъ въ лѣсу, и если вамъ ничто не мѣшаетъ мнѣ пособить, то вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе.

Подозеровъ, разумѣется, увѣрилъ ее, что у него теперь никакихъ срочныхъ занятій нѣтъ, да хотя бы и были, то онъ не могъ бы ими заниматься при такой радости, какую составляетъ для него встрѣча со старыми друзьями.

— Квартиръ мы тоже не станемъ ходить высматривать, потому что это напрасная трата силъ и времени, а вы и безъ того, кажется, устали.

— Это правда.

— Ну, вотъ, видите ли. Мы сейчасъ зайдемъ въ такую контору, гдѣ намъ за небольшую плату доставятъ всѣ свѣдѣнія о свободныхъ квартирахъ въ той мѣстности, гдѣ вы хотите.

— Я хочу здѣсь, вотъ въ этомъ кварталѣ.

— Непремѣнно здѣсь?

— Да, непремѣнно здѣсь или вблизи отсюда, потому что здѣсь живетъ хирургъ, который будетъ дѣлать операцію моему мужу

— Развѣ это ужъ рѣшено?

— Да, рѣшено; вчера у насъ уже были три извѣстные оператора.

— И что же: они находятъ операцію возможною?

Александра Ивановна пожала плечами, и, вздохнувъ тихо, проговорила, что она не знаетъ, что и думать объ ихъ отвѣтахъ! одинъ говоритъ «нельзя», другой утверждаетъ, что «можно», а третій сомнительно трясетъ головой.

— Но Иванъ Демьяновичъ, добавила она,—разумѣется, склоняется на сторону того, который обѣщаетъ ему вынуть пулю,—и вотъ потому-то мы и хотимъ поселиться поближе къ тому доктору.

— И прекрасно: я тоже живу здѣсь по сосѣдству, и хоть небольшая вамъ будетъ во мнѣ помощь, а все-таки могу пригодиться.

— Еще бы: и очень даже.

Въ это время они вошли въ контору, получили нѣсколько адресовъ и черезъ полчаса наняли небольшую, но очень уютную квартиру, по средствамъ, какими располагала Синтянина.

— Теперь вы, конечно, не откажетесь проводить меня до дому и посѣтите моего старика?

— Непремѣнно, непремѣнно, и съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Подозеровъ.—Я Ивану Демьяновичу очень признателенъ.

— Mercі; онъ тоже очень будетъ радъ васъ видѣть: онъ даже вчера о васъ вспоминалъ. Ему хотѣлось взглянуть на Петербургъ, а главное, что ему хотѣлось достать себѣ хорошій образъ Христа, и онъ все говорилъ, что вотъ вы бы, какъ любитель искусства, могли бъ ему помочь въ этомъ. Но что же вы сами: что вы и какъ вы?

Подозеровъ сдержалъ вздохъ и, закусивъ слегка нижнюю губу, отвѣчалъ, что ничего; что онъ чувствуетъ себя какъ должно и какъ можно чувствовать себя на его мѣстѣ.

— Я думаю, смерть Лары васъ ужасно поразила? Я долго не рѣшалась послать Катѣ депеши; но это было со-

вершенно необходимо вызвать ее къ арестованному мужу.

— Да; скажите на милость, что это за дѣло у Филетера Ивановича?

— Ахъ, ничего не умѣю вамъ сказать: вступался за крестьянъ, ходилъ, болталъ свои любимыя присказки, что надо бы одну половину дѣятелей повѣсить на жилахъ другой, и, наконецъ, попалъ въ возмутители. Но теперь, говорятъ, дѣло уже не совсѣмъ для него несчастливо и вѣрно скоро окончится. Но что же вы, что съ вами? вы уклоняетесь отъ отвѣта.

— Мнѣ хорошо.

— Счастливый человѣкъ и рѣдкій: вамъ всегда хорошо.

— Да, почти всегда: я занятъ, работаю, ѣмъ въ потѣ лица хлѣбъ мой, а работа—превосходный врачъ.

— Отъ чего, отъ какой болѣзни?

— Отъ всѣхъ душевныхъ болѣзней.

— Значитъ онѣ еще не прошли?

— Что жъ дивнаго: я человѣкъ, и на мнѣ тоже тяготѣютъ тяжести жизни.

— Теперь вы снова свободны, проговорила, не подумавъ, Синтянина.

— Я всегда былъ свободенъ, поспѣшно отвѣтилъ Подозеровъ, и тотчасъ добавилъ:

— Если я искалъ развода, то дѣлалъ это для спокойствія Лары, но отнюдь не для себя.

Синтянина на него посмотрѣла и сказала:

— Я такъ и думала.

— Конечно-съ, на что же мнѣ это было? я не веду моей родословной ни отъ какихъ славныхъ гусей: я не графъ и не князь, чтобы быть шокированнымъ поведеніемъ жены.

— Вы Испанскій Дворянинъ.

— Не знаю, но знаю, что меня замарать никто не можетъ, если я самъ себя не мараю. Притомъ же, если для чьего-нибудь счастія нужно, чтобы мы отступились отъ этого человѣка, то неужто тутъ еще есть надъ чѣмъ раздумывать? Я не могу быть спокоенъ, если я знаю, что кого-

нибудь стѣсняю собою, и удалился отъ жены, желая покоя своей совѣсти.

— А теперь вы покойны?

— Конечно, мнѣ уже болѣе нечего терять.

Генеральша задумалась и потомъ проговорила:

— Зачѣмъ же все только... терять? Жизни должно быть еще много впереди, и вы можете что-нибудь «найти» и не потерять.

— Перестанемъ объ этомъ.

— И впрямь я не знаю о чемъ говорю, и съ этими словами она вошла въ свой нумеръ, гдѣ былъ ея больной мужъ.

Генералъ Синтянинъ, обложенный подушками, сидѣлъ въ одномъ креслѣ, межъ тѣмъ какъ закутанныя байковымъ одѣяломъ ноги его лежали на другомъ. Предъ нимъ нѣсколько въ сторонѣ, на плетеномъ стулѣ, стояла въ золоченой рамѣ картина вершковъ десяти, изображающая голову Христа, вѣнчаннаго терніемъ.

Увидавъ Подозерова, Иванъ Демьяновичъ очень обрадовался и хотя протянулъ ему руку молча, но сжалъ ее съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

— Садитесь, произнесъ онъ въ отвѣтъ на привѣтствіе гостя и на его вопросъ о здоровьѣ.—Мать, дай намъ чаю, обратился онъ къ женѣ и сейчасъ же добавилъ:—радъ-съ, весьма радъ-съ, что вы пришли. Хотѣлъ посылать, да пословъ не нашелъ. А видѣть васъ радъ, можетъ скоро умру, надо съ друзьями проститься. Впрочемъ, у меня-съ друзей нѣтъ... кромѣ ея, добавилъ генералъ, кивнувъ по направленію, куда вышла жена.

Подозеровъ промолчалъ.

— Грустно-съ, заговорилъ генералъ, стараясь говорить такъ тихо, чтобы не слыхала жена:—грустно-съ, достопочтенный мой, умирать обманутымъ людьми, еще грустнѣе жить обманутымъ самимъ собою.

— Что это у васъ за мысли?

— Подвожу итогъ-съ и разсуждаю объ остаткѣ: въ остаткѣ

пуль и отпускаться будетъ нечѣмъ у сатаны. Однѣ вотъ-съ Его заслуги, вотъ-съ вся и надежда, заключилъ онъ, вздохнувъ и показавъ глазами на вѣнчанную терніемъ голову.

— У васъ превосходный заступникъ, молвилъ въ тонъ ему Подозеровъ.

— Да-съ; слава Богу, слава Ему, отвѣчалъ генералъ и, не сводя глазъ съ картины и перемѣнивъ тонъ, продолжалъ:—Вы знаете, я наконецъ рѣшился сдѣлать себѣ операцію: хочу, чтобы вынули эту проклятую пулю.

— Развѣ она стала васъ очень безпокоить?

— Да, ужасно безпокоитъ, и генералъ весело прошепталъ:—Это-съ вѣдь бѣсовская пуля. Да-съ, я вѣдь происхожу изъ кантонистовъ; я былъ простой солдатъ, простой и добрый солдатъ-товарищъ; мать свою почиталъ, а какъ эта проклятая пуля въ меня попала, я пошелъ въ чины, сдѣлался генераломъ и всю жизнь мою не вспомнилъ Бога. Да-съ; но Онъ меня вспомнилъ: я чувствую: Онъ скоро придетъ... Я снова знаю, какъ Онъ приходитъ; когда я мальчишкой пасъ чужихъ жеребятъ, я видѣлъ Его и еще, когда кантонистомъ въ казармахъ рыдалъ я разъ ночью о своей крестьянкѣ-матери. Онъ тоже былъ благъ; но съ тѣхъ поръ, какъ я... сталъ всѣхъ мучить... Вотъ я купилъ... вчера эту... картину, громче говорилъ онъ, услыхавъ шаги возвращающейся жены, — говорятъ, будто это работы Гверчино... не самого Гверчино, можетъ-быть его школы...

— Голова писана со смысломъ.

— Да, я читалъ, что Гверчино писалъ вдохновенно. Какъ вы находите?

— Сильная кисть и освѣщеніе сверху... да это какъ будто манера Гверчино... умно и тепло.

— Нѣтъ, выраженіе?

— И выраженіе мнѣ нравится.

— А все не то, а все не то, что я зналъ въ дѣтствѣ...

И Синтянинъ сбросилъ съ ногъ одѣяло и тихо вышелъ за перегородку, унося съ собою картину.

— У него часто такія минуты? спросилъ шопотомъ генеральшу Подозеровъ.

— Съ давнихъ поръ почти постоянно погруженъ въ размышленіе о Богѣ и о смерти, отвѣчала та слва слышно.

Изъ-за перегородки послышался вздохъ, и слова: «помилуй, помилуй!» Синтянина молча стояла посреди комнаты.

— Зачѣмъ вы не взяли сюда Вѣру? прошепталъ Подозеровъ.

— Вѣру?

— Да; она бы очень много хорошаго вносила собою въ его душу.

— Вѣра...

И генеральша, замѣтивъ тихо входившаго мужа, не договорила; но Иванъ Демьяновичъ, слывшій имя Вѣры, тихо молвилъ:

— Моя Вѣра умерла.

— Вѣра умерла!

— Да, умерла. Развѣ Alexandrine вамъ не разсказала, какъ это случилось?

— Нѣтъ.

— Вѣра моя простудилась, искавъ ее (онъ указалъ на жену) и найдя стилетъ, которымъ Гордановъ убилъ Бодростина.

— Вы увѣрены, что это сдѣлалъ Гордановъ?

— Увѣренъ, и всѣ увѣрены. Болѣе-съ: я это знаю, и вы мнѣ можете вѣрить: предъ смертью люди не лгутъ. Гордановъ убилъ, да-съ; а потомъ Горданова убили.

— Да; я читалъ, что онъ умеръ въ острогѣ.

— Онъ отравленъ, и отравилъ его Ропшинъ.

— Ропшинъ! Зачѣмъ это Ропшину было?

— Онъ пустилъ въ воду концы. Вотъ въ это время, какъ вы съ Сашей ходили искать квартиры, ко мнѣ заходилъ тотъ... Карташовъ, или этотъ... знаете, который былъ тамъ?..

— Ворошиловъ, сухо подсказала генеральша.

— Вотъ именно!.. Но дѣло въ томъ, какія онъ мнѣ сооб-

ницъ чудеса: во-первыхъ, онъ самъ, все это открывшій, чуть не остался виноватъ въ томъ, зачѣмъ открылъ, потому что въ дѣло вмѣшалось соперничество двухъ наблюдательныхъ персонъ, бывшихъ на ножахъ. Оттого все такъ въ комокъ да въ кучу и свертѣлось. Да что объ этомъ толковать. Я лучше сообщу вамъ пріятную новость. Майоръ Форовъ освобожденъ и арестъ ему вмѣненъ въ наказаніе.

— Да, слава Богу. Бѣдная Катя теперь оживетъ.

— Оживетъ? Гм!.. Вотъ будетъ странность.

— А что же съ ней такое? живо вмѣшался Подозеровъ.

— Что съ ней тако-ое? переспросилъ генералъ. — Да развѣ Alexandrine вамъ ничего не сказала?

— Нѣтъ; да и Катерина Астафьевна сама мнѣ тоже, какъ уѣхала, ничего не пишетъ.

— Чему же вы тутъ удивляетесь?

— Да все-таки хоть бы немного, а слѣдовало бы написать.

— А если нечѣмъ-съ написать-то?

— Какъ такъ?

— У бѣдной Кати былъ легкій ударъ, молвила генеральша.

— Наперекоски хватило-съ: правая рука и лѣвая нога отнялись.

— Какое несчастіе!

— Да-съ; подбираемся-съ, подбираемся... и замѣтьте-съ, что довольно дружно одинъ за другимъ. А вѣдь въ существѣ нечему здѣсь много и удивляться: всему этому такъ надлежало и быть: жили, жили долго и наступила пора давать другимъ мѣсто жить. Это всегда такъ бываетъ, что смерти вдругъ такъ и хлынутъ, будто мѣшокъ прорвется. Катерина же Астафьевна, знаете, женщина тучная, съ сердцемъ нетерпячимъ... пріѣхала къ намъ какъ разъ во время похоронъ Вѣры, узнала, что мужъ въ тюрьмѣ, и повезла ногой и руку повѣсила.

— Но позвольте же: ей всего сорокъ пять, сорокъ шесть лѣтъ? перебилъ Подозеровъ.

— Даже сорокъ четыре, поправила Синтянина.

— Ну такъ что же-съ такое? Хотите,вѣрно. сказать, что, молъ, надо лѣчить? Ее и лѣчили.

— Ну-съ, и что же?

— И ничего: лѣкаря мази выписываютъ, въ аптекахъ деньги берутъ, а она все лѣвою рукою крестится и хвалитъ Бога: «правъ Ты, Боже, меня наказуя; дай Ты грѣшной плоти моей настрадаться».

— Женщина благороднѣйшаго характера и великой души—произнесъ Подозеровъ.

— Катя—ангелъ, заключила Синтянина,—и она...

— Выздоровѣетъ? Разумѣется выздоровѣетъ,—говорилъ, стараясь придать голосу какъ можно болѣе увѣренности, Подозеровъ.

— Нѣтъ, она умретъ,—отвѣчала, слегка поблѣднѣвъ, генеральша.

— Умретъ? Почему?

Александра Ивановна пожала плечами и проговорила:

— Не знаю сама почему... но такъ какъ-то... она здѣсь все совершила земное...

По переходѣ Синтянинныхъ въ ихъ новое помѣщеніе, на другой день вечеромъ, всѣ эти три лица опять собрались вмѣстѣ и, ведя тихую бесѣду предъ каминомъ, вспоминали немногихъ милыхъ имъ лицъ, остающихся еще тамъ, на теплыхъ пажитяхъ, и заговорили о Евангелѣ и о Форовѣ. Собесѣдники припоминали то тѣ, то другія изъ оригинальныхъ выходокъ майора, слегка посмѣивались надъ его безвѣріемъ и напускнымъ нигилизмомъ, и всѣ соглашались, что не дай Богъ ему пережить Катерину Астафьевну, что онъ этого навѣрно не перенесетъ. Среди такого рода бесѣды вдругъ неожиданно дрогнулъ дверной звонокъ, и почтальонъ подалъ письмо, адресованное генералу въ Москву, а оттуда пересланное въ Петербургъ, въ гостиницу, и тамъ направленное наконецъ сюда, на новое его помѣщеніе.

— Это письмо отъ отца Евангела, сказалъ генералъ,— и притомъ большое письмо: все вижу пестрѣютъ въ строкахъ имена. Вѣрно новости. Не читать ли-съ вслухъ?

— Конечно,—отозвалась генеральша.

И генералъ началъ читать вслухъ письмо Евангела, которое тотъ самъ въ началѣ же называлъ письмомъ «плачевно-утѣшительнымъ». Въ этомъ письмѣ Евангелъ, съ своимъ духовно-поэтическимъ юморомъ, путавшимся въ тяжелыхъ фразахъ семинарскаго построенія, извѣщалъ, что «Господу Богу, наказующу и благодѣющу, угодно было, чтобы дѣла, запутанныя человѣческимъ безстыдіемъ и злобой, повершились судомъ, необозначеннымъ въ уложеніяхъ, въ коихъ за безвѣріе взыскивается, но самый завѣтъ Божескій не соблюдается». Евангелъ повѣствовалъ, что, по внезапной смерти Горданова, за которою незамедлилъ еще болѣе неожиданный и «скоропостижный бракъ неутѣшной вдовицы Глафиры Васильевны Бодростиной съ Генрихомъ Ропшинымъ», дѣло о самой смерти покойнаго Бодростина какъ-то вдругъ стушевалось, и всѣ остаются довольны, не исключая главнаго виновника, умопомраченнаго Висленева, сидящаго въ сумасшедшемъ домѣ, чѣмъ онъ не только не обиженъ, но, напротивъ, необыкновенно дорожитъ этимъ удобнымъ положеніемъ и самъ до того за него стоитъ, что когда кто-то надъ нимъ подшутилъ, будто жена намѣревается его оттуда вынуть и взять на поруки, то Жозефъ страшно этимъ встревожился и самъ всѣмъ напоминалъ, что онъ опасный помѣшанный и убійца, на каковомъ основаніи и упрашивалъ не выдавать его женѣ, а, напротивъ, приковать на самую толстую цѣпь и бросить ключъ въ море, дабы ни жена, ни Кишенскій какъ-нибудь не похитили его насильственнымъ или тайнымъ образомъ. «Они хитрые», внушалъ онъ начальству дома умалишенныхъ, требуя строжайшаго за собою присмотра: «я васъ для вашей же пользы предупреждаю: строго меня держите, а то они меня украдутъ, а я опять кого-нибудь убью и вамъ очень дурно за это можетъ достаться». «Симъ манеромъ запугивая, казусный оный

криминальникъ (продолжалъ Евангелъ) столь все свое начальство подчинилъ своей власти, что его даже на дивѣ цѣли посадили, что и не кажется никому излишнимъ, ибо онъ, что день, все объявляетъ себя на большія и большія злодѣянія склоннымъ и способнымъ». Такимъ образомъ этотъ виновникъ смерти Бодростина, по увѣренію Евангела, оставался своею участью совершенно доволенъ. Гордановъ, по его словамъ, тоже, вѣроятно, долженъ быть доволенъ, ибо послѣ столь гнусной жизни ему потребенъ смертный покой, дабы не причинять большого безпокойства, которое онъ, какъ открылось, намѣревался сдѣлать всѣмъ жаждущимъ быстраго обогащенія, предполагая завести въ разныхъ мѣстахъ конторы для продажи на сроки записокъ на билеты правительственныхъ лотерей. Онъ хотѣлъ вездѣ продавать записки на *одни и тѣ же* билеты на срочную выплату и, обобравъ всѣхъ, уйти въ Швейцарію.

«О себѣ скажу, писалъ Евангелъ, что и самъ ни на что не ропщу. Хотя я и посидѣлъ нѣкую годину злую во узилищѣ, но зато осіялся самъ сповою новою, при коей мнѣ мнится якобы уже ничто не страшно. Паннька моя хотя неспокойно приняла сіе мое злоключеніе подъ видомъ бунтовщика, но зато и въ ея душѣ промелькнуло, что намъ съ ней нѣтъ разъединенія, ибо разлученные тѣлами, мы съ нею непрерывно чувствовали себя вмѣстѣ, а тѣлесная разлука неизбѣжна и къ оной надо себя держать въ готовности. Превелелебному Генриху въ семъ дѣлѣ и говорить нечего, какая благая часть досталась: столь славной и богатой жены мужемъ онъ, я мыслю, и не чаялъ сдѣлаться, а Глафирѣ Васильевнѣ тоже нескудная благодать, ибо она симъ оборотомъ всѣ взоры отвела отъ всего, ей неподобнаго, да и мужа получила вѣжливаго, который ее отъ всѣхъ тяжестей управленія имѣніями и капиталами ея вполнѣ освободилъ, и даже собственноручные ея расходы, говорятъ, весьма точною цифрою ограничилъ, такъ что она отъ всѣхъ нынѣ соблазновъ гораздо независимѣе. Ларисѣ Платоновнѣ и той не къ худу это послужило, ибо дало ей силы печали свои

окончить смертью вольною, о коей разныя можно имѣть мнѣнія, такъ какъ и между вѣрующими писателями есть мыслители, не осуждающіе вольной смерти, ибо въ иныхъ случаяхъ не все ли въ нѣкоей степени одинаково, отпустить себя своею рукой или чужую навести на себя? А хотя бы и не такъ, то была она женщина,—сосудъ скудѣльный и слабый, и за то ей простится все, а побужденіе ея было, конечно, благородное: освободить того, кого она счастливымъ сдѣлать была обязана, да не сумѣла. И сему тоже будетъ ко благу, да не обольщается напередъ сей философъ, что мы, будучи созданы по образу Божію, такую же и власть Божію имѣемъ, что довольно намъ сказать разслабленному: «возьми одръ твой и ходи», чтобъ онъ тотчасъ же всталъ и началъ ходить по слову нашему. Нѣтъ, это не такъ: надо бережно обращаться съ сплетеніемъ жилъ, связующихъ дикое мясо съ живымъ организмомъ, и ради спасенія сего организма потерпѣть иногда и гадкое мясо дикое».

Генералъ остановился и, взглянувъ на Подозерова, замѣтилъ, что это на его счетъ nota bene; но, не получивъ ни отъ кого никакого отвѣта, продолжалъ далѣе чтеніе письма, въ которомъ авторъ, отыскивая благо для всѣхъ потерпѣвшихъ отъ зла, доходилъ до супруговъ Форовыхъ и въ томъ же задушевномъ, покорномъ и грустно-шутливомъ тонѣ началъ:

«Другу моему Катеринѣ Астафьевнѣ во всемъ этомъ было послѣднее испытаніе, которое она до самаго послѣдняго своего конца выдержала съ величайшею для себя честью».

— Какъ до самаго послѣдняго конца? перебила генеральша.

— Такъ здѣсь написано: «до самаго послѣдняго своего конца».

— Что это такое?—сказала тревожно Александра Ивановна и, вставъ, поглядѣла черезъ плечо мужа въ листокъ, прочла что-то молча глазами и молча же сѣла на прежнее мѣсто. По щекамъ ея текли двѣ длинныя, серьезныя слезы

которыя замѣтилъ и Подозеровъ, и генералъ, и оба отгадали, въ чемъ дѣло, и старикъ продолжалъ чтеніе.

«До послѣдняго конца своего (читалъ генералъ) она не возроптала и не укорила Провидѣніе даже за то, что не могла осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ правой руки, но должна была дѣлать это лѣвою, чѣмъ и доказала, что у иныхъ людей, противъ всякаго повѣрья, и съ лѣвой стороны чорта нѣтъ, а у иныхъ онъ и десницею орудуетъ, какъ у любезнаго духовнаго сына моего Павла Николаевича, который предъ смертью и съ Богомъ пококетничалъ. Кончина же сея доброй мироносицы воспослѣдовала назадъ тому восемь дней весьма тихая и праведничья и послѣдовала она не отъ какой-либо сугубой скорби, а отъ радости, ибо было въ этотъ день объявлена намъ вѣсть, что Форовъ отъ обвиненія въ бунтовщичьей крамолѣ вторично и окончательно освобождается... Вѣсть сія Катерину Астафьевну столь рѣзко обрадовала, ибо была противъ всѣхъ нашихъ ожиданій, что она воспрыгнула и было обѣ руки подняла, чтобъ обѣими благословить Господа милости, но, произнеся звукъ «сла», упала навзничь и отошла тихо и безболѣзненно. И я, все это видѣвый, далъ ей глухую исповѣдь и свидѣтельствую вамъ о ея спокойной кончинѣ и о томъ тоже присовокупляю, что мужъ ея былъ симъ событіемъ ожесточенно тронуть, ибо имѣлъ къ тому и весьма внушительный случай. Трафилось такъ, что лучше нарочно и первостатейный сочинитель не придумаетъ: благоволите вспомнить *башмаки*, или, лучше сказать, исторію о башмакахъ, которые столь часто были предметомъ шутокъ въ нашихъ собесѣдованіяхъ,—тѣ башмаки, которые Филетеръ обѣщалъ принести Катеринѣ Астафьевнѣ въ Крыму и двадцать лѣтъ купить ихъ не собрался, и буде вы себѣ теперь это привели на память, то представьте же, что майоръ, однако, весьма удачно сію небрежность свою поправилъ, и идучи, по освобожденіи своемъ, домой, первое, что сдѣлалъ, то зашелъ въ складъ съ кожевеннымъ товаромъ и купилъ въ ономъ для доброй супруги своей давно ею жданные башмаки.

кои на нее на мертвую и надѣты, и въ коихъ она и въ гробъ нами честно положена, такъ какъ, помните, сама не разъ ему говорила, что «придетъ-де та пора, что ты купишь мнѣ башмаки, но уже будетъ поздно, и они меня не порадуютъ». Совершенно такъ все оно и случилось по ея прорицанію, на что я и обратилъ его внимательность. Форовъ былъ прежалкій: онъ все время похоронъ даже нервно дрожалъ и сердился, кусалъ ногти и, не чувствуя слезъ, кои изъ глазъ его выпрыгивали, до того представлялся грубымъ и неласковымъ, что даже не хотѣлъ подойти ко гробу и поцѣловать жену, и отвѣчалъ: «Зачѣмъ я стану ее мертвую цѣловать, когда я ее вволю живую цѣловалъ». Такъ религіозно храня свое грубое невѣріе и представляясь безчувственнымъ, онъ и не прощался съ покойною: увѣряя, что онъ съ мертвыми никакихъ отношеній не умѣетъ соблюдать и все это считаетъ за глупыя церемоніи. Но подивитесь же, какая съ самимъ съ нимъ произошла глупость: по погребеніи Катерины Астафьевны, онъ, не зная какъ съ собой справиться и все-таки супротивъ самой натуры своей строптствуя, испилъ до дна тяжелую чашу испытанія и, бродя тамъ и сямъ, очутился ночью на кладбищѣ, влекомый, разумѣется, *существующею* силой самой любви къ *несуществующему* уже субъекту, и здѣсь онъ соблаговолилъ присѣсть и, надо думать, не противу своей воли, просидѣлъ цѣлую ночь, припадая и плача (по его словамъ отъ того будто, что немножко лишнее на нутро принялъ); но какъ бы тамъ ни было, творя сей сѣдаленъ на хвалитѣхъ, онъ получилъ тамъ сильную простуду и въ результатѣ оной перекосило его самого, какъ и его покойницу Катерину Астафьевну, но только съ сообразнымъ отличіемъ, такъ что его отецъ Кондратій щелкнулъ не съ правой стороны на лѣвую, а съ лѣвой на правую, дабы онъ, буде вздумаетъ, могъ бы еще правою рукой перекреститься, а лѣвою ногой сатану отбрыкнуть. Не знаю, однако же, удосужится ли его высокоблагородіе это сдѣлать, ибо послѣ сего, полученнаго имъ перваго предостереженія, весьма возможно вскорѣ и

второе, а потомъ съ третьимъ все изданіе его бренія и вовсе можетъ быть закрыто. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ онъ не хочетъ еще мнѣ довѣрять и даже на самое сіе предостереженіе весьма злится и, какъ оный тонувшій въ пьяномъ видѣ въ канавѣ бодростинскій Сидъ, изрыгаетъ похвальбу, что, пожалуй, всѣхъ насъ переживетъ и научитъ какъ можно никакихъ предостереженій не слушаться. Но, впрочемъ, его вы скоро самолично увидите, такъ какъ господинъ майоръ, тяжело двигая правою ногой, быстро собирается течь въ оный вашъ всепоглощающій Петербургъ, а причину своей поѣздки отъ меня скрываетъ, говоря, что я ея не одобрю, а онъ не желаетъ разбиваться въ своихъ мысляхъ, ибо дѣлаетъ то, что вздумалъ единственно лишь именно въ виду обстоятельствъ и побуждаемый къ тому полученнымъ имъ первымъ предостереженіемъ. Надняхъ вы его сами узрите и тогда мнѣ придется вамъ завидовать, что вы опять и на чужбинѣ, въ ономъ нѣмецкомъ *бурп*, соберетесь всею остающеюся пока нашею наличностію вкупѣ, тогда какъ мы съ Паинькой все болѣе сиротѣемъ. И будете вы прежде меня знать, какъ другъ мой Филетеръ Ивановичъ съ предостерегающимъ его начальствомъ въ брань войдетъ. Замыкаю же сіе мое обширное посланіе къ вамъ тою вѣстью, что я о васъ обо всѣхъ молюсь, желаю вамъ здоровья и всѣхъ благъ, и утверждаю и васъ въ истинѣ, что все бываетъ ко благу, такъ какъ и въ семъ трепетномъ дѣлѣ, которое мы недавно только пережили, вамъ, государь Иванъ Демьяновичъ, тоже дана, по моему мнѣнію, добрая наука: вамъ, вѣчно надѣявшимся на силу земной власти, окончаніе гордановскаго дѣла можетъ служить урокомъ, что нѣтъ того суда, при которомъ торжество истины было бы неизбѣжно. Паинька моя всѣмъ вамъ кланяется и увѣряетъ, что Андрей Иванычъ непремѣнно скоро женится, ибо, употребляя ея ученыя выраженія, онъ до сихъ поръ «наблюдалъ въ любви одну тактику, а теперь станетъ соблюдать практику». Соглашаюсь, что сей учеными словами украшенный дискурсъ отъ жены моей

страдаетъ какъ бы нѣкоею изрядно-свойственною ей безтолковостью, но тѣмъ не менѣе, какъ бывали уже случаи, что о вещахъ, сокрытыхъ отъ мудрыхъ и премудрыхъ, пророчествовали слѣпцы, то и сіи убогія ея прорицанія пріимите отъ вновь паки свои права священства воспріявшаго Евангела Минервина».

— Вотъ и все письмо, проговорилъ генералъ, складывая листокъ,—и какое интересное письмо.

— Да; очень интересное, отвѣчала съ горечью Синтянина, сидя въ томъ же неподвижномъ положеніи. — Нѣтъ болѣе моей Кати; нѣтъ моего лучшаго друга.

— Да, ширится кладбище, молвилъ Подозеровъ.

— Ну, что дѣлать: жили, жили вмѣстѣ, пора, видно, начать невдалекѣ одинъ за другимъ и умирать, произнесъ генералъ и, поглаживая себѣ поясницу, точно началъ высматривать, гдѣ бы, по расположенію комнаты, удобнѣе было поставить очередной столъ для его тѣла.

Генералъ недаромъ осматривалъ себѣ мѣсто: немного спустя послѣ этого дня, Подозеровъ, заставъ его дома одного, имѣлъ случай убѣдиться, что Синтянинъ, приготовляясь къ операціи, приготовляется и къ смерти. Иванъ Демьяновичъ встрѣтилъ гостя съ усвоенною имъ въ послѣднее время привѣтливостью, въ которой, однако, на этотъ разъ было еще что-то торжественное, задушевное и серьезное. Кто видалъ человѣка, приготовляющагося выдержать серьезную операцію, тотъ, конечно, замѣтилъ то особенное внушающее «нѣчто», которое за нѣсколько дней до операціи разливается по лицу больного. Это «нѣчто», угнетающее гораздо болѣе, чѣмъ ожиданіе самой смерти, это ожиданіе пытки, выражающееся обыкновенно своеобычною печатью силы и смиренія.

Синтянинъ подвелъ Подозерова къ столу, на которомъ лежалъ листъ бумаги со свѣжею еще подписью Ворошилова, и прошепталъ:

— Прочтите и подпишите.

Бумага эта была духовное завѣщаніе, которымъ Синтя-

нинъ упрочивалъ за женой все свое небольшое состояніе, стоившее около десятка тысячъ.

Подозеровъ подписалъ.

— Благодарю васъ, сказалъ, принимая отъ него бумагу, генералъ.—Это необходимая вещь. Нужно оградить Сашу отъ всякихъ безпокойствъ. Я поздно объ этомъ подумалъ. Кромѣ этого, у нея будетъ мой пенсіонишка, но она его лишится, когда выйдетъ замужъ.

— Почему же вы думаете, что Александра Ивановна непремѣнно выйдетъ замужъ?

— Да это такъ должно быть, но не въ томъ дѣло, а вотъ что-съ: вотъ я вамъ поручаю письмо, вамъ нѣтъ нужды знать его содержаніе.

— Совершенно справедливо.

— Когда я умру и когда меня похоронятъ, отдайте это письмо моей женѣ.

— Извольте.

— И непремѣнно лично сами отдайте,—добавилъ генералъ, вручая Подозерову пакетъ.

— Непремѣнно исполню все такъ точно, какъ вы хотите,—отвѣчалъ Подозеровъ, и недолго ожидалъ, когда настанетъ время исполнить это порученіе.

Операція, сдѣланная Синтянину, была объявлена счастливою, а результатомъ ея была смерть, которая, разумѣется, отнесена насчетъ несчастной случайности. Генералъ былъ похороненъ и его вдова осталась одинокою. Она не растерялась ни на одну минуту, не шаржировала своего положенія, она ничѣмъ не затруднялась и ничего не проектировала. О своихъ намѣреніяхъ она вовсе молчала, даже ежедневно навѣщавшему ее Подозерову не было извѣстно, долго ли она останется въ Петербургѣ, или же немедленно уѣдетъ назадъ къ себѣ въ хуторъ. Послѣ трехъ дней, въ теченіе которыхъ было много хлопотъ о погребеніи, Подозеровъ и генеральша видѣлись всякій день; но потомъ, послѣ похоронъ, они вдругъ какъ бы начали другъ друга чуждаться: они встрѣчались съ удовольствіемъ, но затруд-

нялись бесѣдовать, какъ бы боясь сказать что-нибудь такое, что не должно. Наконецъ, по возвращеніи Александры Ивановны на девятый день изъ церкви, Подозеровъ, будучи обязанъ исполнить просьбу покойнаго, сказалъ ей:

— Я имѣю къ вамъ маленькое порученіе.

Синтянина поглядѣла на него и спросила:

— Какое?

— У меня есть къ вамъ письмо.

— Отъ кого?

— Отъ того, отъ кого вы теперь всего менѣе можете этого ожидать.

Александра Ивановна посмотрѣла на него и проговорила:

— Вѣроятно, отъ моего покойнаго мужа?

— Да, вы отгадали; онъ отдалъ мнѣ это письмо за пять дней до своей смерти и взялъ съ меня слово передать его вамъ лично въ девятый день по его смерти. Вотъ это письмо.

И онъ подалъ вдовѣ конвертъ, на которомъ было написано ея имя, съ припиской: «прошу распечатать и прочесть немедленно»

«Прошу распечатать и прочесть немедленно», — повторила генеральша и, спокойно сломавъ печать, пробѣжала нѣсколько строкъ и тотчасъ же сжала листокъ въ рукѣ и покраснѣла.

— Вы меня извините, я съ вами теперь на часочекъ прощусь,—попросилъ, не желая ее стѣснять, Подозеровъ.

Вдова кусала губы и, краснѣя, продолжала молчать.

— Прощайте,—повторилъ Подозеровъ, подавая ей руку.

Но Александра Ивановна тихо отвела отъ себя эту руку и, затрудняясь, проговорила:

— Постойте, пожалуйста... вамъ нельзя уходить... Здѣсь есть очень странный капризъ...

— Что такое?

Смущеніе генеральши на минуту еще усилилось, но потомъ внезапно какъ бы сразу ее оставило; она развернула

смятый листокъ и, тщательно положивъ его снова въ конвертъ, проговорила:

— Возьмите это письмо.

Подозеровъ взялъ.

— Теперь прочитайте его.

Онъ вынулъ листокъ, прочелъ его глазами, и смущеніе, овладѣвшее нѣсколько минутъ предъ тѣмъ Александрой Ивановной, теперь овладѣло имъ.

— Что же, началъ онъ послѣ паузы,—я долженъ исполнить то, что здѣсь сказано.

— Да.

— Вы позволяете?

— Я не имѣю права запретить.

— Я читаю.

И онъ прочиталъ вслухъ:

«Сознавая, сколь я всегда былъ недостоинъ прекрасной и доброй жены моей и опасаясь, чтобъ она послѣ моей смерти, по своей скромности и по скромности человѣка, ею любимаго и ее любящаго, не оставалась вдовой, я изъ гроба прошу ее, не соблюдая долгаго траура, выйти замужъ за Андрея Ивановича Подозерова. Чѣмъ скорѣе ими будетъ это сдѣлано, тѣмъ скорѣе я буду утѣшенъ за могилой и успокоенъ, что я не всю ея жизнь погубилъ и что она будетъ еще хоть сколько-нибудь счастлива прежде, чѣмъ мы встрѣтимся тамъ, гдѣ нѣтъ ни женъ, ни мужей, и гдѣ я хочу быть прощенъ отъ нея во всемъ, что сдѣлалъ ей злого.

«Если жена моя, прочтя эти строки, увидитъ, что я ошибался и что она никогда не любила того, о комъ я говорю, то она должна поправить мою ошибку, предавъ это письмо сожженію; но если я разгадалъ ея сердце, то да не оскорбитъ она меня неискренностію и передастъ это письмо тому, кто его ей вручилъ. Такова моя воля, которую я завѣщаю исполнить».

Далѣе была черта и подъ нею слѣдующая приписка:

«Андрей Иванычъ! Я зналъ и знаю, что моя жена лю-

бить васъ съ тою покойною глубиной, къ которой она способна и съ которою дѣлала все въ своей жизни. Примите ее изъ рукъ мертвеца, желающаго вамъ съ нею всякаго счастія. Если я правъ и понимаю ваши желанія, то вы должны прочесть сй вслухъ это мое письмо, когда она вамъ его передастъ».

— Я прочелъ,—сказалъ Подозеровъ.

— Слышу,—отвѣчала, закрывъ рукой глаза, генеральша и, отворотясь, добавила:—теперь уйдите пока, Андрей Иванычъ.

На другой день Подозеровъ пришелъ къ Синтяниной позже часа, въ который онъ обыкновенно ее навѣщалъ, и засталъ ее чѣмъ-то занятою въ ея спальнѣ.

Она вышла къ нему черезъ нѣсколько минутъ, и не успѣли они повидаться, какъ вдругъ кто-то позвонилъ, и прежде чѣмъ хозяйка и гость могли сообразить, кто бы могъ быть этимъ посѣтителемъ, густой басъ, освѣдомлявшійся объ Александрѣ Ивановнѣ, выдалъ майора Форова.

Филетеръ Ивановичъ былъ точно тотъ же, какимъ мы его всегда привыкли видѣть, въ своемъ вѣчномъ черномъ, полузастегнутомъ сюртукѣ, въ военной фуражкѣ съ кокардой и съ толстою папиросой въ рукѣ, но онъ держалъ больную лѣвую руку за бортомъ сюртука и немножко волокъ правою ногой.

— Здравствуйте-съ, здравствуйте!—отвѣчалъ онъ на радостныя привѣтствія хозяйки и сейчасъ же, поцѣловавъ ея руку, обратился къ Подозерову:—Ну, что же это за протоканальи такіе у васъ архитекторы-то? А?

— А что такое?

— Да какъ же-съ: идутъ ступени на лѣстницѣ и вдругъ терраса и посрединѣ террасы, гдѣ не ожидаешь, еще опять ступень, идешь, хлопъ и растянулся. Вѣдь за это вѣшать надо ихъ брата.

— Да бросьте вы о лѣстницахъ! — перебила его генеральша: — говорите скорѣе о томъ, откуда вы и что тамъ у насъ?

— Откуда — сами знаете, а насчетъ того, что у насъ, то у насъ ничего: произошелъ небольшой «моръ звѣрей», но еще довольно скотовъ сохраняются вживѣ.

— Да звѣри бы пусть умирали...

— Ну, ужъ извините меня, а я не такъ думаю, — мнѣ звѣри милѣе скотинъ. При этой смѣтѣ, позвольте доложить, что господинъ и госпожа Рошшины вамъ кланяются: они еще не издохли, и даже не собираются.

— Но ваша жена! ваша жена!

— Она умерла.

— И вы объ этомъ такъ равнодушно говорите?

— А что же вы хотите, чтобъ я вылъ какъ собака, чтобы меня за это отъ всѣхъ воротъ гнали? Благодарю-съ. Да я, можетъ-быть, и самъ скоро умру.

— Да вы простите меня, Филетеръ Ивановичъ, вы, пожалуйста, не пейте, а то въ самомъ дѣлѣ...

— Ну, ужъ сдѣлайте ваше одолженіе, перебилъ майоръ: — никогда не пробуйте надо мною двухъ штукъ, не совращайте меня въ христіанскую вѣру, потому что я черезъ это противъ нея больше ожесточаюсь, и не уговаривайте меня вина не пить, потому что я послѣ такихъ увѣщаній долженъ вдвое пить, — это ужъ у меня такое правило. И притомъ же мнѣ теперь совсѣмъ не до того: пить или не пить, и жить или не жить. Меня теперь занимаютъ дѣла гораздо болѣе серьезныя: я пріѣхалъ сюда «по пенсіонскому вопросу».

— Это еще что за вопросъ такой? спросилъ, удивясь, Подозеровъ.

— А въ томъ-то и дѣло, что есть такой вопросъ, и я вотъ съ нимъ третій день вожусь въ Петербургѣ...

— Вы уже здѣсь третій день?

— Да, а что такое!

— И не заглянули ко мнѣ? попеняла генеральша.

— Некогда было-съ: прежде всего дѣло, я долженъ спѣшить, потому что мнѣ скоро шестьдесятъ лѣтъ и, видите,

ногу едва волочу: Кондрашка стукнулъ... Я вѣдь пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы жениться.

Слушатели такъ и ахнули.

— Какъ жениться? спросили они оба въ одинъ голосъ.

— Разумѣется, законнымъ бракомъ.

— На комъ же?

— Само собою разумѣется, что на превосходнѣйшей особѣ, — на госпожѣ Ванскокъ.

— Ну-съ?

— Не погоняйте, я и такъ разскажу: вы знаете, какъ, говорятъ, будто богатыри, умирая, кричали: «на, на, на»,— значитъ богатырскую силу передавали?

— Такъ что же?

— Вотъ такъ и я: я теперь развалина, а она молода,— ей, бѣдной, жить надо, а жить женщинѣ трудно и тяжело, такъ я хотѣлъ ей свой пенсіонъ передать. Этому меня Евагнелова попадья одинъ разъ научила, и я нахожу, что это очень практично.

— Enfant terrible съ сѣдыми волосами, проговорила, впервые, во вдовствѣ своемъ, разсмѣясь и качая головой, Спитянина. — Вонъ что онъ сдѣлалъ изъ благого совѣта!

— То-то и есть, что я изъ него ничего не сдѣлалъ, потому что это благороднѣйшее существо отвергло мое предложеніе.

— Это та, которую вы называете Ванскокъ: она васъ отвергла?

— Да-съ; не только меня, но и мой пенсіонъ! Явясь благороднѣйшей дѣвицѣ Ванскокъ, я ей предъявилъ, что я ужъ совсѣмъ дрянь и скоро совсѣмъ издохну, и предлагаю ей мою руку вовсе не потому, чтобы мнѣ была нужна жена для хозяйства или чего прочаго, но хочу на ней жениться единственно для того, чтобъ ей мой пенсіонъ передать послѣ моей смерти, но... эта благородная и вѣрная душа отвѣчала, что она пренебрегаетъ бракомъ и никогда противъ себя не поступитъ даже для виду. «А къ тому же, добавила она, — и пенсіона ни за что бы не

взяла, такъ какъ моя оппозиціонная совѣсть не дозволяетъ мнѣ имѣть никакихъ сдѣлокъ съ правительствомъ». Каково-съ?

— Довольно оригинально, отвѣтилъ Подозеровъ.

— Оригинально? Очень о васъ сожалѣю, если это вамъ только оригинально. Нѣтъ, это-съ грандіозно. Я уважаю крупныя черты и вѣрность себѣ даже въ заблужденіяхъ

— Да, я даже съ удовольствіемъ слушаю про это высокомѣріе о сдѣлкахъ; а что до браковъ, то вѣдь они самимъ же женщинамъ нужны.

— Нужны, да, нужны, особенно для такихъ, какъ тѣ стриженыя барышни, которыя, узнавъ отъ Ванскокъ о моемъ предложеніи и о ея благородномъ отказѣ, осаждали меня вчера и сегодня, чтобъ я вмѣсто Ванскокъ «фиктивно» женился на нихъ. Да, да, да: для этихъ браки нужны, а для меня и благородной Ванскокъ — нѣтъ: мы и такъ хороши.

— А что же вы всѣмъ другимъ вмѣсто брака дадите?

— А ничего не дадимъ! Не наше дѣло. Мы знаемъ, что для насъ не надобно, а что вамъ нужно — васъ касается. Вы насъ побѣдили больше чѣмъ хотѣли: и установляйте свои порядки, да посчитайтесь-ка теперь съ мерзавцами, которые въ нашъ слѣдъ пришли. Вы насъ вытравили, да-съ; голодомъ шершавыхъ нигилистовъ выморили, но не передѣлали на свой ладъ, да-съ. Великая Ванскокъ издохнетъ звѣренышемъ и не будетъ ручною скотинкой, да-съ! А вонъ новизна... сволочь, какъ есть сволочь! Эти покладливѣе: они какую хотите ливрею на себя вздѣнутъ и любымъ манеромъ готовы во что хотите креститься и съ чѣмъ попало вѣнчаться... Ну, да довольно. Прощайте, я спѣшу въ десять часовъ на поѣздъ.

— Какъ на поѣздъ? развѣ вы нынче ужъ и уѣзжаете?

— Непремѣнно; вонъ тамъ, у двери, и мѣшокъ мой, да и что мнѣ здѣсь дѣлать? Довольно: Ванскокъ меня укрѣпила, что не всѣ-съ, не всѣ звѣрки въ скотинъ обратились, есть еще люди, какихъ я любилъ, а вамъ я не нуженъ. Вѣдь вы къ намъ назадъ не поѣдете?

Генеральша промолчала.

— Молчите, значитъ я угадалъ: не поѣдете; и прекрасно, право, не тратьте-ка попусту время, смерть медлить не любитъ.

— Ну, пусть же ее подождетъ, я еще не жила, отвѣчала генеральша.

— Да; вы поживите и, пожалуйста, хорошенько поживите: вы вѣдь русалочка, въ васъ огонекъ-то и подъ водой не погасъ. Ну и прекрасно, когда же ваша свадьба?

— Скажите, когда? повторилъ этотъ вопросъ, подходя и беря ея руку, Подозеровъ.

— Вы помните сами, какъ это намъ завѣщано, отвѣтила Александра Ивановна.

— Въ томъ письмѣ сказано: «какъ можно скорѣе».

— Надо такъ и...

— Такъ послѣзавтра?

— Филетеръ Ивановичъ!

— Что-съ?

— До послѣзавтра... для моей свадьбы вы можете здѣсь подождать?

— Извольте, могу, но дѣло въ томъ, что вамъ надо меня гдѣ-нибудь спрятать, а то меня эти барышни очень одолѣли съ своимъ желаніемъ вступить со мною въ бракъ.

— Ну, мы васъ скроемъ, отвѣчалъ съ улыбкой Подозеровъ, уводя Форова къ себѣ.

Черезъ два дня, вечеромъ, онъ и его жена провожали майора на станцію желѣзной дороги.

— И вотъ мы мужъ и жена, и вотъ мы одни и другъ съ другомъ, сказалъ Подозеровъ, отъѣзжая съ женой въ каретѣ послѣ ухода поѣзда.

— Да, уронила тихо Александра Ивановна.

— Ты хочешь молчать?

— Нѣтъ; я хочу жить! отвѣчала она и, обвивъ руками голову Подозерова, покрыла ее зовущими жить поцѣлуями.

Годъ спустя, у двери, на которой была прибита до-

щечка съ именемъ Подозерова, позвонилъ бѣлокурый священникъ: онъ спросилъ барина, — ему отвѣчали, что его нѣтъ теперь дома.

— Ну, госпожѣ доложите, что пріѣзжій священникъ Евангелъ, произнесъ гость, но прежде чѣмъ слуга пошелъ исполнить его просьбу, въ комнатахъ послышался радостный восклицъ, и Александра Ивановна, отстранивъ человѣка, бросилась священнику на шею.

Тотъ вдругъ заплакалъ и потомъ, оправясь, сказалъ:

— Дайте же войти: нехорошо въ дверяхъ попа цѣловать.

— Вы, разумѣется, у насъ остановитесь?

— Могу, для того, что и вещи мои еще здѣсь на дрожкахъ.

Александра Ивановна послала за вещами, устроила Евангелу уголокъ, напоила его чаемъ и показала ему своего сына.

— Хорошъ, оцѣнилъ Евангелъ,—да вамъ и надлежитъ не быть смоковницей неплодною: я думаю, вы добрая мать будете.

Та сдѣлала тихую гримаску и съ укоризной себѣ проговорила:—Балую его немножко.

— Немножко ничего, отвѣтилъ Евангелъ,—а много опасайтесь. У госпожи Глафиры Васильевны тоже родился сынъ.

— Вотъ! мы о нихъ мало слышимъ.

— Да, разъединились вовсе, но того-съ... она того... балуетъ ребенка очень, и одна ей въ немъ утѣха.

— Говорятъ, она несчастлива?

— Свыше мѣры. Наказанъ страшно темный путь въ ея дѣлахъ. Сей мужъ ея—ужасный человѣкъ-съ: онъ непремѣнно тайну какую-нибудь ея имѣетъ въ рукахъ... Богъ знаетъ: говорятъ, что завѣщаніе, которымъ ей досталось все—подложено, и будто бы въ его рукахъ есть тому всѣ доказательства; но что-нибудь да есть нечисто: иначе она

ему не отдала бы всего, а вѣдь она въ такомъ бываетъ положеніи, что почасту въ рублѣ нуждается!

— Я это слышала, что будто даже Форовъ ей ссужаетъ деньги.

— Онъ почти весь свой пенсіонъ ей отдаетъ.

— И та беретъ?

— Ну, вотъ поди-жъ? Да что и дѣлать: не на что за лѣкарствомъ послать: ни мариландской папироски выкурить. А у Рощина просить тяжеле, чѣмъ занять у Форова.

— Однако, какая ужасная жизнь!

— О, она наказана жестоко.

— А вотъ и мой мужъ идетъ! воскликнула Александра Ивановна, заслышавъ знакомый звонокъ.

Послѣ радостныхъ свиданій и обѣда, Евангелъ, удалясь съ Подозеровымъ въ его кабинетъ, обратился къ нему съ грустнымъ видомъ:

— Не хотѣлъ я для перваго свиданія огорчать Александру Ивановну и не все ей сказалъ. Вѣдь Форовъ, знаете, тому недѣли съ три, изъ-за Глафиры такъ жестоко съ Рощинымъ поругался, что при многихъ гостяхъ далъ ему слово публично въ собраніи дать оплеуху; пришелъ гнѣвный ко мнѣ, легъ въ банѣ поспать и.

— Не проснулся?

— Вы отгадали.

— Значитъ послѣдній изъ нигилистическихъ могиканъ свалился.

— Да вотъ въ томъ-то и дѣло, что еще былъ ли онъ тѣмъ самымъ, чѣмъ старался казаться!

— А что? Нѣтъ; я думаю, что Форовъ до извѣстной степени былъ себѣ вѣренъ.

— До извѣстной степени, это, пожалуй, такъ. А то вѣдь его окостенѣлая рука тоже была съ крестнымъ перстосложеніемъ. Никто же другой, а самъ онъ ее этакъ сложилъ... Да можетъ и враждовалъ-то онъ не по сему глаголемому нигилизму, а просто потому, что... поладить хотѣлъ, да не

умѣлъ, въ обязанность считалъ со старою правдой на ножахъ быть.

— Пожалуй вы правы; ну, а что, скажите, какъ Висленевъ?

— Здоровъ какъ стѣна. Панинька сшила ему ватошничекъ изъ зеленаго платья покойницы Вѣры, онъ взялъ и говоритъ: «Вотъ что меня погубило: это зеленое платье, а то бы я далеко пошелъ». Онъ-таки совсѣмъ съ ума сошелъ. Удивительно, право: чего не было и того лишился! Кой же лѣшій его когда-то политикой обвинялъ? А? Я этому тоже удивляюсь.

— Все удивительно, отецъ Евангелъ:—вы были бунтовщикъ, я—соціалистъ, а кому это было нужно?

— Не понимаю.

— И не поймете.

— Именно, именно, какъ проведешь предъ собою все, что случилось видѣть: туманъ, ей-Богу, какой-то пойдетъ въ головѣ, кто тутъ нынѣ самого себя не выкается и другого не коверкаетъ, и изо всего этого только какая-то темная, мусорная куча выходитъ.

— Да, да, не легко разобрать, куда мы подвигаемся, идучи этакъ на ножахъ, которыми кому-то все путное въ клочья хочется порѣзать; но одно только покуда во всемъ этомъ ясно: все это прологъ чего-то большого, что неотразимо должно наступить.

Оглавленіе IX тома.

НА НОЖАХЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Мертвый узелъ.

	стр.
I. Тикъ и такъ.	3
II. Гдѣ обрѣтается Форовъ.	5
III. Каково поживаютъ другіе.	7
IV. Кошка и мышка	11
V. Nota bene на всякій случай.	13
VI. Итогъ для новой смѣты	16
VII. Черная немочь	19
VIII. Нѣмая исповѣдь	25
IX. Безъ покаянія.	27
X. Съ толку сбила	29
XI. Брилліантъ и янтарь.	35
XII. Указъ объ отставкѣ.	39
XIII. Собака и ея тѣнь.	42
XIV. Раненаго берутъ въ плѣнъ	49
XV. Роза изъ сугроба.	54
XVI. На курьерскихъ	61
XVII. Еще шибче.	66
XVIII. Майоръ и Катерина Астафьевна.	73
XIX. О тѣхъ же самыхъ	79
XX. Еще о нихъ же	84
XXI. Свадьба Форовыхъ	90
XXII. Языкъ сердца	94
XXIII. Горшокъ сталкивается съ горшкомъ	98

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Темныя силы.

	стр.
I. Два Вавилона	107
II. Нимфа и Сатиръ	112
III. Собакѣ снится хлѣбъ, а рыба—рыбаку	118
IV. Другой рыбакъ съ иною отвагой	121
V. Рыбакъ рыбака видитъ	125
VI. Отбой	130
VII. Monsieur Borné	135
VIII. Парижскія бѣды monsieur Borné	140
IX. Онъ теряетъ свое имя и получаетъ имя Устина	149
X. Устинъ не помогъ	152
XI. Въ шутовскомъ колпакѣ	162
XII. Въ дыму и въ искрахъ	167
XIII. На краю погибели	173
XIV. Въ черномъ цвѣтѣ	181
XV. Удивилъ!	187
XVI. Висленевъ въѣзжаетъ въ Петербургъ	190
XVII. Потопъ	194
XVIII. Проба пера и чернилъ	201
XIX. Свой своему поневолѣ другъ	204
XX. Ошибка	210
XXI. Старые пріятели	215
XXII. Объясненіе	219
XXIII. Висленевъ вмѣсто хожденія по оброку отпускается на волю, безъ выкупа	223
XXIV. Зато дѣлается очень худо Бодростину	228
XXV. Двѣ кометы	231
XXVI. Маланьина свадьба	241
XXVII. Куда кривая выноситъ	250
XXVIII. Тѣ же раны	257
XXIX. Неожиданныя событія	264
XXX. Убѣжденія храбраго майора колеблются	272
XXXI. Чего достигъ Ропшинъ	278
XXXII. За ширмами	286
XXXIII. Въ своей красотѣ	297
XXXIV. Начало конца	306
XXXV. Близокъ ужъ часъ торжества	315
XXXVI. Гдѣ Лара	319

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Черезъ край.

	стр.
I. Вѣсти о Гордановѣ	324
II. Синтянина беретъ на себя трудную заботу	329
III. Превыше міра и страстей	332
IV. Слѣдъ	337
V. Лара отыскана и устроена	341
VI. Битый небитаго везетъ	344
VII. Бесѣды Сумасшедшаго Бедуина	349
VIII. Свѣтозарово воскресенье	354
IX. Дѣло темной ночи	358
X. Предъ послѣднимъ ударомъ	364
XI. Воръ у вора дубинку укралъ	367
XII. Огненный змѣй	373
XIII. Событія ближатся	378
XIV. Послѣднія вспышки стараго огня	382
XV. Красное пятно	387
XVI. Живой огонь	389
XVII. Ларисина тайна	396
XVIII. Соломенный духъ	401
XIX. Коровья смерть	410
XX. Нѣжить мечется	417
XXI. Ночь послѣ бала	429
XXII. Бунтъ	439
XXIII. Вѣсть о Ларисѣ	445
XXIV. На ворахъ загораются шапки	449
XXV. Одинакія книги въ разныхъ переплетахъ	456
XXVI. Сидъ пережилъ	467
Эпилогъ	475

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго, съ приложеніемъ пяти портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Гора.—Легенда о совѣстномъ Данилѣ.—Повѣсть о Богоугодномъ дровоколѣ.—Прекрасная Аза.—Скоморохъ Памфалонъ.—Левъ старца Герасима.—Аскалонскій злодѣй.—Сказаніе о Ѳедорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ.—Печерскіе интики.—Чортовы куклы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, № 1.

ГОРА.

ЕГИПЕТСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(По древнимъ преданіямъ.)

«Этотъ анекдотъ совершенно древній. Такой случай нынче не сбыточенъ, какъ сооруженіе пирамидъ, какъ римскія зрѣлища—игры гладіаторовъ и звѣрей».

(Египетскія ночи).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очень давно въ Александріи египетской, при римскомъ господствѣ, жилъ знаменитый и славный художникъ, по имени Зенонъ. Онъ съ необыкновеннымъ, тонкимъ искусствомъ дѣлалъ изъ серебра и золота роскошную утварь и художественныя вещи для женскихъ уборовъ. По роду своихъ занятій онъ назывался «златокузнецъ». Происходило это въ то время, когда въ Александріи, въ тѣсномъ другъ съ другомъ сосѣдствѣ и въ близкомъ общеніи по дѣламъ, жило много людей разныхъ вѣръ, и всякій почиталъ свою вѣру за самую правильную и за самую лучшую, а чужую вѣру не уважалъ и порицалъ. Были также и такіе, которые, чтобы жить въ мирѣ и тишинѣ, не оказывали свою вѣру, а держали ее въ себѣ тайно и ни въ какіе споры не вступали.

Зенонъ златокузнецъ былъ потаенный христіанинъ, но община александрійскихъ христіанъ его своимъ не считала,

и самъ онъ держался отъ нея въ отдаленіи. Ему было удобнѣе не сообщаться, потому что, наученный христіанству какимъ-то сирійскимъ зашельцемъ въ Египетъ, Зенонъ не о всемъ мыслилъ совершенно такъ, какъ принято было безъ разсужденія другими христіанами въ Александріи. Поэтому и тѣ немногіе изъ открытыхъ христіанъ, которые знали Зенона, почитали его стоящимъ на ложномъ пути, онъ къ нимъ насильно не шелъ; но никогда съ ними и не спорилъ, а жилъ самъ по себѣ въ отдаленіи, въ тихомъ, прохладномъ загородномъ урочищѣ за палестрою, на дынныхъ огородахъ.

По художеству, которое тогда называлось «златокузнею», Зенону не было равнаго—не только въ Александріи и въ Оивахъ, но и въ цѣломъ Египтѣ. Браслеты, стяжки и головные уборы работы Зенона славны были даже въ Антіохіи. Всѣ именитыя женщины обоихъ этихъ роскошныхъ городовъ наперебой непремѣнно хотѣли имѣть украшенія, сдѣланныя этимъ искуснымъ мастеромъ. Евреи изъ Антіохіи дѣлали ему большіе заказы и, забирая себѣ его «златокузню», увозили его художественныя произведенія въ свой городъ и тамъ продавали по чрезвычайно высокой цѣнѣ и наживали большія выгоды. Зенонъ былъ очень досужъ и трудолюбивъ, но, при всемъ томъ, онъ не успѣлъ исполнять всѣхъ дѣлаемыхъ ему заказовъ, и недосугъ его простирался до того, что онъ не имѣлъ даже времени ни для какихъ удовольствій и часто ему некогда было даже о себѣ обдумать. Ему шелъ уже тридцать первый годъ, и онъ имѣлъ хорошій достатокъ для того, чтобы жить безнуждно съ семьею, а онъ все еще ходилъ холостой, былъ совершенно одинокъ и жилъ въ своемъ уединенномъ, но хорошо устроенномъ домѣ за дынными огородами. Въ прислугѣ у него для помощи былъ одинъ непомѣрной силы персіянинъ, который былъ ему беззавѣтно преданнымъ и вѣрнымъ слугою, хотя самъ этотъ человѣкъ былъ язычникъ и ходилъ совершать таинства Митры.

Зенонъ былъ домосѣдъ и на свободѣ любилъ читать и размышлять о высокихъ вопросахъ. Проработавъ цѣлый

день, онъ только вечерами выходилъ за порогъ своей мастерской, садился на каменную скамейку подъ широколистнымъ платановымъ деревомъ и отсюда любовался вечернимъ закатомъ краснаго солнца за кущи деревьевъ, читалъ сочиненія о высокихъ предметахъ или катался по Нилу, самъ управляя своею баркой подъ клѣтчатымъ шелковымъ парусомъ. По всѣмъ домашнимъ дѣламъ Зенона въ городъ ходилъ и справлялъ ихъ персіянинъ, однако въ Александріи всѣ знали Зенона, не исключая лицъ именитыхъ, и многіе почитали за честь быть съ нимъ въ знакомствѣ, такъ какъ онъ въ своемъ родѣ тоже былъ знаменитъ,—но Зенонъ былъ скроменъ и отъ почета всегда удалялся. Богатыя щеголихи Александріи шли наперебой одна передъ другою, чтобы имѣть Зенона себѣ для услугъ, и платили очень дорого, лишь бы только перещеголять другъ друга, но ихъ было много, а Зенонъ одинъ, и потому это не помогало. Всѣмъ Зенонъ не могъ услужить.

Тогда одна знатная дама вздумала присвоить себѣ искусство художника иначе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Александрію пріѣхала изъ Антіохіи одна молодая и чрезвычайно красивая вдова, по имени Нефорисъ или Нефора. Она была очень богата и до того избалована, что не знала мѣры своимъ прихотямъ и не переносила никакого возраженія и отказа. Воздерживаться и останавливаться въ осуществленіи какихъ бы то ни было желаній было для нея такъ несносно, что она объ этомъ не хотѣла и думать, а цѣль ея по пріѣздѣ въ Александрію, прежде всего заключалась въ томъ, чтобы превзойти своею пышностью всѣхъ самыхъ роскошныхъ александрійскихъ красавицъ. Отказаться отъ этого суетнаго желанія Нефора не согласилась бы ни за что на свѣтѣ, такъ какъ вся Антіохія знала ее за самую изящную красавицу, которая своею роскошью и увлекательностью затмѣвала собою всѣхъ иныхъ прекрасныхъ женщинъ,

блиставшихъ красой и нарядами на празднествахъ въ рощѣ Дафны. Наряды Нефоры были прелестны, но чтобы сдѣлать ихъ еще болѣе замѣчательными, она захотѣла имѣть самый лучшій выкованный изъ золота уборъ, какой носили щеголихи въ Александріи, но только непремѣнно, чтобы онъ былъ лучше, чѣмъ всѣ подобные уборы, какіе до сихъ поръ были сдѣланы. Она послала за Зенономъ, но Зенонъ отказался придти, сказавъ, что ему недосужно. Нефора послала за нимъ второго посла и велѣла ему обѣщать Зенону такую плату, какую самъ онъ захочетъ, но Зенонъ отвѣтилъ послу: «Скажи твоей госпожѣ, что я работаю сколько могу и сверхъ силы моей не принимаю заказовъ. Всѣмъ угодить я не успѣю, а наблюдаю очередь, и никакая богачка не можетъ предложить мнѣ ничего такого, что заставило бы меня отступить отъ справедливаго порядка».

Когда посланные къ Зенону во второй разъ возвратились безъ успѣха и передали отвѣтъ художника Нефорѣ, то эта избалованная и непривычная ни къ какимъ возраженіямъ модница впала въ ужасную гнѣвность и дошла до такого безумія, что велѣла подвергнуть безжалостному наказанію рабовъ, которыхъ посылала къ Зенону, а для себя приказала сейчасъ же осѣдлать бѣлаго мула и приготовить ей длинное и густое покрывало, въ которое могла быть завернута вся ея фигура съ головою.

Нефорисъ рѣшилась сама отправиться къ Зенону и во что бы то ни стало принудить художника сдѣлать для нея самую красивую золотую діадему, съ самыми тонкими и изящными цѣпочками, скованными легко и усаженными перлами одной величины и одного цвѣта.

Оба приказанія Нефоры были исполнены въ точности: рабы ея, ходившіе безъ успѣха къ Зенону, были наказаны ударами воловьей жилы, а ей былъ поданъ бѣлый мулъ, покрытый роскошнымъ ковромъ, съ уздою изъ переплетенной широкой, зеленой и желтой, тесьмы, съ золотистою сѣткой на чолкѣ и съ длинными кистями вмѣсто вторыхъ поводьевъ. У этихъ поводьевъ стоялъ нѣмой сирiецъ изъ

Тира, въ ярко-красной, до пятъ его достигавшей, длинной одеждѣ.

Нефора сѣла на своего мула и красный сирiецъ повелъ красивое животное за поводья, не зная, куда его госпожа отправляется. Онъ только оглядывался на свою госпожу при поворотахъ и распутьяхъ и слѣдовалъ мановенiю ея опахала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ сказано выше, Зенонъ, удаляясь отъ шума, жилъ за городомъ въ уединенной красивой мѣстности, до которой было весьма далеко отъ жилища Нефоры. Дорога сюда шла сначала городомъ, потомъ тѣнистою аллеей, по которой не затихало очень сильное движенiе. Нефорѣ встрѣчались рабы, несшiе въ паланкинахъ женщинъ, ее съ грохотомъ обгоняли парныя колесницы на мулахъ и на рослыхъ коняхъ съ подстриженными гривами, а потомъ путь становился безлюднѣй и тише. Тутъ Нефора почувствовала свою неосторожность: она не знала дальше дороги къ жилищу Зенона.

Отъ аллеи начинались мелкiе свертки по тропинкамъ въ удолья, утонувшiя въ платановыхъ рощахъ. У одного изъ этихъ свертковъ подъ вѣтвистымъ деревомъ сидѣлъ старый амаликитянинъ и ѣлъ дыню; возлѣ него жевалъ свою жвачку такой же старый верблюдъ. Нефора спросила у амаликитянина, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Зенонъ златокузнецъ.

— Я не здѣшнiй, отвѣчалъ амаликитянинъ,—но поѣзжай далѣе и ты увидишь подъ деревомъ дѣвочку, которая пасетъ козъ,— та здѣсь живетъ и всѣхъ знаетъ, — она тебѣ можетъ сказать о томъ, кто тебѣ нуженъ.

Нефора дала знакъ сирiйцу и тотъ повелъ ея мула дальше.

Вскорѣ они увидали широколиственное дерево, подъ которымъ паслись четыре желтыя козы и посреди ихъ сидѣла на травѣ простоволосая, босая дѣвочка въ грубой рубашкѣ изъ холста коричневаго цвѣта.

Нефора спросила ее о Зенонѣ.

Босоногая дѣвочка тряхнула своими синими кудрями и отвѣчала:

— Конечно, я знаю, гдѣ живетъ красивый и добрый Зенонъ. Я ношу ему молоко отъ нашихъ козъ и онъ часто даритъ мнѣ дыни и виноградъ изъ своего сада. Ни добрѣй, ни красивѣй Зенона нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Поверни вправо по третьей тропинкѣ и ты увидишь поляну, съ которой заблестятъ воды Нила, а передъ тобою прямо будетъ садъ, въ томъ саду бѣлый домъ, съ пестрою крышей, и большой мѣдный аистъ надъ входомъ, — это и есть жилище Зенона.

Нефора взяла указанное ей направленіе, но опять скоро смѣшалась въ извивахъ тропинъ и могла заблудиться. По счастію, ей встрѣтился человѣкъ, мрачнаго вида, съ треугольнымъ шрамомъ на лбу и съ большою корзиной, въ которой видны были плоды, фляга съ питьемъ и большая красная рыба. Нефора спросила его о Зенонѣ, а человѣкъ ей отвѣчалъ:

— Я служитель Зенона, но я не могу возвратиться, чтобы проводить тебя къ нему, потому что я поспѣшаю соединиться съ своими единовѣрцами,—мы идемъ справлять таинство Митры. Господинъ мой меня отпустилъ послужить моей вѣрѣ и остался теперь одинъ въ своемъ домѣ. Обогни тотъ большой кустъ розъ и ты увидишь дорожку, которая прямо приведетъ тебя къ его дому. Зенонъ теперь одинъ, онъ занятъ работой, но дверь въ его мастерскую открыта.

Сказавъ это, персъ показалъ ей, какъ надо проѣзжать черезъ поляну, гдѣ зрѣли ароматныя дыни, и Нефора, проѣхавъ межъ сирени, жасминовъ и розъ, увидала вдали, какъ катилъ воды Нилъ, а вблизи, въ чащѣ кустовъ, стоялъ бѣлый домикъ и на немъ, какъ живой, мѣдный аистъ на бѣломъ фронтонѣ. Вокругъ было все тихо; синее небо разстилалось какъ ровно покрытый шатеръ; солнце горѣло, въ воздухѣ стоялъ зной; на бѣломъ карнизѣ рядкомъ сидѣли

и пѣли черные дрозды. Вокругъ дома было множество лилій и розъ, а у самыхъ стѣнъ и у бѣлаго мраморнаго порога лежали цѣлые пласты зеленаго діарита. Здѣсь было свѣжо, тихо и цѣломудренно: здѣсь жилъ художникъ.

Усталая отъ далекаго переѣзда и отъ жара, Нефора сошла съ сѣдла и отослала мула и провожатаго вдаль подъ дерево, а сама осталась передъ открытою дверью Зенона. Теперь она, не переступая порога, могла видѣть всю его мастерскую. Это была очень большая и высокая квадратная комната безъ оконъ; мягкій свѣтъ проникалъ въ нее черезъ потолокъ, сквозь фіолетовую слюду, отчего всѣ вещи казались обвитыми какъ будто эѳирною дымкой. Посерединѣ комнаты на полированномъ красномъ порфирѣ красовался бронзовый ибисъ и изъ его клюва струилась свѣжая вода; стѣны окружены были колоннами и ровно окрашены красновато-коричневою краской, на которой рѣзко выдѣлялись бѣлыя мраморныя и лѣпныя фигуры, изображавшія людей и животныхъ. Здѣсь были и легкія маски женщинъ, и тяжелыя головы фараоновъ, и задумчивыя морды верблюдовъ, и хищныя пасти крокодиловъ. Зенонъ, какъ большинство художниковъ того давняго времени, зналъ не одну златокузню. Подобно извѣстному со временъ Амазиса художнику Ѳеодору, Зенонъ былъ и архитекторъ, и плавильщикъ, и лѣпщикъ, и ваятель, и во всемъ онъ былъ мастеръ и знатокъ, и любитель всякаго изящества, о чемъ и не мудрено было заключить по его жилищу, передъ которымъ теперь стояла Нефора, вдыхая оттуда прохладную свѣжесть и ароматъ, разливавшійся изъ красивыхъ, яркою поливой покрытыхъ тазовъ, въ которыхъ росъ золотистый мускусъ и напоялъ всю атмосферу своимъ запахомъ. Посреди всѣхъ художественныхъ произведеній искусства, наполнявшихъ покой, стоялъ самъ художникъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Напомнимъ, что Зенону шелъ тридцать первый годъ. Онъ родился въ Милетѣ отъ красивой гречанки и галла.

Природа дала ему стройный станъ, сильныя руки, огромную массу бѣлокурыхъ волосъ и огненные черные глаза, въ которыхъ свѣтилась самая плѣнительная доброта и благородная твердость. Онъ былъ въ длинномъ хитонѣ изъ мягкой шелковой матеріи сѣраго цвѣта, съ блѣднорозовыми кружками по краю; ноги его были обуты въ легкія желтыя сандаліи, а буйные русые волосы схвачены тонкимъ золотымъ обручикомъ съ бирюзою на лбу.

Онъ стоялъ спиной къ двери, облокотясь на подставку, на которой лежала глыба глины для лѣпки, и разсматривалъ съ сосредоточенностью деталь своей модели.

—Зенонъ! позвала его Нефора.

Онъ вздрогнулъ и оборотился. Нефора нашла, что лицо его прекрасно, и переступила къ нему за порогъ въ его мастерскую.

— Ты не долженъ сердиться, что я прихожу къ тебѣ, художникъ. Меня привлекла къ тебѣ твоя слава. Женщинъ влечетъ къ себѣ слава, а ты славный художникъ. Я не здѣсь рождена и никогда тебя не видала, но слава твоя мнѣ извѣстна. У меня есть тоже слава моя, которая не стоитъ твоей: въ Антіохіи меня называли «звѣздою между красавицъ», но я прихожу къ тебѣ за совѣтомъ: помоги мнѣ, художникъ!

— Въ чемъ нужна тебѣ моя помощь?

— Прежде всего, позволь мнѣ быть твоею гостьей и дай отдохнуть мнѣ у тебя отъ несноснаго зноя.

— Входи и будь моею гостьей.

Нефора вошла, сняла покрывало и сѣла въ широкое кресло, покрытое кожей пантеры.

Застигнутый такъ внезапно врасплохъ, «златокузецъ» сразу ощутилъ себя какъ бы во власти посѣтившей его бойкой и настойчивой гостьи. Онъ подалъ воды ей и положилъ къ ея ногамъ мягкую подушку, а самъ сталъ передъ нею и смотрѣлъ на нее, сложивъ свои руки на груди среди мягкихъ складокъ хитона. Его поразила замѣчательная красота Нефорисы, которая, спустивъ покрывало, явилась одѣ-

той такъ изящно къ лицу, что природная прелесть ея лица блистала еще ярче. Небольшая на круглой шеѣ головка Нефоры была покрыта широкимъ и тонкимъ кефье въ голубыхъ и бѣлыхъ полосахъ: мягкія складки этой искусно положенной, изящной повязки облегали, какъ воздухъ, ея лицо и черносинія кудри. Кефье было перевязано желтымъ шнуромъ. Уши, руки и пальцы Нефоры были украшены серьгами, кольцами и браслетами, а на стройной шеѣ лежало золотое ожерелье изъ множества мелкихъ цѣпочекъ и на концѣ каждой изъ нихъ дрожали жемчужные перлы. Рѣсницы Нефоры были подведены по египетской модѣ, концы пальцевъ слегка подрумянены, а тонкіе ногти напудрены розовымъ перламутромъ. Гибкій станъ Нефоры охватывала легкая туника полосатой матеріи—розовой съ бѣлымъ, а вмѣсто пояса ей служилъ ей шелковый шнуръ, у одной изъ кистей котораго висѣло маленькое зеркальце и такой же маленькій сверленый изъ самоцвѣтнаго камня флаконъ съ пахучею индійскою эссенціей. Но всего больше поражало необыкновенно живое и измѣнчивое выраженіе ея нѣжнаго и страстнаго лица, линіи котораго такъ часто мѣнялись, что, казалось, ихъ совсѣмъ уловить невозможно.

Усѣвшись небрежно въ кресло, Нефора, не ожидая разспросовъ хозяина, сама разсказала ему, въ чемъ ея надобность. Она сказала, что желаетъ, во что бы то ни стало, имѣть къ предстоящей палестрѣ самую изящную діадему работы Зенона, а онъ ей отвѣчалъ, что это невозможно, ибо все время его до предстоящей палестры уже распредѣлено имъ для исполненія другихъ, ранѣе полученныхъ заказовъ.

— А правду ли ты это говоришь? Можешь ли ты мнѣ сказать: для кого именно ты теперь взялся работать?

— Я думаю, что это я въ правѣ сказать—отвѣчалъ неосторожно художникъ и назвалъ Родописъ и Сефору, тѣхъ самыхъ, которыхъ всѣхъ сильнѣе Нефора желала превзойти своею красотой, появясь въ первый разъ на александрійской палестрѣ.

— Родопись и Сефора!—воскликнула Нефора.—Неужто же я меньше ихъ стою въ очахъ человѣка, который способенъ цѣнить изящное въ мірѣ?

— Человѣкъ прежде всего долженъ исполнять то, что составляетъ его долгъ.

— Долгъ художника служить красотѣ и я тебѣ даю къ тому наилучшее средство. Зачѣмъ ты будешь напрасно тратить талантъ свой для плосколобой Родописъ и скуластой Сефоры? Имъ все равно искусство твое не поможетъ и онѣ въ діадемахъ твоихъ не станутъ изящнѣй; но укрась ты Нефору, приложи красоту убора къ ея красотѣ—и палестра забудетъ ристанье, а заплещетъ моей красотѣ и твоему искусству, художникъ.

И когда Нефора увидала, что художникъ ей внимаетъ, то она, чтобы не дать ему опомниться и еще сильнѣе преклонить его на свою сторону, рѣшилась не выйти отъ него безъ того, что бы не принудить Зенона измѣнить данному слову и тѣмъ болѣе восторжествовать надъ Родописъ и Сефорой. Нефора рѣшила не только умолять Зенона и льстить ему вниманіемъ и лаской, но даже прямо прельщать его своею красотой съ тѣмъ, чтобы довести его до страстнаго увлеченія и купить у него предпочтеніе себѣ хотя бы даже цѣною своей чести.

— «Тогда, думала она,—онъ перестанетъ отказываться, и чего не хочетъ сдѣлать мнѣ за большія деньги, то сдѣлаетъ безъ всякой денежной платы, какъ для своей любовницы. Я этого желаю... У меня будетъ уборъ всѣхъ изящнѣе а вреда чести моей отъ этого никакого не будетъ, потому что, навѣрное, никому даже и на мысль не придетъ, чтобы я, самая первая красавица, молодая и богатая вдова Неформсъ, брака съ которой искало и ищетъ столько знаменитыхъ людей, отдалась изъ-за выгодъ уроженцу Милета... Никто не повѣритъ, что я отдала себя златокузнецу за то, чтобы имѣть его златокузню... чтобъ унизить ею соперницъ... Да, этому никто не повѣритъ, и я тѣмъ смѣлѣе на это рѣшаюсь»

Къ тому же... Зенонъ былъ красивъ и...

Нефора вдругъ ощутила надъ собой его обаянье.

Всѣ до сихъ поръ искали вниманія ея,—и вотъ человѣкъ, кого *она ищетъ*... Она предлагаетъ себя... Она себя *продаетъ*...

Это ей ново, и дико, и страстно желанно.

Нефора не размышляла, или ея разсудокъ былъ слишкомъ сговорчивъ и велъ ее къ достиженію того, чего ей желалось.

— «Все равно я должна буду выйти замужъ за какого-нибудь вельможу, котораго я не буду любить, а пока я свободна, не вольна ли я сама располагать собой какъ хочу? Я хочу, я могу, я желаю здѣсь, въ этой тиши, внезапно купить себѣ цѣною своей красоты услуги красавца Зенона. Такъ, мой художникъ! тебя ничто не спасетъ отъ соблазна моей красоты, и торжество мое надъ тобой неизбѣжно».

И Нефора нимало не медля, начала стремиться къ тому, чтобы осуществить свое намѣреніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Она сказала Зенону:

— Хорошо, я нехочу настаивать, чтобы ты портилъ твой честный обычай, но ты можешь помочь мнѣ, оставаясь господиномъ своихъ обѣщаній, которыя далъ Родописъ и Сефорѣ.

— Я не вижу какъ я могу это сдѣлать.

— Я тебя научу, если только ты хочешь у меня научиться,—сказала съ улыбкой Нефора.

— Учи, я охотно готовъ тебя слушать,—отвѣчалъ, также слегка улыбаясь, Зенонъ златокузнецъ.

— Сядь со мною рядомъ и слушай.

Зенонъ сѣлъ въ стоявшее рядомъ другое кресло, а она взяла его за руку и сказала:

— Ты вѣдь далъ слово не дѣлать лишь новыхъ убо-

ровъ и не имѣешь досуга на это. Я и просить тебя больше объ этомъ не стану; но что ты скажешь на то, если можешь мнѣ сдѣлать удовольствіе, не нарушая своего слова?

— Тогда я сдѣлаю все, чтобы не огорчить тебя понапрасну.

— Я не хочу ничего больше: здѣсь со мной мой пестрый персидскій ларецъ, въ которомъ лежатъ всѣ мои драгоцѣнности. Тамъ много есть разныхъ прекрасныхъ вещей, которыхъ здѣсь въ Александріи, на мнѣ не видали. Я привезла ихъ для того, чтобы ты ихъ разсмотрѣлъ и обдумалъ: не возможно ли ихъ смѣшать и привести ихъ въ такое соединеніе, чтобы изъ нихъ, по изящному вкусу Зенона, вышелъ не худшій уборъ для Нефоры?

— Ты это очень хорошо придумала!—воскликнулъ Зенонъ златокузнецъ.

— Я очень рада, что ты меня одобряешь, и съ своей стороны награжу тебя всѣмъ, чего только захочешь.

Зенонъ понялъ смыслъ этихъ словъ о наградѣ и, вставъ съ мѣста, сказалъ:

— За простой совѣтъ и за легкую помощь по силамъ моимъ никакой мнѣ награды не нужно.

— Отчего же?.. Проси!.. Или... если ты гордъ, то довѣрь мнѣ самой оцѣнить, чѣмъ съ тобой расплачусь.

— Нѣтъ, оставь это!.. Мнѣ довольно будетъ того, что я могу доставить тебѣ радость...

— Хорошо, пусть будетъ по-твоему! Выйди же теперь къ моему рабу, возьми у него мой ларецъ и принеси его сюда.

Зенонъ вышелъ, а Нефора поглядѣлась въ свое ручное зеркальце, которое было у кистей ея пояса, и улыбнулась довольною улыбкой.

Зенонъ возвратился съ ларцемъ, который былъ не великъ, но изященъ и довольно тяжелъ.

— Благодарю, — сказала Нефора. — Теперь дай мнѣ сюда на колѣни подушку и станемъ на ней раскладывать вещи.

Зенонъ исполнилъ и это, и когда золотые уборы и самоцвѣтные камни въ оправахъ были вынуты маленькою рукой Нефоры изъ ея узорнаго ларца и разложены ею по темной ковровой подушкѣ, Зенонъ наклонился лицомъ къ колѣнямъ гостьи и сталъ серьезно разсматривать амулеты, шпильки, браслеты и цѣпи, а Нефора межъ тѣмъ разсматривала самого Зенона и любовалась граціозностью его движеній и нѣжною прелестью его свѣтлорусыхъ кудрей, подстриженныхъ и завитыхъ на лбу по греческой модѣ.

Долго Зенонъ не могъ ничего выбрать, но, наконецъ, взявъ въ руки одинъ золотой амулетъ, изображающій солнечный дискъ съ прямыми лучами, онъ задумался и потомъ соединилъ это съ другимъ меньшимъ дискомъ, на которомъ было изображеніе сладострастной богини Ма, съ ея закрытыми глазами. Зенонъ весело взглянулъ на Нефору и сказалъ ей:

— Ты совершенно права: изъ этихъ вещей можно составить такой прекрасный уборъ, который способенъ будетъ затмить всѣ другіе уборы. Ты надѣнь эти браслеты змѣями на голыя руки. Твои руки прекрасны.

— Ты находишь, что они хороши?

— О, да, твои руки прекрасны, и я бы охотно слѣпилъ ихъ изъ воска.

— Что же, слѣпи. Я рада, что мое тѣло вдохновляетъ Зенона.

— Положи діадему съ маленькимъ дискомъ и богиню Ма на лобъ, а большой дискъ укрѣпи на груди, чтобы лучи его утопали и мѣстами бы вырывались изъ-подъ складокъ туники. Надѣнь свѣтло-зеленаго цвѣта тунику, или цвѣта зрѣющей вишни на солнцѣ... Вишневый цвѣтъ тебѣ, кажется, больше будетъ идти въ этомъ уборѣ... Жрецъ Ма всегда имѣетъ посохъ изъ вишни...

— Какъ ты хорошо это знаешь. Ма тебя за это должна наградить, какъ богиня.

— Сейчасъ мы все кончимъ: я тебѣ все разсказалъ, что

надо сдѣлать. Ты понимаешь: надо тончайшія рясны цѣпочекъ спустить съ діадемы къ лучамъ большого диска на груди и ими тебя, какъ богиню, броней опоясать... И ты будешь сама, какъ Ма богиня, прекрасна.

— И ты мнѣ все это сдѣлаешь, Зенонъ?

— Нѣтъ, и тебѣ это не нужно. То, что нужно тебѣ, всякій другой сдѣлаетъ такъ же, какъ я, но я болѣе не господинъ моего времени,—я далъ слово не брать никакой другой работы и мнѣ жаль, что я долженъ тебя огорчить.

— Ты не хочешь, такъ прощай же, Зенонъ.

Съ этимъ Нефора такъ быстро встала, что подушка соскользнула съ ея колѣнъ и всѣ драгоцѣнности ея упали на коверъ и разсыпались къ ея ногамъ.

— Какъ ты неосторожна, — сказалъ Зенонъ и нагнулся къ полу, чтобы подобрать разсыпанныя вещи; но едва онъ началъ распутывать изъ покрывала маленькую, стройную ножку Нефоры, обутую въ темную кожаную сандалію съ золотымъ тисненіемъ по краю подошвы, какъ нога эта скользнула и судорожно вытянулась.

Зенонъ всклонился и, къ удивленію своему, увидалъ, что все лицо Нефоры быстро покрывалось страшною блѣдностью, а прекрасные глаза ея меркли.

— Что съ тобою?—вскричалъ онъ.

— Я не знаю, — тихо и медленно отвѣчала ему ослабѣвшимъ голосомъ Нефора. — Я ѣхала слишкомъ долго въ сѣдлѣ... я слишкомъ устала... меня черезчуръ долго жгло палящее солнце, а здѣсь прохладно, я теперь вдругъ себя чувствую дурно... Помоги мнѣ, Зенонъ! Я задыхаюсь...

Она сдѣлала движеніе, чтобы подняться и заговорила еще скорѣе и тревожнѣе:

— Уведи меня! Здѣсь мускусъ... розы... жасминъ... Всѣ деревья здѣсь такъ сильно пахнутъ... Этотъ свѣтъ сквозь лиловую слюду раздражаетъ меня... я его не сношу... я не привыкла къ Египту... Свѣта мнѣ!... воздуха!.. чистаго воздуха дай мнѣ скорѣе!

Вскрикнувъ это, она поднялась, взмахнула, какъ будто впотьмахъ чего-то искала, руками и съ меркнущимъ взоромъ тотчасъ же упала на руки Зенона.

Зенонъ подхватилъ ее, какъ дитя, на одну руку, а другою рукой дернулъ за шелковый шнуръ, и отъ движенія этого шнура одна панель въ красной стѣнѣ его мастерской сейчасъ же раздвинулась. За нею открылся входъ въ высокую, очень просторную комнату, куда встревоженный Зенонъ и пошелъ, держа на своихъ рукахъ сомлѣвшую Нефору. Глаза ея были теперь совершенно закрыты, голова опустилась и все тѣло ослабло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Комната, въ которую Зенонъ внесъ Нефору, была совсѣмъ не похожа на ту, изъ которой онъ ее вынесъ. Это была большая, высокая столовая, стѣны которой были гладко отдѣланы кедромъ, издававшимъ самый тонкій и едва замѣтный, здоровый, смолистый запахъ; въ ней были четыре большія окна, изъ которыхъ открывался широкій видъ на меланхолическій Нилъ, а по ту сторону водъ въ отдаленіи темнѣли спаржевыя поля.

Черезъ открытыя сверху до низу окна и отпертую дверь на террасу сюда обильно текъ чистый воздухъ, не насыщенный ничѣмъ раздражающимъ и наркотизирующимъ. Солнце не сверкало въ глаза и только синее небо да синія воды тихо отражали на всемъ свой ровный и спокойный оттѣнокъ.

Убранство покоя состояло изъ нѣсколькихъ низкихъ и широкихъ диванов, покрытыхъ мягкими стеганными матрацами изъ нѣжной овечьей шерсти, накинутыми сверху еще болѣе нѣжными двустороннними египетскими коврами. Передъ каждымъ диваномъ были поставлены маленькіе столики и табуреты, а посерединѣ комнаты помѣщался большой столъ на львиныхъ лапахъ и на этомъ столѣ стоялъ завтракъ, который приготовилъ Зенону ушедшій праздновать таинства Митры служитель.

Зенонъ бережно опустилъ Нефору на одинъ изъ диванов, до котораго свободнѣе доходила струя воздуха, подложилъ ей подъ голову и подъ плечи подушки, разстегнулъ тунику на ея груди и выбѣжалъ въ смежную комнату, гдѣ была его спальня. Отсюда онъ принесъ флаконъ съ индійскою эссенціей и, капнувъ одну каплю этой эссенціи на предсердіе Нефоры, провелъ тихо рукою и подулъ, чтобъ эѳирная жидкость быстрѣе испарялась. Потомъ онъ облегчилъ голову гостьи и ослабилъ цвѣтные ремни у ея сандалій.

Попеченія его были успѣшны: едва онъ облегчилъ стяжки, стѣснявшія тѣло Нефоры и сталъ повѣвать на нее ея же большимъ опахаломъ, къ ней начали возвращаться ея чувства и сознаніе,—вскорѣ длинныя рѣсницы ея стали шевелиться, а тонкія ноздри вздыматься дыханіемъ, и, наконецъ, оба ея измѣнчивые глаза неуловимаго цвѣта открылись. Она обвела въ недоумѣніи незнакомый покой и спросила:

— Гдѣ я?—и, получивъ отъ Зенона отвѣтъ о томъ, гдѣ она и какимъ случаемъ попала въ эту комнату, Нефора начала сожалѣть, что надѣлала Зенону столько хлопотъ. Она укоряла себя, зачѣмъ пустилась въ непривычный ей путь на мулѣ, а не въ носилкахъ и, протянувъ руку художнику, заключила:

— Прости мнѣ то безпокойство, которое я тебѣ сдѣлала.

Онъ проспилъ ее, чтобъ она объ этомъ не думала, а она отвѣчала:

— Я не могу объ этомъ не думать, потому что въ этотъ несносный жаръ, мнѣ кажется, я буду не въ силахъ сдѣлать обратно далекій путь на сѣдлѣ.

— И это тоже пусть тебя не безпокоитъ, отвѣчалъ ей Зенонъ. — Тебѣ нѣтъ нужды терзать себя въ такой жаръ на сѣдлѣ. Отдохни здѣсь,у меня въ прохладѣ, сколько тебѣ угодно, а когда тѣни на землѣ станутъ длиннѣе, я самъ отвезу тебя спокойно до твоего дома на моей нильской

баркѣ, которая стоитъ здѣсь же у берега подъ моимъ садомъ.

Нефора благодарила его и осталась.

— Хотя мнѣ это и совѣстно, сказала она, — но ты самъ видишь, какъ я ослабѣла. Я не могу ѣхать на своемъ мулѣ и не должна посылать за носилками, чтобы не возбудить этимъ многихъ напрасныхъ толковъ.

— Я все это понимаю, — отвѣчалъ Зенонъ, — и ты не безпокойся, ты не будешь предметомъ никакихъ толковъ. Моя пестрая барка со всѣхъ сторонъ окрыта густыми занавѣсами и тебя никто не увидитъ, а я самъ буду ею управлять.

— Это прекрасно, отвѣчала Нефора, — но, въ такомъ случаѣ, пожалѣй и моего бѣднаго мула, и невольника, которые будутъ напрасно ждать меня на жарѣ у твоего дома.

— Это правда, отвѣчалъ Зенонъ, — и если ты позволишь, я сейчасъ же отпущу домой и человѣка, и бѣдное животное.

— Не откажи мнѣ въ этомъ, я прошу тебя.

— Охотно, отвѣчалъ Зенонъ, и сейчасъ же вышелъ, а Нефора приподнялась съ дивана и подошла къ одному изъ открытыхъ оконъ. Передъ нею открылся на пологомъ скатѣ къ рѣкѣ прекрасно содержанный садъ, разбитый по-египетски радіусами отъ центра, который обозначался фонтаномъ у небольшого обелиска изъ краснаго гранита, а въ концѣ одной изъ дорожекъ была такая же гранитная лѣстница. Къ одному изъ столбовъ этой лѣстницы была прикована бронзовою цѣпью роскошная, очень пестро, по-египетски, раскрашенная нильская барка. На носу ея красовался огненно-красный крылатый грифонъ, а на кормѣ завязанный въ узелъ хвостъ какого-то морского чудовища. Посрединѣ барки былъ паланкинъ, гдѣ на бронзовыхъ прутьяхъ висѣли въ густыхъ складкахъ полы мягкой полосатой матеріи — синей съ бѣлымъ.

Не трудно было понять, что это и есть нильская барка

Зенона, на которой онъ любилъ вечерами кататься подъ клѣтчатыми шелковыми парусами по Нилу.

Она отличалась отъ всѣхъ другихъ барокъ, стоявшихъ у берега, не только по богатству, но и по изяществу отдѣлки, въ которомъ, какъ во всемъ окружающемъ Зенона, выражался его художественный вкусъ.

Онъ самъ и все, что при немъ есть, — все это было прекрасно и все плѣняло Нефору и она все болѣе и болѣе волновалась отъ прилива страстныхъ ощущеній.

Придя просто съ тѣмъ, чтобы заставить художника сдѣлать себѣ уборъ и въ немъ превзойти на палестрѣ какихъ-то соперницъ, Нефора сама для себя непримѣтно увлеклась вспыхнувшимъ чувствомъ любви къ красавцу Зенону и, никого до сихъ поръ не любя, вся предалась необузданной страсти.

— Пусть, говорила она, глядя на Нилъ, но Нила не видя, — пусть совершится судьба... Пусть, пусть это будетъ... Я собой не владѣю и владѣть не желаю... Всѣ, кто искалъ улыбки Нефоры, — судьба за васъ всѣхъ нынче мнѣ отомстила: я уязвлена страстью, я сегодня впервые люблю. Другой такой случай можетъ не быть: я остаюсь здѣсь одна съ нимъ и хочу здѣсь сгорѣть и сгорю въ объятіяхъ Зенона.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ то время, когда Нефора разсуждала такимъ образомъ, глядя въ открытое окно на картину, которая застилалась отъ нея ея влюбленною мечтой, возвратился Зенонъ; онъ сказалъ ей, что и мулъ, и нѣмой проводникъ имъ уже отправлены домой, а самой Нефорѣ Зенонъ предложилъ сѣсть за столъ и подкрѣпить себя пищей и прохладнымъ напиткомъ изъ воды и вина.

— Затѣмъ, сказалъ онъ, — ты отдыхай здѣсь, въ покоѣ, пока схлынетъ жаръ, а я буду работать.

Нефора на все согласилась, и когда они сѣли съ Зенономъ къ столу и онъ просилъ ее испробовать мясо, фрукты

и прохладное смѣшеніе изъ антильскаго вина съ водой и ягоднымъ сокомъ, Нефора, по эллинскому обычаю, предложила выслушать отъ нея, кто она и откуда и зачѣмъ появилась въ Египтѣ.

Зенонъ отъ этого не смѣлъ отказаться, и чтобы не показать себя невѣжливымъ передъ гостьей, отвѣчалъ ей:

— Повѣсть твоя усладитъ слухъ мой: говори, а я принесу воскъ и буду лѣпить изъ него то, что мнѣ нужно,— и онъ принесъ воскъ и началъ его мять на дощечкѣ, а Нефора близко сѣла съ нимъ рядомъ и начала говорить о себѣ.

Она упомянула Зенону сначала о своей родинѣ въ далекой Ѳракіи, откуда она была увезена въ дѣтствѣ въ Антіохію, и выросла тамъ при безпрестанныхъ тревогахъ по поводу быстрыхъ и частыхъ перемѣнъ въ положеніи ея родителей, а потомъ она разсказала, какъ была отдана замужъ за стараго и очень безнравственнаго византійскаго вельможу, который понуждалъ ее къ постыднымъ для женщины поступкамъ въ угоду высшаго вельможи, отъ котораго зависѣло его служебное повышеніе, и какъ она воспротивилась этому и много за то претерпѣла, а потомъ, когда мужъ ея умеръ, оставивъ ей большое богатство, она, по любви къ независимости и свободѣ, не захотѣла вернуться въ свою эллинскую семью, ибо ей противна подчиненность безгласныхъ въ семьѣ эллинскихъ женщинъ, а переселилась изъ Антіохіи въ Египетъ, гдѣ женщины не находятся въ такомъ порабощеніи, какъ у эллиновъ. Здѣсь она хочетъ быть госпожею своихъ поступковъ и сама надѣется выбрать себѣ достойнаго мужа.

— Ты хорошо сдѣлала, что соблюла свою непорочность, отвѣчалъ ей уклончиво Зенонъ.

Она промолчала.

Зенонъ взглянулъ на нее и удивился, какъ измѣнчивый цвѣтъ ея глазъ то разгорался, то гасъ, обозначая быстроту душевныхъ движеній.

Она еще колебалась, но страсть одолѣла и стыдъ, и разсудокъ.

— Да, сказала она, — но этихъ похвалъ я впередъ не желаю, я молода и не хочу быть «богиней», какъ ты меня назвалъ: теперь я хочу быть любима такъ просто, какъ смертную женщину можетъ любить простой, смертный мужчина. Да, я полюблю въ тотъ же мигъ, какъ только увижу того, который можетъ быть милъ мнѣ.

— Что же, ты, вѣрно, его и найдешь.

Нефора опять замолчала: ноздри ея изящно выгнутаго носа быстро двигались, а уста открывали бѣлые зубы, но, наконецъ, она не выдержала и сказала:

— Я уже нашла его, Зенонъ.

— Вотъ и прекрасно: если онъ любитъ тебя, ты вступишь въ супружество, и я желаю тебѣ быть счастливой.

— Благодарю за желаніе, живо сказала Нефора — но я слишкомъ много страдала и слишкомъ долго ждала этого, чтобы теперь ожидать еще дольше. Я томлюсь желаніемъ скорѣе, въ мгновенье, забыть мое горе въ объятіяхъ того, чьихъ лобзаній уста мои жаждутъ.

Она встала и съ дѣтскою, избалованною улыбкой бросилась къ Зенону и закричала:

— Къ тебѣ, Зенонъ, къ тебѣ, мой художникъ, влечетъ меня сердце и страшная сила рокочущей крови... Для чего ты встаешь? Куда ты отходишь? Дай мнѣ любви, дай мнѣ лобзаній, забвенья и счастья, или я потеряю разсудокъ!

Но Зенонъ ея не слушалъ; онъ отступилъ отъ нея и даже самый звукъ ея словъ удалялъ отъ своего слуха, устраняя рукой и повторяя:

— Ты не знаешь, что ты говоришь. Опомнись! опомнись!..

— Я и знать не хочу ничего, кромѣ того, что я тебя полюбила!

Зенонъ вздвинулъ плечами и, сжавъ на груди свои руки, сказалъ:

— Несчастная женщина! ты въ себѣ разумъ и стыдъ женскій затмила!

— Возврати же скорѣе мнѣ мой разумъ! прошептала

Нефора и, положивъ на плечи ему свои обнаженныя руки, судорожно вздрогнула и замерла въ поцѣлуѣ.

Зенонъ хотѣлъ ее отстранить, но въ очахъ его помутилось, сердце упало и онъ едва простоналъ:

— Нефора! Нефора!

А она межъ поцѣлуевъ ему отвѣчала:

— Я не богиня, Зенонъ... Я страстная смертная женщина, Зенонъ... Лобзай же меня и дай мнѣ скорѣй мигъ блаженства!

— Мигъ! воскликнулъ Зенонъ.—Мигъ вмѣсто союза на цѣлую жизнь—это не честное дѣло, Нефора... Отбрось этотъ мигъ и не дай мнѣ несчастья унизить себя и тебя съ собой вмѣстѣ!

Нефора взглянула на него съ гнѣвомъ и сказала:

— Что это! ты оскорбляешь меня!

— Нѣтъ, я тебя возвышаю. Я чту въ тебѣ женщину больше, чѣмъ эллинъ и сынъ Мицраима.

— Я не хочу слушать ничьихъ разсужденій, когда мнѣ ихъ не надо!

— Нельзя жить безъ разсужденія.

— Отчего?

— Ты не поймешь.

— Нѣтъ, я уже все поняла... Ты любишь другую.

— Ты ошибаешься: я не люблю никого такъ, какъ ты хочешь.

— Такъ ты, значитъ, глупецъ!

— Нѣтъ, я—христіанинъ.

— Христіанинъ!.. Ахъ, ты христіанинъ! Такъ вотъ что!.. Христіане, это тѣ, которыхъ всѣ презираютъ и гонятъ!.. Это тѣ, которыхъ учитель хотѣлъ, чтобы люди отреклись отъ счастья любить; но вѣдь это, Зенонъ, безразсудно бороться съ природой. Ее одолѣть невозможно, да и зачѣмъ это нужно?.. Ты мой, Зенонъ, да? Ты пылаешь любовью ко мнѣ, ты не въ силахъ противиться мнѣ, я люблю тебя, Зенонъ, я тебя призываю! — и съ этимъ она рванулась къ нему и уста ея соединились съ его устами.

Зенонъ почувствовалъ словно море зашумѣло въ его ушахъ и будто пламя блеснуло у него передъ глазами; его клонило въ ея объятіяхъ, какъ клонитъ трость подъ дыханіемъ бури, но вдругъ на кормѣ пробудился повелѣвающій волнамъ и бурю. Зенонъ увидалъ Его, отстранилъ отъ себя страстныя руки Нефоры, рванулся къ столу и теперь Нефорѣ какъ-будто блеснуло между нею и Зенономъ... что-то какъ ножъ и кровавое пламя, а Зенонъ уже стоялъ и шатался, держась сзади руками за столъ. По лицу его струилась кровь, а въ глазу его стремила рукоятка ножа. Лезвіе было въ глазѣ, а другой глазъ глядѣлъ на Нефору съ тихимъ укоромъ, а уста, блѣднѣя, шептали кому-то, но только не ей:

— Благодарю Тебя, что Ты не погнушался мной и явилъ Свою власть надъ моей страстной природой. Мой глазъ едва не соблазнилъ меня, но я сдѣлалъ то, что Ты повелѣлъ, и... теперь нѣтъ этого глаза.

Проговоривъ это, Зенонъ зашатался и упалъ и ножъ вывалился изъ его раны, а кровь орошала его лицо и струилась на полъ.

Нефора не издала ни одного звука: глаза ея, устремленные на Зенона, остолбенѣли въ безмолвномъ ужасѣ, и она выбѣжала отсюда, оставивъ здѣсь и свое покрывало, и всѣ свой драгоцѣнности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вышеописанное происшествіе было дѣломъ самого короткаго времени и случилось такъ неожиданно и было столь противоположно настроенію Нефоры, что она совершенно растерялась и обезумѣла. Когда она опомнилась на воздухѣ, то увидѣла, что теперешнее собственное ея положеніе было очень затруднительно. О своихъ драгоцѣнностяхъ Нефора не вспомнила, но къ ужасу, который охватилъ ее при видѣ того, что съ ужасною твердостью сдѣлалъ надъ собою Зенонъ, сейчасъ же присоединилась забота: какъ бы ей скрыться

отсюда и возвратиться домой незамѣченною? Она была далеко отъ своего дома, а проводникъ и мулъ были отпущены; слуги Зенона не было дома, пѣшкомъ къ себѣ Нефора не могла возвращаться потому, что ноги ея дрожали и подкашивались: кромѣ того, она стыдилась идти по улицамъ безъ покрывала въ своемъ слишкомъ красивомъ уборѣ.

Безотчетно, или, можетъ быть только съ однимъ желаніемъ избѣжать встрѣчъ на улицахъ, она бросилась черезъ садъ къ берегу Нила, гдѣ стояла у пристани барка Зенона.

Здѣсь была полная тишина и безлюдье, но, окинувши глазомъ берегъ, Нефора замѣтила невдалекѣ низкую хижину, сбитую изъ топтаннаго тросника, смѣшаннаго съ нильскою глиной. Она направилась къ этому убогому жилищу и постучала рукой въ окно. Оттуда выглянулъ человѣкъ, весь измаранный въ угольной пыли. Онъ былъ египтянинъ.

Нефора дала ему золотой браслетъ съ своей руки и сказала, чтобъ онъ нашелъ какое-нибудь средство отвезти ее незамѣтно въ городъ.

— Пожалуй, я могу это сдѣлать, отвѣчалъ египтянинъ, принимая ея даръ,—если только ты согласишься плыть со мною въ моей угольной баркѣ.

— Хорошо, если нѣтъ другого способа, я согласна плыть въ угольной баркѣ, но я не хочу, чтобы меня въ ней видѣли, а я потеряла мое покрывало.

— Тамъ есть угольный мѣшокъ: я тебя прикрою.

— Но это ужасно.

— Да, онъ грязненекъ, и если ты его боишься, я положу на дно барки пустую кадку и ты можешь согнуться и скрыть подъ нею свою голову.

Нефора на это согласилась.

Угольщикъ исполнилъ все, за что взялся, и Нефора совершила продолжительное и неудобное передвиженіе по Нилу въ тяжелой и грязной угольной толстодонной баркѣ, лежа подъ угольною кадкой. Едва лишь къ вечеру достигла она своего жилища, куда взошла, дождавшись темноты, вся перемаранная грязью и угольною пылью. Нефора, разумѣется,

удивила всѣхъ рабовъ и рабынь своимъ возвращеніемъ въ такомъ плачевно-бѣдственномъ видѣ и была въ ужасномъ разстройствѣ; она сейчасъ же вымылась и слегла въ постель, а ночью у нея началась горячка: она срывалась съ кровати и начинала неистово бѣгать и плакать, рвала на себѣ свои прекрасныя черныя кудри, царапала щеки и, забывъ осторожность, кричала:

— Мщенье Зенону! мщенье всѣмъ христіанамъ!

Испуганныя рабыни сочли ее за одержимую злымъ духомъ и призвали къ ней знатную египетскую воспомогательную бабу Бубасту, которая долго смотрѣла въ лицо ей и слушала ея безумныя крики, а потомъ сказала Нефорѣ.

— Я вижу, какой-то змѣй уязвилъ твое сердце... Скажи мнѣ, кто смѣлъ пренебречь твоею красотой?

— О, да, я пренебрежена, отвѣчала Нефора,—и я должна раздавить этого змѣя.

— Такъ и будетъ. Царь Амазисъ мудро изрекъ, что ядъ обиженной женщины острѣе змѣинаго яда. Кому хочешь мстить?

— Христіанскому Богу и всѣмъ христіанамъ въ Египтѣ.

— Хорошо. Я сама горю мщеніемъ ко всѣмъ пришельцамъ въ Египтѣ. Мое имя—баба Бубаста, я нынче старуха, лѣкарка; но я была молода и любила; мой мужъ томится давно въ каменоломняхъ Пилака и сердце мое каждый день слышитъ, какъ онъ двигаетъ гранитныя глыбы, въ цѣпяхъ, которыя наложилъ на него жестокій правитель... О, я ненавижу пришельцевъ и новую вѣру, я рада имъ мстить: я пойду искать ядъ и приду къ тебѣ, госпожа, когда ядъ мой поспѣетъ.

Происшествіе съ Зенономъ имѣло послѣдствіемъ то, что ни одна изъ женщинъ, для которыхъ онъ спѣшилъ окончить заказы, не получила ожидаемыхъ уборовъ къ палестрѣ. Это была первая неисправность съ его стороны, и служитель Зенона, персъ, отнесъ щеголихамъ ихъ камни и золото, объявивъ, что его господинъ, славный художникъ

Зенонъ, имѣлъ большое несчастіе потерять глазъ и теперь долго не надѣется возвратить себѣ способность къ работѣ. Потомъ персъ явился также къ Нефорѣ и доставилъ ей ея покрывало и ларецъ съ ея драгоцѣнностями.

Нефора была не рада возвращенію своихъ вещей, потому что это заставляло ее опасаться: не откроется ли ея участіе въ ослѣпленіи глаза Зенона, но персъ не сказалъ ей ни слова и она больше ни откуда не слыхала ничего о Зенонѣ.

И художникъ, и слуга его хранили о всемъ происшедшемъ молчаніе. Слуга, по всей вѣроятности, и вовсе не зналъ, какъ это несчастіе случилось съ Зенономъ. Нефора никуда не выходила изъ своего дома, но въ душѣ ея попрежнему горѣли въ темномъ смѣшеніи обида отвергнутой страсти и жажда отомстить за себя Зенону. Она не знала только, какое бы измыслить ему самое жестокое мщеніе. Она не разъ вспоминала о той египетской знахаркѣ, бабѣ Бубастѣ, которая обѣщала ей дать страшное средство отомстить ненавистнымъ для нихъ христіанамъ, но думала, что Бубаста сказала это слово ей просто въ утѣху и потомъ позабыла о своемъ обѣщаніи. Но это было не такъ: старая египтянка ждала только времени и не упустила случая воспользоваться имъ, какъ только къ тому представилась возможность.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Прошелъ годъ. Въ это время много людей родилось и много умерло; одни дѣла людскія вновь замышлялись, другія были окончены и позабыты. Было забыто и то, какъ къ прошлымъ палестрамъ некстати и неизвѣстно отъ какого несчастія окривѣлъ всѣмъ въ Александріи извѣстный красавецъ художникъ Зенонъ златокузнецъ. Онъ долго болѣлъ, но потомъ поправился, и теперь носилъ черезъ голову на одномъ глазѣ голубую повязку, которая не только не безобразила его лица, но, казалось, придавала ему еще новую

привлекательность. Зенонъ и при одномъ глазѣ работалъ такъ же изящно, какъ прежде, и опять все съ тою же неизмѣнною добросовѣстностью, которою дорожилъ ранѣе. Теперь онъ бы могъ успѣть сдѣлать желанный уборъ для Нефоры, но антіохійка, разумѣется, не обращалась ни съ какимъ заказомъ къ Зенону.

Съ нею съ тѣхъ поръ тоже кое-что случилось. Красота и богатство Нефоры не оставляли ее въ затмѣніи и старый правитель Александріи, человѣкъ жадный и исполненный многихъ низкихъ страстей, пожелалъ соединить Нефору бракомъ съ своимъ старшимъ сыномъ, который имѣлъ столь малый умъ, что, побывавъ во многихъ отдаленныхъ странахъ и истративъ на это путешествіе большое богатство, по возвращеніи своемъ не умѣлъ разсказать ни о чемъ имъ видѣнномъ, кромѣ какъ о величинѣ яйца птицы строфокомила. Отецъ, не желая второй разъ награждать глупаго сына, искалъ обезпечить его огромнымъ богатствомъ Нефоры посредствомъ брака съ нею, и Нефора, къ совершенному удивленію многихъ, отвѣчала согласіемъ на это искательство; но вскорѣ затѣмъ, когда дала уже слово, она начала откладывать свадьбу день за день, и не только сказывалась нездоровою, но и въ самомъ дѣлѣ сильно разнемоглась и ни одинъ изъ лѣкарей, которыхъ присылалъ къ ней правитель, не могъ узнать, что у нея за болѣзнь и какими лѣкарствами можно помочь ей. Она ни на что особенно въ своемъ здоровьѣ не жаловалась, но вся изнемогала, лицо ея худѣло, глаза блекли,—она не занималась ни нарядами, ни плетеніемъ волосъ, не надѣвала драгоцѣнностей и не посѣщала знакомыхъ, и даже мало была въ своихъ комнатахъ. Ей было несносно подъ крышей и она искала уединенія въ саду, гдѣ все подстать ея расположенію было грустно и какъ бы дремало: фонтанъ билъ лѣниво, пестрыя бабочки перелетали съ одного цвѣтка на другой тоже лѣниво; но скоро и это начало безпокоить Нефору. Но вотъ настала еще иная пора. Садовые акантусы и желтыя мимозы, живыя ограды изъ разноцвѣтной сирени, жасмина и розъ,

высокія пальмы, акаціи и бальзамовыя деревья, — все цвѣло, благоухало и жужжало, наполненное кипучей жизнью насѣкомыхъ. Этотъ приливъ жизни сталъ иначе смущать и тревожить Нефору; ей казалось даже, что золотыя рыбки въ каменномъ басейнѣ фонтана слишкомъ живо и громко плескались. Нефора удалялась къ обширному огороду и тамъ, часто останавливаясь надъ грядами махроваго мака, срывала съ него пышные цвѣты и, обрывая лепестки ихъ, клала ихъ на ладонь, дула на нихъ и ударяла другою ладонью, шепча тихо устами: «полюбитъ» или «нѣтъ»? И если маковый лепестокъ разрывался съ трескомъ, она улыбалась и расцвѣтала душою, была весела, ѣла, спала и дарила наряды служанкамъ, но жениха своего къ себѣ не пускала; если же лепестокъ вяло сжимался у ней между ладоней, она его сбрасывала съ рукъ и тутъ же сама садилась на землю, и долго, и горько плакала навзрыдъ, какъ ребенокъ. Служанки не разъ находили Нефору лежащею на черной землѣ между большихъ янтарныхъ шаровъ, какими казались созрѣвшія ароматныя дыни, и отсюда служанки приносили свою госпожу домой въ безчувственномъ состояніи. Сначала онѣ давали знать о тяжкихъ припадкахъ Нефоры правителю и тотъ тотчасъ же присылалъ врачей и своего сына, но какъ искусство врачей оказывалось безсильнымъ, а сына правителя Нефора совсѣмъ не желала видѣть и даже тяготилась его приближеніемъ къ ней издалека, то женщины, по суевѣрію своему, при новомъ жестокомъ припадкѣ Нефоры опять призвали къ ней бородатую бабу Бабусту, съ плоскимъ лбомъ и большими ушами.

Баба омыла лицо ей нильскою водой и сказала:

— Ядъ, который змѣй излилъ въ твое сердце, жестокъ, но ты должна быть сильна, чтобъ отомстить и ему, и всѣмъ христіанамъ. Приближается время отомщенія: старые боги Египта приходятъ намъ на помощь, чтобы сгубить ненавистную новую вѣру. Мщеніе пришельцамъ пришло, близокъ конецъ для всѣхъ христіанъ въ Александріи.

— Всѣхъ? задумчиво переспросила Нефора.

— О, да, всѣхъ или какъ можно больше, въ томъ числѣ вѣдь будетъ раздавленъ и змѣй, который отравилъ твою жизнь.

Нефора посмотрѣла на плоскій лобъ и на уши бабы Бубасты и вспомнила другія лица старыхъ египтянъ, ненавидѣвшихъ христіанскую вѣру, и, содрогнувшись, сказала:

— Я желаю отомстить за себя; но когда ты говоришь со мной объ отомщеніи, мнѣ страшно слушать. Ты стара— за что тебѣ ихъ такъ ненавидѣть?

— Ого!.. Я стара!.. Это правда, отвѣчала, покачавъ головой, Бубаста, причемъ длинныя и широкія серьги въ ея ушахъ запрыгали.—Я стара, но я сказала тебѣ, мой старый мужъ томится въ каменоломняхъ, я ѣмъ хлѣбъ, который зарабатываю себѣ моими руками, и мои сыновья, и сыновья моихъ дочерей тоже трудятся,—изъ нихъ есть ткачи и канатчики, и кожевенники, и всѣ они едва питались своими трудами, а христіане теперь завели у себя мастерскія въ особыхъ огражденныхъ мѣстахъ, гдѣ они молятся, а другіе ихъ за это кормятъ, и они на даровомъ хлѣбѣ берутъ работу дешевле нашего... Наши руки не могутъ болѣе доставать работою столько, сколько нужно на пропитаніе... Проклятіе имъ, пора съ ними разсчесться... Старый Неохъ видѣлъ, какъ черный ибисъ плясалъ на берегу, глядясь въ воду. Запляшутъ они,—скоро запляшутъ! Время отомщенія близко. Цари Египта проснутся и встанутъ въ своихъ пирамидахъ, скрѣпленныхъ кровавымъ потомъ своихъ прежнихъ рабовъ... Замѣчай... скоро ужъ водная ночь, а нашъ Нилъ не хочетъ поднять своихъ водъ, чтобы оросить въ этотъ годъ нивы Египта *). Глаза всѣхъ людей напрасно слѣдятъ на раскаленномъ небѣ за полетомъ голубя съ радостною вѣстью съ верховьевъ, что вода начинаетъ подниматься въ Мемфисѣ...

— Да, — продолжала Бубаста, схватывая нѣжную руку Нефорисъ своею сильною и грубою рукой, — да, вода не поднимается. Цари Египта, которые спятъ въ пирамидахъ

*) «Водная ночь» 27 іюня.

Гизеха, не пускаютъ къ намъ Нилъ за то, что мы дали волю жить у насъ пришельцамъ, людямъ разныхъ вѣръ и особенно христіанамъ, у которыхъ лѣнивые люди находятъ себѣ пропитаніе въ ихъ общинахъ... Имъ хорошо и они мѣшаютъ намъ дѣлать работу за настоящую цѣну! Смерть имъ,—смерть безъ пощады всѣмъ имъ, спускающимъ цѣну! Они слишкомъ усилились, они завели здѣсь старѣйшинъ, — называютъ одного патріархомъ, другого епископомъ,—вѣра ихъ входитъ въ моду и скоро, быть можетъ, всѣ знатные люди станутъ держаться ихъ вѣры... но ты меня вовсе не слушаешь,—тебѣ все равно, какіе боги управляютъ Египтомъ, но народу нужно, чтобы съ нимъ въ добромъ согласіи жилъ старый Нилъ. Когда Нилъ разольется и ороситъ нивы Египта, тогда исчезнетъ унылость народа: тогда всѣ пристани въ устьяхъ заблещутъ яркими флагами чужихъ кораблей; войдутъ большія египетскія суда съ отрадными изображеніями ибисовыхъ головъ и понесутся далеко пѣсни звонкоголосыхъ пѣвцовъ съ Дельты; для нашихъ красавицъ привезутъ роскошныя ткани изъ Мальты, изъ Сардиніи камни, съ Кипра медъ и вино, отъ эллиновъ масло, мастику и издѣлія изъ бронзы, и пестрые паруса изъ веселаго Тира, и ливанскіе кедры, безъ которыхъ нѣтъ матеріала для строекъ въ безлѣсномъ Египтѣ; а отъ насъ купятъ дорогою цѣной хлѣбъ и тонкій папирусъ, и кружева изъ Сапса, и мемфисскія колесницы, которыхъ нѣтъ прочнѣе и легче на свѣтѣ... Но не разливается Нилъ и вотъ, вмѣсто всего этого оживленія, нынче все охватило сномъ смерти: рѣка, что день, больше мелѣетъ, — начинается общій страхъ голода, и люди уже стали болѣть за Мемфисомъ. Вчера еще прилетѣлъ голубь съ извѣстіемъ, что за Сауномъ и въ Оивахъ пошли темныя пятна на людяхъ,—страшное бѣдствіе близится; черезъ три дня настанетъ водная ночь, и если въ эти три дня и три ночи не захочетъ священный нашъ Нилъ подниматься, то мы поднимемъ народъ и всѣ пойдемъ къ правителю, чтобы онъ повелѣлъ выйти отъ насъ христіанамъ, или мы бро-

симъ ихъ въ Нилъ; и тогда это будетъ для всѣхъ для нихъ отмщеніе. Но вѣдь ты, можетъ быть, не хотѣла бы, чтобы они всѣ до одного потонули? Ты одного, можетъ быть, хотѣла-бъ оставить на свѣтѣ?

— Да,—отвѣчала Нефора,—я бы хотѣла оставить одного изъ христіанъ дольше другихъ на землѣ. но для того только, чтобы онъ видѣлъ посрамленіе и гибель другихъ, и только тогда бы погибъ, когда я наслажусь надъ нимъ моимъ мщеніемъ.

— Разскажи мнѣ, чѣмъ онъ оскорбилъ тебя, и я пойду къ тайнымъ жрецамъ и мы тогда изберемъ ему страшное мщеніе, а твоимъ словомъ дорожитъ правитель; ты изукрась себя лучшимъ уборомъ, пойди къ нему, плачь за народъ нашъ и проси его сдѣлать, что̀ мы тебѣ скажемъ, и мщеніе твое совершится надъ тѣмъ, кто тебя оскорбилъ, и надъ всѣми людьми его вѣры.

Нефора же находилась въ такомъ страшномъ разстройствѣ, что какъ бы въ забытьѣ разсказала бабѣ Бубастѣ все, что было у ней годъ тому назадъ въ жилищѣ Зенона.

Баба Бубаста, выслушавъ повѣсть, всплеснула руками, и серьги у ней опять зазвенѣли, болтаясь по щекамъ.

— Боги!—воскликнула баба,—виданное ли дѣло, чтобы человѣкъ-чужевѣрецъ смѣлъ бы такъ дерзко отвергнуть квитовое яблоко, которое подала ему такая красивая женщина? Отказаться отъ этого для какого-то учителя, который отнимаетъ у людей лучшія сладости жизни! Это безуміе! Ты отмщена будешь страшно, Нефора, и едва только три дня пройдетъ, какъ это случится. Будь дома и вѣрь мнѣ, что, какъ я сказала, такъ и будетъ.

Съ этимъ баба Бубаста покрылась темнымъ коричневымъ платомъ и удалилась.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Баба Бубаста простилась съ Нефорой и, опираясь на палку, прошла черезъ Ворота Луны и Хентастаду на

островъ Фарросъ, гдѣ на сѣверномъ берегу у пристани Морскихъ Разбойниковъ жили звѣздочеты — любители всякой премудрости, о которыхъ говорили, что они знаютъ тайныя науки и могутъ видѣть то, что отъ прочихъ обыкновенныхъ людей сокрыто въ природѣ. Здѣсь, на этомъ Фарросѣ, ближе къ молу Александра, жили тѣ, которые переводили на греческій языкъ священныя книги евреевъ, и здѣсь же ближе къ пристани разбойниковъ жили тѣ, которые считали библейскія книги за собраніе недостойныхъ жидовскихъ выдумокъ. И вотъ тутъ-то, въ отдаленіи, у самаго сѣвернаго берега жилъ одиноко, въ просторной пещерѣ, темнолицый мемфитъ, по имени Пеохъ. Это былъ старый, типическій египтянинъ — старый потомокъ старыхъ понфитовъ, человѣкъ съ плоскимъ лбомъ, выдающимися скулами и очень большими ушами. Онъ былъ больной человѣкъ: его сводилъ въ комокъ ревматизмъ и безобразилъ катарръ вѣкъ; глаза его слезились и впали, а рѣсницы растопырились и бѣловатый кругъ отдѣлялъ яблоко глаза отъ вѣкъ. Современные египтяне изъ черни считали Пеоха за большого ревнителя вѣры и ходили къ нему за совѣтами, какъ къ человѣку, надѣленному остротою проницательнаго ума, изощреннаго непримиримою ненавистью ко всему, что несогласно со стариною. Пеохъ одинаково непримиримо ненавидѣлъ всѣ вѣры, которыя были несогласны съ вѣрой древнихъ египтянъ, и готовъ былъ вредить каждому иновѣрцу; но какъ въ то время, о которомъ идетъ нашъ разсказъ, охотнѣе всѣхъ прочихъ преслѣдовали христіанъ, то Пеохъ изощрилъ себя и на то, какъ можно на всякомъ шагу и на всякій разъ сдѣлать досаду и зло христіанамъ. Это же тогда было и не трудно, ибо поводы къ тому, чтобы нападать на христіанъ и грабить ихъ, находились ежечасно. Какія бы гдѣ ни случились общественныя бѣдствія: пожары или землетрясенія, потопленіе судовъ и обвалы путей, неурожаи или повальныя болѣзни,— все это считали случившимся по винѣ христіанъ. Къ ихъ обвиненію равно удобно служили и сильные разливы Тибра

въ Римѣ, и недостаточный подъемъ водъ въ Нилѣ, въ Египтѣ: равно къ ихъ же винамъ относили и всякія иныя рѣдкія и необыкновенныя явленія въ природѣ. Все неблагопріятное принимали какъ знакъ неудовольствія боговъ, обижавшихся будто на то, что теперь среди ихъ давнихъ поклонниковъ живутъ иновѣрные люди, которые не воздаютъ старымъ богамъ поклоненія, а молятся какъ-то иначе, посвоему,—почитаютъ какого-то распятаго Назареянина и совершаютъ что-то таинственное Его кровью. На что нужна имъ эта кровь? Они говорятъ, будто они ею спасаются отъ своихъ враговъ. Тогда кто враги ихъ? Очевидно это тѣ, кто не раздѣляетъ ихъ странной вѣры. Слѣдовательно, вотъ кого они и хотятъ пересилить и погублять кровью Распятаго. И имъ это удается: говорятъ, что они брызгаютъ кровь по вѣтру и оттого на людяхъ выступаютъ прыщи и сыпи, гноятся глаза, пухнутъ подшейныя железы и гніетъ въ глоткахъ; они капнутъ каплю крови на землю и поднимется мошкара, которая точитъ всѣ огурцы и дыни и набивается дѣтямъ во рты и въ глаза, и всѣ огурцы и дыни пропадаютъ и тлѣютъ, и цыплята, которые ихъ наклюются — шелудивѣютъ, теряютъ перья и зачичкаются, а у людей глаза заслезятся и станутъ слѣпнуть...

И когда только случались обычныя здѣсь несчастія въ такомъ родѣ, сейчасъ всѣхъ охватывалъ суевѣрный страхъ и всѣ искали причины несчастія на христіанахъ и затѣвали на нихъ погромы,—людей били, а имущество расхищали и разбрасывали. Правители знали, что христіане только терпимы, но никому не желанны, и потому смотрѣли на безчинства надъ ними сквозь пальцы, они не только не защищали горячо людей христіанской вѣры, но даже нерѣдко радовались, что нищіе и раздраженные невѣжды, вмѣсто того, чтобъ негодовать на безучастное правительство, срывали на христіанахъ свой гнѣвъ и тѣмъ утоляли свое раздраженіе. Если же случалось, что христіанъ успѣвали сильно побить и разорить, тогда правители унимали побѣдителей и ссылали ихъ зачинщиковъ въ каменоломни,

а отъ награбленнаго ими имущества сами пользовались доброю частью. Отъ высшихъ же и далекихъ властей мѣстные правители строгой отвѣтственности за христіанъ не опасались, потому что люди эти были въ презрѣніи. Если и были случаи, что за обиды, сдѣланныя христіанамъ, спрашивали объясненій, то областные правители всегда находили много причинъ для оправданія, а чаще всего представляли, что христіане сами виноваты, что они имѣютъ какіе-то таинственные обряды, особятся отъ всѣхъ прочихъ и возбуждаютъ тѣмъ противъ себя всеобщую ненависть. Такимъ образомъ, снисхожденіе къ народнымъ безчинствамъ надъ христіанами часто принималось за благоразумную государственную терпимость, которою областной намѣстникъ предотвращалъ будто бо̀льшее бѣдствіе, способное, пожалуй, перейти въ угрожающее политическое возстаніе.

Христіане не считались столь драгоцѣнными, чтобы изъза нихъ строго взыскивать, и потому погромы, случавшіеся въ общинахъ отдаленныхъ христіанъ, нерѣдко съ тяжкими мучительствами, убійствами и съ самымъ обиднымъ издѣвательствомъ надъ ихъ вѣрою, проходили безъ всякихъ наказаній или съ наказаніями столь легкими, что надъ ними смѣялись. Чаще же погромы даже совсѣмъ оставались неизвѣстными въ Византіи и въ Римѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бунты и возстанія всего легче затѣваются при унынiи и страхѣ.

Когда вода въ Нилѣ стояла низко въ ту пору года, когда ей уже было время разлиться, тогда по всей странѣ Египетской отъ Филэ до Александріи ощущалось повсемѣстное терзательное безпокойство: всѣ страшились безхлѣбья и ходили унылые и раздраженные, многіе надѣвали печальныя одежды съ неподрубленными краями, передвигали пояса съ чреслъ высоко на грудь—къ мѣсту вздоховъ, нетерпѣливыя женщины рвали на себѣ волосы, а задумчивые муж-

чины безмолвно смотрѣли унылыми глазами съ повисшими на рѣсницахъ слезами.

При мрачномъ настроеніи египетскихъ характеровъ, все это облекало страну въ ужасъ. То самое было и теперь, въ пору нашей повѣсти. Къ тому же, положеніе, какъ разсказала Бубаста, осложнялось появленіемъ множества болѣзней. Почтовые голуби, пущенные съ верховьевъ теченія рѣки изъ Геліополя, Мемфиса и Оивъ, приносили въ Александрію самыя удручающія извѣстія: вся Оивада и Гептаоммида и Нижній Египетъ слились въ одну скорбь и въ одинъ стонъ,—люди голодали, слѣпли, боялись другъ друга и искали, кого бы сдѣлать отвѣтственнымъ за претерпѣваемое бѣдствіе.

Наконецъ, къ удовольствію многихъ, виновные были найдены, и это, какъ всегда, были христіане. Правовѣрные египтяне уже побили въ Геліополѣ христіанскихъ ткачей и то же досталось колесникамъ и стекольнымъ выдувальщикамъ въ Мемфисѣ. И они этого заслужили за то, что они испортили цѣны ткачамъ и колесникамъ, взявшись работать дешевле, чѣмъ работаютъ всѣ вольные люди въ Египтѣ. Имъ было можно дешевить, потому что они живутъ общинами и получаютъ приношенія отъ богатыхъ людей одной съ ними вѣры, но кто живетъ своимъ трудомъ и приношеній не получаетъ, тому по такой дешевой цѣнѣ ни прясть, ни ткать, ни ободья гнуть невозможно. А потому этого терпѣть нельзя, это надо остановить, а для того, чтобы остановить, самое простое дѣло—избить христіанъ, отнять ихъ имущество, поломать ихъ станки и самихъ ихъ бросить въ воду. Священный Нилъ, кстати, принимаетъ это за жертвоприношеніе и у старыхъ людей есть примѣты, что вода въ Нилѣ тогда начинаетъ подниматься.

Теперь было прекрасное время играть на этихъ страстяхъ.

Баба Бубаста пошла къ мемфиту Пеоху за тѣмъ, чтобы возвѣстить ему, что народъ въ негодованіи и что у нея есть лицо, которое пылаетъ местью противъ христіанина и

можетъ поставить правителя въ такое благопріятное положеніе, что тотъ вынужденъ будетъ мирволить народнымъ безчинствамъ. Пеохъ сидѣлъ въ тѣни, прислонясь спиною къ скалѣ, и выслушивалъ то, что̀, стоя передъ нимъ, говорила ему Бубаста. Онъ, впрочемъ, и самъ уже зналъ о всеобщемъ унынiи отъ того, что долго не начинается разливъ Нила, но его обрадовало, что Бубаста заручилась содѣйствiемъ Нефоры, которая можетъ обезоружить правителя и всякiя издѣвки надъ христiанами сойдутъ у египтянъ съ рукъ, не причиня имъ никакихъ жестокихъ возмездiй.

— Ты умная женщина, — отвѣчалъ Пеохъ. — Эти люди должны пострадать за наши несчастiя.

— Да; но какъ это начать? Ты, вѣдь, повсюду славенъ, мудрый Пеохъ; ты за своею лампадой прочелъ всѣ священные свитки; ты знаешь и свѣтъ нашей истинной вѣры, и знаешь тоже всю ложь всѣхъ прочихъ ученiй, а мы чужихъ вѣръ не знаемъ,—мы только отъ чистаго сердца ихъ ненавидимъ. Будь головой на плечахъ, подъ которыми трепещетъ и ноетъ народное сердце священнаго Кемми: научи насъ, что надобно дѣлать, чтобы христiане получили всесвѣтный позоръ и безвозвратную гибель? Скажи намъ, что такое мы могли бы требовать отъ христiанъ, чтобы это было въ ихъ же законѣ и что̀ бы могло показать всѣмъ безсилье ихъ вѣры и посрамить ихъ?

Пеохъ улыбнулся, погладилъ грязною рукой прирученнаго ихневмона и сказалъ:

— Хорошо, я вамъ покажу, какъ посадить лягушку на дерево; но смотрите вы: уже долой съ дерева ее не спустите!

— О, мы ее не спустимъ!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Старый Пеохъ посмотрѣлъ въ молчанiи въ свою лампаду и сказалъ бабѣ Бубастѣ:

— Ты не ложно сказала Бубаста: я, дѣйствительно, знаю и свою правую вѣру, и всѣ суевѣрія чужія, и всѣхъ боговъ суевѣрныхъ. Я могу судить и о эллинскомъ Зевсѣ, и объ Ормуздѣ и Ориманѣ фарсійскихъ, и о Егові, мстительномъ Богѣ бывшихъ рабовъ нашихъ—евреевъ, а также и о Томъ бѣднякѣ, Который былъ распятъ и Котораго почитаютъ за Бога себѣ христіане. Мы ихъ уловимъ на Его же словахъ: Онъ говорилъ, что кто будетъ вѣрить, какъ Онъ училъ, то такой человѣкъ, если скажетъ горѣ: «сдвинься», то будто гора тронется съ мѣста и бросится въ воду. Съ кровли правителя вашего по направленію къ закату видна гора Адеръ. Если христіане добры, то пусть они для спасенія всѣхъ умолятъ своего Бога, чтобы Адеръ сошла съ своего мѣста и, погрузившись въ Нилъ, стала плотиной теченію. Тогда воды Нила подымутся вверхъ и оросятъ изгорѣвшія нивы. Если же христіане не сдѣлаютъ такъ, чтобы стронулась гора Адеръ и загородила теченіе Нила, это имъ будетъ вина. Тогда всякому видно станетъ, что или вѣра ихъ—ложь, или они не хотятъ отвратить общаго бѣдствія, и тогда пусть пронесутся въ Александріи римскіе крики: christianos ad leones!

— Ты мудрый, ты очень мудрый, Пеохъ, — отвѣчала, простерши къ Пеоху руки и опять зазвонивши серьгами, баба Бубаста.—Народъ нашъ завтра же пойдетъ къ правителю требовать, чтобы онъ заставилъ христіанъ сдвинуть гору.

И съ этими словами баба Бубаста простилась съ мемфитомъ Пеохомъ и побѣжала къ тѣмъ изъ египтянъ, кого знала за самыхъ большихъ коноводовъ народныхъ, и подбивала ихъ, чтобы они внушали народу, что въ неразлитіи Нила виновны христіане.

Скоро отъ этого сдѣлалось всеобщее волненіе, о которомъ тотчасъ же узналъ правитель, и оно его очень обезпокоило, такъ какъ онъ не зналъ, чѣмъ его утишить. Баба же Бубаста побѣжала къ Нефорѣ и, распаливъ въ ней хитрыми словами оскорбленіе и ревность, убѣдила ее идти

къ правителю и просить его, чтобы онъ снизошелъ къ горю народа и къ его надеждѣ получить облегченіе черезъ молитву христіанъ, которая можетъ двинуть гору и запрудить ею Нилъ, чтобы вода поднялась и оросила пажити.

Нефора, въ которой быстро воспламенялись страсти и смѣнялись движенія, легко поддалась этимъ словамъ и, скоро одѣвшись съ большою пышностью, поспѣшила въ домъ правителя, чтобы исполнить то, чему ее научила баба Бубаста.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Правитель въ это время находился въ смущеніи отъ дошедшихъ до него слуховъ о волненіи въ народѣ. Бубаста успѣла взбунтовать всю александрійскую чернь разсказами о винѣ христіанъ и многіе, по ея наученію, побѣжали на Фарросъ къ мемфиту Пеоху, чтобы услыхать отъ него подтвержденіе словъ Бубасты, а другіе собрались въ огромномъ числѣ и двинулись къ дому правителя.

Когда Нефора приблизилась къ дому этого вельможи, она увидѣла густую толпу людей, окружившихъ плотною массой его палаты. Огромная толпа поражала своею массой и своею пестротой: она состояла изъ купцовъ въ бѣлыхъ одеждахъ съ разноцвѣтною бахромой и страшнаго множества полунагихъ кирпичниковъ, горшечниковъ, рыбаковъ, лодочниковъ, ткачей, шерстобитовъ, благовонщиковъ, листопродавцевъ, рогожниковъ, зерночистителей, масленниковъ, мусорщиковъ, омывателей ногъ, опахальщиковъ и стекольныхъ выдувальщиковъ. У большинства этихъ людей все одѣяніе состояло изъ однихъ короткихъ фартуковъ или кое-какихъ лохмотковъ, подвѣшенныхъ на узенькихъ поясочкахъ. Это были люди, страшные своею рѣшимостью и тѣмъ, что имъ терять нечего. Съ ними здѣсь было ихъ *все*,—при нихъ находились и ихъ жены, пряхи, въ коротких накидкахъ, и совсѣмъ голыя дѣти, и собаки, и кошки. Особенно много было дѣтей. Изъ нихъ однихъ, которыя меньше, женщины несли на своихъ плечахъ или у груди,

а другихъ, постарше, тащили за собою за руки. Между маленькими дѣтями у многихъ глаза были залиты гноемъ и всѣ эти дѣти жалобно кричали и плакали, а тѣ, которыя были постарше, безпрестанно толкались, ссорились и дрались между собою за объѣдки. Множество собакъ и кошекъ, которыя не отставали отъ своихъ хозяевъ, дѣлали то же самое: онѣ шныряли подъ ногами и ощетинивались другъ на друга, то завывая, то фыркая и заводя между собою ожесточенныя схватки. Но и этого было мало: какъ бы нарочно, для увеличенія шума и усиленія тревожности, въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ толпы раздавались призывные звуки: здѣсь храпѣла бактрійская боевая труба, на нее откликался гудѣніемъ сирійскій бубенъ, а въ третьемъ мѣстѣ колотилъ арійскій барабанъ. Все это и перекликалось, и сзывало еще бо̀льшее скопленіе народа. Биченосцы правителя въ желтыхъ туникахъ и въ высокихъ колпакахъ напрасно махали своими раскрашенными въ клѣтку палками. Сильные шерстобиты или не обращали на нихъ никакого вниманія, или даже переламывали ихъ палки и швыряли обломки въ лицо биченосцамъ.

Все это волненіе покрывалось общимъ воплемъ, въ которомъ только иногда можно было уловить отдѣльныя слова:

— Нилъ не поднимаетъ водъ!.. Мы погибаемъ отъ голода... Христіане перебиваютъ работы... хорошо имъ дешевить, когда они живутъ подаяніемъ!.. Пускай же они за насъ молятся... Пошли ихъ сдвинуть въ Нилъ гору, чтобы рѣка разлилась!

Нефора съ величайшихъ трудомъ едва могла проникнуть въ своихъ носилкахъ черезъ эту толпу. Главный входъ въ домъ былъ закрытъ и она вошла въ чертоги правителя черезъ извѣстную ей потаенную дверь, которую открылъ ей хорошо знавшій ее привратникъ, послѣ чего и эта дверь опять тотчасъ же была заперта. Стража со всѣхъ сторонъ охраняла всѣ входы.

Правитель находился въ большомъ смущеніи и перепугѣ. Онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать: отражать народъ си-

лою онъ не могъ а снизойти къ неблагоразумному требованію черни считалъ за недостойное. Правителя окружала вся его семья и тутъ же въ среднемъ покоѣ былъ его глупый сынъ, толстоносый Дуназъ, и его ближайшія подначальныя лица: всѣ они подавали ему различные совѣты, но онъ всѣ ихъ мнѣнія слушалъ, но ни на что не рѣшался. Увидѣвъ же входящую Нефору, онъ обрадовался ея приходу и живо воскликнулъ:

— Вотъ дорогая, нежданная гостья, чей пріятный приходъ приноситъ мнѣ радость! О, какъ я тебѣ благодаренъ, Нефора, что ты рѣшилась навѣстить домъ мой въ такую тревожную и досадительную минуту! Этимъ ты доказала мнѣ свою дружбу и я прошу тебя сказать мнѣ: что ты думаешь обо всемъ происходящемъ среди глупой и презрѣнной черни? Я знаю, что тебѣ данъ острый умъ и я хочу на него полагаться: я даю тебѣ при всѣхъ мое слово, что я рѣшусь только на то, что ты мнѣ присовѣтуешь.

Нефора отвѣчала, что ей извѣстно все, что происходитъ, и что она не находитъ въ этомъ положеніи ничего безысходнаго.

— Что же бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ?

— Я бы ихъ всѣхъ обманула.

— Прекрасно; но какъ это сдѣлать?

— Исполни ихъ желаніе: вопроси христіанъ, могутъ ли они своею вѣрой сдвинуть гору и положить ее въ Нилъ, пока онъ разольется отъ Филэ и до моря?

— Полно, Нефора, кто жъ можетъ заставить двигаться горы?

— Христіане, правитель, могутъ. Старый Пеохъ, который знаетъ всѣ вѣры, самъ это читалъ въ ихъ христіанскомъ ученіи.

— Старый Пеохъ!.. Онъ это все и надѣлалъ въ глупомъ народѣ и, клянусь, онъ достоинъ настоящаго египетскаго удара деревяннымъ коломъ въ упрямый затылокъ.

— Тебѣ что за дѣло? Пускай и Пеохъ получитъ свое въ свое время.

— А если христіане не сдвинутъ горы?

— Что жъ за бѣда? Народъ надъ ними слегка посмѣется, можетъ-быть, ихъ даже немножко и поколотитъ. Имъ это будетъ урокъ, чтобы они не кичились... Они станутъ скромнѣе, а ни въ Византіи, ни въ Римѣ за нихъ не станутъ сильно вступаться. Народъ въ огорченіи своемъ ищетъ на комъ бы сорвать это горе, и на мысль ему пришли христіане... Ихъ вѣдь пока здѣсь немного и они не въ великомъ почетѣ... Дай ихъ народу! Ты даже долженъ такъ сдѣлать, чтобы не вызвать бунтъ повсемѣстно, потому что теперь почтовые голуби, конечно, полетѣли уже въ Онъ, въ Мемфисъ и въ Аканоъ, и въ Гермополь, и въ Абидъ, и въ Онвы. Повѣрь мнѣ, что вскорѣ возстаніе охватитъ цѣлый Египетъ и тогда будутъ большія несчастія, которыхъ тебѣ не проститъ императоръ, и ты будешь смѣщенъ. Предотврати же малою уступкой и малою жертвой очень великія бѣды. А если ты этого не хочешь, то и я не хочу исполнять даннаго слова и не пойду за твоего сына Дуназа.

Разсужденіе Нефоры было согласно съ тѣмъ, что думалъ и самъ правитель. Онъ и самъ не видалъ никакого другого выхода и готовъ былъ на уступку, но еще продолжалъ немножко колебаться, какъ вдругъ случилось новое обстоятельство, которое понудило правителя подчиниться внушеніямъ Нефоры. Въ то самое время, какъ Нефора съ нимъ говорила, на площади, со стороны Иглъ Клеопатры, показались три замѣчательныя фигуры, которыхъ и видъ, и движенія,—все было необыкновенно.

Это были три человѣка, изъ которыхъ двое очень высокаго роста, а третій толстякъ. Всѣ они были въ длинныхъ и тонкихъ бѣлыхъ одеждахъ, въ широкихъ шейныхъ украшеніяхъ и головныхъ повязкахъ, гладко прилегающихъ ко лбу, къ вискамъ и къ пышнымъ, чернымъ фальшивымъ локонамъ, достигавшимъ до самыхъ ихъ спинъ. Темныя лица ихъ были спокойны и серьезны, а походка ихъ тверда и величественна. Въ рукахъ у каждаго изъ трехъ были

длинные посохи; у двухъ, которые шли по краямъ, посохи были изъ пахучаго дерева съ неочищенною корой и на каждомъ посохѣ наверху бѣлый и голубой цвѣтокъ лотоса; но у того, который шелъ въ серединѣ, посохъ былъ изъ серебра, а наверху изъ золота изображеніе нильскаго крокодила съ раскрытою пастью и съ перьями страуса. Кромѣ того, на груди у него сіялъ священный амулетъ изъ сапфира. Отъ ихъ длинныхъ одеждъ, фальшивыхъ волосъ и отъ всего, что было при нихъ, распространялся чрезмѣрно сильный запахъ мускуса.

Это были жрецы, «столпы нерушимой вѣры народной», надъ которой отовсюду надвигались давленія чужеземной образованности. Вавилоняне и римляне имъ были ненавистны почти вровнѣ такъ же, какъ греки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Толпа, увидѣвъ жрецовъ, тотчасъ же разступилась передъ ними и они прошли черезъ нее совершенно свободно. Чего никакими усиліями не могли достичь правительскіе биченосцы, то вдругъ сдѣлалось само собою при появленіи длинноволосыхъ париковъ и костыля съ разинутою пастью крокодила. Жрецы шли черезъ толпу, какъ по улицѣ, ни до кого не касаясь; они даже не поднимали кверху своихъ опущенныхъ и полуприкрытыхъ вѣками глазъ. Движенія ихъ были сурово-сдержанны и исполнены удивительной плавности: жрецы точно не входили, а вплыли на широкое мраморное крыльцо правителевыхъ палатъ и прямо приткнулись вплотную тѣломъ и лицами къ его тяжелымъ бронзовымъ дверямъ. Всѣ трое въ-разъ они ударили въ эти двери своими посохами и остановились, не шевелясь и не повторяя удара. Они точно влипли въ мѣдь и какъ будто знали, что они должны вскорѣ ее проникнуть на какой-то всенизвергающей волнѣ. Волна эта неслась за ними и несла ихъ. Народъ хлынулъ за своими жрецами и наперъ такъ сильно, что мгновенно сдавилъ и себя, и жрецовъ. Разда-

лись страшные крики однихъ, которые наступали, и другихъ, которыхъ въ толпѣ давили.

Этотъ крикъ не то ужаснулъ, не то ободрилъ бывшихъ въ домѣ правителя. Глупый сынъ правителя, толстолобый Дуназъ, даже широко оскалилъ зубы и, смѣясь, сказалъ:

— Ага! Вотъ имъ и конецъ!

— Кому?—спросила Нефора.

— Тѣмъ, отъ которыхъ такъ сильно пахнетъ мускусомъ, что я даже здѣсь слышу черезъ окна этотъ запахъ. Гдѣ мускусъ, тамъ всегда не далека колесница смерти.

— Да, это правда,—отвѣчала Нефора и указала рукою въ окно, изъ котораго теперь можно было видѣть, что въ томъ концѣ площади, между Иглъ Клеопатры, гдѣ за минуту стояли жрецы, теперь показался стѣнобойный таранъ на колесахъ и народъ бросился, чтобы подпрягаться къ канатамъ и тащить стѣнобой къ правительскимъ бронзовымъ дверямъ.

Дуназъ и его отецъ и всѣ остолбенѣли, а Нефора махнула изъ окна своимъ голубымъ покрываломъ, и когда послѣ этого знака крикъ на мгновенье затихъ, она сказала народу:

— Отступите съ крыльца!.. Правитель сейчасъ приметъ вашихъ жрецовъ и сдѣлаетъ все, что̀ можно сдѣлать, чтобы Нилъ скорѣе разлился.

Народъ отступилъ отъ крыльца, а жрецы вошли въ открытыя для нихъ двери и черезъ малое время вышли изъ дома правителя и объявили собравшимся людямъ, что правитель сейчасъ же пошлетъ къ христіанскому патріарху и повелитъ ему исполнить то, о чемъ проситъ встревоженный народъ, т. е. сдѣлать общее моленіе о томъ, чтобы сдвинуть гору.

Люди послушались жрецовъ; опять на иной ладъ захрапѣла труба, загудѣлъ бубенъ и залопоталъ барабанъ и бунтовщики стали расходиться. Площадь опустѣла и толпы отодвинулись къ окраинамъ за Некропольскія ворота и къ Лохіасу, но возбужденіе въ духѣ оставалось попрежнему и

ежеминутно снова готово было ожесточиться и проявить себя. Люди сидѣли кучками за ристалищемъ и по берегамъ канала и ожидали вѣстей, что будетъ сдѣлано по ихъ просьбѣ. Почтовые голуби, дѣйствительно, были пущены жрецами, какъ предполагала Пефора, и несли возбудительныя полоски тонкаго папируса въ Онъ, Мемфисъ, Абидъ и Оивы, до Карнака и Луксора. Александрійскія вѣсти быстро долетѣли до ушей вѣщей статуи Мемнона, и Амготепъ заговорилъ на разсвѣтѣ.

Возбужденіе въ Александріи только временно было сдержано уступчивостью правителя, но оно не было угашено, и правитель теперь находилъ за самое лучшее дѣйствовать не прямо, а съ хитростью: онъ, въ одно и то же время, послалъ императору донесеніе о безпорядкахъ, которые произвела чернь, и просилъ поддержать его присылкою вспомогательной военной силы, а въ ожиданіи этого пособія рѣшился мирволить народнымъ требованіямъ настолько, чтобы пожертвовать имъ спокойствіемъ и, можетъ-быть, жизнью нѣсколькихъ христіанъ. Онъ зналъ, что христіане не пользовались особымъ расположеніемъ у правительства, которое еще склонно было почитать ихъ за людей, вредныхъ общественному благоустройству, самъ же правитель ненавидѣлъ александрійскаго патріарха, который былъ очень умный и ловкій человѣкъ, имѣлъ въ столицѣ могущественныхъ друзей и крѣпко удерживалъ ихъ расположеніе посредствомъ такихъ александрійскихъ пурпуровыхъ ковровъ, о которыхъ еще Ѳеокритъ писалъ, что они «нѣжнѣе сна и легче пуха».

Эти ковры дѣлались руками христіанъ, жившихъ въ общинѣ на общественныя приношенія, и потому обходились патріарху гораздо дешевле, чѣмъ могъ имѣть ихъ отъ вольныхъ мастеровъ правитель. Поэтому имъ было трудно равняться въ приношеніяхъ и въ жертвахъ.

Вообще, правитель давно опасался возраставшихъ средствъ патріарха и, завидуя ему, досадовалъ, что въ его рукахъ не было никакихъ средствъ превзойти патріарха, распола-

гавшаго такими дарами, которые высоко цѣнили завоеватели Египта.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Чтобы дать удовлетвореніе взбунтовавшейся черни и сдѣлать затруднительнымъ положеніе патріарха, правитель тотчасъ же позвалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, велѣлъ ему взять въ руки букетъ цвѣтовъ и идти къ христіанскому патріарху съ порученіемъ разсказать ему все, что случилось, и вопросить его: дѣйствительно ли есть въ ученіи христіанъ такое увѣреніе, что по вѣрѣ ихъ гора можетъ сдвинуться и идти въ воду? Если же патріархъ скажетъ, что это есть, то просить патріарха, чтобы онъ, для всеобщаго блага всѣхъ жителей Египетской страны, повелѣлъ своимъ пресвитерамъ начать объ этомъ общее моленіе и самъ принялъ въ томъ участіе.

Патріархъ же еще ранѣе зналъ обо всемъ, что происходитъ въ городѣ, и, имѣя въ свитѣ правителя подкупныхъ людей, которые тоже любили ковры «нѣжнѣе сна и легче пуха», постоянно былъ ими обо всемъ извѣщаемъ. Такъ извѣстился онъ также заранѣе и о наряженномъ къ нему посольствѣ и, въ ожиданіи посла съ букетомъ, удалился въ свою пышную баню и, раздѣвшись, сѣлъ въ широкую круглую ванну, надъ которою въ потолкѣ пестрымъ мраморомъ были выложены слова: «Мы вѣруемъ въ единое божество Іисуса Христа и въ воскресеніе тѣла».

Правительскій посолъ засталъ его въ ваннѣ, окруженнаго аколуоами и отроками, которые держали въ рукахъ небольшіе сосуды съ ароматнымъ нардомъ и большія легкія опахала изъ павлиновыхъ перьевъ, и потому посолъ былъ принятъ не скоро, а ждалъ долго, стоя въ пріемной съ своимъ букетомъ. Когда же это показалось послу слишкомъ продолжительнымъ, то онъ просилъ доложить патріарху, что присланъ насильхъ, и угрожалъ возвратиться къ правителю, не дождавшись отвѣта.

Патріархъ тогда вышелъ изъ ванны, вытерся нардомъ, надѣлъ золотыя сандаліи и, покрывшись бѣлымъ хитономъ, принялъ посланнаго, сидя на диванѣ и освѣжая лицо прохладною водой съ ароматомъ фіалки. Вокругъ патріарха стояли его аколуѳы и отроки, махавшіе опахалами. Отъ посла взяли принесенный имъ, по обычаю, букетъ «говорящихъ цвѣтовъ», въ знакъ миролюбивости посольства, и писаніе, въ которомъ правитель изъяснялъ ему, въ чемъ заключается дѣло, и потомъ тутъ же укорялъ его за то, что христіане-ткачи и коверщики раздражаютъ рабочихъ, принимая въ свои общины всякихъ лѣнивыхъ и ничтожныхъ людей, которые приходятъ просить крещенія безъ всякихъ убѣжденій, единственно изъ-за одного того, чтобы жить въ общинѣ на счетъ вѣрующихъ и потомъ, пользуясь общественными приношеніями въ видѣ хлѣба, и мяса, и рыбъ, эти даромъ накормленные люди могутъ работать дешевле, чѣмъ прочіе трудолюбивые мастера, имѣющіе на своемъ содержаніи цѣлыя семейства. Изъ этого правитель выводилъ всю народную ненависть къ христіанамъ, которую онъ хотя и осуждалъ въ лицѣ бунтовщиковъ, но не находилъ у себя средствъ теперь твердою рукой подавить этотъ бунтъ, прежде чѣмъ къ нему придетъ подкрѣпленіе. А потому, пока обстоятельства измѣнятся, онъ проситъ патріарха, если вѣра христіанская даетъ средство сдвинуть гору, то назначить для успокоенія волнующихся людей общественное моленіе у подножія горы Адеръ, чтобы она пошла съ мѣста и, ставъ поперекъ теченія Нила, сдѣлала запруду, отъ которой бы образовался повсемѣстный разливъ.

Патріархъ же еще раньше обмыслилъ, что затѣю, которую выдумалъ хитрый Пеохъ, прямо отклонить невозможно; а пока онъ сидѣлъ въ своей ваннѣ, на дворѣ его слуги все приготовили къ тому, чтобы онъ могъ сейчасъ же уѣхать изъ города. Послу же онъ отвѣчалъ, что хотя и самъ Гомеръ ошибался, но что для вѣры нѣтъ ничего невозможнаго, онъ же, патріархъ, имѣетъ только общее, высшее попеченіе, а въ Александріи имъ поставленъ отдѣльный епископъ и

потому пусть къ тому и идутъ, и ему пусть скажутъ, чтобы онъ сдѣлалъ все, что нужно.

Аколуѳъ скоро написалъ отъ патріарха правителю грамоту въ этомъ смыслѣ и вручилъ это писаніе послу вмѣстѣ съ букетомъ изъ бѣлыхъ розъ и персидской сирени изъ патріаршаго сада. Посолъ взялъ отвѣтъ и цвѣты и отправился съ тѣмъ отвѣтомъ къ правителю, а патріархъ сію же минуту одѣлся, взялъ свои драгоцѣнности и свою свиту и поскакалъ на быстрыхъ мулахъ вонъ изъ города черезъ Ворота Солнца, а за стѣною повернулъ къ востоку, надѣясь въ какомъ-либо изъ семи нильскихъ гирлъ найти греческую трирему или быстроходный чужеземный корабль и бѣжать на немъ отъ возмущенной страны и отъ коварнаго правителя, съ надеждою отплатить ему издали за его издѣвательство.

Правитель почти немедленно же узналъ объ отбытіи патріарха и страшно разгнѣвался; онъ послалъ за нимъ погоню, но это было безполезно, потому что никто не зналъ куда патріархъ повернулъ за Воротами Солнца. Тогда правитель вскричалъ:

— Онъ не даромъ привелъ въ отвѣтѣ своемъ, что «и Гомеръ ошибался»: я никакъ не ожидалъ того, что онъ сдѣлалъ, и ошибся не хуже Гомера.

И затѣмъ онъ позвалъ воиновъ и велѣлъ имъ взять епископа и привести его къ себѣ.

Епископъ жилъ далеко на окраинѣ и не зналъ, что̀ сдѣлалъ патріархъ.

Когда воины пришли за епископомъ, то онъ спокойно игралъ въ шахматы съ одной знатной прихожанкой и удивился всему, что услыхалъ, и началъ говорить, что онъ лицо подчиненное и ничего не смѣетъ безъ патріарха; но когда ему сказали, что патріархъ выставилъ его лицомъ самостоятельнымъ въ Александріи, а самъ неизвѣстно куда уѣхалъ, то епископъ заплакалъ.

Послы же не дали ему долго сокрушаться; они взяли и повезли его въ закрытой колесницѣ къ правителю, который

прямо и безцеремонно вопросилъ его, дѣйствительно ли въ ученіи христіанскомъ сказано, что съ христіанскою вѣрой возможно сдвинуть гору? И когда правитель получилъ въ отвѣтъ, что упоминаніе объ этомъ, дѣйствительно, есть, то онъ не захотѣлъ ничего больше слушать, а сказалъ:

— Вотъ я тебѣ назначаю сроку три дня. Въ эти три дня я дамъ всѣмъ неимущимъ работу и буду платить имъ за то, что они станутъ строить скамьи для сидѣній и лавки для продавцовъ вокругъ горы Адеръ, а для васъ, христіанъ, я оставлю свободное мѣсто среди всѣхъ скамей отъ горы и до самаго Нила. Собери всѣхъ своихъ самыхъ лучшихъ людей, у которыхъ ты знаешь самую крѣпкую вѣру, и явитесь тамъ рано утромъ отнынѣ на третій день. Смотрите. Молитесь, какъ вамъ по вѣрѣ вашей надо молиться, но чтобы гора непремѣнно сошла съ своего мѣста и опустилась въ воду; а если вы этого не сдѣлаете, вамъ будетъ худо. Весь народъ изъ Александріи выйдетъ, чтобы смотрѣть на васъ, и ваше дѣло—сдѣлать такъ, чтобы отъ этого вышло торжество вашей вѣры или стыдъ. Если гора пойдетъ и рѣка поднимется, народъ оцѣнитъ помощь, какую вы окажете всей странѣ этою услугой. Если же вы гору Адеръ не сдвинете, то всѣмъ ясно будетъ, что вы не хотѣли сдѣлать добра, которое можете сдѣлать, и, стало-быть, вы не друзья людямъ, среди которыхъ живете. Тогда я васъ защищать не могу и пусть съ вами будетъ то, чего вы въ глазахъ народа достойны. Теперь я велю тебя и другихъ старѣйшихъ вашихъ до времени строго стеречь, и если вы сами добровольно не поѣдете дѣлать моленіе къ горѣ, то я прикажу васъ привести туда подневольно. За ослушаніе вы испытаете на себѣ силу гнѣва скорбящихъ людей, которыхъ вы раздражили, а я приложу на васъ всю строгость кары законной: я возьму все, что вы имѣете, въ казну императора, а самихъ васъ всѣхъ взрослыхъ пошлю въ цѣпяхъ и съ колесами на шеяхъ на вѣчныя работы въ каменоломни. Да, изъ васъ ни одинъ не будетъ забытъ, — вы всѣ безъ исключенія пойдете съ связанными руками на югъ, ближе

къ землѣ глупаго народа Кушъ, и за поясомъ у каждаго изъ васъ будетъ заткнутъ приговоръ, которымъ будетъ опредѣлено, по скольку ударовъ воловьею жилой этого человѣка будутъ бить эѳіопы каждый день трижды—поутру, въ полдень и на ночь. И такъ, всѣ вы останетесь тамъ въ каменоломняхъ, пока каменистая пыль сотлитъ ваше тѣло.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Окончивъ эту обидную рѣчь, правитель велѣлъ подать въ руки епископа очиненную для писанія трость и приказалъ ему написать сю имена всѣхъ извѣстныхъ ему христіанъ, живущихъ въ Александріи, при чемъ пригрозилъ, что если хотя одно имя будетъ утаено, то онъ поступитъ съ епископомъ такъ, какъ будто онъ былъ уже узникъ въ каменоломняхъ.

Епископъ оробѣлъ, принялъ дрожащею рукой трость и въ испугѣ начерталъ имена всѣхъ, кого имѣлъ основаніе почитать христіанами, но, несмотря на то, что онъ старался не позабыть ни одного надежнаго человѣка, правитель ему не повѣрилъ и заставилъ его поклясться, что онъ никого не укрылъ. Опасаясь отвѣтственности, епископъ еще вспоминалъ и еще много дописывалъ, но боялся поклясться, не надѣясь на свою старую память, и сталъ плакать. Имени Зенона не было въ епископскомъ спискѣ.

Правитель сжалился надъ епископомъ и отпустилъ его, строго сказавъ:

— Не рыдай. Если ты ошибся и не всѣхъ записалъ, то я тебѣ это прощу: и Гомеръ ошибался. Оставь здѣсь списанье именъ твоихъ христіанъ и иди собирай этихъ и другихъ, которыхъ ты могъ позабыть; я по три раза на день буду присылать къ тебѣ на дворъ узнавать, сколько васъ соберется, чтобы идти сдвинуть гору. А сейчасъ пошлю во всѣ концы города глашатыхъ съ трещотками объявить всему народу, что общее желаніе будетъ исполнено и пусть никто не унываетъ, а всѣ пусть собираются идти

къ горѣ Адеръ смотрѣть, какъ она сойдетъ съ своего мѣста и запрудитъ Нилъ.

Правитель понялъ свою выгоду и заботился только о поддержаніи веселыхъ надеждъ въ умахъ встревоженнаго и упавшаго духомъ населенія; но положеніе епископа было другое.

Епископъ поклонился, сложивъ въ знакъ покорности на груди свои руки, и вышелъ, обливаясь слезами. Онъ не въ состояніи былъ и думать о томъ, что ему задано и что надо начать дѣлать? Какъ ему выходить самому и какъ выводить всѣхъ записанныхъ въ списокъ на такое испытаніе, которое коварный и мстивый Пеохъ выдумалъ, конечно, только затѣмъ, чтобы получить возможность осмѣять христіанскую вѣру всенародно въ глазахъ тысячъ зрителей?

Волею и неволею прежде всего ему приходило на мысль то, что почелъ за самое лучшее выше надъ нимъ стоящій патріархъ, и это притомъ казалось самымъ благоразумнымъ и легкимъ; но вѣдь тотъ же самый патріархъ всѣмъ совѣтовалъ помнить, что «и Гомеръ ошибался».

Епископъ рѣшился искать совѣта самыхъ преданныхъ ему людей и, возвратясь домой, сейчасъ же разсказалъ ужасную новость ожидавшей его знатной прихожанкѣ. Эта именитая женщина очень встревожилась и сейчасъ же разослала рабовъ къ другимъ знатнымъ прихожанамъ просить ихъ придти немедленно въ домъ ея на необходимый совѣтъ. Знатные прихожане скоро собрались и, выслушавъ разсказъ, всѣ пришли въ большой ужасъ; но вмѣсто того, чтобы ободрить епископа благоразумными и острыми совѣтами, они стали укорять его, для чего онъ написалъ имена ихъ. Онъ же отвѣчалъ имъ:

— Неужто вы лучше хотѣли бы, чтобы я лгалъ или явился ослушникомъ власти?

Они на это коротко отвѣтили, что это не ихъ дѣло, и всѣ были унылы и толковали только о томъ, что коварная выдумка Пеоха грозитъ ущербомъ и разореніемъ для всѣхъ

ихъ имущественныхъ дѣлъ и даже самую жизнь ихъ ставитъ въ опасность отъ разъяреннаго народа. Кончили же они тѣмъ, что стали укорять епископа:

— Съ какой стати ты переписалъ однихъ насъ, людей именитыхъ, и теперь однихъ насъ сюда собралъ? Это противно вѣрѣ: передъ Богомъ всѣ люди равны, какъ знатные, такъ и незнатные. Мы не хотимъ гордиться передъ незнатными и бѣдными и ослушаться Божьей воли. Оставь рѣшеніе до завтраго утра, и когда у тебя завтра утромъ на зарѣ ударятъ въ мѣдную доску, мы хотимъ собраться всѣ вмѣстѣ съ простолюдинами христіанской вѣры, — можетъ-быть, въ ихъ простыхъ умахъ найдется больше, чѣмъ у насъ, и вѣры, и разума, и смѣлости.

Епископъ на это согласился, и когда, послѣ тревожно проведенной засимъ ночи, ударилъ утромъ въ доску, то увидѣлъ, что дворъ его сталъ наполняться чернородьемъ изъ Малой Гавани и другихъ отдаленныхъ предмѣстій, но изъ вчерашней знати, которая хотѣла здѣсь сойтись съ чернородьемъ, теперь не было ни одного человѣка.

Епископъ узналъ въ толпѣ рабовъ нѣкоторыхъ изъ этихъ отсутствующихъ и спросилъ: скоро ли господа ихъ прибудутъ; но рабы только качали головами и тихо шептали:

— Не жди ихъ напрасно; они не придутъ. Они теперь уже далеко.

Но епископъ все-таки ждалъ, пока люди на его дворѣ стали томиться голодомъ и, подтягивая туже и выше свои пояса, начали щелкать зубами и, уныло глядя на епископа, всѣ стали просить хлѣба. Епископъ разослалъ всѣхъ своихъ аколуѳовъ и опахальщиковъ, чтобы торопить знатныхъ, но аколуѳы и опахальщики возвратились и сказали, что знатныхъ нѣтъ никого въ городѣ. Тогда при такомъ ужасномъ извѣстіи и при видѣ томленій народа отъ голода епископъ послалъ самаго любимаго своего опахальщика къ знатной прихожанкѣ просить ее, чтобы она приходила сама и прислала, какъ можно скорѣе, корзины съ хлѣбомъ для простонародья, но опахальщикъ вернулся назадъ съ

пустыми руками и сказалъ, что не засталъ въ домѣ знатной прихожанки никого, кромѣ одного болѣзненнаго раба, который сообщилъ ему, что госпожа его минувшею ночью, какъ только осталась одна, сейчасъ собралась и со всѣми лучшими изъ слугъ своихъ выѣхала ночью на шести колесницахъ по Канопской улицѣ.

Епископъ сдвинулъ платъ, покрывавшій его голову, себѣ на лицо и, всплеснувъ руками, воскликнулъ:

— О, какое коварство! Я такъ ошибся, какъ и Гомеръ не могъ ошибаться!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Скорбь епископа о побѣгѣ всѣхъ именитыхъ друзей была велика, но онъ не могъ предаваться ей долго въ отчаяніи: собранный на его дворѣ черный народъ настойчиво требовалъ пищи, и епископъ поспѣшилъ немедленно распустить со двора народъ, пригласивъ всѣхъ опять придти завтра и обѣщаясь всѣмъ, что съ утра на дворѣ будетъ для всѣхъ изготовлена въ изобиліи пища и питье съ растворенным виномъ. Самъ же епископъ спѣшно вышелъ другимъ выходомъ, которымъ дворъ его соединялся съ домомъ знатной прихожанки, и обошелъ всѣ ея покои, но нигдѣ не находилъ никого живого, а вездѣ замѣчалъ въ покинутыхъ вещахъ безпорядокъ и слѣды торопливыхъ сборовъ къ побѣгу. Наконецъ, на ларцѣ, въ которомъ лежали шахматы, епископъ нашелъ связанный лентой папирусъ, а въ немъ извѣщеніе, что госпожа, опасаясь тревожныхъ событій, отбываетъ на-время въ Пелузу и увозитъ съ собою свои удобоподвижныя драгоцѣнности; а всѣ запасы житницъ своихъ и дома оставляетъ епископу въ его полную власть и употребленіе.

Тутъ же въ шахматномъ ларцѣ были положены и ключи отъ скарбницъ и житницъ съ надписями на слоновыхъ дощечкахъ, подъ какимъ ключомъ что сохраняется.

Это теперь было кстати, потому что отпущенный народъ по особымъ причинамъ не могъ оставить епископскій

дворъ. Епископъ взялъ ключи и отослалъ ихъ домой съ опахальщикомъ, а самъ пошелъ къ другимъ изъ тѣхъ знатныхъ прихожанъ, которые вчера вечеромъ обидѣлись, зачѣмъ епископъ ихъ записалъ, и разошлись, обѣщаясь собраться поутру вмѣстѣ съ простолюдинами, но не собрались. Но изъ нихъ тоже никого не было дома: всѣ они побросали дома и ключи отъ скарбницъ и отъ житницъ на волю епископа, а сами извѣщали оставленными записками, что отбывали къ портамъ, кто въ Каноп, кто въ Саисъ, кто въ Мендесъ, кто въ Пелузу, куда всѣхъ раньше устремилась прихожанка.

Обойдя всѣ дома людей знатныхъ, епископъ вездѣ заставалъ одно и то же и набралъ такое множество ключей, что едва могъ нести ихъ, а опахальщики не спѣшили къ нему на помощь, и, когда епископъ пришелъ домой, то уже не могъ нигдѣ отыскать ни одного ни аколуѳа, ни опахальщика. Такъ заразительно и быстро распространялся страхъ и влеченіе къ побѣгу, начатое знатными, имѣвшими на-готовѣ муловъ и колесницы, и дома за городомъ, и друзей, и родственниковъ въ Саисѣ и Пелузѣ, и свои корабли во всѣхъ семи нильскихъ гирлахъ. Зато черный народъ: всѣ ткачи, шерстобиты, кирпичники и стекольные выдувальщики, были попрежнему на дворѣ и кричали, что они голодны и не могутъ выйти, потому что ворота съ улицы заперты и къ нимъ приставлена стража.

Епископъ вдругъ становился богатымъ обладателемъ всего, что покинули ему бѣжавшіе знатные люди; но на что теперь ему было все это богатство, когда оставалось всего лишь два дня до того, когда надо идти сдвигать гору Адеръ и заграждать ею Нилъ?

Епископъ бросилъ ткачамъ и шерстобитамъ ключи отъ съѣстныхъ амбаровъ и показалъ потаенный ходъ на сосѣдній дворъ, а когда народъ устремился туда, чтобы утолять свой голодъ, епископъ швырнулъ и другіе ключи отъ другихъ скарбницъ и житницъ на каменный полъ и оттолкнулъ ихъ ногою.

«На что, думалъ онъ, — мнѣ теперь все это изобиліе, когда я оставленъ всѣми именитыми людьми и скоро долженъ буду претерпѣть муку съ одними невѣждами рыбаками, ткачами и шерстобитами?»

Но вскорѣ онъ оправился, всталъ и быстро пошелъ въ свою конюшню посмотрѣть, наоенъ ли и не стоитъ ли безъ пищи его мулъ и крѣпки ли у его копыть мѣдныя подковы.

Стойло было пусто.

Епископъ только развелъ руками... Мулъ вѣдь, конечно, не самъ своею волей бросилъ спокойное стойло и ясли, полныя сочнаго корма... Кто ему наложилъ и епископское сѣдло съ бахромой, и уздечку съ кистями, и не позабылъ даже шелковой плетки?

Епископъ, однако, недолго оставался въ этомъ состояніи, потому что кто-то неожиданно коснулся рукою до его плеча и чей-то безпечный и насмѣшливый голосъ сказалъ ему:

— Ты, вѣрно, пришелъ сюда посмотрѣть, крѣпки ли подковы у твоего мула?

— А тебѣ что за дѣло?—отозвался епископъ.

— Мнѣ до тебя есть дѣло, потому что я присланъ за тобою отъ правителя и при мнѣ здѣсь есть воины и биченосцы. Правитель разгнѣванъ, что ты не доставилъ ему въ теченіе дня донесенія о томъ, какъ идетъ у васъ приготовленіе къ тому, чтобы передвинуть вѣрою гору.

Епископъ же отвѣчалъ:

— Я не имѣю о чемъ доносить, потому что отъ меня всѣ бѣгутъ и, мнѣ кажется, я скоро останусь совершенно одинъ.

— Это не наше дѣло, — отвѣчалъ правительскій посолъ. — Мы пришли за тобой, иди объясняться съ правителемъ.

Сказавъ это, посолъ указалъ мановеніемъ глазъ на епископа биченосцамъ, и тѣ сейчасъ же положили шнуры на запястья его рукъ и повели его подъ охраною къ правителю.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Правитель, согласившись дозволить сдѣлать зрѣлище изъ того, какъ христіане выйдутъ сдвигать гору, былъ самъ недоволенъ, что онъ уступилъ волненію взбунтовавшейся черни, и искалъ средства заглушить въ себѣ досаду. Онъ старался веселиться въ сообществѣ своихъ пріятелей, и въ то время, когда къ нему повели епископа, правитель вкушалъ вечернюю трапезу съ своею семьей и съ именитыми гостями, въ числѣ которыхъ была и Нефора. Всѣ они помѣщались въ большой столовой комнатѣ, которая представляла собою соединеніе эллинской красоты формы съ египетскою пестротой и яркостью красокъ. Стѣны были выложены изразцами, раздѣланными живописью по греческой модѣ. Краски были изумительно живы. Столовая была совсѣмъ безъ потолка. Онъ замѣнялся подвижною шелковою тканью, которая сдвигалась и раздвигалась на кольцахъ, ходившихъ на бронзовыхъ прутьяхъ. Днемъ, когда солнце горѣло на небѣ, это полотно было задернуто, а къ вечерней трапезѣ его открывали. Теперь, послѣ знойнаго дня, ткань была отдернута и надъ головами людей, вкушавшихъ яства въ этой роскошной столовой, величественно синѣло высокое небо со множествомъ звѣздъ. Свѣтъ луны заходилъ сюда только откосомъ, серебря одинъ уголъ покоя.

Отъ канделябровъ и лампъ, горѣвшихъ на столѣ, далекое безконечное пространство вверху казалось черною бездной, въ которой звѣзды висѣли какъ огненные шары. Внизу, на столѣ были разнообразныя яства и питья: тутъ стояли и, дымясь, распространяли аппетитный запахъ огромнѣйшія жаркія изъ верблюжьяго мяса, красноперыя рыбы; драгоцѣнные хіосскіе подносы и вазы, на которыхъ были красиво уложены отборные фрукты: винныя ягоды, финики, виноградъ и янтарныя дыни; нѣжный сыръ на фигурныхъ тарелкахъ изъ поливанной глины; два превосходно исполненные серебряные улья работы Зенона, наполненные ме-

домъ, и посерединѣ этихъ двухъ ульевъ, работы того же Зенона, высокое серебряное украшеніе, похожее на жертвенникъ греческихъ храмовъ,—все обвитое миртами и розами. Наверху жертвенника дымилась ароматная курильница и тутъ же стояла большая серебряная чаша съ виномъ, растореннымъ водою. Вокругъ этой чаши стояли кубки въ видѣ звѣриныхъ и птичьихъ головъ. Общество было веселое. Были изящныя женщины и молодые мужчины; всѣ находились въ веселомъ, остроумномъ настроеніи и шутили насчетъ того празднества, которое такъ неожиданно устраивается послѣзавтра; оно послужитъ и для успокоенія народа, и для ихъ развлеченія. Христіане, которые осуждены принять страдательную роль, могутъ себя чувствовать, какъ имъ придется. Одинъ кто-то сказалъ:

— Кто бы какое мнѣніе ни имѣлъ о презрѣнныхъ людяхъ, къ которымъ принадлежатъ наши ткачи и шерстобиты, но должно признаться, что они должны будутъ доставить для насъ самое необыкновенное увеселеніе. Ристалища, безъ сомнѣнія, представляютъ много изящества и граціозной отваги; но всѣ мы это уже много разъ видѣли и это утратило новизну. Между тѣмъ, сдвинуть гору одною вѣрой—это совершенно ново и необыкновенно, и я поднимаю фіалъ за остроумныхъ ткачей и шерстобитовъ.

Другой отвѣчалъ:

— Чернь всегда останется чернью, и похвалы, которыя сейчасъ сказаны, принадлежатъ не ей, а старому Пеоху, который живетъ на Фарросѣ.

— И это еще не такъ,—вмѣшался сынъ правителя, толстый Дуназъ, — всѣмъ удовольствіемъ, которое ожидаетъ насъ, мы обязаны прекрасной невѣстѣ моей Нефорѣ, потому что это она уговорила моего отца согласиться сдѣлать уступку требованіямъ черни и вывести христіанъ къ горѣ Адеръ. Какая счастливая мысль! Два дня назадъ чернь была безъ работы, а теперь тысячи рукъ строятъ тамъ наскоро прекрасный амфитеатръ для зрителей, и въ городѣ оживленіе: всѣ мулы наняты, всѣ пирожники и фруктов-

щики, рыбаки и продавцы вина въ городѣ готовятъ въ страшномъ изобиліи свои произведенія для публики. Завтра туда собираются цвѣточницы, пѣвцы и фокусники, — тамъ будетъ множество веселыхъ шатровъ съ цвѣтами, питьемъ и ѣдою, а послѣзавтра, утромъ на ранней зарѣ, тамъ будетъ все населеніе Александріи, чтобы смотрѣть, какъ эти смѣшные люди съ ихъ вѣрою въ распятаго Бога будутъ сдвигать съ мѣста гору и поведутъ ее въ Нилъ.

— Да, сынъ мой Дуназъ въ своихъ словахъ приблизился къ правдѣ, — отозвался правитель, — но Дуназъ еще недостаточно оцѣнилъ все, что сдѣлала прекрасная Нефора которую я нетерпѣливо жду назвать моею дочерью. Ея умъ поистинѣ равенъ ея чрезвычайной красотѣ и потому только не превосходитъ ее, что это ужъ невозможно. Мы обязаны прелестной Нефорѣ не только тѣмъ, что она доставляетъ намъ и всему народу веселое препровожденіе времени на счетъ христіанъ, но мы ей обязаны и нашею безопасностью. До сихъ поръ у насъ былъ бы всеобщій бунтъ, которому я не могъ бы воспрепятствовать съ тѣмъ малымъ числомъ воиновъ и биченосцевъ, которыхъ имѣю въ моемъ распоряженіи. Они едва въ состояніи сдерживать порядокъ только при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, а при такомъ народномъ волненіи, какое вдругъ обнаружилось третьяго дня и, безъ сомнѣнія, съ быстротою развилось бы повсемѣстно, эти силы оказались бы ничтожными. Къ тому же, мои разстилатели ковровъ сегодня утромъ перехватили голубей, на которыхъ нашли извѣщенія, что огромныя толпы рабочаго народа двинулись къ Александріи изъ Гермополя, и завтра, безъ сомнѣнія, мы уже увидимъ ихъ толстодонныя барки. Толпы эти выйдутъ на берегъ и ринутся къ моимъ палатамъ; но скамьи, которыя строятъ теперь амфитеатромъ у Адера, остановятъ ихъ и измѣнятъ ихъ направленіе. Гермопольцы не увидятъ того, что ожидаютъ: въ городѣ нашемъ нѣтъ ни уныній, ни воплей. Люди работаютъ топорами и обойными инструментами; всѣмъ имъ дается высокая плата; ковры и всѣ обойныя матеріи вздорожали вдвое

противъ своей цѣны; всѣ люди оживились, веселы и работаютъ, а впереди ожидаютъ еще бо́льшаго веселья, и оно для нихъ будетъ если не въ томъ, что христіане въ самомъ дѣлѣ сдвинутъ для нихъ гору и положатъ ее поперекъ Нила, то, по крайней мѣрѣ, всѣмъ будетъ весело смотрѣть, какъ эти самохвалы будутъ напрасно молиться по своему обычаю и потомъ къ вечеру должны будутъ сознаться въ своемъ безсиліи...

— Но тогда народъ можетъ броситься на этихъ людей и произведетъ кровопролитіе, а послѣ опять начнется волненіе, которое будетъ угрожать гибелью всѣмъ намъ, состоятельнымъ людямъ,—перебилъ одинъ изъ гостей.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ спокойно правитель,—это могло бы случиться въ такомъ разѣ, если бы къ мудрости и богатой жертвѣ великодушной Нефоры не было присоединено частицы и моей старческой опытности въ управленіи народомъ. Я не хочу скрыть здѣсь отъ васъ, что Нефора сдѣлала болѣе, чѣмъ вы знаете: она не только убѣдила меня въ благоразуміи этой мѣры, но и дала средства для ея исполненія: казна моя была пуста и я не могъ бы предпринять всѣхъ расходовъ, которые потребовались на то, чтобы дать щедрый заработокъ всѣмъ занятымъ теперь перестройками людямъ, но Нефора дала на это средства.

— Возможно ли? Мы этого не знали!—воскликнули гости, обращаясь къ Нефорѣ, которая сидѣла межъ ними въ задумчивости и хранила молчаніе.

— Да, вы этого не знали,—продолжалъ правитель,—но я вамъ теперь выдаю ея тайну и вмѣстѣ съ тѣмъ открываю мою собственную тайну, которая должна успокоить васъ за вашу безопасность и великодушную Нефору за цѣлость истраченныхъ ею на общую пользу значительныхъ денегъ.

— Я не забочусь объ ихъ возвращеніи,—проронила Нефора.

— Да, ты объ этомъ не думаешь, — я вѣрю тебѣ, — но я, къ удивленію моему, замѣчаю, однако, что ты сегодня печальна.

— Мое настроеніе не зависитъ отъ денегъ.

— Вѣрю тебѣ, но ты скоро будешь моею семьянкой и я ни за что не допустилъ бы тебя изнурять свое богатство, если бы не имѣлъ твердой надежды возвратить тебѣ съ лихвою все, что ты дала мнѣ на эти издержки. Посрамленіе, которому подвергнутся у Адера христіане, не принесетъ гибели никому, кромѣ самихъ этихъ ненавистныхъ суевѣровъ. Народъ не будетъ имѣть никакой возможности грабить богатыхъ людей, потому что мною потребованъ флотъ съ вспомогательнымъ войскомъ, и десять судовъ въ полдень сегодня прошли уже въ виду Балбетинскаго гирла. Паруса ихъ велики и имъ вѣтеръ попутенъ, — они идутъ скоро, и завтра они будутъ у Канопа, а въ то время, когда весь народъ изъ города выйдетъ смотрѣть, какъ христіане пойдутъ двигать гору, войска обогнутъ Лохіасъ и войдутъ въ городъ. Возвращающіяся толпы, — каковъ бы ни былъ исходъ дѣла съ горою, — будутъ остановлены и обезоружены; на другой день надъ ними будетъ произведенъ судъ; всѣ главные виновники возстанія будутъ выведены съ смертными приговорами за поясомъ на Гепту и преданы казни, а ихъ имущество взято въ казну, и отъ него отдѣлится то, что нужно, чтобы возвратить издержанныя сегодня деньги Нефоры.

— Это прекрасно! Ты мудрый и справедливый правитель!—воскликнули многіе разомъ,—и намъ теперь ничто болѣе не мѣшаетъ предаваться безмятежному веселію въ твоемъ домѣ, въ этой прекрасной столовой, въ которую съ высоты неба смотрятъ звѣзды и, вѣрно, завидуютъ яснымъ очамъ прекрасной Нефоры. Поднимаемъ фіалы за очи Нефоры и за счастье Дуная.

Когда же тостъ былъ выпитъ, правитель, улыбнувшись, сказалъ:

— Веселитесь и пейте, славьте красу и разумъ Нефоры: никому никакой опасности нѣтъ, а смѣшное для общей забавы уже началось: патріархъ и всѣ сколько-нибудь богатые люди изъ содержавшихъ христіанскую вѣру

бѣжали; ловкій предатель изъ епископскихъ слугъ извѣстилъ моего жезлоносца, что и епископъ сейчасъ самъ приходилъ на свою конюшню, чтобы осмотрѣть подковы у своего мула... Конечно и онъ хотѣлъ потребовать наступающею ночью услугъ отъ этого животнаго; но я этого не допустилъ, потому что это угрожало опасностью — оставить зрителей безъ актеровъ. Я послалъ людей, чтобъ епископа привели сюда, а изъ города не велѣлъ выпускать ни одного христіанина, но всѣхъ ихъ собирать на епископскій дворъ, откуда всѣ они разомъ должны будутъ идти совершать моленіе у Адера.

Въ это время жезлоносецъ доложилъ правителю о приходѣ епископа, котораго всѣ пировавшіе пожелали видѣть, и онъ былъ введенъ въ столовую и оставленъ стоять на ногахъ передъ пирующими за столомъ гостями, въ числѣ которыхъ была и Нефора. Молодая женщина быстро устремила на старика острые и проницающіе взгляды, какъ будто она хотѣла прочесть по его лицу что-то такое, на что не давали отвѣта обстоятельныя объясненія правителя.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Епископъ чувствовалъ свое унизительное положеніе и отвѣчалъ коротко и неохотно, что и было понятно, такъ какъ всѣ вопросы, которые ему предлагали самъ правитель и его гости, очевидно, клонились къ тому, чтобы усилить и безъ того затруднительное положеніе вопрошаемаго и сдѣлать предметомъ насмѣшекъ и шутокъ какъ его самого, такъ и тѣхъ людей, за вѣру и упованіе которыхъ онъ былъ здѣсь представителемъ. Особенно въ этомъ отличался Дуназъ, искавшій возможности понравиться Нефорѣ своею наглостью надъ беззащитнымъ и потерявшимся старикомъ; но Дуназъ достигъ этимъ совершенно противоположнаго: Нефорѣ не нравились его издѣвательства, можетъ-быть, особенно потому, что въ нихъ старался отличиться противный ей женихъ, и она сказала:

— У этого человѣка на рукахъ строгое дѣло и онъ долженъ имѣть въ сборѣ всѣ свои силы, а потому, если я смѣю просить, то я бы просила отпустить его къ его мѣсту, такъ какъ его видъ и воображеніе объ участи, ожидающей людей его вѣры, совсѣмъ не располагаютъ меня къ веселью.

Епископъ услыхалъ эти слова, взглянулъ на Нефору и произнесъ съ достоинствомъ:

— Благодарю тебя, сострадательная госпожа, и молюсь, чтобы Богъ милосердія совершилъ для тебя самое благое изъ твоихъ желаній.

А Нефора встала съ мѣста, позвала свою рабыню, опустила руку въ висѣвшій у ея пояса длинный желтый шелковый кисетъ и, доставъ оттуда горсть золота, подала ее епископу съ словами:

— Возьми отъ меня для своихъ бѣдныхъ.

— Не безпокойся,—отвѣчалъ благодарно, отстраняя ея руку, епископъ,—тѣ, которые идутъ со мною, всѣ приготовились скоро умереть, и намъ теперь не надо золота.

— Значитъ, вы не надѣетесь сдвинуть гору?—спросилъ Дуназъ.

Епископъ молчалъ.

— Ты, однако, еще не отчаявайся,—вмѣшался правитель.—Ты помни слова, что «иногда и Гомеръ ошибался».

— Я ни въ чемъ не отчаяваюсь.

— Вотъ это прекрасно; но прослушай, пожалуйста, списокъ, въ который ты самъ записалъ всѣхъ лучшихъ людей вашей вѣры, и скажи мнѣ: неужто они всѣ до одного такъ единомысленны, что разомъ успѣли оставить Александрію? Гдѣ всѣ они дѣлись?

— Я ихъ не видѣлъ, и знаю только одно, что дома ихъ пусты.

— Иди же и береги тѣхъ остальныхъ, кто остался; ты мнѣ за нихъ отвѣчаешь. Завтра я пришлю къ твоему дому отрядъ биченосцевъ, чтобы сопровождать васъ къ горѣ Адеръ. Иди!

Епископъ поклонился и вышелъ; но Нефора, давъ ему

отдалиться отъ прочихъ, нагнала его у двери и сказала:

— Старикъ! я должна тебя предупредить: ты ошибся.

— Въ чемъ?

— Ты поименовалъ не всѣхъ надежныхъ и достойныхъ вниманія людей твоей вѣры!

Епископъ подумалъ, стараясь припомнить, и отвѣтилъ:

— Ручаюсь тебѣ, что я никого съ умысломъ не скрывалъ и другихъ христіанъ не помню.

— Нѣтъ, я вижу, что ты одного укрываешь!

— Скажи мнѣ, какъ его имя?

— Его имя Зенонъ.

— Зенонъ!

— Да!.. Онъ знаменитый художникъ... Его всякій знаетъ въ Александріи и не знать его невозможно.

— Ахъ, это кривой Зенонъ, златокузнецъ?

— Ты какъ будто насилу вспомнилъ его?

— Конечно, такъ это и есть: я его едва знаю.

— Какъ! ты едва знаешь Зенона, котораго знаетъ вся Александрія?

— Языческая Александрія!

— Почему же только одна «языческая»?

— Онъ дѣлаетъ ваятельныя изображенія.

— Но развѣ это дурно?

— Христіанину непристойно этимъ заниматься.

— Почему же? Развѣ искусство унижаетъ христіанина?

— Такъ постановилъ отецъ Агапитъ.

— Но, вѣдь, это безумно!

— Такъ постановилъ отецъ Агапитъ.

— Однако, все жъ Зенонъ вашей вѣры?

— Нѣтъ, мы его своимъ не считаемъ.

— Какъ нѣтъ? Развѣ онъ не вѣритъ ученію Распятаго?

— Ты, госпожа, не можешь объ этомъ судить.

— Я сужу по тому, что̀ видѣла, а я видѣла большое доказательство тому, что Зенонъ—христіанинъ. Посылай скорѣе за Зенономъ, спѣши за нимъ самъ, зови его съ собою.

— Онъ не пойдетъ.

— Нѣтъ, онъ пойдетъ, и если только гора можетъ сдвинуться и пойти, то одинъ Зенонъ ее и сдвинетъ. Но чтобы тебя убѣдить, жди меня: я приду къ тебѣ и разскажу тебѣ больше.

Епископъ ушелъ и не послалъ за Зеноном, а знатные гости продолжали пировать, пока въ темномъ небѣ начали блѣднѣть звѣзды и посеребреный луною уголъ пропалъ, слившись въ одинъ полумракъ съ остальными частями верхняго карниза. Гости хотя пили хіосское и фалернское вино въ смѣшеніи съ водой, но чувства ихъ быстро отяжелѣли. Дуназу показалось разъ, что луна исчезла. Онъ объ этомъ сказалъ и надъ нимъ посмѣялись. Правителю тоже показалось, будто на его лысый черепъ, разгоряченный виномъ, капнула холодная капля, но онъ только посмотрѣлъ на небо и, боясь быть смѣшнымъ, никому не сказалъ объ этомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Утро слѣдующаго дня, который предшествовалъ сдвиганію горы христіанами и вступленію войскъ для усмиренія жителей, было пасмурное, что рѣдко случается въ эту пору года въ Египтѣ. Дулъ вѣтерокъ и по небу слегка обозначались зачатки перистыхъ облачковъ. Людямъ, которые собирались къ Адеру, было легко и удобно отправляться туда и тамъ устраиваться.

Отъ города до Адера, по направленію къ Канопскому гирлу Нила, было день пути. Путь этотъ совершали какъ прогулку для большого удовольствія. Въ огромной толпѣ чисто египетскаго народа было множество заѣзжихъ разностранцевъ и осѣдлыхъ чужеземныхъ нашельцевъ. По дорогѣ люди подвигались безконечною вереницей; одни ѣхали на ослахъ, другіе на верблюдахъ, третьи въ колесницахъ, запряженныхъ мулами, но всего болѣе было пѣшеходовъ. Шли старцы и взрослые мужчины и женщины. Послѣднія тащили съ собою нагихъ дѣтей. Торговцы несли или везли на руч-

ныхъ телѣжкахъ тяжелыя корзины съ рыбами, съ пряными, испеченнымъ мясомъ, съ душистыми пряничными орѣхами и съ овощами, состоявшими бо́льшею частью изъ огромнѣйшихъ огурцовъ до фута длиною и изъ громадныхъ дынь, достигавшихъ до пуда вѣсомъ. Плоды эти были переложены листьями крапивы величиною въ двѣ человѣческія ладони. Другіе несли на головахъ огромные поливные сосуды почти въ ростъ человѣка. Узкія горла этихъ сосудовъ были заткнуты тоже свѣжими листьями крапивы и обвязаны пузыремъ. Въ этихъ сосудахъ содержалось сирійское вино, которое хотя было и грубо, но на простой вкусъ нравилось не хуже, чѣмъ людямъ высшаго класса нравилось вино изъ Хіоса или отъ подошвы Везувія. Пекаря двигали передъ собою длинныя ручныя телѣжки съ хлѣбами, у иныхъ наверху были привязаны таганы и котлы, и мѣшки съ рисомъ и чеснокомъ, чтобы варить на мѣстѣ похлебку. Все собиралось пить и веселиться, и торопилось на мѣсто, чтобы занять лучшую позицію. Съ нѣкоторыми были легкіе переносные шатры. Для богачей шатры были уже устроены ранѣе высланною къ Адеру прислугой, а большинство тащило свои легкіе шатры на ослахъ за собою. Особенно выдѣлялись группы, состоявшія изъ полунагихъ плясуновъ на канатѣ и фокусниковъ, которые тутъ же на ходу глотали живыхъ змѣй и дѣлали мимоходомъ другія удобныя представленія; но всѣхъ больше интересовали собою нарядныя цвѣточницы, вокругъ которыхъ неотступно вилась рѣзвая молодежь, увлекаясь прелестями и весельемъ этихъ нестрогихъ и прелестныхъ красавицъ. Самые знатные юноши, вырвавшись изъ города, гдѣ ихъ стѣсняли приличія, здѣсь чувствовали себя на свободѣ и не хотѣли уже ничѣмъ стѣсняться, а, напротивъ, предавались самымъ необузданнымъ увлеченіямъ своего возраста и темперамента. Цвѣточницы всѣ были молодыя женщины египетскаго типа, съ плосковатыми лбами, но живыя, веселыя, иногда остроумныя, красивыя, съ стройнымъ станомъ, пріятно округленными формами и замѣчательно упругимъ тѣломъ. Всѣ онѣ, какъ жрицы одного сла-

дострастнаго культа, были въ бѣлыхъ полупрозрачныхъ одеждахъ съ яркими цвѣтными каймами, и одежды эти держались у нихъ только на одномъ лѣвомъ плечѣ, оставляя всѣ руки и правую грудь вовсе открытыми. Но, впрочемъ, и все остальное ихъ тѣло сквозило изъ-подъ легкой прозрачной матеріи и раздражало взглядъ молодежи, рыскавшей среди нихъ на своихъ панонскихъ коняхъ, украшенныхъ перьями. Когда приближались къ нимъ эти блестящіе молодые люди, цвѣточницы имъ улыбались и предлагали имъ купить у нихъ вѣнки и букеты изъ апельсинныхъ цвѣтовъ и фіалокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подбрасывали передъ ними квитовое яблоко, служившее символомъ любви. Юноши плескали отъ восторга руками и покупали цвѣты и старались поймать и разломить брошенное имъ квитовое яблоко. Цвѣточницы подвигались впередъ не спѣша, останавливались, разбивали наскоро маленькіе и очень легкіе шелковые шатры, изъ которыхъ каждый могъ укрыть только двухъ человѣкъ. Подъ этими шатрами оставались на столько времени, сколько нужно было, чтобы съѣсть вдвоемъ квитовое яблоко.

Потомъ маленькій шатеръ снова свертывали и клали на спину осла, юноша отъѣзжалъ въ сторону на своемъ панонскомъ конѣ съ остриженною гривой, а цвѣточница присоединялась къ своему табору, гдѣ подруги ее встрѣчали рукоплесканіями и снабжали ее новыми цвѣтами и новымъ цѣлымъ квитовымъ яблокомъ.

Такъ весело шли, подвигаясь къ горѣ Адеръ, несмѣтныя толпы всякаго рода жителей Александріи, поспѣшавшія стать у Каноискаго гирла Нила наканунѣ дня, за которымъ должна наступить послѣдняя водная ночь. Эти люди хотѣли придти заблаговременно, устроиться таборомъ и пропировать долгій вечеръ въ свѣжей атмосферѣ рѣки и вкусить здѣсь все, что имъ могли предоставить свобода и покровъ темной ночи.

Знатные люди, которымъ ихъ положеніе не дозволяло смѣшаться съ толпою въ этомъ веселомъ канунѣ, должны были выѣхать сюда только вечеромъ, чтобы прибыть на зарѣ и прямо занять мѣста на огромномъ амфитеатрѣ, по-

строенномъ изъ бревенъ и досокъ, обитыхъ пестрыми тканями и коврами. Христіанъ же предположено было выслать подъ прикрытіемъ воиновъ и биченосцевъ въ полдень, такъ чтобъ они прибыли къ горѣ Адеръ ранѣе правителя и знатныхъ особъ и не имѣли возможности устроить какой-нибудь фальши, а равно не имѣли бы основанія и жаловаться на то, что имъ недостаточно дано времени помолиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

По возвращеніи домой послѣ пира у правителя, гдѣ Нефора видѣлась и говорила съ епископомъ, она бросилась въ постель, но, несмотря на поздній часъ ночи, не могла заснуть: извѣстіе о томъ, что отвергнаго ее художника Зенона нѣтъ въ числѣ христіанъ, которые должны явиться передвигателями горы и подвергнуться, по всѣмъ вѣроятіямъ, всеобщему посмѣянію, поразило Нефору и отогнало отъ нея покой. Значитъ, все, что она затѣяла и устроила для отмщенія Зенону, сдѣлано напрасно; Зенона это ничто не коснется, а причинитъ тревогу и гибель только другимъ людямъ, совсѣмъ постороннимъ, которые лично передъ Нефорою ни въ чемъ не виноваты, а художникъ Зенонъ останется жить въ прежнемъ покоѣ!.. И Пеохъ, и Бубаста своего достигнутъ, но Нефора ничего не достигнетъ,—она кругомъ обманута и все черезъ свою собственную необстоятельность. Проклятіе! Могла ли она этого ожидать? И что это у нихъ за различія, которыхъ невозможно понять?.. Рабыня-христіанка, которая была нянькой Нефоры, много говорила ей въ дѣтствѣ о своемъ Богѣ, который распятъ въ Іерусалимѣ. Нефора любила слушать, какъ Онъ *всѣхъ* сожалѣлъ и *всѣмъ* завѣщалъ, чтобы никто не дѣлалъ другому зла. Нефора плакала вмѣстѣ съ рабыней, когда та говорила, какъ Его выгоняли, много разъ хотѣли убить и, наконецъ-таки, убили. Онъ былъ цѣломудренъ и добръ, и завѣщалъ, чтобы всѣ любили другъ друга и прощали обиды. Она думала, что въ томъ все и дѣло. Кажется, такъ живетъ и Зе-

нонъ: что Тотъ сказалъ, этотъ Его завѣта слушается. То же, о чемъ говорилъ епископъ, ей совсѣмъ ново и непонятно. Это какъ будто что-то другое и, между тѣмъ, это портитъ весь планъ Нефоры. Зенонъ ускользаетъ... Завтра послѣдній день. Завтра подъ вечеръ надо ѣхать къ Адеру. Нефора отдала уже приказаніе своему домоправителю изготовить ей колесницы и ея рабыни разостлали на широкихъ коврахъ роскошный нарядъ, который будетъ украшать ее на одномъ изъ переднихъ мѣстъ амфитеатра. Нефора хотѣла перехитрить всѣхъ: и Пеоха, и Луиаза, и Бубасту, и самого правителя. Увѣренная въ томъ, что гора не сойдетъ съ своего мѣста и не пойдетъ въ воду, она была, несомнѣнно, увѣрена и въ томъ, что когда вѣра христіанъ будетъ этимъ унижена, то раздраженный и отчаянный народъ бросится на христіанъ и станетъ бросать ихъ въ Нилъ. Пеохъ и Бубаста дадутъ къ этому знакъ, и дѣло будетъ сдѣлано, а въ то самое время, какъ эти погибнутъ умилостивительною жертвой, Зенонъ будетъ спасенъ, потому что Нефора купила для него тайную охрану и помощь главы биченосцевъ. Его увезутъ къ ней въ ея имѣніе, дальше Пелузы, и она его найдетъ тамъ. Вѣдь она его любитъ, она хочетъ только унизить его вѣру, для которой онъ оскорбилъ ее, отвергнувъ предложенную ему любовь. У нея никто не отыщетъ Зенона; она его утаитъ отъ всѣхъ; онъ будетъ ея невольникъ, ея рабъ и... ея любовникъ... Или она будетъ его томить, терзать, мучить и... Она не знаетъ сама, чѣмъ это кончится, но это дастъ цѣну всей ея жизни... И вотъ вдругъ и совершенно неожиданно послѣ того, что она узнала отъ епископа, все это выйдетъ не такъ. Напрасно утонятъ много людей, а Зенонъ останется съ своею особенною вѣрой, которая, по увѣренію епископа, совсѣмъ даже и не то, что ихъ настоящая христіанская вѣра. И эта ошибка непоправима,—времени нѣтъ... Теперь и природа, и люди уснули, и Нефора должна тоже уснуть, чтобы завтра тѣло ея было бодро и сильно, а лицо ея ясно... Она должна скрыть отъ всѣхъ свою досадную ошибку и... она будетъ спать. Она

обняла рукой любимую кошку, закрыла глаза и перестала обо всемъ думать. Въ мысляхъ Нефоры наступила минута бездѣятельности и пустоты, но сейчасъ же опять прорѣзалось опредѣленное понятіе: ей жарко, — кошка слишкомъ сильно согрѣла ей грудь. Нефора отстранила рукой кошку и изъ пушистой шерсти звѣрка сверкнули и тихо щелкнули двѣ маленькія красныя искры. Молодая женщина переложила кошку къ своимъ ногамъ, и искры снова блеснули. Нефора обернулась лицомъ къ стѣнѣ и снова старалась заснуть, но въ стѣнѣ подъ ковромъ что-то шуршало. Духота увеличивалась; откуда-то доносилось докучное блеяніе верблюженка и въ отвѣтъ ему слышались трескучіе крики стараго верблюда. Не то, такъ другое постоянно мѣшало Нефорѣ заснуть. Едва умолкли верблюды, раздался противный голосъ павлина. Нефора протянула руку къ шелковому шнуру и отдернула занавѣсу; серебряные колокольчики, подшитые на бахромѣ, мелодически пророкотали и открыли широкое окно съ каменною рамой. На небѣ уже разсвѣтало. Утренній воздухъ сообщилъ Нефорѣ бодрость и у нея явилась смѣлая мысль еще разъ попытаться сдѣлать Зенона причастнымъ и тому, что̀ ожидалось. Она позвала служанку, быстро одѣлась и велѣла какъ можно скорѣе подвести ей къ крыльцу осѣдланнаго мула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Когда Нефора вышла и сѣла въ сѣдло, было еще сѣро и въ городѣ не слышно было никакого движенія, только глинистые голуби оправлялись спросонья на пестрой голубятнѣ и тоскливо ворковали, какъ будто они были чѣмъ-то недовольны.

Нефора покрылась темнымъ покрываломъ и велѣла проводнику вести мула по дорогѣ къ Мареотидскому озеру, гдѣ на берегу, въ извѣстной ей мѣстности, жилъ христіанскій епископъ.

На одномъ поворотѣ мимо глазъ Нефоры что-то мелькъ-

пуло и въ то же время проводникъ на нее оглянулся значительнымъ взглядомъ.

— Что это? спросила Нефора.

— Это нильскія ласточки.

— Такъ что же?

— Онѣ поспѣшаютъ... и держатся близко къ землѣ...

— Что-жъ это значитъ?

— Это бываетъ, когда... Но позволь, госпожа, я слышу большое движеніе... Позволь переждать здѣсь минуту... Народъ нынче ночью принесъ въ жертву чернаго ягненка у фарроской пещеры Пеоха и теперь провожаетъ старца... Смотри, вонъ уже видно—тамъ изъ-за угла выступаетъ высокій бѣлый верблюдъ подъ роскошнымъ ковромъ, на немъ ѣдетъ темный старикъ—это Пеохъ. Смотри, какъ онъ видимо святъ, какъ изнеможденно его тѣло. Обрати вниманіе: лоскуты у его препоясья подвязаны тростникомъ и осокой, но и этотъ утлый поясъ на немъ не порвется. Пеохъ много лѣтъ уже не выходилъ изъ своей фарроской пещеры, и теперь ѣдетъ, конечно, къ Канопскому гирлу, куда удаляется вся Александрія, чтобы смотрѣть, какъ суевѣрные люди, вѣрующіе въ распятаго Бога, будутъ сдвигать гору Адеръ. Народъ ночевалъ у пещеры Пеоха и теперь сопровождаетъ его толпою: тебя могутъ обидѣть, если ты не повелишь мнѣ остановиться и подождать, чтобы не переходить дороги святому человѣку.

— Остановись и пропусти ихъ.

И Нефора видѣла, какъ передъ нею прослѣдовалъ на бѣломъ верблюдѣ темнолицый, исхудалый, лобастый мемфитъ, окруженный несмѣтною толпой самой набожной черни. Здѣсь были люди, которые не искали легкомысленныхъ увеселеній въ ранѣе вышедшемъ таборѣ. Въ этой суровой толпѣ не было ни назойливыхъ продавцовъ рыбы, ни веселыхъ канатныхъ плясуновъ, ни фокусниковъ, ни красивыхъ цвѣточницъ, съ ихъ легкими ширмами, на маленькихъ осликахъ. Пеоха провожала фанатическая толпа мрачно глядѣвшихъ полунагихъ мужчинъ и женщинъ, которыя безпрестанно

поднимали надъ своими головами грудныхъ дѣтей, чтобы они могли видѣть Неоха. Черезъ это дѣти должны исцѣлиться отъ боли глазъ и отъ грыжъ, которыми многія изъ нихъ страдали отъ крика.

Нефора видѣла и изнеможденное темное тѣло нагого мемфита, и страшный взглядъ его глазъ съ больными вѣками и сверкавшими бѣлками.

Въ этой толпѣ опять тоже много собакъ и кошекъ, а сзади всѣхъ, верхомъ на старомъ верблюдѣ, сидѣла баба Бубаста; передъ нею на сѣдлѣ былъ взвязанъ еще живой черный баранъ съ вызолоченными рогами, среди которыхъ сверкалъ привязанный жертвенный ножъ.

Это было животное для второй, благодарственной жертвы, когда месть совершится у Канопскаго гирла.

Баба Бубаста узнала Нефору, показала ей рукою на ножъ и сказала:

— Мсти за себя, а въ каменоломнѣ услышатъ о мщеныи Бубасты.

Глядя на бабу Бубасту, всякій могъ бы признать справедливое замѣчаніе египетскаго царя Амазиса: «жены Египта мстивы и смѣлы: легче имѣть дѣло съ раздраженною львицей, чѣмъ съ обиженной египтянкой».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Нефора, пропустивъ шествіе, достигла жилища епископа, которое охраняли воины, имѣвшіе приказаніе отъ правителя: впускать только тѣхъ, кто самъ назоветъ себя христіаниномъ, или же тѣхъ, кого доставятъ сюда подъ надзоромъ полицейскіе биченосцы, которымъ приказано было вездѣ разыскать христіанъ, чтобы у Адера кружокъ ихъ не былъ малъ и незамѣтенъ. И биченосцы исполняли данное имъ повелѣніе. Хотя добровольно объявляться христіанами никто не приходилъ, но дворъ епископскій былъ полонъ насильно согнанныхъ людей обоего пола, которые страшно сѣтовали и плакали, и бранили епископа. Онъ же сидѣлъ,

склонивъ голову, и не только не отвѣчалъ на обиды, но даже, казалось, и не замѣчалъ, что̀ вокругъ него происходитъ. Лицо его было пасмурно и горько. Онъ такъ же, какъ Нефора, совсѣмъ не спалъ минувшую ночь и нервы его послѣ сильнаго возбужденія пришли въ состояніе притупленности. Въ такомъ же приблизительно состояніи были и сидѣвшіе близъ него пресвитеры и діаконы, изъ которыхъ послѣдніе безпрестанно отлучались, чтобы давать людямъ пищу.

Чтобы пройти на дворъ епископа, Нефорѣ оставалось одно средство — назвать себя христіанкой, что̀ она и сдѣлала, и воины, сторожившѐе входъ во дворъ, тотчасъ же ее пропустили, оставивъ снаружи подъ деревомъ ея мула и провожатаго.

Пробиваясь черезъ толпу людей, тѣснившихся въ неопредѣленномъ и раздраженномъ состояніи на дворѣ, Нефора видѣла множество плачущихъ женщинъ и дѣтей, и сердце ея сжалось; но когда она съ усиліемъ достигла въ покои епископа и увидала его окаменѣлое равнодушіе, это ее даже удивило. Увидѣвъ Нефору, онъ не выразилъ никакого особеннаго движенія и тотчасъ же перевелъ глаза на другой предметъ и сталъ потирать одну о другую свои старческія руки.

— Я пришла къ тебѣ по важному дѣлу, заговорила, нѣсколько поспѣшая и оглядываясь по сторонамъ, Нефора.

Епископъ молчалъ.

— Я хотѣла бы сказать тебѣ что-то наединѣ.

— Развѣ ты христіанка.

— Да, я христіанка.

— Но... мнѣ кажется... я видѣлъ тебя вчера на пиру у правителя... Ты была его гостьей.

— Да, ты меня видѣлъ. Я тамъ была... я хотѣла все знать, что̀ они думаютъ сдѣлать.

— Что же ты хочешь?

— Я страшусь за то, что съ вами случится, если вы не сдвинете гору.

Окружавшіе епископа пресвитеры, услыхавъ такія сердобольныя слова, тихо толкнули другъ друга и прошептали.

— Ее надо выслушать.

— Говори же при нихъ; они всѣ хотятъ тебя слушать! отозвался епископъ.

Нефора, увидавъ, что епископъ не избѣгаетъ присутствующихъ, и сама не стала таиться и заговорила открыто:

— Я удивляюсь тому, что не вижу между вами человѣка, который вамъ могъ бы оказать всего болѣе пользы въ эту пору.

— Кто же онъ такой? Вѣроятно, онъ не нашъ, или онъ теперь отрекся?

— Нѣтъ, онъ преданъ христіанскому ученію и онъ не таковъ, чтобы отречься.

— Назови же скорѣй его имя.

— Художникъ Зенонъ.

И едва лишь Нефора произнесла это имя, какъ всѣ заговорили наперебой:

— Какъ! знаменитый Зенонъ-златокузнецъ!

— Зенонъ, пріятель знатныхъ людей!

— Первый мастеръ въ Египтѣ! Зенонъ, въ которомъ живетъ душа Ѳеодора, скульптора царя Амазиса!

— Зенонъ кривой, съ повязкой на лѣвомъ глазу, который онъ потерялъ вдругъ, отъ неизвѣстной причины!

— Да, да, да; это онъ, тотъ самый Зенонъ,—Зенонъ златокузнецъ, котораго знаетъ и привѣчаетъ вся знать, въ которомъ воскресло искусство скульптора царя Амазиса; это Зенонъ съ голубою повязкой на лѣвомъ глазу, который онъ утратилъ вдругъ и отъ никому неизвѣстной причины. Онъ скрываетъ эту причину...

— Да, да; онъ не говоритъ о ней никому:

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! Онъ долженъ ее скрывать... А я ее знаю! сказала Нефора.

— Она знаетъ причину, которую отъ всѣхъ скрываетъ Зенонъ! Слушайте!

— Это любопытно.

— Но это не идетъ теперь къ нашему положенію и къ нашему дѣлу.

— Нѣтъ, именно это идетъ теперь къ вашему дѣлу. Зенонъ—тотъ человѣкъ, который вамъ нуженъ... Зенонъ васъ можетъ спасти!

— Что она говоритъ? Что говоритъ вамъ госпожа? закричали на дворѣ люди, толпившіеся у веранды, на которой Нефора говорила съ епископомъ и пресвитерами, и многіе стали всходить на ступени.

— Не толпитесь сюда, иначе вы всѣхъ насъ собьете съ мѣста! закричалъ одинъ изъ пресвитеровъ. — Стойте смирно, и я разскажу вамъ, въ чемъ дѣло. Эта госпожа христіанка; она пришла сюда къ намъ сама, безъ принужденія, и говоритъ, что знаетъ человѣка, который можетъ сдѣлать, чтобы гора сдвинулась съ мѣста и пошла въ воду...

Но едва лишь пресвитеръ сказалъ это, послышался гулъ голосовъ и всѣ люди бросились на террасу и закричали:

— Пусть она всѣмъ намъ говоритъ!.. Мы не хотимъ погибать, мы всѣ хотимъ слышать, что она скажетъ!

Терраса покрылась людьми, пресвитеры были смяты, а епископъ, покинувъ свое кресло съ высокой спинкой, поспѣшно скрылся въ двери внутреннихъ комнатъ. Нефора же мгновенно встала на его опустѣвшее кресло и, взявшись одною рукой за верхнее украшеніе его спинки, подняла другую свою руку кверху и громко сказала:

— Молчите!

Гулъ народа утихъ и всѣ замолчали.

— Хороша я? спросила Нефора.

Ей никто ничего не отвѣтилъ.

— Я не прельщать васъ пришла, но хочу разсказывать вамъ о дѣлѣ.

— Ты прекрасна!

— Ты прельстишь кого хочешь! раздались голоса изъ народа.

— Ты даже можешь заставить забыть страхъ въ виду неминуемой смерти, произнесъ голосъ вблизи самаго кресла, на которомъ стояла Нефора.

— Но все это безсильно было надъ тѣмъ, кого я назову вамъ: Зенонъ художникъ пренебрегъ моею красотой для словъ вашего Бога... Онъ оттолкнулъ меня и, чтобы не видѣть моей красоты, которую я ему отдавала, онъ вонзилъ при мнѣ ножъ себѣ въ глазъ. Вотъ отчего окривѣлъ вашъ великій Зенонъ-златокузнецъ, вотъ какъ сильна его вѣра! Зовите скорѣе его, и если не ложно, что человѣкъ съ вѣрою можетъ сдвинуть гору, то Зенонъ сдвинетъ гору.

— Да, да, кто такъ твердъ, какъ Зенонъ, тотъ сдвинетъ гору!.. Гдѣ же онъ, гдѣ? Мы призываемъ Зенона!

Тогда Нефора сказала діакону:

— Напиши поскорѣе извѣстіе Зенону и брось свитокъ со стѣны моему рабу, который стоитъ съ осѣдланнымъ муломъ подъ деревомъ по ту сторону запертыхъ воротъ. Пусть онъ спѣшитъ къ Зенону, не жалѣя мула, и вы увидите, что прежде чѣмъ придутъ биченосцы, чтобы гнать васъ оцѣпленными веревкою къ Адеру, Зенонъ будетъ здѣсь, и сердца ваши утѣшатся, а я остаюсь съ вами залогомъ моего обѣщанія.

Все такъ и сдѣлалось, какъ сказала Нефора. Волненіе народа было такъ велико, что ни епископъ, ни пресвитеры уже ни во что не вступались и надъ всѣмъ положеніемъ царила Нефора, на которую всѣ хотѣли смотрѣть и ее слушали. Діаконъ нашелъ трость и папирусъ и написалъ дрожащею рукой: «Зенонъ! Люди въ смертной бѣдѣ тебя призываютъ. Приди, облегчи или раздѣли съ ними ихъ участь». Рабъ Нефоры съ этою запиской поѣхалъ къ Зенону и всѣ стали ждать: придетъ ли художникъ и будетъ ли приходъ его во-время, прежде чѣмъ прибудетъ отрядъ биченосцевъ, которые выгонятъ ихъ къ горѣ Адеръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Встревоженные люди безпрестанно мѣняли свое настроеніе, переходя отъ надежды къ отчаянію: то они вѣрили, что Зенонъ придетъ, и при немъ, какъ при человѣкѣ, который хорошо знакомъ всѣмъ знатнымъ людямъ, суровость правителя измѣнится; то говорили: «что̀ можетъ заставить Зенона покинуть спокойную жизнь и отдать себя добровольно нашей печальной судьбѣ?» Епископъ и его приближенные люди тоже считали это совсѣмъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что они и не считали Зенона за христіанина.

— Онъ, разсуждали они, — знаетъ, что мы съ нимъ несогласны. Ему нѣтъ дѣла до чуда, котораго отъ насъ требуютъ. Онъ не пойдетъ съ нами на муки.

Въ этихъ сомнѣніяхъ прошло довольно времени и уныніе усиливалось, а за часъ до полудня люди, глядѣвшіе въ городъ со стѣны, замахали руками и закричали:

— Идутъ биченосцы!.. и многіе упали въ страхѣ на землю.

Но одинъ человѣкъ, который не успѣлъ соскочить вмѣстѣ съ другими, замѣтилъ, что съ другой стороны во весь скокъ несся верхомъ на красногнѣдомъ конѣ молодой статный всадникъ съ непокрытою головой, остриженною по греческой модѣ, и съ повязкой черезъ лѣвое око.

— Братья! воскликнулъ увидѣвшій всадника человѣкъ,— мы спасены: къ намъ скачетъ Зенонъ златокузнецъ.

И Зенонъ въ самомъ дѣлѣ опередилъ биченосцевъ, бросилъ поводья коня, соскочилъ и вскричалъ громко стражѣ:

— Откройте двери и впустите меня: я христіанинъ; я хочу быть съ тѣми, которые будутъ страдать!

Ворота раскрылись и стража впустила Зенона.

Толпа христіанъ мгновенно его окружила и всѣ старались ему наперерывъ говорить, а онъ не могъ никому отвѣчать и шелъ между ними спокойно и тихо всѣмъ повторялъ:

— Не бойтесь!.. Христосъ среди насъ... Почтимъ слова Его послушаньемъ... Умремъ за нашего Учителя!

— Умремъ, если нужно, умремъ! прокатило въ народѣ.

Зенонъ сталъ обнимать и цѣловать людей направо и налѣво.

Нефора смотрѣла на Зенона съ высоты террасы и любовалась спокойствіемъ его походки и движеній его рукъ, которыми онъ то обнималъ, то ласкалъ людей, бросавшихся къ нему со стенаньемъ и воплями.

Душа этого человѣка точно не знала страха, и Нефорѣ казалось, что она видитъ не мученика, который готовится встрѣтить скоро униженіе и смерть, а актера, — такъ всякое движеніе Зенона было красиво и нѣжно, а въ то же время исполнено достоинства и силы.

Увидѣвъ Нефору, Зенонъ на мгновенье остановился. Присутствіе ея здѣсь удивило его, но онъ тотчасъ же оправился, поднялъ руку къ своему выколотому глазу, поправилъ повязку и пошелъ безостановочно дальше въ покои, гдѣ былъ епископъ. Тамъ Зенонъ оставался минуту и, снова выйдя на террасу, сказалъ:

— Братья и сестры! если силенъ и бодръ духъ, въ васъ живущій, пусть насъ не ведутъ,—пойдемъ лучше сами. Я извѣстенъ правителю и сейчасъ пойду къ нему и упрошу его, чтобы онъ дозволилъ намъ идти къ горѣ Адеру однимъ, безъ надзора его биченосцевъ.

— Это зачѣмъ же? проговорило нѣсколько голосовъ.

— Для того, чтобы всѣ видѣли, что мы идемъ доброю волей, а не по принужденію.

Люди молчали, но изъ толпы вышелъ одинъ шерстобитъ, по имени Малафей, и, лукаво взглянувши въ лицо Зенона, сказалъ:

— Я тебя понимаю. Иди и проси. Поклянись, что мы пойдемъ сами.

— Я не знаю, какъ ты меня понимаешь, но я клясться не стану. Намъ не дозволено клясться, но я скажу, что мы не унизимъ имени Христова.

Тогда всѣ закричали:

— Да, да! прекрасно! Иди, братъ нашъ Зенонъ, иди и давай за насъ слово, что мы не посрамимъ имени Христова.

— Но только вернешься ли ты самъ къ намъ? спросилъ Малафей шерстобитъ.

Зенонъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, которыхъ бы я могъ вамъ оставить заложниками; но я не лгу: я — христіанинъ.

— Страхъ дѣйствуетъ на всякаго, и было бы лучше, если бы ты оставилъ заложника.

— Я остаюсь залогомъ, что Зенонъ вернется! вскричала Нефора.

Зенонъ на нее оглянулся и молвилъ:

— Благодарю тебя. Мнѣ нуженъ всего только одинъ часъ времени. Но если случится...

— Если ты черезъ часъ не вернешься, пусть они растерзаютъ меня на этомъ помостѣ, досказала Нефора.

Зенонъ протянулъ ей руку и пожалъ ее сердечнымъ пожатіемъ.

Стража выпустила Зенона съ однимъ изъ биченосцевъ, но еще до истеченія часа художникъ вернулся одинъ, имѣя въ рукахъ папирусъ, на которомъ для христіанъ написанъ былъ пропускъ къ горѣ безъ всякаго караула.

Биченосцы предъ нимъ раскрыли ворота и они вышли свободно. Впереди шелъ больной епископъ, а его подъ руки поддерживали Зенонъ и женщина въ темномъ покровѣ.

Это была Нефора.

Пока они шли городомъ, она не поднимала съ головы своего покрывала и многіе спрашивали: кто это такая? Христіане же, проходя, отвѣчали: это новая христіанка! Но потомъ сами себя вопрошали: гдѣ и когда эта женщина крестилась? Какъ ея христіанское имя? Зенонъ долженъ знать о ней все, но неизвѣстно и то, гдѣ принялъ вѣру Зенонъ... Только теперь неудобно было ихъ разспрашивать, такъ какъ

они идутъ впереди бодрѣе всѣхъ и на ихъ плечи опирается ослабѣвшій епископъ...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Межъ тѣмъ какъ свободно вышедшіе христіане пошли къ Адеру, передъ вечеромъ изъ Александріи выступала въ томъ же направленіи къ Канопскому гирлу третья группа путешественниковъ. Эта опять представляла собою совсѣмъ не то, что шумный таборъ ткачей и шерстобитовъ и веселыхъ зрителей съ фокусниками, плясунами и цвѣточницами, и не то, что представляла собою вышедшая вторая кучка пріунывшихъ христіанъ. Теперешняя группа отличалась важностью: это были знатныя лица и ихъ свита.

Впереди всѣхъ показались изъ воротъ на канопской дорогѣ египетскіе и греческіе воины, взаимно ненавидѣвшіе другъ друга; за ними купцы въ однообразныхъ одеждахъ съ пестрою бахромой. За купцами египетскіе жрецы, въ болѣе длинныхъ, но тоже однообразныхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ драгоцѣнными перевязями, въ однообразныхъ же широкихъ шейныхъ украшеніяхъ, въ повязкахъ и съ фальшивыми черными локонами, ниспадавшими на ихъ шеи и на спины. За длинноволосыми жрецами, также въ строгомъ порядкѣ, шли другіе жрецы, у которыхъ головы были тщательно выбриты. За этими, отступя, шелъ старшій жрецъ, у котораго сіялъ на груди сафирный амулетъ.

У всѣхъ жрецовъ въ рукахъ были длинные серебряные посохи съ бѣлыми цвѣтами лотоса въ набалдашникѣ; у старшаго жреца посохъ былъ золотой и серебряный цвѣтокъ лотоса окруженъ пукомъ страусовыхъ перьевъ. Отъ ихъ одеждъ и париковъ далеко разносился запахъ мускуса. За жрецами шли чиновники, а потомъ факелоносцы, биченосцы, разстилатели ковровъ, жезлоносцы, виночерпіи и хлѣбодары, а за этими слѣдовали на мулахъ однообразно раскрашенныя двухколески, на которыхъ помѣщались яркораспвѣченные корзины и боченки; за хлѣбодарами высту-

пали, въ огромныхъ высокихъ колпакахъ, родовспомогатели и глазные врачи, за ними—одѣватели и раздѣватели, потомъ торжественные пѣвцы и народныя танцовщицы, болѣе скромныя, чѣмъ цвѣточницы, но одѣтыя, впрочемъ, безъ лифовъ, въ однѣхъ лишь прозрачныхъ и легкихъ коротенькихъ юбкахъ; потомъ сотрапезники вмѣстѣ обоего пола, въ свободныхъ и разнообразныхъ нарядахъ и съ иною свободой движеній, но съ однообразіемъ вѣявшей около нихъ атмосферы мускуса. За этою чрезвычайно большою вереницей пѣшихъ людей слѣдовалъ самъ правитель на прекрасномъ низейскомъ конѣ, у котораго хвость и грива были подстрижены, а самъ конь весь искусно выкрашенъ голубою краской.

Самъ правитель былъ въ красномъ съ золотомъ широкомъ и длинномъ плащѣ, а сѣдло, и узда, и поводья его коня всѣ тиснены золотомъ и съ золотою бахромой.

За нимъ слѣдовала его колесница изъ чернаго дерева съ слоновою костью, съ серебрянымъ дышломъ и такою же серебряною оковкой колесъ. Въ эту колесницу была впряжена четверка вороныхъ коней—прямыхъ и чистокровныхъ потомковъ коней фараоновъ. Ихъ сбруя была изъ золотистаго шелка, а ихъ остриженныя гривы и чолки покрыты тончайшими золотыми сѣтками работы Зенона. Эта колесница была пуста, потому что она была приготовлена для Нефоры, но Нефоры никто не могъ отыскать передъ выѣздомъ, и ея внезапное исчезновеніе смущало правителя и было предметомъ толковъ у знати. За пустою колесницей Нефоры слѣдовало множество другихъ, также парадныхъ закрытыхъ колесницъ, въ которыхъ ѣхали женщины, и потомъ музыканты и барабанщики, и сзади всѣхъ опять въ высокихъ колпакахъ биченосцы, которые равнодушно щелкали своими длинными палками направо и налѣво, гдѣ шелъ какой-нибудь споръ или просто раздавался сколько-нибудь оживленный говоръ въ толпѣ, собравшейся посмотрѣть на шествіе знатныхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Огромный городъ теперь казался почти опустѣвшимъ. Многіе дома совсѣмъ были заперты, въ другихъ оставались только больные да слуги, оставленные для присмотра. Огни вездѣ рано погасли и скоро настала повсемѣстная тишина. Луна свѣтила надъ совершенно опустѣвшими улицами; въ созвѣздіи Пса ярко горѣлъ Сиріусъ. На круглую площадь между Воротами Солнца и Воротами Луны вышли три звѣздочета въ длинныхъ желтыхъ хитонахъ. Двое изъ нихъ были глубокіе старцы, а третій немного моложе. Они долго смотрѣли на небо, гдѣ сверкалъ Сиріусъ, потомъ на принесенныя съ собою таблицы, и потомъ всѣ въ-разъ хлопнули ладонями и вытянули впередъ свои руки, какъ будто бы что-то отъ себя отстраняли. Такъ обыкновенно египтяне молились. Затѣмъ звѣздочеты вздохнули, произнесли слово: «поздно» и, подхвативъ полы своихъ одеждъ, пошли быстро къ своимъ домамъ и крѣпко закрыли за собой свои двери.

Въ обширныхъ, опустѣлыхъ палатахъ правителя отдавало теперь чѣмъ-то невыносимо жуткимъ. Когда оставшійся при домѣ правителя хлѣбодаръ, старый рабъ изъ Вавилона, вошелъ въ столовую, чтобы убирать несъѣденныя гостями кушанья и недопитыя вина, ему показалось, что по стѣнамъ открытой столовой движутся тѣни. Или это луна свѣтитъ нынче совсѣмъ необыкновенно.

— Да, сказалъ онъ себѣ, — что-то неладно на небѣ. Не это ли самое и служитъ причиной, что я чувствую тяжесть и ощущаю во рту горькій вкусъ хрѣна? Или, быть можетъ, это оттого, что я всѣ эти дни очень много хлопоталъ и сегодня всталъ очень рано?.. Какіе ненавистные люди эти христіане! Для чего въ самомъ дѣлѣ они сбавляютъ цѣны на работу и дѣлаютъ тѣмъ непріятности намъ, серьезно занятымъ людямъ? Впрочемъ, теперь я могу о нихъ позабыть и попировать одинъ на свободѣ: вино, особенно хорошее, цѣльное вино отъ Везувія вкусно, только никогда

бы не надобно портить его водою по греческой модѣ. Хорошее вино должно помогать во всѣхъ случаяхъ жизни. Я сяду на мѣсто моего господина и буду пробовать хорошія вина изъ его чаши.

И онъ не сталъ портить водою вина по греческой модѣ, а, усѣвшись въ спокойное кресло своего господина, подвинулъ къ себѣ сосуды съ фалернскимъ, хіосскимъ, антильскимъ и кипрскимъ виномъ и началъ лѣчиться отъ горькаго вкуса. Предавшись сравненію достоинства разныхъ винъ, онъ не замѣтилъ, какъ въ этомъ занятіи время быстро летѣло и безпорядокъ на небѣ усиливался. Серебристый свѣтъ луны все слабѣлъ и вдругъ совершенно исчезъ, и на темя хлѣбодара, которое было такъ же голо, какъ темя его господина, капнула холодная капля. Хлѣбодаръ отеръ рукой эту каплю и шутливо подумалъ: «О, Ариманъ, Ариманъ, для чего ты такъ сердишься? Не плюй на меня, дай мнѣ насладиться моимъ положеніемъ. И тоже выпусти, пожалуйста, опять луну на небо... Я еще совершу въ твою честь возліяніе... Вотъ и хорошо!..»

Луна, въ самомъ дѣлѣ, снова свѣтила. Хлѣбодаръ это видѣлъ, но зато въ головѣ у него стоялъ звонъ, а въ воздухѣ что-то шумѣло. Чтобы поправить свое состояніе, хлѣбодаръ выпилъ еще большой кубокъ вина, и это его такъ успокоило, что онъ склонилъ голову на руки и, зѣвнувъ крѣпко, уснулъ сразу. И хорошо ему спалось! Ему снилось веселое дѣтство, знойное солнце долины Евфрата, Кунакай, путь десяти тысячъ грековъ, красивые отроки съ открытыми шеями и веселыми глазками, онъ бѣгалъ съ ними, ловилъ ихъ, но они смѣялись надъ нимъ и отъ него убѣгали, но вдругъ ихъ игры увидала его жена египтянка и кинулась на него въ неистовомъ безуміи. Властолюбивая и ничѣмъ не сдерживаемая, какъ всѣ египтянки, она совершаетъ надъ нимъ что-то ужасное: онъ чувствуетъ какъ она его треплетъ, такъ, что и земля колеблется подъ его ногами, и столъ дрожитъ подъ его головою, а кругомъ все грохочетъ, все полно огня и воды, огонь смѣшался съ водою и въ такомъ неесте-

ственномъ соединеніи вмѣстѣ наполняютъ открытую комнату, а мокрое небо, какъ гигантская тряпка, то виснетъ, то вздуется, то рвется, то треплетъ, хлопая и по немъ и по сосудамъ съ виномъ, и все разбиваетъ вдребезги, все швыряетъ впотьмахъ—и блюда, и кубки, и сопровождаетъ свое неистовство звономъ колокольчиковъ, пришитыхъ къ краямъ сдвижной занавѣски, и трескомъ лопающейся мокрой шелковой матеріи.

Къ сожалѣнію, все это не былъ сонъ: все это происходило на дѣлѣ, хотя не совсѣмъ такъ, какъ казалось въ опьянѣвшей головѣ хлѣбодара. Страшнѣйшая гроза и ужаснѣйшій ливень, о какихъ люди не имѣютъ понятія въ Европѣ и которые составляютъ рѣдчайшія явленія въ Египтѣ, разразились надъ Александріей. Ужасная туча примчалась на крыльяхъ разрушительной бури, — молніи рѣяли во всѣхъ направленіяхъ, а въ промежуткахъ ихъ не было видно ни зги. Хлѣбодаръ не могъ различить: была ли теперь ночь или утро; вода лилась потокомъ, было темно, и вѣтеръ хлесталъ по всей комнатѣ сорванною съ прутьевъ потолочною занавѣсой. На плитахъ пола бушевала вода по колѣно и въ ней плавали подушки съ сидѣній и разная домашняя утварь. Подъ мокрою занавѣсой можно было задохнуться. Хлѣбодаръ взвылъ отчаяннымъ голосомъ и бросился искать спасенія подъ крытымъ порталомъ.

Здѣсь онъ спрятался за колонны и замеръ, снова утративъ сознаніе отъ страха.

Недаромъ, значитъ, вчера въ пьяныхъ глазахъ Дуназа исчезала луна; недаромъ капнула капля воды на голову пировавшаго правителя; недаромъ безпокойно перекликались ночью верблюды, мѣшавшіе спать спокойно Нефорѣ; не безъ причины ея проводникъ обратилъ вниманіе на низко летѣвшихъ нильскихъ ласточекъ. Всѣ они чувствовали приближеніе могущественнаго явленія, котораго не ожидали люди и которое звѣздочеты отмѣтили «поздно» и поспѣшили запереть свои двери.

Когда пронесся ужасный ураганъ и ливень сталъ утп-

хать, хлѣбодаръ очнулся, вышелъ на дворъ и сталъ, прислонясь на колеблющихся ногахъ къ стѣнѣ, и такъ оставался долгое время, глядя вокругъ помутившимися глазами и оттопыривъ впередъ толстыя губы.

Ничего онъ не узнавалъ изъ того, что привыкъ видѣть, выходя по утрамъ обозрѣвать домовитый дворъ своего именитаго господина: всегда обыкновенно стройное хозяйство представляло теперь полный хаосъ. На дворѣ плавали скамьи, двери, запасныя колесницы и разная рухлядь, а также забитыя дождемъ и утонувшія куры и павлины, и въ числѣ этихъ разныхъ плавающихъ мертвыхъ птицъ хлѣбодаръ замѣтилъ тоже письмоноснаго голубя.

Хлѣбодаръ по вдохновенію почувствовалъ что-то недоброе: онъ сейчасъ же спустился по колѣно въ воду, взялъ птицу въ руки, отыскалъ у нея подъ шейкою слюдяную трубку и, доставъ изъ нея крошечную полоску папируса, прочиталъ ее и, закричавъ благимъ матомъ, кинулся бѣжать къ домику, гдѣ было его жилище.

Здѣсь онъ нашелъ помощь у своей жены, которая съ перепуга и радости, что видитъ мужа живого, изо всей силы ударила его по головѣ и, вырвавъ изъ его рукъ слюдяную цидулку, прочла въ ней очень короткое, но роковое извѣстіе: «Суда разбиты въ виду Лохіаса».

Теперь и жена оттопырила губы точно такъ же, какъ мужъ, и точно такъ же, какъ онъ, сѣла противъ него на скамейку и оба шептали другъ другу:

— Что теперь будетъ?

Наконецъ, на хлѣбодара нашло осѣненіе, онъ всталъ, приложилъ ко лбу палецъ и, подумавъ, отвѣтилъ:

— Я не знаю, что будетъ, но я догадался, что это было!

— А что именно было? спросила жена.

— Было то, что христіане сдвинули гору!

— Ты, вѣрно, до сихъ поръ еще пьянъ?

— Да. Ты въ этомъ совершенно такъ же не ошибаешься, какъ я не ошибаюсь въ томъ, что они сдвинули гору.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Толпы народа, выступившія раньше, чѣмъ вышелъ великолѣпный дворъ правителя, пришли къ назначенной горѣ неодновременно и расположились различно. Веселая толпа, имѣвшая среди себя цвѣточницъ, музыкантовъ, продавцовъ рыбы и фокусниковъ, пришла не первая. Ее опередили люди, приплывшіе сюда на судахъ, которыя стояли уже на рѣкѣ въ виду горы Адеръ. Богатые люди, приплывшіе на ярко-раскрашенныхъ судахъ, съ крокодилами на носахъ и подъ парусами пурпурнаго и голубого цвѣта, размѣстились въ амфитеатрѣ; а бѣдные люди, приплывшіе на толстодонныхъ ладьяхъ подъ парусами изъ сѣраго или коричневаго полотна, расположились прямо на землѣ. Это былъ огромный чернорабочій лагерь, въ сторонѣ отъ обитыхъ коврами деревянныхъ скамей и навѣсовъ, устроенныхъ для ожидаемой большой публики. Чернь и гуляки, которые дошли сюда табором, не искали сближенія со знатью. Они находили въ самихъ себѣ довольно всего, что нужно было для ихъ забавы и радости. Таборъ ихъ теперь представлялъ чрезвычайно большое оживленіе: здѣсь пылали костры, кипѣли котлы съ рыбой, пили вино и плясали; фокусники лили изъ одного сосуда воду и кровь, пускали изъ рукава лебедей, а когда народъ слишкомъ надвигалъ на нихъ и стѣснялъ ихъ арену, они бросали на землю вишневые жезлы, собранные изъ мелкихъ штучекъ, искусно нанизанныхъ на тонкую струну, и когда брали эти жезлы искусною рукой за конецъ, то жезлы изгибались и вертѣлись какъ змѣи. Народъ разбѣгался съ крикомъ и хохотомъ. Два или три эѳіопа изъ «дрянного народа кушъ» водили красивыхъ и проворныхъ верблюдовъ изъ породы «мегари» и заставляли ихъ танцовать. На тѣхъ, кто не умѣлъ оцѣнить искусства верблюдовъ, эти ученыя животныя умѣли плюнуть, и это тоже возбуждало всеобщій хохотъ. Но танцы мегари больше всего привлекали только дѣтей и женщинъ.

Мужчины всякаго возраста наперебой рвались къ палаткамъ цвѣточницъ. Въ широко раскинувшемся таборѣ слышались самые разнообразные музыкальные звуки: здѣсь гудѣли сильныя мидійскія трубы, тамъ раздавалась нѣжная фригійская флейта; въ третьемъ мѣстѣ бряцали іудейскіе кимвалы и рокотали арфы; можно было отличать также звуки пафлагонскихъ тамбуриновъ, сирійскихъ бубновъ, индійскихъ раковинъ и арійскихъ барабановъ. Среди пришлыхъ горожанъ ходили крестьяне изъ ближнихъ мѣстъ: эти были одѣты въ неподпоясанныя длинныя рубашки, и носили въ кувшинахъ на продажу свѣжую воду. Появились также, какъ на ристалищѣ, закладчики: они тихо разъѣзжали на старыхъ ослахъ съ мѣшками монетъ и съ таблицами, на которыхъ спорщики, державшіе пари за ту или другую сторону, записывали предлагаемые заклады. Между закладчиками были эллины, персы и евреи; всѣ они были совершенно равнодушны къ тому, что случится, и предлагали идти объ закладъ и за то, что гора двинется, и за то, что она не двинется. Записывали и другіе заклады: за то, напримѣръ, разрѣшитъ ли правитель избить всѣхъ христіанъ, когда гора не пойдетъ, или онъ велитъ бросить въ Нилъ только одного изъ нихъ — самаго главнаго, а остальныхъ всѣхъ пошлетъ съ приговорами за поясами въ гранитныя каменоломни Ассуна. Одни держали заклады за одно, а другіе — за другое. Портовый, международный городъ выдвинулъ весь свой пестрый сбродъ, и все это вмѣстѣ съ сверканіемъ огней, конскимъ ржаніемъ и съ криками разгулявшагося на просторѣ народа, производило опьяняющее впечатлѣніе. Все это поднималось и рдѣло, какъ воспаленный нарывъ, которому нужно гдѣ-то прорваться. Ночь улетала въ дикомъ разгулѣ; многіе, упившись виномъ, спали у догоравшихъ костровъ; другіе еще не спали, но и не замѣчали, какъ на небѣ нѣсколько разъ скралась луна. Надо было еще-что-нибудь, чтобы совсѣмъ отвести глаза въ темный уголъ. И вотъ это случилось. Подъ шелковою палаткой одной изъ цвѣточницъ послышался раздирающій вопль

и вслѣдъ затѣмъ что-то тяжелое рухнуло между палатокъ. Это одинъ человѣкъ могучею рукой убилъ другого и выбросилъ на землю его мертвое тѣло. Послышался крикъ: «убиваютъ эллины!» — другимъ показалось, будто «убиваютъ эллиновъ». Мгновенно призывные крики покрыли всѣ музыкальные звуки, сверкнули ножи, люди бросились другъ на друга; биченосцы спросонья напрасно старались возстановить покой и порядокъ. Безпощадно убиваемые люди падали подъ ударами эллинскихъ ножей и еще больше подъ ударами тупыхъ египетскихъ кольевъ. И все это произошло въ густой тьмѣ, при сильномъ шумѣ налетѣвшей внезапно бури и при ужасномъ, необыкновенномъ трескѣ, который раздался съ рѣки, гдѣ стояли прибывшія плоскодонныя суда съ ибисовыми носами и длинными рыбьими хвостами вмѣсто кормы. Страшный вѣтеръ развелъ большое волненіе, и суда взметались, ударяясь одно о другое: ихъ ибисовые носы и рыбьи хвосты ломались, а высокія мачты, качаясь, махали неубранными парусами, какъ сражающіеся великаны. Наконецъ зарѣяли молоньи, загремѣлъ громъ и ударилъ ливень, какъ будто цѣлый океанъ упалъ съ неба на землю. Съ горъ помчались сокрушительные потоки, въ долинахъ все обхватило и залило водою.

Пеохъ и его изувѣры, которые обошли общее мѣсто и удалились въ ровъ, гдѣ хотѣли быть скрыты до времени, когда христіане примутъ тотъ срамъ, для котораго Пеохъ научилъ ихъ вывести, подверглись самой большой опасности. Ихъ черный ягненокъ съ жертвеннымъ ножомъ между рогами былъ у нихъ отнятъ мутными волнами, и самимъ имъ угрожала смерть въ тѣхъ же волнахъ, хлынувшихъ со всей горы Адеръ.

Знатные путники еще не достигли горы, когда разразилась буря. Ливень засталъ ихъ на открытомъ полѣ, гдѣ они были облиты и лежали въ водѣ, не чая конца наводненію.

Въ положеніи христіанъ было нѣчто гораздо болѣе сложное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Отрядъ христіанъ шелъ, такъ сказать, истаевая. Отъ самыхъ Канопскихъ воротъ, черезъ которыя они вышли изъ города, число слѣдующихъ за епископомъ все уменьшалось, а число отстающихъ увеличивалось. Одни падали на землю и говорили, что не могутъ дальше идти отъ болей въ ногахъ или отъ рѣзи въ желудкѣ, а другіе просто садились и плакали. Не было никакой возможности заставить ихъ идти далѣе. Шерстобитъ Малафей подалъ мнѣніе, чтобы для страха другимъ пришибить притворщиковъ камнемъ, но Зенонъ за нихъ заступался и говорилъ, что никого не надо неволить. Онъ говорилъ, что дѣло не во множествѣ людей, а въ силѣ духа, который движетъ ими, приводилъ въ примѣръ, какъ Гедеонъ оставилъ всѣхъ пившихъ пригоршнями, а взялъ съ собой только однихъ лакавшихъ воду по-песьи.

Тогда Малафей шерстобитъ повернулся и пошелъ назадъ, а съ нимъ вмѣстѣ то же самое сдѣлали и другіе, незадолго передъ этимъ стремившіеся побивать камнями тѣхъ, которые, ослабѣвая отъ страха, отставали ранѣе. Въ числѣ возвратившихся съ Малафеемъ были также нѣкоторые пресвитеры. Остальные же христіане въ небольшомъ числѣ цѣлый день и къ ночи достигли Канопскаго гирла. Тутъ и стоитъ гора Адеръ. Она съ одной стороны возвышается холмистымъ плоскогорьемъ, а съ другой, обращенной къ рѣкѣ, у нея крутой гребень, выступы, рвы и обрывы. Точно какъ будто она когда-то уже ползла въ рѣку, но остановилась. Съ пологой стороны она покрыта рѣдкою порослью по суперску, а сторона обращенная къ рѣкѣ вся совершенно безжизненна. Здѣсь пластами лежитъ плитнякъ, глина, мелкій кремень и черная галька, а мѣстами есть также прослойки и другихъ землистыхъ породъ, то темныя, то изсѣра желтыя, то совсѣмъ бѣловатыя. Мѣстами изнутри выпираетъ кремнистый камень, а мѣстами,

будто какъ ребра, рядами наставились гранитныя глыбы. Ихъ основанія утонули въ темно-красной глинѣ, а верхи ихъ присыпаны пескомъ и въ щели распавшимся камнемъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, когда-то происходило какое-то сильное передвиженіе веществъ, — все куда-то ползло и остановилось.

Когда христіане пришли, Зенонъ спросилъ епископа: что онъ посовѣтуетъ дѣлать?—но епископъ ему отвѣчалъ:

— Ага! Какой ты почтительный, Зенонъ! ты обращаешься ко мнѣ, какъ къ пастырю. Жалко, что я избѣгалъ тебя ранѣе; но теперь я самъ, сынъ мой, похожъ на овцу, и вдобавокъ еще на такую, которую посерединѣ зимы взяли и остригли. Одни меня оставили, а другіе кое-какъ еще идутъ съ нами, но совсѣмъ не за мною, а за тобою. Я дрожу отъ изнеможенія и ужаса; въ груди моей холодъ, а голова моя горитъ какъ у пекаря, который стоитъ передъ печкой. Что ты меня спрашиваешь?.. Я такъ слабъ, что ребенокъ можетъ меня свалить съ ногъ... Ты считай такъ, что я уже умеръ, и дѣлай что знаешь, и если окажутся люди, которые захотятъ тебя слушать, то пусть они тебя и слушаютъ, а я буду, какъ мертвый.

— Ты позабудь обо мнѣ, и ради этихъ унылыхъ людей дай имъ скорѣй вразумленіе, какъ укрѣпить себя въ духѣ и что начать дѣлать. Иначе ты можешь увидѣть, что и они разбѣгутся.

Но епископъ отвѣтилъ:

— Ты напрасно меня пугаешь тѣмъ, что̀ я могу увидѣть. Я уже умеръ. Малафей шерстобитъ мнѣ шепталъ, что я могъ увидѣть тебя мертвымъ; но я не такой,—я не захотѣлъ это видѣть и теперь всего охотнѣе закрою мои глаза, чтобы совсѣмъ ничего не видѣть. Я уже умеръ: я отойду въ сторону и буду молиться.

Три оставшіеся пресвитера хотѣли подражать епископу: они тоже чувствовали себя умершими и намѣревались удалиться для молитвы; но народъ окружилъ ихъ и въ смятеніи требовалъ, чтобы они молились при всѣхъ и научили бы всѣхъ

остальныхъ какъ лучше молиться, чтобы гора непремѣнно сдвинулась и пошла, а если она не пойдетъ, такъ чтобы были на-лицо виноватые. Тутъ и пошли разномыслы и споры: одни люди говорили, что всего лучше стоять распростерши руки въ воздухѣ, изображая собою распятыхъ, а другіе утверждали, что лучше всего пѣть молитвенныя слова нараспѣвъ и стоять по греческой, языческой привычкѣ, воздѣвъ руки кверху, въ готовности принять съ неба просимую милость. Но и тутъ опять нашлись несогласія: были такіе, которымъ казалось, что надо воздѣвать вверхъ обѣ ладони, а другимъ казалось, что вверхъ надо воздѣвать только одну правую ладонь, а лѣвую надо преклонять внизъ къ землѣ въ знакъ того, что полученное съ небесъ въ правую руку будетъ передано землѣ лѣвою; но инымъ память измѣняла, или они были нехорошо научены, и эти вводили совсѣмъ противное и настаивали, что правую руку надо преклонять къ землѣ, а лѣвую — воздѣвать къ небу. Увидавъ, что въ такую роковую минуту людьми овладѣлъ безпокойный и неразрѣшимый споръ, Зенонъ поспѣшилъ поскорѣе къ епископу въ ту сторону, куда тотъ отдалился, и хотѣлъ просить его разрѣшить всѣ недоумѣнія; но ночь была темна, и онъ не нашелъ молившагося въ темнотѣ епископа, а когда шелъ назадъ, то споривше и ссорившіеся люди окружили его и стали кричать:

— Ну, если ты святъ, то скажи намъ, какъ надо молиться.

— Кто вамъ сказалъ, что я святъ? Я вовсе не святъ и даже, наоборотъ, я очень грѣшенъ.

— Нѣтъ, мы тебѣ въ этомъ не вѣримъ: ты себѣ выкололъ глазъ и теперь ты одинъ среди всѣхъ здѣсь спокоенъ. Ты не пугаешься смерти. Скажи-ка намъ, какъ молиться? Если нужно врасплохъ, то мы всѣ станемъ пѣть, а если говоромъ выговаривать, то будемъ говоромъ читать молитвы. Говори скорѣе, ждать некогда, мало ужъ времени осталось, чтобъ молиться.

Тогда Зенонъ, не желая ничѣмъ прибавлять розни, ко-

ротко отвѣтилъ ближе стоявшимъ, что онъ имѣетъ обычай молиться въ благоговѣйномъ молчаніи, но не осуждаетъ и тѣхъ, которые любятъ поднимать къ небу и глаза, и руки, нужно только, чтобы руки молящихся были чисты отъ корысти, а душа — свободна отъ всякаго зла и возносилась бы къ небу съ мыслью о вѣчности. Тогда въ ней исчезаетъ страхъ за утрату кратковременной земной жизни и... гора начинаетъ двигаться...

— Вотъ намъ теперь это и надо, чтобы не было страха, пока гора двинется съ мѣста.

Самъ же Зенонъ тихо отдѣлился отъ толпы и, скрываемый темнотою египетской ночи, пошелъ къ вершинѣ горы.

Отойдя такъ далеко, какъ можно сильною рукой два раза перебросить швырковый камень, онъ сѣлъ на землю и, обнявъ руками колѣна, сталъ призывать въ свою душу необходимое въ рѣшительную минуту спокойствіе. Онъ вспоминалъ Христа, Петра, Стефана и своего учителя, какъ они проводили свои предсмертныя минуты, и укрѣплялъ себя въ рѣшимости завтра ранѣе всѣхъ взойти одному на гребень горы, призвать мужество въ душу свою, стать на виду собравшагося народа и ожидать, что будетъ.

«Пусть меня поразитъ стрѣла, подумалъ Зенонъ, — и, можетъ-быть, тогда имъ довольно будетъ моей смерти, и другіе будутъ свободны, а я буду счастливъ: я совершу свое дѣло».

Отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ теперь Зенонъ, до самаго верха горы, откуда былъ виденъ таборъ, амфитеатръ и рѣка Нилъ, осталось тоже не больше, какъ два переброса.

Оттуда доносился до слуха его звукъ музыкальныхъ инструментовъ и трещотокъ и пиршественные нетрезвые клики, а съ другой стороны, оттуда, гдѣ остались христіане, вѣтерокъ наносилъ греческій напѣвъ молитвъ, которыя тянули пресвитеры.

Вдругъ Зенонъ, погруженный въ глубокую думу, вздрогнулъ отъ неожиданнаго прикосновенія нѣжной руки къ его волосамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Зенонъ поднялъ голову и увидалъ возлѣ себя Нефору.

— Что тебѣ опять отъ меня нужно? спросилъ ее Зенонъ.

— Раньше мнѣ нужна была твоя любовь, а съ той поры, когда ты отвергъ меня, мнѣ стала нужна твоя гибель.

— Да проститъ тебѣ Небо злое желаніе; но если тебѣ нужна была *моя* гибель, для чего ты губишь не меня одного, а такое множество другихъ людей?

— Я ненавижу всѣхъ людей твоей вѣры: я хочу, чтобы всѣ вы сразу были осмѣяны въ томъ, во что вы вѣрите, и это уже достигнуто.

— Можетъ-быть ты, еще ошибешься.

— Ну, оставь вздоръ! Развѣ всѣ самые лучшіе люди ваши не сомнѣваются? развѣ они не разбѣжались, а остальные не ищутъ возможности скрыться? И ты самъ теперь отдалился развѣ не съ тою же цѣлью, чтобы скрыться отъ прочихъ и спасти свою жизнь? Я тебя понимаю,—ты долженъ сильно страдать, видя свою ошибку и слабость своихъ единовѣрцевъ, и я рада, что дождалась этого и могу спасти тебя: слѣдуй скорѣе за мною. Я приготовила все, чтобы спасти тебя отъ позора и смерти.

— А тебѣ развѣ извѣстно, что насъ непремѣнно ждетъ смерть и позоръ?

— Безъ сомнѣнія! отвѣчала Нефора,—вѣдь гора не пойдетъ съ своего мѣста и не загородитъ Нила, чтобы поднять его воды, а разгнѣванный народъ побьетъ васъ камнями или побросаетъ въ рѣку. Бѣжимъ, слѣдуй за мною: любовь моя скроетъ тебя и будетъ твоимъ утѣшеніемъ!

И она сильно тянула за руку Зенона.

— Я не намѣренъ бѣжать! отвѣтилъ Зенонъ, отстраняя руку Нефоры.

Она остановилась.

— Что же ты хочешь дѣлать?

— Я исполню мой долгъ и умру, если нужно

Нефора опустилась и сѣла возлѣ него на землю и проговорила:

— Тогда и я здѣсь останусь съ тобою.

— Для чего?

— Для того, что я люблю тебя, — жизнь безъ тебя мнѣ несносна. Знай: я въ отчаяніи обѣщала правителю выйти замужъ за его сына, а между тѣмъ я не въ силахъ исполнить это обѣщаніе. Умереть съ тобою мнѣ отраднѣе, чѣмъ жить съ ненавистнымъ Дуназомъ. Пусть берутъ мое богатство, но себя я не отдамъ и умру вмѣстѣ съ тобою.

Зенонъ взялъ ея руку и тихо сказалъ:

— Я долженъ бы благодарить тебя за такія чувства; но если ты любишь меня, то я стану просить тебя сдѣлать другое.

— Говори, я все для тебя сдѣлаю!

Въ голосѣ Нефоры стали слышаться слезы.

— Если Небу угодно, чтобы черезъ часъ мы погибли, то умоляю тебя не губи себя вмѣстѣ со мною и не выходи замужъ за человѣка, въ которомъ нѣтъ ни разсудка, ни добраго сердца. Сдѣлай другое.

— Что же я должна сдѣлать?

— Послѣ насъ останется много сиротъ и старцевъ, которыхъ пошлютъ въ цѣпяхъ въ каменоломни, — останься жить и живи долго для нихъ. Подай мнѣ эту милостыню... обѣщай мнѣ это, Нефора, и я счастливо умру, передавъ тебѣ любовь мою къ страдающимъ людямъ!

При словѣ «любовь» Нефора вздрогнула и прошептала:

— Повтори.

— Что?

— Еще разъ повтори это слово. О Зенонъ! Если бъ ты зналъ, какъ для меня сильно слово «любовь!»

— Конечно, я это знаю, Нефора. Любовь обнимаетъ всѣхъ въ одномъ сердцѣ.

— Отчего же ты не любилъ меня, Зенонъ?

— Я не могъ принять той любви, которая принуждала меня пренебречь послушаніемъ къ словамъ моего Учи-

теля и забыть Его просьбы для удовольствій плоти; но теперь, когда ты не та, какою была, а иная, когда ты укрѣпляешь, а не разслабляешь духъ мой, и обѣщаешь отдать себя дѣламъ любви,—теперь я люблю тебя, сострадательная Нефора.

Нефора схватила обѣими руками руки Зенона и вскричала:

— Ты взялъ мое сердце... Я сдѣлаю все, чего ты желаешь, я стану жить съ тобой для добра... но лучше всего все-таки бѣжимъ отсюда: въ толпѣ есть люди, которые насъ укроютъ, мы уйдемъ и я буду твоею рабой.

— Рабой? Для чего же, Нефора? Ты теперь любишь людей безъ различія ихъ породы и вѣры; ты готова служить имъ, ты одного со мной духа, ты сестра мнѣ, мой другъ... Если хочешь, будь моя невѣста... Я счастливъ, я не боюсь ничего и умру, благословляя тебя за то, что ты восхитила меня твоимъ чуднымъ порывомъ, но я не побѣгу, я не скроюсь отъ тѣхъ, кто несчастливъ, и... я скажу тебѣ больше: я не дамъ унизить насмѣшкой Его... Того, Кого я зову моимъ Учителемъ и моимъ Господиномъ... Довольно Его унижали! Если я даже останусь одинъ — что, быть-можетъ, случится, — я одинъ взойду на гребень горы: пусть видятъ, что кто Его любитъ, тотъ Ему вѣритъ.

— Но для чего это нужно?

— Это нужно *для счастья людей*, потому что въ ученіи Его сокрытъ путь ко всеобщему счастію, но чтобы идти этимъ путемъ... надо вѣрить, Нефора, — надо сдвинуть въ жизни что тяжелѣе и крѣпче горы, и для того надо быть готовымъ на все, не считая, сколько насъ: одинъ или много.

— Ты не будешь одинъ, — отвѣчала Нефора, и въ ея голосѣ почувствовалось волненіе и слезы.

Зенонъ опять взялъ ее за руку и сказалъ ей:

— Но отчего ты смутна и зачѣмъ грусть въ твоемъ голосѣ?

— Я боюсь отвѣчать тебѣ правду.

— Не бойся, отвѣть.

— Онъ... этотъ твой Учитель сталъ и стоитъ между мною и тобою... Ты Его любишь больше меня... Онъ меня отъ тебя отстраняетъ...

Зенонъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, Нефора,—сказалъ онъ,—Тотъ, Кого я люблю, Тотъ, Кто могъ быть знатенъ и предпочелъ быть нищимъ, могъ уничтожить своихъ враговъ и вмѣсто того молился за нихъ,—Онъ никого не разлучаетъ,—Онъ соединитъ насъ и научитъ любви, возвышающей душу и сердце!

— Я не хочу такой любви.

— Отчего?

— Она никогда не можетъ удовлетворить сердце женщины.

— Ты ошибаешься. Слушай меня терпѣливо. Мы съ тобою въ землѣ фараоновъ. Ночь сокрываетъ отъ насъ мѣста, на которыя я могъ бы тебѣ указать и сказать: тамъ городъ Онъ, тамъ пирамиды Гизеха, которыя видѣли Юзуфъ и Зулейка *). Зулейка любила Юзуфа мятежною страстью, такою же, какой ты дала надъ собою волю однажды. Она не боялась уронить себя и своего мужа этою любовью. Юзуфъ былъ прекрасенъ. Онъ былъ, конечно, красивѣй меня. Объ этомъ дошла до насъ ихъ чудесная повѣсть. Когда знатныя женщины укоряли Зулейку за то, что она любитъ Юзуфа, она дала этимъ женщинамъ по ножу и по апельсину, и когда онѣ стали чистить свои апельсины, Зулейка кликнула своего «раба». Юзуфъ вошелъ, и всѣ женщины обрѣзали себѣ руки и уронили свои апельсины... Но Юзуфъ тогда не любилъ прекрасную Зулейку и его не влекло къ ней потому, что Юзуфъ не любилъ лжи и обмана. Зулейка отмстила ему и погубила его.

---

*) Зенонъ разсказываетъ исторію Іосифа и жены Понтифара такъ, какъ она передается въ египетскихъ преданіяхъ и въ «*Коранѣ*» Магомета (*Коранъ*, гл. XII, стр. 21—111).

Ему это стоило болѣе глаза. Юзуфа сокрыла темница, а Зулейка стала томиться и плакать, и когда умеръ ея мужъ, она бросила домъ свой и жила въ шалашѣ, оплакивая свою жестокость и повторяя имя Юзуфа... И когда объ этомъ услышалъ Юзуфъ, тогда согрѣлось сердце его и онъ пришелъ къ Зулейкѣ въ ея тростниковый шалашъ и сказалъ: «Ты добра, голубица моя, и будь мнѣ женой». Неужто такая любовь по-твоему хуже угарнаго чада туманящей страсти, которая быстро пройдетъ и оставитъ одно сожалѣніе? Любовь же того, кто можетъ сказать: «всѣмъ ты добра, моя голубица», — обѣщаетъ разумную жизнь, а не пылъ... Суди же, что лучше? Вотъ и ты теперь... кротка и добра... ты не мятешься о томъ, чтобы всѣхъ превзойти на собраніи уборомъ; ты меня слушаешь тихо и, можетъ-быть... скажешь: «Другъ мой, Зенонъ! я въ себѣ чувствую новое сердце. Будь силенъ и ничѣмъ не смущайся. Пусть будетъ, что будетъ: иди, куда тебя повлекутъ — на смерть или въ каменоломни,—Нефора твой другъ: она останется жить, она будетъ матерью всѣхъ несчастныхъ сиротъ, которыхъ оставятъ погубленные христіане...»

— Оставь! о оставь! я все это сдѣлаю и все для тебя.

— Нѣтъ, для Того, Кого я люблю больше себя и Кому я хочу быть послушенъ во всемъ, что мнѣ ясно и что непонятно.

— Пусть будетъ и такъ! Твой другъ я и раба твоего Господина!

Зенонъ привсталъ, тихо поцѣловалъ Нефору въ голову и сказалъ:

— Теперь все совершилось, гора тронулась съ мѣста.

— Да,—отвѣчала Нефора,—и мнѣ показалось, что земля подъ ногами какъ будто качнулась...

— Ты очень устала, намъ время разстаться. Разсвѣтъ долженъ быть близко. Сѣрѣетъ, и я замѣчаю вдали крестьянина на спаржевомъ полѣ. Прощай, другъ мой, Нефора,— возвратись скорѣй въ городъ и обо мнѣ не заботься: я дѣлаю то, что я долженъ дѣлать; я не боюсь камено-

ломень: я художникъ, и меня не заставятъ катать гранитъ, а я буду выдѣлывать гаторовы головы... и я буду счастливъ тамъ, далеко въ изгнаніи, я буду вспоминать о тебѣ и буду радоваться, что ты стала не та, какою была, что ты любишь людей и живешь для того, чтобы дѣлать добро людямъ. Еще разъ прощай и не слѣдуй за мною... Но что это такое?.. Теперь вдругъ и мнѣ показалось, что вправду земля подъ ногами вогнулась и опять поднялась!

— Да, да! трясется земля!

— И я слышу гулъ... что-то трещитъ въ глубинѣ подъ горою... И когда собрались эти тучи! Огонь и вода падаютъ съ неба!..

Это была гроза, — столь рѣдкое явленіе подъ безоблачнымъ небомъ Египта, что Нефора ее даже не могла представить; но Зенонъ читалъ Страбона и сейчасъ же узналъ это явленіе и вспомнилъ, какъ оно при своей рѣдкости въ Египтѣ бываетъ сильно и страшно. Да и размышлять ни о чемъ не оставалось времени, потому что на нихъ полилъ такой сплошной ливень, подъ которымъ только и осталось скорѣе упасть ницъ. Вода лилась не каплями и не ручьями, а цѣльнымъ, сплошнымъ потокомъ, молніи рѣяли, громъ грохоталъ и земля содрогалась, пухла и вновь вздымалась и гудѣла.

Кричавшій верблюдъ и ночныя капли въ домѣ правителя, и танцовавшій на берегу черный ибисъ, — всѣ оправдали свои примѣты: надъ землей Мицраима повторилась гроза и ливень Страбона...

Зенонъ, поверженный ницъ, помышлялъ только о томъ: если таково здѣсь на горѣ, что нельзя встать и нельзя сдѣлать шага, то что же теперь должно происходить въ долинахъ, куда должны устремиться сбѣгающія съ горъ воды!..

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Болѣе часа водный океанъ изъ воздуха переливался страшнымъ потокомъ на землю; но едва стало тише, Зе-

инокъ всталъ, поднялъ подъ локти безчувственную Нефору, прислонилъ ее къ камню и самъ бросился на гребень горы. Онъ опасался, чтобы не опоздать и не придти послѣднимъ туда, гдѣ всѣмъ было должно собраться; но когда онъ взбѣжалъ, то увидалъ, что никого изъ христіанъ еще не было, а самъ онъ не узналъ внизу знакомой картины: земля вся исчезла, а Нилъ былъ необъятенъ, какъ безбрежное море. По мутнымъ волнамъ неслись опрокинутые челноки, плыли хижины и цѣлыя пальмы, вывороченныя съ корнями, а у самой подошвы горы множество человѣческихъ существъ боролись и лѣзли одинъ на плечи другого, какъ раки въ глиняномъ горшкѣ...

Зенонъ упалъ на колѣни и вскрикнулъ:

— Небесный Отецъ! пощади всѣхъ живущихъ! Ты далъ имъ понять, что Тебѣ все возможно, низведи же въ сердца ихъ любовь къ другимъ людямъ!

И когда онъ молился, онъ почувствовалъ, что гора взбухала, какъ губка, кремнистыя ребра ея впадали, а мягкая осыпь вышячивалась и покрывавшія ее плиты лопались и крошились... И вдругъ все всколебалось, оскретки мелкихъ камней брызнули, какъ изъ пращи, и сыпучіе оползни сунулись и поползли внизъ цѣлыми пластами.

— Зенонъ, гора движется! услыхалъ Зенонъ у себя за плечами, и на руки его съ высоты упала Нефора.

Зенонъ оглянулся и увидалъ, что огромный отломокъ горы, на которомъ стоялъ онъ, отдѣлился и летитъ по скользкому склону въ воду.

— Будь Твоя воля надъ нами! прошепталъ Зенонъ и прижалъ къ своей груди сомлѣвшую Нефору.

И глыба съ обоими съ ними катилась, а изъ волнъ и изъ расщелинъ горы люди кричали:

— Гора идетъ!.. Гора идетъ! Великъ Богъ христіанскій! Сдвинулъ гору художникъ Зенонъ златокузнецъ!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Какъ только ударилъ громъ и полилъ страшный ливень, всѣ расположившіеся у горы люди, чувства которыхъ не были совсѣмъ омрачены пьянствомъ, мгновенно вскочили и бросились бѣжать въ обходъ горы и здѣсь на ея тыловой сторонѣ встрѣтили кучку христіанъ, мимо которыхъ потоки сбѣгали обширнымъ рвомъ. Правитель убѣгалъ впереди всѣхъ, несясь вскачь на своей колесницѣ, въ которую былъ впряженъ одинъ конь его, а другой неизвѣстно чей. У одной изъ расщелинъ онъ увидалъ вылѣзавшаго изъ оврага Неоха и закричалъ ему:

— Ты видишь—гора идетъ!

— Вижу, мрачно отвѣтилъ Неохъ.

— Говори же скорѣе: какъ въ христіанскомъ ученіи сказано, что надо сдѣлать, чтобы остановить гору?

— Увы, въ ихъ ученіи сказано только какъ «сдвинуть гору», но ничего не сказано, какъ ее остановить.

— Зачѣмъ же ты этого не сказалъ намъ ранѣе?

Всѣ подхватили слово правителя и закричали:

— Да, зачѣмъ ты не сказалъ намъ объ этомъ? Проклятый мудрецъ! ты погубилъ насъ!

Неохъ засверкалъ воспаленными глазами и поднялъ руку, чтобы швырнуть въ оскорбителей своею палкой, но въ то же мгновеніе покатился къ ногамъ правителя, пораженный ударомъ кола въ затылокъ...

Правитель испугался и погналъ скорѣе своихъ разномастныхъ коней къ христіанскому стану и закричалъ имъ:

— Друзья мои! молитесь, чтобы гора стала!

Христіане же были въ растерянности и, оставаясь до сихъ поръ съ другой стороны горы, противоположной тому, гдѣ появились Зенонъ и Нефора, не видали ничего того, что произошло у обрывовъ, и отвѣчали:

— Ахъ, господинъ, для чего ты къ намъ все приди-

расшись? Мы еще не совсѣмъ согласились какъ молиться, чтобы гора двинулась, а ты уже требуешь новое, чтобы мы остановили гору.

Правитель махнулъ на нихъ рукою и поѣхалъ далѣе, сказавъ имъ:

— Гора уже идетъ, бѣгите скорѣе вверхъ и вы увидите оттуда, что совершилось.

Тогда всѣ христіане устремились на верхъ горы, откуда раньше спустились Зенонъ и Нефора, и увидѣли удивительную и совершенно новую картину, вовсе не ту, которую видѣлъ правитель, а иную: гора съ водой встрѣтились... глинистый оползень, на которомъ спустились Зенонъ и Нефора, сталъ надъ самою поверхностью воды... Къ нимъ подплыла барка съ шелковымъ парусомъ, на которой стоялъ персіянинъ, служитель Зенона. Онъ взялъ въ барку Зенона и Нефору и барка снова отплыла. Поверхность воды болѣе уже не бурлила, а была спокойна и гладка. Кромѣ барки Зенона, по рѣкѣ плавали голубые и бѣлые цвѣты лотоса, а надъ водою, ближе къ берегамъ, носились стаи птицъ, чайки и морскія вороны и жадно выхватывали во множествѣ нагнанныхъ рыбъ; ближе къ берегамъ плыли и толкались золотые шары огромнѣйшихъ дынь... и вдругъ всѣ сразу замѣтили продолговатый плесъ, въ срединѣ котораго казалось что-то похожее на ивовое бревно въ кожурѣ... Крокодилъ!...

Появленіе крокодила было вѣрною примѣтой, что Нилъ полонъ, крокодилъ всегда приходитъ вѣстникомъ отъ болотъ Филэ и Сіуна.

И дѣйствительно, навстрѣчу правителю скакалъ изъ города вѣстникъ съ письмомъ, которое еще до грозы принесъ голубь изъ Мемфиса: Нилъ разлился и жители Онвъ уже вышли на кровли.

Оставалось веселиться и радоваться: урожай обезпеченъ и вина христіанъ была позабыта на-время. Станъ весь снимался. Слуги въ тонкой грязи, какъ могли, ловили и за-

прягали коней и сѣдлали ословъ и верблюдовъ. Всѣ перемокшіе и измученные люди при взошедшемъ яркомъ солнцѣ ободрились и стали снова шутить и смѣяться, и потянулись къ городу...

Всѣ остатки погибшихъ шатровъ и людей, и животныхъ убиралъ Нилъ... Зенона и Нефоры здѣсь уже не было, и о нихъ не вспоминалъ и не справлялся никто. Всѣ спѣшили домой... Христіане были успокоены и, къ довершенію радости, по возвращеніи въ Александрію, нашли своего патріарха, который еще ранѣе ихъ успѣлъ возвратиться въ свои палаты. Правитель захотѣлъ его увидѣть и послалъ за нимъ колесницу, но патріархъ отвѣчалъ:

— Колесница такъ же удобно можетъ доставить ко мнѣ правителя, какъ и меня къ нему, а дорога отъ меня до него такъ же длинна, какъ отъ него до меня. Пусть онъ придетъ ко мнѣ, если хочетъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Правитель тотчасъ же сѣлъ на колесницу, пріѣхалъ къ патріарху и сказалъ ему:

— Извини меня, я не былъ увѣренъ, что твоя святость уже дома.

— Наше смиреніе всегда близко и всегда далеко отъ того, кто чего заслуживаетъ, отвѣтилъ патріархъ.

— Знаетъ, конечно, твоя святость, какой все приняло оборотъ? Вѣра ваша теперь здѣсь у всѣхъ въ почтеніи.

— Воскресъ Богъ и враги Его таятъ.

— Да, коварный Пеохъ убитъ тупымъ коломъ отъ руки своихъ же единовѣрцевъ, бабу Бубасту задушили.

Патріархъ промолчалъ: его слова не стоила баба Бубаста; но правитель о ней продолжалъ, что ей забили ротъ и носъ глиною, и что теперь много разновѣрныхъ людей просятся къ сдвинувшимъ гору.

— Я этого ожидалъ, сказалъ патріархъ.

— А я не ожидалъ этого, и сознаюсь со стыдомъ, что я очень ошибся.

Патріархъ улыбнулся и тихо замѣтилъ:

—Что дѣлать? и Гомеръ ошибался.

— Да, я ошибся, и теперь прошу твою святость—давай помиримся: мы можемъ быть очень полезны другъ другу.

— Ну, мнѣ кажется, что нашему смиренію теперь уже никто не нуженъ.

— А пусть твое всеблаженство вспомнитъ, что и Гомеръ ошибался.

Патріархъ это вспомнилъ.

И они остались вдвоемъ изрядное время, бесѣдуя безъ аколуѳовъ и опахальщиковъ.

Въ этотъ же день къ пресвитерамъ приходило много людей, желавшихъ креститься, и епископъ не зналъ, какъ ему поступить: ждать ли, когда ихъ, по обыкновенному порядку, наставятъ катехизаторы, или, въ виду необыкновенныхъ обстоятельствъ, крестить нимало не медля, всѣхъ, кто пожелаетъ.

— Въ этомъ я предоставляю тебѣ избирать то, что полезнѣе, отвѣчалъ патріархъ.

Народъ толпами шелъ къ пресвитерамъ, прося ихъ крестить. Крѣпкіе же суевѣры, настоящіе «Ремъ-ен-Кеми», смотрѣли на это сумрачно и тихо шептали другъ другу, что «это должно быть... Распятый Богъ побѣдитъ всѣхъ боговъ Кеми *) и имя пророка Палестины пронесется по волнамъ священнаго Яро **)... Это слышали птицы, которыя ночуютъ въ гнѣздахъ, устроенныхъ ими въ ушахъ говорящей статуи Аменготепа» ***).

---

*) *Кеми*—древнее названіе Египта. *Ремъ-ен-Кеми*—человѣкъ изъ Египта.

**) *Яро*—Нилъ.

***) *Аменготепъ*—Мемнонъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Ошибся въ своихъ разсчетахъ и толстый Дуназъ. Нефора измѣнила свое рѣшеніе и не пошла за него замужъ, да она и не была ему больше желанна, потому что богатство ея истощилось: она отпустила всѣхъ своихъ рабовъ на волю и все свое состояніе, которое было нужно Дуназу, она раздала тѣмъ, которые обѣднѣли и не могли содержать свои семьи. Дуназъ сталъ искать другую невѣсту съ большимъ состояніемъ и нашелъ ее. Нефора же жила въ скромной долѣ, благотворя бѣднымъ и учреждая школы для дѣтей, гдѣ ихъ учили полезнымъ наукамъ и ремесламъ. Слухъ о поступкахъ ея скоро достигъ до Зенона, и тогда художникъ снова пришелъ къ ней и сказалъ:

— Съ тобою миръ Божій, который превыше всего: ты возлюбила добро; зачѣмъ намъ быть розно? Иди въ домъ мой и будемъ вмѣстѣ жить для пользы тѣхъ, кому можемъ оказать помощь. Будь женою моей, Нефора!

И это такъ сдѣлалось. Зенонъ и Нефора стали супругами и жили долго и были людямъ полезны и Богу любезны. Зенонъ попрежнему занимался своимъ художествомъ и никогда не порицалъ ничьей вѣры и своею вѣрою не возносился. Однажды, когда онъ былъ признанъ для нѣкоторыхъ работъ въ патріархію—патріархъ, сдѣлавъ ему заказы, спросилъ его:

— Кѣмъ ты, Зенонъ, наставленъ и утвержденъ въ твоей вѣрѣ?

— Я въ ней еще совсѣмъ не наставленъ,—отвѣтилъ Зенонъ.

— Какъ это такъ?

— Она мнѣ открывается мало-по-малу и не всегда во мнѣ равномѣрна: порою она едва брезжитъ, какъ мерцаніе разсвѣта, а порою ярко горитъ и тогда все мнѣ освѣтитъ.

— Значитъ, ты слабъ еще въ вѣрѣ.

— О, весьма слабъ.

— Что же ты не стараешься сдѣлать ее постоянно крѣпкою?

Зенонъ задумался.

— Скажи: о чемъ ты думаешь? — вопросилъ его патріархъ.

— Я вспомнилъ слова Амазиса: «Тетива на лукѣ слаба, пока на нее не наложатъ стрѣлу и рукой ее не натянутъ. Когда же нужно, чтобы она напряглась, она напрягается и сильно ударитъ; но если ее постоянно тянуть и держать въ напряженіи, она истончаетъ и сила ея ослабѣетъ». Я боюсь, чтобы мнѣ не утратить и то, что хоть порю мнѣ дается отъ Неба.

ЛЕГЕНДА О СОВѢСТНОМЪ ДАНИЛѢ.

«Пристрастіе не дальновидно, а ненависть вовсе ничего не видитъ».

Исидоръ Пелусіотъ (письмо къ Кириллу).

«Легко тому, чье сердце не знаетъ состраданья, но пусть онъ, однако, не радуется, ибо его постигнетъ жестокое мученіе и оно начнетъ терзать его тогда, когда онъ будетъ уже не въ состояніи исправить свою вину. Огонь гіенскій, по моему сужденію, есть не что иное, какъ позднее раскаяніе».

Исаакъ Сиринъ (сл. XVIII)

Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ на востокѣ, близъ Синайской горы, жилъ въ маленькомъ скитѣ молодой человѣкъ, по имени Данила. Скитъ въ тогдашнее время не былъ похожъ на нынѣшіе русскіе скиты, гдѣ живутъ монахи, у которыхъ есть храмы и готовое содержаніе. Въ старое время на востокѣ скитомъ называли нѣсколько хижинокъ,— чаще нѣсколько пещерокъ въ горѣ, да вокругъ тѣсное огражденное мѣсто, гдѣ ютились три или четыре человѣка, собравшіеся по единомыслію, чтобы жить вдали отъ соблазновъ. Люди эти вели строгую жизнь и питались трудами своихъ рукъ. Церквей у нихъ не было и не было тоже и священниковъ, и долгое время скитниками не управляло никакое начальство.

Скиты устраивались легко и не скрывали въ себѣ никакихъ драгоцѣнностей, а располагались они часто близко къ самому рубежу крещеной земли, чтобы имѣть возможность научать христіанской вѣрѣ «варваровъ». Варварами называли некрещеныхъ людей, которыхъ было еще много повсюду. Много ихъ кочевало и въ жаркихъ степяхъ близъ Синая!

Порубежные скитники отъ варваровъ не скрывались, а, напротивъ, сами искали случая встрѣчаться съ ними, чтобы говорить имъ о благѣ, которое можетъ міру дать Христово ученіе. Они старались убѣдить варваровъ, что Богъ есть Отецъ всѣхъ людей и что воля Его заключается въ томъ, чтобы всѣ люди жили въ любви и чтобы никто не дѣлалъ другъ другу никакого зла, а если кого обидятъ, чтобы онъ не мстилъ, но старался бы заплатить за обиду добромъ и побѣдилъ зло любовью, ибо только одна любовь обезоруживаетъ зло и побѣждаетъ его. Варвары же по дикости своей не понимали и не вѣрили, что всѣ люди равно достойны состраданія и что прощеніе обидъ можетъ привести миръ на землю. Они надѣялись на силу и часто нападали на ближайшихъ скитниковъ, а какъ скитники были бѣдны и взять у нихъ было нечего, то варвары забирали самихъ ихъ къ себѣ въ неволю, угоняли въ степи и тамъ заставляли плѣнниковъ стеречь своихъ коней, ословъ и верблюдовъ, стричь овецъ и сушить навозъ съ бурьяномъ на топливо.

Случилось, что варвары напали и на тотъ скитъ на Синаѣ, гдѣ жилъ Данила. Сколько здѣсь было старыхъ людей—они всѣхъ перебили, а Данилу, какъ человѣка молодого и годнаго къ работѣ, взяли съ собою, связали ему ноги, посадили на верблюда и увезли очень далеко въ степь, а тамъ приставили его караулить стада отъ звѣрей и отъ хищниковъ.

Данила служилъ своимъ плѣнителямъ долго, научился ихнему языку и перекочевывалъ съ ними съ мѣста на мѣсто нѣсколько лѣтъ. Онъ ихъ вѣру не порочилъ, а они не мѣшали

ему вѣрить по-своему и, замѣчая, какъ онъ живетъ съ ними честно, до того въ немъ увѣрились, что совсѣмъ не стали за нимъ смотрѣть, а во всемъ на него полагались, будто какъ на своего человѣка. Данила нѣсколько разъ могъ бросить порученныя ему стада, сѣсть на коня и ускакать, но ни разу на это не покусился. А потомъ Данила сталъ замѣчать, что варвары какъ-будто стали любить слушать, какъ онъ разсуждаетъ по-христіански и во многихъ сужденіяхъ начали сами и говорить, и дѣлать съ нимъ согласно. Стало Данилѣ и жить хорошо, и началъ онъ разумѣть, что онъ живетъ съ чужими людьми не безъ пользы, потому что наводитъ ихъ на хорошее послѣдованіе доброму ученію. Но разъ прискакалъ на своемъ конѣ одинъ варваръ, бывшій на рубежѣ, и объявилъ, что крещеные прислали черезъ него за Данилу выкупъ и что теперь Данилу надо отпустить.

Данила очень обрадовался, что можетъ вернуться къ своимъ, но какъ остался онъ послѣднюю ночь въ степи подъ шатромъ, стало ему жалко и варваровъ. «Вотъ, думалось ему,—только что нѣкоторые изъ нихъ начали было по-доброму разсуждать и поступать съ другими милостивѣе, а вотъ я теперь уйду—они опять все позабудутъ и обратятся къ старинной злобѣ. Мнѣ бы ихъ беречь въ добрѣ, а я ухожу... Вѣдь это и есть мое дѣло, для котораго я оставилъ домъ и сталъ жить въ скитѣ, откуда плѣненъ былъ». Но желаніе жить въ обществѣ своихъ людей христіанской вѣры все-таки стало сильнѣе этихъ сужденій, и Данила рѣшился уйти. А варвары подѣлили между собою присланный выкупъ, дали Данилѣ тыкву воды и бѣлаго пшена и послали двухъ верховыхъ, чтобы проводить его до рубежа, откуда онъ безъ опасенія можетъ одинъ идти къ крещенымъ.

Данила благополучно воротился къ себѣ за рубежъ и сталъ жить прежнею скитскою жизнью. Но это недолго продолжалось: черезъ полгода наскакали на ихъ скитъ другіе

темнолицые варвары, и опять угнали Данилу въ плѣнъ, и заставили его сушить навозъ для огня и сторожить овецъ, коней и верблюдовъ.

Данилѣ теперь гораздо досаднѣе сдѣлалось, чѣмъ въ первый разъ, да и жить ему съ этими варварами показалось хуже, потому что съ прежними онъ былъ уже обвыкшись и они съ нимъ были ласковѣе, а эти его не знали и не заботились о немъ, а показали, что̀ дѣлать, и оставили безъ присмотра.

Онъ сталъ все больше скучать и разсуждать, что варвары владѣютъ имъ совсѣмъ неправильно, потому что онъ уже разъ выкупленъ, и, улучивъ удобное время, покинулъ все, что ему довѣрено, и убѣжалъ. И опять благополучно перебрался за рубежъ крещеной земли и пришелъ въ скитъ; но варвары скоро его хватились, вскочили на коней, прискакали къ скиту, всю огорожу развалили, всѣ пещерки поразметали и старыхъ людей побили, а Данилу опять въ плѣнъ повели пѣшимъ, прицѣпивъ его веревкою за шею къ верблюжьему сѣдлу. Для того же, чтобы Данила не останавливался, а скорѣе поспѣвалъ за верблюдомъ, сзади его ѣхалъ молодой варваръ и кололъ Данилу острымъ копьемъ въ спину. Подвигался Данила немощными ногами, стеная, и на слѣдъ его по пескамъ капала его кровь.

Идучи за этимъ караваномъ, Данила вспоминалъ свои два прежніе плѣна и плакалъ, что ни въ первый, ни во второй разъ надъ нимъ никогда такого свирѣпаго тиранства не было, и почувствовалъ онъ въ себѣ противъ своихъ мучителей несносное озлобленіе, особенно противъ того молодого сильнаго варвара, который былъ черенъ какъ муринъ *) и ѣхалъ верхомъ на ворономъ конѣ въ самомъ хвостѣ каравана и подгонялъ Данилу копьемъ въ спину.

Поднимался противъ него въ Данилѣ послѣ каждаго пораненія такой духъ мести, что если бы сила его взяла, то

---

*) Муринъ—черный человѣкъ, эѳіопъ. Въ нѣкоторыхъ церковныхъ книгахъ муринами называются также бѣсы (Іерем. 46, 9).

онъ такъ бы на этого варвара и бросился и убилъ бы его.

А озлобляющій Данилу молодой эоіонъ все ѣдетъ въ высокомъ сѣдлѣ и бѣлыми зубами скрипитъ, а глазами ворочаетъ и все Данилу копьемъ колетъ.

Привели варвары Данилу на свое становище, гдѣ у нихъ шатры раскинуты, и большой и мелкій скотъ пасется. Тутъ они слѣзли съ коней, и жены, и дѣти къ нимъ изъподъ шатровъ выбѣжали, одни у нихъ стали коней и верблюдовъ принимать и разсѣдлывать, а другія пшено въ котлахъ заварили, и вотъ всѣ стали ѣсть и Данилѣ вареная пшена на лопухѣ бросили, а сами разговариваютъ, что надо имъ это становище завтра кинуть и на другое идти, потому что здѣсь вокругъ трава жаромъ спалена и скоту голодно.

Данила же, долго живъ между варварами, понималъ ихъ разговоръ и думалъ: «ну, если завтра меня опять идти на ногахъ погонятъ, то я не могу, и пусть они лучше сразу убьютъ меня мечомъ или пикою».

Но за ночь вышла перемѣна: тотъ самый черный варваръ, который гналъ Данилу, разболѣлся страшной горячкой, такъ что жена его копала руками холодную глину и обкладывала ему голову. Тогда другіе сказали:

— Оставимъ ихъ одинъ шатеръ здѣсь и плѣнника съ ними. Прикуемъ ему на ногу колодку и пусть онъ имъ тутъ работаетъ, а жена пусть за мужемъ смотритъ, пока онъ поправится.

Данила же радовался, что онъ отдохнетъ и раны его хоть немножко заживутъ.

Такъ караванъ и отбылъ, а одинъ шатеръ остался на старомъ мѣстѣ и при немъ конь, верблюдъ и оселъ, и при нихъ на-сторожѣ Данила, а къ нему за ногу приклепали на цѣпи толстое и тяжелое полѣно, съ которымъ насилу можно было ноги двигать.

Между варварами, какъ и между крещеными, но непросвѣщенными людьми, есть такіе суевѣрные, которые будто

въ Бога вѣрятъ, а сами любятъ примѣчать примѣты и выводить отъ нихъ причины вещей по своимъ догадкамъ. Женѣ варвара привидѣлось во снѣ, будто Данила принесъ имъ несчастіе, и она сказала это мужу и дѣтямъ, и стали вмѣстѣ еще жесточе озлоблять Данилу. А напослѣдъ эта варварка сказала своему мужу:

— Только ему и жить на свѣтѣ, что до твоей смерти. Если же ты умрешь, — то, обѣщаюсь тебѣ, — что я убью этого плѣнника, который принесъ намъ несчастіе, и зарою его въ пескѣ у ногъ твоихъ. Это и будетъ за тебя отомщеніе.

Данила, какъ услыхалъ это, такъ сталъ думать, что теперь ему дѣлать? Время для размышленія было очень коротко, а мечъ на его погубленіе близокъ и отточенъ на обѣ стороны. Прошелъ еще день и больному стало хуже, а вдобавокъ, въ шатрѣ не хватало воды. Только больному давали пить и то понемножку, а эѳіопка сама не пила и Данилѣ пить не давала, но при всемъ томъ все-таки къ вечеру осталось воды въ запасномъ кубанѣ на самомъ донышкѣ. Данилу не хотѣли послать по воду, чтобы онъ не ушелъ, да онъ и не зналъ, гдѣ надо искать колодезь, а потому поднялась сама эѳіопка. Взяла она горластый муравленый кубанъ на плечо, а грудного мальчишку подцѣпила покромкой за спину и пошла къ колодцу, а колодезь отъ шатра былъ на полдня пути. За собою она повела также осленка съ пустыми мѣхами, а за мѣхами къ хвосту посадила на кострецъ старшую дѣвочку. Данила остался одинъ при шатрѣ, чтобы стеречь коня и верблюда и помочь повернуться больному варвару. Больной же метался въ жару и гнѣвался безъ порядка, спрашивая съ Данилы то одно, то другое, и прежде чѣмъ плѣнникъ успѣвалъ исполнить одинъ его приказъ, онъ ему заказывалъ другое наново. Данило и за верблюдомъ, и за конемъ смотрѣлъ, и отмахивалъ камышевымъ листомъ острыхъ желтыхъ мухъ, которыя садились на покрытое болѣзненнымъ потомъ лицо эѳіопа, и пекъ для него въ раскаленныхъ камняхъ

у поднятой полы шатра катышки изъ просяной муки. А жаръ палестинскій такой, что и здоровому его нѣтъ силы вытерпѣть, не только больному, и эѳіопъ все проситъ пить, и когда всю послѣднюю воду выпилъ, то сталъ говорить, будто ее выпилъ Данила.

Въ большомъ раздраженіи варваръ потянулся, досталъ изъ накаленныхъ камней одинъ и бросилъ его горячій Данилѣ въ лицо, а Данила же, не стерпѣвъ боли, схватилъ другой камень и такъ треснулъ имъ эѳіопа по головѣ, что тотъ и не вскрикнулъ, а протянулся ничкомъ и руки, и ноги врозь растопырилъ; Данила его приподнялъ и увидалъ, что у него уже языкъ въ зубахъ закусился и одинъ глазъ выскочилъ и у виска на жилѣ мотается и на Данилу смотритъ.

Данила понялъ, что эѳіопъ убитъ и сейчасъ же подумалъ:

— Ну, теперь мнѣ пропасть, если я не скроюсь прежде, чѣмъ вернется эѳіопка!

Хоть она женщина, но, однако, для Данилы она была страшна, потому что у него на ногахъ прикована колодка и ему несвободно защищаться.

Онъ положилъ колодную цѣпь на одинъ камень, а другимъ сталъ колотить по звеньямъ, и цѣпь разбилъ, а мотавшееся на ней тяжелое полѣно съ ноги сбросилъ; и сначала зарѣзалъ ножемъ верблюда, досталъ у него въ брюхѣ воды. Вода была не мутная, но склизкая, какъ слюна, но Данила однако напился ею, а потомъ сѣлъ на варварова коня и помчался по пустынѣ. Несся онъ на конѣ въ томъ направленіи, въ какомъ по его примѣтамъ надо было держать къ крещеной землѣ.

Проскакалъ Данила по знойной степи весь день до вечера, не щадя скакуна, и самъ ничего не ѣлъ и все боялся: въ ту ли онъ сторону ѣдетъ, куда нужно? Ночью, когда вызвѣздило, онъ поднялъ лицо къ небу и сталъ соображать по созвѣздію Ремфана: гдѣ рубежъ крещеной земли, но въ это время добрый конь аравійскій подъ нимъ храпнулъ,

затрясся и упалъ на землю, придавивъ Данилѣ голень ноги.

Данила едва вынутался и сталъ побуждать коня подняться, но онъ не поднимался. Зашелъ Данила ему съ головы и видитъ, что у него ясный мѣсяцъ въ утомленныхъ большихъ глазахъ играетъ и отражаетъ, какъ одинъ братъ убиваетъ другого.

Данила понялъ, что конь уже никогда больше не встанетъ, и пошелъ дальше пѣшій.

Шелъ онъ всю ночь и, мало заснувъ, на зарѣ опять поднялся и шелъ до полуденнаго зноя, и вдругъ сталъ чувствовать, что ноетъ у него придавленная голень и изнемогаютъ всѣ его силы отъ усталости, отъ жажды и голода.

Пошелъ онъ еще черезъ большую потугу, разнемогся еще болѣе и упалъ съ ногъ долой, и все передъ нимъ помутилось и въ очахъ, и въ разумѣ, и пролежалъ онъ такъ незнаемый часъ, доколѣ почувствовалъ прохладу и, раскрывъ глаза, увидалъ надъ собою созвѣздіе Ремфана и всѣ другія звѣзды въ густой синевѣ ночного аравійскаго неба.

Шевельнулъ Данила руками и ногами, а ни ноги, ни руки его не слушаютъ,—только одна память ясно свѣтитъ. Вспомнилъ Данила, откуда онъ ушелъ и куда стремится, и какъ онъ шелъ изъ перваго и изо второго плѣна, и насколько послѣдній, третій плѣнъ, былъ для него тягостнѣе; въ первый разъ онъ могъ научить людей доброму, да ушелъ и не научилъ, а во второй разъ довѣрія лишился, а въ третій съ нимъ уже обращались немилостиво и все ему шло хуже до той поры, пока онъ убилъ камнемъ варвара, зарѣзалъ ножемъ верблюда, задушилъ усталостью чужого коня и теперь вотъ онъ самъ въ такомъ положеніи, что его или хищный звѣрь растерзаетъ, или встрѣчный варваръ опять въ новый плѣнъ возьметъ, а тамъ, когда эоіонка возвратится въ шатеръ и увидитъ убитаго мужа, то какъ она начнетъ ужасно стенать, какъ будетъ биться и проклинать его, кокорый сдѣлалъ ее вдовою, а дѣтей ея—сиротами... А самъ эоіонъ лежитъ передъ нимъ, какъ и прежде, растопыривъ руки и ноги, и косится на Данилу оторваннымъ глазомъ. И

сдѣлалось отъ этого взгляда Данилѣ такъ жутко и страшно, что онъ поспѣшилъ закрыть свои глаза, но темный эѳіопъ въ немъ внутри отражается. Не грозится, не ропщетъ и о дѣтяхъ не тоскуетъ, а только тихо устами двигаетъ.

— Что такое онъ мнѣ говоритъ? подумалъ Данила, а эѳіопъ въ немъ отвѣчаетъ:

— Я, братъ, теперь въ тебѣ поживу.

Послѣ того опять забылся и опять черезъ неизвѣстное время пришелъ въ себя Данила и было это на вечерней зарѣ, а первое, что онъ ощутилъ, это съ нимъ вмѣстѣ пробудился въ немъ и эѳіопъ.

Данила сталъ осуждать себя, зачѣмъ онъ убилъ эѳіопа?

— Если бы не было это противно духу Божію, не болѣлъ бы во мнѣ духъ мой и черный эѳіопъ не простерся бы во всю мою совѣсть. Заповѣдь Божія пряма: «не убей». Она не говоритъ: «не убей искренняго твоего, но убей врага твоего», а просто говоритъ «не убей», а я ее нарушилъ, убилъ человѣка и не могу поправить вины моей. Училъ я другихъ, что всѣ люди братья, а самъ поступилъ какъ извергъ,—освирѣпѣлъ какъ звѣрь и пошелъ громоздить зло противъ зла, и сдѣлалъ и убійство, и хищничество, и разореніе, и содѣлалъ, что жена человѣка стала вдовой, а дѣти его сиротами... И за то я чувствую, что осужденъ я въ духѣ моемъ и приставленъ ко мнѣ простирающійся во мнѣ истязатель. Встану скорѣй и пойду назадъ въ пустыню, откуда бѣжалъ, найду шатеръ варвара и его вдову и сиротъ — повинюся передъ нею въ убійствѣ и отдамъ себя на ея волю: если хочетъ, пусть обратитъ меня въ раба, и я буду вѣчно трудиться для нея и ея сиротъ, а если хочетъ— пусть отдастъ меня на судъ кровныхъ своихъ, и приму отъ нихъ отмщеніе.

Сказавъ это себѣ, Данила поднялся и пошелъ на дрожащихъ ногахъ въ обратную сторону, а эѳіопъ былъ съ нимъ и говорилъ:

— Иди, Данила, на рабство и на казнь,—иди не оглядывай, чтобы не было тебѣ еще что-нибудь худшее, потому

что ты убилъ человѣка, ты расхитилъ его имѣніе и сдѣлалъ жену его вдовою, а дѣтей его сиротами. Не ищи оправданія ни въ какой хитрости, потому что не дозволено убивать никого.

И еще шелъ Данила и увидалъ падаль загнаннаго имъ варварскаго коня, надъ которымъ теперь сидѣли орлы и рвали его внутренности..

Но сколько онъ дальше ни шелъ—не находилъ ни шатра, ни верблюда, а сталъ чувствовать, что силы его оставляютъ и всѣ слѣды и примѣты пустыни въ глазахъ его путаются.

Видитъ Данила вокругъ себя махровые крины и бѣлоснѣжныя лиліи, а между нихъ человѣчьи и верблюжьи слѣды и туда и сюда по стени перекрещены во всѣ стороны, и надо всѣмъ то свѣтъ сверкнетъ, то вихорь завьется, а въ немъ самомъ, въ глубинѣ его духа, будто тьма застилаетъ все и обнимаетъ его эѳіонъ и валитъ его какъ комъ въ извѣтренную горячую пыль и самъ въ немъ ложится и засыпаетъ...

«О, горе! подумалъ Данила: это вѣдь ангелъ тьмы посылается въ плоть мнѣ! Какое есть отъ него избавленье?»

Не придумалъ онъ себѣ избавленія и не скоро послѣ этого открылъ опять свои глаза Данила, а открывши, долго не могъ опознаться: въ какомъ онъ мѣстѣ находится. Чувствуетъ онъ въ воздухѣ палящій зной, на небѣ горитъ огнемъ жгучее солнце, но онъ заслоненъ отъ припека, — кто-то прибралъ его въ тѣнь,—онъ лежитъ на сухомъ тростникѣ подъ окошцемъ. Въ окошцѣ прохладно за оградой изъ сложенныхъ камней, по камнямъ ползутъ желтыя плети тыквы, а какъ разъ противъ его глазъ бѣлый мѣловой срѣзъ и въ немъ узкій входъ въ мѣловую пещерку; возлѣ входа сидитъ на колѣняхъ старичокъ и плететъ руками корзинку.

Старичокъ какъ замѣтилъ его пробужденіе — сейчасъ и заговорилъ ласковымъ голосомъ:

— Будь благословенъ Господь, возвращающій тебя къ жизни. Сейчасъ я подамъ тебѣ воды.

Данила спросилъ:

— Какъ твое имя, авва?

— Имя мое «грѣшникъ», отвѣчалъ старичокъ, — но не тревожь себя разговоромъ, укрѣпись и тогда побесѣдуемъ. А пока знай, что ты находишься среди христіанъ на богошественной горѣ Синаѣ, а это моя пещерка, гдѣ я прожилъ уже сорокъ лѣтъ, а привезъ тебя сюда христіанскій караванъ, который поднялъ тебя сожженнаго солнцемъ и лишеннаго чувствъ въ дикой пустынѣ.

Когда же Данила обмогнулся, онъ разсказалъ пустыннику все, что съ нимъ было, ничего не утаивъ, и выразилъ скорбь свою и жалобу: какъ мучитъ его совѣсть за убійство человѣка, и сталъ просить у старца совѣта. Старецъ же ему отвѣчалъ:

— Я простой, бѣдный грѣшникъ, и не умудренъ, чтобы подавать совѣты, гдѣ нужно большое познанье. Насъ, неученыхъ, стали теперь вразумлять патріархи. Иди въ Александрію къ Тимоѳею—онъ въ санѣ великомъ и знаетъ какъ судить всякое дѣло.

Данила всталъ и пошелъ въ далекій путь въ Александрію, гдѣ въ ту пору сидѣлъ на патріаршемъ престолѣ Тимоѳей Элуръ *).

Данила пошелъ къ патріарху.

Патріархъ былъ занятъ тѣмъ, какъ въ это время стояли церковные споры Византіи съ римскимъ папою, и, выслушавъ бѣднаго пришлеца, сказалъ ему:

— Что ты напрасно нудишь себя и безъ дѣла докучаешь пустяками нашему смиренію. Ты былъ въ неволѣ насиліемъ и въ томъ, что ты убилъ некрещенаго варвара, тебѣ нѣтъ никакого грѣха.

---

*) Αἴλοδρος—вертунъ, переметчикъ, вертихвостъ. Онъ былъ монофизитъ, но поддѣлывался по обстоятельствамъ къ чему выгоднѣе представлялось (См. Церк. Ист. Гассе).

— Но меня мучитъ моя совѣсть—я заповѣдь помню, которою никого убивать не позволено.

— Убійство варвара къ тому не подходитъ. Это не то, что убійство человѣка, а все равно, что убійство звѣря; а если боишься отвѣта—иди въ храмъ убѣжный.

Но Данила искалъ не того и не утѣшили его слова Тимоѳея.

— Можетъ быть правду о немъ говорятъ, что онъ не право держитъ ученіе Христово. Не пощажу трудовъ моихъ и пойду въ Римъ къ папѣ,—онъ вѣрно иначе разсудитъ и научитъ меня, что мнѣ сдѣлать.

Пришелъ Данила въ Римъ и удостоился предстать папѣ, который собирался тогда въ Византію и обдумывалъ: какъ согласить то, что ранѣе объявили за несогласное *).

Папа его выслушалъ и говоритъ:

— Тебѣ хорошо сказалъ патріархъ александрійскій,— я съ нимъ въ другомъ не соглашаюсь, а въ этомъ согласенъ: убійство варвара—это совсѣмъ не то, что запрещено заповѣдью. Иди съ миромъ.

— Благодарю, твое святѣйшество, но только яви мнѣ милость—укажи во святомъ Христовомъ Евангеліи то мѣсто, гдѣ это такъ изъясняется?

— Для чего это тебѣ? Какъ ты смѣешь не вѣрить папѣ!

— Прости мнѣ, отвѣтилъ Данила:—слухъ мой слова твои слышитъ и хочу тебѣ вѣрить, но совѣсть не принимаетъ: съ часа убійства я вижу ее въ чернотѣ эѳіопа и черезъ то не могу быть въ мирѣ.

Папа опалился на Данилу и сказалъ ему выйти вонъ.

Данила удалился, но все чувствовалъ, что мира въ немъ нѣтъ,—что совѣсть его попрежнему говоритъ то же самое, что внималъ съ перваго раза въ пустынѣ, и ни папа, ни патріархъ его эѳіопа не умыли.

---

*) Папа римскій упомнается въ старыхъ книгахъ, употребляемыхъ въ русскомъ старовѣріи, которое къ «старому Риму» относится съ уваженіемъ.

— Нельзя мнѣ такъ это дѣло оставить, подумалъ Данила:—эти оба священства теперь сильно заняты другимъ—какъ имъ другъ друга оспорить, но вѣдь, кромѣ ихъ, есть еще другіе патріархи, которые, можетъ быть, иначе умствуютъ. Мнѣ не сладить съ собою и я себя не пожалѣю: пойду ко всѣмъ патріархамъ, въ Ефесъ и въ Ерусалимъ, въ Царьградъ и въ Антіохію. Который-нибудь изъ сидящихъ на престолахъ патріарховъ умудритъ меня и скажетъ, какъ я могу убѣлить терзающаго меня эѳіопа.

Пошелъ Данила въ Ефесъ, добился свиданія съ тамошнимъ патріархомъ и открылъ ему объ убійствѣ варвара и объ отвѣтахъ александрійскаго патріарха и римскаго папы и, кланяясь, сказалъ ему:

— Помилуй меня, святой отецъ,—дай мнѣ средство утолить муки моей совѣсти. Папа и святѣйшій Тимоѳей тебѣ не указъ, ты самъ напоенъ божественной мудрости и зришь въ тайны Божіи: капни каплю благоразумія твоего въ мой бѣдный разумъ; скажи, что мнѣ дѣлать?

Ефесскій патріархъ отвѣчалъ, что онъ, конечно, имѣетъ свой даръ проницать въ тайны смотрѣнія, не пытая ума у Тимоѳея и папы, но на тотъ счетъ, о чемъ Данила проситъ, онъ согласенъ и съ Тимоѳеемъ, и съ папою: убить варвара вовсе не противно ученію христіанскому.

— Вотъ я только въ этомъ и хочу удостовѣренія: покажи мнѣ это въ словѣ Христовомъ?

Патріархъ ефесскій не показалъ, а сказалъ: «Что тебѣ еще надо! Ты невѣжда», и не захотѣлъ съ Данилою больше разговаривать, а отпустилъ его, какъ и прежніе,—съ миромъ.

Отправился Данила въ Царьградъ, въ Іерусалимъ и въ Антіохію и исповѣдывалъ свою совѣсть патріархамъ цареградскому, іерусалимскому и антіохійскому, и всѣ они, хотя объ иномъ, чего Данила и понять не старался, разсуждали другъ съ другомъ несходно, но насчетъ убійства человѣка другой вѣры всѣ были одного мнѣнія: всѣ сказали, что убить

иновѣрца и обидчика это вовсе не грѣхъ, и что Данилѣ совсѣмъ не о чемъ скорбѣть, что онъ убилъ варвара.

— Но что же мнѣ сдѣлать съ эѳіопомъ! Вы не знаете, какъ черенъ и смраденъ эѳіопъ, который живетъ въ моей совѣсти, говорилъ имъ Данила.

А они ему отвѣчали:

— Перестань мыть этого эѳіопа,—это все равно что бороздить огонь и варить камни.

Данила не зналъ больше высокоосвященныхъ владыкъ и съ горя рѣшился идти въ свой городъ, откуда былъ родомъ, чтобы предстать тамъ своему князю и просить надъ собою суда за убійство.

И когда Данила легъ спать въ эту ночь, онъ увидѣлъ въ полуснѣ совѣсть свою: она уже не была такъ черна, какъ муринъ, а показалась ему смуглою какъ дитя, рожденное отъ эѳіопки и эллина.

Добрался Данила до своего города и, не разыскивая сродниковъ, сталъ похаживать около княжаго терема, съ надеждою увидать кого-нибудь изъ княжескихъ отроковъ и просить ихъ привести его передъ лицо князя.

Отроки спали, а замѣтилъ Данилу княжій приспѣшникъ и закричалъ на него:

— Что ты здѣсь, нѣтягъ лѣнивый, болтаешься. Вѣрно усталъ и оголодалъ отъ праздности и пришелъ сюда обнюхивать кухонные очаги у князя! Здѣсь нѣтъ для тебя лакомыхъ снѣдей!

А Данила отвѣтилъ:

— Я не ищу обонять очаги, чтобы насытиться лакомыхъ снѣдей, и совсѣмъ не забочусь о моемъ нутреннемъ мѣшкѣ. Если бы я хотѣлъ откармливать себя какъ птицу, жирѣющую впотьмахъ невѣдѣнія, я не обошелъ бы столько, сколько обошли мои ноги.

Приспѣшникъ подумалъ: быть-можетъ это отецъ Мартіанъ, который въ два года обѣжалъ сто шестьдесятъ четыре города, скрываясь отъ женщинъ, и все-таки вездѣ ихъ

находилъ,—и онъ закинулъ за плечи свой фартукъ и положилъ ложку, которою снималъ пѣну, и сказалъ:

— Я, пожалуй, налью тебѣ сочнаго варева и отрѣжу печенаго мяса, а ты съѣшь поскорѣй и разскажи мнѣ: какъ ты отъ женщинъ бѣжалъ и какъ онѣ за тобой гнались и какимъ родомъ тебя соблазняли.

Данила отвѣтилъ, что онъ ни взвара, ни мяса не хочетъ и женщины ему нигдѣ жить не мѣшали.

— Такъ чего-жъ тебѣ нужно и зачѣмъ ты пришелъ?

— Я убилъ человѣка и мучаюсь отъ этого въ совѣсти. Я уже обошелъ всѣхъ патріарховъ и папу и всѣмъ каялся.

— Вотъ ты счастливецъ, сколько ты видѣлъ святыни. Это не то, что я несчастный верчусь у моего очага. Хочешь, я тебя угощу крыломъ красной птицы, а ты мнѣ скажи поскорѣй, что сказали тебѣ патріархи и папа?

— Они мнѣ сказали, что на мнѣ нѣтъ грѣха за убійство, но я этого не чувствую и пришелъ теперь къ князю.

— А это ты и напрасно сдѣлалъ, сказалъ приспѣшникъ.—Я отъ природы охотникъ все знать, и скажу тебѣ прямо, что если тебѣ не удовольнилъ своимъ прощеніемъ патріархъ, носящій образъ великаго Марка, то можетъ ли князь что-нибудь тебѣ сдѣлать. Онъ тебѣ не проститъ убійства.

— Вотъ я того-то и желаю, отвѣчалъ Данила.

— Ты хочешь получить смертное наказаніе?

— Я хочу получить то, чего я достоинъ, чтобы духъ мой отстрадалъ свою вину и очистился.

— А это тоже любопытное дѣло: у князя есть судбищное мѣсто, гдѣ онъ садится и разбираетъ народъ. Ты погложи здѣсь вотъ эту лепешку, а я разбужу княжьихъ отроковъ и приду послушать, когда князь разберетъ твое дѣло: велитъ ли онъ тебя распять на деревѣ, или прикажетъ тебя отвести на потраву въ звѣринецъ.

Приспѣшникъ побѣжалъ сказать о Данилѣ княжимъ отрокамъ, а тѣ взяли его, отвели къ темничному стражу и ве-

лѣли держать подъ крѣпкимъ карауломъ, пока князь захочетъ судить людей и тогда его потребуетъ.

Набили Данилѣ на шею тяжелую колодку и бросили его въ яму надолго.

Дожидался Данила въ ямѣ княжьяго суда не день, не два и не мѣсяцъ, а много лѣтъ; во все это время князь былъ то на ловахъ, то въ бояхъ, на пирахъ и въ пристаньяхъ, но, наконецъ, разъ онъ воротился въ свой стольный городъ и, всѣми иными дѣлами наскучивъ, захотѣлъ разсудить ожидавшихъ его связней. Вышелъ для этого князь изъ терема и сѣлъ на свое мѣсто, а отроки начали подводить къ нему одного за другимъ виноватыхъ и сказывать на нихъ вины, какими кто преступился.

Князь всѣхъ разсудилъ и приказалъ, кто кому долженъ заплатить и кого за какую провинность чѣмъ наказать надо, а когда дѣло дошло до Данила, то отроки о немъ сказали:

— Этотъ старый человѣкъ, котораго видишь (ибо Данила уже состарѣлся)—явился самъ на твой судъ по своей доброй волѣ. Онъ сказываетъ на себя убійство человѣка, а гдѣ и надъ кѣмъ онъ то убійство сдѣлалъ, это онъ тебѣ одному откроетъ.

Князь удивился, что Данила уже старъ и слабъ—такъ, что едва ли онъ могъ съ кѣмъ-нибудь сильничать и кого-нибудь убить?

А Данила ему отвѣчаетъ:

— Это я состарѣлся, княже, отъ моего грѣха. Истерзала меня совѣсть, въ которой я много лѣтъ волочу эѳіопа, но когда я сдѣлалъ убійство, я тогда былъ еще молодъ. Дозволь разсказать тебѣ все и разсуди меня, какъ бы я только вчера сдѣлалъ мой грѣхъ.

— Хорошо, сказалъ князь:—я тебѣ это обѣщаю.

Данила и разсказалъ князю все и прибавилъ, какъ онъ ходилъ ко всѣмъ патріархамъ и къ папѣ, и что они ему отвѣчали.

— Что же: неужели тебя это не облегчило? вопросилъ князь.

— Нѣтъ, мнѣ стало еще тяжелѣе.

— Отчего?

— Оттого, княже, что я началъ думать: не закрыли-бъ отъ глазъ нашихъ слово Христово слова человѣческія, тогда отбѣжитъ отъ людей справедливость и законъ христіанской любви будетъ имъ все равно какъ бы неизвѣстенъ. Я боюсь соблазна и не ищу далѣе вразумленія отъ освященныхъ, а предсталъ предъ тобою и прошу себѣ кары за смерть человѣка.

И Данила упалъ и простерся передъ княземъ на землю.

Князь же, взглянувъ на Данилу пристальнымъ взглядомъ и видя на лицѣ его слезы и терзающую скорбь, отвѣчалъ:

— Старикъ, ты смутилъ меня. Давно не видалъ я того, что на лицѣ твоемъ вижу: вотъ ты имѣешь добрую совѣсть и я вижу, что ее носить не легко. Радъ бы тебѣ я помочь, но суда патріарховъ я отмѣнять не могу, а, какъ князь, въ своемъ смыслѣ еще нѣчто добавлю. Если бы ты убилъ человѣка нашего княжества и святой вѣры нашей, тогда я бы тебя осудилъ къ платежу, или къ казни на смерть, но какъ же я тебя осужу, когда ты убилъ врага-супостата, некрещенаго варвара! Не они ли, скажи, дѣлаютъ изъ-за рубежа набѣги на княжество наше, не они ли угоняютъ нашъ скотъ и уводятъ людей? Какъ же намъ ихъ жалѣть?.. По моему, ты хорошо сдѣлалъ, что убилъ одного варвара, а еще бы лучше сдѣлалъ, если бы убилъ семерыхъ варваровъ, тогда бы ты отъ меня еще большей хвалы былъ бы достоинъ.

Данила же, услыхавъ это княжее слово, ощутилъ въ груди своей живую бодрость и сказалъ:

— О, князь! хорошо ты говоришь объ угнатомъ скотѣ, но жалко, что о забытомъ Христѣ плохо знаешь: мечъ изощряешь, мечемъ погубляешь и самъ отъ меча можешь погибнуть.

И сталъ Данила вдругъ горячо говорить изъ Христо-

выхъ словесъ о врагахъ, и такъ пронялъ всѣхъ, что князь поникъ головою и все его слушалъ, а потомъ сказалъ:

— Иди, авва, слово твое вѣрно, да въ насъ не мѣстится, ибо наше благочестіе со властію сопряжено и страхомъ ограждается,—и, не глядя на Данилу, князь поднялся и пошелъ къ себѣ въ теремъ, а отрокамъ своимъ велѣлъ хорошо накормить Данилу, дать ему одежду и отпустить, куда хочетъ. Но Данила велѣлъ сказать поклонъ князю, но ни хлѣба, ни соли ѣсть не сталъ и одежды не принялъ, и не пошелъ въ городъ, потому что тамъ всѣ въ заботахъ какъ въ волнахъ на тонущемъ кораблѣ заливаются, а пошелъ за городъ, какъ былъ, въ своемъ рубищѣ. Пройдя много, онъ очутился въ далекомъ, безмолвномъ и возвышенномъ мѣстѣ, откуда передъ нимъ открывалась безбрежная степь. Душѣ Данилы здѣсь стало легче, чѣмъ было въ Римѣ и въ Византіи, и передъ судилищемъ князя; жизнь его быстро пробѣгала теперь передъ нимъ, какъ скороходъ на площади, и онъ всю ее снова увидѣлъ. Онъ припомнилъ, какъ отбѣжалъ бодрый отъ рукъ матери, а до теперешней черты достигъ утомленный, и на зло себѣ слышитъ, что все его горе совсѣмъ будто и не горе, никто его не осуждаетъ за то, что онъ убилъ человѣка иной вѣры и иной державы, а еще всѣ ему въ ладоши плещутъ, но за то эѳіопъ его своего мѣста держится: онъ только мало посвѣтлѣлъ, но сидитъ въ немъ попрежнему.

— Немилосердный ты! воскликнулъ, ударивъ себя въ грудь, Данила.—Куда я тебя ни носилъ, кому я тебя ни показывалъ, никто мнѣ не далъ средства убѣлить твое безобразіе: чего же ты отъ меня хочешь?

А эѳіопъ ему отвѣчалъ:

— Слѣпецъ ты, бѣдный Данила! Какъ это ты во столько лѣтъ не умѣлъ узнать: кто тебѣ другъ и кто недругъ? Я твой другъ, потому что я не даю тебѣ покоя, а ты себѣ врагъ, потому что ты ищешь забыть меня. Безъ меня ты могъ бы остаться съ обольщеніемъ, которое бы тебя погубило.

Данила подумалъ и понялъ, что гнетущую его совѣсть

взаправду надо считать не за кару неумолимаго Бога, а за доброе напоминаніе, не допустившее Данилу до легкаго усыпленія себя, и онъ обрадовался и, заплакавъ отъ счастія, воскликнулъ:

— Какъ благъ Ты, о Боже, меня наказуя! Но гдѣ же, о гдѣ взять исцѣленья тому, кто угасилъ свѣтильникъ жизни, не имъ запаленной?

— Какъ пролитой на землю воды не сберешь обратно въ кувшинъ, такъ не возвратишь и жизнь тому, у кого ее отнялъ, прозвучалъ эѳіопъ.—И ты долженъ былъ это знать и, сдѣлавъ зло, не тратить силы и время на разговоры, а долженъ былъ дѣлать дѣло.

— Но что же я могу дѣлать?

— Смотри не такъ высоко, а пониже.

Данила встрепенулся и сталъ вглядываться вдаль по землѣ. Опять онъ видитъ ту же сухую степь, но за то впереди себя, и невдалекѣ, замѣчаетъ что-то ни на что не похожее. Лежитъ что-то такое неимѣющее вида, — что-то одного цвѣта съ пылью, не живое и не мертвое, — будто какъ комъ земли, а межъ тѣмъ содрогается.

Данила всталъ и пошелъ къ этому неподобію и увидѣлъ зловоннаго прокаженнаго человѣка, у котораго уши и носъ, и персты на рукахъ и ногахъ—все отпало, и черепъ обнажился, и глаза выпали,—а зіяла только одна пустая пасть на мѣстѣ рта и оттуда исходитъ невыразимый смрадъ и сиплое шипѣніе.

«Кто его сюда занесъ и кто его здѣсь поитъ и кормитъ?» подумалъ Данила. «Но пока не вижу того, кто о немъ заботится, пойду, принесу для него пищи и напою его водою».

Отыскалъ Данила воды и принесъ въ пригоршняхъ и съ ужасомъ сталъ вливать ее въ пасть прокаженному, а потомъ остался ждать того, кто придетъ и уберетъ его на ночь. Но никто не приходилъ, а межъ тѣмъ спустилася тьма и сдѣлался рѣзкій холодъ, и прокаженный началъ ежиться и щелкать пастью. Это было такъ страшно, что

не только сердце, но всѣ кости въ Данилѣ затрепетали, и онъ вдругъ понялъ, что ему надо дѣлать, и сказалъ себѣ:

— Вотъ мнѣ урокъ и работа. За то, что я смѣлъ считать Бога безсильнымъ измѣнить къ добру живую душу варвара и убилъ его, я долженъ отдать мою жизнь тому, кто безъ надежды страдаетъ. Стану служить этому безнадежному трупу, доколѣ въ немъ тлѣетъ угасающій уголь его жизни.

И Данила снялъ съ себя, какое на немъ было, ветхое лохмотье и одѣлъ имъ прокаженнаго, а самъ остался голый. Потомъ онъ опять нашелъ воду и еще разъ напоилъ больного изъ своихъ ладоней; потомъ отыскалъ въ глинѣ ущелинку, раскопалъ ее пошире руками и снесъ туда прокаженнаго. Къ тѣлу Данилы прилипали струпья и гной прокаженнаго, но ему не было скверно и онъ не боялся заразиться. Онъ нашелъ дѣло и сталъ жить около прокаженнаго, ходя днемъ на торгъ, на поденщину, а ввечеру приносилъ прокаженному пищу. Такъ и шло, пока узнали, что онъ сообщается съ прокаженнымъ и не стали его пускать въ городъ. Тогда онъ насѣялъ бобовъ, они скоро взросли, и Данила, и прокаженный—оба ими питались.

Когда же прокаженный совсѣмъ распался и жизнь его оставила, тогда Данила понялъ, что ему надлежало бы начать съ первой минуты, когда онъ совершилъ грѣхъ, убивъ варвара, но теперь онъ былъ уже старъ и не могъ принести людямъ такой пользы, какую могъ бы приносить въ хорошей порѣ своей.

— О, Данила! Данила! сказалъ онъ себѣ,—не драть бы тебѣ взоры высоко, а давно глядѣть бы по землѣ да искать, кому ты могъ быть полезенъ. А теперь вотъ и издыхай какъ старый песъ: ты уже никому ни на что не годишься.

— О, авва! авва! Какъ я тебя ищу, и какъ ты мнѣ нуженъ! прозвучалъ къ нему голосъ, и Данила увидалъ передъ собою юношу въ пышной одеждѣ.

— Авва, началъ онъ,—я пришелъ къ тебѣ издалече: я былъ большой грѣшникъ.

— Что же дѣлать Исправься.

— Да, я узналъ, въ чемъ ученье Христа, и хочу жить по Его примѣру.

— Ты блаженъ, отвѣчалъ Данила.

— Я разстался съ людьми и пришелъ къ тебѣ, чтобы быть твоимъ ученикомъ.

— Если тебя коснулася любовь Христа, то тебѣ уже непристойно быть ничьимъ ученикомъ.

— Такъ ты, по крайней мѣрѣ, хоть однажды поруководи меня.

— Хорошо. Только будь мнѣ послушенъ.

— Ей, авва, буду.

— Оставайся при одномъ ученьи Христа и иди служить людямъ.

ПОВѢСТЬ О БОГОУГОДНОМЪ ДРОВОКОЛѢ.

Въ очень отдаленныя времена, въ кипрскихъ окрестностяхъ была однажды ужасная и продолжительная засуха. Всѣ плоды и полевые злаки погибли, и люди, видя неминуемое бѣдствіе отъ угрожающаго имъ голода, пришли въ самое тягостное уныніе. Всѣ молились и просили дождя, но дождя не было.

Во главѣ тамошняго мѣстнаго духовенства находился тогда епископъ, человѣкъ, надо полагать, очень добрый, участливый и чистосердечный. Онъ принималъ скорбь народа близко къ своему сердцу и самъ усердно молился, чтобы Богъ послалъ дождь на землю, но дождя все-таки не было.

Раскаленное небо оставалось безоблачно и солнце сожигало безъ милосердія все, что осталось въ несчастной странѣ еще несожженнымъ.

Народъ пришелъ въ ужасъ, близкій къ отчаянію.

Гдѣ же еще искать спасенія? На что еще уповать и надѣяться, когда и моленіе епископа не помогаетъ?

Кто же еще можетъ помолиться лучше, чѣмъ епископъ, и чья молитва можетъ быть доходнѣе до Бога? Епископъ—развѣ это не первое лицо во всемъ духовенствѣ и развѣ кромѣ него есть кто-нибудь другой, кто бы лучше его зналъ, какъ надо умолить Бога дать людямъ то, чего они у Него просятъ?

Тогда былъ къ епископу «гласъ съ неба»:

«Иди послѣ утрени ко вратамъ города и перваго человѣка, который будетъ подходить къ городу черезъ тѣ ворота, ты сейчасъ же удержи, и *пусть онъ помолится*, и тогда будетъ вамъ дождь».

Епископъ разсказалъ людямъ о томъ, что онъ слышалъ «съ неба», и всѣ положили сойтись завтра утромъ рано въ церковь, а оттуда идти къ воротамъ смотрѣть того, кто подойдетъ, и сдѣлать все такъ, какъ велѣлъ пришедшій съ неба голосъ.

На слѣдующій день, отслуживъ рано утренню, епископъ со всѣмъ своимъ клиромъ пошли къ городскимъ воротамъ. Съ ними, разумѣется, пошли и всѣ люди, ожидавшіе благодѣтельнаго чуда для ихъ истомленной и жаждущей земли. И такъ, всѣ большимъ обществомъ вышли за городскія ворота и стали здѣсь станомъ ожидать избранника, на котораго самъ Богъ укажетъ, какъ на лучшаго молитвенника.

Люди раскинули посреди дороги складное стуло и посадили на него епископа, а клиръ и всѣ прихожане стали вокругъ его и начали смотрѣть вдаль: кого имъ пошлетъ Господь? Всѣ нетерпѣливо желаютъ скорѣе увидать того человѣка, который помолится за нихъ о дождѣ и будетъ услышанъ въ своемъ моленіи?

И вотъ, долго или коротко послѣ ихъ томительнаго ожиданія, вдали на опаленныхъ поляхъ что-то показалося...

Сначала невозможно было разобрать: идетъ ли это пѣшій человѣкъ, или кто-то на ослѣ ѣдетъ... Разстояніе было далекое, да и сверканіе отъ палящаго зноя дѣлало въ глазахъ мреяніе... Но вотъ предметъ приближается и становится яснѣе. Теперь уже видно, что это самый простой пѣшій человѣкъ и притомъ старый, изнеможденный простолюдинъ, весь согнутый и едва передвигающій свои ноги подъ большимъ и очень тяжелымъ обремкомъ сухого хвороста...

Такъ неужто вотъ это онъ и будетъ тотъ молитвенникъ, молитва котораго взойдетъ къ Богу лучше, чѣмъ молитва цѣлаго клира и самого епископа?

Епископъ и люди всѣ переглянулись другъ съ другомъ и въ недоумѣніи пожали плечами. Удивительно, чтобы еле двигающійся подъ вязанкою дровъ мужикъ былъ всѣхъ лучше для вознесенія Богу молитвы объ общественномъ бѣдствіи? Но, однако, какъ никого другого, кромѣ этого старика, не показывалось, то выбирать было не изъ кого и епископъ рѣшился остановить дровокола и просить его вознести къ Богу моленіе, о чемъ клиръ и епископъ возсылали свои молитвы безуспѣшно.

А старикъ, кряхтя и спотыкаясь, все помаленьку подходилъ ближе къ воротамъ города и, сколько зной и усталость ему позволяли, онъ тоже удивлялся: по какому случаю и для какой цѣли собралось у воротъ необыкновенное множество людей и почему съ ними впереди всѣхъ сидитъ на стулѣ самъ кипрскій епископъ?!

Конечно, удрученный тяжелою ношею, старикъ не имѣлъ и самой отдаленной мысли, что все это большое собраніе людей съ епископомъ вышли за тѣмъ, чтобы встрѣтить именно его, согбеннаго нищаго, и просить его молитвъ за весь край.

Подходитъ старикъ еще ближе и видитъ, что всѣ на него смотрятъ и что самъ епископъ встаетъ предъ нимъ съ своего мѣста и ему, простому, бѣдному работнику, *кланяется*.

Старикъ оторопѣлъ, сбросилъ поскорѣе со спины на землю оберемокъ хворосту и говоритъ:

— Прости мя, отче!—и попросилъ у епископа благословенія.

Но епископъ опять *поклонился* ему и сказалъ:

— «Авво» (sic), Господа ради помолися о насъ, да пошлетъ намъ Господь свою милость и да будетъ сегодня дождь на землѣ.

Старикъ изумился тому, что слышитъ. Къ чему это статочно, чтобы его, ненаученнаго простого человѣка, епископъ просилъ молиться? И онъ отвѣчалъ:

— Я недостоинъ, отче, чтобы въ твоемъ присутствіи слова молитвы восходили изъ моихъ устъ. Это тебѣ, отче, всѣхъ болѣе прилично помолиться объ общемъ бѣдствіи, ты и помолись, а я не смѣю.

По старику стали говорить, что епископъ уже молился, но что Богъ не исполнилъ его молитвы и не низвелъ дождя на землю. «А теперь, говорятъ,—на тебя вышло указаніе епископу и ты не долженъ отказываться, а долженъ сейчасъ же стать и молиться».

Старикъ все еще и тогда не рѣшался, и потому, чтобы преодолѣть застѣнчивость этого дровокола, его «принужденіемъ» поставили на колѣни на его хворостъ и заставили молиться.

Старикъ болѣе не спорилъ, и какъ умѣлъ, такъ и началъ молиться, а съ неба сейчасъ же заросило и пошелъ благодатный дождь...

Всѣ не знали, какъ довольно нарадоваться объ этакой благодати, и не знали, какъ имъ и возблагодарить за нее Бога и пріятнаго ему молитвенника, котораго «голосъ съ неба» указалъ, какъ *наилучшаго богомольца*.

А какъ только долго жданный дождь обильно оросилъ и до-сыта напоилъ жаждавшую землю и все въ поляхъ и въ садахъ освѣжилось, то повеселѣло и на сердцахъ у людей и сейчасъ пошли прохладныя бесѣды у каждаго съ ближнимъ своимъ. Тогда наступило время и епископу поговорить съ дровоколомъ и онъ захотѣлъ узнать: какое житіе проводитъ этотъ человѣкъ, который Богу такъ угоденъ и пріятенъ?

Епископъ такъ прямо его объ этомъ и спросилъ, но старикъ не умѣлъ сказать ему о себѣ ничего замѣчательнаго и епископу показалось, какъ будто онъ отъ него что-нибудь утаиваетъ.

— Яви мнѣ любовь, отче (sic), сталъ его упрашивать епископъ.—Я не для своего любопытства, а *ради пользы* многихъ людей прошу тебя: открой намъ, чѣмъ ты такъ угодилъ Богу, что Онъ твою молитву лучше всѣхъ слушаетъ и даетъ просимое по твоему моленію.

А старецъ отвѣчаетъ:

— Ей, отче, не вѣдаю.

— Ну, для того-то и разскажи намъ, какъ ты живешь,— и мы всѣ тебѣ поревнуемъ, чтобы стать такими же какъ ты, чтобы и наши молитвы шли прямо въ пріемъ Богу. Не таи ничего,—скорѣе сказывай!

Тогда старикъ проговорилъ епископу:

— Повѣрь мнѣ, господинъ, что я все бы вамъ съ охотою разсказалъ, да въ томъ дѣло, что мнѣ, право, разсказать-то вамъ совсѣмъ нечего. Я самый обыкновенный грѣшникъ и провожу мою жизнь въ ежедневной житейской суетѣ и въ хлопотахъ. Мнѣ выпала такая доля, что даже и раздумать о богоугодныхъ дѣлахъ мнѣ некогда, потому что я себѣ до старости ничего во всю жизнь не припасъ и теперь, уже слабый и немощный, не имѣю ни отдыха, ни покоя.

— Однако, въ чемъ же проходитъ твоя жизнь?

— Да вотъ она въ чемъ проходитъ: просыпаюсь я рано и выхожу изъ города и иду съ топоромъ въ лѣсъ. Тамъ я нарублю хорошій оберемокъ валежнику, который всякому собирать дозволено, и тащу мою связку въ городъ, какъ всѣ вы сегодня видѣли, когда меня встрѣтили у воротъ.

— Ну, а далѣе?

— А далѣе,—въ городѣ я продаю свой хворостъ на топливо, а за тѣ деньги, которыя выручу за хворостъ, покупаю себѣ хлѣба и съѣдаю его.

— И другого у тебя занятія нѣтъ никакого?

— Нѣтъ никакого, отче.

— А гдѣ же твое жилище?

— Да вотъ жилища-то у меня тоже никакого нѣтъ и никогда не было. А когда я устану и мнѣ надо отдохнуть

или переночевать, то я залѣзу подъ церковь и тамъ подъ поломъ свернусь и высплюсь.

Было это давно и въ то время церкви были маленькія, деревянныя и строили ихъ на «стоянахъ» или проще сказать, на столбикахъ, и подъ полъ такихъ малыхъ церквей можно было, согнувшись, входить и тамъ прятаться отъ стужи и дождя. Такія церкви были и въ Россіи, да еще и по сіе время встрѣчаются кое-гдѣ въ бѣдныхъ мѣстахъ на сѣверѣ. Подъ поломъ ихъ находятъ отдыхъ овцы, телята и нищіе.

— Ну, а когда холодно или если подымется такая непогода, что нельзя собирать дровъ, спросилъ епископъ:— что же ты тогда дѣлаешь?

— А тогда я, хоть и день и два, все жду сидя тамъ же подъ церковнымъ поломъ.

— А что же ты тогда кушаешь?

— Зачѣмъ же не трудяся кушать? я тогда поголодую, пока опять Господь дастъ ведрышко, а когда станетъ хорошая погода, я благодарю Господа, встаю и опять иду за хворостомъ. Вотъ тебѣ и вся моя жизнь.

Отъ этого простого разсказа—Прологъ говоритъ:—«пользу пріимъ не малу епископъ съ клиросомъ его. Тако и вси прославиша Бога о трудѣ старче, и рекоша ему: воистину ты еси совершилъ Писаніе, глаголюще: яко рече пришлецъ есмь азъ на землѣ».

Епископъ взялъ этого собирателя хвороста къ себѣ и «питалъ его, и далъ ему покой, дондеже представися къ Богу».

ПРЕКРАСНАЯ АЗА.

«Любовь покрываетъ множество грѣховъ».
I Петра IV. 8.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ Александріи египетской жила одна очень молодая и очень красивая дѣвушка, египтянка, по имени Аза. За ея красоту ее называли «Прекрасною Азой». Она была круглая сирота. Родители ея умерли едва только она вышла изъ дѣтства и оставили ей большое богатство. Аза имѣла благоустроенный домъ и обширный виноградный садъ по скату къ рѣкѣ Нилу. Наслѣдства, которое получила Аза, достаточно было бы, чтобы ей прожить цѣлую жизнь въ полномъ довольствѣ, но молодая египтянка была чрезвычайно добра и участлива ко всякому человѣческому горю и ничего не жалѣла для того, чтобы помочь людямъ, которые находились въ бѣдствіи. Черезъ это съ нею произошелъ слѣдующій роковой случай.

Разъ передъ вечеромъ, когда схлынулъ палящій египетскій жаръ, Аза пошла съ своими служанками купаться къ Нилу. Она выкупалась и, освѣженная, покрывшись легкимъ покрываломъ, тихо возвращалась къ себѣ назадъ черезъ свой виноградникъ. Служанки ея этимъ временемъ оставались еще на рѣкѣ, чтобы убрать купальныя вещи.

Вечеръ послѣ знойнаго дня былъ прелестный; работники, окончивъ свое дѣло, ушли и виноградникъ былъ пустъ. Аза могла быть увѣрена, что она одна въ своемъ саду, но вдругъ, къ удивленію своему, она замѣтила въ одной куртинѣ присутствіе какого-то незнакомаго ей человѣка. Онъ какъ будто скрывался и въ то же время торопливо дѣлалъ что-то у одного плодовитаго дерева. Можно было подумать, что онъ рвалъ плоды и оглядывался, боясь, какъ бы его не поймали вертоградари.

Египтянкѣ пришло на мысль подойти ближе къ незнакомцу съ тѣмъ, чтобы помочь ему скорѣе нарвать больше плодовъ и потомъ тихо проводить его черезъ ходъ, выводившій на берегъ Нила, къ купальнѣ. Съ этою цѣлью Аза и пошла къ незнакомцу.

Но когда египтянка подошла ближе, то она увидала, что этотъ незнакомецъ не срывалъ плоды, а дѣлалъ что-то совсѣмъ другое: онъ закрѣплялъ для чего-то шнуръ къ суку стараго дерева. Это показалось Азѣ непонятно, и она притаилась, чтобы видѣть, что будетъ дальше, а незнакомецъ сдѣлалъ изъ шнура петлю и вложилъ въ нее свою голову... Еще одно мгновеніе и онъ удавился бы въ этой петлѣ, изъ которой слабой дѣвушкѣ не по силамъ было бы его вынуть, а пока она успѣла бы позвать на помощь людей—удавленникъ успѣлъ бы умереть... Надо было помѣшать этому немедленно.

Египтянка закричала: «остановись!» и, бросясь къ самоубійцѣ, схватилась руками за петлю веревки.

Незнакомецъ былъ пожилой человѣкъ, эллинъ, съ печальнымъ лицомъ и въ печальной одеждѣ, съ неподрубленнымъ краемъ. Увидавъ египтяку, онъ не столько испугался, сколько пришелъ въ досаду и сказалъ ей:

— Какое несчастіе! Злой демонъ что ли выслалъ тебя сюда, чтобы остановить мою рѣшимость?

— Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь такъ прекрасна?—отвѣчала ему египтянка.

— Можетъ-быть жизнь и прекрасна для тебя и для подобныхъ тебѣ, которые живутъ въ полномъ довольствѣ. Раньше и я находилъ въ ней хорошее, но нынче судьба отъ меня отвернулась и жизнь моя составляетъ мнѣ несносное бремя: ты не права, что мѣшаешь мнѣ умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мнѣ возможность вылѣзть по моей веревкѣ вонъ изъ этой житейской ямы, гдѣ я не хочу болѣе терзаться между грязью и каленными угольями.

Дѣвушка не соглашалась его оставить и сказала:

— Я не позволю тебѣ удавиться: я закричу и сейчасъ прибѣгутъ мои люди. Лучше возьми свой шнурокъ подъ одежду и поди за мною въ мой домъ: разскажи мнѣ тамъ твое горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сдѣлаю, а если оно въ самомъ дѣлѣ такъ безпомощно, какъ ты думаешь, тогда... выходи отъ меня съ своимъ шнуромъ куда хочешь: я тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на деревѣ.

— Хорошо,—отвѣчалъ незнакомецъ,—и какъ мнѣ ни тяжело медлить на землѣ, но ты мнѣ кажешься такою участливою, въ глазахъ твоихъ столько ума, а въ голосѣ ласки, что я тебѣ хочу повиноваться. Вотъ уже шнуръ мой спрятанъ подъ моею одеждой и я готовъ идти за тобою.

Египтянка привела отчаяннаго незнакомца въ свой благоустроенный домъ, приказала служанкѣ подать фрукты и прохладительное питье и, усадивъ гостя среди мягкихъ подушекъ на пышномъ коврѣ, вышла, чтобы перемѣнить свое купальное платье на другое. Когда же Аза возвратилась, то она сѣла тутъ же рядомъ съ гостемъ, а за ними стали двѣ черныя служанки и легкимъ движеніемъ шелковыхъ кистей начали приводить въ колебаніе спускавшееся съ потолка огромное напитанное ароматами опахало изъ большихъ пестрыхъ перьевъ.

Египтянка желала какъ можно скорѣе узнать горестную исторію незнакомца, что онъ и исполнилъ. Разсказъ его былъ простъ и немногосложенъ. Покусившійся на само-

убійство эллинъ недавно еще имѣлъ большое состояніе, но потерпѣлъ неудачи въ дѣлахъ и до того задолжалъ, что не могъ разсчитаться съ своимъ заимодавцемъ. Въ этомъ затрудненіи онъ прибѣгнулъ къ состраданію заимодавца, но это было напрасно: богачъ соглашался оказать ему снисхожденіе только не иначе, какъ на одномъ ужасномъ условіи.

— Въ чемъ же заключается это условіе?—спросила египтянка.

— Я не могу сказать тебѣ этого при твоихъ слугахъ.

Аза велѣла служанкамъ удалиться.

— У меня есть дочь, дѣвушка твоихъ лѣтъ, по имени Іо. Она такъ же, какъ ты, стройна станомъ и прекрасна лицомъ, а о сердцѣ ея суди какъ можешь по слѣдующему. Заимодавецъ мой, большой и безнравственный сластолюбецъ, сказалъ мнѣ: «отдай мнѣ твою Іо на ложе и тогда я освобожу тебя отъ темницы, иначе ты задохнешься въ колодкѣ». Я оскорбился и не хотѣлъ слышать объ этомъ. Это было мнѣ тѣмъ болѣе тяжко, что у моей бѣдной Іо есть женихъ. Онъ бѣденъ, но имѣетъ возвышенный умъ и и дочь моя горячо его любитъ съ самаго дѣтства; кромѣ того, и жена моя не снесетъ такого безчестья, чтобы дочь наша стала наложницею. Но бѣда настигаетъ бѣду: представь себѣ новое горе: дочь моя все это узнала и сегодня сказала мнѣ тихо:

— «Отецъ, я все знаю... я уже не ребенокъ... я рѣшилась, отецъ... Чтобы на твою старую шею не набили колодку... Прости, мнѣ, отецъ... я рѣшилась...»

Іо зарыдала и я вмѣстѣ съ нею рыдалъ еще больше и сталъ ее отговаривать, но она отвѣчала:

— «Любовь къ тебѣ и къ матери, которая не снесетъ твоего униженія, во мнѣ теперь говоритъ сильнѣй любви къ моему жениху: онъ молодъ, — продолжала она, глотая бѣжавшія слезы, — онъ полюбитъ другую и съ ней пусть узнаетъ счастье супружеской жизни, а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стары... Не

говори мнѣ больше ни слова, отецъ, потому что я твердо рѣшилась».

Притомъ она пригрозила, что если я буду ей противорѣчить, то она не станетъ ждать завтрашняго дня, когда заимодавецъ назначилъ мнѣ срокъ, а уйдетъ къ нему сію же минуту.

Незнакомецъ отеръ набѣжавшія на лицо его слезы и кончилъ:

— Что еще скажу тебѣ дальше. Іо имѣетъ рѣшительный нравъ и нѣжно насъ съ матерью любитъ... Что она порѣшила, противъ того напрасно съ ней спорить... Я упросилъ ее только подождать до завтра и солгалъ ей, будто имѣю еще на кого-то надежду... День цѣлый я ходилъ какъ безумный, потомъ возвратился домой, обнялъ мою жену, обнялъ нѣжную Іо и оставилъ ихъ вмѣстѣ, взявъ тихонько шнурокъ, и побѣжалъ искать уединеннаго мѣста, гдѣ могъ бы покончить мои страданія. Ты мнѣ помѣшала, но за то облегчила горе мое своимъ сердобольнымъ участіемъ. Мнѣ мило видѣть лицо твое, прекрасное и доброе, какъ лицо моей Іо. Пусть благословитъ тебя Небо, а теперь прощай и не мѣшай мнѣ: я пойду и окончу съ собою. Когда я не буду въ живыхъ, Іо не станетъ бояться колодки, которую могутъ набить на шею ея отцу, и она выйдетъ замужъ за своего жениха, а не продастъ себя, ради отца, богачу на безчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь разсказъ незнакомца, а потомъ сказала, глядя ему твердо въ лицо:

— Я понимаю во всемъ твою милую дочь и мнѣ нравится Іо—она добрая дѣвушка.

— Тѣмъ это тяжелѣй для меня,—отвѣчалъ незнакомецъ.

— Я понимаю и это; но скажи мнѣ, сколько ты долженъ заимодавцу?

— О, очень много, — отвѣчалъ незнакомецъ, и назвалъ очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянію египтянки.

— Приди ко мнѣ завтра—я дамъ тебѣ эту сумму.

Незнакомецъ изумился: онъ и радовался, и не могъ вѣрить тому, что слышитъ, а потомъ сталъ ей говорить, что онъ даже не смѣетъ принять отъ нея такую огромную помощь. Онъ напомнилъ ей, что долгъ его составляетъ слишкомъ значительную сумму, и просилъ ее подумать, не подвергаетъ ли она себя слишкомъ большой жертвѣ, которой онъ даже не въ состояніи и обѣщать возвратить ей.

— Это не твое дѣло,—отвѣчала египтянка.

— Притомъ же,—сказалъ онъ:—припомни и то, что я изъ другого народа—я эллинъ, и другой съ тобой вѣры.

Аза на мгновенье опустила рѣсницы своихъ длинныхъ, какъ миндалины, глазъ и отвѣчала ему:

— Я не знаю, въ чемъ твоя вѣра: это касается нашихъ жрецовъ; но я вѣрю, что грязь такъ же маретъ ногу гречанки, какъ и ногу всякой иной, и одинаково каждую жжетъ уголь каленый. Не смущай меня, грекъ; Іо покорила себѣ мое сердце,—иди обними твою дочь и жену и приди ко мнѣ завтра.

А когда незнакомецъ ушелъ, Аза тотчасъ же опять взяла свое покрывало и пошла къ богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цѣну все свое имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Черезъ малое же время, когда прошелъ срокъ сдѣланнаго заклада, ростовщикъ пришелъ съ закладною и взялъ за себя все имущество Азы, а она должна была оставить свой домъ и виноградникъ и выйти въ одномъ бѣдномъ носильномъ платьѣ. Теперь у нея не было ни средствъ, ни пріюта.

Скоро увидѣли ее въ этомъ положеніи прежніе знакомые ея родителей и стали говорить ей:

— Ты безумная дѣвушка, Аза: смотри, до чего тебя довела твоя безразсудная доброта!

Аза отвѣчала, что ея доброта не была безразсудна, потому что теперь она лишь одна потерпитъ несчастье, а

безъ этого погибало цѣлое семейство. Она разсказала имъ все о несчастьи эллина.

— Такъ ты вдвое безумна, если сдѣлала это все для людей чужой вѣры!

— Не порода и вѣра, а люди страдали,—отвѣтила Аза.

Услыхавъ такой отвѣтъ, знакомые почувствовали противъ Азы еще большее раздраженіе.

— Ты хочешь блистать своей добротою къ чужевѣрнымъ пришельцамъ, ну, такъ живи же, какъ знаешь, — и всѣ предоставили ее судьбѣ, а судьба приготовила ей жестокое испытаніе.

Аза не могла избѣжать тяжкихъ бѣдствій по причинамъ, которыя крылись въ ея испытаніи: она совсѣмъ не была приготовлена къ тому, чтобы добывать себѣ средства своими трудами. Она имѣла молодость, красоту и свѣтлый, даже проницающій умъ и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Прелестное, дѣвственное тѣло ея было слабо для того, чтобы исполнять грубыя работы— береговыя поденщицы ее отгоняли; она не могла носить ни корзинъ съ плодами, ни кирпичи на постройки, и когда она хотѣла мыть бѣлье на рѣкѣ, то зола изъ сгорѣвшаго нильскаго тростника разъѣдала ея нѣжныя руки, а текучая вода производила на нее головокруженіе, такъ что она упала въ воду и ее, полуживую, безъ чувствъ, вытащили изъ Нила.

Аза очутилась въ отчаянномъ положеніи. Она была въ мокромъ платьѣ и голодная. Съ ней подѣлилась сухою ячменной лепешкой береговая блудница,—одна изъ тѣхъ, которыя во множествѣ бродили по берегу Нила, поджидая проходившихъ здѣсь вечеромъ чужеземныхъ матросовъ (навклировъ); одна эта женщина подѣлилась съ Азой на ночь своею циновкой, она же прикрыла ее и отъ стужи ночной своею сухою одеждой, а потомъ... Аза стала такою же, какъ эта—прибрежной блудницей.

Всѣ знавшіе Азу отъ нея отвратились — она погибала. Иногда она приходила въ свой бывшій виноградникъ, подъ то самое дерево, на вѣтвяхъ котораго хотѣлъ удавиться избавленный ею незнакомецъ, и вспоминала его разсказъ, и всегда находила, что не могла поступить иначе, какъ она поступила: пусть страдаетъ она, но за то Іо и ея старики спасены!.. Это радовало Азу и давало ей силу терпѣть ея униженіе; но въ другія минуты она была близка къ отчаянію и готова была броситься въ Нилъ. Тогда она садилась надъ кручей на красномъ, какъ огустѣлый комъ крови, песчаномъ холмѣ и размышляла о томъ: неизбѣжно ли такъ всегда должно быть, чтобы добрые были между грязью и каленными угольями?

— Или будь безучастенъ къ горю людскому, или утони въ горѣ самъ? Третій выборъ — плетись между грязью и углемъ. Для чего же тогда нашимъ сердцамъ дано знать состраданіе? Или небо жестоко? Зачѣмъ оттуда никто не сойдетъ и не укажетъ, какъ людямъ сдѣлать жизнь свою лучше, чтобъ отверженныхъ не было и чтобъ не было гордыхъ, пресыщенныхъ и нищихъ? О, еслибъ снизошелъ оттуда такой великій учитель! если былъ бы такой человѣкъ, какъ бы она, бѣдная Аза, хотѣла рыдать у его ногъ и во всю жизнь исполнять все, что онъ ей прикажетъ.

Въ такомъ настроеніи Аза однажды тихо брела вдоль берега Нила, по уединенному мѣсту, и не встрѣчала сегодня даже буйныхъ мореходцевъ. Она уже два дня не ѣла и чувствовала мучительный голодъ. Въ глазахъ у Азы мутилось. Она подошла къ рѣкѣ и нагнулась, чтобы напиться, но сейчасъ же отскочила въ испугѣ: такъ самой ей показалось страшно ея изнуренное лицо, съ померкнувшимъ взглядомъ. А такъ недавно еще никто не рѣшался ее иначе назвать, какъ «прекрасная Аза».

— О, я понимаю теперь, что это значитъ. Я уже больше не «прекрасная Аза»,—я страшна даже самымъ потеряннымъ людямъ!.. Голодъ приблизился, мучительный голодъ...

но я не ропщу... Я посылаю послѣдній привѣтъ мой Небу, которое внушило мнѣ рѣшенье любить другихъ больше себя, и съ тѣмъ умираю!

Она бросилась къ рѣкѣ, чтобы утонуть и непремѣнно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержалъ за плечо, и она, оглянувшись, увидала передъ собою пожилого человѣка, скромнаго вида и въ чужестранной одеждѣ.

Аза приняла его за одного изъ чужестранцевъ, приходящихъ на это мѣсто съ цѣлями, о которыхъ ей было извѣстно, и сказала ему:

— Оставь меня въ покоѣ: я не хочу идти сегодня съ тобою.

Но чужеземецъ не отошелъ, а взглянулъ на нее ласково и сказалъ ей:

— Напрасно думаешь, сестра моя, что я былъ намѣренъ сказать тебѣ что-либо дурное. Мнѣ показалось, что ты въ какомъ-то бореньи съ собою.

— Да; я вынимаю ноги изъ грязи и хочу ступить на горячія уголья. Это требуетъ силы.

— Ты очень слаба.

— Я два дня не ѣла.

— Такъ ѣшь же скорѣе: со мною есть хлѣбъ и печеная рыба.

Чужеземецъ поспѣшно перебросилъ изъ-за спины холщевую сумку и подалъ Азѣ рыбу и хлѣбъ, и флягу воды, стращенной съ виномъ.

Аза стала ѣсть, запивая глотками воды, стращенной съ виномъ, а когда первый мучительный голодъ ея былъ утоленъ, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

— Нехорошо, что я ѣмъ твою пищу, ты путешествуешь и тебѣ нуженъ запасъ для себя.

— Не безпокойся, сестра,—я могу потерпѣть,—и повѣрь, что терпѣть гораздо отраднѣй, чѣмъ видѣть терпящихъ.

Аза вздрогнула.

— Чужестранецъ! сказала она: — ты меня накормилъ и

хорошо говоришь... но зачѣмъ ты два раза уже назвалъ меня своею *сестрою?* Развѣ не понимаешь ты, кто я такая?

— Ты такое-жъ созданіе Бога, какъ я, и сестра мнѣ. Какое мнѣ дѣло, чѣмъ житейское горе и жестокость людей тебя теперь сдѣлали.

Аза вперила въ него свои глаза, опять засверкавшіе бывалымъ огнемъ, и вскричала:

— Ты жжешь меня своими словами: ты, быть можетъ, посланникъ боговъ?

— Я такой же простой человѣкъ, какъ и ты, но всѣ мы посланы сюда Богомъ, чтобы оказывать другъ другу любовь и помогать другъ другу въ горѣ.

— Но если ты простой человѣкъ, то кто научилъ тебя такъ говорить, что сердце мое горитъ и трепещетъ?

— Сядемъ здѣсь вмѣстѣ и я разскажу тебѣ, кто научилъ меня такъ говорить.

Несчастная Аза еще больше смутилась.

— Какъ? сказала она: — ты хочешь сидѣть со мной рядомъ! тебя могутъ увидѣть съ блудницей почтенные люди, и что ты имъ скажешь тогда въ оправданіе?

— Я скажу имъ, что Тотъ, Который всѣхъ ихъ почтеннѣй, не гнушался такою, о какой ты вспоминаешь.

— Кто-жъ это былъ *Онъ?*.. Я о такомъ не слыхала... но ты о Немъ говоришь и слова твои льютъ новую жизнь въ мое сердце... Можетъ быть Онъ-то и есть твой учитель!?

— Ты не ошиблась: это *Онъ* мой учитель.

Аза заплакала.

— Какъ ты счастливъ, какъ ты счастливъ, чужестранецъ! Гдѣ же Онъ, гдѣ этотъ небесный посланникъ?!

— Онъ съ нами.

— Съ нами!.. со мною!.. Не смѣйся надъ бѣдною Азой!.. Аза несчастна... Скажи мнѣ, гдѣ Онъ—я побѣгу... Я стану Его умолять... и, быть можетъ, Онъ дастъ мнѣ новую жизнь.

Чужеземецъ самъ взволновался.

— Успокойся, сказалъ онъ:—ты ее будешь имѣть—новую

жизнь, — развяжись только со старой, — развяжись скорѣй съ тѣмъ, что гнететъ тебя въ прошломъ.

— Слушай же, кто я такая! воскликнула съ оживленіемъ Аза, и разсказала все, что съ ней было, и когда повѣсть ея была окончена, она добавила въ свое оправданіе:

— Говорятъ, будто мнѣ надлежало иначе размыслить, но я не могла: мое сердце тогда одолѣло разсудокъ.

— Кто кладетъ руку на плугъ и самъ озирается вспять, тотъ не пахарь. Не жалѣй о томъ, какъ ты поступила.

Аза потупила взоръ и сказала:

— Я не о томъ сожалѣю... но мнѣ тягостно думать о томъ, что было послѣ...

— Послѣ того, когда ты совершила святѣйшее дѣло любви, прервалъ ее чужестранецъ;—послѣ того, когда ты позабыла себя для спасенья другихъ... оставь сокрушенія эти!.. Когда каленое уголье жжетъ ноги, ноги ползутъ въ холодную грязь, но любовь покрываетъ много грѣховъ и багровыя пятна бѣлитъ, какъ волну на ягненкѣ. Подними лицо твое вверхъ... Прими отъ меня привѣтъ христіанскій и знай, что *Онъ*, къ Кому душа твоя рвется, перстомъ на сыпучемъ пескѣ твой грѣхъ написалъ и оставилъ смести его вѣтру.

Аза подняла лицо свое и плакала, а христіанинъ глядѣлъ на нее, колѣни его незамѣтно согнулись, онъ поклонился ей въ ноги и тихо промолвилъ:

— Живая! живая!

Утѣшенье совершилось, — пришла новая жизнь въ смущенную душу Азы. Христіанинъ раскрылъ ей въ короткихъ словахъ ученье Христово и снова закончилъ похвалой ея сердцу, но Аза непремѣнно хотѣла знать: есть ли люди, живущіе по этому ученію, во взаимной любви, при которой нѣтъ ни осужденія, ни зла, ни нищеты.

— Они были, отвѣчалъ христіанинъ.

— Отчего же не всѣ таковы и теперь?

— Это трудно, сестра.

— Въ чемъ же тутъ трудность?

— Слушай, какъ они жили.

Христіанинъ прочелъ ей на память мѣста изъ Дѣяній:

«У множества увѣровавшихъ въ спасительность Его ученія было одно сердце и одна душа,—никто изъ имѣнія своего ничего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее и все, что у нихъ было, они раздѣляли по нуждѣ каждаго и каждый день собирались вмѣстѣ и вмѣстѣ принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца» (Дѣян. IV, 32).

— Какъ это прекрасно! воскликнула Аза.

— Но какъ это трудно.

«Такъ Іоссія, прозванный отъ апостоловъ Варнавою, что значитъ «сынъ утѣшенія»—левитъ, родомъ изъ Кипра, у котораго было свое помѣстье,—продалъ его и принесъ деньги къ ногамъ апостоловъ» (37).

Послѣ многихъ сумрачныхъ дней лицо Азы освѣтилось отрадной улыбкой: Варнава отдалъ помѣстье и назвали его «сынъ утѣшенія»...

Аза выше подняла лицо и сказала:

— Это нетрудно.

— Такъ иди же отсюда, куда я тебя научу, и разскажи тѣмъ людямъ, къ которымъ придешь, все, что ты мнѣ разсказала.

Чужеземецъ назвалъ ей мѣсто, гдѣ сходятся христіане Александріи, и кто ихъ епископъ.

Аза ни минуты не медля, встала и пошла по его указанію.

Когда Аза пришла, ее сейчасъ же узналъ одинъ клирикъ и сказалъ ей:

— Мнѣ знакомо лицо твое: ты очень похожа на блудницу, которая часто ходила по берегу Нила?

— Я сама и есть та блудница, отвѣчала Аза,—но я не хочу возвращаться туда, гдѣ ты могъ меня видѣть,—я хочу быть христіанкой.

— Это прекрасно, но ты должна прежде очистить себя постомъ и раскаяніемъ.

— Я все готова исполнить, что нужно.

Ей сказали, какъ надо поститься, она пошла и долго постилась, питаясь тѣмъ, что ей давали изъ состраданія. Наконецъ она изнемогла и пришла снова съ просьбой крестить ее и принять со всѣми въ общенье. Клирики сказали ей: ты должна принести при всѣхъ покаяніе.

— Да, я затѣмъ и пришла, чтобы сказать всѣмъ, какъ дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу васъ: скажите епископу, что я прошу скорѣе принять меня въ общеніе.

Клирики сказали епископу, а тотъ велѣлъ назначить Азѣ катехизатора, который долженъ былъ протолковать ей символъ и всѣ догматы вѣры и потомъ удостовѣрить ея познанія и тогда Азу будутъ крестить.

Но Аза этого не дождалась; нетерпѣливое желаніе ея получить христіанское имя и жить съ христіанами вмѣстѣ снѣдало ее; она жаловалась и плакала, «а всѣ пренебрегали ею».

Тогда совершилось чудо: когда отверженная египтянка лежала больная «въ малой хлевинѣ», туда къ ней среди ночи вошли «два свѣтлые мужа» и одѣли ее въ бѣлыя, «крестильныя ризы». Въ нихъ и осталось на землѣ мертвое тѣло Азы, а живой духъ ея отлетѣлъ въ обитель живыхъ.

Кончина Азы, одѣтой въ крестильныя ризы, сдѣлала затрудненіе клирикамъ: они недоумѣвали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришелъ тотъ чужестранецъ, который говорилъ съ усопшею Азою у берега Нила. Онъ былъ философъ и пресвитеръ сирійскій, другъ Исаака-сирійца — онъ вернулся сюда съ дороги по внушенію духа. Онъ наклонился надъ Азой и сталъ читать христіанскія молитвы, а пока онъ молился, тѣло Азы зарыли въ землю, но сирієцъ еще долго стоялъ и смотрѣлъ

вдаль — онъ что-то думалъ, онъ былъ въ восторгѣ и двигалъ устами.

Его спросили:

— Вѣрно ты видишь что-нибудь чудное?

— Да, отвѣчалъ онъ: — я вижу, какъ будто бы небо отверзто... и туда... кто-то входитъ...

— Неужто блудница?

— О нѣтъ!.. блудницу вы закопали въ грязи — я вижу... какъ легкая струйка съ каленаго угля сливается съ свѣтомъ — мнѣ кажется, это восходитъ *дочь утѣшенья*.

СКОМОРОХЪ ПАМФАЛОНЪ.

«Слабость велика, сила ничтожна. Когда человѣкъ родится, онъ слабъ и гибокъ; когда онъ умираетъ, онъ крѣпокъ и черствъ. Когда дерево произрастаетъ, оно гибко и нѣжно, и когда оно сухо и жестоко, оно умираетъ. Черствость и сила—спутники смерти. Гибкость и слабость выражаютъ свѣжесть бытія. Поэтому, что отвердѣло, то не побѣдитъ».

Лао — тзы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ царствованіе императора Ѳеодосія Великаго жилъ въ Константинополѣ одинъ знатный человѣкъ «патрикій и энархъ», по имени Ермій. Онъ былъ богатъ, благороденъ и знатенъ; имѣлъ прямой и честный характеръ; любилъ правду и ненавидѣлъ притворство, а это совсѣмъ не шло подстать тому времени, въ которомъ онъ жилъ.

Въ то отдаленное время въ Византіи, или въ нынѣшнемъ Константинополѣ, и во всемъ царствѣ Византійскомъ было много споровъ о вѣрѣ и благочестіи, и за этими спорами у людей разгарались страсти, возникали распри и ссоры, а отъ этого выходило, что хотя всѣ заботились о благочестіи, но на самомъ дѣлѣ не было ни мира, ни благочестія. Напротивъ того, въ низшихъ людяхъ тогда было много самыхъ скверныхъ пороковъ, про которые и говорить стыдно, а въ высшихъ лицахъ царило всеобщее

страшное лицемѣріе. Всѣ притворялись богобоязненными, а сами жили совсѣмъ не по-христіански: всѣ злонамятствовали, другъ друга ненавидѣли, а къ низшимъ, бѣднымъ людямъ не имѣли состраданія; сами утопали въ роскоши и ни мало не стыдились того, что простой народъ въ это самое время терзался въ мучительныхъ нуждахъ. Обѣднявшихъ брали въ кабалу или въ рабство, и нерѣдко случалось, что бѣдные люди даже умирали съ голода у самыхъ дверей пировавшихъ вельможъ. При этомъ простолюдины знали, что именитые люди и сами между собой безпрестанно враждовали и часто губили другъ друга. Они не только клеветали одинъ на другого царю, но даже и отравляли другъ друга отравами на званыхъ пирахъ или въ собственныхъ домахъ, черезъ подкупъ кухарей и иныхъ приспѣшниковъ.

Какъ сверху, такъ и снизу все общество было исполнено порчей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У упомянутаго Ермія душа была *мирная* и къ тому же онъ ее укрѣпилъ въ любви къ людямъ, какъ заповѣдалъ Христосъ по Евангелію. Ермій желалъ видѣть благочестіе настоящее, а не притворное, которое не приноситъ никому блага, а служитъ только для одного величанія и обмана. Ермій говорилъ: если вѣрить, что Евангеліе божественно и открываетъ какъ надо жить, чтобы уничтожить зло въ мірѣ, то надо все такъ и дѣлать, какъ показано въ Евангеліи, а не такъ, чтобы считать его хорошимъ и правильнымъ, а самимъ заводить наперекоръ тому совсѣмъ другое; читать: «оставь намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ», а замѣсто того ничего никому не оставлять, а за всякую обиду злобиться и донимать съ ближняго долги, не щадя его ни силы, ни живота.

Надъ Ерміемъ за это всѣ другіе вельможи стали шутить и подсмѣиваться; говорили ему: «вѣрно ты хочешь, чтобы всѣ сдѣлались нищими и стояли бы нагишомъ да другъ дружкѣ рубашку перешвыривали. Такъ нельзя въ государ-

ствѣ». Онъ же отвѣчалъ: «Я не говорю про государство, а говорю только про то, какъ надо жить по ученію Христову, которое всѣ вы зовете божественнымъ». А они отвѣчали: «Мало ли что хорошо, да невозможно!» И спорили, а потомъ начали его выставлять передъ царемъ, какъ будто онъ оглупѣлъ и не годится на своемъ мѣстѣ.

Ермій началъ это замѣчать и сталъ раздумывать: какъ въ самомъ дѣлѣ трудно, чтобы и въ почести остаться, и самому вести жизнь по Христову ученію?

И какъ только началъ Ермій сильнѣе вникать въ это, то стало ему казаться, что этого даже и нельзя совсѣмъ вмѣстѣ соединить, а надо выбирать изъ двухъ одно любое: или оставить Христово ученіе, или оставить знатность, потому что вмѣстѣ они никакъ не сходятся, а если и сведешь ихъ насильно на какой-нибудь часъ, то они недолго поладятъ и опять разойдутся дальше прежняго. «Уйдетъ одинъ бѣсъ и опять воротится, и приведетъ еще семерыхъ съ собою». А съ другой стороны глядя, Ермій соображалъ и то, что если онъ станетъ всѣхъ обличать и со всѣми спорить, то войдетъ онъ черезъ то всѣмъ въ остылицу, и другіе вельможи обнесутъ его тогда передъ царемъ клеветами, назовутъ измѣнникомъ государству и погубятъ.

«Угожу однимъ, думаетъ, — не угожу другимъ: если съ хитрыми пойду—омрачу свою душу, а если за нехитрыхъ стану—то имъ не пособлю, а себѣ бѣду наживу. Представятъ меня какъ человѣка злоумышленнаго, который сѣетъ неспокойствіе, а я могу не стерпѣть напраслины, да стану оправдываться, и тогда душа моя озвѣрѣетъ, и я стану обвинять моихъ обвинителей и сдѣлаюсь самъ такой же злой, какъ они. Нѣтъ, пусть такъ не будетъ. Не хочу я никого ни срамить, ни упрекать, потому что все это противно душѣ моей; а лучше я совсѣмъ съ этимъ покончу: пойду къ царю и упрошу его дозволить мнѣ сложить съ себя всякую власть и доживу вѣкъ мой мирно гдѣ-нибудь простымъ человѣкомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ Ермій задумалъ, такъ онъ и сдѣлалъ по своему разсужденію. Царю Осодосію онъ ни на что не жаловался и никого передъ нимъ не обвинялъ, а только просился отставить его отъ дѣлъ. Царь уговаривалъ Ермія остаться при должности, но потомъ отпустилъ. Ермій получилъ полную отставку («отложи отъ себя всяку власть»). А въ это же самое время скончалась жена Ермія, и бывшій вельможа, оставшись одинъ, началъ разсуждать еще иначе:

«Не указаніе ли мнѣ это свыше? — подумалъ Ермій.— Царь меня отпустилъ отъ служебныхъ заботъ, а Господь разрѣшилъ отъ супружества. Жена моя умерла и нѣтъ у меня никого такого въ родствѣ моемъ, для котораго мнѣ надо было бы стараться по своимъ имѣніямъ. Теперь я могу идти рѣзвѣе и дальше къ цѣли евангельской. На что мнѣ богатство? Съ нимъ всегда неминучія заботы, и хоть я отъ служебныхъ дѣлъ отошелъ въ сторону, а, однако, богатство заставитъ меня о немъ заботиться и опять меня втравитъ въ такія дѣла, которыя не годятся тому, кто хочетъ быть ученикомъ Христовымъ».

А богатства у Ермія было очень много («бѣ бо ему богатство многосущное») — были у него и дома, и села, и рабы, и всякія драгоцѣнности.

Ермій всѣхъ своихъ рабовъ отпустилъ на волю, а все прочее «богатство многосущное» продалъ и деньги раздѣлилъ между нуждавшимися бѣдными людьми.

Поступилъ онъ такъ потому, что хотѣлъ «совершенъ быть», а тому, кто желаетъ достичь совершенства, Христосъ коротко и ясно указалъ одинъ путь: «Отдай все, что имѣешь, и иди за Мною».

Ермій все это исполнилъ въ точности, такъ что даже никакой малости себѣ не оставилъ, и радовался тому, что это совсѣмъ не показалось ему жалко и трудно. Только начало было дорого сдѣлать, а потомъ самому пріятно стало

раздавать все, чтобы ничто не путало и ничто не мѣшало идти налегкѣ къ высшей цѣли евангельской.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Освободясь и отъ власти, и отъ богатства, Ермій покинулъ тайно столицу и пошелъ искать себѣ уединеннаго мѣста, гдѣ бы ему никто не мѣшалъ уберечь себя въ чистотѣ и святости для прохожденія богоугодной жизни.

Послѣ долгаго пути, совершеннаго пѣшими и босыми ногами, Ермій пришелъ къ отдаленному городу Едессу, и совсѣмъ нежданно для себя нашелъ здѣсь «нѣкій столпъ». Это была высокая каменная скала и съ расщелиной, и въ серединѣ расщелины было мѣсто, какъ только можно одному человѣку установиться.

«Вотъ, подумалъ Ермій, — это мнѣ готовое мѣсто».— И сейчасъ же взлѣзъ на этотъ столпъ по ветхому бревнушку, которое кѣмъ-то было къ скалѣ приставлено, и бревно оттолкнулъ. Бревно откатилось далеко въ пропасть и переломилось, а Ермій остался стоять и простоялъ на столбѣ тридцать лѣтъ. Во все это время онъ молился Богу и желалъ позабыть о лицемѣріи и о другихъ злобахъ, которыя онъ видѣлъ и которыми до боли возмущался.

Съ собою Ермій взялъ на скалу только одну длинную бечевку, которою онъ цѣплялся, когда лѣзъ, и бечевка эта ему пригодилась.

На первыхъ дняхъ, какъ еще Ермій забылъ убрать эту бечевку, замѣтилъ ее пастухъ-мальчикъ, который пришелъ сюда пасти козлятъ. Пастухъ началъ эту бечевку подергивать, а Ермій его сталъ звать и проговорилъ ему:

— Принеси мнѣ воды: я очень жажду.

Мальчикъ подцѣпилъ ему свою тыквенную пустышку съ водой и говоритъ:

— Испей и оставь себѣ тыкву.

Такъ же онъ далъ ему и корзинку съ горстью черныхъ, горькихъ ягодъ.

Ермій поѣлъ ягодъ и сказалъ:

— Богъ послалъ мнѣ кормильца.

А мальчикъ, какъ только пригналъ вечеромъ въ село стадо козлятъ, такъ сейчасъ же разсказалъ своей матери, что видѣлъ на скалѣ старика, а пастухова мать пошла на колодезь и стала о томъ говорить другимъ женщинамъ, и такъ сдѣлалось извѣстно людямъ о новомъ столпникѣ, и люди изъ села побѣжали къ Ермію и принесли ему чечевицы и бобовъ больше, чѣмъ онъ могъ съѣсть. Такъ и пошло далѣе.

Только Ермій спускалъ сверху на длинной бечевѣ плетеную корзину и выдолбленную тыкву, а люди уже клали ему въ эту корзину листьевъ капусты и сухихъ, невареныхъ сѣмянъ, а тыкву его наполняли водою. И этимъ бывшій византійскій вельможа и богачъ Ермій питался тридцать лѣтъ. Ни хлѣба и ничего готовленнаго на огнѣ онъ не ѣлъ и позабылъ и вкусъ вареной пищи. По тогдашнимъ понятіямъ находили, будто это пріятно и угодно Богу. О своемъ розданномъ богатствѣ Ермій не жалѣлъ и даже не вспоминалъ о немъ. Разговоровъ онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ и казался строгъ и суровъ, подражая въ молчаніи своемъ Иліи.

Поселяне считали Ермія способнымъ творить чудеса. Онъ имъ этого не говорилъ, но они такъ вѣрили. Больные приходили, становились въ тѣни его, которую солнце бросало отъ столпа на землю, и отходили, находя, что чувствуютъ облегченіе. А онъ все молчалъ, вперяя умъ въ молитву или читая на память три милліона стиховъ Оригена и двѣсти пятьдесятъ тысячъ стиховъ Григорія, Піерія и Стефана.

Такъ проводилъ Ермій дни, а вечеромъ, когда свалилъ палящій жаръ и лицо Ермія освѣжала прохлада, онъ, окончивъ свои молитвы и размышленія о Богѣ, думалъ иногда и о людяхъ. Онъ размышлялъ о томъ: какъ за эти тридцать лѣтъ зло въ свѣтѣ должно было умножиться и какъ подъ покровомъ ханжества и пустосвятства, замѣняющаго настоящее ученіе своими выдумками, теперь навѣрно

изсякла уже въ людяхъ всякая истинная добродѣтель и осталась одна форма безъ содержанія.

Впечатлѣнія, вынесенныя столпникомъ изъ покинутой имъ лицемѣрной столицы, были такъ неблагопріятны, что онъ отчаялся за весь міръ, и не замѣчалъ того, что черезъ это отчаяніе онъ унижалъ и планъ, и цѣль творенія, и себя одного почиталъ совершеннѣйшимъ.

Повторяетъ онъ наизусть Оригена, а самъ думаетъ: «ну, пусть такъ,—пусть земной міръ весь стоитъ для вѣчности, и люди въ немъ, какъ школяры въ школѣ, готовятся, чтобы явиться въ вѣчности и тамъ показать свои успѣхи въ здѣшней школѣ. Но какіе же успѣхи они покажутъ, когда живутъ себялюбиво и злобно и ничему отъ Христа не учатся и языческихъ навыковъ не позыбываютъ? Не будетъ ли вѣчность впустѣ? Пусть утѣшаетъ Оригенъ, что не могъ же впасть въ ошибку Творецъ, узрѣвъ, «яко все добро зѣло», если оно на самомъ дѣлѣ никуда не годится, а Ермію все-таки кажется, что «весь міръ лежитъ во злѣ», и умъ его напрасно старается прозрѣть: «кацы суть Богу угождающіе и вѣчность улучившіе?»

Никакъ не можетъ Ермій представить себѣ таковыхъ, кои были бы достойны вѣчности, всѣ ему кажутся худы, всѣ съ злою наклонностію въ жизнь пришли, а здѣсь, живучи на землѣ, еще хуже перепортились.

И окончательно взяло столпника отчаяніе, что вѣчность запустѣетъ, потому что нѣтъ людей, достойныхъ перейти въ оную.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

И вотъ однажды, когда, при опускающемся покровѣ ночи, столпникъ «усильно подвигся мыслію увѣдѣти: кацы суть иже Богу угожающи», онъ приклонился головою къ краю расщелины своей скалы, и съ нимъ случилась необыкновенная вещь: повѣяло на него тихое, ровное дыханіе воздуха, и съ тѣмъ принеслись къ его слуху слѣдующія слова:

— Напрасно ты, Ермій, скорбишь и ужасаешься: есть тацы, иже добре Богу угожаютъ и въ книгу жизни вѣчной вписаны.

Столпникъ обрадовался сладкому голосу и говоритъ:

— Господи, если я обрѣлъ милость въ очахъ Твоихъ, то дозволь, чтобы мнѣ былъ явленъ хоть одинъ такой, и тогда духъ мой успокоится за все земное сотвореніе.

А тонкое дыханіе снова дышитъ на ухо старцу.

— Для этого тебѣ надо забыть о тѣхъ, коихъ ты зналъ, и сойти со столпа да посмотрѣть на человѣка Памфалона.

Съ этимъ дыханіе сникло, а старецъ восклонился и думаетъ: взаправду ли онъ это слышалъ или это ему навѣяно мечтою? И вотъ опять проходитъ холодная ночь, проходитъ и знойный день, и наступили новыя сумерки, и опять поникъ головой Ермій и слышитъ:

— Спускайся внизъ, Ермій, на землю, тебѣ надо пойти посмотрѣть на Памфалона.

— Да кто онъ такой, этотъ Памфалонъ?

— А вотъ онъ-то и есть одинъ изъ тѣхъ, какихъ ты желаешь видѣть.

— И гдѣ же обитаетъ этотъ Памфалонъ.

— Онъ обитаетъ въ Дамаскѣ.

Ермій опять встрепенулся и опять не былъ увѣренъ, что это ему слышно не въ мечтѣ. И тогда онъ положилъ въ своемъ умѣ испытать это дѣло еще до трехъ разъ, и ежели и въ третій разъ будетъ къ нему такая же внятная рѣчь про Памфалона, тогда уже болѣе не сомнѣваться, а слѣзать со скалы и идти въ Дамаскъ.

Но только онъ рѣшилъ обстоятельно дознаться, что это за Памфалонъ и какъ его по Дамаску разыскивать.

Прошелъ опять знойный день, и съ вечернею прохладою снова зазвучало въ духѣ хлада тонка имя Памфалона.

Невѣдомый голосъ опять говоритъ:

— Для чего ты, старецъ, медлишь, для чего не слѣзаешь на землю и не идешь въ Дамаскъ смотрѣть Памфалона?

А старецъ отвѣчаетъ:

— Какъ же могу я идти и искать человѣка мнѣ неизвѣстнаго?

— Человѣкъ тебѣ названъ.

— Названъ мнѣ человѣкъ Памфалономъ, а въ такомъ великомъ городѣ, какъ Дамаскъ, развѣ одинъ есть Памфалонъ? Котораго же изъ нихъ я стану спрашивать?

А въ духѣ хлада тонка опять звучитъ:

— Это не твоя забота. Ты только скорѣе слѣзай внизъ да иди въ Дамаскъ, а тамъ уже всѣ знаютъ этого Памфалона, котораго тебѣ надо. Спроси у перваго встрѣчнаго, его тебѣ всякъ покажетъ. Онъ всѣмъ извѣстенъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Теперь, послѣ третьяго такого переговора, Ермій болѣе уже не сомнѣвался, что это такой голосъ, котораго надо слушаться. А насчетъ того, къ какому именно Памфалону въ Дамаскѣ ему надо идти, Ермій болѣе не безпокоился. Памфалонъ, котораго «всѣ знаютъ», безъ сомнѣнія, есть какой-либо прославленный поэтъ, или воинъ, или всѣмъ извѣстный вельможа. Словомъ, Ермію размышлять болѣе было не о чемъ, а на что онъ самъ напросился, то надо идти исполнять.

И вотъ пришлось Ермію послѣ тридцати лѣтъ стоянія на одномъ мѣстѣ вылѣзать изъ каменной расщелины и идти въ Дамаскъ...

Странно, конечно, было такому совершенному отшельнику, какъ Ермій, идти смотрѣть человѣка, живущаго въ Дамаскѣ, ибо городъ Дамаскъ по тогдашнему, въ отношеніи чистоты нравственной, былъ все равно, что теперь сказать Парижъ или Вѣна, — города, которые святостію жизни не славятся, а слывутъ за гнѣздилища грѣха и пороковъ; но, однако, въ древности бывали и не такія странности, и бывало, что послы благочестія посылались именно въ мѣста самыя злочестивыя.

Надо идти въ Дамаскъ. Но тутъ вспомянулъ Ермій, что

онъ нагъ, ибо рубище его, въ которомъ онъ пришелъ тридцать лѣтъ тому назадъ, все истлѣло и спало съ его костей. Кожа его изгорѣла и почернѣла, глаза одичали, волосы подлѣзли и выцвѣли, а когти отросли, какъ у хищной птицы... Какъ въ такомъ видѣ показаться въ большомъ и роскошномъ городѣ?

Но голосъ его не переставалъ руководствовать и раздается издали:

— Ничего, Ермій, иди: нагота твоя найдетъ тебѣ покрывало.

Взялъ Ермій свою корзиночку съ сухими зернами и тыкву и кинулъ ихъ внизъ на землю, а затѣмъ и самъ спустился со столпа по той самой веревочкѣ, по которой таскалъ себѣ снизу приносимую пищу.

Тѣло столпника уже такъ исхудало, что его могла сдержать тонкая и полусгнившая веревочка. Она, правда, потрескивала, но Ермій этого не испугался: онъ благополучно сталъ на землю, и пошелъ, колеблясь какъ ребенокъ, ибо ноги его отвыкли отъ движенія и потеряли твердость.

И шелъ Ермій по безлюдной, знойной пустынѣ очень долго и во весь переходъ ни разу никого не встрѣтилъ, а потому и не имѣлъ причины стыдиться своей наготы; приближаясь же къ Дамаску, онъ нашелъ въ пескахъ вывѣтрившійся сухой трупъ и возлѣ него ветхую «козью милоть», какія носили тогда иноки, жившіе въ общежитіяхъ. Ермій засыпалъ пескомъ кости, а козью милоть надѣлъ на свои плечи и обрадовался, увидѣвъ въ этомъ особое о немъ промышленіе.

Къ городу Дамаску Ермій сталъ приближаться, когда солнце уже начало садиться. Старецъ немножко не соразмѣрилъ хода, и теперь не зналъ, что ему сдѣлать: поспѣшать ли скорѣе идти, или не торопиться и подождать лучше утра. Очамъ казалось близко видно, а ногамъ пришлось обидно. Поспѣшалъ Ермій дойти засвѣтло, а поспѣлъ въ то самое время, когда красное солнце падаетъ, сумракъ

густѣетъ и городъ весь обвиваетъ мглой. Точно онъ весь въ безпроглядный грѣхъ погружается.

Страшно сдѣлалось Ермію,—хоть назадъ бѣги... И опять ему пришла въ голову дума: не было ли все, что онъ слышалъ о своемъ путешествіи, одною мечтою или даже искушеніемъ? Какого праведника можно искать въ этомъ шумномъ городѣ? Откуда тутъ можетъ быть праведность? Не лучше ли будетъ бѣжать отсюда назадъ, влѣзть опять въ свою каменную щелку да и стоять, не трогаясь съ мѣста.

Онъ было уже и повернулся, да ноги не идутъ, а въ ушахъ опять «дыханіе тонко»:

— Иди же, скорѣй лобызай Памфалона въ Дамаскѣ.

Старикъ снова обернулся къ Дамаску, и ноги его пошли.

Пришелъ Ермій къ городской стѣнѣ какъ разъ въ ту минуту, когда городской стражъ на половину ворота захлопнулъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Насилу успѣлъ бѣдный старикъ упросить сторожа, чтобы онъ позволилъ ему пройти въ ворота, и то отдалъ за это свою корзину и тыкву; а теперь самъ совсѣмъ безо всего очутился въ совершенно ему незнакомомъ и ужасно многогрѣшномъ городѣ.

Ночи на югѣ спускаются скоро, сумерокъ почти нѣтъ и темнота бываетъ такъ густа, что ничего нельзя видѣть. Улицы въ то время, когда было это происшествіе, въ восточныхъ городахъ еще не освѣщались, а жители запирали свои дома рано. Тогда на улицахъ бывало очень небезопасно, и потому обыватели крѣпко закрывали всѣ входы въ домъ, чтобы впотьмахъ не забрался какой-нибудь лихой человѣкъ и не обокралъ бы или бы не убилъ и не сжогъ домъ. Ночью же входовъ или совсѣмъ не отпирали, или же отпирали только запоздавшимъ своимъ домашнимъ, или друзьямъ, и то не иначе, какъ удостовѣрясь, что стучится именно тотъ человѣкъ, котораго впустить надо.

Отворенными поздно оставались только двери развратницъ, къ которымъ путь открытъ всѣмъ, и чѣмъ больше идутъ къ нимъ на свѣтъ, тѣмъ имъ лучше.

Старецъ Ермій, попавъ въ Дамаскъ, среди густой тьмы, рѣшительно не зналъ: гдѣ ему пріютиться до утра. Были, конечно, въ Дамаскѣ гостиницы, но Ермій не могъ ни въ одну изъ нихъ постучаться, потому что тамъ спросятъ съ него платы за ночлегъ, а онъ не имѣлъ у себя никакихъ денегъ.

Остановился Ермій и, размысливъ, что бы такое въ его положеніи возможно сдѣлать, рѣшился попроситься ночевать въ первый домъ, какой попадется.

Такъ онъ и сдѣлалъ: подошелъ къ ближайшему дому и постучался.

Его опросили изъ-за двери:

— Кто тамъ стучится?

Ермій отвѣчаетъ:

— Я, бѣдный странникъ.

— Ахъ, бѣдный странникъ! Не мало васъ шляется. Чего же тебѣ надо?

— Прошу пріюта.

— Такъ ты не туда попалъ. Иди за этимъ въ гостиницу.

— Я бѣденъ и не могу платить въ гостиницѣ.

— Это плохо, но иди въ такомъ случаѣ къ тѣмъ, кто тебя знаетъ: они тебя, можетъ-быть, пустятъ.

— Да меня здѣсь никто не знаетъ.

— А если тебя здѣсь никто не знаетъ, то не стучи и у насъ понапрасно, а уходи скорѣй прочь.

— Я прошусь во имя Христа.

— Оставь, пожалуйста, оставь это имя. Много васъ тутъ ходитъ, все Христа вспоминаете, а на мѣсто того лжете и этимъ именемъ послѣ всякое зло прикрываете. Уходи прочь, нѣтъ у насъ для тебя пріюта.

Ермій подошелъ къ другому дому и здѣсь опять сталъ стучать и проситься.

И здѣсь тоже опять спрашиваютъ его изъ-за закрытыхъ дверей:

— Что тебѣ надо?

— Изнемогаю, я бѣдный странникъ... пустите отдохнуть въ домѣ!

Но опять и тутъ ему тотъ же отвѣтъ: иди въ гостиницу.

— У меня денегъ нѣтъ,—отвѣчалъ Ермій и произнесъ Христово имя, но оно вызвало только укоры.

— Полно, полно выкликать это имя,—отвѣчали ему изъ-за дверей второго дома,—всѣ лѣнивцы и злодѣи нынче этимъ именемъ прикрываются.

— Ахъ,—отозвался Ермій,—повѣрьте, что я никому никакого зла не сдѣлалъ и не дѣлаю: я пришелъ прямо изъ пустыни.

— Ну, если ты изъ пустыни, то тамъ бы тебѣ и оставаться. Напрасно ты сюда и пришелъ.

— Я не своею волею пришелъ, а имѣлъ повелѣніе.

— Ну, такъ иди къ тому, куда позванъ, а насъ оставь въ покоѣ; мы тѣхъ, кои старцами сказываются и въ козьихъ милотяхъ ходятъ, боимся: вы сами очень святы, а за вами за каждымъ сѣдмь приставныхъ бѣсовъ ходитъ.

«Ого! — подумалъ Ермій,— какъ время измѣнило обычаи. Вѣрно нынѣ совсѣмъ уже нѣтъ стараго привѣта страннымъ. Всѣ уже знаютъ пустынное преданіе, что за аскетомъ вслѣдъ болѣе бѣсовъ ходитъ, чѣмъ за простымъ грѣшникомъ, а черезъ это не лучше, а хуже стало. И вотъ я— пустынникъ, простоявшій тридцать лѣтъ,— въ тѣни столпа моего люди получали исцѣленія, а меня никто не пускаетъ подъ крышу, и я не только могу быть убитъ отъ злодѣевъ, но еще горче смерти могу быть оскорбленъ и обезчещенъ отъ извратившихъ природу безстыдниковъ. Нѣтъ, теперь я уже ясно вижу, что я поддался насмѣшкѣ сатаны, что я былъ посланъ сюда не для пользы души моей, а для всецѣлой моей пагубы какъ въ Содомъ и Гоморру.

А въ это самое время Ермій тоже замѣчаетъ, что кто-то во тьмѣ спѣшно перебѣгаетъ улицу и, смѣясь, говоритъ:

— Ну, насмѣшилъ ты меня, старичина!

— Чѣмъ это?—спросилъ Ермій.

— Да какъ же ты такъ глупъ, что просишься, чтобы тебя пустили ночевать въ дома людей высокородныхъ и богатыхъ! Видно, ты и въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, ничего въ жизни не понимаешь.

Столпникъ подумалъ: это, пожалуй, воръ или блудодѣй, а все-таки онъ разговорчивъ: дай я его разспрошу, что̀ мнѣ сдѣлать, гдѣ найти пріютъ.

— Ну, ты постой-ка,—сказалъ Ермій,—и кто бы ты ни былъ, скажи мнѣ, нѣтъ ли здѣсь такихъ людей, которые извѣстны за человѣколюбцевъ?

— Какъ же,—отвѣчаетъ,—есть здѣсь и таковые.

— Гдѣ же они?

— А вотъ ты сейчасъ у ихъ домовъ стучался и съ ними разговаривалъ.

— Ну, значитъ, ихъ человѣколюбство плохо.

— Таковы всѣ показные человѣколюбцы.

— А неизвѣстны ли тебѣ, кои боголюбивы?

— И таковые извѣстны.

— Гдѣ же они?

— Эти теперь, по заходѣ солнечномъ, на молитву стали.

— Пойду же я къ нимъ.

— Ну, не совѣтую. Боже тебя сохрани, если ты своимъ стукомъ помѣшаешь ихъ стоянію на молитвѣ, тогда слуги ихъ за то свалятъ тебя на землю и нанесутъ тебѣ раны.

Старецъ всплеснулъ руками:

— Что же это,—говоритъ,—человѣколюбцевъ никакъ въ своей нуждѣ не увѣришь, а набожныхъ отъ стоянія не отзовешь, ночь же ваша темна и обычаи ваши ужасны. Увы мнѣ! увы!

— А ты вмѣсто того, чтобы унывать и боголюбцевъ разыскивать,—*иди къ Памфалону.*

— Какъ ты сказалъ?—переспросилъ отшельникъ, и опять получилъ тотъ же отвѣтъ:

— *Иди къ Памфалону.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Радъ былъ отшельникъ услыхать про Памфалона. Сталобыть, шелъ онъ недаромъ. Но кто, однако, самъ этотъ во тьмѣ говорящій: хорошо, если это путеводительный ангелъ, а можетъ-быть это самый худшій бѣсъ.

— Мнѣ,—говоритъ Ермій,—Памфалона и нужно, потому что я къ нему посланъ, но только я не знаю: тотъ ли это Памфалонъ, о которомъ ты говоришь?

— А тебѣ что о твоемъ Памфалонѣ сказано?

— Сказано много, чего я не стану всякому пересказывать, а примѣта дана такая, что его здѣсь всѣ *знаютъ*.

— Ну, а если такъ, то я говорю о томъ самомъ Памфалонѣ, про котораго тебѣ сказано. Онъ одинъ только и есть такой Памфалонъ, котораго всѣ знаютъ.

— Почему же онъ всѣмъ такъ извѣстенъ?

— А потому, что онъ пріятный человѣкъ и всюду съ собою веселье ведетъ. Безъ него нѣтъ здѣсь ни пира, ни потѣхи, и всѣмъ онъ любезенъ. Чуть гдѣ пса его сѣраго съ длинной мордой заслышатъ, когда онъ бѣжитъ, гремя позвонцами, всѣ радостно говорятъ: «вотъ Памфалонова Акра бѣжитъ! сейчасъ, значитъ, самъ Памфалонъ придетъ, и веселый смѣхъ будетъ».

— А для чего же онъ пса при себѣ водитъ?

— Для бо́льшаго смѣха. Его Акра чудесная, умная и вѣрная собака, она ему людей веселить помогаетъ. А то еще у него есть разноперая птица, которую онъ на длинномъ шестѣ въ обручѣ носитъ; тоже и эта дорогого сто́итъ: она и свистомъ свиститъ, и шипитъ по-змѣиному.

— Зачѣмъ же Памфалону все это нужно—и песъ, и разноперая птица?

— Какъ же, — Памфалону безъ смѣшныхъ вещей быть невозможно.

— Да кто же такой у васъ этотъ Памфалонъ?

— А развѣ ты самъ этого не знаешь?

— Не знаю. Я только слышалъ о немъ въ пустынѣ.

Собесѣдникъ удивился.

— Вотъ какъ! — воскликнулъ онъ. — Значитъ, уже не только въ Дамаскѣ и въ другихъ городахъ, а и далеко въ пустынѣ знаютъ нашего Памфалона! Ну, да такъ тому и слѣдовало быть, потому что такого другого весельчака нѣтъ, какъ нашъ Памфалонъ: никто не можетъ безъ смѣха глядѣть, какъ онъ шутитъ свои веселыя шутки, какъ онъ мигаетъ глазами, двигаетъ ушами, перебираетъ ногами и свиститъ, и языкомъ щелкаетъ, и вертитъ завитой головой.

— Перебираетъ ногами и вертитъ головою,—повторилъ пустынникъ,—лицедѣйство, тѣлодвиженіе и скоки... Да кто же онъ такой, наконецъ!?

— Скоморохъ.

— Какъ?.. этотъ Памфалонъ!.. Къ кому я иду!.. Онъ *скоморохъ!*

— Ну, да, Памфалонъ скоморохъ, его потому всѣ и знаютъ, что онъ по улицамъ скачетъ, на площади колесомъ вертится и мигаетъ глазами, и перебираетъ ногами, и вертитъ головой.

Ермій даже свой пустынническій посохъ изъ рукъ уронилъ и проговорилъ:

— Сгинь! сгинь, дьяволъ, полно тебѣ надо мной издѣваться!

А во тьмѣ говорившій не разслышалъ этого заклинанія и добавилъ:

— Памфалоновъ домъ сейчасъ здѣсь за угломъ, и у него навѣрно теперь въ окнѣ еще свѣтъ свѣтится, потому что онъ вечеромъ приготовляетъ свои скоморошьи снаряды, чтобы дѣлать у гетеръ представленія. А если у него огня нѣтъ, такъ ты впотьмахъ отсчитай за угломъ направо третій маленькій домъ, входи и ночуй. У Памфалона всегда двери отворены.

И съ тѣмъ говорившій во тьмѣ сникъ куда-то, какъ будто его и не бывало.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ермій, пораженный тѣмъ, что онъ услыхалъ о Памфалонѣ, остался впотемкахъ и думаетъ:

«Что же мнѣ теперь дѣлать? Это невозможно, чтобы человѣкъ, для свиданія съ которымъ я снятъ съ моего камня и выведенъ изъ пустыни, былъ скоморохъ! Какія такія добродѣтели, достойныя вѣчной жизни, можно заимствовать у комедіанта, у лицедѣя, у фокусника, который кривляется на площадяхъ и потѣшаетъ гулякъ въ домахъ, гдѣ пьютъ вино и предаются безпутствамъ?»

Непонятно это, а ночь темна, дѣться некуда и — надо идти къ скомороху.

Ночной пріютъ пустыннику былъ необходимъ, потому что хотя онъ и привыкъ ко всѣмъ непогодамъ, но на улицѣ въ городѣ въ тогдашнее время остаться ночью было гораздо опаснѣе, чѣмъ въ нынѣшнее. Тогда и воры грабили, и ходили такіе отчаянные люди, какихъ видали только предъ сожженіемъ Содома и Гоморры. Эти были хуже животныхъ и не щадили никого, и всякъ могъ ожидать себѣ отъ нихъ самаго гнуснаго оскорбленія.

Ермій все это помнилъ и потому очень обрадовался, когда только что завернулъ за уголъ, какъ сейчасъ же увидалъ привѣтный огонекъ. Свѣтъ выходилъ изъ одного маленькаго домика и ярко горѣлъ во тьмѣ, какъ звѣздочка. Вѣроятно, тутъ и живетъ скоморохъ.

Ермій пошелъ на свѣтъ и видитъ: дѣйствительно стоитъ очень маленькій, низенькій домикъ, а въ немъ растворенная дверь и надъ нею поднята тростниковая цыновка, такъ что все внутрь этого жилья видно.

Жилье не велико, — всего одинъ покой, и притомъ не высокій, но довольно просторный, и въ немъ все на виду — и хозяинъ, и хозяйство, и все его рукомесло. И по всему тому, что видно, не трудно было отгадать, что здѣсь живетъ не степенный человѣкъ, а именно скоморохъ.

На сѣрой стѣнѣ, какъ разъ насупротивъ раскрытой двери, висѣла глиняная лампа съ длиннымъ рожкомъ, на концѣ котораго горѣлъ краснымъ огнемъ фитиль, напитанный жиромъ. Фитиль этотъ сильно коптилъ и внизъ съ него падали огненныя капли кипящаго жира. Вдоль всей стѣны висѣли разныя странныя вещи, которыя, впрочемъ, точнѣе можно бы назвать хламомъ. Тутъ были уборы и сарацынскіе, и греческіе, и египетскіе, а также были и разноцестрыя перья, и звонцы, и трещотки, и накры, и красные шесты, и золоченые обручи. Въ одномъ углу вбитъ былъ крюкъ въ потолокъ, а къ нему подцѣпленъ тонкій шестъ, похожій на большое удилище, а на концѣ того шеста на веревкѣ другой деревянный обручъ, а въ обручѣ спитъ, загнувъ голову подъ крыло, пестрая птица. На ногѣ у нея тонкая цѣпь, которою она прикована къ обручу. Въ другомъ же углу загнуты полколесомъ гнуткія драницы и за ними задѣты бубны, накры, сопѣли и еще болѣе странныя вещи, которыхъ и назначенія даже не могъ придумать давно не видавшій суеты городской жизни пустынникъ.

На полу въ одномъ углу постель изъ цыновки, а въ другомъ сундукъ; на этомъ сундукѣ передъ скамьею, замѣняющею столъ, сидитъ и что-то мастеритъ самъ хозяинъ жилища.

Видъ его страненъ: онъ уже человѣкъ не молодой, а подстароватъ, имѣетъ лицо смуглое, добродушное и веселое, съ постояннымъ, умѣреннымъ выраженіемъ и легкимъ блескомъ глазъ, но лицо это раскрашено, а полусѣдая голова вся завита въ мелкія кудри и на нихъ надѣтъ тонкій мѣдный ободокъ, съ котораго внизъ висятъ и бренчатъ блестящіе кружочки и звѣздочки. Таковъ Памфалонъ. Сидитъ онъ, нагнувшись надъ скамьею, на которой разбросаны разные скоморошьи приборы, а передъ лицомъ его маленькая глиняная жаровня и паяло. Онъ дуетъ ртомъ черезъ паяльную трубку въ жаркіе угли и закрѣпляетъ одно за другое какія-то мелкія кольца, и не замѣчаетъ того, что

на него снаружи давно пристально смотритъ строгій отшельникъ.

Но вотъ, лежавшая въ тѣни у ногъ Памфалона, длинномордая сѣрая собака чутьемъ почуяла близость стороннягo человѣка, подняла свою голову и, заворчавъ, встала на ноги, а съ этимъ ея движеніемъ на ея мѣдномъ ошейникѣ зазвонили звонцы и отъ нихъ сейчасъ же проснулась и вынула изъ-подъ крыла голову разноперая птица. Она встрепенулась и не то свистнула, не то какъ-то рѣзко проскрипѣла клювомъ. Памфалонъ разогнулся, отнялъ на минуту губы отъ паяла и крикнулъ:

— Молчи, Акра! И ты, Зоя, молчи! Не пугайте досужаго человѣка, который приходитъ звать насъ смѣшить заскучавшихъ богачей. А ты, легкій посолъ,—добавилъ онъ, возвыся голосъ,—отъ кого ты ни жалуешь, подходи скорѣй и говори сразу: что тебѣ нужно?

На это Ермій ему отвѣтилъ со вздохомъ:

— О, Памфалонъ!

— Да, да, да, я давно Памфалонъ—плясунъ, скоморохъ, пѣвецъ, гадатель и все, что кому угодно. Какое изъ моихъ дарованій тебѣ надобно?

— Ты ошибся, Памфалонъ.

— Въ чемъ я ошибся, пріятель.

— Человѣку, который стоитъ у твоего дома, совсѣмъ не нужно этихъ дарованій: я пришелъ совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы звать тебя на скоморошное игрище.

— Ну, что жъ за бѣда! Ночь еще впереди, — придетъ кто-нибудь другой и покличетъ насъ и на игрище, и у меня будетъ назавтра заработокъ для меня и для моей собаки. А тебѣ-то, однако, что же такое угодно?

— Я прошу у тебя пріюта на ночь и желаю съ тобою бесѣдовать.

Услышавъ эти слова, скоморохъ оглянулся, положилъ на сундукъ дротяныя кольца и паяло и, разставивъ надъ глазами ладонь, проговорилъ:

— Я не вижу тебя, кто ты такой, да и голосъ твой не-

знакомъ мнѣ... Впрочемъ, въ домѣ моемъ и въ добрѣ будь волент, какъ въ своемъ, а насчетъ бесѣды... Это ты должно-быть смѣешься надо мною.

— Нѣтъ, я не смѣюсь,—отвѣчалъ Ермій.—Я здѣсь всѣмъ чужой человѣкъ и пришелъ издалека для бесѣды съ тобою. Свѣтъ твоей лампы привлекъ меня къ твоей двери, и я прошу пріюта.

— Что же, я радъ, что свѣтъ моей лампы свѣтитъ не для однихъ гулякъ. Какой ты ни есть—не стой больше на улицѣ, и если у тебя нѣтъ въ Дамаскѣ лучшаго ночлега. то я прошу тебя войди ко мнѣ, чтобы я могъ тебя успокоить.

— Благодарю,—отвѣчалъ Ермій,—и за привѣтъ твой пусть благословитъ тебя Богъ, благословившій страннопріимный кровъ Авраама.

— Ну, ну, перестань многословить! Совсѣмъ не о чемъ говорить, а ужъ ты и за Авраама хватаешься. Верп, старина, дѣло проще. Много будетъ, если ты благословишь меня, выходя изъ моего дома, когда отдохнешь съ дороги и успокоишься, а теперь входи скорѣе: пока я дома, я тебѣ помогу умыться, а то меня кто-нибудь кликнетъ на ночную потѣху, и мнѣ тогда будетъ некогда за тобой ухаживать. У насъ нынче въ упадкѣ дѣлишки: къ намъ стали заходить чужіе скоморохи изъ Сиракузъ: такъ сладко поютъ и играютъ на арфахъ, что перебили у насъ всю самую лучшую работу. Ничего нельзя упускать: надо сразу бѣжать, куда кликнутъ, а теперь какъ разъ такой часъ, когда богатые и знатные гости приходятъ попировать къ веселымъ гетерамъ.

«Проклятый часъ»,—подумалъ Ермій.

А Памфалонъ продолжалъ:

— Ну, входи же, сдѣлай милость, и не обращай вниманья на мою собаку: это Акра, это мой вѣрный песъ, мой товарищъ,—Акра живетъ не для страха, а такъ же, какъ я—для потѣхи. Входи ко мнѣ, путникъ.

Съ этимъ Памфалонъ протянулъ гостю обѣ руки и, сведя

его по ступенькамъ съ уличной тьмы въ освѣщенную комнату, мгновенно отскочилъ отъ него въ ужасѣ.

Такъ страшенъ и дикъ показался ему вошедшій пустынникъ.

Прежній вельможа, простоявъ тридцать лѣтъ подъ вѣтромъ и пламеннымъ солнцемъ, изнеможднлъ въ себѣ видъ человѣческій. Глаза его совсѣмъ обезцвѣтились, изгорѣвшее тѣло его все почернѣло и присохло къ остову, руки и ноги его изсохли и отросшіе ногти загнулись и вились въ ладони, а на головѣ остался одинъ клокъ волосъ, и цвѣтъ этихъ волосъ былъ не бѣлый, и не желтый, и даже не празелень, а голубоватый, какъ утиное яйцо, и этотъ клокъ торчалъ на самой серединѣ головы, точно хохолъ на селезнѣ.

Въ изумленіи стояли другъ передъ другомъ два эти совсѣмъ несходные человѣка: одинъ скоморохъ, скрывшій свой натуральный видъ лица подъ красками, а другой — весь излинявшій пустынникъ. На нихъ смотрѣла длинномордая собака и разноперая птица. И всѣ молчали. А Ермій пришелъ къ Памфалону не для молчанія, а для бесѣды, и для великой бесѣды.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оправился первый Памфалонъ.

Замѣтивъ, что Ермій не имѣлъ на себѣ никакой ноши, Памфалонъ съ недоумѣніемъ спросилъ его:

— Гдѣ же твоя кошница и тыква?

— Со мной нѣтъ ничего,—отвѣчалъ отшельникъ.

— Ну, слава Богу, что у меня сегодня есть чѣмъ тебя угостить.

— Мнѣ ничего и не надо,—перебилъ старецъ,—я пришелъ не за угощеніемъ. Мнѣ нужно знать, какъ ты угождаешь Богу?

— Что такое?

— Какъ ты угождаешь Богу?

— Что ты, что ты, старецъ! Какое отъ меня угожденіе Богу! Да мнѣ объ этомъ даже и думать нельзя.

— Отчего тебѣ нельзя думать? О своемъ спасеніи всякъ долженъ думать. Ничего для человѣка не можетъ быть такъ дорого, какъ его спасеніе. А спасеніе невозможно безъ того, чтобы угодить Богу.

Памфалонъ его выслушалъ, улыбнулся и отвѣчалъ:

— Эхъ, отецъ, отецъ! Если бы ты зналъ, какъ мнѣ смѣшно тебя слушать. Видно, и вправду давно ты изъ міра.

— Да, я изъ міра давно; я тридцать лѣтъ уже не былъ между людьми, но, все-таки, что я говорю, то истинно и согласно съ вѣрой.

— А я,—отвѣчалъ Памфалонъ, — съ тобою не спорю, но говорю тебѣ, что я человѣкъ очень непостоянной жизни, я ремесломъ скоморохъ, и не о благочестіи размышляю, а я скачу, верчусь, играю, руками плещу, глазами мигаю, выкручиваю ногами и трясу головой, чтобы мнѣ дали что-нибудь за мое посмѣшище. О какомъ богоугожденіи я могу думать въ такой жизни!

— Отчего же ты не оставишь эту жизнь и не начнешь вести лучшую?

— А, другъ любезный, я уже это пробовалъ.

— И что же?

— Не удается.

— Еще разъ попробуй.

— Нѣтъ, ужъ теперь и пробовать нечего.

— Отчего?

— Оттого, что я на сихъ дняхъ упустилъ такой случай для исправленія моей жизни, какого уже лучше и быть не можетъ.

— Почему ты знаешь? По-твоему не можетъ быть, а у Бога все возможно.

— Нѣтъ, ты про это со мною, пожалуйста, лучше не говори, потому что я даже и не хочу болѣе искушать Бога, если я не умѣю пользоваться Его милостями. Я себя самъ оставилъ безъ спасенія, и пусть такъ и будетъ.

— Такъ ты, значитъ, отчаянный?

— Нѣтъ, я не отчаянный, а только я беззаботный и веселый человѣкъ и разговаривать со мною о вѣрѣ... просто даже некстати.

Ермій покачалъ головой и говоритъ:

— Въ чемъ же, однако, состоитъ твоя вѣра, веселый, беззаботный человѣкъ?

— Я вѣрю, что я самъ изъ себя ничего хорошаго сдѣлать не сумѣю, а если создавшій меня Самъ что-нибудь лучшее изъ меня современемъ сдѣлаетъ, ну такъ это Его дѣло. Онъ всѣхъ удивить можетъ.

— А отчего же ты самъ о себѣ не заботишься?

— Некогда.

— Какъ это некогда?

— Да такъ, я живу въ суетѣ, а когда нарочито соберусь спасаться, то на меня нападетъ тоска, и вмѣсто хорошаго еще хуже выходитъ.

— Ты говоришь несообразное.

— Нѣтъ, это правда. Когда я размыслюсь, то отъ моего слабаго характера стану тревоженъ и опять самъ все разрушу и стану на свою скоморошью степень.

— Ну, такъ ты человѣкъ пропащій.

— Очень можетъ быть.

— И я думаю, что ты совсѣмъ не тотъ Памфалонъ, котораго мнѣ надобно.

— Я не могу тебѣ на это отвѣтить,—отвѣчалъ скоморохъ,— но только мнѣ кажется, что на этотъ часъ, когда я такъ счастливъ, что могу послужить твоей страннической нуждѣ, я теперь, пожалуй, какъ разъ тотъ Памфалонъ, который тебѣ нуженъ, а что тебѣ дальше нужно будетъ, о томъ завтра узнаемъ. Теперь же я умою твои ноги, и ты покушай, что у меня есть, и ложись спать, а я пойду скоморошить.

— Мнѣ нужно бесѣдъ твоихъ.

— Бесѣдъ!—опять воскликнулъ Памфалонъ.

— Да, мнѣ нужно бесѣдъ твоихъ, я для нихъ пришелъ и не отступлю отъ тебя.

Памфалонъ поглядѣлъ на старца, потрогалъ его за его синій хохолокъ и потомъ вдругъ расхохотался.

— Что же это тебѣ, весельчакъ, такъ смѣшно въ словахъ моихъ?—спросилъ Ермій.

А Памфалонъ отвѣчалъ:

— Прости мнѣ мое безумство. Я это по привычкѣ шутить разсмѣялся. Ты хочешь не отступить отъ меня, а я подумалъ, что мнѣ, пожалуй, и хорошо бы взять тебя и поводить съ собою по городу. Мнѣ бы было выгодно водить тебя напоказъ по Дамаску,—на тебя бы всѣ глядѣть собирались; но мнѣ стыдно, что я такъ о тебѣ подумалъ, и пусть же и тебѣ будетъ стыдно надо мною смѣяться.

— Я ни надъ кѣмъ не смѣюсь, Памфалонъ.

— Такъ зачѣмъ же ты говоришь, что хочешь отъ меня бесѣдъ для своего наученія? Какія наученія могу дать я, дрянной скоморохъ, тебѣ, мужу, имѣвшему силу разсуждать о Богѣ и о людяхъ въ святомъ безмолвіи пустыни? Господь меня не лишилъ совсѣмъ святѣйшаго дара своего—разума, и я знаю разницу, какая есть между мною и тобою. Не оскорбляй же меня, старикъ, позволь мнѣ омыть твои ноги и почивай на моей постели.

— Хорошо, сказалъ Ермій,—ты хозяинъ въ своемъ домѣ и дѣлай, что хочешь.

Памфалонъ принесъ лохань свѣжей воды и, омывъ ноги гостя, подалъ ему ѣсть, а потомъ уложилъ въ постель и промолвилъ:

— Завтра будемъ говорить съ тобою. А теперь объ одномъ тебя прошу: не тревожься, если кто-нибудь изъ подгулявшихъ людей станетъ стучать ко мнѣ въ дверь или бросать что-нибудь въ стѣну. Это ничего другого не значитъ, какъ празднолюбцы зовутъ меня потѣшать ихъ.

— И ты встаешь и уходишь?

— Да, я иду во всякое время.

— И неужто ты входишь повсюду?

— Конечно, повсюду: я вѣдь скоморохъ и не могу разбирать мѣста.

— Бѣдный Памфалонъ!

— Какъ быть, мой отецъ! Мудрецы и философы моего мастерства не требуютъ, а требуютъ его празднолюбцы. Я хожу на площади, стою у ристалищъ, верчусь на пирахъ, бываю въ загородныхъ рощахъ, гдѣ гуляютъ молодые богачи, а больше все по ночамъ бываю въ домахъ у веселыхъ гетеръ...

При послѣднемъ словѣ Ермій едва не заплакалъ и еще жалостнѣе воскликнулъ:

— Бѣдный Памфалонъ!

— Что дѣлать,—отвѣчалъ скоморохъ,—я, дѣйствительно, очень бѣденъ. Я вѣдь сынъ грѣха и какъ во грѣхѣ зачатъ, такъ съ грѣшниками и выросъ. Ничему другому я, кромѣ скоморошества, не наученъ, а въ мірѣ долженъ былъ жить потому, что здѣсь жила во грѣхѣ зачавшая и родившая меня мать моя. Я не могъ снести, чтобы мать моя протянула къ чужому человѣку руку за хлѣбомъ, и кормилъ ее своимъ скоморошествомъ.

— А гдѣ же теперь твоя мать?

— Я вѣрю, что она у Бога. Она умерла на той же постели, гдѣ ты лежишь теперь.

— Тебя любятъ въ Дамаскѣ?

— Не знаю, что есть слово «любятъ», но меня, пожалуй, и любятъ, и кидаютъ мнѣ деньги за мои забавы и угощаютъ меня за своими столами. Я пью на чужой счетъ дорогое вино и плачу за него моими шутками.

— Ты пьешь вино?

— О, да, что я пью вино и люблю его пить, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Да безъ этого и нельзя для человѣка, который держится веселой компаніи.

— Кто же тебя пріучилъ къ этой компаніи?

— Случай или, лучше тебѣ сказать, я не умѣю объяснить этого твоему благочестію. Мать моя въ молодости была весела и прекрасна. Отецъ мой былъ знатный человѣкъ. Онъ меня бросилъ, а другіе изъ степенныхъ людей никто меня не взяли, взялъ меня такой же, какъ я, ско-

морохъ, и много меня билъ и ломалъ, но, все-таки, спасибо ему—онъ меня выучилъ своему дѣлу, и теперь никто лучше меня не кинетъ вверхъ колецъ, чтобы они на лету сошлися; никто такъ не щелкаетъ языкомъ, не строитъ рожъ, не плещетъ руками и не митушуетъ ногами, и не троститъ головой.

— И тебѣ это ремесло еще не омерзѣло?

— Нѣтъ, оно часто мнѣ не нравится, особенно когда я вижу, какъ проводятъ у гетеръ время вельможи, которымъ надо бы думать о счастіи народа, и когда въ веселые дома приводятъ цвѣтущую юность, но я въ этомъ воспитанъ, и этимъ однимъ только умѣю добывать себѣ хлѣбъ.

— Бѣдный, бѣдный Памфалонъ! Смотри, вотъ уже и голова твоя забѣлѣлась, а ты все до сей поры плещешь руками, и сѣменишь ногами, и тростишь головой у погибшихъ блудницъ. Ты самъ погибнешь съ ними.

А Памфалонъ отвѣчалъ:

— Не жалѣй меня, что я выкручиваю ногами и верчусь у гетеръ. Гетеры грѣшницы, но бываютъ къ намъ, слабымъ людямъ, жалостливы. Когда ихъ гости упьются, онѣ сами ходятъ и сами для насъ отъ гулякъ собираютъ даянье, и даже порою съ излишкомъ и съ ласкою для насъ просятъ.

И замѣтивъ, что Ермій отвернулся, Памфалонъ тронулъ его ласково за плечо и молвилъ съ увѣтомъ:

— Вѣрь мнѣ, почтенный старикъ, что живое всегда живымъ остается, и у гетеръ часто бьется въ груди прекрасное сердце. А печально намъ быть на пирахъ у богатыхъ господъ. Вотъ тамъ часто встрѣчаются скверные люди; они горды, надменны и веселья хотятъ, а свободнаго смѣха и шутокъ не терпятъ. Тамъ требуютъ того, чего естество человѣческое стыдится, тамъ угрожаютъ удареніемъ и ранами, тамъ щиплютъ мою разноперую птицу, тамъ дуютъ и плюютъ въ носъ моей собакѣ Акрѣ. Тамъ ни во что вмѣняютъ всѣ обиды для низшихъ, и на утро... ходятъ молиться для вида.

— О горе! о горе!—прошепталъ Ермій,—вижу, что онъ

даже совѣмъ еще далекъ отъ того, чтобы понимать, въ чемъ погрязъ; но его умъ и его естество, можетъ-быть, добры... Потому я вѣрно для того къ нему и посланъ, чтобы вывесть его одаренную душу на иную путину.

И сказалъ онъ ему вдохновенно:

— Брось свое гадкое ремесло, Памфалонъ.

А тотъ ему спокойно отвѣтилъ:

— Очень бы радъ, да не могу.

— Произнеси глаголъ къ Богу, и Онъ тебѣ поможетъ.

Памфалонъ вздрогнулъ и упавшимъ голосомъ молвилъ:

— Глаголъ!.. зачѣмъ ты читаешь въ душѣ моей то, о чемъ я хочу позабыть!

— Ага! ты вѣрно уже давалъ обѣтъ, и опять его нарушилъ?

— Да, ты отгадалъ: я сдѣлалъ это дурное дѣло—я давалъ обѣтъ.

— Почему же ты называешь обѣтъ дурнымъ дѣломъ?

— Потому что христіанамъ запрещено клясться и обѣщаться, а я, какой ни есть, все же христіанинъ, и, однако, я давалъ обѣтъ и его нарушилъ. А теперь я знаю, что развѣ можетъ слабый человѣкъ давать обѣтъ Всемогущему, Который предуставилъ, чѣмъ ему быть, и мнетъ его, какъ горшечникъ мнетъ глину на кружалѣ? Да, знай, старичокъ, знай, что я имѣлъ возможность бросить скоморошество и не бросилъ.

— И почему же ты не бросилъ?

— Не могъ.

— Что у тебя за отвѣтъ: все ты «не могъ»! Почему ты и могъ и не могъ?

— Да, и могъ и не могъ, потому что... я небрежливъ,— я не могу о своей душѣ думать, когда есть кто-нибудь, кому надо помочь.

Старецъ приподнялся на ложѣ и, вперивъ глаза въ скомороха, воскликнулъ:

— Что ты сказалъ?! Ты ни во что считаешь погубить свою душу на безконечные вѣки вѣковъ, лишь бы сдѣлать

что-нибудь въ сей быстрой жизни для другого! Да ты имѣешь ли понятіе о ярящемся пламени ада и о глубинѣ вѣчной ночи?

Скоморохъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Нѣтъ, я ничего не знаю объ этомъ. Да и какъ я могу знать о жизни мертвыхъ, когда я не знаю даже всего о живыхъ? А ты знаешь о тартарѣ, старецъ?

— Конечно!

— А между тѣмъ, я вижу, и ты не знаешь о многомъ, что есть на землѣ. Мнѣ это странно. Я тебѣ говорю, что я человѣкъ негодный, а ты мнѣ не вѣришь. А я не повѣрю тебѣ, что ты знаешь о мертвыхъ.

— Несчастный! да ты имѣешь ли даже понятіе о самомъ Божествѣ?

— Имѣю, только очень малыя понятія, но въ томъ не ожидаю себѣ великаго осужденія, потому что я вѣдь не выросъ въ благородной семьѣ, я не слушалъ уроковъ у схоластиковъ въ Византіи.

— Бога можно знать и служить Ему безъ науки схоластиковъ!

— Я съ тобою согласенъ и такъ всегда говорилъ въ умѣ съ Богомъ: Ты Творецъ, а я тварь—мнѣ Тебя не понять. Ты меня всунулъ для чего въ эту кожаную ризу и бросилъ сюда на землю трудиться, я и таскаюсь по землѣ, ползаю, тружусь. Хотѣлъ бы узнать: для чего это все такъ мудрено сотворено, да я не хочу быть какъ лѣнивый рабъ, чтобы о Тебѣ со всѣми пересуживать. Я буду Тебѣ просто покоренъ и не стану разузнавать, что Ты думаешь, а просто возьму и исполню, что Твой перстъ начерталъ въ моемъ сердцѣ! А если дурно сдѣлаю,—Ты прости, потому что вѣдь это Ты меня создалъ съ жалостнымъ сердцемъ. Я съ нимъ и живу.

— И ты на этомъ надѣешься оправдаться?

— Ахъ, я ни на что не надѣюсь, а я просто ничего не боюсь.

— Какъ! ты и Бога не боишься?!

Памфалонъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Право не боюсь: я Его люблю.

— Лучше трепещи!

— Зачѣмъ? Ты развѣ трепещешь?

— Трепеталъ.

— И нынче усталъ?

— Я уже не тотъ, что былъ прежде когда-то.

— Навѣрно ты сдѣлался лучше?

— Не знаю.

— Это ты хорошо сказалъ. Знаетъ тотъ, кто со стороны смотритъ, а не тотъ, кто свое дѣло дѣлаетъ. Кто дѣлаетъ, тому на себя не видно.

— А ты себя когда-нибудь чувствовалъ хорошо?

Памфалонъ промолчалъ.

— Я умоляю тебя,—повторилъ Ермій,—скажи мнѣ, ты когда-нибудь чувствовалъ себя хорошо?

— Да,—отвѣчалъ скоморохъ,—я чувствовалъ...

— А когда это было?

— Представь, это было именно въ тотъ самый часъ, когда я себя отъ Него удалилъ...

— Боже! что говоритъ этотъ безумецъ!

— Я говорю сущую правду.

— Но чѣмъ и какъ ты отдалилъ себя отъ Бога.

— Я это сдѣлалъ за единый вздохъ.

— Отвѣть же мнѣ, что̀ ты сдѣлалъ?

Памфалонъ хотѣлъ отвѣчать, что̀ съ нимъ было, но въ это самое мгновеніе цыновку, которою была завѣшена дверь, откинули двѣ молодыя смуглыя женскія руки въ запястьяхъ, и два звонкіе женскіе голоса сразу наперебой заговорили:

— Памфалонъ, смѣхотворный Памфалонъ! скорѣй поднимайся и иди съ нами. Мы бѣжали впотьмахъ бѣгомъ за тобою отъ нашей гетеры... Спѣши скорѣй, у насъ полонъ гротъ и аллеи богатыхъ гостей изъ Коринѳа. Бери съ собой кольца, и струны, и Акру, и птицу. Ты нынче въ ночь можешь много заработать за свое смѣхотворство и хоть немножко вернешь свою большую потерю.

Ермій взглянулъ на этихъ женщинъ, и ихъ лоснящаяся, теплая кожа, ихъ полурастворенные рты и замутившіеся глаза съ обращеннымъ въ пространство взоромъ, совершенное отсутствіе мысли на лицахъ и запахъ ихъ страстнаго тѣла ошибли его. Пустыннику показалось, что онъ слышитъ даже глухой рокотъ крови въ ихъ жилахъ, и въ отдаленіи топотъ копытъ и сопѣнье, и запахъ остраго пота Силена.

Ермій затрясся отъ страха, завернулся къ стѣнѣ и закрылъ свою голову рогожей.

А Памфалонъ тихо молвилъ, нагнувшись въ его сторону:

— Вотъ видишь, досугъ ли мнѣ размышлять о высокомъ!—и, сразу же перемѣнивъ тонъ на громкій и веселый, онъ отвѣчалъ женщинамъ:

— Сейчасъ, сейчасъ иду къ вамъ, мои нильскія змѣйки.

Памфалонъ свистнулъ свою Акру, взялъ шестъ, на которомъ въ обручѣ сидѣла его пестрая птица, и захвативъ другіе свои скоморошьи снаряды, ушелъ, загасивъ лампу.

Ермій остался одинъ въ пустомъ жилищѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Ермій не скоро позабылся сномъ. Онъ долго размышлялъ, какъ ему согласить въ своемъ понятіи то, для чего онъ шелъ сюда, съ тѣмъ, что здѣсь находитъ. Конечно, можно сразу видѣть, что скоморохъ человѣкъ добраго сердца, но все же онъ человѣкъ легкомысленный: онъ потѣхи множитъ, руками плещетъ, ногами танцуетъ и троститъ головой, а оставить эти бѣсовскія потѣхи не желаетъ. Да и можетъ ли онъ сдѣлать это, такъ далеко затянувшись въ разгульную жизнь? Вотъ гдѣ онъ, напримѣръ, находится теперь, послѣ того, какъ ушелъ съ этими безстыжими женщинами, послѣ которыхъ еще стоитъ въ воздухѣ рокотанье ихъ крови и вѣянье страстнаго пота Силена?

Если таковы были посланницы, то какова же должна

быть та, которой онѣ служатъ въ ея развращенномъ домѣ!..

Отшельникъ содрогнулся.

Для чего же было ему, послѣ тридцати лѣтъ стоянія, слѣзать со скалы, идти многіе дни съ страшной истомой, чтобы прійти и увидѣть въ Дамаскѣ... ту же темную скверну грѣха, отъ которой онъ бѣжалъ изъ Византіи? Нѣтъ, вѣрно не ангелъ Божій его сюда послалъ, а искусительный демонъ! Нечего больше и думать объ этомъ, надо сейчасъ же встать и бѣжать.

Тяжело было старцу подняться,—ноги его устали, путь далекъ, пустыня жарка и исполнена страховъ; но онъ не пощадилъ своего тѣла... онъ встаетъ, онъ бредетъ во тьмѣ по стогнамъ Дамаска, пробѣгаетъ ихъ: пѣсни, пьяный звонъ чашъ изъ домовъ и страстные вздохи нимфъ и самый Силенъ—все напротивъ его, какъ волны прибоя; но ногамъ его дана небывалая сила и бодрость. Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, видитъ свою скалу, хватается за ея кремнистыя ребра, хочетъ влѣзть въ свою расщелину, но чья-то страшно могучая рука срываетъ его за ноги внизъ и ставитъ на землю, а незримый голосъ грозно говоритъ ему:

— Не отступай отъ Памфалона, проси его разсказать тебѣ, какъ онъ совершилъ дѣло своего спасенія.

И съ этимъ Ермія такъ дунуло вспять, что онъ едва не задохся отъ бури, и, открывъ глаза, видитъ день, и онъ опять въ жилищѣ Памфалона, и самъ скоморохъ тутъ лежитъ, упавъ на голомъ полу, и спитъ, а его песъ и разноперая птица дремлютъ...

Возлѣ изголовья Ермія стояли два сосуда изъ глины—одинъ съ водою, другой съ молокомъ, и на свѣжихъ зеленыхъ листахъ мягкій козій сыръ и сочные фрукты.

Ничего этого съ вечера здѣсь не было...

Значитъ, пустынникъ спалъ крѣпко, а его усталый хозяинъ, когда возвратился, еще не прямо легъ спать, а прежде послужилъ своему гостю.

Скоморохъ поставилъ гостю все, что гдѣ-то досталъ, чтобы гость утромъ всталъ и могъ подкрѣпиться...

Ни сыру, ни плодовъ въ домѣ у Памфалона не было, а все это, очевидно, ему было дано тамъ, гдѣ онъ вертѣлся и тѣшилъ гулякъ у гетеры.

Онъ взялъ подачку отъ гетеры и принесъ это страннику.

«Чудакъ мой хозяинъ»,— подумалъ Ермій и, вставъ съ постели, подошелъ къ Памфалону, взглянулъ въ лицо его и засмотрѣлся. Вчера вечеромъ онъ видѣлъ Памфалона при лампѣ и готоваго на скоморошество, съ завитою головою и съ лицомъ, разрисованнымъ красками, а теперь скоморохъ спалъ, смывъ съ себя скоморошье мазанье, и лицо у него было тихое и прекрасное. Ермію казалось, будто это совсѣмъ не человѣкъ, а ангелъ.

«Что же! — подумалъ Ермій,— можетъ-быть, я не обманутъ; можетъ-быть, не было надо мной искушенія, а это именно тотъ самый Памфалонъ, который совершеннѣе меня и у котораго мнѣ надо чему-то научиться. Боже! какъ это узнать? Какъ разрѣшить это сомнѣнье?»

И старикъ заплакалъ, опустился передъ скоморохомъ на колѣни и, обнявъ его голову, сталъ звать со слезами его по имени.

Памфалонъ проснулся и спросилъ:

— Что тебѣ угодно отъ меня, мой отецъ?

Но, увидѣвъ, что старецъ плачетъ, Памфалонъ встревожился, спѣшно всталъ и началъ говорить:

— Зачѣмъ я вижу слезы на старомъ лицѣ твоемъ? Не обидѣлъ ли тебя кто-нибудь?

А Ермій ему отвѣчаетъ:

— Никто меня не обидѣлъ, кромѣ тебя, потому что я пришелъ къ тебѣ изъ моей пустыни, чтобы узнать отъ тебя для себя полезное, а ты не хочешь сказать мнѣ, чѣмъ ты угождаешь Богу; не скрывайся и не мучь меня: я вижу, что живешь ты въ жизни суетной, но мнѣ о тебѣ явлено, что ты Богу любезенъ.

Памфалонъ задумался, и потомъ говоритъ:

— Повѣрь, старикъ, что въ моей жизни нѣтъ ничего

такого, что бы можно взять въ похвалу, а, напротивъ, все скверно.

— Да ты, можетъ-быть, самъ не знаешь?

— Ну, какъ не знать! Я знаю, что живу, какъ ты самъ видишь, въ суетѣ, и вдобавокъ еще имѣю такое дрянное сердце, которое даже не допускаетъ меня стать на лучшую степень.

— Ну, вотъ скажи мнѣ хоть объ этомъ: какой вредъ сдѣлало тебѣ твое сердце и какъ оно не допускаетъ тебя стать на иной степень? Какъ это было, что ты почувствовалъ себя хорошо, когда сдѣлалъ дурно?

— Ага! про это изволь,— отвѣчалъ Памфалонъ,— если ты такъ уже непремѣнно этого требуешь, то я тебѣ разскажу этотъ случай, но только ты послѣ моего разсказа навѣрно не захочешь ко мнѣ возвратиться. Возстанемъ же лучше и пойдемъ отсюда за городъ, въ поле: тамъ на свободѣ я разскажу тебѣ про то происшествіе, которое совсѣмъ меня отдалило отъ надежды исправленія.

— Пойдемъ, Бога ради скорѣе,— отвѣчалъ Ермій, покрываясь своими ветхими лохмотьями.

Они оба вышли за городъ, сѣли надъ дикимъ, обрывистымъ рвомъ, у ногъ ихъ легла Акра, и Памфалонъ началъ сказывать.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Ни за что я не сталъ бы тебѣ разсказывать,— началъ Памфалонъ,— о чемъ ты меня просишь; но какъ ты непремѣнно хочешь считать меня за хорошаго человѣка, а мнѣ отъ этого стыдно, потому что я этого не стою, а стою одного лишь презрѣнья, то я разскажу. Я большой грѣшникъ и бражникъ, но, что всего хуже еще,—я обманщикъ, и не простой обманщикъ, а я обманулъ Бога въ данномъ Ему обѣтѣ какъ разъ въ то самое время, когда получилъ невѣроятнымъ образомъ возможность обѣтъ свой исполнить. Слушай, пожалуйста, и суди меня строго. Я желаю въ твоемъ

судѣ получить цѣлебную рану, какую заслужилъ себѣ въ наказаніе.

Нечистоту моей скоморошьей жизни ты видѣлъ и все дальнѣйшее посему понять можешь. Кругомъ я грязенъ и скверенъ. Я тебѣ правду сказалъ, что разсуждать о божественномъ я не наученъ и по жизни моей мнѣ рѣдко когда это приходитъ на мысль; но ты прозорливъ,—бывали случаи, что и я о своей душѣ думалъ. Вертишься ночь бражникамъ на потѣху, а когда передъ утромъ домой возвращаешься и задумаешься: стоитъ ли этакъ жить? Грѣшишь для того, чтобъ пропитаться, а питаешься для того, чтобъ грѣшить. Все такъ и вертится. Но человѣкъ вѣдь, отче, лукавъ, и во всякомъ своемъ положеніи ищетъ себѣ смоковничьи листья, чтобы прикрыть свою срамоту. Таковъ же и я, и я себѣ не разъ думалъ: я въ грѣхѣ погрязъ отъ нужды, я что добуду, тѣмъ едва пропитаюсь: вотъ если бы у меня сразу случились такія деньги, чтобы я могъ купить хоть очень малое поле и работать на немъ, такъ тогда бы я сейчасъ же оставилъ свое скоморошье и сталъ бы жить какъ другіе степенные люди. Да не могъ я этого достичь, и не потому, чтобы никогда въ мои руки денегъ не попадало—нѣтъ, деньги бывали, а всегда что-нибудь такое случалось, что я не успѣю собрать сколько нужно, какъ уже все собранное и растрачу; случится кто-нибудь въ горѣ, и мнѣ его станетъ жаль, и я промотаюсь. Если бы мнѣ вразъ пришло въ руки много денегъ, тогда бы я навѣрно скоморошество оставилъ и перешелъ на степенность, а шить лоскутъ къ лоскуту я не умѣю. Зачѣмъ меня Богъ такъ устроилъ? Но если Онъ щедрой рукой когда-нибудь вразъ мнѣ поможетъ,—ну, тогда я воздержусь и стану жить хорошо, какъ прочіе благородные люди, которыхъ почитаютъ и монахи, и клирики, и всѣ ожидающіе себѣ царствія небеснаго.

И что же ты думаешь! точно какъ съ того будто слова случилось: вдругъ выпалъ мнѣ такой удивительный случай, о какомъ, казалось, невозможно было и думать. Слушай прилежно меня и суди меня строго.

Вотъ что было разъ въ моей жизни.

Былъ я позванъ однажды тѣшить гостей у одной здѣшней гетеры Азеллы. Она немолода, но ея красота долголѣтня, и Азелла всѣхъ здѣсь красивѣй, пышнѣй и умнѣе. Гостей было много, и все чужеземцы изъ Рима и хвастуны-богачи изъ Коринѳа. Всѣ упивались виномъ и меня безпрестанно заставляли играть имъ и пѣть. Другіе хотѣли, чтобы я смѣшилъ ихъ, и я всѣмъ угождалъ, какъ хотѣли. А когда я уставалъ, они не желали этого знать и надо мною обидно смѣялись, толкали, насильно поили виномъ, въ которое сыпали непріятную подмѣсь; обливали меня и злили мою бѣдную Акру. Они дергали ее за ляжки и плевали ей въ носъ, а когда Акра рычала, они ее били и даже грозились убить; я все это сносилъ, лишь бы побольше отъ нихъ заработать, потому что, признаюсь тебѣ, мнѣ надобно было тогда отправить на родину одного калѣку-воина. За то умная гетера Азелла, видя какъ меня обижали, обратила это все въ мою пользу: она раскрыла свою тунику и заставила всѣхъ кинуть мнѣ нѣсколько денегъ, гости же спьяну набросали мнѣ много, а особенно одинъ горделивый и тучный Оръ коринѳянинъ, съ надутымъ брюхомъ, безъ шеи. Оръ громко сказалъ:

— Покажи мнѣ, Азелла, много ли золота всѣ положили въ твою тунику.

Она показала.

Оръ же взглянулъ и, скосивши лицо съ надменной усмѣшкой на римлянъ, добавилъ:

— Слушай меня, что скажу я, Азелла: прогони сейчасъ отъ себя всѣхъ этихъ гостей и возьми за то у слуги моего вдесятеро противъ того, что они всѣ положили твоему скомороху.

Азелла сказала гостямъ:

— Мудрые люди: Фортуна спускается къ смертнымъ не часто, а къ Памфалону она еще во всю жизнь не сходила. Дайте ей мѣсто, а сами идите спокойно ко сну.

Недовольные гости ушли, а Азелла проводила меня по-

слѣдняго и дала мнѣ такъ много денегъ, что я не могъ счесть ихъ, а утромъ, когда сталъ сосчитывать, насчиталъ двѣсти тридцать златницъ. Я и обрадовался, и вмѣстѣ съ тѣмъ испугался.

— Вотъ, подумалъ я,— случай, послѣ котораго я уже не долженъ болѣе служить скоморошьимъ потѣхамъ. Это точно Богъ внялъ моему обѣщанью. Никогда еще у меня не бывало заразъ столько денегъ. Довольно же меня всѣмъ обижать и надо мной насмѣхаться. Теперь я не бѣднякъ. За эти деньги я вчера снесъ большія обиды, но зато впередъ этого больше не будетъ. Конецъ скоморошью! Я отыщу себѣ небольшое поле, съ ключомъ чистой воды и съ многолиственной пальмой. Куплю это поле и стану жить честно, какъ всѣ люди, съ которыми не стыдятся вести знакомство ни клиръ, ни монахи.

И я предался разнороднымъ мечтаньямъ, сталъ любоваться собою, какъ я буду жить достойною жизнью: буду рано утромъ вставать, а не то что теперь,—только утромъ ложиться; не буду свистать, а стану пѣть псалмы; буду днемъ работать въ *своемъ* виноградникѣ, а вечеромъ сяду у *своего* ручья подъ *своей* пальмой и стану размышлять о *своей* душѣ да выглядывать путника. А покажется путникъ, я поднимусь и пойду ему навстрѣчу, приглашу его къ себѣ, приму его въ домъ, успокою, угощу и потомъ поведу съ нимъ въ тишинѣ подъ звѣзднымъ небомъ бесѣду о Богѣ. Перемѣнится совсѣмъ къ лучшему жизнь моя и не буду я скоморохомъ въ старости, когда оскудѣютъ мои силы. А чтобы рѣшеніе мое еще болѣе окрѣпло и слабость ко мнѣ ни отколь не подкралась, я завязалъ себѣ руки неразрывною цѣпью... Я сдѣлалъ то, о чемъ ты говорилъ, я поклялся съ этого раза стать совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Но послушай же, что затѣмъ сталось и передъ чѣмъ я не устоялъ въ клятвѣ и обѣщаніи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Чтобы ничего не истратить, я не пошелъ отправлять домой убогаго воина, а зарылъ всѣ мои деньги въ землю у себя подъ изголовьемъ и утромъ не поднималъ моей циновки. Я притворился больнымъ и не хотѣлъ ни одного раза больше идти на гульбу съ бражниками. Всѣмъ, кто приходилъ меня звать, я отвѣчалъ, что я боленъ и пойду за городъ въ горы подышать свѣжимъ воздухомъ и поискать на болѣзнь мою цѣлебную траву. А самъ пробрался потихоньку къ сводчику, къ жиду Капитону, который знаетъ все, гдѣ что продается, и просилъ его отыскать мнѣ хорошее поле съ водою и съ пальмовой тѣнью. Капитонъ-сводчикъ меня сразу обрадовалъ.

— Есть,—говоритъ,—у меня на виду какъ разъ то, что тебѣ нужно.

И описалъ мнѣ продажное поле такъ хорошо, какъ я самъ не умѣлъ о немъ и подумать. Есть тамъ и ключъ, и пальма, да еще и бальзамный кустъ, отъ котораго струитъ ароматомъ на цѣлое поприще.

— Иди,—говорю,—и купи мнѣ скорѣй это поле.

Жидъ обѣщалъ все устроить.

— Вотъ,— думалъ я, — теперь уже совсѣмъ наступаетъ конецъ моей безпорядочной жизни, теперь я брошу всѣ мои крики и свисты, сниму всѣ смѣшные наряды, надѣну на себя степенный левитонъ, покрою голову платомъ и буду работать день на полѣ, а вечеромъ стану сидѣть у своей кущи и подражать гостепріимству Авраама.

Но не скрою отъ тебя, — во все это время я ощущалъ безпокойство. Все мнѣ казалось, что ничего того, что я затѣялъ, не будетъ.

На обратномъ пути отъ Капитона объялъ меня страхъ: не узналъ ли кто, что я получилъ деньги отъ гордаго коринѳянина, и не пришелъ ли безъ меня и не укралъ ли моихъ денегъ изъ того мѣста, гдѣ я ихъ зарылъ у себя

подъ постелью?.. Побѣжалъ я домой шибко, въ тревогѣ, какой раньше никогда еще не зналъ, а прибѣжавъ, сейчасъ же прилегъ на землю, раскопалъ свою похоронку и пересчиталъ деньги: всѣ двѣсти тридцать златницъ, которыя бросилъ мнѣ гордый Оръ коринѳянинъ, были цѣлы, и я взялъ и опять ихъ зарылъ и самъ легъ на нихъ какъ собака.

И хочешь ли знать, кого я боялся? Мнѣ страшно было не однихъ тѣхъ воровъ, что ходятъ и крадутъ, а я боялся и того вора, что жилъ вѣчно со мной въ моемъ сердцѣ. Я не хотѣлъ знать ни о чьемъ несчастьи, чтобы оно не лишило меня той твердости, которая нужна человѣку, желающему исправить путь своей собственной жизни, не обращая вниманія на то, что гдѣ-нибудь дѣлается съ другими. Я не виноватъ въ ихъ несчастіяхъ.

А такъ какъ я, ходя къ Капитону и возвращаясь назадъ, изрядно усталъ, то меня одолѣлъ сонъ, но и сонъ этотъ былъ тоже исполненъ тревоги: то я видѣлъ, что давно уже купилъ себѣ сказанное Капитономъ поле и живу уже въ свѣтломъ домѣ и близко меня журчитъ родникъ свѣжей воды, и бальзамный кустъ мнѣ точитъ ароматъ, и вѣтвистая пальма меня отѣняетъ. То во всей этой красотѣ все что-то портитъ: въ родникѣ я вижу бездну піявицъ, вокругъ пальмы прыгаютъ огромныя жабы, а подъ самымъ бальзамнымъ кустомъ извивается аспидъ. Увидавъ аспида, я такъ испугался, что даже проснулся, и сейчасъ подумалъ: цѣлы ли мои деньги? Онѣ были цѣлы—я лежалъ на нихъ, и никто ихъ не могъ взять безъ насилія. И вотъ мнѣ пришла мысль, что богатство, которое мнѣ бросилъ Оръ у Азеллы, вѣроятно, не осталось до сихъ поръ тайной въ Дамаскѣ. Не съ тѣмъ кинулъ мнѣ деньги на пиру у гетеры гордый коринѳянинъ Оръ, чтобы это оставалось втайнѣ. Онъ, конечно, для того только это и сдѣлалъ, чтобы всѣ завидовали его богатству и распускали молву, которая лестна для его гордости. И вотъ теперь люди узнаютъ, что у меня есть деньги, и придутъ ко мнѣ ночью и меня ограбятъ, и

изобьютъ, а если я стану имъ сопротивляться, то они совсѣмъ убьютъ меня.

А какъ у меня циновка была опущена, то въ горницѣ стало нестерпимо душно и я подошелъ приподнять циновку и вижу, что по улицѣ идутъ два малолѣтнихъ мальчика съ корзинами, полными хлѣба, а передъ ними оселъ, который тоже нагруженъ такими же корзинами съ хлѣбомъ. Мальчики погоняютъ осла и разговариваютъ между собою... обо мнѣ!

— Вотъ,—говоритъ одинъ,—нашъ Памфалонъ нынче уже и циновки своей не открываетъ.

— Да зачѣмъ ему теперь открывать ее,—отвѣчаетъ другой,—ему больше не нужно кривляться: онъ богачъ—можетъ спать сколько захочетъ. Ты вѣдь, я думаю, слышалъ, что разсказывали всѣ, которые приходили сегодня къ намъ въ пекарню за хлѣбомъ.

— Какъ же, какъ же, я даже такъ заслушался, что хозяинъ далъ мнѣ за это во всю ладонь подзатыльникъ. Какой-то гордецъ изъ Коринѳа, чтобы унизить нашихъ дамасскихъ богачей, бросилъ Памфалону у гетеры Азеллы десять тысячъ златницъ. Онъ теперь купитъ домъ и сады, и невольницъ, и будетъ лежать у фонтана.

— Не десять, а двадцать тысячъ златницъ,—поправилъ другой,—и притомъ деньги эти были еще въ ящикѣ, осыпанномъ перлами. Онъ купитъ навѣрное поле съ чертогомъ, поставитъ вокругъ себя самыхъ красивыхъ мальчиковъ съ опахалами и станетъ собирать разныхъ ученыхъ и заставлять ихъ разсуждать на разныхъ языкахъ о Святомъ Духѣ.

Изъ этого разговора мальчиковъ, развозившихъ хлѣбъ изъ пекарни, я узналъ, что случай моего неожиданнаго обогащенія уже извѣстенъ всему Дамаску, а притомъ и самая сумма, которою я обладалъ по прихоти горделиваго Ора, была болѣе чѣмъ въ десять разъ преувеличена.

Да и кто могъ навѣрно знать, что сумма, брошенная мнѣ гордецомъ Оромъ, заключалась менѣе чѣмъ въ трех-

стахъ литрахъ, а совсѣмъ не въ двадцати тысячахъ златницъ? Конечно, это зналъ только одинъ я, потому что и самъ Оръ, безъ сомнѣнія, не считалъ того, что онъ мнѣ кинулъ.

Но и это было еще маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ закончили свой разговоръ проходившіе мальчики. Одинъ изъ нихъ продолжалъ, будто всѣхъ очень занимаетъ, куда я спряталъ теперь такое богатство, какъ двадцать тысячъ златницъ. Особенно же этимъ будто интересовался флейтщикъ Аммунъ, отчаянный головорѣзъ, который прежде былъ воиномъ въ двухъ взаимно враждовавшихъ арміяхъ, потомъ разбойникомъ, убивавшимъ богомольцевъ, а послѣ еще монахомъ въ Нитрійской пустынѣ и, наконецъ, явился сюда къ намъ въ Дамаскъ съ флейтою и черной блудницей, завернутой въ милоть нитрійскаго брата. Брата онъ, вѣрно, убилъ, а блудницу продалъ въ веселый домъ нагишомъ, а милотью обтиралъ долго пыль и грязь съ ногъ гулякъ, подходящихъ вечерами къ порогамъ гетеръ. Онъ также часто игралъ на своей флейтѣ при моихъ представленіяхъ, но еще чаще гетеры отгоняли его. Аммунъ самъ былъ виноватъ, потому что онъ безъ стыда началъ румянить себѣ щеки и наводить брови, какъ особа обоего пола. Этимъ онъ сдѣлался мерзокъ для женщинъ, какъ ихъ соперникъ. Меня Аммунъ страшно ненавидѣлъ. Я даже зналъ, что онъ уже нѣсколько разъ научалъ пьяныхъ людей напасть на меня ночью и сдѣлать мнѣ вредъ.

Теперь желанье сдѣлать мнѣ вредъ въ Аммунѣ, конечно, должно было усилиться, а его старинные разбойничьи навыки могли помочь ему привести задуманное имъ злодѣйство въ исполненіе. У него уже было золото, и онъ бралъ себѣ людей въ кабалу и заставлялъ ихъ дѣлать, что скажетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Мысль объ опасности, угрожающей мнѣ отъ Аммуна, пролетѣла въ моей головѣ, какъ молнія, и такъ овладѣла мною,

что даже помѣшала мнѣ отнять рогожу отъ окна и воротить прошедшихъ мимо мальчиковъ, у которыхъ мнѣ надо было купить для себя свѣжихъ хлѣбовъ.

Скача и вертясь за то, что мнѣ кинутъ, я всегда былъ сытъ и даже очень нерѣдко подкрѣплялъ себя вволю виномъ, а теперь, когда у меня было золото, я впервые провелъ весь день и безъ пищи, и безъ глотка вина, а притомъ еще и въ тревогѣ, которая возрастала такъ же быстро, какъ быстро сгущаются наши сумерки, переходящія въ темную ночь.

Мнѣ было не до пищи: я страшился за цѣлость моего богатства и за мою жизнь. Флейтщикъ Аммунъ такъ и стоялъ съ своими кабальными передъ глазами напуганной души моей. Я думалъ, это непремѣнно такъ и есть: вотъ онъ днемъ обѣгалъ уже всѣхъ подобныхъ ему, согласныхъ на злодѣйства, и теперь, при наступающей темнотѣ, всѣ они собрались въ какой-нибудь пещерѣ или корчемницѣ, а какъ совсѣмъ стемнѣетъ, они придутъ сюда, чтобы взять отъ меня двадцать тысячъ златницъ. Когда же они не найдутъ у меня столько, сколько думаютъ, то они не повѣрятъ, что коринѳянинъ Оръ не дарилъ мнѣ такой суммы, и станутъ меня жечь и пытать.

И тутъ вдругъ я, къ ужасу своему, вспомнилъ, что я никогда какъ слѣдуетъ не заботился о крѣпости запоровъ для своего бѣднаго жилища... Я закрывалъ его на время моего отсутствія болѣе только для вида, а ночью часто спалъ, даже совсѣмъ не положивъ болтовъ ни на двери мои, ни на окна.

Теперь это не годилось, и какъ время уже совсѣмъ приблизилось къ ночи, то надо было поспѣшить все пересмотрѣть, и что можно поскорѣе приладить, чтобы не такъ легко было ко мнѣ ворваться.

Я придумалъ, какъ можно подпереть изнутри мою дверь; но только что сталъ это подстраивать, какъ вдругъ неожиданно, передъ самыми глазами моими, моя циновка распахнулась и ко мнѣ не вошелъ, а точно чужою сильною

рукою былъ вброшенъ весь закутанный человѣкъ. Онъ, какъ упалъ ко мнѣ, такъ обвилъ мою шею и замеръ, простонавъ отчаяннымъ голосомъ:

— Спаси меня, Памфалонъ!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Съ тѣми мыслями, какихъ я былъ полонъ въ эту минуту и чего въ тревогѣ опасался отъ Аммуна, я прежде всего заподозрѣлъ, что это начинается его дѣло, затѣянное съ какою-нибудь хитростію, въ которыхъ разбойничій умъ Аммуна былъ очень искусенъ.

Я уже ждалъ боли, которую долженъ былъ ощутить отъ погруженія въ мою грудь остраго ножа рукою впавшаго ко мнѣ гостя, и, охраняя жизнь свою, съ такою силою оттолкнулъ отъ себя этого незнакомца, что онъ отлетѣлъ отъ меня къ стѣнѣ и, споткнувшись на обрубокъ, упалъ въ уголъ. А я тотчасъ же сообразилъ, что мнѣ легче будетъ управиться съ однимъ человѣкомъ, который притомъ показался мнѣ слабымъ, чѣмъ съ нѣсколькими за нимъ слѣдующими, и потому я поскорѣе примкнулъ заставицу и задвинулъ крѣпкій засовъ, а потомъ взялъ въ руки сѣкиру и сталъ прислушиваться. Я твердо рѣшился ударить сѣкирою всякаго, кто бы ни показался въ мое жилище, а въ то же время не сводилъ глазъ съ того пришельца, котораго отшвырнулъ отъ себя въ уголъ.

Онъ сталъ мнѣ казаться страненъ тѣмъ, что неподвижно лежалъ въ углу, куда упалъ, и занималъ такъ мало мѣста, какъ ребенокъ, а въ то же время онъ совсѣмъ не обнаруживалъ ничего противъ меня ухищреннаго, а напротивъ, былъ будто заодно со мною. Онъ зорко слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ и, учащенно дыша, шепталъ:

— Запрись!.. скорѣй запрись!.. скорѣй запрись, Памфалонъ!

Меня это удивило, и я сурово сказалъ:

— Хорошо, я запрусь, но тебѣ что отъ меня нужно?

— Подай мнѣ поскорѣе твою руку, дай мнѣ испить и посади меня у твоей лампы. Тогда я скажу тебѣ, что мнѣ нужно.

— Хорошо,—отвѣчалъ я,—каковы бы ни были твои замыслы, но вотъ тебѣ моя рука и вотъ чаша воды и мѣсто у моей лампы.

Съ этимъ я протянулъ гостю руку, и передо мною вспорхнуло легкое дѣтское тѣло.

— Ты не мужчина, а женщина!—вскричалъ я.

А гость мой, говорившій до сей поры шопотомъ, отвѣчаетъ мнѣ женскимъ голосомъ:

— Да, Памфалонъ, я женщина,—и съ этимъ она распахнула на себѣ темную эпанчу, въ которую была завернута, и я увидалъ молодую, прекрасную женщину, съ лицомъ, которое мнѣ было знакомо. На немъ вмѣстѣ съ красотою отражалось ужасное горе. Голова ея была покрыта дробнымъ плетеніемъ волосъ и тѣло умащено сильнымъ запахомъ амбры, но она не имѣла безстыдства, хотя говорила ужасныя вещи.

— Посмотри, хороша или нѣтъ я?—спросила она, отѣняясь одною рукою отъ лампы.

— Да,—отвѣчалъ я,—ты безспорно красива, и тебѣ лучше не терять своего времени со мною. Что тебѣ нужно?

А она говоритъ:

— Ты не узналъ меня вѣрно. Я Магна, дочь Птоломея съ Альбиной. Купи меня, купи, Памфалонъ-скоморохъ, дочь Птоломея—у тебя теперь много богатства, а Магнѣ золото нужно, чтобъ спасти мужа и избавить дѣтей изъ неволи.

И, орошая щеки слезами, Магна стала торопливой рукой разрѣшать на себѣ поясъ туники.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Старикъ! я видалъ много людей, но такой странной гостьи у меня еще никогда не случалось... Она и продавала себя, и страдала, и все это вмѣстѣ меня какъ будто сдавило за сердце.

Имя *Магна* принадлежало самой прекрасной, именитой и несчастной женщинѣ въ Дамаскѣ. Я зналъ ее еще въ дѣтствѣ, но не видалъ ее съ тѣхъ поръ, какъ Магна удалилась отъ насъ съ византійцемъ Руфиномъ, за котораго вышла замужъ по волѣ своего отца и своей матери, гордой Альбины.

— Остановись!—вскричалъ я,—я тебя узнаю: ты въ самомъ дѣлѣ благородная Магна, дочь Птоломея, въ садахъ котораго я съ позволенія твоего отца не разъ забавлялъ тебя въ дѣтствѣ моими играми и получалъ изъ твоихъ ласковыхъ рукъ монеты и пшеничный хлѣбъ, изюмъ и гранатовые яблоки! Говори мнѣ скорѣе, что съ тобой сдѣлалось, гдѣ твой супругъ, роскошный богачъ-византіецъ Руфинъ, котораго ты такъ любила? Неужто его поглотили волны моря, или молодую жизнь его пресѣкъ мечъ переплывшаго Понтъ скиѳскаго варвара? Гдѣ же твоя семья, гдѣ твои дѣти?

Магна, потупясь, молчала.

— Скажи же, по крайней мѣрѣ, когда ты явилась въ Дамаскъ и зачѣмъ ты не у своихъ здѣшнихъ родныхъ или не у прежнихъ богатыхъ подругъ—у умной Фотины, у ученой Таоры или у цѣломудренной Сильвіи-дѣвы? Зачѣмъ быстрыя ноги твои принесли тебя къ бѣдному жилищу безславнаго скомороха, надъ которымъ ты сейчасъ такъ жестоко посмѣялась, сдѣлавъ мнѣ въ шутку такое нестаточное предложеніе?

Но Магна грустно покачала головою и проговорила въ отвѣтъ:

— Ты, Памфалонъ, не знаешь всѣхъ моихъ ужасныхъ несчастій! Я не смѣюсь: я пришла продать себя не для шутки. Мужъ мой и дѣти!.. Мужъ мой и дѣти мои всѣ въ неволѣ. Мое горе ужасно!

— Ну, такъ скорѣе скажи мнѣ, что это за горе, и если я могу тебѣ пособить, я все съ радостью тотчасъ исполню.

— Хорошо, я все скажу тебѣ,—отвѣчала Магна.

И тутъ-то, пустынникъ, постигло меня то искушеніе, за

которымъ я позабылъ и обѣтъ мой, и клятву, и самую вѣчную жизнь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Я зналъ Магну съ раннихъ дней ея юности. Я не былъ въ домѣ ея отца, а былъ только въ саду, какъ скоморохъ, когда меня звали, чтобы потѣшить ребенка. Гостей вхожихъ къ нимъ было мало, потому что великолѣпный Птоломей держалъ себя гордо и съ людьми нестрогой жизни не зналъ. Въ его домѣ не было такихъ сборищъ, при которыхъ былъ нуженъ скоморохъ, а тамъ собирались ученые богословы и изрекали о разныхъ высокихъ предметахъ и о самомъ Святомъ Духѣ. Жена Птоломея, Альбина, мать красавицы Магны, была подстать своему мужу. Всѣ самыя пышныя жены Дамаска не любили ея, но всѣ признавали ея непорочность. Вѣрность Альбины для всѣхъ могла быть урокомъ. Превосходная Магна уродилась въ мать, на которую походила и прекраснымъ лицомъ, но молодость ея заставляла ее быть милосердной. Прекрасный садъ ея отца, Птоломея, примыкалъ къ большому рву, за которымъ начиналось широкое поле. Мнѣ часто приходилось проходить этимъ полемъ, чтобы миновать дальній обходъ къ загородному дому гетеры Азеллы. Я всегда шелъ съ моей скоморошьею ношей и съ этой самой собакою. Акра тогда была молода и не знала всего, что должна знать скоморошья собака.

Выходя въ поле, я останавливался на полпути, какъ разъ противъ садовъ Птоломея, чтобы отдохнуть, съѣсть мою ячменную лепешку и поучить мою Акру. Я обыкновенно садился надъ обрывомъ оврага, ѣлъ, и заставлялъ Акру повторять на широкомъ просторѣ уроки, которые давалъ ей у себя, въ моемъ тѣсномъ жилищѣ. Среди этихъ занятій я и увидалъ одинъ разъ прекрасное лицо взрослой Магны. Закрывшись вѣтвями, она любопытно смотрѣла изъ зелени на веселыя штуки, которыя продѣлывала моя Акра. Я это примѣтилъ и, не давая Магнѣ замѣтить, что я ее вижу, хотѣлъ доставить ей представленіями моего пса бо-

лѣе удовольствія, чѣмъ Акра могла показать по тогдашней своей выучкѣ. Чтобы побудить собаку къ проворству, я нѣсколько разъ хлестнулъ ее ремнемъ, но въ ту самую минуту, когда собака взвизгнула, я замѣтилъ, что зелень, скрывавшая Магну, всколыхнулась и прекрасное лицо дѣвушки исчезло...

Это привело меня въ такое озлобленіе, что я еще ударилъ Акру два раза, и когда она подняла жалобный визгъ, то изъ-за ограды сада до меня донеслись слова:

— Жестокій человѣкъ! за что ты мучишь это бѣдное животное! для чего ты принуждаешь собаку дѣлать то, что несвойственно ея природѣ!

Я оборотился и увидалъ Магну, которая вышла изъ своего древеснаго закрытія, и, стоя по перси надъ низкой, заросшей листами оградой, говорила мнѣ съ лицомъ, пылающимъ гнѣвомъ.

— Не осуждай меня, юная госпожа,—отвѣчалъ я:—я не жестокій человѣкъ, а выучка этого пса относится къ моему ремеслу, которымъ мы съ нимъ оба питаемся.

— Презрѣнно твое ремесло, которое нужно только презрѣннымъ празднолюбцамъ,—отвѣтила мнѣ Магна.

— О, госпожа!—отвѣчалъ я,—всякій питается тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ добыть себѣ пищу, и хорошо если онъ живетъ не на счетъ другого и не дѣлаетъ несчастія ближнихъ.

— Это не идетъ къ тебѣ, ты развращаешь своихъ ближнихъ,—молвила Магна, и въ глазахъ ея я могъ видѣть ту же строгость, которою отличался всегда взоръ ея матери.

— Нѣтъ, юная госпожа,—отвѣчалъ я,—ты судишь строго и говоришь такъ потому, что мало сама испытала. Я простолюдинъ и не могу развращать людей высшаго званія.

И я повернулся и хотѣлъ уходить, какъ она остановила меня однимъ звукомъ и сказала:

— Не идетъ тебѣ разсуждать о людяхъ высокаго званія. Лучше вотъ... лови мой кошелекъ: я бросаю это тебѣ, чтобы ты далъ вволю пищи твоей жалкой собакѣ.

Съ этимъ она бросила шелковый мѣшочекъ, который не

долетѣлъ на мою сторону, а я потянулся, чтобы его подхватить, и, оборвавшись, упалъ на дно оврага.

Въ этомъ паденіи я страшно расшибся.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Въ бѣдствіи моемъ мнѣ было утѣшеніемъ, что во всѣ десять дней, которые я провелъ въ малой пещеркѣ на днѣ оврага, ко мнѣ всякій день спускалась благородная Магна. Она приносила мнѣ столько роскошной пищи, что ее съ излишкомъ доставало для меня и для Акры, а Магна сама, своими дѣвственными руками, смачивала у ручья платъ, который прилагала къ моему больному плечу, стараясь унять въ немъ несносный жаръ отъ ушиба. При этомъ мы съ ней вели отрадные для меня разговоры, и я наслаждался какъ чистотой ея сердца, такъ и яснымъ свѣтомъ разсудка. Одно мнѣ въ ней было досадно, что она не снисходила ничьимъ слабостямъ и слишкомъ на себя во всемъ полагалась.

— Отчего,—говорила она,—всѣ не живутъ, какъ живетъ моя мать и мои подруги Таора, Фотина и Сильвія, которыхъ вся жизнь чиста какъ кристаллъ.

И я видѣлъ, что она ихъ весьма уважала и во всемъ хотѣла имъ слѣдовать. Несмотря на свою молодость, она и меня хотѣла исправить и оторвать отъ моей жизни, а когда я не рѣшался ей этого обѣщать, то она сердилась.

Я же ей говорилъ то, что и есть въ самомъ дѣлѣ.

— Развѣ ты не знаешь,—говорилъ я,—что нуженъ сосудъ въ честь и нуженъ сосудъ въ поношеніе? Живи ты для чести, а я опредѣленъ жить для поношенія, и какъ глина, я не спорю съ моимъ горшечникомъ. Жизнь меня заставила быть скоморохомъ, и я иду своею дорогой, какъ быкъ на веревкѣ.

Магна не умѣла понять простыхъ словъ моихъ и все относила къ привычкѣ.

— Сказано мудрымъ, — отвѣчала она, — что привычка

приходитъ какъ странникъ, остается какъ гость и потомъ сама становится хозяиномъ. Деготь, побывавъ въ чистой бочкѣ, дѣлаетъ ее ни къ чему больше негодною, какъ опять же для дегтя.

Не трудно мнѣ было понять, что она становится нетерпѣлива, и я въ глазахъ ея—теперь все равно, что дегтярная бочка, и я умолкалъ и сожалѣлъ, что не могу уйти скорѣй изъ оврага. Тяжело стало мнѣ отъ ея сомнѣнья, да и сама она стала заботиться, какъ меня вынуть изъ рва и доставить въ мое жилище.

Сдѣлать это было трудно, потому что самъ я идти не могъ, а дѣвушка была слишкомъ слаба, чтобы помочь мнѣ въ этомъ. Дома же она не смѣла признаться своимъ гордымъ родителямъ въ томъ, что говорила съ человѣкомъ моего презрѣннаго званія.

И какъ одинъ проступокъ часто влечетъ человѣка къ другому, такъ же случилось и здѣсь съ достойною Магной. Для того, чтобы помочь мнѣ, презрѣнному скомороху, который не стоилъ ея вниманія по своему недостоинству, она нашла себя вынужденной довѣриться еще нѣкоторому юношѣ по имени Магистріану.

Магистріанъ былъ молодой живописецъ, который прекрасно расписывалъ стѣны роскошныхъ домовъ. Онъ шелъ однажды съ своими кистями къ той же гетерѣ Азеллѣ, которая велѣла ему изобразить на стѣнахъ новой бесѣдки, въ ея саду, пиръ сатировъ и нимфъ, и когда Магистріанъ проходилъ полемъ близъ того мѣста, гдѣ лежалъ я во рву, моя Акра узнала его и стала жалостно выть.

Магистріанъ остановился, но, подумавъ, что на днѣ рва, вѣроятно, лежитъ кто-нибудь убитый, хотѣлъ поскорѣй удалиться. Безъ сомнѣнія, онъ и ушелъ бы, если бы наблюдавшая все это Магна его не остановила.

Магна увлеклась состраданіемъ ко мнѣ, раскрыла густую зелень листвы и сказала:

— Прохожій! не удаляйся, не оказавъ помощи ближнему. Здѣсь на днѣ рва лежитъ человѣкъ, который упалъ и рас-

шибся. Я не могу пособить ему выйти, но ты сильный мужчина, и ты можешь оказать ему помощь.

Магистріанъ тотчасъ спустился въ ровъ, осмотрѣлъ меня и побѣжалъ въ городъ за носильщиками, чтобы перенести меня въ мое жилище.

Вскорѣ онъ все это исполнилъ и, оставшись со мною наединѣ, сталъ меня спрашивать, какъ это со мною случилось, что я упалъ въ ровъ и расшибся, и какъ я могъ жить двѣ недѣли безъ пищи?

А какъ мы съ Магистріаномъ были давно знакомы и дружны, то я не хотѣлъ ему говорить что-нибудь выдуманное, а разсказалъ чистую правду какъ было.

И едва я дошелъ до того, какъ питала меня Магна, и какъ она своими руками смачивала въ водѣ платъ и прикладывала его къ моему расшибленному плечу, юный Магистріанъ весь озарился въ лицѣ и воскликнулъ въ восторгѣ:

— О, Памфалонъ! сколь ты счастливъ и какъ мнѣ завиденъ твой жребій! Я бы охотно позволилъ себѣ изломать мои руки и ноги, лишь бы видѣть возлѣ себя эту нимфу, эту великодушную Магну.

Я сейчасъ же уразумѣлъ, что сердце художника поразило сильное чувство, которое зовется любовью, и я поспѣшилъ его образумить.

— Ты малодушникъ,—сказалъ я.—Дочь Птоломея прекрасна, объ этомъ ни слова, но здоровье для всякаго человѣка есть самое высшее благо, а притомъ Птоломей такъ суровъ, а мать Магны, Альбина, такъ надменна, что если душа твоя чувствуетъ пламень красотъ этой дѣвушки, то изъ этого ничего для тебя хорошаго выйти не можетъ.

Магистріанъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— Чему жъ еще надобно выйти! Развѣ мнѣ не довольно, что она меня вдохновляетъ.

И онъ ею продолжалъ вдохновляться.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Когда я оправился и пришелъ въ первый вечеръ къ Азеллѣ, Магистріанъ повелъ меня показать картины, которыя онъ написалъ на стѣнахъ въ бесѣдкѣ гетеры. Обширное зданіе бесѣдки было раздѣлено на «часы», изъ которыхъ слагается каждый день жизнь человѣка. Всякое отдѣленіе назначалось къ тому, чтобы приносить въ свой часъ свои радости жизни. Вся бесѣдка въ цѣломъ была посвящена Сатурну, изображеніе котораго и блестѣло подъ куполомъ. У главнаго круга было два крыла въ честь Горъ, дочерей Юпитера и Оемиды, а эти отдѣленія еще раздѣлялись: тутъ были покои Ауге, откуда виднѣлась заря; Анатоло, откуда былъ виденъ восходъ солнца; Музія, гдѣ можно было заниматься науками; Нимфея, гдѣ купались; Спондея, гдѣ обливались; Киприда, гдѣ вкушали удовольствія, и Элетія, гдѣ молились... И вотъ здѣсь-то, въ одномъ отдаленномъ уголкѣ, который назначался для уединенныхъ мечтаній, живописецъ изобразилъ легкою кистью благочестивое сновидѣніе... Нарисованъ былъ пиръ; нарядныя и роскошныя женщины, которыхъ я всѣхъ могъ бы назвать поименно. Это все были наши гетеры. Онѣ возлежали съ гостями, въ цвѣтахъ, за пышнымъ столомъ, а нѣкто юный спалъ, уткнувшись лицомъ въ корзину съ цвѣтами. Лицо его не было видно, но я по его тогѣ узналъ, что это былъ самъ художникъ Магистріанъ. А надъ нимъ виднѣлася травля: львы въ циркѣ неслися на юную дѣвушку... а та твердо стояла и шептала молитвы. Она была Магна.

Я его потрепалъ по плечу и сказалъ:

— Хорошо!.. ты ее написалъ очень схоже; но почему ты полагаешь, что ей звѣри не страшны? Я знаю ихъ родъ: Итоломей и Альбина извѣстны своимъ благородствомъ и гордостію тоже, но вѣдь рокъ ихъ щадилъ, и ихъ дочери тоже до сихъ поръ не касалось никакое испытаніе.

— Что же изъ этого?

— А то, что прекрасная Магна никакихъ бѣдствій жизни не знаетъ, и я не понимаю, почему ты отмѣтилъ въ ней такую черту, какъ безстрашіе и стойкость передъ яростью звѣря? Если это иносказанье, то жизнь вѣдь гораздо страшнѣе всякаго звѣря и можетъ заставить сробѣть кого хочешь.

— *Только* не Магну!

— Ахъ, я думаю *даже* и Магну!

Я говорилъ такъ для того, чтобы онъ излишне не увлекался Магной; но онъ перебилъ меня и прошепталъ мнѣ:

— Меня звали дѣлать ширмы для ея дѣвственной спальни, и пока я чертилъ моимъ углемъ, я съ ней говорилъ. Она меня спросила о тебѣ...

Живописецъ остановился.

— Она сожалѣетъ, что ты занимаешься такимъ ремесломъ, какъ скоморошество! Я ей сказалъ: «Госпожа! не всякій въ своей жизни такъ счастливъ, чтобы проводить жизнь свою по избранію. Неодолима судьба: она можетъ заставить смертнаго напиться изъ самаго мутнаго источника, гдѣ и піявки, и аспидъ на днѣ». Она пренебрежительно улыбнулась.

— Улыбнулась? спросилъ я... Узнаю въ этомъ дочь Птоломея и гордой Альбины. Мнѣ, знаешь ли... мнѣ больше понравилось бы, если бы она промолчала, а еще лучше — съ состраданіемъ тихо вздохнула-бъ.

— Да, произнесъ Магистріанъ: — но она также сказала: «Смерть лучше безславія», и я вѣрю, что она на это способна.

— Ты скоро судишь, отвѣчалъ я: — смерть лучше безславія—это неспорно; но можетъ ли это сказать мать, у которой есть дѣти?

— Отчего же? ты только вспомни, что сдѣлала мать Маккавеевъ?

— Да. Маккавеевъ убили. А если бы матери ихъ погрозили сдѣлать дѣтей такими скоморохами, какъ я, или обмывщиками ногъ въ домѣ гетеры... Что? я думаю, если бы

мать ихъ была сама Магна. — то, Богъ вѣсть, что бы она предпочла: позоръ или смерть за ихъ избавленіе!

— Зачѣмъ говорить это! воскликнулъ, отходя отъ меня, Магистріанъ: — пусть не коснется ея во вѣки никакое зло.

— О, говорю я: — отъ всей души присоединяюсь къ твоему желанію всего добраго Магнѣ.

А на другой же день послѣ этого разговора Магистріанъ пришелъ ко мнѣ передъ вечеромъ очень печальный и говоритъ:

— Слышалъ ли ты, Памфалонъ, самую грустную новость? Птоломей и Альбина выдаютъ дочь свою замужъ!

— А, почему ты называешь это грустною новостью? отвѣчалъ я.—Съ какихъ это поръ союзъ двухъ сердецъ сталъ печалью, а не радостью?

— Это было всегда, когда сердце соединяютъ съ безсердечіемъ.

— Магистріанъ! остановилъ я живописца: — въ тебѣ говоритъ безпокойное чувство: его зовутъ ревность. Ты долженъ его въ себѣ уничтожить.

— О, я уже давно его уничтожилъ, отвѣчалъ живописецъ:—Магна мнѣ не невѣста и я ей не женихъ; но ужасно, что женихъ ея пріѣзжій Руфинъ-византіецъ.

Это имя мнѣ такъ было извѣстно, что я вздрогнулъ и опустилъ изъ рукъ мое дѣло.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Руфинъ-византіецъ былъ изъ знатнаго рода и очень изященъ собою, но страшно хитеръ и лицемѣръ столь искусный, что его считали черезмѣрнымъ даже въ самой Византіи. Тщеславный коринѳянинъ Оръ и всѣ, кто тратили деньги и силы на пирахъ у гетеры Азеллы, были на мое разсужденіе лучше Руфина. Онъ прибылъ въ Дамаскъ съ открытымъ посланіемъ и былъ принятъ здѣсь Птоломеемъ отмѣнно. Руфинъ, какъ притворщикъ, цѣлые дни проводилъ во снѣ дома, а говорилъ, будто читаетъ богословскія книги, а вве-

іеру удалялся, еще для полезныхъ бесѣдъ, за городъ, гдѣ у насъ о ту пору жилъ близъ Дамаска старый отшельникъ, стоя днемъ на скалѣ, а ночью стеная въ открытой могилѣ. Руфинъ ходилъ къ нему, чтобы молиться, стоя въ его тѣни при закатѣ солнца; но отсюда крылатый Эолъ его заносилъ постоянно подъ кровлю Азеллы, всегда, впрочемъ, съ лицомъ измѣненнымъ, благодаря Магистріанову искусству. А потому мы хорошо его знали, ибо Магистріанъ, какъ другъ мой, не дѣлалъ отъ меня тайны, что онъ рисовалъ другое лицо на лицѣ Руфина, и мы не разъ вмѣстѣ смѣялись надъ этимъ византійскимъ двуличьемъ. Знала объ этомъ и гетера Азелла, такъ какъ гетеры, закрывъ двери свои за гостями, часто бесѣдуютъ съ нами и, находя въ насъ, въ простыхъ людяхъ, и разумъ, и сердце, любятъ въ насъ то, чего не встрѣчаютъ порою въ людяхъ богатыхъ и знатныхъ.

Азелла же, надо сказать, любила моего живописца, и любила его безнадежно, потому что Магистріанъ думалъ объ одной Магнѣ, чистый образъ которой былъ съ нимъ неразлучно. Азелла чуткимъ сердцемъ узнала всю эту тайну, и тѣмъ нѣжнѣй и изящнѣй держала себя съ Магистріаномъ. Когда я и Магистріанъ оставались въ домѣ Азеллы, при восходѣ солнца, она, проводивъ своихъ гостей, часто говорила намъ, какъ она котораго изъ нихъ разумѣетъ, и не скрывала отъ насъ своего особеннаго презрѣнія къ Руфину. Она называла его гнуснымъ притворщикомъ, способнымъ обмануть всякаго и сдѣлать самую подлую низость, а Азелла всѣхъ хорошо понимала. Одинъ разъ послѣ безумныхъ тратъ коринѳянина Ора она намъ сказала:

— Это бѣдный павлинъ... Всѣ его щиплютъ, и когда здѣсь бываетъ съ нимъ вмѣстѣ византіецъ Руфинъ, хорошо бы встряхивать Руфинову епанчу.

Это значило, что Руфинъ могъ быть и воръ... Азелла никогда не ошибалась, и я и Магистріанъ это знали.

По Птоломей и Альбина глядѣли на византійца своими глазами, а добрая дочь ихъ была покорна родительской волѣ, и жребій ея былъ совершенъ. Магна сдѣлалась же-

ною Руфина, который взялъ ее вмѣстѣ съ богатымъ приданымъ, даннымъ ей Птоломеемъ, и увезъ въ Византію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Птоломей и Альбина были скоро наказаны рокомъ. Лицемѣрный Руфинъ оказался и небогатъ, и не столь именитъ, какъ выдавалъ себя въ Дамаскѣ, а главное, онъ совсѣмъ не былъ честенъ и имѣлъ такіе большіе долги, что богатое приданое Магны все пошло на раздѣлку съ тѣснившими его заимодавцами. Скоро Магна очутилась въ бѣдности, и приходили слухи, будто она терпитъ жестокую долю отъ мужа. Руфинъ заставлялъ ее снова выпрашивать серебро и золото у ея родителей, а когда она не хотѣла этого дѣлать, онъ обращался съ нею сурово. Все же, что присылали Магнѣ ея родители, Руфинъ издерживалъ безславно, совсѣмъ не думая объ уменьшеніи долга и о двухъ дѣтяхъ, которыя ему родились отъ Магны. Онъ такъ же, какъ многіе знатные византійцы, имѣлъ въ Византіи еще и другую привязанность, въ угоду которой обиралъ и унижалъ свою жену.

Это такъ огорчило гордаго Птоломея, что онъ сталъ часто болѣть и вскорѣ умеръ, оставя своей вдовѣ только самые небольшіе достатки. Альбина все повезла къ дочери: она надѣялась спасти ее, и потеряла всѣ свои деньги на дары приближеннымъ эпарха Валента, который самъ былъ алчный сластолюбецъ и искалъ случая обладать красивою Магной. Кажется, онъ имѣлъ на это согласіе самого Руфина. Говорили, будто Руфинъ даже понуждалъ свою жену отвѣчать на исканье Валента, заклиная ее согласиться на это для спасенія семейства, потому что иначе Валентъ угрожалъ отдать Руфина со всею его семьею во власть его заимодавцевъ.

Альбина не вынесла этого и скоро переселилась въ вѣчность, а Магна осталась съ дѣтьми въ самой горестной бѣдности, но не предалась развращеннымъ исканьямъ Ва-

лента. Тогда гнѣвный вельможа Валентъ распорядился отдать всѣхъ ихъ во власть заимодавцевъ.

Заимодавцы посадили Руфина въ тюрьму, а дѣтей его и бѣдную Магну взяли въ рабство. А чтобы сдѣлать это рабство еще тяжелѣе, они разлучили Магну съ дѣтьми и малютокъ ея отослали въ село къ скопцу-селянину, а ее отдали содержателю безчестнаго дома, который обязался платить имъ за нее въ каждыя сутки по три златницы.

Напрасно вопіяла ко всѣмъ бѣдная Магна и у всѣхъ искала защиты. Ей отвѣчали: «надъ нами надъ всѣми законъ. Законъ нашъ охраняетъ многоимущихъ. Они всѣхъ сильнѣй въ государствѣ. Если бы былъ теперь на своемъ мѣстѣ нашъ прежній правитель Ермій, то онъ, какъ человѣкъ справедливый и милосердный, можетъ-быть, вступился бы и не допустилъ бы этого; но онъ очудачѣлъ: оставилъ свѣтъ, чтобы думать только объ одной своей душѣ. Жестокій старикъ! Пусть небо проститъ ему его отшельничье самолюбіе».

Произнеся эти слова, скоморохъ замѣтилъ, что сидѣвшій возлѣ него пустынникъ вздрогнулъ и схватилъ Памфалона за руку. Памфалонъ спросилъ его:

— Что ты о нихъ сажалѣешь, что ли?

— Да, я сожалѣю... сожалѣю... И о нихъ, и о себѣ сожалѣю,—отвѣчалъ Ермій.—Продолжай твою повѣсть.

Памфалонъ сталъ продолжать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Содержатель безчестнаго дома, чтобы избѣжать непріятнаго шума въ столицѣ и надежнѣе взять свои деньги, не сталъ держать Магну въ Византіи, а отправилъ ее въ Дамаскъ, гдѣ ее всѣ знали какъ самую благородную и недоступную женщину, а потому, безъ сомнѣнія, теперь всѣ устремятся обладать ею.

Магну, какъ рабыню, стерегли зорко, и у нея были отняты всѣ средства бѣжать. Она не могла и лишить себя

жизни, да она о самоубійствѣ и не помышляла, потому что она была мать и стремилась найти и спасти своихъ дѣтей отъ скопца изъ неволи.

Такъ она подъ карауломъ и въ закрытости была привезена въ Дамаскъ, и на другой день, то-есть именно въ тотъ день, когда я скрывался, лежа на моемъ золотѣ, огласилось, что продающій Магну содержитъ ее у себя за плату по пяти златницъ за каждыя сутки. Получить ее можетъ всякій, кто заплатитъ златницы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Тотъ, кто взялся выручать за Магну златницы, конечно, не медлилъ, чтобы собирать ихъ съ хорошимъ прибыткомъ, и для того разослалъ зазывальщицу по всѣмъ богатымъ людямъ Дамаска, чтобы оповѣстить имъ, какимъ онъ роскошнымъ владѣетъ товаромъ.

Развращенные люди кинулись въ домъ продавца, и Магна весь день едва лишь спасалась слезами. Но къ вечеру продавецъ сталъ угрожать снестись съ тѣмъ, кто взялъ ея дѣтей, чтобы ихъ оскопить, и она рѣшилась ему покориться... И послѣ этого силы ее оставили, и она крѣпко заснула и увидѣла сонъ: къ ней кто-то тихо вошелъ и сказалъ ей: «Радуйся, Магна! ты сегодня обрѣла то одно, чего тебѣ во всю твою жизнь недоставало. Ты была чиста, но гордилась своей непорочностью, какъ твоя мать; ты осуждала другихъ падшихъ женщинъ, не внимая, чѣмъ онѣ доведены были до паденія. Это было ужасно, и вотъ теперь, когда ты сама готова пасть, и знаешь, какъ это тяжко, теперь твоя противная Богу гордость сокрушилась, и теперь Богъ сохранитъ тебя чистой».

И въ это же самое время въ домъ, гдѣ заключалась Магна, постучался одинъ застѣнчивый гость, который закрывалъ лицо свое простой епанчею, и, тихо позвавъ хозяина, сказалъ ему шепотомъ:

— Ахъ, я очень стыдливъ, но умираю отъ страсти.

Скорѣе введи меня къ Магнѣ—даю тебѣ десять златницъ.

Продавецъ былъ радъ, но прежде чѣмъ ввести незнакомца къ Магнѣ, сказалъ ему:

- Я долженъ сказать тебѣ, господинъ, что эта женщина изъ знатнаго рода и она стоитъ мнѣ по кабалѣ большихъ денегъ, которыхъ я черезъ нее не выручилъ, потому что она умѣла разжалобить всѣхъ, кого я вводилъ къ ней. Не мое будетъ дѣло, если ты станешь слушать ея слова и тебя размягчатъ ея рѣчи. Я свое золото долженъ имѣть, потому что я человѣкъ бѣдный и взялъ ее за дорогую цѣну.

— Не безпокойся,—отвѣчалъ, продолжая скрывать лицо, незнакомецъ:—вотъ получи свои десять златницъ, а я не таковскій: я знаю, что значатъ женскія слезы.

Продавецъ взялъ у него десять златницъ и дернулъ шнуръ, который опрокинулъ мѣдную чашу, содержавшую мѣдный же шаръ. Шаръ покатился по холщевому жолобу и, докатившись до шатроваго отдѣленія Магны, звонко упалъ въ мѣдный тазъ, стоявшій у изголовья ея постели. Послѣ чего, продавецъ сейчасъ же повелъ гостя къ Магнѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Незнакомецъ вошелъ въ отдаленный покой, накуренный пистикомъ и амброй, и увидалъ здѣсь при цвѣтномъ фонарѣ лежащую Магну. Ея не разбудилъ ударъ въ тазъ, потому что какъ-разъ въ это время ей снился тотъ сонъ, гдѣ открывалось, что надменная сила ея отлетѣла и теперь она спасена за признаніе своей немощи.

Продавецъ упрекнулъ Магну, что она не слыхала удара шара по тазу и, указавъ ей на незнакомца, сказалъ грубо:

— Не притворяйся, будто не слышишь, что къ тебѣ пущенъ шаръ! Вотъ кому я уступилъ всякую власть надъ тобою до утра. Будь умна и покорна. А если ты еще заставишь меня терпѣть убытки, я передамъ тебя туда, гдѣ къ тебѣ будутъ входить суровые воины, и отъ тѣхъ ты уже не дождешься пощады.

И, сказавъ это, продавецъ взялъ шаръ и вышелъ, а гость затворилъ за нимъ дверь и, оборотясь, тихо молвилъ Магнѣ:

— Не бойся, злополучная Магна, я пришелъ, чтобы спасти тебя.—И онъ сбросилъ свой плащъ.

Магна узнала Магистріана и зарыдала.

— Оставь слезы, прекрасная Магна. Теперь не время, чтобъ лить ихъ и отчаиваться. Успокойся и вѣрь, что если Небо спасало тебя до сего часа, то теперь твое избавленіе уже несомнѣнно, если ты только согласна сама помогать мнѣ, чтобы я могъ тебя выручить и возвратить тебя дѣтямъ и мужу.

— Согласна ли я!—воскликнула Магна.—О, добрый юноша, развѣ въ этомъ возможно сомнѣнье!

— Такъ поспѣши же скорѣе дѣлать, что я тебѣ скажу: теперь я отвернусь отъ тебя,—и давай какъ можно скорѣе перемѣнимся платьемъ.

И вотъ Магна надѣла на себя тунику и епанчу, и все, что имѣлъ на себѣ мужское Магистріанъ, а онъ сказалъ ей:

— Не медли, спасайся! закрой епанчей твое лицо точно такъ, какъ вошелъ сюда я, и смѣло иди изъ этого дома! Твой презрѣнный хозяинъ самъ тебя выведетъ за свои проклятыя двери.

Магна такъ сдѣлала и благополучно вышла, но тотчасъ же, выйдя, стала сокрушаться: куда ей бѣжать, гдѣ скрыться и что будетъ съ бѣднымъ юношей, когда завтра обманъ ихъ откроютъ? Магистріанъ подвергнется истязаньямъ, какъ разрушитель заимодавнаго права; онъ, конечно, не имѣетъ столько, чтобы заплатить весь долгъ, за который отдана въ кабалу Магна, и его навѣки посадятъ въ тюрьму, и будутъ его мучить, а она, все равно, не можетъ явиться къ своимъ дѣтямъ, потому что ей нечѣмъ выкупить ихъ изъ кабалы.

И вотъ тутъ этой женщинѣ пришла въ голову мысль, которая навсегда лишила меня возможности исправить мой путь и вести впередъ добропорядочную жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Когда Магна открыла мнѣ свои бѣдствія и разсказала объ опасности, которой подвергался за нее Магистріанъ, передо мною точно разверзлась бездна. Я зналъ, что у Магистріана не могло быть десяти литръ золота, которые взнесъ онъ за Магну и которые все равно не могли избавить ее отъ ея униженія, ибо не составляли цѣны всей ея кабалы и ничего не оставляли на выкупъ ея дѣтей отъ скопца въ Византіи. Но гдѣ, однако, Магистріанъ могъ взять и эти златницы? Онъ работалъ въ домѣ Азеллы, гдѣ всегда былъ ларецъ съ сокровищами этой безъ ума влюбленной въ него гетеры... И ужасъ объялъ мою душу... Я подумалъ: что если любовь къ бѣдной Магнѣ довела его до безумья и онъ похитилъ ларецъ, и имя Магистріана отнынѣ безчестно: *онъ воръ!*

А бѣдная Магна, продолжая оглашать воздухъ стонами, возвратилась опять къ тѣмъ же словамъ, съ которыхъ начала, когда неожиданно вошла въ мое жилище.

— Памфалонъ!—вопіяла она:—я слышала, что ты разбогатѣлъ, что какой-то гордый коринѳянинъ далъ тебѣ несмѣтныя деньги. Я пришла продать себя тебѣ, возьми меня къ себѣ въ рабыни, но дай мнѣ денегъ, чтобъ выкупить изъ неволи моихъ дѣтей и спасти погибающаго за меня Магистріана.

Отшельникъ! ты отжилъ жизнь въ пустынѣ и тебѣ, быть можетъ, непонятно, какое я чувствовалъ горе, слушая, что отчаяніе говоритъ устами этой женщины, которую я зналъ столь чистой и гордой своею непорочностію! Ты уже взялъ верхъ надъ всѣми страстями, и онѣ не могутъ поколебать тебя, но я всегда былъ слабъ сердцемъ, и при видѣ такихъ страшныхъ бѣдствій другого человѣка я промотался... я опять легкомысленно позабылъ о спасеніи своей души.

Я зарыдалъ и сквозь рыданія молвилъ:

— Ради милости Божіей умолкни, несчастная Магна!

Сердце мое не можетъ этого вынесть! Я простой человѣкъ, я скоморохъ, я провожу мою жизнь среди гетеръ, праздно-любцевъ и мотовъ, я дегтярная бочка, но я не куплю себѣ того, что ты предлагаешь мнѣ въ безумьѣ отъ горя.

Но Магна такъ ужасно страдала, что не поняла меня вовсе.

— Ты отвергаешь меня! воскликнула она съ ужасомъ.— О, я несчастная! гдѣ мнѣ взять золота, чтобы избавить отъ изуродованія моихъ дѣтей?—и она заломила надъ головою руки и упала на землю.

Это исполнило меня еще большаго ужаса... Я задрожалъ, увидя, какъ ее унизило горе до того, что она, уже словно счастья, искала, чтобы кто-нибудь купилъ у нея ея ласки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Я поспѣшилъ ее утѣшить.

— Нѣтъ,—закричалъ я:—это вовсе не то, что будто я тебя отвергаю. Я тебѣ другъ и докажу тебѣ это моею готовностью помочь твоему горю. Только не говори болѣе, для чего ты пришла сюда. Разрушь скорѣй это плетеніе волосъ, черезъ которое ты стала походить на гетеру; смой съ своихъ плечъ чистой водою этотъ ароматъ благовоннаго нарда, которымъ ихъ покрыли люди, желавшіе твоего позора, а потомъ скажи мнѣ: сколько именно долженъ мужъ твой.

Она вздохнула и тихо промолвила:

— Десять тысячъ златницъ.

Я видѣлъ, что ее обманули: богатство, которое бросилъ мнѣ расточительный Оръ, было ничтожно для того, чтобы заплатить долгъ ея и выкупить дѣтей.

Магна молча встала и, поднявъ рукою сброшенную епанчу Магистріана, хотѣла снова покрыть свою голову.

Я догадался, что она хочетъ уйти отъ меня съ нехорошею цѣлью, и воскликнулъ:

— Ты хочешь уйти, госпожа Магна?

— Да, я возвращусь снова туда, откуда пришла.

— Ты хочешь освободить Магистріана?

Она только молча кивнула головой въ знакъ согласья.

Я ее остановилъ насильно.

— Не дѣлай этого,—сказалъ я.—Это будетъ напрасно. Магистріанъ такъ благороденъ и такъ тебѣ преданъ, что онъ оттуда не выйдетъ, а ты своимъ возвращеніемъ только увеличишь смятенье. У меня всего есть двѣсти тридцать златницъ... Это все, что я получилъ отъ коринѳянина Ора. Если думаютъ, что у меня есть болѣе, то это или сочинила молва, или нахвасталъ самъ Оръ пустохвальный. Но всѣ двѣсти тридцать златницъ ты должна считать за свои. Не возражай мнѣ, госпожа Магна, не возражай мнѣ противъ этого ни одного слова! Это золото твое; но надо достать еще много, чтобы составило долгъ твоего мужа. Я не знаю, гдѣ больше взять, но ночь пока еще только въ началѣ... Магистріанъ до утра безопасенъ. Твой продавецъ увѣренъ, что вы теперь слились въ объятьяхъ. Ты оставайся у меня и будь спокойна. Моя Акра до тебя никого безъ меня не допуститъ, а я сейчасъ извѣщу о твоемъ несчастьѣ твоихъ именитыхъ подругъ: Таору, Фотину и Сильвію дѣву, благочестье которой извѣстно Дамаску... Ихъ слуги всѣ меня знаютъ и за дары меня пустятъ къ своимъ госпожамъ. Онѣ богаты и цѣломудренны, и онѣ не пожалѣютъ золота, и дѣти твои будутъ выкуплены.

Но Магна живо меня перебила:

— Не тревожь, Памфалонъ, ни Таоры, ни Фотины, ни дѣвственной Сильвіи,—всѣ онѣ ничего для твоей просьбы не сдѣлаютъ.

— Ты ошибаешься, возразилъ я.—Таора, Сильвія и Фотина благочестивыя женщины, онѣ преслѣдуютъ всякій развратъ, и по ихъ слову у насъ уже выслали многихъ гетеръ изъ Дамаска.

— Это ничего не значитъ, отвѣчала Магна, и открыла мнѣ, что прежде, чѣмъ бѣдствія ея семейства достигли до нынѣшней мѣры, она уже обращалась съ просьбою къ на-

званнымъ мною высокимъ гражданкамъ, но что всѣ онѣ оставили ея просьбы втунѣ.

— А какъ теперь, прибавила она:—ко всему этому присоединился еще позоръ, до котораго дошла я, то всякія просьбы къ нимъ имъ будутъ даже обидны. Я сама была такова жъ, какъ онѣ, и знаю, что не отъ нихъ можетъ придти избавленіе падшей.

— Ну, все равно, жди у меня, что намъ пошлетъ милосердное Небо, — сказалъ я и, погасивъ лампу, заперъ входъ въ мое жилище, въ которомъ Магна осталась подъ защитою Акры, а я во всю силу бѣгомъ понесся по темнымъ проходамъ Дамаска.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Я не послушался Магны и проникъ, съ помощію слугъ, къ Таорѣ, Сильвіи и къ Фотинѣ... И стыжуся вспоминать, что я отъ нихъ слышалъ... Магна была права во всемъ, что мнѣ о нихъ говорила. Слова мои только приводили въ пламенный гнѣвъ этихъ женщинъ, и я былъ изгоняемъ за то, что смѣлъ приходить въ ихъ дома съ такою просьбой... Двѣ изъ нихъ, Таора и Фотина, велѣли прогнать меня съ однимъ только напоминаніемъ, что я стоилъ бы хорошихъ ударовъ; но Сильвія-дѣва, та повелѣла бить меня передъ ея лицомъ, и слуги ея били меня мѣднымъ прутомъ до того, что я вышелъ отъ нея съ окровавленнымъ тѣломъ и съ запекшимся горломъ. Такъ, томимый жаждою, вбѣжалъ я на кухню гетеры Азеллы, чтобы попросить глотокъ воды съ виномъ и идти далѣе. А куда идти,—я самъ не зналъ этого.

Но тутъ, едва я явился, подъ крытымъ переходомъ меня встрѣтила наперсница гетеры бѣлокурая Ада. Она какъ будто нарочно шла съ кувшиномъ прохладительнаго напитка, и я сказалъ ей:

— Будь милосердна, прекрасная Ада, освѣжи уста мои— я умираю отъ жажды.

Она улыбнулась и молвила съ шуткой:

— Тебѣ ли теперь умирать, *господинъ* Памфалонъ, ты больше не бѣденъ и можешь имѣть рабовъ, которые станутъ прохлаждать для тебя воду.

А я ей отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Ада, я, славу Богу, опять уже не богатъ,—я опять такъ же бѣденъ, какъ прежде, и вдобавокъ... долженъ признаться,—я сильно израненъ.

Она мнѣ нагнула сосудъ, а я припалъ къ питью, и въ то время, когда я пилъ, а Ада стояла, склонившись ко мнѣ, она замѣтила на моихъ плечахъ кровь, которая сочилась изъ рубцовъ, нанесенныхъ мнѣ мѣднымъ прутомъ предъ лицомъ дѣвственной Сильвіи. Кровь проступала сквозь тонкую тунику, и Ада въ испугѣ вскричала:

— О, несчастный! ты взаправду въ крови! На тебя, вѣрно, напали ночные воры!.. О, несчастный! Хорошо, что ты спасся отъ нихъ подъ нашею кровлей. Останься здѣсь и подожди меня немного: я сейчасъ отнесу это охлажденное питье гостямъ, и вмигъ возвращусь, чтобъ обмыть твои раны...

— Хорошо,—сказалъ я:—я тебя подожду.

А она добавила:

— Можетъ быть, ты хочешь, чтобъ я шепнула объ этомъ Азеллѣ? У нея теперь пируетъ съ друзьями градоправитель Дамаска: онъ пошлетъ отыскать тѣхъ, кто тебя обидѣлъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — это не нужно. Принеси мнѣ только воды и какую-нибудь чистую тунику.

Надѣвъ чистую одежду, я хотѣлъ идти къ бывшему Аммуну, который занимался всякими дѣлами, и закабалить ему себя на цѣлую жизнь, лишь бы взять сразу деньги и отдать ихъ на выкупъ отъ сонца дѣтей Магны.

Ада скоро возвратилась и принесла все, что мнѣ было нужно.

Но она также сказала обо мнѣ и своей госпожѣ, а это повело къ тому, что едва Ада обтерла прохладною губкою

мои раны и покрыла мои плечи принесенною ею льняной туникой, какъ въ переходѣ, гдѣ я лежалъ на полу, прислонясь бокомъ къ дереву, показалась въ роскошномъ убранствѣ Азелла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Азелла вся была въ золотѣ и въ перлахъ, изъ которыхъ одинъ стоилъ огромной цѣны. Этотъ рѣдкостный перлъ былъ подаренъ ей большимъ богачемъ изъ Египта.

Азелла подошла съ участьемъ ко мнѣ и заставила меня разсказать ей все, что со мною случилось. Я ей сталъ разсказывать вкратцѣ, и когда дошелъ до бѣдствія Магны, то замѣтилъ, что глаза Азеллы стали серьезны, а Ада начала глядѣть вдаль и по лицу ея тоже заструились слезы.

Тогда я подумалъ: вотъ теперь время, чтобы открыть Магистріанову тайну, и вдругъ неожиданно молвилъ:

— Азелла, это ли всѣ драгоцѣнности, которыя ты имѣешь?

— Нѣтъ, это не всѣ,—отвѣчала Азелла.—Но какое тебѣ до этого дѣло?

— Мнѣ большое есть дѣло, и я тебя умоляю: скажи мнѣ, гдѣ ты ихъ сохраняешь и всѣ ли онѣ цѣлы?

— Я храню ихъ въ драгоцѣнномъ ларцѣ, и всѣ онѣ цѣлы.

— О, радость!—вскричалъ я, позабывъ всю мою боль.— Все цѣло! Но гдѣ жъ взялъ десять литръ золота Магистріанъ?

— Магистріанъ!?

— Да.

И когда я сталъ разсказывать, что сдѣлалъ Магистріанъ, Азелла стала шептать:

— Вотъ кто истинно любитъ! Моя Ада видѣла, какъ онъ вышелъ изъ дома Аммуна... Я все понимаю: онъ продалъ Аммуну себя въ кабалу, чтобы выпустить Магну!

И гетера Азелла начала тихо рыдать и обирать съ своихъ рукъ золотыя запястья, ожерелья и огромный перлъ изъ Египта, и сказала:

— Возьми все это, возьми и бѣги, какъ можно скорѣе возьми отъ конца дѣтей бѣдной Магны, пока онъ ихъ не изуродовалъ!

Я такъ и сдѣлалъ: я соединилъ всѣ мои деньги, которыя далъ мнѣ Оръ коринѳянинъ, съ тѣмъ, что получилъ отъ гетеры, и отправилъ съ ними Магну выкупать изъ неволи ея мужа и двухъ сыновей. И все это совершилось успѣшно, но зато исправленіе жизни моей, и съ ней вся надежда моя на блаженную вѣчность навсегда разлетѣлись. Такъ я теперь и остаюсь скоморохомъ — я смѣхотворъ, я безпутникъ, — я скачу, я играю, я бью въ накры, свищу, перебираю ногами и трясу головой. Словомъ: я бочка, я дегтярная бочка, я негодная дрянь, которую ничѣмъ уже не исправишь. Вотъ тебѣ и весь сказъ мой, отшельникъ, о томъ, какъ я утратилъ улучшеніе жизни и какъ нарушилъ обѣтъ, данный Богу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Ермій всталъ, протянулъ руку къ своей козьей миллоти и молвилъ скомороху:

— Ты меня успокоилъ.

— Полно шутить!

— Ты далъ мнѣ радость.

— Въ чемъ она?

— Вѣчность впустѣ не будетъ.

— Конечно!

— А почему?

— Не знаю.

— Потому, что перейдутъ въ нее путемъ милосердія много изъ тѣхъ, кого свѣтъ презираетъ и о которыхъ и я, гордый отшельникъ, забылъ, залюбовавшись собою. Иди къ себѣ въ домъ, Памфалонъ, и дѣлай, что дѣлалъ, а я пойду дальше.

Они поклонились другъ другу и разошлись. Ермій пришелъ въ свою пустыню и удивился, увидавъ въ той рас-

щелинѣ, гдѣ онъ стоялъ, гнѣздо воронов. Жители деревни говорили ему, что они отпугивали этихъ птицъ, но онѣ не оставляютъ скалы.

— Это такъ и должно быть, — отвѣтилъ имъ Ермій.—Не мѣшайте имъ вить свои гнѣзда. Птицы должны жить въ скалѣ, а человѣкъ долженъ служить человѣку. У васъ много заботъ; я хочу помогать вамъ. Хилъ я, но стану дѣлать по силамъ. Довѣрьте мнѣ вашихъ козъ, я буду ихъ выгонять и пасти, а когда возвращусь со стадомъ, вы дайте мнѣ тогда хлѣба и сыра.

Жители согласились, и Ермій началъ гонять козье стадо и учить на свободѣ дѣтей поселянъ. А когда все село засыпало, онъ выходилъ, садился на холмъ и обращалъ свои глаза въ сторону Дамаска, гдѣ онъ узналъ Памфалона. Старецъ теперь любилъ думать о добромъ Памфалонѣ, и всякій разъ, когда Ермій переносился мыслью въ Дамаскъ, мнилось ему, что онъ будто видитъ, какъ скоморохъ бѣжитъ по улицамъ съ своей Акрой и на лбу у него мѣдный вѣнецъ, но съ этимъ вѣнцомъ заводилося чудное дѣло: день ото дня этотъ вѣнецъ все становился ярче и ярче и, наконецъ, въ одну ночь онъ такъ засіялъ, что у Ермія не хватило силы смотрѣть на него. Старикъ въ изумленіи закрылъ даже рукою глаза, но блескъ проникаетъ отовсюду. И сквозь опущенныя вѣки Ермій видитъ, что скоморохъ не только сіяетъ, но воздымается вверхъ все выше и выше,—взлетаетъ отъ земли на воздухъ и несется прямо къ пылающей алой зарѣ.

Куда онъ несется! Онъ испепелится, онъ тамъ сгоритъ. Ермій рванулся за Памфалономъ, чтобы удержать его, или, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ нимъ не разстаться, но въ жаркомъ разсвѣтѣ зари между ними вдругъ стала преграда... Это какъ бы частоколъ, или рѣшетка, въ которой каждая жердь одна съ другою несхожи. Ермій видитъ, что это какіе-то знаки,—во весь небосклонъ большими еврейскими литерами словно углемъ и сажей напачкано слово: «самомнѣніе».

— Тутъ мой предѣлъ!—подумалъ Ермій и остановился, но Памфалонъ взялъ свою скоморошью епанчу, махнулъ ею и въ разъ стеръ это слово на всемъ огромномъ пространствѣ, и Ермій тотчасъ увидалъ себя въ несказанномъ свѣтѣ и почувствовалъ, что онъ летитъ на высотѣ, держась рука за руку съ Памфалономъ, и оба бесѣдуютъ.

— Какъ ты могъ стереть грѣхъ моей жизни?—спросилъ Памфалона на полетѣ Ермій.

А Памфалонъ ему отвѣчалъ:

— Я не знаю, какъ я это сдѣлалъ: я только видѣлъ, что ты затруднялся, а я захотѣлъ тебѣ пособить какъ умѣлъ. Я всегда все такъ дѣлалъ, пока былъ на землѣ, и съ этимъ иду я теперь въ другую обитель.

Дальнѣйшихъ рѣчей ихъ не слышалъ уже списатель сказанья. Прохладное облако густою тѣнью застлало дальнѣйшій ихъ слѣдъ отъ земли, и съ румяной зарею заката вмѣстѣ слились ихъ отшедшія души.

ЛЕВЪ СТАРЦА ГЕРАСИМА.

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА.

Триста лѣтъ послѣ Іисуса Христа жилъ на Востокѣ богатый человѣкъ, по имени Герасимъ. У него были свои дома, сады, болѣе тысячи рабовъ и рабынь и очень много всякихъ драгоцѣнностей. Герасимъ думалъ: «мнѣ ничто не страшно», но когда онъ одинъ разъ сильно заболѣлъ и едва не умеръ, тогда онъ началъ размышлять иначе, потому что увидалъ, какъ жизнь человѣческая коротка и что болѣзни нападаютъ отовсюду, а отъ смерти не спасетъ никакое богатство, а потому не умнѣе ли будетъ заранѣе такъ распорядиться богатствомъ, чтобы оно на старости лѣтъ не путало, а потомъ бы изъ-за него никто не ссорился.

Сталъ Герасимъ съ разными людьми совѣтоваться: какъ ему лучше сдѣлать. Одни говорили одно, а другіе другое, но все это было Герасиму не по мыслямъ.

Тогда одинъ христіанинъ сказалъ ему:

— Ты хорошо сдѣлаешь, если поступишь съ своимъ богатствомъ, какъ совѣтуетъ Іисусъ Христосъ, — ты отпусти своихъ рабовъ на волю, а имущество раздай тѣмъ, кто страдаетъ отъ бѣдности. Когда ты сдѣлаешь такъ, ты будешь спокоенъ.

Герасимъ послушался, — онъ сдѣлался христіаниномъ и роздалъ все свое богатство бѣднымъ, но вскорѣ увидѣлъ,

что, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ надѣлилъ, осталось еще много неимущихъ, которымъ онъ уже ничего не могъ дать, и эти стали его укорять, что онъ не умѣлъ раздѣлить свое богатство такъ, чтобы на всѣхъ достало.

Герасимъ огорчился: ему было прискорбно, что одни его бранятъ, а другіе надъ нимъ смѣются, что онъ прежде жилъ достаточно, а теперь, все раздавши, и самъ бѣдствуетъ и всѣхъ наслѣдниковъ обидѣлъ, а всѣхъ нищихъ все-таки не поправилъ.

Стало отъ этого Герасиму очень смутительно, и чтобы не терпѣть досажденій отъ наслѣдниковъ, Герасимъ поднялся и ушелъ изъ люднаго мѣста въ пустыню. А пустыня была дикая, гдѣ не жилъ ни одинъ человѣкъ, а только рыскали звѣри, да ползали змѣи.

Походилъ Герасимъ по жаркой пустынѣ и почувствовалъ, что здѣсь ему лучше. Тутъ хоть глухо и страшно, но зато наслѣдники его не бранятъ и не проклинаютъ, и никто надъ нимъ не смѣется и не осуждаетъ его, что онъ такъ, а не этакъ сдѣлалъ. А онъ самъ спокоенъ, потому что поступилъ по слову Христову: «отдай все и иди за Мною»,— и больше не о чемъ безпокоиться.

Нашелъ Герасимъ норку подъ мѣловымъ камнемъ, натаскалъ туда тростника и сталъ жить здѣсь.

Жить Герасиму было тихо, а ѣсть и пить нечего. Онъ съ трудомъ находилъ кое-какіе съѣдобные коренья, а за водою ходилъ на ручей. Ключъ воды былъ далеко отъ пещерки, и пока Герасимъ напьется да подойдетъ назадъ къ своей норкѣ, его спять всего опалитъ; и звѣрей ему страшно, и силы слабѣютъ, и снова пить хочется. А ближе, возлѣ воды, нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы можно спрятаться.

— Ну,—думаетъ разъ въ большой жаръ Герасимъ,—мнѣ этой муки не снесть: вылѣзешь изъ моей мѣловой норки, надо сгорѣть подъ солнцемъ; а здѣсь безъ воды я долженъ умереть отъ жажды, а ни кувшина, ни тыквы, никакой другой посуды, чтобы носить воду, у меня нѣтъ. Что мнѣ

дѣлать? Пойду, думаетъ Герасимъ, — въ послѣдній разъ къ ключу, напьюсь и умру тамъ.

Пошелъ Герасимъ съ такимъ рѣшеніемъ къ водѣ, и видитъ на пескѣ слѣды, — какъ будто бы здѣсь прошелъ караванъ на ослахъ и верблюдахъ... Смотритъ онъ дальше и видитъ, что лежитъ тутъ одинъ растерзанный звѣремъ верблюдъ, а невдалекѣ отъ него валяется еще живой, но только сильно ослабѣвшій, осликъ и тяжко вздыхаетъ, и ножонками дрыгаетъ, и губами смокчетъ.

Герасимъ оставилъ безжизненнаго верблюда валяться, а объ осликѣ подумалъ: этотъ еще жить можетъ. Онъ только отъ жажды затомился, потому что караванщики не знали, гдѣ найти воду. Прежде чѣмъ мнѣ самому помереть, попробую облегчить страданіе этого бѣднаго животнаго.

Герасимъ приподнялъ ослика на ноги, подцѣпилъ его подъ брюхо своимъ поясомъ и сталъ волочь его, и доволокъ до ключа свѣжей воды. Тутъ онъ обтеръ ослу мокрой ладонью запекшуюся морду и сталъ его изъ рукъ попаивать, чтобы онъ сразу не опился.

Осликъ ожилъ и поднялся на ножки.

Герасиму жаль стало его тутъ бросить, и онъ повелъ его къ себѣ, и думалъ:

— Помучусь я еще съ нимъ — окажу ему пользу.

Пошли они вмѣстѣ назадъ, а тѣмъ временемъ огромный верблюдъ уже совсѣмъ почти былъ съѣденъ; и въ одной сторонѣ валялся большой лохмотъ его кожи. Герасимъ пошелъ взять эту кожу, чтобы таскать въ ней воду, но увидѣлъ, что за верблюдомъ лежитъ большой желтый левъ съ гривою, — отъ сытости валяется и хвостомъ по землѣ хлопаетъ.

Герасимъ подумалъ: ну, должно быть мой конецъ: навѣрно этотъ левъ сейчасъ вскочитъ и растерзаетъ и меня, и осленка. А левъ ихъ не тронулъ, и Герасимъ благополучно унесъ съ собой лохмотъ верблюжьей кожи, чтобы сдѣлать изъ нея мѣшокъ, въ который можно наливать воду.

Набралъ тоже Герасимъ по пути острыхъ сучьевъ и сдѣлалъ изъ нихъ ослику загородочку, у самой своей норки.

— Тутъ ему будетъ ночью свѣжо и спокойно, думалъ старецъ, да и не угадалъ.

Какъ только на дворѣ стемнѣло, вдругъ что-то будто съ неба упало надъ пещеркой; и раздался страшный ревъ и ослиный крикъ.

Герасимъ выглянулъ и видитъ, что давешній страшный левъ протрясъ первую сытость и пришелъ съѣсть его осла, но это ему не удалось: прыгнувъ съ разбѣга, левъ не замѣтилъ ограды и воткнулъ себѣ въ пахъ острый сукъ и взревѣлъ отъ невыносимой боли.

Герасимъ выскочилъ и началъ вынимать изъ раны звѣря острыя спицы.

Левъ отъ боли весь трясся и страшно ревѣлъ и норовилъ хватить Герасима за руку, но Герасимъ его не пугался и всѣ колючки повынулъ, а потомъ взялъ верблюжью кожу, взвалилъ ее на ослика и погналъ къ роднику за свѣжей водою. Тамъ у родника онъ связалъ кожу мѣшкомъ, набралъ ее полну воды и пошелъ опять къ своей норѣ.

Левъ во все это время не тронулся съ мѣста, потому что раны его страшно болѣли.

Герасимъ сталъ омывать раны льва, а самъ подносилъ къ его разинутой пасти воду въ пригоршнѣ, и левъ лакалъ ее воспаленнымъ языкомъ съ ладони, а Герасиму было не страшно, такъ что онъ самъ надъ собой удивлялся.

Повторилось то же на другой день и на третій, стало льву легче, а на четвертый день, какъ пошелъ Герасимъ съ осломъ къ роднику, — смотритъ, — приподнялся и левъ и тоже вслѣдъ за ними поплелся.

Герасимъ положилъ льву руку на голову, и такъ и пошли рядомъ трое: старикъ, левъ и осленокъ.

У ключа старецъ, свободной рукою, омылъ раны льва на вольной водѣ, и левъ совсѣмъ освѣжѣлъ, а когда Герасимъ пошелъ назадъ, и левъ опять пошелъ за нимъ.

Сталъ старикъ жить со своими звѣрями.

У старца выросли тыквы, онъ началъ ихъ сушить и дѣлать изъ нихъ кувшины, а потомъ сталъ относить эти кувшины къ источнику, чтобы они годились тѣмъ, у кого не во что захватить съ собою воды. Такъ жилъ Герасимъ и самъ питался, и другимъ людямъ по силѣ своей былъ полезенъ. И левъ тоже нашелъ себѣ службу: когда Герасимъ въ самый зной отдыхалъ, левъ стерегъ его осла. Жили они такъ изрядное время, и некому было на нихъ удивляться, но разъ увидали эту компанію проходившіе караваномъ путники и разсказали про нихъ въ жилыхъ мѣстахъ по дорогамъ, и сейчасъ изъ разныхъ мѣстъ стали приходить любопытные люди: всѣмъ хотѣлось смотрѣть, какъ живетъ бѣдный старикъ и съ нимъ осликъ и левъ, который ихъ не терзаетъ. Всѣ этому стали удивляться, и спрашивали у Герасима:

— Открой намъ, пожалуйста: какою ты силою это дѣлаешь? вѣрно ты не простой человѣкъ, а необыкновенный, что при тебѣ происходитъ Исаево чудо: левъ лежитъ рядомъ съ осликомъ.

А Герасимъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я самый обыкновенный человѣкъ, — и даже, признаюсь вамъ, что я еще очень глупъ: я вотъ съ звѣрями живу, а съ людьми совсѣмъ жить не умѣлъ: всѣ они на меня обидѣлись и я ушелъ изъ города въ пустыню.

— Чѣмъ же ты обидѣлъ?

— Хотѣлъ раздѣлить между всѣми свое богатство, чтобы всѣ были счастливы, а намѣсто того они всѣ перессорились.

— Зачѣмъ же ты ихъ умнѣе не поровнялъ?

— Да вотъ то-то оно и есть, что ровнять-то трудно тѣхъ, кои сами не ровняются; я сдѣлалъ ошибку, когда забралъ себѣ много сначала. Не надо бы мнѣ забирать себѣ ничего противъ другихъ лишняго, — вотъ и спокойно было бы.

Люди закивали головами:

— Эге! сказали, да это старикъ-то дурасливый, а между тѣмъ все-таки же удивительно, что у него левъ осленка караулитъ и не съѣстъ ихъ обоихъ. Давайте, поживемъ мы съ нимъ нѣсколько дней и посмотримъ, какъ это у нихъ выходитъ.

Остались съ ними три человѣка.

Герасимъ ихъ не прогонялъ, только сказалъ:

— Вмѣстѣ жить надо не такъ, чтобы троимъ на одного смотрѣть, а надо всѣмъ работать, а то придетъ несогласіе, и я васъ тогда забоюсь и уйду.

Три согласились, но на другой же день при нихъ случилась бѣда: когда они спали, заснулъ тоже и левъ и не слыхалъ, какъ проходившіе караваномъ разбойники накинули на ослика петлю и увели его съ собою

Утромъ люди проснулись и видятъ: левъ спитъ, а ослика и слѣда нѣтъ.

Три и говорятъ старцу Герасиму:

— Вотъ ты и въ самомъ дѣлѣ дождался того, что тебѣ давно слѣдовало: звѣрь всегда звѣремъ будетъ, вставай скорѣй, — твой левъ съѣлъ, наконецъ, твоего осла, и вѣрно зарылъ гдѣ-нибудь въ песокъ его кости.

Вылѣзъ Герасимъ изъ своей мѣловой норы и видитъ, что дѣло похоже на то, какъ ему трое сказываютъ. Огорчился старикъ, но не сталъ спорить, а взвалилъ на себя верблюжій мѣхъ и пошелъ за водою.

Идетъ, тяжко переступаетъ, а смотритъ — за нимъ вда-

лекѣ его левъ плететея: хвостъ опустилъ до земли и головою понурился.

— Можетъ-быть, онъ и меня хочетъ съѣсть, подумалъ старикъ.—Но не все ли равно мнѣ какъ умереть? Поступлю лучше по Божью завѣту и не стану рабствовать страху.

И пришелъ онъ и опустился къ ключу и набралъ воды, а когда восклонился, — видитъ, левъ стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ всегда становился оселъ, пока старецъ укрѣплялъ ему на спину мѣхъ съ водою.

Герасимъ положилъ льву на спину мѣхъ съ водою и самъ на него сѣлъ и сказалъ:

— Неси, виноватый.

———

Левъ и понесъ воду и старца, а три пришельца, какъ увидѣли, что Герасимъ ѣдетъ на львѣ, еще пуще дивились. Одинъ тутъ остался, а двое изъ нихъ сейчасъ же побѣжали въ жилое мѣсто и возвратились со многими людьми. Всѣмъ захотѣлось видѣть, какъ свирѣпый левъ таскаетъ на себѣ мѣхъ съ водою и дряхлаго старца.

Пришли многіе и стали говорить Герасиму:

— Признайся намъ,—ты или волшебникъ, или въ тебѣ есть особливая сила, какой нѣтъ въ другихъ людяхъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Герасимъ:—я совсѣмъ обыкновенный человѣкъ и сила во мнѣ такая же, какъ у васъ у всѣхъ. Если вы захотите, вы всѣ можете это сдѣлать.

— А какъ же этого можно достигнуть?

— Поступайте со всѣми добромъ да ласкою.

— Какъ же съ лютымъ быть ласково,—онъ погубитъ.

— Эко горе какое, а вы объ этомъ не думайте и за себя не бойтесь.

— Какъ же можно за себя не бояться?

— А вотъ такъ же, какъ вы сидите теперь со мной и моего льва не боитеся.

— Это потому намъ здѣсь смѣло, что ты самъ съ нами

— Пустяки,—что я отъ льва за защита.

— Ты отъ звѣря средство знаешь и за насъ заступишься.

А Герасимъ опять отвѣчалъ:

— Пустяки вы себѣ выдумали, что я будто на льва средство знаю. Богъ свою благость далъ мнѣ — чтобы въ себѣ страхъ побѣдить—я звѣря обласкалъ, а теперь онъ мнѣ зла и не дѣлаетъ. Спите, не бойтесь.

Всѣ полегли спать вокругъ мѣловой норки Герасима, и левъ легъ тутъ же, а когда утромъ встали, то увидѣли, что льва нѣтъ на его мѣстѣ!... Или его кто отпугнулъ, или убилъ и зарылъ трупъ его ночью.

Всѣ очень смутились, а старецъ Герасимъ сказалъ:

— Ничего, онъ вѣрно за дѣломъ пошелъ и вернется.

Разговариваютъ они такъ и видятъ, что въ пустынѣ вдругъ закурилась столбомъ пыль и въ этой пронизанной солнцемъ пыли вѣятся странныя чудища съ горбами, съ крыльями: одно поднимается вверхъ, а другое внизъ падаетъ, и все это мечется, и все это стучитъ и гремитъ и несется прямо къ Герасиму, и вразъ все упало и повалилося, какъ кольцомъ вокругъ всѣхъ стоявшихъ; а позади старый левъ хвостомъ по землѣ бьетъ.

Когда осмотрѣлись, то увидали, что это вереница огромныхъ верблюдовъ, которые всѣ другъ за друга привязаны, а впереди всѣхъ ихъ—навьюченный Герасимовъ осликъ.

— Что это такое сдѣлалось и какимъ случаемъ?

А было это вотъ какимъ случаемъ: шелъ черезъ пустыню купеческій караванъ; на него напали разбойники, которые ранѣе угнали къ себѣ Герасимова ослика. Разбойники всѣхъ купцовъ перебили, а верблюдовъ съ товарами взяли и поѣхали дѣлиться. Ослика же они привязали къ самому заднему верблюду. Левъ почуялъ по вѣтру, гдѣ идетъ осликъ, и бросился догонять разбойниковъ. Онъ настигъ ихъ, схватилъ за веревку, которою верблюды были связаны и пошелъ скакать, а верблюды со страха передъ нимъ прыгаютъ и ослика подкидываютъ. Такъ левъ и прогналъ весь

караванъ къ старцу, а разбойники всѣ съ сѣделъ свалились, потому что перепуганные верблюды очень сильно прыгали и невозможно было на нихъ удержаться. Самъ же левъ обливался кровью, потому что въ плечѣ у него стремила стрѣла.

Всѣ люди всплеснули руками и закричали:

— Ахъ, старецъ Герасимъ! Твой левъ имѣетъ удивительный разумъ!

— Мой левъ имѣетъ плохой разумъ, отвѣчалъ, улыбаясь, старецъ: — онъ мнѣ привелъ то, что мнѣ вовсе не нужно! На этихъ верблюдахъ товары великой цѣны. Это огонь! Прошу васъ, пусть кто-нибудь сядетъ на моего осла и отведетъ этихъ испуганныхъ верблюдовъ на большой путь. Тамъ, я увѣренъ, теперь сидятъ ихъ огорченные хозяева. Отдайте имъ все ихъ богатство и моего осла на придачу, а я поведу къ водѣ моего льва и тамъ постараюсь вынуть стрѣлу изъ его раны.

И половина людей пошли отводить верблюдовъ, а другіе остались съ Герасимомъ и его львомъ, и видѣли, какъ Герасимъ долго вытягивалъ и вынулъ изъ плеча звѣря зазубренное остріе.

Когда же возвратились отводившіе караванъ, то съ ними пришелъ еще одинъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ пышномъ нарядѣ и со многимъ оружіемъ и, завидя Герасима, издали бросился ему въ ноги.

— Знаешь ли кто я? сказалъ онъ.

— Знаю, отвѣчалъ Герасимъ,—ты несчастный бѣднякъ.

— Я страшный разбойникъ Амру!

— Ты мнѣ не страшенъ.

— Меня трепещутъ въ городахъ и въ пустынѣ,—я перебилъ много людей, я отнялъ много богатствъ, и вдругъ твой удивительный левъ сразу умчалъ весь нашъ караванъ.

— Онъ звѣрь, и потому отнимаетъ.

— Да, но ты намъ все возвратилъ и прислалъ еще намъ своего осла на придачу... Возьми отъ меня, по крайней

мѣрѣ, хоть одинъ шатеръ и раскинь его, гдѣ хочешь, ближе къ водѣ, для твоего покоя.

— Не надо, отвѣчалъ старецъ.

— Отчего же? Для чего же ты такъ гордъ?

— Я не гордъ, но шатеръ слишкомъ хорошъ и можетъ возбуждать зависть, а я не сумѣю его раздѣлить со всѣми безъ обиды, и увижу опять неровность, и стану бояться. Тогда левъ мой уйдетъ отъ меня, а ко мнѣ придетъ другой жадный звѣрь и опять приведетъ съ собой безпокойство и зависть, и дѣлежъ, и упреки. Нѣтъ, не хочу я твоихъ прохладныхъ шатровъ, я хочу жить безъ страха.

АСКАЛОНСКІЙ ЗЛОДѢИ.

ПРОИСШЕСТВІЕ ВЪ ИРОДОВОЙ ТЕМНИЦѢ.

(Изъ сирійскихъ преданій).

«Мужчина, любви котораго женщина отказываетъ, становится дикимъ и жестокимъ». *Лукрецій.*

«Наши отдаленные предки въ припадкахъ любви не довольствовались вздохами или золотомъ, какъ это принято теперь, а они доходили до жестокой борьбы, въ которой тѣ и другіе падали мертвыми,—будь это для уничтоженія сопротивленія одной женщины или для удаленія соперника. Ихъ грубая любовь, на нашъ современный взглядъ, есть каррикатура любви». *Ц. Ломброзо.*

Въ Сиріи, на восточномъ берегу Средиземнаго моря, сѣвернѣе Газы и южнѣе Азота, стоялъ городъ Аскалонъ, котораго нынче нѣтъ. По-еврейски онъ назывался Джора. Аскалонъ, или Джора, былъ основанъ въ глубокой древности филистимлянами, и разрушенъ турецкимъ султаномъ Салладиномъ. Въ долгій вѣкъ этого города ему привелось быть языческимъ, христіанскимъ и мусульманскимъ. Въ одинъ изъ этихъ періодовъ или, лучше сказать, въ одинъ изъ переходовъ отъ одного положенія къ другому, тамъ случилось слѣдующее характерное происшествіе, отмѣченное отчасти въ писаніяхъ Евсевія изъ Аскалона.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ то время, какъ въ Аскалонѣ устанавливалось христіанство, жилъ тамъ одинъ богатый купецъ-корабельщикъ, по имени Оалалей. Онъ узналъ объ ученіи Христовомъ въ чужихъ краяхъ и захотѣлъ ему слѣдовать, но не хорошо его понялъ, — жена же его, по имени Тенія, еще оставалась въ язычествѣ. Оба супруга были въ цвѣтущей порѣ жизни: Оалалей имѣлъ тридцать пять лѣтъ, а жена его Тенія двадцать четыре года. Оалалей былъ отважный и искусный мореходецъ, а Тенія обладала замѣчательною женскою красотой и превосходною кротостью добраго характера. Ласковое обхожденіе Тенііи съ людьми дѣлало эту женщину пріятною для всѣхъ, кто ее зналъ, и всѣ аскалонскіе граждане, которымъ было извѣстно это супружество, считали ихъ за людей, достойныхъ уваженія, и притомъ почитали Оалалея-морехода человѣкомъ необыкновенно счастливымъ черезъ то, что онъ имѣлъ жену, исполненную всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ изяществъ.

Тенія происходила изъ семейства, которое пользовалось почетною извѣстностью: отецъ ея, Полифронъ, былъ языческій жрецъ, имѣвшій хорошія познанія въ наукахъ и непреклонный нравъ, повинуясь которому, незадолго передъ этимъ сдѣлался жертвою переходныхъ порядковъ при царѣ Іустиніанѣ и женѣ его Ѳеодорѣ. Тенія получила въ домѣ отца хорошее воспитаніе и по тогдашнему времени могла считаться женщиною отлично образованною для житья въ обществѣ, при хорошихъ достаткахъ: она была бережливая и старательная хозяйка и обладала пріятнымъ искусствомъ прекрасно пѣть и играть на многострунной арфѣ. При этомъ ей также не чуждъ былъ даръ стихотворства: она могла очень быстро слагать въ умѣ своемъ тѣ самыя пѣсни, которыя пѣла.

По красотѣ и по стройности жены корабельщика, а равно

какъ и по пріятности ея нрава и обхожденія ей не было равной въ Аскалонѣ и всѣ называли ее здѣсь не иначе, какъ «изящная Тенія».

Супруги жили въ полномъ между собою согласіи, въ наслѣдственномъ домѣ, при которомъ былъ обширный садъ съ фруктовыми деревьями: садъ этотъ, доходившій до самаго берега моря, давалъ въ знойные дни тѣнь и прохладу. Семья у Оалалея и Теніи была не велика: они имѣли только двухъ маленькихъ дѣтей — сына, по имени Витта, и дочь, которую звали Вирина. Еще съ ними же вмѣстѣ въ одномъ домѣ жила мать Оалалея, старая вдова, по имени Пуплія, которая посѣщала съ своимъ мужемъ Византію и Римъ и, подобно сыну, тоже приняла христіанство, но тоже не хорошо его понимала.

Домъ Оалалея и Теніи былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ Аскалонѣ. Онъ былъ просторенъ и свѣтелъ и содержался въ отмѣнной чистотѣ. Въ глубинѣ отѣненнаго двора былъ помостъ изъ пахучаго дерева, гдѣ въ самый пеклый зной мирно и тихо играли Виттъ и Вирина подъ надзоромъ бабы ихъ Пуплія. Весь дворъ окружали рѣзныя колонны изъ того же пахучаго дерева; рѣзныя двери были украшены жемчугомъ и бирюзою, а окна завѣшаны пурпуромъ и индѣйскими вышивками, а посерединѣ былъ фонтанъ прозрачной и свѣжей воды. Но главное богатство Оалалея состояло не столько въ домѣ, какъ въ десяти большихъ корабляхъ, на которыхъ онъ возилъ сандалъ, камфору, мушкатный орѣхъ и иные продукты и товары въ Александрію и къ другимъ извѣстнымъ тогда портамъ Востока. Торговыя дѣла шли у Оалалея очень удачно, но невѣрно понятое христіанство не измѣнило его языческихъ взглядовъ, а излишнее богатство сдѣлало его безразсуднымъ: такъ, чѣмъ онъ больше богатѣлъ, тѣмъ сильнѣе увеличивалась въ немъ алчность и ему хотѣлось имѣть еще болѣе золота и, казалось, будто это непремѣнно такъ и нужно.

Такая жадность мужа къ богатству причиняла кроткой

Тенiи большое безпокойство и она не разъ предостерегала Оалалея, чтобы онъ не поддавался этой страсти и жилъ спокойнѣе, потому что и того, что онъ уже успѣлъ пріобрѣсти, было довольно для жизни безъ нужды и лишенiй, но Оалалей не хотѣлъ послушаться Тенiи, и въ жаждѣ новыхъ добытковъ онъ все продолжалъ довѣряться непостоянному морю, лишь бы только разбогатѣть еще болѣе, такъ чтобы богаче его уже не было никого въ Аскалонѣ. Напрасно Тенiя указывала ему и на то, что желанiе большого богатства не только не отвѣчаетъ ученiю избранной имъ христiанской вѣры, но даже запрещено ею,—ничто это не останавливало Оалалея. Напоминанiе о христiанской вѣрѣ даже заставило мореходца разсердиться на останавливавшую его благоразумную жену, и онъ сказалъ ей:

— Ты никогда не должна говорить мнѣ объ этомъ.

— Почему ты это мнѣ запрещаешь?

— Потому, что ты, выросшая въ язычествѣ и въ немъ пребывающая, не можешь понимать христiанскую вѣру и не въ состоянiи разсуждать о ней какъ должно.

— Я знаю одно, что вашъ Учитель просилъ дѣлать добро и не собирать богатства.

Оалалей отвѣчалъ:

— Да; ты знаешь одно, но не знаешь другого. Въ нашей вѣрѣ есть то, что тебѣ непонятно: чтобы быть добрымъ, надо имѣть чѣмъ людямъ помогать: я хочу быть не только кротокъ, какъ голубь, но и разуменъ, какъ змѣй. Я наживаю богатство и хочу имѣть еще болѣе— это все правда; но это вовсе не съ тѣмъ, чтобы кичиться богатствомъ, какъ дѣлаютъ ваши язычники и вообще гордые люди, а я богатѣю съ тѣмъ, чтобы, собравъ много въ своихъ рукахъ, потомъ излить это на всѣхъ и начать благотворить своимъ по вѣрѣ. Повѣрь, что когда въ моихъ рукахъ соберется столько богатства, что всѣ будутъ бѣднѣе меня, тогда я сумѣю быть болѣе добрымъ, чѣмъ

могу сдѣлать теперь, а ты лучше не мѣшайся не въ свое дѣло и не осуждай меня за то, что я хочу быть очень богатымъ.

Тенія умолкла, но оставалась при своемъ мнѣніи, а Оалалей, почитая слова жены за пустое, продолжалъ все изыскивать новые способы для расширенія своей торговли: онъ умножилъ свою флотилію даже до тридцати кораблей и снялъ во всѣхъ портахъ всю торговлю сандаломъ, камфорой и мушкатнымъ орѣхомъ. Нѣкоторое время дѣло у него шло хорошо, но разъ случилось дурно; Оалалей, кромѣ камфоры и сандала, набралъ много другихъ драгоцѣнныхъ товаровъ у постороннихъ торговцевъ, нагрузилъ все это на свои корабли и поплылъ въ море. Сначала плаваніе было благопріятно, но когда корабли Оалалея проходили противъ Кирены, вдругъ поднялась ужасная буря и двадцать девять изъ кораблей Оалалея утонули со всѣми бывшими въ нихъ товарами и мореходцами, и только одинъ, тридцатый, на которомъ шелъ самъ Оалалей, спасся съ остатками груза. Корабль этотъ былъ сильно испорченъ и не могъ идти далѣе: онъ имѣлъ порванные паруса и поврежденныя снасти, и въ такомъ видѣ повернулъ назадъ къ Аскалону.

Обратное плаваніе тоже было тяжелое, но, однако, корабль уже приближался къ Аскалону, и, вѣроятно, вошелъ бы въ Продову пристань, но тутъ-то именно вдругъ и погибъ, сдѣлавшись жертвою злодѣйскаго умысла жителей одного близкаго къ Аскалону селенія, лежавшаго на самомъ берегу моря за грядою подводныхъ камней. Жители этого берегового селенія зажгли фальшивый огонь, чтобы навести корабль на погибель, и достигли этого съ полнымъ успѣхомъ. Расшатанный корабль Оалалея, какъ ударился о первый камень, такъ и разсѣлся, а сторожившіе этотъ случай селяне тотчасъ же подоспѣли на легкихъ челнахъ и прикончили плывшихъ и молившихъ о помощи корабельщиковъ ударами веселъ по ихъ головамъ. Перелокотивъ всѣхъ людей, поселяне расхватили остатки товаровъ и,

послѣ драки между собою, увезли, кто что успѣлъ взять, въ свои хищничьи жилища.

При этой схваткѣ Оалалей мужественно защищался, но упалъ, раненый, съ борта въ море и плылъ, теряя послѣднія силы, къ одному изъ усмотрѣнныхъ имъ въ темнотѣ челноковъ. На этомъ челнокѣ онъ видѣлъ необыкновенно большероста́го, полуголаго человѣка съ краснымъ платкомъ на головѣ и надѣялся получить отъ него помощь и защиту, но ошибся. Человѣкъ этотъ тоже былъ грабитель, и держалъ въ одной рукѣ горящій факелъ, а въ другой тяжелый багоръ. Когда Оалалей къ нему подплылъ и взмолился къ нему, помянувъ имя Христово, злодѣя не тронула эта мольба: онъ освѣтилъ утопающаго факеломъ и, махнувъ багромъ, ударилъ имъ Оалалея по головѣ. Затѣмъ для Оалалея сразу все кончилось—и усталость, и страхъ, и страданіе, и заботы нажить больше всѣхъ въ Аскалонѣ, чтобы потомъ благотворить изъ богатой наживы и сдѣлаться добрымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Не смотря на смертельный ударъ, полученный Оалалеемъ, онъ, однако, не утонулъ. Неожиданнымъ и удивительно счастливымъ случаемъ онъ прицѣпился одеждой за гвоздь плывшаго сломаннаго руля, который его и потащилъ на себѣ. Морскія волны прибили руль, а на немъ окровавленнаго и едва живого Оалалея къ «Продовой пристани», которая называлась такъ потому, что ее устроилъ въ Аскалонѣ царь Продъ Великій. Грузовщики, работавшіе на судахъ въ Продовой пристани, замѣтили безчувственнаго человѣка, плывшаго на сломанномъ рулѣ, и вытащи Оалалея на берегъ. Они сняли его какъ мертвеца, надѣясь найти на немъ что-нибудь цѣнное, но потомъ увидали, что это ихъ согражданинъ Оалалей-мореходецъ, и удивились. А какъ въ немъ еще были замѣтны признаки жизни, то грузовщики сняли его и стали его трясти

и подбрасывать, чтобы онъ очнулся, а въ то же время послали отрока къ нему въ домъ за его матерью Пуплісй и за женою его Теніею, и за дѣтьми ихъ Вирпиой и Виттомъ.

Оалалей очень счастливо прицѣпился на рулѣ, такъ что голова его все время была наружи,—отъ этого только онъ не захлебнулся и не наглотался соленой воды черезъ мѣру, такъ что его скоро удалось привести въ чувство.

Когда изящная Тенія и старая Пуплія съ Вирпиой и Виттомъ прибѣжали въ Продову пристань, то Оалалей уже открылъ глаза; онъ сейчасъ же узналъ жену и своихъ малолѣтнихъ дѣтей, и бабу ихъ Пуплію и горько заплакалъ. Оалалей сразу понялъ свое положеніе и, обратясь къ женѣ, сказалъ ей:

— О, я вижу теперь, какъ ты была права, добрая Тенія! Но для чего я не слушалъ тебя въ свое время? для чего я такъ упорно желалъ имѣть много богатства? Вотъ теперь я и наказанъ за то, что я не зналъ сытости и хлопоталъ имѣть больше прочихъ. Отнынѣ мы нищіе и я не въ силахъ буду сдѣлать ничего добраго людямъ, о которыхъ я, по правдѣ сказать думалъ гораздо менѣе, чѣмъ о томъ, чтобы быть всѣхъ знатнѣе по своему богатству и удѣлять бѣднымъ только крупицы.

Тенія на это отвѣчала мужу кротко:

— Я говорила тебѣ ранѣе то, что тогда внушало мнѣ справедливое сердце, но теперь скажу другое: не сокрушайся о томъ, что потерялъ нажитое богатство. Мы еще имѣемъ глаза, чтобы видѣть, и руки, чтобы ими трудиться: мы можемъ достать хлѣбъ и кровъ для нашихъ дѣтей трудами рукъ нашихъ. Вѣдь этакъ живутъ еще очень многіе люди на свѣтѣ.

Оалалей ободрился и, взявъ Тенію за руку, сказалъ:

— Ты права: голубка, витающая въ душѣ твоей, могла бы одолѣть моего змѣя, еслибы дѣло шло только о нашемъ богатствѣ, но я погубилъ тоже и много чужого. Этого не простятъ мнѣ.

— Ну, что дѣлать, отвѣчала Тенія.

Перенесенный въ свой домъ, Оалалей, вѣроятно, скоро бы тамъ выздоровѣлъ, но ему не привелось наслаждаться домашнимъ покоемъ при заботахъ жены. Къ нему тотчасъ же пришли купцы, довѣрившіе ему въ долгъ товары, и стали требовать съ него уплаты денегъ.

Оалалей отвѣчалъ имъ:

— Вы себя и меня напрасно мучите: или вы не видите, что я разоренъ совершенно и не могу ничего заплатить вамъ?

Купцы отвѣчали, что они ему не вѣрятъ и подозрѣваютъ, что онъ ихъ товары гдѣ-нибудь продалъ, а вырученное золото закопалъ гдѣ-нибудь въ примѣченномъ мѣстѣ и потомъ самъ, для отвода, бросился въ море.

— Вы меня напрасно подозрѣваете, отвѣчалъ Оалалей,— всѣ товары погибли; вѣрьте мнѣ — я христіанинъ и лгать не могу.

Но купцы въ свой чередъ отвѣтили Оалалею, что и они теперь тоже стали всѣ христіане, какъ ихъ императоръ, но что это дѣла не измѣняетъ, и что, сколько Оалалей имъ долженъ за товары, они все это желаютъ съ него получить. А иначе, говорятъ,—мы возьмемъ рабовъ, выставимъ все, что здѣсь видимъ, на базаръ и продадимъ.

Оалалей отвѣчалъ имъ:

— Базарьте.

Тогда заимодавцы привели рабовъ и велѣли имъ при себѣ же взять все, что было въ домѣ у Оалалея, и вынести на базаръ, а семью его изъ обобраннаго дома выгнали и самый домъ заперли большимъ замкомъ и ключъ отдали извѣстному въ Асколонѣ домщику Тивуртію съ тѣмъ, чтобы онъ этотъ домъ продалъ и вырученныя деньги подѣлилъ между всѣми, кому Оалалей долженъ.

Домщикъ Тивуртій былъ человѣкъ страшный: лицо имѣлъ дряблое и скверное, цвѣта варенаго гороха, и совсѣмъ безволосое, глаза черные, вѣки валиками, все тѣло мягкое и напруженное, а ходилъ тихо, какъ котъ. Онъ взялъ и продалъ Оалалеевъ домъ богатому трактирщику Эпимаху,

который и открылъ въ покояхъ и въ садахъ Оалалея корчемницу и веселый притонъ для иностранныхъ мореходцевъ; а деньги, которыя были выручены за продажу дома, Тивуртій раздѣлилъ между тѣми, чьи товары потопилъ Оалалей, постольку, поскольку пришлось въ раздѣлъ на каждаго, и себѣ взялъ положенную часть за доимку. Но, однако, всего, что Тивуртій выручилъ черезъ продажу дома, было слишкомъ недостаточно для того, чтобы покрыть и половинную долю того, что пропало на Оалалеѣ.

Тогда искусный доимщикъ Тивуртій, который былъ тѣмъ извѣстенъ, что умѣлъ донимать съ должниковъ все до послѣдней капли, сказалъ:

— Что хотите мнѣ дать? Я еще попытаюсь больше взыскать. Дѣло не можетъ быть такъ, какъ Оалалей увѣряетъ. Я полагаю, что не всѣ ваши товары пропали въ морѣ, а что Оалалей ихъ гдѣ-нибудь продалъ на островахъ эгеянамъ. такимъ же, какъ самъ онъ, коварнымъ и тихимъ, а вырученное золото онъ гдѣ-нибудь спряталъ. Это только и надо узнать, а спряталъ онъ его, навѣрное, гдѣ-нибудь тамъ же, на тѣхъ далекихъ островахъ, подъ извѣстнымъ ему деревомъ или камнемъ. Дайте мнѣ во всемъ бо̀льшую часть противъ положенія и я возьму Оалалея въ темницу и стану его морить въ неволѣ. Такъ я все вамъ и себѣ выручу,—закончилъ доимщикъ Тивуртій.

Купцы, услыхавъ такія слова отъ опытнаго доимщика, всѣ между собою переглянулись и, перетакнувшись, отошли въ сторону и сказали другъ другу:

— Что же еще размышлять? Вѣдь вправду Тивуртій предлагаетъ намъ хорошее дѣло: онъ лучше насъ знаетъ всѣ хитрости мореходцевъ, и если Оалалей промоталъ наши товары и золото скрылъ, то Тивуртій дойметъ его въ темницѣ и получитъ нашъ долгъ съ Оалалея. Пусть только Тивуртій держитъ его въ темницѣ не на нашемъ, а на своемъ хлѣбѣ.

И отдали купцы друга своего корабельщика Оалалея для правежа и доимки на всю волю опытному и жестокому до-

имщику. Тивуртій же доимщикъ пошелъ къ себѣ домой, взялъ изъ окованной, большой скрыни серебряный поясъ дорогой цѣны подъ полу и пошелъ съ нимъ къ градоправителю аскалонскому и сталъ просить его, чтобы онъ посадилъ Оалалея въ Продову подземную темницу, а дорогой чеканный поясъ далъ ему въ поминку и впередъ сдѣлалъ посулъ дать ему еще болѣе цѣнную вещь, лишь бы сейчасъ позвалъ на очи темничника Раввула и повелѣлъ ему томить Оалалея всячески, какъ только захочетъ доимщикъ Тивуртій.

Градоправитель принялъ поясъ и исполнилъ просьбу Тивуртія: онъ послалъ городскихъ стражей съ приказомъ взять и перенести больного Оалалея въ Продову темницу, полную гадовъ, и отдать его темничнику Раввулѣ, а Раввула бросилъ его тамъ на гнилой тростникъ между страшныхъ злодѣевъ, и заперъ, пока онъ заплатитъ все, что имѣетъ право взыскивать съ него доимщикъ Тивуртій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Продова темница въ Аскалонѣ была посреди города, на главномъ базарномъ мѣстѣ. Она была рытая въ землѣ, въ родѣ очень большой погребной ямы, и подведена столбами и сводами изъ сырыхъ камней, а сверху присыпана землей тоже такъ, какъ погребница. Снаружи ее и отличить было трудно. Казалось, будто это простой земляной холмъ. Тутъ же на этой насыпи шелъ всякій день торгъ. Тутъ били людей на правежѣ воловьими жилами и тутъ же сидѣли съ ночвами и съ лоханями аскалонскіе рыбаки, предлагавшіе живую рыбу, и торговки, продававшія хлѣбъ, овощи и рыбачьи снасти. Въ откосахъ насыпи были пробиты и очищены крѣпкими желѣзными рѣшетками двѣ узенькія отдушины, черезъ которыя, впрочемъ, внутрь подземелья едва проникалъ самый слабый свѣтъ и проходила самая скудная струя воздуха, и порою достигалъ отдаленный гулъ рынка.

Въ этой аскалонской темницѣ, выкопанной при Продѣ, си-

дѣло очень много разноплеменныхъ людей и всѣ они страшно томились тутъ отъ тѣсноты, голода, жажды и недостатка дневного свѣта и воздуха. Свѣтъ солнечный едва доходилъ сюда на минутку косымъ лучемъ черезъ одно узенькое окошечко, а солнечная теплота совсѣмъ сюда не проникала, отчего сырость была несказанная и проникала тѣла заключенныхъ. Въ этой общей ямѣ были тѣсно сбиты вмѣстѣ и злодѣи-душегубцы, и воры, и неплательщики. Всѣ они были лишены всякой свободы движенія. У однихъ ноги были заколочены клиньями въ деревянныя колоды и эти сидѣли вовсе неподвижно, а на другихъ были наложены тяжелыя цѣпи, производившія терзательное лязганье при каждомъ движеніи рукъ и ногъ; тѣ же, которые были пойманы на разбояхъ и убійствахъ и подлежали смертной казни, око за око и зубъ за зубъ, — эти были прикованы къ стѣнѣ тройными цѣпями за ноги, за руки и за шею. Логовища этихъ безстрашныхъ злодѣевъ были въ самомъ заднемъ отдѣленіи, въ узкихъ и совершенно темныхъ впадинахъ, вырытыхъ въ глинѣ. Всѣ заключенные въ Продовой темницѣ люди, гдѣ сидѣли, тамъ же и спали, и тутъ же они и пили, и ѣли, и отправляли всѣ свои тѣлесныя нужды. Здѣсь ихъ посѣщали друзья и родные, и жены. Обычаи были такъ суровы и просты, что случалось нерѣдко, что жены людей, заключенныхъ въ этой Продовой темницѣ, посѣщая мужей своихъ, становились снова матерями новыхъ дѣтей... Такова была эта ужасная Продова тюрьма въ Аскалонѣ, въ которую домщикъ Тивуртій заключилъ Оалалея, мужа Тенін и отца Вприны и Витта.

Въ то же время, какъ былъ посаженъ въ эту тюрьму Оалалей-корабельщикъ, за нѣсколько дней ранѣе въ эту самую яму, и притомъ въ самой темной ея впадинѣ, былъ помѣщенъ и прикованъ на пять цѣпей за руки и за ноги, и за шею береговой злодѣй, по имени Анастасъ-душегубецъ. Онъ былъ извѣстный разбойникъ. Онъ грабилъ и лишилъ жизни много людей. Всѣхъ убитыхъ имъ на сушѣ и на морѣ считалось сорокъ душъ. Онъ давно вооружилъ противъ себя

всѣхъ людей въ Аскалонѣ и всѣ аскалонцы радовались, что Анастасъ, наконецъ, пойманъ и ожидали его казни.

Для произнесенія суда надъ Анастасомъ долженъ былъ вскорѣ прибыть изъ Дамаска важный сановникъ, по имени Милій, при которомъ злого Анастаса и должны были казнить мечомъ всенародно посреди Аскалона.

Рядомъ съ тою впадиной, въ дальнемъ концѣ темничной ямы, гдѣ былъ прикованъ злодѣй Анастасъ, находился тѣсный лазъ еще въ особую низкую глиняную ямину, по названію «прокаженную». Она называлась такъ потому, что здѣсь нѣкогда сидѣлъ человѣкъ бѣсноватый и прокаженный, который неустанно злословилъ царя Ирода, и за то здѣсь и умеръ въ заточеніи. Съ той поры въ эту прокаженную нору никто не входилъ, потому что и самъ стражъ темничный, безстрашный Раввула, боялся прикоснуться къ глинѣ, на которой сидѣлъ и о которую терся прокаженный. Ямину эту, однако, не заваливали, потому что въ ней была другая продушина, которая была необходима, чтобы не задохнулись невольники.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ аскалонской Иродовой темницѣ давали скудную пищу отъ подаяній только тѣмъ изъ невольниковъ, у которыхъ не было ни родни, ни друзей, а должникамъ и тѣмъ, у кого были какіе-нибудь родные, хотя бы и самые бѣдные, темничникъ Раввула никакой пищи не давалъ. Объ этихъ узникахъ должны были заботиться тѣ, кто ихъ посадилъ, или ихъ близкіе родственники, которые и приносили сюда невольникамъ то, что могли. Поэтому и корабельщика Ѳалалея должны были питать жена его Тенія или Тивуртій, но Тивуртій сказалъ:

— У Ѳалалея есть жена; она молода и надѣлена отъ природы большою красотой: пусть она его кормитъ.

Тенію это съ одной стороны было пріятно, потому что, принося пищу мужу, она могла его видѣть и послѣ съ нимъ оставаться до вечера, но за то надо было добывать ему

пищу, а это возлагало на Тенію заботы, которыя были для нея очень затруднительны.

Бѣдная Тенія одна должна была заботиться о томъ, чтобы добывать деньги для пропитанія себѣ, мужу и двумъ своимъ дѣтямъ Виріиѣ и Витту, да еще старой бабкѣ ихъ Пуплін, которая въ это время была уже немощна и не въ силахъ была работать, а только смотрѣла за внуками. Тенія же, какъ дочь жреца, выросла въ довольствѣ и пѣгѣ. — ея голову заплетали невольницы и онѣ же навѣвали на нее съ вечера сонъ, а утромъ къ вставанію будили ее легкимъ ласканіемъ ея ступней. Вообще она была не пріучена исполнять какія бы то ни было тяжелыя работы. Она была научена только изящнымъ искусствамъ, въ которыхъ никто не нуждался, но она теперь только ими и старалась находить заработокъ. Такъ какъ она всего лучше умѣла играть на многострунной арфѣ и притомъ имѣла даръ быстро слагать и пѣть пріятнымъ напѣвомъ стихи своего сочиненія, то она стала ходить въ свой бывшій виноградный садъ, гдѣ теперь подъ узорными шатрами, раскинутыми Эпимахомъ, въ прохладной тѣни деревьевъ и ползучихъ гроздій, собирались заѣзжіе въ Аскалонъ чужестранные мореходцы. Хозяинъ этихъ шатровъ, видя, что Тенія прекрасна собою и можетъ нравиться его гостямъ и наружностью и игрою, и пѣніемъ, дозволялъ ей садиться среди пирующихъ мореходцевъ и ставилъ передъ нею кубокъ вина, къ которому она, впрочемъ, не прикасалась устами, потому что велико было съѣдавшее ее горе и она позабыть его не хотѣла.

Для увеселенія пирующихъ мореходцевъ Тенія всѣ ночи насквозь играла на своей арфѣ и пѣла, сама тутъ же составляя изъ собственныхъ словъ своихъ пѣсни, изъ которыхъ иныя были очень трогательны и нерѣдко достигали до сердецъ слушателей и смягчали ихъ грубые порывы. Корабельщики, слушая игру и пѣсни Теніи, были довольны тѣмъ, что видѣли передъ собою прекрасную пѣвицу, и давали ей монеты, съ которыми Тенія потомъ уходила на рынокъ, — покупала здѣсь лучшей пищи для дѣтей и для

мужа, и для его матери Пуплiи, а для себя уснувшую дешевую рыбу. Объ эти женщины, Тенiя съ Пуплiей, и находившiяся при нихъ дѣти, Виттъ и Вирина, ютились теперь за городомъ въ убогомъ шалашѣ, смазанномъ изъ тростника и илистой грязи.

Занятiе арфистки и пѣвицы, которое поневолѣ избрала Тенiя для пропитанiя семьи, не было, однако, для нея ни легко, ни пріятно, потому что съ растерзаннымъ сердцемъ ей трудно было забавлять игрою и пѣнiемъ праздныхъ и часто нетрезвыхъ людей; но, не умѣя дѣлать ничего другого, что могло бы дать ей заработокъ, Тенiя безропотно покорялась необходимости и несла свою долю, не обнаруживая своего страданiя передъ мужемъ. Между посѣтителями виноградныхъ шатровъ встрѣчались и такiе, которые не довольствовались пѣснями, и не разъ дѣлали Тенiи предложенiя продать имъ за золото свои ласки. Тенiя не обижалась, ибо понимала, что теперь всѣ могутъ почитать ее сходною на такое дѣло, и отвѣчала спокойно и скромно:

— Неустрашимые и добрые люди, я продаю только то, что предлагаю: я играю на арфѣ и пою мною сложенныя нехитрыя пѣсни. Я пою и играю потому, что я не умѣю дѣлать ничего другого, а должна питать дѣтей и мужа. Слушайте мою игру, и да минуетъ васъ и всѣхъ, кто вамъ дорогъ на родинѣ вашей, всякое горе.

Корабельщики, получая такой скромный отвѣтъ, стыдились оскорблять Тенiю своими приставаніями, но содержатель шатровъ Эпимахъ былъ ею за то недоволенъ и говорилъ ей:

— Ты очень красивая, но совершенно безразсудная женщина: или ночи наши, на твой взглядъ, не довольно темны, а сикоморы мои не молчаливы? Зачѣмъ ты не отходишь ни съ однимъ, кто тебя кличетъ, въ отдаленье къ берегу моря? Тамъ съ глазу на глазъ съ нимъ ты могла бы спѣть ему что-нибудь сладостнѣй пѣсни о горѣ, и въ поясѣ у тебя зазвенѣло бы крупное золото, а не ничтожная мелочь. Ты и себя, и меня лишаешь хорошаго дохода.

Тенія отвѣчала, что она получаетъ довольно, и отходила отъ Эпимаха, стараясь выкинуть изъ памяти этотъ непріятный ей разговоръ. Эпимахъ же добивался другого, — онъ хотѣлъ услужить своимъ гостямъ и былъ очень недоволенъ Теніею. Онъ желалъ бы видѣть на ея мѣстѣ въ своихъ садахъ пѣвицу, болѣе благосклонную къ исканіямъ его веселыхъ посѣтителей. А мореходцы, какъ бывалые люди, ему разсказывали о томъ, какихъ угодливыхъ пѣвицъ они встрѣчали въ садахъ Александріи и Даміеты, а Эпимахъ съ укоризною сообщалъ эти разсказы Теніи, но она ничему этому не хотѣла внимать.

Тенія раздѣляла свое время такъ, что утромъ она мыла и чинила носильную ветошь, какая осталась на ея дѣтяхъ послѣ изгнанія изъ дома, и услуживала бабкѣ ихъ, старой и изнѣженной Пупліи; потомъ шла на рынокъ и покупала горсть сухой чечевицы и щетинистаго угря, или другую дешевую рыбу, варила ее съ лукомъ у варильщика при общемъ очагѣ и къ полудню несла эту похлебку въ темницу мужу. Изъ темницы родственниковъ заключенныхъ не выгоняли и Тенія оставалась съ Ѳалалеемъ до самаго вечера, когда, при заходѣ солнца, входилъ съ бегемотовою жилой въ рукѣ темничникъ Раввула и, выгнавъ всѣхъ посѣтителей вонъ, закрывалъ на засовы двери темницы. Тогда изящная Тенія вставала и шла въ шатры своего бывшаго виноградnаго сада и тамъ играла на арфѣ и пѣла до тѣхъ поръ, когда восходящее солнце напоминало гулякамъ о нуждѣ и заботахъ вновь наступавшаго дня.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія Ѳалалея, и тѣлесныя силы Теніи стали подаваться, и красота ея начала меркнуть. Происходило это сколько отъ горя, столько же отъ новаго образа жизни, не отвѣчавшаго ни ея здоровью, ни ея цѣломудреннымъ навыкамъ; однако же, не смотря на это, Тенія оставалась твердою въ своей непреклонности и слишкомъ прекрасною для того, чтобы непреклонность ея не казалась досадительною, а красота слишкомъ привлекательною, и все это продолжало возбуждать

порочныя исканія, которыя и подготовили, наконецъ, чрезвычайно тяжелое и большое испытаніе для добродѣтели Теніи.

Вышло такъ, что по этому поводу въ Продовой тюрьмѣ въ Аскалонѣ произошли событія, отмѣченныя весьма кратко, но по ужасу своему достойныя долгой памяти и сострадація.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Оалалей былъ заключенъ въ Продову темницу, изъ Дамаска прибылъ въ Аскалонъ ожидаемый для суда надъ Анастасомъ-злодѣемъ, именитый vпархъ, по имени Милій. Онъ былъ присланъ не только затѣмъ, чтобы осудить Анастаса, но также чтобы заодно осмотрѣть, какъ управляетъ областью аскалонскій правитель Димасъ, и раздать подаяніе, которое прислала чрезъ него въ Аскалонъ отъ щедротъ своихъ Ѳеодора.

Обходя аскалонскую темницу, Милій остановился предъ впадиной, гдѣ былъ прикованъ пятью цѣпями безжалостный Анастасъ-разбойникъ, и когда темничникъ Раввула освѣтилъ факеломъ Анастаса, то Милій удивился, увидѣвъ его ужасное лицо,—такъ сильно и рѣзко изображалось на немъ безпощадное свирѣпство разбойника. Тутъ Милій не удержался и воскликнулъ вслухъ:

— О, какъ онъ подлъ и противенъ! Клянусь, что я никогда не встрѣчалъ на свѣтѣ ничего болѣе злого и омерзительнаго, какъ эти его косые глаза и эти вразлетъ идущія густыя брови! Земля съ нетерпѣніемъ должна ждать минуты, когда этотъ безжалостный звѣрь перестанетъ дышать ея воздухомъ и тяготить ее своими ногами. Впрочемъ, я объ этомъ какъ можно скорѣй постараюсь.

Злодѣй же Анастасъ, услыхавъ, что проговорилъ о немъ Милій, запрыгалъ на мѣстѣ и, тряся отъ гнѣва цѣпями, закричалъ на vпарха:

— Я тебѣ мерзокъ, а, можетъ быть, самъ ты и еще меня хуже. Твое ли дѣло, злая душа, надо мной насмѣхаться?

Жалѣю, что я не повстрѣчалъ тебя раньше, и не здѣсь, гдѣ ты на свободѣ, а я крѣпко прикованъ цѣпями: иначе я посмотрѣлъ бы, что красивѣй—твоя кровь или твоя пурпурная тога? А теперь будь ты проклятъ!

Прокричавъ это неистовымъ голосомъ, Анастасъ такъ страшно ударилъ о стѣны своими цѣпями, что всѣ другіе невольники вздрогнули и сжались въ страхѣ, а стражникъ Раввула и воины, сопровождавшіе съ зажженными факелами вельможу Милія, окружили его, чтобы страшный видъ Анастаса его не тревожилъ. И тутъ-то, при дрожащемъ свѣтѣ этихъ факеловъ, встревоженный взглядъ благообразнаго Милія палъ на лицо изящной Теніи, которая въ страхѣ за судьбу Ѳалалея старалась закрыть его своимъ станомъ. Милій же былъ большой сластолюбецъ, и изящный обликъ Теніи сразу ударилъ его въ страстное сердце, такъ что онъ остановился и обратился къ сопровождавшему его отроку, скорописцу Евлогію, и сказалъ ему тихо:

— Открой скорѣе кису присланныхъ съ нами доброхотныхъ даяній. Здѣсь я вижу передъ собой христіанку, на лицѣ которой читаю ея невинность. Навѣрное, она страдаетъ напрасно по языческой злобѣ и я хочу облегчить ея участь во славу величайшей въ женахъ императрицы Ѳеодоры.

Отрокъ Евлогій потянулъ шнуры кожаной кисы, въ которой лежали деньги, назначенныя для раздачи христіанской милостыни заключеннымъ, а Милій обратился къ Теніи и сказалъ ей:

— Приблизься, прекрасная христіанка, возьми себѣ помощь и скажи намъ скорѣе: за что ты томишься? Я увѣренъ, что ты страдаешь напрасно, и кто тебя заключилъ въ эту темницу, тотъ самъ недостоинъ свободы.

— Ты ошибаешься, благородный господинъ, отвѣчала Тенія, — я не христіанка, — я дочь жреца Полифрона и держусь старой вѣры.

Милій смутился и отвѣчалъ ей, что онъ сожалѣетъ, зачѣмъ она сказала ему, что она язычница.

— Теперь, молвилъ онъ, — я не могу оказать тебѣ помощь, какую имѣлъ желаніе сдѣлать,—и при этомъ онъ удержалъ своею рукой руки Евлогія скорописца, распускавшаго связки кисы, гдѣ хранилось золото, присланное для раздачи новымъ христіанамъ.

Тенія же, услыхавъ сожалѣніе Милія, не обнаружила никакой особой, усиленной тревоги и сказала ему спокойно:

— Развѣ для Осодоры и для твоего милосердія не все равно оказать помощь тому, кто въ ней нуждается?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Милій.—мы должны помогать прежде своимъ по вѣрѣ, а потомъ чужевѣрнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, помоги моему мужу и дѣтямъ,— они всѣ вашей вѣры.

Милій обрадовался.

— Если мужъ твой и дѣти той вѣры, которой теперь отдаютъ высшіе люди высшій почетъ въ Византіи и въ Дамаскѣ, то тогда совѣсть моя дозволяетъ мнѣ оказать тебѣ помощь. Подойди же сюда и возьми по монетѣ для каждаго изъ кисы добрыхъ даяній.

Тенія отвѣчала:

— Господинъ, мнѣ некстати опускать самой руку въ мѣшокъ: я питаюсь самъ-пять,—повели, чтобы отрокъ твой далъ мнѣ, что опредѣлитъ твоя щедрость.

Милій велѣлъ отроку дать ей десять цехиновъ, а потомъ спросилъ у нея:

— Какое ты сдѣлала зло, или чѣмъ проступилась противъ законовъ?

— Милосердое Небо до сего дня хранило меня отъ злого дѣянія, отвѣтила Тенія.

— Ты, можетъ быть, судишь такъ по своей языческой совѣсти и тебѣ только кажется, будто ты не сдѣлала ничего преступнаго.

— Нѣтъ, я и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлала ничего преступнаго.

— Въ такомъ разѣ за что же тебя лишили свободы и держатъ въ этой душной и страшной темницѣ?

Тенія отвѣчала вельможѣ, что она вовсе не невольница и свободно можетъ приходить сюда и выходить отсюда, а сидѣть здѣсь, въ этой душной и страшной темницѣ, ее побуждаетъ состраданіе и любовь къ мужу, который тутъ заключенъ и томится за то, что онъ не можетъ заплатить денегъ купцамъ, довѣрившимъ ему свои товары.

— Когда же ты надѣешься выкупить своего мужа?

— Я не имѣю на это никакой надежды и только дѣлаю то, что могу: я приношу ему пищу и стараюсь его утѣшать и поддержать въ немъ бодрость.

— Мнѣ кажется, ты могла бы сдѣлать для него гораздо больше, чѣмъ это.

— Ахъ, яви свою милость, научи меня, что я могу сдѣлать, чтобы возвратить свободу Ѳалалею, и ты увидишь, что у меня не окажется недостатка въ рѣшимости и твердости: я исполню все, что для этого нужно.

— Нужна только одна твоя рѣшимость.

— Въ такомъ случаѣ, это уже сдѣлано. Не медли же, говорили какъ можно скорѣй и понятнѣй, что я должна принести счастью семьи моей въ жертву? Жизнь мою?

— Нѣтъ.

— Такъ что же? Умоляю тебя, не мучь меня и говори мнѣ отъ раза.

— На какую сумму простирается долгъ твоего мужа? вопросилъ Милій, лаская взоромъ пзящную Тенію.

Тенія отвѣчала ему по правдѣ, сколько Тивуртій и купцы исчисляли долгу на корабельщикѣ. Это составляло очень значительную сумму.

Милій былъ вельможа богатый, но скупой, и притомъ сумма Ѳалалеева долга и для его большихъ средствъ была не ничтожна, а потому онъ сказалъ:

— Мужъ твой, къ сожалѣнію, долженъ очень много!--и Милій отошелъ отъ Тенін и сталъ подвигаться дальше къ выходу, но въ это самое время къ нему приблизился доимщикъ долговъ, хитрый старецъ Тивуртій, который былъ чрезвычайно искусенъ на то, чтобы дѣлать всякія сдѣлки,

лишь бы донять что-нибудь съ содержащихся неплательщиковъ. Увидавъ, что Милій ласкается къ Тенiи, Тивуртій сейчасъ же сообразилъ, что этимъ можно воспользоваться, и прошепталъ вельможѣ на ухо:

— Долгъ мужа красивой женщины, которая сейчасъ имѣла счастіе внушить твоему вельможеству высокое состраданье, очень великъ, но она вѣдь не знаетъ, что весь этотъ огромный долгъ можетъ быть сильно пониженъ. Я здѣшній домщикъ Тивуртій, — мнѣ извѣстны всѣ дѣла въ Аскалонѣ, и я знаю, что̀ надобно сдѣлать, чтобы все вышло, какъ ты желаешь.

Милій остановился, а Тивуртій продолжалъ ему говорить:

— Повѣрь, что слова мои такъ же точны и вѣрны, какъ вѣрно и то, что женщины красивѣй и изящнѣй Тенiи не легко отыскать во всѣхъ городахъ, которыми правитъ благословенная власть Ѳеодоры, съ которою, — могъ ты замѣтить,—Тенія кажется, схожа.

Милій же, вмѣсто того, чтобы обидѣться тѣми словами, съ которыми подошелъ къ нему Тивуртій, забылъ и свой санъ, и свое положеніе въ темницѣ среди заключенныхъ, а продолжалъ любоваться издали красивыми линіями стана жены корабельщика, а Тивуртій, замѣтивъ это, сдѣлался еще болѣе смѣлъ и прошепталъ:

—Ты посмотри: слова нѣтъ, что Ѳеодора прекрасна, и всѣ говорятъ, будто въ земляхъ, Византіи подвластныхъ, нѣтъ другой женщины, которая могла бы съ Ѳедорой сравниться... но вѣдь это только такъ говорятъ... На самомъ же дѣлѣ время не щадитъ никого, и Ѳеодора нынче уже не та, какой она раньше была, когда ее знали актрисой,— правда она за то теперь наша царица, и да даруетъ Всевышній ей многія лѣта,—но... вспомни, какъ она нынче поблекла и посмотри опять на эту стыдливую Тенію...

— Зачѣмъ эти сравненія? Онѣ обѣ прекрасны.

— Да, онѣ обѣ прекрасны, но та вѣдь на тронѣ, въ пурпурѣ и въ вѣнцѣ многоцѣнномъ, ея плечи и шею ежедневно разглаживаютъ навощенными ладонями молодыя не-

вольницы, а египетскія бабки обкладываютъ на ночь ея перси мякишемъ душистаго хлѣба изъ плодовъ египетской пальмы, а, по правдѣ сказать, и это все ей уже не помогаетъ: этотъ душистый египетскій мякишъ даетъ персямъ ея лишь одну фальшивую нѣжность, но онъ не можетъ имъ возвратить ихъ былую упругость... Нѣтъ; это минуло... Смотри же, каковы перси Теніи, а вѣдь Тенія въ горѣ и въ тяжкой нуждѣ,—она въ бѣдномъ рубищѣ, среди людей, усыпанныхъ всякою нечистью, но и тутъ ты смотри, какъ краса ея блещетъ... Смотри этотъ царственный взоръ, эти бѣлые зубы, и особенно эти перси, которымъ не нуженъ египетскій мякишъ...

— А до какой суммы можно уменьшить долгъ ея мужа? нетерпѣливо волнуясь, перебилъ рѣчь доимщика Милій.

Тивуртій сразу же сбавилъ цѣлую треть долга, а когда, замѣтилъ, что Милій еще находится въ нерѣшимости, то сказалъ вкрадчиво:

— Однако, я вижу, что ты очень тронутъ судьбою этой несчастной, и чтобы сдѣлать тебѣ пріятное и заслужить себѣ напередъ твою благосклонность, я постараюсь склонить всѣхъ купцовъ, чтобы они уступили тебѣ долговыя права на Оалалея не за двѣ, а всего за одну треть того, что онъ имъ дѣйствительно долженъ. Не колебайся далѣе и повели быть этому такъ, какъ я предлагаю. Пусть Тенія будетъ тебѣ обязана счастьемъ и постарается быть тебѣ благодарной.

Милій ему отвѣчалъ:

— Хорошо, я согласенъ,—благодарность ея мнѣ драгоцѣнна, но только я не хочу принужденія. Дай мнѣ сказать еще нѣсколько словъ съ этою Теніей, красота которой, дѣйствительно, не менѣе той, которая нынчѣ достойно украшаетъ собою престолъ византійскій.

Тивуртій нагнулся къ уху Милія и прошепталъ:

— Она ее превосходитъ... Ѳеодорѣ теперь не достичь того, чѣмъ обладаетъ Тенія... и при томъ...

— Что ты хочешь сказать?

— Ѳеодора слишкомъ многимъ извѣстна.

— Тсс... Ты дерзокъ.

— Не опасайся... я знаю, что̀ я говорю, и сказалъ только то, что Тенія спитъ какъ попало, въ шалашѣ, на рогожѣ, согнувшись и сжимая отъ холода перси руками, а Ѳеодора покоится, заложа руки подъ пуховыя подушки; но дай Тенiи ту же роскошь, и какъ ея станъ изовьется, въ какихъ очертаніяхъ!.. О, да ты самъ понимаешь, что стыдливость Тенiи можетъ доставить то, чего не можетъ дать все любовное искусство Ѳеодоры... Ты пылаешь, я вижу, и хотя я старъ, но я тебя понимаю.

— Ты правъ, красота этой женщины помрачаетъ мой разумъ, отвѣчалъ Милій, — и, къ тому же, вѣдь она язычница.

— Да, она язычница, она дочь жреца Полифрона, который убилъ себя, не желая видѣть новыхъ порядковъ.

— Язычницы, вѣдь, свободны располагать собою: онѣ не знаютъ стѣсненій.

— Да, для нихъ это привычно: онѣ отдавались и Діонису, и иностранцамъ во славу Изиды. У нихъ свой взглядъ на эти вещи.

Милій обратился къ скорописцу Евлогію и приказалъ ему подозвать къ себѣ Тенію.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Услыхавъ отъ отрока приказаніе подойти къ его господину, Тенія сейчасъ же встала и подошла къ Милію, а тотъ подалъ ей съ ласковою улыбкой златницу и сказалъ:

— Отъ взора моего не скрылось то, чего ты не въ состояніи скрыть отъ всѣхъ, кто тебя видитъ,—ты нестерпимо прекрасна. Знай же, что твоею красотой смущено мое сердце и я готовъ на многія жертвы, чтобы получить твои ласки. Будь согласна на это—приди ко мнѣ въ домъ сегодня вечеромъ и останься въ опочивальнѣ моей только до утра. За это я дамъ тебѣ сколько ты хочешь.

Лицо Тенiи покрылось румянцемъ, но она отвѣчала спокойно:

— *За это*—я не хочу ничего.

— Я тебѣ предлагаю пятьсотъ златницъ.

— Ты напрасно будешь предлагать мнѣ и тысячу.

— Двѣ!

— Все равно—я къ тебѣ не приду.

— Я дамъ тебѣ пять.

— Хоть и десять.

— Двадцать тысячъ!

— Ты оскорбляешь меня этимъ торгомъ: но съ тѣхъ поръ, какъ я подпала несчастію, я уже привыкла къ подобнымъ обидамъ. Бѣдность должна много прощать людямъ съ достаткомъ, но любовь моя не продажна: я люблю мужа.

— Ты его и люби, но вѣдь ты язычница и по вѣрѣ твоей тебѣ нѣтъ грѣха въ томъ, на что я тебя приглашаю. Твой богъ Анубисъ тебя не осудитъ. Принеси же ему втайнѣ жертву за мужа, и возврати ему волю.

— Ты знаешь, что говоришь, отвѣчала Тенія,—я дочь жреца и бракъ мой съ мужемъ моимъ теперь не связанъ закономъ. Ты правъ, я вольна оставить его и свободна избрать другого по сердцу, но я вѣрна Ѳалалею потому, что онъ милъ мнѣ, и если я жила съ нимъ въ довольствѣ и счастьѣ, то неужели а покину его въ горѣ? Нѣтъ, такъ не будетъ, и ты возьми даже эту златницу, которую далъ мнѣ,—у меня есть сегодня для всѣхъ насъ на хлѣбъ и на рыбу.

Упархъ изумился кроткому отвѣту Тенiи, но она ему еще болѣе понравилась, и онъ еще больше распалился желаньемъ.

— Оставь взятую златницу у себя, сказалъ онъ,—и вотъ возьми еще другую и не будь за нихъ мнѣ ничѣмъ обязана, но не будь безразсудна и еще поразмысли. Если ты согласишься придти ко мнѣ, то я еще возвышаю цѣну: я высыплю къ твоимъ ногамъ всю кису доброхотныхъ даяній, и тогда ты можешь выкупить на эти деньги свободу своему мужу. Обдумай это, прежде чѣмъ захочешь сказать свой отвѣтъ мнѣ.

— Ты очень щедръ, отвѣчала Тенія,—и возвысилъ цѣну

моей красоты до того, что она стала теперь цѣною свободы моего мужа. а я язычница и, какъ ты говоришь, я не имѣю стѣсненій, но ты позабылъ, что наши женщины ходили въ храмы богини Изиды съ согласія мужей ихъ, и это не былъ обманъ, такъ и это, о чемъ ты говоришь мнѣ, касается моего мужа, а потому я должна спросить у него, согласенъ ли онъ, чтобы я купила ему свободу этой цѣной. Если мужъ мой будетъ на это согласенъ, тогда я... сдѣлаю то, что буду вынуждена сдѣлать. Таковъ мой отвѣтъ, а если хочешь знать, что скажетъ мой мужъ, то я сейчасъ пойду и спрошу его, и что онъ скажетъ, то я исполню.

Милію это показалось безуміемъ, но домницикъ Тивуртій, который стоялъ недалеко и слышалъ этотъ разговоръ, успокоилъ упарха и сказалъ ему:

— Оставь ее, Милій, пусть она сдѣлаетъ такъ, какъ она хочетъ: мужчины благоразумнѣе женщинъ. Эти бываютъ некстати упрямы, а мужъ, навѣрное, дастъ Тенiи такой отвѣтъ, послѣ котораго она придетъ къ тебѣ и съ несмущенною душой отдастъ тебѣ свои ласки. Ты же, вѣдь, самъ не хочешь насилія.

И затѣмъ, проводивъ Милія за двери темницы, Тивуртій подошелъ къ скованному Оалалею и разсказалъ ему о выгодахъ упархова предложенія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Заключенный въ темницѣ Оалалей ничего не отвѣтилъ Тивуртію не только горько заплакалъ, а на другой день, дождавшись прихода Тенiи, обнялъ ее и опять со слезами сталъ благодарить ее за ея вѣрность.

— Что же ты думаешь? спросила его Тенія.

— Хотя бы мнѣ суждено было провести безконечные годы еще въ худшей темницѣ, чѣмъ эта, которую выстроилъ Иродъ, и хотя бы мнѣ надлежало умереть въ ней безъ надежды когда-нибудь видѣть море и солнце, и милыя лица нашихъ дѣтей, то и тогда я предпочелъ бы

вѣчное это томленіе въ неволѣ одной минутѣ твоего позора. Ты можешь поступать какъ хочешь, но что до меня, то пусть я здѣсь доживу мою жизнь и умру въ этой ямѣ, но ты для моего спасенія не отдавай своей чистоты, — въ ней твоя прелесть, и въ ней моя радость и сила.

Тенія обрадовалась, услыша отъ мужа такія слова, потому что они отвѣчали ея собственнымъ чувствамъ.

— Благодарю тебя, отвѣчала она, — ты теперь укрѣпилъ мою душу, и за то я открою тебѣ, что я таила въ себѣ, когда отдавала себя въ твою волю. Знай, что еслибы ты отвѣчалъ мнѣ согласіемъ, то ты оскорбилъ бы меня больше, чѣмъ всѣ, которые, видя наше несчастіе, желаютъ склонить меня торговать своею красотой. Душа моя не снесла бы этого безчестья.

— Что-жъ бы ты сдѣлала? спросилъ Өалалей.

— Еслибы ты пожелалъ, чтобы я отдала себя на ложе этого вельможи, то я бы безропотно исполнила это твое желаніе, не выйдя изъ его опочивальни, я отдала бы за тебя выкупъ, но не пришла бы къ тебѣ, а бросилась въ море.

— О, я такъ и думалъ! перебилъ Өалалей.

— Но за то я благодарю тебя, что ты сохранилъ мое сердце, и я могу жить съ своими дѣтьми Виріной и Виттомъ.

Өалалей и Тенія оба забыли свое горе и стали такъ рады, какъ-будто къ нимъ снизошло безконечное счастье. А такъ какъ невольники въ аскалонской темницѣ помѣщались на соломѣ очень тѣсно и ничѣмъ не были отдѣлены одинъ отъ другого, то хотя Өалалей и Тенія старались говорить между собою какъ можно тише, но разговоръ ихъ, однако, былъ услышанъ сосѣдями и въ числѣ ихъ злодѣемъ Анастасомъ. Нѣкоторые изъ заключенныхъ надъ этимъ смѣялись, а одинъ изъ нихъ передалъ слова супруговъ ломщику Тивуртію, который далъ за это вѣстовщику монету, а самъ пришелъ въ большую досаду, потому что онъ видѣлъ въ искательствѣ Милія драгоцѣн-

ный случай взыскать долгъ съ Оалалея, а при такомъ оборотѣ это взысканіе становилось безнадежнымъ. Разгнѣванный доминикъ положилъ себѣ на умѣ наказать Тенію какъ можно чувствительнѣе за ея упрямство, и съ этихъ поръ сталъ употреблять разныя мѣры къ отягченію положенія Оалалея, чтобы тѣмъ вынудить Тенію сдаться на предложеніе архонта.

Злобный Тивуртій началъ съ того, что выждалъ, когда Тенія шла изъ темницы въ виноградный шатеръ; онъ сейчасъ же тихо подошелъ къ ней и началъ уговаривать ее не отвергать исканій богатаго вельможи:

— Что тебѣ! говорилъ онъ ей, — покрывая лукавые глаза свои толстыми вѣками. — Ты вѣдь еще въ старой вѣрѣ и можешь не считать себѣ это за грѣхъ.

Тенія только покачала головою и ничего ему не отвѣчала.

Но Тивуртій не устыдился и не отставалъ. Онъ шелъ за Теніей и разсказывалъ ей, какъ Милій знатенъ и многовластенъ, и потомъ, понижая голосъ и шевеля своими толстыми вѣками, нашептывалъ, что архонтъ давно бы уѣхалъ и для того только медлитъ произнести судъ и казнить Анастаса, чтобы имѣть предлогъ оставаться въ Аскалонѣ, а цѣль этого одна — достичь одной краткой минуты обладанія Теніей, за что онъ ее такъ щедро одаритъ, что она сейчасъ же можетъ выкупить мужа, а архонтъ Милій тогда казнитъ поскорѣй Анастаса и тотчасъ отъѣдетъ въ Дамаскъ.

— Такъ разсуди же сама, какъ безполезно упрямство! Все это дѣло краткой минуты и ты съ этимъ человѣкомъ никогда болѣе и не встрѣтишься. Что же за великая важность... подумай! твоя маленькая тайна нигдѣ не разгласится, и вѣрь мнѣ, что и сама ты о ней скоро забудешь, да и время ли будетъ тебѣ помнить о томъ въ счастливыхъ объятіяхъ любимаго мужа? О, какъ счастливъ Оалалей, что ты его любишь: будь же умна — пожалѣй Оалалея и принеси для него эту пустую минутную жертву. А

я берусь все такъ устроить, что ты войдешь къ Милію и выйдешь назадъ ни для кого незамѣтно: я поставляю теперь для него провизію и часто вожу къ нему въ домъ рыбака. Я уложу въ корзину дыню и цвѣтного зуйка, а ты одѣнешься молодымъ рыбакомъ, обнажишь свои прекрасныя ноги и понесешь за жабры въ обнаженныхъ рукахъ прекраснаго розоваго мормира.

Но Тенія оттолкнула Тивуртія и не захотѣла поступить такъ, какъ онъ внушалъ ей, за это домщикъ Тивуртій обѣщалъ ей погубить все ея семейство. Тенія же оставалась непреклонною и несла свое горе, дѣля время между дѣтьми въ шалашѣ, мужемъ въ темницѣ и игрою на арфѣ въ шатрахъ виноградныхъ.

Отказъ Ѳалалея отъ полученія свободы изъ темницы цѣной униженія Теніи такъ сильно ее утѣшилъ, что она не только не боялась Тивуртія, но ощущала въ душѣ усиленную бодрость, и это выражалось въ ея игрѣ на арфѣ. И хотя содержатель ночныхъ шатровъ такъ же, какъ Тивуртій, не одобрялъ ея цѣломудрія, но его ночные посѣтители были сострадательнѣе къ горю бѣдной арфистки и монеты изъ рукъ ихъ падали къ ногамъ Теніи, а она собирала ихъ въ корзинку, гдѣ у нея, въ зеленыхъ листьяхъ, лежалъ сухой черный сыръ и плоды для дѣтей.

Но не спала ночью не одна Тенія, — не спалъ и Тивуртій-домщикъ и придумалъ себѣ противъ Теніи новыя средства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Тивуртій не могъ выпустить изъ рукъ своихъ случая, который казался ему драгоцѣннымъ, и препятствія, которыя ставила ему Тенія, только разжигали въ немъ желаніе достичь своей цѣли. Доставя Милію рѣдкіе фрукты и розоваго мормира, Тивуртій вызвался ему схватить Тенію насильно и принести ее къ нему, обмотавъ въ египетскій шелковый парусъ, но Милій былъ тонкій цѣнитель удовольствій и не хотѣлъ обладать ею насильно: онъ желалъ,

чтобы скромная Тенія сама подошла къ его двери и сама положила ему на плечо свои руки и шепнула ему: «Я пришла возвѣстить тебѣ, Милій, что мигъ благосклоненъ и до зари я желаніямъ твоимъ буду покорна».

Тивуртій сдвинулъ толстыя вѣки и отвѣчалъ:

— Для меня это — излишняя тонкость, но, тѣмъ не меньше, я буду стараться: подожди еще съ осужденіемъ Анастаса, а я надѣюсь сдѣлать кое-что такое, послѣ чего Тенія должна будетъ скоро придти и сказать тебѣ: «мигъ благосклоненъ».

Чтобы преодолѣть непреклонность Тенін и скорѣе довести ее до того, чтобы она согласилась исполнить желаніе Милія, доимщикъ Тивуртій разсказалъ о Тенін всѣмъ заимодавцамъ Ѳалалея. Эти страшно разсердились, что Тенія пренебрегаетъ случаемъ съ ними расплатиться за мужа, и пошли всѣ къ заключенному корабельщику и стали укорять его, говоря:

— Ты и твоя жена—самые безчестные люди. Ты разорилъ насъ и нарочно хотѣлъ приготовить намъ впереди такое самое положеніе, какое самъ нынче, по справедливости, терпишь, а жена твоя своимъ упорствомъ оскорбляетъ вельможу, и ты, вмѣсто того, чтобы ее образумить, еще и самъ отказываешь въ своемъ согласіи на такое незначительное дѣло, какое переносили не чета тебѣ именитые люди. Вѣдь ты не Абрагамъ и не Ицгакъ, о которыхъ изъ вѣка въ вѣкъ вспоминаютъ книги, а тѣ сами и жены ихъ покорялись обстоятельствамъ. Отвернись на короткій часъ къ стѣнѣ и вздохни, какъ бѣднякъ, и мимо тебя совершится все къ общему счастью: всѣ мы будемъ счастливы, и ты будешь на волѣ, и снова увидишь друзей въ своемъ домѣ и сядешь съ женою своей и съ дѣтьми на берегу моря въ тѣни сикоморы и на столѣ твоемъ будутъ ароматныя дыни, черноголовый зуй и розовый мормиръ. Дай же скорѣе свое согласье, чтобы твоя безумная Тенія покорилась вельможѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ѳалалей, — я не разорялъ васъ съ умысломъ и не буду счастливъ, достигнувъ свободы черезъ

позоръ чистой Тенiи. Можете томить меня, сколько хотите.

Купцы были разгнѣваны этимъ отвѣтомъ и закричали:

— Теперь мы еще яснѣе видимъ, что ты человѣкъ подлый и помышляешь только о себѣ объ одномъ, а до другихъ тебѣ нѣтъ дѣла! Ну, такъ не жди же и самъ для себя отъ другихъ ни малѣйшей пощады! Пусть съ тобой какъ можно суровѣе поступаетъ домшцикъ Тивуртiй. Пусть на тебя нападутъ всѣ недуги, живущiе здѣсь со дней Ирода.

Θалалей отвѣчалъ:

— Пусть все это будетъ, но непорочность же Тенiи мнѣ всего драгоцѣннѣе.

Послѣ этого раздосадованный Тивуртiй подкупилъ темничнаго стража Раввула, чтобы онъ не допускалъ Тенiю до свиданiя съ мужемъ, а самъ написалъ нѣкоторому своему знакомцу Сергiю, откупщику общедоступныхъ женщинъ въ Александрiи, чтобы тотъ скорѣе привезъ въ Аскалонъ нѣсколько красавицъ, умѣющихъ играть на арфахъ, пѣть нескромныя пѣсни и танцовать сладострастные танцы съ «искаиьемъ осы, залетѣвшей въ одежду».

Темничникъ Раввула первый исполнилъ то, чего желалъ отъ него Тивуртiй, и когда Тенiя приходила, чтобы видѣть мужа, онъ отбиралъ у нея пищу, ею приносимую, и передавалъ ее Θалалею, съѣдая самъ что было лучшее, а Тенiю отгонялъ отъ дверей. Когда же она садилась неподалеку отъ входа въ темницу и плакала, то Раввула порицалъ ее и говорилъ ей:

— Ты сама всему виновата: для чего ты больше всего гордишься своею чистотой? Это вѣдь значитъ, что ты себя одну только и любишь.

— Это неправда твоя, отвѣчала Тенiя.

— Какъ же неправда? Ты имѣешь возможность разлить ручьемъ счастье для многихъ, но для тебя ничего не стоитъ ихъ жажда. Хороша ты, дочь жреца Анубиса. Да покроешься ты тиной и плѣсенью, какъ источникъ, заглохшiй въ своемъ водоемѣ, а я сейчасъ войду и отягчу цѣпь на

рукахъ и ногахъ Оалалея и стану стегать его по голому тѣлу воловьею жилой.

Положеніе Теніи стало ужасно, а Раввула продолжалъ не допускать ее въ темницу и въ самомъ дѣлѣ надѣлъ вдвое болѣе тяжкія оковы на Оалалея и стегалъ его утромъ и вечеромъ жилой; но и послѣ этого и Оалалей, и Тенія все-таки еще оставались непреклонны. Столько силы для перенесенія бѣдствій они почерпали во взаимной любви другъ къ другу!..

Между тѣмъ подоспѣвалъ къ Аскалону на пестрой триремѣ женскій откупщикъ, александріецъ Сергій, котораго вызвалъ Тивуртій, и привезъ въ Аскалонъ тридцать красивыхъ и смѣлыхъ женщинъ, удивительно умѣвшихъ «искать осу» и показывать другіе, никогда еще здѣсь невиданные соблазны. Ихъ новизна и ихъ нестѣсненность должны были затмить Тенію и сдѣлать ее безполезною въ шатрахъ виноградныхъ, а съ этимъ вмѣстѣ для нея прекратится и всякій добытокъ. Да и Милій,—кто знаетъ?—можетъ увлечься «исканьемъ осы» и Теніи самой станетъ жалко, что̀ она упустила.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Когда Сергій александріецъ и его доступныя дѣвы высадились на берегъ у Аскалона, Тивуртій сказалъ темничнику Раввулу, чтобы онъ снова открылъ Теніи доступъ къ мужу въ темницу, а самъ въ тотъ же день ранѣе роздалъ всѣмъ содержащимся въ темницѣ невольникамъ хлѣбцы съ чернушкой и другими пряными зернами и сказалъ:

— Это вамъ посылаетъ великодушный Милій, архъ изъ Дамаска. Онъ бы еще больше хотѣлъ вашу облегчить участь и за многихъ изъ васъ далъ бы выкупъ, но онъ боленъ, томится и не можетъ придти сюда, чтобы васъ видѣть.

Колодники, принявъ свѣжіе хлѣбцы съ чернушкой и другими пряными зернами, спросили:

— Чѣмъ боленъ Милій?

Тивуртій имъ отвѣчалъ:

— Болѣзнь ему причиняетъ строптивость приходящей сюда жены Оалалея, которая не въ мѣру высоко о себѣ понимаетъ и не хочетъ исцѣлить вельможную душу.

Узники закричали:

— Пусть во вѣки живетъ доблестный Милій и пусть придетъ всякое зло на строптивую Тенію, жену разорителя многихъ, гордеца Оалалея.

И вдругъ такъ всѣ возненавидѣли Тенію, что цѣлый день вопіяли вокругъ Оалалея, а къ темничнымъ невольникамъ пристали и тѣ, которые пришли навѣщать ихъ, и всеобщее неудовольствіе на Тенію разнеслось по всему Аскалону. Особенно же проклинали Тенію и Оалалея обѣднѣвшіе черезъ потопленіе его кораблей. На другой день всѣ эти купцы и производители колесницъ и ковровъ пришли въ темницу къ Оалалею большою толпой и стали говорить ему:

— Внемли же намъ, Оалалей! не будь безразсуденъ, согласись на то, чего алчетъ уязвленный страстью Милій.

Отъ этой несносной докуки Оалалей томился хуже, чѣмъ отъ прежней неволи въ то время, когда темничникъ Раввула не допускалъ къ нему Тенію. Теперь хотя Тенія имѣла свободный доступъ къ мужу, но каждый приходъ ея въ темницу вызывалъ изъ всѣхъ угловъ смрадной ямы такіе вопли и укоры, что Оалалей и Тенія терзались ими и сами рѣшили, что имъ лучше здѣсь не видаться.

Замѣтивъ такой оборотъ, доимщикъ Тивуртій подошелъ еще съ одной стороны: онъ приступилъ къ Пуплія бабѣ, матери Оалалея, и сказалъ ей:

— Вотъ ты старая и опытная женщина, ты, конечно, не позабыла еще, какъ жили у насъ, въ Аскалонѣ, во время твоей молодости.

— Разумѣется, я это помню, отвѣчала Пуплія.

— Жены тогда почитали безчестіемъ только обманъ, но когда не было обмана, они жертвовали собой Анубису, хотя и знали, что, вмѣсто бога, ихъ приметъ въ свои объятія

смертный. Отецъ Тенін. жрецъ Полифронъ, не разъ, я думаю, совершалъ такія таинства.

— Да, и я помню эти продѣлки Полифрона надъ нами. Мы узнавали во тьмѣ, что не богъ насъ цѣлуетъ, а весьма страстный смертный, но стыдились о томъ говорить и молчали, а Полифронъ продолжалъ это и успѣшно совершилъ надъ многими, что ему выгодно было.

— Ну, вотъ, видишь! И все-таки вы, не смотря на это, остались хорошими и честными женщинами?

— Что же дѣлать. Мы примирялись съ тѣмъ, что было для насъ неизбѣжностью и дѣло кой-какъ обходилось.

— Вотъ только это и надо! Я радъ, что слышу отъ тебя такія разумныя рѣчи! Я зналъ, что, имѣя опытъ въ жизни ты непремѣнно имѣешь и здравый разсудокъ. Подумай же на что это похоже: сынъ твой томится въ смрадной темницѣ, гдѣ онъ сгніетъ, а межъ тѣмъ отъ жены Оалалея зависитъ, чтобы онъ получилъ свободу и чтобы вамъ воротилось все ваше имѣнье.

— Можетъ ли быть? Отъ этихъ словъ твоихъ у меня замираетъ мое старое сердце и слезы клубкомъ подкатываются у меня къ горлу. Разскажи же мнѣ: что для этого надо сдѣлать?

Тивуртій разсказалъ объ исканіяхъ Милія и объ упорствѣ Тенін: старая Пуплія всплеснула руками и начала горестно плакать и ворчать:

— Для чего... о для чего это уже не совершилось втайнѣ?

Тогда Тивуртій ей продолжалъ:

— Я былъ увѣренъ, что ты это скажешь! Всякая умная женщина, на мѣстѣ Тенін, давно бы такъ и совершила, а не поставила бы свою гордость въ такомъ случаѣ выше, чѣмъ счастье семьи. Умная и добрая женщина, конечно, предпочла бы лучше сама немножко поплакать, но за то отереть слезы другихъ, кого любитъ. Не правда ли?

— Правда, отвѣтила Пуплія.

— Такъ помогай же мнѣ сдѣлать умное дѣло. Ты вѣдь мать Оалалея, ты баба внучковъ своихъ Вирины и Витта,

маленькихъ, бѣдныхъ дѣтей... Подумай, что ждетъ ихъ? Галалей истомится и умретъ, — его источитъ закожный червь въ темницѣ, дѣти возрастутъ безъ ученія и ты умрешь безъ пріюта, а стройное тѣло твоей гордой Тенін согнется, и лицо ея поблекнетъ и никто на нее не захочетъ смотрѣть... Тогда она сама пожалѣетъ о томъ, что теперь отвергаетъ, и проклянетъ свою гордость. Быть можетъ, даже сама когда-нибудь станетъ за пологъ шатра и будетъ трогать за локти проходящихъ незнакомцевъ и смотрѣть на нихъ подкрашенными глазами, загиная свои руки за шею, но это будетъ напрасно и она не продасть никому за серебренникъ то, за что нынче готовъ осыпать ее златницами милосердый вельможа. О, будь милосердна къ своимъ и къ чужимъ, умная Пуплія, заставь скорѣе Тенію ловить быстролетящій часъ, пока молодая кровь дѣлаетъ Милія безумцемъ. Теперь онъ рабствуетъ прихоти своего сердца и готовъ на все, лишь бы ему не отъѣхать въ Дамаскъ, не извѣдавъ кроткой ласки отъ Тенін; но этотъ жаръ можетъ потухнуть и другого такого случая уже не будетъ, а если онъ пропадетъ, то и тебѣ, и всѣмъ намъ послѣ того навсегда будетъ ненавистна проклятая гордость твоей невѣстки.

Пуплія молчала, глядя вдаль померкнувшими глазами, изъ которыхъ на ея сгорѣвшія отъ зноя щеки лились обильныя слезы, Тивуртій взялъ ее ласково за руки и закончилъ:

— Слезы твои, старуха, самого меня трогаютъ, но и утѣшаютъ: я вижу, что ты не ставишь счастье другихъ ни во что, какъ дѣлаетъ Тенія, и, навѣрное, направишь мысли Тенін къ тому, чтобы не считать свою чистоту большимъ благомъ, чѣмъ счастіе многихъ.

Тутъ Пуплія баба вздохнула и отвѣчала:

— Слова твои, Тивуртій, страшно остры и ѣдки: тяжело мнѣ слышать, но ты отгадалъ: я согласна съ тобою и буду уговаривать Тенію, чтобы она не считала свою непреклонность за добродѣтель, потому что страданія наши слишкомъ несносны.

Домицикъ Тивертій еще похвалилъ Пуплію и отошелъ, довольный своимъ первымъ успѣхомъ, и отправился въ виноградные сады, гдѣ теперь раскинуты были небольшіе шелковые шатры и въ нихъ размѣщались стройныя, разноцвѣтныя дѣвушки, привезенныя Сергіемъ изъ Александріи. Старцы Аскалона собирались смотрѣть этихъ красавицъ, разсуждали объ ихъ прелестяхъ и пили вино, въ которомъ плавали головки гвоздики; а Пуплія, какъ только дождалась возвращенія Теніи, положила ея усталую голову на свои колѣни и начала распускать мелкія плетенія ея волосъ, склеенныхъ вишневымъ клеемъ, и начала умолять ее сжалиться надъ страданіемъ семейства.

— Что же ты хочешь? спросила ее Тенія.

Пуплія припала къ уху невѣстки устами и прошептала:

— Иди къ вельможѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Услышавъ такія слова отъ матери своего мужа, Тенія ужаснулась и отвѣчала ей:

— Отъ тебя ли о, Пуплія, могла я это услышать? Ты вѣдь мать Оалалея и должна бы поддержать мою твердость и вѣрность супругу, а ты сама кладешь ножъ въ мои руки и посылаешь меня убить въ себѣ мой женскій стыдъ и добродѣтель супруги. Послѣ этого я не должна тебя слушать.

Пуплія же ей отвѣчала:

— Ахъ, твердость и вѣрность прекрасны, но горе слишкомъ несносно. Если бы ты жила въ прежнемъ довольствѣ, я никогда бы тебѣ такихъ словъ не сказала, но когда всѣхъ насъ ждетъ гибель, а ты можешь спасти насъ, то я говорю: спаси насъ, о, Тенія!.. О, Тенія, Тенія! спаси насъ своею красотой!

И старая Пуплія упала передъ ней на колѣни и покрыла своими сѣдыми волосами ея ноги.

— Но вѣдь я люблю своего мужа и моя вѣрность для

него дороже всякаго счастія, какое могу я купить этою цѣной.

— Развѣ я тебѣ говорю, чтобы ты его не любила?... Но ради этихъ дѣтей, которыхъ ждетъ доля презрѣнныхъ и нищихъ, если они тебѣ дороги, тебѣ должно быть не трудно принести себя въ жертву.

— Не трудно... О боги! это ли должна я услышать?

— «Не трудно»—я говорю потому, что и я, и другія, которыхъ я знала, тоже любили и также имѣли стыдливость, но подавляли все это въ себѣ, когда надобно было, въ честь Діониса и богини Изиды.

Пуплія еще понизила голосъ и продолжала шопотомъ:

— У жрецовъ въ храмѣ Изиды былъ чудесный напитокъ... Онъ вовсе безвреденъ... отъ него только послѣ... день или два немножко болитъ голова. Очень немножко... Я видѣла, какъ его дѣлали изъ маленькихъ голубыхъ грибовъ... этотъ напитокъ, отнимающій память... И въ немъ еще есть одно чудное свойство... Испивши его, ощущаешь объятья и ласки того, къ кому сердце согрѣто любовью... Я знаю, гдѣ находить этотъ маленькій губастый грибокъ, и его нашла уже и утомила его въ горшечкѣ... Онъ уже выпустилъ сокъ свой, туманящій память... Ты будешь въ туманѣ сладостно грезить до самаго утра, а утромъ чуть-свѣтъ я сама приду за тобою къ дверямъ Милія, ты передашь мнѣ золото и я побѣгу выкупить изъ неволи Ѳалалея, а ты пойдешь къ морю, погрузишься вся въ его волны, и, освѣженная, придешь домой, встрѣтишься съ мужемъ и любовныя мечты прошлой ночи станутъ для васъ дѣйствительностью.

— Что говоришь ты? что ты говоришь? воскликнула Тенія.—Неужели все это по-твоему можно?

— Безъ сомнѣнія, можно, отвѣчала, кивая головою, Пуплія, и еще разъ помянула все, что приводилъ ей на память культъ богини Изиды, и заключила вновь утѣшеньемъ, что сокъ изъ грибка, отводящаго память, спасетъ ее отъ всего, что можетъ помѣшать несмущенной искренности ея чувствъ къ освобожденному мужу.

На это Тенія уже ничего не нашлась отвѣтить: она только собрала горстями напередъ всѣ свои волосы и, закрывъ ими стыдомъ горящее лицо, застонала, произнося среди слезъ:

— О, я несчастная! До чего меня хотятъ довести всѣ людскіе совѣты! Я уже не въ въ силахъ понять, какъ мнѣ должно поступать, но мой стыдъ и любовь говорятъ, что я не должна согласиться на то, чему ты меня учишь.

— Грибокъ, отбивающій память, отведетъ въ сторону стыдъ.

— Да, дай мнѣ, дай скорѣе этого сока, отводящаго память, чтобы я могла позабыть то, что̀ я отъ васъ слышу. Во мнѣ мѣшается смыслъ: я погибаю оттого, что начинаю не узнавать, гдѣ лежитъ настоящій путь моихъ обязанностей.

— Если любишь себя больше всѣхъ, тѣшь свой обычай, а если любишь Ѳалалея и дѣтей—пожертвуй имъ своею гордыней и отвѣдай грибка, отводящаго память.

— Я люблю Ѳалалея и потому-то я и хочу сохранить себя непорочной; но ты его же любишь и требуешь отъ меня, чтобы я для него согласилась войти къ постороннему мужчинѣ и остаться съ нимъ подъ вліяніемъ напитка, отводящаго память. Какъ же это, и одно, и другое—внушаетъ любовь! Которая-жъ любовь истиннѣе и больше?.. Я дохожу до безумія! Просвѣтите мой умъ, старые или новые боги!

— Всякій скажетъ тебѣ, отвѣчала Пуплія,—что та любовь больше, которая сама о себѣ не думаетъ. Мать любитъ больше жены!

— Больше!.. О нѣтъ! Никогда! никогда!—воскликнула, стягивая себѣ горло волосами Тенія, и съ этимъ она встала, взяла свою арфу и пошла къ виноградникъ шатрамъ, гдѣ еще надѣялась получить что-нибудь за свое пѣніе отъ корабельщиковъ. Но ее ждалъ здѣсь новый ударъ: дѣвы Египта дѣлали излишнимъ здѣсь полное грусти пѣніе Тенія.

А въ то самое время какъ Тенія ушла изъ-подъ своего

шалаша, къ Пуплін пришелъ Тивуртій и сталъ ее разспрашивать: удалось ли ей сбить Тенію? Пуплія ему разсказала все вплоть до послѣднихъ словъ: «Никогда, никогда!» но Тивуртій этимъ нимало не смутился и отвѣчалъ сквозь улыбку:

— Ахъ, почтенная Пуплія, развѣ ты позабыла, что всѣ влюбленные люди глупы, а ты не ослабѣвай и все стой на своемъ». Такъ капля долбитъ камень и въ древности нѣкій мудрецъ подтвердилъ это примѣромъ. Онъ имѣлъ споръ съ человѣкомъ, который былъ глупъ и упрямъ, и сказалъ: «никогда». Никогда—это глупое слово и мудрецъ отвѣчалъ: «Никогда не должно говорить никогда». Продолжай свое и ты восторжествуешь.

— А я не надѣюсь,—отвѣтила Пуплія. Тенія слишкомъ чиста, какъ камень бѣлильный.

— Камень бѣлильный! Что за бѣда—почернѣетъ и камень бѣлильный, если тихо, но долго по немъ ударять и всегда въ одно мѣсто. Она тебя уже слушаетъ, это прекрасно: лишь бы только бѣлое стало немножечко темнѣть, а потомъ оно будетъ и синимъ, и желтымъ, и чернымъ. «Никогда не надо говорить никогда». А надо вотъ что,—добавилъ онъ, склонясь къ уху старухи,—надо спѣшить, чтобы Милію не наскучило ждать, и чтобы онъ съ досады не открылъ судъ надъ Анастасомъ и не отбылъ въ Дамаскъ, прежде чѣмъ Тенія скажетъ ему: «часъ благосклоненъ».

Пуплія дала Тивуртію обѣщаніе быть неотступною въ своихъ требованіяхъ у Теніи и поклялась ему жизнью своею и жизнью внучатъ Випины и Витта, и Тивуртій, добившись этого, пошелъ пировать въ шатры Эпимаха, гдѣ въ вечерней прохладѣ должны были показать себя въ соблазнительномъ видѣ привезенныя Сергіемъ дѣвы Египта. Поясъ Тивуртія на всякій случай былъ полонъ блестящими златницами и тутъ же былъ маленькій мѣшочекъ съ головками ароматной гвоздики, производящей волненіе крови.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Истерзанная разговоромъ съ свекровью, Тенія шла хорошо знакомымъ путемъ къ виноградникамъ Эпимаха. Она гнулась подъ тяжестью арфы, шла спотыкаясь и не видя подъ собою дороги отъ слезъ. Тенія тяжко страдала и думала: «Какъ я могу теперь пѣть послѣ столькихъ тревогъ и терзаній? Какія сложу я слова и гдѣ найду въ груди моей голосъ?» Но когда она вошла въ виноградный садъ, то увидала, что ей здѣсь нѣтъ ужъ и мѣста. Садъ былъ полонъ народа—здѣсь собрались теперь не одни мореходцы, а были и цвѣтущіе юноши, и многолѣтніе старцы изъ самыхъ почетныхъ людей въ Аскалонѣ. Одни выставлялись на видъ, а другіе лежали въ кустахъ и оттуда пожирали взорами нубійскую дѣву, которая стояла на одномъ мѣстѣ среди другихъ такихъ же подругъ, возлегшихъ кругомъ ея цвѣтною гирляндой. Всѣ онѣ были красивы,—брови ихъ были тонко сложены и выведены въ полукружье, вѣки подчернены, груди открыты, на шеяхъ шевелились и тихо рокотали сухія, коричневыя зерна, а ладони рукъ и подошвы ногъ окрашены красною краской... Казалось, какъ будто изъ нихъ шелъ огненный токъ и самой землѣ отъ нихъ дѣлалось знойно .. Поэзія словъ и томная арфа были ненужны въ этомъ собраньѣ—и безъ арфы всѣ были увлечены тѣмъ, что дѣлали: всѣ сидящія въ кружокъ египтянки что-то совсѣмъ тихо пѣли, подражая жужжанію летающаго насѣкомаго,—хозяинъ танцовщицъ Сергій также тихо подыгрывалъ имъ на однострунномъ ребабѣ; а танцовщица, стоявшая въ срединѣ круга подругъ, содрогалась, безпокойно отгоняя то съ той то съ другой стороны подлетающую къ ней осу... Жужжаніе усиливалось, всѣ чувствовали, какъ досадительно привязчивая оса кружила все ближе, и, наконецъ, впуталась въ легкія одежды мимистки... Она вспрыгнула, изобразила испугъ, отъ котораго всю ее судорожно повело, и ея нервность сообщилась всѣмъ другимъ женщи-

намъ,— онѣ привстали и замахали руками, сжимая въ нихъ маленькія кастаньеты, которыя хрустѣли какъ кости... Оса все ныряла изъ одежды въ одежду, и женщины, изгибаясь всѣмъ станомъ, такъ трепетали, боясь укушенія осы, что ихъ огненныя пятки и пальцы ногъ вертѣлись подобно волчку, сливаясь въ одну огненную точку, межъ тѣмъ какъ дѣвушки поспѣшно срывали съ себя легкій покровъ за покровомъ, пока явились передъ всѣми совершенно нагія... Въ это же мгновенье изъ куста или съ лодки у берега моря раздался тонкій звукъ дудки лодочника, вмигъ погасли огни, а съ нимъ у всѣхъ разомъ затмилась стыдливость и обняла все налетѣвшая тьма изъ Египта...

Къ Тенiи въ этой тьмѣ подошелъ Сергій, грубо взялъ ее за плечи и, толкнувъ ее въ спину, сказалъ ей:

— Удаляйся отсюда!— и, сорвавъ съ ея плеча многострунную арфу, онъ бросилъ ее о пень сикоморы и арфа разбилась.

Тенiи стало нечѣмъ питать заключеннаго мужа и Вирину, и Витра, и Пуплiю бабу. Такъ для нея насталъ день, когда всѣ они съ утра до ночи остались вовсѣ безъ пищи.

Въ этотъ день Тенiя пришла навѣстить мужа съ пустыми руками. Супруги, обнявши другъ друга, сидѣли въ темницѣ въ глубокомъ унынiи, но этимъ не кончились ихъ муки. Тенiя напрасно закрывала уши, чтобы не слышать укоровъ, которые ей со всѣхъ сторонъ выкрикивали грубые невольники, помогавшiе Тивуртiю за раздачу имъ хлѣбцевъ съ чернушкой. Тенiи не надо было разсказывать Ѳалалею, какъ ухудшилось ихъ положенiе: онъ самъ все понималъ и тихо сказалъ женѣ:

— Я чувствую довольно твердости, чтобы умереть съ голоду, но ты будь вольна надъ собою: я больше не смѣю сказать ничего о тебѣ самой и о несчастныхъ Виринѣ и Виттѣ. Испробуй послѣднее: пошли ихъ самихъ просить подаянiя; Виттъ и Вирина красивы, а мать моя Пуплiя такъ стара, что отъ нея уже пахнетъ могилой; когда они сядутъ втроемъ на пути къ Газѣ или къ Азоту и протянутъ

свои руки, то, навѣрное, ихъ пожалѣютъ и бросятъ имъ зеренъ или хоть мертвую рыбу.

— Напрасно думать объ этомъ, отвѣтила Тенія.—все это уже испробовано: я ихъ уже посылала, но никто ничего имъ сегодня не подалъ, всѣ боятся архонта и въ угоду ему надъ дѣтями смѣялись и говорили Виринѣ: «Кляни свою мать, зачѣмъ она васъ не жалѣетъ». Тоже и мать твоя Пуплія,— отъ которой ужъ пахнетъ могилой, но и она съ тѣхъ поръ, какъ я возвратилась съ пустою корзиной безъ хлѣба, проклинаетъ меня и понуждаетъ продаться вельможѣ.

При этомъ открытіи Оалалей разорвалъ на себѣ свои лохмотья и сказалъ:

— Я не хочу ничего больше слышать! Не мучь меня, дѣлай что можешь. Вонъ входитъ темничникъ Раввула. Темница сейчасъ будетъ закрыта.

Тенія встала и вздрогнула, потому что въ это мгновеніе въ сторонѣ темной впадины, гдѣ сидѣлъ злодѣй Анастасъ, вдругъ загремѣли всѣ его пять цѣпей и къ ногамъ Теніи что-то упало.

Тенія нагнулась, чтобы поднять упавшій предметъ и нашла два хлѣбца съ черпушкой. Тенія тихо спросила:

—Кто ты, сострадательный человѣкъ, который два дня не ѣлъ свои подаянные хлѣбцы и отдаешь ихъ несчастной? Скажи, какой вѣры ты, чтобы я могла молить за тебя твоего бога?

— Не вспоминай моего имени богу, отвѣчалъ ей грубый голосъ Анастаса,—я не вѣрю никакимъ дѣтскимъ сказкамъ, но ты надорвала мнѣ сердце своимъ тяжкимъ горемъ—въ томъ только и дѣло! Уходи и дай своимъ дѣтямъ по хлѣбу.

Тенія не имѣла времени ему отвѣчать и хотѣла удалиться, но Оалалей, какъ волкъ, защелкалъ зубами и, вырвавъ у нея хлѣбцы, сталъ пожирать ихъ съ ужасной жадностью.

Тенія закрыла руками глаза и убѣжала, чтобы не видать, до чего страшный голодъ довелъ Оалалея... Ей стало страшно, чтобы самъ мужъ не попросилъ ее вынить настоя грибка,

отводящаго память, и идти къ Милію съ ласковымъ зовомъ. «часъ благосклоненъ».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Это былъ вечеръ. Тенія вышла за дверь темницы, но стала въ раздумьѣ. Прямѣе всего Теніи было идти къ ея дѣтямъ, но придти къ нимъ съ пустыми руками значило только усилить ихъ муки. Притомъ она избѣгала укоровъ обезумѣвшей Пуплін, которая проклинала невѣстку и въ старческомъ бредѣ вопила:

— Гдѣ моя прежняя красота! Проклятье, зачѣмъ я стара и безобразна! О, если бы я понадобилась хоть чудовищу, которое живетъ въ зеленой пучинѣ моря, я бы не остановилась ни передъ чѣмъ, лишь бы только избавить милаго сына и дѣтей его отъ страданія! Проклятье себялюбивой Теніи!

Теніи невольно приходило на мысль: если такъ твердятъ всѣ и такъ чувствуетъ и учитъ ее старая Пуплія, да и самъ Θалалей, истомясь, сталъ ей говорить, что онъ съ нея не снимаетъ воли, то, въ самомъ дѣлѣ, права ли она, охраняя свое цѣломудріе съ непреклоннымъ упорствомъ? Вотъ теперь холодныя и голодныя дѣти Виттъ и Вирина томятся съ стынущею бабкой, а она, мать, даже не смѣетъ къ нимъ показаться. Ей нѣтъ и пріюта подъ крышей, а ночь холодна и по всему Аскалону вдругъ распространилось неожиданное безпокойство. Милій, кажется, сдѣлалъ большую ошибку—онъ слишкомъ долго замедлилъ судить и всенародно казнить Анастаса. Пришли вѣсти, что разбойники изъ Анастасовой шайки успѣли поправиться, собрались и рыщутъ вокругъ Аскалона. Вчера и сегодня они опять уже многихъ ограбили и убили двухъ путниковъ, шедшихъ по дорогѣ къ Азоту и къ Газѣ. Встревоженные этимъ, аскалонцы считали возможнымъ, что ободрившіеся разбойники, при чьей-нибудь тайной помощи, проберутся, переодѣтые, въ самый городъ Аска-

лонъ, нападутъ на темницу, выбьютъ дверь и уведутъ Анастаса, котораго одно имя внушало всѣмъ содроганье. Темничникъ Равулла не ручался, что большой деревянный замокъ на дверяхъ темницы можетъ устоять передъ силой многихъ отчаянныхъ людей, которые станутъ напирать на двери, и онъ просилъ аскалонскихъ старшинъ, безпечно слѣдившихъ въ это время за тѣмъ, какъ подъ жужжанье и звуки кастаньетокъ ловятъ осу привезенныя египтянки, и сѣлъ на ночь у двери темницы. Милій спохватился, но поздно: онъ велѣлъ, чтобы съ самыхъ сумерекъ до утра запирали ворота Аскалона и чтобы по городу каждый часъ ночи посмѣнно ходили дозоры. Эти дозоры должны были брать всѣхъ, кто ненадеженъ или возбуждаетъ сомнѣніе, все равно — будетъ ли то христіанинъ, или язычникъ. А какъ христіанамъ казались подозрительными всѣ нехристіане, а язычники съ подозрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ христіанъ, то при встрѣчѣ дозоровъ съ кѣмъ бы то ни было изъ запоздалыхъ на улицахъ и городскихъ пустыряхъ впотьмахъ происходили ссоры и схватки. Побоища эти часто сопровождались ранами и увѣчьями, а для женщинъ, кромѣ того, еще и насиліями. Въ эту пору въ Аскалонѣ всякій почиталъ въ правѣ на сожалѣніе только своего единовѣрца, а человѣка чужой вѣры считалъ достойнымъ пренебреженія и не оказывалъ ему снисхожденія.

Очутившись въ темнотѣ на улицѣ, Тенія все это вспомнила и содрогнулась. Положеніе ея было исполнено такого отчаянія, что если бы въ эту минуту возлѣ нея очутились отрокъ Евлогій или Тивуртій-домницкъ, то, быть-можетъ, она имъ сказала бы: «Вы побѣдили, я готова идти, къ кому вы хотѣли меня отвести». Но, по счастію, людей этихъ не было здѣсь, они вмѣстѣ съ другими смотрѣли, какъ ловятъ осу, и Тенія оставалось выбрать между двумя опасностями: подвергать себя встрѣчѣ съ дозорами, которые могли настичь ее гдѣ-нибудь на городскихъ пустыряхъ, или же поспѣшить выбѣжать за городскія ворота и ноче-

вать въ травѣ оливковой рощи, среди которой было кладбище. Она выбрала послѣднее: ей лучше казалось провести ночь въ тишинѣ кладбища, и, къ тому же, въ умѣ ея пробудилось заложенное тамъ съ дѣтства суевѣріе: у людей языческой вѣры, въ которой выросла Тенія, было въ обычаѣ, при большихъ недоумѣніяхъ, вопрошать кости мертвыхъ. Тенія быстро пошла за городскія ворота къ оливковой рощѣ, съ намѣреніемъ отыскать на кладбищѣ, въ песчаной долинѣ, одну могилу, изъ которой торчалъ наружу провѣщательный черепъ, и вопросить: какъ онъ ей скажетъ—она такъ и поступитъ. Всѣ живые ее осуждаютъ, всѣ говорятъ, что не тотъ ключъ благодѣтеленъ, который хранитъ свою чистую воду въ своемъ водоемѣ, а тотъ, который разбѣгается далеко потокомъ и поитъ всѣхъ, кого томитъ жажда. Всѣ эти доводы мутятъ въ ней ясность сознанія, она сама не вѣритъ себѣ, что поступаетъ какъ должно.

— О, скорѣе, скорѣе, я пойду — вопрошу кости мертвыхъ!

И Тенія быстро понеслась по темнымъ полямъ къ оливковой рощѣ, сокрывавшей кладбище.

Разбойниковъ, бродившихъ вокругъ Аскалона, по дорогамъ къ Азоту и Газѣ, она не боялась. Почему они ей не казались страшны, — въ этомъ она себѣ не давала отчета. Не Анастасъ ли одинъ изо всѣхъ въ аскалонской темницѣ сберегъ и отдалъ ей для дѣтей ея поданные хлѣбцы съ чернушкой? Къ тому же, на ней нѣтъ ни затканныхъ золотомъ тканей, ни цѣпей, ни браслетъ, ни драгоцѣннаго пояса,—одежды ея бѣдны и просты, съ нея нечего взять. Во всемъ остальномъ разбойники ей не казались опаснѣй, чѣмъ Милій, Тивуртій, Раввула-темничникъ и даже сама свекровь ея, Пуплія, и, наконецъ, даже самъ Θалалей, потому что и онъ, истомившись, сталъ алченъ, какъ волкъ, и началъ говорить ей такое, отчего ей до сихъ поръ страшно.

Теперь вся забота для Тенін заключалась въ томъ, чтобы

она въ темнотѣ не сбилась между множества тропъ и нашла бы тропинку къ оливковой рощѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Тенія безпрестанно наклонялась, разсматривая тропинки, и не сбилась съ дороги: она благополучно дошла до оливковой рощи, но едва вошла въ нее, какъ увидала въ купѣ деревьевъ сверкавшій огонь отъ костра. Она притаилась и стала разсматривать, что можно увидѣть при этомъ огнѣ, и вскорѣ увидала двухъ человѣкъ, въ которыхъ сейчасъ же узнала разбойниковъ. Оба они были совсѣмъ голы и грѣлись у огня, а возлѣ нихъ были приставлены у деревьевъ ихъ копья съ наостренными наконечниками, на блестящей поверхности которыхъ отражалось пламя. Тенія колебалась — идти ли ей впередъ, или притаиться, но чуткій слухъ разбойниковъ подсторожилъ ея приближеніе и они оба вскочили, бросились къ дереву, за которымъ она укрывалась, схватили ее за руки, начали угрожать ей, что бросятъ ее на то раскаленное мѣсто, гдѣ горѣлъ ихъ костеръ, и подвергнутъ ее пыткѣ.

— Для чего же меня пытать?—отвѣчала Тенія.—Я сама разскажу вамъ, кто я и куда иду, и какъ я несчастна.

И она имъ все разсказала и не промолчала о томъ, что получила кусокъ хлѣба отъ Анастаса.

Слушая разсказъ Тенін, оба разбойника задумались и потомъ сказали:

— Мы за тебя отомстимъ,—мы два брата и оба разбойники—насъ обоихъ изнищилъ Тивуртій.

Тенія имъ отвѣчала, что она не желаетъ отмщенія, а если имъ ея жалко, то она проситъ ихъ проводить ее къ кладбищу и помочь разыскать ту могилу, изъ которой выдается наружу провѣщающій черепъ.

— Вы здѣсь скрываетесь и бродите, — навѣрное вы его замѣтили. Къ нему ходятъ вопрошать его тѣ, чье горе превосходитъ терпѣніе и омрачаетъ разсудокъ.

Разбойники, услыхавъ эту просьбу, такъ страшно расхохотались, что имъ отвѣтило лѣсное эхо, и суевѣрная Тенія испугалась и, схвативъ разбойниковъ за руки, сказала имъ:

— Вы были добры ко мнѣ до сихъ поръ, — не пугайте же меня теперь вашимъ страшнымъ смѣхомъ. Скажите мнѣ, видѣли вы или нѣтъ провѣщательный черепъ?

— Да, мы его видѣли, но не знаемъ, осталось ли отъ него что-нибудь послѣ насъ на поглядѣнье другимъ.

И разбойники несвязно и нескладно передали Тенію, что они днемъ ходили на кладбище, чтобы пошарить въ могилахъ, нѣтъ ли на какихъ-нибудь мертвецахъ закопанныхъ драгоцѣнныхъ уборовъ... И кое-чѣмъ они нашли поживиться, но за то и поплатились испугомъ, какого въ ихъ храбромъ званіи допустить надъ собой недостойно.

— Мы, говорятъ—замѣтили между острыхъ камней слѣды человѣческихъ ногъ и сказали себѣ: не мертвецъ же вѣдь этою дорожкой ходитъ! Пойдемъ-ка, посмотримъ. Если тамъ эти кости, къ которымъ глупые люди приходятъ, чтобы ихъ о чемъ-нибудь спрашивать, такъ тамъ должны быть накиданы деньги. Пошли и нашли тамъ что-то такое, что торчитъ наверху, точно ёжъ. Стали смотрѣть: это—черепъ, весь сухою кожей обтянутъ и пылью засыпанъ. Братъ говоритъ: «Подними его; подъ нимъ должны быть монеты». Я его сталъ поднимать, но черепъ не поднимался... Я говорю брату: «Смотри-ка, онъ чѣмъ то прикрѣпленъ». Братъ говоритъ: «Покачай». Я его покачалъ... Онъ качается, а все-таки остается на мѣстѣ, да и мнѣ что-то страшно за него трогаться, потому что онъ изъ могилы торчитъ... А братъ говоритъ: «Экая глупость! Какой же ты послѣ этого разбойникъ? Толкай его хорошенько изо всей силы направо и налѣво, — заверти винтомъ навкругъ и дерни — онъ оторвется». Я не хотѣлъ унизить себя въ глазахъ брата и сдѣлалъ какъ онъ мнѣ сказалъ, и черепъ свернулся на бокъ, но прочь не оторвался. Тогда братъ нагнулся вмѣстѣ со мною и говоритъ: «Ну, давай потянемъ вдвоемъ»,—и какъ потянули, такъ и упали, а въ рукѣ у каждаго осталось по

шматку сухой, сморщенной кожи.—похоже какъ древесная губка. Братъ посмотрѣлъ и говоритъ: «Это мы ему уши сорвали». Оба мы испугались чего-то и оба стали къ нему пригинаться и въ него вглядываться.

— Ну, говори же,—зачѣмъ ты остановился?

— Я остановился за тѣмъ, что я послѣ того былъ хорошо пьянъ, а мнѣ все-таки еще жутко... А у этого черепа были глаза!

— Не сгнили еще?

— Нѣтъ. Это были живые глаза, — они были подняты къ небу и прямо глядѣли на солнце.

— На солнце глядѣть невозможно... только праведный, только святой взираетъ на солнце.

— Ну, такъ, можетъ быть, это и есть святой или, по крайней мѣрѣ, онъ *былъ* такой сегодня утромъ.

— Что же еще вы ему сдѣлали?

— Мы ему ничего больше не сдѣлали: мы убѣжали, но... впрочемъ, если *онъ* тебѣ нуженъ...

— Ахъ, онъ мнѣ нуженъ!

— Такъ мы тебя къ нему проводимъ.

Тенія ихъ поблагодарила, а разбойники взяли изъ-подъ корня стараго дерева по большой свѣтящей гнилушкѣ и пошли черезъ темную чащу и привели Тенію на кладбище къ тому мѣсту, гдѣ, въ темномъ рвѣ, среди каменной осыпи, была не то человѣческая могила, не то дождевой прососъ или рытвина, а когда разбойники стали водить надъ поверхностью его свѣтящеюся гнилушкой, то и они, и Тенія стали различать что-то едва замѣтное и не имѣющее ни формы, ни вида, но страшное. Возможно, что это былъ ёжъ, а можетъ быть и голова человѣка. Не разобрать, на что больше это похоже, но на самомъ дѣлѣ это была голова, вся обшитая шкурою какого то звѣря. Въ обшивкѣ прорѣзы для глазъ, а надъ устами свѣсились грязныя космы.

— Это, навѣрное, тотъ, кого тебѣ нужно, сказали разбойники,—и мы тебѣ не будемъ мѣшать съ нимъ говорить.

Разбойники удалились, а бѣдная Тенія осталась одна и

позабыла слова, въ которыхъ хотѣла сказать вопрошеніе. Это такъ переполнило мѣру ея страданій, что она зарыдала и упала на камни, коснувшись лицомъ своимъ того, что считала за черепъ, и сразу же слухъ ея уловилъ какіе-то звуки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ могилѣ былъ не мертвецъ, а въ ней жилъ христіанинъ, аскетъ и молчальникъ, старецъ Ософуфій. Онъ родился язычникомъ, потомъ сдѣлался христіаниномъ, а потомъ, по мнѣнію многихъ, омрачился въ разсудкѣ,—онъ кинулъ домъ, возненавидѣлъ плоть и заботы о жизни, закопалъ себя въ яму и молчалъ. Уже нѣсколько лѣтъ онъ ни однимъ звукомъ не нарушилъ своего обѣта молчанья. Онъ молчалъ, когда рвали его голову братья-разбойники,—молчалъ и тогда, когда Тенія рыдала надъ его головою, не имѣвшей ни формы, ни вида; но когда Тенія, совсѣмъ ослабѣвъ, упала и перестала плакать, обѣтъ его разрѣшился совсѣмъ мимовольно: Ософуфій-молчальникъ сталъ бредить... Это случилось въ часъ передъ разсвѣтомъ, когда въ воздухѣ пронесло утреннею свѣжестью и за камнями кладбища въ колючей травѣ чирикнула робкая птичка. Тенія ободрилась, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, ей показалось, будто все стало бредить. Можетъ быть и она тоже бредила. Ей казалось, что этотъ ёжъ, эта голова, обшитая звѣриною кожей, шевельнулась... вотъ въ ней подъ нависшею кожей что-то шумитъ, подобно движенію птицы, шевелящейся въ листьяхъ. Тенія затрепетала отъ страха и не трудно понять, сколько ужаса должно было заключаться въ этомъ для нея, которая не знала, что это закопанъ въ землѣ молчальникъ Ософуфій, а думала, что видитъ передъ собою мертвый черепъ. И вотъ мертвый черепъ вѣщаетъ. Тенія слушаетъ. Вначалѣ невнятно... все птица шевелится. Молчальникъ отвыкъ говорить членораздѣльно. Но вотъ изъ устъ его, завѣшенныхъ звѣриною шерстью, начинаютъ слышаться звуки, похожіе на человѣческій голосъ. Можно понять, что онъ бредитъ извѣстною восточною притчей о двухъ мыш-

кахъ, бѣлой и черной, которыя точатъ вѣтку, торчащую изъ стѣны страшнаго обвала. На этой вѣткѣ виситъ человѣкъ... внизу подъ нимъ пропасть, надъ его головою другая—безпредѣльное небо... Бѣлая и черная мышь все, чередуясь, точатъ... вѣтка лопнетъ... человѣкъ оборвется въ темную пропасть... Сердце сжалось... руки слабѣютъ... тошно... оставили силы... сейчасъ упадетъ... Мыши все другъ дружку смѣняютъ... все точатъ...

Птица совсѣмъ будто проснулась, она уже не шевелится въ густолиственныхъ вѣтвяхъ... она расправила крылья и выпорхнула на волю: слова становятся явственны.

— Вверхъ, вверхъ надъ собою гляди! восклицаетъ молчальникъ и продолжаетъ тише:—нѣтъ края здѣсь и нѣтъ края тамъ, но внизъ глядѣть тошно,—вверху освѣжаетъ...

Тенія слушаетъ; онъ продолжаетъ:

— Ключъ студеной воды бьетъ у предгорья... Струи его прозрачны и свѣжи... пустыня вокругъ... зной... полдень... Кто-то несчастный бредетъ. Это воинъ усталый... Онъ видитъ воду, прильнулъ и утолилъ свою жажду... Зачѣмъ онъ такъ пилъ? охлажденная голова его вмигъ отуманилась... Воинъ боится чего-то... онъ бѣжитъ, онъ даже оставилъ здѣсь наполненный золотомъ поясъ... Приближается юноша... и его томитъ зной, и онъ чувствуетъ жажду... Пьетъ... Забираетъ поясъ съ золотомъ и уходитъ... Тащится медленно старецъ... зной опалилъ и его... Старецъ тоже напился и здѣсь опочилъ... Горный источникъ! зачѣмъ ты поилъ ихъ?.. Воинъ хватился, гдѣ его поясъ и гдѣ его золото... Воинъ мчится назадъ, потрясая мечомъ... «Старецъ,—кричитъ онъ,—старецъ проклятый! подай мое золото!» Старецъ не бралъ его золота,—старецъ невиненъ... Воинъ не внемлетъ... Старецъ убитъ... Кровь его льется въ ручей и чистый ручей замутился... Онъ больше не чистый ручей,—онъ кровавый ручей... Лучше бъ не текъ онъ... Лучше бъ онъ не манулъ къ себѣ воина, юношу и старца... Храни чистоту! Вверхъ гляди, вверхъ!» Съ этимъ ясность слова прошла, опять послышался шелестъ, подобный метанію птицы въ вѣтвяхъ,

и голова, обшитая шкурою звѣря, съ шерстью, повисшей надъ прорѣзомъ для устъ, вдругъ исчезла, точно въ могилѣ провалилось дно.

Преставился къ Богу молчальникъ Оермуфій, проговорившій предъ смертью въ бреду, безъ нарушенія обѣта. Тенія поняла изъ его бреда то, что ей надо было понять: она знаетъ, что правда на ея сторонѣ, а не на сторонѣ тѣхъ, кто внушаетъ ей «разлиться ручьемъ». Проклятіе злому началу! Не надо начала, не одинъ же вѣдь Милій только на свѣтѣ... и не одинъ только нынѣшній случай, когда придетъ надобность «разливаться»... И развѣ одни только свои семейные могутъ вынуждать это? Не всѣ ли несчастные жалки? За несчастныхъ должно не бояться страданья и смерти, но не искупать ихъ постыдными сдѣлками. Нѣтъ! Выше этого, выше!

И только что она стала глядѣть вверхъ, какъ въ умѣ ея сейчасъ же стали слагаться совсѣмъ другія мысли. Кто другихъ любитъ больше себя, тотъ ихъ избавитъ всегда, когда хочетъ. Что ей Милій, что ей домницкъ Тивуртій, что ей Пуплія, что ей всѣ тѣ, кто кричатъ на нее въ аскалонской темницѣ! Она теперь знаетъ, что надо сдѣлать, чтобы освободить Оалалея. Духъ Теніи вспрянулъ и нервы ея напряглись, какъ струны высоко настроенной арфы. На лицѣ ея сіяла ясно сознанная цѣль и твердая воля. Она встала, взглянула въ лицо восходящей зари и проговорила:

— Незримый, живущій за предѣлами нашего взора! Я внутри себя слышу Твой голосъ: Ты укрѣпилъ духъ мой, я отдамъ мою жизнь за друзей, но мой духъ я возвращу Тебѣ чистымъ!.. Мой мужъ, мои дѣти, я несу вамъ спасенье! Мнѣ не нужно напитка, отводящаго память!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Тенія возвращалась въ городъ въ бодромъ настроеніи. Красота ея, можетъ-быть, еще никогда до этого не была

такъ благородна. Оливковая роща, въ которой Тенія провела ночь, давшую ей силы вдохновенной рѣшимости, была на востокъ отъ Аскалона, а потому, когда Тенія приближалась къ городу, лучи восходившаго солнца освѣщали ее сзади и лицо ея было отѣнено, межъ тѣмъ какъ ея стройный станъ, покрытый бѣдною одеждой изъ синяго полотна, и бѣлый льняной покровъ на головѣ сверкали въ сильномъ освѣщеніи. Аскалонъ былъ передъ нею, и она входила въ него, какъ богиня, одѣтая бѣдною пастушкой, и не замѣчала, что Аскалонъ былъ въ необыкновенномъ волненіи. Здѣсь ожидалось теперь большое событіе: оно вытекало все изъ тѣхъ же самыхъ случайностей и имѣло цѣлью предотвратить ужасную опасность: стало извѣстно, что отчаянные друзья Анастаса издалека ведутъ два подкопа, изъ которыхъ посредствомъ одного хотятъ перехватить притокъ прѣсной воды въ Аскалонъ, а посредствомъ другого пробраться въ Продову темницу и выпустить изъ нея всѣхъ, кто въ ней заключенъ.

Всѣмъ стало ясно, что Милій слишкомъ долго поддавался любовнымъ заботамъ и, по коварству Тивуртія, слишкомъ долго передержалъ дѣло злодѣя Анастаса. Друзья Анастаса не тратили время даромъ и собрались вооруженными шайками. Минувшею ночью они подвинулись разомъ отъ Газы и отъ Азота и стали за одно поприще отъ Аскалона.

Темничникъ Раввула не спалъ во всю ночь и съ поражающею ясностью слышалъ подземные стуки — это удары киркой и лопатой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ темницѣ ведется подкопъ, но откуда, въ какомъ направленіи онъ ведется—это неизвѣстно, а межъ тѣмъ это необходимо было узнать и притомъ такъ, чтобы не показать народу, гдѣ есть опасность. Для этого была предпринята особая околичность, которая должна была одновременно вести къ открытію, гдѣ ведется подкопъ, и разомъ покончить съ Анастасомъ такъ, чтобы въ случаѣ, если друзья его проберутся этою ночью въ темницу, то чтобы они уже не нашли его въ живыхъ.

Такой способъ заключался въ томъ, чтобы *прожечь* аскалонскую темницу.

Что за церемонія было это *прожиганіе*, какъ оно совершалось и къ чему иногда вело, — это требуетъ болѣе подробнаго объясненія и для этого надо вкратцѣ сказать, что такое были ужасныя темницы Ирода, прозваннаго Великимъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ подземныхъ темницахъ, подобныхъ той, гдѣ были заключены злодѣй Анастасъ и мужъ Тенін, Ѳалалей-корабельщикъ, не было почти никакихъ приспособленій для потребностей человѣческихъ. Люди здѣсь спали, пили и ѣли на одномъ и томъ же мѣстѣ, куда ихъ бросили на гнилой тростникъ или на такую же солому. На этихъ самыхъ мѣстахъ они были прикованы кто къ чему попало: однихъ приковывали къ желѣзнымъ стѣнамъ, другихъ къ столбамъ, поддерживавшимъ своды, третьихъ къ кольцамъ и рогулямъ, ввернутымъ въ плиты, служившія поломъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ темницъ была такая страшная тѣснота, что къ одному кольцу приковывали на цѣпяхъ не по одному, а по нѣсколько человѣкъ. Такая тѣснота была и въ аскалонской темницѣ.

Желѣзныя кольца здѣсь были вдоль всѣхъ стѣнъ въ самомъ тѣсномъ одно отъ другого разстояніи, и то же самое было у всѣхъ столбовъ и по всему полу. Въ стычкѣ каждой плиты было кольцо и къ каждому изъ половыхъ колецъ было приковано по четыре человѣка. Эти несчастные могли сидѣть или лежать только скорчась; но и при этомъ еще здѣсь не умѣщались всѣ, кого считали нужнымъ томить въ заключеніи: въ длинномъ дощатомъ притворѣ съ покатымъ поломъ, по которому надо было спускаться съ поверхности въ подземелье, лежали въ два ряда старыя корабельныя мачты съ выдолбленными прорѣзами и заклинками. Въ эти прорѣзы или пазухи вкладывали ноги невольника и заколачивали ихъ клиньями. Колоды и клинья

вполнѣ замѣняли желѣзо и даже были гораздо терзательнѣе: въ цѣпяхъ можно было перемѣнить положеніе ногъ, а забитый въ колоду не могъ ворохнуть своими ногами, и онѣ у него отекали, надувались и нерѣдко трескались. Человѣкъ съ ногами, забитыми въ колоды, только едва могъ привстать и опять сѣсть.

Такая лютая жестокость въ содержаніи людей въ старинныхъ темницахъ оправдывалась тѣмъ, что при этихъ темницахъ не было, по-нынѣшнему, многочисленной стражи. Тогда за цѣлость всѣхъ заключенныхъ отвѣчалъ одинъ темничникъ, которому не всегда даже полагался помощникъ. Помощь тюремщику тогда оказывалъ развѣ кто-нибудь изъ его же семейныхъ. Иногда такими помощниками были женщины, жены или дочери стража. Онѣ входили въ мрачныя помѣщенія заключенныхъ, нимало ихъ не боясь, потому что всѣ содержимые здѣсь были крѣпко окованы или забиты ногами въ бревна. Сирійскія темницы, построенныя Иродомъ, были хуже тѣхъ египетскихъ темницъ, гдѣ сидѣли виночерпій и хлѣбодаръ фараона. Тюрьма въ Аскалонѣ была, какъ сказано выше, обширный, мрачный подвалъ, подобный тому, въ какомъ при Иродѣ былъ долго томленъ и безъ суда, въ минуту пьянаго разгула, зарубленъ Креститель. При такомъ содержаніи и безъ многочисленной стражи уходить было трудно, но въ такія дурно устроенныя темницы легко подкапывались.

Должность темничника была часто очень выгодною—онъ былъ полный хозяинъ темницы и могъ обращаться съ заключенными, какъ онъ хотѣлъ. За излишнюю суровость и даже жестокость темничника не судили, потому что, только обращаясь безъ милосердія, онъ и могъ содержать множество заключенныхъ въ повиновеніи, не прибѣгая къ пособію многочисленной стражи; но зато при такой тѣснотѣ и при такихъ порядкахъ, не допускавшихъ возможности каждому невольнику покидать свое мѣсто, въ продовыхъ темницахъ скоплялась отвратительная и ужасная нечистота, распространявшая тяжкое зловоніе, отъ котораго люди за-

дыхались до смерти. Тростникъ и полусгнившая солома, брошенные въ подстилку для невольниковъ, сгнивали подъ ними, не перемѣняясь по цѣлымъ годамъ. Въ этомъ отвратительномъ смрадномъ болотѣ кишѣли бѣлоголовые черви, мокрицы и большой сѣрый клопъ, а въ трещинахъ плитъ гнѣздились пятнистые пауки, скорпіоны и фаланги... Случалось, что умершаго человѣка не скоро усматривали и онъ здѣсь же разлагался... Какіе-то особые гады «выпивали глаза» у больныхъ и умершихъ... Окопъ въ темницахъ, построенныхъ Продомъ, было мало, и тѣ самаго незначительнаго размѣра. Темницы буквально были *темны*, а для того, чтобы проходило хоть сколько-нибудь свѣжаго воздуха, во все время отъ восхода солнца до вечера двери темницъ стояли растворены и у порога ихъ сидѣлъ самъ тюремщикъ или кто-нибудь изъ лицъ его семейства. Двери всегда были однѣ и въ нихъ мимо тюремщика проходили люди, которые посѣщали невольниковъ и приносили имъ пищу. Это дозволялось, потому что составляло выгоду для темничника, который зато не кормилъ заключенныхъ. Въ продолженіе дня, пока двери были открыты, въ темницѣ еще былъ какой-нибудь притокъ свѣжаго воздуха; но когда, съ приближеніемъ ночи, темничный стражъ уходилъ въ свое помѣщеніе и дверь замыкалась на болты и засовы, воздухъ въ темницѣ быстро спирался и заключеннымъ становилось нечѣмъ дышать. Это было мучительно. Въ это же время вся живая нечисть, какъ сѣрый клопъ, скорпіонъ и хвостатая мокрица, тучами всползали на тѣла невольниковъ и точили ихъ грязную и воспаленную кожу, отдаляя всякую возможность сна и покоя. Вмѣсто ночного отдыха, заключенные испытывали терзанія, приводившія ихъ въ бѣшенство. Болѣе счастливы были тѣ, кто скорѣе впадалъ отъ этой муки въ безпамятство и начиналъ бредить въ безумствѣ.

Съ закрытіемъ на ночь темничныхъ дверей, во всю ночь изъ узкихъ окошекъ этихъ ужасныхъ подземелій раздавались неумолчные стоны и вопли, а порой слышался отчаянный крикъ и бѣшеныя проклятія, и цѣпи гремѣли, вторя

проклятіямъ. Только подъ утро, когда силы измѣняли несчастнымъ, крики утихали и слышался скрипъ, какъ будто пилила тупая пила,—это былъ скрежетъ зубовный. Люди метались, попирая другъ друга, впадали въ тяжелый неистовый бредъ и это метанье былъ *сонъ* въ тюрьмѣ аскалонской. Нерѣдко случалось, что темничникъ Раввула, отворивъ утромъ двери аскалонской темницы, находилъ здѣсь одного или нѣсколькихъ человѣкъ задохнувшихся; но иногда онъ не замѣчалъ сразу, что они умерли, и почиталъ ихъ за спавшихъ или обмершихъ, потому что вездѣ здѣсь были такіе, которые, по открытіи дверей, лежали долго безъ чувствъ. Послѣ того, какъ до нихъ доходила струя воздуха изъ открытой двери, они мало-по-малу приходили въ себя, чтобы начинать ощущать другія терзанія, составлявшія здѣшнюю *жизнь*.

При такихъ условіяхъ темничные невольники коротали свои дни въ мукахъ отчаянія, впадая сколь въ тяжкіе, столь же и въ отвратительные недуги. Только разъ въ годъ, а иногда и того рѣже, невольниковъ выводили изъ темницы на одинъ день, и тогда они могли видѣть небо и солнце. Это случалось въ неопредѣленное время, когда нечистота отъ сгнившихъ тростника и соломы достигала такой степени, что самъ темничникъ ощущалъ невозможность приходить къ невольникамъ. Тогда всѣхъ заключенныхъ выводили въ оковахъ, сажали ихъ въ старую негодную барку и отводили эту барку въ море; а темницу набивали сухимъ хворостомъ и зажигали его, чтобы пропалить всю нечисть огнемъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Прожиганіе приносило серьезную пользу, а дѣлали его такъ, что въ дверь темницы напихивали огромныя кучи смолистаго хворосту и соломы и зажигали ихъ, а сильная тяга воздуха, стремясь отъ дверей къ отдушинамъ въ отдаленномъ концѣ, раздувала огонь и попаляла нечистоту, которая здѣсь накопилась.

Огненный палъ въ темницѣ былъ живымъ и полнымъ интереса событіемъ для каждаго жителя въ Аскалонѣ. Это интересовало всѣхъ потому, что, когда заключенныхъ выводили изъ темницы и сажали на барку, можно было видѣть всѣхъ, кто тутъ томился, и какое страшное искаженіе природы произвела надъ ними неволя. При каждомъ прожиганіи ямы жители Аскалона сбѣгались сюда, какъ на самое любопытное зрѣлище, и толпились, желая узнать въ числѣ несчастныхъ узниковъ людей, имъ когда-то знакомыхъ и, можетъ-быть, давно позабытыхъ. Зрѣлище это было ужасно; но еще ужаснѣе было то, что выводили не всѣхъ. Существовало основательное убѣжденіе, что передъ паломъ въ темницѣ забывали тѣхъ, кого хотѣли избыть безотложно. Всѣ въ Аскалонѣ вѣрили, что будто при каждомъ пропаливаньи темницы тамъ всегда кого-нибудь сожигаютъ живого, и устроить это, въ самомъ дѣлѣ, ничего не стоило, и это дѣйствительно дѣлали съ тѣмъ, съ кѣмъ надо было кончить немедленно. Этимъ теперь и захотѣлъ воспользоваться темничникъ Раввула. Услыхавъ встревоживший его стукъ подъ землею, онъ пришелъ къ Милію и сказалъ ему:

— Господинъ, вотъ ты сдѣлалъ большую ошибку: напрасно ты медлилъ судить Анастаса. Въ этой ночи я слышалъ стукъ подъ темницей. Темница подкопана, и я не знаю, гдѣ идетъ этотъ подкопъ. Каждый часъ угрожаетъ бѣдою: Анастаса могутъ отковать и увести. Отвѣчай за него ты, а я его сторожить не берусь.

Милій испугался и вскричалъ:

— Неужто нѣтъ средства отвратить эту неожиданность и кончить раньше, чѣмъ они подкопаютъ?

Раввула посмотрѣлъ на него исподлобья и тихо отвѣтилъ:

— Для всякой вещи есть средство; но тому, кто его знаетъ, надо хорошо платить.

Милій тотчасъ же позвалъ Евлогія отрока и, взявъ много золота изъ кисы доброхотныхъ даяній, метнулъ его, не считая, Раввулѣ. Раввула взялъ золото и сказалъ:

— Дай мнѣ сейчасъ повелѣніе выжечь гадовъ въ темницѣ.

Милій отвѣтилъ:

— Повелѣваю тебѣ именемъ императора. Иди и сдѣлай это, какъ нужно.

Но Раввула еще стоялъ и, встряхнувъ на рукѣ золото, тихо промолвилъ:

— Анастасъ ли одинъ нарушаетъ покой моего господина?

Милій бросилъ ему еще золота и сказалъ:

— Ты довольно разуменъ: Анастасъ не одинъ человѣкъ, мнѣ ненавистный. Есть еще тамъ другой, — имя его тебѣ скажетъ доимщикъ Тивуртій.

— Знаю я самъ это имя,—отвѣтилъ Раввула и вышелъ.

Это произошло въ то самое утро, когда Тенія шла на зарѣ изъ оливковой рощи и, ничего объ этомъ не зная, удивлялась замѣтному большому движенію людей, которыми овладѣло любопытство и волненіе при извѣстіи, что сегодня будутъ выводить на барки узниковъ и прожигать темницу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Палъ, однако, нельзя было сдѣлать въ одну минуту безъ подготовленія всего, что къ тому нужно: надо было имѣть смолистый хворостъ и солому, и просторныя барки для того, чтобы размѣстить на нихъ выведенныхъ узниковъ. Чтобы припасти все это, нужно было, по меньшей мѣрѣ, полдня времени. Подвозъ хвороста былъ первымъ знакомъ того, что темницу будутъ выпаливать. Темничникъ Раввула, какъ только вышелъ отъ Милія, такъ сейчасъ же велѣлъ согнать всѣхъ дроворубовъ для заготовленія хвороста, а когда тѣ пошли рубить хворостъ, жители Аскалона узнали, что предполагается палъ, и устремились толпами къ темницѣ, чтобы видѣть, когда будутъ выводить на барки невольниковъ.

Это и было то тревожное движеніе, которое замѣтила Тенія, идучи утромъ въ темницу, чтобы навѣстить Оалалея.

Путь же Теніи отсюда пролегалъ по улицѣ, гдѣ помѣщался домъ, занятый для вельможи Милія, и случилось такъ, что когда Тенія проходила мимо этого дома, то ее увидалъ Милій и, схватившись рукою за сердце, воскликнулъ:

— О, какъ она исхудала и какъ измѣнилась! Но и въ этомъ страдальческомъ видѣ она еще мнѣ прелестнѣй! Позовите ее—пусть она взойдетъ ко мнѣ на минуту.

Бывшій въ то время у Милія домницикъ Тивуртій выбѣжалъ къ Теніи и, остановивъ ее за рукавъ, — заговорилъ ей:

— Сами боги привели тебя сюда, прекрасная Тенія. Заклинаю тебя твоими дѣтьми Виріной и Виттомъ, не спѣши удаляться отъ дверей этого дома, гдѣ для тебя готова всесильная помощь. Взойди вмѣстѣ со мною, и я тебѣ отвѣчаю, что ты выйдешь съ повелѣніемъ въ рукахъ освободить Оалалея!

Тенія отвела руку Тивуртія и отвѣчала:

— Я не нуждаюсь ни въ чьемъ повелѣніи; я сама освобожу Оалалея.

— Ты сама возвратишь отца твоимъ дѣтямъ! Подумала ли ты, что ты сказала?

— Да, я обдумала все и я это сдѣлаю. Оалалей будетъ сегодня свободенъ!

— Нѣтъ, ты говоришь это въ безуміи. Кто же откроетъ ему двери темницы?

— Я сама передъ нимъ растворю эти двери.

— Ты, вѣрно, видѣла бѣлаго ворона и потеряла разсудокъ.

Тенія улыбнулась и молвила:

— Да, я видѣла бѣлаго ворона, но мой разсудокъ со мною.

— Не трать лучше попусту времени. Фортуна недаромъ привела тебя къ дверямъ Милія... Войди и скажи

короткое слово: «мигъ благосклоненъ». Иначе... конецъ твоему Ѳалалею.

— Концы и начала не въ нашихъ рукахъ.

— Однако, если Раввула сегодня сдѣлаетъ огненный палъ и забудетъ твоего Ѳалалея въ темницѣ, то конецъ его неизбѣженъ.

Тенія поблѣднѣла и пошатнулась на мѣстѣ, но не издала даже ни вопля, ни стона и твердо пошла своею дорогой къ темницѣ, а Тивуртій, съ пѣной у рта, бросился къ привязанному у столба оленю, сѣлъ на него и, страшно бранясь, поѣхалъ, колотя изъ всей силы животное палкой.

Тенія даже не интересовалась, куда такъ спѣшитъ ея врагъ; она никого не боялась: она знала, что никто не выдумаетъ ничего болѣе страшнаго и болѣе рѣшительнаго, чѣмъ то, что сама она придумала и на что рѣшилась.

Это было такое рѣшеніе, въ которомъ ей помѣшать было невозможно.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Въ самой темницѣ волненіе было еще сильнѣе, чѣмъ по дорогамъ и въ городѣ. Событіе, о которомъ узнали узники, было для нихъ слишкомъ важно,—всѣмъ хотѣлось увидать горы, море и небо, и притомъ каждаго втайнѣ тревожила страшная мысль: какъ бы его не позабыли вывести передъ началомъ пала. Всюду слышалось громыханье цѣпей и крикъ множества надтреснутыхъ и хриплыхъ голосовъ. Посѣтителей въ темницу тоже набѣжало болѣе чѣмъ обыкновенно. Пыль отвратительной плѣсени и несносный смрадъ наполняли весь подвалъ отъ пола до сводовъ, на которыхъ теперь, какъ бы чувствуя бѣдствіе, кучами сѣли клопы, межъ тѣмъ какъ въ расщелинахъ половыхъ плитъ, шурша, переползали другъ черезъ друга скорпіоны.

Окованные и неокованные люди плотно стояли другъ возлѣ друга. Тенія едва могла протѣсниться чрезъ эту плот-

ную толпу недоброжелательныхъ къ ней людей, которые, какъ только ее увидали, сейчасъ же стали кричать:

— Вотъ она, вотъ эта проклятая, ненавистная женщина! Мужъ ея всѣхъ разорилъ, а она не хочетъ сдѣлать пустого дѣла для общаго спасенія! Мало ее растерзать!

— Да,—кричали другіе,—они оба изверги! Ея мужъ хотѣлъ быть всѣхъ богаче для того, чтобы быть всѣхъ добрѣе, а она хочетъ быть всѣхъ чище и оставляетъ другихъ гнить въ смрадѣ.

— Ничего; зато сынъ ея Витть вырастетъ воромъ, а дочка Вирина будетъ продавать себя въ пристани.

— Проклятый Оалалей! Проклятая Тенія!

Не довольствуясь этими грубыми проклятіями, узники язвили ее еще безстыдными насмѣшками надъ ея цѣломудріемъ.

Тенія все это слышала и молчала. Она къ этому привыкла, потому что такъ обыкновенно ее здѣсь привѣтствовали. Тенія спѣшила теперь, какъ можно скорѣе, отыскать своего мужа, и нашла его лежащаго ницъ возлѣ кольца, къ которому онъ былъ прикованъ. Онъ былъ безъ чувствъ и другіе въ темнотѣ безпрестанно на него наступали.

Когда Тенія своими попеченіями привела мужа въ чувство, онъ сначала совсѣмъ не узналъ ея и смотрѣлъ молча въ тупомъ равнодушіи, но потомъ сталъ говорить, что Раввула-темничникъ, навѣрное, хочетъ позабыть его въ темницѣ, но что онъ къ этому приготовился и даже предпочитаетъ скорую смерть долгой истомѣ.

— Я доставлялъ тебѣ слишкомъ много хлопотъ, и все это напрасно, — отдай лучше всю свою нѣжность дѣтямъ нашимъ Виринѣ и Витту.

— Ты больше имъ нуженъ,—отвѣчала Тенія.—Я слаба силами—я не умѣю трудиться и не умѣю пріобрѣтать имъ, что нужно.

Оалалей покивалъ головою и молвилъ:

— О, ты ошибаешься! Ты только и можешь дать имъ, что нужно. Ты умѣла быть всѣмъ довольна, — вотъ это и

есть то, что нужно и что даетъ счастье, а я былъ жаденъ къ пріобрѣтенію богатства. — это то, что не нужно и въ чемъ сокрыто несчастіе жизни. Я за это страдаю.

— Твои страданія сегодня окончатся.

— Знаю, что окончатся, потому что меня сожгутъ здѣсь.

— Нѣтъ, тебя выпустятъ.

— Почему меня выпустятъ?

— Потому, что не для чего держать въ неволѣ того, отъ кого нечего добиваться?

— Что ты хочешь сказать? — вскричалъ Оалалей. — Неужели отчаяніе дало тебѣ мысль убить себя?

— Отчаяніе давало мнѣ много мыслей, которыя хуже чѣмъ мысль убить себя; но теперь я не хочу убивать себя: я останусь жива, и все, что здѣсь затѣяли сдѣлать на погибель людей, будетъ не нужно.

— Что же ты сдѣлаешь?

— Ты это увидишь... объ этомъ не надо говорить.

Съ этимъ Тенія быстро встала и совершенно неожиданно очутилась у лаза въ прокаженную яму, и черезъ мгновеніе она была бы уже тамъ, но въ это же самое мгновеніе зазвенѣли цѣпи Анастаса и его скованныя руки обхватили станъ Теніи.

— Стой!—прошепталъ онъ ей на ухо,—стой! Я понялъ, что ты хочешь сдѣлать, но это не нужно. Я возвращу тебѣ мужа и отца твоимъ дѣтямъ иначе. До полудня есть еще время. Бѣги скоро за городъ, по дорогѣ къ Азоту. Тамъ, гдѣ у стараго храма Изиды двѣ пальмы... подъ той, которая вправо, среди мелкаго щебня, лежитъ сѣрый камень, похожій на свернувшагося теленка... Онъ тяжелъ для твоихъ силъ, но ты возьми черепокъ и копай имъ подъ уголъ, похожій на морду. На глубинѣ третьей пяди найдешь мѣдный казанъ... Онъ полонъ золота. Ты такая добрая и вѣрная, что мнѣ тебя стало жаль, а я еще не зналъ, какъ жалѣютъ... Я не зналъ... какъ отрадно жалѣть человѣка... Возьми за это себѣ мое золото и выкупи мужа. Бѣги же скорѣе, бѣги!

Слушая это, Тенія стояла, напрягаясь, какъ эластичный лукъ, и едва Анастасъ произнесъ ей послѣднее слово, она отпрыгнула, какъ стрѣла съ тетивы, и понеслась въ направленіи къ Азоту.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Между тѣмъ какъ Тенія мчалась по дорогѣ къ Азоту, въ аскалонской темницѣ неожиданно разыгрались потрясающія событія.

Началось съ того, что вскорѣ послѣ того, какъ скрылась за кладомъ Тенія, въ темницу вошли домницикъ Тивуртій и Раввула-темничникъ. Оба они пришли съ злодѣйскими намѣреніями и прямо подошли къ Оалалею и, ничего ему не говоря, начали его откленывать отъ кольца его цѣпи.

Оалалей взволновался и со слезами спрашивалъ ихъ, что они хотятъ съ нимъ сдѣлать.

А тѣ ему отвѣчали:

— Мы хотимъ посадить тебя въ прокаженную яму. Пусть твоя Тенія приметъ тебя оттуда въ свои объятія.

— Лучше сожгите меня,—сталъ умолять Оалалей.

— Мы сами знаемъ, что хуже и что лучше,—отвѣчали Раввула и Тивуртій, и поволокли его къ ямѣ, не обращая никакого вниманія на его ужасные вопли. И изъ всѣхъ узниковъ, которые слышали эти вопли, никто за Оалалея не заступился. Такъ всѣ боялись, что имъ отплатитъ Раввула; но когда, послѣ изрядной борьбы, Оалалея протаскивали мимо Анастаса-злодѣя, то произошло никѣмъ неожиданное событіе. Чрезвычайно сильный злодѣй Анастасъ ударилъ своими оковами по головамъ Тивуртія и Раввулу такъ, что они упали, а онъ сжалъ и пропихнулъ ихъ въ прокаженную яму. И Тивуртій, и Раввула кричали, а Анастасъ угрожалъ убить ихъ, если они полѣзутъ назадъ.

Въ темницѣ поднялся страшный бунтъ и дали знать Милію. Милій тотчасъ надѣлъ свою красную тогу и, взявъ съ собою отрока своего, скорописца Евлогія, отправился съ

нимъ въ темницу, но былъ въ недоумѣніи, ибо теперь и самъ онъ не зналъ, что ему дѣлать.

Скорописецъ же Евлогій, идучи у плеча Милія, сказалъ:

— Смѣю ль спросить моего господина, что ты намѣренъ сдѣлать, когда мы вступимъ въ темницу?

Милій остановился и, взглянувъ на него, отвѣтилъ:

— По правдѣ сказать, я еще ничего не придумалъ.

— Однако, кому ты будешь мстить и за кого заступаться?

— Скажи лучше, что ты имѣешь на мысляхъ, вѣдь за хорошій совѣтъ тебѣ можетъ быть хорошая плата.

— Оставь Раввулу съ Тивуртіемъ тамъ, куда они попали. Иначе они и въ проказѣ будутъ противъ тебя свидѣтелями, и императоръ, и сама Осодора тебя не похвалятъ.

— Но куда жъ мы ихъ дѣнемъ?

— О, господинъ мой! Огонь вѣдь все очищаетъ. Надо только не медлить... Кого ты назначишь тюремщикомъ вмѣсто Раввулы?

— Если хочешь, я тебя назначаю.

— Я тебѣ благодаренъ и черезъ малое время докажу тебѣ дѣломъ мою благодарность.

Перемолвясь такъ, они подходили къ темницѣ, у входа которой нашли уже приготовленныя кучи хворосту и толпы народа.

Евлогій, увидя людей, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Граждане аскалонскіе! посторонитесь и откройте путь благородному Милію, который идетъ наказать виновныхъ въ безпорядкѣ и защитить тѣхъ, кто страдалъ отъ жестокости смѣненнаго темничника Раввулы и сотоварища его, звѣронравнаго домницика Тивуртія. Теперь, волею господина моего Милія, я буду совмѣщать обѣ ихъ должности и въ темницѣ настанетъ новый порядокъ.

Толпа раздвинулась и открыла дорогу ко входу, но въ это же время явилась Тенія.

Несмотря на то, что день былъ страшно зноенъ и раскаленныя скалы еще болѣе увеличивали жаръ въ воздухѣ, слабая и измученная Тенія быстро достигла развалинъ, ука-

занныхъ ей разбойникомъ Анастасомъ, раскопала въ сказанномъ мѣстѣ щебень, достала сокровище и сейчасъ же опять пустилась съ нимъ обратно въ городъ. Она пришла въ тотъ самый мигъ, когда Евлогій сказалъ свою рѣчь и когда Милій хотѣлъ вступать въ темницу. Золота было много; но Тенія его не вѣсила и не считала, а все, сколько тамъ было, бросила къ ногамъ Милія и сказала:

— Вотъ тебѣ выкупъ за моего мужа и за всѣхъ, кого здѣсь терзаютъ. Пусть это возьмутъ тѣ, кому эти люди должны, а ты сейчасъ же выпусти заключенныхъ на волю.

Милій пришелъ въ изумленіе и не зналъ, что отвѣтить; но Евлогій шепнулъ ему:

— Дорожи собою; въ такія минуты ты долженъ показать безпристрастье народу.

Золота же было здѣсь болѣе, чѣмъ на тройную цѣну противъ всего полнаго долга Θалалея.

— Откуда взяла ты такое богатство?—спросилъ Евлогій у Тенію.—Здѣсь достанетъ на выкупъ всѣхъ, кого содержатъ за долги въ аскалонской темницѣ; но дѣйствительно ли ты отдаешь это все за другихъ?

Тенія отвѣчала, что она достала золото изъ земли и хочетъ, чтобы всѣ, кого томятъ за долги, были сейчасъ же отпущены.

Милій приказалъ взвѣсить золото и выпустить должниковъ на свободу. А Евлогій, ставшій разомъ вмѣсто Тивуртія домщикомъ и вмѣсто Раввулы тюремщикомъ, позвалъ кузнецовъ и расковалъ всѣхъ, кто содержался въ тюрьмѣ за долги. Злодѣевъ же и убійцъ вывелъ на барку и послалъ на торгъ купить для нихъ пищи и свѣжее платье, и мягкой кожи съ шерстью, чтобы подвернуть подъ оковы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ желѣзо проѣло до кости.

Во все это время въ темницѣ стоялъ страшный шумъ, и никто не слышалъ стуковъ подкопа и криковъ Раввулы и Тивуртія и заслонившаго лазъ къ нимъ тѣломъ своимъ Анастаса. Всякому тутъ было теперь самому до себя.

Перваго выпустили на свободу Θалалея, и Тенія тотчасъ

же удалилась съ нимъ, обнимая его одною рукой, а другою поддерживая на головѣ корзину съ купленною пищей. Когда увидала ихъ Пуплія, она подумала, что Тенія, наконецъ, поступила, какъ желалъ Милій, и послѣ радостнаго свиданія съ сыномъ посадила на колѣни къ нему Вирину и Витта, а невѣстку отвела въ сторону и похвалила ее за послушаніе.

Тенія же въ отвѣтъ ей улыбнулась и тихо отвѣтила:

— Не хвали меня, почтенная Пуплія, я твоего совѣта не слушалась и не стою твоей похвалы, —золото далъ мнѣ не Милій вельможа, а злодѣй Анастасъ.

Старая Пуплія ужаснулась и, всплеснувъ руками, спросила:

— Анастасъ? Милосердные боги! Для чего же ты предпочла его грубыя ласки ласкамъ Милія, и гдѣ взяла напитка, отводящаго память?

— Мать Оалалея!—отвѣчала ей Тенія,—я не отдавалась ничьимъ ласкамъ и мнѣ не былъ нуженъ забвенный напитокъ, но я не теперь разскажу тебѣ все, что со мной было. Теперь мы оставимъ Оалалея радоваться, лаская дѣтей, а сами давай скорѣй вскипятимъ воду и сваримъ для всѣхъ изобильную пищу, и тогда, когда сядемъ всѣ вмятеромъ, какъ мы давно не сидѣли, и всѣ насытимся, я разскажу вамъ подробно, что мнѣ пришлось перенесть и какъ это случилось, что въ рукахъ моихъ очутилось золото Анастаса безъ напитка, отводящаго память.

— Нѣтъ, ужъ ты, бѣдная, лучше объ этомъ забудь.

Но Тенія снова тихо улыбнулась и отвѣтила:

— Мать Оалалея! злодѣй не требовалъ отъ меня ничего такого, о чемъ ты думаешь и о чемъ мнѣ желаешь забыть. Я хочу обо всемъ этомъ помнить и буду всѣмъ говорить, чтобы всѣ люди знали, что сдѣлалъ мнѣ Анастасъ, и нашли для него у себя сожалѣнье.

И сдѣлалось такъ, какъ хотѣла Тенія. Когда пища была готова и осчастливленная семья насытилась, Тенія разсказала свекрови и мужу, какъ она изнемогала въ борьбѣ, что видѣла ночью въ оливковой рощѣ, какъ шла назадъ и по-

встрѣчалась съ Тивуртіемъ, и за что Анастасъ ее похвалилъ и указалъ ей кладъ, отданный ею въ выкупъ за всѣхъ должниковъ.

При этомъ Тенія пролила слезы объ Анастасѣ, и это было какъ разъ въ то время, когда его надо было оплакать, ибо въ это самое время въ аскалонской темницѣ свершилось послѣднее и самое безчеловѣчное дѣло.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Когда узники были выведены, темницу набили хворостомъ, и скорописецъ Евлогій бросилъ туда горящій факелъ, а вѣтеръ подулъ и сквозь весь хворостъ пробѣжало трескучее пламя. Въ дымѣ этого пламени задохнулся злодѣй аскалонскій, но онъ погибъ не одинъ. Люди, которые оставались тамъ до конца, видѣли, какъ Анастасъ показался въ окнѣ прокаженной темницы. Онъ сорвался съ цѣпей и потрясалъ, задыхаясь, рѣшетку въ окошкѣ... За спиной его видѣли лица ревѣвшихъ Тивуртія и Раввулы; но трескъ пламени заглушалъ ихъ ревъ и проклятія. Евлогій же отъ имени Милія не допускалъ никого къ этому окну, и сами они оба стояли вдвоемъ у окошка, пока все было кончено. Анастасъ ихъ узналъ и, плюнувъ на красную тогу Милія, прокричалъ такъ громко, что всѣ могли слышать:

— Ты самый лютый злодѣй аскалонскій!

И когда онъ это вскричалъ, сквозь толпу прорвались два никому невѣдомые человѣка. Оба они были наги, но съ ножами при бедрахъ, и среди общаго смятенія они кинулись на Евлогія и на Милія, и у всѣхъ на глазахъ зарѣзали ихъ, а за ними приспѣли такіе же другіе, въ числѣ больше какъ двадцать, и бросились тушить огонь, пылавшій въ темницѣ, но погасить его было уже невозможно. Анастасъ и Тивуртій съ Раввулой сгорѣли, и какъ ни смѣлы были отчаянные разбойники, проникшіе въ городъ, чтобы спасти Анастаса, но и они не могли войти въ полную пламени яму. Они только насытили свое мщеніе

убійствомъ Милія и его скорописца. Разбойниковъ этихъ не поймали, потому что на гражданъ Аскалона напалъ страхъ,—всѣ думали, что разбойниковъ ворвалось несмѣтное множество, и всѣ побѣжали защищать свои дома и семейства. Притомъ же, сожженный живымъ, Анастасъ возбудилъ къ себѣ жалость, а Милій всеобщее презрѣніе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Рано удалившаяся съ мужемъ Тенія не видала всѣхъ ужасовъ этой развязки. День для нея протекъ какъ одно мгновеніе. Передъ вечеромъ Ѳалалей отправился на море мыться, а Тенія, обнявъ дѣтей, сидѣла у берега и смотрѣла вслѣдъ отходившей красивой расцвѣченной триремѣ, на которой гудѣлъ египетскій ребабъ и пѣли хоромъ молодые женскіе голоса, а на возвышеніи, покрытомъ яркою индійскою тканью, молодая нубійка ловила осу, какъ будто дразнила Аскалонъ на прощанье.

Это Сергій, испугавшійся безпорядковъ, отплывалъ съ своею трупной обратно въ Александрію.

Пуплія въ это время ходила въ городъ, чтобы купить просторный полосатый шатеръ, гдѣ бы семейство могло помѣститься лучше, чѣмъ оно помѣщалось въ убогомъ шалашѣ. Пришедшіе съ Пуплією шатерщики, раскидывая чистую палатку съ поперечными каймами краснаго и синяго цвѣта, разсказали Теніи, что произошло, и когда она услыхала о погибели Анастаса, то вздохнула и сказала имъ:

— Всѣ не напрасно его сожалѣютъ: онъ сдѣлалъ много зла, но не угасилъ въ сердцѣ своемъ сожалѣнія; а кто умѣетъ жалѣть, тотъ еще не мертвъ для доброй жизни и самъ сожалѣнія достоинъ.

И она опять разсказала, какимъ подвергалась искушеніямъ и уговорамъ отъ самыхъ почетныхъ и близкихъ людей, а въ заключеніе сказала:

— Я не хочу ихъ укорять; но удивляюсь, отчего было все такъ, что тѣ, которые очень заботились о жизни, тѣ

всѣ подавали мнѣ дурные совѣты — не постоять за мое цѣломудріе, а поддержали меня только два человѣка — и это какъ разъ были тѣ, которые сами болѣе жить не думали: одинъ былъ отшельникъ въ могилѣ, а другой—обреченный на смерть Анастасъ. За встрѣчу съ этими двумя, не дорожившими жизнію, я благословляю милосердное небо и молю его дать имъ вѣчную жизнь.

Шатерщики, услыхавъ такія слова, поникли головами и въ молчаніи окончили свою работу: угладили полъ подъ шатромъ, очертили мѣсто для обѣда и усыпали это возвышеніе узорами разноцвѣтнаго песка, придавшаго видъ цвѣтного ковра.

Возвратившійся въ эту пору Ѳалалей тоже слышалъ сказанныя Теніею слова, и когда шатерщики, получивъ свою плату, ушли въ городъ, а Пуплія повела дѣтей, чтобы вымыть ихъ въ прѣсной водѣ пѣнистымъ греческимъ мыломъ и потомъ уложить ихъ спать въ новомъ просторномъ шатрѣ, корабельщикъ сказалъ женѣ:

— Я замѣтилъ твои слова о разницѣ между тѣми, которые дорожатъ жизнію, и тѣми, которые не дорожатъ ею. Это замѣчаніе остро, и, знаешь, я слышалъ когда-то совершенно такое въ Дамаскѣ отъ того, кто мнѣ говорилъ о моей новой вѣрѣ.

— Что же онъ говорилъ?

— Онъ читалъ, что «кто сильно любитъ жизнь, тотъ ее потеряетъ, а кто не дорожитъ ею, тотъ ее не только найдетъ для себя, но и можетъ дать силу жизни другому».

— Это прекрасно, но для чего же ты могъ это забыть и думалъ о томъ, какъ бы получить себѣ всего какъ можно больше?

Ѳалалей подернулъ плечами и, глубоко вздохнувши, отвѣтилъ:

— Я испортилъ себя, когда прикоснулся къ богатству,— богатство есть тоже напитокъ, отбивающій память: желая богатства, нельзя не забыть объ истинномъ благѣ.

— А я всегда это знала,—тихо продолжала Тенія.

— Но кто же тебѣ это открылъ?

Тенія взяла руку мужа и положила ее себѣ на сердце, а другою своею рукою указала тихо на небо.

Они оба задумались; вечеръ уплывалъ, синева моря густѣла,—наступала прохлада и ночь.

Тенія встала, взяла въ ладони свои лицо мужа и, глядя ему въ глаза, сказала, что идетъ приготовить къ ночи шатеръ.

Оалалей остался одинъ и сидѣлъ, обхвативъ руками колѣни. Онъ глядѣлъ то на звѣздное небо, то въ темную даль безбрежнаго моря. Все это для него теперь было обновленіемъ жизни, и онъ чувствовалъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, которому нечего больше желать. Онъ весь проникся благодарностью и глаза его овлажились благодатными слезами, и сквозь нихъ онъ увидѣлъ снова свою цѣломудрую Тенію, которая, окончивъ уборку шатра, распахнула его входную полу и, поддерживая ее обнаженными по самыя плечи руками, назвала его имя и добавила шопотомъ:

— Другъ мой, иди,—часъ благосклоненъ.

СКАЗАНІЕ О ѲЕДОРѢ-ХРИСТІАНИНѢ

И О ДРУГѢ ЕГО

АБРАМѢ-ЖИДОВИНѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ греческомъ городѣ Византіи, прежде чѣмъ этотъ городъ сталъ называться Константинополемъ, а у русскихъ Царьградомъ, жили два сосѣда. Одинъ былъ еврей, а другой крещеный изъ потаенныхъ; еврей содержалъ ветхозавѣтную вѣру пророка Моисея, а крещеный разумно соблюдалъ свою христіанскую вѣру. Оба сосѣда жили исправно, а промыслами занимались различными: еврей дѣлалъ золотыя и серебряныя вещи, а христіанинъ имѣлъ корабли и посылалъ ихъ съ товарами за море. По сосѣдству они другъ другу ничѣмъ не досаждали и имѣли обыкновеніе никогда другъ съ другомъ о вѣрѣ не спорить. Кто изъ нихъ въ какой вѣрѣ родился, тотъ въ такой и пребывалъ, и свою вѣру передъ другимъ не превозносилъ, а чужую не унижалъ и не порочилъ. Оба разсуждали такъ: «кому что въ разсужденіи вѣры отъ Бога открыто,—такова, значитъ, воля Божія». И такъ они въ добромъ согласіи прожили много лѣтъ счастливо.

У обоихъ этихъ сосѣдей было по сыну, которые родились въ одинъ годъ. Христіанинъ своего сына потаенно окрестилъ и назвалъ Ѳедоромъ, а еврей своего, по еврей-

скому закону, въ восьмой день обрѣзалъ и назвалъ его Абрамомъ.

Тогда въ Царьградѣ главною вѣрой была еще вѣра языческая. Христіане и евреи, которые жили между язычниками, старались себя явно не оказывать, чтобы не дразнить язычниковъ и не накликать на себя неудовольствія. А потому, какъ крещеніе Ѳедора, такъ и обрѣзаніе Абрама отцы ихъ сдѣлали въ домахъ своихъ безъ угощенія, потихоньку, при однихъ своихъ близкихъ родныхъ.

Оба сосѣда, получивъ отъ Бога потомство, были очень рады. Христіанинъ говорилъ:

— Добрый сосѣдъ! Дай Богъ, чтобы сыновья наши жили между собою такъ же ладно, какъ мы между собою прожили.

И еврей сказалъ то же самое.

— Дай Богъ, сосѣдъ; но я думаю, что дѣти наши должны жить еще согласнѣе, потому что они отъ насъ, отцовъ своихъ, имѣютъ добрый примѣръ, что въ согласіи заключается удобье и счастіе, а въ несогласіи—всякое безпокойство и разореніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Когда мальчики, Ѳедоръ и Абрамъ, подросли до той поры, что ихъ стали манить совмѣстныя игры и забавы, то обѣ матери—и христіанка, и жидовка—начали выносить на огородъ и сажать ихъ вмѣстѣ, чтобы они забавлялись, а большимъ не мѣшали. А огороды у еврея и у христіанина были рядомъ, бокъ-о-бокъ и, по тогдашней простотѣ, ничѣмъ не были разгорожены. Вынесетъ еврейка, посадитъ своего Абрамку, и христіанка принесетъ своего Ѳедю и тоже посадитъ его рядомъ на травѣ подъ большой розовый кустъ; надаютъ имъ какихъ попало дѣтскихъ забавокъ, чтобъ играли, а сами пойдутъ каждая къ своимъ дѣламъ по домашеству. Но всегда, бывало, и одна, и другая строгонастрого дѣтямъ наказывали, чтобы играли мирно и весело,

какъ хотятъ, а ссориться чтобы не смѣли. Ежели же въ чемъ-нибудь не сумѣютъ поладить, то чтобы не жаловались, а сами между собою мирились.

Въ такомъ простомъ, но добромъ наученіи мальчики выросли и сжились другъ съ другомъ такъ, что любили одинъ другого совершенно какъ два согласные родные брата. Даже и болѣе, потому что между родными братьями по крови бываютъ иногда несогласіе и зависть, а у Оедора съ Абрамомъ ничего подобнаго не было. Что одному было любо, то и другому нравилось. А что одинъ изъ нихъ былъ окрещенъ, а другой обрѣзанъ,—этого они совсѣмъ не знали. За занятіями и недосугами родители ихъ оставляли имъ это безъ растолкованія, да дѣти даже еще и не уразумѣли бы въ своемъ возрастѣ, въ чемъ тутъ разница. Въ невинномъ дѣтскомъ маломысліи, они вмѣстѣ играли и, наигравшись вмѣстѣ, обнявшись, засыпали на травкѣ, спрятавъ головы подъ одинъ и тотъ же розовый кустъ, въ которомъ копошились золотыя пчелки, а дѣтей не трогали, все равно какъ христіанина, такъ и жидовина.

Но вотъ Ѳедоръ и Абрамъ подросли и настало время посылать ихъ въ школу. А это случилось, когда въ Константинополѣ язычество приканчивалось и была уже объявлена главною вѣра христіанская. Идольскія капища тогда разоряли или передѣлывали на церкви и на городскихъ стѣнахъ, надъ воротами, стали писать образа, чтобы всякій, проходя, кланялся и молился.

Въ эту пору многое стали заводить на иной ладъ, и нѣкоторые учители начали изъяснять высшему правительству, что христіанину и еврею вмѣстѣ ходить въ одну школу не годится, а непремѣнно надо раздѣлить дѣтей порознь, чтобъ они съ малолѣтства не смѣшивались, потому что, будто, вмѣстѣ имъ нельзя дать согласнаго наученія, такъ какъ у евреевъ главный законъ вѣры—отъ Моисея, человѣка Божія, а у другихъ—отъ Христа. Мы ихъ ветхій законъ признаемъ, но только къ нему отъ своего Новаго Завѣта добавку дѣлаемъ, а евреи думаютъ, что имъ до-

бавки не надо, а довольно и одно то соблюсти, что въ старомъ законѣ отъ Моисея показано.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Матери Оедора и Абрама не твердо разумѣли, что ихъ религіи подробно касается, а знали по-женски одно наружное. Знали онѣ, напримѣръ, что жидовкамъ въ свое время надо въ ванну лазить и окунаться по обязанности, а крещенымъ женщинамъ—заведено мыться только когда понадобится; или, что христіанамъ можно ѣсть свинину, а жидамъ свиное мясо запрещено и не позволено. Прочаго же, что есть главное въ томъ и въ другомъ законѣ, онѣ до тонкости не понимали, и молились по-своему, каждая про себя, какъ была научена въ дѣтствѣ. Больше же всего обѣ онѣ жили съ тою заботой, чтобы въ сосѣдствѣ по-домашеству имъ одной отъ другой было какъ можно удобнѣе и чтобы не оказать никакой другъ другу помѣхи.

Старый, потаенный христіанинъ и еврей, какъ настало время ихъ мальчикамъ учиться, не захотѣли ихъ разлучать, и чтобы въ этомъ не было помѣхи, свели Оедора и Абрама къ одному мастеру, который и заучилъ ихъ греческой грамотѣ. Оба мальчика хорошо занялись и такъ полюбили грамоту, что рвались къ ней въ несытость. Мало имъ было того, чему въ школѣ у мастера научатся, а они еще, какъ придутъ домой, опять и дома тоже продолжали заниматься. Какъ только поѣдятъ, сейчасъ опять сойдутся на огородѣ, сядутъ подъ деревцомъ, обоймутся и опять вмѣстѣ читаютъ—про разныя страны и про разныя вѣры. Одну за другою, много книгъ они прочитали, и все съ хорошею памятью, такъ что мастеръ обоихъ ихъ хвалилъ и всѣмъ другимъ въ примѣръ ставилъ. Одобрялъ онъ ихъ и за науку, и хвалилъ за добронравіе, такъ какъ они вышли дѣти тихія, согласныя и ласковыя.

Такъ Оедоръ и Абрамъ росли своимъ роднымъ на утѣшеніе, а постороннимъ въ хорошій примѣръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отцы и матери Оедора и Абрама, каждый на своемъ языкѣ и по своей вѣрѣ, благодарили Бога, что мальчики такъ умны и послушны, и радовались ихъ согласію. Въ обѣихъ семьяхъ сосѣдскаго сына привѣчали наравнѣ съ своимъ: Оедоръ ли прибѣжитъ къ Абрамовымъ родителямъ, старый еврей и еврейка были съ нимъ ласковы, все равно какъ съ своимъ, и такъ же точно если Абрамъ приходилъ къ товарищу, то и Оедоровы отецъ съ матерью обращались съ Абрамомъ всегда ласково, только свининой его не угощали.

А мастеръ, къ которому Оедоръ и Абрамъ ходили учиться книжной мудрости, былъ грекъ еще стараго эллинскаго наученія и самъ вышелъ изъ старинныхъ философскихъ школъ. Его звали Панфилъ. Онъ былъ человѣкъ справедливый и умный и въ дѣтяхъ старался насадить и укрѣпить ту же самую любовь къ справедливости. Онъ не только училъ ихъ по книгамъ, но и на словахъ давалъ всѣмъ правильное наставленіе къ жизни, чтобы никто одинъ другого не унижалъ и никто другъ надъ другомъ ничѣмъ не превозносился, потому что если есть въ комъ что-нибудь болѣе превосходное, чѣмъ въ другомъ, то это въ человѣкѣ не есть его собственное и имъ при рожденіи не выслужено, а отъ Бога даромъ ему пожаловано. Ни красотой тѣла, ни природой родителей своихъ, ни ихъ богатствомъ и знатностію,—ничѣмъ у Панфила ученики другъ передъ другомъ не хвастались. И черезъ это, хотя въ школѣ у Панфила было много дѣтей изъ всего «разсѣянія», то-есть разныхъ вѣръ, но всѣ они были пріучены жить какъ дѣти одного Отца, Бога, создавшаго небо и землю и всяческое дыханіе—эллина же и іудея.

Поучившись книжному мастерству, дѣти вмѣстѣ шли по домамъ, весело между собою говоря и играя, особенно Оедоръ съ Абрамомъ, которые сжились, какъ братья. Но

вдругъ вышло новое повелѣніе, чтобы школамъ не быть для всѣхъ вмѣстѣ, по-старому, а чтобы раздѣлиться по вѣрамъ. Такъ и стали заводить. И тогда надъ всѣми школами уставили особливый досмотръ слѣдить, чтобы дѣти одни съ другими не мѣшались, и поставлены были особые смотрители, которыхъ называли «младопитателями».

Начали младопитатели все смотрѣть, во все вникать и обо всемъ распытывать,—не только чему мастера въ своихъ школахъ учатъ, но и что родители своимъ дѣтямъ дома внушаютъ. Захотѣли въ-разъ все передѣлать, за единый вздохъ.

Одинъ такой младопитатель утвердился надъ тою школой, гдѣ учились Осдоръ съ Абрамомъ, и началъ онъ у Панфила спрашивать:

— Объясни мнѣ, Панфилъ, какъ ты вѣруешь и какую вѣру превозносишь, а какую опровергаешь?

Панфилъ отвѣчалъ:

— Господинъ, произволеніемъ Творца людямъ не одинаково явлено, во что вѣрить, и у насъ между всѣхъ есть много разныхъ вѣръ, и не въ этомъ зло, а зло въ томъ, что каждый изъ людей почитаетъ одну свою вѣру за самую лучшую и за самую истинную, а другія безъ хорошаго разсужденія порочитъ. А какъ я самъ всѣхъ вѣръ не знаю, то объ истинѣ ихъ во всей полнотѣ судить не могу, и я потому ни одной вѣры противъ другой не унижаю и ни одну не превозношу, такъ какъ это до меня совсѣмъ не касающее.

Младопитатель удивился.

— Зачѣмъ же,—говоритъ,—ты этакъ лукаво умствуешь? Это такъ нельзя.

Панфилъ отвѣчаетъ:

— Такъ я, по крайней мѣрѣ, ни въ какую ошибку никого не ввожу.

— Что за важная вещь ошибиться! Всѣ ошибаются — это можно покаяніемъ исправить; но мы знаемъ истину и

должны ее всѣмъ оказать. Надо, чтобы между людьми было по ихъ вѣрамъ раздѣленіе.

— Для этого,—отвѣчаетъ Панфилъ,—у всякаго въ своей вѣрѣ есть наставники, которые всѣхъ раздѣлить постараются, а въ училищѣ я только о томъ забочусь, чтобъ у дѣтей въ постиженіи разума никакого раздѣленія не было, а больше бы крѣпили любовь и согласіе.

Младопитатель не похвалилъ:

— Это,—говоритъ,—у тебя нехорошо отъ ученыхъ разсужденій развилось. Надо такъ, чтобы всякій отрокъ отъ младыхъ ногтей особо себя понималъ и жилъ всякъ по своей вѣрѣ.

Мастеръ не согласился и сказалъ:

— Я этого внушать не могу.

Стали другъ другу отвѣчать и спорить, но согласиться не могли: и у одного, и у другого на все нашлись доказательства.

Младопитатель только тѣмъ взялъ верхъ, что сказалъ:

— Ты меня долженъ слушаться: я—начальникъ и твои разсужденія мнѣ знать не нужно.

Тогда Панфилъ отвѣтилъ:

— Хорошо; если все по твоей волѣ должно дѣлаться, то тебѣ дѣйствительно отъ разсудка приводить нечего; но ты помилосердуй — не понуждай меня разлучать дѣтей. Мои ученики еще молоды и у нихъ слабый, лысый размыслъ, ребячій. Когда они придутъ въ возрастъ и разумомъ окудрявятся, тогда они сами, по своимъ смысламъ въ вѣрѣ, разберутся, а пусть добрый навыкъ согласія дѣтскаго при нихъ останется.

Младопитатель опалился гнѣвомъ:

— Что такое есть земное согласіе?! Надо достигать истины.

А Панфилъ опять проситъ:

— Да ты взгляни,—говоритъ,—на ребятокъ-то: вѣдь они теперь всѣ еще молоды лѣтами и умомъ всѣ лысы, не крѣпки, — ничего того, что большихъ понятій требуетъ,

они понимать еще не могутъ. Помилосердуй, пожалуйста, оставь раздѣленіе ихъ надольше, а пока пусть они всѣ вмѣстѣ учатся, пусть отъ младыхъ ногтей обыкнутъ соблюдать миръ душевный и другъ къ другу общую любовь. Тогда и разница въ особливыхъ понятіяхъ не разъединитъ сердецъ ихъ.

Младопитатель головой замоталъ.

— Намъ твое разсужденіе,—говоритъ,—теперь не подъстать. Мы теперь заводимъ все по-своему и скоро во всемъ свѣтѣ все будетъ только по-нашему. Что мы хотимъ, то всякій долженъ отъ самыхъ молодыхъ ногтей постичь и это передо всѣми на видъ оказывать. А ежели кто разсуждаетъ такъ, какъ ты судишь, то тотъ теперь къ дѣлу ненадеженъ, и я тебѣ такъ учить не позволю.

Панфилъ подулъ въ свою бороду, вздохнулъ и молвилъ:

— Значитъ, быть по-твоему. На тебѣ власть и я тебѣ покоряюсь. Не позволяешь мнѣ такъ вести, какъ я умѣю, то и не надо: я свою школу прикончу и учениковъ отпущу.

— Да, отпусти,—отвѣчалъ младопитатель, — а чтобъ и другимъ не повадно было, я твои двери на семь печатей припечатаю.

И припечаталъ. Школа прикрылась. А Панфилъ созвалъ дѣтскихъ отцовъ и говоритъ:

— Вотъ вышелъ такой приказъ, котораго я исполнить не могу, и младопитатель школу мою припечаталъ. Ведите теперь каждый свое дитя къ другимъ мастерамъ по раздѣленію вѣры вашей. У меня они худу не научились, а тамъ дай имъ Богъ научиться еще лучшему.

Пожалѣли отцы, что надо брать дѣтей отъ кроткаго Панфила, однако, подчинились чему надо и развели дѣтей въ другія школы, каждый по раздѣленію вѣръ своихъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мальчики Оедоръ и Абрамъ тутъ только впервые разлучились. Отвели Оедора въ особливую школу для христіанъ,

гдѣ былъ учитель, который почиталъ себя всѣхъ праведнѣе, а Абрама отецъ свелъ въ хедеръ къ жиду, который считалъ себя всѣхъ умнѣе и изъ всѣхъ созданныхъ чище. Онъ весь жидовскій талмудъ выучилъ и наизусть зналъ всѣ правила, по которымъ всѣ люди другой вѣры почитаются «погаными».

Оба новые учителя на самомъ первомъ шагу сказали своимъ ученикамъ, чтобы никто съ учениками изъ чужихъ школъ и въ шутку не баловалъ, а если кто не послушается и станетъ играть, тому въ школѣ лозой пригрозили.

А чтобы дать дѣтямъ растолкованіе, одинъ сказалъ:

— Богъ только съ одними съ нами въ самомъ лучшемъ родѣ обходится и одно наше все чистое, а всѣхъ другихъ Богъ гораздо меньше насъ любитъ, и всѣ другіе—поганые, а все, что при нихъ есть, это тоже все поганое. Что у нихъ есть, все надо отнять да снести освятить и потомъ себѣ взять. Тогда оно очистится, а самому съ погаными послѣ того опять не знаться. Кто же съ нимъ по простотѣ поведется, тотъ самъ опоганится, и Богъ за него не станетъ заступаться, а я его безъ всякаго милосердія лозой застегаю, а потомъ отдамъ его другому начальнику, а другой отдастъ его еще третьему, и дойдетъ до того, что ему на свѣтѣ живымъ не остаться. А потомъ его послѣ смерти, еще на томъ свѣтѣ опять будутъ мѣднымъ вѣникомъ въ огненной банѣ парить и посадятъ на раскаленный желѣзный стулъ и все будутъ мучить безконечные вѣки.

Другой учитель не уступилъ этому и тоже одно свое все чистымъ называлъ, а чужое все испоганилъ, и также отданныхъ ему въ науку ребятъ обѣщался до смерти избить, а послѣ смерти лишить ихъ всѣхъ радостей.

Какъ въ первый разъ ученики вышли изъ школъ, гдѣ услыхали такія наставленія, такъ и почувствовали, что на нихъ взаправду рознь есть. Вмѣсто того, чтобы по-ребячьи другъ съ другомъ водиться на волѣ, они сейчасъ же вспомнили учительское наставленіе и начали другъ противъ друга становиться и покрикивать:

— Не подходи; ты поганый.

А другіе отвѣчали: «ты самъ—поганый».

Ѳедоръ слышалъ, какъ это говорили про Абрама, а Абрамъ слышалъ, какъ поганили Ѳедора.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вернувшись домой, Ѳедоръ и Абрамъ въ первый разъ не знали, можно ли имъ попрежнему вмѣстѣ сойтись.

Похвативши хлѣбца у матерей, побѣжали они по привычкѣ на огородъ, на то самое мѣсто, гдѣ всегда игрывали; но другъ до друга не добѣжали, а стали одаль, какъ будто между ними какая-нибудь размѣтка была положена.

Стоятъ, жуютъ и одинъ на другого исподлобья посматриваютъ, а ближе не подходятъ.

Наконецъ, одинъ заговорилъ:

— Намъ, говоритъ,—теперь заказано, чтобы съ вами не водиться.

А другой отвѣчаетъ:

— И намъ то же самое.

Помолчали.

— Про васъ нашъ учитель говорилъ, что вы—поганые.

— И нашъ про васъ говорилъ, что вы—поганые.

— Нѣтъ, мы не поганые, — намъ нашъ Богъ особливый законъ далъ, намъ свинью ѣсть нельзя, а вы ѣдите.

— А вы ее отчего не ѣдите?

— Я не знаю.

Опять помолчали.

— А что она, свинья, вкусная или нѣтъ?

— Если мать ее съ черносливомъ и маслиной испечетъ, такъ она очень вкусная.

Абрамъ задумался. Ему давно приводилось нюхать носомъ у Ѳедора, какъ сладко пахнетъ свинина съ черносливомъ, и у него теперь подъ языкомъ защекотало.

Абрамъ плюнулъ и сказалъ

— Поганое!

Оедоръ говоритъ:

— Моя мать не печетъ поганаго... А у насъ школа лучше вашей.

Отвѣчаетъ Абрамъ:

— А наша еще лучше вашей. У насъ меламедъ въ сивыхъ кудряхъ и все знаетъ.

— И нашъ все знаетъ!

— Нашъ про васъ знаетъ, что вы — поганые, а мы — чистые.

— Да это и нашъ говоритъ, что вы—поганые.

— Ну, такъ погоди, я объ этотъ отцу скажу.

Оба разсказали отцамъ, а потомъ сошлись и опять перекоряться начали:

— Отецъ говоритъ, что вашъ учитель пустяки вретъ.

— А мой отецъ говоритъ, что вашъ учитель пустяки вретъ.

Пошли съ этихъ поръ всякій день считаться и скоро послѣ того Ѳедоръ и Абрамъ, отъ рожденія своего дружные, начали другъ друга поталкивать да съ кулаками одинъ на другого наскакивать.

— Ахъ ты жидъ!—говоритъ одинъ.

А другой отвѣчаетъ:

— Ахъ ты гой-изувѣрный!

Пошло дальше, въ томъ же родѣ, и у другихъ. Гдѣ только встрѣтятся дѣти разновѣрныхъ отцовъ, такъ ужъ имъ и не охота другъ съ другомъ въ ладъ между собою забавляться, а охотнѣе стало мануться, чтобы другъ друга осмѣять, да выругать, и притомъ непремѣнно какъ-нибудь самымъ обиднымъ манеромъ, чтобы чужой вѣры или отца съ матерью коснуться.

Всѣ еще понимали въ разности вѣръ очень мало, и то одно только самое поверхностное, а спорили очень много и часто заканчивали свои споры драками.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Изъ-за дѣтей вскорѣ и отцы начали ссориться, и сами тоже стали учить дѣтей, чтобы не сходились.

— Черезъ васъ, дескать, теперь только стала распря.

Ѳедорова мать и Абрамова мать пошли разъ на огороды, чтобы поискать сыновей, и видятъ, что ихъ сыновья стоятъ другъ противъ друга на межѣ и толкаются, а у самихъ у обоихъ глаза горятъ и оба другъ на друга кулачонки сучатъ.

Одинъ покрикиваетъ: «Подойди-ка, подойди!» и другой— тоже.

Матери ихъ развели. Всякая взяла себѣ подъ рукавъ своего и говорятъ:

— Удивительно, отчего прежде они никогда не ссорились. Это, вѣрно, твой моего задирать началъ.

А другая отвѣчаетъ:

— Съ какой стати берешь на моего говорить? Мой всегда смирный, а это твой задираетъ.

Начали спорить: «твой — этакой», а «твой — этакой», и разругались.

— Чтобъ нога твоего,—говоритъ,—на нашъ огородъ не вступала.

И другая сказала то же.

И взяла одна камней набрала и стежку проложила, чтобы за этотъ рядокъ Ѳедоръ съ Абрамомъ и переступать не могли.

А другая говоритъ:

— Я сама еще рядокъ камешковъ подброшу.

Стала камни швырять, да, въ сердцахъ, одна камнемъ въ сосѣдку попала. Та завизжала.

Кинулись другъ на дружку и начали одна на другой платье рвать, да въ глаза плеваться. Дѣти за ними. Сдѣлалась драка, и поднялся такой большой шумъ, что услыхали другіе сосѣди и тоже выскочили на огородъ смотрѣть, какъ двѣ бабы дерутся, а ребятишки имъ помогаютъ. Услы-

хали, наконецъ, и отцы Ѳедора и Абрама, что ихъ жены и сыновья дерутся, и прибѣжали и стали ихъ разнимать, да вмѣсто того сами подрались. А сосѣди, которые видѣли драку, глядятъ черезъ заборы и руками пока не вмѣшиваются, но стараются помогать молитвами.

А потомъ тѣ и другіе не вытерпѣли, перелѣзли черезъ загородки и стали каждый своими кулаками подсоблять и вышло общее побоище.

Пришли военные и ихъ разогнали. а тѣхъ, кто началъ драку, за клинъ посадили и ноги имъ въ колодки забили, а правителю доложили, что всѣ эти люди за вѣру ссорятся.

Правитель велѣлъ христіанина выпустить, а жида еще побить и съ него штрафъ взять, чтобы другимъ не повадно было съ крещеными ссориться.

Прежнихъ сосѣдскихъ ладовъ между Ѳедоровымъ отцомъ и Абрамовымъ съ сей поры какъ и не было. Вмѣсто пріязни настало такое неудовольствіе, что изъ нихъ ни одинъ другъ на друга и смотрѣть не могъ безъ гнѣва. А чтобы впередъ еще драки не было, они разгородились высокимъ каменнымъ заборомъ, такъ, чтобы никто на сосѣдское мѣсто и заглядывать не могъ. Такъ прежніе добрые сосѣди состарились и въ распрѣ другъ съ другомъ померли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

А время шло впередъ, какъ ему Богомъ указано, и Ѳедоръ, и Абрамъ выросли, отучились и стали хозяйствовать. Оба они продолжали дѣла, которыми ихъ отцы занимались.

Ѳедоръ торговалъ съ заморскими городами, а Абрамъ золотыя и серебряныя вещи дѣлалъ. Оба жили въ достаткахъ, но другъ съ другомъ попрежнему, какъ въ дѣтствѣ было дружно, уже не сходились, пока пришелъ одинъ особый случай.

Гулялъ разъ Ѳедоръ, въ праздничный день, въ загородномъ мѣстѣ, за рощами надъ заливомъ, и видитъ, что нѣ-

сколько человѣкъ изъ тѣхъ, съ которыми онъ вмѣстѣ въ одной школѣ учился, напали на Абрама, отняли у него золотыя кольца и самого его бьютъ да приговариваютъ:

— Вотъ какъ тебѣ, жидъ, чтобы ты нашъ праздникъ почиталъ и не смѣлъ бы работать и ходить съ непочтеніемъ.

Оедору вспомнилось дѣтство и жалко стало Абрама: за что его обижаютъ? Оедоръ и вмѣшался.

— Для чего, — говоритъ, — вы его обижаете? Какое зло онъ вамъ сдѣлалъ?

А тѣ отвѣчаютъ:

— Онъ нашей вѣрѣ непочтеніе сдѣлалъ.

— Какое же непочтеніе?

— Онъ въ нашъ праздникъ работу разноситъ и, какъ шелъ мимо воротъ, гдѣ ликъ написанъ, головы не открылъ.

А Оедоръ, такъ какъ зналъ Евангеліе и законъ еврейской набожности, то и говоритъ:

— Вы не въ правѣ поступаете. Работать никогда не грѣхъ. Сказано: если у тебя овца упадетъ въ яму, развѣ ее, хоть и въ праздникъ, не вытащишь? И за непоклонъ головы вы съ него напрасно взыскиваете: это не обида, потому что по-нашему передъ святыней надо голову открыть, а по-ихнему обычаю это какъ разъ наоборотъ установлено: у нихъ надо передъ святыней непремѣнно съ покрытой головой быть, а открыть голову—значитъ непочтеніе.

Это дѣйствительно такъ было, какъ объяснялъ Оедоръ, но ему не повѣрили и всѣ заговорили:

— Ты врешь: какъ можно передъ святыней покрывши голову быть?—это ты выдумываешь!

А Оедоръ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я вѣрно знаю и говорю правду.

— А почему тебѣ такая правда извѣстна, а намъ неизвѣстна? Мы всѣ въ одномъ мѣстѣ учились.

А Оедоръ отвѣчаетъ:

— Я ранѣе школы дома объ ихъ вѣрѣ въ книжкахъ читалъ.

— А-га... Ну, такъ ты,— говорятъ, — вѣрно и самъ потаенный жидъ.

И набѣжало еще со всѣхъ сторонъ много людей, справлявшихъ праздникъ, и стали спрашивать:

— Что здѣсь за шумъ и за что ссорятся?

А прежніе стали скоро, частоговоркой, разсказывать, что вотъ поймали жида съ непочтеніемъ, а Ѳедоръ, хотя и крещеный, но за жидовскую вѣру заступается и свою ниже ставитъ. А тѣ люди, не разобравши дальше, отвѣчаютъ Ѳедору:

— Ты виноватъ!

— Чѣмъ?.. Я никому зла не сдѣлалъ.

— Какъ, — говорятъ, — зла не сдѣлалъ! А развѣ ты за жида не заступился?

Ѳедоръ не солгалъ и хотѣлъ разсказать, изъ-за чего вышло то дѣло, въ которомъ онъ заступился за Абрама, но его перебили и всѣ закричали:

— Это все равно: если ты жидовскій обычай оправдываешь и съ своими равняешь, то это все равно, что ты жидовскую вѣру хвалишь. Примите же и честь одинаковую.

И стали всѣ бить ихъ обоихъ вмѣстѣ — и Абрама, и Ѳедора.

Избили ихъ и оставили обоихъ въ рощѣ, въ темномъ мѣстѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ѳедоръ съ Абрамомъ долго пролежали тутъ безъ памяти, а ночью, при прохладѣ, пришли понемножку въ себя и стали, другъ на друга опираючись, ползти домой. А какъ они добрались передъ свѣтомъ до дому, то Абрамъ сказалъ Ѳедору:

— Другъ Ѳедоръ! ты оказалъ мнѣ правду и милосердіе. Я твой должникъ буду на всю мою жизнь, а еще мнѣ всего дороже то, что ты человѣкъ справедливый и Бога больше, чѣмъ людей, боишься.

Оедоръ отвѣтилъ:

— Другъ Абрамъ! это и не должно быть иначе: такъ намъ Іисусъ Христосъ велѣлъ, а я хочу быть Его ученикъ.

Абрамъ говоритъ:

— Да, но не всѣ ученики твоего Учителя понимаютъ Его ученіе такъ, какъ ты.

— Что же дѣлать,—отвѣчалъ Оедоръ.—Вѣдь и у евреевъ то же самое: внушенія человѣческія для многихъ закрываютъ заповѣди божескія.

— Правда,—молвилъ Абрамъ и, вздохнувъ, добавилъ:— поймутъ ли когда-нибудь всѣ люди истину, что Творецъ не желаетъ въ нихъ раздѣленія?

— Поймутъ всѣ, только не въ одно время.

— Приблизь, Господь, это время.

Оедоръ улыбнулся.

— Вотъ, — говоритъ,— Абрамъ, мы съ тобой въ дѣтяхъ другъ друга любили, когда вмѣстѣ играли и вмѣстѣ подъ однимъ кустомъ спали, а потомъ люди насъ заставили врознь быть. А сейчасъ ты, я думаю, не замѣтилъ, что сталось: мы вѣдь вмѣстѣ одною молитвой къ Богу помолились!..

Абрамъ говоритъ:

— Пусть живетъ въ васъ духъ Учителя вашего, а не иныхъ, кои имя Его знаютъ, да духа Его не имѣютъ.

Послѣ этого они стали опять пріятелями и, по старой, дѣтской привычкѣ, находили большое удовольствіе, чтобы послѣ трудовъ другъ съ другомъ постоять и поговорить.

Въ дома они одинъ къ другому не входили, потому что боялись, чтобы черезъ это не увеличить молву, которая про нихъ была пущена. Про Оедора свои говорили, будто онъ потому за жида заступался, что самъ втайнѣ предается жидовству и даже на молитвѣ по-жидовски скачетъ; а про Абрама жиды сочиняли, что онъ свиное ухо съѣлъ и Моисеевъ законъ оставляетъ и тайно къ христіанамъ пристаетъ, чтобы войти въ милость у властителей. И обоимъ имъ и отъ

семейныхъ, и отъ своихъ общественныхъ людей выпадали досадные попреки.

А на самомъ дѣлѣ ничего этого не было. Оедоръ и Абрамъ—оба оставались по вѣрѣ, какъ были: кто въ которой родился, тотъ въ той и пребывалъ. И какъ они въ дѣтствѣ своемъ никогда не спорили, чья вѣра лучше или богоугодиѣе, такъ же и теперь никакихъ споровъ о вѣрѣ не заводили. Напротивъ, они какъ бы крѣпче увѣрились, что и въ одной, и въ другой вѣрѣ во всѣхъ отношеніяхъ можно себя руководствовать, если только понимать вѣру правильно и не имѣть лукавыхъ замысловъ и вредныхъ для мира привычекъ.

А когда они въ этомъ укрѣпились, то если у нихъ послѣ того заходилъ разговоръ, то онъ только въ тихую и пріятную бесѣду обращался.

Оедоръ сказалъ разъ Абраму:

— Мнѣ жалостно видѣть, сколько черезъ споры о вѣрѣ сдѣлалось распрей въ людяхъ.

А Абрамъ ему отвѣтилъ:

— Этому такъ и слѣдуетъ быть. Если очи наши не на одинаковую даль и не на равную высь видѣть могутъ, то кольми паче пониманіе не одинаково все постигать можетъ, а должно разнствовать. Если бы это не было угодно Богу, то всѣ бы люди одинаково все видѣли и одинаково понимали; но Богъ не такъ создалъ, а создалъ различіе въ пониманіи. Оттого и разныя вѣры.

Оедоръ согласился.

— Это такъ,— говоритъ,— но только распри, которыя черезъ это настаютъ, душѣ моей тягостны.

— Распри,—отвѣчалъ Абрамъ,—тоже отъ непониманія, что всѣ вѣры къ одному Богу ведутъ. Кто умный богочтитель, тотъ во всякой вѣрѣ пожелаетъ почтить ея истину.

Опять согласился Оедоръ.

— Да,—говоритъ,—я давно думаю, что вотъ и твои единовѣрцы напрасно негодуютъ на Христа. Они сами не по-

нимаютъ, что Онъ одно добро желалъ сдѣлать всѣмъ людямъ, и за то и убитъ отъ злобы непонимавшихъ.

Абрамъ согласился.

— Словъ нѣтъ, что твоя правда,— сказалъ Абрамъ. — Мужъ Галилейскій, о Которомъ ты говоришь, честенъ, святъ, и премудръ, а не понимаютъ Его не только худые изъ Моисеевыхъ учениковъ, которые мнятъ тѣмъ ненавидѣніемъ службу приносить Богу, но не понимаютъ многіе и твои единовѣрцы, и это тѣмъ жалче, что сіи даже Богомъ Его почитаютъ, а Его добраго святого ученія и по человѣчеству не исполняютъ. Жалѣй, другъ мой Оедоръ, объ этомъ, ибо чрезъ это вы другимъ не можете открыть Іисуса во всей силѣ Его побѣждающаго завѣта и иныхъ о себѣ смущаете и заставляете сомнѣваться въ вѣрѣ вашей.

Оедоръ вздохнулъ и сказалъ:

— Абрамъ, ты меня борешь!

А Абрамъ отвѣчалъ:

— И ты меня борешь! Не спорить надо о Богѣ, а стараться жить въ мирѣ.

Абрамъ приложилъ большіе персты своихъ рукъ къ глазамъ и голосно, по-жидовски, пропѣлъ:

— «Умейнъ!» т.-е. аминь, или по-нашему «истинно».

Оедоръ обнялъ его изо всей силы и, прижавъ къ сердцу, прошепталъ:

— Онъ теперь среди насъ.

Абрамъ говоритъ:

— Ну, такъ что жъ? Побудь съ нами, мужъ Галилейскій!

Оедоръ растрогался и заплакалъ:

— Побудь!—молитъ.—Останься! Мы сотворимъ Тебѣ сѣню.

А Абрамъ опять ударилъ:

— «Умейнъ!»

И такъ точно разговоры о вѣрѣ никогда не смущали согласія Абрама и Оедора. Они опять ходили въ свой разгороженный огородъ и, подмостившись на скамейкахъ, бесѣдовали черезъ стѣну, но только ненадолго этого стало.

Вѣрѣ, надеждѣ и любви скоро пришло испытаніе.

Оедоръ и Абрамъ стали мирны, да вокругъ ихъ все уже инымъ духомъ взялось и все, что случится, оборачивалось имъ въ смущеніе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

У Оедора начались разныя бѣды—и все одна за другою. Одна бѣда точно вела за собою другую. Оедоръ сначала сдѣлался нездоровъ и долго лежалъ, а потомъ стали у него болѣть дѣти и ни одинъ не выздоровѣлъ, а всѣ другъ за другомъ умерли, а потомъ умерла и его молодая жена, которую онъ любилъ и имѣлъ отъ нея большую помощь въ хозяйствѣ.

Оедоръ въ этихъ горестяхъ ослабѣлъ душою и сталъ неаккуратно смотрѣть за дѣлами, а его наемные люди, хоть они были и крещеные, а не пожалѣли его и этимъ его несчастіемъ воспользовались и много расхитили. Послѣ же всего одинъ его должникъ, которому Оедоръ вѣрилъ какъ брату, сильно его обманулъ и присягнулъ, что долгъ ему отдалъ. Оедорово хозяйство отъ всего этого сильно пошатнулось, и онъ закручинился. А люди стали о немъ толковать и со всѣхъ сторонъ ему говорили:

— Раздумайся: за что такъ тебя Богъ наказываетъ? Вѣрно это на тебя посылается за то, что ты живешь въ дружбѣ съ жидомъ, врагомъ вѣры христіанской.

Оедоръ такимъ внушеніямъ не вѣрилъ и словъ этихъ не любилъ слушать, а отвѣчалъ:

— Вы мнѣ не утѣшеніе дѣлаете, а одну досаду. Вы сами не знаете, что говорите, намъ Христосъ никого не позволилъ ненавидѣть, а всѣхъ приказалъ любить.

— Только,—говорятъ,—не жидовъ.

А Оедоръ отвѣчаетъ:

— Этого въ Евангеліи не сказано.

— Жидъ—врагъ нашей вѣрѣ.

— Онъ враждуетъ, если не понимаетъ, чему учитъ наша

вѣра, а глядя на насъ о ней судитъ. Это мы виноваты, потому что мы еще злы и не исправляемся и не живемъ по Христову наставленію. Сосѣдъ Абрамъ никогда мнѣ моей вѣры не порочилъ и даже объ ученіи Христовомъ разсуждаетъ съ почтеніемъ; а если бы онъ и врагъ былъ, то и тогда я, какъ христіанинъ, обязанъ былъ бы о немъ, какъ о врагѣ, милосердовать, чтобы волю Христову исполнить. Или забыли, что Христосъ на крестѣ за Своихъ враговъ молился?

Ему отвѣчаютъ:

— Намъ съ Христомъ себя не ровнять — Онъ Богъ, а мы люди. Ты богохульствуешь.

— Нѣтъ, я не богохульствую.— отвѣчалъ Ѳедоръ,— а я только говорю, что Христу надо слѣдовать, и когда другіе люди нашу доброту увидятъ, они скорѣе нашу вѣру любить станутъ. Въ этой добротѣ мы Христа своего всему міру явить можемъ на уваженіе.

Люди на это только больше разсердились, а среди ихъ былъ одинъ Никодимъ-мутоварникъ, который продавалъ муро,— онъ сталъ всѣмъ сказывать, что Ѳедора грѣшно и слушать, потому что Ѳедоръ теперь уже проклятъ, яко другъ жидовиновъ, и Никодиму будто во снѣ явлено, что Ѳедору дальше не будетъ ни въ чемъ удачи, а нападутъ на него еще бо́льшія бѣды, и тому, кто съ Ѳедоромъ водиться станетъ, тоже ни въ чемъ удачи не будетъ.

Ѳедоръ и этому не внималъ и не боялся быть отъ всѣхъ покинутымъ, а разсуждалъ такъ, что онъ худа не дѣлаетъ, храня дѣтскую дружбу съ Абрамомъ, человѣкомъ честнымъ, который свою вѣру держитъ, а чужой не порочитъ и даже хорошее въ ней хорошимъ называетъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Абрамъ пришелъ къ Ѳедору и сказалъ безъ всякаго гнѣва:

— Другъ Ѳедоръ, я узналъ, что твои люди на тебя въ

большомъ неудовольствіи за твое ко мнѣ расположеніе. Какъ бы для тебя отъ этого худо не вышло.

А Оедоръ отвѣчаетъ:

— Другъ Абрамъ, я люблю тебя и не могу дѣлать иначе. Въ отрочьемъ вѣкѣ насъ съ тобою было разбили, но теперь, въ возрастѣ, мы этого надъ собой не допустимъ. Только душа моя ослабѣваетъ отъ большихъ несчастій. Неужели и вправду Богъ меня кинулъ?

— Счастіе и несчастіе смѣняются въ жизни,—отвѣчалъ Абрамъ.—Богъ, Который создалъ и христіанина, и еврея, и темнаго язычника, — никому не открылъ тайны судьбы ихъ. Люди дерзки, когда они хотятъ проницать тайну Бога и толкуютъ по-своему, за что человѣку отъ Бога посылается счастіе или несчастіе. Это какъ по нашей, такъ и по вашей вѣрѣ совсѣмъ не человѣческое дѣло разбирать и раскладывать. Наше человѣческое дѣло — помогать, чѣмъ можемъ, другъ другу; къ пріязни нашей теперь подваленъ большой камень, а потому и тебѣ будетъ трудно, да и мнѣ страшно, если тебя постигнетъ еще какое-нибудь бѣдствіе. А потому, прошу тебя, не стѣсняйся дружбой ко мнѣ и покажи, что ты мною пренебрегаешь, а я въ душѣ моей за это на тебя не обижусь.

Въ Оедорѣ отъ этихъ словъ даже сердце заныло.

— Нѣтъ,—говоритъ,—Абрамъ, ты мнѣ другъ отъ младыхъ ногтей и никогда меня ничѣмъ не обидѣлъ, и я тебя не могу обидѣть такимъ обхожденіемъ.

— Ну, смотри, какъ знаешь,—отвѣчалъ Абрамъ и, поцѣловавъ Оедора, добавилъ сквозь слезы: — Богъ одинъ знаетъ, къ чему эти испытанія; но будемъ другъ другу вѣрны—и Богъ не постыдитъ нашей вѣрности.

Такъ друзья днемъ между собою говорили, а ночью собрались надъ ихъ городомъ тучи, ударилъ съ неба громъ и спалилъ въ одно мгновеніе весь домъ Оедора и всѣ его амбары и кладовыя, гдѣ у него лежали товары, которые онъ только что хотѣлъ посылать за море.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Послѣ этой бѣды отшатнулись отъ Оедора всѣ, какъ отъ чумнаго, и стали вѣрить, что съ нимъ и знаться не слѣдуетъ, потому что на немъ въявѣ гнѣвъ Божій.

Оедоръ стоитъ на своемъ пожарищѣ унылый и думаетъ:

«Мнѣ ни отъ кого не будетъ помощи».

А знакомый голосъ кличетъ его изъ-за забора.

Оедоръ поднялъ голову и видитъ лицо Абрама.

— Что ты тужишь?—говоритъ Абрамъ.—Въ бѣдѣ надо скорѣй поправляться.

А Оедоръ отвѣчаетъ:

— Нечѣмъ мнѣ мою бѣду поправлять: я все до тла потерялъ и теперь мнѣ не за что взяться.

— Я тебѣ денегъ дамъ взаймы на разживу.

— Ты смѣешься, Абрамъ!

— Нѣтъ, не смѣюсь.

— Мнѣ теперь, чтобы поправиться, надо, по крайней мѣрѣ, тысячу литръ золота.

— А что же ты съ ними сдѣлаешь?

— Я опять накупилъ бы цареградскихъ товаровъ, отплылъ бы въ Александрію, тамъ бы продалъ все за тройную цѣну и долгъ бы отдалъ, и себѣ бы нажилъ.

— Что же, это хорошо,—приходи и возьми себѣ у меня въ долгъ тысячу литръ золота.

— А кого же я тебѣ поставлю порукой, что я тебя не обману и долгъ отдамъ?

— Не надо мнѣ поруки. Пусть будетъ намъ наша дѣтская дружба порукой.

Оедоръ говоритъ:

— Какъ люблю Іисуса Христа, такъ ручаюсь тебѣ, что я тебя не обману.

А Абрамъ отвѣчаетъ:

— Знаю, какъ ты Его почитаешь, и потому еще болѣе

теперь вѣрю. Ты Его имя напрасно не скажешь. Иди и бери деньги.

— А если мнѣ будетъ неудача, и ты тогда станешь думать, что я Христомъ не подорожилъ?

— Нѣтъ, я знаю, что ты человѣкъ вѣрный. Иди ко мнѣ и бери скорѣй тысячу златницъ, снаряжай корабль и плыви съ товаромъ въ Александрію.

Оедоръ написалъ Абраму должную расписку и подписалъ ее, а Абрамъ отсчиталъ Оедору тысячу златницъ, и тотъ накупилъ нужныхъ для Александріи цареградскихъ товаровъ, нагрузилъ все на корабль, распростился и поплылъ въ Египетъ.

Всѣ удивлялись, откуда Оедоръ взялъ столько денегъ, чтобы такъ легко справиться, и говорили между собою: «вѣрно у него деньги въ землѣ были припрятаны». А Оедоръ, когда настало время отчалить его кораблю, зашелъ къ Абраму проститься и, благодаря его еще разъ, сказалъ:

— Вѣрь же, другъ Абрамъ, что я тебя не обману и не поставлю въ фальшь имени Іисуса.

Абрамъ отвѣчалъ:

— Я не сомнѣваюсь. Добрый человѣкъ не можетъ пристыжать того, кого любитъ и уважаетъ, какъ своего учителя. Плыви съ Богомъ и, что̀ бы съ тобою ни случилося, я своего довѣрія не измѣню.

А довѣрію Абрама суждено было выдерживать много испытаній.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Оедоръ благополучно прибылъ съ цареградскими товарами въ Александрію и очень хорошо расторговался. Выручилъ онъ столько денегъ, что могъ заплатить весь долгъ Абраму и себѣ оставить. Но на обратномъ пути въ Константинополь морская буря разбила его корабль, и самъ Оедоръ насилу спасся на бревнѣ, а все его золото погибло.

Мимо шедшіе корабельщики взяли Оедора изъ воды, привезли въ Константинополь и выпустили, какъ нищаго.

Сошелъ Оедоръ на землю, дождался ночи и, согнувшись подъ лохмотьями негодной одежды, которую дали ему на кораблѣ, потащился къ своему пожарищному пустырю, забился въ погребичную яму и плачетъ.

Стыдно ему было даже въ лицо Абраму взглянуть и разсказать, какой съ его деньгами вышелъ худой оборотъ.

А Абрамъ самъ узналъ черезъ людей о Оедоровомъ возвращеніи, и сейчасъ же пролѣзъ къ нему въ яму и говоритъ:

— Полно, Оедоръ, что ты стыдишься? Бѣда надъ всякимъ можетъ случиться. Не приходи въ отчаяніе. Я тебѣ вѣрю и помню, что ты священное для тебя имя во свидѣтельство произнесъ. Ты Іисуса не обманешь, а я вотъ принесъ тебѣ еще тысячу златницъ. Бери и начинай все дѣло наново.

Оедоръ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ не вѣрилъ.

— Я,—говоритъ,—не могу принять.

— Отчего?

— Видишь самъ: меня ужасныя бѣдствія преслѣдуютъ.

— Что же, тутъ-то тебѣ и надо мужаться, а друзьямъ твоимъ тебѣ помогать. Иди, одѣнься въ мою запасную одежду, бери тысячу златницъ и принимайся опять за дѣло.

Оедоръ отвѣчаетъ:

— Я боюсь, что я съ моею судьбой и тебя изнищу.

— Полно, — говоритъ Абрамъ, — что о судьбѣ спорить? Судьба никому неизвѣстна, а то, что ты за меня битъ былъ отъ своихъ, — это мнѣ извѣстно и я тебя не выдамъ въ несчастіи, да не презрѣнъ будетъ въ людяхъ жидъ яко рабъ Еговы, сотворившаго небо и землю. Неужели ты за меня умѣлъ пострадать, а я будто того же снести не сумѣю. Бери деньги и ступай опять искать счастія.

Одѣлъ Абрамъ Оедора въ свою запасную одежду; прежнюю долговую расписку переписали съ одной тысячи на двѣ, и Оедоръ пошелъ снаряжаться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ этотъ разъ Ѳедоръ накупилъ въ Царьградѣ ароматной смолы и нагрузилъ ею цѣлый корабль. Привезъ смолу въ Александрію и съ большимъ прибыткомъ промѣнялъ ее тамошнимъ купцамъ на олово и поплылъ съ оловомъ въ Ефесъ. Въ Ефесѣ на ту пору олово было очень надобно и въ большомъ спросѣ. Ѳедору дали за олово вѣсъ на вѣсъ красной мѣди. И сталъ Ѳедоръ вдругъ богатъ отъ этого выгоднаго промѣна и поплылъ назадъ къ Константинополю, радуясь, что теперь онъ съ Абрамомъ разсчитается и самъ снова будетъ жить непостыдно.

Но вышло все опять пребѣдственно: опять Ѳедорово судно разбилось, и опять все его богатство потонуло. А изъ людей онъ только одинъ спасся, и опять совсѣмъ голый, какъ мать родила, явился домой; добрался онъ до своего пепелища въ Царьградѣ, сѣлъ въ уголкѣ темной погребной ямы и опять плачетъ. Опять приходитъ къ нему Абрамъ и говоритъ:

— Ну, слушай ты, Ѳедоръ! Извели мы съ тобой денегъ много, двѣ тысячи златницъ, и все понапрасну: надо ихъ вернуть.

Ѳедоръ отвѣчаетъ:

— Какъ еще вернуть? Бѣдствія меня такъ и преслѣдуютъ. Но что для меня всего тягостнѣе, ты можешь подумать, что я твои деньги скрылъ и теперь притворяюсь бѣднымъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Абрамъ-жидовинъ,—ты всегда былъ честный человѣкъ, да и Іисусово имя ты не произнесъ бы напрасно. Я знаю, что ты Іисуса истинно почитаешь и никогда во лжи Его имя не упомянешь.

— Утѣшь тебя Богъ, Абрамъ, что ты такъ обо мнѣ думаешь! Правда твоя: я не помяну имени Іисуса Христа во лжи, хотя бы на меня еще бо́льшія пришли напасти, и радъ я, что ты вѣришь, какъ я Его почитаю.

— Ну, и толковать намъ не о чемъ. Вотъ тебѣ твоя старая расписка на двѣ тысячи златницъ. Сотри ее и напиши новую, въ три тысячи, и поѣзжай въ третье.

Ѳедоръ изумился.

— Благодарю,—говоритъ.—за твою добродѣтель, но мнѣ ужъ и брать не охота. Вѣрно, на мнѣ есть какой особый грѣхъ, или въ самомъ дѣлѣ такъ надобно, чтобы люди разныхъ вѣръ другъ другу не помогали.

— А вотъ для этого-то,—говоритъ Абрамъ, — я и не хочу, чтобы ты такъ думалъ. Единъ Богъ во вселенной, но суды Его разбирать не наше дѣло, а помогать другъ другу есть наша обязанность. Пиши третью расписку на три тысячи литръ золота и отплывай въ третье.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ѳедоръ, по настоянію Абрама, взялъ тысячу литръ золота, сѣлъ на корабль и поѣхалъ въ Кальварію. Удача ему опять пошла самая счастливая. Въ Кальваріи онъ накупилъ пшеницы по сребреннику за рѣшето и отплылъ съ нею въ Гундалы, а въ Гундалахъ всю пшеницу продалъ по златницѣ за рѣшето. Денегъ стало очень много, но Ѳедоръ на томъ не остановился: въ Гундалахъ онъ накупилъ хорошаго винограднаго вина по сребреннику за мотру и поплылъ съ виномъ въ Антіохію. Вино за дорогу переиграло, стало еще лучше, и Ѳедоръ продалъ здѣсь вино по златницѣ за мотру, которую купилъ всего по сребреннику.

Послѣ этого у Ѳедора стало столько денегъ, что и дѣвать некуда. Но Ѳедоръ зналъ, что онъ и прежде съ Абрамовой руки наживалъ ихъ легко, да только никогда довезти не могъ.

Какъ бы опять въ третій разъ того же самаго не было.

Надумалъ Ѳедоръ лучше самому денегъ не везти, а послать ихъ съ какими-нибудь вольными корабельщиками такъ, чтобы имъ неизвѣстно было, что они везутъ.

Пошелъ Ѳедоръ ходить по городу, купилъ для Абрама даръ—антіохійскій плащъ, да сѣдло, чтобы на ослѣ ѣздить, да крѣпкій ларецъ, и сдѣлалъ изъ всего этого одинъ свертокъ, а ларецъ завертѣлъ въ самую середку, и положилъ туда четыре тысячи золотыхъ литръ: три тысячи въ возвратъ за взятый у Абрама долгъ, а четвертую тысячу за проценты. Завернулъ это все такъ, что ларца не видно было, и отдалъ ѣхавшимъ въ Царьградъ корабельщикамъ, чтобъ отвезли Абраму-жидовину. А мало время спустя и самъ поѣхалъ за ними слѣдомъ.

Вольные корабельщики не догадались, что они везутъ въ посылкѣ золото, и какъ дошли до Царьграда, такъ сейчасъ и отдали посылку Абраму-жидовину.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Абрамъ былъ человѣкъ осторожный: онъ не сталъ при корабельщикахъ смотрѣть, что такое ему отъ Ѳедора прислано, а отнесъ свертокъ домой, заперся одинъ и, какъ развернулъ плащъ и сѣдло, то нашелъ накрѣпко заклепанный ларецъ, а въ ларцѣ деньги — всѣ четыре тысячи златницъ полностью: три — въ возвратъ займа, а четвертая — за проценты.

Абрамъ пересчиталъ деньги, спряталъ ихъ и молчитъ, никому ни слова не говоритъ.

Вскорѣ затѣмъ Ѳедоръ успѣлъ вернуться и сейчасъ же приходитъ къ Абраму съ большими дарами: кладетъ передъ нимъ и ткани, и каменья, и золото.

— Прими,— говоритъ,—отъ меня; я тебѣ всѣмъ обязанъ. Безъ тебя бы пропалъ я.

А Абрамъ отвѣчаетъ:

— Я за дары тебя благодарю и принимаю ихъ, но пора же тебѣ, Ѳедоръ, теперь мнѣ и долгъ отдать.

Ѳедоръ сильно смутился, но отвѣчалъ другу:

— Правда, Абрамъ. Я затѣмъ и пришелъ, чтобы под-

нести тебѣ сначала мои дары въ честь, а теперь пойдемъ со мною на мой корабль, раскроемъ все, что я имѣю, сочтемъ и подѣлимъ все поровну на-двое: половину мнѣ, а половину — тебѣ.

Абрамъ усмѣхнулся и говоритъ:

— Нѣтъ, Ѳедоръ, я тебя искушалъ шуткою, чтобы видѣть: не опалишься ли ты на меня и не скажешь ли мнѣ укоризны за мое жидовство. Вижу, однако, что ты воистину кротокъ, какъ твой Учитель, Іисусъ Галилейскій. Я отъ тебя черезъ корабельщиковъ весь свой долгъ и проценты получилъ и мнѣ больше ничего отъ тебя не слѣдуетъ. Вотъ возьми свою должную грамоту. Но скажи мнѣ только на милость, какъ ты это такъ послалъ мнѣ столь значительныя деньги безъ всякаго слѣда?

— А видишь,—отвѣчалъ Ѳедоръ,—я ужасался моего несчастія на обратный путь и лучше хотѣлъ два раза тебѣ заплатить, чѣмъ еще одинъ разъ остаться неисправнымъ за порукой имени моего Спасителя.

Абрамъ обнялъ и расцѣловалъ Ѳедора.

— Да,—говоритъ,—ты Его истинно любишь и прославляешь. Умножь Богъ на свѣтѣ людей, тебѣ равныхъ и подобныхъ.

— Да умножь Богъ и такихъ, какъ ты, Абрамъ!—отвѣчалъ Ѳедоръ, и сказалъ, что онъ желаетъ построить изъ своего богатства такой домъ, гдѣ бы былъ пріютъ и харчи всѣмъ бѣднымъ дѣтямъ всѣхъ вѣръ безъ различія, чтобъ они съ дѣтства другъ съ другомъ свыкались, а не раздѣлялись.

Абрамъ очень обрадовался.

— Хорошо, говоритъ,—и я свой процентъ не беру, а отдаю на этотъ домъ. Пусть дѣти живутъ безъ разбору, какъ мы съ тобою жили въ дѣтствѣ нашемъ. И пусть будетъ это дружбѣ нашей на старости поминанье.

И сдѣлали такъ: построили домъ и назвали его «селеніемъ ближнихъ». И, приходя туда, оба одною радостью радовались и, одною равною заботой о «ближнихъ» заботясь,

мнили, яко единую и согласную службу приносятъ всѣхъ сотворившему Богу.

Повѣсть эта не есть баснословіе, измышленное досугомъ писателя. Это есть истинная исторія, въ древніе годы, дѣйствительно, бывшая и въ давніе же годы писанная рукой современнаго богочтителя и человѣколюбца. Нынѣ она отъ старыхъ записей взята и въ новомъ изложеніи подается для возможнаго удовольствія друзей міра и человѣколюбія, оскорбляемыхъ нестерпимымъ дыханіемъ братоненавидѣнія и злопомненія.

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(ОТРЫВКИ ИЗЪ ЮНОШЕСКИХЪ ВОСМОМИНАНІЙ).

Старинный характеръ и бибиковскія преобразованія.—Нѣчто о Карасивнѣ и Пиднебесной и объ акаѳистѣ «матери Кукурузѣ».—Печерскій Кесарь и его импровизаціи.—Стремленіе войска уйти въ походъ противъ Вылезарія.—Легенда о бибиковской тещѣ и о всепомогающемъ докторѣ.—Способъ обращать верхніе зубы въ нижніе.—Квартальный антикварій.—Наѣздъ Виньёля.—Старецъ Малафей Пимычъ и отрокъ Гіезій.—Порча отрока человѣчиной.—Открытіе моста.—Аскоченскій въ поэтическомъ восторгѣ.—Альфредъ фонъ-Юнгъ—его опечатки и его поэзія.—Анекдоты съ коннымъ нѣмцомъ и съ отцомъ Строфокамиломъ.—Малафеево стояніе.—Неисполнившееся откровеніе.—Старцева смерть—отрокова женитьба.—Миръ въ тропарѣ.—Два дворянина.—Исключительный священникъ.—Тайна троицкой церкви.—Нѣчто о «Запечатлѣнномъ Ангелѣ».

> «Мнѣ убо, возлюбленніи, желательно есть вспомянути доброе житіе крѣпкихъ мужей и предложити вашей любви слово нехитрорѣчивое, но истиною украшенное. Вамъ же любезно да будетъ слышати добрыя повѣсти о мужахъ благостныхъ».
>
> *Изъ предисловія къ повѣсти «объ отцахъ и страдальцахъ».*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разскажу нѣчто про кіевскихъ оригиналовъ, которыхъ я зналъ въ дни моей ранней юности и которые, мнѣ кажется, стоятъ вниманія, какъ личности очень характерныя и любопытныя. Но, вначалѣ, да позволено мнѣ будетъ сказать два слова о себѣ. Они необходимы для того, чтобы показать,

гдѣ и какъ я познакомился съ «печерскимъ Кесаремъ», съ котораго я долженъ начать мою кіевскую галлерею антиковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Меня въ литературѣ считаютъ «орловцемъ», но въ Орлѣ я только родился и провелъ мои дѣтскіе годы, а затѣмъ въ 1849 г. переѣхалъ въ Кіевъ.

Кіевъ тогда сильно отличался отъ нынѣшняго, и разница эта заключалась не въ одной внѣшности города, но и въ нравахъ его обитателей. Внѣшность измѣнилась къ лучшему, т. е. городъ наполнился хорошими зданіями и, такъ сказать, *освропеился*, но мнѣ лично жаль многаго изъ стараго, изъ того, что сглажено и уничтожено, можетъ быть, нѣсколько торопливою и во всякомъ случаѣ слишкомъ безцеремонною рукою Бибикова. Мнѣ жаль, напримѣръ, лишеннаго жизни Печерска и облегавшихъ его урочищъ, которыя были застроены какъ попало, но очень живописно. Изъ нихъ нѣкоторыя имѣли также замѣчательно своеобразное и характерное населеніе, жившее неодобрительною и даже буйною жизнью въ стародавнемъ запорожскомъ духѣ. Таковыя были, напримѣръ, удалые Кресты и Ямки, гдѣ «мѣшкали безсоромнія дівчата», составлявшія любопытное соединеніе городской, культурной проституціи съ казацескимъ простоплетствомъ и хлѣбосольствомъ. Къ этимъ дамамъ, носившимъ не европейскіе, а національные малороссійскіе уборы, или такъ называемое «простое платье», добрые люди хаживали въ гости съ своею «горілкою, съ ковбасами, съ саломъ и рыбицею», и «Крестовскія дівчатки» изъ всей этой приносной провизіи искусно готовили смачныя снѣди и проводили съ своими посѣтителями часы удовольствій «по-фамильному».

Были изъ нихъ даже по-своему благочестивыя: эти открывали свои радушныя хаты для пировъ только до «благодатной», т. е. до второго утренняго звона въ лаврѣ. А какъ только раздавался этотъ звонъ, казачка крестилась,

громко произносила: «радуйся, благодатная, Господь съ тобою», и сейчасъ же всѣхъ гостей выгоняла, а огни гасила.

Это называлося «досидѣть до благодатной».

И гости,—трезвые и пьяные этому подчинялися.

Теперь этого оригинальнаго типа непосредственной старожилой кіевской культуры съ запорожской заправкой уже нѣтъ и слѣда. Онъ исчезъ, какъ въ Парижѣ исчезъ типъ мюзаровской гризеты, съ которою у кіевскихъ «крестовыхъ дівчатъ» было нѣчто сходственное въ ихъ простосердечіи.

Жаль мнѣ тоже живописныхъ набережныхъ хатокъ, которыя лѣпились по обрывамъ надъ днѣпровской кручей: онѣ придавали прекрасному кіевскому пейзажу особенный теплый характеръ и служили жилищемъ для большого числа бѣдняковъ, которые хотя и получили какое-то вознагражденіе за свои «поламанные дома», но не могли за эти деньги построить себѣ новыхъ домовъ въ городѣ и слѣпили себѣ гнѣзда надъ кручею. А между тѣмъ эти живописныя хаточки никому и ничему не мѣшали. Ихъ потомъ опять разметала властная рука Бибикова. Жаль превосходнѣйшей аллеи рослыхъ и стройныхъ тополей, которая вырублена уже при Анненковѣ для устройства на ея мѣстѣ нынѣшняго увеселительнаго балагана, съ его дрянными развлеченіями. Но всего болѣе жаль тихихъ куртинъ верхняго сада, гдѣ у насъ былъ свой лицей. Тутъ мы, молодыми ребятами, бывало, проводили цѣлыя ночи до бѣла свѣта, слушая того, кто намъ казался умнѣе,—кто обладалъ большими противъ другихъ свѣдѣніями и могъ разсказать намъ о Кантѣ, о Гегелѣ, о «чувствахъ высокаго и прекраснаго», и о многомъ другомъ, о чемъ теперь совсѣмъ и не слыхать рѣчей въ садахъ нынѣшняго Кіева. Теперь, когда доводится бывать тамъ, все чаще слышишь только что-то о банкахъ и о томъ, кого во сколько надо цѣнить на деньги. Любопытно подумать, какъ это настроеніе отразится на нравахъ подрастающаго поколѣнія, когда настанетъ его время дѣйствовать...

Нравы, собственно говоря, измѣнились еще болѣе, чѣмъ

зданія, и тоже, можетъ-быть, не во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему. Перебирать и критиковать этого не будемъ, ибо «всякой вещи свое время подъ солнцемъ», но пожалѣть о томъ, что было мило намъ въ нашей юности, надѣюсь, простительно, и кто, подобно мнѣ, уже пережилъ лучшіе годы жизни, тотъ, вѣроятно, не осудитъ меня за маленькое пристрастіе къ тому старенькому, сѣрому Кіеву, въ которомъ было еще очень много простоты, нынѣ совершенно исчезнувшей.

Я зазналъ этотъ милый городъ въ его дореформенномъ видѣ съ изобиліемъ деревянныхъ домиковъ, на углахъ которыхъ тогда, впрочемъ, были уже вывѣшены такъ называвшіяся «бибиковскія доски». На каждой такой доскѣ была суровая надпись: «сломать въ такомъ-то году».

Этихъ несчастныхъ, обреченныхъ на сломку домиковъ было чрезвычайно много. Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ и пошелъ его осматривать, то «бибиковскія доски» навели на меня неожиданную грусть и уныніе. Смотришь — чистенькія окошечки, на нихъ горшочки съ краснымъ перцемъ и бальзаминами; по сторонамъ пришпилены бѣлыя «фиранки», на крышахъ воркуютъ голуби и въ глубинѣ двориковъ хлопотливо кудахчутъ куры, и вдругъ почему-то и зачѣмъ-то придутъ сюда какіе-то сторонніе люди и все это разломаютъ... Для чего это? И куда дѣнутся, куда тогда пойдутъ эти люди, которымъ, повидимому, довольно удобно и хорошо живется за ихъ бѣлыми «фиранками»? Можетъ статься, что все это было необходимо, но тѣмъ не менѣе отдавало какимъ-то непріятно-безцеремоннымъ и грубымъ самовластіемъ.

Бибиковъ, конечно, былъ человѣкъ твердаго характера и можетъ быть государственнаго ума, но, я думаю, если бы ему было дано при этомъ немножко побольше сердца,—это не помѣшало бы ему войти въ исторію съ болѣе пріятнымъ аттестатомъ.

Старый городъ и Печерскъ особенно щедро были изукрашены «бибиковскими досками», такъ какъ здѣсь должно

было совершиться и въ весьма значительной степени и совершилось намѣченное Бибиковымъ капитальное «преобразованіе». А на Печерскѣ жилъ самый непосредственнѣйшій изъ кіевлянъ, про которыхъ я попробую здѣсь для начала разсказать, что удержала моя память.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я съ пріѣзда поселился на Житомирской улицѣ, въ домѣ бывшаго секретаря комиссаріатской комиссіи Запорожскаго (тоже въ своемъ родѣ антика), но, совершенно одинокій и предоставленный самому себѣ, я постоянно тяготѣлъ къ Печерску, куда меня влекли Лавра и пещеры, а также и нѣкоторое еще въ Орлѣ образовавшееся знакомство.

Печерскіе знакомцы мои были молодые родственники нѣкогда чѣмъ-то знаменитаго въ Кіевѣ Николая Семеновича Шіянова.

Къ тому времени, когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, старикъ Шіяновъ уже не жилъ на свѣтѣ и даже о быломъ его значеніи ничего обстоятельнаго не говорили, такъ я собственно и до сихъ поръ не знаю, чѣмъ и въ какомъ родѣ былъ знаменитъ Шіяновъ; но что онъ былъ все-таки знаменитъ,— этому я всегда вѣрилъ такъ же православно, какъ пріялъ это въ Орлѣ отъ его родственниковъ, увлекшихъ меня обольстительными разсказами о красотѣ Кіева и о поэтическихъ прелестяхъ малороссійской жизни.

Я остаюсь имъ за это всегда благодарнымъ*).

*) Со временемъ потомство, можетъ-статься, не въ силахъ будетъ составить себѣ ясное понятіе даже и о такихъ достопримѣчательныхъ личностяхъ Кіева, какъ, напримѣръ, Карасивна и Пидпебесная, за знаменитыми булками которыхъ бѣгалъ на Подолъ весь городъ. Все это происходитъ отъ аристократизма нашихъ хроникеровъ и лѣтописцевъ. Впрочемъ, эти полезныя дѣятельницы, помнится, названы въ одномъ изъ варіантовъ «акаоиста матери Кукурузѣ», который былъ сложенъ студентами кіевской духовной академіи, какъ протестъ противъ дурного стола и ежедневнаго почти появленія на немъ кукурузы въ пору ея созрѣванія. Акаоистъ «Кукурузѣ» начинался такъ: «Бысть посланъ

Наслѣдники Шіянова были тогда уже въ разбродѣ и въ захудалости. Когда-то значительные капиталы старика были ими торопливо прожиты или расхищены, о чемъ ходили интересныя сказанія въ духѣ французской исторіи наслѣдства Репюпоновъ. Отъ всего богатства остались только дома.

Это были пространные дома,—большіе и малые, всѣ деревянные; они были настроены тутъ въ такомъ множествѣ, что образовали собою двѣ улицы: Большую Шіяновскую и Малую Шіяновскую.

Обѣ Шіяновскія улицы находились тамъ же, гдѣ, вѣроятно, находятся и теперь, т. е. за печерскимъ базаромъ, и по всей справедливости имѣли право считаться самыми скверными улицами въ городѣ. Обѣ онѣ были немощеныя,—каковыми, кажется, остаются и до настоящаго времени, но, вѣроятно, теперь онѣ немножко выровнены и поправлены. Въ то же время, къ которому относятся мои воспоминанія, онѣ находились въ привилегированномъ положеніи, которое дѣлало ихъ во все влажное время года непроѣзжими. По какимъ-то геологическимъ причинамъ, онѣ были низменнѣе уровня базарной площади и служили просторнымъ вмѣстилищемъ для стока жидкой черноземной грязи, которая образовала здѣсь сплошное болото съ вонючими озерами. Въ этихъ озерахъ плавали «шіяновскіе» гуси и утки, которымъ было здѣсь очень привольно, хотя, впрочемъ, они часто сильно страдали отъ вползавшихъ имъ въ носъ дрянныхъ зеленоватыхъ піявокъ. Чтобы защитить птицъ отъ этого бѣдствія, имъ смазывали клювы «свяченой оливой», но и это вѣрное средство не всегда и не всѣмъ помогало. Утята и гусята отъ піявокъ дохли.

комиссаръ (помощникъ эконома) на базаръ рыбы купити, узрѣвъ же тя кукурузу сущу, возопи гласомъ великимъ и рече: «Радуйся, кукурузо, пище презѣльная и пресладкая, радуйся, кукурузо, пище ядомая и николи же изъядаемая, радуйся, кукурузо, отцомъ ректоромъ николи же зримая, радуйся, и инспекторомъ николи же ядомая» и т. д. Тамъ гдѣ-то было и о Карасивнѣ съ Пиднебесною, послѣ которыхъ уже нѣтъ такихъ пекарокъ въ Кіевѣ.

По вечерамъ здѣсь, выставивъ наружу голову, пѣли свои антифоны очень крупныя и замѣчательно баистыя лягушки, а звонкоголосыя молодячки канонархали. Иногда онѣ всѣ— молодыя и старыя всѣмъ соборомъ выходили на бережки и прыгали по бугорочкамъ. Это замѣняло барометрическое указаніе, ибо предвѣщало ясную погоду.

Словомъ, картина была самая буколическая, а между тѣмъ въ двухъ шагахъ отсюда былъ базаръ и притомъ базаръ очень завозный и дешевый. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, здѣшняя мѣстность представляла своего рода удобства особенно для людей небогатыхъ и неприхотливыхъ.

Впрочемъ, она также имѣла свои особенныя удобства для домохозяевъ еще въ отношеніи полицейскомъ, которое въ Кіевѣ тогда смѣшивали съ политическимъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Большіе и малые дома Шіянова, со множествомъ надворныхъ флигельковъ и хаточекъ, приспособленныхъ кое-какъ къ житью изъ старинныхъ служебныхъ построекъ, давно уже сдавались внаймы и, несмотря на свою ветхость, всѣ были обитаемы.

Постройки всѣ подъ-рядъ были очень ветхи и стояли, повидимому, аридовы вѣки. Доски съ надписями, которыми «строго воспрещалось» чинить эти дома и были указаны сроки ихъ сломкѣ, красовались на ихъ углахъ, но дома упорно избѣгали опредѣленной имъ злой участи, и нѣкоторые изъ нихъ едва ли не уцѣлѣли до настоящаго времени.

Во мнѣніи жителей шіяновскіе дома охраняла отъ «бибиковскаго разоренія» одна необычайная личность, создавшая себѣ въ то время героическую репутацію, которая, казалось бы, непремѣнно должна перейти въ легенду. Быстрое забвеніе подобныхъ вещей заставляетъ только поникнуть головою передъ непрочностію всякаго земного величія.

Легендарная личность былъ артиллеріи полковникъ Ке-

сарь Степановичъ Берлинскій, на сестрѣ котораго, кажется Клавдіи Степановнѣ, былъ женатъ покойный Шіяновъ.

Такихъ людей, какъ Кесарь Степановичъ, нѣтъ уже болѣе не только въ Кіевѣ, но, можетъ быть, и во всей Россіи. Пусть въ ней никогда не переводятся и, вѣроятно, впередъ не переведутся антики, но «печерскій Кесарь» дважды повторенъ быть не можетъ.

Сказать, что Берлинскій «управлялъ» домами Шіянова, было бы, кажется, не точно, потому что управлялъ ими, по выраженію Берлинскаго, «самъ Господь Богъ и Николай угодникъ», а деньги съ квартирантовъ собирала какая-то дама, въ конторскую часть которой не вмѣшивались ни Господь Богъ, ни Его угодникъ и даже ни самъ Кесарь Степановичъ. Этотъ герой Печерска, какъ настоящій «Кесарь», только господствовалъ надъ мѣстностью и надъ всѣми, кто, живучи здѣсь, обязанъ былъ его знать. Кесарь Степановичъ нравственно командовалъ жильцами обѣихъ Шіяновскихъ улицъ и вообще всею прилегающею областію за базаромъ. Всѣхъ онъ содержалъ въ респектѣ и всѣмъ умѣлъ давать чувствовать свое авторитетное военное значеніе. Слово «*моментъ*», впослѣдствіи основательно истасканное нашими военными ораторами, кажется, впервые было пущено Берлинскимъ, и съ его легкой руки сдѣлалось необходимымъ подспорьемъ русскаго военнаго краснорѣчія.

При случаѣ Берлинскій готовъ былъ оказать и иногда, дѣйствительно, оказывалъ нуждающимся свое милостивое отеческое заступленіе. Если за кого нужно было идти попросить какое-либо начальство, печерскій Кесарь надѣвалъ свой военный сюртукъ безъ эполетъ, бралъ въ руки толстую трость, которую носилъ на правахъ раненаго, и шелъ «хлопотать». Нерѣдко онъ что-нибудь и выпрашивалъ для своихъ protégé, дѣйствуя въ сихъ случаяхъ на однихъ ласкою, а на другихъ угрозою. Существовало убѣжденіе, что онъ можетъ всегда «писать къ государю», и этого многіе очень боялись. Младшихъ же «чиноваловъ»,

говорили, будто онъ иногда убѣждалъ даже при содѣйствіи своей трости, per argumentum baculinum. Послѣднее онъ допускалъ, впрочемъ, не по свирѣпости нрава, а «по долгу вѣрноподданничества», единственно для того, чтобы не часто безпокоить государя письмами.

На базарѣ Берлинскаго всѣ знали и всѣ ему повиновались, не только за страхъ, но и за совѣсть, потому что молва громко прославляла «печерскаго Кесаря», и притомъ рисовала его въ весьма привлекательномъ народно-героическомъ жанрѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Берлинскій смолоду былъ молодецъ и писанный красавецъ въ тогдашнемъ гвардейскомъ родѣ; такимъ же онъ оставался до старости, а можетъ быть и до самой кончины, которая послѣдовала, если не ошибаюсь, въ 1864 или 1865 г. Въ жизнь свою онъ видѣлъ не одни красные дни, а перенесъ не мало нужды, горя и несправедливостей, но, обладая удивительною упругостью души, никогда не унывалъ и выворачивался изъ положеній самыхъ трудныхъ средствами самыми смѣлыми, и подчасъ даже невѣроятными и отчаянными.

Сердца Кесарь Степановичъ былъ, кажется, добраго и въ свою мѣру благороднаго, а также онъ былъ несомнѣнно чувствителенъ къ чужому горю и даже нѣженъ къ несчастнымъ. Онъ не могъ видѣть равнодушно ничьего страданія, чтобъ тотчасъ же не возмущаться духомъ и не обнаруживать самыхъ горячихъ и искреннихъ порывовъ помочь страдающему. По мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія онъ это и дѣлалъ. Характеръ Берлинскій имѣлъ очень смѣлый, рѣшительный и откровенный, но нѣсколько съ хитринкой. Знавшіе его смолоду увѣряли, что ранѣе хитрости въ немъ будто не было, но потомъ, впослѣдствіи, несправедливость и разныя суровыя обстоятельства заставили его понемножечку лукавить. Впрочемъ, въ его устахъ и во лбу свѣтило нѣкоторое природное лукавство. Берлинскій былъ са-

мый большой фантазеръ, какого мнѣ удавалось видѣть, но фантазировалъ онъ тоже не безъ разсчета, иногда очень наивнаго и почти всегда безвреднаго для другихъ. Соображалъ онъ быстро и сочинялъ такія пестрыя фабулы, что если бы онъ захотѣлъ заняться сочинительствомъ литературнымъ, то изъ него, конечно, вышелъ бы любопытный сочинитель. Вдобавокъ къ этому, все, что Кесарь разъ о себѣ сочинилъ, это становилось для самого его истиною, въ которую онъ глубоко и убѣжденно вѣрилъ. Вѣроятно, оттого анекдотическія импровизаціи «печерскаго Кесаря» производили на слушателей неотразимо сильное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго тѣ досочиняли еще большее. Кесарь Степановичъ умѣлъ вдохновлять и умѣлъ поставить себя такъ, что во всѣхъ отношеніяхъ,—и чиномъ, и значеніемъ стоялъ во мнѣніи Печерска несравненно выше настоящаго.

По моему мнѣнію, онъ былъ только храбрый и, вѣроятно, въ свое время очень способный артиллеріи полковникъ въ отставкѣ. По крайней мѣрѣ такимъ я его зазналъ въ Орлѣ, черезъ который онъ «везъ къ государю» за разъ восемь или десять (а можетъ-быть и болѣе) сыновей. Тогда онъ былъ во всей красѣ мужественнаго воина, съ георгіевскимъ крестомъ, и поразилъ меня смѣлостію своихъ намѣреній. Онъ ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы «выставить» гдѣ-то всѣхъ своихъ ребятъ государю и сказать:

— Если хочешь, чтобы изъ нихъ тебѣ вѣрные слуги вышли, то бери ихъ и воспитай, а мнѣ ихъ кормить нечѣмъ.

Мы всѣ, т. е. я и его орловскіе племянники (сыновья его сестры Юліи Степановны) недоумѣнно спрашивали:

— Неужели вы такъ и скажете: ты, *государь*?

А онъ отвѣчалъ:

— Разумѣется, такъ и скажу,—и потомъ прибавилъ, будто это непремѣнно такъ даже и слѣдуетъ говорить, и будто государь Николай Павловичъ «такъ любитъ».

Насъ это просто поражало.

Кормить дѣтей Берлинскому дѣйствительно было нечѣмъ. Онъ очень нуждался, какъ говорили, будто бы по причинѣ его какой-то отмѣнной честности, за которую онъ, по его собственнымъ разсказамъ, имѣлъ «кучу враговъ около государя». Но онъ не унывалъ, ибо онъ очень ужъ смѣло разсчитывалъ на самого императора Николая Павловича. Смѣлость эта его и не постыдила: съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, Кесарь Степановичъ опять прослѣдовалъ изъ Петербурга въ Кіевъ черезъ Орелъ уже совсѣмъ одинъ. Государь велѣлъ принять въ учебныя заведенія на казенный счетъ «всю шеренгу» и увеличилъ будто бы пенсію самого Берлинскаго, а также велѣлъ дать ему не въ зачетъ какое-то очень значительное пособіе. Кромѣ принятія дѣтей, все остальное было какъ-то въ туманѣ.

Въ разсказѣ объ упомянутомъ сейчасъ событіи я и познакомился впервые съ импровизаторствомъ этого необыкновеннаго человѣка, которое потомъ мнѣ доставляло много интересныхъ минутъ въ Кіевѣ.

Многое множество изъ его грандіозныхъ разсказовъ я позабылъ, но кое-что помню, хотя теперь, къ сожалѣнію, никакъ не могу разсортировать, что слышалъ непосредственно отъ него самого, и что отъ людей, ему близкихъ и имъ вдохновенныхъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

По словамъ Кесаря Степановича, которымъ я, впрочемъ, не смѣю никого обязывать вѣрить безъ критики, онъ встрѣтилъ государя гдѣ-то на почтовой станціи.

— Сейчасъ же, говоритъ, — я упросилъ графа Орлова дозволить мнѣ стоять съ дѣтьми на крылечкѣ, и сталъ. Ребятъ построилъ въ шеренгу малъ-мала меньше, а самъ сталъ на концѣ въ правомъ флангѣ.

Государь, какъ вышелъ изъ коляски на крыльцо, замѣтилъ мой взводъ и говоритъ:

— Это что за ребята?

А я ему отвѣчаю:

— Это мои дѣти, а твои будущіе слуги, государь.

Тогда Николай Павловичъ взглянулъ будто на Берлинскаго и сейчасъ же его узналъ.

— А-а! говоритъ, — Берлинскій! — Это ты, братецъ?

— Точно такъ, говорю, — ваше величество, это я.

— Очень радъ тебя видѣть. Какъ поживаешь?

— Благословляю Провидѣніе, что имѣю счастіе видѣть ваше величество, а поживаніе мое очень плохо, если не будетъ ко мнѣ твоей милости.

Государь спросилъ:—Отчего тебѣ плохо?—Ты мнѣ хорошо служилъ.

— Овдовѣлъ, отвѣчалъ Берлинскій, — и вотъ дѣтей у меня цѣлая куча; прикажи, государь, ихъ вскормить и выучить, а то мнѣ нечѣмъ, я бѣденъ, въ чужомъ домѣ живу и изъ того Бибиковъ выгоняетъ.

Государь, говоритъ, сверкнулъ глазами и крикнулъ:

— Орловъ! опредѣлить всѣхъ дѣтей Берлинскаго на мой счетъ. Я его знаю: онъ храбрый офицеръ и честный.

А потомъ, будто, опять оборотился къ Кесарю Степановичу и добавилъ:

— За что тебя Бибиковъ выгоняетъ?

— Домъ, говорю, — гдѣ я живу, подъ крѣпость разломать хочетъ.

Государь будто отвѣтилъ:

— Вздоръ; домъ, гдѣ живетъ такой мой слуга, какъ ты, долженъ быть сохраненъ въ крѣпости, а не разломанъ. Я тебя хорошо знаю и у меня, кромѣ тебя и Орлова, нѣтъ вѣрныхъ людей. А Бибикову скажи отъ моего имени, чтобы онъ тебя ничѣмъ не смѣлъ безпокоить. Если же онъ тебя не послушается, то напиши мнѣ страховое письмо, — я за тебя заступлюсь, потому что я тебя съ дѣтства знаю.

Почему государь Николай Павловичъ могъ знать Берлинскаго «съ дѣтства», — этого я никогда не могъ дознаться; но выходило это у Кесаря Степановича какъ-то

складно и статочно, а притомъ и имѣло любопытное продолженіе.

Когда государь самъ, будто, напомнилъ о столь давнемъ знакомствѣ «съ дѣтства», то Берлинскій этимъ сейчасъ же воспользовался и сказалъ:

— Да, ваше величество, это справедливо: вмѣстѣ съ вами играли, а съ тѣхъ поръ какая разница: вы вотъ какую отмѣнную карьеру изволили совершить, что теперь всѣмъ міромъ повелѣваете и всѣ васъ трепещутъ, а я во всемъ нуждаюсь.

А государь ему на это, будто, отвѣтилъ:

— Всякому, братецъ, свое назначеніе: мой перелетъ соколиный, а ты воробей не робѣй — приди ко мнѣ въ Петербургъ во дворецъ, я тебя хорошимъ пайкомъ устрою.

Берлинскій будто бы ходилъ во дворецъ и результатомъ этого былъ тотъ паекъ или «прибавокъ» къ пенсіи, которымъ «печерскій Кесарь» всѣхъ сосѣдей обрадовалъ и самъ очень гордился. Однако и съ прибавкою Берлинскій часто не могъ покрывать многихъ, самыхъ вопіющихъ нуждъ своей крайне скромной жизни на Печерскѣ. Но такъ какъ всѣ знали, что онъ «имѣетъ пенсію съ прибавкомъ», то «Кесарь» не только никогда не жаловался на свои недостатки, а, напротивъ, скрывалъ ихъ съ большою трогательностію.

Порою, сказывали, дѣло доходило до того, что у него не бывало зимою дровъ, и онъ буквально стылъ въ своей холодной квартирѣ, но увѣрялъ, что это онъ «такъ любитъ для свѣжести головы».

Цифры своей пенсіи Берлинскій какъ-то ни за что не объявлялъ, а говорилъ, что получаетъ «много», но можетъ получать и еще больше.

— Стоитъ мнѣ написать страховое письмо государю, говорилъ онъ, — и государь сейчасъ же прикажетъ давать мнѣ, сколько я захочу, но я не прошу болѣе того, что пожаловано, потому что у государя другія серьезныя надобности есть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Если вѣрить сказаніямъ, то государь Николай Павловичъ, будто, очень грустилъ по разлукѣ съ Берлинскимъ и даже неутѣшно жалѣлъ, что не можетъ оставить его при себѣ въ Петербургѣ. Но, по разсказамъ судя, пребываніе Берлинскаго въ столицѣ и дѣйствительно было совершенно неудобно: этому мѣшала слишкомъ большая и страстная привязанность, которую питали къ печерскому Кесарю «всѣ солдаты».

Они такъ его любили, что ему нигдѣ, будто, нельзя было показаться: какъ солдаты его увидятъ, сейчасъ перестаютъ слушать команду и бѣгутъ за нимъ и кричатъ:

— Пусть насъ ведетъ отецъ нашъ полковникъ Берлинскій, — мы съ нимъ и Константинополь возьмемъ, и самого побѣдоноснаго полководца Вылезарія на царскій смотръ въ цѣпяхъ приведемъ.

Доходило это, по разсказамъ, до такихъ ужасныхъ безпорядковъ, что нѣсколько человѣкъ за это были даже будто разстрѣляны, какъ нарушители дисциплины, и тогда Берлинскому самому уже не захотѣлось въ Петербургѣ оставаться, да и графъ Чернышевъ прямо, будто, сказалъ государю:

— Какъ вашему величеству угодно, а это невозможно есть: или пусть Берлинскій въ Петербургѣ не живетъ, или надо отсюда всѣ войска вывесть.

Государь будто призвалъ Кесаря Степановича и сказалъ:

— Такъ и такъ, братецъ, мнѣ съ тобою очень жаль разстаться, но ты самъ видишь, что въ такомъ случаѣ можно сдѣлать. Я тобою очень дорожу, но безъ войскъ столицу тоже оставить нельзя, а потому тебѣ жить здѣсь невозможно. Ступай въ Кіевъ и сиди тамъ до военныхъ обстоятельствъ. Въ то время я про тебя непремѣнно вспомню и пошлю за тобой.

А «лысый Чернышевъ» такъ его торопилъ выѣздомъ, что

только нѣсколько дней дозволилъ ему пробыть въ Петербургѣ, но и тутъ не обошлось безъ большихъ затрудненій, имѣвшихъ притомъ роковыя послѣдствія.

Это, по разсказамъ, было будто именно въ тотъ годъ, когда въ Петербургѣ, на Адмиралтейской площади, сгорѣлъ съ народомъ извѣстный балаганъ Лемана.

Балаганъ сгорѣлъ съ народомъ, стало-быть, во время представленія, но, по винѣ самого импровизатора или благовѣстниковъ его славы, на сей разъ выходило что-то немножко нескладно: дѣло будто происходило *ночью*.

Берлинскій, будто, тогда стоялъ на квартирѣ въ Гороховой улицѣ, у одной нѣмочки, и дожидался бритвеннаго прибора, который заказалъ по своему рисунку одному англичанину. У нихъ въ родствѣ было много лицъ, отличавшихся необыкновеннымъ умомъ и изобрѣтательностью, и одинъ племянникъ Берлинскаго, будто, такія бритвы выдумалъ, что онѣ могли брить превосходно, а обрѣзаться ими никакъ нельзя.

Англичанинъ взялся эти бритвы исполнить, да не хорошо по рисунку сдѣлалъ, и опять сталъ передѣлывать. А лысый графъ Чернышевъ, которому непріятно было, что Берлинскій все еще въ Петербургѣ живетъ, ничего этого въ разсчетъ взять не хотѣлъ. Онъ уже нѣсколько разъ присылалъ дежурнаго офицера узнать, скоро ли онъ выѣдетъ.

Берлинскій, разумѣется, дежурнаго не боялся и отвѣчалъ: «пусть вашъ лысый графъ не безпокоится и пусть, если умѣетъ, самъ Вылезарія въ плѣнъ беретъ, а я только моего особеннаго прибора дожидаюсь, и какъ англичанинъ мнѣ приборъ сдѣлаетъ, такъ я сейчасъ же выѣду, и буду, гдѣ государю угодно, вѣкъ доживать, да печерскихъ чудотворцевъ за него молить, чтобы ему ничего непріятнаго не было. А пока мои бритвы не готовы, я не поѣду. Такъ лысому отъ меня и скажите».

Чернышевъ не смѣлъ его насильно выслать, но опять прислалъ дежурнаго сказать, чтобы Берлинскій днемъ не могъ на улицѣ показываться, чтобы солдатъ не будоражить,

а выходилъ бы для прогулки на свѣжемъ воздухѣ только послѣ зари, когда изъ пушки выпалятъ и всѣхъ солдатъ въ казармахъ запрутъ.

Берлинскій отвѣчалъ:

— Я службу такъ уважаю, что и лысому повинуюсь.

Послѣ этого онъ будто жилъ еще въ Петербургѣ нѣсколько дней, выходя подышать воздухомъ только ночью, когда войска были въ казармахъ, и ни одинъ солдатъ не могъ его увидѣть и за нимъ бѣгать. Все шло прекрасно, но тутъ вдругъ неожиданно и подвернулся роковой случай, послѣ котораго дальнѣйшее пребываніе Кесаря въ столицѣ сдѣлалось уже рѣшительно невозможнымъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Идетъ одинъ разъ Кесарь Степановичъ, закрывъ лицо шинелью, отъ Краснаго моста къ Адмиралтейству, какъ вдругъ видитъ впереди себя на Адмиралтейской площади «огненное пламя». Берлинскій подумалъ: не Зимній ли дворецъ это горитъ и не угрожаетъ ли государю какая опасность... И тутъ, по весьма понятному чувству, забывъ все на свѣтѣ, Берлинскій бросился къ пожару.

Прибѣгаетъ онъ и видитъ, что до дворца, слава Богу, далеко, а горитъ Лемановъ балаганъ и внутри его страшный вопль, а снаружи никого нѣтъ. Не было будто ни пожарныхъ, ни полиціи и ни одного человѣка. Словомъ, снаружи пустота, а внутри стоны и гибель, и только отъ дворца кто-то одинъ, видный, рослый человѣкъ, бѣжитъ и съ одышкою спотыкается.

Берлинскій воззрился въ бѣгущаго и узналъ, что это никто иной, какъ самъ государь Николай Павловичъ.

Скрываться было некогда и Кесарь Степановичъ сталъ ему во фронтъ какъ слѣдуетъ.

Государь ему будто закричалъ:

— Ахъ, Берлинскій! тебя-то мнѣ и надобно. Полно вытягиваться, видишь никого нѣтъ, бѣги за пожарными.

А Кесарь Степановичъ будто отвѣтилъ:

— Пожарные тутъ, ваше императорское величество, никуда не годятся, а дозвольте скорѣе призвать артиллерію.

Государь изволилъ его спросить:

— Зачѣмъ артиллерію?

А онъ, будто, отвѣтилъ:

— Затѣмъ, что тутъ *надо схватить моментъ*. Деревяннаго балагана залить трубами нельзя, а надо артиллеріей въ *одинъ моментъ* стѣну развалить, и тогда сто или двѣсти человѣкъ убьемъ, а за то остальной весь народъ сразу высыпется (вотъ еще когда и при какомъ случаѣ, значитъ, говорено военнымъ человѣкомъ о значеніи *момента*).

Но государь его не послушался,—ужасно ему показалось сто человѣкъ убить; а потомъ, когда балаганъ сгорѣлъ, тогда изволилъ, будто, съ сожалѣніемъ сказать:

— А Берлинскій мнѣ, однако, правду говорилъ: все дѣло было въ моментѣ и надо было его послушаться и артиллерію пустить. Но только все-таки лучше велѣть ему сейчасъ же выѣхать, а его бритвенный приборъ послать ему въ Кіевъ по почтѣ на казенный счетъ.

Сдѣлано это послѣднее распоряженіе было въ такомъ разсчетѣ, что если бы при Берлинскомъ случился въ Петербургѣ другой подобный острый моментъ, то все равно нельзя было бы артиллерію вывесть потому, что всѣ солдаты и съ пушками за нимъ бы бросились, чтобы онъ велъ ихъ плѣнять Вылезарія.

Такъ этимъ и заключилась блестящая пора служебной карьеры Кесаря Степановича въ столицѣ, и онъ не видѣлъ государя до той поры, когда послѣ выставилъ передъ его величествомъ «свою шеренгу», а потомъ вернулся въ Кіевъ съ пособіемъ и усиленною пенсіею, настоящую цифру которой, какъ выше сказано, онъ постоянно скрывалъ отъ непосвященныхъ и говорилъ коротко, «что беретъ много», а можетъ взять еще больше.

— Стоитъ только государю страховое письмо написать.

Мнѣ кажется, что онъ искренно вѣрилъ, что имѣетъ дозволеніе вести съ государемъ переписку, и, Богъ его знаетъ, можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ ему что-нибудь въ этомъ родѣ было сказано, если не лично государемъ, то кѣмъ-нибудь изъ лицъ, черезъ которыхъ Кесарь Степановичъ устроилъ дѣтей и получилъ свою прибавку.

Во всякомъ случаѣ это куражило старика и давало ему силу переносить весьма тяжелыя лишенія съ непоколебимымъ мужествомъ и внушающимъ достоинствомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Такъ Берлинскій и старѣлся, отмѣнно преданный государю и вѣрный самому себѣ во всемъ и особенно въ импровизаторствѣ. А когда онъ сталъ очень старъ и во всѣхъ отношеніяхъ такъ поотсталъ отъ современности, что ему нечего было сочинять о себѣ, то онъ перенесъ задачи своей импровизаціи на своего племянника (моего школьнаго товарища) доктора, имя котораго было Николай, но такъ какъ онъ былъ очень знаменитъ, то этого имени ему было мало, и онъ назывался «*Николавра*». Здѣсь значеніе усиливалось звукомъ *лавра*, Николай это было простое имя, какъ бываетъ простой монастырь, а *Николавра* — это то же самое, что лавра среди простыхъ монастырей.

Кесарь Степановичъ разсказывалъ удивительнѣйшія вещи о необычайныхъ медицинскихъ знаніяхъ и талантахъ этого очень много учившагося, но замѣчательно несчастливаго врача и человѣка съ отмѣнно добрымъ и благороднымъ сердцемъ, но большого неудачника.

Опять и тутъ я не помню многаго и, можетъ-быть, самаго замѣчательнаго, но, однако, могу записать одинъ анекдотъ, который объясняетъ, въ какомъ духѣ и родѣ были другіе, пущенные въ обращеніе для прославленія Николавры.

Шелъ одинъ разъ разговоръ о зубныхъ болякъ, — объ ихъ жестокой неутолимости и о неизвѣстности такихъ медицинскихъ средствъ, которыя дѣйствовали бы въ этихъ болякъ такъ же вѣрно, какъ, напримѣръ, хининъ въ лихорадкахъ или касторовое масло въ засореніяхъ желудка и кишекъ.

Въ обществѣ было нѣсколько молодыхъ, въ тогдашнее время, врачей и всѣ согласно утверждали, что такихъ универсальныхъ средствъ дѣйствительно нѣтъ,—что на одного больного дѣйствуетъ одно лѣкарство, на другого—другое, а есть такіе несчастные, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, «пока само пройдетъ».

Вопросъ очень спеціальный и не интересный для бесѣды людей непосвященныхъ, но чуть къ нему коснулся художественный геній Берлинскаго,—произошло чудо, напоминающее въ малѣ истеченіе воды изъ камня въ пустынѣ. Крылатый Пегасъ-импровизаторъ ударилъ звонкимъ копытомъ и изъ сухой скучной матеріи полилась сага,—живая, сочная и полная преинтересныхъ положеній, надъ которыми люди въ свое время задумывались, улыбались и даже, можетъ-быть, плакали, а во всякомъ случаѣ тѣхъ, кого это сказаніе касается, прославили.

Кесарь Степановичъ опротестовалъ медицинское мнѣніе и сказалъ будто, что универсальное средство противъ зубной боли есть и что оно изобрѣтено именно его племянникомъ, докторомъ Николаврою, и одному ему, Николаврѣ, только и извѣстно. Но средство это было такое капризное, что, несмотря на всю его полезность, оно могло быть употребляемо не всякимъ и не во всѣхъ случаяхъ. Медикаментъ этотъ, утолявшій будто всякую боль, можно было употреблять только въ размѣрѣ одной капли, которую нужно было очень осторожно капнуть на больной зубъ. Если же эта капля хоть крошечку стечетъ съ зуба и коснется щеки или десенъ, то въ то же самое время человѣкъ мгновенно умираетъ. Словомъ, опасность страшная! И выходило такъ, что нижніе зубы этимъ лѣкарствомъ можно было лѣчить, потому что

на нижніе можно осторожно капнуть, но если заболѣли верхніе, на которые капнуть нельзя, то тогда уже это лѣкарство безполезно.

Было ужасно слушать, что есть такое спасительное изобрѣтеніе и оно въ значительной долѣ случаевъ должно оставаться неприложимымъ. Но Кесарь Степановичъ, владѣя острымъ умомъ и рѣшительностью, нашелъ, однако, средство, какъ преодолѣть это затрудненіе, и усвоилъ для медицинской науки «перевертошный способъ», которымъ до тѣхъ поръ зубоврачебная практика не пользовалась. Этотъ этюдъ былъ извѣстенъ между нами подъ названіемъ «Берлинскаго анекдота о Бибиковской тещѣ».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Жила-была, будто, «Бибиковская теща», дама «полнищая и преогромная», и пріѣхала она, будто, на лѣто къ себѣ въ деревню, гдѣ-то неподалеку отъ Кіева. Въ Кіевъ ей Бибиковъ въѣзжать не позволялъ «по своему характеру», потому что онъ «насчетъ женскаго сословія заблуждался и съ тещею не хотѣлъ объ этомъ разговаривать, чтобы она его не стала стыдить лѣтами, чиномъ и убожествомъ» (такъ какъ у него одна рука была отнята).

Несчастная «полная дама» такъ и жила, будто, въ деревнѣ и пошла, будто, она одинъ разъ съ внучками въ лѣсъ гулять и нашла на кустѣ орѣшника орѣхъ-двойчатку и обрадовалась, что счастье удвоится, и захотѣла раскусить. Внучки говорятъ ей:

— Не кусай, бабушка, двойчатку,—у тебя зубки стары.

А Бибиковская теща отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, раскушу,—мнѣ счастья удвоится.

Орѣхи она разгрызла, но только послѣ этого у нея сейчасъ же зубы заныли, и до того ее доняли, что она стала кричать: «лучше убейте меня, потому что это все удвоивается и стало совсѣмъ невозможно вытерпѣть». А у нея былъ управитель очень лукавый и онъ ей говоритъ: «чѣмъ

если убивать—за что отвѣчать придется, то лучше дозвольте я вамъ изъ Кіева всепомогающаго лѣкаря привезу: онъ изъ извѣстной Шіяновской родни — и всякую зубную боль въ одну минуту унять можетъ».

Бибиковская теща про Шіяновыхъ много хорошаго слыхала и отвѣчаетъ: «привези, но только какъ возможно скорѣй».

Управитель, чтобы не произошло никакой медленности, сейчасъ же собрался и даже не ѣвши уѣхалъ.

Вечеромъ онъ изъ имѣнія выѣхалъ, а рано на зарѣ сталъ уже въ Кіевѣ на дымящихся и вспѣненныхъ коняхъ посреди печерскаго базара, а дальше тутъ уже не зналъ куда ѣхать по Большой или по Малой Шіяновской, и закричалъ во все горло:

— Гдѣ тутъ всепомогающій лѣкарь Николавра, который во всякой зубной боли вылѣчиваетъ?

(По причинѣ большой извѣстности этого доктора, фамилія его никогда не произносилась, а довольно было одного его имени «Николавра», которое было такъ же славно, какъ, напримѣръ, имя Абеляръ).

Чумаки, которые стали тутъ съ вечера и спали на своихъ возахъ съ пшеномъ и саломъ, и съ сухою таранью, сейчасъ отъ этого крика проснулись и показали управителю:

— Годи тебѣ кричать, говорятъ,—вотъ туточка сей лѣкарь живетъ, тільки що вінъ теперь, якъ и усе христіянство, спочивае.

Управитель побѣжалъ по указанію и заколотилъ о запертыя ставни.

Оттуда ему кричатъ:

— Кто се такій и чого вамъ треба?

А онъ отвѣчаетъ:

— Отчиняйте скорѣй, або я всѣ окна побью,—мнѣ надо всепомогающаго лѣкаря Николавру, который всякую боль излѣчиваетъ. Здѣсь онъ, или нѣтъ, а то я долженъ дальше скакать его разыскивать.

Управителю говорятъ:

— Никуда вамъ скакать дальше не треба, потому что всепомогающій докторъ Николавра здѣсь живетъ, но онъ теперь, якъ и усе христіанство, спитъ. А вы майте собі трохи совісти и если въ Господа Бога вѣруете, то не колотайте такъ крѣпко, бо нашъ домъ старенькій, еще не за сихъ временъ, и шибки изъ оконъ повыскакаютъ, а тутъ близко ни якого стекольщика нѣтъ, а теперь зима лютая и съ малыми дѣтьми смерзти можно.

Разсказывалось именно такъ, что при этомъ переговорѣ было упоминаемо про «зиму» и про «холодъ», и читатель не долженъ смущаться, что дѣло происходило во время лѣтняго наѣзда Бибиковской тещи въ свое имѣніе. Вскорѣ мы опять увидимъ, вмѣсто скучной и лютой зимы, веселое знойное лѣто.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Управитель Бибиковской тещи былъ человѣкъ горделивый, потому что, по необразованности своей, считалъ, какъ и другіе многіе, будто государь Бибикову Кіевъ все равно какъ въ подарокъ подарилъ, и что потому всѣ, кто тутъ живетъ, ему, будто, принадлежатъ въ родѣ крѣпостныхъ и должны все дѣлать.

— Велика важность, говоритъ,—ваши окна! Я отъ Бибиковской тещи пріѣхалъ за лѣкаремъ и подавай мнѣ лѣкаря.

Ему отворили двери и привели его къ самому Николаврѣ.

Тотъ—лихой молодчина былъ и хотя такой ученый, что страшно все понималъ, но церемониться ни съ кѣмъ не любилъ.

Какъ ему сказали, что отъ Бибиковской тещи управитель пришелъ, онъ говоритъ:

— Приведите его ко мнѣ въ спальню. Если онъ во мнѣ надобность имѣетъ, то можетъ меня и безъ панталонъ во всякомъ видѣ разсматривать.

Управитель пришелъ и разсказываетъ, а лѣкарь Николавра на него и вниманія не обращаетъ: лежитъ подъ одѣ-

яломъ да колѣнки себѣ чешетъ. А когда тотъ кончилъ, лѣкарь только спросилъ:

— А въ какомъ строю у нея зубъ болитъ, въ верхнемъ или въ нижнемъ?

Управитель отвѣчаетъ:

— Я ей въ зубы не глядѣлъ, а полагаю, что, должно быть, болитъ въ строю въ *верхнемъ*, потому что у нея опухоль подъ самымъ глазомъ.

Тогда Николавра завернулся къ стѣнѣ и говоритъ:

— Прощай и ступай вонъ.

— Что это значитъ?

— То значитъ, что если боль въ верхнемъ строю, то мнѣ тамъ дѣлать нечего: я верхнихъ зубовъ лѣчить не могу.

Управитель говоритъ:

— Да вамъ-то не все ли равно лѣчить, что верхній зубъ, что нижній? Все равно, говоритъ,—кость окостенѣлая, что тотъ, что этотъ, одно въ нихъ естество, одно поврежденіе и одно лѣкарство.

Но лѣкарь на него посмотрѣлъ и говорить не сталъ.

Тотъ спрашиваетъ:

— Что же, отвѣчайте что-нибудь.

Тогда лекарь далъ ему такой отвѣтъ:

— Я, говоритъ—могу разговаривать съ равнымъ себѣ по наукѣ, а это не твоего дѣло ума, чтобы я съ тобою сталъ разговаривать. Ты управитель, и довольно съ тебя—имѣніемъ и управляй, а не въ свое дѣло не суйся. Людей лѣчить это не то, что навозъ запахивать. Медицинѣ учатся. А тебѣ сказано, что я въ нижнемъ строю все могу вылѣчить, а до верха моимъ спасительнымъ лѣкарствомъ дотронуться нельзя.

— Но черезъ что же такое?—вопитъ управитель.

— А черезъ то, что она въ ту же минуту «окачурится» и мнѣ за нее отвѣчать придется; а я моей репутаціей дорожу, потому что я очень много учился.

Управитель какъ услыхалъ, что она можетъ «окачуриться», еще больше сталъ просить лѣкаря, чтобъ непре-

мѣшо ѣхалъ, а тотъ разсердился, вскочилъ, вытолкалъ его въ шею и опять легъ почь досыпать.

Тутъ въ это дѣло и вступился вездѣ находчивый Кесарь Степановичъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Увидалъ онъ, что племянникъ, хотя, по его словамъ, и уменъ и въ своемъ медицинскомъ дѣлѣ очень свѣдущъ, а недостаетъ ему еще настоящей тактики и практики, и молодой его разсудокъ еще не очень находчивъ, какъ себѣ большую славу сдѣлать.

Кесарь Степановичъ, прослушавъ весь ихъ разговоръ изъ своей комнаты, сейчасъ всталъ съ постели, надѣлъ туфли и тулупчикъ и съ трубкой вышелъ въ залу, по которой проходилъ изгнанный лѣкаремъ управитель. Увидалъ онъ его и остановилъ,—говоритъ:

— Остановись, прохожій, никуда не гожій, и объясни мнѣ своей рожей, не выходивши изъ прихожей: на чемъ ты сюда пріѣхалъ и есть ли тамъ третье сидѣніе чтобы еще одного человѣка посадить.

Управляющій очень радъ, что съ нимъ такой извѣстный человѣкъ заговорилъ, и отвѣчаетъ, что у него есть четверомѣстная коляска, и онъ можетъ не одного, а даже двухъ людей помѣстить.

Кесарь Степановичъ далъ ему щелчка въ лобъ и говоритъ:

— Ты спасенъ и твое дѣло сдѣлано: я сейчасъ къ племяннику взойду и совѣтъ ему дамъ. Николавра меня послушается и мы переговоримъ и, можетъ быть, всѣ вмѣстѣ поѣдемъ. Я ему одинъ способъ покажу, какъ можно верхніе зубы въ нижній рядъ поставить и тогда на нихъ чортъ знаетъ чѣмъ можно накапать.

— А ты, прибавляетъ,—только скажи мнѣ: очень ли она мучится?

Управитель отвѣчаетъ:

— Ужъ совсѣмъ замучилась и на весь домъ визжитъ.

— То-то, говоритъ Кесарь Степановичъ,—мнѣ это знать надо, потому что моимъ способомъ съ ней круто придется обращаться—по-военному.

Управитель отвѣчаетъ:

— Она военныхъ даже очень уважаетъ и на все согласится, потому что у нея очень болитъ.

— Хорошо, сказалъ Кесарь Степановичъ и пошелъ къ племяннику. Тамъ у нихъ вышелъ споръ, но Кесаръ Степановичъ все кричалъ: «не твое дѣло, за всю опасность я отвѣчаю», и переспорилъ.

— Ты, говоритъ,—бери только свое спасительное лѣкарство и употребляй его по своей наукѣ, какъ слѣдуетъ, а остальное, чтобы верхніе зубы снизу стали—это мое дѣло.

Лѣкарь говоритъ:

— Вы забываете, какого она званія,—она обидится.

А Кесарь Степановичъ отвѣчаетъ:

— Ты молодъ, а я знаю, какъ съ дамами по-военному обращаться. Вѣрь мнѣ, мы ей на верхній зубъ капнемъ и она намъ еще книксенъ присядетъ. Ѣдемъ скорѣе, — она мучится.

Лѣкарь было сталъ еще представлять, что капнуть на верхній зубъ нельзя, а она можетъ послѣ Бибикову жаловаться, но тутъ Кесарь Степановичъ его даже постыдилъ.

— Ты вѣдь, говоритъ,—кажется. не простой докторъ, а училъ двѣ науки по физикѣ и понять не можешь, что тутъ надо только *схватить моментъ*, и тогда все можно. Не безпокойся. Это не твое дѣло: ты до нея не будешь притрогиваться, а мнѣ Бибиковъ ничего сдѣлать не смѣетъ. Ты, кажется, мнѣ можешь вѣрить.

Племянникъ повѣрилъ дядѣ и говоритъ:

— Въ самомъ дѣлѣ при васъ я не боюсь, а между прочимъ мнѣ это впередъ для таковыхъ же случаевъ можетъ пригодиться.

Одѣлся, положилъ пузыречекъ со своимъ лѣкарствомъ въ жилетный карманъ и безъ дальнихъ разсужденій всѣ они втроемъ покатили на верхній зубъ капать.

Управитель все ѣхалъ и думалъ: непремѣнно сна у нихъ окачурится!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Скакали путники безъ отдыха цѣлый день, и за то вечеромъ, въ самое то время, когда стадо гонять, пріѣхали на господскій дворъ, а зубы если когда разболятся, то къ вечеру еще хуже болять.

Бибиковская теща ходитъ по комнатамъ, и сама преогромная, а плачетъ какъ маленькая.

— Мнѣ очень стыдно, говоритъ,—этакъ плакать, но не могу удержаться, потому что очень черезъ силу болитъ.

Кесарь Степановичъ сейчасъ же съ ней заговорилъ по-военному, но ласково.

— Это, говоритъ, — даже къ лучшему, что вамъ такъ больно болитъ, потому что вы должны скорѣе на все рѣшиться.

А она отвѣчаетъ:

— Ахъ, Боже мой, я уже и рѣшилась. Что вы хотите, то и дѣлайте, только бы мнѣ выздоровѣть и въ Парижъ для развлеченія уѣхать.

— Въ такомъ разѣ, говоритъ Берлинскій, — мы должны кое-что сдѣлать... По-французски это называется «повертонъ». Послѣ черезъ пять минутъ можете въ Парижъ ѣхать.

Она удивилась и вскричала:

— Неужели черезъ пять минутъ!?

Берлинскій говоритъ: что мною сказано, то вѣрно.

— Въ такомъ разѣ, хоть не знаю, что такое «повертонъ», но я на все согласна.

— Хорошо, говоритъ Берлинскій: — велите же мнѣ поскорѣе подать два чистые носовые платка и хорошую, крѣпкую пробку изъ сотерной бутылки.

Та приказала.

— И еще, говоритъ Кесарь Степановичъ,—одно условіе: прикажите сейчасъ, чтобы всѣ кто тутъ есть, ваши род-

ные и слуги ваши, ни во что не смѣли вступаться, пока мы свое дѣло кончимъ.

— Все, говоритъ, — приказываю: мнѣ лучше умереть, чѣмъ такъ мучиться.

Словомъ, больная безусловно предалась въ ихъ энергическія руки, а тѣмъ временемъ Кесарю и Николаврѣ подали потребованные платки и пробку изъ сотерной бутылки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Кесарь Степановичъ пробку осмотрѣлъ, погнулъ, подавилъ и сказалъ: «пробка хороша, а платки надо перемѣнить: батистовые, говоритъ, — не годятся, а надо самые плотные полотняные».

Ему такіе и подали. Онъ сложилъ ихъ оба съ угла на уголъ, какъ складываютъ, чтобы зубы подвязывать, и положилъ на столикъ; а Бибиковской тещѣ говоритъ:

— Ну-те-ка, что нибудь заговорите.

Она спрашиваетъ:

— Для чего это нужно?

А Берлинскій ей отвѣчаетъ:

— Для того, чтобы *схватить первый моментъ*.

А самъ ей въ эту самую секунду сотерную пробку въ ротъ и вставилъ. Такъ ловко вставилъ ее между зубами, что Бибиковской тещѣ ни кричать и ни одного слова выговорить нельзя при такой распоркѣ.

Удивилась она и испугалась, и глазами хлопаетъ, а чѣмъ больше старается что-то спросить, тѣмъ только крѣпче зубами пробку напираетъ. А Кесарь Степановичъ, въ это же острое мгновеніе, улыбнулся и говоритъ ей:

— Вотъ только всего и нужно, а самъ ей однимъ платкомъ руки назади связалъ, а другимъ внизу платье вокругъ ногъ обвязалъ, какъ дѣлаютъ простонародныя дѣвушки, когда садятся на качели качаться. А потомъ крикнулъ племяннику:

— Теперь лови второй моментъ!

И сейчасъ же ловко, по-военному, перевернулъ даму внизъ головою и поставилъ ее въ уголъ на подушку теменемъ. Отъ этого находчиваго оборота, разумѣется, вышло такъ, что у нея верхніе зубы стали нижними, а нижніе — верхними. Непріятно, конечно, было, но ненадолго, — всего на одну секунду, потому что лѣкарь, какъ человѣкъ одной породы съ дядею — такой же какъ дядя ловкій и понятливый, сейчасъ же «схватилъ моментъ», — капнулъ каплю дамѣ на верхній зубъ и сейчасъ же опять ее перевернулъ, и она стала на ногахъ такая здоровая, что сотерную пробку перекусила и говоритъ:

— Ахъ, мерси, — мнѣ все прошло; теперь блаженство! чѣмъ я могу васъ отблагодарить?

Кесарь Степановичъ отвѣчалъ:

— Я не врачъ, а военный, а военные во всѣхъ несчастіяхъ дамамъ такъ помогаютъ, а денегъ не берутъ.

Бибиковская теща разспросила о Кесарѣ Степановичѣ: кто онъ такой и на какомъ положеніи у государя, и когда узнала, что онъ отставной, но при военныхъ дѣлахъ будетъ опять призванъ, подарила ему необыкновеннаго верхового коня. Конь былъ что-то въ родѣ Самсона: необычайная сила и удаль заключались у него въ необычайныхъ волосахъ, и для того онъ былъ съ удивительнымъ хвостомъ. Такой былъ огромный хвостъ, что если конь скакалъ, то онъ сзади разстилался какъ облако, а если шагомъ пойдетъ, то концы его на двухъ маленькихъ колесцахъ укладывали и они ѣхали за конемъ, какъ шлейфъ за дамой.

Только удивительнаго коня этого нельзя было ввести въ Кіевъ, а надо было его гдѣ-то скрывать, потому что онъ былъ самый лучшій на всемъ Орловскомъ заводѣ и Бибикову хотѣлось его имѣть, но благодарная теща сказала: «на что онъ ему? Какой онъ воинъ!» и подарила Берлинскому, съ однимъ честнымъ словомъ, чтобы его въ «Бибиковское царство» не вводить, а содержать «на чужой сторонѣ».

Кесарь Степановичъ ногою шаркнулъ, «въ ручку поцѣловалъ» и коня принялъ, и честное слово свое сдержалъ.

Объ этомъ конѣ въ свое время было много протолковано на печерскомъ базарѣ. Собственными глазами никто это прекрасное животное никогда не видалъ, но всѣ знали, что онъ вороной безъ отмѣтинъ, а ноздри огненныя и можетъ скакать черезъ самыя широкія рѣки.

Теперь, когда пересказываешь это, такъ все кажется такимъ вздоромъ, какъ сказка, которой ни минуты нельзя вѣрить, а тогда какъ-то одни смѣялись, другіе вѣрили, и все было складно.

Печерскіе перекупки готовы были клясться, что этотъ конь жилъ въ таинственной глубокой пещерѣ въ броварскомъ бору, который тогда былъ до того густъ, что въ немъ еще водились дикіе кабаны. А стерегъ коня тамъ старый москаль, «хромой на одно око». Въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что москаль приходилъ иногда на базаръ и продавалъ въ горшкѣ табакъ «прочухрай», отъ котораго, какъ понюхаешь, такъ и зачихаешь. Ввести же коня въ Кіевъ нельзя было «по причинѣ Бибика».

Исцѣленіе тещи имѣло, однако, и свои невыгодныя послѣдствія, если не для Кесаря Степановича, то для всепомогающаго врача, и виною тому была малообразованность публики. Когда дамы узнали объ этомъ исцѣленіи способомъ «повертона», такъ начали притворяться, что у нихъ верхній зубъ болитъ и стали осаждать доктора, чтобы и надъ ними былъ сдѣланъ «повертонъ». Онѣ готовы были злоупотреблять этимъ до чрезвычайности. Николавра имъ внушалъ, что это дѣло серьезное и научное, а не шутка, но онѣ все не отставали отъ него съ просьбами «перевернуть ихъ и вылѣчить». Происходило это болѣе оттого, что Николавра дамъ очень смѣшилъ и онѣ въ него влюблялись въ это время безъ памяти. А онъ, будучи очень честенъ, не хотѣлъ разстраивать семейную жизнь во всемъ

городѣ и предпочелъ совсѣмъ оставить и Кіевъ, и медицинскую практику.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Разумѣется, вся «причина Бибика», о которой выше сказано, была чистѣйшій плодъ быстрой и сложной фантазіи самого печерскаго импровизатора или его восторженныхъ почитателей. На самомъ же дѣлѣ Бибиковъ не только не гналъ и ни за что не преслѣдовалъ занимательнаго полковника, но даже едва ли не благодѣтельствовалъ ему, насколько къ тому была склонна его жесткая и мало податливая на добро натура. Кажется, Бибиковъ былъ даже чѣмъ-то полезенъ Берлинскому въ устройствѣ его дѣтей и вообще никогда на него не нападалъ, хотя, по весьма странной любви къ сплетнямъ и наушничеству, онъ зналъ очень многое о томъ, что Берлинскій на его счетъ импровизовалъ. Вполнѣ возможно, что иногда скучавшій Бибиковъ имъ даже немножко интересовался, конечно, только ради смѣха и потѣхи.

Въ Кіевѣ въ то время проживалъ академикъ С.-Петербургской академіи художествъ, акварелистъ Михаилъ Макаровичъ Сажинъ. Онъ составлялъ для Дмитрія Гавриловича акварельный альбомъ открытыхъ при немъ кіевскихъ древностей, и не разъ бывало сказывалъ, что Бибиковъ шутилъ надъ своею зависимостью отъ Берлинскаго. Особенно его забавляло, какъ Берлинскій увѣрялъ, что «безрукій» мимо его домовъ даже *ѣздить боится*».

Бибиковъ въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, никогда не проѣзжалъ по Шіяновскимъ улицамъ, но, разумѣется, не потому, чтобы ему былъ страшенъ Берлинскій, а потому, что тутъ невозможно было проѣхать, не затонувъ или, по крайней мѣрѣ, не измаравшись. Кесарь Степановичъ или вдохновенные имъ почитатели давали этому свое толкованіе, которое имъ гораздо болѣе нравилось, а для Кесаря имѣло

притомъ свои выгоды. Всѣ эти легенды и басни значительно возвышали авторитетъ «галицкаго воина», который никого не боится, между тѣмъ какъ его всѣ боятся и «даже самъ Бибикъ».

Такъ какъ независимые люди всегда рѣдки и всякому интересны, то Кесарь Степановичъ пользовался у многихъ особенною любовью, и это выражалось своеобразнымъ къ нему поклоненіемъ. Думали, что онъ очень много можетъ защитить: а это, въ свою очередь, благопріятно отражалось на дѣлахъ шіяновскихъ развалинъ, которыя Бибиковъ, по словамъ Сажина, называлъ «шіяновскими нужниками», но за то ихъ не трогалъ, — можетъ въ самомъ дѣлѣ изъ какого-нибудь добраго чувства къ Берлинскому. Людямъ робкимъ, равно какъ и людямъ оппозиціоннаго образа мыслей было лестно жить въ этихъ «нужникахъ» вмѣстѣ, или «въ одномъ кольцѣ» съ такимъ вдохновительнымъ героемъ, какъ Кесарь Степановичъ. А какъ при томъ къ чистотѣ и благоустройству обиталищъ у насъ относятся еще довольно нетребовательно, то эти дряннныя развалины были постоянно обитаемы. Между невзыскательными жильцами здѣшнихъ мѣстъ встрѣчалось не мало тогдашнихъ «нелегальныхъ», т. е. такихъ, у которыхъ были плохи паспортишки. Они были увѣрены, что, будто, имѣютъ въ лицѣ Кесаря Степановича могущественнаго защитника. Думали, чуть, храни Богъ, встрѣтится какое-нибудь несчастіе или притѣсненіе отъ полиціи, то Кесарь Степановичъ заступится. А главное, что полиція сюда почему-то и дѣйствительно съ полицейскими цѣлями не ходила.

Вѣроятно не хотѣла, чтобы про нее было что-нибудь написано государю. Это обыкновенно имѣлось въ виду при наймѣ квартиръ, и нетребовательный жилецъ переѣзжалъ въ шіяновскія развалины съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что здѣсь хоть и «худовато, да спокойно».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Дорожа «спокойностью», въ шіяновскіе закутки набиралась всякая нищета и мелкота, иногда очень характерная и интересная.

Аристократію составляли захудалое армейское офицерство и студенты-медики пятаго курса, которымъ надо было ходить въ клиники военнаго госпиталя. Эти были менѣе всѣхъ искательны насчетъ покровительства и протекціи, но Кесарь Степановичъ, впрочемъ, и имъ иногда сулилъ свои услуги.

— Люблю молодежь, говорилъ онъ, и сейчасъ же, вздохнувъ, прибавлялъ: но за то спасибо имъ, и они меня любятъ. Бѣдные ребятки понимаютъ, что безрукій совсѣмъ готовъ бы ихъ затѣснить, да не смѣетъ,—боится...

Боялся онъ, разумѣется, страхового письма.

Студенты, впрочемъ, къ полковнику за содѣйствіемъ не обращались и даже слегка надъ нимъ подтрунивали, или просто его избѣгали.

Иногда встрѣчались такіе, которымъ и самъ Кесарь Степановичъ, и его защитительная предупредительность казались очень подозрительными. Думали, будто онъ можетъ служить Богови и мамону... Но «сѣрый жилецъ», т. е. публика изъ простолюдиновъ, и особенно старовѣры, которымъ въ тогдашнее сердитое время приходилось очень жутко, питали къ нему безграничное довѣріе.

Эти отношенія мнѣ представлялись тогда очень странными и я никакъ не могъ понять, происходило ли это довѣріе къ Кесарю отъ большого практическаго ума или отъ недоразумѣнія. Но такъ или иначе, а репутація дома все-таки на этомъ выигрывала, и теперь это вспоминается мило и живо, какъ веселая старая сказка, подъ которую сквозь какую-то теплую дрему свѣжо и ласково улыбается сердце...

Люди нынѣшняго банковаго періода должны намъ простить романтическую чепуху нашего молодого времени.

Явнымъ противорѣчіемъ между словомъ и поступками Берлинскаго было то, что безпредѣльно храбрый въ своихъ импровизаціяхъ, онъ въ практическихъ дѣлахъ съ властями былъ очень предусмотрителенъ и, можетъ быть, даже искателенъ. Такъ, напримѣръ, считая Бибикова не только не выше себя, но даже нѣсколько ниже, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что онъ могъ писать о немъ что угодно государю, Кесарь Степановичъ иногда надѣвалъ мундиръ и являлся въ «Липки» къ Бибикову. Политиканы, склонные къ обобщеніямъ, придавали этому большое значеніе и подозрительно истолковывали такіе визиты въ неблагопріятномъ смыслѣ; но всего вѣроятнѣе полковника заводила къ генералъ-губернатору просто нужда, въ которой Бибиковъ ему, можетъ быть, помогалъ изъ обширныхъ средствъ, находившихся въ его безотчетномъ распоряженіи. Простолюдины же толковали это совсѣмъ иначе и получали выводы прекрасные; они говорили:

— Нашъ-то, батюшка, воинъ-то нашъ галицкій, Кесарій Степановичъ, опять поползъ ругать Бибика. Пущай его проберетъ недобраго.

Сажинъ сказывалъ, что Бибиковъ даже и это зналъ, и очень надъ этимъ смѣялся, а отношеній своихъ къ Берлинскому все-таки нимало не измѣнялъ и не отказывался быть ему полезнымъ.

Такимъ образомъ Берлинскій, позабытый или незамѣчаемый въ высшихъ сферахъ кіевскаго общества, въ которомъ не было и нѣтъ дворянской знати, въ среднемъ слоѣ слылъ чудакомъ, котораго потихоньку вышучивали, но за то въ низшихъ слояхъ былъ героемъ, съ феноменальною и грандіозною репутаціею, которая держалась чрезвычайно крѣпко и привлекла подъ шіяновскія текучія крыши два безподобнѣйшіе экземпляра самаго заматорѣлаго во тьмѣ «древляго благочестія», изъ разряда «опасныхъ немоляковъ».

Впрочемъ, пока до нихъ, посмотримъ еще одно вводное лицо,—это квартальный-классикъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Была одна статья, которая, кажется, непремѣнно должна бы бросить тѣнь на независимость и отвагу Кесаря,—это операціи, имѣвшія цѣлію поддержаніе «шіяновскихъ нужниковъ».

Всѣ набитые сбродомъ домы и домишки, хлѣвушки и закуточки Шіяновскихъ улицъ давно валились, а починять ихъ строго запрещалось суровымъ Бибиковскимъ эдиктомъ о «преобразованіи». Но о Берлинскомъ говорили такъ, что онъ этихъ эдиктовъ не признаетъ, и что Бибиковъ не смѣетъ ему воспретить дѣлать необходимыя починки, ибо самъ государь желалъ, чтобы домъ, гдѣ живетъ Кесарь Степановичъ, былъ сохраненъ въ крѣпости. Между тѣмъ, какъ думалъ объ этомъ Бибиковъ, было неизвѣстно, а починки были крайне нужны, особенно въ крышахъ, которыя прогнили, проросли и текли по всѣмъ швамъ. И что же? наперекоръ всѣмъ Бибиковскимъ запрещеніямъ, крыши эти чинились, но какъ? Этотъ способъ достоинъ занесенія его въ кіевскую хронику.

Къ Кесарю Степановичу былъ вхожъ и почему-то пользовался его расположеніемъ мѣстный квартальный, котораго, помнится, какъ будто звали Діонисій Ивановичъ или Иванъ Діонисовичъ. Онъ былъ полу-хохолъ, полу-полякъ, а по религіи «изъ тунеядскаго исповѣданія». Это былъ человѣкъ пожилой и очень неопрятный, а подъ-часъ и зашибавшійся хмѣлемъ, но службистъ, законовѣдъ и разнаго мастерства художникъ. При томъ, какъ человѣкъ, получившій воспитаніе въ какихъ-то іезуитскихъ школахъ, онъ зналъ отлично по-латыни и говорилъ на этомъ языкѣ съ какимъ-то престарѣлымъ уніатскимъ попомъ, который проживалъ гдѣ-то на Рыбальской улицѣ за лужею. Латынь служила имъ для объясненій на базарѣ по преимуществу о дороговизнѣ продуктовъ и о другихъ предметахъ, о которыхъ они, какъ чистые аристократы ума, не хотѣли разговаривать на низкомъ нарѣчіи плебеевъ.

Въ служебномъ отношеніи, по части самовознагражденія классикъ придерживался старой доброй системы—натуральной повинности. Денежныхъ взятокъ классикъ не вымогалъ, а бралъ съ прибывающихъ на печерскій базаръ возовъ, «что кто привезъ съ того и по штучкѣ,—щобъ никому не було обиды». Если на возу дрова, то дровъ по полѣну, капуста—то по кочану капусты, зерна по пригоршнѣ и такъ все до мелочи, со всѣхъ поровну, «якъ отъ Бога показано».

Гдѣ именно было такое показаніе отъ Бога—это зналъ одинъ классикъ, въ памяти котораго жила огромная, но пестранная текстуализація изъ «Божого писанія» и особенно изъ апостола Павла.

— Ось у писаніи правда сказано, що «хлопъ якъ бувъ собі дурень, такъ вінъ дурнемъ и подохне».

Мужикъ слушалъ и, можетъ быть, вѣрилъ, что это о немъ писано. А въ другой разъ классикъ приводилъ уже другой текстъ:

Тоже, видать, правда, що каже апостолъ Павелъ: «бій хлопа по потылицѣ», и такъ какъ за этимъ слѣдовала сама потылица, то вѣры тому было еще болѣе.

Натуральную подать принималъ ходившій за классикомъ нарочито учрежденный custos. Онъ все бралъ и сносилъ на шіяновскій дворъ, гдѣ у квартальнаго въ какомъ-то закоулочкѣ была ветхая, но помѣстительная амбарушка. Тутъ все получаемое складывали и отходили за дальнѣйшимъ сборомъ, а потомъ въ свободное время все это сортировали и нѣчто пригодное для домашняго обихода брали домой, а другое пріуготовляли къ промѣну на вещи болѣе подходящія. Словомъ, тутъ былъ свой маленькій мѣновой дворъ, или караванъ-сарай взяточныхъ продуктовъ, полученныхъ отъ хлоповъ, которыхъ апостолъ Павелъ «казавъ бить по потылицѣ».

Платилъ ли что Иванъ Діонисовичъ за этотъ караванъ-сарай—не знаю, но за то онъ дѣлалъ дому всякія льготы, значительно возвышавшія репутацію «покойности» здѣш-

нихъ, крайне плохихъ на взглядъ, но весьма богохранимыхъ жилищъ.

Тутъ не бывало никакихъ обысковъ, тутъ, по разсказамъ, жило не мало людей съ плохими паспортами кромскаго, нѣжинскаго и мѣстнаго кіевскаго приготовленія. Обыкновенные сорта фальшивыхъ паспортовъ приготовлялись тогда по всему главному пути отъ Орла до Кіева, но самыми лучшими слыли тѣ, которые дѣлали въ Кромахъ и въ Дмитріевѣ на Свапѣ. Въ шіяновскихъ домахъ, впрочемъ, можно было обходиться и вовсе безъ всякихъ паспортовъ, но главное, что тутъ можно было дѣлать на полной свободѣ,— это *молиться Богу, какъ хочешь*, т. е. какимъ хочешь обычаемъ.

Послѣднее обстоятельство и было причиною, что на этотъ дворъ, подъ команду полковника Берлинскаго, приспастился оригинальнѣйшій богомолецъ. Сей бѣ именемъ Малахія, старецъ, прибывшій въ Кіевъ для совершенія тайныхъ требъ у старовѣровъ, которые пришли строить каменный мостъ съ англичаниномъ Виньёлемъ. Старецъ Малахія, въ просторѣчіи Малафей Пимычъ, былъ привезенъ своими единовѣрцами «изъ невѣдомаго ключа»,и «сокрытъ» въ шіяновскихъ закоулкахъ «подъ тайностію». Все это въ надеждѣ на Кесаря—ибо имя его громко звучало по простолюдью дальше Орла и Калуги.

При старцѣ былъ отрокъ лѣтъ двадцати трехъ, котораго звали Гіезій.

Было ли это его настоящее имя, или только шуточная кличка—теперь не знаю, а тогда не интересовался это разслѣдовать.

Имени Гіезій въ православныхъ мѣсяцесловахъ нѣтъ, а былъ такой отрокъ при пророкѣ Елисеѣ. Можетъ быть это оттуда и взято.

Какъ старецъ Малафей, такъ и его отрокъ были чудаки первой степени и поселены они были въ шіяновской слободѣ въ разсчетахъ на защиту «печерскаго Кесаря». Но прежде, чѣмъ говорить о старцѣ и его мужественномъ отрокѣ, окончу объ Иванѣ Діонисовичѣ и о его художествахъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

У латыниста квартальнаго было два искусства, изъ коихъ однимъ онъ хвастался, а о другомъ умалчивалъ, хотя собственно второе въ общественномъ смыслѣ имѣло гораздо большее значеніе.

Иванъ Діонисовичъ хвалился тѣмъ, что онъ «самъ себя стригъ». Это, можетъ-быть, покажется кому-нибудь пустяками, но пусть кто угодно на себѣ это попробуетъ, и тогда всякъ легко убѣдится, что остричь самому себя очень трудно и требуетъ большой ловкости и таланта. Второе же дѣло, которое еще болѣе артистически исполнялъ, но о которомъ умалчивалъ квартальный, относилось къ антикварному роду: онъ зналъ секретъ, какъ «старить» новыя доски для того, чтобы ими «подшивать» ночью прогнившія крыши. И дѣлалъ онъ это такъ, что никакой глазъ не могъ отличать отъ стараго новыхъ заплатъ его мастерского приготовленія.

Въ томъ самомъ каравань-сараѣ, гдѣ складывались натуральныя подати съ базарныхъ торговцевъ и производилась мѣновая торговля, тутъ же у Ивана Діонисовича была и антикварная мастерская. Здѣсь находились дрань, лубья и деготь или колесная смола, по-малороссійски «коломазь». Все это было набрано на базарѣ съ торговцевъ безданно, безпошлинно и назначалось въ дѣло, которое, при тогдашнихъ строгостяхъ, заключало въ себѣ много таинности и не мало выгодъ. Химія производилась въ огромномъ старомъ корытѣ съ разведеннымъ въ немъ коровьимъ пометомъ и другими элементами, образовывавшими новыя соединенія. Элементы все были простые: навозъ, песокъ, смола и зерна овса «для проросли». Въ этомъ корытѣ лежали пріуготовляемые для антикварныхъ работъ лубы и дранницы. Они подвергались довольно сложному процессу, за которымъ классикъ наблюдалъ не хуже любого техника, и новому матеріалу придавался видъ древности изумительно хорошо и

скоро. Квартальный самъ дошелъ до того, какъ составлять этотъ античный колоритъ и пускать по нему эту веселую зеленькую проросль отъ разнѣженныхъ овсяныхъ зеренъ. Стоило приготовленную такимъ способомъ доску приколотить на мѣсто и какъ «Бибикъ» около нея ни разъѣзжай, ничего онъ не отличитъ.

Дошелъ до этого производства Иванъ Діонисовичъ, вѣроятно, изъ тѣхъ побужденій, чтобы у него не пропадали такіе продукты, какъ лубья и коломазь, для которыхъ нельзя было найти особенно хорошаго сбыта въ ихъ простомъ видѣ.

Кажется, квартальный иногда самъ и приколачивалъ приготовленныя имъ заплатки, а, впрочемъ, я достовѣрно этого не знаю. Знаю только, что онъ ихъ приготовлялъ и притомъ приготовлялъ въ совершенствѣ.

Способъ нанесенія этого матеріала на ветхія постройки былъ простъ: избиралась ночь потемнѣе и къ утру дѣло было готово. На слѣдующій день Кесарь Степановичъ ходилъ, гулялъ, поглядывалъ и говорилъ, улыбаясь:

— Что? — много взялъ, безрукій!

А ему отвѣчали:

— Что онъ противъ тебя можетъ!

Такъ и это все шло въ подтвержденіе, что Бибиковъ ничего будто противъ «Кесаря» сдѣлать не можетъ, а тѣмъ временемъ пришла постройка моста и къ Вяньёлю притекла масса людей, изъ которыхъ много было раскольниковъ. Эти привезли съ собою образа и своихъ «молитвенниковъ», между которыми всѣхъ большей тайности и охранѣ подлежалъ уже разъ упомянутый старецъ Малафей. Онъ былъ «пилипонъ» (т. е. филипповецъ) и «немолякъ», т. е. такой сектантъ, который ни въ домашней, ни за общественной молитвой о царѣ не молился. Такіе сектанты, при тогдашнемъ маломъ знаніи и пониманіи духа русскаго раскола, почитались «опасными и особенно вредными».

Большинство людей, даже очень умныхъ, смотрѣли на этихъ наивныхъ буквоѣдовъ, какъ на политическихъ зло-

умышленниковъ и во всякомъ случаѣ «недруговъ царскихъ».

Этого не избѣгали наши старинные законовѣды и новѣйшіе тенденціозные фантазеры въ родѣ Щапова, которыи принесъ своими мечтательными изъясненіями старовѣрчества существенный вредъ нѣжно любимому имъ расколу.

Куда было дѣть въ Кіевѣ такого опаснаго старца, какъ Малахія? гдѣ его помѣстить такъ удобно, чтобы онъ самъ былъ цѣлъ и чтобы можно было у него «поначалиться» и вкусить съ нимъ сладость молитвеннаго общенія? Христолюбцамъ предлежала серьезная забота, «гдѣ сохранить старичка отъ Бибика».

Но гдѣ же лучше можно было устроить такого особливаго богослова, какъ не въ шіяновскихъ нужникахъ». Сюда его и привела подъ крыло печерскаго «Кесаря» громкая слава дѣлъ этого независимаго и безстрашнаго человѣка.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Старца Малафея съ его губатымъ отрокомъ въ шіяновскихъ палестинахъ водворили два какіе-то каменщика. Эти люди приходили осматривать помѣщеніе съ большими предосторожностями. О цѣнѣ помѣщенія для старца они говорили съ барышней, которая вѣдала домовые счеты, а потомъ бесѣдовали съ Кесаремъ Степановичемъ о чемъ-то гораздо болѣе важномъ.

Это тогда заинтересовало всѣхъ близкихъ людей.

Каменщики были люди вида очень степеннаго и внушительнаго, притомъ со всѣми признаками самаго высокопробнаго русскаго благочестія: чолочки на лобикахъ у нихъ были подстрижены, а на маковкахъ въ честь Господню гуменца пробриты; говоръ тихій, а взглядъ умѣренный и «поникновенный».

О деньгахъ за квартиру для старца и его отрока раскольники не спорили. Очевидно, это было для нихъ послѣднимъ дѣломъ, а главное было то, о чемъ говорено съ Кесаремъ Степановичемъ.

Онъ ихъ «исповѣдывалъ во всѣхъ догматахъ» ихъ вѣры и — надо ему отдать честь — пришелъ къ заключеніямъ весьма правильнымъ и для этихъ добрыхъ людей благопріятнымъ.

На наши разспросы: что это за необыкновенные люди, онъ намъ чисто съ военною краткостію отвѣчалъ:

— Люди прекрасные и дураки.

Результатомъ такого быстраго, но правильнаго опредѣленія было то, что злосчастные раскольники получили разрѣшеніе устраиваться въ подлежащемъ отдѣленіи «шіяновскихъ нужниковъ», а квартальный-классикъ въ слѣдующую же ночь произвелъ надъ крышею отданнаго имъ помѣщенія надлежащія антикварныя поправки.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Подъ старца была занята довольно обширная, но весьма убогая хоромина,—впрочемъ, въ самомъ излюбленномъ раскольничьемъ вкусѣ. Это была низенькая, полудеревянная, полумазанная, совершенно отдѣльная хибара. Она стояла гдѣ-то на задворкѣ и была ни откуда не видима. Точно она здѣсь нарочно построена въ такомъ сокрытіи, чтобы править въ ней нелегальныя богомольства.

Чтобы добраться до этого, буквально сказать, молитвеннаго хлѣва, надо было пройти одинъ дворъ, потомъ другой, потомъ завернуть еще во дворикъ, потомъ пролѣзть въ закоулочекъ и оттуда пройти черезъ дверь съ блочкомъ въ дровяную закуточку. Въ этой закуточкѣ былъ сквозной ходъ еще на особый маленькій дворишко, весь закрытый пупомъ поднявшеюся высокою навозною кучею, за которою по сторонамъ ничего не видно. Куча была такъ высока, что закрывала торчавшую изъ ея средины высокую шелковицу или рябину почти по самыя вѣтви.

Хатина имѣла три окна и всѣ они въ рядъ выходили на упомянутую навозную кучу, или, лучше сказать, навозный холмъ. При хатѣ имѣлись досчатыя сѣни, надъ дверями

которыхъ новые наемщики тотчасъ же по водворенiи водрузили небольшой мѣдный литой крестъ изъ тѣхъ, что называютъ «корсунчиками».

Съ другой стороны на кучу выходило еще одно маленькое окно. Это принадлежало другому, тоже секретному помѣщенiю, въ которое входили со второго двора. Тутъ жили двѣ или три «старицы», къ которымъ ходили молиться раскольники иного согласiя — «тропарники», т. е. пѣвшiе тропарь: «Спаси, Господи, люди твоя». Я въ тогдашнее время плохо понималъ о расколѣ и не интересовался имъ, но какъ теперь соображаю, то это, должно быть, были поморцы, которые издавна уже «къ тропарю склонялись».

Молитвенная хата, занятая подъ старца Малафея, до настоящаго найма имѣла другiя назначенiя: она была когда-то банею, потомъ птичною, «индѣечной разводкою», т. е. въ ней сиживали на гнѣздахъ индѣйки-насѣдки, а теперь, наконецъ, въ ней поселился святой мужъ и учредилась «моленна», въ знакъ чего надъ притолками ея досчатыхъ сѣней и утвержденъ былъ мѣдный «корсунчикъ».

Въ противоположность большинству всѣхъ помѣщенiй шiяновскаго подворья, эта хата была необыкновенно теплая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Старца Малахiю каменщики привезли позднимъ вечеромъ на парныхъ деревенскихъ саняхъ и прямо привели его во храмину и заключили тамъ на безысходное житье.

Убранства хатѣ никакого не полагалось, а что было необходимо, то сами же прихожане устроили безъ всякой посторонней помощи.

Мы ее однажды осматривали черезъ окно, при посредствѣ отрока Гiезiя, въ тѣ часы, когда Малафей Пимычъ, утомясь въ жаркiй день, «держалъ опочивъ» въ сѣничкахъ. По одной стѣнѣ горенки тянулись въ два тябла старинныя иконы, передъ которыми стоялъ аналой съ поклонною «рогозинкою», въ углѣ простой деревянный столъ и предъ

нимъ скамья, а въ другомъ углѣ двѣ скамьи, поставленныя рядомъ. Въ одномъ концѣ этихъ скамеекъ былъ положенъ толстый березовый обрубокъ, покрытый обрывками старой крестьянской свиты.

Это была постель старца, который почивалъ по правиламъ добляго житія, «не имѣя возглавицы мягкія».

Для отрока Гіезія совсѣмъ не полагалось никакой ни утвари, ни омеблировки. Онъ велъ житіе не только иноческое, но прямо спартанское: пилъ онъ изъ берестянаго сверточка, а спалъ лѣто и зиму на печкѣ.

Старецъ «по̀пилъ», т. е. полагалъ «началъ» чтенію и пѣнію, исповѣдалъ и крестилъ у своихъ раскольниковъ, а Гіезій состоялъ при немъ частію въ качествѣ дьячка, т. е. «аминилъ» и читалъ, а частію въ родѣ слуги и послушника. Послушаніе его было самое тяжкое, но онъ несъ его безропотно и съ терпѣніемъ неимовѣрнымъ. Старецъ его никуда почти не выпускалъ, «кромѣ торговой нужды», то есть хожденіе за покупками; томилъ его самымъ суровымъ постомъ и при томъ еще часто «началилъ». За малыя прегрѣшенія «началенье» производилось ременною лѣстовицею, а за болѣе крупные грѣхи—концомъ веревки, на которой бѣдный Гіезій самъ же таскалъ для старца воду изъ колодца. Если же вина была «особливая», тогда веревка еще нарочно смачивалась и оттого удары, ею наносимые спинѣ отрока, были больнѣе.

Старца Малахію мы никогда вблизи не видали, кромѣ того единственнаго случая, о которомъ наступитъ разсказъ. Извѣстно было только одно общее очертаніе его облика, схваченное при одномъ рѣдкомъ случаѣ, когда онъ появился какой-то нужды ради передъ окномъ. Онъ былъ роста огромнаго, сѣдъ и бѣлобородъ и даже съ празеленью: очи имѣлъ понурыя и почти совсѣмъ невидныя за густыми, длинными и тяжело нависшими бровями. Лѣтъ старцу, по наружности судя, было близко къ восьмидесяти; онъ былъ сильно сутулъ и даже согбенъ, но плотенъ и несомнѣнно еще очень силенъ. Волосы на его головѣ были острижены не

въ русскій кружокъ, а какими-то клоками, можетъ-быть «постризало» на нихъ уже и «не восходило», а они сами не росли отъ старости. Одѣтъ онъ былъ всегда въ черный мухояръ и черезъ плечи его на грудь висѣла длинная связка какихъ-то шаровъ, похожихъ на толстые баранки. Связка эта опускалась до самаго пупа и на пупѣ приходился крестъ, вершка въ три величиною. Это были четки.

Голосъ старца былъ яко кимвалъ бряцаяй, хотя мы способлены были слышать въ его произношеніи только одно слово: «парень». Это случалось, когда старецъ кликалъ изъ двери Гіезія, выходившаго иногда посидѣть на гноищѣ у шелковицы или рябины.

Болѣе старецъ былъ не видимъ и не слышанъ, и судить о немъ было чрезвычайно трудно; но Кесарь Степановичъ и его характеризовалъ краткимъ опредѣленіемъ:

— Дуракъ присноблаженный.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Гіезія мы знали несравненно ближе, потому что этотъ, по молодости своей, самъ къ намъ бился, и, несмотря на то, что «дѣдушка» содержалъ его въ безмѣрной строгости и часто «началилъ» то лѣстовицей, то мокрой веревкой, отрокъ все-таки находилъ возможность убѣгать къ намъ, и велъ себя въ нашемъ растлѣнномъ кругѣ не совсѣмъ одобрительно. За то, какъ ниже увидитъ читатель, съ нимъ однажды и воспослѣдовало такое бѣдствіе, какое навѣрное ни съ кѣмъ другимъ не случалось: онъ былъ окормленъ *человѣчьимъ мясомъ*... Или, точнѣе сказать, онъ имѣлъ несчастіе думать, будто надъ нимъ было совершено такое коварство «учеными», въ которыхъ онъ видѣлъ прирожденныхъ враговъ душевнаго спасенія.

Впередъ объ этомъ ужасномъ случаѣ будетъ разсказано обстоятельно.

Отроку, какъ я выше сказалъ, было двадцать два года. «Отрокъ», по примѣненію къ нему, не выражало поры его

возраста, а это было его званіе, или, лучше сказать, его санъ духовный. Онъ былъ широкорожаго великорусскаго обличья, мордатъ и губастъ, съ русыми волосами и голубыми глазами, имѣвшими странное, пытливое и въ то же время совершенно глупое выраженіе. Румянецъ пробивался на его лицѣ гдѣ только могъ, но нигдѣ просторно не распространялся, а проступалъ пятнами и отъ того молодое, едва опушавшееся мягкою бородкою, лицо отрока имѣло видъ и здоровый а въ то же время нездоровый. Бываютъ такія собаки, которыя «въ щенкахъ заморены». Видно, что породиста, да отъ заморы во всю свою природу не достигаетъ.

По уму и многимъ свойствамъ своего характера, Гіезій былъ наисовершеннѣйшимъ выразителемъ того русскаго типа, который мѣтко и сильно рисуетъ въ своей превосходнѣйшей книгѣ профессоръ Ключевскій, т. е. «заматорѣлость въ преданіяхъ и никакой идеи». Сдѣлать что-нибудь иначе, какъ это заведено и какъ дѣлается, Гіезію никогда не приходило въ голову: это помогало ему и въ его отроческомъ служеніи, въ которое онъ, по его собственнымъ словамъ, «вданъ былъ родительницею до рожденія по оброку».

Это разъяснялось такъ, что у его матери была несносная болѣзнь, которую она, со словъ какихъ-то врачей, называла «азіятикъ»; болѣзнь эта происходила отъ какихъ-то происковъ злого духа. Бѣдная женщина долго мучилась и долго лѣчилась, но «азіятикъ» не приходилъ. Тогда она дала обѣтъ балыкинской Божіей Матери (въ Орлѣ), что если только «азіятикъ» пройдетъ и послѣ исцѣленія родится дитя мужескаго пола, то «вдастъ его въ услуженіе святому мужу, въ мѣру возроста Христова», т. е. до тридцати трехъ лѣтъ.

Послѣ такого обѣта больная, заступленіемъ балыкинской Божіей Матери, выздоровѣла и имѣла вторую радость—родила Гіезія, который съ восьми лѣтъ и началъ исполнять материнъ обѣтъ, проходя «отроческое послушаніе». А до 33 лѣтъ ему еще было далеко.

Старецъ на долю отрока Гіезія выпалъ, можетъ быть, и весьма святой, и благочестивый, но очень суровый и, по словамъ Гіезія, «столько объ него мокрыхъ веревокъ обначалилъ, что можно бы по нимъ уже десяти человѣкамъ до неба взойти».

Но ученіе правиламъ благочестія Гіезію давалось плохо и не памятливо. Несмотря на свое рожденіе по священному обѣту, онъ, по собственному сознанію, былъ, «отъ природы блудливъ». То онъ сны нехорошіе видѣлъ, то кошкамъ хвосты щемилъ, то мирщилъ съ никоніанами, или «со иновѣрными спорился». А бѣсъ, всегда неравнодушный ко спасенію людей, стремительно восходящихъ на небо, безпрестанно подставлялъ Гіезію искушенія и тѣмъ опять подводилъ его подъ мокрую веревку.

На шіяновскомъ дворѣ, который былъ удаленъ отъ всякаго шума, Гіезій прежде всего впалъ въ распри съ тѣми поморами, окно которыхъ выходило на ихъ совмѣстную навозную кучу, раздѣлявшую «ихъ согласія».

Какъ поморы бывало начнутъ пѣть и молиться, Гіезій залѣзаетъ на рябину и дразнитъ ихъ оттуда, крича:

— Тропари—мытари.

А тѣ не выдержатъ и отвѣчаютъ:

— Немоляки—раскоряки.

Такъ обѣ вѣры были взаимно порицаемы, а послѣдствіемъ этого выходили стычки и «камнеметаніе», заканчивавшіеся иногда разбитіемъ оконъ съ обѣихъ сторонъ. Въ заключеніе же всей этой духовной распри, Гіезій, какъ непосредственный виновникъ столкновеній, былъ «началенъ» веревкою и иногда ходилъ дня по три согнувшись.

Затѣмъ, разумѣется, и Богъ, и старецъ его прощали, но онъ скоро впадалъ еще въ большія искушенія. Одно изъ таковыхъ ему едва не стоило потери разсудка и даже самой жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

При полномъ типическомъ отсутствіи идей, у Гіезія была пытливость и притомъ самая странная. Онъ любилъ задавать такіе неожиданные вопросы, которые въ общемъ напоминали вопросы дѣтей.

Прибѣжитъ бывало подъ окно и спрашиваетъ:

— Отчего у льва грива растетъ?

Ему отвѣчаютъ:

— Пошелъ ты прочь—почему я знаю, отчего у льва грива растетъ?

— А какъ же, говорятъ, въ чемъ составляется наука свѣтская?

Его прогонятъ, а онъ при случаѣ опять пристаетъ съ чѣмъ-нибудь подобнымъ, и это безъ всякой задней мысли или иронiи,—а такъ какой-то рефлексъ его толкнетъ, онъ и спрашиваетъ:

— Отчего рябина супротивъ крыжовника горче?

Но больше всего его занимали вещи таинственныя, для которыхъ онъ искалъ разъясненія въ природѣ. Напримѣръ, ему хотѣлось знать: «какое бываетъ сердце у грѣшника», и вотъ это-то любопытство его чуть не погубило.

Такъ какъ въ домѣ жило нѣсколько медицинскихъ студентовъ, между которыми бывали ребята веселые и шаловливые, то одинъ изъ нихъ пообѣщалъ разъ Гіезію «показать сердце грѣшника».

Для этого требовалось придти въ анатомическій театръ, который тогда былъ во временномъ помѣщеніи, на нынѣшней Владимірской улицѣ, въ домѣ Беретти.

Гіезій долго не рѣшался на такой рискованный шагъ, но страстное желаніе посмотрѣть сердце грѣшника его преодолѣло, онъ пришелъ разъ къ студентамъ и говоритъ:

— Есть теперь у васъ мертвый грѣшникъ?

— Есть, говорятъ,—да еще самый залихватскій.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Отца продалъ, мать заложилъ и въ томъ руку приложилъ, а потомъ галку съѣлъ и зарѣзался.

Гіезій заинтересовался.

— Меня завтра дѣдушка къ Батухину въ лавку за оливой къ лампадамъ пошлетъ, а я къ вамъ въ анатомію прибѣгу, покажите мнѣ сердце грѣшниче.

— Приходи,—отвѣчаютъ,—покажемъ.

Онъ сдержалъ свое слово и явился блѣдный и смущенный, весь дрожа въ страхѣ несказанномъ.

Ему дали выпить мензулку препаровочнаго спирта для храбрости, подъ видомъ «осмѣлительныхъ капель», сказавъ притомъ, что безъ этого нельзя увидать сердце.

Онъ выпилъ и ошалѣлъ, сердце онъ нашелъ совсѣмъ неудовлетворительнымъ и вовсе не похожимъ на то, какъ его себѣ представлялъ, судя по извѣстному лубочному листу: «сердце грѣшника—жилище сатаны». Чтобы увидѣть сатану въ сердцѣ, его уговорили выпить еще вторую мензулку, и онъ выпилъ и потомъ что-то ѣлъ. А когда съѣлъ, то студенты ему сказали:

— Знаешь ли, что ты съѣлъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Не знаю.

— А это ты, братецъ, съѣлъ котлету изъ человѣческаго мяса.

Гіезій поблѣдиѣлъ и зашатался: съ нимъ совершенно неожиданно сдѣлался настоящій обморокъ.

Его насилу привели въ себя и ободрили, увѣряя, что котлета сжарена изъ мяса человѣка зарѣзавшагося, но отъ этого съ Гіезіемъ чуть не сдѣлался второй обморокъ и начались рвоты, такъ что его насилу привели въ порядокъ, и на этотъ разъ уже стали разувѣрять, что это было сказано въ шутку и что онъ ѣлъ мясо говяжье; но никакія слова на него уже не дѣйствовали. Онъ бѣгомъ побѣжалъ на Печерскъ къ своему старцу и самъ просилъ «сильно его попачалить», какъ слѣдуетъ отъ страшнаго прегрѣшенія.

Старецъ исполнилъ просьбу отрока.

И дорого это обошлось здоровью бѣднаго парня; дней десять послѣ этого происшествія мы его вовсе не видали, а потомъ, когда онъ показался съ ведромъ за плечами, то имѣлъ видъ человѣка, перенесшаго страшныя муки. Онъ былъ худъ, блѣденъ и самъ на себя не похожъ, а, вдобавокъ, долго ни за что ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить и не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ.

Послѣ, по особому къ одному изъ насъ довѣрію, онъ открылъ, что дѣдушка его «вдвойнѣ началилъ», т. е. призвалъ къ сему дѣланію еще другого случившагося тутъ благовѣрнаго христіанина, и оба имѣли въ рукахъ концы веревки, «свитые во двое», и держались «ихъ оборучь». И началили Гіезія въ углѣ въ сѣняхъ, уложивъ «мордою въ войлокъ, даже до той совершенной степени, что у него отъ визгу ротъ трубкой закостенѣлъ, и онъ всей памяти лишился».

Но на дѣдушку отрокъ все-таки нимало не роптalъ, ибо сознавалъ, что «битъ былъ во славу Божію», и надѣялся черезъ это болѣе «съ мірскими не суетить и исправиться».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Кажется, это и въ самомъ дѣлѣ произвело въ немъ такой сильный переломъ, къ какому только была способна его живая и увлекающаяся натура. Онъ рѣже показывался и вообще уже не заводилъ ни разговоровъ съ нами, ни пререканій съ благоневѣрными поморами, которые «на тропарѣ повисли».

Къ тому же, обстоятельства поизмѣнились и поразмели нашу компанію въ разныя стороны, и старецъ съ отрокомъ на время вышли изъ вида.

Между тѣмъ, мость былъ оконченъ и къ открытію его въ Кіевъ ожидали государя Николая Павловича. Наконецъ и государь прибылъ, и на другой день было назначено открытіе моста.

Теперь ничего такъ не торжествуютъ, какъ тогда торже-

ствовали. Вечеръ наканунѣ былъ оживленный и веселый: всѣ ходили, гуляли, толковали, но были люди, которые проводили эти часы и иначе.

На темномъ задворкѣ шіяновскихъ закутокъ и поморы, и филипоны молились, одни съ тропаремъ, другіе безъ тропаря. Тѣ и другіе ждали необычайной для себя радости, которая ихъ благочестію была «возвѣщена во Псалтырѣ».

Около полуночи мнѣ довелось проводить одну дѣвицу, которая жила далеко за шіяновскимъ домомъ, а на возвратномъ пути у калитки я увидѣлъ темную фигуру, въ которой узналъ антропофага Гіезія.

— Что это,—говорю,—вы въ такую позднюю пору на улицѣ?

— Такъ.—отвѣчаетъ,—все равно, нонче надо не спать.

— Отчего надо не спать?

Гіезій промолчалъ.

— А какъ это васъ дѣдушка такъ поздно отпустилъ на улицу?

— Дѣдушка самъ выслалъ. Мы вѣдь до самаго сего часа молитвовали,—почитай сію минуту только заамнили. Дѣдушка говоритъ: «повыдь посмотри, что дѣется».

— Чего же смотрѣть?

— Како, — говоритъ — «суетятъ никоніаны и чего для себя ожидаютъ».

— Да, что такое,—спрашиваю,—случилось и чего особеннаго ожидаете?

Гіезій опять замялся, а я снова повторилъ мой вопросъ.

— Дѣдушка, говоритъ, много ждутъ. Имъ, дѣдушкѣ, вѣдь все изъ Псалтыри открыто.

— Что ему открыто?

— Съ завтрашняго числа одна вѣра будетъ.

— Ну-у!

— Увидите сами, — до завтра это втайнѣ, а завтра всѣмъ царь объявитъ. И упротивные (т. е. поморы) тоже ждутъ.

— Тоже объединенія вѣры?

— Да-съ: должно быть того же самаго. У насъ съ ними нынче, когда наши на сѣдальняхъ на дворикъ вышли, межъ окно опять легкая война произошла.

— Изъ-за чего?

— Опять о тропарѣ заспорили. Наши имъ правильно говорили: «подождать бы вамъ тропарь-то голосить въ особину; завтра разомъ всѣ вообче запоемъ; столпомъ воздымемъ до самаго до неба». А тѣ несогласны и отвѣчаютъ: «мы давно на тропарѣ основались и съ своего не снидемъ». Слово по слову и въ окно плеваться стали.

Я полюбопытствовалъ, какъ это именно было.

— Очень просто,—говоритъ Гіезій,—наши имъ въ окно кукиши казать стали, а тѣ оттуда плюнули, и наши не уступили, — имъ то самое, наоборотъ. Хотѣли войну сдѣлать, да полковникъ увидѣлъ и закричалъ: «Цыть! всѣхъ изрублю». Перестали плеваться и опять запѣли, и всю службу до конца доправили и разошлись. А теперь дѣдушка одинъ остался и страсть какъ внѣ себя ходитъ. Онъ вѣдь завтра выходъ сдѣлаетъ.

— Неужели,—говорю,—дѣдъ наружу вылѣзетъ?

— Какъ-же-съ, — дѣдушка завтра на улицу пойдетъ, чтобъ на государя смотрѣть. Скоро сорокъ лѣтъ, говорятъ, будетъ, какъ онъ по улицамъ не ходилъ, а завтра пойдетъ. Ему ужъ наши и шляпу принесли, онъ въ шляпѣ и съ костылемъ идти будетъ. Я его поведу.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ я и простился съ Гіезіемъ, совсѣмъ не понявъ тѣхъ многозначительнѣйшихъ намековъ, которые заключались въ его малосвязномъ, но таинственномъ разсказѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

День открытія «новаго моста», который нынче въ Кіевѣ называютъ уже «старымъ», былъ ясный, погожій и превосходный по впечатлѣніямъ.

Всѣ мы тогда чувствовали себя необыкновенно весе-

лыми и счастливыми, Богъ вѣсть отчего и почему. Никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ силѣ и могуществѣ родины, историческій горизонтъ которой казался чистъ и ясенъ, какъ покрывавшее насъ безоблачное небо съ ярко горящимъ солнцемъ. Всѣ какъ-то смахивали тогда на воробьевъ послѣдняго тургеневскаго разсказа: прыгали, чиликали, наскакивали и никому въ голову не приходило посмотрѣть, не рѣетъ ли гдѣ поверху ястребъ, а только бойчились и чирикали:

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Воевать тогда многимъ ужасно хотѣлось. Начитанные люди съ патріотическою гордостью повторяли фразу, что «Россія — *государство военное*», и военные люди были въ большой модѣ и пользовались этимъ не всегда великодушно. Но главное—тогда мы были очень молоды и каждый изъ насъ провожалъ кого-нибудь изъ существъ, заставлявшихъ скорѣе биться его сердце. Волокитство и ухаживанья тогда входили въ «росписаніе часовъ дня» благопристойнаго россіянина, чему и можетъ служить наилучшимъ выраженіемъ «дневникъ Виктора Аскоченскаго», напечатанный въ 1882 году въ «Историческомъ Вѣстникѣ». И самъ авторъ этого «дневника», тогда еще молодцоватый и задорный, былъ среди насъ и даже, можетъ быть, служилъ для многихъ образцомъ въ тонкой наукѣ волокитства, которую онъ практиковалъ, впрочемъ, преимущественно «по купечеству». У женщинъ настоящаго свѣтскаго воспитанія онъ никакого успѣха не имѣлъ и даже не получалъ къ нимъ доступа. Аскоченскій одѣвался щеголемъ, но безъ вкуса, и не имѣлъ ни мягкости, ни воспитанности: онъ былъ дерзокъ и грубъ въ разговорѣ, очень непріятенъ въ манерахъ.

По словамъ одного изъ его кіевскихъ современниковъ, впослѣдствіи профессора казанскаго университета, А. О. Яновича онъ всегда напоминалъ «переодѣвшагося архіерея». Въ сіяющій день открытія моста Аскоченскій ходилъ въ панталонахъ рококо и въ свѣтлой шляпѣ на своей крутой головѣ, а на каждой изъ его двухъ рукъ висѣло по одной

подольской барышнѣ. Онъ велъ дѣвицъ и металъ встрѣчнымъ знакомымъ свои тупыя семинарскія остроты. Въ этотъ же день онъ, останавливаясь надъ кручею, декламировалъ:

...Вотъ - онъ Днѣпръ
Тотъ самый Днѣпръ, гдѣ вся Русь крестилась
И, по милости судебъ, гдѣ она омылась.

За этими стихами слѣдовало его командирское слово:

На молитву же, друзья:
Кіевъ передъ вами!

Послѣ все это вошло въ какое-то большое его призывное стихотвореніе, по обыкновенію, съ тяжелою версификаціею и съ массою неглагольныхъ риомъ. Его муза, подъ пару ему самому, была своенравна и очень неуклюжа.

О немъ хочется сказать еще два слова: «*дневникъ*» этого довольно любопытнаго человѣка напечатанъ, но, по моему, онъ не только не выяснилъ, но даже точно закуталъ эту личность. По-моему, дневникъ этотъ, который я прочелъ *весь* въ подлинникѣ, имѣетъ характеръ сочиненности. Тамъ даже есть *пятна слезъ*, оросившія страницы, гдѣ говорится о подольскихъ купеческихъ барышняхъ. Или есть такія замѣтки: «я пьянъ и не могу держать пера въ рукахъ», а между тѣмъ, это написано совершенно трезвою и твердою рукою...

Вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ хорошей безпристрастной замѣтки о треволненной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ бы ему выбрать его злѣйшій врагъ. Праху его миръ и покой, но его жизненныя невзгоды и карьерная игра характерны и поучительны. Кромѣ Виктора Игнатьича, тогда въ Кіевѣ водились еще и другіе поэты, въ плоской части доживалъ свой маститый вѣкъ Подолинскій, а по городу ходили одна молодая дѣвица и одинъ молодой кавалеръ. Дѣвица, подражая польской импровизаторшѣ Деотымѣ, на-

писала много маленькихъ и очень плохихъ стихотвореній, которыя были ею изданы въ одной книжечкѣ подъ заглавіемъ: «Чувства патріотки». Складъ изданія находился въ «аптекѣ для души», т. е. въ подольской библіотекѣ Павла Петровича Должикова. Стихотворенія совсѣмъ не шли и Должиковъ иногда очень грубо издѣвался надъ этою книгою, предлагая всѣмъ «вмѣсто хлѣба и водки—чувства патріотки». Въ день открытія моста стихотворенія эти раздавались безденежно. На чей счетъ было такое угощеніе—не знаю. Подолинскій, кажется, еще жилъ, но не написалъ ничего, да про него тогда и позабыли, а Альфредъ фонъ-Юнгъ что-то пустилъ съ своего Олимпа, но что именно такое—не помню. Невозможно тоже не вспомнить объ этомъ добрѣйшемъ парнѣ, совершенно безграмотномъ и лишенномъ малѣйшей тѣни дарованія, но имѣвшемъ неодолимую и весьма разорительную страсть къ литературѣ. И онъ, мнѣ кажется, достоинъ благодарнаго воспоминанія отъ кіевлянъ, если не какъ поэтъ, то какъ самоотверженнѣйшій піонеръ—періодическаго издательства въ Кіевѣ. До Юнга въ Кіевѣ не было газеты, и предпринять ее тогда значило навѣрное разориться. Юнга это не остановило: онъ завелъ газету и вмѣсто благодарности встрѣчалъ отовсюду страшныя насмѣшки. По правдѣ сказать, «Телеграфъ» юнговскаго изданія представлялъ собою не мало смѣшного, но все-таки онъ есть *дѣдушка* кіевскихъ газетъ. Денегъ у Юнга на изданіе долго не было, и чтобы начать газету, онъ прежде пошелъ (во время Крымской войны) «командовать волами», т. е. погонщикомъ. Тутъ онъ сдѣлалъ какія-то сбереженія и потомъ все это самоотверженно повергъ и сожегъ на алтарѣ литературы. Это былъ настоящій литературный маньякъ, котораго не могло остановить ничто, онъ все издавалъ, пока совсѣмъ не на что стало издавать. Литературная неспособность его была образцовая, но, кромѣ того, его и преслѣдовала какая-то злая судьба. Такъ, напримѣръ, съ «Телеграфомъ» на первыхъ порахъ случались такіе анекдоты, которымъ, пожалуй, трудно и повѣрить: напримѣръ, газету эту

цензоръ Лазовъ считалъ полезнымъ запретить «за невозможныя опечатки». Поправки же Юнгу иногда стоили дороже самыхъ ошибокъ: разъ, напримѣръ, у него появилась поправка, въ которой значилось дословно слѣдующее: «во вчерашнемъ №, на столбцѣ такомъ-то, у насъ напечатано: *«пуговица»*, читай: *«Богородица»*. Юнгъ былъ въ ужасѣ больше отъ того, что цензоръ ему выговаривалъ: «зачѣмъ-де поправлялся!»

— Какъ же не поправиться? вопрошалъ Юнгъ, и въ самомъ дѣлѣ надо было поправиться.

Но едва это сошло съ рукъ, какъ Юнгъ опять ходилъ по городу въ еще большемъ горѣ: онъ останавливалъ знакомыхъ и, вынимая изъ жилетнаго кармана маленькую бумажку, говорилъ:

— Посмотрите, пожалуйста,—хорошъ цензоръ! Что онъ со мною дѣлаетъ!—онъ мнѣ не разрѣшаетъ поправить вчерашнюю ошибку.

Поправка гласила слѣдующее: «вчера у насъ напечатано: кіевляне преимущественно всѣ *онанисты*, — читай *оптимисты*».

— Каково положеніе!—восклицалъ Юнгъ.

Черезъ нѣкоторое время Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ, однако, кажется, разрѣшилъ эту, въ самомъ дѣлѣ, необходимую поправку. Но былъ и такой случай цензорскаго произвола, когда поправка не была дозволена. Случилось разъ, что въ статьѣ было сказано: «неудивительно, что при такомъ воспитаніи выростаютъ *недоблуды*». Лазовъ удивился, что это за слово? Ему объяснили, что хотѣли сказать «лизоблюды»; но когда вечеромъ принесли сводку номера, то тамъ стояло: «по ошибкѣ напечатано: *недоблуды*,—должно читать: *переблуды*». Цензоръ пришелъ въ отчаяніе и совсѣмъ вычеркнулъ поправку, опасаясь, чтобы не напечатали чего еще худшаго.

Пора, однако, возвратиться отъ литераторовъ къ старцу Малахіи, который украсилъ этотъ торжественный день своимъ появленіемъ въ поднесенной ему необыкновенной шляпѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Густыя толпы людей покрывали все огромное пространство городского берега, откуда былъ виденъ мостъ, соединившій Кіевъ съ черниговскою стороною Днѣпра. Только болѣе страстные до зрѣлищъ или особенно патронируемые кѣмъ нибудь изъ властныхъ нашли возможность протѣсниться «за войска», расположенныя внизу у въѣзда на мостъ и, наконецъ, шпалерами вдоль самаго моста. Но такихъ счастливцевъ было немного, сравнительно съ огромными массами, покрывшими надбережные холмы, начиная отъ выдубицкаго монастыря и Аскольдовой могилы до террасъ, прилегающихъ къ монастырю Михайловскому. Кажется, безъ ошибки можно сказать, что въ этотъ день вышло изъ домовъ все кіевское населеніе, чѣмъ тогда и объясняли множество благоуспѣшно сдѣланныхъ въ этотъ день кражъ. И, не смотря на всю длину этой страшно растянутой береговой линіи, трудно было найти удобное мѣсто. Были люди, которые пришли сюда спозаранка съ провизіей въ карманахъ и крѣпко заняли всѣ наилучшія позиціи. Оттого зрителямъ, которые пришли позже, нужно было перемѣнять множество мѣстъ, пока удавалось стать такъ, что была видна «церемонія».

Были люди, которые взлѣзли на деревья, были и такіе смѣльчаки, которые прилѣпились къ песчанымъ выступцамъ обрывовъ и иногда скатывались внизъ вмѣстѣ съ своимъ утлымъ подножьемъ. Случайности въ подобномъ родѣ вызывали веселый хохотъ и шутливыя замѣчанія. Было довольно неудовольствій по поводу обиднаго обращенія господъ военныхъ съ цивическимъ элементомъ, но все это до судовъ не доходило, военные люди тогда свободно угнетали «аршинниковъ, хамовъ и штафирокъ». Духовенство тоже претерпѣвало отъ этого заурядъ съ мірянами и тоже не жаловалось. Это было въ порядкѣ вещей. Военные, повторяю, чувствовали себя тогда въ большомъ авантажѣ и, по современному выраженію, «сильно форсили». Они имѣли странный

успѣхъ въ кіевскомъ обществѣ и часто позволяли себѣ много совершенно неприличнаго. Особенно одно время (именно то, котораго я касаюсь) среди офицеровъ ожесточенно свирѣпствовало поголовное притворство въ остроуміи. Они осчастливили своимъ знакомствомъ и купеческіе дома, и здѣсь вели себя такъ развязно, что передъ ними спасовалъ даже самъ Аскоченскій.

Изъ военныхъ шутокъ при открытіи моста я помню двѣ: у самой ограды бывшаго зданія минеральныхъ водъ появился какой-то нѣмецъ верхомъ на рыжей лошади, которая безпрестанно махала хвостомъ. Его просили отъѣхать, но онъ не соглашался и отвѣчалъ: «не понимаю». Тогда какой-то рослый офицеръ сдернулъ его за ногу на землю, а лошадь его убѣжала. Нѣмецъ былъ въ отчаяніи и побѣжалъ за конемъ, а публика смѣялась и кричала вслѣдъ:

— Что, братъ, понялъ, какъ по-военному!

Офицеръ прослушалъ это нѣсколько разъ и потомъ крикнулъ:

— Перестать, дураки!

Они и перестали.

Должно быть не любилъ лести.

Это, впрочемъ, была болѣе отвага, чѣмъ остроуміе; настоящее же остроуміе случалось на мѣстѣ болѣе скрытомъ и тихомъ, именно за оградою монастыря Малаго Николая.

На непирокой, но сорной и сильно вытоптанной площадкѣ здѣсь мѣстилось всякое печерское разночинство и нѣсколько человѣкъ монашествующей братіи.

Были маститые иноки съ внушительными сѣдинами и легкомысленные слимаки съ ихъ дѣвственными гривами въ разметъ на какую угодно сторону.

Одинъ изъ иноковъ, повидимому, изъ почетныхъ, сидѣлъ въ креслѣ, обитомъ просаленною черною кожею и похожемъ по фасону своему не на обыкновенное кресло, а на госпитальное судно.

Къ этому иноку подходили простолюдины: онъ всѣхъ ихъ благословлялъ и каждаго спрашивалъ буквально одно и то же:

— Чьи вы и изъ какой губерніи?

Получивъ отвѣтъ, инокъ поднималъ руку и говорилъ: «Богу въ пріемъ», а потомъ, какъ бы чувствуя нѣкую силу, изъ себя исшедшую, зѣвалъ, жмурилъ глаза и преклонялъ главу. Замѣтно было, что общее оживленіе его какъ будто совсѣмъ не захватывало и ему, можетъ быть, лучше было бы идти спать.

На него долго любовались и пересмѣивались два молодыхъ офицера, а потомъ они оба вдругъ снялись съ мѣста, подошли къ иноку и довольно низко ему поклонились.

Онъ поднялъ голову и сейчасъ же спросилъ ихъ:

— Чьи вы и какой губерніи?

— Изъ Чревоматерняго,—отвѣчали офицеры.

— Богу въ пріемъ, произнесъ инокъ и, преподавъ благословеніе, снова зажмурился. Но офицеры его не хотѣли такъ скоро оставить.

— Позвольте, батюшка, побезпокоить васъ однимъ вопросомъ,—заговорили они.

— А что такое? какой будетъ вашъ вопросъ?

— Намъ очень хотѣлось бы отыскать здѣсь одного нашего земляка іеромонаха.

— А какой онъ такой и какъ его звать?

— Отецъ Строфокамилъ.

— Строфокамилъ? не знаю. У насъ, кажется, такого нѣтъ. А впрочемъ спросите братію.

Нѣсколько человѣкъ подвинулись къ офицерамъ, которые, не теряя ни малѣйшей тѣни серьезности, повторили свой вопросъ братіи, но никто изъ иноковъ тоже не зналъ «отца Строфокамила». Одинъ только сообразилъ, что онъ вѣрно грекъ и посовѣтовалъ разыскивать его въ греческомъ монастырѣ на Подолѣ.

Кадетскіе корпуса тогда въ изобиліи пекли и выпускали въ свѣтъ такихъ и симъ подобныхъ остроумцевъ, изъ которыхъ потомъ, однако, выходили «севастопольскіе герои» и не менѣе знаменитые и воспрославленные «крымскіе воры», и «полковые морельщики».

До чего запосчиво тогда, передъ Крымскою войною, было офицерство и какія они себѣ позволяли иногда выходки, достойно вспомнить. Вскорѣ этому, вѣроятно, уже не будутъ вѣрить.

Разъ пріѣхалъ, напримѣръ, въ Кіевъ офицеръ Р. (впослѣдствіи весьма извѣстный человѣкъ) и вдругъ сдѣлалъ себѣ блестящую репутацію тѣмъ, что «умѣлъ говорить дерзости». Это многихъ очень интересовало и офицера нарасхватъ зазывали на всѣ балики и вечеринки. Онъ ошалѣлъ отъ успѣховъ и дошелъ до наглости невѣроятной. Одинъ разъ въ домѣ нѣкоего г. Г—ва онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обругалъ цѣлое сборище. Г. собралъ къ себѣ на вечеринку друзей и пригласилъ Ра—цкаго. Тотъ осчастливилъ, пріѣхалъ, но поздно и, не входя въ гостиную, остановился въ дверяхъ, оглянулъ всѣхъ въ лорнетъ, произнесъ: «какая, однако, сволочь!» и уѣхалъ... никѣмъ не побитый! Послѣднимъ финаломъ его пошлыхъ наглостей было то, что однажды въ Кинь-Грусти, стоя въ парѣ въ горѣлкахъ съ извѣстною въ свое время г-жею П—саревою, онъ не тронулся съ мѣста, когда его дама побѣжала; ту это смутило и она спросила его: «почему же вы не бѣжите?» Ра—цкій отвѣчалъ: «потому, что я боюсь упасть, какъ вы». Тогда его выпроводили, но только по особому вниманію Бибикова, который былъ особенно предупредителенъ къ этой дамѣ. Другой бѣдовый воитель былъ артиллеристъ Кле—аль. Этотъ больше всего поражалъ тѣмъ, что весьма простодушно являлся въ «лучшіе дома» на балы совершенно пьяный, хотя, впрочемъ, онъ и трезвый стоилъ пьянаго. До чего онъ могъ довести свою безцеремонность, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: разъ, танцуя въ домѣ Я. И. Пе—на, Кле—аль полетѣлъ вмѣстѣ съ своею дамою подъ столъ. Его оттуда достали и начали оправлять. Хозяинъ былъ смущенъ и замѣтилъ офицеру, что онъ уже слишкомъ веселъ, но тотъ не сконфузился.—«Да, отвѣчалъ Кле—ль,—я веселъ. Это моя сфера. Впрочемъ, здѣсь такъ и слѣдуетъ»,— и сію же минуту, не ожидая возраженія, онъ добавилъ:

— Скажите, пожалуйста, мнѣ говорили, будто тутъ есть какой-то г. Бе—ти—всѣ говорятъ, что онъ, будто, ужасный дуракъ, но отлично, каналья, кормитъ. Вотъ я очень хотѣлъ бы сдѣлать ему честь у него поужинать.

Хозяинъ смѣшался, потому что Бе—ти стоялъ тутъ же возлѣ, но самъ Бе—ти сейчасъ же пригласилъ этого шалуна на свои вечера, и это служило къ ихъ оживленію.—Третій припоминается мнѣ офицеръ расформированнаго нынче жандармскаго полка, К—ій, котораго одна, очень юная и милая, подольская барышня имѣла неосторожность полюбить, а полюбя, поцѣловала и при какомъ-то случаѣ подарила ему свой бѣлокурый локонъ. Офицеръ сохранилъ эту галантерейщину и не отказывался отъ поцѣлуевъ, но съ предложеніемъ женитьбы медлилъ. Родители же дѣвушки находили это несоотвѣтственнымъ, и дѣвушка была помолвлена за другого. Ни барышня, ни женихъ ни въ чемъ не были виноваты, но г. К—ій пришелъ къ нимъ въ домъ на именинное собраніе и съ грубымъ ругательствомъ бросилъ *невѣсть въ лицо* ея локонъ, а жениха ударилъ. Многимъ и этотъ надѣлавшій шуму поступокъ казался своего рода развеселымъ, но довольно позволительнымъ фарсомъ, и когда покойный чиновникъ генералъ-губернатора Друкартъ, производя объ этомъ слѣдствіе, не поблажалъ К—му, то Друкарта осуждали за «грубость» къ интересному герою.

Впрочемъ, подобное ожесточенное свирѣпство милитеровъ тогда было повсемѣстно въ Россіи, а не въ одномъ Кіевѣ. Въ Орлѣ бывшій елисаветградскій гусарскій полкъ развѣшивалъ на окнахъ вмѣсто шторъ похабныя картины; въ Пензѣ, въ городскомъ скверѣ, взрослымъ барышнямъ завязывали надъ головами низы платьевъ, а въ самомъ Петербургѣ рвали снизу до верха шинели несчастныхъ «штафирокъ». Успокоила этихъ сорванцовъ одна изнанка Крымской войны. Но оставимъ ихъ будущему историку культуры русскаго общества и поспѣшимъ къ тѣмъ, непосредственность которыхъ гораздо интереснѣе.

Въ ту же минуту, какъ изъ глазъ моихъ скрылись офи-

церы, разспрашивавшіе монаховъ объ отцѣ Строфокамилѣ, я замѣтилъ невдалекѣ одного моего товарища, который такъ же, какъ я, зналъ Берлинскаго, Малахію и Гіезія.

Пріятель меня спрашиваетъ:

— Видѣлъ ли ты морское чучело?

— Какое? говорю.

— А старца Малахая (онъ имѣлъ привычку звать его Малахаемъ).

— А гдѣ онъ?

— Да вотъ сейчасъ, говоритъ,—недалеко здѣсь налѣво, за инженерскимъ домомъ на кирпичахъ стоитъ. Иди, смотри его,—онъ восхитителенъ!

— Неужели, говорю,—въ самомъ дѣлѣ хорошъ?

— Описать нельзя, и самъ хорошъ, и притомъ обставленъ удивительно! Вокругъ него всѣ столпы древняго благочестія «вообче» и нашъ губошлепый Гіезька, весь, подлецъ, деревяннымъ масломъ промасленъ... А на самого Малахая, увидишь, какую шляпу наложили.

— А что въ ней такого замѣчательнаго?

— Антикъ,—другой такой нѣтъ. Говорятъ, изъ Москвы, изъ Грановитой палаты выписали на подержаніе,—еще самъ царь Горохъ носилъ.

Я не заставлялъ себя болѣе убѣждать и поспѣшилъ разыскивать старца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Надо вспомнить, что между монастыремъ Малаго Николая и крѣпостною башнею, подъ которой нынѣ проходятъ Никольскія ворота, былъ только одинъ старый, но преудобный домъ съ дворомъ, окруженнымъ тополями. Въ этомъ домѣ съ нѣкоторыхъ поръ жили кто-то изъ начальствующихъ инженеровъ. За это его, кажется, и не разломали. Стоило обойти усадьбу этого очень просторно расположившагося дома и сейчасъ же надо было упереться въ отгороженный временнымъ заборчикомъ задворочекъ, который

пріютился между башнею и садомъ инженернаго дома. На этомъ задворочкѣ были свалены разные строительные остатки—доски, бревна, нѣсколько кулей съ известкой и нѣсколько кладокъ бѣлаго кіевскаго кирпича. Тутъ же стояла и маленькая, тоже временная, хатка, въ которой жилъ сторожъ. У воротъ этого загражденія была и надпись, объявлявшая, что «постороннимъ лицамъ сюда входить строго воспрещается». Въ день открытія моста запрещеніе слабо дѣйствовало и дало сторожу возможность открыть сюда входъ за деньги. Сторожъ, рыжій унтеръ, съ серьгою въ ухѣ и вишневымъ пятномъ на щекѣ, стоялъ у этой двери и самъ приглашалъ благонадежныхъ лицъ изъ публики вступить въ запрещенное мѣсто. По его словамъ, оттуда было «все видно», а плату за входъ онъ бралъ умѣренную, по «злотувкѣ», т. е. по 15 коп. съ персоны.

Взнеся входную цѣну и переступивъ за досчатую фортку, я увидалъ передъ собою такой «пейзажъ природы», который нельзя было принять иначе, какъ за символическое видѣніе.

Мусоръ всѣхъ сортовъ и названій, обломки всего, что можетъ значиться въ смѣтѣ матеріаловъ, нужныхъ для возведенія зданія съ подземнаго бута до кровли: доски, бревна, известковыя носилки и тачки, согнутые и проржавленные листы стараго кровельнаго желѣза, цѣлый ворохъ обломковъ водосточныхъ трубъ, а посреди всего этого хлама, надъ самымъ берегомъ шесть или семь штабелей запаснаго кирпича. Сложены они были столбиками неравной высоты, одни—пониже, другіе немного повыше, и наконецъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ зрѣлося человѣчище прекрупное, вельми древнее и дебелое. Это стоялъ Малахія. Одѣянъ онъ былъ благочестивымъ предковскимъ обычаемъ, въ синей, широкой, суконной чуйкѣ, сшитой совсѣмъ, какъ старинный охабень, и отороченной по рукавамъ, по вороту и по правой полѣ, какимъ-то дряннымъ подлѣзлымъ мѣхомъ. Одеждѣ отвѣчала и обувь: на ногахъ у старца были сапоги рыжіе съ мягкою козловою холявою, а въ рукахъ долгій

крашеный костыль; но что у него было на головѣ посажено, тому, дѣйствительно, и описанія не сдѣлаешь. Это была шляпа, но кто ее дѣлалъ и откуда она могла быть въ нашъ вѣкъ добыта, того никакой многобывалый человѣкъ опредѣлить бы не могъ. Историческая полнота свѣдѣній требуетъ, однако, сказать, что штука эта была добыта почитателями старца Малахіи въ Кіевѣ, а до того содержалась въ тайникахъ магазина Козловскаго, гдѣ и обрѣтена была случайно приказчикомъ его Скрипченкомъ при перевозѣ рѣдкостей моды съ Печерска на Крещатикъ.

Шляпа представляла собою превысокій плюшевый цилиндръ, съ самымъ смѣлымъ перехватомъ на серединѣ и съ широкими, совершенно ровными полями, безъ малѣйшаго загиба ни на бокахъ, ни сзади, ни спереди. Сидѣла она на головѣ словно рожонъ, точно какъ-будто она не хотѣла имѣть ни съ чѣмъ ничего общаго.

Величественная фигура Малафея Пимыча утвердилась здѣсь, вѣроятно, раньше всѣхъ, потому что позиція его была всѣхъ выгоднѣе: занимая самую высокую кладку кирпича, старецъ могъ видѣть дальше всѣхъ и самъ былъ всѣмъ виденъ.

Рядомъ съ Пимычемъ на кладкѣ, которая была немножко пониже, помѣщался Гіезій. Онъ былъ въ бутылочномъ азямчикѣ съ тремя христіанскими сборами на кострецахъ и въ суконномъ шлычкѣ безъ козырька. Онъ безпрестанно перемѣнялъ ноги и въ его покосившейся на одно плечо фигурѣ чуялась несносная скука, лѣнь и томительное желаніе шевельнуть затекшими ногами и брызнуть въ ходъ.

Вокругъ нихъ было еще не мало людей, пропущенныхъ крѣпостнымъ заказникомъ, но эти, по своей безцвѣтности, не останавливали на себѣ особеннаго вниманія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Часто вращавшійся по сторонамъ Гіезій замѣтилъ мое желаніе поближе полюбоваться его дѣдушкой и показалъ

глазами, что можетъ потѣснiться и дать мнѣ мѣсто возлѣ себя.

У штабеля стоялъ опрокинутый известковый ящикъ, по которому я могъ подняться на такую высоту, что Гiезiй подалъ мнѣ свою руку и поставилъ меня съ собою рядомъ.

Малафей Пимычъ не обратилъ на наше размѣщенiе никакого вниманiя: онъ былъ похожъ на матерого волка, который на утрѣ вышелъ походить по насту; сѣрые глаза его горѣли дикимъ фанатическимъ огнемъ, но самъ онъ не шевелился. Онъ устремилъ взоры на мостъ, который отсюда виденъ былъ, какъ на ладони, и не смаргивалъ оттуда ни на мгновенiе. Но я забылъ и мостъ, и Днѣпръ, «*гдѣ вся Русь* крестилась», и даже всю церемонiю, которая должна сейчасъ начаться: всѣмъ моимъ чувствомъ овладѣлъ одинъ Пимычъ. Несмотря на свой чудной уборъ, онъ былъ не только поразительно и вдохновительно красивъ, но, если только простительно немного святотатственное слово, онъ былъ въ своемъ родѣ божественъ и притомъ характерно божественъ. Это не Юпитеръ и не Лаокоонъ, не Улиссъ и не Вейнелайненъ, вообще не герой какой бы то ни было саги, а это стоялъ олицетворенный *символъ древляго благочестiя*.

Если я долженъ его съ кѣмъ-нибудь сравнить, что всегда имѣетъ своего рода удобство для читателя, то я предпочелъ бы всему другому указать на извѣстную картину, изображающую урокъ стрѣльбы изъ орудiя, даваемый Петру Лефортомъ. Отрокъ Петръ, горя восторгомъ, наводитъ пушечный прицѣлъ... Вся его огневая фигура выражаетъ страстное уносящее стремленiе. Лефортъ въ своемъ огромномъ парикѣ тихо любуется царственнымъ ученикомъ. Нѣсколько молодыхъ русскихъ лицъ смотрятъ съ сочувствiемъ, но вмѣстѣ и съ недоумѣнiемъ. На нихъ, однако, видно, что они желаютъ царю «попасть въ цѣль». Но тутъ есть фигура, которая въ своемъ родѣ не менѣе образна, типична и характерна. Это сѣдой старикъ въ старорусскомъ охабнѣ съ высокимъ воротомъ и въ высокой собольей шапкѣ. Онъ

одинъ изъ всѣхъ не на ногахъ, а *сидитъ* -и сидитъ крѣпко: въ правой рукѣ онъ держитъ костыль, а лѣвою опирся въ ногу и смотритъ на упражненія царя якобы, черезъ свой локоть. Въ его глазахъ нѣтъ ненависти къ Петру, но чѣмъ удачнѣе дѣлаетъ юноша то, за что взялся, тѣмъ рѣшительнѣе символическій старецъ не встанетъ съ мѣста. Зато, если Петръ не попадетъ и отвернется отъ Лефорта, тогда... старичокъ встанетъ, скажетъ: «плюнь на нихъ, батюшка: они всѣ дураки», и, опираясь на свой старый костыль, уведетъ его, «своего прирожоннаго» *домой*—мыться въ банѣ и молиться московскимъ угодникамъ, «одолѣвшимъ и новгородскихъ, и владимірскихъ».

Этотъ старикъ, по мысли художника, представляетъ собою на картинѣ *старую Русь*, и Малафей Пимычъ теперь на живой картинѣ кіевскаго торжества изображалъ то же самое. Моментъ, когда передъ нами является Пимычъ, въ его сознаніи имѣлъ то же историческое значеніе. Старикъ, Богъ вѣсть почему, ждалъ въ этотъ день какого-то великаго событія, которое сдѣлаетъ поворотъ во всемъ.

Такія торжественныя настроенія, безъ удобопонятныхъ причинъ, нерѣдко являются у аскетовъ, подобныхъ Пимычу, когда они, сидя въ спертой задухѣ своихъ промзглыхъ закутъ, начинаютъ считать себя центромъ вниманія Творца вселенной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Могучая мысль, вызвавшая Малахію, побудила его явиться суетному міру во всеоружіи всей его изувѣрной святости и глупости. Сообразно обстоятельствамъ, онъ такъ пріубрался, что отъ него даже на всемъ просторѣ открытаго нагорнаго воздуха струился запахъ ладана и кипариса, а когда вѣтерокъ раскрывалъ его законный охабень съ звѣриной опушью, то внизу виденъ былъ новый мухояровый «рабскій азямчикъ» и во всю грудь черезъ шею висѣвшая нить крупныхъ деревянныхъ шаровъ. Связка, по обыкновенію,

кончалась у пупа большимъ восьмиконечнымъ крестомъ изъ красноватаго рога.

Стоялъ онъ, какъ сказано, точно изваяніе — совершенно неподвижно и такъ же неподвиженъ былъ его взглядъ, устремленный на мостъ, только желтобѣлые усы его изрѣдка шевелились; очевидно, отъ истомы и жажды онъ овлажалъ свои засохшія уста.

— Съ шестого часа тутъ стоимъ,—шепнулъ мнѣ Гіезій.

— Зачѣмъ такъ рано?

— Дѣдушка еще раньше хотѣлъ, никакъ стерпѣти не могли до утра. Все говорилъ: опоздаемъ, пропустимъ—царь раньше выѣдетъ на мостъ, потому этакое дѣло надо на тщо сдѣлать.

— Да какое такое дѣло? О чемъ вы это толкуете?

Гіезій промолчалъ и покосилъ въ сторону дѣдушки глазами: дескать, нельзя говорить.

Вмѣсто отвѣта онъ, вздохнувъ, молвилъ:

— Булычку бы надо сбѣгать купить.

— Зачѣмъ же дѣло стало? сбѣгайте.

— Разсердится. Три дня уже такъ говѣйно живемъ. Самъ-то даже и капли всѣ дни не принималъ. Тоже вѣдь и государю это не легко будетъ. Зато какъ нонѣ при всѣхъ едиными устнами тропарь за царя запоемъ, тогда и ѣсть будемъ.

— Отчего же нынѣ едиными «устнами» запоете?

Гіезій скосилъ глаза на старца и, закрывъ ладонью ротъ, сталъ шептать мнѣ на ухо:

— Государь черезъ мостъ пѣшо̀ пойдетъ...

— Ну!

— Только вѣдь до середины рѣки идти будетъ прямо.

— Ну, и что же такое? Что же дальше?

— А тутъ, гдѣ крещебная струя отъ Владиміра князя пошла, онъ тутъ станетъ.

— Такъ что же изъ этого?

— Тутъ онъ свое исповѣданіе объявитъ.

— Какое исповѣданіе? Развѣ неизвѣстно его исповѣданіе?

— Да, то извѣстное-то извѣстно, а намъ онъ покажетъ истинное.

Я и теперь еще ничего въявь не понялъ, но чувствовалъ уже, что въ нихъ дѣдушкою внушены какія-то чрезвычайныя надежды, которымъ, очевидно, никакъ невозможно сбыться. И все это сейчасъ же, или даже сію минуту придетъ къ концу, потому что въ это самое мгновеніе открытіе началось.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

По мосту между шпалерами пѣхоты тронулась артиллерія. Пушки, отчищенныя съ неумолимою тщательностію, которою отличалось тогдашнее время, такъ ярко блестѣли на солнцѣ, что надо было зажмуриться; потомъ двигалось еще что-то (теперь хорошенько не помню), и наконецъ вдругъ выдался просторный интервалъ, и въ немъ на свободномъ просвѣтѣ показалась довольно большая и блестящая группа. Здѣсь все были лица, въ изобиліи украшенныя крестами и лентами, и впереди всѣхъ ихъ шелъ самъ императоръ Николай. По его спеціально военной походкѣ его можно было узнать очень издали: голова прямо, грудь впередъ, шагъ маршевой, крупный и съ наддачею, лѣвая рука пригнута и держитъ пальцемъ за пуговицей мундира, а правая или указываетъ что-нибудь повелительнымъ жестомъ, или тихо, мѣрнымъ движеніемъ обозначаетъ тактъ, соотвѣтственно шагу ноги.

И теперь государь шелъ этою же самою своею отчетистою военною походкою, мѣрно, но такъ скоро подаваясь впередъ, что многіе изъ слѣдовавшихъ за нимъ въ свитѣ едва поспѣвали за нимъ вприпрыжку. Когда старенькій генералъ съ опереніемъ на головѣ бѣжитъ, и опереніе это прыгаетъ, выходитъ забавно: точно какъ будто его кто встряхиваетъ и изъ него что-то сыпется.

Шествіе направлялось отъ городского гористаго берега кіевскаго къ пологому черниговскому, гдѣ тогда тотчасъ же

у окончанія моста были «виньелевскія постройки»: дома, службы и проч. Гораздо далѣе была слободка, а потомъ извѣстный «броварской лѣсъ», который тогда еще не былъ вырубленъ и разворованъ, а въ немъ еще охотились на кабановъ и на козъ.

Въ свитѣ государя издали можно было узнать только старика Виньеля и одного его, необыкновенно красиваго, сына, и то потому, что оба они были въ своихъ яркихъ англійскихъ мундирахъ.

Разумѣется, взоры всѣхъ устремились на эту группу: всѣ слѣдили за государемъ, какъ онъ перейдетъ мостъ и куда потомъ направится. Думали: «не зайдетъ ли къ англичанамъ *спасибо* сказать», но вышло не такъ, какъ думали и гадали всѣ, а такъ, какъ открыто было благочестивому старцу Малахіи.

Да, какъ разъ на самой серединѣ моста государь вдругъ остановился, и это моментально отозвалось въ нашемъ пунктѣ разнообразными, но сильными отраженіями: во-первыхъ, Гіезій, совсѣмъ позабывъ себя, громко воскликнулъ: «сбывается!» а во-вторыхъ, всѣхъ насъ всколебало чѣмъ-то въ родѣ землетрясенія; такъ сильно встряхнуло кирпичи, на которыхъ мы стояли, что мы поневолѣ схватились другъ за друга. Пожелавъ найти этому объясненіе, я оглянулся и увидалъ, что это палъ на колѣни старецъ Малафей Пимычъ...

Съ этой поры я уже не зналъ, куда глядѣть, гдѣ ловить болѣе замѣчательное—тамъ ли, на обширномъ мосту, или тутъ у насъ, на сорномъ задворкѣ. Взоръ и вниманіе поневолѣ двоились и рвались то туда, то сюда.

Между тѣмъ государь, остановясь «противъ крещебной струи», которую старецъ проводилъ по самой серединѣ Днѣпра, повернулся на минуту лицомъ къ городу, а потомъ взялъ правое плечо впередъ и пошелъ съ средины моста къ периламъ верхней стороны. Тутъ у насъ опять произошло свое дѣйство: Малахія крикнулъ:

— Гляди!

А Гезій подхватилъ:

— Видимъ, дѣдушка, видимъ!

Государь пошелъ съ середины влѣво, то-есть къ той сторонѣ, откуда идетъ Днѣпръ и гдѣ волны его встрѣчаютъ упоръ ледорѣзовъ, т. е. со стороны Подола. Вѣроятно, онъ захотѣлъ здѣсь взглянуть на то, какъ выведены эти ледорѣзы и въ какомъ отношеніи находятся они къ главному теченію воды.

Государя, въ этомъ отклоненіи отъ прямого хода къ периламъ моста, сопровождалъ Виньель и еще кто-то, одинъ или два человѣка, изъ свиты. Теперь я этого въ точности вспомнить не могу и о-сю пору изумляюсь, какъ я еще могъ тогда наблюдать, что происходило и тутъ, и тамъ. Впрочемъ, съ того мгновенія, какъ государь остановился на серединѣ моста «противъ крещебной струи»—тамъ я видѣлъ очень мало. Помню только одинъ моментъ, какъ публика, стоявшая за войсками у перилъ, увидя подходившаго государя, смѣшалась и жалась вмѣсто того, чтобы разступиться и открыть видъ на воду. Государь подошелъ и самъ собственною рукою раздвинулъ двухъ человѣкъ, какъ бы приклеившихся къ периламъ.

Эти два человѣка оба были мои знакомые, очень скромные дворяне, но съ этого событія они вдругъ получили всеобщій интересъ, такъ какъ по городу пролетѣла вѣсть, что государь ихъ не только тронулъ рукою, но и что-то сказалъ имъ. Объ этомъ будетъ ниже. Съ того мгновенія, какъ государь отстранилъ двухъ оторопѣвшихъ дворянъ и сталъ лицомъ къ открытой рѣкѣ, вниманіе мое уже не разрывалось на-двое, а все было охвачено Пимычемъ.

Первое, что отвлекло меня отъ торжественной сцены на мосту—было паденіе внизъ какого-то чернаго предмета. Точно будто черный Фаустовъ пудель вырвался изъ-подъ кирпичей, на которыхъ мы стояли, и быстро запрыгалъ огромными скачками книзу.

Если это былъ звѣрь, то онъ, очевидно, кого-то преслѣдовалъ или отъ кого-то удиралъ. Разобрать этого я не могъ,

такъ какъ черный предметъ скатился внизъ и совершенно неожиданно нырнулъ и исчезъ гдѣ-то подъ берегомъ. Но отрокъ Гіезій былъ глазастѣе меня и воскликнулъ:

— Ай, пропала дѣдушкина шляпа!

Я посмотрѣлъ на Пимыча и увидѣлъ, что онъ стоитъ на колѣняхъ и съ непокрытою головою. Онъ буквально былъ внѣ себя: «огонь горѣлъ въ его очахъ и шерсть на немъ щетиной зрилась». Правая рука его съ крѣпко стиснутымъ двуперстнымъ крестомъ была прямо поднята вверхъ надъ головою, и онъ кричалъ (да, не говорилъ, а во всю мочь громко *кричалъ*):

— Такъ, батюшка, такъ! Вотъ этакъ-вотъ, родненькій, совершай! Сложи, какъ надо, два пальчика! Дай всей землѣ одно небесное исповѣданіе.

И въ это время, какъ онъ кричалъ, горячія слезы обильными ручьями лились по его покрытымъ сѣдымъ мохомъ щекамъ и прятались въ бороду... Волненіе старца было такъ сильно, что онъ не выстоялъ на ногахъ, голосъ его оборвался, онъ зашатался и рухнулъ на лицо свое и замеръ... Можно бы подумать, что онъ даже умеръ, но тому мѣшала его правая рука, которую онъ все-таки выправилъ, поднялъ кверху и все махалъ ею государю двуперстнымъ сложеніемъ... Бѣднякъ, очевидно, опасался, чтобы государь не ошибся, какъ надо показать «небесное исповѣданіе».

Я не могу передать, какъ это выходило трогательно!.. Во всю мою жизнь послѣ этого я не видалъ серьезнаго и сильнаго духомъ человѣка въ положеніи болѣе трагическомъ, восторженномъ и въ то же время жалкомъ.

Я былъ до глубины души потрясенъ душевнымъ напряженіемъ этого алкателя единыя вѣры и не могъ себѣ представить, какъ онъ выйдетъ изъ своего затрудненія. Одно спасеніе, думалось: государь отъ насъ такъ далеко, что нѣтъ возможности увидѣть, двумя или тремя перстами онъ перекрестится, и, стало-быть, дѣдушку Пимыча можно будетъ обмануть, можно будетъ пустить ему «ложь во спасеніе». Но я мелко и недостойно понималъ о высокомъ старцѣ: онъ

такъ окинулъ прозорливымъ окомъ ума своего всю вселенную, что не могло быть никого, кто бы могъ обмануть его въ двѣ вѣры.

И вотъ наступилъ, наконецъ, мигъ, рѣшительный и жесточайшій мигъ.

Шествіе на мосту, вѣроятно, кончилось, вокругъ насъ почувствовалось какое-то нервное движеніе, люди какъ бы хотѣли перемѣнять мѣста и, наконецъ, зашумѣли: значитъ, кончено. Стали расходиться.

Гіезій позвалъ два раза: «дѣдушка! дѣдушка!»

У Пимыча шевельнулась спина и онъ сталъ приподниматься. Гіезій подхватилъ его подъ руки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Старецъ поднимался медленно и тяжело, какъ поднимается осенью коченѣющій шмель съ тѣмъ, чтобы переползти немножко и околѣть.

Гіезій изнемогалъ, вспирая старика вверхъ за оба локтя.

Я захотѣлъ ему помочь, и мы взялись одинъ за одну руку, а другой за другую и поставили старца на колеблющіяся ноги.

Онъ дрожалъ и имѣлъ видъ человѣка смертельно раненаго въ самое сердце. Ротъ у него былъ широко открытъ, глаза въ остолбенѣніи и съ тусклымъ остеклѣніемъ.

Столь недавній живой фанатическій блескъ ихъ исчезъ безъ слѣда.

Гіезій если не понялъ, то почувствовалъ положеніе старца и съ робкимъ участіемъ сказалъ:

— Пойдемъ домой, дѣдушка!

Малахія не отвѣчалъ. Медленно, тяжелымъ, сердитымъ взглядомъ повелъ онъ по небу, вздохнулъ, словно послѣ сна, и остановилъ взоръ на Гіезіѣ.

Тотъ еще съ бо̀льшимъ участіемъ произнесъ:

— Довольно, дѣдушка; нечего ждать, пойдемъ; государь уже познаменовался.

Но при этомъ словѣ старика всего словно прожгло, и онъ вдругъ отвердѣлъ и закричалъ:

— Врешь, анаѳема! Врешь, не знаменовался государь двумя персты. Вижу я, еще не въ постыженіи остаются отступники никоніаны. И за то, что ты солгалъ, Господь будетъ бить тебя по устамъ.

Съ этимъ онъ замахнулся и наотмашь такъ сильно ударилъ Гіезія по лицу, что уста отрока въ то же мгновеніе оросились кровью.

Кто-то вздумалъ было за него заступиться и заговорилъ: «какъ это можно?»—но Гіезій попросилъ участливаго человѣка ихъ оставить.

— Мы свои,—сказалъ онъ,—это мой дѣдушка,—и началъ бережно сводить перестоявшагося старца съ кирпича подъ руки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Малахіи было видѣніе, мечта, фантазія, назовите какъ хотите, что государь станетъ среди моста «лицомъ противъ крещебной струи» и передъ всѣми людьми перекрестится древлимъ двуперстіемъ.

А тогда, разумѣется, настанетъ для Малахіи и иже съ нимъ торжество, а митрополитамъ и епископамъ, и всему чину церковному со всѣми нечестивыми никоніанами—посрамленіе до черноты лицъ ихъ. А тѣхъ, кои не покорятся, «Господь рукою вѣрныхъ своихъ будетъ бить по устамъ», и всѣ они окровянятся, какъ Гіезій. «Старая вѣра побьетъ новую». Вотъ чего желалъ и о чемъ, можетъ быть, всю жизнь свою молился опасный немолякъ за власти.

Но не сбылося по его вѣрѣ и упованію и погибли вмигъ всѣ его радости. Старецъ былъ посрамленъ.

Я помню и никогда не забуду, какъ онъ шелъ. Это была грустная картина: тяжело и медленно передвигалъ онъ какъ будто не свои остарѣлыя ноги по мягкой пыли Никольской улицы. Руки его были опущены и растопырены; смотрѣлъ онъ безпомощно и даже повиновался Гіезію, который одною

рукою обтиралъ кровь на своемъ лицѣ, а другою подвигалъ старца ладонью въ спину и, плача о немъ, умолялъ:

— Иди же, мой дѣдушка, Христа ради, иди... Ты безъ ноги... на тебя всѣ смѣяться будутъ.

Старецъ понялъ это слово и прохрипѣлъ:

— Пусть смѣются.

Это было послѣдній разъ, что я видѣлъ Малахію, но зато онъ удостоилъ меня вспомнить. На другой день, по отъѣздѣ государя изъ Кіева, старецъ присылалъ ко мнѣ своего строка съ просьбою сходить «къ боярамъ» и узнать: «что царь двумъ господіямъ на мосту молвилъ, коихъ своими руками развелъ».

— Дѣдушка, — говорилъ Гіезій, — сомнѣваются насчетъ того: кія словеса рекъ государь. Нѣтъ ли чего отъ насъ утаеннаго?

Я могъ послать старцу отвѣтъ самый полный, безъ всякаго утаенія. Два господина, остолбенѣвшіе у перилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ захотѣлъ взглянуть на Днѣпръ императоръ Николай Павловичъ, какъ я сказалъ, были мнѣ извѣстны. Это были звенигородскіе помѣщики, братья Протопоповы. Они мнѣ даже приходились въ отдаленномъ свойствѣ по теткѣ Натальѣ Ивановнѣ Алферьевой, которая была замужемъ за Михаиломъ Протопоповымъ. А потому мы въ тотъ же день узнали, что такое сказалъ имъ государь. Онъ отстранилъ ихъ рукою и проговорилъ только два слова:

— Пошли прочь!

Впрочемъ, и въ кружкѣ знакомыхъ всѣ интересовались, что было сказано, и вечеромъ въ этотъ день въ квартирѣ Протопоповыхъ на Бульварѣ перебывало множество знакомыхъ, и всѣ приступали къ виновнику событія съ разспросами.

— Правда ли, что съ вами государь разговаривалъ?

— Да-съ, разговаривалъ, — отвѣчалъ Протопоповъ.

— А о чемъ разговоръ былъ?

Протопоповъ съ удивительною терпѣливостію и точностію

начиналъ излагать все по-порядку: гдѣ они стояли и какъ государь къ нимъ подошелъ, «раздвинулъ» ихъ и сказалъ: «пошли прочь».

— Ну, и вы отошли?

— Какъ же,—сію же минуту отошли.

Всѣ находили, что братья поступили именно такъ, какъ слѣдовало, и съ этимъ, конечно, всякій долженъ согласиться, но ни къ старой, ни къ новой вѣрѣ это нимало не относилось, и чтобы не дать повода къ какимъ-нибудь толкованіямъ, я просто сказалъ Гіезію, что государь съ «господіями» ничего не говорилъ.

Гіезій вздохнулъ и молвилъ:

— Плохо наше дѣло.

— Чѣмъ и отчего плохо?—полюбопытствовалъ я.

— Да, видите... дѣдушкѣ и всѣмъ намъ ужъ очень хочется тропарь пѣть, а невозможно!..

Среди безчисленныхъ и пошлыхъ клеветъ, которымъ я долговременно подвергался въ литературѣ за мою неспособность и нехотѣніе рабствовать презрѣнному и отвратительному деспотизму партій, меня сурово укоряли также за то, что я не раздѣлялъ неосновательныхъ мнѣній Афанасья Прокофьевича Щапова, который о-ту пору прослылъ въ Петербургѣ историкомъ и, вращаясь среди неповинныхъ въ знаніяхъ церковной исторіи литераторовъ, вѣщалъ о *политическихъ* задачахъ, которыя скрытно содержитъ будто нашъ русскій расколъ. Щаповъ стоялъ горой за то, что расколъ имѣетъ политическія задачи, и благоуспѣшно увѣрилъ въ этомъ Герцена, который потомъ уже не умѣлъ разобрать представившихся ему Пв. Ив. Шебаева и бывшаго старовѣрскаго архіерея, умнаго и очень ловкаго человѣка, Пафнутія. Я тогда напечаталъ письмо о «людяхъ древняго благочестія», гдѣ старался снять съ несчастныхъ старовѣровъ вредный и глупый поклепъ на нихъ въ революціонерствѣ. Меня за это ужасно порицали. Писали, что я дѣла не знаю и умышленно его извращаю, — что меня растлило въ этомъ отношеніи вредное

вліяніе Павла Ив. Мельникова (Печерскаго), что я даже просто «подкупленъ правительствомъ». Дошло до того, что петербургскому профессору Ив. О. Нильскому печатно поставили въ непростительную вину: какъ онъ смѣлъ гдѣ-то ссылаться на мои наблюденія надъ нравами раскола и давать словамъ моимъ вѣру... А — увы и ахъ — вышло, что я правду говорилъ: раскольникамъ до политики дѣла нѣтъ и «тропарь» они не поютъ не за политику, которую хотѣли навязать имъ представители «крайней лѣвой фракціи». Г-нъ Нильскій давалъ писателямъ «лѣвой фракціи» отповѣдь, гдѣ говорилъ что-то въ пользу моихъ наблюденій. Въ самомъ же дѣлѣ, хороши они или дурны, но они есть *наблюденія* того, что существовало и было, а не выдумка, не тенденціозное фантазерство фракціонистовъ, которымъ чуть не удалось оклеветать добрыхъ и спокойныхъ людей. Твердое и неизмѣнное убѣжденіе, что русскій расколъ не имѣетъ противоправительственныхъ «политическихъ» идей, получено мною не изъ книгъ и даже не отъ Павла Ив. Мельникова (знанія котораго я, конечно, высоко цѣню), а я пришелъ къ этому убѣжденію прямо путемъ личныхъ наблюденій, которымъ вѣрю болѣе, чѣмъ тенденціознымъ натяжкамъ Щапова и всякимъ инымъ ухищреніямъ теоретиковъ «крайней лѣвой фракціи», которые нынѣ «преложились въ сердцахъ своихъ» и заскакали на правый флангъ крайнѣе самаго правофланговаго...

Вѣрю имъ нынче столько же, сколько вѣрилъ тогда...

Во всякомъ случаѣ то, что я разсказалъ здѣсь о старцѣ Малахіи, было для меня едва ли не первымъ урокомъ въ изученіи характера не сочиненнаго, а живого раскольника. Я не могу, да и не обязанъ забыть, какъ этому суровому «немоляку за имя царево» хотѣлось «попѣть тропаря», и вся остановка была только за тѣмъ, чтобы императоръ «двумя персты» перекрестился. А тогда бы они позапечатлѣли всѣхъ *не*-раскольниковъ въ томъ самомъ родѣ, какъ старецъ запечатлѣлъ Гіезьку, и горячѣе всѣхъ, пожалуй,

приложили бы свои благочестивыя руки къ «крайней лѣвой фракціи».

Вотъ и вся раскольничья политика. А между тѣмъ было время, когда требовалось имѣть не малую отвагу, чтобы рѣшиться дать пріютъ въ домѣ такому опасному сектанту, какъ старецъ Малахія... И это смѣшное и слѣпое время было не очень давно, а между тѣмъ оно уже такъ хорошо позабыто, что теперь «крайняя правая фракція» пружится, чтобы Волга-матушка вспять побѣжала, а они бы могли начать лгать сначала. Раки, которые «перешепчутся», приходятъ въ «пустотѣлъ», а люди, которые хотятъ пятиться, какъ раки, придутъ къ пустомыслію.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Отрока Гіезія я видѣлъ еще одинъ разъ въ жизни. Это было много лѣтъ спустя въ Курскѣ, вскорѣ послѣ постройки кіевской желѣзной дороги.

Я ѣхалъ въ Кіевъ повидаться съ родными. Поѣзда ходили тогда еще не совсѣмъ аккуратно, и въ Курскѣ приходилась довольно долгая остановка. Я когда-то ѣзжалъ изъ Орла въ Курскъ, и теперь мнѣ хотѣлось посмотрѣть на этотъ городъ, гдѣ сидятъ «мои-то-те куряне, вѣдомые кмети», которые до того доцивилизовались, что потеряли цѣлую рощу.

Я прошелъ черезъ вокзалъ, чтобы съ задняго крыльца посмотрѣть на соборъ и на прочее, что можно разглядѣть отсюда.

Дѣло было утромъ, погода прекрасная. Курскъ въ такомъ раннемъ освѣщеніи очень весело смотритъ съ своихъ горокъ, изъ-за своей сонной Тускари. Онъ напоминаетъ собою Кіевъ, разумѣется, въ миніатюрѣ и en laid. Но только теперь, въ ту минуту, когда я хотѣлъ любоваться, весь видъ или, лучше сказать, все поле зрѣнія застилалось какими-то, во множествѣ летающими и безъ толку мечущимися въ воздухѣ безголовыми птичками... Престранное

видѣніе въ іезекіилевскомъ жанрѣ: на одной какой-то точкѣ бьютъ фонтаномъ и носятся какими-то незаконченными, трепетными взмахами въ воздухѣ одни крылья; они описываютъ какіе-то незаконченные круги и зигзаги, и вдругъ падаютъ, упадутъ, встрепенутся, и опять взлетятъ снова, и опять посерединѣ подъема ослабѣютъ и снова упадутъ въ пыль...

Это что-то какъ будто апокалипсическое.

Въ довершеніе сходства характера, тутъ были и «жены»; онѣ подбираютъ обезглавленныхъ пташекъ и суютъ ихъ себѣ куда-то въ нѣдра или, по-просту говоря, за пазухи. Тамъ тепло.

Заинтересовало меня: что это такое!

Вотъ съ одной, пронесшейся надъ моею головою безголовой пташки что-то капнуло... Тяжелое... точно она на меня зерно гороху уронила, и притомъ попало это мнѣ прямо на руку...

Это была кровь и притомъ совершенно свѣжая, даже теплая.

Что за странность?

Оглядываюсь — на противуположной сторонѣ площадки, такъ же какъ и я, глазѣютъ на безголовыхъ летуновъ человѣкъ шесть городскихъ извозчиковъ и нѣсколько ребятишекъ...

Вотъ одна безголовая пташка со всего размаха шлепнулась о желѣзную крышу какой-то надворной постройки.

Летѣла—казалось птичка, а упала—словно стаяла.

Осталось только самое маленькое пятнышко, которое надо было съ усиліемъ не потерять изъ глазъ, — до того стало оно ничтожно.

Зато теперь можно было разсмотрѣть, что это такое.

Я опустилъ руку въ дорожную сумку, гдѣ у меня былъ маленькій бинокль, и только что сталъ наводить его на крышу, какъ кто-то сѣрымъ рукавомъ закрылъ мнѣ «поле зрѣнія».

У меня въ Курскѣ не могло быть знакомыхъ, которые бы

имѣли право допустить такую короткую фамильярность, но прежде чѣмъ я успѣлъ отнять отъ глазъ бинокль, сѣрая завѣса уже снялась и я увидалъ ворону, которая уносила въ клювѣ обезглавленную пташку.

Послышался хохотъ, свистъ; въ ворону съ добычею, безъ вреда для нихъ, полетѣли щепы и палки, и потомъ опять пошелъ фонтаномъ взлетъ обезглавленныхъ пташекъ.

Я захотѣлъ видѣть источникъ этого необычайнаго явленія, и оно объяснилось: тутъ же за угломъ стояла низкая крестьянская телѣга, запряженная заморенною лохматою лошаденкою. Лошадь ѣла сѣно, которое было привязано къ запрягу ея оглобли; а на телѣгѣ стоялъ большой лубочный коробъ, по верху котораго затянута нитяная сѣтка. Надъ коробомъ, окорячивъ его ногами, упертыми въ телѣжныя грядки, сидѣлъ рослый поваръ въ бѣлыхъ панталонахъ, въ бѣлой курткѣ и въ бѣломъ колпакѣ, а передъ нимъ на землѣ стоялъ, среднихъ лѣтъ, торговый крестьянинъ и держалъ въ рукахъ большое рѣшето, въ которое поваръ что-то сбрасывалъ, точно какъ будто орѣшки.

Прежде опуститъ руку въ коробъ, потомъ вынетъ ее точно чѣмъ-то обросшую, встряхнетъ ею и сей же моментъ всюду по воздуху полетятъ безголовыя птички; а онъ сброситъ въ рѣшето горсточку орѣшковъ. И все такъ далѣе.

Спросилъ, что это дѣлаютъ, и получилъ короткое объясненіе:

— Перепелокъ рвутъ.

— Какъ,—говорю,—странно.

— Отчего странно?—отвѣчаетъ продавецъ,—это у насъ завсегда такъ. Они теперь жирныя; какъ заберешь ихъ въ руку, между пальчиками по головешкѣ, и встряхнешь, у нихъ сейчасъ всѣ шейки милымъ дѣломъ и оборвутся. Полетаетъ безъ головки—изъ нее кровочка скапитъ, и скусъ тоньше. А по головешкамъ, кои въ рѣшетѣ сбросаны, считать очень способно. Сколько головешекъ, за столько штукъ и плата.

«Ахъ, вы,—думаю,—«вѣдомые кмети»! Съ этакимъ ли

способнымъ народомъ не спрятать безъ слѣдовъ монастырскую рощу!»

Но мнѣ интереснѣе всего былъ самъ продавецъ, ибо — коротко сказать — это былъ не кто иной, какъ оный давній отрокъ Гіезій. Онъ обородатѣлъ и постарѣлъ, но видъ имѣлъ очень болѣзненный.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ только я назвалъ себя, Гіезій узналъ меня сразу и подалъ свою увалленную птичьимъ пухомъ руку. А между тѣмъ и перепелиная казнь была кончена; поваръ соскочилъ на землю и пошелъ къ бочкѣ съ водою мыть руки, а мы съ старымъ знакомцемъ отправились пить чай. Сѣли уютненько, рѣшето съ птичьими головками подъ столъ спрятали и разговорились.

Гіезій сообщилъ мнѣ, что онъ давно отбылъ годы обѣтованнаго отрочества и уже «живетъ со второю хозяйкою», т. е. женатъ на второй женѣ, имѣетъ дѣтей, а живетъ промысломъ — торгуетъ то косами и серпами, то пенькою и пшеномъ, иногда же, между дѣломъ, и живностію.

Спрашиваю: «счастливо ли живете?»

— Ничего бы,—отвѣчаетъ,—если бы не ракъ.

— Какой ракъ?

— А какъ же, — говоритъ, — вѣдь у меня ракъ въ желудкѣ; я скоро умру.

— Да почему вы знаете, что у васъ ракъ?

— Много докторовъ видѣли, — всѣ одно сказали: ракъ. Да я и самъ вижу. Почти никакой пищи принять не могу, отъ всего извергаетъ.

— Чѣмъ же вы лѣчитесь?

— Прежде лѣчился, а нынѣ бросилъ, одинъ морковный сокъ натощакъ пью. Все равно, пользы никакой быть не можетъ.

— Отчего вы такъ печально думаете?

— Помилуйте, развѣ я дитя, что не понимаю. Трид-

нать вѣдь, сударь, лѣтъ и три года этакое тиранство я соблюдалъ при дѣдушкѣ Малахіи! Вѣдь это вспомянуть страшно становится. Онъ говѣлъ въ лѣтѣхъ своихъ замоторѣлыхъ, а я одно и такое же мученіе съ нимъ претерпѣвалъ въ цвѣтущей моей младости.

— И кромѣ того онъ васъ, помнится, очень билъ.

— Да, разумѣется, «началилъ», да это ничего, безъ того и невозможно. А вотъ голодъ — это ужасно. Бывало, въ госпожинъ постъ и оскребки изъ деревянной чашки всѣ со щепой переѣшь и, что въ землѣ случаемъ ногами втоптано, вездѣ выковыряешь да проглотишь, а теперь вотъ черезъ это старовѣрское злое безуміе и умирай безъ времени, а дѣтей пусти по-міру.

— Вы,—говорю,—постъ называете безуміемъ?

— Да-съ. А что такое? Впрочемъ, не осудите, съ досады иной разъ, какъ о ребятишкахъ вздумаешь, очень что-нибудь скажешь. Дѣтей жалко.

— А какъ теперь ваши религіозныя убѣжденія?

Онъ махнулъ рукою.

— Тропарь по-старому не поете?

Гіезій улыбнулся и отвѣчалъ:

— Что вспомнили!—пѣлъ да уже и позабылъ.

— Какъ позабыли?

— Ну, Господи мой, вѣдь я же вамъ говорю, какая у меня страшная боль въ животѣ. Ракъ! Я теперь даже не токмо что среду или пятокъ, а даже и великій постъ не могу никакой говѣйности соблюдать, потому меня отъ всего постнаго сейчасъ вытошнитъ. Сплошь теперь, какъ молоканъ, мясное и зачищаю, точно баринъ. При вѣрной церкви уже это нельзя, я и примазался...

— Къ единовѣрческой?

— Нѣтъ, чего! Тамъ тоже еще есть жизни правила, я къ простой, къ греко-россійской.

— Значитъ, даже тремя перстами креститесь?

— Все равно. Да и какое уже больному человѣку крещеніе. Почитай и о молитвѣ забылъ. Только бы пожить для

ребятъ хочется. Для того и присталъ къ церковной вѣрѣ, что можно жить слабже.

— А прочіе ваши собратія?

— Они тогда, какъ въ Кіевѣ дѣдушку схоронили, сейчасъ съ сосѣдями тропарь пѣть замотались, да такъ на тропарѣ и повисли. Нравится имъ, чтобъ «побѣды и одолѣнія», да и отчего не пѣть? заключилъ онъ: —если у кого силы живота постоянныя, то вѣдь можно какъ угодно вѣрить; но съ такимъ желудкомъ, какъ мой, какая ужъ тутъ вѣра! Тутъ одно искушеніе!

Съ тѣмъ мы и разстались.

Обѣтованный отрокъ, не читая энциклопедистовъ и другихъ проклятыхъ писателей, своимъ умомъ дошелъ до теоріи Дидро и поставилъ вѣру въ зависимость отъ физіологіи.

Епископъ Амвросій Ключаревъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Москвѣ, напрасно порѣшилъ, что писателямъ, «лучше бы не родиться». Тотъ, кто призвалъ всякую тварь къ жизни, конечно, лучше почтеннаго архипастыря зналъ, кому лучше родиться, а кому не родиться, но случай съ Гіезіемъ не показываетъ ли, что простого человѣка иногда удаляютъ отъ вѣры не писатели, которыхъ простой народъ еще не знаетъ и не читаетъ, а тѣ, кто «возлагаетъ на человѣки бремена тяжкія и неудобоносимыя». Но мы смиренно вѣримъ, что въ большомъ хозяйствѣ Владыки вселенной даже и этотъ ассортиментъ людей пока еще на что-то нуженъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Теперь еще хочется упомянуть объ одномъ кіевскомъ событіи, которое прекрасно и трогательно само по себѣ и въ которомъ вырисовалась одна странная личность съ очень сложнымъ характеромъ. Я хочу сказать о священникѣ Евфиміѣ Ботвиновскомъ, котораго всѣ въ Кіевѣ знали просто подъ именемъ «попа Ефима», или даже «Юхвима».

Усопшій епископъ рижскій Филаретъ Филаретовъ, въ

бытность его ректоромъ духовной академіи въ Кіевѣ, 28 декабря 1873 г. писалъ мнѣ: «спрашиваете о Евфимѣ,—Евфимъ, другъ нашъ, умре 19 сентября. Оставилъ семейство изъ шести душъ, трехъ женскихъ и трехъ мужескихъ. Но, видно, Евфимъ при слабостяхъ своихъ имѣлъ въ себѣ много добраго. При его погребеніи было большое стеченіе народа, провожавшаго его *съ большимъ плачемъ*. Дѣти остались на чужомъ дворѣ, безъ гроша и безъ куска хлѣба; но добрыми людьми они обезпечены теперь такъ, что едва ли бы и при отцѣ могли имѣть то, что устроила для нихъ попечительность людская».

Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ случалось быть въ Кіевѣ, я никогда и ни отъ кого не могъ получить никакихъ извѣстій о дѣтяхъ отца Евфима; но, что всего страннѣе, и о немъ самомъ память какъ будто совершенно исчезла, а если начнешь усиленно будить ее, то услышишь развѣ только что-то о его «слабостяхъ». Въ письмѣ своемъ пр. Филаретъ говоритъ: «не дивитеся сему—банковое направленіе все заѣло. Въ Кіевѣ ничѣмъ не интересуются, кромѣ *картъ и денегъ*».

Не знаю, совершенно ли это такъ, но думается, что довольно близко къ истинѣ.

Чтобы не вызывать недомолвками ложныхъ толкованій, лучше сказать, что «слабости» о. Евфима составляли просто *кутежи*, которые тогда были въ большой модѣ въ Кіевѣ. Отецъ Евфимъ оказался большимъ консерваторомъ и переносилъ эту моду немножко дольше, чѣмъ было можно. Отецъ Евфимъ любилъ хорошее винцо, компанію и охоту. Онъ былъ лучшій билліардный игрокъ *послѣ Курдюмова* и отлично стрѣлялъ; притомъ онъ, по слабости своего характера, не могъ воздержаться отъ удовольствія поохотиться, когда попадалъ въ кругъ друзей изъ дворянъ. Тутъ о. Евфимъ переодѣвался въ егерскій костюмъ, хорошо приспособленный къ тому, чтобы спрятать его «гриву», и «полевалъ» по преимуществу съ гончими. Нрава Юхвимъ былъ веселаго, даже дѣтски шаловливаго и увлекающагося до крайностей, иногда непозволительныхъ; но это былъ такой человѣкъ,

какихъ родится немного и которыхъ грѣшно и стыдно забывать въ одно десятилѣтіе.

Каковъ Юхвимъ былъ какъ священникъ, — этого я разбирать не стану, да и думаю, что это извѣстно одному Богу. Которому служилъ онъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Внѣшнимъ образомъ священнодѣйствовать Юхвимъ былъ большой мастеръ, но «лѣновать», и потому служилъ рѣдко — больше содержалъ у себя для служенія какихъ-то «приблудныхъ батюшекъ», которые всегда проживали у него же въ домѣ. Отецъ Юхвимъ прекрасно читалъ и иногда, читая великопостные каноны, неудержимо плакалъ, а потомъ самъ надъ собою шутилъ, говоря:

— Стілько я, ледачій піпъ, нагрішивъ, що Богъ вже змиловався надо мною и давъ мені слезы, що-бъ плакати ділъ моихъ горько. Не можу служить, не плачучи.

Разберите и разсудите хоть по этому, что это былъ за человѣкъ *по отношенію къ вѣрѣ*? По моему мнѣнію, онъ былъ человѣкъ богопочтительный, но его кипучая, художественная и сообщительная натура, при умѣ живомъ, но крайне легкомъ и не серьезномъ, постоянно увлекала его то туда, то сюда, такъ что онъ могъ бы и совершенно извертѣться, если бы не было одного магнита, который направлялъ его блужданія къ опредѣленной точкѣ. Магнитомъ этимъ, дѣйствовавшимъ на Юхвима съ страшною, всеодолѣвающею *органическою* силою, была его громадная, прирожденная *любовь къ добру и состраданіе*.

Когда я зазналъ отца Евфима, онъ былъ очень юнымъ священникомъ маленькой деревянной церковки Іоанна Златоуста противъ нынѣшней старокіевской части. Приходъ у него былъ самый бѣднѣйшій, и отцу Евфиму совершенно нечѣмъ было бы питаться, если бы семьѣ его Господь не послалъ «врана».

Этотъ «питающій вранъ» былъ *разучившійся грамотѣ* дьячокъ Константинъ, или Котинъ, длинный, худой, съ сломанымъ и согнутымъ на сторону носомъ, за что и прозывался «Ломоносовымъ».

Онъ самъ о себѣ говаривалъ:

— Я вже часто не здужаю, бо ставъ старый; але що маю подіяти, якъ робити треба.

«Треба» была именно потому, что Ломоносовъ имѣлъ «на своемъ воспитаніи» молодую, но быстро нараставшую семью своего молодого и совершенно беззаботнаго священника.

Дьячокъ Котинъ служилъ при его отцѣ, Егорѣ Ботвиновскомъ, зналъ Евфима дитятею, а потомъ студентомъ академіи, и теперь, видя его крайнюю безпечность обо всѣхъ домашнихъ нуждахъ, принялъ домъ священника «на свое воспитаніе».

Трудъ Ломоносова состоялъ въ томъ, что все лѣтнее время, пока Кіевъ посѣщается богомольцами или, по произношенію Котина, «богомулами», онъ вставалъ до зари, садился у церковной оградочки съ деревяннымъ ящичкомъ, съ прорѣзкою въ крышкѣ, и «стерегъ богомуловъ».

Дѣло это очень заботное и требовало не малой сообразительности и остроты разума, а также смѣлости и такта, ибо, собственно говоря, Ломоносовъ «воспитывалъ семейство» на счетъ другихъ приходовъ и преимущественно на счетъ духовенства церквей Десятинной, Андреевской и всѣхъ вкупѣ святынь Подола.

Константинъ отпиралъ церковь, зажигалъ лампадочку и садился у дверей на маленькой скамеечкѣ: передъ собою онъ ставилъ мѣдную чашку съ водою и кропило, рядомъ ящичекъ или «карнавку», а въ руки бралъ шерстяной паголенокъ. Онъ занимался надвязываніемъ чулокъ.

— Бо духовному лицу треба бути въ трудѣхъ бденныхъ.

Какъ большинство обстоятельныхъ и сильно озабоченныхъ людей, Котинъ былъ порядочный резонеръ и уважалъ декорумъ и благопристойность.

«Богомулъ» (въ собирательномъ смыслѣ) идетъ по Кіеву опредѣленнымъ путемъ, какъ сельдь у береговъ Шотландіи, такъ что прежде «наноклоняется усімъ святымъ печерскимъ, потімъ того до Варвары, а потімъ Макарію софійскому, а

потімъ вже геть просто *мимо Ивана* до Андрея и Десятинного и на Подолъ».

Маршрутъ этотъ освященъ вѣками и до такой степени традиціоненъ, что его никто и не думалъ бы измѣнять. Церковь Іоанна Златоуста, или, въ просторѣчіи, кратко «*Иванъ*», была все равно что пунктъ водораздѣла, откуда «богомулъ» принимаетъ наклонное направленіе, «*мимо Ивана*».

Къ «Ивану» заходить было не принято, потому что Иванъ самъ по себѣ ничѣмъ не блестѣлъ, хотя и отворялъ радушно свои двери съ самыхъ спозаранокъ. Но нужда, изощряющая таланты, сдѣлала умъ Котина столь острымъ, что онъ изъ этого мимоходнаго положенія своего храма извлекалъ сугубую выгоду. Онъ сидѣлъ здѣсь на водораздѣлѣ теченія и «перелавливалъ богомуловъ», такъ что они не могли попадать къ святынямъ Десятинной и Подола, пока Котинъ ихъ «трохи не вытруситъ». Дѣлалъ онъ это съ превеликою простотою, тактомъ и съ такою отвагою, которую даже самъ хвалился:

— Тиі богомулы, що у лавру до святыхъ поприходили, говорилъ онъ, — тихъ я до себе затягти не можу, не про те, що мій храмъ такій малесенькій, а про те, що лавра на такімъ пути, що іі скрізь видно. Одъ нихъ вже нехай лавринові торгуютъ. А що до подольскихъ, або до Десятинного, то сіи вже нехай собі пальци поссуть, якъ я имъ дамъ що уторгувати и необібранихъ богомулівъ спущу имъ.

Онъ «обиралъ» богомуловъ вотъ какимъ образомъ: имѣя подлѣ себя «карнавку», Котинъ, чуть завидитъ или заслышитъ двигающихся тяжелыми ногами «богомуловъ», начиналъ «трясти грошъ» въ ящичкѣ и приговаривать:

— Богомули! богомули! Куды це вы? Жертвуйте, жертвуйте до церковці Ивана Золотоустого!

И чуть мужички пріостанавливались, чтобы достать и положить по грошу, Котинъ вдругъ опутывалъ ихъ ласкою. То онъ спрашивалъ: «звіткиля се вы?», то «якъ у васъ

сей годъ житечко зародило?», то предложитъ иному «ужить табаки», т. е. понюхать изъ его тавлинки, а затѣмъ и прямо звалъ въ церковь.

— Идить-же, идить до храму святого... усходьте... я вамъ одну таку святыньку покажу, що ніде ії не побачите.

Мужички просились:

— Мы, выбачайте, на Подолъ йдемо, та до князя Владиміра.

Но Котинъ уже не выпускалъ «богомула».

— Ну, та що тамъ таке у святого Владиміра? начиналъ онъ съ неодолимою смѣлостію ученаго критика. — Богъ зна, чи що тамъ есть, чи чого нема. Вінъ собі бувъ ничого, добрый князь; але, якъ усі чоловіки, мавъ жінку, да ще не единую. Заходьте до мене, я вамъ свячену штучку покажу, що святивъ той митрополитъ Евгеній, що підъ софійскимъ підъ поломъ лежитъ... Евгеній, то, бачите, бувъ еній (Котинъ почему-то не говорилъ *геній*).

А во время такого убѣдительнаго разговора онъ уже волокъ мужика или бабу, которая ему казалась вліятельнѣе прочихъ въ группѣ, за руку и вводилъ всѣхъ въ церковь и подводилъ ихъ къ столу, гдѣ опять была другая чаша съ водой, крестъ, кропило и блюдо, а самъ шелъ въ алтарь и выносилъ оттуда старенькій парчевый воздухъ и начиналъ всѣхъ обильно кропить водою и отирать этимъ перепачканнымъ воздухомъ, приговаривая:

— Боже благослови, Боже благослови!.. Умыхся, еси, отерся еси... Вотъ такъ: умыхся и отерся... И сей умыхся... Якъ тебя звать?

«Богомулъ» отвѣчаетъ: «Петро» или «Михаилъ».

— Ну, вотъ и добре, — и Петро умыхся, отерся... То нашъ еній Евгеній сей воздухъ святивъ... цілуйте его, христіяне, собі на здоровье... души во спасеніе... во очищеніе очесъ... костей укріпленіе...

И потомъ вдругъ приглашалъ прилечь отдохнуть на

травкѣ около церкви, или же идти «впростъ — до батюшки, до господы», т. е. на дворъ къ отцу Евфиму, который былъ тутъ же рядомъ.

Котину почти ежедневно удавалось заманить нѣсколькихъ «богомуловъ» на батюшкинъ дворъ, гдѣ имъ давали огурцовъ, квасу и хлѣба и мѣсто подъ сараемъ, а они «жертвовали» кто что можетъ.

Выходило это такъ, что и «богомуламъ» было безобидно, и «дома» хозяину выгодно. Каждый день былъ «свѣжій грошъ», а на другое утро «богомулы шли опустошени», и Котинъ ихъ самъ напутствовалъ:

— Идіть теперички, христіяне, куди собі хочете,—хоть и до святого Владиміра.

Перехожая пошлина съ нихъ у Ивана была уже взята.

Таковъ былъ простодушный, но усердный печальникъ о семьѣ безпечальнаго отца Евфима въ первое время; но, потомъ, когда Евфима перевели на мѣсто усопшаго брата его Петра, въ Троицкую церковь, его начали знать болѣе видные люди и стали доброхотствовать его семьѣ, о которой самъ Евфимъ всегда заботился мало.

— Нашъ батюшка, говорилъ Котинъ, — завжди въ росході, бо ёго люди дуже люблять.

Это была и правда. Ни семейная радость, ни горе не обходилась безъ «Юхвима». Ему давали «за руки» спорныя деньги, его выбирали душеприказчикомъ, и онъ всѣ *чужія дѣла* исполнялъ превосходно. Но о своихъ не заботился нимало и довелъ это до того, что «самъ себя изнищилъ».

Вотъ событіе, которымъ онъ одно время удивилъ Кіевъ и далъ многимъ хорошій поводъ оклеветать его за добро самыми черными клеветами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Былъ въ Кіевѣ уѣздный казначей Осипъ Семеновичъ Ту—скій, котораго привезъ съ собою изъ Житомира предсѣдатель казенной палаты Ключаревъ. Мы этого чиновника

знали мало, а отецъ Евфимъ *нисколько*. Вдругъ при одной повѣркѣ казначейства новымъ предсѣдателемъ Кобылинымъ оказался прочетъ въ казенныхъ суммахъ, кажется, около 20,000 рублей, а можетъ быть и нѣсколько меньше. Казначей былъ извѣстенъ своею честностью и аккуратностію. Какъ образовался этотъ прочетъ, — я думаю никто навѣрно не знаетъ, потому что дѣло было замято; не ранѣе того семьѣ казначея угрожала погибель. Объ этомъ много говорили и очень сожалѣли маленькихъ дѣтей казначея.

Дошло это дѣло до Евфима и ужасно его тронуло. Онъ задумался, потомъ вдругъ заплакалъ и воскликнулъ:

— Тутъ надо помочь!

— Какъ же помочь? надо заплатить деньги.

— Да, конечно, надо заплатить.

— А кто ихъ заплатитъ?

— А вотъ попробуемъ.

Отецъ Евфимъ велѣлъ «запречь игумена» (такъ называлъ онъ своего караго коня, купленнаго у какого-то игумена) и поѣхалъ къ Кобылину съ просьбою подержать дѣло въ секретѣ два, три дня, пока онъ «попробуетъ».

Предсѣдателю такое предложеніе, разумѣется, было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно, и онъ согласился ожидать, а Евфимъ пошелъ гонять своего «игумена». Объѣздилъ онъ всѣхъ друзей и пріятелей и у всѣхъ, у кого только могъ, просилъ пособить — «спасти семейство». Собралъ онъ не мало, помнится, будто тысячъ около четырехъ, что-то далъ и Кобылинъ; но недоставало все-таки много. Не помню теперь, сколько именно, но много что-то недоставало, кажется, тысячъ двѣнадцать, или даже болѣе.

У насъ были совѣты и рѣшено было «собранное сберечь для семьи», а казначея предоставить его участи. Но предобрѣйшему Евфиму это не нравилось.

— Что тамъ за участь дѣтямъ безъ отца! проговорилъ онъ, и на другой же день *взнесъ всѣ деньги*, сколько ихъ слѣдовало.

Откуда же онъ ихъ взялъ?

Онъ *разорилъ свое собственное семейство*: онъ заложилъ домъ свой и домъ тещи своей, вдовы протоіерея Лебедовскаго, надавалъ векселей и сколотилъ сумму, чтобы выручить человѣка, котораго, опять повторяю, *онъ не зналъ*, а узналъ только о постигшемъ его бѣдствіи...

Разсудительнымъ или безразсуднымъ кому покажется этотъ поступокъ, но во всякомъ случаѣ онъ столь великодушенъ, что о немъ стоитъ вспомнить, и если слова епископа Филарета справедливы, что дѣти Богвиновскаго призрѣны, то по-неволѣ приходится повторить съ псалмопѣвцемъ: «не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣба».

Другого такого поступка, совершеннаго съ полнѣйшею простотою сверхъ силъ и по одному порыву великодушія, я не видалъ ни отъ кого, и когда при мнѣ говорятъ о пресловутой «поповской жадности», я всегда вспоминаю, что самый, до безразсудности, безкорыстный человѣкъ, какого я видѣлъ,—это *былъ онъ*.

Поступокъ Евфима не только не былъ оцѣненъ, но даже былъ осмѣянъ и послужилъ поводомъ къ разнообразнымъ клеветамъ, имѣвшимъ дурное вліяніе на его расположеніе и положеніе.

Съ этихъ поръ онъ началъ снова захудѣвать, и все въ его дѣлахъ пошло въ разстройство: домъ его былъ проданъ, долгъ тещѣ его тяготилъ и мучилъ; онъ переѣхалъ къ своей, перенесенной на Новое Строеніе, Троицкой церкви и, вдобавокъ, овдовѣлъ, а во вдовствѣ такой человѣкъ, какъ Евфимъ, былъ совершенно невозможенъ.

Жена его была прекрасная и даже очень миленькая женщина, веселаго и добраго нрава, терпѣливая, прощающая и тоже беззаботная. Лучшей пары о. Евфиму и на заказъ нельзя было подобрать, но когда въ дѣлахъ ихъ пошелъ упадокъ и она стала прихварывать, ей стало скучно, что мужа никогда почти не было дома. Она умерла какъ-то особенно тихо и грустно, и это обстоятельство вызвало въ о. Евфимѣ еще одинъ необыкновенный порывъ въ свой-

ственномъ ему малоразсудительномъ, но весьма оригинальномъ родѣ. Мало удосуживаясь видѣть жену свою при ея жизни, онъ *не могъ* разстаться съ нею съ мертвою, и это побудило его рѣшиться на одинъ крайне рискованный поступокъ, еще разъ говорящій о его причудливой натурѣ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Троицкая церковь, къ которой перешелъ о. Евфимъ послѣ смерти своего брата, находилась въ Старомъ Кіевѣ, противъ зданія присутственныхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ начинается скверъ отъ стороны софійскаго собора. Церковь эта была маленькая, деревянная и, вдобавокъ, ветхая, какъ и церковь Іоанна Златоуста, находившаяся по другую сторону присутственныхъ мѣстъ, и съ постройкою этихъ послѣднихъ ее рѣшено было перенести на Новое Строеніе, гдѣ, конечно, надо было строить церковь вновь, сохранивши названіе прежней. О. Евфимъ самъ распоряжался постройкою церкви и осуществилъ при этомъ нѣкоторыя свои фантазіи. Такъ, напримѣръ, въ бытность его въ Петербургѣ, онъ мнѣ разсказывалъ, что устроилъ гдѣ-то въ боковой части алтаря маленькую «комору подъ землею»,—чтобы тамъ лѣтомъ, въ жары, хорошо было отъ мухъ отдыхать.

Я не видѣлъ этой «коморы» и не знаю, какъ она была устроена, но знаю несомнѣнно, что она есть и что въ ней скрывается теперь ни для кого уже непроницаемая тайна.

— Гдѣ схоронена покойная Елена Семеновна? спросилъ я о. Евфима, разсказывавшаго мнѣ тяжесть своего вдоваго положенія.

— А у меня подъ церковью, отвѣчалъ онъ.

Я удивился.

— Какъ, говорю,—подъ церковью? Какъ же вы это могли выхлопотать? Кто вамъ разрѣшилъ?

— Ну, вотъ, говоритъ,—«разрѣшилъ»! Что я за дуракъ, чтобы сталъ объ этомъ кого-нибудь спрашивать? Разумѣется, никто бы мнѣ этого не разрѣшилъ. А я такъ, чтобы она.

моя голубонька, со мною не разставалась, — *я самъ ее закопалъ подъ поломъ въ коморѣ*, и хожу туда и плачу надъ нею.

Это мнѣ казалось невѣроятнымъ и я безъ стѣсненія сказалъ о. Евфиму, что ему не вѣрю, но онъ забожился и разсказалъ исторію погребенія покойницы подъ церковью въ подробностяхъ и съ такою обстоятельностью, что основаніе къ недовѣрію исчезло.

По словамъ о. Евфима, какъ только Елена Семеновна скончалась, онъ и два преданные ему друга (а у него ихъ было много) разобрали въ нижней «коморѣ» полъ и сейчасъ же стали *своими руками* копать могилу. Къ отпѣванію покойной въ церкви — могила была готова. Приготовлялась ли тоже, какъ слѣдовало, могила на кладбищѣ,—я не спросилъ. Затѣмъ покойную отпѣли въ большомъ собраніи духовенства и, кажется, въ предстояніи покойнаго Филарета Филаретова, который тогда былъ еще архимандритомъ и ректоромъ Кіевской академіи. По отпѣваніи и запечатлѣніи гроба, *выносъ былъ отложенъ* до завтра, будто за неготовностью могильнаго склепа. Затѣмъ, когда отпѣвавшее духовенство удалилось, о. Евфимъ съ преданными ему двумя друзьями (которыхъ онъ называлъ) пришли ночью въ церковь и *похоронили покойницу въ могилѣ, выкопанной въ коморѣ подъ алтаремъ* (Одинъ изъ друзей-гробокопателей былъ знаменитый въ свое время въ Кіевѣ уголовный слѣдователь, чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора Андрей Ивановичъ Друкартъ, впослѣдствіи вице-губернаторъ въ Сѣдлецѣ, гдѣ и скончался. Потомъ полъ опять застлали и слѣдъ погребенія исчезъ навсегда «до радостнаго утра»*).

Покойный епископъ Филаретъ Филаретовъ, кажется, зналъ

---

*) Собранныя мною по поводу предложеннаго разсказа свѣдѣнія подтвердили вполнѣ его достовѣрность: никто изъ людей, знавшихъ супруговъ Ботвиновскихъ, не помнитъ факта провода на кладбище тѣла умершей жены о. Евфима, а помнятъ только фактъ совершеннаго надъ нею торжественнаго отпѣванія и предложенной затѣмъ изобильной поминальной трапезы.

объ этомъ. По крайней мѣрѣ, когда я его спрашивалъ: гдѣ погребена Елена Семеновна? онъ, улыбаясь, махалъ рукою и отвѣчалъ:

— Богъ его знаетъ, гдѣ онъ ее похоронилъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Какъ же относились къ такому священнику люди?

Моралисты и фарисеи его порицали, но простецы и «мытари» любили «предобраго Евфима» и, какъ писалъ мнѣ преосвященный Филаретъ, «провожали его съ большимъ плачемъ».

Не каждаго такъ проводятъ даже и изъ тѣхъ, кои «посягли всѣ книги кожаны» и соблюли всѣ посты и «субботы».

И какъ было не плакать о такомъ простякѣ, который являлъ собою живое воплощеніе добра! Конечно, онъ не то, что пасторъ Оберлинъ; но онъ нашъ, простой русскій попъ, человѣкъ, можетъ быть, и безалаберный, и грѣшный, но всепрощающій и безкорыстнѣйшій. А много ли такихъ добрыхъ людей на свѣтѣ?

А что думало о немъ начальство?

Кажется, неодинаково. О. Евфимъ служилъ при трехъ митрополитахъ. Митрополитъ Исидоръ Никольскій былъ мало въ Кіевѣ и едва ли успѣлъ кого узнать. Преемникъ его Арсеній Москвинъ *не* благоволилъ къ Ботвиновскому, но покойный добрѣйшій старикъ Филаретъ Амфитеатровъ его очень любилъ и жалѣлъ и на всѣ навѣты о Ботвиновскомъ говорилъ:

— Все, чай, пустяки... Онъ добрый.

Разъ, однако, и онъ призывалъ Евфима по какой-то жалобѣ или какому-то слуху, о существѣ коего, впрочемъ, на митрополичьемъ разбирательствѣ ничего обстоятельно не выяснилось.

О разбирательствѣ этомъ разсказывали слѣдующее: когда Филарету наговорили что-то особенное объ излишней «свѣтскости» Ботвиновскаго, митрополитъ произвелъ такой судъ:

— Ты *Батвиневской*? спросилъ онъ обвиняемаго.

— Ботвиновскій, отвѣчалъ о. Евфимъ.

— Что-о-о?

— Я Ботвиновскій.

Владыка сердито стукнулъ по столу ладонью и крикнулъ:

— Врешь!.. *Батвиневской*!

Евфимъ молчалъ.

— Что-о-о? — спросилъ владыка.— Чего молчишь? повинись!

Тотъ подумалъ, въ чемъ ему повиниться? и благопокорно произнесъ:

— Я *Батвиневской*.

Митрополитъ успокоился, съ добраго лица его радостно исчезла непривычная тѣнь напускной строгости и онъ протянулъ своимъ беззвучнымъ баскомъ:

— То-то и есть... *Батвиневской*!.. И хорошо, что повинился!.. Теперь иди къ своему мѣсту.

А «прогнавъ» такимъ образомъ *Батвиневскаго*», онъ говорилъ намѣстнику лавры (тогда еще благочинному) о. Варлааму:

— Добрый мужиченко этотъ Батвиневской,— очень добрый... И повинился... Скверно только, зачѣмъ онъ *трубку* изъ длиннаго чубука палитъ?

Инокъ отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ, а добрый владыка разворковался:

— Это, смотри, его протопопъ Крамаревъ обучилъ... Университетскій! Скажи ему, чтобы онъ университетскаго наученья не смущалъ, чтобы изъ длиннаго чубука не курилъ.

Очевидно, что въ доносѣ было что-то о куреніи. Отецъ Евфимъ и въ этомъ *исправился*,—онъ сталъ курить папиросы.

Къ сему развѣ остается добавить, что Ботвиновскій былъ очень видный собою мужчина и, по мнѣнію знатоковъ, въ молодости превосходно танцовалъ мазурку, и... искусства этого никогда не оставлялъ, но послѣ нѣкоторыхъ случай-

постей танцовалъ «только на именинахъ» у прихожанъ, особенно его уважавшихъ.

Мнѣ думается, что такой непосредственный человѣкъ непремѣнно долженъ имѣть мѣсто среди кіевскихъ *антиковъ*. и даже, можетъ быть, воспоминаніе о немъ окажется самымъ симпатичнымъ для кіевлянъ, между коими, вѣроятно, еще не мало тѣхъ, что «шли плача за его гробомъ».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

О *кіевскихъ богатыряхъ* я знаю мало. Видоизмѣняясь отъ облика Ильи и Чурилы до фигуры Остапа Бульбы, къ моему времени въ Кіевѣ они являлись въ лицахъ того же приснопамятнаго Аскоченскаго. студента Кол — ова и торговаго человѣка (приказчика купца Козловскаго) Ивана Филипповича Касселя (чистаго, безпримѣснаго хохла, наказаннаго за какой-то родительскій грѣхъ иноземною кличкою).

О силѣ Аскоченскаго говорили много, приводя примѣры, что будто ее иногда по-неволѣ принимали въ соображеніе бывшій въ его время ректоромъ «русскій Златоустъ» Иннокентій Борисовъ и инспекторъ Іеремія. Достовѣрнаго въ этомъ кажется то, что когда инспекторъ отобралъ разъ у студентовъ чубуки и снесъ ихъ къ Иннокентію, то Аскоченскій, съ «его непобѣдимою дерзостію», явился къ Иннокентію «требовать *свою собственность*». А когда Иннокентій назвалъ это нахальствомъ и приказалъ наглецу «выйти вонь», то Аскоченскій взялъ «весь пукъ чубуковъ» и сразу всѣ ихъ переломилъ на колѣнѣ.

Все остальное, что касается его легендарной силы, выражалось въ такомъ родѣ: онъ все «ломалъ». Болѣе всего онъ ломалъ, или, лучше сказать, гнулъ за столами металлическіе ножи, ложки, вилки, а иногда подсвѣчники. Дѣлалъ онъ это всегда сюрпризомъ для хозяевъ, но не всегда къ ихъ большому удовольствію.

О «непобѣдимыхъ его дерзостяхъ» разсказывалось тоже много, но надъ всѣмъ предоминировало сообщеніе о «стычкѣ

его съ профессоромъ Серафимомъ» на лекціи церковной исторіи.

Дѣло было такъ, что профессоръ послѣ безпристрастнаго изложенія фактовъ, пришелъ научнымъ путемъ къ достовѣрному выводу, который изложилъ въ слѣдующихъ словахъ:

— И такъ, мы ясно видѣли, что мать наша, святая православная церковь въ Россіи, принявъ богоучрежденныя постановленія отъ апостоловъ, нынѣ управляется *самимъ Духомъ святымъ*.

— Въ генеральскомъ мундирѣ! отозвался съ своей парты Аскоченскій.

Профессоръ смутился и, какъ бы желая затушевать неумѣстное вмѣшательство студента, повторилъ:

— Самимъ Духомъ святымъ.

Но Аскоченскій снова не выдержалъ и еще громче произнесъ:

— Да, въ генеральскомъ мундирѣ!

— Что ты подъ симъ разумѣешь? спросилъ его Серафимъ.

— Не *что*, а *нѣчто*, отвѣчалъ Аскоченскій, и пояснилъ, что онъ разумѣетъ военнаго оберъ-прокурора синода Н. Ал. Протасова.

Серафимъ пошелъ жаловаться къ Иннокентію, но тотъ какъ-то спустилъ это мягко.

Послѣдній фактъ «непобѣдимой дерзости» Аскоченскаго былъ не въ его пользу. Это случилось тогда, когда въ одно время сошлись на службѣ въ Каменцѣ Аскоченскій, занимавшій тамъ мѣсто совѣстнаго судьи, и бывшій его начальникъ по Воронежской семинаріи Елпидифоръ, на эту пору архіепископъ подольскій.

Ап. Елпидифоръ былъ изрядно нетерпѣливъ и вспыльчивъ, но въ свою очередь онъ зналъ продерзостную натуру Аскоченскаго, когда тотъ учился въ Воронежской семинаріи. Однажды Елпидифоръ служилъ обѣдню въ соборѣ, а Аскоченскій стоялъ въ алтарѣ (любимое дѣло ханжей, позволяющихъ себѣ нарушать церковное правило и стѣснять собою служащее духовенство).

Во время литургіи какой-то діаконъ или иподіаконъ что-то напуталъ и вспыльчивый владыка сказалъ ему за это «дурака».

Тѣмъ дѣло и кончилось бы, но послѣ обѣдни у епископа былъ пирогъ и къ пирогу явился Аскоченскій, а во время одной паузы онъ ядовито предложилъ такой вопросъ:

— Владыка святый! что долженъ пѣть клиръ, когда архіерей возглашаетъ «дуракъ»?

— «Совѣстный судья», отвѣчалъ спокойно епископъ.

— А я думалъ: «и духови твоему», отвѣчалъ «непобѣдимый въ дерзости» Аскоченскій, но вскорѣ потерялъ мѣсто совѣстнаго судьи и навсегда лишился службы.

Другой *богатырь* Кол—овъ дѣйствительно обладалъ силою феноменальною и ночами ходилъ «переворачивать камни у Владиміра». Идеалъ его былъ «снять крѣпостныя вороты и отнести ихъ на себѣ на Лысую гору», которой тогда еще не угрожалъ переходъ въ собственность извѣстнаго въ Россіи рода бояръ Анненковыхъ. Тогда тамъ слетались простыя кіевскія вѣдьмы. Но воротъ Кол—овъ не снялъ, а погибъ инымъ образомъ.

Третій, самый веселый богатырь моего времени былъ Иванъ Филипповичъ Кассель, имѣющій даже двойную извѣстность въ русской арміи. Во-первыхъ, торгуя военными вещами, онъ обмундировалъ чуть ли не всѣхъ офицеровъ, переходившихъ въ Крымъ черезъ Кіевъ, а, во-вторыхъ онъ положилъ конецъ большой войнѣ, не значащейся ни въ какихъ хроникахъ, но тѣмъ не менѣе продолжительной и упорной.

Не знаю, съ какого именно повода въ Кіевѣ установилась вражда не вражда, а традиціонное преданіе о необходимости боевыхъ отношеній между студентами и вообще статскою молодежью съ одной стороны и юнкерами съ другой. Особенно считалось необходимымъ «бить саперовъ», т. е. юнкеровъ сапернаго училища. Шло это съ замѣчательнымъ постоянствомъ и заманчивостью, которая увлекала даже такихъ умныхъ и прекрасныхъ людей, какъ Андрей

Ивановичъ Друкартъ, бывшій въ то время уже чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Фундуклеѣ.

Съ утра бывало сговариваются приходить въ трактиръ къ Кругу или къ Бурхарду, гдѣ поджидались саперные юнкера, и тамъ «ихъ бить».

Ни за что, ни про что, а такъ просто «бить».

Но иногда для этого выѣзжали на дубу, или пѣшкомъ отправлялись «за мость» къ Рязанову, или на Подолъ, къ Каткову и тамъ «бились».

Порою съ обѣихъ сторонъ были жертвы, то-есть не убитые, но довольно сильно побитые, а война все упорствовала, не уставала и грозила быть такою же хроническою, какъ война кавказская. Но случилось, что въ одной стычкѣ юнкеровъ (сдѣлавшихъ вылазку изъ урочища Кожемяки) съ статскою партіею (спускавшеюся отъ церкви св. Андрея) находился Кассель. Будучи призванъ къ участію въ битвѣ, Иванъ Филиппычъ одинъ положилъ на землю всѣхъ непріятелей, а потомъ заодно и всѣхъ своихъ союзниковъ. Въ пылу битвы онъ не могъ успокоиться, пока не увидалъ вокругъ себя *всѣхъ* «полегшими». Это было такъ не по-сердцу для обѣихъ воюющихъ сторонъ, что съ этимъ разомъ битвы прекратились.

Богатырей, прославленныхъ силою, болѣе уже не было. Эти, кажется, были послѣдніе.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

О *кладахъ* мнѣ только извѣстно въ смыслѣ литературномъ. Гдѣ-то и у кого-то въ Кіевѣ долженъ храниться одинъ очень драгоцѣнный и интересный литературный кладъ.—это одно дѣйствительно мѣткое и остроумное сочиненіе В. П. Аскоченскаго, написанное въ формѣ рѣчи, произносимой кандидатомъ епископства при нареченіи его въ архіереп. Рѣчь новонарекаемаго епископа, сочиненная Аскоченскимъ, не только нимало не похожа на тѣ рѣчи, какія обыкновенно

при этихъ важныхъ случаяхъ произносятся, но она имъ діаметрально противоположна по направленію и духу, хотя сводится къ тѣмъ же результатамъ. Въ заправдашнихъ рѣчахъ кандидаты обыкновенно говорятъ о своихъ слабостяхъ и недостоинствахъ,—вообще сильно отпрашиваются отъ епископства, боясь, что не пронесутъ обязанностей этого сана, какъ слѣдуетъ. Потомъ едва только къ концу, и то лишь полагаясь на всемогущую благодать Божію и на воспособляющую силу молитвъ предсѣдящихъ святителей, они «пріемлятъ и ни что же вопреки глаголятъ». Но рѣчь Аскоченскаго идетъ изъ иного настроенія: его кандидатъ епископства, человѣкъ смѣлаго ума и откровенной прямой натуры, напоминаетъ «Племянника г-на Рамо». Онъ смотритъ на жизнь весело и не видитъ никакой надобности возводить на себя самообвиненія въ тяжкихъ недостоинствахъ. Напротивъ, нарекаемый епископъ Аскоченскаго признается, что санъ епископскій ему издавна весьма нравится и очень ему пріятенъ. Онъ разсказываетъ даже, какія мѣры и усилія онъ употребилъ для достиженія своей цѣли—быть епископомъ. Потомъ говоритъ и о своихъ «недостоинствахъ», но опять по-своему: онъ не ограничивается общимъ поверхностнымъ упоминаніемъ, что у него есть «недостоинства», а откровенно припоминаетъ ихъ, какъ добрый христіанинъ добраго времени, стоящій на открытой, всенародной исповѣди. Кандидатъ доводитъ свою откровенность до того, что «недостоинства» его въ самомъ дѣлѣ какъ-будто заставляютъ опасаться за его годность къ епископскому служенію и за него становится и страшно, и больно... Но вдругъ живая душа исповѣдника дѣлаетъ быстрый взмахъ надъ міромъ и зритъ оттуда съ высотъ, что и другіе, пріявшіе уже яремъ епископства, были не только не достойнѣе его, но даже и послѣ таковыми же остались. А онъ клянется, что когда ему на епископствѣ станетъ жить хорошо, то онъ, какъ умный человѣкъ, ни за что не станетъ искать никакихъ пустяковъ, не имѣющихъ прямой цѣны для счастія,

и «потому пріемлетъ и ни что же вопреки глаголетъ».

Аскоченскій мнѣ самъ читалъ эту рѣчь, замѣчательную какъ въ литературномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, и читалъ онъ ее многимъ другимъ, пока объ этомъ не узналъ покойный митрополитъ московскій Иннокентій Веніаминовъ. Онъ *запретилъ* Аскоченскому читать эту рѣчь и давать ее списывать, а Викторъ Ипатьичъ, часто прибѣгая къ Иннокентію по дѣламъ своего изнемогавшаго изданія и другимъ личнымъ нуждамъ, далъ слово митрополиту запретъ этотъ исполнить. Въ «Дневникѣ» Аскоченскаго, который я, по редакціонной обязанности, *весь прочелъ* прежде пріобрѣтенія его редакціею «Историческаго Вѣстника», *нѣтъ этой рѣчи*. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ «Дневникѣ» записано множество выходокъ, гораздо менѣе удачныхъ, и литературныхъ шалостей, несравненно болѣе непристойныхъ и дерзкихъ по отношенію къ предстоятелямъ церкви. Можетъ-быть Аскоченскій вырвалъ эти листы, въ угоду митрополиту, который, по словамъ Виктора Ипатьича, «просто позволилъ ему *обыскивать свой бумажникъ*». Во всякомъ случаѣ этотъ литературный кіевскій кладъ *) очень интересенъ, какъ для характеристики самого Аскоченскаго, такъ и въ смыслѣ опредѣленія прозорливости тѣхъ, кото-

*) Указываютъ еще другой кладъ, оставленный В. И. Аскоченскимъ въ Кіевѣ и находящійся, вѣроятно, и теперь у кого-либо изъ его кіевскихъ знакомыхъ. Это обширное его изслѣдованіе о тогдашнемъ состояніи русскихъ университетовъ, озаглавленное такъ: «Наши университеты». Ѳ. Г. Лебединцевъ читалъ эту толстую, листовъ въ 70, рукопись, написанную въ 1854 или 1855 г. Въ ней Аскоченскій съ безпощадною рѣзкостію осуждаетъ весь строй университетскій и раскрываетъ недуги профессоровъ банковскаго направленія. Рукопись наполнена массою самыхъ неприглядныхъ фактовъ, обличавшихъ пустоту университетскихъ чтеній, грошовое либеральничество профессоровъ и поврежденность нравовъ студентовъ и пр., и пр. Рукопись шибко ходила по рукамъ и произвела въ ученомъ и административномъ мірѣ бурю, кончившуюся тѣмъ, что безшабашнаго автора, какъ не служащаго дворянина, посадили на двѣ недѣли на гауптвахту при кіевскомъ ордонансъ-гаузѣ.

Разсказывали въ ту пору, что когда Аскоченскій былъ «приличч-

рые чаяли видѣть въ Викторѣ Ипатьевичѣ защитника падающаго авторитета своего сана, съ дозволеніемъ иногда «*обыскивать* ихъ бумажники».

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Затѣмъ еще «послѣднее сказаніе», — тоже касающееся кіевскихъ преданій и литературы.

Когда въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*» М. П. Каткова былъ напечатанъ мой разсказъ «*Запечатлѣнный Ангелъ*», то въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, при снисходительныхъ похвалахъ моему маленькому литературному произведенію, было сказано, что «въ немъ передано событіе, случившееся при постройкѣ кіевскаго моста» (разумѣется, *стараго*). Въ разсказѣ идетъ дѣло объ иконѣ, которую чиновники «запечатлѣли» и отобрали въ монастырь, а старовѣры, которымъ та икона принадлежала, подмѣнили ее копіею во время служенія пасхальной заутрени. Для этого одинъ изъ старовѣровъ *прошелъ съ одного берега рѣки на другой при бурномъ ледоходѣ по цѣпямъ.*

Всѣмъ показалось, что мною въ этомъ разсказѣ описана кіевская мѣстность и «событіе, случившееся тоже въ Кіевѣ». Такъ это и остается до сей поры.

нымъ образомъ» доставленъ къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору кн. Васильчикову, послѣдній далъ Аскоченскому прочесть ту статью изъ Свода Законовъ, которая грозила ему чѣмъ-то въ родѣ высылки «въ мѣста отдаленныя». Аскоченскій нимало не сробѣлъ: онъ прочелъ статью, положилъ книгу и улыбнулся.

— Васъ, стало, это забавляетъ? спросилъ его добродушный князь Васильчиковъ.

Аскоченскій пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Не думаю, чтобы кого-нибудь забавляла возможность прогуляться въ Сибирь. Мнѣ смѣшно другое.

Васильчиковъ не продолжалъ разговора и послалъ его подъ арестъ.

Въ этой запискѣ, по словамъ Лебединцева, было очень много умнаго, дѣльнаго и справедливаго, такъ что автору было за что посидѣть подъ арестомъ.

Но гдѣ эти едва ли не самыя лучшія произведенія ума и пера Аскоченскаго? Неужто они пропали!

Позволю себѣ нынѣ замѣтить, что первое совершенно справедливо, а второе — нѣтъ. Мѣстность въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ», какъ и во многихъ моихъ разсказахъ, дѣйствительно, похожа на Кіевъ, что объясняется моими привычками къ кіевскимъ картинамъ, но *такого происшествія*, какое передано въ разсказѣ, въ *Кіевѣ никогда не происходило*, т. е. никакой иконы старовѣръ не кралъ и по цѣпямъ черезъ Днѣпръ не переносилъ. А было, дѣйствительно, только слѣдующее: однажды, когда цѣпи были уже натянуты, одинъ калужскій каменщикъ, по уполномочію отъ товарищей, сходилъ во время пасхальной заутрени съ кіевскаго берега на черниговскій *по цѣпямъ*, но не за иконою, а *за водкою*, которая на той сторонѣ Днѣпра продавалась тогда много дешевле. Наливъ боченокъ водки, отважный ходокъ повѣсилъ его себѣ на шею и, имѣя въ рукахъ шестъ, который служилъ ему балансомъ, благополучно возвратился на кіевскій берегъ съ своею корчемною ношею, которая и была здѣсь распита во славу св. Пасхи.

Отважный переходъ по цѣпямъ, дѣйствительно, послужилъ мнѣ *темою* для изображенія отчаянной русской удали, но цѣль дѣйствія и вообще вся исторія «Запечатлѣннаго Ангела», конечно, иная, и она мною просто вымышлена.

20 декабря 1882 г.
С.-Петербургъ.

ЧОРТОВЫ КУКЛЫ.

ГЛАВЫ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ началѣ истекающаго девятнадцатаго столѣтія въ одной семьѣ германскаго происхожденія родился мальчикъ необыкновенной красоты. Онъ былъ такъ хорошъ, что въ семьѣ его не звали его крестнымъ именемъ, а называли его Фебо-фисъ или Фебуфисъ, т. е. сынъ Феба. Это имя такъ ему пристало, что онъ удержалъ его за собою въ школѣ, а потомъ оно осталось при немъ во всю его жизнь. Съ возрастомъ оказалось, что при тѣлесной красотѣ ребенокъ былъ осчастливленъ замѣчательными способностями: онъ прекрасно учился наукамъ и рано обнаружилъ даръ и страсть къ живописи.

Отецъ Фебуфиса занимался крупными торговыми операціями и имѣлъ обезпеченное состояніе. Онъ хотѣлъ, чтобы сынъ шелъ по его же дорогѣ, и потому не былъ обрадованъ его художественными наклонностями, но мать ребенка, женщина очень чувствительная и поэтическая, не любила прозаическихъ, торговыхъ занятій мужа и настояла, чтобы Фебуфисъ получилъ возможность слѣдовать своимъ художественнымъ влеченіямъ.

Мать питала несомнѣнную увѣренность, что сына ея ожидаетъ слава и она отчасти не ошиблась.

Отецъ уступилъ желаніямъ сына, поддерживаемымъ настойчивостью матери, и Фебуфисъ поступилъ въ высшую художественную школу, сначала въ томъ городѣ, гдѣ жили его родители, а потомъ перешелъ для усовершенствованія въ Римъ, гдѣ на него вскорѣ же стали указывать, какъ на самаго замѣчательнаго изъ современныхъ живописцевъ.

Съ теченіемъ времени на него обращали вниманія больше и больше, и онъ вскорѣ сталъ пользоваться такою извѣстностью, которая уже довольно близко граничила со славою. Были основанія вѣрить, что невдалекѣ его ожидаетъ и настоящая слава. Характеръ у него былъ веселый, немножко заносчивый и дерзкій со старшими, но безпечный и общительный въ сношеніяхъ съ сверстниками, между которыми молодой человѣкъ имѣлъ друзей. Особенно дружны были съ нимъ два молодыхъ живописца, прозванные въ своемъ кружкѣ Пикомъ и Макомъ. Оба эти молодые люди были разныхъ національностей и несходнаго нрава, но находились въ тѣснѣйшей пріязни и никогда почти не разлучались. За то ихъ и прозвали Пикъ и Макъ, — по дѣтской игрѣ: «гдѣ Пикъ, тамъ Макъ, — Пикъ здѣсь—Макъ здѣсь, — Пика нѣтъ и Мака нѣтъ». Макъ былъ крупный брюнетъ съ серьезнымъ, даже нѣсколько суровымъ и задумчивымъ лицомъ, а Пикъ — розовая, бѣлокурая крошка, съ личикомъ изъ тѣхъ, которыхъ зовутъ «овечьею мордочкой». Макъ былъ мыслитель, — его занимали общественные вопросы: онъ скорбѣлъ о человѣческихъ бѣдствіяхъ и задумывался надъ служебными цѣлями искусства, а Пикъ смотрѣлъ на жизнь въ розовыя стекла и отрицалъ въ искусствѣ всѣ постороннія цѣли, кромѣ самой красоты; при томъ Пикъ любилъ и покутить, но только, несмотря на его неразборчивость, онъ почти никогда не имѣлъ удачи, а Макъ былъ само цѣломудріе и обладалъ всѣми шансами на успѣхи, но онъ ихъ не добивался; Пикъ находилъ почти всѣхъ женщинъ очень милыми, а Макъ смотрѣлъ на всѣхъ равнодушно и все надѣялся когда-нибудь увидѣть одну заповѣдную женщину по своимъ мыслямъ. Она должна была обла-

дать красотою духовной болѣе, чѣмъ тѣлесною, — во всякомъ случаѣ, она непремѣнно должна была имѣть надъ нимъ многія нравственныя превосходства, особенно въ деликатности чувствъ, въ тонкомъ ощущеніи благородства, чести и добра. Она должна была не отдѣлять его отъ міра, какъ любятъ дѣлать многія женщины, а роднить его съ высшимъ міромъ. Если случалось, что Пику и Маку нравилось одно и то же, то оно непремѣнно нравилось имъ съ разныхъ сторонъ. Имъ, напримѣръ, обоимъ нравился Донъ-Жуанъ и они оба оправдывали байроновскаго героя, но совершенно съ различныхъ сторонъ: Пикъ находилъ, что перемѣнять привязанности очень весело, а Макъ любилъ Жуана за то, что онъ открывалъ во всѣхъ любившихъ его женщинахъ обманъ, и не хотѣлъ довольствоваться фальсификаціею чувства. Несмотря на такое несходство во взглядахъ, Пикъ и Макъ были, однако, очень дружны: Пикъ уважалъ въ Макѣ его думы и даже заботы о служебныхъ задачахъ искусства, а Макъ любилъ въ Пикѣ искренность, съ какою онъ восхищался каждымъ дарованіемъ, кромѣ своего собственнаго. Оба они жили вмѣстѣ, не богато и не бѣдно, какъ жило въ то время множество людей ихъ среды.

Фебуфиса отыскалъ Пикъ и сказалъ нелюдимому Маку:

— Пойдемъ, посмотримъ человѣка съ большимъ дарованіемъ.

— Въ чемъ же онъ проявилъ свои дарованія?

— Прекрасно пишетъ.

— Что же онъ пишетъ? спросилъ Макъ.

— Все.

— Все?.. Это много. Пойдемъ и посмотримъ *все*.

— Да, а вотъ ты можешь научить его выбирать лучшее.

Они пошли и подружились сразу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У Фебуфиса не было недостатка въ фантазіи, онъ прекрасно сочинялъ большія и очень сложныя картины, ри-

сунокъ его отличался правильностью и смѣлостью, а кисть его блистала яркою колоритностью. Ему почти въ одинаковой степени давались сюжеты религіозные и историческіе, пейзажъ и жанръ, но особенно плѣняли вкусъ и чувство фигуры въ его любовныхъ сценахъ, которыхъ онъ писалъ много и которыя часто заходили у него за предѣлы скромности.

Въ послѣднемъ родѣ онъ позволялъ себѣ большія вольности, но грація его рисунка и живая прелесть колоритнаго письма отнимали у этихъ произведеній впечатлѣніе скабрезности и на выставкахъ появлялись такіе сюжеты Фебуфиса, какіе отъ художника меньшихъ дарованій ни за что не были бы приняты. Съ другой же стороны, соблазнительная прелесть картинъ этого рода привлекала къ нимъ вниманіе самой разнообразной публики и находила ему щедрыхъ покупателей, которые не скупились на деньги.

Такимъ образомъ росло его имя, и онъ получалъ такой значительный заработокъ, что уже не только не требовалъ никакой поддержки отъ родителей, но когда отецъ его умеръ, и дѣла ихъ пошатнулись, то Фебуфисъ уступилъ свою долю отцовскаго наслѣдства брату и сестрѣ и сталъ присылать значительныя суммы нѣжно любимой матери.

Пикъ всему этому шумно радовался, а Макъ серьезно молчалъ или, когда Пикъ очень надоѣдалъ ему своими восторгами и восклицалъ:

— О, до чего онъ можетъ достичь!

Макъ отвѣчалъ:

— До всего; я боюсь, что онъ до чего хочешь достигнетъ.

— Нѣтъ, съ кѣмъ его можно сравнить?

— Съ Ванъ-деръ-Пуфомъ,—отвѣчалъ Макъ.

Ванъ-деръ-Пуфъ было шуточное прозваніе для тѣхъ, кто подавалъ большія надежды съ сомнительными послѣдствіями.

Пикъ за это сердился и находилъ, что Фебуфисъ похожъ на Луку Кранаха, котораго онъ очень любитъ и имѣетъ нѣкоторыя его свойства.

— Въ чемъ же это проявляется? спрашивалъ Макъ.

— Въ дарованіи, въ смѣломъ характерѣ и въ умѣньѣ гордо держать себя съ великими міра.

Макъ отвѣчалъ, что лучшее умѣнье держать себя съ тѣми, кто почитаетъ себя великими міра, это — стараться не входить съ ними ни въ какія сношенія.

— А если это нельзя?

— Ну, тогда быть отъ нихъ какъ можно дальше.

— Э, братъ, это сочтутъ за робость и униженіе.

— Повѣрь, что въ этомъ только и есть настоящее величіе, которое и они сами чувствуютъ и которое одно можетъ уязвлять ихъ пустую надменность.

— Ну, ты, Макъ, вѣдь аскетъ. Этакъ жить, такъ нельзя будетъ сдѣлать ничего достойнаго въ мірѣ.

А Макъ, наоборотъ, думалъ, что такъ только и можно что-нибудь сдѣлать самое достойное.

— А именно что?

— Прежде всего сберечь *свое достоинство*.

— Ты все о *своемъ* достоинствѣ, — все только о томъ, что для себя.

— Нѣтъ, сохраненіе «достоинства» это не «только для себя», а это потомъ пригодится и для другихъ.

Студію Фебуфиса искали посѣщать самые разнообразные путешественники, но достигали этого не всѣ, кто хотѣлъ. Онъ допускалъ къ себѣ только или извѣстныхъ знатоковъ и цѣнителей искусства, или людей высокаго положенія, вниманіе которыхъ ему льстило и которымъ онъ по преимуществу продавалъ свои картины для ихъ музеевъ и палаццо, и всегда за дорогую цѣну. Но и при этомъ онъ давалъ еще много произвола своимъ художественнымъ прихотямъ и капризамъ, очень часто доводимымъ имъ до непозволительной дерзости и пренебреженія къ сану и свѣтскому положенію своихъ важныхъ посѣтителей. Онъ продавалъ имъ часто не то, что они желали бы у него пріобрѣсть, а то, что онъ самъ соглашался уступить имъ, всегда съ затаеннымъ и мало-скрываемымъ намѣреніемъ заставить ихъ имѣть передъ

собою сюжетъ, который могъ служить имъ намекомъ, попрекомъ или непріятнымъ воспоминаніемъ.

Пикъ находилъ это прекраснымъ и художественнымъ, а Макъ называлъ фиглярствомъ.

Произведенія Фебуфиса были въ модѣ, а притомъ же тогда было въ модѣ и потворство капризамъ художниковъ, и потому сколько-нибудь замѣчательнымъ изъ нихъ много позволяли. Люди, самые деспотичные и грозные, требовавшіе, чтобы самые ученые и заслуженные люди въ ихъ присутствіи трепетали, сносили отъ художниковъ весьма часто непозволительныя вольности. Художниковъ это баловало и не всѣ изъ нихъ умѣли держать себя въ предѣлахъ умѣренности и забывались, но, къ удивленію, все это имъ сходило съ рукъ въ размѣрахъ, непонятныхъ для нынѣшняго реальнаго времени.

Особенно они были избалованы женщинами, но еще больше, пожалуй, деспотами, которые отличались своею грозностью и недоступностью для людей всѣхъ ранговъ и положеній, а, между тѣмъ, даже какъ-будто находили удовольствіе въ томъ, что художники обращались съ ними безцеремонно.

Такое было время и направленіе.

Фебуфисъ какъ первенствовалъ между собратіями въ искусствѣ, такъ же отличался смѣлостью и въ художественныхъ фарсахъ и шалопайствахъ. У него было много любовныхъ приключеній съ женщинами, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ слоямъ въ Римѣ, но была и одна привязанность, болѣе прочная и глубокая, чѣмъ другія. Эта любовь была замѣчательно красивая, бѣдная дѣвушка-римлянка, по имени Марчелла. Она любила красавца-иностранца безъ памяти и безъ всякаго разсчета, а онъ и ее цѣнилъ мало. Онъ былъ больше всего занятъ тѣмъ, что съ успѣхомъ соперничалъ съ моднымъ кардиналомъ въ благорасположеніи великосвѣтскихъ римлянокъ и высокорожденныхъ путешественницъ, или, наскучивъ этимъ, охотно пилъ и дрался кулаками въ тавернахъ за мимолетное обладаніе тою или

другою изъ тамошнихъ посѣтительницъ. По первой категоріи подвиги его восходили до дуэлей, угрожавшихъ ему высылкою изъ тогдашней папской столицы, а по второй дѣла кончались потасовками или полицейскимъ призывомъ къ порядку, что тоже тогда въ художественномъ мірѣ не почиталось за дурное и служило не въ укоръ, а, наоборотъ, слыло за молодечество.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сказано, что между любовными исторіями Фебуфиса была одна, которая могла его кое къ чему обязывать. Это то самое, что касалось красивой и простосердечной римской дѣвушки, по имени Марчеллы. Она была безвѣстнаго происхожденія и имѣла престарѣлую мать, которую съ большимъ трудомъ содержала своею работой, но замѣчательная красота Марчеллы сдѣлала ей большую извѣстность. Не одинъ Фебуфисъ былъ плѣненъ этою красотой,—молодой, тогда еще малоизвѣстный, патріотъ Гарибальди, на одномъ изъ римскихъ празднествъ, тоже подалъ Марчеллѣ цвѣтокъ, снявъ его со своей шляпы, но Марчелла взяла цвѣтокъ Гарибальди и весело перебросила его Фебуфису, который поймалъ его и, поцѣловавъ, прикололъ къ своей шляпѣ. Гарибальди видѣлъ это, послалъ имъ обоимъ поцѣлуй и крикнулъ: «счастливаго успѣха влюбленнымъ!» Сближеніе ихъ было очень близко и оригинально. Расположенія Марчеллы искали многіе и въ числѣ претендентовъ на ея руку были и богатые люди: въ числѣ такихъ былъ одинъ пармезанецъ. Марчелла его не любила, но мать ея указывала на свое нездоровье и преклонные годы, требовала отъ дочери «маленькой жертвы». Марчелла согласилась на жертву и сдѣлалась невѣстой, но подъ самый день свадьбы пошла помолиться Мадоннѣ и безотчетно постучалась въ дверь Фебуфиса. Сюда привела ее нестерпимая любовь, съ которою она напрасно боролась и она вышла отсюда только черезъ нѣсколько дней и пошла къ пармезанцу сказать, что уже не можетъ быть его женою.

Но Фебуфисъ, какъ многіе баловни женщинъ, не хотѣлъ оцѣнить лучше другихъ поступокъ Марчеллы и скоро охладѣлъ къ ней, какъ къ прочимъ. Эта побѣда только вплела новый листокъ въ его любовные лавры, а Марчеллу познакомила съ чувствами матери. Пикъ былъ этимъ смущенъ, а Макъ оскорбленъ и разгнѣванъ: онъ пересталъ говорить съ Фебуфисомъ и не сталъ давать ему руку.

— Это слишкомъ ужъ строго, говорилъ Пикъ.

Макъ на это не отвѣчалъ, но, встрѣтивъ однажды Марчеллу, сказалъ ей:

— Какъ ты живешь нынче, добрая и честная Марчелла?

— Ты меня называешь *доброю!*

— И честною.

— Спасибо; я живу не худо, отвѣчала Марчелла. — Съ тѣхъ поръ, какъ у меня есть дитя, я работаю вдвое и, представь себѣ, на все чувствую новыя силы.

— Но ты исхудала.

— Это скоро пройдетъ.

— А ты мнѣ скажи... только скажи откровенно.

— О, все, что ты хочешь... Я знаю тебя—въ тебѣ благородное сердце.

— Согласись быть моей женой.

— Женою?.. Спасибо. Я знаю, что ты благороденъ и добръ... Женою!.. Нѣтъ, милый Макъ, я уже никогда не буду ничьею женой.

— Почему?

— Почему? Марчелла покачала своею красивою головой и отвѣчала:—Я вѣдь люблю! Развѣ ты хочешь, чтобы между нами всегда былъ третій въ поминѣ? Нѣтъ, милый Макъ, я любила и это останется вѣчно. Полюби лучше другую.

Но благородство и гордость Марчеллы были подвергнуты слишкомъ тяжелому испытанію: мать ее безпрестанно укоряла ихъ тяжкою бѣдностью,—ея престарѣлые годы требовали удобствъ и покоя,—дитя отрывало руки отъ занятій,—бѣдность всѣхъ ихъ душила. О Марчеллѣ пошли недобрые

слухи, въ которыхъ имя доброй дѣвушки связывалось съ именемъ богатаго иностранца. Къ сожалѣнію, это не было пустою басней. Марчелла скрывалась отъ всѣхъ и никому не показывалась. Пикъ и Макъ о ней говорили только одинъ разъ и очень немного. Пикъ сказалъ:

— Слышалъ ты, Макъ, что говорятъ о Марчеллѣ?

— Слышалъ, отвѣчалъ Макъ, сидя за мольбертомъ.

— И что же, ты этому вѣришь или не вѣришь?

— Вѣрю, конечно.

— Почему же конечно? Ты вѣдь былъ о ней всегда хорошаго мнѣнія.

Макъ отошелъ отъ мольберта, посмотрѣлъ на свою картину и, помедливъ, сказалъ:

— Я о ней и теперь остаюсь хорошаго мнѣнія.

Теперь Пикъ помолчалъ и потомъ спросилъ:

— Развѣ она не могла поступить лучше?

— Не знаю, можетъ быть, и не могла.

— Значитъ, у нея нѣтъ воли, нѣтъ характера?

— Ты спроси объ этомъ того, кто устроилъ испытаніе для ея воли и характера.

— Но она могла выйти замужъ?

— Не любя?

— Хотя бы и такъ.

— Или... быть можетъ, даже любивши другого?

— Ну, и все было-бъ лучше.

— Можетъ быть, только она тогда не была бы тою Марчеллой, которая стоила бы моего лучшаго мнѣнія.

— А теперь?

— Изъ двухъ золъ она выбрала то, которое меньше.

— Меньше!... Продать себя... это ты считаешь за меньшее зло?

— Не себя.

— Какъ не себя? Неужто этотъ богачъ ѣздитъ къ ней читать съ нею Петрарку или Данте?

— Нѣтъ; она продала ему свое прекрасное тѣло и, навѣрное, не обѣщала отдать свою душу. Ты различай между

я и *мое*: я—это я въ своей сущности, а тѣло мое—только моя принадлежность. Продать его—страшная жертва, но продать свою душу, свою правду, обѣщаться любить другого—это гораздо подлѣе, и потому Марчелла дѣлаетъ меньшее зло.

— Есть еще средство!—замѣтилъ Пикъ.

— Какое?

— Прекратить свою жизнь. Смерть лучше позора.

Макъ сложилъ руки и сказалъ:

— Какъ, убить себя?!. Женщинѣ убить себя за то, что ее бросили, и бросить на всѣ мученія нищеты свою мать и своего ребенка?.. И ты это называешь лучшимъ? Нѣтъ, это не лучше. Лучше перенести все на себѣ и... Впрочемъ, иди лучше, Пикъ, читай уроки о чести другому,—мы о ней больше съ тобою никогда не должны говорить.

— Хорошо,—отвѣчалъ Пикъ,—но ты мнѣ никогда не докажешь...

— Ахъ, оставь про доказательства! Я никогда тебѣ и не буду доказывать того, что̀ для меня ясно, какъ солнце, а ты знай, что доказать можно все на свѣтѣ, а въ жизни вѣрныя доказательства часто стоятъ менѣе, чѣмъ вѣрныя чувства.

Въ отношеніи Марчеллы Макъ имѣлъ «вѣрныя чувства» и вѣрно отгадывалъ, что двигало ея поступками. Другіе о ней позабыли,—Фебуфисъ ею не интересовался. Онъ съ той поры имѣлъ много другихъ успѣховъ у женщинъ, которыя, помимо своей красоты, льстили его самолюбію, и вообще шелъ на быстрыхъ парусахъ при слабомъ рулѣ, который не правилъ судномъ, а предавалъ его во власть случайнымъ теченіямъ. Въ характерѣ его все болѣе обозначались признаки необузданности и своеволія. Успѣхи его туманили. Онъ становился капризенъ.

— Я хотѣлъ бы знать, чего онъ хочетъ?—говорилъ Пикъ.

— А я не хотѣлъ бы объ этомъ знать, но знаю,—отвѣчалъ Макъ.

— Чего же онъ хочетъ?

— Своей погибели,—и она будетъ его удѣломъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Фебуфису было около тридцати лѣтъ, когда онъ сбылъ съ рукъ исторію Марчеллы и потомъ въ теченіе одного года сдѣлалъ два безумные поступка: во-первыхъ, онъ послалъ дерзкій отказъ своему правительству, которое, по его мнѣнію, недостаточно почтительно приглашало его возвратиться на родину, чтобы принять руководство художественными работами во дворцѣ его государя; а, во-вторыхъ, произвелъ выходку, скандализовавшую цѣлую столицу. Жена одного изъ иностранныхъ дипломатовъ при папѣ удѣлила Фебуфису какую-то долю какого-то своего вниманія и потомъ,—какъ ему показалось,—занялась кардиналомъ. Фебуфисъ вскипѣлъ гнѣвомъ и выставилъ у себя въ мастерской самую неприличную картину въ родѣ извѣстной классической Pandora. На этомъ полотнѣ онъ изобразилъ упомянутую красивую даму въ объятіяхъ знаменитаго въ свое время кардинала, а себя поставилъ близъ нихъ вмѣсто сатира, котораго отводитъ старуха со свѣчкой.

Картина эта представлялась забавною и ѣдкою всѣмъ, кромѣ малоразговорчиваго Мака.

— Твое цѣломудріе оскорблено моею *Пандорой?*—спросилъ его однажды вечеромъ, сидя за виномъ, Фебуфисъ.

Макъ прервалъ свое долгое молчаніе и отвѣтилъ ему:

— Да, съ этой поры я не перестану жалѣть, чѣмъ ты способенъ заниматься.

— Способенъ!.. Какъ это глупо! Я способенъ заниматься всѣмъ... и я, наконецъ, не понимаю, почему иногда не позволить себѣ шалость.

— Ты называешь это шалостью?

— Конечно. А ты?

— По-моему, это низость, это растлѣніе другихъ и самого себя.

— Такъ ты видишь здѣсь одинъ цинизмъ?

— Нѣтъ, я вижу все, что здѣсь есть.

— Что же, напримѣръ?

— Задоръ и вывозъ на борьбу людей, которыхъ не стоитъ трогать.

— Отчего? Они стоятъ довольно высоко и трогать ихъ не безопасно.

— А-га! такъ тебѣ это доставляетъ удовольствіе?

— И очень большое.

Макъ тихо двинулъ плечами и, улыбнувшись, сказалъ:

— Я предпочелъ бы беречь свои силы, чѣмъ ихъ такъ раскидывать.

— Въ такомъ случаѣ, всѣ тѣ, кто желаетъ заслужить себѣ одобреніе властей, имѣютъ теперь отличный случай достичь этого,—стоитъ только обнаруживать пренебреженіе *Пандорѣ*. Ты это дѣлаешь?

Макъ посмотрѣлъ на него пристальнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Ты не задерешь меня! Я не ссорюсь изъ-за пустяковъ и не люблю, когда ссорятся. Мнѣ нѣтъ дѣла до тѣхъ, которые ищутъ для себя расположенія у властей, но мнѣ нравятся тѣ, которые не задираются съ ними.

— Ну, не хитри, Макъ, ты—скрытый аристократъ.

— Пожалуй, я—аристократъ въ томъ смыслѣ, что я не хочу подражать слугамъ, передразнивающимъ у себя на застольной своихъ господъ. Я совсѣмъ не интересуюсь этими... господами.

— Другими словами, ты бережешь себя для чего-то лучшаго.

— Очень быть можетъ.

Фебуфисъ ему насмѣшливо поклонился.

— Можешь мнѣ и не кланяться,—спокойно сказалъ ему Макъ.

И Макъ, заплативъ свои деньги, ушелъ ранѣе другихъ изъ таверны.

Объ выходки Фебуфиса, какъ и слѣдовало ожидать, не

прошли даромъ: первая оскорбила правительство его страны и Фебуфису нельзя было возвратиться на родину, а вторая подняла противъ него страшную бурю въ самомъ Римѣ и угрожала художнику наемнымъ убійствомъ.

Фебуфисъ отнесся къ тому и къ другому съ полнымъ легкомыслiемъ и даже бравировалъ своимъ положенiемъ: онъ ни съ того, ни съ сего написалъ своему государю, что очень радъ не возвращаться, ибо изъ всѣхъ формъ правленiя предпочитаетъ республику, а насчетъ картины, компрометировавшей даму и кардинала, объявилъ, что это «мечта живописца», и позволялъ ее видѣть посѣтителямъ.

Въ это самое время по Европѣ путешествовалъ одинъ молодой герцогъ, о которомъ тогда говорили, будто онъ располагалъ несмѣтными богатствами. О немъ тогда было очень много толковъ; увѣряли, будто онъ отличался необыкновенною смѣлостью, щедростью и непреклонностью какихъ-то своихъ совершенно особенныхъ и твердыхъ убѣжденiй, съ которыми, долго ли, коротко ли, придется посчитаться очень многимъ. Это дѣлало его интереснымъ со стороны политической, а въ то же время герцогъ слылъ за большого знатока и цѣнителя разнообразныхъ произведенiй искусства и особенно живописи.

Высокiй путешественникъ прибылъ въ Римъ полуинкогнито изъ Неаполя, гдѣ всѣ имъ остались очень довольны. Папскiй Римъ ему не понравился. Разсказывали, будто онъ сказалъ какому-то дипломату, что «дѣло поповъ—молиться, но не ихъ дѣло править», и не только не хотѣлъ принимать здѣсь никакихъ официальныхъ визитовъ, но даже не хотѣлъ осматривать и многихъ замѣчательностей вѣчнаго города.

Властямъ, которыя надѣялись вступить съ герцогомъ въ нѣкоторыя сношенiя, было крайне непрiятно, что онъ собирался уѣхать отсюда ранѣе, чѣмъ предполагалось по маршруту.

Говорили, будто одному изъ наиболѣе любимыхъ путешественникомъ лицъ въ его свитѣ былъ предложенъ бо-

гатый подарокъ за то, если оно сумѣетъ удержать герцога на опредѣленное по маршруту время. Это лицо,—кажется, адъютантъ, любя деньги и будучи смѣло и находчиво, позаботилось о своихъ выгодахъ и сумѣло заинтересовать своего повелителя разсказомъ о скандалезномъ происшествіи съ картиною Фебуфиса, которая какъ разъ о ту пору оскорбила римскихъ монаховъ и о ней шелъ говоръ въ художественныхъ кружкахъ и въ свѣтскихъ гостиныхъ.

Хитрость молодого царедворца удалась вдвойнѣ: герцогъ заинтересовался разсказомъ и пожелалъ посѣтить мастерскую Фебуфиса. Этимъ предпочтеніемъ онъ могъ нанести уколъ властнымъ монахамъ, и отъ этого одного у него прошла хандра, но зато она слишкомъ рѣзко уступила мѣсто нетерпѣнію, составлявшему самую сильную черту характера герцога.

Фебуфисъ входилъ въ кругъ идей, для него посторонних, и неожиданно получилъ новое значеніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Тотъ же самый адъютантъ, которому удалось произвести перемѣну въ расположеніи высокаго путешественника, былъ посланъ къ Фебуфису извѣстить его, что такая-то особа, путешествующая подъ такимъ-то инкогнито, желаетъ завтра быть въ его мастерской. Фебуфису показалось, что это сдѣлано какъ будто надменно, и его характеръ нашелъ себѣ здѣсь пищу.

— Развѣ вашъ герцогъ такъ любитъ художество?—спросилъ онъ небрежно у адъютанта.

— Да, герцогъ любитъ искусство.

— И что-нибудь въ немъ понимаетъ?

— Какъ вы странно спрашиваете! Герцогъ прекрасный цѣнитель въ живописи.

— Я слыхалъ только, что онъ хорошій покупатель.

— Нѣтъ, я говорю вамъ именно то, что и хочу сказать: герцогъ—хорошій *цѣнитель*.

— Быть цѣнителемъ, это значитъ не только знать технику, но имѣть понятія о благородныхъ задачахъ искусства.

— Мм... да!.. Онъ ихъ имѣетъ.

— Въ такомъ разѣ вы повезите его къ Маку.

— Кто это Макъ?

— Макъ? Это мой славный товарищъ и славный художникъ. У него превосходныя идеи, и я когда-то пользовался его совѣтомъ и даже началъ было картину «*Бросься внизъ*», но не могъ справиться съ этою идеей.

— *Бросься внизъ?*

— Да... «*Бросься внизъ*».

Гостю показалось, что хозяинъ надъ нимъ обидно шутитъ, и онъ сухо отвѣтилъ:

— Я не понимаю такого сюжета.

— Позвольте усомниться.

— Я не имѣю привычки шутить съ незнакомыми.

— «Бросься внизъ»—это изъ *Евангелія*.

— Я не знаю такого текста.

— Сатана говоритъ Христу: «бросься внизъ».

Адъютантъ сконфузился и сказалъ:

— Вы правы, я вспоминаю,—это сцена на кровлѣ храма?

— Вы называете это «сценою»? Ну, прекрасно, будь по-вашему: станемъ называть евангельскія событія «сценами», но, впрочемъ, все дѣло въ благородствѣ задачи. Обыкновенно вѣдь пишутъ сатану съ рожками, и онъ приглашаетъ Христа броситься за какія-то царства... По идеѣ Мака выходило совсѣмъ не то: его сатана очень внушительный и практическій господинъ, который убѣждаетъ вдохновеннаго правдолюбца только снизойти съ высотъ его духовнаго настроенія и немножко «броситься внизъ», придти отъ правды Бога къ правдѣ герцоговъ и королей, войти съ нимъ въ союзъ... а Христосъ, вы знаете, этого не сдѣлалъ. Макъ думаетъ, что у нихъ шло дѣло объ этомъ, и что Христосъ *на это* не согласился.

— Да, конечно. Это тоже интересно... Но герцогъ вообще хочетъ видѣть всѣ ваши работы.

— Двери моей студіи открыты и вашъ повелитель можетъ въ нихъ войти, какъ и всякій другой.

— Онъ непремѣнно желаетъ быть у васъ завтра.

— Непремѣнно завтра?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, лучше пусть онъ придетъ послѣзавтра.

— Позвольте!.. Но почему же послѣзавтра, а не завтра?

— А почему именно непремѣнно завтра, а не послѣзавтра?

— Нѣтъ, ужъ позвольте завтра!

— Нѣтъ, послѣзавтра.

Адъютантъ молча хлопнулъ нѣсколько разъ глазами, что составляло его привычку въ минуты усиленныхъ соображеній, и проговорилъ:

— Что же это значитъ?

— Ничего, кромѣ того, что я вамъ сказалъ,—отвѣчалъ Фебуфисъ и, вспрыгнувъ на высокій табуретъ передъ большимъ холстомъ, который расписывалъ, взялъ въ руки кисти и палитру.

Все существо его ликовало и озарялось торжествомъ въ самомъ его любимомъ родѣ: онъ могъ глядѣть свысока на стоявшаго около него свѣтскаго человѣка, присланнаго могущественнымъ лицомъ, и, такимъ образомъ, унижалъ и посла, и самого пославшаго.

Адъютантъ не скрывалъ своего непріятнаго положенія и сказалъ:

— Я не могу передать герцогу такого отвѣта.

— Отчего?

— Онъ не терпитъ отказовъ.

— Ну, нечего дѣлать, потерпитъ.

— Онъ не согласится остаться здѣсь до послѣзавтра.

— Человѣкъ, который такъ любитъ искусство, согласится.

— Онъ назначилъ завтра вечеромъ уѣхать.

— Онъ самъ себѣ господинъ и всегда можетъ отсрочить.

Адъютантъ разсмѣялся и отвѣчалъ:

— Вы оригинальный человѣкъ.

— Ла, я не рабская копія.

— Безъ сомнѣнія, герцогъ можетъ остаться вездѣ, сколько ему угодно; но поймите же, что съ нимъ не принято такъ обходиться. Ему нельзя диктовать.

— Значитъ, у него есть характеръ?

— И очень большой.

— Да, говорятъ, и я слышалъ — это интересно! Такъ вотъ мы его испробуемъ: вы скажите ему, что такъ и быть, пущу его къ себѣ, но только послѣзавтра.

— Прошу васъ, оставьте это, маэстро!

— Не могу, господинъ адъютантъ, не могу,—я тоже,—рекомендуюсь вамъ,—человѣкъ упрямый.

— На что вамъ его сердить?

— По совѣсти сказать, ни на что, но мнѣ теперь взошла въ голову такая фантазія, и вы со мною, съ позволенія вашего, ни чорта не подѣлаете ради всѣхъ герцоговъ вмѣстѣ и порознь.

— Вы дерзки.

— Хотите дуэль?

— Очень хотѣлъ бы, но, къ сожалѣнію, я теперь не могу принять дуэли.

— Почему?

— Конечно, не потому, что я не желаю васъ убить или страшусь быть убитымъ, но потому, что я состою въ свитѣ такого лица, путешествіе котораго не должно сопровождаться никакими скандалами.

— Хорошо, не нужно дуэли, но я вамъ предлагаю паръ.

— Какое? въ чемъ оно состоитъ?

— Оно состоитъ вотъ въ чемъ: мнѣ кажется, будто я знаю вашего герцога больше, чѣмъ вы.

— Это интересно.

— Да, и я это утверждаю и держу паръ, что если вы передадите ему то, что̀ я вамъ сказалъ, то онъ останется здѣсь еще на день.

— Ни за что на свѣтѣ!

— Вы ошибаетесь.

— Оставимъ этотъ разговоръ.

— А я вамъ ручаюсь, что я не ошибаюсь; онъ чудесно прождетъ до послѣзавтра, и я вамъ совѣтую принять пари, которое я предлагаю.

— Я желалъ бы знать, въ чемъ же будетъ заключаться самое пари?

— Въ томъ, что если вашъ повелитель останется здѣсь *на три дня*, то вы безъ всякихъ отговорокъ должны исполнить то, что я закажу вамъ; а если онъ не останется, то я исполню любое приказаніе, какое вы мнѣ дадите. Наши шансы равны, и даже, если хотите знать, я рискую больше, чѣмъ вы.

— Чѣмъ?

— Я не буду знать, точно ли вы передадите мои слова.

— Я передамъ ихъ въ точности; но, въ свою очередь, я могу принять ваше условіе только въ томъ случаѣ, если въ заказѣ, который вы мнѣ намѣрены сдѣлать въ случаѣ моего проигрыша, не будетъ ничего унизительнаго для моей чести.

— Безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ...

— Вы принимаете мое пари?

— Да.

— Это прелестно: мы заключаемъ пари на герцога.

— Мнѣ непріятно, что вы надъ этимъ смѣетесь.

— Я не буду смѣяться. Пари идетъ?

— Извольте.

— Я подаю вамъ мою руку съ самыми серьезными намѣреніями.

— Я съ такими же ее принимаю.

Молодые люди ударили по рукамъ, и офицеръ откланялся и ушелъ, а Фебуфисъ, проводивъ его, отправился въ кафе, гдѣ провелъ нѣсколько часовъ съ своими знакомыми и весело шутилъ съ красивыми служанками, а когда возвратился вечеромъ домой, то нашелъ у себя записку, въ которой было написано:

«*Онъ* остается здѣсь съ тѣмъ, чтобы быть у васъ въ студіи послѣзавтра».

Фебуфисъ небрежно смялъ записку и, улыбнувшись, написалъ и послалъ такой же короткій отвѣтъ. Въ отвѣтѣ этомъ значилось слѣдующее:

Онъ пробудетъ здѣсь *три дня*».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Слѣдующій день Фебуфисъ провелъ, по обыкновенію, за работой и принималъ нѣсколькихъ иностранцевъ, которые внимательно осматривали его талантливыя работы, а втайнѣ всего болѣе заглядывались на *Messaline dans la loge de Lisisca*, которая занимала большое и видное мѣсто. Картина во весь день не была задернута гобеленомъ, и ее видѣли всѣ, кто посѣтилъ студію.

Потомъ Фебуфисъ былъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣлъ въ обычаѣ посѣщать ежедневно, но вернулся домой нѣсколько ранѣе и, запершись дома съ слугою, занялся приведеніемъ своей мастерской въ большой порядокъ.

Семейство желчнаго, больного скульптора, обитавшее въ нижнемъ жильѣ, которое находилось подъ ателье Фебуфиса, очень долго слышало шумъ и возню отъ передвиганія тяжелыхъ мольбертовъ. Можно было думать, что художникъ наскучилъ старымъ расположеніемъ своей мастерской, или ему, можетъ-быть, пришла фантазія исполнить какую-нибудь новую затѣю съ *Messaline dans la loge de Lisisca*.

Это такъ и было.

На слѣдующій день догадки нижняго семейства подтвердились и разъяснились: тотчасъ послѣ ранней сіесты мастерскую Фебуфиса посѣтилъ именитый путешественникъ въ сопровожденіи двухъ лицъ изъ своей свиты.

Одинъ изъ нихъ былъ престарѣлый, но молодящійся сановникъ, во фракѣ и съ значительнымъ количествомъ звѣздъ. Онъ былъ первый совѣтникъ герцога по всѣмъ

дѣламъ, касающимся иностранныхъ сношеній, и занималъ должность начальника этого вѣдомства. Въ числѣ звѣздъ, украшавшихъ его лацкана, были и такія, которыхъ никто другой, кромѣ его, не имѣлъ. Старецъ носилъ превосходно взбитый на головѣ парикъ, блисталъ бѣлѣйшими зубами и былъ подрисованъ и зашнурованъ въ корсетъ. Лѣта его были неизвѣстны, но онъ держался бодро, хотя и вздрагивалъ точно подъ ударами вольтова столба. Чтобы маскировать это непроизвольное движеніе, онъ отъ времени до времени дѣлалъ то же самое нарочно. Въ существѣ это была дипломатическая хартія, вся уже выцвѣтшая, но еще кое-какъ разбираемая при случаѣ. Въ немъ была смѣсь джентльмена, маркиза и дворецкаго, но утверждали, будто въ дѣлахъ онъ ловокъ и очень находчивъ. Другой при герцогѣ былъ тотъ самый молодой адъютантъ, съ которымъ Фебуфисъ держалъ свое пари о «завтра и послѣзавтра».

Самъ герцогъ и оба его провожатые были въ обыкновенномъ партикулярномъ платьѣ, въ которомъ, впрочемъ, герцогъ держался совсѣмъ по-военному. Онъ былъ представительный и даже красивый мужчина, имѣлъ очень широкія манеры и глядѣлъ какъ человѣкъ, который не боится, что его кто-нибудь остановитъ; онъ поводилъ плечами, какъ будто на немъ были эполеты, и шелъ легко, словно только лишь изъ милости касался ногами земли.

Взойдя въ atelier, герцогъ окинулъ все помѣщеніе глазами и удивился. Онъ какъ будто увидалъ совсѣмъ не то, что думалъ найти, и остановился посреди комнаты, насупивъ брови, и, оборотясь къ адъютанту, сказалъ:

— Это не то.

Адъютантъ покраснѣлъ.

— Это не то, — повторилъ громко герцогъ и, сдѣлавъ шагъ впередъ, подалъ художнику руку.

Фебуфисъ ему поклонился.

— А гдѣ же это?

Фебуфисъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ то на герцога, то на его провожатыхъ.

— Я спрашиваю это... то, что у васъ есть...

— Здѣсь рѣшительно все, что можетъ быть достойно вашего вниманія.

— Но было еще что-то?

— Кое-какой хламъ... пустяки, недостойные вашего вниманія.

— Прекрасно... благодарю, но я не хочу, чтобы вы со мною чинились: не обращайте вниманія, что я здѣсь, и продолжайте работать, — я хочу не спѣша осмотрѣть все, что есть у васъ въ atelier.

И онъ началъ скоро ходить взадъ и впередъ и вдругъ опять сказалъ:

— Да гдѣ же, наконецъ, *то?*

— Что вы желаете видѣть?—спросилъ Фебуфисъ.

— Что?

Герцогъ гнѣвно метнулъ глазами и не отвѣчалъ, а его адъютантъ стоялъ переконфуженный, но статскій сановникъ шепнулъ:

— Герцогъ хочетъ видѣть *ту* картину... *ту* вашу картину... о которой всѣ говорятъ.

— Ахъ, я догадываюсь,—отвѣчалъ Фебуфисъ и откатилъ подставку, на которой стояло обернутое лицомъ къ стѣнѣ полотно съ новымъ многоличнымъ историческимъ сюжетомъ.

— Не то! вскричалъ герцогъ. — Что изображаетъ эта картина?

— Она изображаетъ знаменитаго въ XVI вѣкѣ живописца Луку Кранаха.

— Ну?

— Онъ, какъ извѣстно, былъ почтенъ большою дружбой Іоанна Великодушнаго.

— А что далѣе?

— Художникъ умѣлъ быть благороднѣе всѣхъ высокорожденныхъ льстецовъ и царедворцевъ, окружавшихъ

Іоанна, и когда печальная судьба обрекла его покровителя на заточеніе, его всѣ бросили, кромѣ Луки Кранаха.

— Очень благородно, но... что еще?

— Лука Кранахъ одинъ добровольно раздѣлялъ неволю съ Іоанномъ въ теченіе пяти лѣтъ и поддерживалъ въ немъ душевную бодрость.

— Хорошо!

— Да, они не только не унывали въ заточеніи, но даже успѣли многому научиться и еще болѣе возбудить свои душевныя силы. Я на своей картинѣ представилъ, какъ они проводили свое время: вы видите здѣсь...

— Да, я вижу, прекрасно вижу.

— Іоаннъ Великодушный читаетъ вслухъ книгу, а Лука Кранахъ слушаетъ чтеніе и самъ пишетъ этюдъ нынѣшней знаменитой вѣнской картины «*Поцѣлуй Іуды*»...

— Ага! намекъ предателямъ!

— Да, вокругъ узниковъ миръ и творческая тишина; можно думать, что книга — историческая и, можетъ-быть, говоритъ о нравахъ царедворцевъ.

— Дрянь! — оторвалъ герцогъ. — Вы прекрасно будете поступать, если будете всегда карать эти нравы.

Фебуфисъ продолжалъ указывать муштабелемъ на изображеніе Кранаха и говорилъ съ оживленіемъ:

— Я хотѣлъ выразить въ лицѣ Кранаха, что онъ старается проникнуть характеръ предателя и проникаетъ его... Онъ изображаетъ Іуду не злымъ, не скупцомъ, продающимъ друга за ничтожную цѣну, а только узкимъ, раздраженнымъ человѣкомъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Это прекрасно!

— Это человѣкъ, который не можетъ снести широты и смѣлости Христа, вдохновеннаго мыслью о любви ко всѣмъ людямъ безъ различія ихъ породы и вѣры. Съ этой картины Кранахъ началъ ставить внизу монограммою сухого, тощаго дракона въ пятой манерѣ.

— Помню: сухой и тощій драконъ.

— Есть преданіе, будто онъ растиралъ для этого краску съ настоящею драконовою кровью...

— Да... Но все это не то!—перебилъ его герцогъ.—Гдѣ же то?!. Я хочу видѣть вашу голую женщину!

— Голую женщину?

— Ну, да, голую женщину!—подсказалъ ему старый сановникъ.

— Ту голую женщину, которая вчера была на этомъ мольбертѣ,—подсказалъ съ другой стороны адъютантъ.

— Ахъ, вы это называете *то*?..

— Ну, да!

— Да, да.

— Но вы ошибаетесь, полковникъ, это вѣдь было не вчера, а позавчера.

— Оставьте споръ и покажите мнѣ, гдѣ голая женщина?—молвилъ герцогъ.

— Я думалъ, что она не стоитъ вашего вниманія, ваша свѣтлость, и убралъ ее.

— Достаньте.

— Она вынесена далеко и завалена хламомъ.

— Для чего же вы это сдѣлали?

Фебуфисъ улыбнулся и сказалъ:

— Я могу быть откровенъ?

— Конечно!

— Я такъ много слышалъ о вашей строгости, что проработалъ всю ночь за перестановкою моей мастерской, чтобы только убрать нескромную картину въ недоступное мѣсто.

— Ненаходчиво. Впрочемъ, меня любятъ представлять звѣремъ, но... я не таковъ.

Фебуфисъ поклонился.

— Я хочу видѣть вашу картину.

— Чтобы доставить вамъ удовольствіе, я готовъ проработать другую ночь, но едва могу ее достать развѣ только къ завтрашнему дню.

Посѣтителю понравилась веселая откровенность Фебу-

фиса, а также и то, что онъ его будто боялся. Лицо герцога приняло смягченное выраженіе.

— Хорошо,—сказалъ онъ, — достаньте. Я остаюсь здѣсь еще до завтра.

Онъ не сталъ ничего больше разсматривать и уѣхалъ съ своими провожатыми, а Фебуфисъ обернулъ опять лицомъ къ стѣнѣ полотна съ *Сатаной и Кранахомъ*, а *Пандору* поставилъ на мольбертъ и закрылъ гобеленомъ, подвижно ходившимъ на вздержковыхъ кольцахъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Устроивъ у себя въ мастерской все опять какъ было, по-старому, Фебуфисъ пошелъ, по обыкновенію, вечеромъ въ кафе, гдѣ сходились художники, и засталъ тамъ, въ числѣ прочихъ, скульптора, занимавшаго помѣщеніе подъ его мастерскою. Они повидались дружески, какъ всегда было прежде; но скульпторъ скоро началъ подшучивать надъ демократическими убѣжденіями Фебуфиса и разсказалъ о вознѣ, которую онъ слышалъ у него въ мастерской.

— Я не могъ этого понять до тѣхъ поръ, — говорилъ скульпторъ, — пока не увидалъ сегодня входившаго къ тебѣ герцога.

— Да, и когда ты его увидалъ, ты тоже ничего не понялъ.

— Я понялъ, что ты тоже не прочь поддѣлываться.

— Къ кому?

— Къ великимъ міра.

— Ну!

— Въ самомъ дѣлѣ! Да еще къ такимъ, какъ этотъ герцогъ, который, говорятъ, рычитъ, а не разговариваетъ съ людьми по-человѣчески.

— Это неправда.

— Ты за него заступаешься?

— А отчего бы нѣтъ?

— Онъ тебя причаровалъ?

— Онъ держалъ себя со мною какъ бравый малый... немножко по-солдатски, но... онъ мнѣ понравился, и я даже не хотѣлъ бы, чтобы о немъ говорили неосновательно.

— Онъ купилъ чѣмъ-то твое расположеніе.

Фебуфисъ вспыхнулъ. Его горячій и вспыльчивый нравъ не дозволилъ ему ни отшутиться, ни разъяснить своего поведенія, — онъ увидѣлъ въ намекѣ скульптора нестерпимое оскорбленіе и въ безумной запальчивости отвѣтилъ ему еще бо̀льшимъ оскорбленіемъ. Завязался споръ и дошелъ до того, что Фебуфисъ схватился за стилетъ. Скульпторъ сдѣлалъ то же, и они мгновенно напали одинъ на другого. Ихъ розняли, но Фебуфисъ, однако, успѣлъ нанести скульптору легкую царапину и самъ получилъ довольно серьезный уколъ въ правую руку.

Въ дѣло сейчасъ же вмѣшалась полиція,—римскія власти обрадовались случаю наказать художника, оскорбившаго своею нескромною картиной кардинала. Фебуфисъ, какъ зачинщикъ схватки, ночью же получилъ извѣщеніе, что онъ долженъ оставить Римъ до истеченія трехъ сутокъ.

Гнѣвъ овладѣлъ Фебуфисомъ въ такой степени, что онъ не заботился о послѣдствіяхъ и сидѣлъ въ своей мастерской, когда къ нему опять вошли герцогъ-incognito съ его молодымъ провожатымъ и старцемъ со звѣздою.

Фебуфисъ привсталъ при ихъ входѣ и, держа правую руку на перевязи, лѣвою открылъ картину.

Высокій гость сразу обнялъ взглядомъ «*Пандору*», прищурилъ лѣвый глазъ и расхохотался,—столько было въ ней нескромнаго и въ нескромномъ смѣшного. Картина, видимо, доставляла зрителямъ величайшее наслажденіе и привела герцога въ самое доброе расположеніе. Онъ протянулъ художнику руку. Тотъ извинился, что подаетъ лѣвую руку.

— Принимаю ее,—отвѣчалъ гость, —она ближе къ сердцу. А, кстати, я слышалъ, съ вами случилась непріятность?

— Я не обращаю на это вниманія, ваша свѣтлость.

— Однако, васъ высылаютъ изъ папскихъ владѣній?

— Да.

— Въ этой исторіи я оказываюсь немножко причиненъ... Я былъ бы очень радъ быть вамъ полезенъ.

— Я на это не разсчитывалъ; но вы были мой гость, и я не хотѣлъ, чтобы о васъ говорили неуважительно.

— Вы поступили очень благородно. Сколько стоитъ «*Канавъ*»?

Фебуфисъ сказалъ цѣну.

— Это дешево. Я ее покупаю и плачу вдвое.

— Это сверхъ мѣры и я...

— Ничего не сверхъ мѣры: благородная идея дорого стоитъ. И, кромѣ того, во всякомъ случаѣ, я еще вашъ должникъ. Скажите мнѣ, куда вы теперь намѣрены уѣхать и что намѣрены дѣлать?

— Я застигнутъ врасплохъ и ничего не знаю.

— Обдумайтесь скорѣе. Вы вѣдь не въ ладахъ съ вашимъ государемъ?

— Да, ваша свѣтлость.

— Это нехорошо. Я могу просить за васъ.

— Покорно васъ благодарю. Я не желаю прощенія.

— Дурно. Впрочемъ, всѣ вы, художники, всегда съ фантазіями: но я, хотя и не художникъ, а мнѣ тоже иногда приходятъ фантазіи: не хотите ли вы ѣхать со мною?

— Какъ съ вами? Куда?

— Куда Богъ понесетъ. Со мною вы можете уѣхать ранѣе, чѣмъ вамъ назначено, и мы посѣтимъ много любопытныхъ мѣстъ... Кстати, вы мнѣ можете пригодиться при посѣщеніи галлерей; а я вамъ покажу дикія мѣстности и дикій воинственный народъ, быть котораго можетъ представитъ много интереснаго для вашего искусства... Другими никакими соображеніями не стѣсняйтесь — это все дѣло товарища, который васъ съ собой приглашаетъ.

Фебуфисъ стоялъ молча.

— Значитъ, ѣдемъ?—продолжалъ гость.—Сдѣлаемъ вмѣстѣ путешествіе, а потомъ вы свободны. Рука ваша пой-

деть и вы опять будете въ состояніи взяться за кисти и за палитру. Мы разстанемся тамъ, гдѣ вы захотите меня оставить.

— Вы такъ ко мнѣ милостивы,—перебилъ Фебуфисъ:— я опасаюсь, какъ бы мысль о разлукѣ не пришла очень поздно.

Гость улыбнулся.

— Вы «опасаетесь», вы думаете, что можете пожелать разстаться со мною, когда будетъ «поздно»?

Фебуфисъ сконфузился своей неясно выраженной мысли.

— Ничего, ничего! Я люблю чистосердечіе... Все, что чистосердечно, то все мнѣ нравится. Я приглашаю васъ быть моимъ товарищемъ въ путешествіи, и если вы запоздаете разстаться со мною на дорогѣ, то я приглашаю васъ къ себѣ, и ручаюсь, что вамъ у меня будетъ не худо. Вы найдете у меня много дѣла, которое можетъ дать просторъ вашей кисти, а я подыщу вамъ невѣсту, которая будетъ достойна васъ умомъ и красотою и дастъ вамъ невозмутимое домашнее счастье. Наши женщины прекрасны.

— Я это знаю,—отвѣчалъ Фебуфисъ.

— Только онѣ прекрасныя жены, но позировать въ натурѣ не пойдутъ. Такъ это рѣшено: вы мой товарищъ?

— Я вашъ покорнѣйшій слуга.

— Прекрасно! И вы съ этой же секунды увидите, что это довольно удобно: берите шляпу и садитесь со мною. Распоряженія и сборы объ устройствѣ вашей студіи не должны васъ волновать. При ранѣ, хотя бы и не опасной, это вредно... Довѣрьте это ему.

Гость показалъ глазами на своего адъютанта и, оборотясь слегка въ его сторону, добавилъ:

— Сказать въ посольствѣ, что они отвѣчаютъ за всякую мелочь, которая здѣсь есть. Все уложить и переслать на мой счетъ куда потребуется. Положитесь на него и берите вашу шляпу.

Фебуфисъ протянулъ руку провожатому и сказалъ:

— Мы квиты.

Тотъ вспыхнулъ.

Герцогъ посмотрѣлъ на молодыхъ людей и произнесъ:

— Что между вами было?

— Пари,—отвѣтилъ Фебуфисъ, и коротко добавилъ, что графъ ему проигралъ маленькую услугу, и теперешнія его заботы онъ принимаетъ за сквитку.

— И прекрасно! Честный человѣкъ всегда платитъ свои долги! А въ чемъ было пари?

Фебуфисъ опять взглянулъ въ лицо адъютанта и ему показалось, что этотъ человѣкъ умретъ сію минуту.

— Извините, ваша свѣтлость,—сказалъ Фебуфисъ,—въ это замѣшано имя третьяго лица.

— Ахъ, тайна! Что есть тайна, то и должно оставаться тайною. Я не хочу знать о вашемъ пари. Ѣдемъ.

Фебуфисъ вышелъ вмѣстѣ съ герцогомъ и съ нимъ же вмѣстѣ уѣхалъ въ роскошное помѣщеніе его посла.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Извѣстіе о томъ, что Фебуфисъ такъ спѣшно покидаетъ Римъ, и притомъ въ сообществѣ могущественнаго лица, мгновенно облетѣло всѣ художественные кружки. Фебуфисъ теперь не удалялся изъ Рима какъ изгнанникъ, а онъ выступалъ какъ человѣкъ, который одержалъ блистательную побѣду надъ своими врагами. Никто не сомнѣвался, что Фебуфисъ не испугался бы изгнанія изъ Рима, и, можетъ-быть, вышелъ бы отсюда еще съ какою-нибудь новою дерзостью; но выйти такъ величественно, какъ онъ теперь выходитъ съ могущественнымъ покровителемъ, который добровольно назвался его «товарищемъ», это было настоящее торжество. Всѣ говорили: «А герцогъ-то, значитъ, совсѣмъ не такой грубый человѣкъ, какъ о немъ разсказываютъ. Вонъ онъ какъ простъ и какъ привѣтливъ! Что ни говори, а онъ достоинъ симпатій!»

И вотъ молодые художники,—всѣ, кто зналъ Фебуфиса, побросали работы и веселою гурьбою отправились на пер-

вую станцію, гдѣ надлежало перемѣнять лошадей въ экипажи путешественника и его свиты. Всѣ они хотѣли проводить товарища и даже привѣтствовать его великодушнаго покровителя. Въ числѣ провожатыхъ находились и Пикъ, и Макъ.

Здѣсь были цвѣты, вино, пѣсни и даже было сочинено наскоро величанье «покровителю художниковъ».

Герцогъ былъ очень доволенъ сюрпризомъ: онъ не спѣшилъ прерывать прощаніе товарищей, и даже самъ поднялъ бокалъ за «товарищей» и за процвѣтаніе «всего изящнаго и благороднаго въ мірѣ».

Это возбудило такой всеобщій восторгъ, что герцогъ уѣхалъ сопровождаемый долго неумолкавшими кликами самаго непритворнаго и горячаго восторга.

Экипажъ, въ которомъ ѣхали Фебуфисъ и адъютантъ, съ разрѣшенія герцога, остался здѣсь до утра, когда оба путешественника были уложены въ коляску и, удаляясь, должны были долго слышать вслѣдъ за собою нетрезвые крики друзей, смѣшивавшихъ имя Луки Кранаха съ именемъ Фебуфиса и имя герцога съ именемъ Іоанна Великодушнаго. Болѣе всѣхъ шумѣлъ Пикъ.

— Нѣтъ, каковъ герцогъ! Каковъ этотъ суровый, страшный герцогъ! кричалъ онъ весь въ поту, съ раскраснѣвшимся лицомъ.

— Смотри, будь счастливъ, Фебуфисъ! — вторили Пику другіе.

— О, онъ будетъ счастливъ! Онъ долженъ быть счастливъ съ такимъ покровителемъ!

— Еще бы! такое покровительство хоть кого выведетъ къ всемірной славѣ, тѣмъ болѣе Фебуфиса. Но какъ онъ это обдѣлалъ?

— А это штука; но что бы кто ни говорилъ, я ручаюсь за одно, что Фебуфисъ не дозволилъ себѣ ничего такого, что бы могло бросить тѣнь униженнаго искательства на его поведеніе!

— Конечно, конечно!

— Я тамъ не былъ, но я это чувствую... и я за это ручаюсь,—настаивалъ Пикъ.

— Конечно, конечно!.. Изъ насъ никто тамъ не былъ, но мы всѣ ручаемся, что Фебуфисъ не сказалъ ни одного унизительнаго слова, что онъ не сдѣлалъ передъ герцогомъ ни одного поклона ниже, чѣмъ слѣдуетъ, и вообще... онъ... вообще...

— Да, вообще... вообще Фебуфисъ—благородный малый, и если скульпторъ имѣетъ объ этомъ иное мнѣніе, то онъ можетъ потребовать отъ каждаго изъ насъ отдѣльныхъ доказательствъ въ залѣ фехтовальныхъ уроковъ, а Фебуфису мы пошлемъ общее письмо, въ которомъ напишемъ, какъ мы ему вѣримъ, какъ возлагаемъ на него самыя лучшія наши надежды и клянемся ему въ товарищеской любви и преданности до гроба.

— До гроба! до гроба!

Но въ это время кто-то крикнулъ:

— Вы поклянитесь на своихъ мечахъ!

Всѣ обернулись туда, откуда шелъ этотъ голосъ, и увидали Мака.

Одинъ Макъ до сихъ поръ упорно молчалъ, и это обижало Пика; теперь же, когда онъ прервалъ свое молчаніе фразой изъ Гамлета, Пикъ обидѣлся еще болѣе.

— Я не ожидалъ этого отъ тебя, Макъ,—сказалъ онъ и затѣмъ вспрыгнулъ на столъ и, снявъ съ себя шляпу, вскричалъ:

— Друзья, здѣсь шутки Мака неумѣстны! Восторгъ не должно опошлять! Восходитъ солнце, я гляжу въ его огненное лицо: я вижу восходящее свѣтило, я кладу мою руку на мое сердце, въ которое я умѣстилъ мою горячую любовь къ Фебуфису. Я призываю тебя, великій въ дружбѣ Кранахъ!.. Кладите, друзья, свои руки не на мечи, а на ваши сердца, и поклянемся доказать нашу дружбу Фебуфису всѣмъ и всегда... и всегда... и всегда... да... да... да!

У пришедшаго въ восторгъ Пика стало истерически дергать горло, и всѣ его поняли, схватили его со стола,

подняли его и всѣ поклялись въ чемъ-то на своихъ сердцахъ.

И затѣмъ опять пили и пѣли всѣ, кромѣ Мака, который тихо всталъ и, выйдя въ садъ, нашелъ скрывавшуюся въ густой куртинѣ молодую женщину. Это было Марчелла. Она стояла одиноко у дерева, какъ бы въ окаменѣніи. Макъ тронулъ ее за плечо и сказалъ ей:

— Тебѣ пора домой, Марчелла. Пойдемъ, я провожу тебя.

— Благодарю, — отвѣчала Марчелла и пошла съ нимъ рядомъ, но, пройдя недалеко по каменистой дорогѣ, остановилась и сказала:

— Меня покидаютъ силы.

— Отдохнемъ.

Они сѣли. До нихъ долетали звуки пьяныхъ пѣсенъ.

— Какъ они противно поютъ!—уронила Марчелла.

— Да,—отвѣчалъ Макъ.

— Онъ пропадетъ?

— Не знаю, да и ты не можешь этого знать.

— Мое сердце это знаетъ.

— Твое сердце и здѣсь его не спасало.

— Ахъ, да, добрый Макъ, не спасало.

— Что же будемъ дѣлать?

— Жалѣй его вмѣстѣ со мною!

И она братски поцѣловала Мака

А тамъ все еще пѣли.

Такого взрыва восторженныхъ чувствъ друзья не видали давно, и, что всего лучше, ихъ пированье, начатое съ аффектаціей и поддержанное виномъ, не минуло безслѣдно. Художники на другой день не только послали Фебуфису общее и всѣми ими подписанное письмо, но продолжали интересоваться его судьбою, а его много обѣщавшая судьба и сама скоро начала усугублять ихъ вниманіе и сразу же обѣщала сдѣлаться интересною, да и въ самомъ дѣлѣ скоро таковою сдѣлалась въ дѣйствительности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Фебуфисъ вскорѣ же прислалъ первыя письма на имя Пика. Какъ въ жизни и въ искусствѣ, такъ и въ письмахъ своихъ онъ стремился быть болѣе красивымъ, чѣмъ натуральнымъ и искреннимъ; но, тѣмъ не менѣе, письма его чрезвычайно нравились Пику и тѣмъ изъ ихъ товарищей, которые имѣли сродныя свойства самодовлѣющихъ художественныхъ натуръ воспоминаемаго времени. Стоило молодой буфетчицѣ кафе, куда адресовалась корреспонденція маленькаго Пика, показать конвертъ, надписанный на его имя, какъ всѣ вскричали:

— Не отъ Фебуфиса ли? Письмо отъ Фебуфиса!

И если письмо было дѣйствительно отъ Фебуфиса, то Пикъ кивалъ утвердительно головою и всѣ вдругъ кричали:

— Друзья, письмо отъ Фебуфиса! Радость и вниманіе! Пишетъ товарищъ и другъ вѣнценосца! Читай, Пикъ!

Пикъ подчинялся общему желанію, раскрывалъ письмо, запечатанное всѣмъ знакомою камеей Фебуфиса, и читалъ. Тотъ описывалъ видѣнныя имъ мѣстности, музеи, дворцы и палаты, а также свои личныя впечатлѣнія и особенно характеръ своего великодушнаго покровителя и свои взаимныя съ нимъ отношенія. По правдѣ сказать, это особенно всѣхъ интересовало. Ихъ отношенія часто приводили художниковъ въ такой восторгъ, что они всѣ чувствовали себя какъ бы объединенными съ высокимъ лицомъ чрезъ Фебуфиса. Въ ихъ дружескомъ кругѣ не упоминалось болѣе официальное величаніе этой особы, а вмѣсто всего громкаго титула ему дали отъ сердца исшедшее имя: «великодушный товарищъ».

Иначе его не называлъ никто, кромѣ Мака, который, впрочемъ, имѣлъ отъ природы недовѣрчивый характеръ и былъ наклоненъ къ насмѣшкѣ надъ всякими шумными и надутыми чувствами и восторгами; но на него не обращали много вниманія: онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ ворчунъ и, мо-

жетъ-быть, портилъ прямую линію самодовлѣющему искусству, наклоняя его къ «еретическому культу служенія идеямъ».

По поводу путевыхъ впечатлѣній Фебуфиса Макъ не ликовалъ: онъ не только не интересовался ими, но даже былъ рѣзокъ и удивлялся: что̀ въ нихъ можетъ интересовать другихъ? Когда всѣ слушали, что описываетъ Фебуфисъ, Макъ или лѣниво зѣвалъ, или слѣдилъ глазами по печатнымъ строчкамъ газеты, ища встрѣтить имя Джузепе Гарибальди, тогда еще извѣстное очень немногимъ, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, были Марчелла и Макъ (Пикъ звалъ ихъ: «организмы изъ уксуснаго гнѣзда». *Уксусное гнѣздо* тогда было въ заводѣ). Понятно, что человѣку такого духа было мало нужды до «путешествія съ герцогомъ».

По взглядамъ Мака, Фебуфисъ былъ талантливый человѣкъ, который пошелъ по дурной дорогѣ, и въ виду чего-нибудь болѣе достойнаго имъ не стоитъ заниматься.

— Ты — «черный воронъ», Макъ, — говорилъ ему съ обидою въ голосѣ Пикъ. — Завѣщай намъ, чтобы мы изъ тебя сдѣлали пугало.

— А ты, мой милый Пикъ, настоящій теленокъ, и изъ тебя безъ всякаго твоего завѣщанія когда-нибудь приготовятъ такой же шнель-клёпсъ, какъ изъ твоего Фебуфиса.

— А изъ Фебуфиса уже готовятъ шнель-клёпсъ?

— Ну, конечно.

Послѣ такихъ перемолвокъ Пикъ давалъ себѣ слово ничего не говорить о Фебуфисѣ въ присутствіи Мака, но, однако, не выдерживалъ и при всякомъ новомъ извѣстіи спѣшилъ возвѣстить его при Макѣ. Да и трудно было удержаться, потому что извѣстія приходили одно другого эфектнѣе. На шнель-клёпсъ не было ничего похожаго,— напротивъ, между Фебуфисомъ и его покровителемъ образовалась такая настоящая, товарищеская дружба, что можно было опасаться: нѣтъ ли тутъ преувеличенія?

— Шнель-клёпса не будетъ!—говорилъ Пикъ, похлопывая Мака.

Но Макъ отвѣчалъ:

— Будетъ!

И вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, запахло шпиль-клёпсомъ: пришло письмо, въ которомъ Фебуфисъ описывалъ, какъ они сдѣлали большой переѣздъ верхами по горамъ, обитаемымъ диким, воинственнымъ племенемъ. Прекрасно были описаны виды неприступныхъ скалъ, паденіе гремящихъ потоковъ и удивительное освѣщеніе высей и дымящихся въ туманѣ ущелій и долинъ; потомъ описывались живописныя одежды горцевъ, ихъ воинственный видъ, мужество, отвага и простота ихъ патріархальныхъ обычаевъ, при которой сохранилось полное равенство, и, въ то же время, дружественность и гостепріимство съ ласковостью, доходящею до готовности сдѣлать пріятное гостю даже съ рискомъ собственной жизни.

«Въ одномъ мѣстѣ,—описывалъ Фебуфисъ,—я былъ чрезвычайно тронутъ этою благородною чертой и у насъ даже дошло дѣло до маленькой непріятности съ моимъ патрономъ. Впрочемъ, все это сейчасъ же было заглажено и отъ непріятнаго не осталось ни малѣйшаго слѣда,—напротивъ, мы еще болѣе сблизились, и я послѣ этого полюбилъ его еще болѣе».

— Начинается что-то любопытное,—вставилъ слово Макъ.

— Да, конечно, — отвѣчалъ Пикъ, — вѣдь ты слышишь: они «еще болѣе сблизились»; но слушайте я продолжаю:

«Мы еще болѣе сблизились»... Да, вотъ гдѣ я остановился: «мы сблизились,— мы ѣхали вдоль узкой, покрытой кремнистою осыпью, тропинки, которая вилась надъ обрывомъ горной рѣчки. По обѣимъ сторонамъ тропы возвышались совершенно отвѣсныя, точно какъ бы обрубленныя скалы гранита. Обогнувъ одинъ загибъ, мы стали лицомъ къ отвѣсной стѣнѣ, такъ сильно освѣщенной солнечнымъ блескомъ, что она вся казалась намъ огненною, а на ней, въ страшной высотѣ, надъ свѣсившимися нитями зеленаго діорита, мы увидали какой-то разсыпчатый огненный комъ, который то разлетался искрами, то вновь собирался въ

кучу и становился густымъ. Мы всѣ недоумѣвали, что это за метеоръ; но наши проводники сказали намъ, что это просто рой дикихъ пчелъ. Горцы отлично знаютъ природу своего дикаго края и имѣютъ преострое зрѣніе: они опредѣлили намъ, что этотъ рой только что отроился отъ стараго гнѣзда, которое живетъ здѣсь же гдѣ-нибудь въ горной трещинѣ, и что тамъ у нихъ долженъ быть медъ. Герцогъ пошутилъ, что здѣшнія пчелы очень предусмотрительны, что, живучи между смѣлыхъ людей, онѣ нашли себѣ такой пріютъ, гдѣ ихъ не можетъ потревожить человѣкъ самый безстрашный. Но старшій въ нашемъ эскортѣ, сѣдоволосый горецъ, со множествомъ ремешковъ у пояса, на которыхъ были нанизаны засохшіе носы, отрубленные у убитыхъ имъ непріятелей, покачалъ своей красивою, бѣлою головой и сказалъ:

«— Ты не правъ, господинъ,—въ нашихъ горахъ нѣтъ для насъ мѣстъ недоступныхъ.

«— Ну, этому я повѣрю только тогда,—отвѣчалъ герцогъ,—если мнѣ подадутъ отвѣдать ихъ меда.

«Услыхавъ это, старый горецъ взглянулъ въ глаза герцогу и спокойно отвѣтилъ:

«— Ты попробуешь этого меда.

«Съ этимъ онъ сейчасъ же произнесъ на своемъ языкѣ какое-то, намъ непонятное, слово, и одинъ молодой красавецъ-наѣздникъ изъ отряда въ ту же минуту повернулъ своего коня, гикнулъ и исчезъ въ ущельѣ. А старикъ молчаливымъ жестомъ руки далъ намъ знакъ остановиться.

«Мы остановились и должны были это сдѣлать, потому что всѣ наши провожатые стали какъ вкопаные и не двигались съ мѣста... старецъ сидѣлъ на своемъ конѣ неподвижно, глядя вверхъ, гдѣ свивался и развивался золотистый рой. Герцогъ его спросилъ: «Что это будетъ?»— но онъ отвѣтилъ: «увидишь», и сталъ крутить въ грязныхъ пальцахъ свои сѣдые усы.

«Такъ прошло не болѣе времени, чѣмъ вы, можетъ-быть, употребите на то, чтобы прочесть мои строки, и вдругъ

наверху скалы, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ вился рой, промелькнулъ отдѣлившійся отъ насъ всадникъ, а еще черезъ мгновеніе мы увидали его, какъ онъ спѣшился около гребня скалы и сталъ спускаться на тонкомъ, совсѣмъ незамѣтномъ издали, ремнѣ, и повисъ въ воздухѣ надъ страшною пропастью.

«Герцогъ вздрогнулъ, сказалъ: «Это чортъ знаетъ, что за люди!» и на минуту закрылъ рукой глаза.

«Мы всѣ замерли и затаили дыханіе, но горцы стояли спокойно и старикъ спокойно продолжалъ крутить свои сѣдые усы, а тотъ, межъ тѣмъ, снова поднялся наверхъ и черезъ пять минутъ былъ опять среди насъ и подалъ герцогу кусокъ сотоваго меда, воткнутый на остріѣ блестящаго кинжала.

«Герцогъ, къ удивленію моему, похвалилъ его холодно; онъ приказалъ адъютанту взять медъ и дать горцу червонецъ, а самъ тронулъ поводъ и поѣхалъ далѣе. Во всемъ этомъ выражалась какъ будто вдругъ откуда-то вырвавшаяся, противная, властительная надменность.

«Это было сдѣлано такъ грубо, что меня взбѣсило. Я не выдержалъ себя, торопливо снялъ съ руки тотъ мой дорогой брильянтовый перстень, который подарила мнѣ извѣстная вамъ богатая англичанка, и, сжавъ руку молодого смѣльчака, надѣлъ ему этотъ перстень на палецъ, а горецъ отстранилъ отъ себя протянутую къ нему адъютантомъ руку съ червонцемъ и подалъ мнѣ медъ на кинжалѣ. И я его взялъ. Я *не могъ* его не взять отъ горца, который, отстранивъ герцогскій подарокъ, охотно принялъ мой перстень, и, взявъ мою руку, приложилъ ее къ своему сердцу; но далѣе я соблюлъ вѣжливость: я тотчасъ же подалъ медъ герцогу, только онъ не взялъ... онъ ѣхалъ, отворотясь въ сторону. Я подумалъ, что онъ обидѣлся; но это у меня промелькнуло въ головѣ и сейчасъ же исчезло, вытѣсненное живымъ ощущеніемъ, которое сообщало мнѣ вдохновляющее спокойствіе горца.

«Его сердце билось такъ же ровно, какъ бьется сердце

человѣка, справляющаго пріятную сіесту. Ни страхъ минувшей опасности; ни оскорбленіе, которое онъ долженъ былъ почувствовать, когда ему хотѣли заплатить червонецъ, какъ за акробатское представленіе; ни мой дорогой подарокъ, стоимость котораго далеко превосходила цѣнность трехсотъ червонцевъ,— ничто не заставило его чувствовать себя инымъ, чѣмъ создала его благородная природа. Я былъ въ такомъ восторгѣ, что совсѣмъ позабылъ о неудовольствіи герцога и, вынувъ изъ кармана мой дорожный альбомъ, сталъ наскоро срисовывать туда лицо горца и всю эту сцену. Художественное было мнѣ дорого до той степени, что я совсѣмъ имъ увлекся, и когда кончилъ мои кроки, молча подъѣхалъ къ герцогу и подалъ ему мою книжку; но, вообразите себѣ, онъ былъ такъ невѣжливъ, что отстранилъ ее рукой и рѣзко сказалъ: «Я не требовалъ, чтобы мнѣ это было подано. Чортъ возьми, вы знаете, я къ этому не привыкъ!» Я спокойно положилъ мою книжку въ карманъ и отвѣчалъ: «Я извиняюсь!» Но и это простое слово его такъ страшно уязвило, что онъ сжалъ въ рукѣ судорожно поводья и взглядъ его засверкалъ бѣшенствомъ, а между губъ выступила свинцовая полоска.

«Я помнилъ спокойствіе горца и на все это сверканіе обратилъ нуль вниманія и... я побѣдилъ грубость герцога. Мы поѣхали дальше; я все прекрасно владѣлъ собою, но въ немъ кипѣла досада, и онъ не могъ успокоиться: онъ оглянулся разъ, оглянулся два и потомъ сказалъ мнѣ:

«— Знаете ли вы, что я никогда не позволяю, чтобы кто-нибудь поправлялъ то, что я сдѣлалъ?

«— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ я и добавилъ, что я вовсе не для того и показывалъ ему мой рисунокъ, чтобы требовать отъ него замѣчаній, потому что я тоже не люблю посторонникъ поправокъ, и притомъ я увѣренъ, что съ этого наброска современемъ выйдетъ прекрасная картина.

«Тогда онъ сказалъ мнѣ уже повелительно: «Покажите мнѣ сейчасъ вашъ рисунокъ».

«Я хотѣлъ отказать, но улыбнулся и молча подалъ ему альбомъ.

«Герцогъ долго разсматривалъ послѣдній листокъ: онъ былъ въ худо-скрываемомъ боренья надъ самимъ собою и, повидимому, переламывалъ себя и потомъ взглянулъ мнѣ въ глаза съ холодною и злою улыбкой и произнесъ:

«— Вы хорошо рисуете, но нехорошо обдумываете ваши поступки.

«— Что такое?—спросилъ я спокойно.

«— Я чуть-чуть не уронилъ вашъ альбомъ въ пропасть.

«— Что за бѣда?—отвѣчалъ я.—Этотъ смѣльчакъ, который сейчасъ досталъ медъ, вѣроятно, досталъ бы и мой альбомъ.

«— А если бы я вырвалъ отсюда листокъ, на которомъ вы зачертили меня съ такимъ особеннымъ выраженіемъ?

«— Я передалъ то выраженіе, которое у васъ было.

«— Все равно, кто-нибудь на моемъ мѣстѣ очень могъ пожелать уничтожить такое свое изображеніе.

«Я былъ въ расположеніи отвѣчать дерзко на его дерзости и сказалъ, что я нарисовалъ бы то же самое во второй разъ и только прибавилъ бы еще одну новую сцену, какъ рвутъ довѣренный альбомъ,—но, добавилъ я,—я вѣдь зналъ, что вы не «кто-нибудь» и что вы этого не сдѣлаете.

«— Почему?

«— Потому, что вы въ вашемъ положеніи должны умѣть владѣть собою и не позволять намъ, простымъ людямъ, превосходить васъ въ благородствѣ и великодушіи.

«Лицо герцога мгновенно измѣнилось: онъ позеленѣлъ и точно съ спазмами въ горлѣ прошипѣлъ:

«— Вы забылись!.. мнѣ тоже нельзя дѣлать и наставленій,—и на губахъ его опять протянулась свинцовая полоска.

«Это все произошло изъ-за куска меду и изъ-за того, что онъ не сумѣлъ какъ должно поблагодарить полудикаго горца за его отвагу, а я это поправилъ... Это было для него несносное оскорбленіе; но я хотѣлъ, чтобы мнѣ не было до его фантазій никакого дѣла. Вмѣсто того, чтобы прекратить

разговоръ сразу, я сказалъ ему, что никакихъ наставленій не думалъ дѣлать и о положеніи его имѣю такое уважительное мнѣніе, что не желаю допускать въ немъ никакихъ понижающихъ сближеній.

«Онъ не отвѣчалъ мнѣ ни слова, и, вообразите, мнѣ показалось, что онъ угомонился; но—позоръ человѣчества!—въ это же время я вдругъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ его окружающихъ на меня не смотритъ ни одинъ человѣкъ и всѣ они держатъ своихъ коней какъ можно плотнѣе къ нему, чтобы оттереть меня отъ него или оборонить отъ меня. Вообще, не знаю, что такое они хотѣли, но во всякомъ случаѣ что-то противное и глупое.

«Я осадилъ своего коня и, поровнявшись съ тѣмъ горцемъ, который доставалъ медъ, поѣхалъ съ нимъ рядомъ.

«Только здѣсь, теперь, въ безмолвномъ сосѣдствѣ этого отважнаго дикаря, я почувствовалъ, какъ я самъ былъ потрясенъ и взволнованъ. Съ нимъ мнѣ было несравненно пріятнѣе, чѣмъ въ важной свитѣ, составленной изъ людей, которые сдѣлались мнѣ до того непріятны, что я не хотѣлъ дышать съ ними однимъ воздухомъ и рѣшился на первой же остановкѣ распроститься съ герцогомъ и уѣхать въ Испанію или хоть въ Америку»...

— Прекрасно!—перебилъ Макъ.

— Нѣтъ, ты подожди, что будетъ еще далѣе!—вставилъ Пикъ.

— Я всему предпочелъ бы, чтобы онъ сдержалъ это намѣреніе и этимъ кончилъ.

— Нѣтъ, ты услышишь!

Другіе вскричали:

— Да ну васъ къ чорту съ вашими переговорами! Письмо гораздо интереснѣе, чѣмъ ваши реплики!.. Читай, Пикъ. читай!

Пикъ продолжалъ чтеніе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

«Я былъ очень золъ на себя, что предпринялъ это путешествіе съ герцогомъ, на котораго, признаться сказать вамъ, я однако, не питалъ ни гнѣва, ни злобы. Все это у меня ушло почему-то на долю его окружающихъ. Настроеніе было препротивное: всѣ молчали. Такъ мы доѣхали до ночлега, гдѣ намъ было приготовлено сносное для здѣшней дикой страны помѣщеніе. Всѣ имѣли лица съ самымъ натянутымъ, а нѣкоторые съ смѣшнымъ и даже съ жалкимъ выраженіемъ. Если бы я не былъ очень недоволенъ собою, то я всего охотнѣе занялся бы занесеніемъ въ мой альбомъ этихъ лицъ, разсматривая которыя всякій порядочный человѣкъ, навѣрное, сказалъ бы: «вотъ та компанія, въ которой не пожелаешь себя увидѣть въ серьезную минуту жизни!» Но мнѣ было не до того, чтобы ихъ срисовывать. Притомъ же, это было бы уже крайне грубо. Я теперь имѣлъ твердое намѣреніе немедленно же отстать отъ нихъ и ѣхать въ Америку.

«Не понижая своего тона и способа держаться, я не старался и скрывать своего раздраженія, — я отдалился отъ компаніи и не хотѣлъ ни ѣсть, ни спать подъ одною съ ними кровлей. Я отошелъ въ сторону и легъ на травѣ надъ откосомъ и вдругъ захотѣлъ спать. Этимъ въ моей счастливой организаціи обыкновенно выражается кризисъ моихъ волненій: я хочу спать и сплю, и во снѣ мои досажденія проходятъ или, по крайней мѣрѣ, смягчаются и представляются мнѣ послѣ въ болѣе сносномъ видѣ. Но я не успѣлъ разоспаться, какъ кто-то тронулъ меня за плечо; я открылъ глаза и увидалъ герцога, который сидѣлъ тутъ же, возлѣ меня, на травѣ и, не дозволяя мнѣ встать, сказалъ:

«— Простите меня, что я васъ разбудилъ. Я не ожидалъ, чтобы вы такъ скоро уснули, а я отыскалъ васъ и хочу съ вами говорить.

«И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ сталъ горячо извиняться въ своей запальчивости. На меня это страшно по-

дѣйствовало и я старался его успокоить; но онъ съ негодованіемъ говорилъ о своей «проклятой привычкѣ» не удерживаться и о ничтожествѣ характеровъ окружающихъ его людей. Онъ былъ такъ искренъ и такъ уменъ и милъ, что я забылъ ему все непріятное и зашелъ въ своемъ порывѣ дальше, чѣмъ думалъ. Можетъ-быть, я сдѣлалъ большую глупость, но это уже непоправимо. Я, навѣрное, удивлю васъ. Да! узнайте же, мои друзья, что я себѣ намѣтилъ мѣсто, и теперь пришѣло время выслать мнѣ мои вещи, но не на мое имя, а на имя герцога, такъ какъ я, *какъ другъ его*, отправляюсь съ нимъ въ его страну... Да, мои друзья, да, я называю его «другомъ» и ѣду къ нему. Это рѣшено и не можетъ быть перемѣнено, а рѣшено это тутъ же, на этомъ ночлегѣ, среди дикихъ скалъ, капающихъ дикимъ медомъ. Не я просился къ нему и набивался съ моею дружбой, а *онъ* просилъ меня «не оставлять его» и ѣхать съ нимъ въ его страну, гдѣ я встрѣчу для себя большое поприще и, конечно, окажу услуги искусству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ему. Герцогъ — испорченная, но крупная натура, и я хочу быть полезенъ *ему;* его стала любить моя душа за его искренніе порывы, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ благородствѣ его природы, испорченной болѣе всего раболѣпною и льстивою средой. Я могу внести и, конечно, внесу въ эту среду иное. А кстати еще объ этой природѣ и объ этой средѣ. Среда эта удивительна и вамъ трудно составить себѣ о ней живое понятіе. Я уже писалъ вамъ, какъ послѣ исторіи съ медомъ на кинжалѣ эти люди смѣшно отъ меня удалялись; но они еще смѣшнѣе опять со мною сблизились: это случилось за ужиномъ, къ которому *онъ* подвелъ меня подъ руку, а потомъ вскорѣ сказалъ:

«— Удивительно, какъ сильно вліяетъ на человѣка такой грубый приборъ, какъ его желудокъ: усталость и голодъ въ теченіе знойнаго дня довели меня до несправедливости передъ нашимъ художественнымъ другомъ, а теперь, когда я сытъ и отдохнулъ, я ощущаю полное счастье оттого, что умѣлъ заставить себя просить у него извиненія.

«Это произвело на всѣхъ дѣйствіе магическое, а когда герцогъ добавилъ, что онъ увѣренъ, что кто любитъ его, тотъ будетъ любить и меня, то усиліямъ показать мнѣ любовь не стало предѣла: всѣ лица на меня просіяли и всѣ сердца, казалось, хотѣли выпрыгнуть ко мнѣ на тарелку и смѣшаться съ маленькими кусками особливымъ способомъ приготовленной молодой баранины. Мнѣ говорили:

«— Не тужите о родинѣ, которая васъ отвергла! У насъ будетъ одинъ отецъ и одна родина, и мы всѣ будемъ любить васъ, какъ брата!

«Все это у нихъ дѣлается такъ примитивно и такъ просто, что не можетъ быть названо хитростью и неспособно обмануть никого насчетъ ихъ характеровъ, и мнѣ кажется, что я буду жить, по крайней мѣрѣ, съ самыми безхитростными людьми въ цѣломъ свѣтѣ».

Письмо кончалось лаконическою припиской, что слѣдующія извѣстія будутъ присланы уже изъ владѣній герцога. И Пикъ, дочитавъ листъ, сталъ его многозначительно складывать и спросилъ Мака:

— Ну, какъ тебѣ это нравится?

— Недурно для начала, — процѣдилъ неохотно Макъ и сейчасъ же добавилъ, что это напоминаетъ ему разсказъ объ одномъ безпечномъ туркѣ.

— Какомъ туркѣ?—переспросилъ Пикъ.

— Котораго однажды его падишахъ велѣлъ посадить на колъ.

— Я ничего не понимаю.

— Все дѣло въ томъ, что когда этого турка посадили на колъ, онъ сказалъ: «это недурно для начала» и сталъ опускаться.

— Что же тутъ сходнаго съ положеніемъ нашего товарища?

— Фебуфисъ сѣлъ на колъ и опускается.

— Ты отвратительно золъ, Макъ!

— Нѣтъ, я не золъ.

— Ну, завистливъ.

— Еще выдумай глупость!

— Тебѣ это письмо не нравится?

— Не нравится.

— Что же именно тебѣ въ немъ не нравится: медъ, кинжалъ, сцена у скалъ, сцена съ альбомомъ?

— Мнѣ не нравится сцена съ желудкомъ!

— То-есть?

— Я не люблю положеній, въ которыхъ человѣкъ можетъ чувствовать себя въ зависимости отъ расположенія желудка другого человѣка.

— Ну, вотъ!

— Да, и въ особенности гадко зависѣть отъ расположенія желудка такого человѣка, по гримасамъ котораго къ тебѣ считаютъ долгомъ оборачиваться лицомъ или спиною другіе. Согласясь жить съ ними, Фебуфисъ сѣлъ на колъ, и тотъ, кто сталъ бы ему завидовать, былъ бы слѣпой и глупый человѣкъ.

— Ты, кажется, назвалъ меня глупцомъ?

Макъ посмотрѣлъ на него и замѣтилъ:

— Кажется, ты ко мнѣ хочешь придраться?

— А еслибы и такъ.

Макъ промолчалъ.

— Ты, навѣрное, желаешь этимъ пренебречь.

Макъ молча повелъ плечами и хотѣлъ встать.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?—приставалъ къ нему Пикъ, слегка заграждая ему путь рукой.

Макъ тихо отвелъ его руку; но Пикъ сталъ ему на дорогѣ и, покраснѣвъ въ лицѣ, настоятельно сказалъ:

— Нѣтъ, ты не долженъ отсюда уходить!

— Отчего я не могу уходить?

— Я вызываю тебя на дуэль!

Макъ улыбнулся.

— За что на дуэль?—сказалъ онъ, тихо поднимая себѣ на плечо свою альмавиву.

— За все!.. за то, что ты мнѣ надоѣдалъ своими на-

смѣшками; за то, что ты изъ̀ваешься надъ отсутствующимъ товарищемъ, который... котораго... которому...

— Распутайся и скажи ясно...

— Мнѣ все ясно... который поднимаетъ имя и положеніе художника, котораго я люблю и хочу защищать, потому что онъ самъ здѣсь отсутствуетъ, и которому ты... которому ты, Макъ, положительно завидуешь.

— Теперь ты, въ самомъ дѣлѣ, глупъ.

— Что же съ этимъ дѣлать?

— Не знаю, но я ухожу.

— Уходишь?

— Да.

— Такъ ты трусъ, и, вотъ тебѣ оскорбленіе!—и съ этимъ Пикъ бросилъ Маку въ лицо бутылочную пробку.

Макъ поблѣднѣлъ, и схвативъ Пика за шиворотъ, поднялъ его къ открытому окну на улицу и сказалъ:

— Ты можешь видѣть. что мнѣ ничего не стоитъ вышвырнуть тебя на мостовую, но...

— Нѣтъ, идемъ сейчасъ въ фехтовальный залъ.

— Но вѣдь это глупо!

— Нѣтъ, идемъ! Я тебя зову... я требую тебя въ фехтовальный залъ!—кричалъ Пикъ.

— Хорошо, дѣлать нечего, идемъ. Но ты знаешь что?

— Что?

— Я тамъ непремѣнно обрублю тебѣ носъ.

Пикъ отъ бѣшенства не могъ даже отвѣтить, а черезъ часъ друзья, бывшіе въ залѣ свидѣтелями неосторожнаго фехтовальнаго урока, уводили его подъ руки, и Пикъ, въ самомъ дѣлѣ, держалъ носовой платокъ у своего носа. Макъ въ точности сдержалъ свое обѣщаніе и отрѣзалъ рапирой у Пика самый кончикъ носа, но не такой, какъ рѣжутъ дикарп, надѣвающіе носы на вздержку, а только самый маленькій кончикъ, какъ самая маленькая золотая монета папскаго чекана.

Честь обоихъ художниковъ была удовлетворена, какъ требовали ихъ понятія, и все это повело къ неожиданнымъ

и прекраснымъ послѣдствіямъ. О событіи съ носомъ Пика никто не сообщалъ Фебуфису; но отъ него въ непродолжительномъ же времени было получено письмо, въ которомъ, къ общему удивленію, встрѣтилось и упоминаніе о носѣ. Въ этомъ письмѣ Фебуфисъ уже описывалъ столицу своего покровителя. Онъ очень сдержанно говорилъ о ея климатѣ и населеніи, не распространялся и объ условіяхъ жизни, но зато очень много и напыщенно сообщалъ объ открытой ему дѣятельности и о своихъ широкихъ планахъ.

Это должно было выражать и обхватывать что-то необъятное и свѣтлое какъ въ прямомъ, такъ и въ иносказательномъ смыслѣ: чувствовалось, что въ головѣ у Фебуфиса какъ будто распустилъ хвостъ очень большой павлинъ, и художникъ уже положительно мечталъ направлять герцога и при его посредствѣ развить вкусъ въ его подданныхъ и быть для нихъ благодѣтелемъ: «расписать ихъ небо».

Ему были нужны помощники, и онъ звалъ къ себѣ товарищей. Онъ звалъ всѣхъ, кто не совсѣмъ доволенъ своимъ положеніемъ и хочетъ болѣе широкой дѣятельности (деньги на дорогу можно безъ всякихъ хлопотъ получать отъ герцогова представителя въ Римѣ).

Особенно онъ рекомендовалъ это для Пика, про котораго онъ какимъ-то удивительнымъ образомъ узналъ его исторію *съ носомъ* и имѣлъ слабость разсказать о ней герцогу (герцога все интересуетъ въ художественномъ мірѣ). Правда, что носъ заставилъ его немного посмѣяться, но зато самый характеръ добраго Пика очень расположилъ герцога въ его пользу. При этомъ Фебуфисъ присовокуплялъ, что для него самого пріѣздъ Пика былъ бы очень большимъ счастіемъ, «потому что, какъ ему ни хорошо на чужбинѣ, но есть минуты...»

Пикъ скомкалъ письмо и вскрикнулъ:

— Вотъ это и есть самое главное! Я его узнаю и понимаю: какъ ему тамъ ни хорошо, но, тѣмъ не менѣе, онъ чувствуетъ, что «есть минуты»,—я понимаю эти минуты...

Это,—когда человѣку нужна родная, вполнѣ его понимающая душа... Я ему благодаренъ, что онъ въ этихъ размышленіяхъ вспомнилъ обо мнѣ, и я къ нему ѣду.

Пику совѣтовали хорошенько подумать; но онъ отвѣчалъ, что ему не о чемъ думать.

— По крайней мѣрѣ, дай хорошенько зажить твоему носу.

Онъ вздохнулъ и отвѣчалъ:

— Да, хотя Макъ и оскоблилъ мнѣ кончикъ носа, и мнѣ непріятно, что мы съ нимъ въ ссорѣ, но я съ нимъ помирюсь передъ отъѣздомъ, и онъ, навѣрное, скажетъ, что мнѣ тамъ приставятъ носъ.

Затѣмъ Пикъ безъ дальнѣйшихъ размышленій сталъ собираться, и прежде чѣмъ успѣлъ окончить свои несложные сборы, какъ предупредительно получилъ сумму денегъ на путешествіе.

Этимъ послѣднимъ вниманіемъ Пикъ былъ такъ растроганъ, что «хотѣлъ обнять міръ», и началъ это съ Мака.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Онъ побѣжалъ къ Маку, кинулся ему на шею и заговорилъ со слезами:

— Что же это, милый Макъ, неужто мы все будемъ въ ссорѣ? Я пришелъ къ тебѣ, чтобы помириться съ тобою и прижать тебя къ моему сердцу.

— Радъ и я, и отвѣчаю тебѣ тѣмъ же.

— Вѣдь я люблю тебя попрежнему.

— И я тоже тебя люблю.

— Ты такъ жестокъ, что не хотѣлъ сдѣлать ко мнѣ шага, но все равно: я самъ сдѣлалъ этотъ шагъ. Для меня это даже отраднѣе. Не правда ли? Я бѣгомъ бѣжалъ къ тебѣ, чтобы сказать тебѣ, что... тамъ... далеко... куда я ѣду...

— Ахъ, Пикъ, для чего ты туда ѣдешь?

— Между прочимъ, для того, чтобы ты могъ шутить, что мнѣ тамъ приставятъ носъ.

— Я вовсе не хочу теперь шутить и самымъ серьезнымъ образомъ тебя спрашиваю: зачѣмъ ты ѣдешь?

— Это немудрено понять: я ѣду, чтобы жить вмѣстѣ съ нашимъ другомъ Фебуфисомъ и съ нимъ вмѣстѣ совершить службу искусству и вообще высокимъ идеямъ. Но ты опять улыбаешься. Не отрицай этого, я подстерегъ твою улыбку.

— Я улыбаюсь потому, что, во-первыхъ, не вѣрю въ возможность служить высокимъ идеямъ, состоя на службѣ у герцоговъ...

— А во-вторыхъ?.. Говори, говори все откровенно!

— Во-вторыхъ, я ни тебя, ни твоего тамошняго друга не считаю способными служить такимъ идеямъ.

— Прекрасно! Благодарю за откровенность, благодарю! лепеталъ Никъ,—и даже не спорю съ тобою: здѣсь мы не велики птицы, но тамъ...

— Тамъ вы будете еще менѣе, и я боюсь, что васъ тамъ ощиплютъ и слопаютъ.

— Почему?

— О, чортъ возьми, — еще почему? Ну, потому, что у тамошнихъ птицъ и носы, и перья,—все здоровѣе вашего.

— Грубая сила немного значитъ.

— Ты думаешь?

— Я увѣренъ.

— Дитя! А я тебѣ говорю: ощиплютъ и слопаютъ. Это не можетъ быть иначе: грачъ и ворона всегда разорвутъ мягкоклювую птичку, и вдобавокъ еще эта ваша разнузданная художественность... Вамъ ли перевернуть людей упрямыхъ и крѣпкихъ въ своемъ невѣжествѣ, когда вы сами ежеминутно готовы свернуться на всѣ стороны!

— Я прошу тебя, Макъ, не разбивай меня: я рѣшился.

— Ты просишь, чтобы я замолчалъ?

— Да.

— Хорошо, я молчу.

— А теперь еще одна просьба: ты не богатъ и я не богатъ... мы оба равны въ томъ отношеніи, что оба бѣдны...

— Это и прекрасно, зато до сихъ поръ мы оба были свободны и никому ничѣмъ не обязаны.

— Не обязаны!.. Ага! Тутъ опять есть шпилька: хорошо, я ее чувствую... Ты и останешься свободнымъ; но я теперь уже не свободенъ, — я обязанъ, я взялъ деньги и обязанъ тому, кто мнѣ далъ эти деньги, но я ихъ заработаю и отдамъ.

— Да; по крайней мѣрѣ, не забывай объ этомъ и поспѣши отдать долгъ какъ можно скорѣе.

— Я тебѣ даю мое слово: я буду спѣшить. Фебуфисъ пишетъ, что тамъ много дѣла.

— Какого?.. «Расписывать небо», или писать баталіи, или голыхъ женщинъ на зеркалахъ въ чертогахъ герцога?

— Ну, все равно, ты всегда найдешь, чѣмъ огорчить меня и надъ чѣмъ посмѣяться; но я къ тебѣ съ такою просьбой, въ которой ты мнѣ не долженъ отказать при разлукѣ.

— Пожалуйста, говори ее скорѣе.

— Нѣтъ, ты дай прежде слово, что ты мнѣ не откажешь.

— Я не могу дать такого слова.

— Видишь, какъ ты упрямъ.

— Это не упрямство: нельзя давать словъ и обѣщаній, не зная, въ чемъ дѣло.

— Ты, какъ художникъ, любишь славу?

— Любилъ.

— А теперь развѣ уже не любишь?

— Теперь не люблю.

— Что же это значитъ?

— Это значитъ, что я узналъ нѣчто лучшее, чѣмъ слава.

— И любишь теперь это «нѣчто» лучшее болѣе, чѣмъ извѣстность и славу?.. Прекрасно! Я понимаю, о чемъ ты говоришь: это все про народныя страданія и прочее, въ чемъ ты согласенъ съ Джузепе... А знаешь, есть мнѣніе... Ты не обидишься?

— Бываютъ всякія мнѣнія.

— Говорятъ, что онъ авантюристъ.

— Это кто?

— Твой этотъ Гарибальди; но я знаю, что ты его любишь, и не буду его разбирать.

Макъ въ это время тщательно обминалъ рукой стеариновый оплывъ около свѣтильни горѣвшей передъ ними свѣчи и ничего не отвѣтилъ. Пикъ продолжалъ:

— Я не понимаю только, какъ это честный человѣкъ можетъ желать и добиваться себѣ полной свободы дѣйствій и отрицать такое же право за другими? Если хочешь вредить другимъ, то не надо сердиться и на нихъ, когда они защищаются и тоже тебѣ вредятъ...

— Говори о чемъ-нибудь другомъ!—произнесъ Макъ.

— Да, да; правда: это не въ твоемъ родѣ и ты уже сердишься, а я все это вилю оттого, что боюсь сказать тебѣ прямо: мнѣ прислали на дорогу денегъ.

— Поздравляю.

— И я нахожу, что мнѣ много присланныхъ денегъ... Макъ, осчастливь меня: возьми себѣ изъ нихъ половину, чтобы имѣть возможность написать свою большую картину.

— Отойди, сатана!—отвѣчалъ Макъ, шутливо отстраняя отъ себя Пика, который вдругъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ и сталъ совать ему деньги.

— Возьми!.. Умоляю!—приставалъ Пикъ.

— Ну, перестань, оставь это.

— Отчего же? Неужто тебѣ весь вѣкъ все откладывать произведеніе, которое сдѣлаетъ тебя славнымъ въ мірѣ, и мазикать на скорую руку для продажи твои маленькіе жанры?

— Я не вижу въ этомъ ни малѣйшаго горя: мои маленькіе жанры дѣлаютъ дѣло, которое лучше самой большой картины.

— Ну, мой другъ, что обольщаться напрасно!

— Я не обольщаюсь.

— Посмотри, сколько твоихъ жанровъ висятъ по тавернамъ: ихъ и не видитъ лучшее общество.

— Лучшее общество! А чортъ его побери, это лучшее

общество! Оно для меня ничего не дѣлаетъ, а мои жанры меня кормятъ и шевелятъ кое-чью совѣсть. Особенно радуюсь, что они есть по тавернамъ. Нѣтъ, мнѣ чужихъ денегъ не нужно, а если у тебя такъ много денегъ, что онѣ тебѣ въ тягость, то толкнись въ домикъ къ Марцеллѣ и спроси, нѣтъ ли ей въ нихъ надобности.

— Марцелла! Ахъ, добрый Макъ, это правда. Я ему, однако, напомню о ней... я заставлю его о ней подумать...

— Нѣтъ, не напоминай! Найдется такой, который напомнитъ! Пойдемъ въ таверну и будемъ лучше пить на прощанье. Ни о чемъ грустномъ больше ни слова.

Друзья надѣли шляпы и пошли въ таверну, гдѣ собрались ихъ другіе товарищи и всю ночь шло пированье, а на другой день Пика усадили въ почтовую карету и проводили опять до той же станціи, до которой провожали Фебуфиса. Карета умчалась, и Пикъ подъ звукъ почтальонскаго рожка прокричалъ друзьямъ послѣднее обѣщаніе: «писать все и обо всемъ», но сдержалъ свое обѣщаніе только отчасти, и то въ теченіе очень непродолжительнаго времени.

Макъ видѣлъ въ этомъ дурной признакъ: наивный, но честный и прямодушный Пикъ, безъ сомнѣнія, въ чемъ-нибудь былъ серьезно разочарованъ, и, не умѣя лгать, онъ молчалъ. Спустя нѣкоторое время, однако, Пикъ началъ писать, и письма его, въ одно и то же время, подкрѣпляли подозрѣнія Мака и приносили вѣсти сколько интересныя, столько же и забавныя.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Для начала онъ, разумѣется, описывалъ въ нихъ только свою встрѣчу съ Фебуфисомъ и какъ они оба въ первую же ночь «напились по-старинному, вспоминая всѣхъ далекихъ, оставшихся въ Римѣ друзей», а потомъ писалъ о столицѣ герцога, о ея дорого стоящихъ, но не очень важныхъ по монтировкѣ музеяхъ, о состояніи искусства о его

техникѣ и направленіи и о предъявляемыхъ къ нему здѣсь требованіяхъ. Все это, въ настоящемъ художественномъ смыслѣ, для людей понимающихъ дѣло было жалко и ничтожно; но затѣмъ содержаніе писемъ измѣнялось и Пикъ скоро забредилъ о женщинахъ. Онъ неустанно распространялся о женщинахъ, въ изученіи которыхъ вдругъ обнаружилъ поразившіе Мака разносторонніе успѣхи. По его описаніямъ выходило, что въ этой странѣ всего лучше женщины. Особенно онъ превозносилъ ихъ милую женственность и ихъ удивительную скромность. «Самый амуръ здѣсь совершаетъ свой полетъ не иначе, какъ благословясь и въ тихомъ безмолвіи, на безшумныхъ крылышкахъ, — писалъ Пикъ. — Кто чувствуетъ склонность къ семейной жизни и желаетъ выбрать себѣ вѣрную и достойную подругу, тотъ долженъ ѣхать сюда и здѣсь онъ, навѣрное, найдетъ ее. Самъ герцогъ — образцовый супругъ и, любя семейную жизнь, онъ покровительствуетъ бракамъ. Это даетъ патріархальный тонъ и направленіе жизни. Случается, что герцогъ самъ даже бываетъ сватомъ и послѣ заботится о новобрачныхъ, которыхъ устроилъ. Дѣвушки въ хорошихъ семействахъ здѣсь такъ тщательно оберегаются отъ всего, что можетъ вредить ихъ цѣломудрію, что иногда не знаютъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, — словомъ, онѣ наивны и милы, какъ дѣти. Очень скромны и взрослыя. Такова жизнь. Что̀ вездѣ считается вполнѣ позволительнымъ, какъ, напримѣръ, обѣдать въ ресторанахъ или ходить и ѣздить одной женщинѣ по городу,—здѣсь все это почитаютъ за неприличіе. Ни одной сколько-нибудь порядочной женщины не встрѣтишь въ наемномъ экипажѣ и не увидишь въ самомъ лучшемъ ресторанѣ. Еслибы женщина пренебрегла этимъ, то ее сочли бы падшею и передъ нею не только закрылись бы навсегда всѣ двери знакомыхъ домовъ, но и мужчины изъ прежнихъ знакомыхъ позволили бы себѣ съ нею раскланяться развѣ только въ густыя сумерки. О дѣвушкахъ нечего и говорить: онѣ подъ постоянною опекой. Я часто сравни-

ваю все это съ тѣмъ, что видѣлъ раньше среди римлянокъ и наѣзжихъ въ вашъ «вѣчный городъ» иностранокъ, и мнѣ здѣсь и странно, и нравится, я чувствую себя тутъ точно въ дѣвственномъ лѣсу, гдѣ все свѣжо, полно силъ и... странная вещь! — но я вспоминаю тебя, Макъ, и начинаю размышлять соціально и политически. А почему? А вотъ почему: ты все любишь размышлять объ упадкѣ нравовъ и объ общихъ бѣдствіяхъ и ищешь отъ нихъ спасенія... Ахъ, другъ! можетъ быть, спасеніе-то именно здѣсь, гдѣ стоитъ волѣ захотѣть, чтобы что-нибудь сдѣлалось, и оно сейчасъ же становится возможнымъ, а не захотѣть — все станетъ невозможно? И все это оттого, что жизнь удержана въ удобной формѣ».

Дочитавъ письмо до этого мѣста, Макъ положилъ листокъ и сталъ собирать на него мастихиномъ загустѣвшія на палитрѣ краски. Соображенія Пика его болѣе не интересовали, а на вопросы товарищей о томъ, что пишетъ Пикъ, онъ отвѣчалъ:

— Пикъ пишетъ, что онъ живетъ въ такомъ любопытномъ городѣ, гдѣ женщины цѣломудренны до того, что не знаютъ, отчего у нихъ рождаются дѣти.

— Вотъ такъ разъ!

— Что же? Этимъ вѣдь, пожалуй, можно быть довольнымъ, замѣтили другіе и стали дѣлать по этому случаю различныя предположенія.

— Да, отвѣчалъ Макъ, — и онъ этимъ очень доволенъ.

— По-моему, онъ тамъ можетъ неожиданно и скоро жениться.

— А отчего и нѣтъ, если тамъ это выгодно?

— Въ такихъ мѣстахъ что больше и дѣлать! заключилъ Макъ: — или учиться, или жениться. Учиться трудно — жениться занятнѣе.

На письмо же то, о которое Макъ вытеръ свой мастихинъ, онъ вовсе не отвѣчалъ Пику, но, вспоминая иногда о пріятелѣ, въ самомъ дѣлѣ, думалъ, что онъ можетъ жениться.

— Отчего, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ? Вѣдь несомнѣнно, что есть такой сортъ дѣятелей, которые прежде начала исполненія всякихъ своихъ плановъ надѣваютъ себѣ на шею эту расписанную колодку. Почему же не сдѣлать этого и Пику: или даже они оба тамъ съ этого начнутъ и, пожалуй, на этомъ и кончатъ.

И подозрѣніе еще усиливалось тѣмъ, что въ новомъ письмѣ Пикъ писалъ уже не о женщинахъ вообще, а особенно объ одной избранницѣ, которую онъ въ шаловливомъ восторгѣ называлъ именемъ старинной повѣсти: «*Прелестная Пеллегрина или несравненная жемчужина*». Онъ о ней много разсказывалъ. Макъ долженъ былъ узнать изъ этого письма, что «прелестная Пеллегрина» была дочь заслуженнаго воина, покрытаго самыми почтенными сѣдинами, ранами и орденами. Пеллегрина получила отъ природы милое, исполненное невинности лицо, осѣненное золотыми кудрями, а герцогъ далъ ей за заслуги отца на свой счетъ самое лучшее образованіе въ монастырѣ, укрывавшемъ ее отъ всякихъ соблазновъ во всѣ годы отрочества. Пикъ увидалъ ее первый разъ на выпускномъ экзаменѣ, гдѣ она пѣла, какъ Пери, одѣтая въ бѣлое платье, и, рыдая, прощалась съ подругами дѣтства, а потомъ произошла вторая, повидимому, очень значительная встрѣча на лѣтнемъ праздникѣ въ загородномъ герцогскомъ замкѣ, гдѣ Пеллегрина въ скромномъ уборѣ страдала отъ надменности богато-убранныхъ подругъ, которыя какъ только переодѣлись дома, такъ и перемѣнились другъ къ другу. Тутъ зато Пеллегрина показала умъ и характеръ: она все видѣла и поняла, но совсѣмъ не дала замѣтить, что страдаетъ отъ окружающей кичливости, и тѣмъ до того заинтересовала маленькаго Пика, что онъ познакомился съ ихъ домомъ и сталъ здѣсь какъ родственникъ. Онъ то играетъ въ шахматы съ воиномъ, покрытымъ сѣдинами, то ходитъ по лѣсамъ и полямъ съ Пеллегриною. Отецъ Пеллегрины, добродушный простякъ, безконечно ему вѣритъ и только посылаетъ съ ними заслуженную и вѣрную служанку (онъ самъ давно вдовъ и на войнѣ храбръ, но

дома, въ нѣдрахъ своего семейства, кротче агнца). Впрочемъ, Пикъ и Пеллегрина пока только собираютъ бабочекъ и букашекъ, при чемъ наивность Пеллегрины доходитъ до того, что она иногда говоритъ Пику: «Послушайте, вы художникъ, посмотрите, пожалуйста,—вы должны знать—это буканъ или букашка?»

Макъ не сталъ отвѣчать и на это письмо, а затѣмъ отъ Пика пришелъ только листочекъ съ описаніемъ маскарадовъ, которые ему казались верхомъ жизненнаго великолѣпія, и съ возвѣщеніемъ о большомъ путешествіи, которое онъ и Фебуфисъ намѣревались сдѣлать лѣтомъ съ художественною цѣлью внутрь страны. На томъ переписка друзей оборвалась.

Въ Римѣ если не совсѣмъ позабыли о Фебуфисѣ и о Пикѣ, то, во всякомъ случаѣ, къ нимъ охладѣли и весь случай съ Фебуфисомъ вспоминали какъ странность, какъ капризъ или аристократическую прихоть герцога.

— Въ самомъ дѣлѣ, для чего этому отдаленному властителю Фебуфисъ? Чего онъ съ нимъ возится? Неужто онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ страстно любитъ искусство, или онъ не видалъ лучшаго художника? Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ сначала капризъ и желаніе сдѣлать колкость чернымъ королямъ Рима? Неужто, въ самомъ дѣлѣ, въ XIX вѣкѣ станутъ повторяться Іоаннъ съ Лукой Кранахомъ? Вздоръ! Совсѣмъ не тѣ времена, ничто не можетъ ихъ долго связывать и, безъ сомнѣнія, фаворъ скоро отойдетъ и герцогъ его броситъ.

— А, можетъ быть, его немножко удержитъ трусость.

— Передъ кѣмъ и передъ чѣмъ?

— Передъ талантливымъ художникомъ, который всегда можетъ найти средство отплатить за дурное съ собою обращеніе.

— Какія глупости! какія наивныя, дѣтскія глупости! Что вы о себѣ и о нихъ думаете? Какое это средство? спросилъ Макъ.

— Полотно, на которомъ можно все увѣковѣчить. А Фебуфисъ всегда останется талантомъ.

Макъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Вы дѣти! Повѣрьте, что тому, кому ввѣрилъ себя упоминаемый вами «талантъ», никакой стыдъ не страшенъ. Онъ, я думаю, почелъ бы за стыдъ знать, что̀ такое есть боязнь стыда; а что касается «таланта», то съ нимъ расправа коротка: ничто не помѣшаетъ оставить этотъ талантъ и безъ полотна, и безъ красокъ, и даже безъ Божьяго свѣта. Да и безъ того... этотъ талантъ выцвѣтетъ... Не забывайте, что птицы съ ярко-цвѣтнымъ опереніемъ, перелинявъ разъ въ клѣткѣ, утрачиваютъ свою красивую окраску.

— Но зато онѣ выигрываютъ въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.

— Да, онѣ обыкновенно жирѣютъ, перестаютъ дичиться, утрачиваютъ легкость и подвижность,—вообще становятся, что называется, *ручными*.

Но намъ время оставить теперь этихъ пессимистовъ и оптимистовъ и послѣдовать за Фебуфисомъ и Пикомъ, съ которыми, въ ихъ новой обстановкѣ, произошли событія, имѣвшія для нихъ роковое значеніе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

По прибытіи въ столицу своего покровителя, Фебуфисъ не былъ имъ покинутъ и позабытъ. Напротивъ, онъ тотчасъ же былъ прекрасно устроенъ во всѣхъ отношеніяхъ и не лишался даже знаковъ дружбы и вниманія, которыми пользовался во время путешествія. Конечно, теперь они видѣлись рѣже и бесѣдовали при другихъ условіяхъ, но все-таки положеніе Фебуфиса было прекрасное и возбуждало зависть въ мѣстномъ обществѣ и особенно среди приближенныхъ герцога. Повелитель, котораго боялись и трепетали всѣ его подданные, держалъ себя съ привезеннымъ художникомъ запросто, и Фебуфисъ этой линіи не

портилъ. Къ чести его, онъ значительно измѣнился и, вкусивъ мало меду на кинжалѣ, пообтерся съ себя запесчивости, а держался такъ скромно, какъ этого требовало положеніе. Участіе въ придворной жизни его не тяготило; сначала это ему было любопытно само по себѣ, а потомъ стало интересно и начало втягивать какъ въ пучину... Еще позже это стало ему нравиться... Какъ-никакъ, но это была жизнь: здѣсь все-таки шла безпрестанная борьба и кипѣли страсти и шевелились умы, созидавшіе планы интригъ. Все это похоже на игру живыми шашками и при пустотѣ жизни дѣлаетъ интересъ. Фебуфисъ сталъ чувствовать этотъ интересъ.

Такою вовсе не разсчитанною и не умышленною перемѣной въ своемъ поведеніи Фебуфисъ чрезвычайно утѣшилъ своего покровителя, и герцогъ сталъ изливать на него еще большія милости. Художнику дали отличное помѣщеніе, усвоили ему почетное званіе и учредили для него особенную должность съ большимъ содержаніемъ и съ подчиненіемъ ему прямымъ или косвеннымъ образомъ всѣхъ художественныхъ учрежденій. Положеніе Фебуфиса, въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто готовилось напоминать нѣкоторымъ образомъ положеніе Луки Кранаха. Правда, не всѣ смотрѣли на это серьезно, но, по мнѣнію многихъ, Фебуфисъ будто могъ уже оказывать вліяніе на отношенія своего могущественнаго протектора къ людямъ разнообразныхъ положеній, и у него явились ласкатели и искатели. Когда герцогъ посѣщалъ его мастерскую, онъ, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ не объ одномъ искусствѣ, а и о многомъ другомъ, о чемъ не всѣ смѣли надѣяться имѣть съ нимъ бесѣды. Человѣка съ такимъ положеніемъ привѣчали лица, занимающія самыя высокія и почетныя должности. Фебуфисъ быстро очутился въ такъ-называемомъ лучшемъ обществѣ и здѣсь тоже держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Для пріобрѣтенія вѣса и значенія въ этомъ обществѣ ему не нужно было употреблять никакихъ усилій, все давалось ему даромъ, но все это ему скоро прискучило. Герцогъ тот-

часъ замѣтилъ это и сказалъ ему: «ты не въ своей компаніи»—и предложилъ ему выписать къ себѣ кого-нибудь изъ его римскихъ друзей, при чемъ самъ же и назвалъ Пика.

Пикъ, сколь извѣстно, былъ выписанъ и представленъ герцогу, но онъ ему не понравился,—герцогъ нашелъ, что «онъ очень смѣшонъ», и велѣлъ назначить его преподавателемъ искусствъ въ избранномъ воспитательномъ женскомъ заведеніи, что и погубило Пика, сблизивъ его съ златокудрою дочерью покрытаго сѣдинами воина.

Съ прибытіемъ Пика Фебуфису стало веселѣе; они работали и понемножку предавались кутежамъ, въ которыхъ, впрочемъ, находили здѣсь только хмѣльной чадъ, но не веселье. Оба они чувствовали себя здѣсь не по себѣ и оба другъ отъ друга это скрывали. Иногда они собирались оказать какое-то большое вліяніе на что-то въ искусствѣ, но всякій разъ это кончалось ничѣмъ. Обо всемъ надо спрашиваться у герцога, а онъ не любилъ не имъ задуманныхъ перемѣнъ. Фебуфисъ скоро понялъ, что шнурокъ, на которомъ онъ ходитъ, довольно коротокъ, а Пикъ въ предѣлахъ своей дѣятельности попробовалъ быть смѣлѣе: онъ далъ дѣвицамъ рисовать торсы, вмѣсто рыцарей въ шлемахъ, и за это, совершенно для него неожиданно, былъ посаженъ на военную гауптвахту «безъ объясненій» Это его такъ обидѣло, что онъ тотчасъ же хотѣлъ бросить все и уѣхать въ Римъ; но, вмѣсто того, отечески прощенный герцогомъ, тоже «безъ объясненій», почелъ эту непріятность за неважное и остался.

— Что дѣлать, если это здѣсь бываетъ со всѣми!

Работать друзья могли только по заказамъ герцога, и онъ же былъ и цѣнителемъ ихъ произведеній. Въ искусствѣ все зависѣло онъ него, какъ и во всемъ прочемъ: онъ осматривалъ всѣ произведенія учениковъ съ мѣломъ въ рукѣ и писалъ своею рукой на картинѣ свое безапелляціонное рѣшеніе. Фебуфисъ—ихъ главный руководитель—при этомъ только стоялъ и молчалъ. Пикъ говорилъ ему: «Для чего

ты не возразишь»?—но тотъ не возражалъ. Безъ сомнѣнія, онъ понималъ, что находится здѣсь только для вида и для парада. Программы допускались только старыя, совсѣмъ не отвѣчавшія новымъ живымъ стремленіямъ, обозначавшимся уже въ другихъ европейскихъ школахъ. Въ Римѣ слышали объ этомъ «академизмѣ» и смѣялись надъ нимъ. Фебуфису, по настоящему, надо было сознаться, что его положеніе несносно, и уйти отъ него; но въ немъ жила фальшивая гордость: онъ не хотѣлъ быть синицею, которая летала нагрѣвать шиломъ море. Онъ рѣшался лучше кое-что перенести и пошелъ по этой дорогѣ уступокъ, чувствуя, что она вьется куда-то, все понижаясь, подъ гору, но раздражительно отрицалъ это, коль скоро то же самое замѣчали другіе. Въ такихъ бореніяхъ ему былъ тяжекъ и Пикъ и еще болѣе нѣкоторые умные люди изъ мѣстныхъ, и особенно главный начальникъ внутренняго управленія, по фамиліи Шеръ, который самъ слылъ за художника и, въ самомъ дѣлѣ, разумѣлъ въ искусствѣ больше, чѣмъ герцогъ. Этотъ, какъ его называли, «внутренній Шеръ» былъ уменъ, пьянъ и безстыденъ, и допускалъ со всѣми очень странное, фамильярное обращеніе, близко граничившее съ наглостью. Фебуфиса онъ, повидимому, считалъ ниже, чѣмъ бы тому хотѣлось, и называлъ его «величайшимъ мастеромъ по утвержденному герцогомъ образцу».

Это приводило Фебуфиса въ досаду, но, тѣмъ не менѣе, кличка плотно къ нему пристала.

И директоръ былъ не одинъ, который смотрѣлъ на привезеннаго герцогомъ фаворитнаго артиста, какъ на что-то полусмѣшное, полужалкое, изъ чего, можетъ быть, гдѣ-то, пожалуй, и сдѣлали бы что-нибудь цѣнное, но изъ чего здѣсь ничего выйти не должно и не выйдетъ. Все это, однако, нимало не помѣшало Фебуфису прогремѣть въ странѣ, сдѣлавшейся его новымъ отечествомъ, за величайшаго мастера, который понялъ, что чистое искусство гибнетъ отъ тлетворнаго давленія соціальныхъ тенденцій, и чтобы сохранить святую чашу неприкосновенною, онъ при-

несъ ее и поставилъ къ ногамъ герцога. Герцогъ ее не оттолкнулъ, какъ онъ не отталкиваетъ ничего, что можно спасти. Пріѣзжіе мастера заставляли будто завидовать столицѣ герцога всѣ тѣ страны, гдѣ искусство падало, нисходя до служебной роли гражданскимъ и соціальнымъ идеямъ. И за то они отблагодарятъ герцога,—они въ угоду ему распишутъ небо. Пика это не испортило, потому что, при ограниченности его дарованія, онъ оставался только тѣмъ, чѣмъ былъ; но Фебуфисъ скоро сталъ замѣчать свою отсталость въ виду произведеній художниковъ, трудившихся безъ покровителей, но на свободѣ, и онъ сталъ ревновать ихъ къ славѣ, а самъ поощрялъ въ своей школѣ «непосредственное творчество», изъ котораго, впрочемъ, выходило подъ рядъ все только одно очень посредственное. Общій европейскій восторгъ при появленіи картины Каульбаха «*Сраженіе гунновъ съ римлянами*», наконецъ, былъ нестерпимымъ ударомъ для его самолюбія. Фебуфисъ почувствовалъ, что вотъ пришелъ въ міръ новый великій мастеръ, который повлечетъ за собою послѣдователей въ идейномъ служеніи искусству. Тогда Фебуфисъ рѣшительно сталъ на сторону противоположнаго направленія, а герцогъ это одобрилъ и поручилъ ему «произвести что-нибудь болѣе значительное, чѣмъ картина Каульбаха».

Внутренній Шеръ его расцѣловалъ и сказалъ ему за обѣдомъ въ клубѣ на «ты»:

— Пришло твое время прославиться!

По герцогскому приказу Фебуфисъ началъ записывать огромное полотно, на которомъ хотѣлъ воспроизвести сюжетъ еще болѣе величественный и смѣлый, чѣмъ сюжетъ Каульбаха,—сюжетъ «гдѣ человѣческіе характеры были бы выражены въ борьбѣ съ силой стихіи»,—помѣстивъ тамъ и себя, и другихъ и, вмѣсто пораженія Каульбаху, воспроизвелъ какое-то смѣшеніе псевдо-классицизма съ псевдо-натурализмомъ. Въ Европѣ онъ этимъ не удивилъ никого, но герцогу угодилъ какъ нельзя болѣе.

— Тебѣ это удалось, сказалъ герцогъ,—но всего болѣе

похвально твое усердіе и оно должно быть награждено.

Ему отпустили большія деньги и велѣли газетамъ напечатать ему похвалы. Тѣ сдѣлали свое дѣло. Была попытка поддержать его и въ Римѣ, но она оказалась неудачною и сужденія Рима пришлось презирать.

— Они не хотятъ видѣть ничего, что явилось не у нихъ; чужое ихъ не трогаетъ, объяснялъ герцогу Фебуфисъ.

— Ты это прекрасно говоришь: да, ты имъ чужой.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ сюда...

— Ну, да!.. ты мой!

— Имъ кажется, что я здѣсь переродился

— Это и прекрасно. Ты мой!

— Нѣтъ, они думаютъ, что я все позабылъ...

— Забылъ глупости!

— Нѣтъ,—разучился.

— А вотъ пусть они пріѣдутъ и посмотрятъ. Это все зависть!

— Не одна зависть,—я знаю, что они мнѣ не прощаютъ...

— Что же это такое?

— Измѣну.

— Чему?

— Задачамъ искусства.

Герцогъ сѣлъ на высокій табуретъ противъ мольберта и произнесъ дидактически:

— Задачи искусства—это героизмъ и пастораль, вѣра, семья и мирная буколика, безъ всякаго сованья носа въ общественные вопросы—вотъ ваша область, гдѣ вы цари и можете дѣлать, что хотите. Возможно и историческое, я не отрицаю историческаго; но только съ нашей, вѣрной точки зрѣнія, а не съ ихней. Общественные вопросы искусства не касаются. Художникъ долженъ стоять выше этого. Такіе намъ нужны! Ищи такихъ людей, которые въ этомъ родѣ могутъ быть полезны для искусства, и зови ихъ. Обезпечить ихъ—мое дѣло. Можно будетъ даже дать имъ чины и форму. У меня они могутъ *творить*, ничѣмъ не стѣсняясь,

потому что у меня вѣдь нѣтъ никакихъ тревогъ, ни треволненій. Только трудись. Я хочу, чтобы наша школа сохранила настоящія, чистыя художественныя преданія и дала тонъ всѣмъ прочимъ. Обновить искусство—это наше призваніе.

Фебуфисъ понималъ, что все это несбыточный вздоръ, и ничего не хотѣлъ дѣлать, а, между тѣмъ, изъ-за границы его уязвляла критика. Одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ судей искусства написалъ о немъ, что «во всей его картинѣ достоинъ похвалы только правильный и твердый рисунокъ, но что ея мертвый сюжетъ представляетъ что-то окаменѣвшее, что идея если и есть, то она рутинна и безплодна, ибо она не поднимаетъ выше умъ и не облагораживаетъ чувства зрителя,—она не трогаетъ его души и не стыдитъ его за эгоизмъ и за холодность къ общему страданію. Художникъ будто спалъ гдѣ-то въ какомъ-то заколдованномъ царствѣ и не замѣтилъ, что въ искусствѣ уже началось живое вѣяніе, и здравый умъ просвѣщеннаго человѣка отказывается высоко цѣнить художественныя произведенія, ласкающія одно зрѣніе, не имѣющія возвышающей или порицающей идеи. Теперь, чѣмъ такія бѣдныя смысломъ произведенія совершеннѣе въ своемъ техническомъ исполненіи, тѣмъ они укоризненнѣе и тѣмъ большее негодованіе должны поднимать противъ художника». А потому критикъ рѣшительно не хотѣлъ признать никакихъ замѣчательныхъ достоинствъ въ произведеніи, которымъ Фебуфисъ долженъ былъ прославить свою школу, и, вдобавокъ, унизилъ его тѣмъ, что сталъ объяснять овладѣвшее имъ направленіе его несвободнымъ положеніемъ, всегда зависящимъ отъ страха и фавора; онъ называлъ дальнѣйшее служеніе искусству въ такомъ направленіи «вреднымъ», «ставилъ надъ художникомъ крестъ» и давалъ ему совѣтъ, какъ самое лучшее по степени безвредности, «изображать по-старому голыхъ женщинъ, которыми онъ открылъ себѣ фортуну».

Фебуфисъ былъ страшно уязвленъ этимъ «артиклемъ». Онъ никакъ не ожидалъ видѣть себя смѣщеннымъ и раз-

вѣнчанным такъ скоро и такъ рѣшительно. Онъ ощутилъ въ себѣ неудержимый позывъ дать горделивый отпоръ, въ которомъ не намѣренъ былъ вступаться за свое произведеніе, но хотѣлъ сказать критику, что не онъ можетъ укорять въ несвободности художника за то, что онъ не запрягаетъ свою музу въ ярмо и не заставляетъ ее двигать топчакъ на молотилкѣ; что не имъ, слугамъ посторонних искусству идей, судить о свободѣ, когда они не признаютъ свободы за каждымъ дѣлать что ему угодно; что онъ, Фебуфисъ, не только вольнѣй ихъ, но что онъ совсѣмъ воленъ, какъ птица, и свободенъ даже отъ предразсудка, желающаго запрячь свободное искусство въ плугъ и подчинить музу служенію пользамъ того или другого порядка подъ полицейскимъ надзоромъ деспотической критики. И многое еще въ этомъ же задорно-сконфуженномъ родѣ собралъ Фебуфисъ, не замѣчая, что сквозь каждое слово его отповѣди звучало сознаніе, что онъ на чемъ-то пойманъ и въ спорѣ своемъ желаетъ только возбудить шумиху словъ, чтобы запутать понятія ясныя, какъ солнце. У него кстати оказался и стиль, благодаря чему въ отповѣди очень сносно доказывалось, что «для искусства безразличны учрежденія и порядки, и что онъ можетъ процвѣтать и идти въ гору при всякомъ положеніи и при всякихъ порядкахъ».

Лучше написать это, какъ написалъ Фебуфисъ, даже не требовалось, но Пикъ, которому онъ читалъ свои громы, говорилъ, что онъ все это уже какъ-будто раньше гдѣ-то читалъ или гдѣ-то слышалъ. И Фебуфисъ сердился, но сознавалъ, что это, однако, правда. Да вѣдь новаго и нѣтъ на свѣтѣ... Все уже когда-нибудь было сказано, но почему это же самое опять не повторить, когда это умѣстно? Впрочемъ, чтобы отвѣчать отъ лица школы цѣлой страны, надо, чтобы дѣло имѣло надлежащую санкцію, и потому авторъ рѣшилъ представить свой трудъ самому герцогу. Это ему внушало спокойствіе и дало всему, дѣйствительно, самое лучшее направленіе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Выбравъ удобный случай, чтобы представить свою рукопись герцогу, Фебуфисъ волновался въ ожиданіи его отвѣта, а тотъ не отвѣчалъ очень долго, но, наконецъ, въ въ одинъ прекрасный день передъ наступленіемъ новаго года художникъ получилъ приглашеніе отъ директора иностранныхъ сношеній, — того самаго искуснаго и ласковаго дипломата, который нѣкогда посѣтилъ вмѣстѣ съ герцогомъ его студію въ Римѣ.

Годы не измѣнили мягкихъ манеръ этого сановника: онъ встрѣтилъ Фебуфиса чрезвычайно радушно и весело поздравилъ его съ большимъ успѣхомъ у герцога.

— Вашъ отвѣтъ вашимъ озлобленнымъ завистникамъ привелъ въ совершенный восторгъ герцога, началъ онъ, усаживая передъ собою художника. — Его свѣтлость изволилъ поручить мнѣ выразить вамъ его полное сочувствіе вашимъ прекраснымъ мыслямъ, и если при этомъ могутъ имѣть [illegible] какое-нибудь значеніе мои мнѣнія, то я позволю [illegible], что и я вамъ вполнѣ сочувствую. Я прочиталъ ваше сочиненіе. Герцогъ желалъ этого, и я былъ долженъ прочесть, и исполнился радости за васъ и скорби за себя... Да, въ числѣ моихъ помощниковъ нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы такіе ясные взгляды и умѣлъ бы такъ хорошо ихъ отстаивать.

Фебуфисъ поклонился, а сановникъ пожалъ его руку и сказалъ, что если бы онъ не былъ великимъ художникомъ, то онъ ни на кого бы смѣлѣе, чѣмъ на него, не рѣшился указать, какъ на способнѣйшаго дипломата.

— Значитъ, я теперь могу выпустить написанное въ свѣтъ?

— Нѣтъ. И это не нужно. Это само по себѣ такъ свѣтло, что не нуждается во внѣшнемъ свѣтѣ. Герцогъ на вашей сторонѣ. Вамъ сейчасъ предстоитъ удовольствіе увидать, что именно его свѣтлость начерталъ наверху вашихъ

вѣрноподданныхъ словъ своею собственною, безтрепетною рукой.

Произнеся съ горделивымъ достоинствомъ эти слова, сановникъ взялъ на колѣни малиновый бархатный портфель, съ золотымъ выпуклымъ вензелемъ и такимъ же золотымъ замкомъ, помѣщеннымъ въ полѣ орденской звѣзды. Затѣмъ онъ бережно ввелъ внутрь портфеля длинную кисть своей старческой руки и еще бережнѣе извлекъ оттуда рукопись Фебуфиса, на верхнемъ краю которой шли три строки, написанныя карандашомъ довольно красивымъ, кругловатымъ почеркомъ, съ твердыми нажимами.

Положивъ бумагу на папку посреди стола, сановникъ поднялся съ своего мѣста и попросилъ художника сѣсть въ кресло, а самъ сталъ и поднялъ вверхъ лицо, какъ-будто онъ готовился слушать лично ему отдаваемое распоряженіе герцога.

Фебуфисъ прочиталъ: «Одобряю и вполнѣ согласенъ».

— Вотъ! прошепталъ, придыханіемъ и наклоняя голову, вельможа.

«Но», продолжалъ Фебуфисъ.

Сановникъ опять поднялъ лицо и опять застылъ въ позѣ.

«Имѣя въ виду всеобщее растлѣніе, которое теперь господствуетъ въ умахъ, нахожу несообразнымъ говорить съ этими людьми словами вѣрноподданнаго убѣжденія».

Фебуфисъ вспыхнулъ и взглянулъ вопросительно на вельможу.

Тотъ тоже посмотрѣлъ на него выразительнымъ взглядомъ и произнесъ:

— Онъ неотразимъ! — и затѣмъ протянулъ руку къ бумагѣ съ тѣмъ, чтобы взять и вложить ее снова бережно въ малиновый портфель.

— Развѣ вы мнѣ не возвратите и мою бумагу?

— Конечно, нѣтъ. Съ этимъ начертаніемъ герцога она отнынѣ составляетъ достояніе исторіи... Она историческій документъ, который переживетъ насъ и будетъ храниться

вѣка въ архивѣ, но вы, вмѣсто этой бумаги, получите другую, и вотъ она.

Онъ далъ художнику небольшой листокъ бристоля, на которомъ назначалось дать ему высокій чинъ и соединенныя съ нимъ потомственныя права и имѣніе въ живописномъ уголкѣ герцогства.

Пока Фебуфисъ смотрѣлъ удивленными глазами на эти строки, значеніе которыхъ ему казалось и невѣроятно, и непонятно, и, наконецъ, даже щекотливо и обидно, директоръ поправлялъ свой носъ и, наконецъ, спросилъ:

— Мнѣ кажется, что вы какъ будто удивляетесь.

— Да, графъ, отвѣтилъ Фебуфисъ.

Графъ качнулъ головою, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Да, это обыкновенно бываетъ съ тѣми, кто не привыкъ къ характеру герцога. Рѣдко кто знаетъ, какъ онъ щедръ и какъ онъ умѣетъ награждать.

— Да, герцогъ щедръ, но въ числѣ его наградъ есть одна, которая, мнѣ кажется, соединена съ перемѣною подданства... Я уважаю герцога, но я никогда не просилъ объ этомъ.

— Неужто?.. Впрочемъ, я до вещей внутренняго управленія не касаюсь... на это у насъ есть господинъ Шеръ. Правда, что у него въ вѣдомствѣ все идетъ чортъ знаетъ какъ, но зато по вдохновенію... У насъ это любятъ. Впрочемъ, если что неудобно, то вы сами можете говорить объ этомъ съ герцогомъ... вамъ завтра надо ему представиться и благодарить его свѣтлость. Поцѣлуйте руку... Это такъ принято... Adieu!

Графъ повернулся и послалъ рукою поцѣлуй Фебуфису.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Фебуфисъ возвратился отъ обласкавшаго его дипломата въ самомъ дурномъ расположеніи духа: онъ переходилъ безпрестанно отъ угнетенности къ бѣшенству и не зналъ, чему дать болѣе хода. Дары, возвѣщенные ему маленькою

записочкой на бристолѣ, были очень щедры, но, при всемъ томъ, онъ чувствовалъ, что потерялъ нѣчто болѣе важное и существенное, чѣмъ то, что получаетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ трактованъ слишкомъ ниже того, до чего положилъ себѣ предѣльною мѣтой, и внутренній Шеръ имѣетъ основаніе шутить надъ его «головнымъ павлиномъ», а графъ внѣшнихъ сношеній можетъ посылать ему на прощаніе дѣтскіе поцѣлуи. Всѣ они, въ самомъ дѣлѣ, значительные канальи, но крѣпче его наступаютъ людямъ на ноги, межъ тѣмъ какъ онъ колеблется и не умѣетъ быть притворщикомъ, тогда какъ, въ сущности, это неотразимо требуется. Онъ все дышитъ и томится. А потомъ стекло, сквозь которое онъ смотритъ, какъ будто задышется и потемнѣетъ, и ничего не станетъ видно, и тогда онъ приметъ рѣшеніе, какого не думалъ. Такъ и теперь: простой и ясный смыслъ говоритъ ему, что онъ долженъ поблагодарить герцога сразу за все и сразу же отъ всего отказаться. Недаромъ духъ его возмущается и онъ чувствуетъ въ себѣ полный достатокъ силъ все это сдѣлать, но какъ только онъ начинаетъ соображать, что̀ для этого нужно разрушить и въ чемъ повиниться, такъ его практическій смыслъ угнетается цѣлою массой представленій, для успокоенія которыхъ выходитъ изъ завѣшеннаго угла на ходуляхъ софизмъ: «не все ли равно, такой или другой деспотизмъ?.. И этотъ, и тѣ—всѣ гнутъ—не парятъ, и сломятъ—не тужатъ... Этотъ, по крайней мѣрѣ... Да нѣтъ,—все гадость, все несносно»...

Тутъ проходитъ какая-то полусонная глупость: одинъ получаетъ преимущество передъ другимъ, потому что онъ одинъ, а въ существѣ потому, что съ нимъ уже сдѣлка сдѣлана, а изъ одного закрома брать кормъ удобнѣе, чѣмъ собирать его по пустымъ токамъ. Головной павлинъ, дойдя досюда, складываетъ хвостъ и садится на насѣстъ.

Такъ это было и теперь. Фебуфисъ вздыхалъ, скребъ грудь и даже, отправляясь утромъ другого дня въ герцогскій за́мокъ для принесенія благодарности его свѣтлости, еще не зналъ, что онъ сдѣлаетъ, но съ нимъ былъ его

практическій геній, и органически въ немъ уже сложилось то, что̀ надо дѣлать.

Увидавъ его издали, герцогъ кивнулъ ему головою и, прервавъ рѣчь съ тѣмъ, съ кѣмъ разговаривалъ, громко спросилъ:

— Ты доволенъ?

Это была непеудобная форма для начала объясненій; художникъ почти столько же волею, сколько и неволею уронилъ тихо, что онъ доволенъ, но осмѣлится нѣчто объяснить.

Отвѣтъ показался герцогу невнятенъ, и онъ переспросилъ:

— Что?!

— Я благодарю вашу свѣтлость за ваши милости, но...

— То-то!

Художникъ было почтительно началъ о своей отповѣди, которую онъ желалъ сдѣлать гласною, но герцогъ нахмурился и сказалъ:

— Оставь это: искусство, какъ и все, должно быть національно. А чтобы различные толки не портили дѣла, я велѣлъ принять мѣры, чтобы сюда не доходили никакіе толки. Ты очень впечатлителенъ. Пора тебѣ перестать вести одинокую жизнь. Я тебѣ совѣтую выбрать хорошую, добрую дѣвушку по-сердцу и жениться.

Фебуфисъ благодарилъ за милостивое вниманіе и заботливость, но не выразилъ желанія жениться.

Герцогъ сдвинулъ брови и сказалъ:

— А знаешь, мнѣ это очень противно! Семейная жизнь всего лучше успокаиваетъ, и ты это, навѣрное, увидишь на своемъ товарищѣ, котораго, кстати, поздравь отъ меня. Онъ сдѣлалъ превосходный выборъ и, вѣроятно, будетъ счастливъ.

— Мой товарищъ?.. О комъ, ваша свѣтлость, изволите говорить?

— Ну, разумѣется, о маленькомъ Пикѣ. Чтобы не забыть,—о немъ теперь надо лучше позаботиться, такъ какъ

онъ женится, то я велю дать ему должность съ двойнымъ окладомъ. Его будущая жена—дочь очень достойнаго человѣка и моего вѣрнаго слуги. Храбръ... и глупъ, какъ сто тысячъ братьевъ. Будто ты ничего объ этомъ не знаешь?

— Ничего, ваша свѣтлость.

— Маленькій Пикъ, значитъ, въ любовныхъ дѣлахъ остороженъ. Это, впрочемъ, такъ и слѣдуетъ: дѣвушка очень молода и наивна, какъ настоящая монастырка, но онъ очень скоро побѣдилъ ея застѣнчивость. Представь, онъ нашелъ способъ разъяснить ей, чѣмъ отличается букашъ отъ букашки... За это его тюкъ на крюкъ! Это довольно смѣшной случай, но пусть онъ самъ тебѣ о немъ разскажетъ. Кстати, онъ зоветъ ее «прелестная Пеллегрина». Ей это идетъ... Ты ея не видалъ?

— Нѣтъ.

— Очень интересна: она въ миньонномъ родѣ.

Фебуфисъ выслушалъ новость о Пикѣ какъ бы въ забытьѣ: его не интересовало теперь ничто, даже и то, что и съ самимъ съ нимъ происходило: все ему представлялось тяжелымъ сновидѣніемъ, отъ котораго онъ хотѣлъ бы отряхнуться, только это казалось невозможнымъ. Онъ чувствовалъ, что какъ будто ушелъ далеко въ какой-то дремучій лѣсъ, изъ котораго не найти выхода. Да и куда выходить? И зачѣмъ? Здѣсь онъ все-таки значительная величина, хоть по герцогскому распоряженію, а во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ станетъ наравнѣ со всѣми судимъ свободнымъ судомъ критики и... онъ знаетъ, какое она отведетъ ему мѣсто... Тяжкое униженіе! Здѣсь онъ ничего этого не испытаетъ... Сюда ничто ему непріятное не проникнетъ,—противъ этого велѣно принять мѣры. Онъ въ этомъ не виноватъ, а между тѣмъ ему отъ этого спокойно, и онъ легъ на диванъ, покрылъ ноги плэдомъ и сладко заснулъ до сумерекъ, когда Пикъ сталъ весело будить его къ обѣду.

Фебуфисъ всталъ нѣсколько мрачный и серьезный, молчалъ въ продолженіе всего стола, но при концѣ обѣда прямо, безъ всякихъ предисловій, спросилъ Пика:

— Я слышалъ, ты женишься?

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Герцогъ.

— На комъ же, смѣю спросить?

— Ну, что за глупость; будто ты не знаешь.

— До сихъ поръ не знаю.

— На какой-то милой дѣвушкѣ, невинной монастыркѣ, которую ты прозвалъ «прелестною Пеллегриной». Зачѣмъ ты покорилъ ея сердце и научилъ ее, какъ узнавать букана отъ букашки?

Пикъ расхохотался.

— И герцогъ это знаетъ?

— Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Боже мой, какая противность! Чего онъ только не знаетъ? Кажется все, кромѣ нуждъ своего народа!

— Такъ это правда или нѣтъ?

— Что я женюсь?.. Конечно, неправда!

И Пикъ опять расхохотался. Онъ, такая маленькая крошка, чья незамѣтная фигура во всѣхъ возбуждала смѣхъ и шутливость, какъ онъ могъ быть любимъ милою дѣвушкой, которая ему чрезвычайно нравилась! И онъ *женится!* Это самому ему только и могло казаться слишкомъ грубою и слишкомъ неотдѣланною насмѣшкой, но, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней онъ сказалъ Фебуфису:

— Знаешь, я съ самомъ дѣлѣ, кажется, женюсь!

— Отчего же тебѣ это вдругъ стало казаться?

— Оттого, что я сдѣлалъ Пеллегриночкѣ предложеніе и объяснился съ ея отцомъ и отъ обоихъ отъ нихъ получилъ согласіе.

— Вотъ-те чортъ! Въ такомъ случаѣ, я поздравляю тебя,— ты, значитъ, навѣрное женишься.

— Да, вообрази, женюсь! Это случилось какъ-то внезапно... У нея есть кузенъ, молодой офицеръ, мерзкій шалунъ, который выдалъ мою тайну, и я былъ долженъ объяснить мои намѣренія... Конечно, не Богъ знаетъ что: мы съ нею, просто, ходили и гуляли, но этотъ достопочтенный

старикъ, ея отецъ... онъ наивенъ такъ же, какъ сама Пеллегрина, и это неудивительно, потому что онъ женился на матери Пеллегрины, когда ему было всего двадцать лѣтъ, и его покойная жена держала его въ строгихъ рукахъ до самой смерти... Она умерла годъ тому назадъ.

— Онъ, вѣрно, радъ, что она умерла.

— М...ну—не знаю. Его племянникъ говорилъ, будто она ставила его на колѣни, и за то старичокъ теперь желаетъ будто компенсаціи и, какъ только выдастъ дочь замужъ, такъ самъ опять женится. Но этому хотятъ помѣшать.

Фебуфисъ уловилъ вполнѣ ясно только послѣднее слово и повторилъ вяло:

— Жениться! Это значительный рессурсъ при большой скукѣ.

— Такъ ты противъ женитьбы?

— Какъ можно! Особенно при настоящемъ случаѣ, когда кое-что можетъ перепасть и на мою холостецкую долю.

— Да, вѣдь, признайся, и тебѣ здѣсь скучно... Ты скучаешь?

— Очень скучаю, мой милый Пикъ, и потому я былъ бы очень счастливъ, если бы ты и твоя будущая жена не отогнали меня, старика, отъ своего обѣденнаго стола и отъ вашей вечерней лампы. А ужъ потомъ я буду желать вамъ спокойной ночи.

— О, конечно, это такъ и будетъ! Это непремѣнно такъ и будетъ! Мы съ тобой не разстанемся и будемъ жить всѣ вмѣстѣ. Мы уже объ этомъ говорили. Пеллегриночка тебя очень почитаетъ. Она пренаивное дитя: она сказала, что она меня «любитъ», а тебя «уважаетъ», и сейчасъ же вскрикнула: «Ахъ, Боже мой! я не знаю, что больше!» Я ей сказалъ, что уваженіе значитъ больше, потому что оно заслуживается, и указалъ на ея чувства къ отцу, но она пренаивно замахала руками и говоритъ: «Что̀ вы, что̀ вы, я папу и не люблю, и не уважаю!» Я удивился и говорю: «За что же?»—А она говоритъ: «Я къ нему никакъ не

могу привыкнуть».—«Въ какомъ смыслѣ?»—«Я не могу переносить, для чего отъ него бобковою мазью пахнетъ».—«Какіе пустяки!»—«Нѣтъ, говоритъ, это не пустяки; мать тоже никакъ не могла привыкнуть: она правду ему говорила, что онъ «не мужчина».—«Что же онъ такое?»—«Мама его называла: губка! Фуй!»—«Чѣмъ же это порокъ?»—«Да фуй!.. мнѣ о немъ стыдно думать!» Ты вообрази себѣ этакую своего рода быстроту и бойкость въ нераздѣльномъ слитіи съ монастырскою наивностью... Это что-то дѣтское, что-то какъ будто игрушечное и чертопхайское... и, главное, эти неожиданные сюрпризы и переходы, начиная отъ букана до мужчины и до не-мужчины... Вѣдь все это видѣть, все это самому вызвать и наблюдать всѣ эти переходы...

— Что и говорить! перебилъ Фебуфисъ. — Во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, чувствуется біеніе жизненнаго пульса.

— Да, вотъ, именно біеніе жизненнаго пульса.

И ему было дано вволю испытать на себѣ въ разной степени біеніе жизненнаго пульса. Одно изъ высшихъ удовольствій въ этомъ родѣ онъ узналъ въ самый блаженный мигъ, когда послѣ свадебныхъ церемоній остался вдвоемъ съ прелестною Пеллегриной. Случай былъ такой, что Пикъ совершенно потерялся, убѣжалъ въ холодный залъ и, прислонясь лбомъ къ покрытому изморосью оконному стеклу, проплакалъ всю ночь. Въ этомъ же положеніи спасла его утромъ его молоденькая жена: она подошла къ нему съ своимъ невиннымъ дѣтскимъ взглядомъ въ утреннемъ капотѣ новобрачной дамы, положила ему на плечи свои миніатюрныя ручки и, повернувъ къ себѣ этими ручками его лицо, сказала:

— Мой другъ, вѣдь я не раздѣвалась...

— Мнѣ все равно! отвѣтилъ спѣшно Пикъ.

— Нѣтъ... не все равно.

У Пика кипѣла досада и онъ отвѣтилъ:

— Я говорю вамъ: это мнѣ все равно!

— А я... я себѣ этого даже и объяснить не могу...

— *Себѣ!*

— Да.

— Даже *себѣ* не можете объяснить?!

— Вотъ именно!

— Это становится интересно.

— Я помню одно, что я дежурила въ комнатахъ у начальницы, и *онъ* неслышно взошелъ по мягкимъ коврамъ и... онъ взялъ меня очень сильно за поясъ...

— Чортъ бы васъ взялъ съ нимъ вмѣстѣ!

— Но я не раздѣвалась и только была совсѣмъ измучена... и я больше ничего не знаю... я ничего не помню...

— Не помните!

— Да, я затрепетала...

— Затрепетала!

— Да затрепетала... мы такъ воспитаны.

— Вы очень оригинально воспитаны... Ничего не понимаете...

— Да... не понимала, а теперь мнѣ дурно.

Пикъ хотѣлъ ее оттолкнуть, но, вмѣсто того, принялъ жену подъ руки, отвелъ ее въ спальню, помогъ ей раздѣться и сказалъ:

— Разъ что все было такъ, то это предается забвенію.

Она въ полузабытьи, съ глазами, закрытыми вѣками, слабо пожала его руку.

— Но только мы уѣдемъ отсюда. Здѣсь имъ вездѣ ужъ слишкомъ полно.

— Какъ ты хочешь, буканъ, прошептали милыя, дѣтскія уста Пеллегрины.

Пикъ улыбнулся и сталъ цѣловать ихъ и повторялъ:

— Мы отъ него уѣдемъ, уѣдемъ, букашка!

— Да, уѣдемъ, буканчикъ, отвѣчала Пеллегрина,—только не надо ничѣмъ тревожить папу.

Пикъ все позабылъ и растаялъ въ объятіяхъ своей наивной жены.

Буканъ и букашка бы счастливы. Равновѣсіе въ ихъ жизни нарушалось только однимъ стороннимъ обстоятельствомъ: отецъ Пеллегрины, съ двадцати лѣтъ состоявшій

при своемъ семействѣ, съ выходомъ дочери замужъ вдругъ заскучалъ и началъ страстно молиться Богу, но онъ совсѣмъ не обнаруживалъ стремленія жениться, а показалъ другую удивительную слабость: онъ поддался вліянію своего племянника и съ особеннымъ удовольствіемъ началъ искать веселой компаніи; чего онъ не успѣлъ сдѣлать въ юности, то все хотѣлъ воспомнить теперь: онъ завилъ на головѣ остатокъ волосъ, купилъ трубку съ дамскимъ портретомъ, сталъ пить вино и началъ ѣздить смотрѣть, какъ танцуютъ веселыя женщины. Спустя малое время, онъ не выдержалъ и самъ принялъ участіе въ танцахъ.

По его значенію въ военномъ мірѣ, внутренній Шеръ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія герцога, а герцогъ, встрѣтя его въ паркѣ, спросилъ:

— Ты танцуешь?

— Виноватъ, отвѣчалъ генералъ.

— Отчего ты это вздумалъ?

— Рано женился и ничего не испыталъ въ молодости, ваша свѣтлость.

— То-то! Смотри, чтобъ этого не было.

Почтенный воинъ далъ слово своему повелителю, но не въ силахъ былъ этого слова выдержать: молодая компанія опять увлекла его въ опасное сообщество, гдѣ онъ нарушилъ свое обѣщаніе: онъ пилъ и танцовалъ, и, дѣлая рондъ въ фигурѣ, вдругъ увидалъ передъ собою внутренняго Шера... Генералъ сейчасъ же упалъ и переломилъ себѣ хребетъ, а когда пришелъ на мгновеніе въ себя и сообразилъ, что объ этомъ узнаетъ герцогъ, то тотчасъ же тутъ и умеръ на мѣстѣ преступленія. Внутренній Шеръ тихо перенесъ героя ночью въ его жилище и утромъ доложилъ герцогу. Герцогъ слушалъ начало доклада въ гнѣвѣ, но потомъ былъ тронутъ поступкомъ генерала и сказалъ:

— Онъ хорошо кончилъ!

Затѣмъ вышло распоряженіе, чтобы молодыхъ людей посадить подъ арестъ, танцорокъ высѣчь, а усопшему сдѣлать

погребальный церемоніалъ по его заслугамъ и произнести надъ его гробомъ глубоко-прочувствованное слово.

Все это было исполнено, и герцогъ самъ былъ тутъ, самъ окинулъ взоромъ церемонію, самъ выслушалъ слово и даже приткнулся рукою ко гробу нѣкогда храбраго человѣка, а потомъ съ чувствомъ пожалъ руку его дочери. Фактъ этотъ цѣликомъ перешелъ въ исторію народа.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Трауръ, который надѣла по отцѣ Пеллегрина, до того шелъ къ ея граціозной, легкой фигуркѣ и пепельной головкѣ, что Фебуфисъ, пребывавшій долгое время въ тяжелой и безпросвѣтной хандрѣ, увидавъ ее, просвѣтлѣлъ и сказалъ:

— Знаете ли, я очень хочу написать вашъ портретъ.

Пеллегрина, какъ женщина, съ удовольствіемъ чувствовала обаяніе, которое ея красота произвела на знаменитаго, по общему мнѣнію, друга ея мужа, и ничего не имѣла противъ осуществленія его артистическаго желанія. Пикъ одобрялъ это еще болѣе.

— Это тебѣ пришла счастливѣйшая мысль, воскликалъ онъ,—это обоихъ васъ займетъ, и тебя, и ее заставитъ прогнать отъ себя тяжелыя мысли.

Портретъ былъ начатъ во весь ростъ на большомъ холстѣ, гдѣ нашли мѣсто для своего расположенія всѣ любимыя вещи въ будуарѣ Миньоны.

Фебуфисъ послѣ продолжительной апатіи и бездѣйствія взялся за работу съ большимъ рвеніемъ и портретъ Пеллегрины обѣщалъ превзойти портретъ, написанный Фебуфисомъ съ герцогини для кабинета герцога. Это обстоятельство заключало въ себѣ даже нѣчто щекотливое и заставляло Фебуфиса производить работу не въ мастерской, а въ будуарѣ Пеллегрины. Онъ приходилъ къ ней въ своемъ рабочемъ легкомъ костюмѣ—въ туфляхъ, сѣренькихъ широкихъ панталонахъ и коричневой бархатной курткѣ. Она позировала передъ нимъ стоя и, утомясь, отдыхала на ши-

рокой оттоманкѣ, а онъ переносилъ ея дѣвственныя черты на полотно и нѣчто занесъ нечаянно въ свое сердце, начавшее гнать кровь въ присутствіи жены друга съ увеличенною силой. Онъ сталъ неровенъ и нервенъ,—она это, кажется, замѣчала, но оставалась во всегдашнемъ своемъ безпечномъ, младенческомъ настроеніи, и даже когда онъ однажды сказалъ ей, что не можетъ глядѣть на нее издали, она и тогда промолчала. Но ужъ тогда онъ бросилъ кисть и палитру и, кинувшись къ ней, обнялъ ея колѣни и овладѣлъ ею такъ бурно, что она совсѣмъ потерялась, закрыла лицо руками и прошептала не разъ, а два раза:

— Бога ради, Бога ради!

Онъ, кажется, не разобралъ, какъ это слѣдовало понять, и послѣдствія этого недоразумѣнія совершенно не отвѣчали программѣ сеанса.

Дѣла могли идти такимъ порядкомъ очень долго, но разъ Пикъ вошелъ домой не въ счастливый часъ и не въ урочное время и услыхалъ это же странно произнесенное «Бога ради!» Онъ понялъ это не такъ, какъ слѣдовало: ему показ[illegible] его женѣ дурно, и онъ бросился къ ней на помощь, но, спѣшно войдя въ комнату, онъ засталъ Пеллегрину и Фебуфиса сидящими на диванѣ слишкомъ тихими и въ слишкомъ далекомъ другъ отъ друга разстояніи.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ, они на него, и всѣ трое не сказали другъ другу ни слова.

И Пикъ стоялъ, а тѣ двое продолжали сидѣть другъ отъ друга слишкомъ далеко, въ противоположныхъ концахъ дивана, и вездѣ, по всей комнатѣ, слышно было, какъ у нихъ у всѣхъ у трехъ въ груди бьются сердца, а Пикъ прошипѣлъ: «Какъ все глупо!»—и вышелъ вонъ, ошеломленный, быть можетъ, одною мечтой своего воображенія, но зато онъ сію минуту опомнился и, сдѣлавъ два шага по ковру, покрывавшему полъ сосѣдней гостиной, остановился. Его такъ колыхало, что онъ схватился одною рукой за мебель, а другою за сердце... Вокругъ была нѣсколько минутъ жут-

кая тишина и только потомъ до слуха Пика долетѣлъ тихій шопотъ:

— Для чего вамъ было садиться такъ далеко?

Это говорила букашка и говорила съ укоризною... Фебуфисъ въ роли букана былъ сильнѣе потерянъ и молчалъ.

Ее это еще больше разсердило. Пикъ слышалъ, какъ она встала съ дивана и подошла къ столику, и какъ обручальное колечко на миніатюрномъ пальцѣ ея руки тихо звякнуло о граненый флаконъ съ одеколономъ. Пикъ узналъ ее по всѣмъ этимъ мелкимъ примѣтамъ.

Она, очевидно, входила въ себя и держала себя на уровнѣ своихъ привычекъ, между тѣмъ какъ ея сообщникъ былъ недвижимъ и едва могъ произнести:

— Было бы все равно.

— Совсѣмъ не равно, отвѣчала наставительно Пеллегрина, уже повышая тонъ до полуголоса.—Люди, которые просто разговариваютъ, никогда такъ далеко не сидятъ.

Онъ тоже хотѣлъ ободриться и съ улыбкою, слышною въ шопотѣ, спросилъ:

— Здѣсь это не принято?

Но она совсѣмъ уже полнымъ голосомъ повторила:

— Не принято!.. Гораздо важнѣе—это не то, что *здѣсь* «не принято», а то, что это вездѣ *неестественно*!

И съ этимъ она поставила на уборный столъ флаконъ и, вѣроятно, хотѣла идти вслѣдъ за мужемъ въ тѣ самыя двери, въ которыя онъ вышелъ, но Пикъ предупредилъ ее: онъ бросился впередъ, схватилъ въ передней свой плащъ и шляпу и выбѣжалъ на улицу. На дворѣ уже темнѣло и лилъ проливной дождь. Пикъ ничего этого не замѣчалъ; онъ шелъ и свисталъ, останавливался у угловъ, не зная, за который изъ нихъ поворотить, и потомъ опять шелъ и свисталъ, и вдругъ расхохотался.

— И это я ей говорилъ. Я ей объяснялъ, что̀ букашка и что̀ буканъ! И это она увѣряла меня, какъ она не понимала, что̀ съ нею дѣлаютъ, и затрепетала! И это я писалъ Маку о здѣшнихъ женщинахъ, какъ онѣ наивны!.. Что̀ могъ

я понять въ этомъ омутѣ, въ этой поголовной лжи?.. Что я могу понять даже теперь? Впрочемъ, теперь я понимаю то, что я не хочу здѣсь оставаться ни дня, ни часа, ни минуты!

И съ этихъ поръ онъ исчезъ безслѣдно.

Внутренній Шеръ доложилъ герцогу объ исчезновеніи Пика въ числѣ обыкновенныхъ полицейскихъ событій. Все, что предшествовало этому загадочному исчезновенію и что было его настоящею причиной, осталось для всѣхъ посторонннихъ неизвѣстнымъ. Когда же всѣ розыски Пика въ предѣлахъ герцогства оказались безуспѣшными, герцогъ призвалъ Фебуфиса и спросилъ:

— Что ты знаешь о своемъ товарищѣ?

— Ничего, ваша свѣтлость.

— А въ какомъ положеніи его жена? Она, можетъ быть, уже вдова и у нея нѣтъ права на пенсію?

— Если, ваша свѣтлость, повелите, вкрадчиво вставилъ Шеръ.

— Да, отвѣчалъ герцогъ,—я повелѣваю. И, кстати, пусть ее тоже опредѣлятъ воспитательницей тамъ, гдѣ она сама училась. Это будетъ пріятно герцогинѣ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Исчезновеніе Пика, однако, чувствительно ударило по сердцу Фебуфиса, и Пеллегрина перестала ему больше нравиться, а притомъ совершилось еще другое. Сопровождая герцога, онъ посѣтилъ одинъ богатый торговый городъ, въ ратушѣ котораго имъ былъ данъ роскошный балъ. На этомъ балѣ, въ числѣ многихъ красивыхъ женщинъ, появилась молодая дѣвушка классически строгой и поразительной красоты. Ее звали Гелія. Она была дочь мѣстнаго богатаго негоціанта, имѣвшаго дѣла со всею Европой. Красота ея бросилась всѣмъ въ глаза и сразу Фебуфиса плѣнила. Это замѣтилъ герцогъ, и тутъ же спросилъ его:

— Что ты о ней скажешь?

— Ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Фебуфисъ,—о ней можно

сказать только, какъ говорятъ на Востокѣ: «глазъ смертнаго не можетъ видѣть такое совершенство безъ готовности умереть за него».

Герцогу понравилась восточная фраза: онъ, почитавшій себя покровителемъ вѣры, самъ любилъ иногда пустить въ ходъ что-нибудь въ библейскомъ родѣ, и въ данномъ случаѣ онъ тоже скомпоновалъ что могъ: онъ похлопалъ Фебуфиса по плечу и сказалъ:

— Эге, смертный, я вижу, ты еси уже уязвленъ сею красою. Бойся заболѣть, но, впрочемъ, при мнѣ и сія болѣзнь можетъ оборотиться не къ смерти, а къ славѣ... только сумѣй ей понравиться.

— Ваша свѣтлость, смертный не дерзаетъ и думать о томъ, чтобы понравиться такой красавицѣ.

— Прекрасно сказано: можетъ-быть, ей даже и нельзя понравиться, потому что она, какъ единственная дочь богатаго отца, избалована и хватила хваленой цивилизаціи за границею. Говорятъ, она холодна, какъ Діана.

— Вотъ изволите видѣть!

— Да, да, — Діана, и даже ходитъ одна съ огромнымъ псомъ. И притомъ, она умна... и даже, кажется, что-то пишетъ... И вотъ именно объ искусствѣ... Она тоже живописецъ и училась у Каульбаха. Но, главное, отецъ въ ней не слышитъ души и она очень своевольна. Но, надѣюсь, я здѣсь хозяинъ и могу кое-что сдѣлать. Хочешь, я ее за тебя посватаю?

Фебуфисъ, сложивъ руки на груди, съ улыбкою поклонился герцогу и произнесъ:

— Пощадите, ваша свѣтлость!

— А вотъ же посватаю и высватаю: это дѣло мое, а ты знай самъ средство, какъ съ нею обходиться,—и съ этимъ онъ прямо съ мѣста направился къ отцу красавицы, взялъ его подъ руку въ сторону и сталъ просить у него руки дочери для жениха, котораго онъ рекомендуетъ.

Фебуфисъ былъ какъ на иголкахъ, но около него былъ Шеръ; онъ его успокоивалъ и шепталъ ему:

— Ничего не выйдетъ; у ея отца, у этого стараго Фрица, въ головѣ преогромный павлинъ: онъ сосватъ дочкѣ мужа милліонера или маркграфа.

Отецъ красавицы, которую звали Гелія, былъ сытый и рослый бюргеръ съ надменнымъ лицомъ, напоминающимъ лицо герцога Веллингтона, слылъ за страшнаго богача и жилъ роскошно. Однако, обращаясь въ сторонѣ отъ дворскихъ обычаевъ и притомъ въ торговомъ кружкѣ, въ которомъ онъ имѣлъ первенствующее значеніе, онъ не отличался находчивостью и былъ взятъ врасплохъ; онъ слыхалъ, что такимъ сватамъ не отказываютъ, и не успѣлъ сказать ни да, ни нѣтъ, какъ «сватъ» уже поманулъ къ себѣ жениха. Это обѣщало дрянную игру: два головные павлина сшибались: отецъ отца Фебуфиса былъ приказчикомъ у отца стараго Фрица, Фрицъ не могъ желать себѣ такого зятя, но, тѣмъ не менѣе, сухое и даже немножко надменное согласіе было дано. Герцогъ поднялъ бокалъ за здоровье жениха и невѣсты, и они были помолвлены. Негоціанты порта были этимъ удивлены и обижены,—на всѣхъ лицахъ было замѣтно неудовольствіе, а Шеръ, принеся свое поздравленіе отцу невѣсты, отошелъ въ амбразуру окна и, доставъ изъ кармана агенду, написалъ nota bene, по которой тайной агентурѣ слѣдовало попарить вездѣ, гдѣ возможно: все ли благополучно въ дѣлахъ почитаемаго въ милліонерахъ Фрица? Его уступчивость казалась Шеру подозрительною. Дѣвушка не протестовала нимало, но съ первыхъ же минутъ показала своему жениху холодное презрѣніе, а, тѣмъ не менѣе, вскорѣ же съ царственною пышностью была отпразднована ихъ свадьба. Невѣсту, которая все продолжала держать себя въ строгомъ чинѣ, подвелъ къ алтарю самъ герцогъ и оставался первымъ гостемъ на пирѣ, гдѣ присутствовала вся знать столицы, но присутствовала также незримо и Немезида...

Негоціантъ ничего не опредѣлилъ дочери, но можно было думать, что онъ дастъ большое приданое, а гер-

цогъ, который «любилъ награждать», конечно, доставитъ многосторонніе другіе выгоды, — вышло, однако, такъ, что все это было вдругъ испорчено на первыхъ порахъ. Недобрымъ предвѣстіемъ всего было письмо, которое Фебуфисъ нашелъ у себя на столѣ въ то время, когда привезъ къ себѣ молодую супругу и оставилъ ее на короткое время въ ея художественно отдѣланной половинѣ. Письмо было написано какою-то злою и мстительною женщиной: въ немъ извѣщали Фебуфиса, что онъ великолѣпно надутъ, что онъ получилъ жену съ большими претензіями и безъ всякихъ средствъ; что тесть его, слывущій за милліонера, на самомъ дѣлѣ готовый банкротъ, ищущій спасенія въ дорого цѣнимой имъ уступкѣ; что бракъ этотъ со стороны Геліи есть жертва для спасенія отца, а Фебуфисъ отъ всего этого получитъ право ужинать всегда безъ послѣдняго блюда.

Фебуфису показалось, что это писала Пеллегрина. Онъ зналъ, что букашка чертовски скрытна, ловка и мстительна, а притомъ она, кажется, успѣла стать слишкомъ знакома съ внутреннимъ Шеромъ и умѣла узнавать у него кое-что изъ его ежедневныхъ упражненій въ подпечатываніи и чтеніи писемъ, ввѣряемыхъ почтовой пересылкѣ.

Маленькая, изящная Пеллегрина могла знать тайности, но ей также ничто не мѣшало и лгать, и клеветать на людей. Эта женщина—живое и мерзкое воспоминаніе, при которомъ является уколъ въ сердцѣ и мелькаетъ передъ глазами тѣнь маленькаго Пика.

Теперь это случилось какъ нельзя больше не во-время. Теперь это надо рѣшительно прочь.

Онъ наскоро сунулъ смутившее его на минуту письмо въ карманъ изящнаго спальнаго жакета изъ мягкой восточной матеріи и въ легкихъ восточныхъ туфляхъ спустился изъ мастерской внизъ къ женѣ, спальня и уборная которой были устроены въ тѣхъ самыхъ покояхъ, которые занималъ въ этомъ казенномъ домѣ Пикъ и его Пеллегрина. Спальня Геліи приходилась именно въ той самой комнатѣ,

гдѣ Фебуфисъ писалъ портретъ Пеллегрины и скомпрометировалъ ее, сѣвши слишкомъ далеко отъ нея на диванѣ.

Это все опять ему ненадлежаще вспомнилось, когда онъ съ изящною ночною лампочкой въ рукѣ проходилъ по мягкому ковру той комнаты, гдѣ стоялъ Пикъ, держась рукою за сердце и выслушивая изъ собственныхъ устъ жены сознаніе въ ея поступкѣ и въ ея чертовской опытности и органической любви къ обману.

Фебуфисъ тряхнулъ своими порѣдѣвшими кудрями, какъ бы отгоняя воспоминанія, и положилъ руку на массивную бронзовую фигуру дракона, служившую ручкою двери въ женину спальню.

Сію минуту онъ увидитъ свою великолѣпную Гелію..

Сердце его усиленно билось, но дверь не подавалась... она была заперта. Быть можетъ, это ему такъ только кажется; быть-можетъ, онъ неловко берется. Онъ надавилъ ручку сильнѣе, и теперь несомнѣнно убѣдился, что дверь заперта изнутри на ключъ. Значитъ, полученное неизвѣстнымъ путемъ письмо предупреждало его кое о чемъ вѣрно... свадебный пиръ его конченъ, и онъ, какъ дитя, оставленъ «безъ послѣдняго блюда».

Онъ былъ въ нерѣшимости, что ему дѣлать: встряхнуть дверь и звать жену такъ, чтобы она должна была откликнуться, или выдержать себя и на первыхъ же порахъ наказать ея ни съ чѣмъ несообразный капризъ пренебрежительною холодностью?

Первое угрожало шумомъ и скандаломъ, который могъ дойти до ушей прислуги и сдѣлать его смѣшнымъ въ передней, на кухнѣ и въ мелочныхъ лавкахъ, откуда потомъ придетъ слухъ и въ гостиныя... Второе... еще можетъ къ чему-нибудь вывести.

Онъ предпочелъ второе и возвратился спать въ свою мастерскую.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Утро второго дня было для Фебуфиса тяжело неимовѣрно. Начало семейной жизни его не радовало и онъ всталъ, ощущая никогда ему до сихъ поръ неизвѣстный страхъ передъ женщиной... прекрасною, строгою и чертовски холодною женщиной, избалованности и капризамъ которой, очевидно, нѣтъ мѣры, точно такъ же какъ не видно мѣры ея упорству и самообладанію, которыхъ совсѣмъ нѣтъ у Фебуфиса.

Но обстоятельства требовали, чтобы онъ показалъ нѣкотое самообладаніе, и онъ рѣшился сдѣлать надъ собою твердыя усилія. Онъ сошелъ въ столовую, гдѣ имѣлъ привычку пить свой утренній кофе, и, къ удивленію своему, засталъ здѣсь, за столомъ, совершенно одѣтую жену, передъ которой была англійская книга, а у ногъ ея лежала ея огромная черная собака Рапò. Супруги повидались холодно, какъ знакомые. Гелія не обнаружила ни малѣйшаго замѣшательства и даже дала замѣтить мужу, что она его нѣкоторое время ожидала за кофе. Онъ хотѣлъ разразиться, но вмѣсто того извинился, сдѣлалъ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ и нѣсколько разъ посмотрѣлъ на чернаго Рапò. Его занимало: когда и кто привелъ въ его домъ эту собаку, имѣвшую чрезвычайную привязанность къ Геліи, а къ нему— возымѣвшую съ первой встрѣчи глухое личное неудовольствіе, способное, при всякомъ удобномъ поводѣ, перейти въ открытую непріязненность? Фебуфисъ даже не вытерпѣлъ и полюбопытствовалъ:

— Когда сюда перебрался Рапò?

Гелія отвѣчала, что Рапò пришелъ вчера съ ея вѣрною служанкой.

«Рапò и вѣрная служанка!.. Недурненькія штучки для начала», подумалъ Фебуфисъ и затѣмъ спросилъ:

— А гдѣ вы нашли для него здѣсь помѣщеніе?

— Его помѣщеніе, какъ всегда, при мнѣ.

— Нѣтъ, гдѣ онъ спалъ?

— На коврѣ, въ ногахъ у моей постели.

«Какова штучка!» подумалъ Фебуфисъ и всталъ, чтобы привѣтствовать двухъ близкихъ родныхъ жены, пріѣхавшихъ сдѣлать ей обычный визитъ на другое утро послѣ брака.

Фебуфисъ былъ радъ ихъ приходу, чтобы избавиться отъ сообщества, въ которомъ ему становилось тяжело, и, въ то же время, показать первое проявленіе и своего равнодушія, и своего самообладанія.

Онъ мало поговорилъ и, вставъ, направился къ себѣ въ мастерскую; но, при поворотѣ на коврѣ, наткнулся на Рапò и чуть не упалъ.

Онъ видѣлъ, что гости и его жена сдѣлали надъ собою усиліе, чтобы не засмѣяться его полету и смѣшному взмаху, который онъ сдѣлалъ руками.

Одинъ Рапò поглядѣлъ на него серьезно и грустно, безъ унизительной ироніи, и, звучно вздохнувъ изъ глубины своей собачьей души, точно хотѣлъ сказать: «Ахъ, уйди, тебѣ здѣсь не мѣсто!»

Фебуфисъ, съ своей стороны, подумалъ: «Я эту собаку непремѣнно убью», и затѣмъ онъ прошелъ къ себѣ въ мастерскую, одновременно чувствуя и бѣшенство, и неотразимую потребность удерживаться, и вдругъ онъ схватилъ кисти и началъ работать.

Съ этихъ поръ мастерская, этажемъ выше жилья, сдѣлалась его постояннымъ пріютомъ. Онъ точно вышелъ изъ дому безъ спора и безъ боя, самъ не замѣтивъ, какъ это случилось.

Онъ дѣлалъ съ женой визиты; былъ съ нею на завтракѣ, въ замкѣ, у герцога, причемъ герцогъ, поздравляя Гелію, поцѣловалъ у ней руку въ присутствіи герцогини. Потомъ у нихъ былъ родственный обѣдъ, за которымъ Фебуфисъ убѣдился, что отецъ его жены не дастъ дочери ничего, а что всѣ прочіе ея родственники совсѣмъ даже и не намѣрены почитать его за замѣчательнаго человѣка. Они нимало не скрываютъ, что смотрятъ на него просто какъ на гер-

цогскаго фаворита, до котораго они снизошли случайно, по обстоятельствамъ, о которыхъ онъ пойметъ въ свое время и для которыхъ обязанъ будетъ поработать. Вообще современемъ ему скажутъ, что̀ дѣлать. За обѣдомъ послѣдовалъ балъ, на которомъ, въ блестящей свитѣ, прошелъ герцогъ, и опять уже не разъ, а два раза поцѣловалъ руку Геліи,— здороваясь и прощаясь,—и сидѣлъ съ ней одной пять минутъ въ уединенной, маленькой гостиной, изъ которой, по принятому этикету, въ эти минуты всѣ вышли. Потомъ онъ подарилъ, по старинѣ, вниманіемъ и Фебуфиса. Онъ спросилъ его:

— Счастливъ?

Фебуфисъ поблагодарилъ за вниманіе.

— То-то! пошутилъ герцогъ и, улыбаясь, шепнулъ ему на ухо:—Будь терпѣливъ и уповай на Бога.

«Что за дьявольщина! подумалъ, провожая герцога, Фебуфисъ. — Во что, въ самомъ дѣлѣ, онъ не вмѣшивается, чего онъ только не знаетъ и о чемъ онъ не говоритъ!.. Какъ его много! Какъ его вездѣ чертовски много!»

И вдругъ онъ остановился на мѣстѣ и зашатался. Онъ вдругъ ясно увидѣлъ, что *его жена любовница герцога.*

Съ Фебуфисомъ сдѣлался обморокъ, и довольно странный обморокъ, въ которомъ продолжалось сознаніе.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Этого, можетъ быть, только не видятъ другіе, или, наоборотъ, это видѣли и видятъ всѣ, кромѣ его. Онъ настоящій, форменный мужъ, который узнаетъ о своемъ позорѣ самый послѣдній и потомъ смиряется и сноситъ это изъ ложнаго стыда или выгодъ, но вотъ тутъ ужъ ошибка,— этого одного ужъ ни за что не будетъ съ Фебуфисомъ. Этого онъ не снесетъ ни за какія выгоды въ мірѣ. Онъ это разъяснитъ и разрубитъ все сейчасъ, сію минуту. И всѣ условія ему благопріятствовали — обморокъ сокрылъ отъ него разъѣздъ гостей и окончаніе бала. Придя окончательно въ

чувство, Фебуфисъ увидѣлъ себя въ полумракѣ, на кушеткѣ, въ будуарѣ жены. Сюда перенесли его гости, при которыхъ онъ упалъ въ дурнотѣ, проводивши герцога. Гелія стояла передъ нимъ, возлѣ нея была ея «вѣрная служанка» и невдалекѣ отъ нея, глядя ей въ глаза, лежалъ не менѣе вѣрный Рапò. Огни во всѣхъ апартаментахъ были потушены и въ домѣ была тишина; сквозь складки оконныхъ занавѣсъ виднѣлась звѣзда, меркнувшая въ предразсвѣтной синевѣ неба.

Фебуфисъ остановилъ взглядъ на служанкѣ и сказалъ:

— Зачѣмъ она здѣсь?

Гелія сдѣлала легкое движеніе головой и женщина вышла.

— Могу ли я сдѣлать вамъ одинъ вопросъ? сказалъ Фебуфисъ.

— Конечно, отвѣчала Гелія.

— О чемъ съ вами говорилъ наединѣ герцогъ?

Гелія сдвинула брови и покраснѣла. Фебуфисъ мгновенно сорвался съ мѣста и вскрикнулъ:

— Я хочу это знать!

— Онъ говорилъ со мной объ одномъ дѣлѣ моего отца.

— О какомъ дѣлѣ?

— Я не должна этого никому сказать.

— Это неправда!.. это ложь!.. Вы его любовница!

Краска мгновенно сбѣжала съ лица Геліи и замѣнилась болѣзненною блѣдностью.

— Да, продолжалъ Фебуфисъ,—я васъ поймалъ... я васъ открылъ, я теперь понимаю ваше поведеніе, и вотъ... вотъ...

— Что вы хотите?

— Ничего!.. Отъ васъ ничего... Поняли?

— Поняла.

— Прекрасно!.. Мнѣ не нужна герцогская любовница!

— Да!

— Да. Вы должны были, по крайней мѣрѣ, раньше мнѣ сознаться въ этомъ.

— Идите-жъ вонъ отсюда!.. Сейчасъ же вонъ, или... эта собака перекуситъ вамъ горло!

— Я вонъ... я?!

— Да, вы... Вонъ, сынъ приказчика моего дѣда!

— О, протянулъ Фебуфисъ, въ головѣ котораго его собственный павлинъ вдругъ распустилъ всѣ свои перья.— такъ вы вотъ какъ на меня смотрите! Я вамъ покажу, кто я!

И онъ, задыхаясь и колеблясь отъ гнѣва на ногахъ, пошелъ въ свою мастерскую, но онъ не легъ спать, — его пожирала простая физическая жажда мщенія, онъ сошелъ опять внизъ, взялъ изъ буфета двѣ бутылки шампанскаго и обѣ ихъ выпилъ, во все время безпрестанно волнуясь и то такъ, то иначе соображая свое положеніе. Онъ непремѣнно хотѣлъ что-то сдѣлать, и не зналъ, что ему дѣлать. Въ этомъ уплылъ остатокъ ночи и въ окнахъ сѣрѣлъ разсвѣтъ непогожаго дня.

Фебуфисъ сталъ приходить въ другое, мирное настроеніе: онъ чувствовалъ теперь потребность сказать женѣ, — холодно и не роняя своего достоинства,—что они навсегда будутъ чужды другъ другу, и рѣшить сообща съ нею, какъ имъ держать себя, пока они найдутъ наименѣе скандалезный выходъ. Это будетъ холодное, дѣловое объясненіе, но его надо сдѣлать немедленно, сейчасъ, чтобы ни онъ, ни она не предприняли ничего несоотвѣтственнаго порознь и чтобы съ сердца разомъ скорѣе сбросить то, что такъ тяжело и гадко.

Но двери ея спальни, конечно, опять уже заперты, и если она ихъ опять не отопретъ?.. Ему надо было, просто, уходя, вынуть ключъ, но онъ не догадался. Но онъ ее *заставитъ* отпереться. Онъ не будетъ стучать и ломиться, какъ ревнивый портной, а онъ ее убѣдитъ... онъ ее образумитъ. Такъ или иначе, она ему отопретъ и его выслушаетъ... А иначе... онъ сдѣлаетъ чортъ знаетъ что!

Онъ выпилъ еще залпомъ, одинъ за другимъ, два стакана шампанскаго, взялъ съ камина флаконъ со скипидаромъ и сталъ спускаться съ лѣстницы. Онъ не чувствовалъ себя пьянымъ и, въ самомъ дѣлѣ, онъ не былъ пьянъ. Онъ

ни скоро, ни тихо подошелъ къ женниной спальнѣ, которая, дѣйствительно, оказалась запертою, спокойно тронулъ ручку двери и произнесъ спокойнымъ голосомъ:

— Я прошу васъ меня извинить и не отказать мнѣ выйти ко мнѣ въ эту комнату: мы должны сейчасъ объясниться.

Гелія не отвѣчала.

— Я хочу знать, слышите ли вы, что я вамъ говорю?

— Слышу.

— Одѣньтесь и выйдите. Это важно для моей и вашей жизни.

Молчаніе.

— Я вамъ даю слово, что вы не услышите ни одного грубаго слова. Не бойтесь меня.

Ему слышалось, что она какъ-будто ходитъ и что-то дѣлаетъ, но на его слова не отвѣчаетъ.

— Я вамъ даю слово, что вамъ меня не должно бояться.

Она отвѣтила: «я не боюсь», и опять слышались ея шаги и движеніе.

«Она ждетъ служанку и хочетъ уйти другимъ ходомъ!»

Это его взбѣсило.

— Вы не отворите?! вскричалъ онъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, оставленныхъ ею безъ отвѣта.

Гелія снова молчала.

— А, въ такомъ случаѣ, я сейчасъ сожгу васъ въ вашемъ затворѣ.

Съ этимъ онъ плеснулъ скипидаромъ на портьеры и зажегъ ихъ и въ полномъ безуміи бросился къ другому выходу изъ спальни, но въ это же мгновеніе осажденная повернула ключъ и, открывъ двери, предстала къ пылающей рамѣ горящихъ портьеръ. Она была въ мантильѣ и въ платьѣ, съ головой, покрытой кружевною косынкой. Этого Фебуфисъ не ожидалъ и вскрикнулъ:

— Куда вы?

Она только смѣрила его глазами и сдѣлала шагъ впередъ.

Тогда онъ, забывъ все, кинулся, чтобы остановить ее, но она на все это была готова: она вынула изъ-подъ мантильи руку и подняла прямо противъ его лица маленькій, щегольской пистолетъ.

— Я этого не боюсь! вскричалъ Фебуфисъ.

— А я требую только, чтобы вы до меня не касались.

Изъ отуманенной бѣшенствомъ и, можетъ быть, отчасти виномъ головы Фебуфиса выскочилъ сразу весь планъ его мирныхъ и благородныхъ дѣйствій. Не успѣла его жена пройти черезъ залу, какъ онъ догналъ ее у второй двери и схватилъ ее сзади за мантилью. Гелія ударилась виском о рѣзной шпингалетъ и, вскрикнувъ отъ боли, рванулась и убѣжала... Въ рукахъ Фебуфиса осталась только ея мантилья. Жена ушла... стало пусто: на полу лежала большая золотая шпилька, вершка въ четыре длиной, какія носили по тогдашней модѣ, и на узорчатомъ шпингалетѣ двери вѣялись, тихо колеблясь, нѣсколько длинныхъ и тонкихъ, шелковистыхъ черныхъ волосъ.

Гелія выбѣжала изъ мужнина дома, какъ изъ разбойничьяго вертепа, въ одномъ платьѣ, и безотчетно пошла, какъ нѣкогда шелъ куда-то обиженный Пикъ. Она не замѣчала ни окружавшей ея стужи, ни вѣтра, который трепалъ ея прекрасные волосы и билъ въ ея красивое, негодующее лицо мелкими искрами леденистаго снѣга.

Въ умѣ Геліи было идти прямо къ герцогу и сказать ему:

— Защитите меня отъ обиды и если вы рыцарь,—какъ о васъ говорятъ, — скажите, что я не была вашею любовницей и отмстите за мою честь.

Она вѣрила, что она должна и можетъ это сказать, что она это непремѣнно скажетъ, и что онъ защититъ ее какъ рыцарь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Не давая себѣ отчета, хорошо или дурно она думаетъ, Гелія очутилась у герцогскаго замка. Выросши въ торговомъ городѣ, жившемъ болѣе во внѣшнихъ политическихъ сношеніяхъ съ Европой, чѣмъ съ своимъ правительствен-

нымъ центромъ, Гелія имѣла очень недостаточныя понятія о томъ, какъ можно и какъ нельзя говорить съ герцогомъ; но это и послужило ей въ пользу, или, быть можетъ, во вредъ, какъ мы увидимъ потомъ, при развитіи нашего повѣствованія.

Въ за́мкѣ и вокругъ за́мка герцога жизнь начиналась по-военному, то-есть очень рано, и въ тотъ ранній часъ, когда Гелія показалась у подъѣзда герцога, тамъ уже стояла запряженная для него лошадь.

Гелія пошла прямо къ подъѣзду и стала у колонны. Дежурившій у подъѣзда офицеръ настоятельно просилъ ее удалиться и особенно указалъ ей на сопровождавшую ее собаку.

Гелія слабо понимала рѣчь того языка, на которомъ говорили въ столицѣ герцогства, но поняла указанія на Рапо̀ и нетерпѣливо взглянула на него глазами.

Тяжелый и сильный звѣрь поднялся и пошелъ прочь за уголъ главной площадки за̀мка.

— И вы сами тоже должны удалиться, сказалъ офицеръ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ настоять на этомъ, массивная дверь быстро распахнулась и появился герцогъ. Гелія къ нему бросилась, какъ дитя и, въ то же время, какъ увѣренная въ своемъ достоинствѣ женщина.

Герцогъ остановился: вѣтеръ сильно перебивалъ ея лепетъ.

Она говорила, но онъ не понималъ ея и... не узналъ ея.

Она въ отчаяніи закрыла лицо руками.

Герцогъ еще отодвинулся и приложилъ ладонь надъ глазами.

Гелія упала на колѣни и на этотъ разъ твердо сказала:

— Молю васъ, спасите!

— Что нужно? спросилъ грозно герцогъ.

И въ этотъ же мигъ онъ узналъ Гелію и ужаснулся.

— Это вы, Гелія! Что съ вами случилось?

И онъ подался къ ней ближе и закрылъ ее отъ вѣтра и снѣга полою своего плаща.

— Ваша свѣтлость! — простонала она, — была ли я вашею любовницей? — и, зарыдавъ, она не могла продолжать далѣе.

Герцогъ замѣтилъ, что она шатается, и подхватилъ ее подъ руки.

— Кто смѣлъ сказать это?

— Вы меня выдали замужъ, произнесла Гелія.

— Ну, да!.. Что-жъ дальше?

Гелія протянула къ герцогу руку, въ которой былъ пистолетъ, и сказала:

— Прикажите скорѣе взять меня въ тюрьму.

— За что?

— Я сейчасъ хотѣла убить моего мужа.

— За что?

Она плакала.

— Говорите скорѣе, за что?

— Онъ хотѣлъ меня сжечь, — онъ обращается со мною какъ разбойникъ!

И, произнося каждое слово, она колебалась на ногахъ и вдругъ совсѣмъ пошатнулась въ сторону.

Герцогъ плотнѣе прикрылъ ее плащомъ и сказалъ:

— Смотрите... правда ли это?

Вмѣсто отвѣта, Гелія взяла холодною рукой руку герцога и приблизила ее къ своей головѣ.

На бѣлой замшевой перчаткѣ герцога остались капля крови и нѣсколько глянцовитыхъ и тонкихъ черныхъ волосъ.

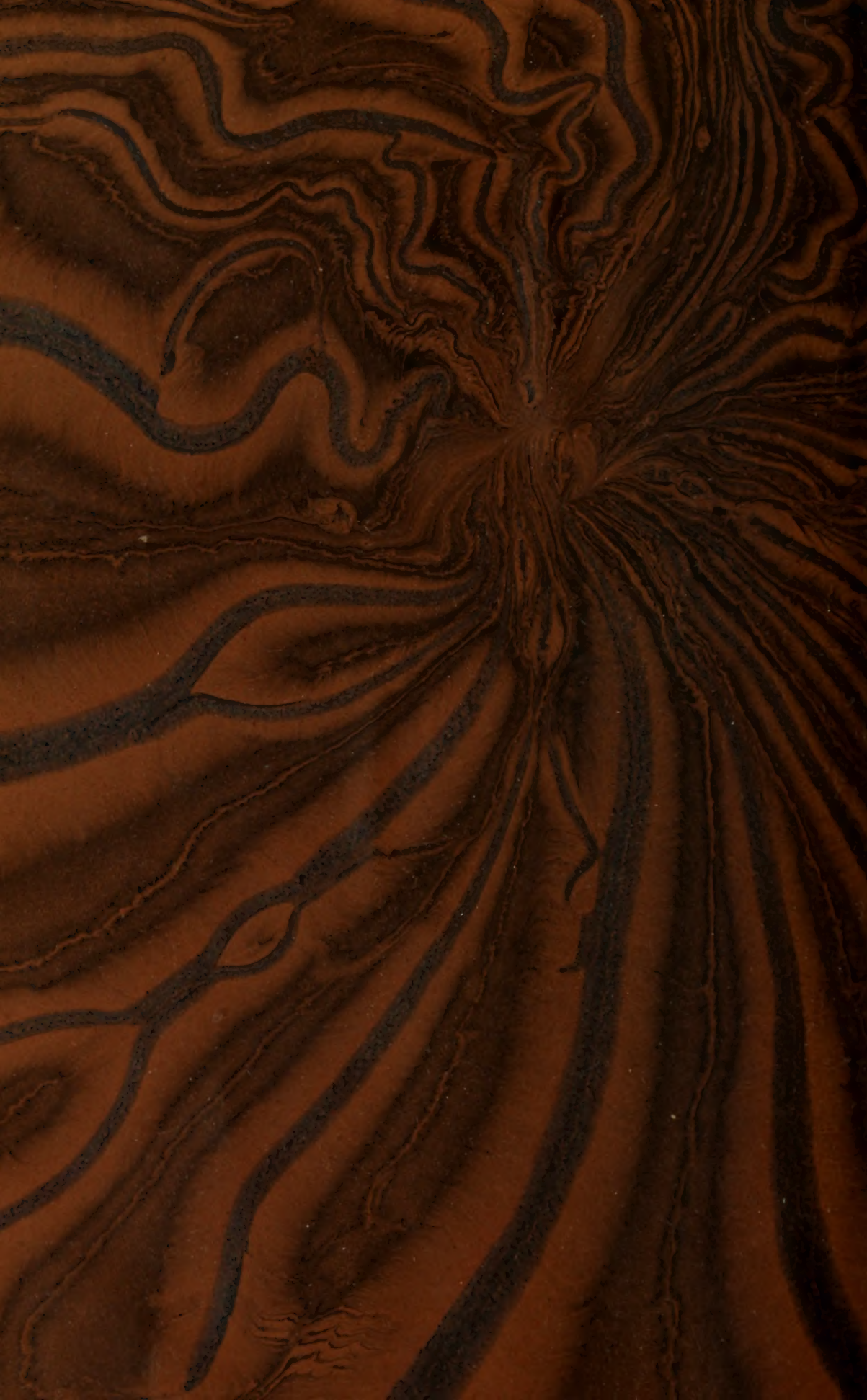
Изъ груди его вырвался звукъ ужаса и негодованія.

— Злодѣй! вскричалъ герцогъ, онъ будетъ страшно наказанъ.

Съ этими словами, задыхаясь и сверкая глазами, разгнѣванный герцогъ всхлипнулъ и потомъ отечески обнялъ молодую красавицу, и, почувствовавъ, что она падаетъ, поднялъ ее, какъ дитя, на руки, поцѣловалъ въ темя и съ этою ношей возвратился назадъ въ двери замка.

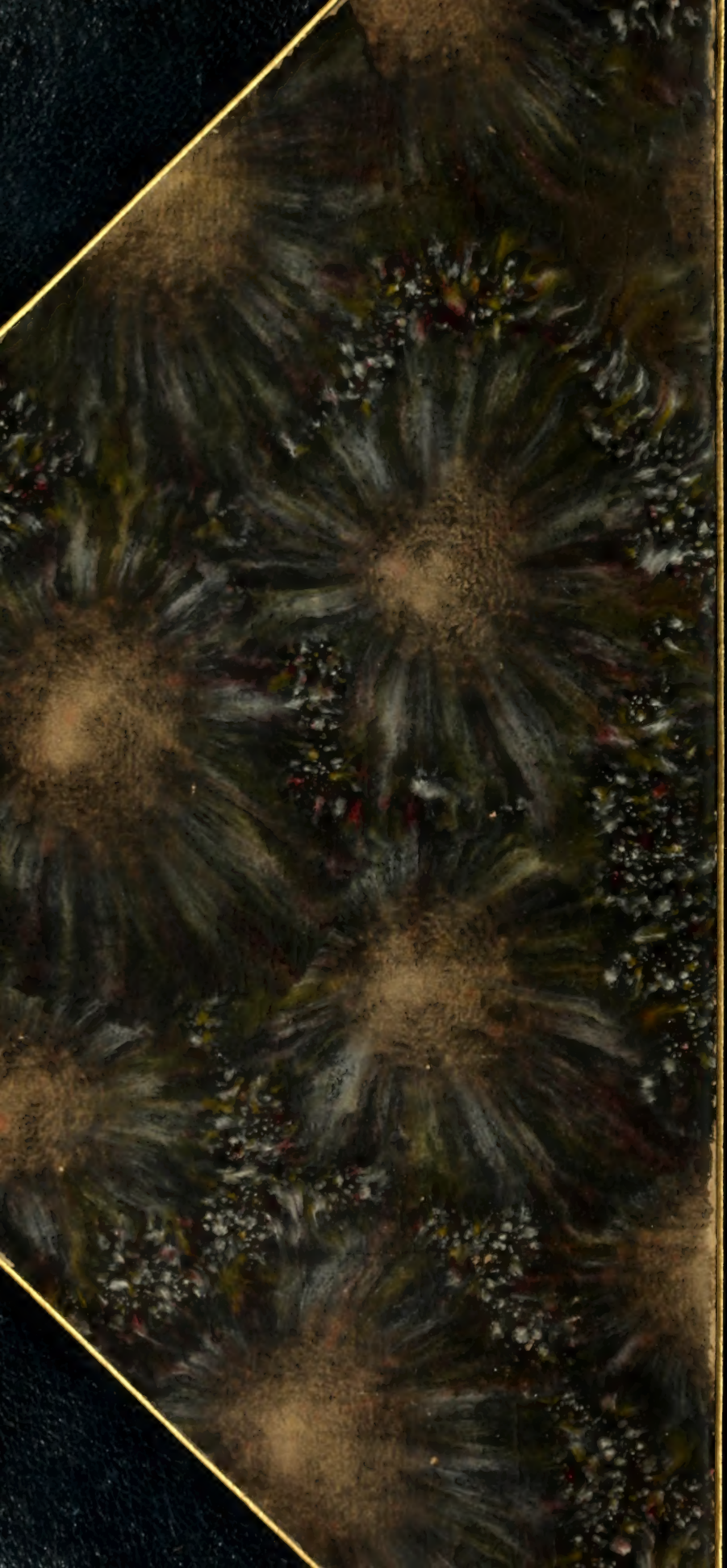
Оглавленіе X тома.

	стр.
Гора. Египетская повѣсть	1
Легенда о совѣстномъ Данилѣ	103
Повѣсть о богоугодномъ дровоколѣ	124
Прекрасная Аза	130
Скоморохъ Памфалонъ	144
Левъ старца Герасима. Восточная легенда	211
Аскалонскій злодѣй. Происшествіе въ Иродовой темницѣ	221
Сказаніе о Осдорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ	289
Печерскіе антики. Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній	318
Чортовы куклы. Главы изъ неоконченнаго романа	418



| 5 | 9

emenovich
ie сочиненій.

e sobranie sochineny.

AME OF BORROWER.